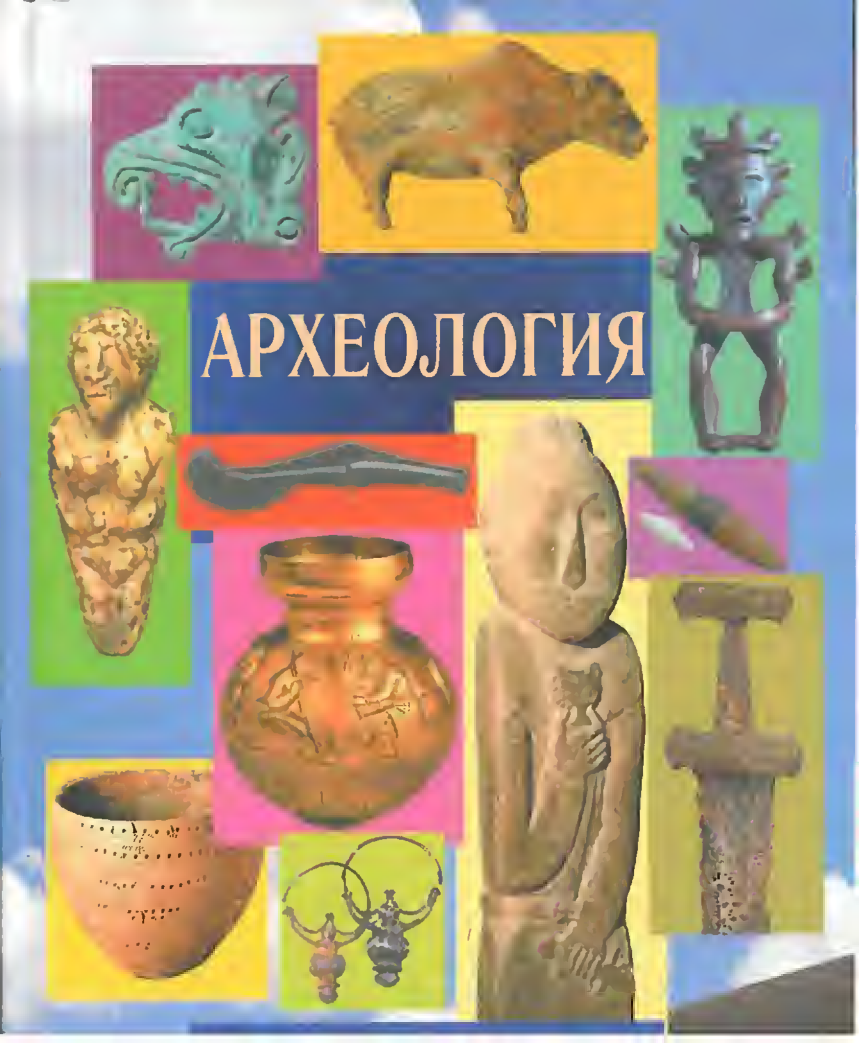
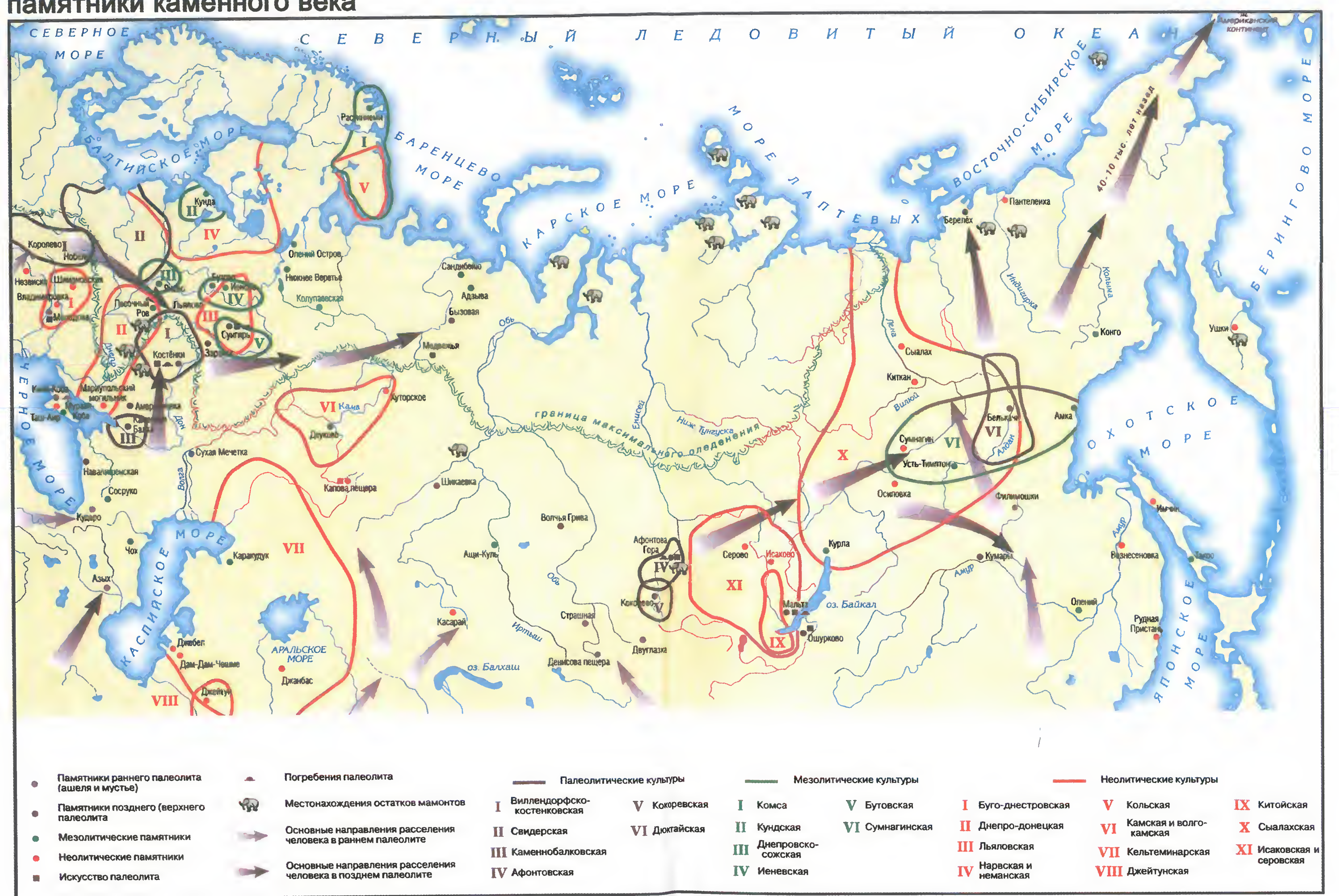

АРХЕОЛОГИЯ

памятники каменного века

Памятники раннего палеолита (ашеля и мустье)
Памятники позднего (верхнего палеолита
Мезолитические памятники
Неолитические памятники
Искусство палеолита
Погребения палеолита
Местонахождения остатков мамонтов
Основные направления расселения человека в раннем палеолите
Основные направления расселения человека в позднем палеолите

Палеолитические культуры
I Виллендорфско-костенковская
II Свидерская
III Каменнобалковская
IV Афонтовская
V Кокоревская
VI Дюктайская

Мезолитические культуры
I Комса
II Кундская
III Днепровско-сожская
IV Иеневская
V Бутовская
VI Сумнагинская

Неолитические культуры
I Буго-днестровская
II Днепро-донецкая
III Льяловская
IV Нарвская и неманская
V Кольская
VI Камская и волго-камская
VII Кельтеминарская
VIII Джейтунская
IX Китойская
X Сыалахская
XI Исаковская и серовская

УДК 902
ББК 63.4
А87

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Рецензенты:

Отдел археологических памятников Государственного Исторического музея (зав. отделом канд. истор. наук *И.В. Белоцерковская*),
докт. истор. наук, проф. *Л.В. Конькова* (РГГУ)

Иллюстрации на переплете:

Бронзовая бляха в виде головы грифона. ***Скифская культура.***
Статуэтка бизона из бивня мамонта. ***Верхний палеолит Восточной Европы.***
Бронзовый идол из Галичского клада. ***Эпоха поздней бронзы.***
Женская статуэтка из бивня мамонта. ***Верхний палеолит Сибири.***
Нефритовый топор из Бородинского клада (***под Одессой***) эпохи поздней бронзы.
Кремневые наконечники стрел. ***Неолит.***
Керамический сосуд. ***Неолит Восточной Европы.***
Электровый сосуд с изображением скифов из кургана Куль-Оба ***в Крыму.***
Каменная портретная скульптура. ***Тюркский каганат. VI–VIII вв. Сибирь.***
Серебряные позолоченные славянские серьги ***X–XI вв.***
Железный меч каролингского типа. ***Древняя Русь, X в.***

Археология: Учебник / Под редакцией академика РАН В.Л. Янина. —
А87 М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. — 608 с.
ISBN 5-211-06038-5

Учебник отражает современное состояние археологии как особой отрасли исторической науки, раскрывает ее специфическую методику, формирует у студентов представление об истории тех регионов и эпох, прошлое которых реконструируется преимущественно или исключительно на основе вещественных, а не письменных источников. Учтены важнейшие археологические открытия последних лет, новые методы изучения и датирования находок.

Для студентов исторических факультетов высших учебных заведений.

УДК 902
ББК 63.4

ISBN 5-211-06038-5

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел III

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (*А.Р. Канторович*)

Раздел IV

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебник «Археология» адресован в первую очередь студентам исторических факультетов высших учебных заведений Российской Федерации. Согласно Государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования, утвержденному Министерством образования Российской Федерации 17 марта 2000 г., учебная дисциплина «Археология» относится к **федеральному компоненту общепрофессиональных дисциплин** и входит в основную образовательную программу выпускника по специальности «История».

Настоящий учебник подготовлен на кафедре археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова под редакцией заведующего кафедрой археологии академика РАН В.Л. Янина. Коллектив авторов составили сотрудники кафедры археологии исторического факультета МГУ (проф. Н.Б. Леонова, проф. Н.В. Рындина, проф. А.С. Хорошев, с.н.с. Т.А. Пушкина, доц. А.Р. Канторович), а также специалисты Института археологии РАН (с.н.с. С.В. Кузьминых, в.н.с. И.Л. Кызласов) и Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН (с.н.с. А.Д. Дегтярева).

Учебник «Археология» опирается на традиции, заложенные учебниками выдающихся отечественных ученых, профессоров кафедры археологии исторического факультета МГУ Артемия Владимировича Арциховского (Основы археологии. М., 1954) и Даниила Антоновича Авдусина (Археология СССР. М., 1967, 1977; Основы археологии. М., 1989). Вместе с тем в данном учебнике нашли отражение результаты раскопок и исследований последних лет, открывших множество замечательных памятников всех крупнейших культурно-технологических эпох человеческой истории. Прогресс археологической науки выразился во введении в научный оборот и широком применении новых методов изучения и датирования находок. Вследствие этого на протяжении последних лет во многом изменилось понимание природы исторических процессов, протекавших на фоне каменного, бронзового и железного веков. Иными словами, за период, прошедший с момента издания последнего учебника Д.А. Авдусина. значительно модифицировались и теория. и практика археологии. Естественно, авторы стремились отразить эти новые реалии в данном учебнике.

Концепция, положенная в основу вышеназванных учебников А.В. Арциховского и Д.А. Авдусина, — характеризовать археологическую науку преимущественно на базе материалов с территории СССР — в нынешних условиях представляется нецелесообразной. Вместе с тем неприемлемо и освещение достижений археологии лишь в пределах нынешней территории Российской Федерации, ибо это не соотносится с масштабностью исследований отечественных археологов, лишает читателей необходимого кругозора и не позволяет полностью охарактеризовать целый ряд крупных древних культурно-исторических образований, «разрезанных» современными государственными границами. Вследствие этого в данном учебнике, с одной стороны, основное внимание уделяется регионам, традиционно изучавшимся российскими и советскими археологами, и соответственно базу изложения по-прежнему составляют археологические данные с территории бывшего СССР. С другой стороны, характеризуются и определенные регионы за его пределами — в первую очередь те, археология которых неразрывно связана с археологией территории СССР. В известной мере это означает возвращение к концепции первоначального курса лекций А.В. Арциховского «Введение в археологию», издававшегося в 1940, 1941, 1947 гг., но с указанными ограничениями и на новом, более обширном материале. Таким образом, авторы преследовали две цели: во-первых, **дать общую характеристику археологии как особой отрасли исторической науки со специфической методикой**, во-вторых, **сформировать у студентов-историков комплексное представление о доисторических эпохах и об истории тех регионов, прошлое которых реконструируется преимущественно или исключительно на основе вещественных, а не письменных источников**. Тем самым учебник призван существенно дополнить информацию, получаемую студентами в рамках других исторических курсов — истории первобытного общества, древнего мира, средневековой истории Отечества и др., причем дополнить теми фактами и концепциями, которые, в силу своей археологической специфики, остаются, как правило, за рамками этих базовых курсов.

Содержание учебника в целом соответствует предварительно разработанной его авторами и опубликованной программе курса «Основы археологии», рассчитанной на один учебный семестр, согласно существующей ныне в вузах Российской Федерации лекционной практике (при отсутствии такого ограничения со стороны Министерства образования РФ)[1]. Вместе с тем объемные задачи, обусловленные требованиями Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, и новые открытия, сделанные в самое последнее время, заставили авторов расширить тематические рамки, установленные этой программой. Авторы исходят из того, что при использовании предлагаемого учебника в процессе преподавания дисциплины «Археология» студентам в различных регионах Российской Федерации основное внимание, наряду с общей характеристикой археологических эпох, задач и методов археологического исследования, будет уделяться темам, связанным с археологией и историей соответствующих регионов.

Авторы выражают глубокую благодарность всем, чьи советы, рекомендации и содействие способствовали написанию данного учебника, и в первую очередь Ю.Л. Щаповой, И.В. Яценко, Л.Р. Кызласову, Е.А. Рыбиной, Е.А. Поповой, Е.А. Виноградовой, М.Г. Мошковой, С.А. Плетневой, М.Д. Полубояриновой, Н.Н. Тереховой, Н.Б. Черных, Е.Н. Черных, С.А. Агапову, Е.Е. Антипиной, Е.Ю. Лебедевой, Е.А. Спиридоновой, В.Р. Эрлиху, С.А Коваленко, А.М. Обломскому, И.О. Гавритухину. Н.А. Кренке, К.В. Чугунову, Н.Я. Мерперту, А.Н. Гею, С.Н. Кореневскому, М.В. Андреевой, П.Н. Кожину, Е.В. Переводчиковой, А.С. Балахванцеву, И.Ю. Стрикалову и др.

[1] См.: Историческое образование. Программы общих курсов. Часть первая. М.: Исторический факультет Московского университета, 2001.

ВВЕДЕНИЕ

Историческая наука основывается на исследовании двух основных типов источников — письменных и вещественных. **Археология — отрасль исторической науки, изучающая прошлое человечества преимущественно на основе вещественных исторических источников, или археологических памятников в широком смысле слова.** К вещественным источникам относятся как конкретные древние предметы, так и конструкции, сооружения, всякие следы и следствия человеческого труда и какой-либо антропогенной деятельности. Необходимость археологии в первую очередь обусловлена наличием периодов, сторон или явлений человеческой истории, не отраженных в письменных источниках или в устной информации.

Основные виды крупных археологических памятников — это остатки поселений и погребений, мастерских, святилищ и иных культовых объектов, а также клады и т.д.

Поселения могут иметь оборонительные сооружения (укрепления), в археологии остатки таких поселений именуются «городищами». Остатки неукрепленных поселений именуются «селищами», если создавались в эпоху, когда человечество уже знало фортификацию, или же «стоянками», если относятся к тем древнейшим эпохам, когда никаких укрепленных поселений еще не было. При исследовании всех поселений основной интерес составляет изучение так называемого ***культурного слоя***, т.е. исторически сложившейся системы напластований органических и неорганических остатков (в том числе вещей, материалов, остатков сооружений и т.д.), образовавшихся в результате жизнедеятельности человека.

Погребения могут быть единичными или располагаться группами, составляя могильники. Погребения могли совершаться под курганами или без курганного перекрытия, соответственно в археологии различают курганные и бескурганные («грунтовые») могильники. Наряду с курганами известны и иные надмогильные конструкции.

Как правило (хотя и не всегда), исследовать вышеперечисленные памятники, получить вещественные источники удается в основном с помощью раскопок. Во всяком случае, большинство из ныне известных вещественных источников в момент их обнаружения находились в земле, в ископаемом состоянии, или, реже, под водой. Поэтому выявление археологических памятников и их раскопки в научных целях с соблюдением определенной методики — неотъемлемая часть археологического исследования.

Археология, таким образом, — это не только теория, но и неразрывно связанная с ней практика (подобно медицине или геологии). В целом, как вид научной деятельности археология включает: полевые исследования, камеральные (лабораторные) работы по описанию и изучению вещественных источников, анализ этих источников с помощью различных методов (как собственно археологических, так и привлекаемых из других наук) и, наконец, реконструкцию исторических событий, явлений и процессов на основании полученных выводов. Иными словами, археология — наука как кабинетная, так и полевая, аналогично этнологии и этнографии.

Современное понимание слова «археология» несколько отличается от того первоначального значения, которое придавали ему древние греки. Между тем именно им человечество обязано введением данного термина в бытовой, а впоследствии и в научный оборот («архайос» — древний, «логос» — учение, слово). В частности, у Платона, в произведениях которого мы встречаем одно из наиболее ранних упоминаний понятия «археология», этот термин присутствует в значении «рассказов о старине»[1].

В платоновском диалоге «Гиппий Больший» (гл. 285) софист Гиппий сообщает, что лакедемоняне (спартанцы) слушали рассказы «о родословных героев и людей, о переселениях, т.е. о том, как в старину основывались города, и вообще о всей археологии».

В сходном значении рассказов о древностях, о давних временах употребляли слово «археология» и другие античные авторы, вовсе не имея при этом в виду науку о древнейшей части истории человечества и тем более раскопки и изучение раскопанного.

Впоследствии, в XVIII в., данный термин был возрожден западноевропейским искусствознанием в значении «описание памятников античного искусства». В России в XIX в., как и в Западной Европе, содержание этого термина также не вполне соответствовало его современному пониманию. Не только в популярной периодике, но и в профессиональной среде «археология» означала тогда любые сведения о предметах старины и вообще о древности, даже не очень глубокой.

Так, в 1809 г. в программе Московского университета появился курс «археологии и истории изящных искусств», а впоследствии здесь же была создана кафедра «теории изящных искусств и археологии». В 1869 г. в своем докладе «Судьбы археологии в России» на I археологическом съезде в Москве известный историк М.Н. Погодин, определив археологию как «науку, учение о древностях», утверждал далее: «Археология имеет своим предметом преимущественно памятники вещественные, но во многих отношениях нельзя отделять от них не только памятники письменные, но и устные, бытовые... Да, памятники вещественные, устные, бытовые, письменные имеют тесную связь между собой и разделены быть не могут». Показательна и программа съезда. В раздел «Археология русская» входят «юридические древности», «церковное русское пение», «народное мирское пение и собственно музыка».

[1] Мелким шрифтом здесь и далее в учебнике выделяется дополнительная информация.

И ныне понятие «археология» трактуется неоднозначно. Ряд ученых, в особенности за рубежом, применяет данный термин преимущественно к полевой и камеральной практике — к раскопкам, к описанию и непосредственному анализу вещественных источников. В этом случае отрасль исторической науки, использующая и обобщающая результаты этих работ, именуется *доисторией* и *протоисторией*. Под доисторией понимают весь период существования человечества до возникновения письменности и исследование соответствующего периода. Под протоисторией подразумевается прошлое и изучение прошлого тех конкретных территорий, население которых либо совсем не знало письменности (хотя письменность в других районах уже существовала), либо же письменных данных в отношении указанных регионов крайне недостаточно для реконструкции исторической картины. В любом случае основную информацию для восстановления доисторической и протоисторической ситуации дают вещественные источники — т.е. источники, в большинстве своем получаемые в результате археологических раскопок.

Каковы **пространственно-временные рамки объекта археологического исследования**? Археология изучает все географические зоны, в которых встречаются какие-либо остатки человеческой деятельности. Хронологические границы исторического периода, являющегося объектом внимания археологической науки, достаточно условны. Здесь действует следующий принцип: использование археологических методов исследования — как полевых, так и кабинетных — считается целесообразным постольку, поскольку письменные источники отсутствуют или являются недостаточными для реконструкции исторической картины (ср. выше понятия «доистория» и «протоистория»). Таким образом, в круг внимания археологии попадают находки от времени первых человекообразных существ, занимавшихся производственной деятельностью (т.е., по последним данным, приблизительно от 3 млн лет тому назад), до XIV–XVI вв. При этом финальная граница для археологического исследования определенных человеческих сообществ может быть и иной — более ранней или, реже, более поздней. Первое происходит в случае обилия письменных источников, второе — когда изучается история недавно еще бесписьменных обществ, например народов крайнего севера Евразии и Америки. В последнем случае вещественные остатки могут являться основными источниками исторической информации вплоть до XX в., причем такого рода археологические исследования неразрывно связаны с этнографическими и носят название «этноархеология». Однако в целом, чем ближе к современности, тем меньшую роль играет археология, поскольку с течением времени возрастает объем письменных источников, их разнообразие и полнота.

* * *

В основе **археологической периодизации** истории человеческого общества лежит так называемая система трех «веков», или трех последовательных эпох (век камня — век бронзы — век железа), основанная на смене сырьевых материалов, преобладавших при производстве орудий труда и

оружия. Первым научно обосновал эту систему датский археолог К.Ю. Томсен, выпустивший в 1836 г. книгу под названием «Путеводитель по северным древностям».

Вместе с тем, сам принцип деления исторического процесса на макроэпохи по названиям преобладающих сырьевых материалов имеет долгую предысторию. Он уходит корнями в древнейшие мифологические представления, прежде всего в древнегреческие, где эта эволюция эпох основывалась преимущественно на философско-этических критериях. Это означает, что определяющим было «моральное качество» той или иной эпохи, которое соответствовало ценности господствовавшего тогда, по мнению древних, сырьевого материала. Истоком этих представлений, очевидно, явилась древняя общечеловеческая идея «золотого века» — века абсолютной гармонии, начальной точки в человеческой истории. Нравственное достоинство последующих эпох убывало по мере снижения качества символизирующих их металлов.

Впервые такая продуманная концепция эволюции человечества, основанная на философско-этических соображениях, но учитывающая и производственно-технологические показатели, была сформулирована в конце VIII — начале VII в. до н.э. знаменитым греческим поэтом Гесиодом в поэме «Труды и дни».

Изначальная, безмятежная эпоха, во время которой на земле жило идеальное «поколенье людей золотое», сменилась, по Гесиоду, более ущербной эпохой «поколенья другого, уж много похуже, из серебра», вслед за чем появилось поколение медных людей, у которых «были из меди доспехи», «из меди жилища»; эти люди «медью работы свершали: никто о железе не ведал». Затем наступил век героев и, наконец, наиболее уязвимый в нравственном отношении железный век, современником которого именует себя Гесиод (Труды и дни, стрк. 109–201. Пер. *В.В. Вересаева*).

Эту традицию продолжил в самом начале I в. н.э. великий римский поэт Публий Овидий Назон в «Метаморфозах». Его схема такова: золотой — серебряный — медный — железный века, последовательная смена которых ведет к моральной деградации людей, после чего наступает всемирный потоп, уничтожающий человечество, возрождаемое впоследствии Девкалионом и Пиррой.

В данном случае важно, что и у Гесиода, и у Овидия — при всей мифологичности их концепций — содержится исторически верное наблюдение о смене медного века железным.

Напротив, в исторической концепции знаменитого римского поэта Тита Лукреция Кара решающими стали не моральные, а культурно-технологические показатели. В первой половине I в. до н.э. в поэме «О природе вещей» им была предложена близкая к реальности схема человеческой истории: каменный — медный — железный века.

По Лукрецию, в человеческой истории нет места золотому и серебряному веку (см.: О природе вещей, кн. V, стрк. 925–1027). При этом поэт полагает, что люди некогда пытались использовать золото и серебро в качестве основных сырьевых материалов. Обращаясь к последствиям пожаров, возникавших в природе из-за естественных или искусственных причин, Лукреций указывает:

Но какова б ни была причина того, что пожаром
С шумом зловещим леса пожирало горячее пламя
До основанья корней, — только недра земли распалялись,
И, в углубленья ее собираясь, по жилам кипящим
Золото, медь, серебро потекли раскаленным потоком
Вместе с ручьями свинца. А когда на земле появились
Слитки застывшие их, отливавшие ярко, то люди
Начали их поднимать, плененные глянцем блестящим,
И замечали при том, что из них соответствует каждый
В точности впадине той, которая их заключала.
Это внушило ту мысль, что, расплавив, металлы возможно
В форму любую отлить и любую придать им фигуру;
И до любой остроты и до тонкости также возможно
Лезвий края довести, постепенно сжимая их ковкой,
Чтобы оружье иметь и орудья для рубки деревьев,
Чтобы обтесывать лес и выстругивать гладкие брусья,
Чтобы буравить, долбить и просверливать в дереве дыры.
Это они **серебром или золотом** делать пытались
Так же сначала, как силой могучей и мощною меди.
Тщетно: **слабей была стойкость у этих металлов, и с медью**
Вровень они не могли выдерживать грубой работы.
Ценной была тогда медь, а золото было в презренье...

(*О природе вещей, кн. V, стрк. 1252–1275.*
Пер. Ф.А. Петровского; выделено нами. — Авт.).

Но далее Лукреций фактически опять возвращается к истокам человеческой истории, отмечая:

Древним оружьем людей были руки, ногти и зубы,
Камни, а также лесных деревьев обломки и сучья,
Пламя затем и огонь, как только узнали их люди.
Силы железа потом и меди были открыты,
Но применение меди скорей, чем железа, узнали <...>.
Медью и почву земли бороздили, и медью волненье
Войн поднимали, и медь наносила глубокие раны:
Ею и скот, и поля отнимали: легко человекам
Вооруженным в бою безоружное все уступало.
Мало-помалу затем одолели мечи из железа,
Вид же из меди серпа становился предметом насмешек;
Стали железом потом и земли обрабатывать почву
И одинаковым все оружием в битвах сражаться.

(*Там же, кн. V, стрк. 1283–1287, 1289–1296; выделено нами. — Авт.*).

Именно традиция, основанная Лукрецием, нашла логическое завершение в вышеупомянутых работах Томсена, равно как и его ученика Й.Я. Ворсо. В дальнейшем система «трех веков» совершенствовалась как в целом (развивалась внутренняя периодизация каждой из трех эпох, формировалась и уточнялась хронология, пересматривались взгляды на переходные периоды от одной эпохи к другой), так и в применении к конкретным регионам. В частности, основополагающую роль для приложения этой периодизации к археологическим памятникам российской территории сыграли труды выдающегося отечественного археолога Василия Алексеевича Городцова.

Заметим, что смена основного материала в конечном счете сопровождается и значительными изменениями в экономике древних обществ, в их социальной организации и, в какой-то мере, в политической системе. При этом границы между макроэпохами весьма условны. Достаточно сказать, что еще в конце каменного века (например, в Карелии) начали использовать самородную медь, воспринимавшуюся вначале тоже как камень, а в раннем бронзовом веке (например, на юге Восточной Европы и в Саяно-Алтае) — делать некоторые вещи из метеоритного железа. Поэтому обычно выделяют переходные периоды от каменного века к бронзовому и от бронзового века к железному. При этом на различных территориях эти эволюционные процессы шли с разной скоростью.

* * *

Как полевые, так и кабинетные археологические исследования имеют свою особую специфику.

Полевые исследования в археологии включают выявление (разведку), описание и непосредственное изучение памятников с помощью раскопок или неразрушающими методами. Методика полевых исследований — специальная археологическая дисциплина, характеристика которой нецелесообразна в рамках данного учебника, призванного дать общее представление об основах археологии.

Основным кабинетным методом в археологии является ***сравнительно-типологический***. Основные принципы этого метода в ходе практической музейной работы по построению хронологических систем сформулировали в конце XIX в. шведские археологи Оскар Монтелиус и Ханс Хильдебранд, а также независимо от них — английский археолог и этнограф Огастес Генри Питт-Риверс. Значительную роль в совершенствовании типологического метода сыграли исследования В.А. Городцова в 20–30-е гг. XX в.

Типологический метод предназначен прежде всего для организации археологического материала и состоит в выделении и исследовании типов древних вещей. Типом в археологии большинство исследователей считают объективно существовавшую совокупность вещей, которые сходны по назначению, материалу и форме (иногда учитывается и орнамент), но могут различаться между собой в менее существенных деталях. Понятие «тип» применяют и к характеристике таких археологических объектов и явлений, как постройки (жилища, оборонительные сооружения, святилища и др.), погребальные конструкции, погребальный обряд и т.д. Всякий тип определяется устойчивым сочетанием существенных признаков.

На основе типологии может прослеживаться эволюция ископаемых предметов во времени и в пространстае. При этом выявляется усложнение или упрощение, совершенствование или угнетение каких-либо типоопределяющих признаков, которое может происходить под влиянием функциональных, идеологических (в том числе ритуальных) или эстетических

факторов, либо в угоду моде или же, наконец, в силу совокупности каких-либо из этих причин. Это может приводить к перерастанию одного типа в другой, что моделируется исследователями с помощью эволюционных рядов. Однако конкретный эволюционный ряд всегда нуждается в проверке независимыми показателями, в первую очередь стратиграфическими (см. ниже), или иными данными (взаимовстречаемость вещей данного типа в едином комплексе с вещами других типов, абсолютные хронологические привязки и т.д.).

Типологический метод применим ко всем видам археологических памятников — от отдельных предметов до поселений и погребений. Его логическое продолжение — ***выявление и исследование археологических культур.*** Понятием «*археологическая культура*» обозначается общность археологических памятников, объединенных в пространстве и времени сходными типами вещественных источников (в первую очередь таких, как керамика, погребения, жилища и др.). Многие исследователи, в том числе и авторы данного учебника, исходят из того, что всякая археологическая культура является неполным материальным отражением определенной историко-этнической общности или совокупности общностей. Вместе с тем, степень этого соответствия и даже сам его факт до сих пор составляют предмет дискуссий в археологической науке. Археологические культуры выявляются для хронологического отрезка от эпохи верхнего палеолита по Средневековье включительно.

Археологические культуры могут группироваться в *культурно-исторические общности* и *области* (понятие «общность» в данном случае предполагает более тесные этнокультурные связи, нежели «область»). Это многокомпонентные культурные образования со сходными закономерностями развития материальной культуры, которые в ряде случаев совпадают с границами природно-географических зон. Их типологическое сходство могло быть обусловлено — на разных этапах исторического развития — различными причинами: экологическими, экономическими, социальными, этническими или несколькими сразу. Границы между культурно-историческими общностями/областями являются чаще размытыми (когда археологические памятники в их пограничье почти неотличимы друг от друга) или, реже, четко выраженными (когда соседствуют типологически контрастные археологические культуры). Та или иная культурно-историческая общность может на основании ретроспективных лингвистических исследований отождествляться с определенной этноязыковой общностью (например, древнеямная — с индоевропейской, саргатская — с угорской).

Помимо археологических культур с четко очерченным ареалом типологически сходных памятников, археологи сталкиваются с иными культурными образованиями, которые именуются термином «*транскультурный феномен*». Таков, к примеру, сейминско-турбинский феномен позднего бронзового века, памятники которого разбросаны по громадным территориям Северной Евразии, занятым множеством культур; сейминско-турбинские популяции входили в контакты с населением этих культур, но их «собственной», только ими занятой, территории очертить не удается. Подобные культурные образования могли быть оставлены только подвижными, динамичными популяциями.

Возвращаясь к кабинетным методам в археологии, отметим также методы, связанные с определением назначения и функций древних вещей путем выявления следов работы на них (трасология), с изучением способов производства вещей (металлография, спектральный анализ, петрография и т.д.), с реконструкцией природных условий функционирования древних сообществ (метод спорово-пыльцевого анализа).

Под трасологией понимается метод, анализирующий следы человеческой деятельности, оставшиеся на поверхности древних орудий труда и объектах, подвергшихся обработке этими орудиями. Трасологический метод имеет два направления в изучении орудий труда: микротрасологию и макротрасологию, конечная цель которых — определение функций орудий и реконструкция хозяйственных систем древности.

Металлография, или структурный анализ, позволяет выявить технологические приемы изготовления металлических изделий. В зависимости от методов обработки и от качества металла медь, бронза и железо приобретают различную структуру. Основа анализа — исследование шлифа под микроскопом, в ходе которого выявляются особенности кристаллического строения металла на различных участках изделия.

Спектральный анализ в археологии применяется для выявления химического состава меди и ее сплавов, реже железа, золота, серебра и других металлов, а также стекла и изредка керамики. При изучении цветного металла с его помощью выявляются технологические рецепты (типы сплавов). Иногда возможно и выяснение рудных источников исследуемой меди и других компонентов бронзы.

Петрографический анализ разработан в геологии и применяется в археологии для определения пород камня, а также для анализа силикатов. При изучении каменных изделий он позволяет выявить особенности месторождений и их локализацию. Для археолога важно знать, где добыт камень и какими путями он мог попасть на исследуемый памятник. С помощью петрографического анализа при изучении керамики определяется характер глины и ее естественных минеральных и искусственных примесей. Это позволяет выяснить технологию керамического производства, а также различать разные керамические рецепты, а иногда и центры производства отдельных групп керамики.

Метод спорово-пыльцевого анализа позволил существенно дополнить картину жизни древних обществ. Пыльца растений сохраняется в составе той почвы, которая оказывается почему-либо перекрытой более поздними наслоениями — например, курганной насыпью. Выделив зерна пыльцы из пробы, исследователь имеет возможность определить видовой состав растительности для данной местности, например, в период функционирования изучаемого поселения или создания курганной насыпи. Изучая многослойные поселения или слои городской застройки, можно выявить динамику изменения растительного состава в том или ином регионе.

Большая группа кабинетных археологических методов связана с важнейшей проблемой археологии — проблемой датирования исследуемых источников. Датирование может быть относительным и абсолютным. В первом случае определяется хронологическая последовательность тех или иных событий вне связи с какой-либо шкалой абсолютного отсчета времени. Во втором случае события соотносятся с такого рода шкалой — в первую очередь с международно принятым летосчислением по солнечным годам до нашей эры и нашей эры — вплоть до конкретного года, столетия, тысячелетия и т.д.

Рассмотрим базовые принципы важнейших ***методов датирования*** в археологии.

Для *относительного датирования* применяются следующие основные методы:

- ***Стратиграфический метод***, состоящий в выявлении культурных отложений, порядка их чередования и в установлении хронологического соотношения между этими слоями. Данный метод основан на наблюдении, что определенное культурное отложение, находимое в земле выше другого, сформировалось позже него. Возможные исключения связаны с нарушением культурного слоя (перекопы, деятельность грызунов и т.д.).
- ***Сравнительно-типологический метод,*** описанный выше. Для относительной хронологии он применим в тех случаях, когда исследователям удается реконструировать эволюцию типов вещей или памятников во времени и тем самым определить, какие типы существовали раньше или позже других.
- ***Метод перекрестной датировки*** — это обоснование одновременности двух культурных групп или археологических культур в случае выявления контактов между их создателями, что доказывается наличием вещей одних и тех же типов в памятниках обеих этих групп.

Эти методы относительного датирования могут использоваться и для *абсолютного датирования*, если они сочетаются с соответствующими методами, основные из которых следующие:

- ***Датировка по письменным источникам*** состоит в привлечении письменных данных, имеющих точную хронологическую привязку. Это возможно, если в распоряжении исследователя имеется указание на дату того или иного памятника или изделия (например, данные летописи, титулатура или даже дата на найденной монете, надпись на предмете, полученном в результате раскопок, например на каменной стеле, металлической посуде, керамической амфоре и т.д.). Последнее, впрочем, бывает достаточно редко и не всегда в точности соответствует действительному моменту создания того или иного сооружения или моменту, когда данное изделие оказалось в погребении или в слое поселения.
- ***Естественно-научные методы,*** среди которых:

Дендрохронологический метод, основанный на том положении, что толщина древесного ствола каждый год увеличивается на одно, т.н. годичное, кольцо. Все годичные кольца одного дерева разнятся своей толщиной: при благоприятных условиях образуется толстое кольцо, при неблагоприятных — тонкое. При этом и сама толщина кольца, и ее соотношение с предшествующими и последующими кольцами могут быть установлены с высокой степенью точности. Поскольку колебания годичного прироста в рамках конкретной климатической зоны у деревьев одного биологического вида схожи, то, получив спилы со стволов, период жизни которых совпадает на каком-то отрезке времени, можно совместить последовательности их годичных колец и получить таким образом совокупную дендрохронологическую колонку, или шкалу. Эту шкалу можно протягивать в прошлое, используя последовательности годичных колец, полученные для более старших деревьев этого же вида.

Массовые находки бревен в культурном слое позволяют на основе взаимного сопоставления и наложения дендрошкал воссоздать историю колебаний годичных приростов у деревьев данной климатической зоны и использовать эту шкалу как эталон при дальнейших исследованиях ископаемой древесины. Особенно продуктивным оказывается здесь изучение древесины деревьев-долгожителей, таких, например, как секвойя и сосна остистая. Однако и для регионов, где нет таких видов, можно строить достаточно протяженные дендрошкалы за счет т.н. перекрестного наложения нескольких последовательных шкал. Ныне дендрохронологические шкалы выстроены для разных древесных пород и географических регионов Старого и Нового Света и охватывают период около 10 тыс. лет (от наших дней).

Для того чтобы конкретная шкала получила не только относительную, но и абсолютную хронологию, достаточно знать абсолютную (календарную) дату хотя бы одного из относящихся к ней колец. Если внешнее, финальное кольцо (год образования которого идентичен году рубки дерева) соотносится с какой-либо известной датой (например, с сообщением летописи о годе сооружения церкви, при строительстве которой был использован ствол данного дерева), то все кольца данного спектра получают абсолютную хронологическую привязку. Этот спектр, в свою очередь, становится источником абсолютного датирования для всей коррелируемой с ним дендрохронологической шкалы. В идеале такая шкала может быть доведена до современности и тем самым стать основанием абсолютного ретроспективного отсчета.

При отсутствии же абсолютных привязок многочисленные коррелируемые дендрохронологические колонки обеспечивают по крайней мере относительное датирование. Используя их, можно, например, определить хронологический диапазон между двумя ископаемыми древесными конструкциями в одной климатической зоне.

Однако дендрохронологический метод применим в основном для районов с заметными колебаниями климата и при условии хорошей сохранности древних бревен в культурных слоях.

Метод ленточных глин основан на том же принципе, что и дендрохронологический, поскольку каждому году соответствует отложение на дне озер и в зоне речного половодья двойного слоя глины определенной толщины, образующегося в результате гибели различных мелких организмов. Летом это тонкий и обычно светлый слой, зимой — толстый и чаще темный. Кроме того, сезонные слои, имеющие разную толщину, отражают и другие климатические колебания.

Применение данного метода носит ограниченный характер. Им непосредственно датируются лишь изменения в ледниках, на краю которых образовывались эти водоемы. Опосредованно можно датировать и археологические объекты, так или иначе связанные с ледниковыми колебаниями.

Непосредственно же датируются этим методом только те археологические объекты, которые почему-либо оказались перекрыты водоемами и соответственно ленточными глинами, например древние свайные поселения.

Радиоуглеродный, или радиокарбонный, метод. Как известно, помимо «нормального» углерода (С-12) и изотопа С-13 существует радиоактивный изотоп углерода С-14, постоянно образующийся в земной атмосфере из азота N-14 под действием космических лучей и постоянно попадающий наряду с С-12 в органическое вещество всего растительного и животного мира: растения получают его в составе углекислого газа при фотосинтезе, а животные и люди — по цепочке питания.

При жизни растительного или животного организма в его составе сохраняется та же, что и в атмосфере, постоянная пропорция между преобладающим обычным углеродом С-12 и изотопом С-14. Но с момента гибели данного организма эта пропорция нарушается в пользу С-12, ибо, перестав питаться, организм перестает воспринимать всякий углерод. Если содержание С-12 в составе организма после этого остается неизменным, то содержание изотопа С-14 (в силу его радиоактивности) начинает неуклонно уменьшаться. Период полураспада С-14, превращающегося в исходный азот N-14, объективно установлен соответствующими исследованиями (ранее считалось, что он составляет 5568 ± 30 лет, по новым уточненным данным — 5730 ± 40 лет). На этом основании и с учетом пропорции между С-12 и С-14 в современных живых организмах, исследуя ископаемые остатки какого-либо древнего организма (будь то кости или мягкие ткани животного или человека, остатки дерева и т.д.), можно определить, как давно в его составе началось нарушение постоянной пропорции между С-12 и С-14, т.е. когда наступила гибель данного организма. В таком случае можно установить, например, за сколько лет до момента проведения конкретного анализа было срублено дерево, использованное в конструкции древнего сооружения или для сожжения в погребальном костре. Можно высчитать, как давно было совершено захоронение человека или животного. Необходимо отметить, что радиокарбонные даты являются достоверными для объектов, древность которых не превышает 60 тыс. лет. При большем возрасте образцов они становятся ненадежными из-за незначительности содержания С-14.

Вместе с тем, в последние годы радиокарбонный метод подвергается серьезной корректировке, поскольку недавние исследования показали, что в силу изменчивости магнитного поля Земли, вариаций солнечной активности и других физических явлений концентрация С-14 в атмосфере и соответственно пропорция между С-14 и С-12 не являются неизменными. Абсолютная дендрохронологическая шкала, построенная на изучении годичных колец секвойи, показала, что в кольцах, соответствующих тысячному году до н.э., концентрация пришедшего из атмосферы С-14 оказалась выше его концентрации в современных годичных кольцах. В связи с этим радиокарбонные данные теперь пытаются поправить («калибровать»)

по дендрохронологическим таблицам, что представляется возможным на глубину до 8 тыс. лет. Впрочем, это также пока не привело к абсолютно достоверным результатам, ибо в ряде случаев калиброванные радиокарбонные даты оказываются несовместимыми с данными других методов датирования, в том числе письменных источников. Возможно, сама система калибровки требует совершенствования. Кроме того, для уверенной датировки того или иного памятника необходимо иметь серию дат. Поэтому в силу дискуссионности этой проблемы в данном учебнике радиокарбонные датировки приведены в основном в традиционном, некалиброванном виде.

Калий-аргоновый метод основан на определении соотношения радиоактивного изотопа калия-40 и изотопа аргона-40 в вулканических минералах. Первый элемент, содержащийся в земной коре, превращается во второй с очень малой скоростью полураспада в 1,3 млн лет. Следовательно, можно узнать возраст таких минералов, в кристаллической решетке которых оседает появившийся в ходе этого процесса аргон-40, подсчитав его количество в массе минерала на момент измерения. Нулевое же содержание аргона-40, как показали эксперименты, характерно для вулканических минералов в момент их формирования, поскольку при их нахождении в исходном расплавленном состоянии весь прежде содержавшийся в предшествующем веществе аргон-40 (инертный газ) полностью улетучивается. Таким образом, соотношение калия-40 и аргона-40 в вулканических минералах становится хронологическим показателем. Появляется возможность получить абсолютную датировку для культурных слоев, если они оказываются перекрытыми и/или подстилаемыми слоями вулканических веществ в виде лавы. Этот метод в силу длительности периода полураспада калия-40 эффективен для датирования памятников начала каменного века.

Термолюминесцентный анализ основан на том, что решетки кристаллов минералов улавливают альфа-частицы, испускаемые радиоактивными торием и ураном, а при нагревании эти частицы высвобождаются в виде света. Для археологов важно, что это в полной мере относится и к минералам, содержащимся в глине, из которой делалась древняя керамика. При обжиге последней выделялись альфа-частицы. Если вновь подвергнуть эту керамику нагреванию, то освобождающаяся при этом энергия выделяется в виде небольших видимых вспышек света. Сила этих вспышек, их количество зависят от величины накопленной в образце энергии, т.е. в конечном итоге от времени, прошедшего с момента последнего обжига — при изготовлении сосуда или при пожаре, в котором сосуд погиб. Вспышки замеряются фотоумножителем, и производится расчет. Но и здесь есть свои оговорки: на интенсивность свечения влияют, кроме возраста, и другие факторы — содержание урана в глине и восприимчивость глины к радиационным повреждениям. Метод может быть использован и для докерамических эпох — при обнаружении обожженной глины.

Существуют и другие естественно-научные методы датирования.

При всем огромном значении естественнонаучных методов в системе абсолютного датирования эти методы требуют, с одной стороны, дальнейшего совершенствования, с другой — обязательного соотнесения с традиционными и новыми разработками по относительной хронологии типов ископаемых изделий, археологических памятников и культур в целом, а также с известными данными письменных источников.

* * *

Истоки археологических исследований уходят в древность, в частности в VI в. до н.э., когда нововавилонский царь Набонид организовал ряд раскопок более ранних вавилонских памятников с целью прославить величие своих далеких предков и тем самым укрепить авторитет собственной власти. Долгое время, впрочем, археологические результаты являлись побочным эффектом грабительской деятельности, как это было, например, в случае с раскопками египетских пирамид арабским халифом ал-Мамуном в IX в. или вследствие поиска произведений античного искусства в эпоху Возрождения.

Настоящим же началом археологической практики в качестве планомерного научного исследования вещественных памятников надо, видимо, считать раскопки древнеримских городов — Помпей и Геркуланума, погибших из-за извержения Везувия в 79 г. н.э. Развернутые еще в середине XVIII в., эти раскопки поразили современников своими результатами и приобрели вполне научный характер в XIX в. В конце XVIII — первой половине XIX в. археологические раскопки открыли миру великие цивилизации Востока — Египет и Двуречье. Во второй половине XIX в. начались масштабные раскопки в Трое, Пергаме, Олимпии, Афинах и на других античных и доантичных памятниках. Остальные крупнейшие цивилизации начали исследоваться несколько позднее: в конце XIX в. — культуры Мезоамерики, в последних десятилетиях XIX — начале XX в. — критомикенская, хеттская, персидская культуры, в 20-е гг. XX в. — цивилизация Хараппа в Индии и Древний Китай. Исследования всех этих цивилизаций продолжались в последующие годы, ведутся они и в настоящее время.

Вместе с тем, еще в XIX в. в особый раздел археологии выделяется изучение доисторических, т.е. дописьменных, эпох. Начало этому процессу положили раскопки во Франции в 1830-х гг., выявившие палеолитические орудия труда и костные остатки. На основе этих и последующих работ в последние десятилетия XIX — начале XX в. французские археологи Г. де Мортилье и А. Брейль обосновали подробную периодизацию эпохи, к которой относится подавляющая часть человеческой истории, — эпохи древнего каменного века (палеолита).

Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что для становления мировой археологии как науки решающим стал именно XIX в., когда она оформилась в отдельную отрасль исторического знания со своей теорией и методикой.

* * *

В дореволюционной России, в СССР и в современной Российской Федерации роль археологических исследований очень велика. Такие факторы, как масштаб территории, разнообразие культур, сравнительная удаленность от очагов древней письменности придает особое значение археологическим памятникам и вещественным источникам для реконструкции отечественной истории.

В Российской империи археология, в смысле планомерного научного исследования вещественных памятников, возникла в конце XVIII — начале XIX в. Однако и ранее уже велось описание археологических памятников и собирание древностей. Изначально городища и курганы служили ориентирами, что отражалось еще в летописях. Много упоминаний археологических памятников содержится в знаменитой «Книге Большому чертежу» 1627 г. Всякого рода драгоценности собирались в княжеские и царские казнохранилища, а древности, имевшие религиозное значение, традиционно хранились в церковных ризницах. Понимали в XVII в. и важность раскопок. В частности, при царе Алексее Михайловиче вели раскопки у р. Исеть на Урале, и сохранилось описание найденных при этом древних вещей из металла.

На уровень государственной политики разыскание древностей в России пытался поставить Петр I. В своем указе о Кунсткамере в 1718 г. он назначил вознаграждение за всякие «старые вещи», которые могут быть найдены «в земле и воде» («старые подписи <...> старое ружье, посуда и прочее все, что зело старо и необыкновенно»), — за это нашедшему от государства была обещана награда («довольная дача»). При этом Петр понимал значимость не только самого раритета, но и того археологического контекста, в котором он может быть обнаружен. Не случайно он приказал «всему делать чертежи, как что найдут». Кроме того, Петр специально велел собирать древности в Сибири, положив тем самым начало знаменитой Сибирской коллекции. В результате основанная Петром Кунсткамера стала быстро пополняться археологическими драгоценностями. Они поступали также в Оружейную палату и другие учреждения. Коллекции, в первую очередь Сибирская, вскоре пополнились и вследствие первых академических экспедиций в Сибирь, осуществленных Д.Г. Мессершмидтом в 1720–1727 гг., И.Г. Гмелином и Г.Ф. Миллером в 1733–1743 гг. Важно, что они копали курганы не в погоне за драгоценностями, а решая научные вопросы. Тогда же впервые стали снимать копии с наскальных рисунков. Выдающийся ученый и государственный деятель В.Н. Татищев составил при Анне Иоанновне первую инструкцию для собирания сведений по археологии, этнографии и географии. Подробные описания древностей составлялись и при Екатерине II. Очень важными явились «ученые путешествия по разным провинциям Российской империи», организованные в тот период Академией наук, в частности под руководством И.К. Кирилова, П.С. Палласа, И.Г. Георги, П.И. Рычкова, Н.П. Рычкова, И.И. Лепехина и др. В ходе экспедиций были выявлены и описаны развалины булгарских и золотоордынских

городов на Каме и Волге, городища, курганы, каменные надгробия и изваяния, следы древних «чудских» и «ордынских» рудников и др.

В конце XVIII и особенно в первой половине XIX в. начались плодотворные разыскания и раскопки на юге европейской части России, прежде всего в Крыму. Наиболее значительными были раскопки на Керченском полуострове (на территории античного Боспорского царства). П. Дюбрюкс открыл знаменитый склеп в кургане Куль-Оба. И.А. Стемпковский, проведя ряд исследований, разработал целую программу археологических изысканий древнегреческих городов-колоний. Замечательны были и раскопки на юге Украины, в частности исследование И.Е. Забелиным в третьей четверти XIX в. скифских «царских» курганов в Нижнем Поднепровье. Впоследствии античная и скифская археология в России продолжала развиваться с нарастающей интенсивностью.

Еще в начале XIX в. З. Ходаковский и В.В. Пассек выдвинули программу исследования древностей славян и других древних народов Восточной Европы. Раскопки, проведенные во Владимиро-Суздальской земле П.С. Савельевым и А.С. Уваровым в середине XIX в., явились первым шагом в реализации этой программы.

Важную роль, особенно в изучении древностей азиатских окраин России, сыграли новые академические экспедиции и путешествия А. Гумбольдта, Й.Р. Аспелина, В.В. Радлова, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева и др.

Во второй половине XIX — начале XX в. планомерные археологические исследования развернулись уже по всей территории России. Помимо традиционного внимания к классическим древностям началось активное изучение славяно-русских, финно-угорских, булгарских, средневековых кочевнических памятников, зародилась археология каменного, бронзового и раннего железного веков, состоялись первые профессиональные раскопки на Кавказе и в Средней Азии. Интерес к первобытным древностям проявили многие ученые-естественники (И.С. Поляков, В.В. Докучаев, А.А. Иностранцев, И.Д. Черский, А.А. Штукенберг и др.). Благодаря их участию в раскопках и публикации материалов древних памятников исследования в области первобытной археологии приобрели комплексный характер и вышли на европейский уровень. В эти годы были проведены раскопки памятников, давших название целому ряду ныне известных археологических культур, — Волосовской стоянки, Трипольского поселения, Дьяковского городища, Фатьяновского, Ананьинского, Пьяноборского и Кобанского могильников, Майкопского кургана и др.

Открытие в 70–80-е гг. XIX в. палеолитических стоянок — Карачаровской под Муромом и Костёнки 1 под Воронежем — позволило А.С. Уварову отвергнуть выдвинутое Й.Я. Ворсо ошибочное положение о необитаемости Европейской России в палеолитическую эпоху. В последующие годы на Украине, в Крыму, на Кавказе и в Сибири была выявлена целая серия палеолитических памятников, даже разные их типы, и открыты замечательные образцы палеолитического искусства. Систематический характер приняли раскопки памятников более поздних эпох, особенно в европейской части России.

Все эти масштабные исследования привели в начале XX в. к необходимости первичной систематизации накопленного материала. Для первобытной археологии она наиболее успешно была решена в трудах А.А. Спицына, В.А. Городцова и финского археолога А.М. Тальгрена. Важнейшими из них являются книги В.А. Городцова «Первобытная археология» (1908) и «Бытовая археология» (1910). Городцов не просто выделил многие известные нам ныне археологические культуры и определил их хронологическую последовательность (ямная, катакомбная и срубная культуры). Он рассмотрел развитие культур на территории России от палеолита до Средневековья как конкретно-исторический процесс, проходящий определенные ступени и стадии. С появлением этих трудов мировой авторитет российской археологии значительно повысился.

В дореволюционные годы, по существу, определились все основные разделы археологии страны, были выделены, охарактеризованы и датированы ключевые археологические культуры практически всех эпох — от каменного века до Средневековья. Были созданы и культурно-исторические обобщения, определявшие место и роль древних и средневековых культур территории России во всемирно-историческом процессе.

Таким образом, в начале XX в. фундаментальная база российской археологии уже была создана. Сложилась и ее организационная структура.

Система российских археологических учреждений формировалась постепенно в течение всего XIX в. Появились первые археологические музеи — в Николаеве (1806), Феодосии (1811), Одессе (1825), Керчи (1826); были созданы первые научные общества — истории и древностей в Одессе (1839) и Археолого-нумизматическое (Русское) в Петербурге (1846). При последнем в дальнейшем было организовано отделение славяно-русской археологии (1851).

В 1859 г. в Петербурге была образована Императорская Археологическая комиссия — первое государственное центральное археологическое учреждение России. Среди многих направлений ее деятельности главными являлись контроль над археологическими раскопками и разведками и распределением древностей (наиболее ценные из которых поступали в собрание Эрмитажа), а также выделение государственных средств на археологические исследования. Это способствовало координации сил российских археологов. Но подлинному, добровольному объединению этих сил в значительно большей степени способствовали Археологические съезды. Их организационным центром стало созданное по инициативе А.С. Уварова Московское археологическое общество (1864). Благодаря всероссийскому характеру съездов (их состоялось 15 в разных городах страны) каждый из них стал событием для становления целых разделов археологии, новых региональных научных центров, направлений и школ.

Во второй половине XIX — начале XX в. сформировалась система археологического образования, которая опиралась как на классические университеты, так и на общественные специализированные институты (среди них особенно заметную роль сыграли Московский и Петербургский археологические институты). В помощь исследователям были изданы руководства по раскопкам и разведкам, составленные А.А. Спицыным и В.А. Городцовым. Сложилась практика передачи коллекций после раскопок в государственные хранилища (музеи, университеты), хотя существовали и частные собрания, составленные в основном путем покупки случайных находок. Богатейшие археологические коллекции сформировались в *Эрмитаже*

(Санкт-Петербург) и *Российском Историческом музее (Москва).* В столичных и провинциальных музеях были развернуты археологические экспозиции. На высоком полиграфическом уровне выходили серии научных трудов, причем не только в Москве и Петербурге, но и в провинции.

Именно на этом фундаменте в послереволюционные годы выросла советская археологическая наука, достижения которой были бы невозможны без неразрывной связи с дореволюционной российской археологией как в организационном, так и в идейном отношении.

Организационная преемственность, в частности, проявилась в том, что Императорская Археологическая комиссия составила основу Российской государственной археологической комиссии (1918), члены которой в полном составе вошли в 1919 г. в Российскую (с 1926 г. — Государственную) Академию истории материальной культуры (ГАИМК). ГАИМК стала центральным археологическим учреждением Советской России и находилась в Ленинграде. Еще в 1924 г. была образована Московская секция этой Академии. В составе ГАИМК, таким образом, объединились основные силы российской археологии. Кроме того, еще в 1924 г. на базе Московского университета был создан научно-исследовательский Институт археологии и искусствознания, вошедший в состав Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. В 1937 г. ГАИМК была преобразована в Институт истории материальной культуры, который влился в состав Академии наук СССР, а в 1959 г. был переименован в Институт археологии.

Несмотря на тяготы первых послереволюционных лет, на преследования, гибель и эмиграцию многих выдающихся специалистов, кадровый костяк российской археологии сохранился. Это были специалисты высокой квалификации, имевшие мировую известность, — Д.Н. Анучин (патриарх преподавания археологической науки в Московском университете), В.А. Городцов, А.А. Спицын, Н.Я. Марр, Б.В. Фармаковский, С.А. Жебелев, Ф.И. Успенский и др. А в 20-е гг. XX в. в науку вступило новое поколение отечественных археологов — Б.С. Жуков, А.В. Арциховский, Б.А. Рыбаков, А.В. Шмидт, В.И. Равдоникас, М.И. Артамонов, Б.А. Куфтин, О.Н. Бадер, М.В. Воеводский, Б.Б. Пиотровский, М.П. Грязнов, Б.Н. Граков, С.В. Киселев, Н.Н. Воронин, В.Ф. Смолин, П.С. Рыков, Б.Э. Петри и др., выросшее на традициях дореволюционной археологии. Именно это поколение своей дальнейшей деятельностью сохранило преемственность в развитии отечественной археологии и определило структуру, проблематику и основные направления формирующейся советской археологической науки.

В соответствии с этим вплоть до 1929 г. развитие археологии в СССР продолжалось в русле тех исследовательских задач, что были намечены до 1917 г. Особое внимание уделялось палеоэтнологическому направлению, которое было нацелено на изучение отражения законов развития живых этнических культур в материальных остатках культур археологических.

Однако со второй половины 1920-х гг. археология все более стала утрачивать свою специфику, растворяясь в социологии. Археологию стали именовать «буржуазной наукой», «вещеведением». Внедрение методологии марксизма-ленинизма поначалу шло в рамках поиска новых подходов к изучению археологических материалов. В этом отношении новаторскими и

плодотворными явились труды А.В. Арциховского, С.В. Киселева, А.Я. Брюсова, А.П. Смирнова. Но с 1929 г. в качестве марксистской методологии в советской археологии стало декларироваться «яфетическое учение о языке» Н.Я. Марра.

Яфетическая теория объясняла все без исключения изменения культуры — от языковых до этносоциальных — перестройками древней экономики, «скачками» общественно-экономического развития. В период острой идеологической борьбы и надвигающегося террора опасным был не сам поворот к «теории стадиальности», а то, что из непроверенной гипотезы ее стремились превратить в непререкаемую догму, причем для несогласных нашлись методы воздействия гораздо более сильные, чем разъяснения и убеждения, — репрессии и преследования.

С середины 1930-х гг. вульгарно-социологическое направление в нашей археологии стало себя изживать. В связи с углублением внимания к этнической проблематике, вопросам происхождения и этнической истории народов СССР, прежде всего славян, произошло постепенное возвращение к этнологическому направлению, к этнокультурной проблематике археологических исследований. Вместе с тем творческая свобода продолжала сдерживаться монополией государственной идеологии, подкрепляемой различными, в том числе и репрессивными, мерами, которым подверглись многие археологи.

Что же касается собственно археологических раскопок, то они в советское время достигли беспрецедентных масштабов, особенно в районах нового строительства. При всей противоречивости процессов, протекавших в науке и в обществе в данный период, широкое обследование территории СССР навсегда останется одним из крупнейших достижений советской археологии. В дореволюционной России лучше всего были изучены памятники Северного Причерноморья, Украины, Прибалтики, центра Русской равнины, нижнего Прикамья. В остальных регионах страны археологические раскопки были эпизодическими. В советскую эпоху все основные регионы СССР оказались охвачены исследованиями, коснувшимися всех исторических эпох — от раннего каменного века до позднего Средневековья.

Археологические раскопки и разведки проводились в стране уже в первые послереволюционные годы, несмотря на скудное финансирование, голод и разруху. В последующее десятилетие, в годы нэпа, на фоне общей экономической стабилизации в стране заметно активизировалась и экспедиционная деятельность. С 1921 г. постепенно увеличивается число действующих экспедиций. Были изучены уникальные археологические памятники различных эпох и существенно укрепилась источниковая база археологической науки.

В частности, важные результаты принесли раскопки и разведки Ольвийской экспедиции (Б.В. Фармаковский), Северокавказской — на Нижнем Дону и в Предкавказье (А.А. Миллер), Средневолжской — в Чувашии (П.П. Ефименко), Антропологической — на Оке, Ветлуге и Вятке (Б.С. Жуков), а также исследования Г.А. Бонч-Осмоловского, К.Э. Гриневича, Н.И. Репникова в Крыму, В.А. Городцова в центре Русской равнины, С.Н. Замятнина на Среднем Дону, П.С. Рыкова и П. Рау в Нижнем Поволжье, А.В. Шмидта в Прикамье, Д.Н. Эдинга на Среднем Урале, С.И. Руденко и М.П. Грязнова на Алтае, Г.П. Сосновского на Енисее, Г.И. Боровки и С.А. Теплоухова в Монголии.

Еще заметнее источниковая база пополнилась в 1930-е гг. с началом массовых работ археологов в районах развернувшегося масштабного строительства. Этим работам способствовало принятое в 1934 г. постановление ВЦИК и СНК СССР о финансировании раскопок археологических памятников, обреченных на уничтожение в ходе новостроек.

Были проведены раскопки по трассе каналов Волга–Москва (О.Н. Бадер) и Волга–Дон (М.И. Артамонов), в зоне строительства электростанций — Пермской (А.В. Шмидт, Н.А. Прокошев), Ярославской (П.Н. Третьяков), Сухумской (А.А. Иессен) и Куйбышевской ГЭС (А.П. Смирнов), Воронежской ГРЭС (Г.В. Подгаецкий), первой очереди Московского метрополитена (А.В. Арциховский, Т.С. Пассек), трасс железной дороги на Южном Урале (П.А. Дмитриев, К.В. Сальников, Б.Н. Граков). В эти годы начинаются многолетние исследования городов Восточной Европы: древнерусских Киева (М.К. Каргер), Новгорода (А.В. Арциховский), Пскова (Н.Н. Чернягин), Владимира и Суздаля (Н.Н. Воронин), Старой Ладоги (В.И. Равдоникас), Старой Рязани (В.А. Городцов), булгарских Сувара и Болгара (А.П. Смирнов), хазарского Саркела (М.И. Артамонов), античной и средневековой Фанагории (В.Д. Блаватский) и др. Тогда же раскапываются уникальные памятники: Тимоновская палеолитическая стоянка (В.А. Городцов), Оленеостровский мезолитический (В.И. Равдоникас) и Турбинский позднебронзовый (А.В. Шмидт, Н.А. Прокошев) могильники, трипольское поселение Коломийщина (Т.С. Пассек), Каменское скифское городище (Б.Н. Граков), урартская крепость Кармир-Блур (Б.Б. Пиотровский) и др.

В послевоенные годы и вплоть до середины 1980-х гг. археологические исследования на новостройках проводились во все возрастающих масштабах. В 50–60-е гг. XX в. новые источники, полученные в ходе работ Куйбышевской, Сталинградской, Камской, Воткинской, Волго-Донской, Каховской и других новостроечных экспедиций, удалось оперативно опубликовать. Однако в дальнейшем рост материалов стал накатываться, как «девятый вал»: их научная обработка и издание уже не успевали за темпами раскопок. Скорейшая публикация многочисленных полученных данных является одной из актуальнейших задач отечественной археологии на современном этапе.

Масштабы полевых археологических исследований существенно сократились в «эпоху перемен», связанную с распадом Советского Союза. Однако в последние годы в Российской Федерации их объемы неуклонно нарастают. Модифицируется и организационная структура российской археологической науки.

В 1991 г. произошло разделение Института археологии: его Ленинградское отделение преобразовалось в Институт истории материальной культуры. Ныне, наряду с двумя этими ведущими академическими институтами, базовыми археологическими учреждениями в Российской Федерации являются и такие учреждения Российской академии наук (РАН), как Институт археологии и этнографии в Новосибирске, Институт истории и археологии в Екатеринбурге, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока во Владивостоке, республиканские филиалы РАН и собственно республиканские академии. Археологические исследования, кроме того, осуществляют ведущие музеи страны (Государственный Эрмитаж, Государственный Исторический музей и др.), кафедры археологии и археологические лаборатории в МГУ, СПбГУ, в университетах некоторых других городов, а также ряд иных государственных учреждений. Право на проведение раскопок и других археологических исследований на всей территории России предоставляется только государственным организациям. Документация о полевых исследованиях и полученные коллекции передаются на хранение в соответствующие государственные учреждения.

Новой тенденцией современной отечественной (равно как и зарубежной) археологии стала интенсификация изучения памятника, привлечение широкого комплекса естественных наук и их методик с целью получить максимум информации при минимальном разрушении памятника. В связи с этим в последние десятилетия в археологические исследования активно внедряются геоинформационные технологии.

Что же касается дальнейшего развития археологической теории, то с середины 1950-х гг. и по настоящее время в советской и российской археологии помимо этнологического направления сформировалась и развивается целая серия других направлений. «*Археологическая история*» (в русле которой написан и данный учебник), или, по образному определению А.В. Арциховского, «история, вооруженная лопатой», рассматривает археологию как отдел исторической науки. Основная цель этого направления — реконструкция прошлого на базе изучения вещественных древностей, которые, как и письменные источники, несут определенную историческую информацию. Вместе с тем «археологическая история» в тесном взаимодействии с лингвистикой исследует и ископаемые письменные источники (например, античные тексты на каменных плитах, надписи на керамических сосудах и монетах, древнерусские берестяные грамоты и т.д.). В «*социологической археологии*» за основу исследования берется идеализированная социологическая модель древнего общества. «*Технологическая археология*» сосредоточилась на использовании при изучении археологических материалов объективных методов, таких как трасология, металлография, спектральный анализ, радиоуглеродное датирование, геофизика и др. В «*экологической археологии*» благодаря интеграции естественных и гуманитарных наук древнее общество рассматривается как целостная система, находящаяся в динамическом взаимодействии с окружающей средой. Развиваются и другие направления.

Раздел I

КАМЕННЫЙ ВЕК

Глава 1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ

Человек отличается от всех живых существ на Земле тем, что с самого начала своей истории активно создавал вокруг себя искусственную среду обитания и пользовался при этом различными техническими средствами, которые называются орудиями труда. С их помощью он добывал себе пищу — охотясь, ловя рыбу и занимаясь собирательством, строил себе жилища, изготовлял одежду и домашнюю утварь, создавал культовые сооружения и произведения искусства.

Каменный век — древнейший и самый длительный период в истории человечества, характеризующийся использованием камня как основного твердого материала для изготовления орудий труда, предназначенных для решения задач жизнеобеспечения человека.

Для изготовления разнообразных орудий и других необходимых изделий человек использовал не только камень, но другие твердые материалы: вулканическое стекло, кость, дерево, а также пластичные материалы животного и растительного происхождения (шкуры и кожу животных, растительные волокна, позже — ткани). В завершающий период каменного века, в неолите, широко распространился первый искусственный материал, созданный человеком, — керамика. Исключительная прочность камня позволяет изделиям из него сохраняться на протяжении сотен тысячелетий. Кость, дерево и другие органические материалы, как правило, не сохраняются так долго, и поэтому для изучения особенно удаленных во времени эпох изделия из камня становятся, благодаря своей массовости и хорошей сохранности, важнейшим источником.

Хронологические рамки каменного века очень широки — он начинается около 3 млн лет назад (время выделения человека из животного мира) и длится до появления металла (около 8–9 тыс. лет тому назад на Древнем

Востоке и около 6–5 тыс. лет тому назад в Европе). Длительность этого периода существования человечества, который носит название доистории и протоистории, соотносится с длительностью «письменной истории» так же, как сутки с несколькими минутами или размеры Эвереста и теннисного мячика. Такие важнейшие достижения человечества, как появление первых социальных институтов и определенных экономических укладов, и, собственно, формирование самого человека в качестве совершенно особого биосоциального существа, относятся к каменному веку.

В археологической науке каменный век принято разделять на несколько основных этапов: древний каменный век — **палеолит** (3 млн лет до н.э. — 10 тыс. лет до н.э.); средний — **мезолит** (10–9 тыс. — 7 тыс. лет до н.э.); новый — **неолит** (6–5 тыс. — 3 тыс. лет до н.э.). Археологическая периодизация каменного века связана с изменениями в каменной индустрии: каждый период характеризуется своеобразными приемами первичного расщепления и последующей вторичной обработки камня, результатом чего является широкое распространение совершенно определенных наборов изделий и их ярких специфических типов.

Каменный век соотносится с геологическими периодами плейстоценом (который также носит названия: четвертичный, антропогеновый, ледниковый и датируется от 2,5–2 млн лет до 10 тыс. лет до н.э.) и голоценом (начиная с 10 тыс. лет до н.э. до нашего времени включительно). Природные условия этих периодов играли существенную роль в становлении и развитии древнейших человеческих обществ.

Интерес к коллекционированию и изучению доисторических древностей, в особенности каменных изделий, существовал достаточно давно. Однако еще в Средневековье, да и в эпоху Возрождения, их происхождение чаще всего относили к природным явлениям (повсеместно были известны т.н. громовые стрелы, молоты, топоры). Лишь к середине XIX в., благодаря накоплению новых сведений, получаемых при все расширяющихся строительных работах, и связанному с ними развитию геологии, дальнейшему развитию естественно-научных дисциплин, идея о материальных доказательствах существования «допотопного человека» приобрела статус научной доктрины. Важным вкладом в формирование научных представлений о каменном веке как о «детстве человечества» послужили разнообразные этнографические данные, при этом особенно часто использовались результаты изучения культур североамериканских индейцев, которое началось в XVIII в. вместе с широкой колонизацией Северной Америки и развивалось в XIX в.

Огромное влияние на формирование археологии каменного века оказала и «система трех веков» К.Ю. Томсена — И.Я. Ворсо. Однако лишь создание эволюционистских периодизаций в истории и антропологии (культурно-историческая периодизация Л.Г. Моргана, социологическая И. Бахофена, религиозная Г. Спенсера и Э. Тейлора, антропологическая Ч. Дарвина), многочисленные совместные геологические и археологические исследования разнообразных палеолитических памятников Западной Европы (Ж. Буше де Перта, Э. Ларте, Дж. Леббока, И. Келлера) привели к созданию первых периодизаций каменного века — выделению эпох палеолита и неолита. В последней четверти XIX в., благодаря открытию пещерного искусства палеолита, многочисленным антропологическим находкам плейстоценового возраста, в особенности благодаря находке Э. Дюбуа на острове Ява остатков обезьяночеловека — питекантропа, в осмыслении закономерностей развития человека в

каменном веке возобладали эволюционистские теории. Однако развивающаяся археология требовала при создании периодизации каменного века использования собственно археологических терминов и критериев. Первая такая классификация, эволюционистская в своей основе и оперирующая специальными археологическими терминами, была предложена французским археологом Г. де Мортилье, который выделял ранний (нижний) и поздний (верхний) палеолит, разделенные на четыре этапа. Эта периодизация получила очень широкое распространение, а после ее расширения и дополнения эпохами мезолита и неолита, также разделенными на последовательные этапы, приобрела господствующее положение в археологии каменного века на довольно долгое время.

В основе периодизации Мортилье лежало представление о последовательности стадий и периодов развития материальной культуры и единообразии этого процесса для всего человечества. Ревизия этой периодизации относится уже к середине XX в.

Дальнейшее развитие археологии каменного века связано также с такими важными научными течениями, как географический детерминизм (объясняющий многие стороны развития общества влиянием природно-географических условий) диффузионизм (поставивший наряду с понятием эволюции, понятие культурной диффузии, т.е. пространственного перемещения культурных явлений). В рамках этих направлений работала плеяда крупных ученых своего времени (Л.Г. Морган, Г. Ратцель, Э. Реклю, Р. Вирхов, Ф. Коссина, А. Гребнер и др.), внесших значительный вклад в оформление основных постулатов науки о каменном веке. В XX в. появляются новые школы, отражающие, кроме перечисленных выше, этнологические, социологические, структуралистские тенденции в изучении этой древнейшей эпохи.

В настоящее время неотъемлемой частью археологических исследований стало изучение природного окружения, оказывающего большое влияние на жизнь человеческих коллективов. Это вполне естественно, особенно если вспомнить, что с самого момента своего появления первобытная (доисторическая) археология, зародившись в среде представителей естественных наук — геологов, палеонтологов, антропологов, — была теснейшим образом связана с естественно-научными дисциплинами.

Основным достижением археологии каменного века в XX в. было создание четких представлений о том, что различные археологические комплексы (орудий труда, оружия, украшений и т.п.) характеризуют различные группы людей, которые, находясь на разных этапах развития, могут сосуществовать одновременно. Это отрицает грубую схему эволюционизма, предполагающую, что все человечество поднимается по одним и тем же ступеням-этапам в одно время. Большую роль в формулировании новых постулатов о существовании культурного многообразия в развитии человечества сыграли работы российских археологов.

В последней четверти XX в. в археологии каменного века на интернациональной научной базе сформировался ряд новых направлений, сочетающих в себе традиционные археологические и комплексные палеоэкологические и компьютерные методы исследования, которые предусматривают создание сложных пространственных моделей систем природопользования и социальной структуры древних обществ.

Глава 2

АНТРОПОГЕНЕЗ

Антропогенез является одним из важнейших направлений антропологии, которое изучает эволюцию всего семейства ***Hominidae*** (гоминиды) и рода ***Homo*** (человек). Эти знания необходимы для понимания всей истории человечества, а особенно они важны для археологии каменного века, так как формирование физического типа человека происходило именно в эпоху палеолита. Развитие представлений об эволюции человека находится в постоянной и тесной связи с конкретными палеоантропологическими находками — костными остатками.

В силу многих причин теоретические разработки в области эволюционной антропологии постоянно опережают современный им уровень фактических данных. Сложившись в XIX в. под непосредственным влиянием эволюционистской теории Дарвина и окончательно оформившись в первой половине XX в., довольно долго безраздельно господствовала *стадиальная теория* антропогенеза. Суть ее сводится к следующему: человек в своем биологическом развитии прошел несколько стадий, отделяемых друг от друга эволюционными скачками. Первая стадия — архантропы (питекантроп, синантроп, атлантроп), вторая — палеоантропы (неандертальцы, чье название происходит от первой находки близ города Неандерталь), третья — неоантроп (человек современного вида), или кроманьонец (названный так по месту находок первых ископаемых людей современного вида, сделанных в гроте Кроманьон). Следует обратить внимание, что это не биологическая классификация, а стадиальная схема, которая не вмещала в себя всего морфологического многообразия палеоантропологических находок уже в 50-е гг. XX в. Отметим, что классификационная схема семейства гоминид до сих пор остается областью острых научных дискуссий.

Последние полвека, а особенно последнее десятилетие исследований, принесли большое количество находок, которые качественно изменили общий подход к решению вопроса о непосредственных предках человека, осмыслению характера и путей процесса *сапиентации*.

По современным представлениям эволюция — это не линейный процесс, сопровождающийся несколькими скачками, а непрерывный, многоуровневый процесс, суть которого может быть графически представлена не в виде дерева с единым стволом, а в виде куста. Таким образом, речь идет о *сетевидной эволюции*, суть которой состоит в том, что одновременно могли существовать и взаимодействовать эволюционно неравные человеческие существа, которые в морфологическом и культурном отношении стояли на разных уровнях сапиентации.

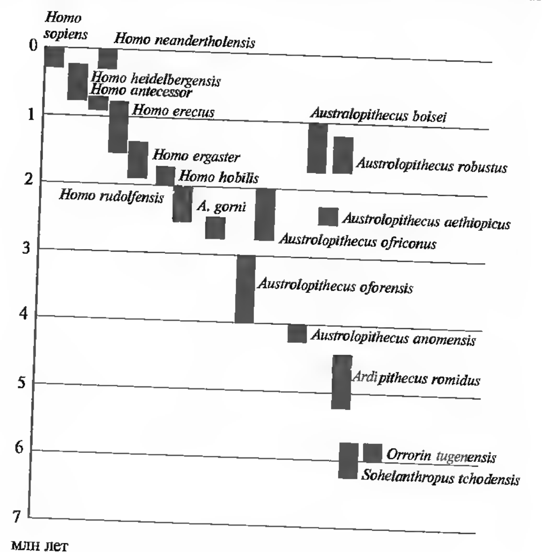
В морфологическом отношении магистральная линия человеческой эволюции означена вполне отчетливо — это усложнение структуры мозга при параллельной сферизации мозгового отдела черепа, уменьшение размеров лицевого отдела (в частности, челюстей и зубов), все более совершенное

прямохождение, повлекшее за собой изменение костей таза и ног (особенно стопы), тонкая манипуляторная активность кисти, связанная с трудовой деятельностью.

С открытием в 1920-х гг. в Южной Африке нового, более древнего, чем род Homo, рода австралопитековых стало очевидно, что действительно найдено «недостающее звено» между нашими обезьяноподобными предками и человеком. *Австралопитеки* («austral» — южный, «pitek» — обезьяна) — это высокоразвитые двуногие существа, жившие в Восточной и Южной Африке от 5–6 (судя по новым находкам, и существенно ранее) до 1 млн лет назад. Никаких представителей рода австралопитековых вне Африканского континента найдено не было.

С накоплением данных по изучению костных остатков австралопитековых стала очевидной необходимость комплексного подхода к решению вопросов о происхождении и эволюции человека.

Австралопитеки разных видов различаются размерами, выделяются грацильные и массивные формы, имеющие разный объем головного мозга. У первых объем мозга колеблется от 435 до 600 см³. Максимальная величина объема мозга массивных форм не превышает 848 см³. Таким образом, объем мозга австралопитековых лишь незначительно превышал объем мозга современных человекообразных обезьян. Однако, учитывая сравнительно небольшие размеры тела этих существ (рост 120–130 см, вес 30–40 кг), значительно уступающих современным крупным человекообразным обезьянам, вес их мозга по отношению к весу тела был выше, чем у последних.

Время существования различных видов гоминид

Австралопитековые обнаруживают гораздо большее сходство с человеком, чем современные человекообразные обезьяны, а также чем какие-либо известные ныне ископаемые высшие приматы. Сходство с человеком выражается, прежде всего, в строении черепа и зубов. Череп австралопитековых характеризуется относительно меньшим лицевым и относительно большим мозговым отделом, чем у современных антропоморфных обезьян. Зубная дуга сходна с человеческой и резко отличается от зубной дуги человекообразных обезьян.

Самой же удивительной чертой австралопитековых, выделяющей их среди всех как современных, так и ископаемых приматов, является бипедия, т.е. хождение на двух ногах. На это указывает, прежде всего, большое сходство в строении тазовых костей австралопитековых и человека. Одним из косвенных доказательств прямохождения австралопитековых служит положение большого затылочного отверстия, расположенного у них, в отличие от других приматов, ближе к середине основания черепа, что характерно также и для человека. Кроме того, в Восточной Африке, неподалеку от Олдувайского ущелья, обнаружены отпечатки ступней трех австралопитеков, прошедших по склону более чем 3 млн лет тому назад, и эти следы показывают их вполне «человеческую» походку.

Двуногое хождение сыграло огромную роль в формировании физического облика предков человека и его самого, так как вызвало резкую перестройку скелета, создав собственно человеческие черты: позвоночник приобретает S-образный изгиб, удлиняются кости нижних конечностей, изменяется плечевой пояс и кости верхних конечностей, перестраивается тазовый отдел. Последнее изменение влечет за собой трудности при рождении потомства и появление детенышей, нуждающихся в заботе долгое время, что, в свою очередь, ведет к усложнению социальных связей. Освободившиеся верхние конечности постепенно превращались в руки. Если к этому добавить, что клыки у австралопитековых были очень невелики и не могли использоваться как оружие нападения или самозащиты, то напрашивается вывод, что подобная биологическая невооруженность должна была компенсироваться руками, способными использовать различные предметы для защиты, нападения и добывания пищи.

Австралопитековые были кочующими собирателями растений и их плодов, кроме того, они охотились на насекомых и мелких животных, являясь при этом конкурентами других всеядных животных, таких как бабуины или дикие свиньи. Эти двуногие существа не использовали и не добывали огонь, не изготовляли каменные орудия устойчивых форм, но могли использовать заостренные палки, камни и прочие предметы для добывания и размельчения пищи. Небольшой размер, небольшие клыки и когти, невысокая скорость передвижения делали их, вероятно, легкой добычей для крупных хищников. Как показывает изучение поведения приматов (этология),

в таких случаях необычайно возрастает роль социальных связей и усложнение поведения внутри коллектива животных. Вероятнее всего, образ жизни и поведение австралопитековых можно в общих чертах реконструировать, изучая природные условия их окружения и социальное поведение высших приматов, таких как шимпанзе, гориллы и орангутаны.

При исследовании остатков австралопитековых было обращено внимание на заметные морфологические различия между отдельными их представителями из разных местонахождений — в настоящее время выделяется несколько их видов. Вопрос о том, какая из групп поздних австралопитеков могла быть базовой для дальнейшей эволюции человека и имеются ли в настоящее время достоверные палеоантропологические остатки этой группы, пока остается остро дискуссионным. До недавнего времени таким существом считался A. Africanus (австралопитек африканский), известный по находкам в Южной (местонахождения Макапасгат, Штерфонтейн, Тонг) и Восточной (р. Омо, стоянка Кооби-Фора, Олдувайское ущелье) Африке и живший около 3–2,5 млн лет назад. Наибольшее сходство с родом Homo прослеживается у него в строении зубов и черепа. Однако строение конечностей более ранних форм — A. Anamensis (австралопитек аманский) и A. Afarensis (австралопитек афарский), живших более чем на миллион лет ранее в Восточной Африке, значительно ближе к пропорциям рода Homo.

Первым представителем новой формы гоминид, уже относящимся к роду Homo или, в свою очередь, являющимся промежуточной между австралопитеками и людьми, считается *Homo habilis*, появившийся более 2,5 млн лет назад (находка в Олдувайском ущелье датируется 2,4 млн лет, а на стоянке Кооби-Фора — 2,8 млн лет назад). Он традиционно признается творцом древнейших каменных орудий труда. Впервые находка остатков скелета этого существа была сделана известным американским археологом Л. Лики в Олдувайском ущелье в 1960 г.

Тщательное изучение костных остатков позволило установить, что они принадлежали к более прогрессивным формам, чем австралопитековые в целом. На это указывает как объем мозга (650 см^3), так и другие особенности, в том числе строение костей стопы и кисти, свидетельствующее о совершенном прямохождении, а также о способности руки к «силовому зажиму». Все эти особенности позволили выделить это существо в особый вид в роде Homo и дать ему видовое наименование *Homo habilis* («человек способный»).

Это видовое наименование связано в первую очередь с тем, что вместе с остатками найдено большое количество орудий олдувайской археологической культуры (чопперы, многогранники, каменные молотки из кварцита и лавы, орудия на отщепах и др.).

Итак, творцы олдувайской культуры, бесспорно, были людьми. Однако по своим морфологическим особенностям «человек способный» существенно не отличался от некоторых грацильных австралопитековых, поэтому можно понять сомнения многих исследователей в возможности таксономического разграничения *Homo habilis* от австралопитековых. Так как в морфологическом отношении резкой грани между ними не было, переход к трудовой деятельности мог произойти в нескольких группах наиболее прогрессивных представителей грацильных австралопитековых. В настоящее время группа *Homo habilis* рассматривается как морфологически и таксономически неоднородная.

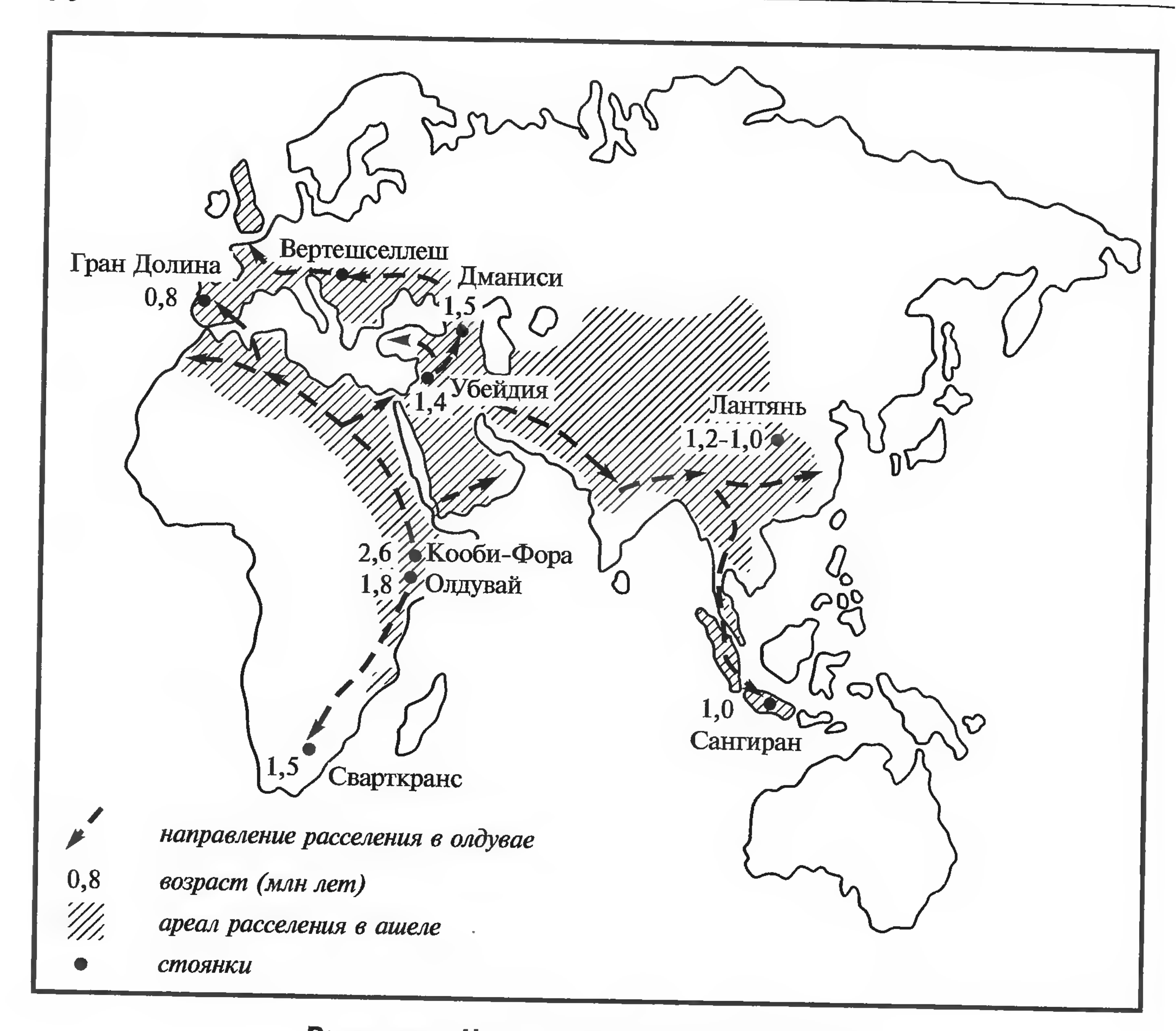
Однако факт остается фактом. Австралопитековые в качестве орудий применяли лишь природные предметы, а «человек способный» — *Homo habilis* — изготовлял их преднамеренно. Используя археологический критерий, можно говорить, что между первыми и вторыми пролегал глубокий качественный рубеж: первые были еще животными, вторые — уже людьми. Однако проблема грани между австралопитековыми и древнейшими людьми до сих пор остается дискуссионной.

Исходя из существующих данных, где-то 1,9–1,7 млн лет назад «людей способных» сменили более совершенные формы гоминид — в соответствии с традиционной стадиальной схемой — архантропы (питекантропы, синантропы), которые в современной схеме антропогенеза относятся к видам *Homo ergaster* (человек деятельный) и *Homo erectus* (человек прямоходящий). Они существуют приблизительно до рубежа 0,5 млн лет назад. Первые находки представителей этих форм обнаружены в Кении (Восточная Африка), где они жили около 1,9–1,8 млн лет назад. Более ранних относят к виду *Homo ergaster*, более поздних — к *Homo erectus*, хотя правомерность такого разделения иногда оспаривается, так как вариабельность черепов этих гоминид оказывается такой же, как у современного человечества, относящегося к одному биологическому виду.

Наиболее характерной особенностью *Homo erectus* является развитие скелета тела, который по размерам и пропорциям приближается к современным. Череп изменяется меньше, лицевая часть сохраняет много архаических черт, но объем мозговой полости увеличивается — средний объем мозга у *Homo erectus* 1000 см^3. Более серьезные морфологические изменения связаны с появлением следующей группы гоминид.

Африка, скорее всего, является единственным районом, в котором представители вида *Homo erectus* обитали в первые полмиллиона лет своего существования, хотя они, несомненно, в процессе миграций могли посещать и соседние регионы — Аравию, Ближний Восток и даже Кавказ. Палеоантропологические находки в Израиле (стоянка Убейдия), на Центральном Кавказе (стоянка Дманиси) позволяют говорить об этом с уверенностью. Что же касается территорий Юго-Восточной и Восточной Азии, а также юга Европы, то появление там представителей рода *Homo erectus* относится не ранее чем к интервалу 1,1–0,8 млн лет назад, а сколько-нибудь существенное их расселение можно отнести к концу нижнего плейстоцена, т.е. около 500 тыс. лет назад.

На поздних этапах своей истории *Homo erectus* (архантропы) заселили всю Африку, юг Европы и большую часть Азии. Несмотря на то что их популяции могли быть разобщены естественными барьерами, в морфологическом отношении они представляли собой сравнительно однородную группу.

Расселение Homo erectus в олдувае и ашеле

Эпоха существования «архантропов» сменилась появлением около полумиллиона лет назад другой группы гоминид, которые часто, в согласии с прежней схемой, называются палеоантропами и ранний вид которых, независимо от места обнаружения костных остатков, относят в современной схеме к *Homo Heidelbergensis* (гейдельбергский человек). Этот вид существовал примерно от 600 до 150 тыс. лет назад. Его представителям свойственны следующие морфологические особенности, характерные еще для *Homo erectus*: мощный надглазничный валик и очень покатый лоб, плоские и скошенные назад скуловые кости, массивная нижняя челюсть, отсутствие подбородочного выступа. При этом он обладал и рядом особенностей, отличающих его от предшественников: более широкий лоб, разросшаяся теменная область, объем мозговой полости 1100–1400 см^3, т.е. не уступающий современному человеку.

На северо-востоке Испании, в Атапуэрке, в 90-е гг. XX в. были обнаружены палеоантропологические остатки, обладающие большим своеобразием, что послужило основанием для выделения нового вида — *Homo antecessor* (прачеловек). Этот вид появляется около 800 тыс. лет назад и проявляет гораздо больше сходства с более поздними гоминидами, нежели со своими современниками — *Homo erectus*.

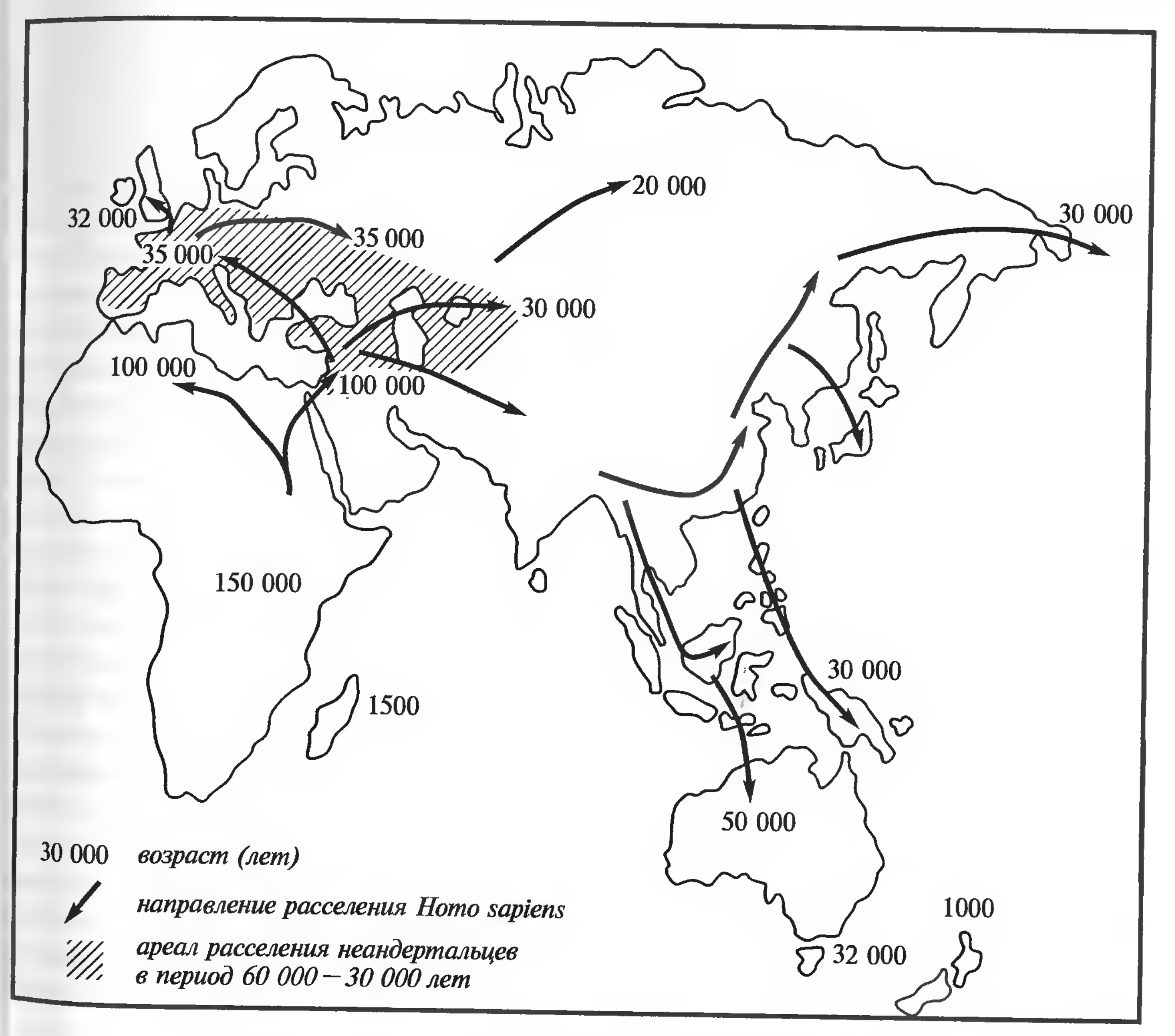

По мнению ряда ученых, Homo antecessor и был связующим звеном между *Homo ergaster* и ранними европейскими палеоантропами (*Homo Heidelbergensis*), и последним общим предком неандертальцев и современных людей. С другой точки зрения, *H. antecessor*, считаясь частью вида *H. Heidelbergensis*, может рассматриваться как далекий предок неандертальцев, не имея прямого отношения к происхождению *Homo sapiens* (человека разумного).

Ранние палеоантропы, обитавшие на разных континентах, различались между собой гораздо больше, чем поздние. Наиболее хорошо изучены африканские и европейские типы, об азиатских находках известно пока очень мало. В Африке часто выделяют особый вид — Homo helmei (хелмейский человек), который существовал позже 150 тыс. лет тому назад и служил промежуточным звеном между *H. Heidelbergensis* и *H. sapiens*.

В Европе и в Западной Азии потомками *H. Heidelbergensis* были так называемые «классические» неандертальцы — *Homo neandertalensis*, которые появились не позднее 130 тыс. лет тому назад и существовали не менее 100 тыс. лет. Последние их представители жили в горных районах Евразии еще 30 тыс. лет тому назад, если не дольше.

Эта группа людей представлена большим числом находок в Старом Свете, костные остатки найдены более чем в 40 местонахождениях и принадлежат

Расселение Homo sapiens в мустье и верхнем палеолите

более чем 100 индивидам. Классические неандертальцы Западной Европ
были небольшого роста (155–165 см для мужчин). Для них характерен мас
сивный скелет, довольно низкий и покатый лоб, крупные орбиты глаз
развитым надбровным рельефом, отсутствие или очень слабая выражен
ность подбородочного выступа. Кисть широкая и мощная, форма запяст
ных суставов свидетельствует об отсутствии способности пальцев совер
шать разнообразные сложные движения. Несмотря на общий «архаизм
облика неандертальцев, объем их мозговой полости в среднем 1400–1500 см

Вопрос об исторической и эволюционной судьбе классических неан
дертальцев очень сложен и тесно связан с проблемой происхождения лю
дей современного типа. Сравнительно недавно было широко распростра
нено мнение о том, что неандертальцы — это предки современного человека
Однако результаты исследований, установивших сосуществование двух эти
видов в Западной Европе, и особенно данные генетики привели к пере
смотру сложившихся представлений. В настоящее время преобладающи
является мнение о том, что *Homo sapiens* пришли в Европу извне и не ран
40 тыс. лет назад вступили с неандертальцами в конкурентную борьбу
вышли из нее победителями.

Дискуссия о происхождении *Homo sapiens* по-прежнему очень остра, и
ее современные решения сильно отличаются от воззрений даже двадцат
летней давности. В современной науке явно выделяются две противопо
ложных точки зрения — полицентрическая и моноцентрическая. Согласн
первой, эволюционное превращение Homo erectus в *Homo sapiens* происх
дило повсюду — в Африке, Азии, Европе при непрерывном обмене генети
ческим материалом между населением этих территорий. Согласно друго
местом формирования неоантропов был вполне определенный регион, о
куда впоследствии и происходило их расселение, сопряженное с уничто
жением или ассимиляцией автохтонных популяций гоминид. Таким реги
ном, по мнению ученых, является Южная и Восточная Африка, где остатк
Homo sapiens имеют наибольшую древность (череп Омо 1, обнаруженны
неподалеку от северного побережья озера Туркан в Эфиопии и датиру
щийся около 130 тыс. лет, остатки неоантропов из пещер Класиес и Бо
дер на юге Африки, датирующиеся возрастом около 100 тыс. лет). Кро
того, на ряде других восточно-африканских памятников имеются находк
сопоставимые с вышеупомянутыми по возрасту. На севере Африки так
ранние остатки неоантропов пока не обнаружены, хотя имеется ряд нах
док очень продвинутых в антропологическом смысле индивидов, которы
датируются возрастом, значительно превышающим 50 тыс. лет. За пред
лами Африки находки *Homo sapiens*, близкие по возрасту находкам из Южно
и Восточной Африки, обнаружены на Ближнем Востоке — они происход
из израильских пещер Схул и Кафзех и датируются временем от 70
100 тыс. лет тому назад.

В других регионах земного шара пока неизвестны находки Homo sapie
имеющие возраст древнее 40–36 тыс. лет. Существует ряд известий о бол
ранних находках в Китае, Индонезии и Австралии, но все они либо
имеют достоверных дат, либо происходят из плохо стратифицированн
памятников.

Таким образом, на сегодняшний день гипотеза об африканской прародине нашего вида представляется наиболее вероятной, потому что именно там имеется максимальное количество находок, позволяющих достаточно подробно проследить трансформацию местных архантропов в палеоантропов, а последних — в неоантропов. Генетические исследования и данные молекулярной биологии, по мнению большинства исследователей, также указывают на Африку как первоначальный центр появления *Homo sapiens*. Расчеты генетиков, направленные на определение вероятного времени появления нашего вида, говорят, что это событие могло произойти в период от 90 до 160 тыс. лет тому назад, хотя иногда появляются и более ранние датировки.

Если оставить в стороне полемику о точном времени появления людей современного типа, то следует сказать, что их широкое распространение за пределы Африки и Ближнего Востока началось, судя по антропологическим и археологическим данным, не раньше 50–60 тыс. лет назад, когда ими были освоены южные районы Азии и Австралии. В Европу люди современного типа проникли 35–40 тыс. лет назад, где затем на протяжении почти 10 тыс. лет они сосуществовали с неандертальцами. В процессе своего расселения разным популяциям человека разумного приходилось адаптироваться к разнообразным природным условиям, результатом чего стало накопление более или менее четких биологических различий между ними, приведшее к формированию современных рас. Нельзя исключить, что определенное влияние на последний процесс могли оказать контакты с местным населением осваиваемых регионов, которое, видимо, было в антропологическом плане довольно пестрым.

Глава 3

ПАЛЕОЛИТ

3.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАЛЕОЛИТА

Палеолит — наиболее длительный этап каменного века, он охватывает время от верхнего плиоцена до голоцена, т.е. весь плейстоценовый (антропогеновый, ледниковый или четвертичный) геологический период. Традиционно палеолит делится на *ранний*, или *нижний*, включающий следующие эпохи: олдувай (около 3 млн — 800 тыс. лет назад), ашель древний, средний и поздний (800 тыс. — 120–100 тыс. лет назад), мустье (120–100 тыс. — 40 тыс. лет назад) и *верхний*, или *поздний*, палеолит (40 тыс. — 12 тыс. лет назад).

Следует, однако, подчеркнуть, что приведенные выше хронологические рамки достаточно условны, так как многие вопросы изучены недостаточно полно. В особенности это касается границ между мустье и верхним палеолитом, верхним палеолитом и мезолитом. В первом случае трудности

выделения хронологической границы связаны с длительностью процес расселения людей современного типа, принесших новые приемы обрабо ки каменного сырья, и их долгим сосуществованием с неандертальцам Точное выделение границы между палеолитом и мезолитом еще более з труднено, так как резкие изменения природных условий, приведшие к с щественным изменениям материальной культуры, происходили крайн неравномерно и имели разный характер в разных географических зона Однако в современной науке принят условный рубеж — 10 тыс. лет до н. или 12 тыс. лет тому назад, который принимается большинством ученых

Все эпохи палеолита существенно отличаются между собой и по антр пологическим характеристикам, и по способам изготовления основн орудий, и их формам. На протяжении всего палеолита формировался ф зический тип человека. В раннем палеолите существовали различные груп представителей рода Homo (*H. habilis, H. ergaster, H. erectus, H. antecesso H. Heidelbergensis, H. neardentalensis* — по традиционной схеме: архантроп палеоантропы и неандертальцы), верхнему палеолиту соответствовал нео антроп — Homo sapiens, к этому виду относится все современное человеч ство (см. раздел «Антропогенез»).

Из-за громадной удаленности во времени многие материалы, котор использовались людьми, особенно органические, не сохраняются. Поэт му, как уже говорилось выше, для изучения образа жизни древних люд одним из важнейших источников являются каменные орудия труда. всего многообразия горных пород человек выбирал те, что дают при раск лывании острую режущую кромку. В силу своей широкой распростране ности в природе и присущим ему физическим качествам таким матери лом стал кремень и другие кремнистые породы.

Как ни примитивны древнейшие каменные орудия — совершенно оч видно, что для их изготовления были необходимы абстрактное мышлени и способность к сложной цепи последовательных действий. Различные ви деятельности фиксируются в формах рабочих лезвий орудий, в виде след на них и позволяют судить о тех трудовых операциях, которые соверша древние люди.

Для изготовления необходимых вещей из камня требовались вспомог тельные орудия: отбойники, посредники, отжимники, ретушеры, нако ленки, которые также изготовлялись из кости, камня, дерева.

Другим не менее важным источником, позволяющим получать разн образную информацию и реконструировать жизнь древних человечески коллективов, является культурный слой памятников, который формируе ся в результате жизнедеятельности людей на определенном месте. В е состав входят остатки очагов и жилых сооружений, следы трудовой де тельности в виде скоплений расщепленного камня и кости. Остатки ко тей животных позволяют судить об охотничьей деятельности человека.

Палеолит — время становления человека и общества, в этот пери складывается первая общественная формация — первобытно-общинн строй. Для всей эпохи характерно присваивающее хозяйство: люди доб вали себе средства существования охотой и собирательством.

Палеолиту соответствует финал геологического периода плиоцена и полностью — геологический период плейстоцен, начавшийся около двух миллионов лет тому назад и окончившийся примерно на рубеже 10 тысячелетия до нашей эры. Ранний его этап называют эйоплейстоценом, он кончается около 800 тыс. лет назад. Уже эйоплейстоцен, а особенно средний и поздний плейстоцен, характеризуется серией резких похолоданий и развитием покровных оледенений, занимающих значительную часть суши. По этой причине плейстоцен называют ледниковым периодом, другие его названия, часто употребляемые в специальной литературе, — четвертичный или антропогеновый. В таблице показано соотношение основных этапов археологической периодизации с этапами ледникового периода, в котором выделяются 5 основных оледенений (соответственно альпийской схеме, принятой в качестве международного эталона) и промежутки между ними, называемые обычно межледниковьями. В литературе часто употребляются термины *гляциал* (оледенение) и *интергляциал* (межледниковье). Внутри каждого оледенения (гляциала) выделяются более холодные периоды, называемые стадиалами и более теплые — интерстадиалы. Название межледниковья (интергляциала) складывается из названий двух оледенений,

Подразделения четвертичного периода		Абсолютный возраст, тыс. лет		Подразделения палеолита	
Голоцен					
Плейстоцен	Вюрм	10	10	Поздний палеолит	
		80	40	Древний палеолит	Мустье
			100		
	Рисс–Вюрм	120			Поздний и средний ашель
	Рисс	200			
	Миндель–Рисс	350	300		
	Миндель	500			Древний ашель
	Гюнц–Миндель	700	700		
Эоплейстоцен	Гюнц	1000			Олдувай
	Дунай	2000			
			2600		
Неоген					

Соотношения эпох палеолита и этапов плейстоцена

а его продолжительность определяется по их временным границам, например, межледниковье рисс–вюрм длится от 120 до 80 тыс. лет тому назад.

Эпохи оледенений характеризовались значительными похолоданиями и развитием ледяного покрова на больших участках суши, что приводило к резкому осушению климата, изменению растительного и соответственно животного мира. Напротив, в эпоху межледниковий наступало значительное потепление и увлажнение климата, что также вызывало соответствующие изменения окружающей среды. Древний человек в огромной степени зависел от окружающих его природных условий, поэтому их существенные изменения требовали достаточно быстрой адаптации, т.е. гибкого изменения способов и средств жизнеобеспечения.

В начале плейстоцена, несмотря на начавшееся глобальное похолодание, сохранялся довольно теплый климат — не только в Африке и экваториальном поясе, а даже в южных и центральных областях Европы, Сибири и Дальнего Востока росли широколиственные леса. В этих лесах обитали такие теплолюбивые животные, как гиппопотам, южный слон, носорог и саблезубый тигр (махайрод).

Гюнц был отделен от минделя, первого весьма серьезного для Европы оледенения, большим интергляциалом, который был сравнительно теплым. Льды миндельского оледенения доходили до горных массивов на юге Германии, а на территории России — до верхнего течения Оки и среднего течения Волги. На территории России это оледенение называется окским. В составе животного мира наметились некоторые изменения: стали вымирать теплолюбивые виды, а в районах, располагавшихся ближе к леднику, появились холодолюбивые животные — мускусный бык и северный олень.

Затем последовала теплая межледниковая эпоха — миндель-рисское межледниковье, — предшествовавшая рисскому (днепровскому для России) оледенению, являвшемуся максимальным. На территории Европейской России льды днепровского оледенения, разделившись на два языка, доходили до района Днепровских порогов и примерно до района современного Волго-Донского канала. Климат значительно похолодал, распространились холодолюбивые животные: мамонты, шерстистые носороги, дикие лошади, бизоны, туры и пещерные хищники: пещерный медведь, пещерный лев, пещерная гиена. В приледниковых областях обитали северный олень, мускусный овцебык, песец.

Рисс-вюрмское межледниковье — пора очень благоприятных климатических условий — сменилось последним большим оледенением Европы — вюрмским или валдайским.

Последнее — вюрмское (валдайское) оледенение (80–12 тыс. лет назад) было менее продолжительным, чем предыдущие, но значительно более суровым. Хотя льды покрывали значительно меньшую площадь, захватывая в Восточной Европе Валдайскую возвышенность, климат был гораздо суше и холодней. Особенностью животного мира вюрмского периода являлось смешение на одних и тех же территориях животных, характерных в наше время для разных ландшафтных зон. Мамонт, шерстистый носорог, мускусный овцебык существовали рядом с бизоном, благородным оленем, лошадью, сайгой. Из хищников были распространены пещерные и бурые медведи, львы, волки, песцы, росомахи. Это явление может быть объяснено тем, что границы ландшафтных зон, по сравнению с современными, были сильно смещены к югу.

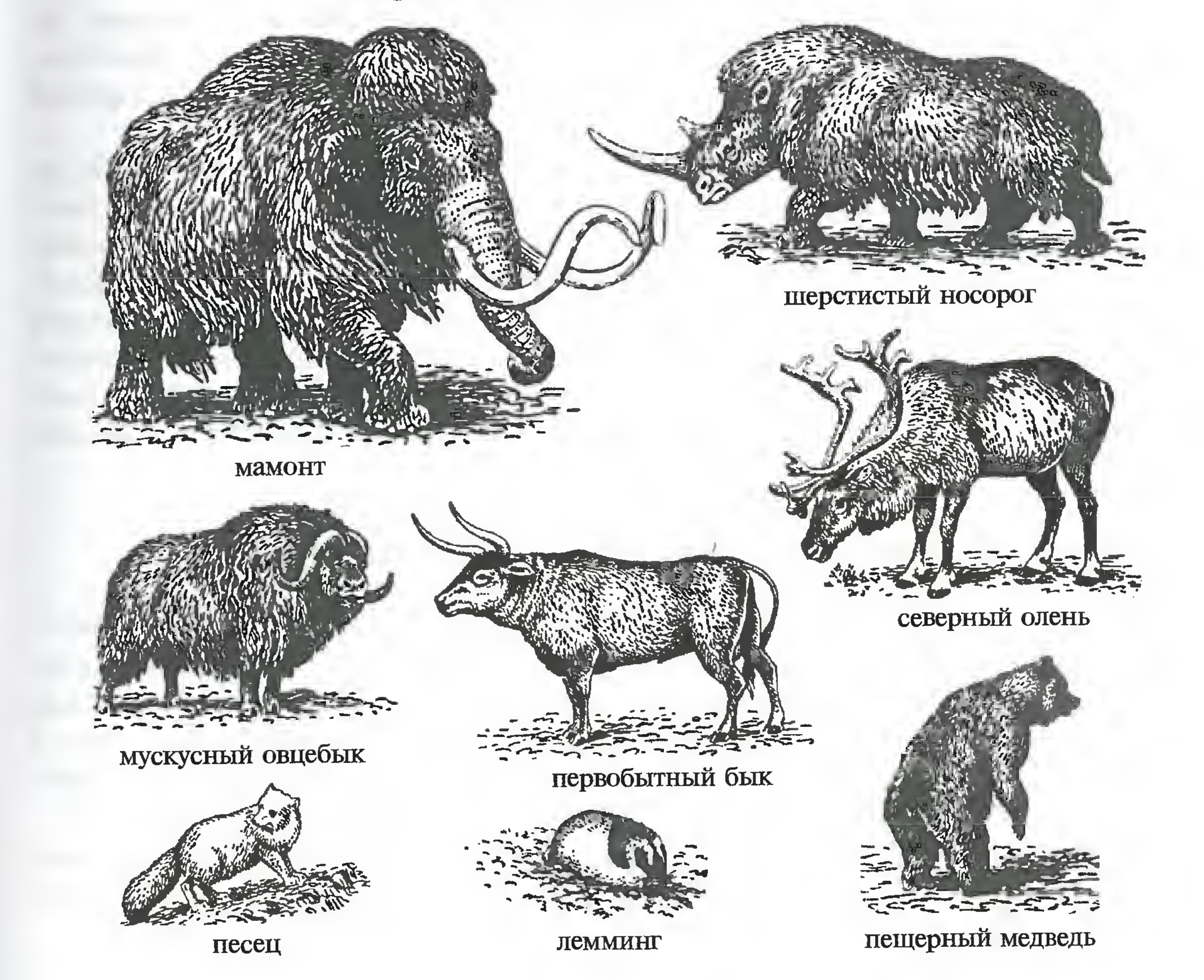
К концу ледниковой эпохи развитие культуры древних людей достигало такого уровня, который позволил им приспособиться к новым, значительно более суровым условиям существования. Последние геологические и археологические исследования показали, что первые этапы освоения человеком равнинных территорий

Нижне-среднеплейстоценовые животные

Верхнеплейстоценовые животные

европейской части России относятся именно к холодным эпохам позднего плейстоцена. Характер расселения первобытного человека на территории Северной Евразии определялся не столько климатическими условиями, сколько характером ландшафта. Наиболее часто палеолитические охотники селились в открытых пространствах тундро-степей в зоне многолетней мерзлоты, а в южных степях-лесостепях — за ее пределами. Даже в максимум похолодания (28–20 тыс. лет назад) люди не покидали традиционных мест обитания. Борьба с суровой природой ледниковой поры оказала большое влияние на культурное развитие палеолитического человека.

Окончательное прекращение ледниковых явлений относится ко времени X–IX тысячелетий до н.э. С отступлением ледника заканчивается эпоха плейстоцена, следом за которой следует голоцен — современный геологический период. Вместе с отступлением ледника к крайним северным границам Евразии начали формироваться природные условия, характерные для современной эпохи.

Обратимся к непосредственной характеристике археологических эпох.

3.2. ОЛДУВАЙСКАЯ ЭПОХА (3 млн — 800 тыс. лет назад)

Эта эпоха получила свое название по памятникам ущелья Олдувай в Кении (Восточная Африка), открытым и исследованным археологами Мери и Луисом Лики в 60-х гг. XX в. Памятники раннего этапа этой эпохи, относящиеся к эоплейстоцену, пока малочисленны и открыты преимущественно в Африке. В Европе обнаружен лишь один такой памятник — это грот Валлоне во Франции, однако его раннеплейстоценовый возраст не бесспорен. На Кавказе, в Южной Грузии, исследуется стоянка Дманиси, имеющая возраст 1,6 млн лет, на которой кроме серии каменных изделий найдена челюсть Homo erectus.

Памятники, относящиеся к позднему олдуваю, распространены более широко — они известны в Южной и Юго-Восточной Азии, в Европе. В Венгрии открыта стоянка Вертешселлеш, где вместе с олдувайскими орудиями были найдены и костные остатки архантропа. На западе Украины расположена многослойная стоянка Королево, нижние слои которой могут быть отнесены к олдувайскому времени. Распространение олдувайских памятников позволяет судить о процессе расселения древнейших людей из первоначального очага их происхождения в Африке по территории Евразии (см. рис. на с. 36).

Каменные орудия и техника их изготовления

Иногда олдувайскую каменную индустрию называют культурой оббитых галек, или галечной, но это не совсем правильно, т.к. кроме галек использовалось и другое каменное сырье. Следует отметить, что традиции изготовления изделий посредством грубой оббивки галек существуют в некоторых регионах, например в Южной и Юго-Восточной Азии, на протяжении всей эпохи палеолита.

Оббивкой называют технику скалывания ряда достаточно крупных фрагментов с первоначального ядрища, или заготовки. Сколы, как правило,

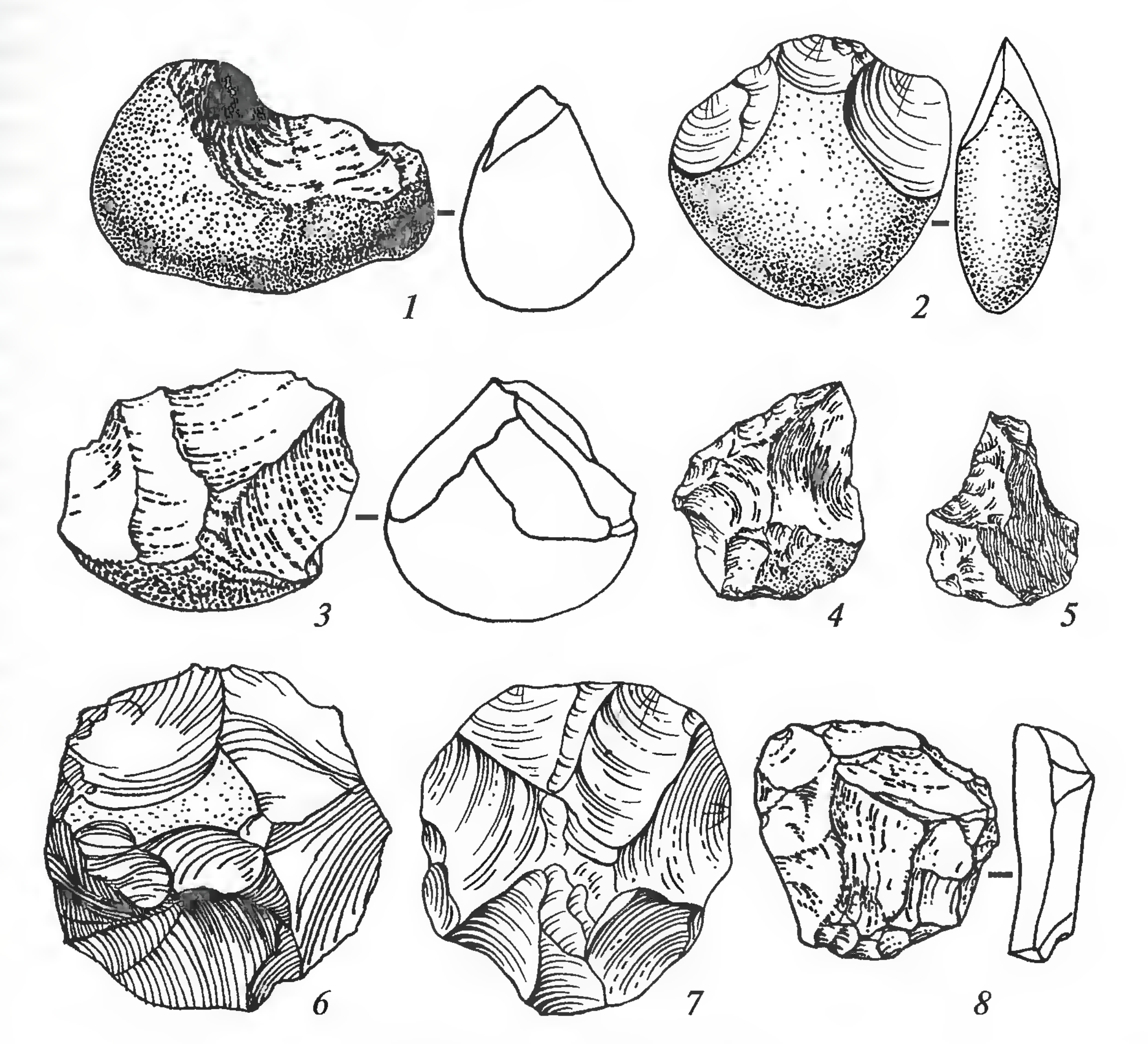

располагаются по его периметру и направлены к центру, формируя тем самым ребро. Если оббивкой обработана одна сторона предмета, то оббивка называется односторонней, а предмет — ***монофасом***, если оббивка распространяется на обе поверхности, она называется двусторонней, а предмет — ***бифáсом***. Техника односторонней и двусторонней оббивки особенно характерна для ранних археологических эпох, хотя она присутствует на протяжении всего каменного века. Техника оббивки широко применялась при изготовлении ***нуклеусов***, ***чопперов***, ***ручных рубил***.

Для олдувайской эпохи характерны три основных группы орудий: многогранники, чопперы и орудия на отщепах.

1. *Многогранники* — это грубо обработанные, округлые камни с многими гранями, полученными в результате оббивки. Среди многогранников выделяются дискоиды, сфероиды, кубоиды. Предполагается, что они были ударными орудиями и служили для обработки растительной и животной пищи.

2. *Чопперы* и *чоппинги* — характернейшие орудия эпохи. Это массивные орудия, изготовленные, как правило, из гальки, у которой несколькими последовательными ударами стесан и заострен конец или край, образующий лезвие. При обработке лезвия с одной стороны изделие называется чоппером, в случаях, когда лезвие оббито с двух сторон, — чоппингом.

Орудия олдувайской эпохи:
1 — чоппер; 2, 3 — чоппинги; 4, 5, 8 — орудия на отщепах; 6, 7 — дисковидные нуклеусы

Остальная поверхность орудия не обработана и удобна для держания в руке; лезвие массивное и неровное, имеет режущие и рубящие функции. Эти орудия могли служить для разделки туш животных и обработки растительных материалов.

3. *Орудия на отщепах* изготавливались в несколько этапов. Первоначально естественному куску горной породы придавалась некая определенная форма, т.е. изготавливался нуклеус, или ядрище. С таких нуклеусов направленными ударами получали короткие и массивные сколы, которые называются отщепами.

Затем отщепы подвергались специальной обработке, целью которой было формирование лезвий и рабочих кромок. Один из распространенных видов такой вторичной обработки камня называется в археологии ретушью: это система мелких и мельчайших сколов, придающих изделию нужную форму и рабочие качества.

Орудия из отщепов представлены скрёблами, отщепами с зубчатыми и выемчатыми краями, грубыми остриями. Кроме того, крайне редко встречаются скребки, резцы, но эти типы получают широкое распространение только в верхнем палеолите. Все олдувайские орудия характеризуются неустойчивостью формы. Орудия из отщепов могли использоваться в различных трудовых операциях — резание, скобление, прокалывание и т.д.

Стоит отметить, что уже на начальном этапе изготовления орудий они представлены целым набором изделий, способным обеспечить людей разнообразной растительной и животной пищей, простейшей одеждой и удовлетворить иные потребности, в том числе и по изготовлению других орудий. Основная техника при их изготовлении — оббивка, и только для оформления каких-то деталей применяется ретушь. Размеры изделий обычно не превышают 8–10 см, но изредка встречаются и более крупные.

Зачастую сами орудия имеют как бы случайную форму, но приемы обработки лезвий и рабочих краев достаточно устойчивы и позволяют выделять определенные группы изделий, представленные на разных памятниках. Их искусственное происхождение не вызывает сомнений у специалистов. Многочисленные орудия находят в культурных слоях олдувайских стоянок, как и орудия более поздних эпох каменного века, что свидетельствует об их преднамеренном изготовлении.

Памятники развитого олдувая свидетельствуют о том, что древнейшая и самая продолжительная (не менее 1,5 млн лет) эпоха истории человека характеризовалась очень медленным прогрессом техники изготовления орудий. К концу олдувая больших изменений в форме изделий и их наборе не наблюдается, можно отметить только их некоторое укрупнение.

Характер памятников

Природная среда олдувайской эпохи на территориях распространения памятников была весьма благоприятна, она характеризовалась теплым климатом и смешанными ландшафтами (саванны, перемежающиеся с лесами) с большим количеством водоемов.

Памятники с сохранившимся культурным слоем позволяют реконструировать характер этих стойбищ охотников и собирателей. В культурных слоях стоянок представлены орудия, отходы их производства, фрагменты костей животных, на которых часто видны нарезки, нанесенные каменными ножами. Одной из самых древних стоянок на сегодняшний день является Кооби-Фора в Восточной Африке, ее абсолютный возраст 2,8–2,6 млн лет.

Стоянки олдувайской эпохи представлены разными типами, но в основном это места обитания коллектива, состоящего из несколько семейств, куда приносились охотничья добыча и плоды собирательства. Многие из этих стойбищ были кратковременными, однако можно говорить о том, что они посещались неоднократно. Возможно, что уже тогда существовали примитивные конструкции типа ветровых заслонов и шалашей. Так, на одной из стоянок в Олдувайском ущелье была обнаружена круговая конструкция из кусков базальта, имевшая в поперечнике 4,3 и 3,7 м и датирующаяся временем 1,75 млн лет назад. Распределение находок внутри и вне каменного круга позволяет ученым считать, что эта конструкция могла быть остатками (цоколем) примитивной постройки, которая и ограничила распространение культурных остатков. Неподалеку была расположена другая область концентрации каменных орудий и отщепов вместе со скоплением расщепленной кости — возможно, эта площадка служила местом, где проводилось извлечение костного мозга для употребления в пищу. Интересно отметить, что каменное сырье для изготовления орудий приносилось на стоянку с расстояния нескольких километров.

На африканской стоянке Чесованья, датирующейся временем 1,4 млн лет назад, были обнаружены комки обожженной глинистой породы, что позволяет видеть здесь следы первого освоения огня.

Другой тип стоянок — это места забоя и первичной разделки туш животных, где отщепы и орудия сконцентрированы в скоплениях костей и рядом с ними. Эти скопления, как правило, представлены костями от малоценных в пищевом отношении частей туш. На всех костях имеются следы нарезок от каменных ножей, орудия же имеют следы износа. Эти данные получены при помощи трасологического анализа археологических материалов. Несмотря на крайне древний возраст стоянок, археологический материал позволяет говорить о преднамеренной и планируемой человеческой деятельности.

Судя по степени изношенности зубов, ученые предполагают, что рацион австралопитековых и древнейших людей напоминал рацион современных приматов, основанный на грубой растительной пище. Однако в периоды сухих сезонов, когда количество растений сильно сокращалось, доля потребления мяса могла резко увеличиваться. Таким образом, древнейшие люди были всеядными.

Первые люди, несомненно, были охотниками, о чем говорят нарезки на костях животных, но также могли использовать в пищу и падаль. Охота, вероятнее всего, производилась в районах облесенных участков в речных долинах, где деревья могли служить местами укрытий и засад. Судя по данным исследования культурных слоев олдувайских стоянок, люди жили

относительно большими группами и обладали достаточно сложным социальным поведением и возможностями развитого общения друг с другом, скорее всего знаково-звуковыми.

3.3. АШЕЛЬСКАЯ ЭПОХА (800–120 тыс. лет назад)

В основном ашельская материальная культура связана с существованием *Homo ergaster*, *Homo antecessor* и *Homo Heidelbergensis* (см. раздел «Антропогенез»).

Расселение человека

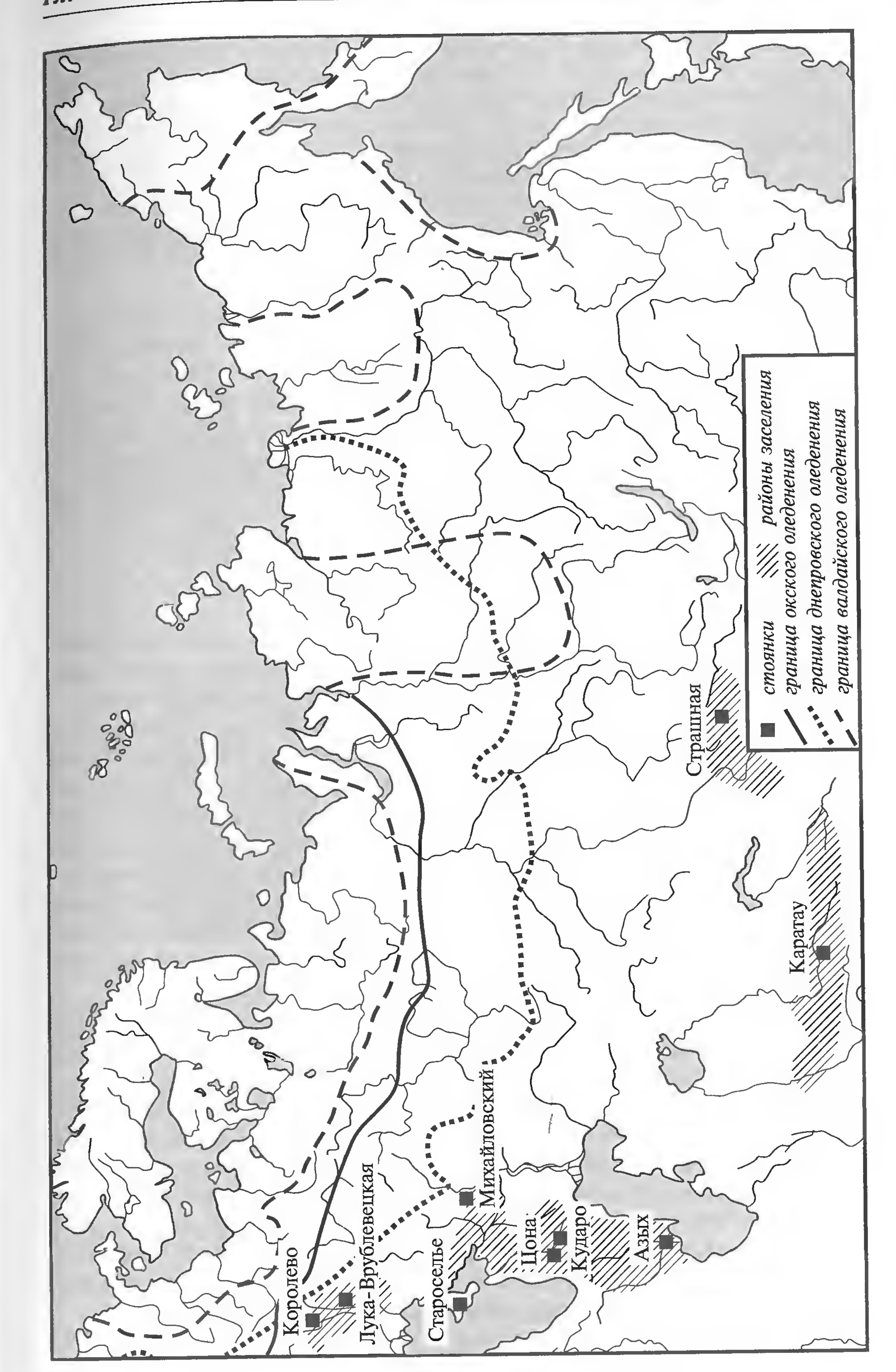
Ашельские памятники распространены значительно шире, чем олдувайские: они известны в Африке, Передней, Южной и Юго-Восточной Азии. Много их в Южной и Западной Европе — во Франции, Англии, Бельгии, Германии, Италии, Испании, Югославии. В Средней Европе их значительно меньше. В Северо-Восточной Евразии ашельские памятники немногочисленны и относятся ко второй половине ашеля. Приурочены они к южным районам — Кавказ и Предкавказье, Молдавия, Приднестровье и Приазовье, Средняя Азия и Казахстан, Алтай, Монголия.

Заселение человеком тех или иных регионов во многом зависело от природных условий плейстоцена — в периоды оледенений продвижение в северные и умеренные области было очень ограниченным, напротив, в периоды межледниковий, когда природные условия были значительно мягче, человек мог осваивать новые пространства (см. рис. на с. 49).

Широкое распространение памятников исключает возможность проникновения ашельского человека на эту огромную территорию из единого центра. Однако малочисленность материала делает реконструкцию путей заселения достаточно дискуссионной. Люди могли приходить из Передней Азии в Закавказье, Северный Кавказ, в Прикубанье, из Западной и Центральной Европы — на Русскую равнину. Территория Северной Азии могла быть заселена, по меньшей мере, по двум направлениям — из Передней и Юго-Восточной Азии, Монголии. Среди ашельских памятников выделяются ***стоянки***, т.е. места обитания древних людей, при исследовании которых находят культурные слои, залегающие в согласии с геологической стратиграфией, и ***местонахождения*** — места находок предметов той или иной эпохи вне связи с культурным слоем и стратиграфией, очень часто это результаты сборов на поверхности. Эти же названия употребляются для обозначения аналогичных памятников для всех последующих эпох.

К наиболее ранним ашельским памятникам в Восточной Европе может быть отнесено Королево (Западная Украина), древние слои которого относятся к раннему ашелю. Ко второй половине и финалу ашеля относятся нижние культурные слои ряда пещер Центрального и Северного Кавказа — Азых в Нагорном Карабахе, где найдена челюсть архантропа, Кударо 1–3, Цона (Центральный Кавказ), Треугольная (Северный Кавказ).

Распространение ашельских памятников Северной Евразии. Границы распространения ледников

В долинах Прута, Днестра и Днепра известно несколько десятков домустьерских стоянок и местонахождений. В Приазовье и низовьях Дона имеется ряд домустьерских местонахождений, в инвентаре которых прослеживаются различия в типах орудий и их оформлении, что свидетельствует о присутствии носителей разных культурных традиций. В бассейне Кубани известно не менее 50 ашельских местонахождений, наиболее известно Абадзехское в долине р. Белой.

Домустьерские местонахождения известны в Средней Азии и Казахстане. Наиболее архаические формы изделий — чопперы, грубые отщепы, рубила — представлены в Южном Казахстане и позволяют говорить о связи этих районов с Передней Азией.

Находки последних двадцати лет опровергают сложившееся представление о непригодности пространств Сибири для обитания людей в домустьерское время: на Алтае обнаружены местонахождения (Улалинка, Кизик-Озек) и хорошо стратифицированные памятники (Усть-Каракол, Кара-Бом, Денисова пещера), нижние слои которых могут быть отнесены к финалу ашеля. Каменный инвентарь весьма разнообразен и указывает на то, что население, оставившее алтайские памятники, могло прийти с территорий Средней Азии, Казахстана и Монголии.

Орудия и техника их изготовления

Начало ашельской эпохи отмечено появлением и широким распространением новых типов орудий — ручного рубила и колуна-кливера, которые отличались по форме и были крупнее орудий олдувайской эпохи.

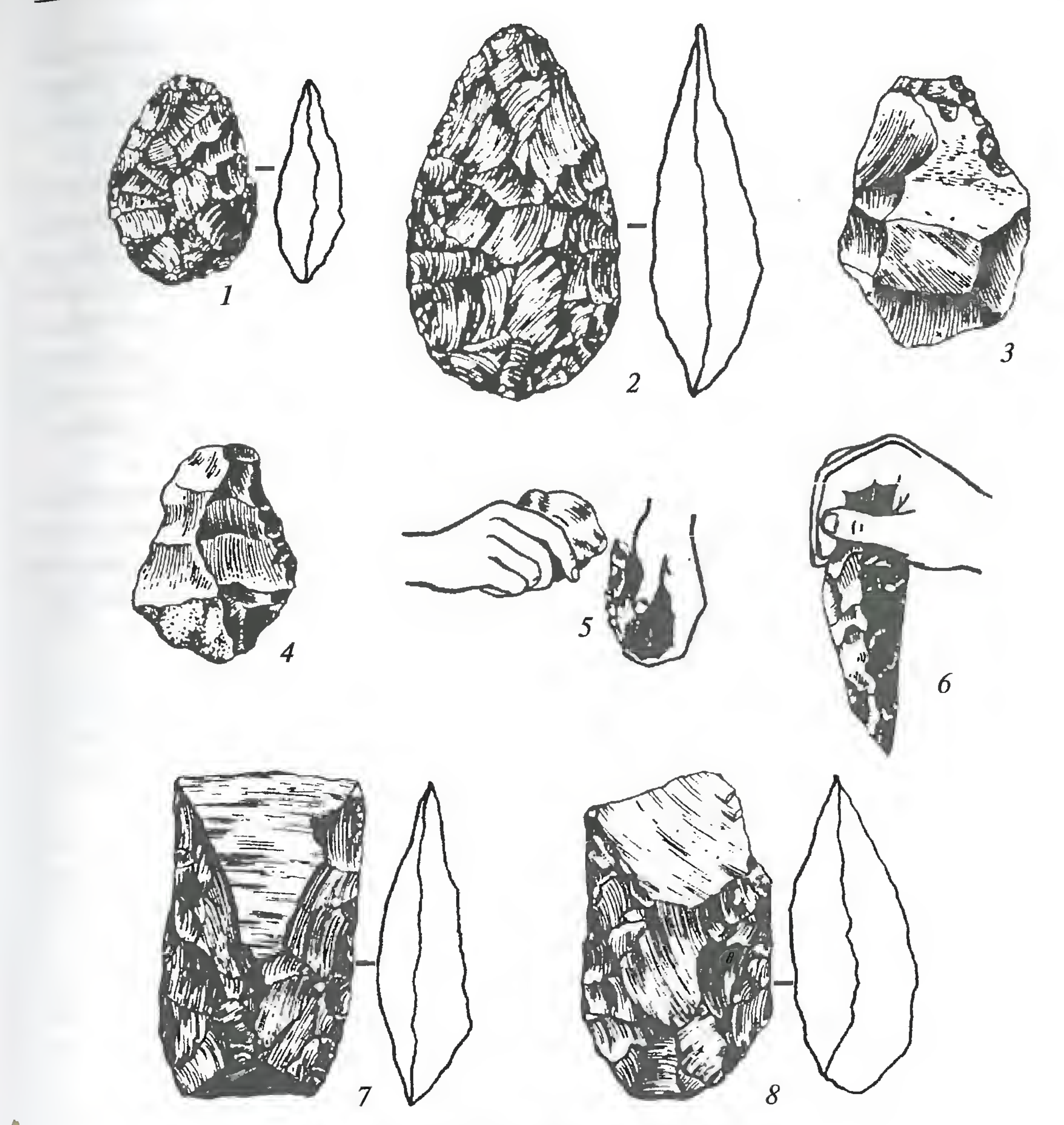
Ручное рубило — крупное массивное орудие (до 35 см), сделанное из куска камня или отщепа методом двусторонней оббивки. Чаще всего имеет один заостренный конец и два продольных массивных лезвия; общая форма орудия — овальная или миндалевидная. Нередко второй конец оставался необработанным. Рубило — первое орудие, имеющее относительно стандартную форму и легко опознаваемое даже неспециалистом. Рубящий край и заостренный конец свидетельствуют, что ручное рубило было универсальным орудием — прежде всего ударным, но могло служить и для выкапывания из земли корней, добывания мелких животных, расчленения туш убитых животных, обработки дерева и кости.

Колуном, или *кливером*, называют другой тип двусторонне обработанного крупного орудия, имеющего необработанное ретушью поперечное лезвие и симметрично обработанные края.

Для раннеашельских орудий характерно небольшое число сколов обработки; края изделий, как правило, неровные. Экспериментально доказано, что подобные сколы снимались при ударах по камню каменным отбойником. В среднем ашеле эта техника обработки сменяется более совершенной: используется отбойник из более мягких материалов — кости, рога, дерева. Он позволяет выравнивать поверхность орудия тонкими снятиями. Сами орудия становятся тоньше, изящней и симметричней, продольные края — более ровными и тонкими, скорее режущими, чем рубящими.

В ашельских комплексах сохраняются чопперы, скребла, орудия с зубчатыми и выемчатыми краями, характерные еще для олдувайской эпохи.

Основные орудия ашельской эпохи:
1–4 — рубила; 5 — изготовление рубила; 6 — использование рубила; 7, 8 — кливеры (колуны)

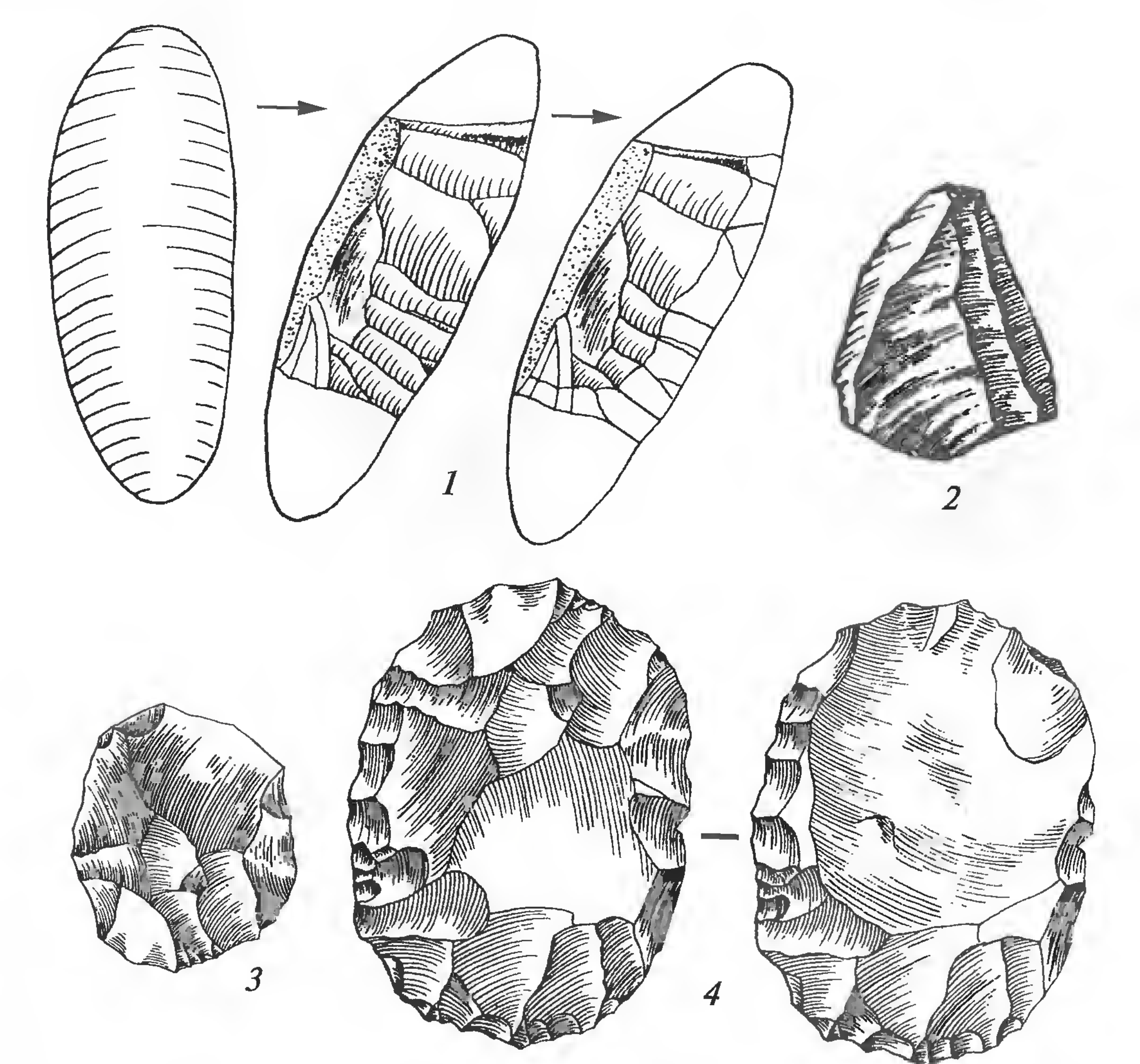
Значительно возрастает число орудий, изготовленных на отщепах, которые становятся более тонкими и правильными. Появляются пластинчатые заготовки, они тоньше и длиннее отщепов и имеют более правильные прямоугольные или треугольные очертания. Орудийный набор ашельских памятников очень разнообразен: это многочисленные скребла и скребки, предназначенные для обработки шкур и кожи, разнообразные острия, которые использовались и как охотничье вооружение (наконечники копий и дротиков), и для выполнения различных колющих операций (проколки, шилья, острия), а также различные группы зубчато-выемчатых форм.

Техника раскалывания в раннеашельскую эпоху во многом сходна с олдувайской. Однако при дальнейшем развитии можно выделить различные технологические традиции. Одна из них получила название ***клектонской*** по

стоянке Клектон в Англии, для нее характерно расщепление аморфных нуклеусов и получение заготовок-отщепов неправильных (грубых) форм; окончательная форма изделию придавалась в основном с помощью вторичной обработки — ретуши.

В позднем ашеле происходят важные изменения в технике обработки камня. Наряду с техникой *клектон* и техникой двусторонней оббивки появляется новая техника — ***леваллуа***. Название этой технике дала стоянка Леваллуа-Перре под Парижем. Для нее характерна тщательная предварительная подготовка и оформление нуклеуса, что позволяло получать большое количество заготовок достаточно правильной овальной или треугольной формы, которые не нуждались в длительной вторичной обработке для изготовления орудий. Леваллуазские нуклеусы по форме напоминали панцирь черепахи и часто называются черепаховидными.

На нескольких ашельских памятниках были найдены остатки деревянных орудий: в Клектоне (Англия), в Лорингене (Германия), в Торральбе (Испания) и в Каламбо (Африка). Чаще всего это обломки деревянных копий, которые, как предполагают исследователи, были не метательными, а ударными.

Техника леваллуа:
1 — этапы изготовления леваллуазского нуклеуса; 2, 3 — леваллуазские отщепы; 4 — леваллуазский нуклеус

В настоящее время накопилось много ашельских материалов, которые позволяют проследить локальные особенности инвентаря. Причина возникновения этих вариантов еще не вполне ясна. Одни исследователи объясняют их различиями в экологических условиях, другие — особенностями хозяйства, третьи — характером используемого для орудий сырья и, наконец, — отражением культурных традиций, закрепленных в технике изготовления и форме орудий.

Характер памятников

Ашельские памятники часто имеют достаточно мощный культурный слой и представляют собой стойбища охотников-собирателей, несомненно знавших огонь. На пещерной стоянке Чжоукоутянь в Китае найдены многометровые толщи золы и угля — свидетельство постоянно горевших там очагов.

Судя по мощности культурного слоя, люди подолгу жили на одном месте или возвращались на него по нескольку раз. При анализе стоянок удается выделять разные по хозяйственной принадлежности памятники: охотничьи кратковременные лагеря; мастерские по добыче и первичной обработке каменного сырья, расположенные у его выходов на поверхность; долговременные базовые стоянки, где жила большая часть коллектива и производились многочисленные и разнообразные трудовые операции.

Ашельский человек селился как под открытым небом, так и в пещерах. В некоторых случаях сохранились следы искусственных жилищ, особенно интересные данные получены на стоянках Амброне в Испании, Терра-Амата и грот Лазаре во Франции.

Терра-Амата — раннеашельское поселение с несколькими культурными слоями, свидетельствующими о том, что человек неоднократно возвращался на это место. Здесь были обнаружены овальные в плане скопления культурных остатков, по границам которых прослежены ямки от столбов и каменные блоки. Внутри скоплений располагались очаги. Эти памятники реконструируют как остатки хижин, построенных из толстых жердей и веток. В гроте Лазаре у одной из стен была обнаружена овальная жилая площадка, которая была отгорожена от остальной части грота кладкой из камней. Внутри площадки располагались два очага, окруженные скоплением культурных остатков. Возможно, это была пристройка к стене грота с вертикальными стенками и наклонной кровлей, сооруженной из жердей и шкур.

Культурные слои в пещерах Кударо 1–3 и Цона (Центральный Кавказ) содержат остатки нескольких стойбищ, относящихся к различным хозяйственным типам. Кударо 1 — базовая стоянка, на которой жила основная часть коллектива, она характеризуется мощным (0,7 м) культурным слоем, обилием каменных орудий, разнообразными костными остатками охотничьей добычи, наличием очагов. Кударо 3, Цона — охотничьи лагеря, т.е. кратковременные стоянки, на которых происходила лишь первоначальная обработка охотничьей добычи, представленной более чем 40 видами различных животных и рыб, преимущественно лососевых.

Археологические материалы, несмотря на свою фрагментарность, позволяют в некоторой степени реконструировать картину социальной и хозяйственной жизни ашельского человека. Он умел строить жилища, подолгу жил на одном месте или много раз возвращался туда. Каменные орудия представлены целым набором изделий, служивших для выполнения различных хозяйственных работ или бывших предметами охотничьего вооружения. Охота на крупных животных требовала тесного сплочения коллектива. Стоянки разного хозяйственного назначения — охотничьи лагеря, базовые стоянки, мастерские по добыче каменного сырья — свидетельствуют о такой сложной форме социального поведения, как разделение труда.

3.4. МУСТЬЕРСКАЯ ЭПОХА (120–100 тыс. — 40 тыс. лет назад)

В настоящее время намечается тенденция к пересмотру хронологических рамок этой эпохи, что объясняется появлением новых данных о происхождении «человека разумного» (см. раздел «Антропогенез») и накоплением нового обширного археологического материала. Наиболее дискуссионна проблема перехода от мустье к верхнему палеолиту. Однако, так как многие вопросы очень далеки от своего разрешения, характеристика мустьерской эпохи излагается в соответствии с наиболее широко распространенными на сегодняшний день взглядами.

Природные условия

Археологическая эпоха мустье совпадает с двумя периодами плейстоцена: теплого и влажного рисс-вюрмского (микулинского для Восточной Европы) межледниковья и первой половины вюрмского (валдайского) оледенения. Наиболее вероятная дата этого межледниковья — от 120–110 тыс. до 75–70 тыс. лет назад. Основные черты рельефа того времени были близки современным, однако площади и береговая линия морей, особенно внутренних, имели существенные отличия, так как моря переживали фазу трансгрессии (подъема уровня) и затопляли ранее сухие области. Наиболее теплая фаза межледниковья характеризовалась возможно самой большой степенью развития древесной растительности за весь период плейстоцена, тундровой зоны на Русской равнине не было. Среднегодовые температуры были на 4–6 градусов выше современных, главным образом за счет относительно теплых зим. Для Сибири это межледниковье — также теплая и наименее континентальная по характеру климата эпоха плейстоцена. Палеоботанические данные указывают на широкое распространение лесных, особенно темнохвойных, ландшафтов.

Вторая половина мустье (75–70 тыс. — 40 тыс. лет тому назад) соответствует первой половине вюрмского (ранневалдайского, для Восточной Европы — калининского, для Сибири — зырянского) оледенения. По мере похолодания, увеличения ледникового покрова происходит деградация лесной растительности; на севере ландшафты представлены лесотундрой, а южнее — достаточно холодными, редкотравными степями. Климат становится суровым, развивается многолетняя мерзлота, достигающая 50-го градуса сев. широты. Млекопитающие ранневалдайского времени известны в основном по материалам мустьерских стоянок, это животные

тундровой, лесной и степной ландшафтных зон. Характерными видами являются мамонт, шерстистый носорог, пещерный медведь, пещерная гиена, тигролев, северный олень, дикая лошадь, бизон, осел, сайга, овцебык, песец (см. рис. на с. 43).

Расселение человека

Эта эпоха представлена большим количеством разнообразных памятников, распространенных значительно шире, чем в ашельское время; мустьерские стоянки известны во всем Старом Свете, а самые северные пересекают границу Северного полярного круга.

В России и на прилегающих территориях известно более 150 мустьерских памятников. Большая часть из них представлена материалами, которые не имеют четкого стратиграфического положения и поэтому называются переотложенными. Однако имеются стоянки с хорошо стратифицированными богатыми культурными слоями, например крымские гроты Киик-Коба, Староселье, Заскальное 1–5, стоянки Молодова 1–7 на Днестре, Рожок в Приазовье, пещеры Кударо 1–3, Цона на Кавказе, пещеры Мезмайская, Треугольная, Матузка, Мыштулагты-лагат и Монашеская, стоянка Ильская на Северном Кавказе, Сухая Мечетка на Волге, пещеры Денисова, Страшная, Усть-Канская, Кара-Бом и другие на Алтае. Наиболее северные памятники, такие как Хотылево на Десне, Пещерный лог и другие стоянки бассейна Камы, Бызовая и Крутая Гора на Печоре показывают возросшие возможности людей в присоблении к новым природным условиям. Широкое расселение человека в мустье обусловлено развитием каменной индустрии и домостроительства.

В наиболее изученных районах учеными выделены мустьерские археологические культуры: например, стинковская и молодовская на Днестре, кударская, хостинская на Кавказе.

Мустьерские памятники известны почти во всех странах Старого Света. Каменный инвентарь их очень разнообразен. Мустьерская материальная культура неоднородна. С одной стороны, в ней выделяют так называемые варианты, или пути развития, которые отражают общие закономерности развития различных технологий обработки камня и не связаны с определенной территорией. Примером могут служить такие варианты, как ***зубчатое мустье***, для инвентаря которого характерно присутствие большого числа орудий неправильных очертаний с зубчато-выемчатым краем, ***мустье-леваллуа***, характеризующееся леваллуазской техникой расщепления, ***классическое мустье***, представленное многочисленными скреблами и остроконечниками разных типов с преимущественной односторонней обработкой и др. С другой стороны, внутри этих вариантов выделяются небольшие локальные группировки сходных памятников — археологические культуры. Внутри археологических культур по различиям в составе инвентаря и характеру культурного слоя можно прослеживать памятники разных хозяйственных типов.

Прямую связь между памятниками ашеля и мустье, позволяющую говорить об их генетической преемственности, удается проследить лишь в

мустьерские стоянки
ареал освоения территорий в мустье
Усть-Канская
Страшная
Денисова
Обирахмат
Тешик-Таш
Королево
Молодова
Кормань
Хотылево
Рожок
Киик-Коба
Сухая Мечетка
Ильская
Монашеская
Кударо
Джручула
Азых

Распространение мустьерских памятников Северной Евразии

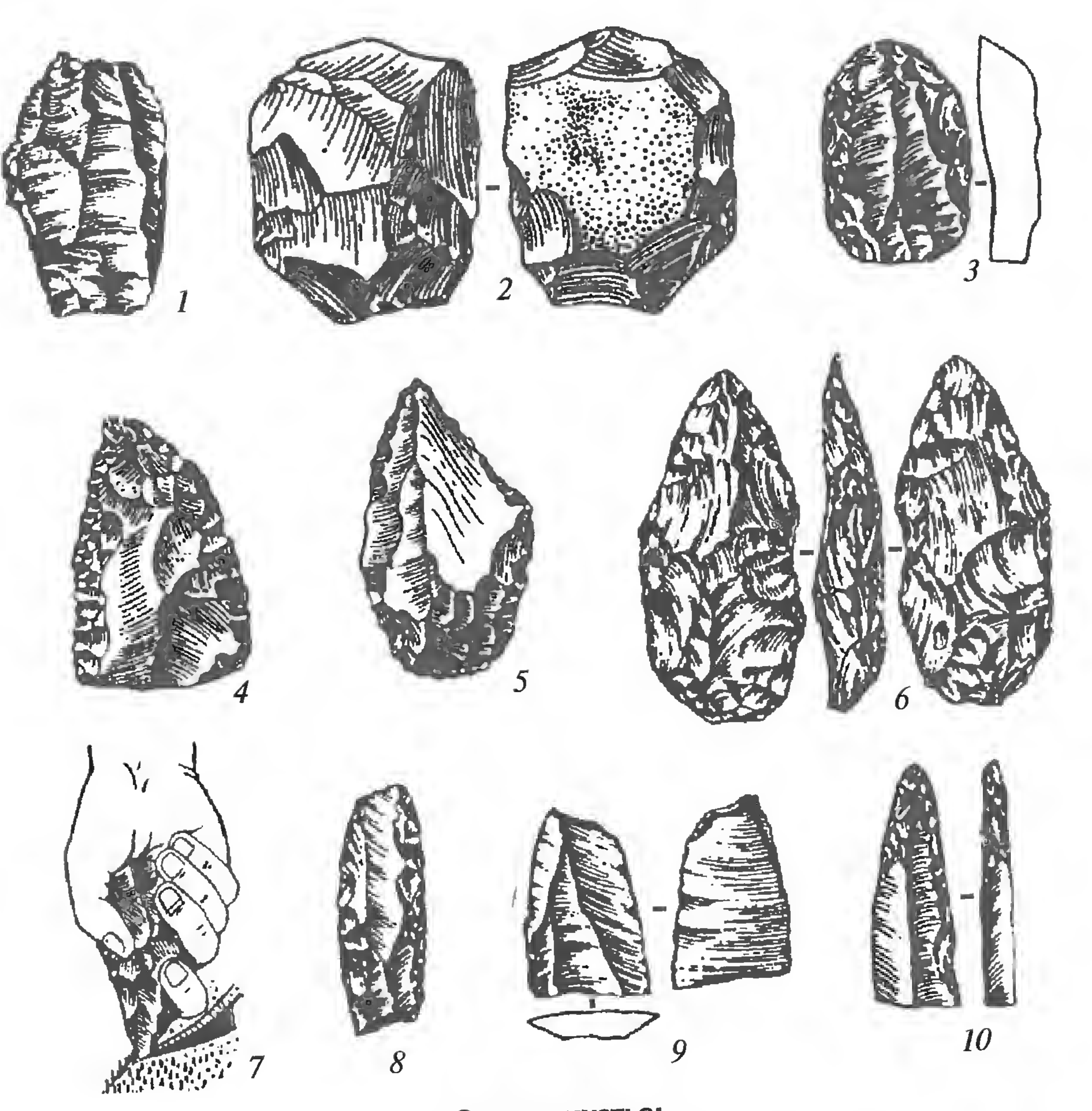

редких случаях: например, во Франции выделяется вариант мустье с ашельской традицией.

Орудия и техника их изготовления

Для эпохи в целом характерно совершенствование техники расщепления камня: мустьерские нуклеусы очень разнообразны. Наиболее распространенные типы нуклеусов — дисковидные или черепаховидные (леваллуазские), аморфные, протопризматические. Основные виды заготовок, получаемых при расщеплении нуклеусов, — отщепы и пластины.

Совершенствование техники расщепления привело к появлению новых и к дальнейшему развитию уже существовавших форм орудий. Мустье отличается значительно большей выдержанностью и устойчивостью форм орудий, большим числом орудий на отщепах и пластинах. Рубила либо

Орудия мустье:

1 — подпризматический нуклеус; 2 — дисковидный (леваллуазский) нуклеус; 3 — скребок; 4, 5 — остроконечники; 6 — бифас; 7 — использование остроконечника; 8 — скребло; 9 — резец; 10 — острие

исчезают, либо встречаются их более миниатюрные и изящные формы. Вторичная обработка, с помощью которой заготовки превращались в изделия, представлена оббивкой и разными типами ретуши.

Происходит расширение набора каменных изделий, их теперь насчитывается около 100 типов. Начинается довольно широкое использование кости в качестве сырья для изготовления орудий. Основные группы изделий эпохи мустье — разнообразные скребла, остроконечники, скребки, ножи, проколки, сверла, рубильца, разнообразные острия, ретушеры и пр. Из кости изготовлялись ретушеры, шилья, острия. Анализ следов сработанности на мустьерских орудиях позволяет говорить об их полифункциональности и о существовании таких трудовых операций, как резание, строгание, сверление, обработка дерева и шкур.

Остроконечники и *скребла* — самые многочисленные и разнообразные категории орудий в мустьерском инвентаре.

Остроконечники — это массивные каменные изделия миндалевидной или треугольной формы с прямыми или слегка выпуклыми обработанными ретушью краями. Они могли служить частью составных орудий — тяжелых охотничьих копий с деревянным древком, с которыми охотились на мамонтов, слонов, носорогов, бизонов, медведей и других крупных животных, а также могли использоваться для других хозяйственных целей.

Такими же предметами охотничьего вооружения, вероятно, были листовидные острия. Они имели форму древесного листа и обрабатывались оббивкой с одной или обеих поверхностей, а по краям дополнительно — ретушью. Листовидные острия могли служить наконечниками копий и дротиков.

Скребло — достаточно крупное изделие, часто асимметричное в плане, с одним или несколькими рабочими краями. Скребла очень разнообразны, их количество, форма и расположение рабочих лезвий широко варьируют. Скребла могли использоваться для обработки шкур и кожи, дерева.

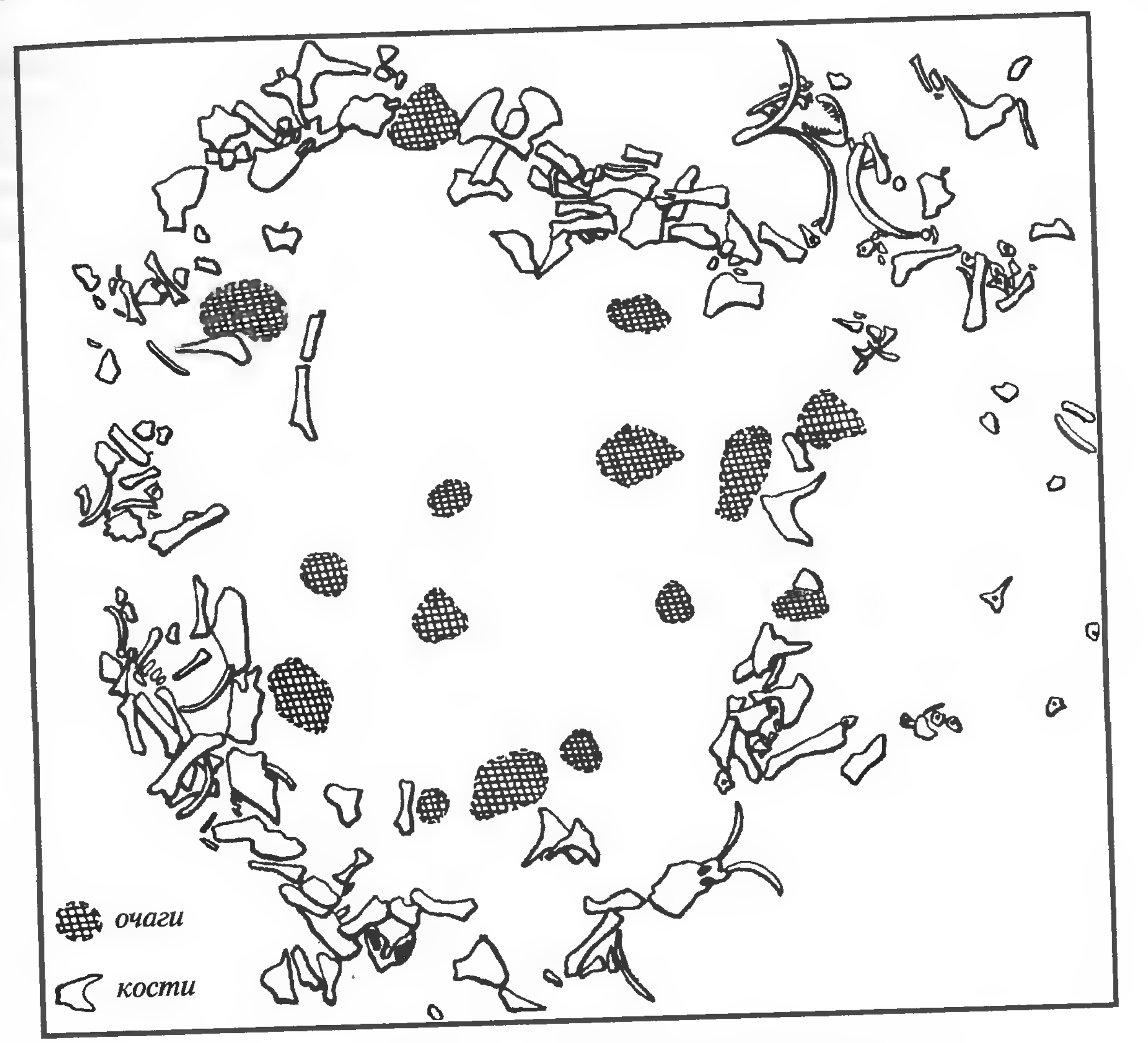
Разнообразные изделия на отщепах и пластинах, такие как скобели, зубчато-выемчатые орудия, отщепы и пластины с ретушью предназначались для обработки дерева и кости, выделки шкур животных и для других хозяйственных нужд.

Жилища

Стоянки мустьерцев располагаются как в пещерах и гротах, так и на открытых пространствах. Это или долговременные поселения (базовые стоянки — Молодово 1–5), или кратковременные (охотничьи лагеря — пещера Кударо 1, 3, мустьерские слои). Нередко мастерские по добыче и первичной обработке каменного сырья располагаются у его выходов на поверхность.

Наиболее характерной формой жилищ на стоянках под открытым небом были округлые или овальные наземные постройки с внутренними очагами. Основным строительным материалом для их каркаса были крупные кости животных и дерево, сверху он мог покрываться шкурами, тростни-

План жилища на мустьерской стоянке Молодово I

ком, дерном, корой деревьев и др. Наиболее ярко жилища представлены на стоянках Молодово 1–5, относящихся к *молодовской мустьерской культуре* в Поднестровье. Площадь каждого из них ок. 50 кв. м, внутри располагалось несколько очагов, у которых размещались различные производственные центры.

Охота

Основным средством добывания пищи была охота. Люди охотились на самых разных животных: судя по костным остаткам, найденным на стоянках, добычей могли стать и самые крупные (мамонт, пещерный медведь, шерстистый носорог), и относительно мелкие (сайга, дикий осел, баран). В южных областях, например на Кавказе, существовало рыболовство. Иногда прослеживается некоторая специализация по добыче определенного животного: на стоянках, расположенных близко друг от друга и существовавших примерно в одно время, преобладают кости разных животных. Например, в Староселье (Крым) преобладают кости дикого осла (98%), а в Заскальной 4–5 (Крым) — кости сайги. В пещерах Черноморского побережья Кавказа больше всего костей пещерного медведя, а на Ильской стоянке (Сев. Кавказ) — до 87% костей бизона.

Охота на разных животных требовала особых навыков и вооружения. Для палеолита, как правило, реконструируют коллективные облавные охоты на пересеченной местности, но при этом, несомненно, могли использоваться ловчие ямы и другие ловушки. Бесспорно, охота дополнялась собирательством, о чем говорят находки терочных камней, служивших для растирания плодов и кореньев.

Мировоззренческие представления, погребения

От мустьерской эпохи сохранились и первые свидетельства о наличии мировоззренческих представлений: это появление погребений, зачатков искусства и зоолатрии (культа животных). Погребения мустьерского времени известны в Западной и Южной Европе, Крыму, на Ближнем Востоке, в Средней Азии. На территории современной России известно одно погребение ребенка в пещере Мейзмайская на Северном Кавказе.

Первые в истории человечества погребения людей обнаружены на мустьерских открытых стоянках и в обитаемых пещерах и гротах. Им свойственны все признаки, позволяющие характеризовать погребения как явление материальной и духовной культуры: создание погребального сооружения, придание покойному определенной позы, наличие сопровождающего инвентаря. Погребальные сооружения имели различные формы. Известны прямоугольные ямы, специально вырубленные в скальном дне жилых пещер и гротов. Такие объекты прослежены в пещере Киик-Коба (Крым), пещере Ля Шапель-о-Сен, гроте Ле–Мустье (Франция), гроте Ля-Ферраси (Италия). Ямы имеют значительную глубину (до 70 см), на их стенках видны следы тешущих орудий, после совершения погребения они перекрывались каменными плитами. Все это позволяет с полной уверенностью говорить о том, что подобные сооружения создавались преднамеренно. В некоторых случаях погребальные ямы рылись в грунте, что известно по материалам гротов Тешик-Таш в Средней Азии и Шанидар в Ираке, а также ряда мустьерских памятников Переднего Востока. В некоторых случаях над погребениями создавались искусственные насыпи (гроты Ле-Мустье, Ля-Ферраси, Регурду во Франции, пещера Треугольная на Северном Кавказе) или каменные ящики, сложенные из отдельных плит (грот Регурду). Известны специальные оградки вокруг погребения (грот Тешик-Таш).

Позы погребенных также варьируются — от вытянутых до скорченных и сидячих. Сопутствующий инвентарь не богат, но разнообразен: каменные орудия и отщепы, комочки охры, кости животных, которые могут быть истолкованы как напутственная пища или как некие ритуально значимые предметы. Кроме того, встречаются и экзотические предметы, такие, например, как яйцо страуса, которое «прижимал» к груди один из сидящих погребенных в пещере Схул (Ирак).

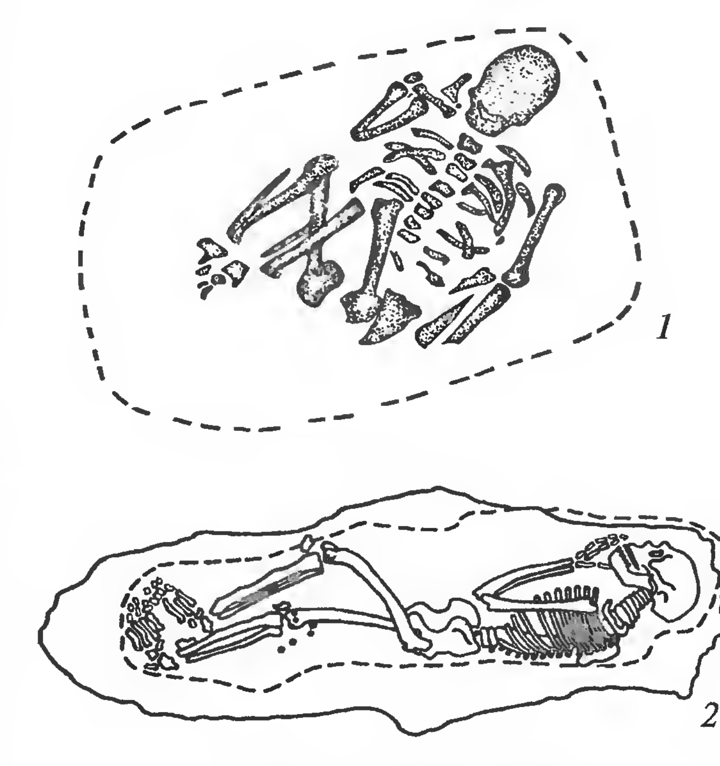
Наблюдаются разнообразные черты погребального обряда. Так, в погребении подростка из Шанидара (Ирак) обнаружено огромное количество пыльцы водных цветов и растений, не росших поблизости; оградка погребения мальчика из Тешик-Таша (Узбекистан) состояла из семи пар

скрещенных рогов безоарового козла; погребение молодой женщины в Регурду (Франция) в каменном ящике сопровождалось погребением конечностей медведя в другом каменном ящике меньшего размера, стоящем на первом.

Возраст погребенных — от 10 (или менее) до 70 лет, что серьезно противоречит общепринятым представлениям о необычайно короткой продолжительности жизни людей каменного века. Палеоантропологические материалы говорят о том, что хоронили представителей практически всех половозрастных групп (дети, подростки, молодые и пожилые люди), но формы и обряды погребального ритуала, по-видимому, сильно различались. Почти все погребения мустьерского времени, известные сейчас, обнаружены на стоянках, но какие-то группы людей могли быть погребены и вне жилых мест. Видимо, поэтому известно непропорционально мало погребений по отношению к численности первобытных коллективов. Кроме того, следует учитывать, что степень сохранности таких объектов зависит от множества причин и большинство их просто уничтожено временем.

Возможно, что кроме наличия представлений общемировоззренческого порядка, таких как «жизнь — смерть», «смерть — новая жизнь» и пр., погребения свидетельствуют и об осознании древним коллективом своей общности. Так, в одном из погребений в пещере Шанидар в Ираке был обнаружен скелет неандертальца-калеки, лишившегося руки задолго до смерти и жившего после этого, видимо, лишь благодаря заботе окружающих. При этом нельзя не сказать, что на мустьерских стоянках встречаются и следы каннибализма, возможно ритуального (пещера Крапина, Югославия).

Планы погребений:
1 — Ля Шапель-о-Сен (*Франция*);
2 — Киик-Коба (*Крым, Украина*)

Все чаще на мустьерских памятниках находят предметы, которые позволяют говорить о появлении деятельности, не связанной с какими-либо утилитарными потребностями, т.е. о возникновении зачатков изобразительного искусства. Это — фрагменты костяных или каменных пластинок с нарезками орнаментального характера. Кроме того, на стоянках и в пещерах встречаются остатки красной минеральной краски охры — в виде красных пятен, комочков или стерженьков, сточенных наподобие карандашей. Очень редко находятся предметы, которые можно назвать мелкой пластикой: несмотря на грубоватый архаизм исполнения, это вполне опознаваемые антропоморфные и зооморфные изображения. Кроме того, известен ряд находок украшений в виде бус или подвесок.

К мустьерской эпохе относится и зарождение ***зоолатрии — культа животных***, наиболее ярко представленного в так называемых «медвежьих пещерах». В этих пещерах найдены особые комплексы костей из черепов и конечностей пещерного медведя, имеющие неутилитарный, т.е. не связанный с хозяйственно-бытовой деятельностью человека, характер. «Медвежьи пещеры» распространены от Испании до Кавказа. Наиболее известны швейцарские пещеры Драхенлох и Петерсгеле, где были открыты каменные ящики, в которых находились кости конечностей и черепа медведей. Ряд таких пещер известен и на Кавказе, например Верхняя пещера Цуцхватского пещерного комплекса в Грузии. Зачастую в ритуальных комплексах «медвежьих пещер» сохраняются кости и других животных, чаще всего копытных. И хотя медведь занимал исключительное место в мировоззрении древнего человека как самый крупный наземный хищник и основной соперник в борьбе за пещеры, нельзя утверждать, что другие животные не почитались. Вероятно, эти находки показывают появление ранних анимистических и тотемистических представлений.

Таким образом, в эпоху мустье происходит дальнейшее развитие материальной культуры, формируются мировоззренческие представления, выразившиеся в создании погребальных и ритуальных комплексов, появляются первые образцы изобразительного искусства. Все это вместе говорит о дальнейшем усложнении социальной организации древних человеческих коллективов, а увеличение мощности культурных слоев и большое количество остатков охотничьей добычи на памятниках свидетельствуют о развитии хозяйственной деятельности и возрастающей оседлости. Ряд исследователей предполагает, что уже в эту эпоху происходит становление родового общества. Разнообразие кремневого инвентаря мустье отражает существование определенных традиций в изготовлении каменных и костяных орудий, присущих отдельным коллективам людей.

3.5. ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ (40–10 тыс. лет до н.э.)

Верхний палеолит, при всем разнообразии проявления культурных особенностей, — единая археологическая эпоха, связанная с деятельностью человека современного типа — Homo sapiens. На всем ее протяжении люди по-прежнему добывают средства существования охотой и собирательством. С социологической точки зрения, в эту эпоху происходит дальнейшее развитие первобытно-общинного и, по мнению большинства исследователей, родового строя.

Материальная культура в верхнем палеолите была иной, чем в предшествующую эпоху, вследствие усовершенствования техники обработки камня, широкого использования кости в качестве технического сырья, развития домостроительства, усложнения систем жизнеобеспечения, появления разнообразных форм искусства.

Людей верхнего палеолита чаще всего называют *кроманьонцами* по находкам в гроте Кроманьон во Франции, где в 1868 г. Э. Ларте обнаружил пять человеческих скелетов вместе с каменными орудиями и украшениями

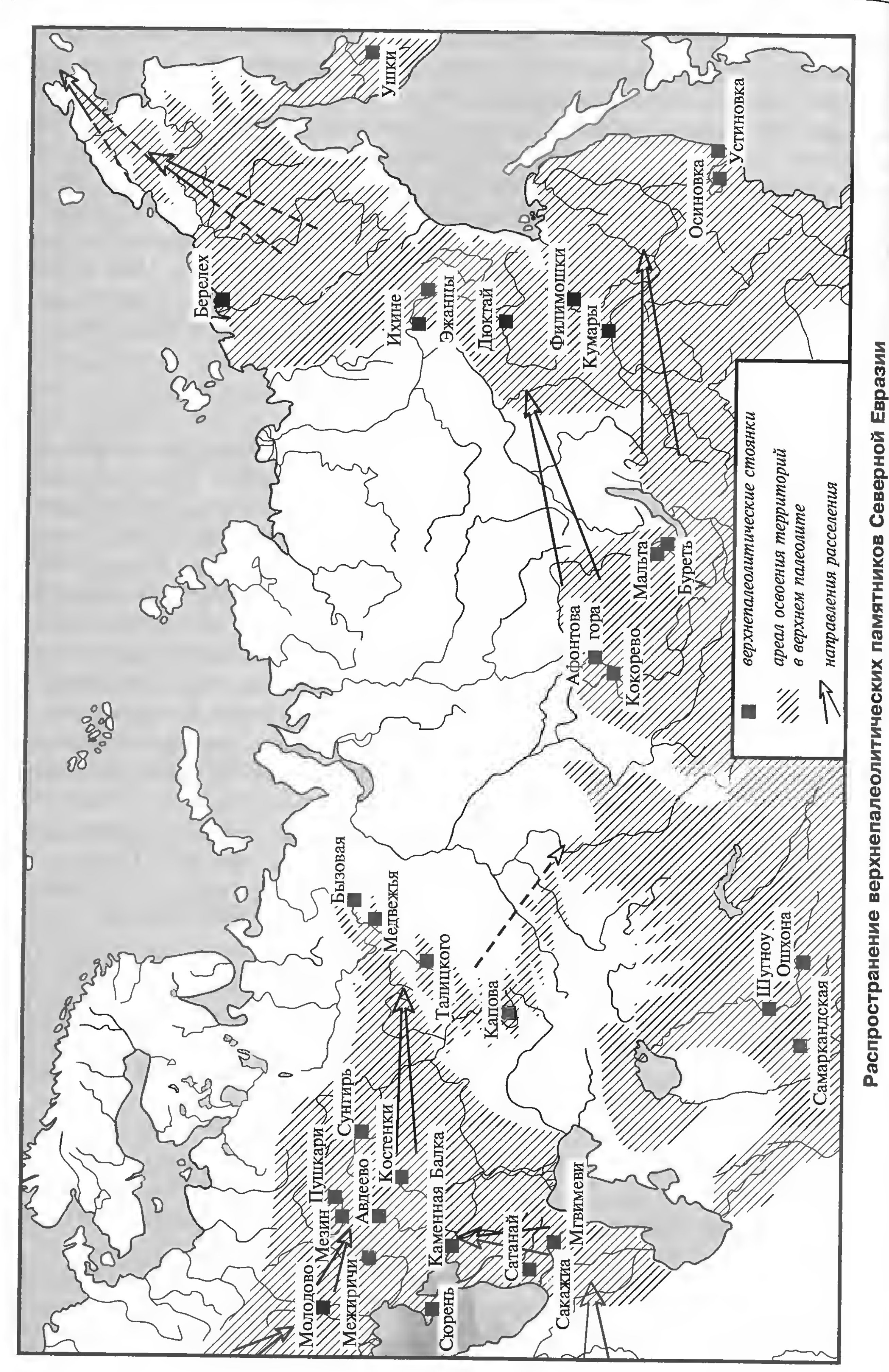
из просверленных раковин, перекрытых мощными толщами отложений. С тех пор найдено достаточно много антропологических остатков, позволяющих охарактеризовать кроманьонского человека как ярко выраженного представителя вида Homo sapiens. В настоящее время в Евразии известно более 80 находок костных остатков верхнепалеолитического человека, преимущественно все эти находки происходят из погребальных памятников. Важнейшие из них обнаружены: во Франции — гроты Гримальди, Комб-Капелль, Ла-Мадлен и Ложери Ба, Ле-Плакар, Солютре и др.; в Англии — пещеры Павиленд и Галлей-Хилл; в Германии — Оберкассель; в Чехии — Брно, Пржедмость, Младеч, Дольни Вестоницы, Павлов; в России — Костенковско-Борщевский район, на стоянках Сунгирь, Мальта́.

Расселение человека

Верхний палеолит был эпохой существенного расширения ойкумены. Стоянки этого времени известны в Старом и Новом Свете, Австралии. Заселение Северной Америки, вероятнее всего, произошло благодаря существованию мощного ледяного «моста» через современный Берингов пролив, который соединял Аляску, Камчатку и Чукотку. В силу суровых климатических условий вюрма этот «мост» существовал на протяжении многих тысячелетий, на его поверхности, покрытой наносами, время от времени даже возникала растительность. В научной литературе этот район, как правило, называют Берингией. Заселение Северной Америки через Берингию произошло около 30–26 тыс. лет тому назад с территории Восточной Сибири. Пришедшее население довольно быстро освоило весь Американский континент — верхнепалеолитические стоянки в Чили датируются временем 14–12 тыс. лет до н.э.

Человек активно осваивает северные области Земли — стоянки этого времени известны далеко за Полярным кругом: на средней Печоре, в низовьях рек Алдана и Лены, в бассейнах рек Индигирки и Колымы, на Чукотке, Камчатке, Аляске. Свидетельством того, что человек осваивает самые разнообразные природные и климатические зоны, являются стоянки, обнаруженные высоко в горах на Кавказе и Памире, в Средней Азии и на Ближнем Востоке, известны местонахождения в ныне безводных и пустынных районах. Стоянки верхнего палеолита залегают в разнообразных геолого-геоморфологических условиях: в долинах рек и на водоразделах, в равнинных и горных областях.

Многие памятники содержат богатые культурные слои с остатками жилых сооружений, многочисленными скоплениями изделий из камня и отходов производства, костей млекопитающих и т.п. В России и на прилегающих территориях известно более 1200 стоянок и местонахождений верхнего палеолита, многие из них многослойны. Так, например, в Костенковско-Борщевском районе на Среднем Дону известно более 20 памятников, на которых представлено более 60 культурных слоев. На основании их изучения известным русским археологом А.Н. Рогачевым были убедительно опровергнуты общепризнанные до середины XX в. представления о

Распространение верхнепалеолитических памятников Северной Евразии

едином стадиальном развитии человеческого общества и его материальной культуры.

Верхнепалеолитическая эпоха отделена от современности сравнительно небольшим промежутком времени, она закончилась 12 тыс. лет тому назад, но, тем не менее, нельзя сказать, что она хорошо изучена — многие, не только частные, но и общие проблемы нуждаются в разрешении.

Природные условия

Начало верхнего палеолита соотносится со второй половиной среднего вюрма (*валдая* для Восточной Европы) — 50–24 тыс. лет тому назад. Это межледниковье (*молого-шекснинское*), или мегаинтерстадиал, характеризовалось достаточно теплым климатом, временами аналогичным современному, отсутствием ледникового покрова в пределах всей Русской равнины. В средневалдайском мегаинтерстадиале выделяют по меньшей мере три периода с благоприятными условиям (три климатических оптимума), разделенных более холодными фазами. Последний из этих оптимумов был, по-видимому, наиболее теплым и наиболее продолжительным: он длился с 30-го по 22-е тысячелетие до н.э.

Начало позднего валдая (*осташковское время*) — 24–20 тыс. лет назад — характеризовалось постепенным похолоданием, наступлением ледника, достигшего своего максимального распространения около 20–18 тыс. лет назад. Это самый холодный период в течение всего вюрма. Конец вюрма, позднеледниковье (15–13,5–12 тыс. лет тому назад), — время некоторого улучшения климата, отступления ледника, происходившего не плавно, а как бы пульсациями: кратковременные периоды потепления чередовались с периодами похолодания.

В зависимости от колебаний климата, состав животных в том или ином регионе иногда очень резко менялся. В эпоху последнего оледенения (20–10 тыс. лет назад) холодолюбивые животные (северный олень, песец) проникли далеко на юг вплоть до юго-запада Франции и северных районов Испании. Это связывается с самым большим за весь плейстоцен похолоданием и обусловленным этим широким распространением окололедниковых ландшафтов (см. рис. на с. 43).

Главная причина исчезновения и сокращения численности разных видов животных состоит в существенном изменении климата и ландшафтов. В последнее время высказываются также мнения о том, что в этих взаимосвязанных явлениях «повинны» изменения магнитного поля Земли, последняя инверсия полюсов имела место примерно 12–10 тыс. лет назад. Какими бы предпосылками ни предопределялись те или иные изменения органического мира (в том числе и фауны), главными причинами этих изменений, несомненно, являлись изменения всей природной среды, а не охотничья деятельность человека.

Около 12–10 тыс. лет тому назад обширные покровные оледенения, постепенно отступая, исчезают и наступает современная геологическая эпоха — голоцен.

По сравнению с предыдущими эпохами сведения о верхнем палеолите гораздо разнообразнее и полнее. Знания о жизни палеолитического человека мы черпаем из изучения культурных слоев поселений, в которых сохраняются остатки жилых сооружений, каменные и костяные орудия и места их производства, кости животных, служивших охотничьей добычей, мелкие предметы утвари и домашнего обихода.

Каменные орудия и техника их изготовления

Для этой эпохи наиболее важными и характерными чертами можно считать широкое распространение призматической техники расщепления, виртуозную обработку кости и бивня, разнообразный набор орудий — около 200 различных типов.

Значительные изменения произошли в технике расщепления каменного сырья: опыт многих тысячелетий привел человека к созданию *призматического нуклеуса*, с которого скалывались заготовки относительно правильной формы, близкой к прямоугольной, с параллельными краями. Такая заготовка называется, в зависимости от размеров, *пластиной* или *пластинкой*, она позволяла наиболее экономно расходовать материал и служила удобной основой для изготовления разнообразных орудий. Заготовки-отщепы, не имеющие правильной формы, по-прежнему были широко распространены, но, будучи сколотыми с призматических нуклеусов, они становятся тоньше и сильно отличаются от отщепов более ранних эпох. Техника *ретуширования* в верхнем палеолите была высока и весьма разнообразна, что позволяло создавать рабочие края и лезвия разной степени приострения, оформлять различные контуры и поверхности изделий.

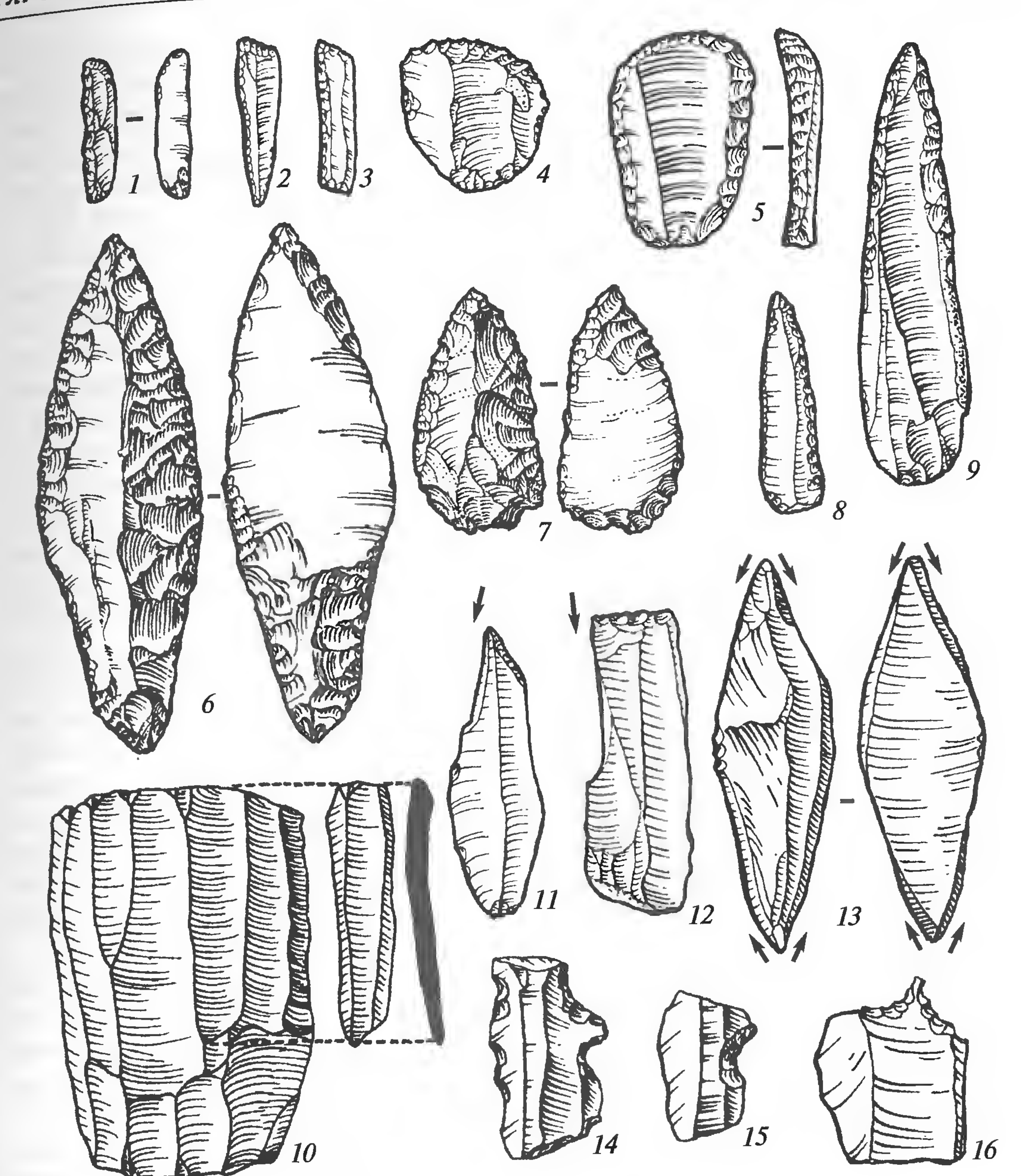
Орудия верхнего палеолита меняют свой внешний облик по сравнению с более ранними эпохами: они становятся меньше и изящней благодаря изменению форм и размеров заготовок и более совершенной технике ретуширования. Разнообразие каменного инвентаря сочетается со значительно большей устойчивостью форм изделий.

Среди всего многообразия орудий есть группы, известные по предшествующим эпохам, но появляются и получают широкое распространение новые. В верхнем палеолите существуют такие известные ранее категории, как зубчато-выемчатые орудия, скребла, остроконечники, скребки, резцы. Удельный вес некоторых орудий увеличивается (резцы, скребки), других, наоборот, резко уменьшается (скребла, остроконечники), а некоторые исчезают совсем. Орудия верхнего палеолита более узкофункциональны по сравнению с предшествующими эпохами.

Одним из важнейших и самых распространенных орудий верхнего палеолита был ***резец***. Он был предназначен для резания твердых материалов, таких как кость, бивень мамонта, дерево, толстая кожа. Следы работы резцом в виде конических канавок отчетливо видны на многочисленных изделиях и заготовках из рога, бивня и кости со стоянок Западной и Восточной Европы. Однако в инвентаре некоторых археологических культур Сибири и Азии резцы отсутствуют, по-видимому, их функции выполняли другие орудия.

Скребки в верхнем палеолите были одной из самых массовых категорий орудий. Они обычно изготовлялись из пластин и отщепов и имели выпуклое лезвие, обработанное специальной скребковой ретушью. Размеры орудий и угол заострения их лезвий очень разнообразны, что обусловлено их функциональным назначением. На протяжении многих тысячелетий от мустье до железного века этот инструмент использовался для обработки шкур и кожи.

Каменные орудия верхнего палеолита:
1–3 — микропластинки с ретушью; 4, 5 — скребки; 6, 7 — наконечники; 8, 9 — острия; 10 — призматический нуклеус со сколотой с него пластиной; 11–13 — резцы; 14, 15 — зубчато-выемчатые орудия; 16 — проколка

Скребками производилась одна из основных операций — мездрение, т.е. очистка шкур и кожи, без которой их нельзя было использовать ни для шитья одежды и обуви, ни для устройства кровли жилищ и изготовления различной тары (сумки, мешки, котлы и т.д.). Большое разнообразие пушнины и кож требовало соответствующего количества необходимых инструментов, что наглядно видно из археологических материалов.

В палеолите скребком чаще всего работали без рукоятки движениями «на себя», растягивая шкуру на земле и закрепляя ее колышками или расстилая на колене.

Изготовление и использование верхнепалеолитических кремневых орудий:
1 — раскалывание призматического нуклеуса; 2, 3 — работа резцом;
4–6 — употребление концевого скребка

Рабочий край скребков быстро изнашивался, но длина его заготовки обеспечивала возможность многократной подправки. После мездрения и обработки золой, в которой много поташа, шкуры и кожи сушились, а затем выминались с помощью костяных лопаточек и лощил, а кроили их ножами и резцами. Для шитья изделий из кожи и меха служили мелкие острия и проколки и костяные иглы. Небольшими остриями проделывали отверстия в коже, а затем скроенные фрагменты сшивались с помощью растительных волокон, жил, тонких ремешков и пр.

Острия не представляют собой единой категории, эти разнообразные орудия объединены одним общим признаком — наличием острого ретушированного конца. Крупные экземпляры могли использоваться для охотничьего вооружения в качестве наконечников копий, дротиков и стрел, но их же могли использовать для работы с грубыми и толстыми шкурами таких животных, как бизон, носорог, медведь, дикая лошадь, необходимы-

ми при постройке жилищ и для других хозяйственных целей. *Проколки* представляли собой орудия с выделенным ретушью, относительно длинным и острым жальцем или несколькими жальцами. Жальцами этих орудий прокалывали кожу, отверстия потом расширяли при помощи проверток или костяных шильев.

Во второй половине верхнего палеолита появляются ***составные***, или ***вкладышевые***, орудия, которые, несомненно, были очень важным новым технологическим достижением. На основе призматической техники раскалывания человек научился делать правильные миниатюрные пластинки, очень тонкие и имеющие режущие края. Такая техника называется ***микролитической***. Изделия, ширина которых не превышала одного сантиметра, а длина — пяти сантиметров, называют микропластинками. Из них изготовлялось значительное количество орудий, в основном — микроострия и четырехугольные микропластинки с притупленным ретушью краем. Они-то и служили *вкладышами* — составными частями лезвия будущего изделия. Вставляя ретушированные микропластинки в основу из дерева, кости или рога, можно было получить режущие лезвия значительной длины и разнообразной формы. Основу сложной формы можно было вырезать с помощью резцов из органических материалов, что было гораздо удобней и легче, чем делать такой предмет целиком из камня. Кроме того, камень достаточно хрупок и при сильном ударе орудие могло сломаться. При поломке составного изделия можно было заменить только поврежденную часть лезвия, а не делать его целиком заново, такой путь был гораздо экономичнее. Особенно широко этот прием применялся при изготовлении крупных наконечников копий с выпуклыми краями, кинжалов, а также ножей с вогнутыми лезвиями, которые употреблялись при сборе диких злаков жителями южных областей.

Характерной чертой орудийных наборов верхнего палеолита является большое количество комбинированных орудий — т.е. таких, где на одной заготовке (отщепе или пластине) располагалось два-три рабочих лезвия. Возможно, что это делалось для удобства и ускорения работы. Наиболее часто встречаются сочетания скребка и резца, скребка, резца и проколки.

В эпоху верхнего палеолита появились принципиально новые техники обработки твердых материалов — ***сверление***, ***пиление*** и ***шлифование***, однако только сверление применялось достаточно широко.

Сверление было необходимо для получения разнообразных отверстий в орудиях, украшениях и других бытовых предметах. Производилось оно с помощью лучкового сверла, хорошо известного по этнографическим материалам: в тетиву вставляли полую кость, под которую постоянно подсыпался песок, и при вращении кости высверливалось отверстие. При сверлении более мелких отверстий, таких как игольные ушки или дырочки в бусинах или раковинах, применялись кремневые сверла — каменные орудия небольшого размера с выделенным ретушью жалом.

Пиление применялось в основном для обработки мягких пород камня, таких как мергель или сланец. На статуэтках, сделанных из этих материалов, видны следы пиления. Каменные пилки — вкладышевые орудия, они

делались из пластинок с ретушированным зубчатым краем, вставленных в твердую основу.

Шлифование и ***полирование*** чаще всего использовались при обработке кости, но иногда встречаются орудия, в основном массивные и, по-видимому, связанные с обработкой дерева, у которых лезвия обработаны с помощью шлифования. Более широкое применение эта техника приобретает в мезолите и неолите.

Костяные орудия и техника обработки кости

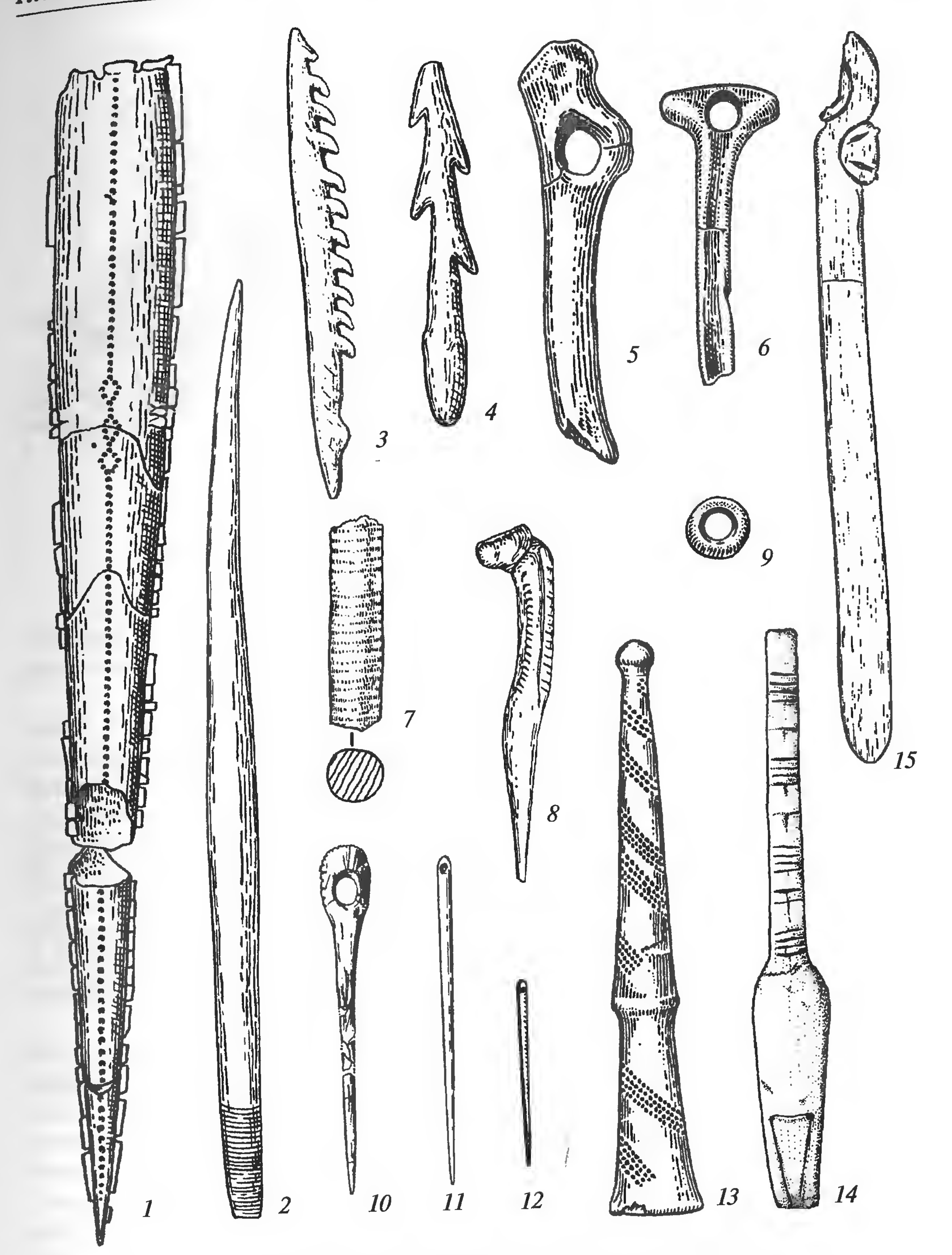
Новым в верхнем палеолите является очень широкое использование кости, рога и бивней для изготовления орудий, утвари и украшений, мелкой пластики. Изредка костяные орудия изготовлялись и в более ранние эпохи, но тогда человек недостаточно владел техникой обработки этого материала. В верхнем палеолите при обработке кости уже применяются сложные приемы — рубка, резание ножом или резцом, сверление, обработка поверхности при помощи абразивов. Процесс обработки кости включал ряд операций, каждая из них требовала специальных инструментов из кремня или мягкого камня. При обработке кости, вероятно, применялось нагревание, вымачивание и т.д.

Орудия из кости разнообразны — это острия, которые, возможно, служили наконечниками копий, гарпуны из рога оленя, различные шилья, проколки, иглы, булавки, лощила, тесла, мотыги, так называемые выпрямители копий или «жезлы начальников». Иглы из кости практически не отличаются от современных по размерам, разве что немного толще. Их вырезали из плотной кости и шлифовали, ушко либо прорезалось, либо просверливалось. Иглы находят вместе с игольникамим — маленькими цилиндрическими коробочками, сделанными из трубчатых костей птиц. Часто орудия из кости очень тщательно обработаны и украшены орнаментом.

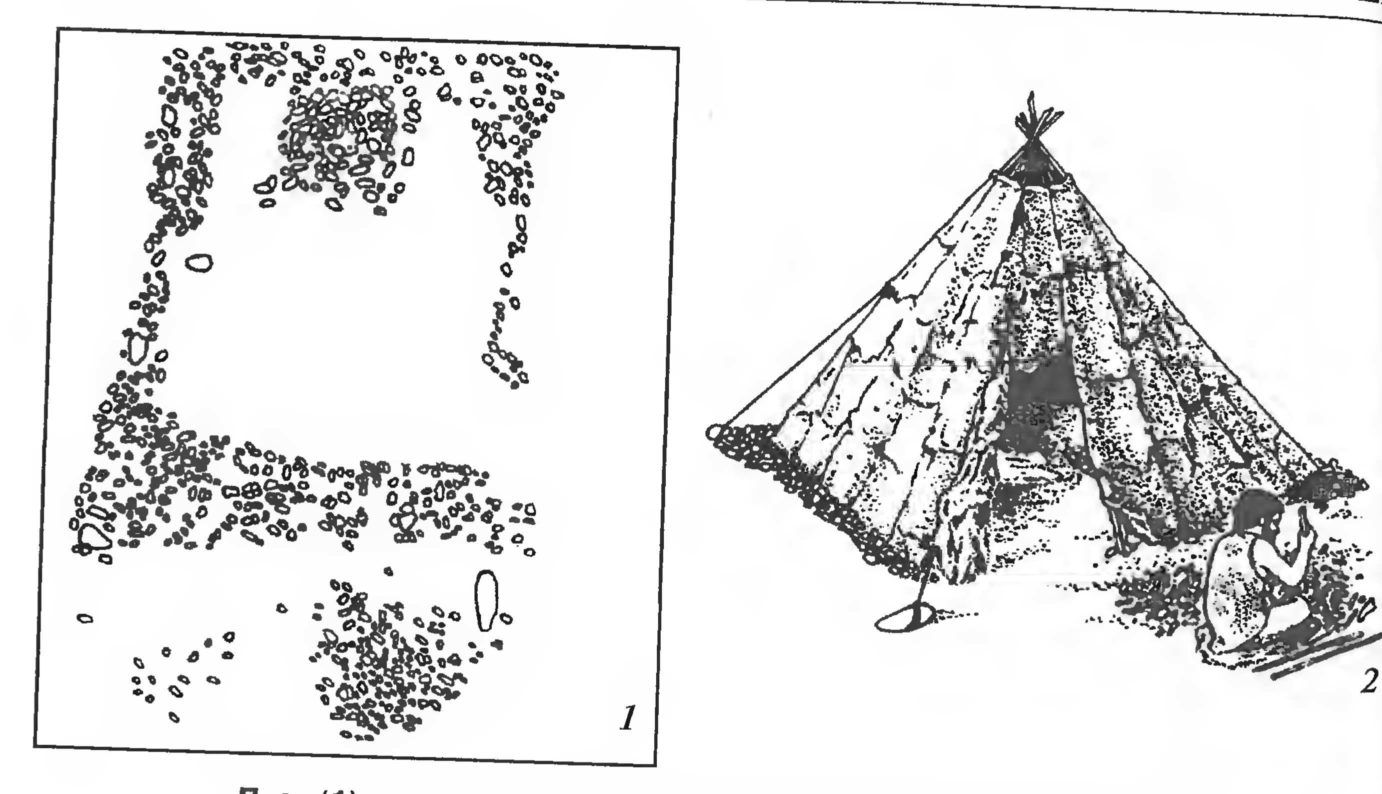
Жилища

Если от предшествующих эпох до нас дошло очень мало остатков жилых сооружений, то для верхнего палеолита их сохранилось довольно много. Люди по-прежнему использовали природные убежища — гроты, навесы и пещеры, но также строили искусственные сооружения на стоянках под открытым небом. Жилища различаются по размерам, форме, конструктивным особенностям и материалам. В одних случаях для постройки жилища использовалось большое количество костей мамонта или других крупных животных, в других — иные материалы. Так, на сибирских стоянках Мальта и Буреть таким строительным материалом были камень и рога северных оленей, в некоторых других случаях употреблялись крупные камни разных форм. Все эти твердые материалы служили для создания цоколя жилой конструкции и укрепления его каркаса, который, вероятно, состоял из деревянных жердей. Каркас покрывался шкурами, которые могли закрепляться сверху крупными плоскими костями или другими доступными

Верхнепалеолитические изделия из кости, рога и бивня:
1 — наконечник копья с кремневыми вкладышами; 2 — наконечник копья из бивня мамонта; 3, 4 — гарпуны; 5, 6 — выпрямители (жезлы); 7 — игольник; 8 — проколка с зооморфным навершием; 9 — бусина; 10–12 — иглы; 13 — костяная поделка с орнаментом; 14, 15 — лощила

План (1) и реконструкция (2) квадратного мадленского жилища на стоянке Плато Парен (*Франция*)

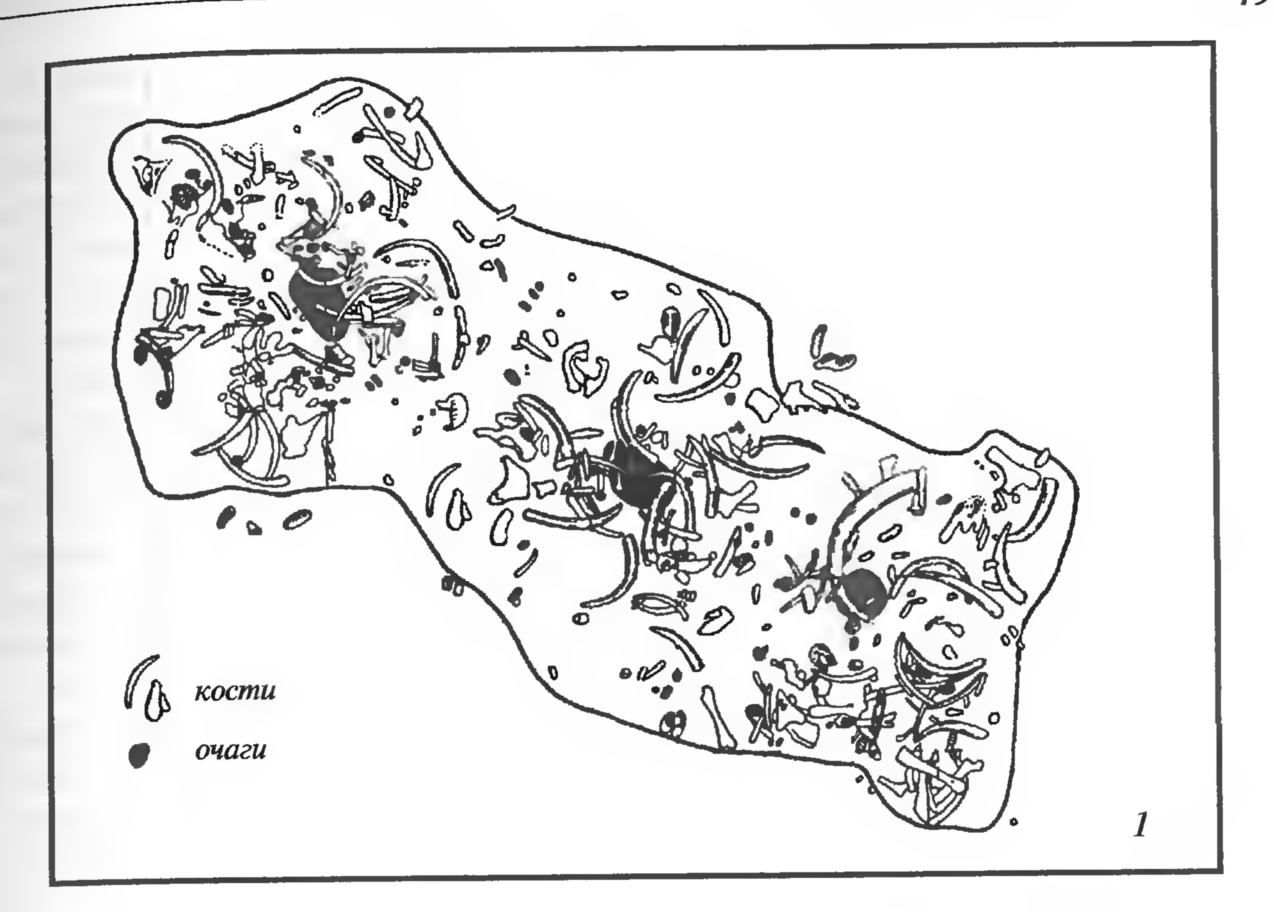
материалами. Наиболее близкими аналогами жилищам верхнего палеолита могут служить жилища северных народов типа чумов и яранг или легкие наземные жилища охотников-собирателей южных областей.

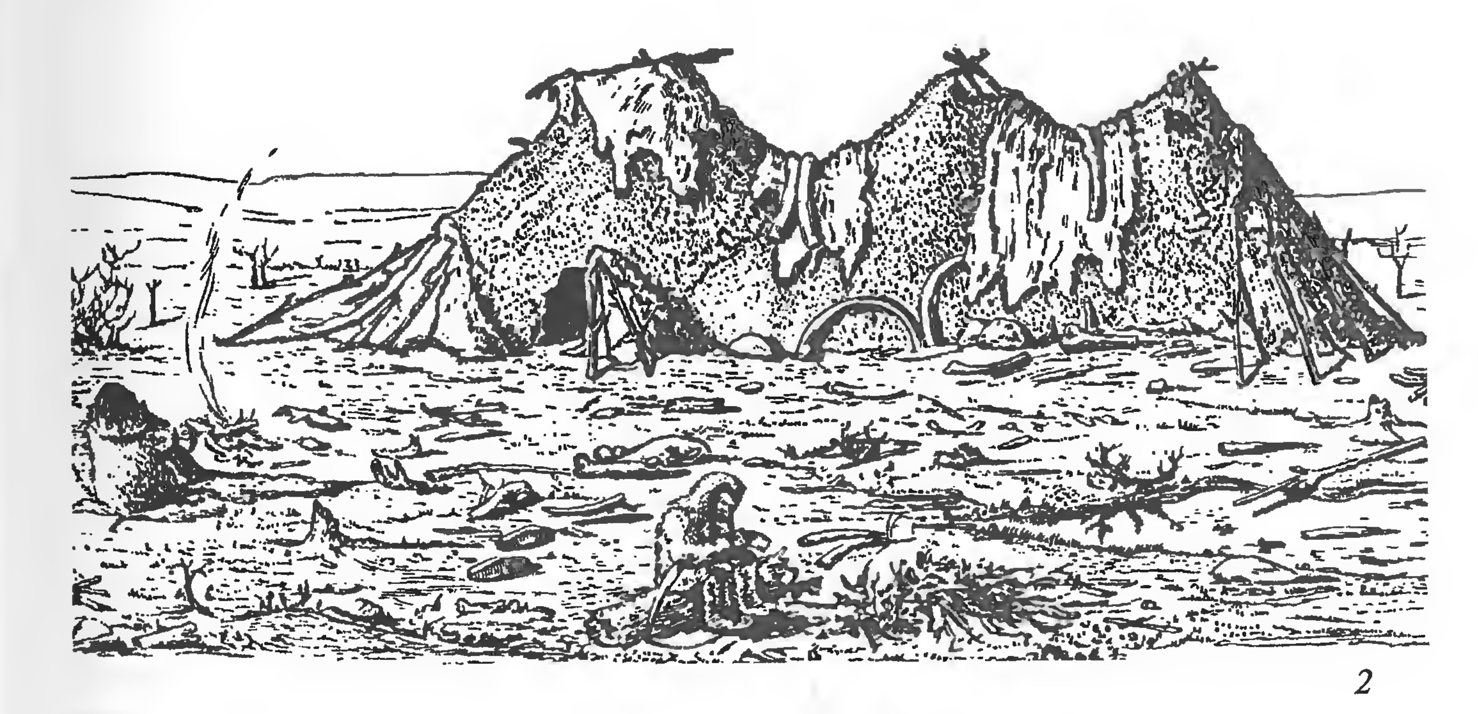
Наиболее распространенными были округлые или овальные в плане жилища с одним или несколькими очагами внутри. Их остатки обнаруживаются при раскопках стоянок в виде скоплений крупных костей мамонта или других крупных животных. Такое скопление имеет четкие границы и представляет собой остатки обвалившихся стен и кровли жилища. Нередко оно залегает в углублении. Дно углубления — это пол жилища, на котором при раскопках можно обнаружить разнообразные следы обитания — очаги, ямки-хранилища, зольные или охристые пятна, осколки кремня и кости, каменные и костяные изделия, угольки. Расположение находок позволяет судить о том, как использовалась площадь жилища, где располагались рабочие или спальные места, входы и выходы и т.д.

На территории России известно более 30 верхнепалеолитических жилищ различных типов. Наиболее хорошо изучены жилища Костенковско-Боршевского района и на стоянке Гагарино на Дону; на стоянках бассейна Десны — Елисеевичи, Юдиново; в Среднем Поднепровье — на стоянках Гонцы, Мезин, Добраничевка, Межиричи. Часто в качестве основания жилища сооружался цоколь из черепов и крупных костей мамонта, представлявший надежную опору для стен. В Юдинове такой цоколь состоял из 20 черепов мамонтов, а в Межиричах в строительной конструкции использованы кости 149 особей мамонта.

Существовали в позднем палеолите и удлиненные жилища с несколькими очагами. Остатки такой конструкции длиной 12 м и шириной 4 м с тремя очагами исследованы на стоянке Пушкари. Похожие жилища известны на

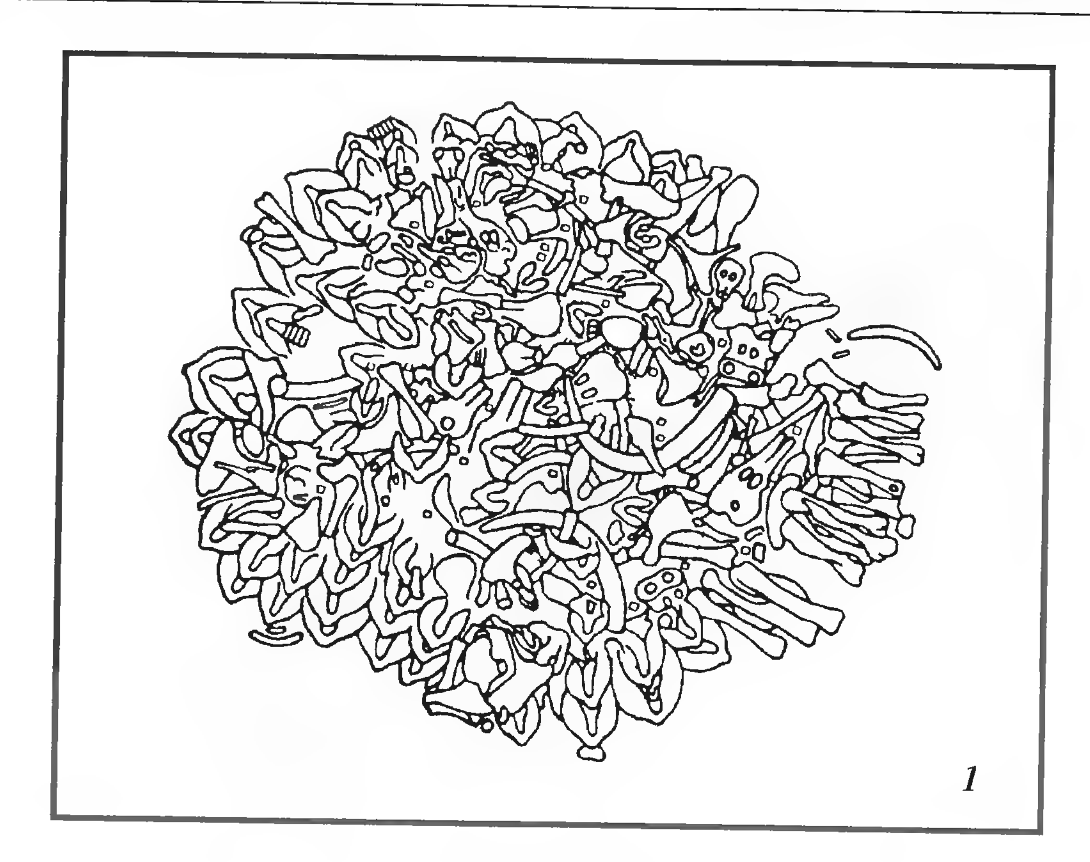

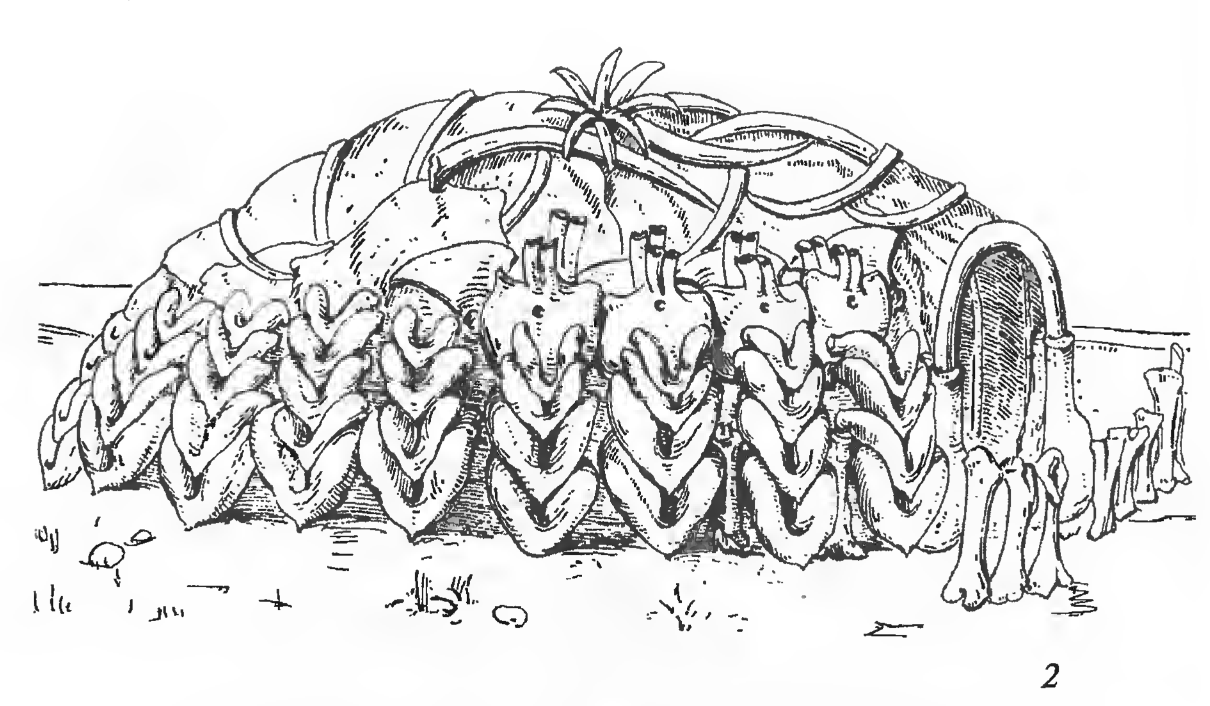

План (1) и реконструкция (2) верхнепалеолитического жилища с тремя очагами на стоянке Пушкари I

стоянке Костенки 4. Удлиненные жилища, возможно, имели двускатную кровлю, которая могла быть сделана из коры, травы или шкур животных.

Самым трудным для реконструкции является еще один тип позднепалеолитических жилых объектов — это сложно организованные овальные жилые площадки, площадью более сотни кв.м, с рядом очагов, расположенных по их длинной оси. По периметру такие площадки были окружены

План (1) и реконструкция (2) верхнепалеолитического жилища из костей мамонта на стоянке Межиричи (*Украина*)

ямами-кладовыми и спальными (?) ямами-землянками. Ямы-кладовые служили, вероятно, для хранения мясных запасов, поскольку крупная охотничья добыча не могла быть использована в пищу сразу. Для перекрытия кладовых и землянок широко использовались крупные кости и бивни мамонтов. Такие жилые площадки характерны для костенковско-авдеевской культуры и обнаружены на стоянках Костенки 1 на Среднем Дону, Авдеево близ Курска, Зарайской неподалеку от Зарайска близ Москвы.

В более южных областях, где природные условия были значительно мягче, известны легкие наземные жилища типа шалашей или навесов и ветровых заслонов вокруг очагов. Ряд таких легких наземных сооружений известен на памятниках Франции (Пинсеван, Этиоль), на Балканах и на юге России (Мураловка, Каменные Балки, Осокоревка и др.). Единственными следами таких сооружений являются ямки от столбовых конструкций каркаса, очаги и скопления находок с четкими границами.

Несколько жилищ могли образовывать небольшой поселок, что показывает материал стоянок Добраничевка, Межиричи, Костенки 4, Мальта́, Буреть. На некоторых стоянках выделяются комплексы, состоящие из жилищ и связанных с ними мастерских, где изготовлялись кремневые и костяные орудия, там же имелись очаги под открытым небом и разнообразные хозяйственные ямы. Население таких поселков, вероятно, образовывало сплоченную группу — род или общину.

Для определения длительности обитания человека на той или иной стоянке кроме археологических источников привлекаются разнообразные данные по палеоэкологии, палеодемографии и, с особой осторожностью, этнографии. Несмотря на то что многое в этом вопросе не вполне ясно, исследователи обычно говорят о преобладании относительной — сезонной — оседлости у палеолитических охотников-собирателей.

Украшения и одежда

В верхнем палеолите широко распространяются украшения из кости животных и просверленных клыков, зубов, раковин. Это ожерелья из бусин, изготовленные из бивня мамонта, зубов животных и раковин моллюсков, нередко в них включаются более крупные подвески или бляхи. На голове носились скрепляющие волосы орнаментированные обручи (диадемы) из бивня мамонта, на руках — различные браслеты, вырезанные из бивня или составленные из нанизанных бус. Бусы и раковины украшали головные уборы или прически и одежду, что хорошо видно по материалам погребений и деталям антропоморфных статуэток.

О покрое и характере шитой одежды свидетельствуют как изображения людей, так и остатки украшений, нашитых на нее, обнаруженные в погребениях. Эти данные позволяют реконструировать несколько вариантов одежды. Так, на основании изучения женской статуэтки с сибирской стоянки Буреть можно говорить о существовании меховой одежды типа комбинезона, сшитого шерстью наружу, плотно облегающего тело с головы до ног. Более сложный костюм реконструируется по материалам погребений на стоянке Сунгирь. Костюм состоял из рубахи, штанов, обуви и плаща, заколотого крупной булавкой (фибулой). Одежда погребенных была богато расшита по швам бусинами, вырезанными из бивня, что образовывало декоративные каймы. Вообще о наличие достаточно сложной одежды говорят находки большого количества пряжек, пуговиц и различных бляшек-нашивок, сделанных из кости и часто орнаментированных.

Исследования последнего десятилетия позволяют считать, что в верхнем палеолите было широко распространено плетение, вязание и, в некоторых районах, ткачество. Образцы первого текстиля имеют возраст 26 тыс. лет и были обнаружены на ряде стоянок в Моравии (Центральная Европа). Растительным сырьем для него служили волокна крапивы и конопли.

Охота

Находки на стоянках большого количества костей разнообразных животных свидетельствуют о том, что охота была одним из основных занятий населения. По костным остаткам животных мы можем определить набор промысловых видов. Такими животными были мамонт, дикая лошадь, северный и благородный олень, бизон, сайга, а из хищников — волк, бурый и пещерный медведь, лисица, песец, из грызунов — заяц, байбак. Значительно реже находят кости птиц и рыб.

Иногда на стоянках встречаются целые скелеты песцов и других хищников — следовательно, эти животные не были употреблены в пищу. Это позволяет предполагать, что в некоторых случаях охота велась исключительно из-за меха. По характеру костных материалов можно проследить определенную избирательность охоты на тот или иной вид животных в зависимости от сезона, пола и возраста. Так, вышеупомянутые скелеты пушных зверей относятся к стоянкам, на которых жили в осенне-зимние сезоны, т.е. в то время, когда мех наиболее прочен. Кости животных, найденные на стоянках, как правило, принадлежат либо молодым, либо старым животным, а объем охотничьей добычи на стоянках не очень велик. Таким образом, охота не нарушала экологического баланса местности. Все это говорит о том, что представление о палеолитическом человеке как о бездумном хищнике явно устарело.

Листовидные и другие острия, наконечники с боковой выемкой, вероятно, служили навершиями охотничьего вооружения — копий и дротиков. Кроме того, на ряде стоянок обнаружены костяные наконечники для таких орудий, как копья и гарпуны. Часто изготовлялись вкладышевые наконечники: в пазы костяного наконечника закрепляли острые кремневые пластинки. На некоторых стоянках Франции были найдены копьеметалки, которые увеличивали дальность полета метательного оружия и силу удара. В верхнем палеолите, по-видимому, были изобретены лук и стрелы. Ряд исследователей предполагают, что в это время начинается одомашнивание волка (стоянка Авдеево).

Для верхнего палеолита реконструируются различные способы охоты: при помощи ловчих ям, загонов или облав, засад у водопоев, с помощью разных ловушек и пр. Охота требовала четкой организации всех действий коллектива. На одной из французских стоянок найден охотничий рог, который, как известно, служит для передачи сигналов группам охотников на различных стадиях охоты.

Охота обеспечивала людей пищей, материалом для одежды и строительства жилищ, давала очень важное сырье для изготовления разных изделий — кость (которая, кроме того, служила топливом). При этом охота не могла удовлетворить всех потребностей человека и существенно дополнялась разнообразным собирательством, роль которого была велика, особенно в южных регионах.

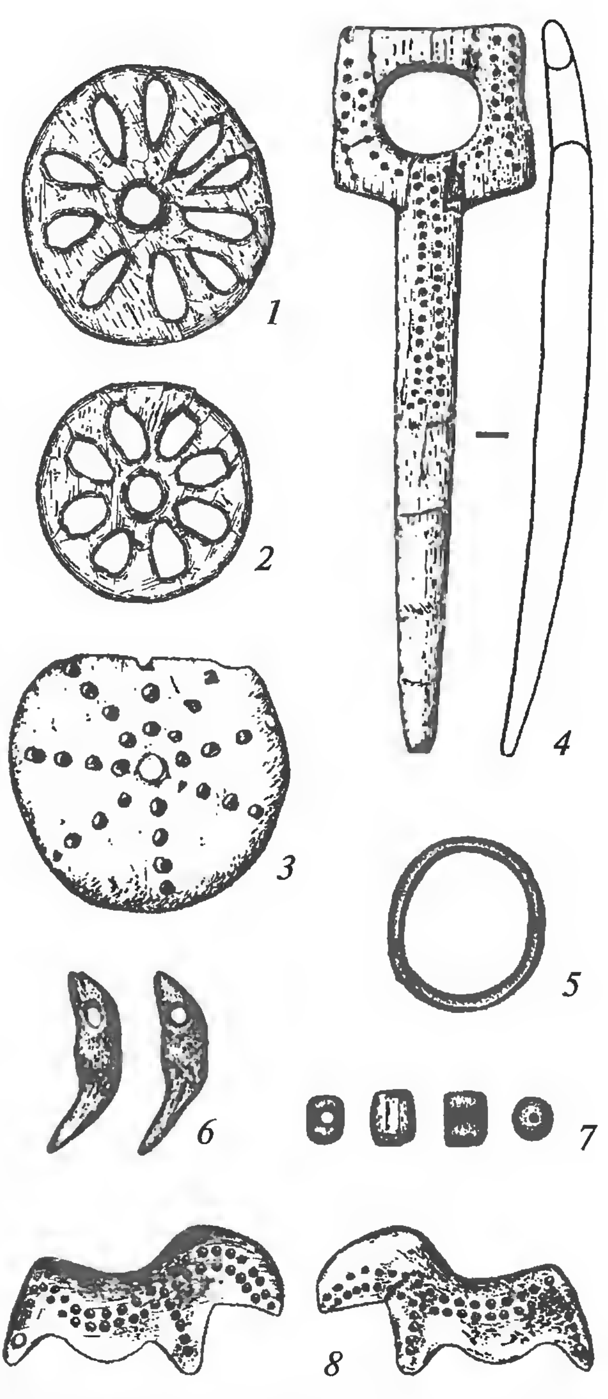

Религиозные представления. Погребения

Духовная жизнь палеолитического человека развивалась в непосредственной связи с дальнейшим освоением мира и развитием материальной культуры. Первобытные верования являются отражением определенных выводов, представлений и понятий, возникших в результате длительных наблюдений за явлениями природы и накопленного жизненного опыта. Уже в мустьерскую эпоху у человека начинает складываться комплекс представлений, объясняющих важнейшие основы мироздания. Не отделяя своего существования от окружающего мира и наблюдая различные природные явления, первобытные люди приписывали себе способность вызывать или творить те же явления и, с другой стороны, приписывали силам природы, животным и неодушевленным предметам различные способности и возможности, присущие только человеку. Этот комплекс представлений получил название *анимизма*. Убеждение в существование связи человека с каким-либо животным или растением привело к возникновению еще одного направления первобытных верований — *тотемизма*. Тотемизм возникает вместе с возникновением родового общества. Его основой является представление о том, что все члены одной родовой группы происходят от определенного животного, растения или даже неодушевленного предмета — тотема.

Главной причиной возникновения погребальной практики, как уже говорилось выше, явилось дальнейшее развитие социальной организации и усложнение мировоззренческих представлений. К настоящему времени известно около 70 погребений верхнего палеолита, обнаруженных пока только в Евразии. В эту эпоху, несмотря на относительно немногочисленные находки погребений, можно говорить о некоторых устойчивых чертах погребальной практики. Умершие люди помещались в могильные ямы, зачастую окруженные или покрытые камнями и костями, погребальный инвентарь представлен украшениями, каменными и костяными изделиями, часто использовалась красная охра. Погребения расположены, как правило, на стоянках или в обитаемых пещерах. Позы погребенных весьма разнообразны. Погребения бывают одиночными и коллективными. Так, например, на стоянке Пржедмость (Чехия) было найдено коллективное погребение, содержавшее остатки не менее 20 человек: 8 скелетов принадлежало взрослым, остальные — детям. Скелеты лежали по большей части скорченными на боку, иногда были обложены лопатками мамонта или перекрыты камнями. Парные и тройные погребения обнаружены в гротах Гримальди на юге Франции, в Моравии, на стоянке Сунгирь под Владимиром, на стоянке Мальта на Ангаре.

Двойное погребение детей на стоянке Сунгирь и предметы искусства, найденные в погребении и на стоянке:
1, 2 — резные диски; 3 — костяной диск с точечным орнаментом; 4 — жезл из бивня; 5 — перстень из бивня; 6 — подвески из клыков песца; 7 — костяные бусины; 8 — лошадка с точечным орнаментом (из культурного слоя)

Мужское и парное детское погребения Сунгиря представляют особый интерес благодаря прекрасной сохранности и богатейшему инвентарю. Мужское погребение содержало более трех тысяч бусин из бивня мамонта и зубов песца. Их расположение на скелете позволяет реконструировать костюм, состоящий из рубахи без разреза спереди и штанов, соединенных с обувью. На голове погребенного был головной убор, украшенный нашитыми резными бусами, на руках — браслеты из кости. На дне могилы лежал кремневый нож и скребло. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине и был густо засыпан охрой. Практически рядом с этим погребением было обнаружено еще одно, по необычности обряда и богатству инвентаря выделяющееся среди других. В могильной яме длиной 3 метра лежали два скелета в вытянутом положении, обращенные головами друг к другу. Они принадлежали подросткам — мальчику и девочке, захороненным одновременно. Одежда погребенных была богато украшена нашитыми резными бусами и другими костяными украшениями. Рядом с детьми было положено уникальное охотничье вооружение — копья, превышающие длиной 2 метра, сделанные из цельного выпрямленного бивня мамонта, длинные и короткие костяные кинжалы. На груди мальчика лежал амулет — фигурка костяной лошадки. Интересно заметить, что такая же фигурка, украшенная спиралевидным орнаментом, выполненным рядом ямок, была найдена в культурном слое стоянки.

Богатый материал для исследования погребального обряда дают стоянки Костенковско-Борщевского района. На них обнаружено четыре погребения. Погребение на стоянке Костенки 2 было обнаружено рядом с жилищем в специально пристроенной к нему овальной камере из костей мамонта. Положение скелета позволяет предположить, что покойный был помещен в погребальную камеру в сидячем положении со связанными ногами. Погребение со стоянки Маркина Гора (Костенки XIV) содержит полностью сохранившийся скелет мужчины примерно 25 лет, лежащий в простой грунтовой яме, пол которой был густо засыпан охрой. Погребенный был положен на бок в сильно скорченной позе, рядом с ним найдены три кремневых отщепа, фаланга мамонта и заячьи кости. Уникальными являются конструкция и обряд погребения на стоянке Костенки XV. В овальной могильной яме, расположенной под полом жилища, в сидячем положении, на искусственно сооруженном сидении был погребен мальчик 6–7 лет. Найденный в погребении инвентарь представлял собой богатый набор из 70 разнообразных костяных и каменных орудий труда. На голове погребенного находился убор, украшенный более чем 150 просверленными зубами песца. Дно могилы было густо окрашено желтой и красной охрой.

Палеолитическое искусство

В искусстве позднего палеолита проявилось богатство духовного мира древних охотников и собирателей. Хотя начало изобразительной деятельности можно относить и к эпохам позднего ашеля и мустье, ее расцвет приходится на пору верхнего палеолита. Открытые в конце XIX в. образцы верхнепалеолитической живописи были столь совершенны, что современники сначала отказывались верить в их древний возраст, и лишь в результате длительной и бурной дискуссии они были признаны подлинными.

В настоящее время феномен палеолитического искусства общепризнан и является предметом всестороннего изучения. В палеолитическом искусстве выделяют три основные группы памятников (три основных жанра): монументальное — пещерная живопись и рельефы; искусство малых форм — мелкая пластика (статуэтки, небольшие пластинки из кости с гравировками); прикладное — украшения, художественно оформленные предметы быта и пр.

Зарождение и расцвет верхнепалеолитического искусства свидетельствует о завершении формирования сознания, о появлении новой, совершенно специфической — человеческой деятельности, направленной на создание первой модели мира.

Основными изобразительными мотивами пещерной живописи и мелкой пластики были образы зверя и человека. Некоторые рисунки и скульптуры выполнены столь реалистично, что палеонтологам удается определить по ним вид животных, вымерших ныне. Особенно часто встречаются среди изображений мамонт, бизон, лошадь, хищники.

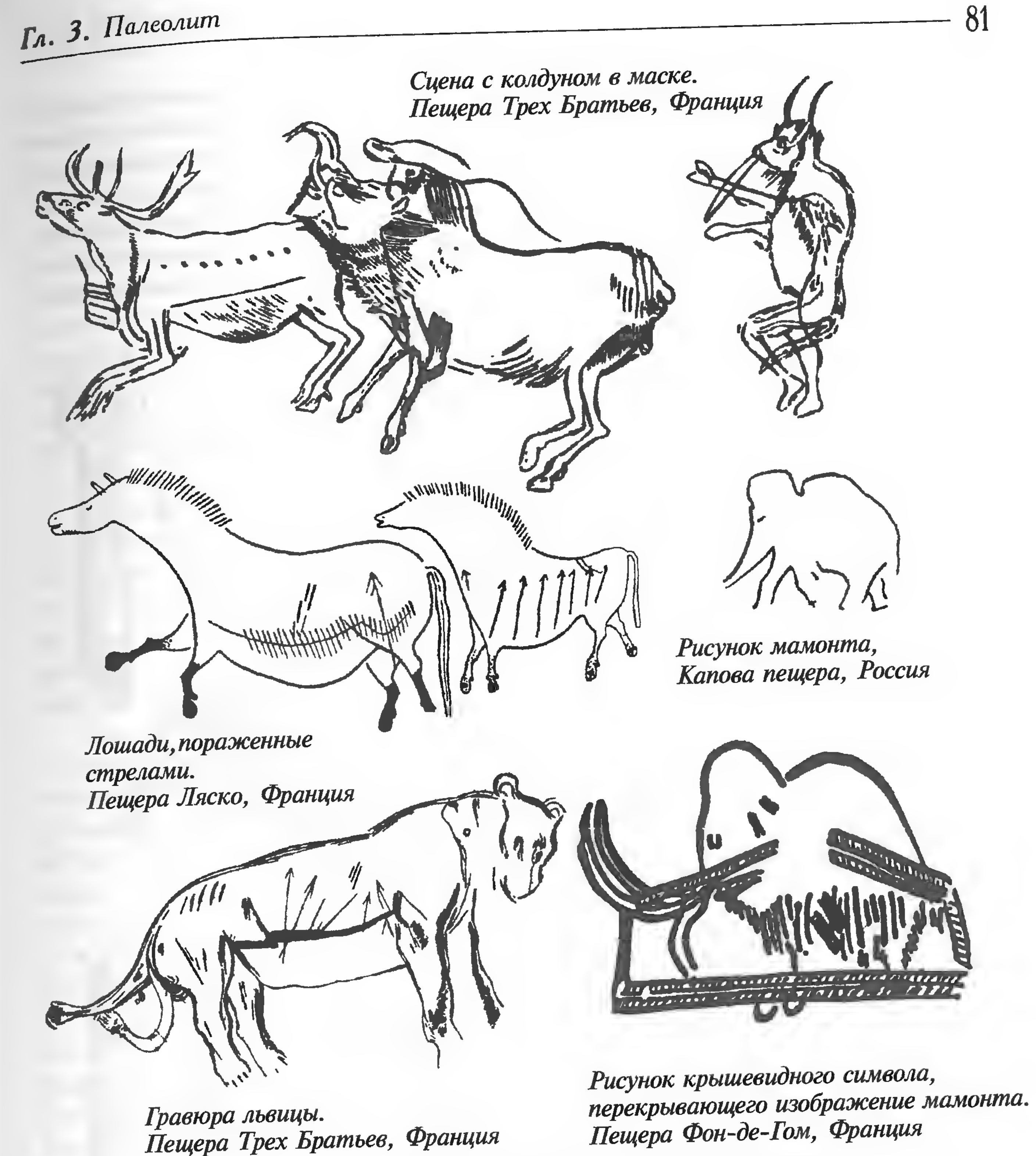
Считается, что зооморфные изображения появляются несколько раньше, чем антропоморфные. Наиболее ранним памятником ***пещерной живописи*** (28 тыс. лет назад) в настоящее время является пещера Шове во Франции, где представлены прекрасные композиции изображений лошадей, львов и других животных. Монументальные росписи наиболее полно представлены в пещерах юга и юго-запада Франции, севера Испании, Италии, а также Сербии, Хорватии. Там известно около 120 таких объектов. Такие памятники, как пещеры Альтамира, Ляско, Пеш-Мерль, Нио, Трех Братьев, представляют яркие примеры полихромных живописных композиций. По мнению одного из крупнейших археологов XX в. А. Леруа-Гурана и многих других ученых, пещерные росписи не были просто бессистемным рядом изображений, а могли служить «записями-иллюстрациями» к древнейшим мифам. Так, бизон в пещерной живописи олицетворял женское начало, лошадь — мужское, а различные сочетания их изображений могли отражать какие-то мифологические сюжеты.

Изображения человека достаточно редки в монументальном искусстве и, в отличие от изображений животных, более условны. Известны изображения, сочетающие в себе черты человека и животного. Как правило, их интерпретируют как участников обрядов, связанных с охотничьей магией. Таковы, например, фигура «шамана» из пещеры Трех Братьев или сцена ритуального поедания бизона из пещеры Раймонден и т.п. Следует отметить, что несколько таких изображений представлено и в мелкой пластике — наиболее известна фигурка стоящего мужчины с головой льва из Хохленштейн-Штадель (Германия). По-видимому, все они связаны со сходным кругом представлений, основанных на тотемизме.

В России пещерная живопись обнаружена в Каповой и Игнатьевской пещерах на Урале. Возраст культурного слоя в этих пещерах — около 14 тыс. лет. На стенах пещер открыты изображения мамонтов, носорогов, лошадей и геометрических фигур.

Первобытные художники пользовались минеральными красками: мелом, углем и охрой желтого, красного или вишневого цвета. В темных

Сцена с колдуном в маске. Пещера Трех Братьев, Франция

Лошади, пораженные стрелами. Пещера Ляско, Франция

Рисунок мамонта, Капова пещера, Россия

Гравюра львицы. Пещера Трех Братьев, Франция

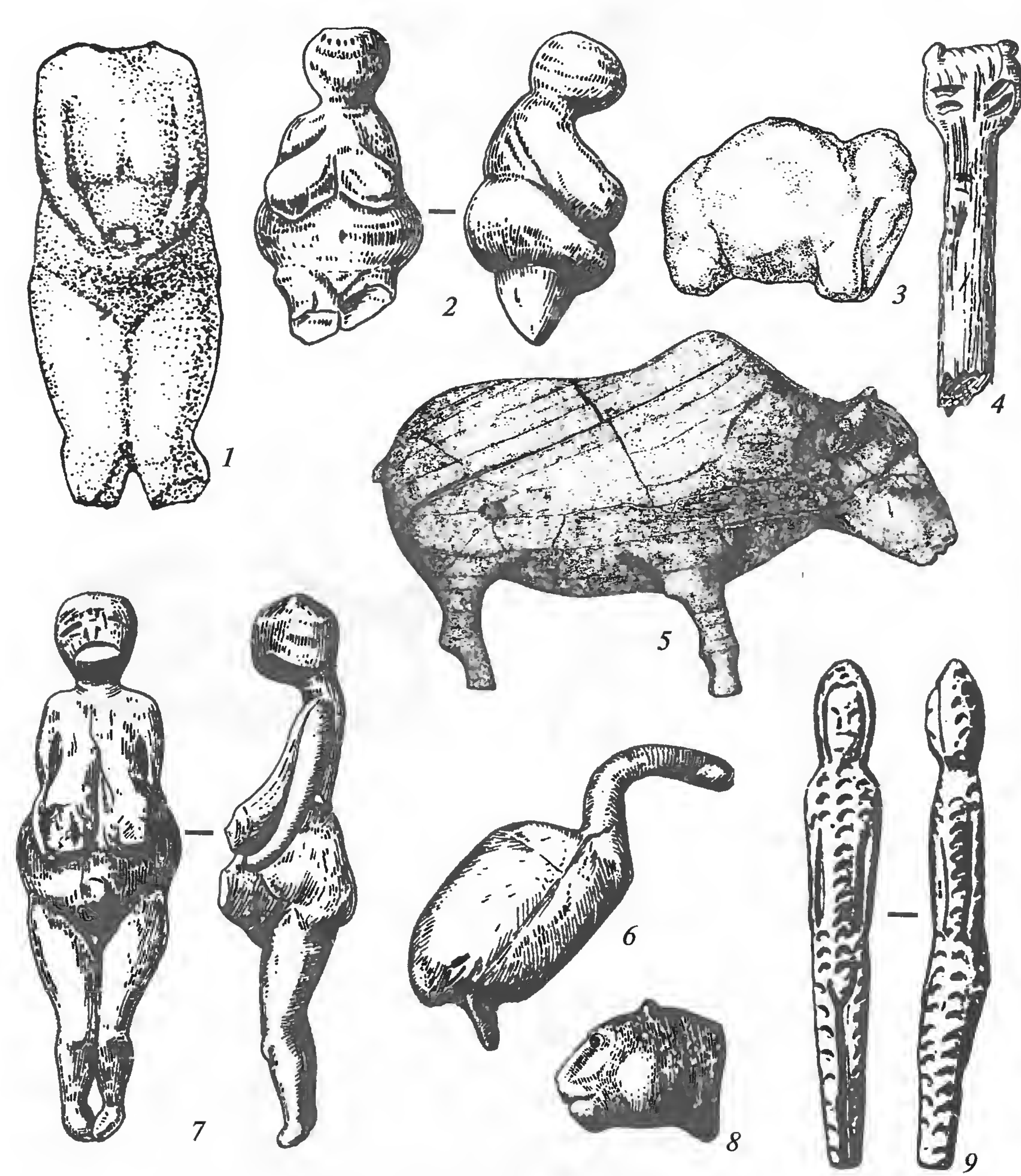
Рисунок крышевидного символа, перекрывающего изображение мамонта. Пещера Фон-де-Гом, Франция

Наскальная живопись и гравировка верхнего палеолита

пещерах человек рисовал при свете костра, факела или лампы. Фрагменты такой глиняной лампы были обнаружены при раскопках в Каповой пещере.

Кроме образцов настенной, как правило, полихромной живописи, в монументальном пещерном искусстве представлены ***рельефные изображения***, выполненные в технике гравировки и пикетажа. Пикетаж — техника создания изображения посредством выбивания точечных углублений. Наиболее известны высокий рельеф женщины с рогом из пещеры Лоссель и парная группа бизонов из пещеры Тюк де Одубер, выполненная как горельеф, в 3/4 натурального объема.

Предметы ***искусства малых форм*** — статуэтки людей и животных и пластинки с их гравированными изображениями — распространены очень широко. В Центральной и Восточной Европе и Северной Азии таких находок гораздо больше, чем в Западной Европе. Фигурки животных отличаются высоким мастерством исполнения и большой выразительностью. Статуэтки мамонта, носорога, бизона, лошади, медведя, пещерного льва и других животных, возможно, предназначались для использования в маги-

Мелкая пластика верхнего палеолита:
1, 2, 7, 9 — «палеолитические Венеры» (*Авдеево, Гагарино, Костёнки, Буреть*); 3 — мамонт (*Авдеево*); 4 — навершие в виде головы «кошачьего хищника» (*Авдеево*); 5 — бизон (*Зарайская стоянка*); 6 — водоплавающая птица (*Мальта*); 8 — голова львицы (*Костёнки*)

ческих обрядах и могли храниться в особых местах. Так, например, на многих стоянках статуэтки из бивня мамонта найдены в небольших ямках-хранилищах под полом жилищ, иногда они встречаются в погребениях (лошадка со стоянки Сунгирь).

Кроме млекопитающих изображались птицы, рыбы и змеи. Целая серия скульптурных изображений водоплавающих птиц происходит с сибирской стоянки Мальта: птицы изображены в движении — они плывут или летят, раскинув крылья. Также в движении выгравированы и извивающиеся змеи на крупной пластинке из бивня мамонта, найденной на той же стоянке. Изображения рыб, змей известны на гравированных пластинках со стоянок Западной и Восточной Европы. Многочисленные изображения птиц, змей и рыб могут быть связаны с развитием ранних мифологических представлений о стихиях природы — воздухе, земле, воде.

Среди антропоморфной пластики преобладают изображения женщин — так называемых «палеолитических Венер», сейчас их известно около 200. Мужские изображения немногочисленны. Большая часть статуэток изображала женщин в полный рост, хотя известны и изображения женских головок и отдельных частей тела. Многие статуэтки найдены внутри жилищ или рядом с ними. Нередко их находят рядом с очагами или в специально вырытых ямках.

Европейские статуэтки изображают, как правило, обнаженных женщин с подчеркнутыми женскими формами, часто украшенных орнаментированными поясами и лентами, браслетами и даже кольцами, иногда со сложными прическами или головными уборами. Стройный тип «Венер» встречается в основном на сибирских стоянках. Известные женские фигурки со стоянок Мальта и Буреть более схематичны и уплощены, однако черты лица у них проработаны. Особенностью некоторых фигурок является покрывающий их сплошной орнамент, изображающий меховую одежду с капюшоном.

В пластике верхнего палеолита кроме реалистичных женских изображений присутствуют статуэтки, характеризующиеся высокой степенью обобщенности при создании женского образа, — это знаменитые «птички» со стоянки Мезин и ряд западноевропейских статуэток с разных стоянок Франции и Италии.

Реализм женских изображений, с одной стороны, а с другой — акцентирование половых признаков, отображение признаков беременности позволяют говорить о значимости выражения именно материнского начала. Считается, что широкое распространение женских статуэток свидетельствует о формировании в верхнепалеолитическую эпоху культа женщины-матери и хранительницы очага.

Женские изображения могли служить талисманами, оберегами и использоваться для совершения различных магических обрядов.

Для изготовления предметов мелкой пластики применялся главным образом бивень мамонта, кость, янтарь, а также мягкий камень — мергель. Однако на стоянках павловской культуры (Чехия, Моравия), которые датируются 26–24 тысячелетиями до н.э., были обнаружены статуэтки женщин и

животных из обожженной глины, полученные в результате очень качественного обжига. Там же, на стоянке Долни Вестонице, были найдены остатки примитивной печи-горна для обжигания ***керамики*** и множество ее фрагментов. Эти находки датируются примерно тем же временем. То есть — это первое свидетельство изобретения человеком керамики. Еще одна керамическая антропоморфная фигурка была найдена на сибирской стоянке Майна (верхний Енисей). Интересно то, что их творцы, делая качественную керамическую пластику, следовательно, владея высокотемпературным обжигом, не пытались делать керамическую посуду.

Особый вид палеолитического искусства составляет ***орнамент***. Он встречается на женских статуэтках, украшениях, пластинах из бивня и кости и даже на орудиях труда. Древние орнаментальные мотивы чрезвычайно разнообразны — от простейших фигур (точек, черточек, крестиков и их сочетаний) до сложного, искусно выполненного меандрового орнамента из Мезина, шестигранной сетки из Елисеевичей и двойной спирали из Мальты. Часть орнаментов — линии треугольников, косой крест и их комбинации — считаются «женскими», так как ими украшаются женские статуэтки и ряд костяных орудий, традиционно связываемых с женским трудом по изготовлению одежды.

Орнамент верхнего палеолита:
1 — браслет (*Мезин*); 2, 6 — изображение птицы (*Мезин*); 3 — орнаментированная лопатка мамонта (*Мезин*); 4 — пластина из бивня мамонта, орнаментированная с двух сторон (*Мальта*); 5 — череп мамонта, орнаментированный красной охрой (*Межиричи*); 7, 8 — фрагменты диадем с орнаментом (*Авдеево*)

Часто на орнаментированных предметах или бивнях с насечками выделяются группы элементов, повторяющихся в определенных числовых интервалах — наиболее распространены группы по 2, 5, 7 и кратные им. Наличие орнамента, построенного таким образом, позволило ученым выдвинуть гипотезу о происхождении счета (пятеричной и семеричной систем) и лунного календаря в эпоху палеолита.

Находки предметов палеолитического искусства на территории России и Украины распространены неравномерно, наибольшее их число найдено на стоянках Среднего Дона, Поднепровья, Десны и в Восточной Сибири.

Несомненно, что кроме изобразительных, в верхнем палеолите существовали и иные формы искусства, например такие, как музыка и танец. Об этом свидетельствуют находки на верхнепалеолитических стоянках флейт и свирелей, которые практически не отличаются от современных и до сих пор могут играть. На стоянке Мезин были исследованы остатки жилища, в котором у одной из стенок находилась группа крупных костей мамонта, украшенных росписью красной охрой. По предположению исследователей, эти предметы могли служить ударными музыкальными инструментами.

Культурные области и археологические культуры

В верхнем палеолите темпы развития человеческого общества возрастают, новые открытия и усовершенствования распространяются все быстрее и, вместе с тем, становятся заметнее местные различия в развитии материальной культуры.

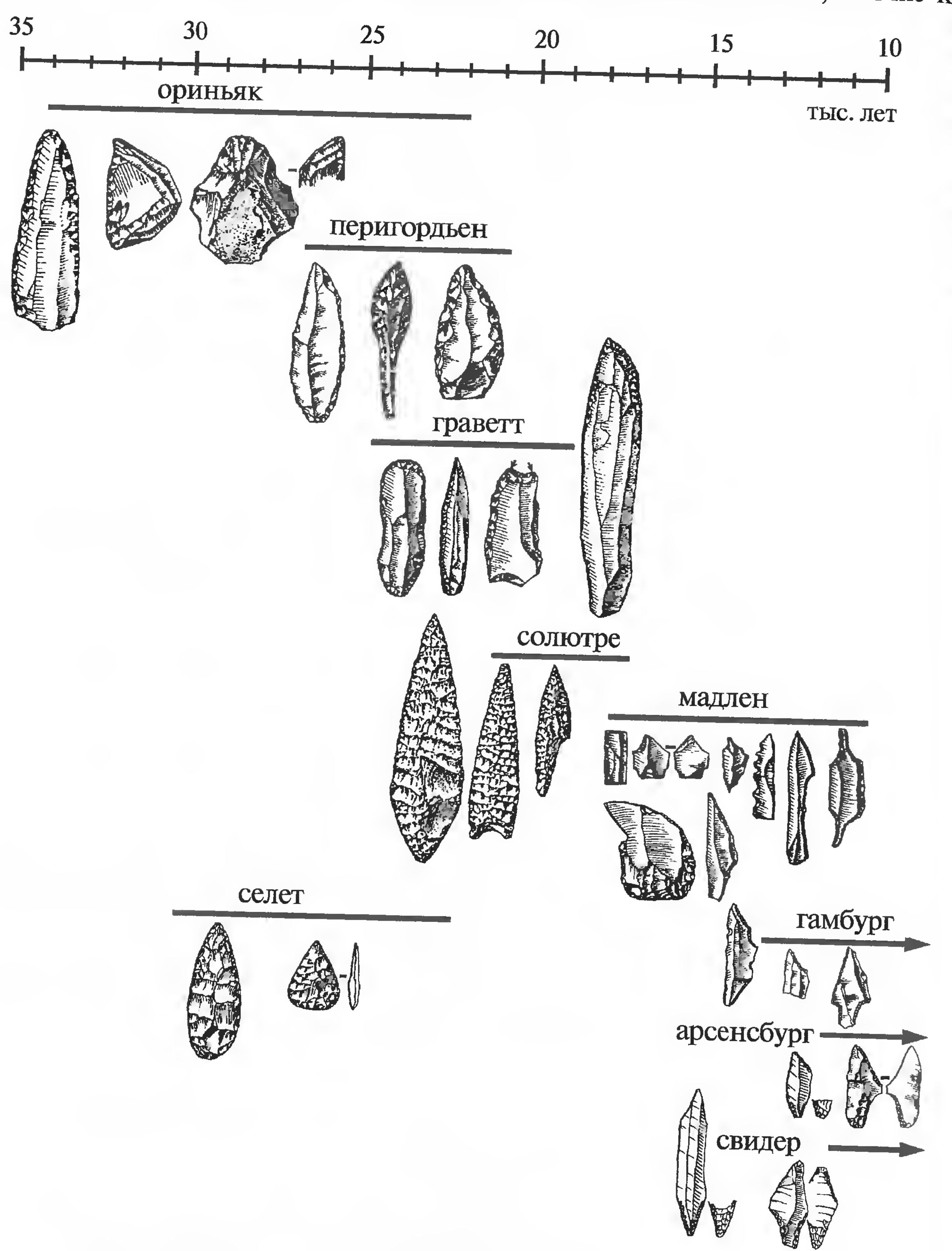
Археологический материал не дает оснований для выделения единого или единственного центра, в котором возникла верхнепалеолитическая индустрия. Большинство исследователей предполагают, что многие археологические культуры верхнего палеолита сложились в ряде районов на основе местных мустьерских традиций. Этот процесс происходил на разных территориях, вероятно, около 40–36 тыс. лет назад.

Археологические культуры (см. Введение) в каменном веке выделяются на основании типологического анализа кремневого и костяного инвентаря и технологии их изготовления. Археологическая культура для этой эпохи характеризуется определенным набором специфических типов орудий, изготовленных в одной технологической традиции, а также сходными формами (типами) жилищ и особенностями в изобразительном искусстве (если последнее имеется).

Предполагается, что различия между археологическими культурами отражают определенные различия в социально-культурных традициях, свойственных различным человеческим коллективам.

Долгое время большинство исследователей признавали стадиальность развития верхнего палеолита для всей ойкумены, при этом выделялось три общих стадии (эпохи): ***ориньяк, солютре*** и ***мадлен***. Впоследствии к ним прибавился еще один весьма продолжительный этап — ***перигордьен***.

В настоящее время благодаря материалам многолетних исследований общепризнано, что это не общие стадии развития материальной культуры, а достаточно большие культурные области, которые в некоторых случаях и на некоторых территориях Западной и Центральной Европы сменяют друг друга, а в других случаях сосуществуют. Внутри этих областей, так же как

Соотношение основных культурных областей верхнего палеолита в Западной и Центральной Европе

и во всей верхнепалеолитической ойкумене, развиваются самобытные культуры. Выяснилось, что на достаточно ограниченной территории могут в одно и то же время сосуществовать и развиваться различные археологические культуры.

Западная и Центральная Европа. Общепризнано, что на начальных стадиях верхнего палеолита сосуществуют две основные культурные области — *перигордьен* и *ориньяк*, абсолютный возраст которых определен в 34–22 тыс. лет.

Происхождение материальной *культуры перигордьена* традиционно связывают с дальнейшим развитием варианта мустье с ашельской традицией, так как роль мустьерских элементов в каменной индустрии на начальном ее этапе велика, хотя со временем существенно уменьшается. Основная область распространения — Юго-Западная Франция.

Ориньякская культура известна в Испании, Франции, Бельгии, Англии. Наиболее характерной чертой ориньякской каменной индустрии можно считать особую «ориньякскую» ретушь, с помощью которой оформлялись разнообразные типы орудий. Широко распространены костяные наконечники плоской или веретенообразной формы — это первый устойчивый тип костяных орудий. Памятники Центральной Европы несколько отличаются от западноевропейских, в основном эти отличия проявляются в искусстве: западноевропейские рисунки животных выполняются, как правило, в профиль, а женские статуэтки более реалистичны и пластичны.

В рамках раннего верхнего палеолита Центральной Европы выделяют *селетскую культуру*, для которой характерно сочетание верхнепалеолитических и мустьерских типов изделий. На отдельных селетских памятниках даже встречаются острия, пластины и нуклеусы, выполненные в весьма архаичной леваллуазской технике. Наиболее узнаваемой формой может считаться крупный треугольный наконечник.

Несколько позже ориньякской возникает и продолжает сосуществовать одновременно с ней *граветтская культура*, возможно наследующая традиции перигордьена. Граветтские стоянки Чехии и Словакии, Австрии и Франции датируются 26–20 тысячелетиями до н.э. Для граветта характерен богатый орудийный набор, специфическими типами можно считать различные острия, среди которых выделяются асимметричные острия с боковой выемкой и ножи с обушком. Появляются микролиты и составные орудия. Разнообразны костяные изделия: острия, шилья, лопаточки, украшения. Для граветтских памятников характерно присутствие многочисленных образцов мелкой пластики — статуэток женщин и животных, выполненных из бивня и кости, камня или глины.

Граветтская культура представлена большим числом памятников, которые делятся на две группы, восточную и западную, вопрос об их взаимосвязи является дискуссионным.

Солютрейская культура распространена в Центральной и Южной Франции, кроме того, самостоятельный центр распространения сходной культуры существовал в Восточной и Северной Испании и в Португалии. На севере Западной Европы солютрейские памятники, особенно поздние, встречаются крайне редко.

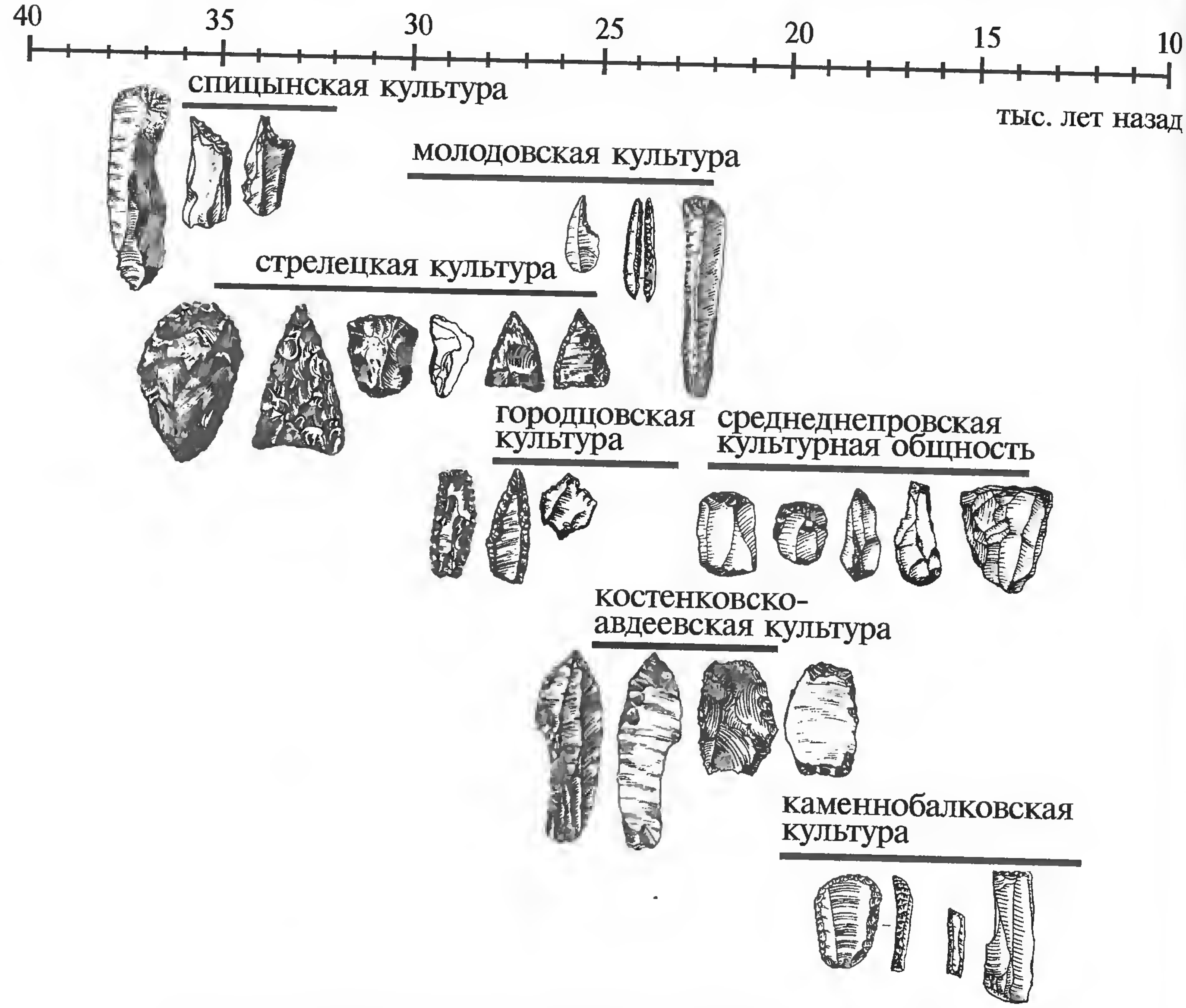
Солютрейская культура относится к периоду между существованием граветтской и мадленской культур, но не связана с ними генетически. Радиокарбонные даты указывают на сравнительно короткий период ее существования (21–19/18 тыс. лет тому назад). Особенностью этой культуры является широкое распространение наконечников копий и клинков ножей. Преобладают формы лавролистных или иволистных наконечников, наконечников с черенком и с боковой выемкой, сделанных с большим совершенством путем обработки кремня с двух сторон отжимной ретушью. Этот способ обработки кремня заключался в том, что с помощью

костяного отжимника с поверхности изделия снимались тонкие чешуйки; такую ретушь называют струйчатой, или «солютрейской».

Мадленская культура датируется периодом 18–12/11 тыс. лет тому назад. Собственно мадленская культура типична только для Франции, Бельгии, Северной Испании, Швейцарии и юга Германии, но характерные для нее черты — широко распространенная обработка кости и специфические типы костяных орудий, своеобразные черты в мелкой пластике — представлены в разной степени в позднепалеолитических культурах всей европейской приледниковой области от Франции до Приуралья. В Центральной Европе развитие индустрий происходит в основном на граветтской основе, но и сюда проникают с запада мадленские импульсы (влияние).

Относительно благоприятные климатические условия, сложившиеся в Европе в конце верхнего палеолита в результате отступления ледника и потепления (13–11/9 тыс. лет тому назад), дали возможность новым группам охотников на тундровых и степных зверей продвинуться на север. В Северо-Западной Европе они представлены *гамбургской* и *аренсбургской культурами*, а в Восточной Европе — *свидерской.*

Для *гамбургской культуры* характерны разнообразные кремневые орудия, среди которых — наконечники стрел с выемкой и своеобразные проколки. Распространены были орудия из оленьего рога с кремневыми вкладышами. Рыбу и птицу убивали односторонними гарпунами из рога северного оленя. Жилища представляли собой округлые и овальные палатки, покрытые шкурами оленя.

Основные верхнепалеолитические культуры Восточной Европы

На памятниках *аренсбургской культуры* найдены многочисленные кремневые изделия — наконечники стрел, скребки, сверла и т.д. Наиболее характерны достаточно широкие и короткие асимметричные наконечники стрел и дротиков с черешком для закрепления изделия в древке, а также особые мотыгообразные орудия из рога северного оленя.

Свидерская культура синхронна аренсбургской. Поселения представляли собой временные стоянки на берегах рек, озер, часто на дюнах. Органические материалы не сохраняются в песке, поэтому свидерский инвентарь представлен только кремневыми изделиями: иволистными и черешковыми наконечниками, скребками на пластинах и отщепах, резцами различных форм и т.д.

Памятники, сходные со свидерскими и аренсбурскими, известны на северо-западных территориях, прилегающих к России; позже, в течение всего мезолита, эти традиции прослеживаются на территории всей лесной зоны Восточной Европы.

Для Восточной Европы, Сибири и многих областей Азии, а тем более Америки схема развития западноевропейских культурных областей не реализуется, однако вследствие активного передвижения различных групп населения, обусловленных изменениями климата, мы можем наблюдать влияние той или иной культурной традиции на весьма удаленных территориях.

Восточная Европа демонстрирует разнообразие верхнепалеолитических культур, модифицируя различные ориньякоидные, селетоидные, граветтские, мадленские традиции и проявляя при этом большую самобытность.

Наиболее древними являются *спицынская, стрелецкая, городцовская культуры*, исследованные в Костенковско-Боршевском р-не на Среднем Дону. *Спицынская* и *стрелецкая культуры* относятся к одной хронологической группе, но их инвентари разительно отличаются друг от друга. Для *спицынской культуры* (36–32 тыс. лет назад) характерна призматическая техника расщепления, большинство орудий сделано из пластин правильной формы. Двусторонняя обработка отсутствует. Самая многочисленная группа орудий — разнообразные резцы, но много и скребков с параллельными краями. Совершенно отсутствуют мустьерские формы орудий. Найдены изделия из кости — лощила и шилья, украшения из белемнитов и кораллов.

В инвентаре *стрелецкой культуры* (35–25 тыс. лет назад), напротив, очень много мустьерских типов изделий, которые представлены скреблами, скреблами-ножами и остроконечниками с двусторонней обработкой. Основная заготовка — отщеп. Многочисленны скребки, тяготеющие к треугольной форме, почти столь же многочисленны треугольные острия с вогнутым основанием, тщательно обработанные с обеих сторон, — это самая выразительная форма среди орудий стрелецкой культуры. Других типов орудий очень мало.

Городцовская культура относится ко второй хронологической группе костенковских памятников (28–25 тыс. лет назад) и, хотя какое-то время она сосуществовала со стрелецкой культурой, сильно отличается от последней особенностями каменного инвентаря. Заготовками для изделий служат как пластины, так и отщепы. На ранних памятниках присутствуют мустьерские формы, но с течением времени доля их заметно уменьшается.

Краткий обзор только трех этих культур показывает культурное своеобразие каждой. Следует еще раз повторить, что в Костенковско-Боршевском археологическом районе (село Костёнки Воронежской области) выделяется на очень небольшой территории не менее восьми самостоятельных культурных образований.

Молодовская культура — хороший пример длительного автохтонного развития верхнепалеолитической индустрии, связанной с одноименной мустьерской культурой. Памятники молодовской культуры (30–20 тыс. лет назад) расположены в среднем течении рек Прут и Днестр. В процессе длительного существования этой индустрии совершенствовалась выделка изделий на удлиненных пластинчатых заготовках и пластинах, которые становились все меньше. В инвентаре культуры широко представлены специфические виды скребков, разнообразные резцы и острия. С самых ранних этапов ее существования появляются орудия на микропластинках, количество которых со временем постоянно возрастает.

Одним из ярких культурных образований Восточной Европы является *костенковско-авдеевская культура* (25–20/18? тыс. лет назад), памятники которой расположены в центральной части Русской равнины и удалены друг от друга на значительные расстояния — Костёнки и Гагарино на Среднем Дону, Авдеево на Сейме, Зарайская стоянка под Москвой. Каменный инвентарь богат и разнообразен, очень характерны крупные наконечники с боковой выемкой, листовидные острия, ножи с обушком. Многочисленны орудия из кости — острия и лощила, иглы и игольники, мелкие поделки. На стоянках найдено очень много образцов мелкой пластики и прикладного искусства, выполненных из бивня, кости и мергеля. Жилые площадки со сложной планировкой описаны в разделе «Жилища».

Наибольшее сходство памятники этой культуры имеют с материалами павловской культуры в Моравии и рядом памятников в Польше, Германии, Австрии. Эта культура входит в костенковско-виллендорфское единство, граветтийское по своей природе, показывающее сложную картину взаимосвязи культур и памятников Западной, Центральной и Восточной Европы, подтверждающуюся сходством инвентаря, жилых комплексов и искусства.

Среднеднепровская культурная общность занимает обширную территорию в средней части бассейна Днепра и его притока — р. Десны и представлена рядом памятников (Мезин, Пушкари, Елисеевичи, Юдиново, Хотылево II, Тимоновка, Добраничевка, Межиричи, Гонцы), на которых сохранились остатки массивных жилищ (см. раздел «Жилища»). Это типичные поселения оседлых охотников, в число промысловых животных здесь, несомненно, входил мамонт. Эти памятники объединяют общие черты в домостроительстве, образцах искусства малых форм и орнаменте, каменном и костяном инвентаре.

В Северном Причерноморье для поздней поры верхнего палеолита выделяется ряд культур — *каменнобалковская, аккаржанская, анетовская*, носители которых жили в иных условиях, чем обитатели приледниковых областей. Климат здесь был значительно теплее, растительность богаче, а самыми крупными животными были дикая лошадь и бизон. Они-то и являлись основными промысловыми видами, хотя общий состав охотничьей добычи был значительно шире. Иные природные условия определяли и способы адаптации к ним древнего населения — на стоянках нет следов массивных строительных конструкций, ям для хранения запасов пищи в вечной мерзлоте. В каменном инвентаре много разнообразных орудий из микропластинок и вкладышей, в каменнобалковской культуре их количество достигает 30%. Основной орудийный набор типичен для верхнего палеолита, но обладает своеобразием для каждой из культур. Например, инвентарь каменнобалковской культуры имеет очень много сходства с инвентарем имеретинской культуры Кавказа, что говорит о возможности миграции населения оттуда на юг Русской равнины.

В ***Сибири*** исследованы ***кокоревская, афонтовская, мальтинско-буретская*** и ***дюктайская культуры***; подробнее о них можно прочитать в дополнительной литературе.

В настоящее время выделено много верхнепалеолитических культур в Евразии и Америке. Различия между ними существенны, что свидетельствует о независимом развитии культур и об их различном происхождении. В одних районах наблюдается автохтонное развитие от начала эпохи почти до ее конца. В других районах можно проследить приход на территорию распространения одной культуры генетически чуждых культур, прерывающих развитие местных традиций, и, наконец, иногда мы можем наблюдать сосуществование нескольких различных культур — как, например, в Костенковско-Боршевском районе (где исследовано более 60 памятников, относящихся не менее чем к восьми культурам).

В тех случаях, когда удается проследить непрерывное развитие археологической культуры, оказывается, что она может существовать очень длительное время. Например, ориньякская культура во Франции, имеретинская культура Грузии развивались по меньшей мере 10 тыс. лет, каменнобалковская на юге России существовала не менее 5 тыс. лет. Это говорит об успешности адаптации верхнепалеолитического населения к условиям окружающей среды.

Изучение разнообразия верхнепалеолитических культур позволяет решать вопросы о взаимосвязях и миграциях древнего населения и возможных путях заселения тех или иных территорий.

Глава 4

МЕЗОЛИТ

4.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЗОЛИТА

Эпоху каменного века между палеолитом и неолитом иногда называют ***эпипалеолитом, средним каменным веком, голоценовым палеолитом***, но чаще всего — ***мезолитом.*** Археологические культуры и памятники мезолита относятся большинством исследователей к трем климатическим фазам послеледникового времени: пребореалу — от 8,3 до 7.5/7 тыс. лет до н.э., бореалу — 7,5/7–6 тыс. лет до н.э. и началу атлантического периода (атлантикума) — 6–5,5 тыс. лет до н.э. Практически все исследователи соотносят мезолит с периодом от XX до VI, а в некоторых районах и до V тысячелетия до н.э.

История выделения эпохи мезолита непроста. Ученые вплоть до начала XX в. полагали, что в Европе между эпохами палеолита и неолита длительное время существовали значительные по площади незаселенные территории. Лишь в последней четверти XIX в. были открыты памятники, культурные слои которых перекрывали палеолитические, но были отличными от них по характеру и содержащемуся инвентарю. Это побудило археологов к выделению *азильской* и *тарденуазской культур* (пещеры Мас-де-Азиль и Тарденуаз во Франции), которые через некоторое

время заняли свое место в общей периодизации каменного века, например в периодизации Мортилье. Азильская и тарденуазская эпохи выделялись для территории Европы как наиболее поздние стадии древнего каменного века, однако дискуссия об их отличительных особенностях продолжалась.

В 1928 г. украинский ученый М.Я. Рудинский впервые в отечественной литературе ввел термин «мезолит» и высказал предположение о существовании особого, мезолитического, периода каменного века. В 30-х гг. известный английский археолог Д.Г.Д. Кларк обосновал выделение мезолита как отдельного большого периода. Крупный отечественный археолог М.В. Воеводский был первым, кто выделил и описал разнообразный мир мезолитических культур Восточной Европы. Дальнейшие исследования отечественных археологов расширили и углубили предложенные им положения.

Природные условия и расселение человека

Предпосылки перехода от палеолита к мезолиту определялись глобальными климатическими изменениями. Приблизительно 13 тыс. лет тому назад (11 тыс. лет до н.э.) начинается глобальное послеледниковое потепление. Эпоха плейстоцена сменяется эпохой голоцена. Территория Европы постепенно освобождалась от ледниковых покровов, огромные массы воды, образовывавшиеся при таянии ледника, изменяли очертания и характер древнего рельефа. Уровень воды в Мировом океане, а особенно в Каспийском, Черном и Балтийском морях, значительно поднялся, и к IX–VIII тыс. до н.э. достиг наивысшего уровня за всю историю этих водоемов. Постепенно формировались близкие к современным очертания морей и русел рек. Этот процесс, начавшийся на рубеже плейстоцена и голоцена, был очень длительным и завершился не ранее V тысячелетия до н.э., в эпоху неолита.

В послеледниковое время произошли серьезные изменения всего природного комплекса. На занятых ранее ледниковым щитом областях сформировались новые природные зоны: самые северные области занимали тундры, чуть южнее — значительные территории покрылись хвойными, а еще южнее — широколиственными лесами. В пребореале (7,5–7 тыс. лет до н.э.) потепление было столь стабильным, что произошло сокращение тундр и продвижение к северу березовых, сосновых и еловых лесов, которые почти повсеместно достигли побережья Ледовитого океана.

Холодные степные пространства на юге Русской равнины меняют свой растительный покров на более пышный и теплолюбивый, области, известные впоследствии как пустыни, были обводнены и покрыты богатой растительностью.

Изменение растительности непосредственно отразилось на развитии животного мира. Еще в конце палеолита начали вымирать мамонт, шерстистый носорог и овцебык. Такие холодолюбивые животные, как северный олень и песец, отступили далеко на север и широко размножились в тундровой и таежной зонах. Последние представители мамонтовой фауны доживали свой век в приполярных широтах Сибири. Находки костей мамонта из Берелехского местонахождения у р. Индигирки и на Новосибирских островах показывают уменьшение размеров животных, что, как правило, является признаком вымирания популяции. Потепление климата, сгнавшее мамонтов на север, а с другой стороны — повышение уровня северных морей, теснившее мамонтов на юг, резко сократили пригодную для их жизни территорию. К началу VI тысячелетия до н.э. одна из последних популяций мамонтов сохранилась лишь на острове Врангеля в Чукотском море, где, по последним сведениям, они просуществовали до IV тысячелетия до н.э.

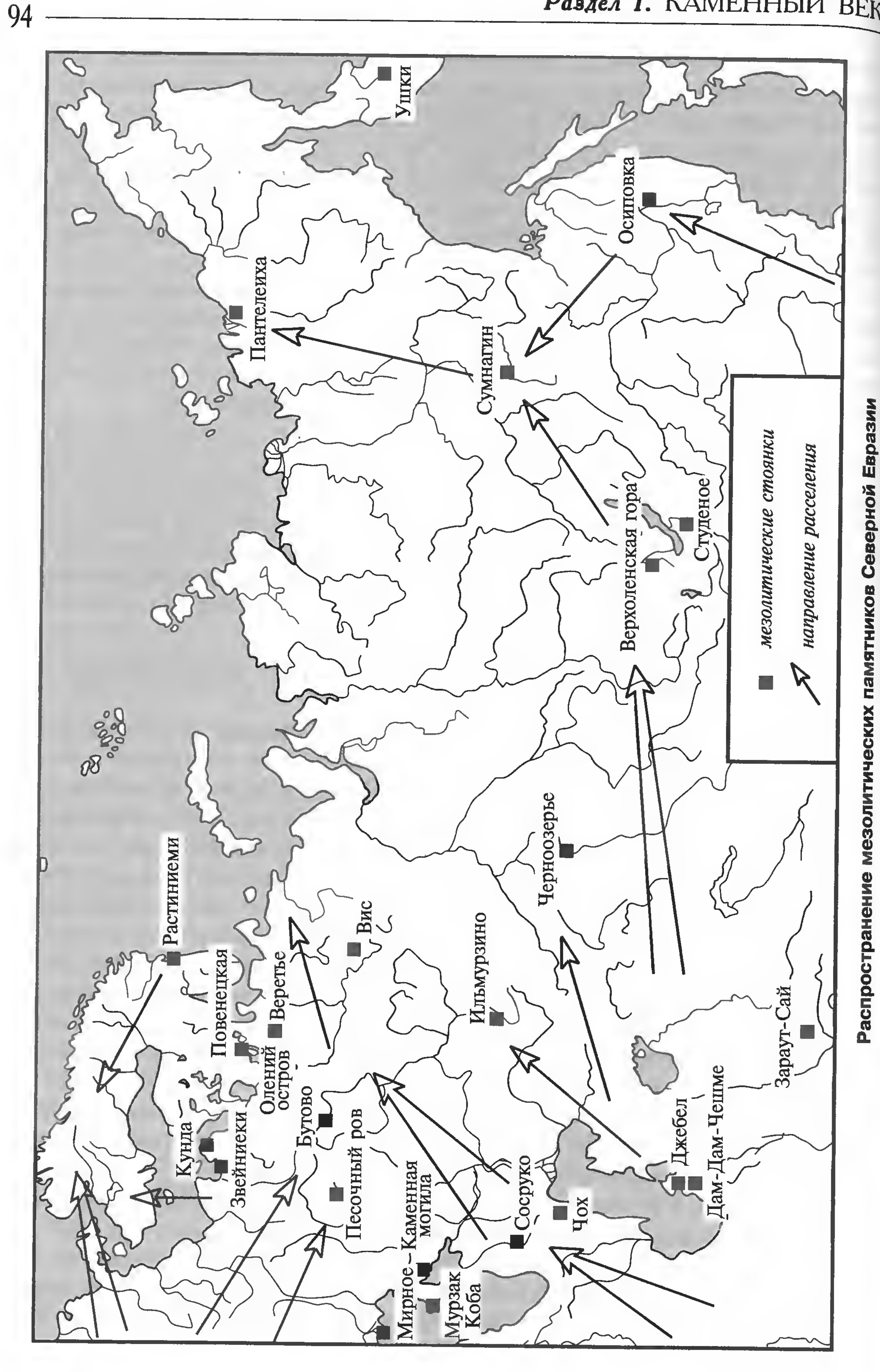

Место вымерших представителей плейстоценовой фауны заняли современные виды животных: в лесах — благородный олень, лось, бурый медведь, волк, кабан, бобр; в степной зоне — сайга, дикий осел, лошадь, тур. Значительно увеличилось количество птиц, особенно водоплавающих, рыбы, морского зверя и прибрежных съедобных моллюсков.

В позднеледниковое время происходит заселение человеком лесной зоны европейской части России. На территории, освобождающиеся от ледяного покрова, вслед за представителями холодолюбивой фауны на север двинулись люди. В течение относительно краткого промежутка времени люди достигли берегов формировавшегося тогда Балтийского моря, верховьев Днепра и Волги. В эту эпоху происходит заселение человеком арктического побережья Кольского полуострова, Заполярья и Дальнего Востока.

4.2. ХОЗЯЙСТВО И БЫТ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Изменения природной среды привели к изменению образа жизни мезолитического населения. В течение всего нескольких тысячелетий первобытные обитатели территории почти всей Европы, долгое время жившие в относительно холодных условиях, превратились в жителей умеренных или теплых климатических зон, с иным растительным и животным миром. То же самое можно сказать и об остальных регионах, так как в это время человек освоил все без исключения природные зоны. Из-за появления резких природных различий между отдельными географическими районами и климатическими зонами именно в мезолите формируются специфические особенности освоения человеком того или иного региона, которые прослеживаются на протяжении всей последующей истории. Так, в южной зоне — зоне лесостепей и богатых растительностью степей — с самого начала преобладает интенсивное собирательство, что достаточно быстро приводит к переходу к производящим формам хозяйства. В районах Северной Африки, на Переднем Востоке и на севере Иранского нагорья — на территории так называемых «земель плодородного полумесяца» — период мезолита был очень коротким и переход к неолиту совершился быстро, в течение 2–3 тысяч лет. Передний Восток стал на долгое время «генератором» новых идей и регионом, откуда мигрировавшее население несло новые культурные традиции на соседние территории. Напротив, лесная зона на очень долгое время остается традиционным миром охотников—рыболовов—собирателей.

Распространение мезолитических памятников Северной Евразии

Распространение лесных и степных видов животных, появление большого количества водоплавающей птицы, рыбы и моллюсков, широкое распространение более теплолюбивых видов растительности — все это предоставляло много новых пищевых ресурсов мезолитическим охотникам, рыболовам, собирателям и соответственно требовало выработки новых форм культурно-хозяйственной адаптации.

С исчезновением крупных стадных животных и открытых ландшафтов теряет свое значение загонная охота. Более мелкие и подвижные виды животных, обитающие в лесной зоне, заставляют человека изменить традиционный для палеолита способ охоты. На промысел выходят теперь небольшие группы охотников, вооруженные луком и стрелами, которые появились уже в конце палеолитической эпохи. Вероятно, на охоте использовали и первое одомашненное животное — собаку. Ее кости найдены на мезолитических стоянках Крыма и Сибири, Переднего Востока.

Охота могла быть успешной только с использованием метательного оружия. В палеолите это были копья и дротики, что было очень удобно в открытых степных и тундровых ландшафтах. В мезолите повсеместно распространяется более действенное оружие — лук и стрелы. Оно позволяло охотиться как на крупных, так и более мелких одиночных животных и на птиц. О распространении этого оружия говорят многочисленные находки наконечников стрел, разнообразных по форме и сделанных из различных материалов. Луки, найденные в мезолитических погребениях Сибири, были длиной около 1 м, они производят впечатление мощного оружия. О том, что луки почитались их древними хозяевами, говорит то, что они были украшены просверленными клыками животных.

Так как водных пространств в окружающей природе стало очень много, а стадных копытных животных значительно меньше, в мезолите резко возрастает роль рыболовства. Это подтверждают находки многочисленных орудий для рыбной ловли: крючков, гарпунов, острог. В это время появляется изогнутый рыболовный крючок (прямой существовал еще в палеолите). Тогда же широко распространяются наконечники для острог, которые представляли собой плоские костяные изделия с мелкими зубцами на одной стороне, тонкие, хорошо заостренные. Такие изделия известны на стоянке Кунда и многих других. Остроги делали не только из кости — в ход шли дерево и камень, известны и составные остроги, где зубцы были вкладышевыми.

Наиболее важным достижением в рыболовстве было применение сетей. Ни гарпун, ни удочка не могли обеспечить достаточного количества добычи. На прибалтийских мезолитических стоянках нередки находки остатков рыболовных сетей с поплавками из сосновой и березовой коры и каменными грузилами. В торфяниках Скандинавии известны находки фрагментов рыболовных сетей длиной более 25 м, которые, как правило, плелись из растительных волокон. Кроме того, использовались различные ловушки типа верш и заборов, остатки которых также найдены в торфяниковых толщах мезолитического времени.

Освоение водных пространств вызвало появление лодок. Это были лодки-долбленки из цельного ствола, а также каркасные лодки типа каноэ (каркас их делался из дерева и обтягивался шкурами, кожей, берестой). В зимнее время были нужны другие средства передвижения — сани и лыжи. Судя по находкам в торфяниках, сани напоминали современные, а лыжи были весьма разнообразны: среди них встречены обычные, а также широкие или круглые лыжи-снегоступы (представляющие собой обод с сеткой внутри), известные у всех охотников лесной зоны до наших дней. Понятно, что изготовление всех этих предметов требовало использования разнообразных орудий для деревообработки.

Новые способы добычи необходимых для жизни ресурсов вызывали новый уклад жизни — для мезолитического времени, как правило, характерны небольшие по площади стоянки с тонким культурным слоем и следами относительно кратковременных жилых сооружений типа шалашей. Это отражает появление небольших групп охотников и рыболовов, живших довольно подвижно. Много таких стоянок со сходным инвентарем встречается на определенных территориях, что позволяет выделять отдельные археологические культуры.

Что касается домостроительства, то значительное потепление климата отразилось и в этой области человеческой деятельности. На различных мезолитических стоянках обнаружены следы довольно больших и иногда углубленных построек из дерева или временных сооружений типа шалашей. В южных областях люди использовали пещеры, навесы, гроты, а также строили легкие наземные жилища.

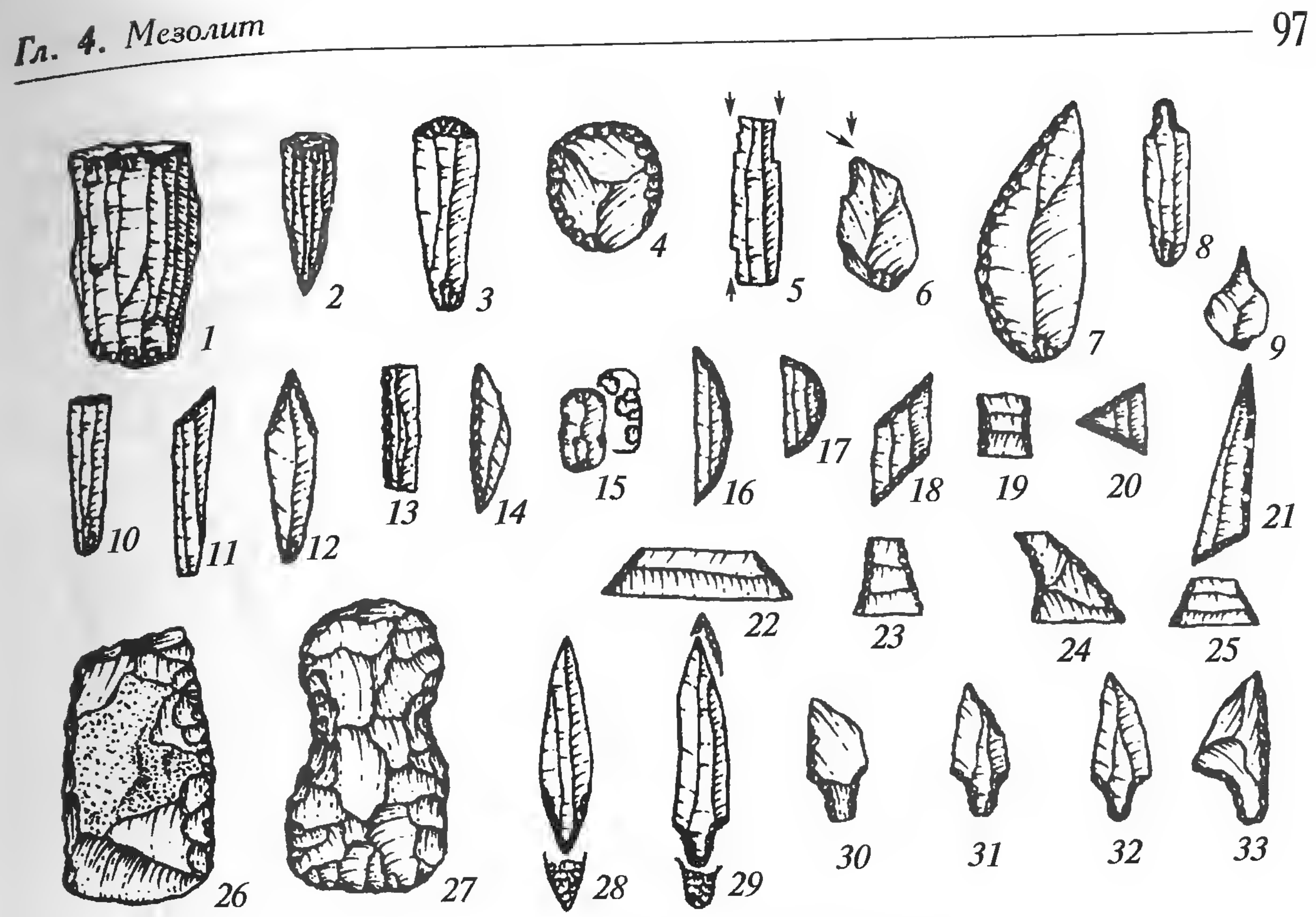
Орудия и техника их изготовления

Обработка камня во многом продолжила традиции палеолита. Прежде всего, развивается призматическая техника раскалывания. Получение и использование тонких микропластинок правильных очертаний достигает в мезолите своего расцвета. Перестройка характера охоты, вызванная изменениями окружающей среды, требовала усовершенствования всех видов метательного оружия, в частности лука и стрел. Наконечники стрел, дротиков, ножи и другое оружие оснащалось лезвиями, состоящими из пластинок-вкладышей, получаемых при раскалывании тщательно приготовленного призматического нуклеуса. Заготовками для таких вкладышей и наконечников стрел были правильные пластины, пластинки, чаще всего длинные и узкие, и отщепы. Форма заготовок и их вторичная обработка, определяющие законченный вид изделия, обусловлены существовавшими в том или ином регионе культурными традициями.

Основной набор орудий мезолита тот же, что и в позднем палеолите. Однако природное своеобразие разных районов определяет появление и массовое распространение специфических групп изделий в каждом из них.

В южных областях широко распространяются многочисленные кремневые изделия геометрической формы, представляющие собой маленькие сегменты, треугольники, трапеции, которые изготовлялись из мелких

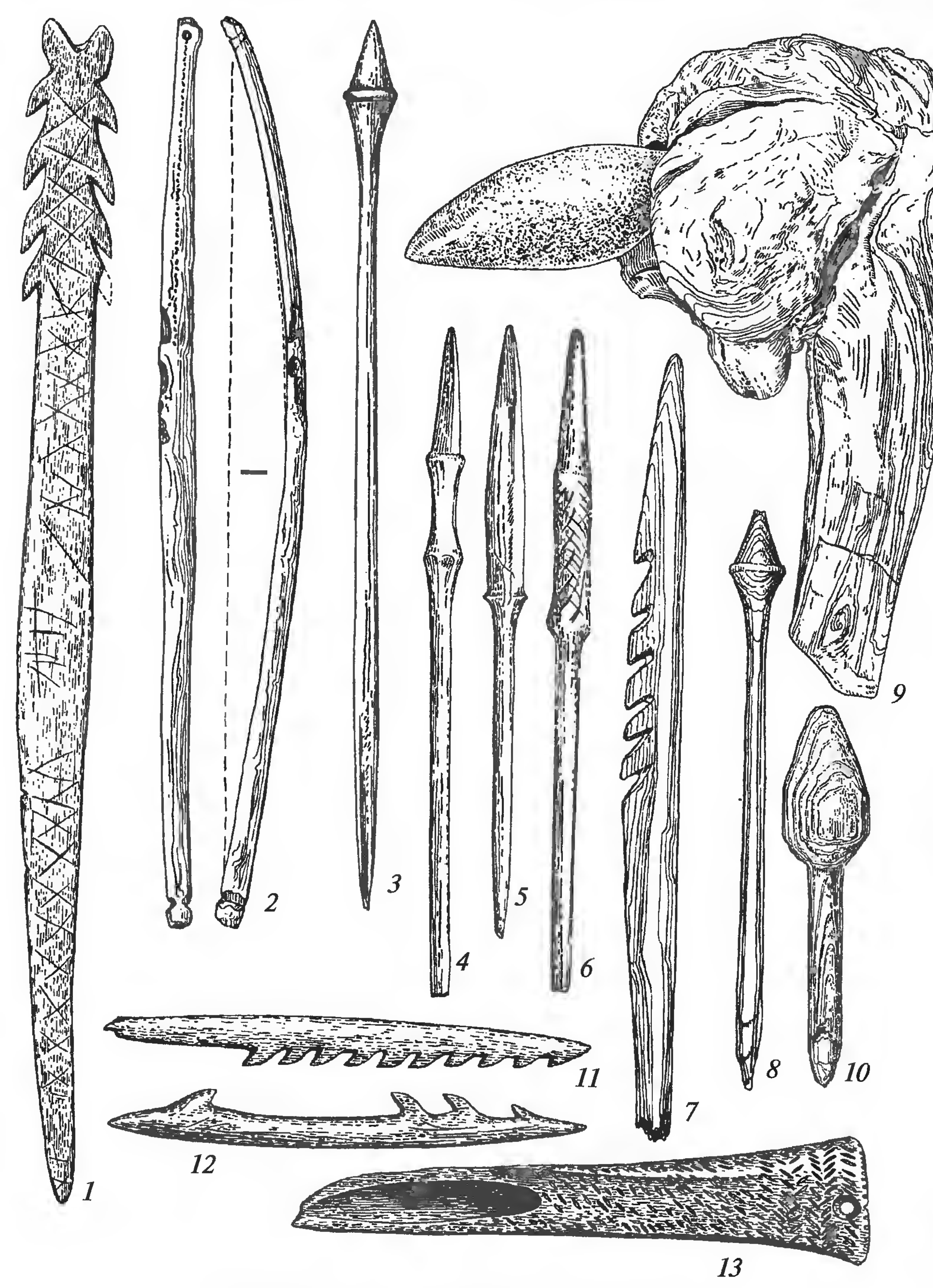

Изделия из камня эпохи мезолита:
1, 2 — нуклеусы (призматический, карандашевидный); 3, 4 — скребки; 5, 6 — резцы; 7 — острие; 8, 9 — перфораторы (сверло, проколка); 10–15 — негеометрические микролиты (пластинки с ретушированным концом, с притупленным краем, острия); 16–25 — геометрические микролиты (сегменты, четырехугольники, треугольники, трапеции); 26, 27 — рубящие орудия (топоры); 28–33 — наконечники стрел

правильных пластинок с помощью ретуши — их обычно называют ***геометрическими микролитами***. Они хорошо известны со времени верхнего палеолита, но наиболее широкое распространение получают в мезолите в результате дальнейшего развития техники призматического расщепления. Они служили наконечниками стрел и вкладышами в составных орудиях, нужных для интенсивного собирательства, охоты и рыболовства. Оснащенные такого рода лезвиями-вкладышами орудия (гарпуны, наконечники копий и дротиков, жатвенные ножи) могли иметь рабочий край не только прямой, но и любой другой необходимой формы, в том числе с шипами и зубцами.

Одной из характерных черт мезолитической эпохи являлось широкое распространение орудий для обработки дерева. В лесных и лесостепных зонах развивается изготовление рубящих и тешущих орудий — долот и топоров, тесел, стругов. Деревообработка достигает большого объема: человек строил жилища, ему были нужны лодки и лыжи, сани и различные охотничьи ловушки, деревянная посуда и множество других деревянных предметов.

Кроме того, достаточно распространены и землекопные орудия — мотыги и кайла. Все эти орудия, как правило, массивны, их часто называют ***макролитами***, а их рабочие лезвия приобретают формы, которые впоследствии можно наблюдать в изделиях из металла.

При изготовлении этих орудий кроме ретуширования использовалось сверление, пиление, шлифование и полирование, которые позже, в неолите, получили очень широкое распространение. Благодаря шлифованию

Костяные и деревянные изделия мезолита
Костяные изделия: 1 — кинжал; 3–6 — стрелы; 11, 12 — гарпуны; 13 — струг
Деревянные изделия: 2 — лук; 7 — гарпун; 8, 10 — наконечники стрел; 9 — топор с муфтой из соснового корня

появилась возможность обрабатывать материал любого строения и твердости, а также придавать ему желаемую форму. Особенно важно это было для изготовления рубящих орудий. Нешлифованными топорами могли быть только кремневые, обсидиановые и кварцитовые, хотя их эффективность была значительно ниже шлифованных. Кроме того, в северной части лесной зоны Восточной Европы месторождения кремня относительно редки, и сырьем для изготовления орудий служили различные горные породы. Шлифование позволяло превращать их в топоры, тесла, кайла и ножи.

В мезолите была широко распространена обработка кости, рога и других органических материалов (кожи, бересты). Как правило, из кости и рога изготовлялись предметы охотничьего и рыболовецкого снаряжения, такие как наконечники стрел, остроги, гарпуны, рыболовные крючки, а также предметы бытового обихода — иглы, шилья, украшения и мелкая пластика. Кроме того, из кости и рога изготовлялись землекопные инструменты — мотыги и кайла. Одежду и обувь шили из кожи и меха. Для изготовления посуды и различной бытовой утвари служили дерево, береста и другие растительные материалы.

4.3. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ. ИСКУССТВО. ПОГРЕБЕНИЯ

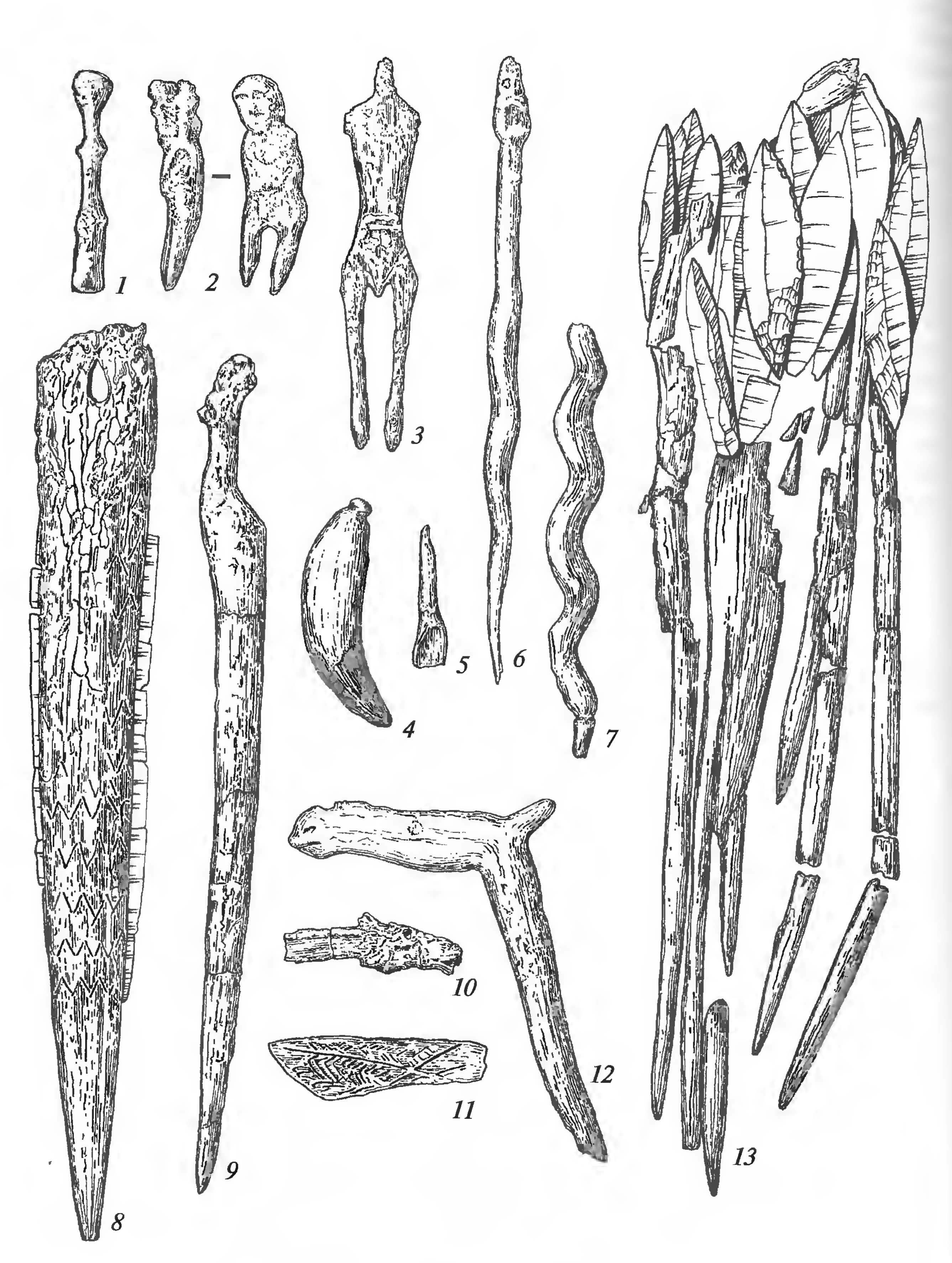
Определенные представления о духовном мире человека мезолитической эпохи дают нам разнообразные и достаточно многочисленные памятники искусства и погребальной практики.

Искусство

Изобразительное искусство мезолита представлено в тех же трех основных видах, что и в верхнем палеолите, — это наскальные изображения, т.е. монументальное искусство, мелкая пластика и прикладное искусство. Тем не менее, в изобразительном искусстве мезолита происходят качественные изменения по сравнению с предшествующей эпохой. На смену яркому «палеолитическому реализму» приходит гораздо более схематичный графичный стиль. Образ человека или животного все более становится зна́ком или символом, кроме того, широко распространяется и усложняется орнамент, которым украшают различные декоративные и бытовые предметы.

Наскальные изображения компонуются в большие группы, их сюжеты в основном посвящены темам охоты, иногда — военных столкновений. Каждая такая композиция — это целый рассказ о событии, эмоционально окрашенный, динамичный. Главное новшество — появление многочисленных изображений людей, столь редких в палеолите: наиболее распространены фигурки охотников, вооруженных луками и копьями.

Наиболее широко наскальные изображения представлены в Испании и Северной Африке. Не все из них могут быть отнесены только к мезолиту, так как эта традиция развивалась и сохранялась на этих территориях, вероятно,

Изделия из Оленеостровского могильника:
1–3 — фигурки человека (*дерево*); 4, 5 — подвески из зубов животных; 6, 7 — изображения змей (*дерево*); 8 — наконечник копья с лезвиями-вкладышами; 9 — изделие с навершием в виде головы лося (*дерево*); 10, 12 — навершия в виде головы лося (*дерево*); 11 — орнаментированная кость; 13 — стрелы

Сюжеты наскальных изображений мезолита и неолита:
1 — фрагмент фрески Зараут-Сая (*Узбекистан*); 2 — сцена охоты на оленей (*Испания*); 3, 5 — петроглифы (*Онежское озеро*); 4, 6 — петроглифы (*Белое море*)

до эпохи энеолита. Как правило, изображения располагаются не в пещерах, а на скальных выступах и в неглубоких нишах. На южном и восточном побережьях Пиренейского полуострова известно более 40 таких местонахождений. Многочисленные изображения выполнены черной и красной минеральными красками. В Северной Африке, в современной пустыне Сахаре, известны замечательные фрески в местности Тассили, имеющие определенное сходство с испанскими.

В Средней Азии, на Кавказе и в Северном Причерноморье также известны находки наскальных изображений, самые ранние из которых могут быть отнесены к мезолиту. Наиболее известно урочище Кобыстан в Азербайджане, на западном побережье Каспийского моря, где открыты многочисленные петроглифы, выполненные в технике контурной и силуэтной гравировки. Изображения, относящиеся к эпохе мезолита, включают стилизованные фигуры людей и быков.

В гроте Зараут-Камар в Центральной Фергане были найдены три композиции, выполненные красной краской по известковому натеку, которые изображали охоту на быков, джейранов и винторогих козлов. В гроте Шахты были открыты семь рисунков, включающих фигуры охотников и кабана, медведя или яка, пораженных стрелами.

Очень интересный памятник древнего искусства — холм Каменная Могила — находится на правом берегу р. Молочной, близ г. Мелитополя, в Приазовье. Между камнями и перекрывающими холм плитами известняка были выявлены пещеры и ходы, засыпанные песком, в которых и располагались многочисленные группы рисунков и рельефов. В одной из пещер обнаружены выбитые на потолке изображения козлов и лошадей. Исследователи датировали изображения эпипалеолитом (9–7 тыс. лет до н.э.). В настоящее время мезолитический возраст изображений Каменной Могилы оспаривается, их датируют второй половиной III тысячелетия до н.э. Однако в пользу мезолитической датировки раннего пласта изображений говорит присутствие рядом с холмом стоянки, материал нижнего слоя которой характерен именно для этой эпохи.

Для ***мелкой пластики*** характерны те же стилистические черты, что и для монументального искусства: упрощение, схематизм, знаковость. На стоянках мезолита, преимущественно в лесной зоне, встречаются достаточно многочисленные, но крайне упрощенные антропоморфные и зооморфные изображения. Кроме того, встречаются предметы, которые не могут быть точно атрибутированы, — их называют подвесками, бляшками, изображениями фантастических существ и пр. Материалами для изготовления этих фигурок служили дерево, кость, рог, рыбий зуб, янтарь.

К мелкой пластике можно отнести окрашенные и гравированные гальки, которые хорошо известны на западноевропейских пещерных стоянках. Рисунки на гальках чаще всего имеют орнаментальный характер — это овальные пятна, кресты, поперечные полосы, зигзаги, решетки, звезды, иногда стилизованные антропоморфные и зооморфные фигурки. Эти гальки могли использоваться в магических целях и в этом смысле являются аналогами австралийских чуринг — вместилищ души человека.

Прикладное искусство широко представлено орнаментированными предметами охотничьего вооружения и быта. Основными элементами и мотивами орнамента были линии, штрихи, зигзаги, сетка и др. Орнаментом покрывались рукоятки каменных орудий, которые делались из кости, рога и дерева, а также и сами орудия, сделанные из этих же материалов. На прионежской стоянке Веретье 1 собрана богатейшая коллекция декорированных предметов; подобные изделия найдены и на других стоянках, и в мезолитических погребениях.

Погребения

Погребальные обряды мезолитического времени во многом сходны с верхнепалеолитическими. По-прежнему существуют индивидуальные погребения людей, совершенные на стоянках или неподалеку от них.

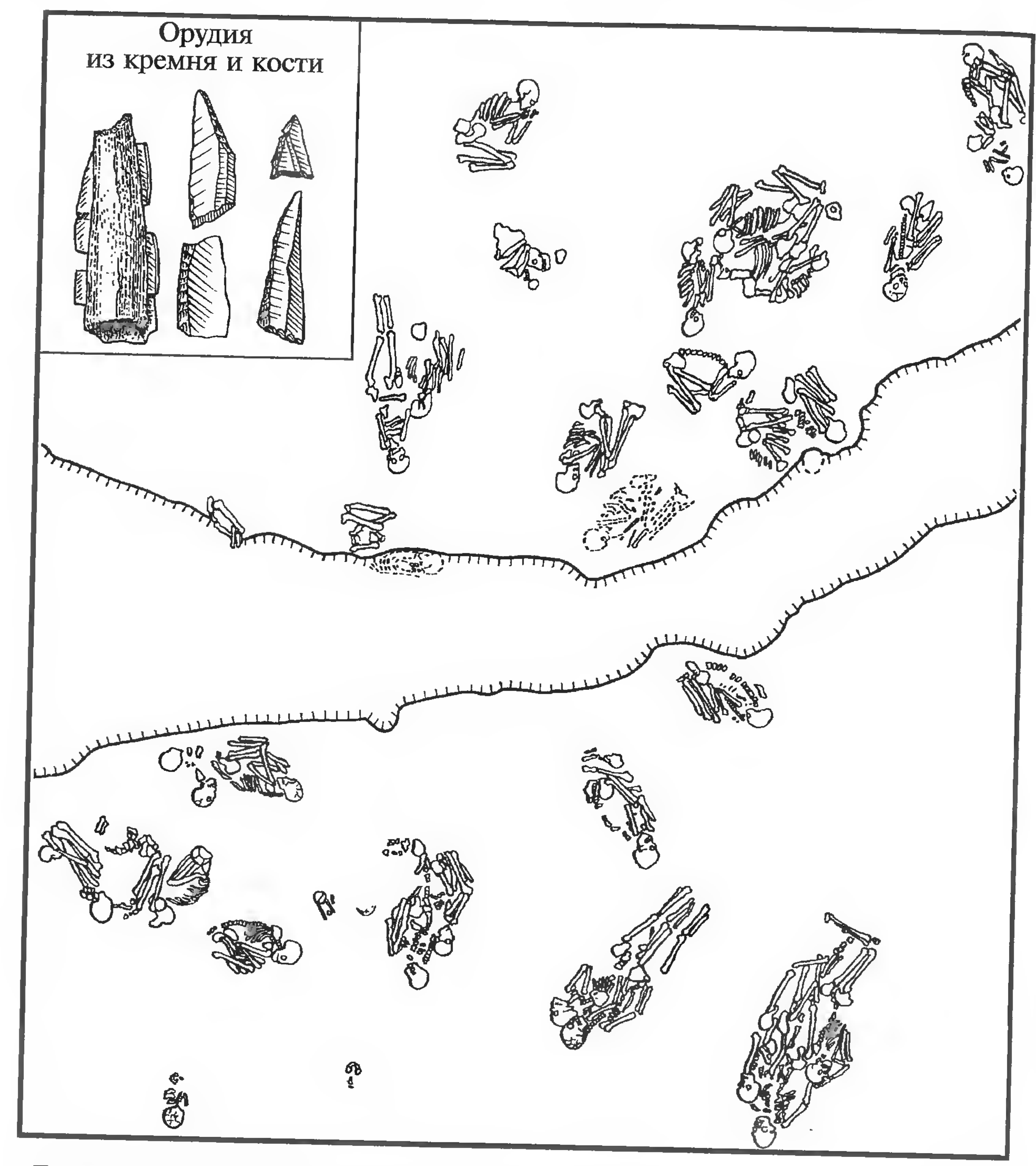
В Прибайкалье известны памятники Усть-Грязная, Падь Частые, Падь Хиньская, Рытвинка 1. В парное погребение из Хиньской Пади были положены луки, украшенные подвесками из просверленных зубов животных. На приангарской стоянке Рытвинка 1 исследовано парное погребение женщины и грудного ребенка, которое совершено в грунтовой яме, обложенной каменными плитками. Костяк женщины был слабо скорчен и располагался на боку, обнимая костяк ребенка, оба скелета были окрашены охрой. Череп женщины был отделен от скелета и помещен в отдельное углубление, в углу могильной ямы, что напоминает сходные обряды в мезолитических погребениях Западной Европы (см. ниже). Погребальный инвентарь был представлен кремневой пластинкой с ретушью, вкладышами. Кроме того, в области крестцовых позвонков женщины и грудной клетки ребенка были найдены два наконечника стрел, что позволяет исследователям предполагать, что их смерть была насильственной.

В Крыму исследовано парное погребение мужчины и женщины на пещерной стоянке Мурзак-Коба. Оба костяка вытянуты и густо засыпаны охрой. У женщины еще при жизни были ампутированы последние фаланги на мизинцах рук. Такие обряды известны по этнографическим данным и отражены в пещерных росписях палеолита. В пещере Фатьма-Коба погребение мужчины было совершено в грунтовой яме, густо засыпанной охрой, погребенный лежал на боку с сильно согнутыми ногами, а кисти рук располагались за головой. Такая поза достигается, как правило, специальным связыванием умершего, что характеризует наличие определенных представлений о правилах перехода в загробный мир и ритуалах, которые ему сопутствовали.

Новым в погребальной практике мезолита является появление ***могильников*** — древнейших родовых кладбищ, расположенных вне поселений. Их появление отражает, по-видимому, укрепление внутриплеменных связей и развитие сопряженного с этим процессом культа предков.

Наиболее яркие комплексы такого рода открыты в Западной Европе — в Португалии и Нормандии. Это грот Гросс Офнет, могильники на островах Тевьек и Гедик. В гроте Офнет, относящемся к азильской культуре, были обнаружены погребения 33 черепов, размещенных в двух ямах и густо окрашенных ярко-красной охрой; вместе с черепами лежали многочисленные украшения из просверленных раковин и оленьих зубов. Любопытно, что мужские и детские черепа помещались вместе в одной яме, а женские были положены в другую. На острове Тевьек было найдено около 20 захороненных в ямах скорченных и засыпанных красной охрой костяков. Богатый погребальный инвентарь состоял из каменных орудий и украшений из сверленых раковин, кроме того, в могильные ямы помещали рога благородного оленя. Эти ямы были вырыты в больших раковинных кучах, которые считаются кухонными отбросами поселений собирателей моллюсков и обычно находятся рядом с их стоянками.

В Восточной Европе могильники известны в районе Днепровских порогов у сел Васильевское и Волошское. В могильниках Васильевский 1, 3, Чаплинский и Волошский обнаружены десятки погребений. Захоронения совершены в глубоких ямах, большинство скелетов сильно скорчено и покрыто охрой. Погребальный инвентарь крайне беден, но наконечники стрел, застрявшие в костях погребенных, позволили датировать могильники мезолитическим временем. Расположение погребений

План расположения погребений мезолитического могильника Васильевский 3

отражает, как считают некоторые исследователи, систему социальных отношений. Так, на могильниках Приднепровья в центральной части находятся погребения женщин, детей и людей старшего возраста, т.е. наиболее уязвимых членов коллектива, а по периметру — захоронения молодых мужчин-защитников.

В Северо-Восточной Европе также известен ряд погребальных памятников эпохи мезолита. Очень интересен могильник Попово (VII тысячелетие до н.э.), относящийся к *культуре веретье* в Восточном Прионежье. Погребенные лежали в грунтовых могилах, головой на восток и были засыпаны красной охрой и мелкой галькой. В погребениях найдены каменные топоры, костяные ножи, острия, ожерелья и подвески из зубов животных. Неподалеку от погребения ребенка 7–9 лет была обнаружена яма с костями животных и обломками орудий, прикрытая скелетами двух собак. По мнению исследователей, обряд захоронения отразил представления древних людей о переходе в иной мир в сопровождении необходимых вещей и собаки.

Наиболее известным мезолитическим памятником в лесной зоне Восточной Европы является Оленеостровский могильник, который расположен на Южном Оленьем острове Онежского озера. Это огромный некрополь, датирующийся концом VI — началом V тысячелетия до н.э. Материалы погребений изобилуют прекрасными костяными изделиями, в числе которых мелкая пластика, разнообразные предметы утвари и охотничьего вооружения (см. рис. на с. 100). Среди каменных изделий наиболее широко представлены наконечники стрел, ножи и ножевидные пластины из кремня, топоры и тесла из сланца. Наиболее близкие аналоги представлены на прионежских стоянках Веретье 1 и Кубенино, на памятниках мезолита Литвы. Находки в погребениях многочисленной зооморфной пластики позволяют говорить о существовании культа животных, среди которых особенно почитались медведь и лось.

4.4. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Мезолитические археологические культуры выделяются повсеместно, их распространение и взаимосвязи дают возможность судить о путях расселения мезолитических племен и о степени освоенности того или иного региона.

Многие из них сложились на основе позднепалеолитических культур, существовавших ранее на этих территориях, в большей степени это относится к областям Южной, Западной и отчасти Центральной Европы, где позднеледниковье характеризовалось относительно мягкими природными условиями. Так, развитие мезолитических азильской и тарденуазской культур (Пиренеи, Франция) было последовательным продолжением традиций позднего палеолита на фоне общих климатических изменений.

Однако для тех областей, где природные условия изменялись достаточно резко, — а такими областями была большая часть Восточной Европы, часть Средней Азии и Кахзахстана, Сибири и Дальнего Востока — влияние культур Южной, Центральной и Западной Европы с запада и культур Ближнего Востока, Средней и Юго-Восточной Азии с юга было определяющим.

На Ближнем Востоке уже в IX–VIII тысячелетиях до н.э. произошел переход к производящим формам хозяйства. Именно этот регион, будучи колыбелью производящего хозяйства, стал для большей части соседних территорий источником новых культурно-хозяйственных влияний. Одной из наиболее известных передневосточных культур, пример которой хорошо показывает специфику и темпы развития региона, является *натуфийская*, названная так по памятнику Вади-эн-Натуф в Палестине. Ранние стадии этой культуры (11–10 тыс. лет до н.э.) характеризуются тем, что в хозяйственном укладе ведущими отраслями были охота и интенсивное собирательство. Однако уже в IX–VIII тысячелетиях до н.э. многие натуфийские общины перешли к оседлому образу жизни. Так, на поселении Эйнан насчитывается около 50 круглых глинобитных домов, встречаются зерновые

ямы, в обмазке которых, так же как и в обмазках домов, встречены зерна и солома доместицированных пшеницы и ячменя. На поселении на горе Кармел (Израиль) было исследовано несколько погребений натуфийцев. Древнее стойбище в основании телля в Иерихоне (Израиль) относится к раннему этапу натуфийской культуры, однако уже в VII тыс. до н.э. (см. раздел «Неолит») их потомками был построен большой поселок, окруженный высокими стенами с башнями. Все внутренние постройки и оборонительные укрепления построены из сырцового кирпича и камня. Иерихон принадлежит к числу древнейших постоянных поселений в мире.

Мигранты с Ближнего Востока могли продвигаться на север и восток тремя путями — через Балканы, Кавказ и через Прикаспий и Среднюю Азию. Все эти пути достаточно ясно отражаются в калейдоскопе археологического материала времен мезолита — раннего неолита. Влияние передневосточных культур хорошо прослеживается в формах каменного инвентаря, особенно в формах геометрических микролитов.

Северо-Западная Европа была еще одним крупным регионом, откуда все новые и новые группы населения шли на освобождающиеся от ледника земли вслед за промысловыми животными. Разнообразные миграционные процессы находят отражение в различиях каменных индустрий археологических культур лесной зоны Восточной Европы. В технологиях обработки каменного сырья, наборе характерных типов изделий и охотничьего снаряжения можно проследить большее или меньшее влияние тех или иных культурных традиций Западной и Северной Европы.

Охарактеризуем наиболее показательные археологические культуры Северной Евразии.

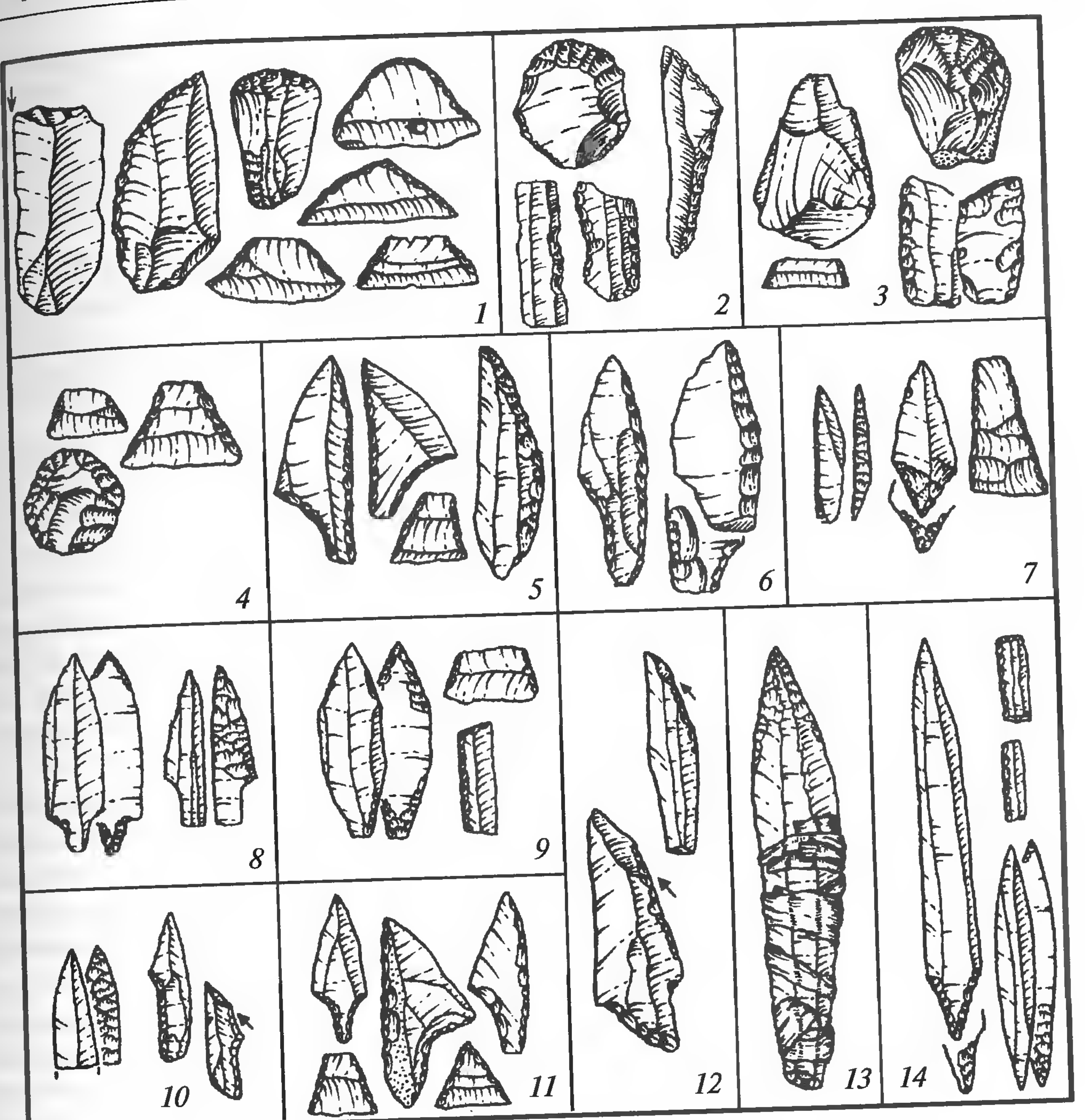
Южную зону представляют культуры Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, Прикаспия и отчасти Приуралья, которые во многом сформировались под влиянием передневосточных культурных импульсов. Здесь относительно рано совершился переход от присваивающей к производящей хозяйственной деятельности, преимущественно связанной с первоначальным скотоводством.

Средняя Азия, Прикаспий, Урал и Приуралье. В Средней Азии мезолитические памятники известны в Ферганской долине, на высокогорном Памире, в Прикаспии.

В Южном и Восточном Прикаспии многочисленные мезолитические памятники зачастую приурочены к берегам древних водоемов и руслам рек. Основным занятием древнего населения была охота и ловля осетровых рыб, а также собирательство растений и моллюсков. На юге Прикаспия обнаружены многослойные стоянки пещерного типа. В мезолитических слоях грота Джебел (8–7 тысяч лет до н.э.) впервые обнаружены кости одомашненных животных — коз и овец, что позволяет считать этот район одним из древнейших центров производящего хозяйства.

Стоянки Восточного Прикаспия (4-й слой грота Дам-Дам — Чешме-1, мезолитические слои пещеры Кайлю и др.) получили название прикаспийских стоянок *зарзийского типа*, или *восточноприкаспийской культуры.*

Археологические культуры и памятники эпохи мезолита:
1 — горнокрымская культура (*стоянки Шан-Коба, Мурзак-Коба*); 2 — памятники Восточного Прикаспия (*стоянки Дам-Дам-Чешме, Джебел*); 3 — кукрекская культура (*стоянка Кукрек*); 4 — гребениковская культура (*стоянки Мирное, Гиржево*); 5 — деснинская культура (*стоянка Песочный Ров*); 6 — гренская культура (*стоянка Гренск*); 7 — кудлаевская культура (*стоянка Кудлаевка*); 8 — культура кунда (*стоянка Пулли*); 9 — неманская культура (*стоянка Салянинкай*); 10 — рессетинская культура (*стоянка Рессета*); 11 — бутовская культура; 12 — яниславицкая культура (*стоянка Максимонис*); 13 — стоянка Нижнее Веретье I; 14 — иеневская культура

Инвентарь этой культуры имеет много аналогий с археологическими материалами, найденными как южнее — например, в Ираке (стоянка Зарзи), так и севернее — на Южном Урале, в Приуралье и Зауралье. Это явление отражает пути миграций древнего населения.

На Южном Урале исследованы стоянки *янгельской культуры*, которая датируется с IX по вторую половину VII тысячелетия до н.э. Своим происхождением она связана с мезолитом юго-восточного Прикаспия, Ближнего и Среднего Востока, что отражает направление миграций мезолитического

населения с юга на север. из областей возникновения производящего хозяйства. Общий облик кремневой индустрии — микролитический. Характерным признаком является использование в качестве сырья яшмы и яшмовидного кремня. Так как мезолит Западной Сибири изучен недостаточно, проследить дальнейшее движений этих племен на восток не представляется возможным.

Несколько иными путями шло развитие культуры в западном Приуралье, куда попадала другая ветвь миграционного потока, движущегося с юга, из восточного Прикаспия. Древнейшие мезолитические памятники в этом районе еще не найдены, а известные датируются средним и поздним мезолитом — VII–V тысячелетиями до н.э.

Наиболее известны памятники междуречья Волги и Камы, которые объединяются в *камскую*, или *прикамскую культуру* (VII–VI тыс. до н.э.). Инвентарь восточной группы стоянок характеризуется пластинчатыми заготовками и большим количеством микролитов, что явно указывает на южные влияния. Напротив, в инвентаре западной группы увеличивается число орудий на отщепах, пластины становятся крупнее, представлены рубящие орудия, симметричные трапеции и черешковые наконечники стрел.

По-видимому, здесь, в Волго-Камском междуречье, и проходила условная граница между миром культур лесного мезолита и южным микролитоидным миром.

Мезолит ***Кавказа*** (VIII–VII тыс. до н.э.) характеризуют комплексы пластинчатых микролитических индустрий, близкие аналоги которых известны в Иракском Курдистане и на юго-западе Иранского нагорья, что позволяет говорить о существовании здесь единой культурной общности. Кроме контактов с южными областями существовали постоянные связи и с населением степного Северного Причерноморья.

Мезолитические культуры Кавказа (*имеретинская*, *триалетская мезолитическая* и *чохская*) различаются между собой типами микролитов, спецификой изготовления охотничьего вооружения и использования рога и кости. В триалетской мезолитической культуре особенностью производства каменных изделий является использование обсидиана — вулканического стекла (стоянка Зуртакети). Однако локальные различия этих культур менее ярки, чем общие их черты.

Стоянки располагались как в высокогорных ущельях, так и на холмах, и в долинах рек. Население охотилось на бурого и пещерного медведей, благородного оленя, тура, муфлона, а также занималось рыболовством.

Крым. Стоянки *горнокрымской культуры* сосредоточены на юго-западе Крымского полуострова, почти все они пещерные и многослойные, однако в предгорьях и степных районах известен ряд кратковременных открытых стоянок, относящихся к позднемезолитическому времени.

По мнению исследователей, горнокрымская культура была монолитна, инвентарь одновременных стоянок сходен во всех деталях, между разновременными — несомненна преемственная связь. Кремневый инвентарь на ранних стадиях сохраняет ряд верхнепалеолитических черт, однако уже к середине мезолита они исчезают, резко увеличивается количество микролитических орудий, среди которых преобладают трапеции и вкладыши.

В Крыму и Северном Причерноморье в эпоху мезолита была распространена *кукрекская культура* (памятники Кукрек у Симферополя, Каменная Могила в Приазовье, Игрень-8 в Поднепровье). В инвентаре этой культуры геометрические микролиты единичны, но их место занимают своеобразные вкладыши кукрекского типа, которые распространены очень широко и представляли собой трапецевидную пластинку, обработанную своеобразной плоской ретушью.

Северное Причерноморье. Одной из интересных культур Северного Причерноморья времени позднего мезолита является *гребениковская*, памятники которой распространены на левобережье Днепра и в устье Днестра; наиболее известны стоянки Гиржево и Мирное. Инвентарь этой культуры указывает на наличие устойчивых связей с позднепалеолитическими и ранмезолитическими традициями Нижнего Поднепровья. В инвентаре, кроме орудий на ножевидных пластинах, трапеций. резцов, очень много скребков, что говорит о превалирующем значении охоты в занятиях населения. Как считают исследователи, охотничья практика гребениковских племен была необычайно успешна, что было обусловлено развитием призматической техники расщепления, позволяющей изготовлять охотничье вооружение, в основном наконечники стрел. Вероятно, это обстоятельство привело к нарушению экологического баланса, что вызвало, в свою очередь, кризис охотничьего хозяйства и увеличило роль собирательства. Интенсивное собирательство и обусловило относительно быстрый переход к производящим формам хозяйства на этих территориях (см. раздел «Неолит»).

Лесная зона Северной Евразии в мезолите была освоена группами охотников-собирателей, достигавших отдаленных районов севера. На окраинах ойкумены и особенно в Сибири значительные пространства все еще оставались незаселенными.

Как уже говорилось выше, в образовании многих мезолитических культур Восточной Европы решающую роль сыграла позднепалеолитическая *свидерская культура*, возникшая, вероятно. на территории Польши и распространившаяся в виде миграционного потока ее носителей или посредством культурного влияния до Приуралья и Крыма. Кроме того, на мезолит Восточной Европы большое влияние оказала и *аренсбургская культура*, распространенная в финале верхнего палеолита на территории Северной Германии.

Одной из наиболее ярких культур Верхнего Поднепровья является *гренская культура*, представленная стоянками также и в Восточной Белоруссии. Происхождение этой культуры связывается с появлением здесь аренсбургского населения. На втором этапе ее существования прослеживается тесная связь с *песочноровской культурой* на Десне и *иеневской* в Волго-Окском междуречье, что может свидетельствовать о дальнейшем продвижении носителей аренсбургских традиций на восток.

Северо-западнее, в бассейне Немана и Западной Двины, на западе Белоруссии, в Литве и на северо-востоке Польши обнаружены стоянки *неманской культуры*. Для инвентаря этой культуры характерно присутствие как свидерских, так и аренсбургских традиций (см. рис. на с. 107).

При раскопках на территории Эстонии, Латвии, Белоруссии и России обнаружены памятники *культуры кунда* (названной по стоянке Кунда в Эстонии), которая развивалась очень долго — от пребореала до начала

атлантика. Для инвентаря характерны орудия на крупных пластинах, черешковые наконечники стрел и многочисленные орудия из кости и рога — тёсла, скребки, острия, шилья, рыболовные крючки, наконечники стрел с биконической головкой, мотыги, гарпуны, инструменты для вязания сетей. В формировании этой культуры прослеживается влияние позднесвидерских племен. Развитое рыболовство, которым занимались носители культуры кунда, создавало предпосылки для перехода к оседлости. В результате своего развития мезолитическая культура кунда, сохраняя свои основные черты, стала основой для образования ряда неолитических культур Карельского перешейка и северо-восточных областей лесной зоны.

Весь мезолит Украинского Полесья (Верхнего Поднепровья) тесно связан с мезолитом Южной Прибалтики, Польской и Полесской низменностей и с Волго-Окским междуречьем (см. рис. на с. 94).

В этом обширном регионе исследован ряд выразительных мезолитических культур, таких как *яниславицкая, кудлаевская, песочноровская*, в инвентаре которых в большей или меньшей степени отражено влияние западноевропейских соседей — наследников аренсбургских, свидерских и более южных традиций.

Ранний мезолит в Волго-Окском междуречье представлен *рессетинской культурой*, характеризующейся определенной преемственностью с традициями предшествующих позднепалеолитических культур, но при этом достаточно сильны и более поздние западные влияния. Рессетинская культура, возможно, оказала влияние на появление более поздней *бутовской культуры*.

Бутовская культура занимала обширную область в Волго-Окском междуречье. Датируется она от середины VIII до VI тысячелетия до н.э. В каменном инвентаре широко представлены наконечники иволистной и черешковой форм. Некоторые ученые связывают происхождение бутовской культуры с влиянием свидерско-аренсбургских традиций, другие полагают, что эта культура сложилась на основе рессетинской культуры при участии носителей свидерской традиции.

В западной части Волго-Окского междуречья была распространена *иеневская культура*. Среди орудий представлены скребки разных типов, встречаются топоры с перехватом, среди микролитов — трапеции из пластин и отщепов, треугольники, сегменты, ромбы. По мнению ученых, иеневская и песочноровская культуры сформировались при участии носителей западноевропейских культур, в частности аренсбургской, и существовали с 8300 до 7700 г. до н.э.

Далее на северо-восток количество открытых мезолитических памятников существенно сокращается, степень их изученности значительно ниже, однако и там известен ряд ярких археологических культур.

На берегах ледниковых озер и рек Восточного Прионежья обнаружен ряд поселений и могильников *культуры веретье*, датирующейся концом VIII — первой половиной VII тыс. до н.э. Основные стоянки этой культуры — Веретье 1, Сухое, могильник Попово. Для этой культуры характерны изделия из кремня, сланца и других материалов: рубящие орудия, навер-

шия, скребки, ножи, резцы и т.п. Основной заготовкой был отщеп. Обнаружены изготовленные из кости и рога мотыги, ножи, кинжалы, наконечники стрел, гарпунов и т.п., а также деревянные луки, стрелы, копья. Основными занятиями населения были охота на лося, бобра и других лесных животных, рыболовство и, вероятно, собирательство. По характеру костяных, роговых и других крупных орудий культура веретье имеет определенное сходство с прибалтийской культурой кунда и еще некоторыми, родственными ей. Обряд погребения носителей культуры веретье представлен материалами могильника Попово (см. раздел «Погребения»).

На северном побережье Онежского озера открыты памятники *онежской культуры* (VII — начало V тыс. до н.э.). Здесь орудия изготовлялись из кварца, лидита, сланца, кремня. В инвентаре много инструментов для шлифования и полирования, рубящих орудий из сланца, скребков, резцов и т.п.; наконечники стрел и копий сделаны из пластин. Крупнейший некрополь онежской и, возможно, других соседних культур — ***Оленеостровский могильник***.

На Кольском полуострове обнаружены стоянки *культуры комса*. Здесь для изготовления орудий использовались кварц, сланец, горный хрусталь, изредка кремень. В числе находок — рубящие орудия, долотовидные скобели, скребки, резцы, наконечники из кварцита, ножи, проколки. Исследователи полагают, что стоянки принадлежали группам охотников, проникавших на побережье Баренцева моря с запада, из Скандинавии.

Среди других мезолитических культур севера европейской части России выделяются своим культурным своеобразием материалы торфяниковой стоянки Вис-1 (вторая половина VII тыс. до н.э.), расположенной в бассейне р. Вычегда. Здесь, благодаря залеганию в торфе, сохранилось много деревянных изделий: серия луков, обломки лыж и саней. Кроме того, обнаружены сланцевые топоры и кремнёвые орудия из отщепов и пластин; скребки, резцы, скобели.

Сибирь и Дальний Восток. Западная Сибирь исследована пока очень слабо, и имеющиеся материалы не позволяют судить о тех процессах, что происходили здесь в мезолите.

В Восточной Сибири стоянки мезолитического человека известны на полуострове Таймыр, в Прибайкалье, а также в бассейне р. Лены.

На Таймыре открыто несколько стоянок с характерным для мезолита кремневым инвентарем. На стоянке Тагенар VI обнаружено кострище, кости северного оленя и птиц, а также изделия из кремня — нуклеусы, резцы, ножи из пластин, скребки. Радиокарбоновые и спорово-пыльцевые анализы позволили датировать памятник IV тыс. до н.э., т.е. серединой атлантического периода. Стоянка располагалась в лесной зоне северотаежного типа и была синхронна памятникам среднего неолита на большинстве территорий севера Восточной Европы.

В Прибайкалье известны многослойные памятники, включающие мезолитические слои, которые носят название бадайских, верхоленских, байкальских и канских, две первые группы исследованы более подробно. *Бадайские* (по стоянке Бадай) стоянки сосредоточены в среднем течении реки Ангары. На стоянке Усть-Белая исследовано 16 культурных слоев, которые делятся на три хронологических этапа — от палеолита до неолита. В мезолитических слоях, относящихся к среднему этапу существования памятника, обнаружено 46 кострищ. В одной из ям открыто захоронение

собаки, на остатках ошейника сохранилось 8 подвесок из зубов благородного оленя. Набор кремневых орудий включает скребки, скребла, ножи и т.п. Редко встречающиеся наконечники имеют овальную форму. Есть костяные орудия — наконечники гарпунов, обломки острог, рыболовные крючки. Среди украшений встречаются подвески из просверленных зубов животных и цветного камня.

Верхоленские стоянки располагаются в верховьях р. Лена, по рекам Ангара и Селенга. При раскопках стоянки Верхоленская Гора-1 в г. Иркутске выявлены три культурных горизонта, которые авторами раскопок датируются XI, IX и VII тыс. до н.э. Остатки фауны свидетельствуют, что основными занятиями населения были охота на благородного оленя, косулю, лося и добыча крупных рыб — тайменя, осетра, сига. В инвентаре стоянок помимо обычного набора орудий значительное место занимали рубящие формы. Заготовки были разнообразны: отщепы, пластины и плитки кремня.

В среднем течении Лены, в верховьях р. Алдан и на побережье Охотского моря распространены стоянки *сумнагинской культуры* (конец VIII–IV тыс. до н.э.). В инвентаре многослойной стоянки на Алдане — Белькачи-1 присутствуют призматические и конические нуклеусы, пластинки, угловые резцы, концевые скребки. Люди охотились на лося, северного оленя, косулю, а позднее — на бурого медведя, птицу, занимались рыболовством. Происхождение сумнагинского населения связывают с носителями кокоревской культуры позднего палеолита на Енисее.

Мезолитический период в Приморье, по предположению археологов, был кратким. Развитие индустрий каменного века Дальнего Востока происходило под влиянием мезолита соседних территорий — Китая и Японских островов. Весьма своеобразные позднепалеолитические культуры (*устиновская* и *осиповская*), которые не все исследователи относят к верхнему палеолиту, сменились стоянками с микролитическим инвентарем. В центре и на юге Приморья открыто около 15 стоянок, располагавшихся на пологих склонах речных террас и датирующихся VII–VI тыс. до н.э.

В центре п-ова Камчатка близ Ушковского озера обнаружены многослойные мезолитические стоянки. В кремневом инвентаре представлены конические и призматические нуклеусы, пластины, вкладыши, скребки на отщепах, изделия с двусторонней обработкой (бифасы). Камчатские стоянки близки памятникам сумнагинской культуры и, вероятно, показывают продвижение этих племен далее на северо-восток.

Об освоении человеком эпохи мезолита самых отдаленных земель с суровым климатом свидетельствует исследуемая с 1990-х годов стоянка Жохова на одном из островов архипелага Де-Лонга в северной группе Новосибирских островов. Древние люди пришли сюда из северных областей Восточной Сибири. Они охотились на северного оленя, белого медведя и других животных, использовали прирученных упряжных собак. В инвентаре обнаружены наконечники стрел, тесла, долота, изготовленные из халцедона, сланца, а также из органических материалов — кости, бивня, дерева, растительных волокон.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что мезолит является очень важной страницей в истории человечества. В эту эпоху происходит заселение ранее пустующих регионов, освободившихся от ледникового покрова, и в этом процессе различные культурные традиции вступают во взаимодействие. Именно в мезолите формируются природные условия, определяющие неравномерность в темпах и характере развития разных регионов, которая затем прослеживается на протяжении всей истории человечества.

Глава 5

НЕОЛИТ

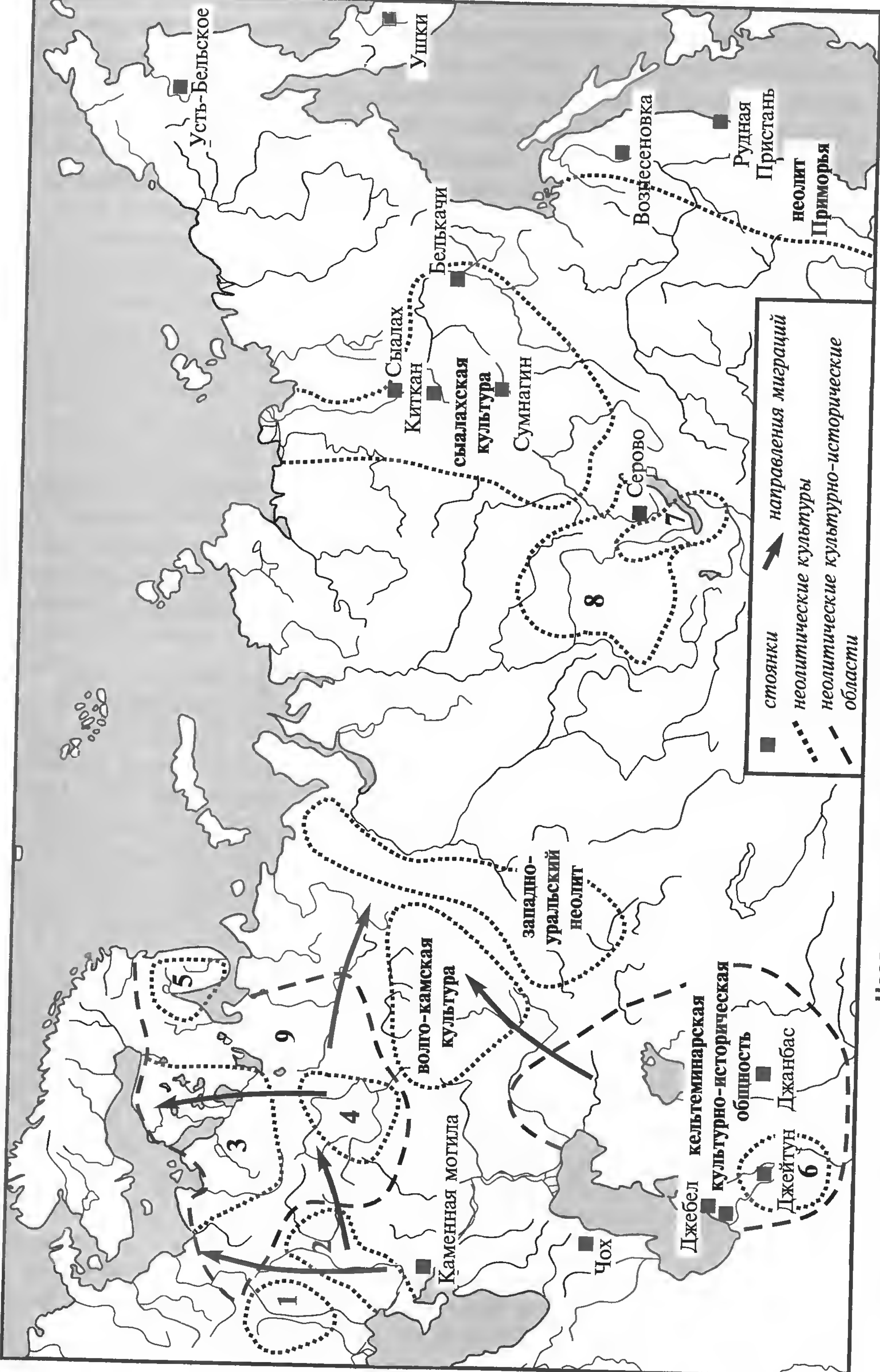
5.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕОЛИТА

Неолит — особая эпоха в истории человечества, он завершает период каменного века, в течение которого люди пользовались для изготовления орудий труда лишь камнем, костью и деревом. Время, когда начала использоваться медь, а позже и ее сплавы для производства орудий, оружия и украшений, знаменует окончание неолита и всего каменного века и наступление века металлов.

Из-за различий в темпах и характере развития, сложившихся еще в мезолите, хронологические рамки неолита в различных климатических зонах определяют по-разному. Так, на «землях плодородного полумесяца», куда входят Ближний Восток и Северная Африка, мы можем говорить о начале неолитической эпохи уже в VIII–VII тыс. до н.э. В Средней Азии, Южной Европе и в Северном Причерноморье неолит выделяется с начала или середины VII и длится до IV тыс. до н.э. В лесной зоне Евразии, начавшись в основном на рубеже VI–V или в V тыс. до н.э., эта эпоха продолжалась до рубежа III–II, а в некоторых районах, особенно на Крайнем Севере, возможно, длилась и дольше.

Неолит — эпоха расцвета техники обработки традиционных материалов — камня, кости и дерева, при широком распространении и совершенствовании таких прогрессивных приемов обработки, как шлифование, сверление, пиление. Первоначально неолит и выделялся как «эпоха шлифованного камня». Кроме того, в это время получает очень широкое распространение **керамика,** используемая для различных целей — в основном для изготовления сосудов, а также различной утвари — пряслиц, грузил, мелкой пластики. Часто именно наличие керамики считается определяющим признаком эпохи неолита.

В неолите произошло становление и широкое распространение **производящего хозяйства (земледелия и скотоводства)** — одного из важнейших достижений в истории человечества. Возникнув в ранних формах на Ближнем Востоке еще в мезолите, в неолите оно охватило широкие пространства

Неолитические памятники и культуры Северной Евразии:
1 — буго-днестровская культура; 2 — днепро-донецкая культура; 3 — нарвско-неманская культура; 4 — льяловская культура; 5 — неолит Кольского п-ова; 6 — джейтунская культура; 7 — китойская культура; 8 — исаковская и серовская культуры; 9 —ямочно-гребенчатая культурно-историческая общность

Евразии, вызвав существенные перемены во всех сферах социально-экономической деятельности — материальной культуре, социальном устройстве, образе жизни, мировоззренческих представлениях. Это явление в истории человечества называют ***неолитической революцией***.

Таким образом, при определении неолитической эпохи часто используются два разных подхода — ***орудийный*** и ***хозяйственный***. Орудийный учитывает качественные изменения в материальной культуре, прежде всего распространение керамической посуды, широкое использование шлифования при обработке камня, появление новых групп орудий; хозяйственный — наличие производящих форм хозяйства. Следует отметить, что применение второго подхода не всегда возможно, так как в обширных регионах переход к производящей экономике совершился значительно позже или вообще не произошел. Одновременно следует сказать, что и распространение керамики далеко не всегда связано с тем или иным типом хозяйства: хорошо известны культуры «докерамического неолита», носителями которых были ранние земледельцы и скотоводы. Видимо, пришло время разрабатывать новые критерии для характеристики неолита, сочетающие оба этих подхода.

Природно-климатические условия в неолитическое время большей частью определялись атлантическим климатическим оптимумом голоцена и, в значительно меньшей степени, — суббореальным периодом. В атлантический период (6000–2600 лет до н.э.) наблюдался наибольший сдвиг физико-географических зон к северу. Для этого периода характерен преимущественно теплый и влажный климат, хотя и выделяются разные климатические фазы с большей и меньшей увлажненностью. По данным спорово-пыльцевого анализа удается реконструировать в основных чертах характер растительности, которая была значительно более теплолюбивой, чем в более поздние времена. В лесной зоне преобладали смешанные, в основном широколиственные леса с участием хвойных пород, лишь на севере сменявшиеся темнохвойной тайгой. Большая часть Западной и Центральной Европы была покрыта широколиственными лесами, степные пространства характеризовались богатым разнотравьем.

В начале атлантического периода в южных районах формируются черноземные почвы, а в более северных — подзолистые и болотные. Животный мир был разнообразней и богаче, чем современный, что соответствовало растительному покрову. Даже в северных областях обитали тур, благородный олень, кабан, не считая таких традиционно лесных животных, как лось, медведь, бобр, соболь, куница, белка и многие другие. Среди пернатых было очень много водоплавающей птицы, реки и озера изобиловали рыбой. Морские побережья служили прекрасной базой для морского собирательства, рыболовства и охоты на морского зверя.

В начале суббореального периода (2600–1200 лет до н.э.) произошло некоторое похолодание, что привело на последующих этапах к аридизации климата, вызвавшей соответствующие изменения окружающей среды.

5.2. ХОЗЯЙСТВО И БЫТ. НЕОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Человек вел присваивающее хозяйство, т.е. обеспечивал себя продуктами, которые давала сама природа, на протяжении большей части своей истории — около трех миллионов лет. **Производящее хозяйство**, т.е. систе-

ма производства основных пищевых ресурсов, получаемых с помощью земледелия и скотоводства, сложилось сравнительно недавно — не более 11–10 тыс. лет тому назад.

Согласно современным представлениям, процесс «неолитической революции» был длительным и очень неравномерным в разных географических зонах. Начало перехода к производящим видам хозяйства относится в ряде регионов к эпохе мезолита, а завершается этот процесс иногда только в эпоху железа. В некоторых регионах хозяйство до сих пор носит присваивающий характер.

Исследования неолитических и мезолитических памятников Ближнего Востока, Балкан и Средней Азии показали, что производящее хозяйство может возникнуть в некоторых случаях даже до изобретения керамики, тогда его называют «докерамическим неолитом». Хотя процесс возникновения и развития производящего хозяйства в разных частях ойкумены был крайне разнообразен, в нем можно выделить ряд определяющих моментов:

1. Огромную роль играли *естественные предпосылки*, а именно то, что в некоторых немногочисленных районах дикие предки будущих домашних растений и животных были представлены в значительно большем количестве и разнообразии, чем в других местах. Именно поэтому возникло лишь несколько центров доместикации и селекции растений и животных. В изучении и решении этой проблемы — предпосылок возникновения земледелия — огромное значение имели работы Н.И. Вавилова, который совершил ряд научных экспедиций и выявил несколько таких центров: это «земли плодородного полумесяца» (север Африки, Передний Восток и Северный Иран), где были доместицированы пшеница и ячмень; междуречье Янцзы и Хуанхе и долина Инда — родина бобовых и риса; и Мезоамерика — родина маиса (кукурузы), картофеля (батата).

Центров доместикации животных было значительно больше, чем центров селекции растений, дискуссии о том, где именно впервые были одомашнены разные виды животных, ведутся до сих пор. Районом, где был выведен (одомашнен) мелкий и крупный рогатый скот, а также свинья, по общему мнению специалистов, является Малая Азия и Иранское нагорье. Однако в вопросе о времени и месте доместикации других видов имеются существенные разногласия. Так, например, в последние годы появились новые данные, говорящие о том, что неолитические племена, обитавшие в Нижнем и Среднем Подонье — Поволжье, разводили лошадей уже в начале VI тыс. до н.э., хотя ранее доместикация лошади относилась к IV тыс. до н.э. Особое место в жизни ранних земледельцев заняли животные, помогающие сохранить урожай от многочисленных грызунов, — ими были кошка и, в некоторых районах, хорь. Понятно, почему в раннеземледельческих цивилизациях кошка часто обожествлялась, например, богиня Бастет в Древнем Египте изображалась с кошачьей головой.

2. Собирательство создало *комплекс эмпирических представлений о питательных качествах плодов и зерен дикорастущих растений всех видов*. При интенсивном собирательстве человек начал примитивно заботиться об участках растений, с которых собирал «урожай» и где он даже осуществлял примитивную селекцию — так называемое «патронирующее собирательство».

3. *Знания о возможности приручения диких животных* были получены в результате длительного опыта содержания в неволе раненых животных или их детенышей в качестве «запаса пищи».

4. Определенный *кризис присваивающего хозяйства* привел к тому, что человек не мог старыми способами добывать достаточное количество пищи. Такие кризисные ситуации могли возникать в силу изменений природной среды, например изменений климата, но могли быть и спровоцированы человеком. Так, в конце мезолита в степях Северного Причерноморья произошел специфический кризис охотничьего хозяйства, обусловленный слишком активной охотничьей деятельностью населения. Это обстоятельство привело к интенсификации собирательства и создало предпосылки к быстрому переходу к производящим формам хозяйства в неолите.

При становлении производящей экономики возникло два основных направления: селекция растений, содержащих углеводы и белки, прежде всего бобовых и злаковых, и доместикация животных, мясо и молоко которых также содержит необходимые человеку белки. Как правило, в неолите хозяйство было *комплексным* — в нем сочетались в разных пропорциях, в зависимости от условий окружающей среды, земледелие, скотоводство, собирательство, рыболовство и охота.

В неолите особенно ярко проявилась неравномерность развития обществ, живущих в разных ландшафтно-климатических условиях.

Наряду с обществами земледельцев и скотоводов существовали общества, хозяйство которых основывалось целиком на традиционных направлениях деятельности — охоте, собирательстве и рыболовстве. Было бы ошибочным называть общества этих охотников, собирателей, рыболовов отсталыми: переход к производящему хозяйству в этих регионах не был в то время жизненной необходимостью. Напротив, во многих случаях уровень их жизнеобеспечения был не ниже, а порой и выше, чем у коллективов, переходящих или уже перешедших к производящему хозяйству.

Для всей эпохи в целом характерна гораздо большая оседлость населения, чем в предшествующее мезолитическое время, что находит отражение в домостроительстве. На поселениях неолита разных регионов открыто много самых разнообразных жилищ, построенных из тех материалов, которые человек мог получить в ближайшем окружении. Так, в южных районах появились строения из высушенного на солнце кирпича-сырца, в горных поселениях — из камня, в лесной зоне — землянки и полуземлянки с конструкциями из дерева, в степях и на юге лесостепей — жилища с плетеным каркасом, обмазанным глиной, которые в конструктивном отношении практически не изменились до наших дней (хаты, мазанки и пр.). Формы и размеры жилых сооружений широко варьируются в зависимости от климатических условий и культурных традиций того или иного региона.

Начиная с неолитического времени на Ближнем Востоке появляются первые укрепленные поселения, что связано с появлением производящих

форм хозяйства, возможностью накопления пищевых запасов и необходимостью их сохранять и защищать. Как правило, это поселения земледельцев, ставших, в силу специфики своей хозяйственной деятельности, оседлыми. Они занимались и придомным скотоводством, что характерно для системы комплексного хозяйства, обеспечивающего сбалансированный пищевой рацион из растительных и животных белков и углеводов. Если поселение занимало выгодное положение по отношению к другим, оно могло стать центром небольшого земледельческого района и занять достаточно важное административно-хозяйственное положение: здесь могли находиться стабильные места обмена, концентрироваться ремесла, располагаться культовые постройки; такие поселки могли с течением времени превратиться в протогорода. Во всяком случае, возникновение укрепленных неолитических поселков указывает на усложнение социальной организации и всей жизни неолитических племен. Наиболее яркими поселениями такого типа следует считать Иерихон, расположенный неподалеку от Мертвого моря (Израиль), и Чатал-Гуюк в Анатолии (Турция).

Иерихон (VII тыс. до н.э.), окруженный стенами семиметровой высоты и имеющий оборонительные башни, выдержал, судя по находкам каменных стрел, воткнувшихся в эти стены с наружной стороны, немало осад и нападений. Первый Иерихон был разрушен значительно позднее, уже в эпоху металла, но почти сразу же был отстроен заново и, пережив многие превратности судьбы, существует до сих пор.

Чатал-Гуюк (VI тыс. до н.э.) — одно из интереснейших поселений позднего неолита — раннего энеолита. Это поселок, состоявший из больших глинобитных зданий, оштукатуренных и украшенных многоцветной росписью, представленной зооморфными и орнаментальными мотивами. Выделяются здания, имевшие не жилой, а явно общественный или культовый характер.

В Европе укрепленные неолитические поселения крайне редки, в основном они известны в южных областях и на Балканах.

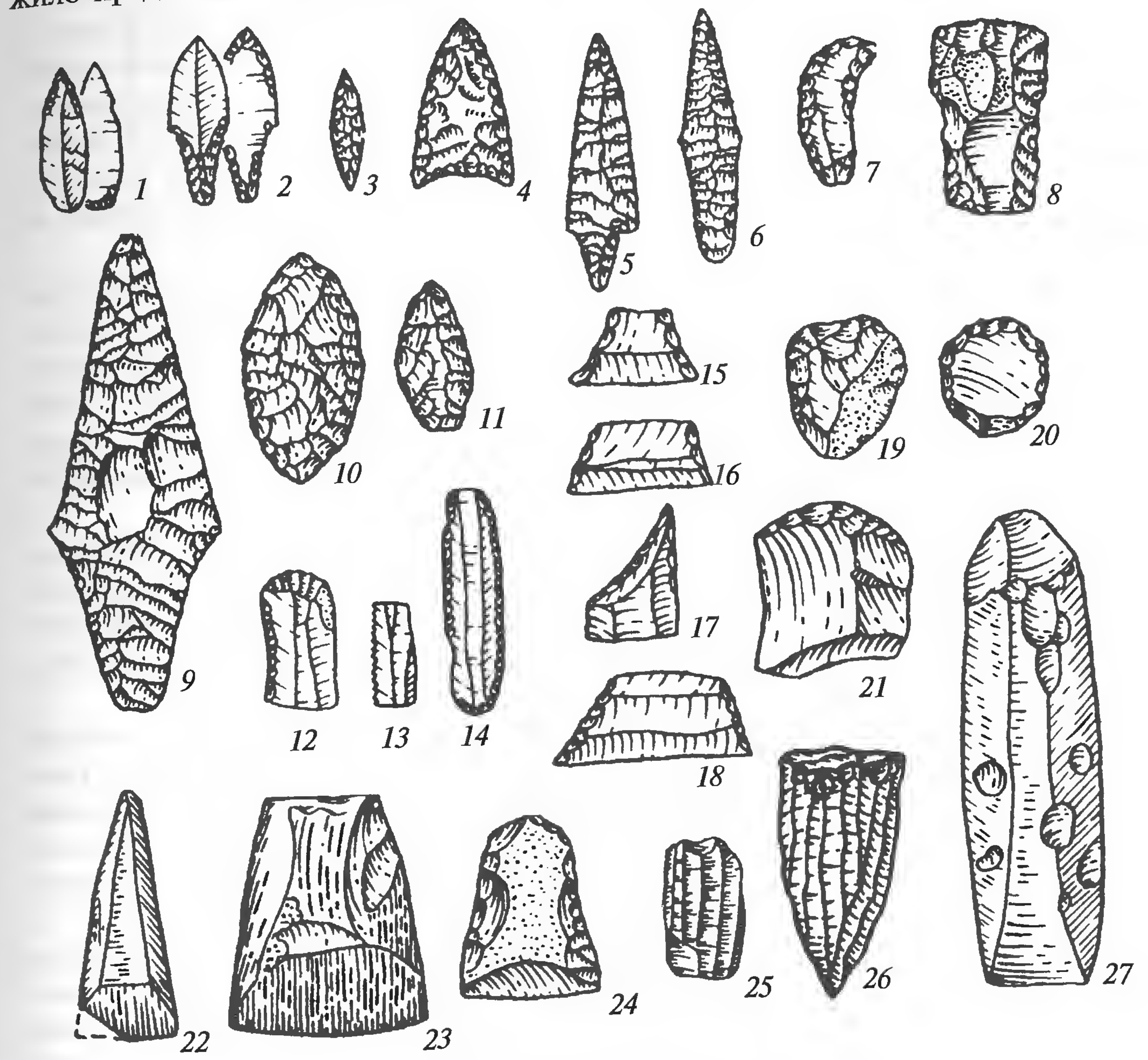
Разнообразие хозяйственной деятельности людей в неолите определяло потребность в различных орудиях труда. Основные категории каменных изделий, известные в эпохи палеолита и мезолита, широко представлены во всех природных зонах и, несмотря на новые приемы обработки, легко узнаваемы. Широко распространены такие категории орудий, как скребки, резцы, проколки, скобели, зубчатые и выемчатые орудия, необходимые для различных операций, связанных с выделкой кож, шкур, шитьем одежды и другими хозяйственными потребностями.

Среди технических приемов обработки камня продолжают существовать и развиваться традиционные методы — наиболее распространены техника двусторонней оббивки, струйчатая ретушь, шлифование, пиление, сверление. Интенсивно развивалась в неолите техника пиления, которая ранее употреблялась довольно редко.

В зонах развития производящих форм хозяйства преобладают орудия, связанные с земледелием: вкладыши жатвенных ножей и редко сохраняющиеся основы для них, серпы, мотыги и кирки. Там, где жили охотники—собиратели—рыболовы, обычно встречаются разнообразные предметы охотничьего вооружения, остатки рыболовных снастей, деревообрабатывающие орудия — топоры, тесла, долота.

С ростом численности населения, развитием и усложнением хозяйства увеличивалась потребность в каменных орудиях и соответственно требовалось гораздо больше сырья для его изготовления. Основной породой для этого по-прежнему был кремень, хотя очень широко использовались кварцит, обсидиан, сланец, яшма, нефрит, горный хрусталь и другие горные породы. Степень заселенности отдельных районов зачастую находилась в прямой зависимости от наличия доступного и качественного каменного сырья. Нередко рядом с его выходами располагались мастерские — места добычи и, зачастую, первичной обработки. Сырье хорошего качества служило предметом обмена между населением достаточно удаленных друг от

Каменные орудия неолита:
1–6 — наконечники стрел; 7 — нож; 8 — рубящее орудие; 9–11 — наконечники; 12–14 — негеометрические микролиты (пластинки с ретушью); 15–18 — геометрические микролиты; 19–21 — скребки; 22, 23, 27 — шлифованные топоры из сланца; 24 — кремневый топор; 25, 26 — нуклеусы

друга районов, что прослеживается на материалах разных археологических культур неолита.

Источником для удовлетворения возросших потребностей человека в кремне стали его горные разработки — один из первых видов специализированной деятельности — ***горное дело***. Для добывания кремня в больших объемах люди строили настоящие шахты, для чего пробивали глубокие ямы — колодцы, а когда такой колодец достигал кремненосного слоя, его расширяли боковыми штольнями. На стенках шахт сохранились следы от подпорок и перекрытий, ударов роговых орудий, копоть от лучин и жировых светильников. Найдены и сами орудия: роговые кайла и кирки, целые рога оленей и их крупные фрагменты, служившие в шахтах рычагами для отделения кусков породы. Известны находки останков «шахтеров» неолита, погибших при обвалах штолен. Как правило, вместе с людьми находят кирки и кайла, корзины с каменным сырьем, светильники, керамические сосуды, в которых брали с собой запасы воды или пищи. Огромные шахты длиной более километра исследованы близ Красного Села в Белоруссии, широкие разработки горных пород открыты на Верхней Волге и в Новгородской области, в Польше, Словакии. К концу неолитической эпохи добыча качественного сырья и его обмен были широко распространены во многих районах.

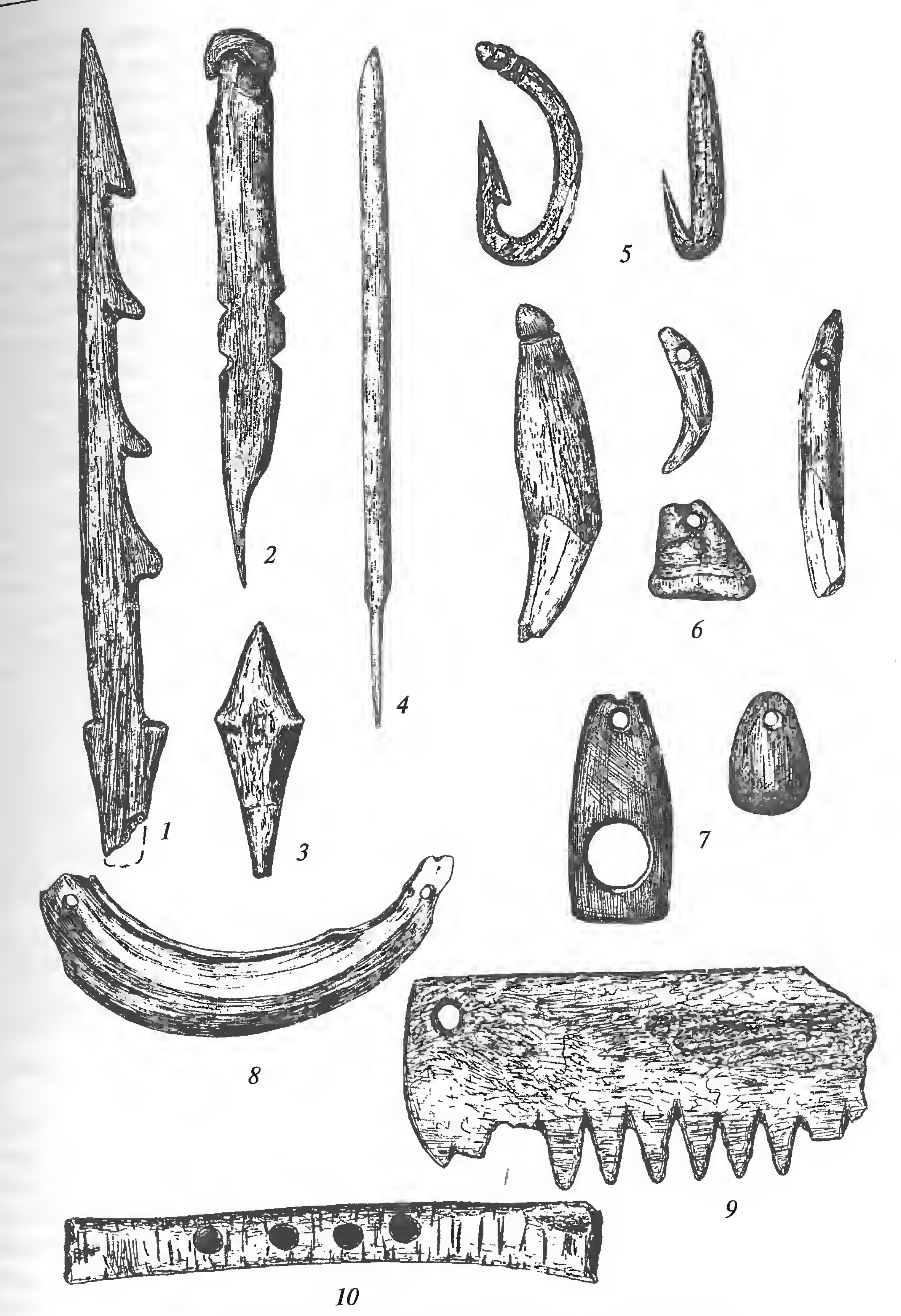
В неолите, особенно в развитом и позднем, продолжается совершенствование охотничьего вооружения, рыболовных снастей и других орудий. Возросший объем деревообработки и горного дела требовал создания крупных орудий — очень широко распространяются топоры, тесла, долота, струги, кирки, кайла, молоты. В южных регионах получает дальнейшее развитие микролитическая техника: вкладыши использовались и для изготовления охотничьего вооружения, и для серпов и жатвенных ножей.

В более северных, лесных районах появляются крупные кремневые наконечники копий, продолжают существовать костяные кинжалы, снабженные кремневыми вкладышами. Кремневые наконечники стрел чрезвычайно разнообразны, особенно широко распространены листовидные бесчерешковые формы.

Кроме каменного сырья для изготовления необходимых вещей широко использовались и другие материалы, особенно кость и рог. Костяные орудия многочисленны и разнообразны, представлены устойчивыми типами изделий, изготовленных при помощи достаточно стандартных приемов обработки. Это и предметы охотничьего вооружения, рыболовная снасть, предметы утвари, мелкая пластика и украшения.

Охота, судя по обилию костных остатков диких животных на неолитических поселениях, была очень продуктивной. Главными предметами охотничьего вооружения были луки разных размеров, стрелы и копья. О луках неолита дают представление их находки в погребениях. При их изготовлении могли использоваться роговые накладки, которые придавали лукам дополнительную упругость и увеличивали ударную силу стрелы. В развитом и позднем неолите появляется много крупных каменных листовидных

Неолитические изделия из кости и зубов животных:

1– гарпун; 2 — шило; 3, 4 — наконечники стрел; 5 — рыболовные крючки; 6 — подвески из зубов животных; 7 — резные подвески; 8 — подвеска из клыка кабана; 9 — гребень; 10 — флейта

наконечников копий, а также наконечники из кости, что может свидетельствовать о том, что копья были весьма разнообразны. Кроме того, существовали разнообразные костяные наконечники стрел, среди которых известны специальные формы с тупым концом, предназначенные для охоты на мелкого пушного зверя. Несомненно, существовали различные ловушки, капканы, силки.

Значение ***рыболовства*** в неолите возрастает. Об этом свидетельствуют массовые находки орудий, связанных с этим видом хозяйственной деятельности. Следует отметить необычайно искусное изготовление рыболовецкой снасти — это сети, разнообразные крючки и гарпуны, верши, сложные конструкции для ловли рыбы (затоны). При раскопках стоянок Прибалтики и неолитического Севера обнаружены многочисленные плетеные и деревянные ловушки, применяемые при рыбной ловле, остатки рыболовных сетей и костяных игл для их вязания. Рыболовы Приангарья использовали крупные каменные грузила в виде рыб с двумя головами (так называемые янусовидные).

Ткачество получает в областях производящего хозяйства широкое распространение. Об этом говорят многочисленные находки грузиков для ткацких станов и пряслиц. Пряслица — маленькие круглые (кольцевидные) изделия из мягких пород камня, глины или других материалов, которые насаживались на веретено для придания ему устойчивости и равномерности вращения. Веретено использовалось для прядения и наматывания нитей, которые изготовлялись из растительных волокон, получаемых сначала из дикорастущих растений — крапивы, конопли и пр., а затем и из культивированных — клещевины, хлопка, в позднем неолите — и льна. Нити натягивались на примитивный ткацкий стан и закреплялись с помощью грузиков, простейшим челноком протягивались поперечные нити. Переход к созданию более плотного материала — текстиля был подготовлен всей предыдущей практикой, так как еще со времен палеолита люди использовали самые разные растительные материалы для плетения и вязания.

Керамическая посуда, одно из важнейших изобретений древнего человека, появляется и широко распространяется именно в неолитическую эпоху. Происхождение керамики невозможно связать с каким-то одним центром, по-видимому, это произошло независимо в ряде мест. Ее появление означало для неолитических обществ переворот в способах приготовления пищи и хранения ее запасов.

Керамика повсеместно изготавливалась из керамического теста, основой которого служили местные глины. В него добавлялись различные примеси-отощители, которые предохраняли изделия от растрескивания при обжиге. Состав таких примесей был различен: это могли быть тальк, асбест, песок, толченая ракушка, дресва, различные растительные остатки. Разные примеси были характерны для определенных территорий и временных периодов. Использование определенных примесей становилось со временем местной культурной традицией. Следует подчеркнуть, что у земледельческих племен такой примесью обычно служила солома доместицированных злаков. После приготовления керамического теста (глина + отощитель) начиналось ручное изготовление сосуда, в основном, двумя способами — выбиванием или при помощи техники налепа (ленточным способом). Последний способ состоял в последовательном прикреплении друг к другу, кольцами или по спирали, лент или жгутов-налепов, наращивавших высоту изделия. При достижении нужной формы изделие заглаживалось, орнаментировалось и обжигалось. Орнамент наносился при помощи разнообразных гребенчатых штампов, лопаточек, палочек, трубочек и пр. Кроме того, применялась роспись минеральными красками. Орнаментом, как правило, покрывалась внешняя поверхность сосуда целиком или частично, зонами, но иногда его элементы переходили и на внутреннюю поверхность. Как правило, орнамент подчеркивает верхнюю и наиболее выпуклую части сосуда, а также днище.

Проблема обжига — одна из самых важных при изготовлении керамики, так как для обжига высокого качества требуются высокие температуры и равномерный нагрев, чего достаточно трудно достичь при помощи обычного костра. Однако вся ранняя керамика обожжена именно на костре, и только в развитом и позднем неолите появляются примитивные гончарные горны. Керамика, сделанная на гончарном круге, появляется очень поздно, при переходе к энеолиту, и только в протогородских цивилизациях Переднего Востока или Египта.

Орнаментация керамической посуды — один из важнейших признаков, по которому производится различение археологических культур неолита, определение культурной принадлежности того или иного комплекса. По форме, технологии изготовления и орнаментации неолитические сосуды северных областей резко отличаются от сосудов южной зоны, заселенной земледельцами и скотоводами. Для орнаментации керамики лесной зоны характерны рельефные — прочерченные, накольчатые, вдавленные — орнаменты. На поселениях ранних земледельцев как правило присутствует расписная керамика. Однако эти различия не так четки в пограничных областях — вследствие культурных контактов или смешанности древнего населения.

Керамические орнаментальные мотивы и композиции являются ценным источником для изучения духовных представлений неолитического времени.

5.3. ДУХОВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. ПОГРЕБЕНИЯ. ИСКУССТВО

Изменения в хозяйственной жизни общества в эпоху неолита привели к изменению мировоззренческих, духовных представлений, которые находят отражение в религиозных обрядах и верованиях, погребальной практике и в искусстве. Для неолитической эпохи, как и для всего каменного века, характерны представления, связанные с тотемизмом и анимизмом. Они выражались в различных культах сил природы, которые олицетворялись в образах всевозможных духов животного и растительного мира, небесных и земных стихий.

Погребения

Интересные данные для изучения духовной культуры неолитических общин дают могильники и отдельные погребения, которых известно для этого времени очень много. Для всей эпохи, но особенно для развитого и позднего неолита, следует отметить заметную, по сравнению с предыдущими эпохами, «стандартизацию» погребального обряда, которая выражается и в устойчивых формах погребальных сооружений, и в позах погребенных, и в наборах сопровождающего их инвентаря. По-видимому, это может свидетельствовать о наличии достаточно устойчивой системы представлений мировоззренческого порядка. Естественно, что они были различными у обществ, ведущих разную хозяйственную жизнь.

Погребения земледельцев, как правило, приурочены к жилым объектам, часто совершаются под полами жилищ, что указывает на наличие культа предков-покровителей, защитников общины. В силу небольших размеров жилищ такие погребения никогда не бывают массовыми. Подобные погребения известны практически у всех древних земледельцев — в Месопотамии и Анатолии, на Балканах и в Средней Азии, в Центральной и Юго-Восточной Европе. Позы погребенных чаще всего могут быть описаны как положение спящего на боку человека. Степень скорченности скелета и положение рук, так же как и состав сопутствующего инвентаря, который почти всегда состоит из керамических сосудов и украшений, могут незначительно варьироваться. Анализ большого количества погребений не позволяет говорить о существовании имущественного неравенства, лишь в позднем неолите появляются редкие погребения с «богатым» инвентарем. Можно предположить, что это явление связано с выделением каких-то социально значимых членов коллектива — вождей, служителей культов и т.п.

Погребальные памятники степной и лесостепной зоны Восточной Европы представлены могильниками *днепро-донецкой культуры* (см. ниже), так называемыми *могильниками мариупольского типа* (хотя сам Мариупольский могильник относится уже к энеолиту). Эти большие, видимо, родовые могильники представляют собой сооружения в виде длинных траншей, в которых, иногда в несколько слоев, было погребено до сотни людей, лежащих вытянуто на спине. Погребенные были засыпаны ярко-красной охрой. В сопутствующем инвентаре присутствует множество украшений в виде бус из пластинок перламутра, костяные украшения, шлифованные топорики и тесла. Возможно, что над такими погребальными комплексами существовали надмогильные сооружения из дерева, тростника или других растительных материалов.

Погребения охотников—рыболовов—собирателей лесной зоны делятся на две группы: это индивидуальные погребения, совершенные на стоянках, и могильники, вынесенные за их пределы. Наиболее известными могильниками являются Сахтыш, Тамула, Звийеники в лесной зоне. Значительно чаще и повсеместно в этой зоне встречаются отдельные захоронения. Погребальный обряд лесных охотников–рыболовов, оставивших разные археологические культуры, достаточно сходен — это трупоположения в грунтовых ямах, где позы погребенных варьируются от выпрямленных до

скорченных. Погребальный инвентарь немногочислен, это каменные и костяные орудия труда и охотничье вооружение, украшения из раковин или сверленых клыков зверей, изредка встречаются мелкие зооморфные фигурки из различных материалов. Оружие и украшения клались и в мужские, и в женские погребения. Находки керамики чрезвычайно редки. Следует отметить, что исследование большого количества неолитических погребений лесной зоны позволяет сказать, что более многочисленный инвентарь обнаружен в погребениях людей среднего возраста, как мужчин, так и женщин, погребения других возрастных групп более бедные. Видимо, именно эта возрастная группа имела максимально важное значение в жизни социума, что и нашло отражение в погребальном обряде.

Искусство неолита

Многочисленные памятники искусства эпохи неолита позволяют проследить определенные особенности в мировоззренческих представлениях населения различных географических зон и регионов.

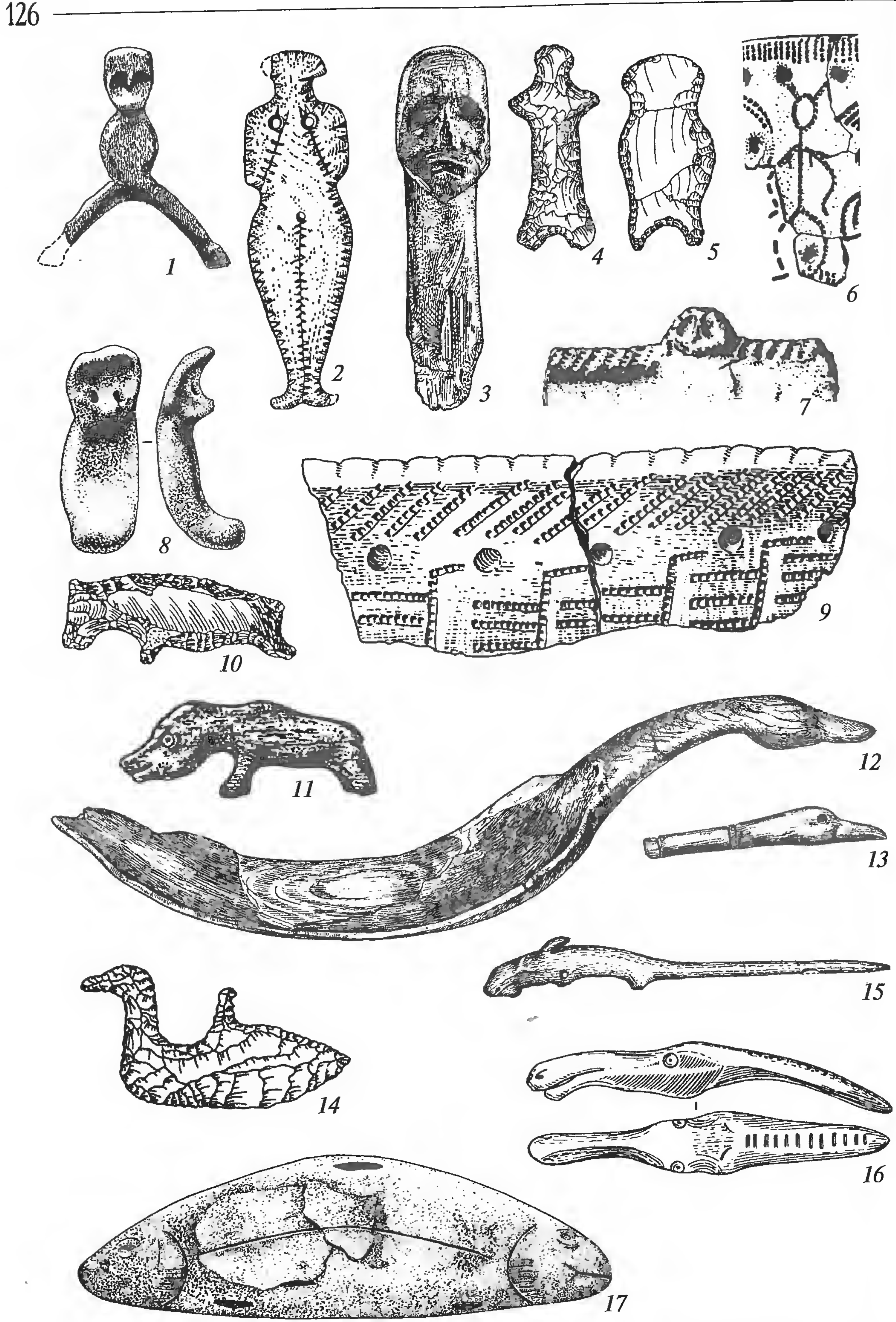
В южных областях, там, где жили племена, уже перешедшие к производящим формам хозяйства, были в большей степени распространены *культы плодородия*, имеющие генетическую связь с материнско-родовым почитанием хозяек и охранительниц домашнего очага, матерей-прародительниц, известным еще в палеолите. Правда, в неолитической мелкой пластике образ женщины претерпевает сильные изменения, становясь все более схематичным и даже абстрактным. Женские статуэтки южноевропейских земледельческих культур крайне упрощены и часто выглядят как стерженьки, на которые нанесены символические знаки пола.

Связанными с культами плодородия следует считать и *солярные* (*солнечные*) *культы*, которые были особенно важны для земледельцев, так как хозяйственно-календарный цикл их работ был приурочен к годовому циклу движения солнца. Об их наличии говорят многочисленные солярные знаки, изображения солнечной ладьи, странствующей по морю, сюжеты, известные по более поздним мифам, о борьбе солнца с чудовищами. Многие из этих образов и символов встречаются и на памятниках изобразительного искусства лесной зоны. Исследователи считают, что это результат межкультурных обменов и влияний.

Некоторые мифологические мотивы, известные нам по древним письменным и этнографическим источникам, в основе своей восходят к первобытной эпохе, что подтверждается сходством и повторяемостью некоторых сюжетов и образов.

Искусство неолитических земледельческих племен представлено небольшим числом образцов, среди которых выделяется монументальная живопись, мелкая пластика и прикладное искусство.

Среди памятников ***наскальной живописи*** хорошо известны росписи в ущелье Зараут-Сай на юге Узбекистана. Рисунки Зараут-Сая выполнены охрой. На крупных каменных глыбах в небольших углублениях изображены сцены охоты с собаками на быков, джейранов, козлов, кабанов. Охотники вооружены луками, топорами и бумерангами. Одним из наиболее интересных

Изображения человека (1–8) и животных (9–17) в неолите (*1, 2, 11, 13, 15, 16 — кость; 4, 5, 10, 14 — кремень; 3, 12 — дерево; 6, 7, 9 — изображения на керамических сосудах; 17 — камень*)

сюжетов являются изображения людей, видимо, тоже охотников, в необычной одежде — широких конусовидных накидках и «страусовых» масках. Изображения людей в звериных или птичьих масках имеются и в других районах Средней Азии (см. рис. на с. 101).

Тысячи изображений, вырезанных на камне и окрашенных охрой, обнаружены в гротах холма Каменная Могила в Приазовье. На потолках гротов сохранилось множество изображений быков, оленей, хищников, изредка людей и следов человеческих ног. С ними соседствуют геометрические узоры и солярные знаки. Как и Зараут-Сай, Каменная Могила была древним святилищем, существовавшим на протяжении многих тысячелетий от мезолита до бронзы.

Мелкая пластика земледельцев представлена на ряде поселений Переднего Востока, на Балканах, в Средней Азии. Очень показательны в этом смысле глиняные статуэтки джейтунской культуры, которые сделаны как из обожженной, так и необожженной глины. Некрупные фигурки животных и людей довольно схематичны. Часто находят только фрагменты — головы или торсы статуэток. Нередко они имеют отверстия и углубления, сделанные острым предметом, — возможно, что это следы магических обрядов.

Мировоззренческие представления охотников–рыболовов и собирателей лесной зоны, судя по памятникам искусства, были иными. Многочисленные и разнообразные изображения животных были, по-видимому, связаны с обрядами охотничьей магии. Образцы монументального искусства, вероятно, были приурочены к особо почитаемым местам, предметы мелкой пластики могли служить амулетами-оберегами. Судя по изображениям, наиболее почитаемыми были самые крупные животные — лось и медведь, а также водоплавающая птица.

Наскальная живопись и гравировка неолитических племен Северной Евразии представлена многочисленными группами изображений, часто называемых пи́саницами или петроглифами, которые располагались на скальных поверхностях берегов рек и водоемов. Широко известны такие памятники на побережьях Скандинавии, Карелии, Белого моря, Онежского озера, в долине рек Лена, Ангара, Томь (древнейший пласт изображений), в Приамурье (см. рис. на с. 101). Иногда вместе с животным изображались фантастические существа, по-видимому, духи — покровители охоты или хозяева зверей.

Ангарские и Ленские писаницы представляют замечательные изображения лосей. Томские писаницы выбиты или вырезаны на гладких камнях у самого берега р. Томь. Более древняя часть изображений, первоначально выбитая точечным способом (пикетаж), позже была усилена и заново прочерчена линиями. Среди древнейших изображений выделяются фигурки «танцующих» человечков: люди с широко расставленными и согнутыми в коленях ногами как бы приседают в танце. Наряду с фигурами людей на камнях видны контуры человеческих ступней и геометрических фигур.

Блистательным образцом монументального наскального искусства неолита могут считаться петроглифы Белого моря и Онежского озера, дающие представление о сложном ментальном мире их создателей. Они располагаются на прибрежных плитах и валунах, иногда группируясь в композиции.

Петроглифы, включающие сотни изображений, представляют сцены сухопутной и морской охоты, образы реальных животных, водоплавающих птиц, рыб, а также фантастических существ и абстрактные символы. Очень выразительны фигуры лыжников, преследующих добычу, или охотников, плывущих в большой лодке и загарпунивших крупную рыбу. Известны изображения лосей, водоплавающих птиц (лебедя), рыб, выполненные в лаконичной реалистической манере. Фантастические существа антропоморфны, возможно, они изображают каких-то божеств или духов — покровителей и хозяев животных. Выразительным примером таких изображений может служить двухметровая фигура «беса» с Бесова мыса на Онежском озере.

Мелкая пластика представлена во всей лесной зоне Евразии зооморфными и антропоморфными изображениями, сделанными из кремня, глины, кости, рога, дерева, янтаря.

Зооморфные изображения более многочисленны, среди них — изображения лося, медведя, бобра, куницы, лисы, рыб и змей, однако существенно преобладают разнообразные птицы, как боровые, так и водоплавающие. Фигурки водоплавающих птиц особенно распространены, что, возможно, служит отражением их важного промыслового значения для населения лесной зоны. Известны деревянные черпаки с рукояткой, являющиеся изображением птицы. Образ водоплавающей птицы становился сюжетом не только мелкой пластики, на поздних этапах культур с гребенчато-ямочной керамикой встречаются сосуды, украшенные фризом из вереницы уточек.

Изображения головы лося — один из распространенных мотивов оформления наверший. Изображения медведя относительно редки. Удивительно художественна и выразительна каменная (песчаник) фигурка медведя из западносибирского поздненеолитического Самусьского могильника. Медведь стоит, сложив на груди передние лапы, морда выполнена рельефно.

Антропоморфные изображения, как правило, очень схематичны, черты лица, детали фигуры обозначены весьма условно.

Мелкая пластика обнаружена и в культурных слоях поселений, и в погребениях, что, вероятно, свидетельствует о ее разнообразном использовании и в качестве культовых предметов, и как украшений и амулетов.

Прикладное искусство неолита представлено богатейшим массивом орнаментов, нанесенных в основном на керамику, а также на костяные и деревянные изделия.

5.4. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ НЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ, СРЕДНЕЙ АЗИИ, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В эпоху неолита природные особенности окружающей среды каждого региона определяли структуру хозяйства и опосредованно влияли на материальную и духовную культуру населения.

Общие хронологические рамки неолита Восточной Европы, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока определяются по-разному: в южных степях и лесостепях — с конца VII–VI по IV тыс. до н.э., в некоторых районах Средней Азии — с VII по IV тыс. до н.э., в лесной зоне — с рубежа VI–V по III тыс. до н.э., а в некоторых районах Крайнего Севера России — с IV до II тыс. до н.э.

Выделяются ***ранний, развитой*** и ***поздний этапы неолита.*** Материальная культура раннего неолита в целом близка к культуре мезолита, а поздненеолитическая во многом близка к эпохе раннего металла. Часто одни и те же культуры разные исследователи относят то к позднему неолиту, то к энеолиту, а иногда даже к ранней бронзе.

Археологические культуры в неолите выделяются повсеместно и часто объединяются благодаря сходным чертам в культурные общности или области. Некоторые исследователи предполагают развитие автохтонных археологических культур в пределах одного региона на протяжении нескольких эпох — от мезолита до бронзы. Другие ученые при решении вопросов этногенеза в неолите придают большее значение миграционным процессам.

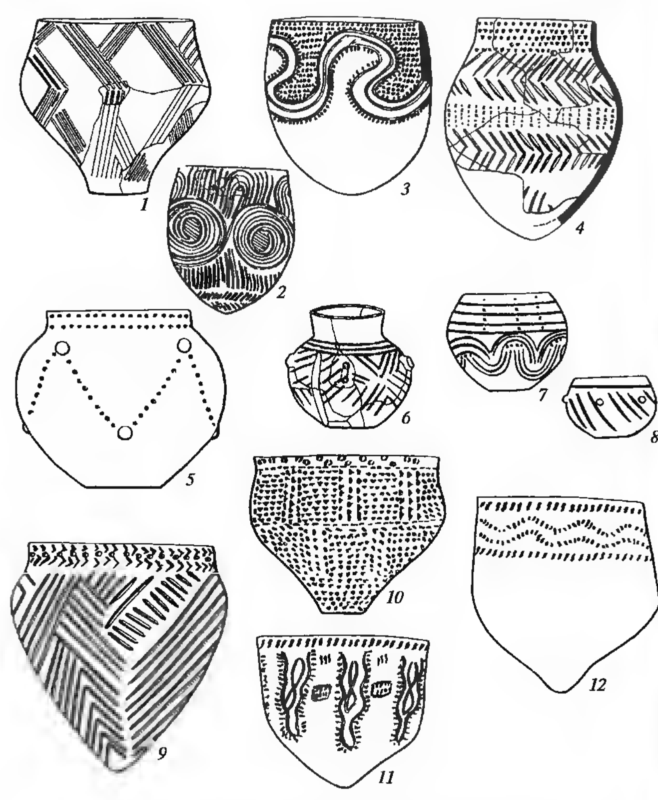
В неолитическую эпоху на рассматриваемой территории сложились две большие хозяйственные зоны: область культур, которые в той или иной степени освоили способы производящего хозяйства, и обширная область культур лесной зоны с исключительно присваивающим хозяйством.

Зона производящей экономики располагалась в Средней Азии, а также в степных, лесостепных и предгорных районах на обширной территории от долины р. Буг до Поволжья и восточнее — до степей Приаралья. Районы, население которых уже в неолите занималось преимущественно земледелием, были очень небольшими — все они относятся к северной периферии центров производящего хозяйства, которые сложились на Ближнем Востоке и в Южной Европе. Наиболее яркими земледельческими культурами являются *джейтунская* и *культура линейно-ленточной керамики.* Ареал этих культур приурочен к районам, наиболее пригодным для земледелия по климатическим, гидрологическим и почвенным характеристикам.

Гораздо шире распространены племена, знавшие скотоводство, поскольку обширная зона степей и лесостепей предоставляла для этого широкие возможности. Носители *буго-днестровской, горно-крымской, сероглазовской, днепро-донецкой, среднедонской, ракушечноярской, гиссарской, кельтеминарской культур* занимались скотоводством в той или иной степени.

Юго-запад Восточной Европы

Племена, жившие на юго-западе Восточной Европы (Молдавия, часть Правобережной Украины) и уже освоившие земледелие и животноводство в эпоху неолита, являлись периферией ярких земледельческих культур Южной и Центральной Европы, сложившихся там в VI–V тыс. до н.э. Эти племена, в свою очередь, оказывали определенное влияние на своих северных соседей, населявших территорию современной России. В Буго-Днестровском междуречье выделяются две культуры: *буго-днестровская* и *культура линейно-ленточной керамики.* Материалы обеих культур отражают

Керамика неолитических культур юга европейской части России:
1–4 — буго-днестровская культура; 5–8 — культура линейно-ленточной керамики; 9–12 — днепро-донецкая культура

постепенный переход к производящим видам хозяйства — земледелию и скотоводству, при сохранении значения охоты и рыболовства.

Культура линейно-ленточной керамики, конец VI–V тыс. до н.э. Хозяйство этой культуры базировалось на примитивном земледелии и придомном скотоводстве. Сеяли два вида пшеницы, просо и горох. Жатва производилась серпами: они имели изогнутую рукоять из дерева или рога, в

которую закреплялись кремневые пластинки-вкладыши. Разводили преимущественно крупный рогатый скот, свиней. Кроме того, велась охота на крупных копытных, видимо, существовало и собирательство.

Освоение больших территорий носителями этой культуры, по-видимому, связано с примитивным мотыжным земледелием. Подобный способ выращивания злаков приводил к быстрому истощению земли и необходимости переселяться на новые территории. Возможно, что поселения существовали всего по 10–12 лет. Постройки состояли из деревянного каркаса, обмазанного глиной с соломой. На земляном полу встречаются остатки очагов и небольших хозяйственных ям.

Культура линейно-ленточной керамики получила свое название из-за способа орнаментации сосудов. На ранней ее стадии керамика во многом сходна с ранненеолитической посудой Центральной Европы. Сосуды толстостенны, часто украшены прочерченными спиралями из одной, двух или трех параллельных линий. Следующий этап развития культуры характеризуется распространением керамики с так называемым «нотным» орнаментом, образованным сочетанием тонких параллельных линий и ямочных вдавлений, напоминающим нотную запись. В керамическом тесте обильны растительные примеси.

Орудия труда изготавливались из кремня, рога, кости, дерева, их делали почти в каждом жилище. Большая часть орудий представлена скребками и вкладышами для серпов, меньше ножей, резцов и сверел, встречаются рубящие орудия.

Могильников найдено немного. Известны отдельные погребения на поселениях. Умерших хоронили в скорченном положении на боку, иногда подсыпая охру, в могилу ставили посуду с жертвенной пищей, клали орудия из кремня, украшения из раковин и зубов животных.

Буго-днестровская культура, VI–V тыс. до н.э. Эта культура сложилась на местной основе и была распространена на территории всего Буго-Днестровского междуречья. Она соседствовала с сурской и днепро-донецкой культурами на севере и культурой линейно-ленточной керамики на западе.

На ранних стадиях ее развития в комплексном хозяйстве превалируют охота и рыболовство, на следующих появляются земледелие и скотоводство. Удельный вес земледелия был невелик, животноводство находилось в начальной стадии развития. Роль охоты и рыболовства на всем протяжении существования этой культуры была значительной — добывались благородный олень, косуля, кабан; обилие рыбы зафиксировано многочисленными костными остатками в культурных слоях поселений. Дома, по-видимому, были наземными или слегка углубленными, с внутренними очагами, их площадь — от 12 до 30 кв. м.

Орудия труда, изготовленные в основном из кремня, представлены скребками, резцами, вкладышами для охотничьего вооружения.

Керамика достаточно разнообразна, существуют плоскодонные и круглодонные формы. Для керамического теста характерна примесь травы, песка и толченых раковин. Сосуды почти полностью покрыты орнаментом из врезанных линий, оттисков штампов или пальцевых защипов.

Юг Восточной Европы

В степной и лесостепной зоне между Днепром и Волгой на местной мезолитической основе сложился ряд культур, характеризующихся большим сходством в хозяйстве и темпах развития. Основным занятием населения в неолите здесь были охота и рыболовство, земледелие было развито очень слабо, а скотоводство в некоторых районах получило развитие только к концу неолита. Кроме того, их всех объединяет микролитический характер кремневого инвентаря и некоторые общие черты в оформлении керамики.

Археологические культуры этого региона можно разделить на две группы: в первую входят *сурская* и *горнокрымская культуры*, во вторую — *днепро-донецкая культурная общность*, *ракушечноярская, среднедонская, сероглазовская, самарская, волго-уральская* культуры. Все они могут быть датированы VII/VI–V/IV тыс. до н.э., однако первая группа более архаична.

Основным занятием населения первой группы культур были охота и рыболовство, хотя и имеются редкие данные о наличии скотоводства. Керамика представлена остродонными сосудами с S-видным профилем, которые декорированы бедно или совсем не орнаментированы. Кремневые орудия изготовлены на пластинах и имеют микролитический облик. Могильники этих культур не найдены.

Носители второй группы культур также занималось охотой, рыболовством и скотоводством, но удельный вес скотоводства в их хозяйстве, особенно в некоторых культурах, был значительно выше.

Формы сосудов более разнообразны, появляются плоскодонные формы, нет сосудов с S-видным профилем, сосуды богато орнаментированы разнообразными гребенчатыми отпечатками и наколами. Каждая из культур имеет своеобразный орнамент. Гребенчатая орнаментация (штамп — гребешок, линия непрерывна) в целом более характерна для районов Днепра, Северского Донца, а накольчатая (штамп — заостренная палочка, линия прерывиста) — для районов Прикаспия, Дона и Нижней Волги.

Кремневый инвентарь на ранних этапах имеет микролитический облик, в качестве заготовки для орудий используются небольшие пластины. На поздних этапах уже много более крупных орудий, изготовленных на отщепах.

Хорошо изучены погребальные памятники этих культур: могильник у села Съезжее, Никольский, Александрия и др. В основном погребальный обряд представлен трупоположениями, вытянутыми на спине и обильно окрашенными охрой. Встречаются коллективные погребения.

Обе группы культур отражают постепенный переход неолитических племен к скотоводству в условиях степей и лесостепей. Наиболее показательной для этого региона является *днепро-донецкая культурная общность VII–IV тыс. до н.э.*

Она сменила племена носителей сурской культуры в лесостепных районах Поднепровья и Подонья. Сходство локальных вариантов и типов памятников, входящих в эту общность, было обусловлено сходством природного окружения, хозяйства и происхождения. На раннем этапе существования днепро-донецкой культурной общности это внутреннее сходство выражено гораздо сильнее, чем на позднем, когда контакты с населением сопредельных территорий стали многочисленней и разнообразней. Подобные контакты, как правило, приводят к ряду культурных заимствований, что находит отражение в появлении новых черт в каменных и керамических комплексах.

Днепро-донецкая керамика раннего периода с примесью органики в тесте характеризуется плохим обжигом. Форма сосудов остродонная, слабопрофилированная. Сосуды орнаментированы рядами гребенчатых оттисков и прочерченных линий. На более поздних этапах развития культуры усложняется профилировка сосудов, появляются плоскодонные формы, в глиняное тесто добавляется дреcва́[1], орнаментация сосудов усложняется.

Кремневые орудия на раннем этапе изготавливались на пластинах, а на поздних этапах — на отщепах. Набор орудий характерен для охотников и рыболовов — это скребки, резцы, ножи, рубящие орудия и наконечники стрел и копий, разнообразные вкладыши охотничьего вооружения.

Известно более 20 могильников мариупольского типа, которые ряд исследователей связывают с носителями днепро-донецкой культурной общности. Ранняя группа этих могильников датируется концом VII–VI тыс. до н.э., поздние — V тыс. до н.э. Погребальный обряд сходен — это трупоположения, вытянутые на спине, сопровождающиеся многочисленными украшениями и засыпанные красной охрой. Нередко коллективные усыпальницы представляли собой длинную траншею, в которых лежали десятки погребенных.

Хозяйство днепро-донецких племен базировалось на охоте и рыболовстве, но было известно и примитивное скотоводство. На поздних этапах кости домашних животных уже преобладают.

На памятниках *ракушечноярской, среднедонской* и *сероглазовской культур* представлены костные остатки домашних животных — крупного и мелкого рогатого скота, свиней, лошадей.

Появление в этом регионе древнейших культур энеолита относится ко второй половине VI тыс. до н.э.; затем в течение долгого времени неолитические и раннеэнеолитические культуры сосуществуют здесь, развиваясь параллельно, вплоть до появления древнейших культур эпохи бронзы на рубеже IV и III тыс. до н.э.

Средняя Азия и Казахстан

Неравномерность культурного развития отчетливо выражена в неолите ***Средней Азии***. Обычно выделяют три основных его области: *джейтунскую культуру* в юго-западной Туркмении, *гиссарскую культуру* в Таджикистане и *кельтеминарскую культурную общность* на территории Туркмении, Узбекистана и отчасти Казахстана. Наиболее показательными являются джейтунская культура и кельтеминарская культурная общность.

[1] Дресва — крупный песок, гравий, мелко толченый камень (*В.И. Даль*).

Джейтунская культура, вторая половина VII–VI тыс. до н.э. Во второй половине VII тыс. до н.э. в юго-западной Туркмении, в предгорьях Копетдага, складывается земледельческая культура, получившая по наиболее полно исследованному памятнику название джейтунской. Будучи одной из древнейших культур неолита на рассматриваемой территории, она занимает северо-восточную окраину обширной зоны древнеземледельческих культур Ближнего Востока. Сходство памятников джейтунской культуры с поселениями Малой Азии и Ближнего Востока объясняется общностью генезиса, форм хозяйства, природного окружения, а также, возможно, наличием культурных контактов.

Экономический уклад джейтунцев сочетал в себе такие прогрессивные явления, как земледелие и скотоводство, и традиционную охоту. Развитие поливного земледелия (а оно требует создания хотя бы простейшей оросительной системы) явилось причиной прочной оседлости неселения. Основу хозяйства составляло выращивание злаков — ячменя и различных видов пшеницы. На ранних этапах джейтунской культуры основным источником мясной пищи служила охота на безоарового козла, джейрана и кабана. Изредка встречаются кости домашней козы. Однако на поздних поселениях джейтунцев кости домашних животных преобладают, причем в состав стада входит уже и крупный рогатый скот.

Небольшие поселки состояли из домов, построенных из глиняных блоков. Дома имели прямоугольную форму, дверные проемы были узкими. Пол покрывался толстой глиняной обмазкой, иногда на ней обнаруживаются следы красноватой или черной окраски. В каждом доме имелся очаг, а напротив очага в стене была сделана небольшая ниша. Около домов находились хозяйственные постройки и дворики, окруженные глинобитными (каркас обмазан жидкой глиной) оградами. Именно к джейтунскому времени восходит широко распространенная в Средней Азии традиция строительства из сырцового (необожженного) кирпича.

При раскопках Джейтуна были обнаружены остатки 29 домов, в которых предположительно могли жить около 180 человек. На других, менее крупных поселениях (Чагыллы-депе, Чопан-депе) проживало не более 70 человек.

На местах джейтунских поселений обнаружены погребения, совершенные под полами домов или во двориках, что типично для ранних оседлых земледельцев. Для погребального обряда характерно как скорченное, так и вытянутое положение покойного.

Керамика Джейтуна — один из древнейших керамических комплексов Средней Азии. Сосуды сформованы вручную, в технике ленточного налепа, они разнообразны по форме, стенки тщательно заглажены, обжиг — сильный, произведенный в примитивных горнах или печах. Небольшую часть посуды составляют изделия с росписью. Ее мотивы — вертикальные струйчатые линии, иногда переплетающиеся с горизонтальными, или горизонтальные пояса, составленные из вертикальных рядов скобочек или треугольников. Вероятно, расписная посуда использовалась джейтунцами в особых случаях — торжественных или ритуальных.

На памятниках встречаются зооморфные и антропоморфные статуэтки из обожженной и необожженной глины.

Орудия труда изготавливались из кремневых пластин. Основные категории орудий — вкладыши жатвенных ножей и серпов, скребки, скобели, наконечники стрел, геометрические микролиты. Есть шлифованные топорики и тесла из других пород камня.

Кельтеминарская культурно-историческая общность, VII–IV тыс. до н.э. Племена этой культурно-исторической общности занимали огромную территорию ныне пустынных равнин Средней Азии в междуречье Амударьи и Сырдарьи, в западном Казахстане и восточном Прикаспии. Естественно, что на таком широком пространстве не наблюдается полного единообразия культуры, однако все ее варианты демонстрируют сходство каменных орудий, форм и орнаментации керамики и украшений.

Следует подчеркнуть, что в этот период все эти пространства были обводнены, покрыты богатой растительностью и предоставляли прекрасные условия для жизни неолитического человека. В древесных зарослях по берегам рек и в разнотравных степях водилась многочисленная и разнообразная дичь, реки изобиловали рыбой.

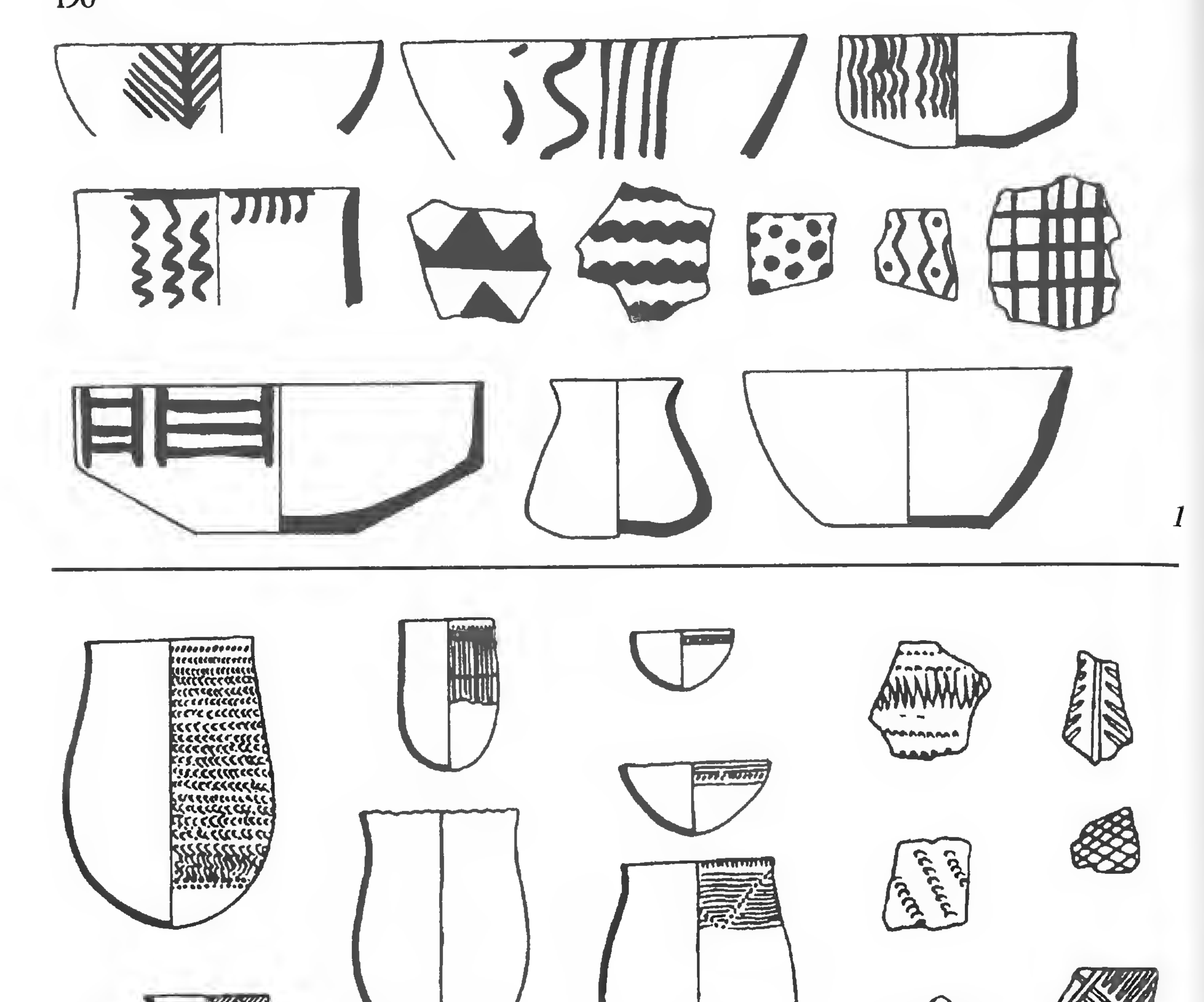
Огромную роль в комплексном хозяйстве играли охота и рыболовство, о чем говорят многочисленные находки костей быка, благородного оленя, кабана, кулана, джейрана и разнообразных рыб. Находки раковин моллюсков и яичной скорлупы указывают на наличие собирательства. Однако уже на ранних стадиях существования культуры присутствует скотоводство, о чем свидетельствуют находки костей домашних животных.

Кельтеминарские стоянки представляют собой в большинстве случаев кратковременные стойбища. Жилища, исследованные на стоянках Кават и Джанбас-кала IV, представляют собой округлые наземные или слегка углубленные шалашеобразные постройки с очагами в центре, иногда очень больших размеров (около 200 кв. м). Глинобитное строительство отсутствует.

В кельтеминарской общности керамика появляется на рубеже VII и VI тыс. до н.э. Наряду с джейтунской, это древнейшая в Средней Азии обожженная посуда. Все кельтеминарские сосуды вылеплены от руки и обожжены на костре. Керамические сосуды различны по форме — это полусферические чаши, шаровидные или яйцевидные с высоким цилиндрическим горлом, изредка встречаются плоскодонные формы. Керамика украшалась нарезным и штампованным орнаментом, роспись редка.

Для изготовления каменных орудий кельтеминарцы использовали кремень, добываемый в шахтах. Кроме того, кельтеминарцы освоили добычу бирюзы, разработки которой находились в горах Султануиздага.

Кремневые орудия изготовлены на некрупных пластинах, основные типы — скребки, ножи на пластинах, разнообразные геометрические микролиты, на позднем этапе появляются наконечники стрел с двусторонней обработкой. Из плотного песчаника изготовлялись терки и грузила для сетей. Известны также топоры-тесла из шлифованного камня и костяные наконечники.

Керамика неолита Средней Азии:
1 — джейтунская культура; 2 — кельтеминарская культура

В степных районах ***Казахстана*** в неолите происходили процессы, сходные с теми, которые шли в Прикаспии и на Дону. Для неолитических культур этого района характерно сочетание присваивающей и производящей экономики. Огромные территории исследованы крайне неравномерно, и большая часть Казахстанских степей обследована недостаточно.

Исследователи отмечают большое разнообразие неолитических памятников Казахстана. Так, если в южных районах прослеживается больше сходства с кельтеминарской культурной общностью, то в северных — с культурами Зауралья и Западной Сибири. Это выражается как в орнаментации сосудов, так и в характере каменного инвентаря.

Кавказ. Материалы по неолиту Кавказа очень отрывочны, несмотря на многолетние обследования этой территории и обилие памятников предшествующих и

последующих эпох. Несмотря на близость к центрам древнейших цивилизаций, здесь не произошло формирования развитых неолитических культур. Малочисленность достоверно датированных памятников сильно осложняет сопоставление имеющихся материалов.

На территории Кавказа выявлена серия пещерных стоянок и долговременных поселений, для которых характерно сочетание кремневых и обсидиановых орудий микролитических типов, весьма близких к мезолитическим. Кроме того, встречены шлифованные клиновидные топоры и весьма примитивная керамика. Некоторые из этих поселений свидетельствуют о знакомстве их обитателей со скотоводством и земледелием уже в начале VI тыс. до н.э., еще до появления в Закавказье энеолитических культур переднеазиатского типа с глинобитной архитектурой и развитым производящим хозяйством.

Лесная зона Восточной Европы

Практически по всей территории лесной зоны на протяжении неолитической эпохи сохранялось хозяйство присваивающего типа. Это отчасти объясняется спецификой природных условий, которые в избытке обеспечивали немногочисленное население продуктами питания, не стимулируя тем самым перехода к новым формам хозяйства.

При благоприятных природных условиях даже в раннем неолите существовали довольно большие поселения, на которых могло жить до 100 человек. В позднем неолите намечаются и определенные изменения в социальной структуре общества, что прослеживается в основном на материалах погребального обряда. В лесной зоне Восточной Европы и Восточной Сибири известны большие некрополи.

Основой экономики на протяжении почти всей эпохи неолита на территории Северной Евразии были охота, рыболовство и собирательство, морской промысел, который имел большое значение для жителей побережий морей и крупных озер. Наскальные изображения на берегу Белого моря в Залавруге дают представления о характере охоты на морского зверя — петроглифы изображают охотников, стоящих и сидящих в лодке, в руках у одного из них гарпун, уже вонзившийся в тело крупного морского зверя (см. рис. на с. 101).

Первые признаки появления производящего хозяйства в лесной зоне прослеживаются только в развитом неолите. Исследования последних лет позволяют говорить о существовании одомашненных животных у населения на южных окраинах лесной зоны, на границе с лесостепью. Однако единственно достоверно одомашненное животное эпохи неолита в лесной зоне — собака.

Неолитические культуры различных регионов северной Евразии изучены очень неравномерно — наиболее полные представления имеются о центре европейской части России и некоторых регионах Сибири. На некоторых территориях, особенно на Севере, археологический материал неолита трудноотличим от материала памятников раннего металла, за исключением собственно металлических предметов, поэтому вопросы культурной хронологии часто дискуссионны.

Европейская часть лесной зоны. К раннему неолиту на территории европейской части России относят культуры: *раннюю валдайскую, верхневолжскую, сперрингс, нарвскую, неманскую, сертейскую, руднянскую, среднедонскую, ранний этап деснинской культуры, ранние этапы волго-камской культуры.* Наиболее древними являются верхневолжские, среднедонские и деснинские памятники, возникновение которых, вероятно, относится к рубежу VI–V тыс. до н.э., время их распространения — V–IV тыс. до н.э.

В материальной культуре носителей ранненеолитических культур было много общего: небольшие стоянки располагались по берегам озер и небольших рек. Как правило, на поселении было несколько жилищ, но существовали и кратковременные промысловые стойбища с легкими шалашеобразными конструкциями. Жилища этого периода представлены наземными формами и полуземлянками, с каркасом из жердей, обтянутых шкурами, в плане округлыми или четырехугольными.

Керамика широко встречается на поселениях лесного неолита. Самыми распространенными типами сосудов были круглодонные и остродонные, вся внешняя поверхность или ее верхняя часть была орнаментирована. Орнаментация накольчатая, ямочная, гребенчатая. Согласно ранним типологическим схемам, широко принятым в археологической науке, круглодонная посуда предшествовала плоскодонной. Однако современные исследования показывают, что это справедливо не для всех археологических культур; так, в ряде наиболее ранних культур, например нарвской, есть плоскодонные формы сосудов.

Основные типы охотничьего вооружения представлены многочисленными и разнообразными некрупными кремневыми и костяными наконечниками стрел, которые имели листовидную, треугольную или ромбическую форму. Наконечники копий чаще всего повторяют формы наконечников стрел, хотя преобладают листовидные.

Каменный инвентарь часто близок мезолитическому, однако при его изготовлении в большем объеме использовалась струйчатая ретушь, пиление и шлифование. Широко распространены скребки, среди которых появляются новые формы — скребки четырехугольных очертаний, обработанные ретушью по трем, а иногда и по четырем сторонам, округлые или совсем круглые, обработанные по периметру. Часто встречаются разнообразные ножи, проколки, резчики. Резцы распространены на относительно узкой территории, включающей Верхнее Поволжье, Верхнее и Среднее Поднепровье, Южное Приуралье.

Могильники крайне редки.

Ранненеолитические культуры лесной зоны очень незначительно отличаются от мезолитических. Единственное существенное отличие — находки керамических сосудов разных размеров, в которых варили пищу и хранили запасы. Близость к мезолиту в материальной культуре ранненеолитического населения объясняется в некоторых случаях преемственностью традиций (многие исследователи указывают на связь верхневолжской культуры с бутовской), отсутствием скачкообразных изменений в хозяйстве и сходством природного окружения.

Северо-западные области (Эстония, Латвия, часть Литвы и Ленинградской области) занимали племена *нарвской* и *неманской культур* (V–IV тыс. до н.э.). Как уже говорилось выше, отсутствие месторождений высококачественного кремня способствовало широкому использованию костяных орудий и развитию стандартных приемов их изготовления. Хороший кремень импортировался из более южных районов, и, напротив, прекрасный прибалтийский янтарь экспортировался в другие области.

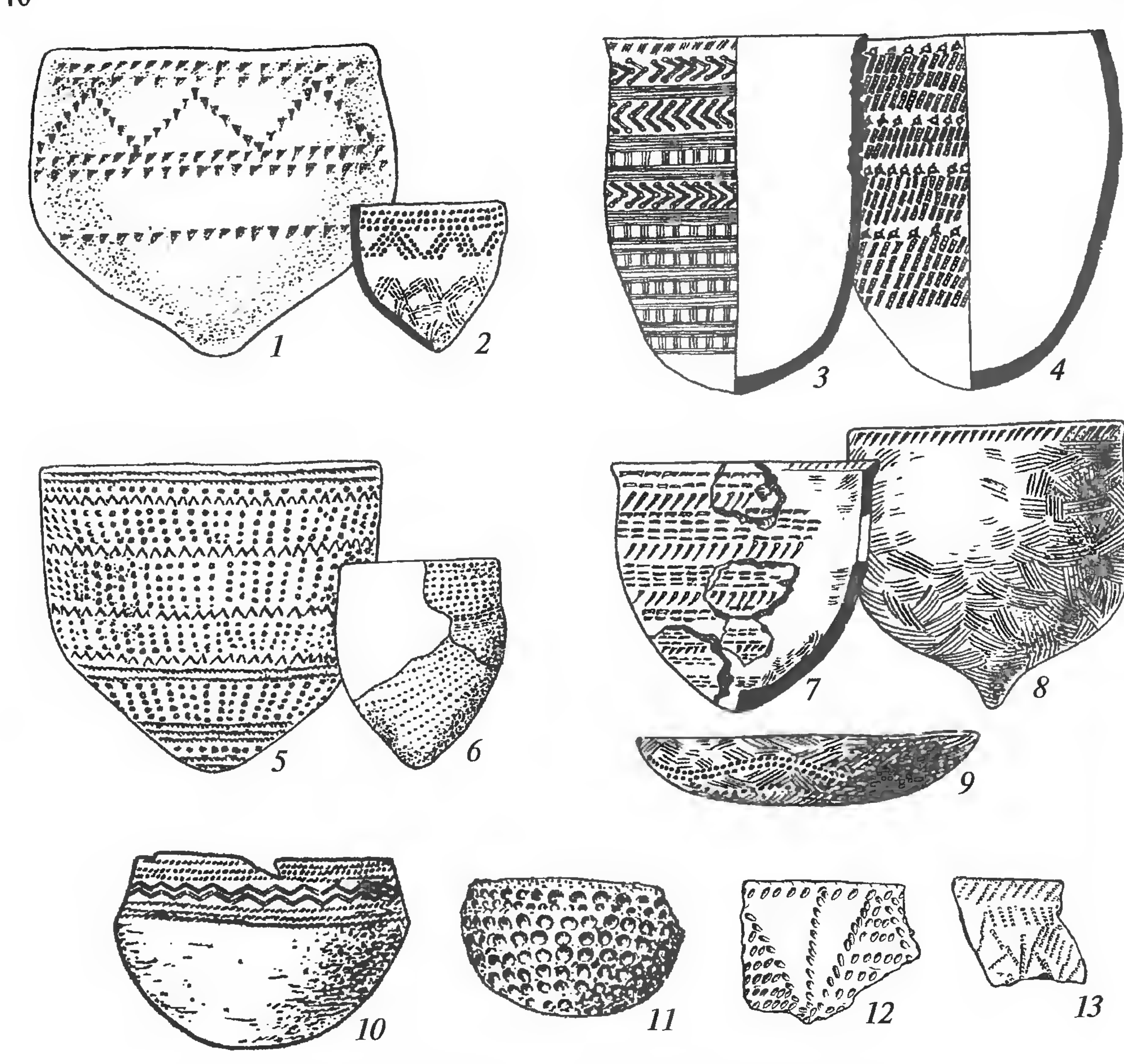
Стоянки развитого и позднего неолита отличаются от ранненеолитических большой площадью, более мощным культурным слоем, обилием керамических сосудов, остатками больших жилищ и значительным количеством могильников. Все это говорит о стабильности присваивающего хозяйства и его эффективности — возрастает численность населения и его оседлость.

Значительную роль в формировании развитого и позднего лесного неолита сыграли племена, которые украшали свою керамику ямочно-гребенчатым орнаментом. Они представлены рядом археологических культур и их локальных вариантов. Однако до сих пор многие из вопросов, связанных с их происхождением, определением критериев для выделения локальных вариантов, хронологией, остаются дискуссионными.

Неолитические культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, рубеж VI–III тыс. до н.э. Основной территорией формирования этих культур было, по мнению большинства исследователей, Волго-Окское междуречье и Верхнее Поволжье, откуда впоследствии началось их широкое распространение на север, северо-восток, восток и в меньшей степени на запад. Почти все культуры, входящие в круг культур ямочно-гребенчатой керамики (льяловская, балахнинская, карельская, каргопольская, печеро-двинская, прибалтийская), а также те, что испытали их значительное влияние на втором этапе своего развития (деснинская, верхнеднепровская, мстинская, валдайская), обладают рядом общих черт.

Для них характерны достаточно крупные поселения поблизости от воды. Площадь жилищ — от 20 до 50 кв. м. На таком поселении, в зависимости от сезона, могло жить приблизительно 15–40 человек. Каменный инвентарь характерен для времени развитого и позднего неолита. На поселениях много орудий — скребки, ножи, резцы, двусторонне обработанные наконечники стрел и копий листовидной и других форм, сверла, топоры, тесла, есть орудия из кости и рога. Керамической посуды много, это крупные и средних размеров сосуды, округлодонные, с прямыми стенками. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов, он всегда зональный и состоит из сочетаний конических ямок, сделанных белемнитами, и отпечатков гребенчатого штампа. Встречаются и другие виды орнамента — полулунные и ногтевые вдавления. Локальные варианты этих культур часто выделяются по особенностям орнаментации.

В III тыс. до н.э. появляется культура так называемой *гребенчато-ямочной керамики*, близкая к культурам ямочно-гребенчатой керамики и распространившаяся в северной части ее ареала.

Керамика неолитических культур лесной зоны:
1, 2 — верхневолжская культура; 3, 4 — культура сперрингс; 5, 6 — льяловская культура; 7–9 — нарвская культура; 10–13 — волосовская культура

Найден ряд могильников — Караваиха, Сахтышские могильники, Языково. Все они характеризуются сходным погребальным обрядом — как правило, это трупоположения, вытянутые на спине, сопровождаемые иногда украшениями (сланцевыми подвесками, просверленными зубами промысловых животных) и немногочисленными орудиями труда, оружием. Иногда в культурном слое поселений, особенно в северных районах распространения ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной культурной общности, находят эмбрионовидные глиняные антропоморфные фигурки, разнообразные зооморфные изображения и фигурки водоплавающих птиц и изображения их на керамике.

Большая часть ученых считает, что племена — носители этих культур принадлежали к древнейшему финно-угорскому населению лесной зоны Восточной Европы.

В конце позднего неолита в Волго-Окском междуречье возникает *волосовская культура* (вторая четверть III — первая четверть II тыс. до н.э.),

которая впоследствии распространяется на обширной территории от Прибалтики до Среднего Поволжья и сменяет ряд культур ямочно-гребенчатой общности. Материалы волосовской культуры очень ярко характеризуют поздний неолит, его финал и переход к энеолиту, так как на ее поздних памятниках появляются медные изделия.

Для волосовской культуры характерны долговременные поселения, расположенные у самой воды. Жилища — прямоугольные, углубленные в землю, были построены из дерева и имели срубную или столбовую конструкцию. Площадь жилищ варьирует от 60 до 120 кв.м, в средней части располагались очаги, обмазанные глиной. На поселениях известны находки от 5 до 17 таких жилищ, которые были связаны крытыми переходами.

Присваивающее хозяйство волосовских племен характеризуется очень высокой для каменного века степенью организации охоты, рыболовства, собирательства. Мощные прослойки из раковин моллюсков, костей животных и рыб свидетельствуют о наличии заготовок запасов пищи, которые позволяли функционировать довольно крупным поселениям круглый год в течение длительного времени. Охотничье вооружение и рыболовная снасть отражают специализацию в зависимости от объектов добычи и способов промысла. Преобладала индивидуальная охота с луком и стрелами на лесных животных и птиц. Основными промысловыми видами были известные лесные животные, но главными объектами охоты почти везде были лось и утка. Из одомашненных животных присутствует собака, об особом статусе которой свидетельствуют индивидуальные погребения (стоянки Черная Гора, Шагара II).

Возрастает роль рыболовства. Помимо обычных способов ловли рыбы (ужения на крючок, битье гарпуном и острогой), широко применялся сетевой лов, который и давал основной объем уловов. О применении сетей свидетельствуют их многочисленные отпечатки на керамике.

Ведение довольно сложного стационарного хозяйства и оседлость предполагают развитие производства каменных и костяных орудий. Волосовские изделия характеризуются разнообразием форм, отражающих специализацию. Особенно высоким качеством обработки отмечены наконечники, рубящие орудия и предметы искусства. При изготовлении кремневых предметов характерно широкое применение плоской покрывающей поверхность ретуши, а каменных и костяных орудий — шлифовки.

Волосовская керамика представлена крупными лепными сосудами полуяйцевидной и котловидной формы. В керамическое тесто добавлялись органические примеси. Сосуды богато орнаментированы по всей поверхности отпечатками разнообразных штампов, вдавлениями разных форм, прочерченными линиями, составляющими определенные орнаментальные мотивы.

О существовании у волосовцев межплеменных связей и возможном обмене говорят находки украшений из прибалтийского янтаря на стоянках Верхней Волги и Средней Оки.

Определенные социальные и мировоззренческие изменения в обществе, свойственные позднему неолиту, находят отражение в усложнении

погребального обряда, прослеженном на материалах волосовской культуры. Характерны отдельные погребения на площади поселений — в жилищах и между ними. Кроме того, известны и большие могильники, находящиеся рядом с поселениями (Сахтыш II, VIII, Кончанское, Языково I). Большинство погребений — одиночные, однако известны и коллективные (Сахтыш II, Черная Гора, Шагара I). Погребальный инвентарь небогат, обычно это наборы украшений из костяных, каменных или янтарных подвесок, расположенных в области груди или пояса погребенных. Часто могильная яма окрашивалась охрой. Интересной чертой волосовского погребального обряда является создание своеобразных ритуальных комплексов, известных на некоторых стоянках. Одно или несколько погребений на специальных площадках, сопровождались кострищами, большим количеством охры, черепами животных, «кладами» изделий и заготовок.

Особой чертой волосовской культуры, ярко выделяющей ее на фоне других культур неолита лесной зоны, являются предметы искусства — это скульптурные изображения людей и животных (птиц, лося, медведя, змеи), выполненные из кости, кремня, глины, изредка из дерева или янтаря. Такие предметы могли использоваться в ритуальных целях или служить амулетами. Антропоморфные и зооморфные изображения иногда встречаются на керамических сосудах.

В восточных областях лесной зоны Европы с IV до конца III тыс. до н.э. проживали неолитические племена, относящиеся к *волго-камской культурной общности*. Она сформировалась на местной мезолитической основе и характеризуется керамикой с гребенчатым орнаментом. Специфические кремневые орудия и посуда орнаментированы особым узором — «шагающей гребенкой». Сосуды разнообразны, присутствуют плоскодонные и остродонные формы.

Кремневый инвентарь многочисленен, особенно на ранних памятниках. Для него характерны листовидные и ромбические наконечники стрел, слегка изогнутые ножи и скребки, обработанные с двух сторон.

На поселениях существовали наземные жилища и полуземлянки большой площади, имевшие коридорообразные выходы и двускатные крыши. Вероятно, они служили для проживания нескольких семей.

Сибирь и Дальний Восток

Неолит **Восточного Зауралья и Западной Сибири** изучен пока недостаточно полно, однако можно выделить некоторые его общие черты, в первую очередь, это долгое переживание мезолитических традиций в обработке камня. В первой половине неолитической эпохи большую часть Зауральско-Западносибирского региона занимал единый гигантский этнокультурный массив, наиболее характерной чертой его материальной культуры была керамика, орнаментированная сочетаниями прямых и волнистых линий, прочерченных палочкой или выполненных отступающей лопаточкой, и различными вдавлениями-наколами.

В позднем неолите внутри этого массива, видимо, под влиянием притока нового населения, оформилось два новых варианта орнаментации — гребенчатая и гребенчато-ямочная. Первый первоначально появился и распространился в районах Восточного Зауралья, а второй — преимущественно в Среднем Прииртышье. В Зауралье и Западной Сибири хронологическая последовательность этих трех орнаментальных традиций выражена недостаточно четко, хотя ряд исследователей считает, что первый (отступающая лопаточка и прочерченные линии) декоративный комплекс возник раньше гребенчатого и гребенчато-ямочного. Однако несомненен и факт их длительного сосуществования.

В ***Южном и Западном Зауралье*** были выделены *ташбулатовская* и *прибельская культуры*, датировка которых достаточно дискуссионна и колеблется от VI до IV тыс. до н.э. Их материальная культура имеет много сходных черт.

Керамические сосуды некрупные, остродонные и округлодонные, имеющие вытянутые пропорции, венчик отогнут наружу. Орнамент, прочерченно-накольчатый или печатно-накольчатый, расположен в виде поясов из прямых и наклонных отпечатков, часто в виде «шагающей гребенки». Кремневый инвентарь пластинчатый, близок к мезолитическому, особенно на раннем этапе. Основным занятием населения была охота и рыболовство, хотя имеются данные о том, что на поздних этапах появляется крупный рогатый скот. Погребений и жилищ пока не найдено.

В нижнем течении р. Тобол выделены две культуры — *кошкинская* и *боборыкинская*, хозяйство которых было сугубо присваивающим.

Ареал ***кошкинской культуры*** захватывает Нижнее Притоболье и часть Среднего Зауралья, датируется она V тыс. до н.э. Керамические сосуды представлены остродонными и плоскодонными формами со скошенным венчиком. Орнаментированы сосуды горизонтальными волнистыми или зигзагообразными линиями, выполненными прочерчиванием или отступающей палочкой.

Каменные орудия изготовлены в основном на пластинах. Набор орудий характерен для племен лесных охотников и рыболовов — это разнообразные наконечники стрел, скребки, ножи, рыболовная снасть, рубящие орудия. Жилища представлены землянками глубиной до 1,5 м или наземными постройками, площадь жилых объектов колеблется от 40 до 60 кв.м.

Памятники *боборыкинской культуры* занимают территорию от Западного Казахстана до Нижнего Притоболья и датируются с середины IV до начала III тыс. до н.э. Керамические сосуды представлены остродонными и баночными формами. Орнамент — прочерчивание, отступающая лопаточка и ямочные вдавления. Он располагается только в верхней и придонной частях сосудов в виде горизонтальных полос.

Орудия из кремня, кварцита, сланца сделаны в основном на пластинах, но есть и шлифованные рубящие орудия. Встречаются геометрические микролиты, чаще всего трапеции. Жилища — прямоугольные полуземлянки площадью от 25 до 56 кв. м. Могильники пока не обнаружены.

Неолит ***Восточной Сибири*** изучен крайне неравномерно. Наиболее полная характеристика этой эпохи получена для районов Прибайкалья, Приамурья и Приморья, остальные огромные пространства исследованы явно недостаточно.

Неолит ***Прибайкалья*** делится на три хронологических этапа. Каменная индустрия ранних этапов, *китойского* и *исаковского*, характеризуется наличием большого количества шлифованных тесел и топоров, крупными вкладышевыми наконечниками и ножами. Много изделий, в основном охотничье вооружение, изготовлено из ископаемой мамонтовой кости и бивня.

На более поздних этапах развития неолитической культуры (*серовский*) орудия становятся меньше, крупные шлифованные формы относительно редки, но появляются многочисленные орудия из зеленого нефрита. Этот камень служил предметом обмена с другими племенами.

Керамические сосуды неолитического Прибайкалья некрупные и тонкостенные. Последнее обстоятельство связано с особой техникой их изготовления — выбиванием, при котором стенки выколачивались специальной колотушкой на массивной болванке, помещавшейся внутри сосуда. Сосуды круглодонные, на внешней поверхности стенок видны следы колотушки, кроме того, они украшены налепами и вдавлениями в верхней части.

Материалы ранних могильников говорят об имущественном равенстве всех групп населения. Погребальный инвентарь, как правило, небогат и представлен в основном украшениями из перламутра или белого нефрита. Иногда встречаются предметы охотничьего вооружения — кремневые наконечники стрел, костяные кинжалы с кремневыми вкладышами; именно в погребениях были найдены составные луки с костяными обкладками.

Последний этап прибайкальского неолита относится к началу II тыс. до н.э., грань с энеолитом здесь неотчетлива, о чем говорят редкие находки металлических предметов. В некоторых погребениях этого периода обнаружен богатый погребальный инвентарь, в других погребениях он практически отсутствует. Судя по этим данным, можно говорить о возникновении имущественного неравенства или о появлении каких-то социально значимых членов коллектива.

На немногочисленных неолитических стоянках не обнаружено следов долговременных жилых сооружений, единственными следами жилищ являются небольшие очаги, обложенные или вымощенные крупной речной галькой. На поселениях, близ очагов находят остатки сосудов, редкие каменные и костяные изделия, кости диких животных, в основном косули и лося, небольшие ямы для хранения рыбы. Все это вместе позволяет большинству исследователей считать неолитическое население Прибайкалья и Верхней Лены полукочевыми охотниками и рыболовами, объединенными в небольшие группы.

Якутия и северо-восток Азии — области расселения охотников на северного оленя, ведших еще более подвижный образ жизни, чем население Прибайкалья. Для этих областей характерны археологические памятники двух типов: это стоянки-мастерские, расположенные у выходов каменного сырья, и стойбища, приуроченные к местам традиционных переправ северных оленей через реки. Именно там происходил массовый забой этих животных и делались основные запасы пищи. Поблизости от таких поселений находятся погребения и жертвенные места, связанные с охотничьей магией. Сходные памятники оставили и племена кочевых охотников и речных рыболовов, обитавших на удаленных от морских побережий просторах Чукотки, Сахалина, Камчатки. Наиболее полное представление о материальной культуре этих людей дают памятники *ушкинской культуры* Камчатки.

Неолитические племена, селившиеся на побережье Охотского моря и далее к северу, на протяжении 1000 км морского побережья, жили охотой на морского зверя, создавая особый мир морских зверобоев, который очень мало изменился за последующие тысячелетия. Похожие неолитические культуры известны и на побережье Аляски.

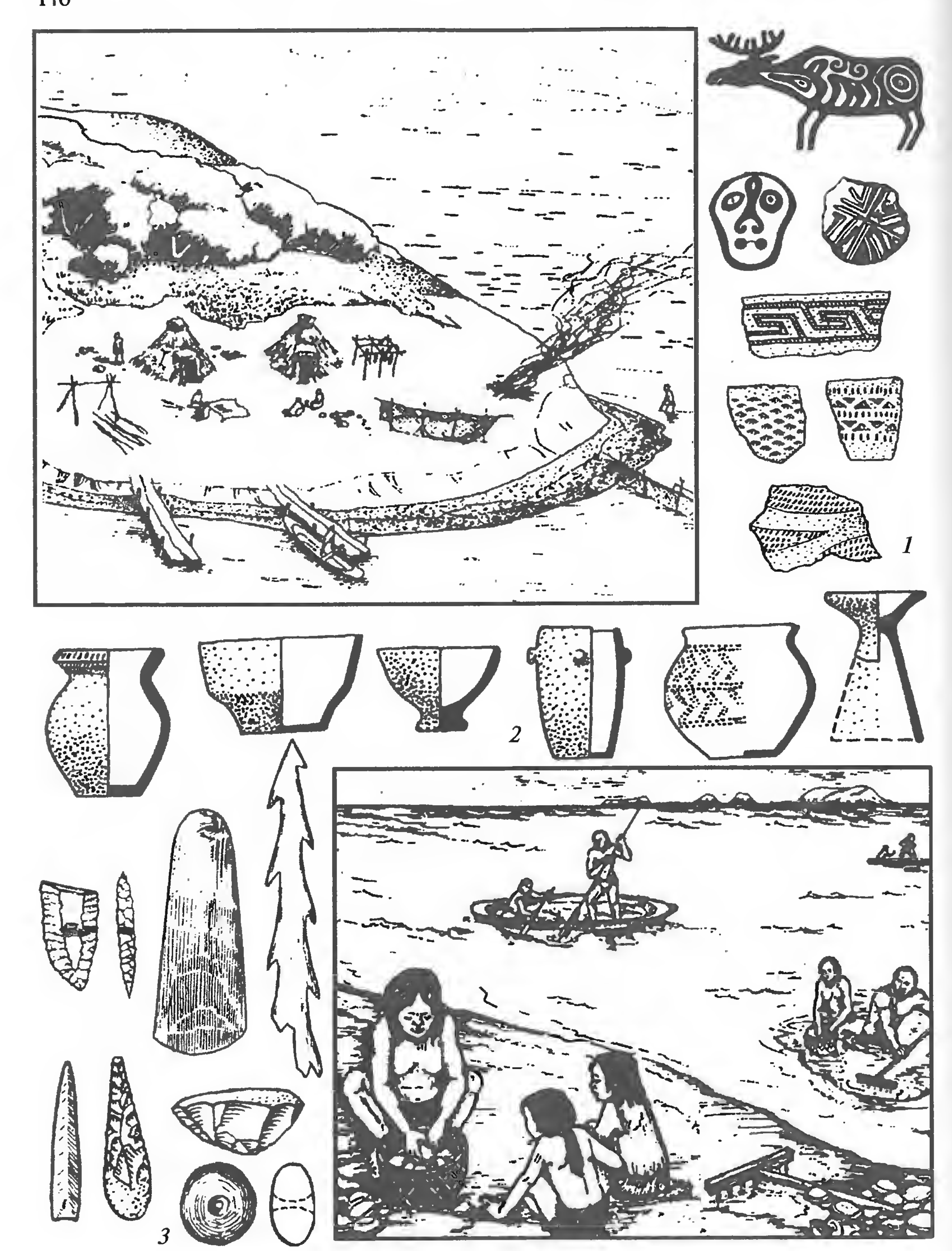
Население ***Приамурья и Южного Приморья*** в эпоху неолита испытывало сильное влияние соседних культур Северной Кореи, Китая и Японии. Особенностью развития этого региона Юго-Восточной и Восточной Азии было раннее появление керамики и быстрый переход от интенсивного собирательства к производящим формам хозяйства. Стадия мезолита здесь также очень коротка и своеобразна, как и на Ближнем Востоке (см. раздел «Мезолит»). Соседние территории развивались сходным образом, что во многом определялось мягким климатом, богатым животным и растительным миром.

Ранний неолит Приамурья представлен *новопетровской* (V тыс. до н.э.) и *громатухинской* (V–IV тыс. до н.э.) *культурами*. Наиболее архаичной по облику инвентаря является громатухинская: здесь много крупных грубых галечных орудий, листовидных наконечников-клинков, но при этом представлены и правильные призматические и конические нуклеусы. Текстильный орнамент на керамике роднит ее с керамикой, свойственной лесным охотникам Якутии.

В материальной культуре новопетровской культуры прослеживаются как архаические черты — мезолитический характер кремневого инвентаря, так и неолитические — среди орудий представлены шлифованные тесла, мотыги, топоры, довольно много керамики. Сосуды плоскодонные, как правило, неорнаментированые, имеют ведрообразную форму.

Осиноозерская — самая древняя земледельческая культура на Дальнем Востоке, по-видимому, связана своим происхождением с новопетровской. На стоянках в остатках полуземлянок найдены зерна проса и сосуды с отверстиями в тулове, предназначенные для распаривания зерна. В каменном инвентаре присутствуют мотыги и зернотерки. Каменные орудия изготавливались из халцедона и яшмы. Наконечники стрел и вкладышевые орудия обработаны тончайшей ретушью.

Поздний неолит представлен *зайсановской культурой* Южного Приморья и *нижнеамурской культурой*, которые датируются III — началом II тыс. до н.э. В инвентаре нижнеамурской культуры много шлифованных тесел и топоров. Керамика плоскодонная, богато орнаментирована спиральными завитками и вертикальными зигзагами, так наз. «амурской плетенкой». Встречаются глиняные фигурки черепах и рыб. Хозяйство, специализирующееся на оседлом рыболовстве и морском собирательстве, привело к устойчивой оседлости, а благоприятные климатические условия способствовали впоследствии развитию земледелия.

Хозяйство и материальная культура неолитических племен Приморья:
1 — варианты росписи и орнамента посуды; 2 — формы керамических сосудов; 3 — орудия из камня и кости

В инвентаре зайсановской культуры присутствуют терочники и лощила, топоры и тесла, треугольные ножи. Керамика украшена прочерченным орнаментом, отпечатками шнура в виде треугольников. Судя по материалам стоянок, население занималось охотой, рыболовством, земледелием, разводило свиней.

В конце неолита происходит разделение населения Дальнего Востока на земледельцев и традиционных охотников–собирателей–рыболовов.

* * *

Таким образом, в эпоху неолита — в финале каменного века — человечество в целом заняло очень устойчивые позиции на путях освоения мира: были заселены все географические зоны и выработаны соответствующие им хозяйственные системы природопользования и жизнеобеспечения, нашедшие отражение в разнообразных формах мировоззренческих представлений и социальных отношений.

Раздел II

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Глава 1

ЗНАЧЕНИЕ МЕТАЛЛУРГИИ В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА

Энеолит и бронзовый век — особые периоды в древней истории человечества, часто объединяемые в эпоху раннего металла. Ее начало знаменует финал каменного века, на протяжении которого люди пользовались для изготовления орудий камнем, костью и деревом.

Название «энеолит» — смешанное латинско-греческое слово, в русском переводе означающее «меднокаменный» (*лат.* «аэ́неус» — медный, *греч.* «литос» — камень). Этот термин удачно подчеркивает, что на заре использования металла, когда уже появляются медные орудия, еще долго сохраняются каменные. Из камня даже в бронзовом веке продолжают делать ножи, стрелы, скребки, вкладыши серпов, а иногда и топоры, но общая тенденция развития производства сводится к их постепенному исчезновению и замене изделиями из металла.

Зона культур эпохи раннего металла охватывала огромное большинство регионов Евразийского континента, а также средиземноморское побережье Африки и долину Нила (вплоть до Судана). И все-таки эпоха раннего металла не имела глобального характера: ее миновало население Экваториальной и Южной Африки, крайнего северо-востока Азии. В этих регионах позднему появлению железа не предшествовало знакомство с медью и бронзой.

Многие исследователи утверждают, что судьбы древних народов определило развитие не только земледелия и скотоводства, но и металлургии. Металл оказался для человека важным прежде всего как материал для изготовления прочных и удобных орудий труда. Открытие меди считается одним из величайших достижений древности. В чем же состояло ее преимущество? Отчего она быстро завоевала признание наших далеких предков?

Благодаря пластичности меди одной ковкой из нее можно было получить очень тонкие и острые лезвия. Поэтому такие необходимые для древнего человека изделия, как иглы, шилья, рыболовные крючки, ножи, изготовленные из металла, оказались более совершенными, чем сделанные из камня и кости. Благодаря плавкости меди оказалось возможным придать изделиям такие сложные формы, которые в камне были недостижимы. Открытие процессов плавления и литья привело к созданию многих новых, неизвестных ранее орудий — сложных втульчатых топоров, мотыг, комбинированных топоров-молотков, топоров-тесел. Их высокие рабочие качества определялись не только сложностью формы, но в равной мере и твердостью лезвий. А повышать твердость лезвий металлических орудий человек очень скоро научился путем их преднамеренной проковки (наклепа). Английский ученый Г.Г. Коглен на опыте доказал, что литую медь с исходной твердостью 30–40 ед. по шкале Бринеля можно довести одной ковкой до твердости 130 ед. Эти цифры близки к показателям твердости сыродутного железа. Итак, высокий рабочий эффект меди стал основной причиной ее широкого и быстрого распространения.

Но не только высокий коэффициент полезного действия предоставил металлу столь прочное место в быту древнего человека. Переход к использованию орудий из меди и бронз, кроме общего роста производительности труда, привел к расширению технических возможностей многих отраслей производства. К примеру, более совершенной стала обработка дерева: медные топоры, тесла, долота, а позднее — пилы, гвозди, скобы позволили выполнять такие сложные работы по дереву, которые ранее были просто неосуществимы. Это способствовало улучшению приемов домостроительства, появлению деревянной мебели, освоению новых способов изготовления цельнодеревянных сохи и колеса.

Массовые свидетельства использования колеса и колесного транспорта обнаружены только там, где уже стали доступными орудия из металла. Колесо открыло эру мобильного передвижения и транспортировки. Оно нашло успешное применение в конструкции во́рота. И наконец, от открытия колеса был всего один шаг к изобретению гончарного круга.

Трудно переоценить значение металла в развитии земледелия. Синхронность появления медных орудий, с одной стороны, и цельнодеревянных сохи и ярма, с другой, позволяет думать, что становление сложных форм плужного земледелия также находится в связи с открытием меди. С помощью медных и бронзовых топоров быстрее осваивались новые площади под посевы в лесостепной полосе. Таким образом, многие производственные и технические достижения древнего человека могут быть поставлены в связь с открытием металлургии.

Первые медные изделия — украшения, иглы, шильца — появляются еще в неолитическую эпоху. Поэтому возникает вопрос: с какого момента мы вправе говорить о наступлении энеолита, а также последующего века бронзы? Определение границ этих эпох связано с анализом металлургических показателей: степени использования металла, его химического состава, общего комплекса известных металлургических знаний.

В настоящее время различают *четыре основных этапа развития древнейшей металлургии. Этап «А»* характеризуется применением самородной меди, к которой поначалу относились как к разновидности камня. Единственным методом ее обработки была холодная ковка, вслед за которой последовало освоение ковки горячей. *Этап «В»* начинается с открытия плавления самородной меди и появления первых изделий, отлитых в открытых формах. *Этап «С»* связан с двумя важнейшими открытиями: выплавкой меди из руд, т.е. с началом действительной металлургии, и освоением упрочнения меди ковкой (эффект наклепа). Параллельно идет процесс усложнения литейной техники, впервые появляется литье в разъемные и составные формы. *Этап «D»* знаменует переход от меди к бронзам — сначала мышьяковым, а затем и оловянным, получаемым с помощью добавления к чистой меди легирующих компонентов. Распространяется литье в закрытых формах, литье по восковой модели и т.д.

С каждым этапом развития металлургии сопрягается определенный набор археологических находок из металла. На этапах «А» и «В» известны лишь единичные изделия — мелкие украшения и редкие колюще-режущие орудия. На этапе «С» получают распространение более значительные серии медных изделий. Внедряются в производство топоры и другие орудия рубящего и ударного действия (тесла, долота, мотыги, молотки). Впервые появляется также колюще-режущее оружие (кинжалы, наконечники копий и др.). На этапе «D» ассортимент металлических орудий и оружия еще более расширяется. Впервые появляются мечи и наконечники стрел. Совершенствуются формы копий, кинжалов, боевых топоров.

Исходя из этих наблюдений, начало энеолита связывают с третьим этапом развития металлургии (этап «С»), а начало бронзового века — с его четвертым этапом (этап «D»). Первые два этапа относятся еще к неолиту.

Итак, к **энеолиту** принадлежат культуры, носители которых не просто знакомы с изделиями из меди, но регулярно используют отлитые из нее орудия (в том числе и ударные), а также украшения. Медь, как правило, имеет металлургический характер, т.е. получена путем плавки руд. С **бронзовым веком** следует связывать культуры, в которых освоено производство бронз — искусственных сплавов на медной основе. Их высокие литейные и кузнечные качества открывают новые возможности для повышения эффективности не только орудий труда, но и предметов вооружения. Более разнообразными становятся украшения, поскольку усложняются технические приемы их отливки.

Каким образом люди пришли к идее металлургической плавки медных руд? Не исключено, что человека привлек сначала красноватый цвет самородков, которые почти всегда залегают в верхней зоне рудной жилы, или зоне окисления. В ней кроме самородков концентрируются расцвеченные яркими красками окисленные медные минералы: зеленый малахит, лазурный азурит, красный куприт. Окисленные руды и самородную медь человек сначала расценивал как красивые камни, из которых можно было вытачивать бусы и другие украшения. Распознать новые свойства этого материала, скорее всего, помог случай. Возможно, изделия из самородной меди или малахита попали в огонь, расплавились и при остывании приняли новую форму. Как бы то ни было, на Ближнем Востоке зона распространения изделий из самородков, обработанных ковкой (конец VIII–VII тыс. до н.э.), и зона формирования первичных металлургических знаний (VI–V тыс. до н.э.) совпадают.

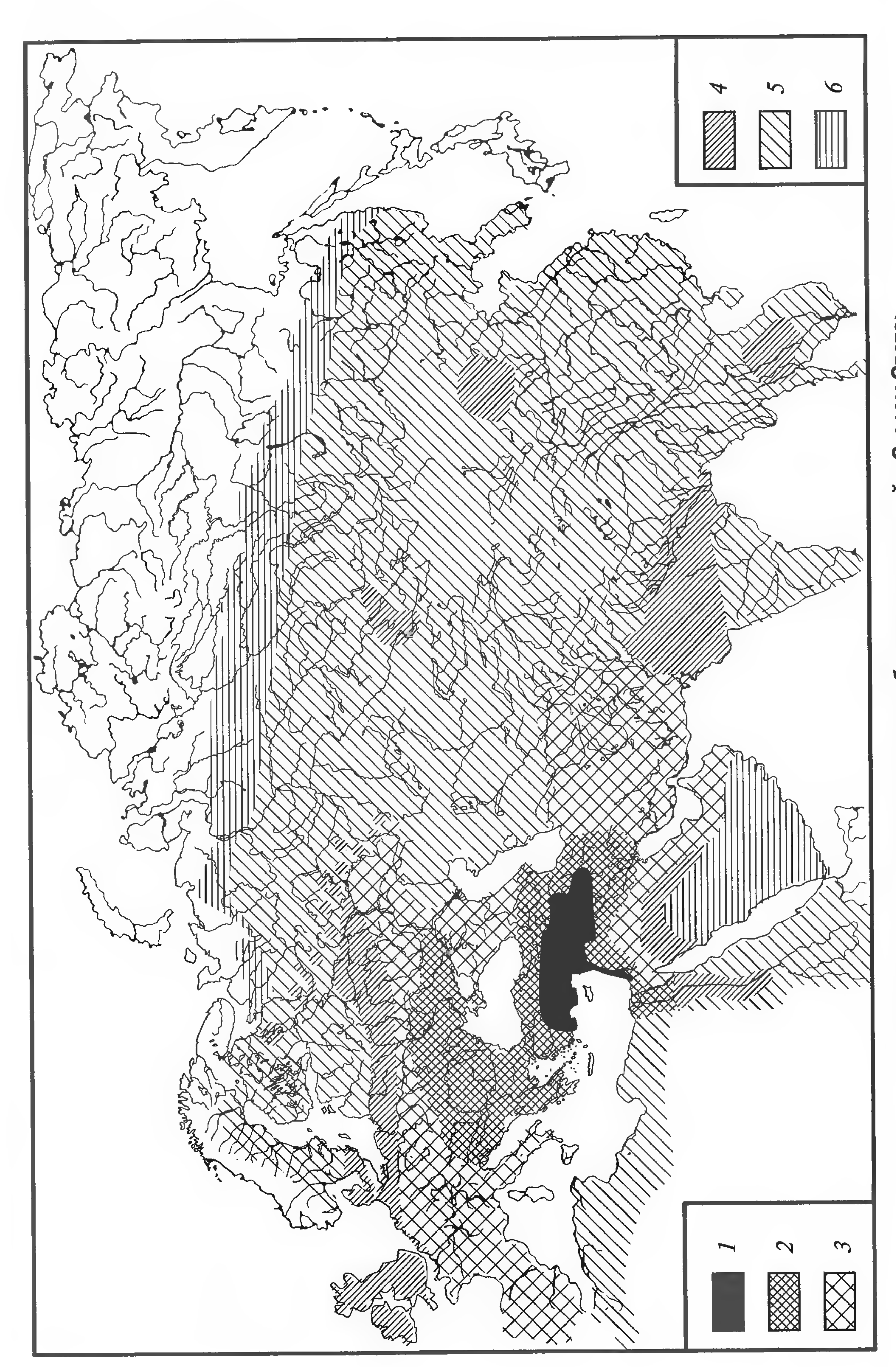

Первичный центр зарождения металлургии связывается сейчас со значительным районом Ближнего Востока, протянувшимся от Анатолии и Восточного Средиземноморья на западе до Иранского нагорья на востоке. В пределах этого региона древнейший металл планеты находят в памятниках так называемого «докерамического неолита» (конец VIII–VII тыс. до н.э.). Наиболее известные среди них — Чайеню-Тепези и Чатал Гуюк в Анатолии, Телль Рамад в Сирии, Телль Магзалия на севере Месопотамии. Обитатели этих поселений не знали керамики, но уже стали осваивать земледелие, скотоводство и металлургию. Здесь собрано около двухсот мелких медных бусин, трубчатых пронизок, пластинчатых подвесок, единичных шильев и рыболовных крючков. Почти все они откованы из самородной меди.

Древнейшие медные находки Европы, датируемые второй четвертью V тыс. до н.э., также не выходят за рамки неолита. Их предположительная связь с самородками подкрепляется и набором вещей, и их сходством с коллекциями «докерамического неолита» Ближнего Востока. Примечательно, что первые медные изделия сосредоточены в Балкано-Карпатском регионе, откуда впоследствии они продвигаются в среднюю и южную часть Восточной Европы. Более детально динамика распространения знаний о металле по территории Старого Света показана на карте.

Итак, первое появление медных изделий в значительной степени было связано с изготовлением украшений из самородков и малахита и поэтому мало влияло на развитие человеческого общества. Застой в металлопроизводстве был преодолен с открытием выплавки меди из руд и становлением культур энеолита и бронзового века. Опережающее развитие южных регионов и запаздывание северных и восточных не позволяют обозначить единую для всего Старого Света хронологию эпохи раннего металла. Она требует индивидуального рассмотрения применительно к археологическим культурам разных географических зон.

Вся периодизация и относительная хронология культур эпох энеолита и бронзы Передней Азии и Балкано-Дунайской Европы строится прежде всего на стратиграфической основе. Преимущественное использование этого метода объясняется тем, что основными памятниками, с которым здесь приходится иметь дело археологам, являются так называемые ***«телли»*** — огромные жилые холмы, возникшие на поселениях, существовавших длительное время на одном месте. Сама возможность такого стационарного существования была предопределена системой земледельческого хозяйства в условиях южных регионов, где господствовали свободные от леса плодородные почвы, не требовавшие специальной сложной обработки. Дома в таких поселках строились из недолговечного сырцового кирпича или глины. Через несколько десятилетий они разрушались, и площадки под новое

Динамика распространения медных и бронзовых изделий в Старом Свете:
1 — VII–VI тыс. до н.э.; 2 — V — 1-я половина IV тыс. до н.э.; 3 — 2-я половина IV — 1-я половина III тыс. до н.э.;
4 — 2-я половина III тыс. до н.э. — XVIII/XVII вв. до н.э.; 5 — XVI/XV–IX/VIII вв. до н.э.; 6 — периферийное рассеивание

строительство просто выравнивались. Материал от старых построек, а также процесс накопления отходов доводили некоторые телли до высоты 20 метров и более. Таковы, к примеру, знаменитые телли Болгарии — Караново, Эзеро. Извлекая и анализируя находки, зажатые в телле как в слоеном пироге, археолог получает возможность исследовать их развитие во времени, а также рассматривать связи с конкретными отложениями культур, представленными в выше- или нижележащих напластованиях. На принципах анализа стратиграфии теллей построены различные системы периодизаций бронзового века. Это и минойская периодизация критских древностей, и элладская — греческих, и анауская — Южной Туркмении, и многие другие.

В Западной и Восточной Европе, в Сибири, в Казахстане, на большей части Средней Азии телли отсутствуют. Периодизация памятников эпохи раннего металла, представленных здесь в основном однослойными поселками и могильниками, строится в большей мере с помощью типологического метода.

Применяя указанные методы исследования, можно не только установить относительную хронологию разных культур конкретного региона, но и представить общую схему развития их общества в эпохи энеолита и бронзы. Однако для отдельных культур даже в пределах намеченной схемы временны́е колебания могут достигать нескольких столетий. Естественно поэтому, что археологи ищут методы перехода от относительных датировок к абсолютной хронологии.

Целям абсолютного датирования памятников медного и бронзового веков служат, с одной стороны, классические историко-археологические методы, а с другой — естественно-научные методы. Хронология культур III–II тыс. до н.э., т.е. в основном бронзового века, до сих пор в наибольшей мере основана на исторических датах древнейших письменных источников. Для периодов, предшествующих III тыс. до н.э., единственным критерием верной хронологической оценки можно считать даты радиоуглеродных анализов.

Исходя из предложенных принципов, обозначим общие хронологические границы эпохи раннего металла применительно к разным территориям. На Ближнем Востоке это V–II тыс. до н.э., в Средиземноморье — IV–II тыс. до н.э., в Центральной Европе и Центральной Азии — III–II тыс. до н.э.

Указать четкие хронологически рамки энеолита и бронзового века для территории России и бывшего СССР весьма затруднительно. На огромных просторах Евразии обнаруживаются заметные колебания в датах наступления и развития эпохи раннего металла. Поселения энеолитических общностей располагаются близ южных границ бывшего СССР: крайний юго-запад — Молдавия и Западная Украина; степная и часть лесостепной зоны юга России; Закавказье; юг Средней Азии. Здесь энеолитические культуры относятся к V–IV тыс. до н.э. Наряду с этим на российском Северо-Западе, в Прионежье, независимый центр обработки меди возникает в III тыс. до н.э.

Такая же неравномерность дает о себе знать и при попытке обозначить временны́е границы бронзового века. На Кавказе и на юге Восточной Европы

он длится от конца IV до начала I тыс. до н.э., а на севере Восточной Европы и в азиатской части России вписывается во II — начало I тыс. до н.э.

Хозяйственная специфика археологических культур эпохи раннего металла также проявляется по-разному в различных регионах. В южной зоне — на Ближнем Востоке, в Средиземноморье, на юге Европы, в Средней Азии, на Кавказе — мощные центры металлургии и металлообработки, как правило, сопряжены с ярчайшими очагами земледелия и скотоводства. При этом здесь идет процесс формирования специализированных их форм, которые в данной природной среде и при данном уровне развития металлических орудий труда обеспечивают наибольшую продуктивность. К примеру, в аридной, засушливой зоне Ближнего Востока и юга Средней Азии именно в эпоху раннего металла зарождается ирригационное земледелие. В лесостепной зоне Европы распространяется подсечно-огневое и переложное земледелие, а на Кавказе — террасное земледелие.

В значительном многообразии форм выступает скотоводство. В Юго-Восточной Европе отчетливо прослеживаются следы мясомолочного, придомного хозяйства с преобладанием в стаде крупного рогатого скота и свиней. На Кавказе и в Загросской зоне Месопотамии формируется отгонная форма скотоводства на основе разведения овец и коз. Специфическая форма подвижного скотоводства сложилась в степях Восточной Европы. Здесь уже в энеолите сформировалось стадо, в котором были представлены лошадь, крупный и мелкий рогатый скот. В культурах южной зоны с внедрением металла производящее хозяйство получает мощный импульс, который приводит к выработке устойчивых к любым изменениям природной среды моделей развития специализированной земледельческо-скотоводческой экономики.

Иная картина наблюдается в северной части Евразии: появление орудий из металла не вызвало здесь заметных хозяйственных перемен и имело явно меньшее значение, чем на юге. На севере в эпоху раннего металла идет процесс совершенствования и интенсификации традиционных форм присваивающей экономики (охоты и рыболовства) и делаются лишь первые шаги в освоении скотоводства. Развитие земледелия начинается здесь лишь в самом конце бронзового века.

В социально-исторической сфере эпоха раннего металла связана с разложением первобытнообщинных отношений. В южной зоне социальное расслоение наблюдается уже в энеолите. В могильниках этого времени социальные различия просматриваются в количестве и качестве погребальных даров и особенностях самих обрядов. В поселениях выделяются богатые многокомнатные дома с четко продуманной планировкой. В ряде случаев выявлено кустовое, групповое размещение поселений с главным, центральным поселком среди них. Такая структура поселений является отражением сложной иерархии возникающих общественных групп и их отношений друг с другом.

Крупные поселения энеолита со временем перерастают в города бронзового века, которые отличает не только высокая концентрация населения, но и высочайший уровень развития ремесел и торговли, возникновение сложной монументальной архитектуры. Развитие городов сопровождается зарождением письменности, появлением первых в истории цивилизаций бронзового века.

Наиболее ранние цивилизации бронзового века возникают в долинах великих рек субтропиков Старого Света. Соответствующий период характеризуют археологические материалы Египта в долине Нила (начиная со второго додинастического периода), Суз «С» и «Д» в Эламе в долине Каруна и Керхе, позднего Урука и Джемдет Насра в долинах Тигра и Евфрата в Месопотамии, Хараппы в долине Инда в Индостане, позднее — Шан-Иня в Китае в долине Хуанхэ. Среди внеречных цивилизаций эпохи бронзы можно назвать лишь Хеттское царство в Малой Азии, цивилизацию Эблы в Сирии, крито-микенскую цивилизацию эгейского бассейна Европы.

Но и вне этих очагов в бронзовом веке идут активные процессы социальной и имущественной дифференциации и усложнения внутренней структуры общества. Приметами его расслоения и выделения социальной верхушки служат богатейшие могилы Аладжа-Гуюк и Хороз-тепе в Анатолии, Маркопи-Бедени и Сачхере на Кавказе и др. На поселениях возрастает количество драгоценного металла, из которого выделывали массу украшений, сосудов и крупных культовых предметов. И здесь вновь обнаруживается картина неравномерности развития человеческого общества в различных регионах.

Вне зоны великих рек субтропиков Евразии период энеолита с явными приметами первобытнообщинных отношений оказался весьма затяжным. К примеру, трипольское общество (см. ниже) едва вышло за его пределы. И хотя в ареале Триполья (на грани его среднего и позднего периодов) стали возникать поселения-гиганты, часто именуемые протогородами, но городами в полном смысле этого слова они так и не стали. Процессы развития городской жизни более активно протекали в Закавказье, Средней Азии, в обширном регионе между Месопотамией и Индией. Здесь формирование *цивилизаций* хотя и не завершилось в бронзовом веке в полном виде, но шло более интенсивно под влиянием соседних высокоразвитых обществ.

В Европе процесс разложения первобытнообщинного строя привел к формированию цивилизации лишь в пределах крито-микенского мира. Вне его пределов местом наивысших культурных достижений и социальных сдвигов был юг Европы: Балканский, Апеннинский и Пиренейский полуострова, юг Франции, Нижнее и Среднее Подунавье, степи Восточной Европы. Отсюда экономические и социальные достижения по цепочке передавались далее на север, что способствовало постепенной трансформации первобытности в пределах Верхнего Подунавья, Средней Европы, лесостепной зоны Восточной Европы. Однако у населения этих территорий в начале эпохи раннего металла создаются лишь предпосылки будущего кризиса первобытнообщинных отношений. Само же их разложение приурочено к самому концу эпохи бронзы, а местами приходится и на железный век.

Глава 2

ЭНЕОЛИТ: ФЕНОМЕН БАЛКАНО-КАРПАТСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ

В материалах, собранных археологами на памятниках энеолита и бронзы, представлена масса разновидностей культурной и хозяйственной жизни древнего населения. Исследователи неоднократно пытались установить принципы их макрорайонирования. Не останавливаясь на истории вопроса, отмечу, что наиболее удачным представляется принцип группировки материалов эпохи раннего металла, предложенный Е.Н. Черных. Он основан на выделении таких крупных производственных подразделений, как ***металлургические провинции*** и составляющие их ***очаги металлургии*** и ***очаги металлообработки***.

Действительно, когда начинаешь просматривать археологические находки и, прежде всего, коллекции металлических изделий из разных памятников, то возникает отчетливое представление о том, что разные по характеру медные месторождения одной или нескольких горнорудных областей порождают вокруг себя хозяйственно-производственные округи, которые и принято называть провинциями. Каждая такая провинция образует замкнутую систему, развивающуюся независимо. Причем это развитие может порождать сходные социально-культурные и хозяйственные формы, связанные с производственной деятельностью населения, его языком, культурными и торговыми контактами, техническими достижениями. И все-таки производственный, металлургический признак оказывается решающим в определении провинции. ***Металлургическая провинция*** — это единая производственная система, часто охватывающая огромные территории, объединенная сходными традициями развития металлургии. Такая система возникала на основе активных торгово-обменных контактов между народами, владевшими рудными богатствами, и народами, лишенными их. Потребители металла получали от его производителей не только сырье, стимулировавшее зарождение собственной металлообработки, но и технологические идеи, необходимые для ее развития. В зоне распространения этих идей возникали многочисленные центры металлопроизводства, именуемые очагами. Взаимосвязанная система этих родственных образований и составляла металлургическую провинцию.

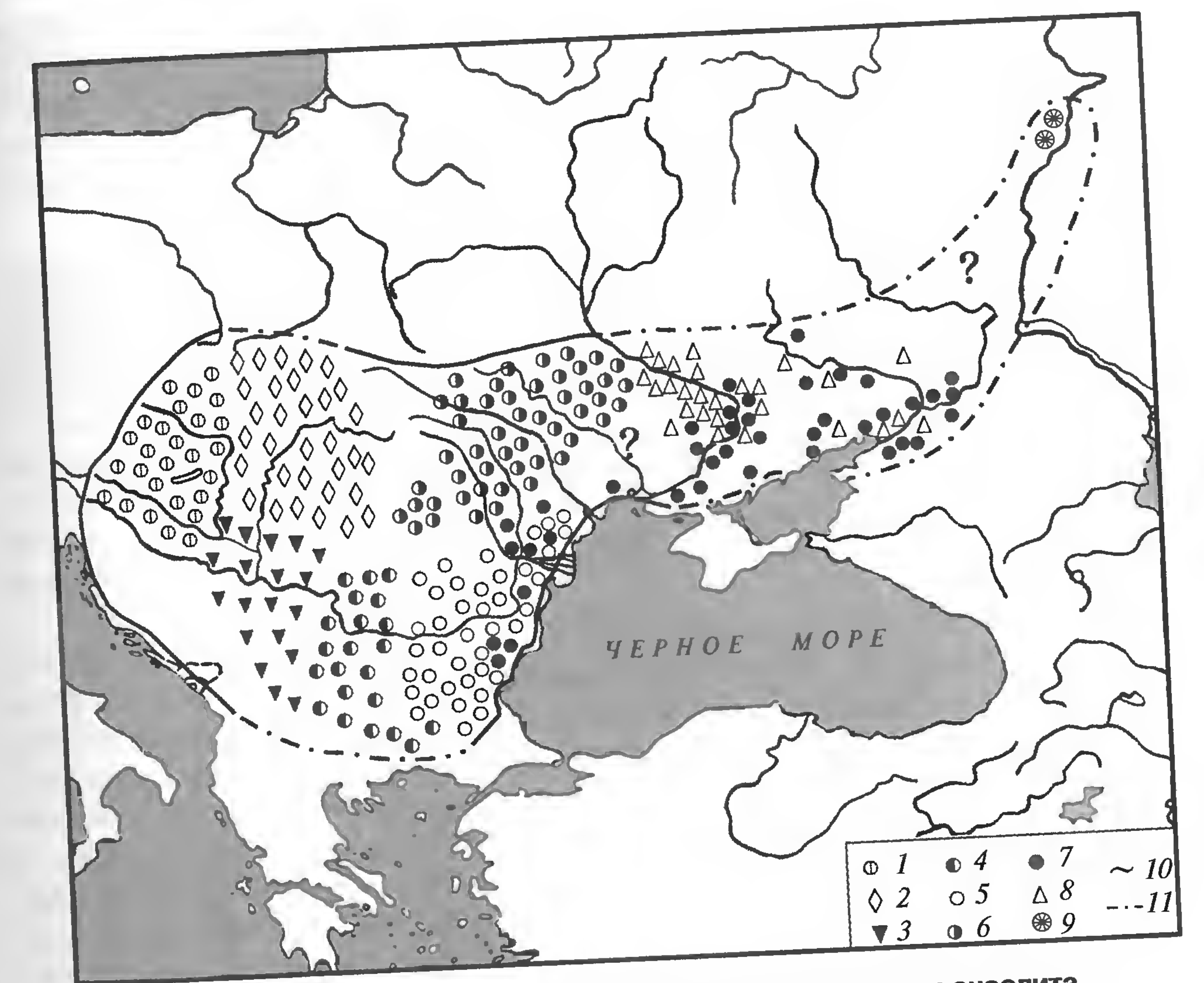
Особенности производства в любом очаге провинции определяются тремя основными признаками: 1) сходным набором категорий и типов выпускаемых изделий; 2) сходными технологическими приемами металлообработки; 3) сходными источниками используемого сырья.

В пределах любой провинции действовали как очаги металлообработки, так и очаги металлургии. В чем их различие? В ***металлургическом очаге*** представлен полный цикл металлопроизводства: горное дело, выплавка металла из руд, металлообработка. В ***очаге металлообработки*** работают на привозном сырье, поэтому цикл ограничен только операциями, связанными с непосредственным изготовлением изделий из металла.

Очаг металлообработки связан обычно с одной *археологической культурой* или с ее локальным вариантом и является органической частью данной культуры. Но иногда он включает территорию нескольких культур. Особенно это характерно для позднего бронзового века.

Основные археологические периоды в развитии ранней металлоносной эпохи связаны с историей одной или нескольких металлургических провинций Евразии. Энеолит отмечен формированием ***Балкано-Карпатской металлургической провинции*** — самой ранней и наиболее яркой в Старом Свете. В раннем и среднем бронзовом веке наиболее значительными металлургическими достижениями выделяется ***Циркумпонтийская металлургическая провинция***; она охватывала обширные территории, примыкающие к бассейну Черного моря. В позднем бронзовом веке возникают новые высокоразвитые производственные системы: ***Евразийская, Кавказская,***

Балкано-Карпатская металлургическая провинция эпохи энеолита. Археологические культуры, памятники и очаги металлопроизводства:

1 — культура Лендьел; 2 — культура Тисаполгар-Бодрогкерестур; 3 — культура Винча Д; 4 — культура Криводол–Сэлкуца; 5 — культура Гумельница (очаг металлургии); 6 — культура Кукутени–Триполье (очаг металлообработки); 7 — памятники новоданиловского типа (очаг металлообработки); 8 — культура Средний Стог II (очаг металлообработки); 9 — Хвалынские могильники (очаг металлообработки); 10 — границы БКМП; 11 — предполагаемые границы

Европейская и др. Металлургические провинции каждого хронологического периода характеризуются распространением новых технических достижений в горном деле, металлургии и металлообработке. Производственные новшества сопровождаются изменением характера этнических и культурно-экономических контактов и связей между народами, населявшими обширные пространства Евразии.

Балкано-Карпатская металлургическая провинция энеолита (далее БКМП) охватывала север Балканского полуострова, Нижнее и Среднее Подунавье, Карпатский бассейн, а также юг Восточной Европы (от передних Карпат до Средней Волги). На всей этой территории господствовала «чистая» медь, которую добывали в рудниках Балкано-Карпатской горно-металлургической области. В ряде случаев торговцы медью, продвигаясь на восток, преодолевали пространства в 1,5–2 тысячи километров, чтобы снабдить металлом население безрудных областей Северного Причерноморья. Каким образом удалось это установить? Дело в том, что медные руды разного происхождения, как правило, имеют различный химический состав: кроме основного компонента — меди — они содержат множество сопутствующих ей примесей, составляющих разные количественные и качественные комбинации. При плавке руды эти примеси попадают в готовый металл и становятся в ряде случаев опознавательными знаками его происхождения.

С очагами БКМП связаны многообразные орудия и украшения из меди и золота. Наиболее характерными являются три основных вида тяжелых ударных орудий труда: втульчатые топоры-тесла или топоры-мотыги, массивные топоры-молотки, клинообразные тесла-долота.

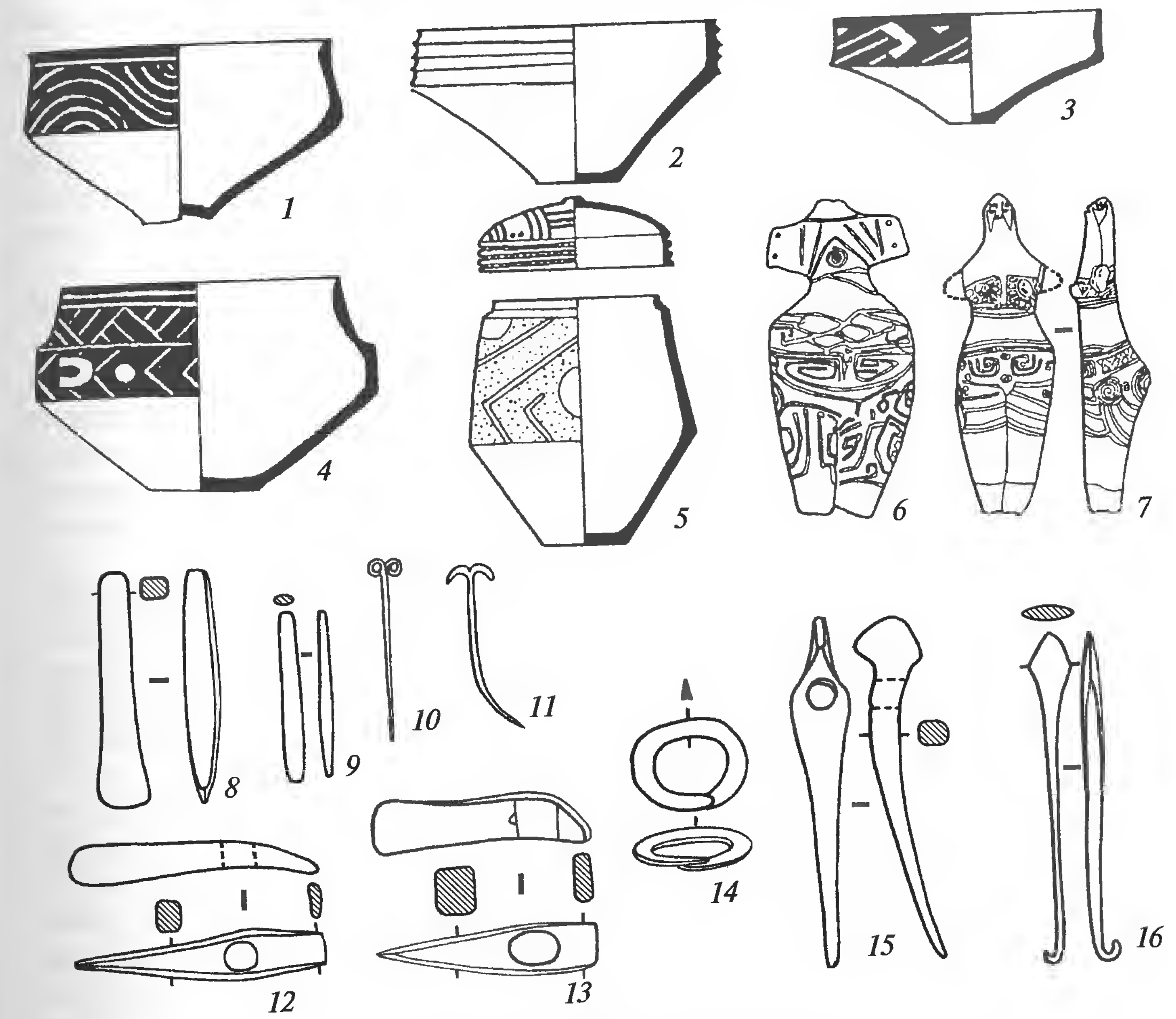
Технология обработки металла во всех очагах провинции основана на использовании горячей ковки меди и ее кузнечной сварки. В некоторых очагах фиксируется и развитие литейной технологии, причем с использованием сложных по конструкции одностворчатых, двустворчатых и даже трехстворчатых форм. В качестве материала литейных форм часто использовался графит.

История БКМП охватывает время от начала IV до начала III тыс. до н.э. В пределах провинции выделяются западный и восточный ареалы, резко различающиеся по облику хозяйства и уровню развития металлургии. Ядром БКМП является западный ареал провинции, включающий север Балкан, Карпатский бассейн, Карпато-Поднепровье. Именно здесь сосредоточена большая часть найденных археологами крупных медных орудий; их насчитывается сейчас около тысячи. Эти изделия связаны с металлопроизводством *культур Гумельница, Винча, Тисаполгар, Бодрогкерестур, Кукутени-Триполье* и др. Вместе с подъемом металлургии история их носителей отмечена интенсивным развитием земледельческо-скотоводческого хозяйства, обмена, становлением специализированного металлургического ремесла, активными процессами социального и имущественного расслоения. Земледелие мотыжного типа (а местами и плужного) основано на возделывании пшеницы, ячменя, проса, вики. Для придомного скотоводства характерно разведение крупного рогатого скота, а также свиней, коз, овец.

Восточный ареал БКМП охватывает степные и лесостепные районы Северного Причерноморья и Среднего Поволжья, освоенные племенами *новоданиловской, среднестоговской* и *хвалынской культур*. Хозяйственное развитие этих культур идет по скотоводческому пути (разведение овец, коз, лошадей), а обработка металла остается на архаическом, а порою и примитивном уровне. Здесь мало орудий и гораздо больше украшений. Вместе с тем, именно в среде скотоводов активно осваиваются транспортные средства на основе животной тяги, что усиливает подвижность племен, активизирует их контакты с миром земледельцев западного ареала провинции.

В истории БКМП ведущая роль принадлежала *гумельницкому металлургическому очагу*, связанному с ареалом ярчайшей ***гумельницкой культуры***. Так археологи называют культуру первой половины — середины IV тыс. до н.э., распространенную на территории восточной Болгарии, юго-западной

Инвентарь гумельницкой культуры:
1–5 — керамика (*темными зонами на поверхности посуды показана роспись графитом*); 6–7 — глиняные статуэтки; *медные изделия гумельницкого металлургического очага:* 8–9 — тесла-долота; 10–11 — булавки; 12–13 — топоры-молотки; 14 — браслет; 15 — клевец; 16 — наконечник копья

Румынии, южной Молдовы (левобережье нижнего Дуная). Поражают масштабы горно-металлургической деятельности гумельницких племен. Об этом, кроме огромного количества изделий из металла (топоров, шильев, пробойников, сверл, булавок, браслетов и пр.), свидетельствуют древнейшие в Европе медные рудники Аи-Бунара, открытые близ болгарского города Стара Загора. Здесь обнаружено 11 горных выработок общей длиной около 400 м. Выработки имели вид щелевидных карьеров глубиной 15–20 м, длиной до 10 м. Металл, выплавленный из Аи-Бунарских руд, получил широкое распространение не только в Подунавье, но и в Северном Причерноморье. Он распространялся не только в виде готовых изделий, но и в слитках и полуфабрикатах.

Для гумельницкой культуры характерны «жилые холмы», т.е. крупные поселения (Караново, Хотница, Азмашка могила и др.), напоминающие телли Ближнего Востока. В пределах поселков обнаружены наземные прямоугольные дома, реже полуземлянки. Столбовой каркас наземного дома оплетали лозой и обмазывали глиной. Сохранились следы раскраски стен черной, красной и белой красками в виде сложных лент и волют. Поселения часто окружались деревянной стеной или валом и рвом.

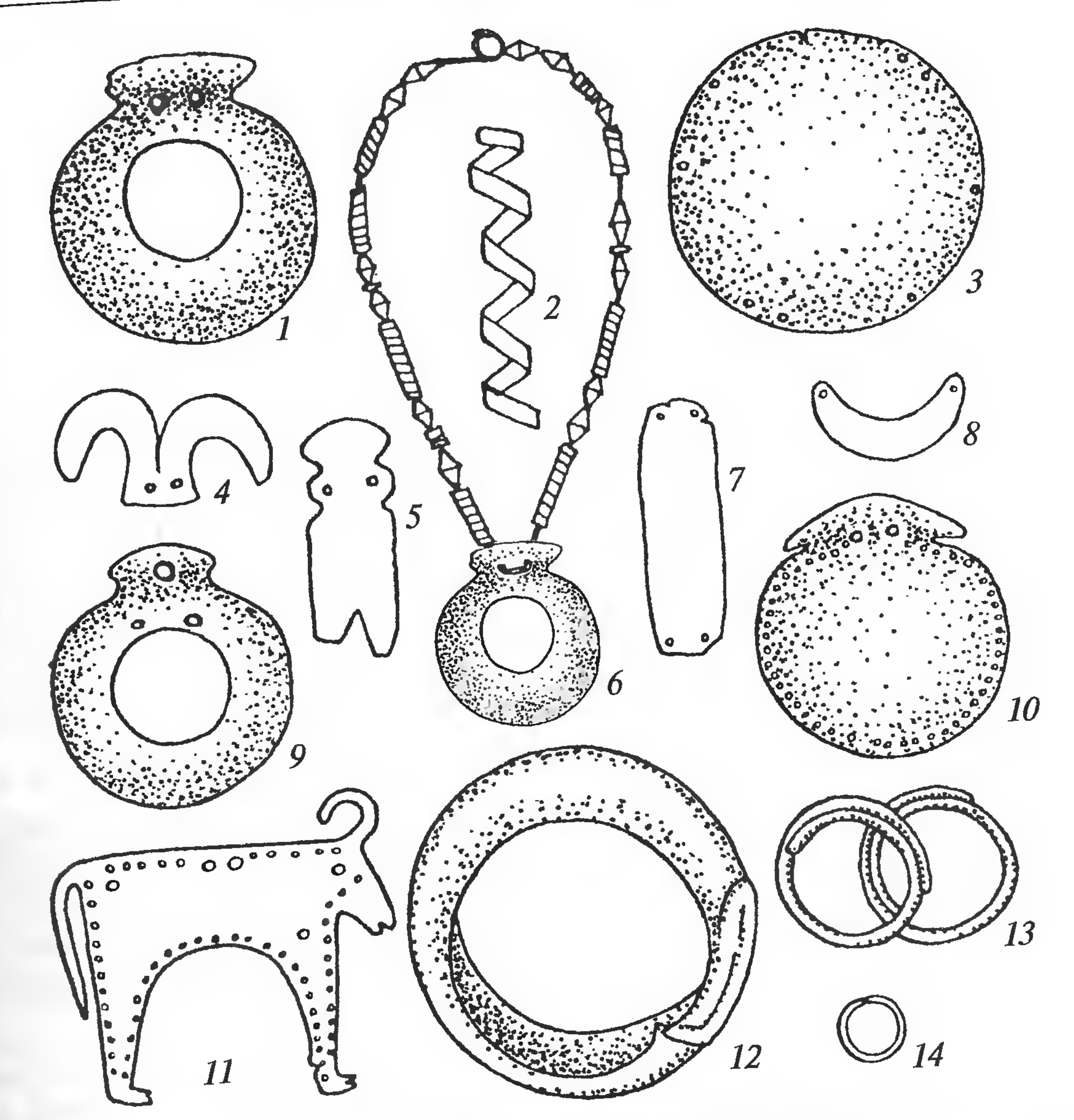
На поселениях собрана коллекция посуды, расписанной графитом и разноцветными красками, орудия из кремня и кости, а также статуэтки из глины. Они служили олицетворением местных божеств, среди которых особо почитаемой была Богиня-мать, хранительница домашнего очага.

Среди погребальных памятников Гумельницы выделяется Варненский могильник. Его раскопки дали уникальную коллекцию изделий из меди, мрамора, кости, глины, разнообразных пород редкого камня, которые в других памятниках этой культуры редки или вовсе неизвестны. Поражает великолепием золотая сокровищница Варны, которая насчитывает около трех тысяч изделий общим весом более 6 кг. Среди них — всевозможные браслеты, подвески, кольца, пронизки, спирали, бляшки в виде козлов и быков и т.д.

Погребения Варненского могильника по числу и составу находок четко подразделяются на богатые и бедные. В бедных могилах обычно присутствуют глиняные сосуды, кремневые ножи и пластинки, иногда медные шилья, редко золотые украшения. Они сопровождают покойников, погребенных в прямоугольных ямах на спине вытянуто или на боку с подогнутыми ногами.

Богатые могилы Варны часто называют символическими, поскольку в них, как правило, отсутствуют костяки. В обычные по форме и размерам могильные ямы помещены огромные скопления медных, золотых, костяных и роговых изделий. Особенно выделяются три символические могилы. В них кроме вещей обнаружены глиняные, инкрустированные золотом маски, воспроизводящие человеческие лица. В погребения с масками положены костяные антропоморфные фигурки — стилизованные идолы, отсутствующие в других погребениях. Загадочный ритуал символических могил до сих пор не ясен археологам. Очевидно только, что раскопки Варненского некрополя приоткрыли неведомые до сих пор стороны жизни

Золотые украшения Варненского некрополя:
1–5, 7–11 — детали костюма; 6 — ожерелье; 12 — браслет; 13–14 — височные кольца

балканских племен, показав высочайший уровень их хозяйственного и культурного развития на заре использования металлов.

К востоку от Гумельницы расположены памятники родственной ей ***культуры Кукутени–Триполье***, которая зародилась в западной части румынской Молдовы, где в ее генезисе участвовало несколько поздненеолитических культур Нижнедунайского региона. Ее племена в дальнейшем освоили обширную территорию от Восточных Карпат на западе до правобережья Днепра на востоке. Развитие культуры, датируемой от начала IV до третьей четверти III тыс. до н.э., подразделяется на три больших периода: раннее, среднее и позднее Триполье.

Самостоятельный очаг металлообработки складывается в Триполье синхронно с гумельницким. Наборы типов изделий и химический состав их металла весьма близки Гумельнице. Однако технология его обработки резко отлична: она ориентирована на использование ковки и сварки металла.

Значительная по количеству продукция раннетрипольского очага содержалась в кладе, найденном у села Карбуна на юге Молдовы. В типичном для конца раннего Триполья сосуде находилось более 850 вещей, из

них 444 изделия — медные. Среди предметов можно выделить два топора — проушный и клиновидный. В кладе есть спиральные браслеты, многочисленные бусы, пронизки и бляшки, которые нашивались на одежду.

В отличие от Гумельницы, в области распространения культуры Кукутени — Триполье отсутствуют многослойные телли. Основным типом памятника является здесь однослойный поселок. Его однослойность объясняется тем, что люди здесь не могли долго жить на одном месте: реки не наносили плодородный ил на поля, как было в более южной зоне, и плодородие обрабатываемых участков быстро снижалось. Поэтому места обитания трипольцы часто меняли. По подсчетам археологов, трипольские поселения могли существовать лишь 50–70 лет. Обычно они располагались вблизи источников воды, вначале в поймах рек, а позже, в средний период, на высоких террасах, холмах, мысах. Некоторые из них имели оборонительные валы и рвы (например, поселение Поливанов Яр на Среднем Днестре). Планировка поселков различна: жилища могли располагаться параллельными рядами, группами, концентрическими кругами. Например, Владимировка (на Уманьщине) состояла из жилищ, размещенных пятью такими кругами. Грандиозные по размерам поселки, которые часто именуют «протогородами», появляются на восточной периферии Триполья на грани среднего и позднего периодов. С помощью аэрофотосъемки установлено, например, что поселение у с. Тальянки Черкасской области Украины имело площадь 450 гектаров; здесь было около 2700 построек, спланированных в систему трех дуговидных рядов, окружающих центральную свободную площадь. Число жителей поселения оценивается в 14 тыс. человек.

На большинстве трипольских поселков выявлены жилища двух типов: землянки (или полуземлянки) и наземные глинобитные постройки, которые могли быть двухэтажными и даже трехэтажными, при этом их длина могла достигать нескольких десятков метров. Поперечными перегородками они делились на отдельные помещения. Каждое помещение занимала парная семья, а весь дом населяла большесемейная община. В каждой комнате находились печь, крупные сосуды для хранения зерна, зернотерки; иногда в центре комнаты стоял глиняный жертвенник со статуэтками женских божеств.

На территории трипольской культуры вплоть до позднего этапа ее развития неизвестны могильники. Открыты лишь отдельные погребения людей под полами домов (Лука Врублевецкая, Незвиско и др.). Их связывают обычно с культом плодородия матери-земли.

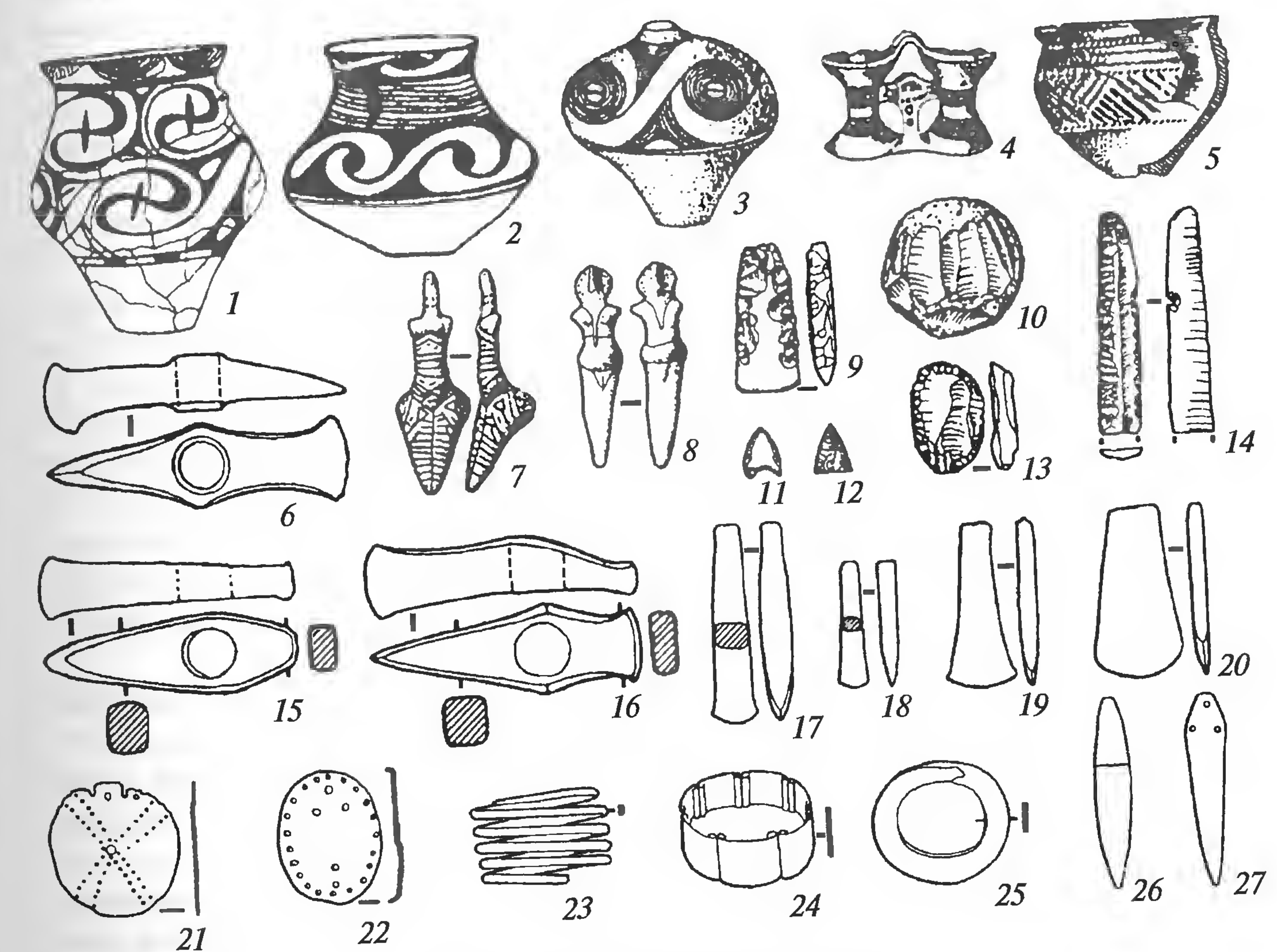
Природные условия в зоне расселения трипольских племен, в частности наличие лесов (главным образом широколиственных), участков разнотравно-злаковых степей, достаточная влажность — были благоприятными для развития земледелия и скотоводства. Обработку полей вели мотыгами из камня и рога, а возможно, и примитивными сохами с использованием тягловой силы быков. Трипольцы возделывали различные виды пшеницы, ячменя, а также просо, вику и горох. В южных регионах занимались садоводством, выращивали абрикосы, сливы и виноград. Урожай зерновых убирали серпами с кремневыми вкладышами. Зерно размалывали зернотерками.

Земледелие дополнялось придомным скотоводством. В стаде преобладал крупный рогатый скот, второстепенное значение имели свиньи, козы, овцы. В системе жизнеобеспечения заметную роль играла охота на оленя, косулю, кабана и, по-видимому, лошадь.

Многообразию хозяйственной жизни трипольцев соответствует большой набор кремневых и каменных орудий (долота, топоры, скребки, сверла, вкладыши серпов).

Наиболее ярким элементом трипольской культуры является расписная керамика. На раннем этапе роспись почти не применялась: столовая керамика имеет прочерченный орнамент, иногда желобчатый. Чаще всего в этой технике изображены спираль или дракон, многократно оплетающий поверхность сосуда. Более грубой была кухонная посуда, украшенная разного рода ямками и защипами. Сосуды с росписью красной, белой и черной красками входят в употребление в период среднего Триполья. Орнамент состоит из меандров, спиралей, кругов, иногда имеются изображения людей и животных.

Инвентарь трипольской культуры:
1–5 — керамика; 7, 8 — глиняные антропоморфные статуэтки; *каменные изделия:* 9 — топор; 10 — нуклеус; 11, 12 — наконечники стрел; 13 — скребок; 14 — нож; *металлические изделия:* 6, 15, 16 — топоры; 17–20 — тесла-долота; 21, 22 — бляшки; 23–25 — браслеты; 26, 27 — ножи-кинжалы

Характерны для трипольской культуры антропоморфные статуэтки, по преимуществу женские. В глине фигурок обнаружены зерна, что свидетельствует об их связи с культом плодородия. В раннем Триполье преобладают статуэтки, изображающие сидящих женщин, в среднем — они обычно показаны в стоячем положении.

Прочие культуры западного, земледельческо-скотоводческого ареала БКМП (см. карту Балкано-Карпатской металлургической провинции) очень близки Гумельнице и Триполью, хотя и отличаются некоторой спецификой памятников, керамического производства и металлообработки. Но эти различия не отрицают их принадлежности к единым производственным и общекультурным традициям БКМП.

Культуры восточного — скотоводческого — ареала БКМП (*новоданиловская, среднестоговская, хвалынская*) также питались медным сырьем, поступавшим с Балкан, из Среднего Подунавья и Карпатского бассейна. Посредниками в распространении меди на восток выступали трипольские племена.

Памятники *новоданиловского типа* представлены небольшими могильниками и отдельными погребениями в степной полосе Причерноморья от Нижнего Дуная до Нижнего Дона и северо-западного Прикаспия. Погребения чаще всего одиночные или парные, помещены в яму прямоугольной формы, иногда — в каменный ящик. Преобладают грунтовые захоронения, подкурганные — единичны. Погребенные всегда лежат на спине с подогнутыми в коленях ногами, чаще всего головой на восток. Скелеты и дно могильной ямы обильно посыпаны охрой.

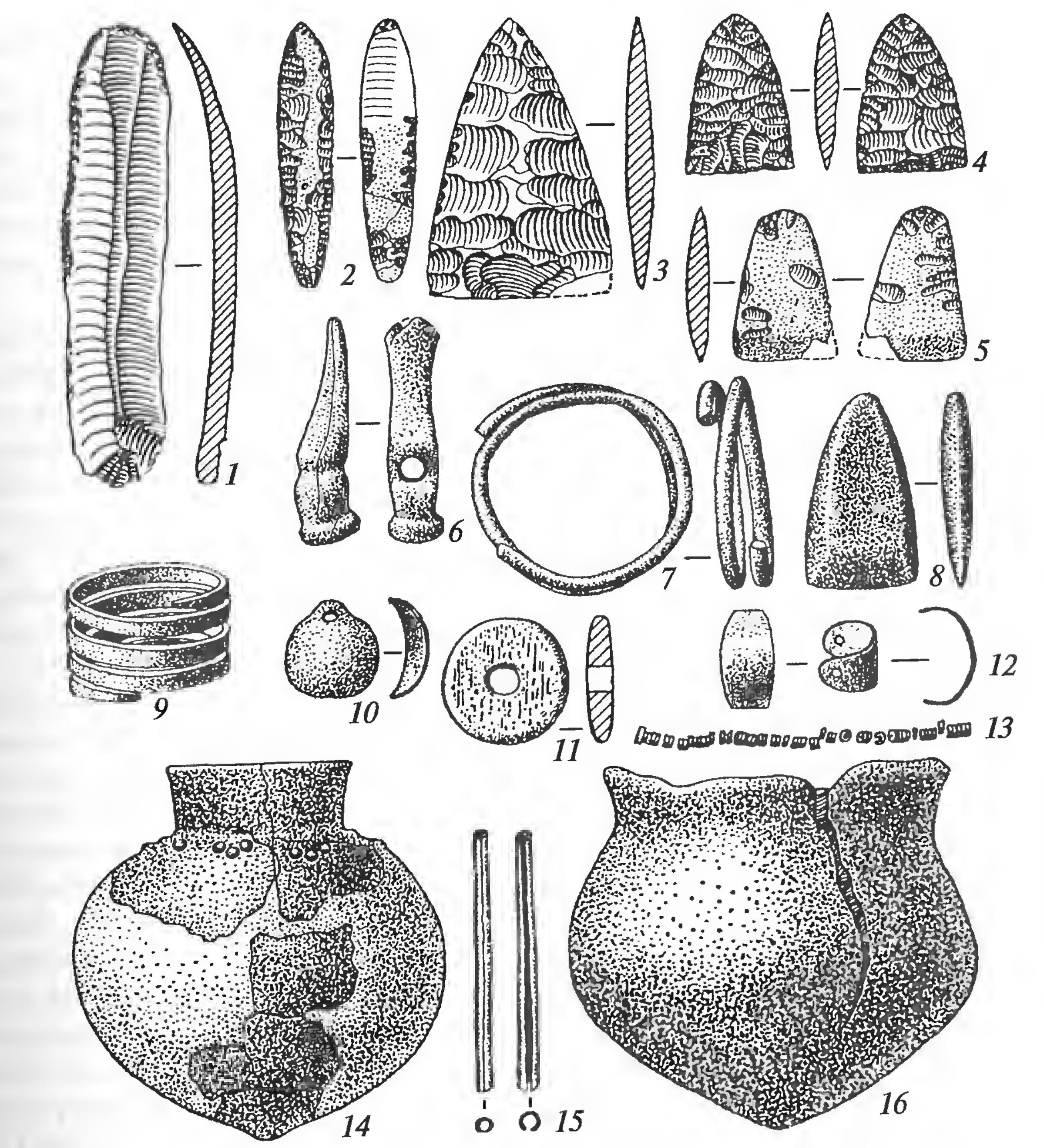
Погребальный инвентарь представлен разнообразными орудиями и оружием из кремня (ножевидные пластины длиной до 20 см, наконечники копий, дротиков и стрел, тесла, долота, скребки, сверла), орудиями из меди (шилья, молоток), украшениями из створок раковин Unio (кружочки с отверстиями, образующими низки браслетов и поясов). Уникальными являются скипетры в форме головы лошади, а также навершия булав из камня. По-видимому, они отмечают особый социальный ранг погребенного — старейшины или вождя. Во многих погребениях найдены украшения из меди: проволочные спиральные браслеты, трубчатые пронизи, грушевидные подвески, подвески в форме раковины.

Готовые медные изделия и привозное сырье, полученные от мастеров Гумельницы и Триполья, стимулировали становление новоданиловского очага металлообработки. Ряд специфических приемов, например литье металла в холодные (ненагретые) литейные формы, выделяют местное производство в системе БКМП.

Археологам до сих пор неизвестны поселения носителей новоданиловской культуры. Скорее всего, это были сезонные стоянки подвижных скотоводов, разводивших мелкий и крупный рогатый скот, а возможно, и лошадей (скипетры в форме головы коня).

Антропологические данные указывают, что новоданиловские племена были потомками неолитического населения юга Украины.

Инвентарь могильников новоданиловского типа:

из камня и кремня: 1, 2 — ножи; 3 — наконечник копья; 4 — наконечник дротика; 5, 8 — долота; *из меди:* 7, 9 — браслеты; 10 — подвеска; 12 — обоймица; 13 — бусы; 15 — трубчатые пронизки; 6 — зооморфное навершие из кости; 11 — бляшка из ракушки; 14, 16 — сосуды

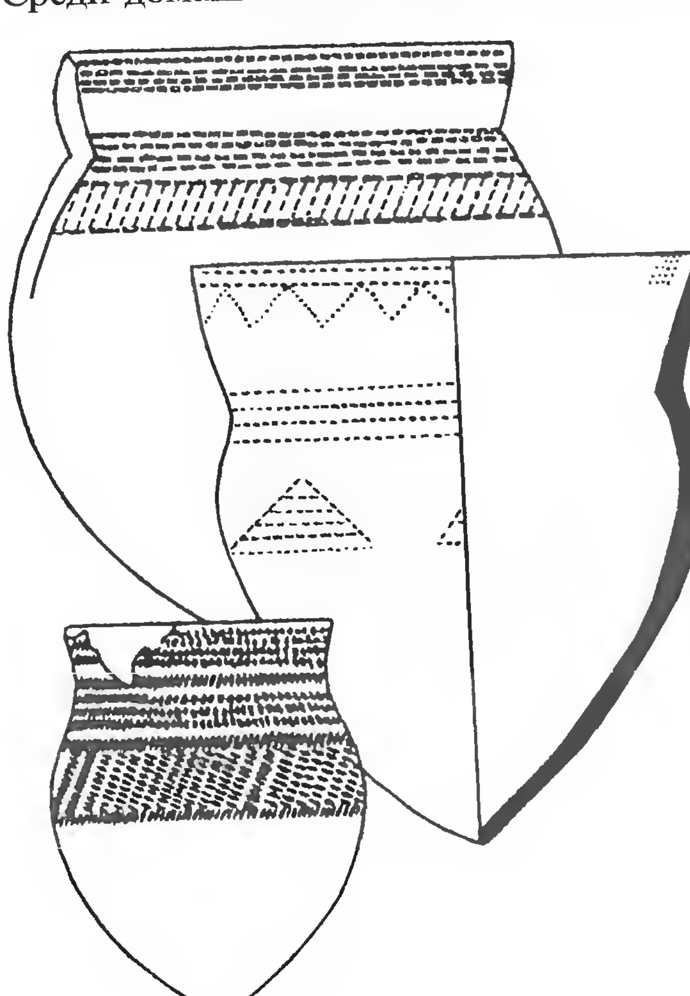
Еще одна скотоводческая культура восточного ареала БКМП именуется по одноименному поселению *среднестоговской*. В Поднепровье (на отрезке от Каховки до Черкасс), в южной части лесостепной Левобережной Украины, Приазовье и Среднем Подонье известно более 100 памятников — поселений и грунтовых могильников. Последние часто находились вблизи или на окраине поселений, например в Дереивке (бассейн Днепра). Неукрепленные поселения расположены обычно на низкой надпойменной террасе реки. В Дереивке открыты прямоугольные в плане постройки, основания стен которых облицованы крупными камнями. На полах жилищ, слегка углубленных в землю, устроены открытые очаги. Важнейшие черты

погребального обряда близки новоданиловским. Но инвентарь могил крайне беден, встречаются и безынвентарные захоронения.

Посуда среднестоговской культуры имеет явные неолитические корни. Это остродонные и круглодонные горшки, изготовленные из глины с примесью ракушки, с геометрическим орнаментом (полоски, зигзаги, треугольники), который чаще всего выполнен отпечатками зубчатого штампа. На поздних памятниках появляются и плоскодонные сосуды, становится характерным орнамент в виде отпечатков шнура.

На среднестоговских памятниках находят много кремневых, каменных, костяных и роговых орудий, но изделия из меди (шилья, пронизи, бусы) — редкость. Из кремня и камня изготовлены пластины, скребки, плоские клиновидные топоры, наконечники стрел и копий, из кости и рога — боевые молоты, клевцы, мотыги, тесла, рыболовные крючки, гарпуны и псалии.

В системе жизнеобеспечения главная роль принадлежала скотоводству. Среди домашних животных ведущее место занимала лошадь (до 50% костей, находимых на поселениях). Охота, рыболовство и земледелие играли второстепенную роль.

Типичные формы сосудов среднестоговской культуры

Уже в начальный период своей истории среднестоговские племена налаживают активные контакты с трипольцами. Свидетельством тому служат находки трипольской керамики на среднестоговских поселениях и могильниках. Среднестоговское население, возможно, восприняло от трипольцев навыки земледелия и даже культовые идеи; в его среде отмечено появление глиняной антропоморфной пластики, чуждой скотоводческим культурам.

К востоку от среднестоговских памятников выявлены грунтовые могильники и отдельные кратковременные стоянки *хвалынской* энеолитической культуры. Они сосредоточены в степном и лесостепном Поволжье от устья Камы на севере до Прикаспия на юге. Наиболее восточные местонахождения с керамикой хвалынского типа известны в южной части Волго-Уральского междуречья и в Восточном Прикаспии, на полуострове Мангышлак. Хвалынская культура по многим своим чертам обнаруживает сходство со среднестоговской. Это связано с особенностями их генезиса. Обе они сформировались на базе родственных неолитических образований так называемого мариупольского типа.

Основные материалы культуры получены раскопками двух Хвалынских могильников под Саратовом (из которых пока опубликован один). В нем представлены одиночные захоронения; коллективные одноярусные могилы, содержащие от двух до пяти человек; коллективные многоярусные («многоэтажные») погребения. Большинство погребенных находилось в

Первый Хвалынский могильник:
1–3 — погребения; 4–6 — сосуды; 7–9 — скипетры

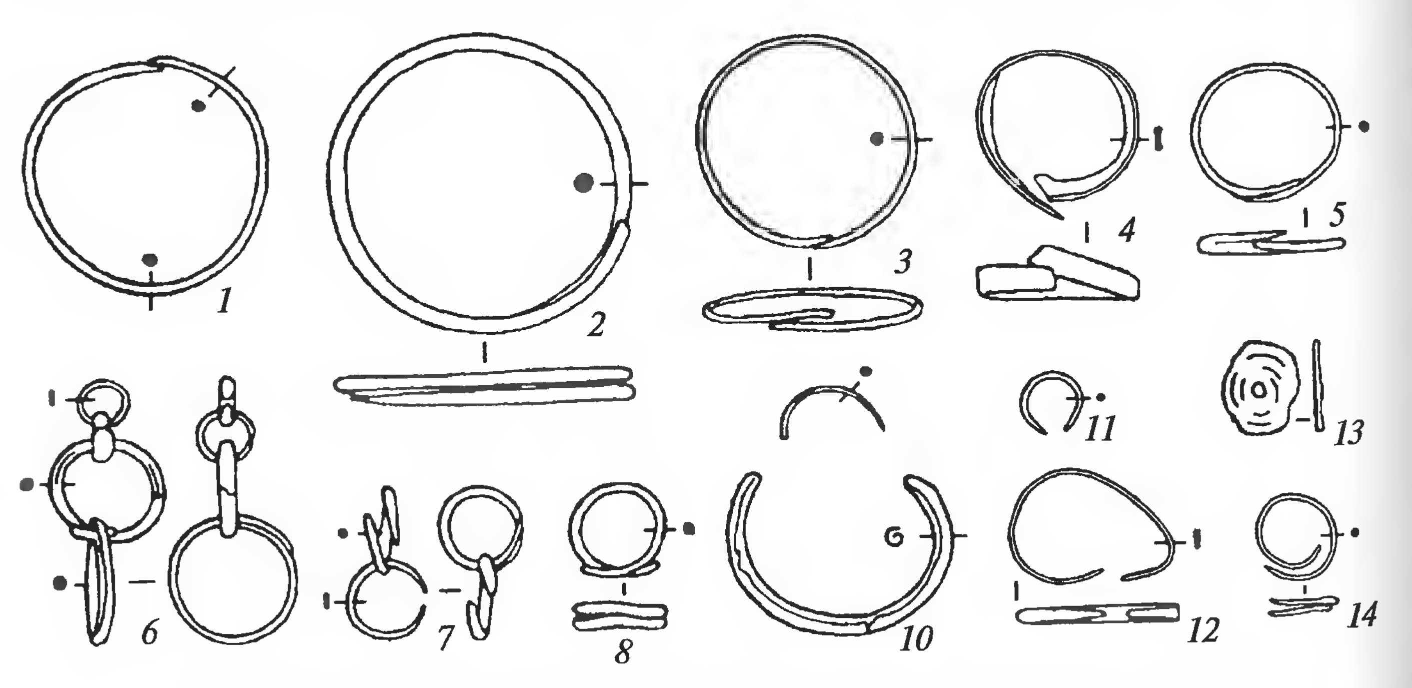
скорченном положении на спине с подогнутыми ногами, поставленными коленями вверх; несколько были положены скорченно на бок; есть также единичные захоронения в положении сидя. Часто скелеты были засыпаны красной охрой. В ряде случаев могильные ямы были перекрыты камнями. На территории могильника обнаружено большое количество жертвенников с костяками крупного и мелкого рогатого скота, лошадей. Кости этих животных найдены и в ряде погребений.

Некоторые могилы оказались безынвентарными, но другие отличались богатыми находками. В основном это украшения: бусы из кости и раковин, пронизи из трубчатых костей животных, подвески из клыков кабана, браслеты из камня. Встречены также кремневые стрелы, ножевидные пластины, каменные тесла, костяные гарпуны. Примечательны два уникальных каменных изделия: каменный топор-молот с полукруглыми выступами на боковинах втулки и «скипетр» с изображением головы лошади. Подобные скипетры известны и в других памятниках культуры.

Хвалынские сосуды круглодонные, чаще всего мешковидной формы. Кроме того, встречаются приземистые полукруглые чаши. Орнамент из горизонтальных рядов насечек, разделенных волнообразной прочерченной линией, покрывает весь сосуд или его верхнюю половину.

Коллекция медных предметов Хвалынских некрополей включает разного рода украшения (около 320 экз.). Это колечки, височные кольца, подвески-цепочки из нескольких соединенных колец, бусы, трубчатые пронизки, браслеты. Некоторые изделия имеют параллели в трипольской культуре (массивные овальные бляхи с пуансонным орнаментом по краю). Очевидно, трипольские воздействия играли решающую роль в сложении хвалынского очага. Как и в трипольском очаге, местная металлообработка имела кузнечный характер.

Итак, Балкано-Карпатская металлургическая провинция — это единая производственная система, объединенная высоким техническим потенциалом внутреннего развития очагов металлургии и металлообработки, действовавших в пределах земледельческо-скотоводческих и скотоводческих культур Юго-Восточной Европы. Система их единства формируется в результате стабилизации населения, имеющего сходный образ жизни и устойчивые формы производящего хозяйства; традиционного использования определенных рудных месторождений; равномерного контактирования всех групп населения, а также стабильной организации его торгово-обменных и культурных связей, позволявших беспрепятственно осваивать на периферии региона опыт обращения с металлом, сложившийся в исходных центрах.

Медные украшения Хвалынских I (2–9, 11–14) и II (1, 10) могильников

Глава 3

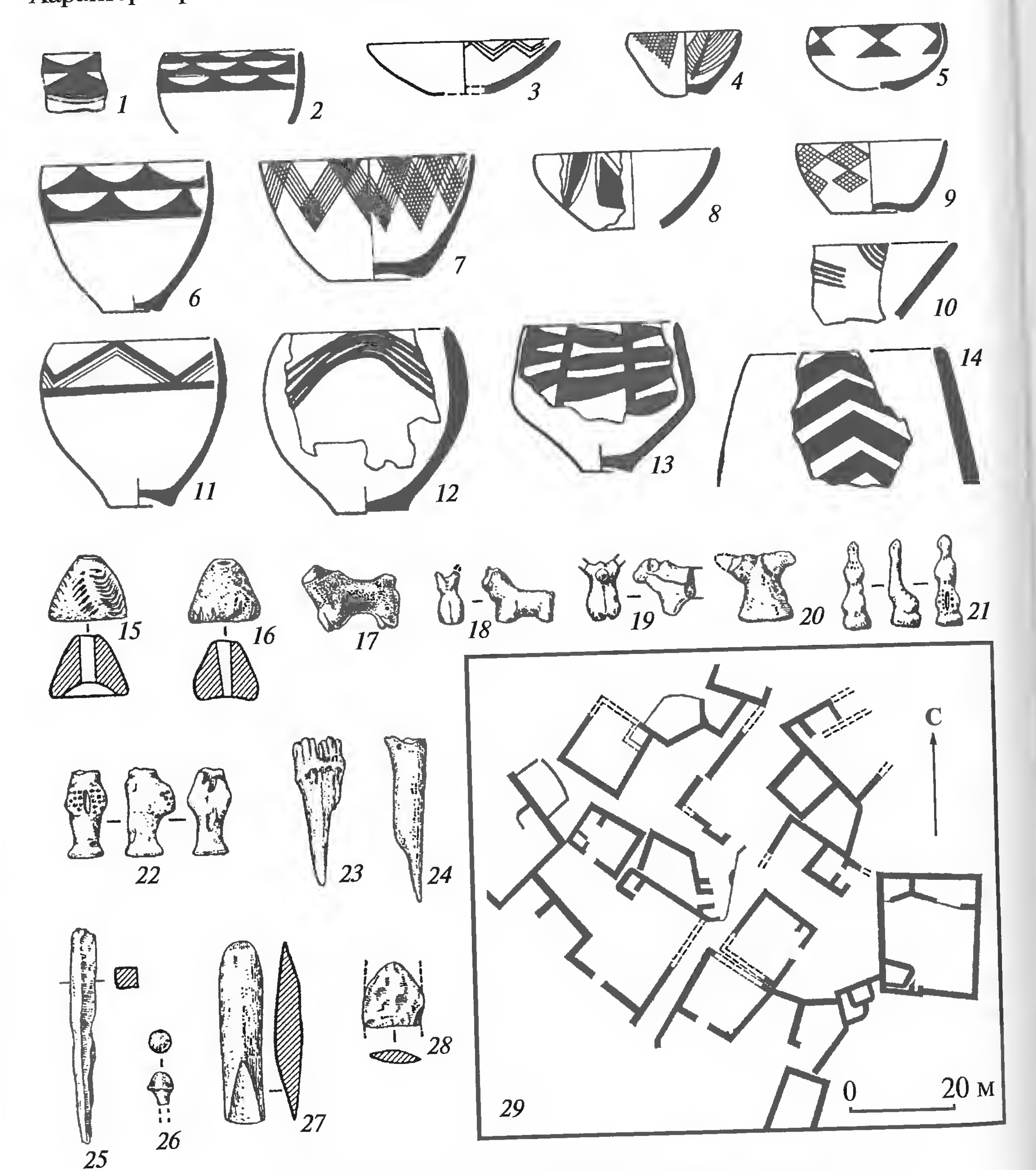
ЭНЕОЛИТ ЗА ПРЕДЕЛАМИ БАЛКАНО-КАРПАТСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ: ЮГ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЗАКАВКАЗЬЕ

Балкано-Карпатская металлургическая провинция — явление феноменальное на территории Евразии. Выделить подобные системы в других регионах в эпоху энеолита не удается. Причиной тому служит весьма вялое развитие древнейшего горно-металлургического производства на обширных пространствах Ближнего Востока, Закавказья, Средней Азии, Эгейского бассейна. Однако даже при невыразительности металлургии меди и здесь может быть обозначен целый комплекс энеолитических культур. Пять общих признаков объединяют их: 1) господство мотыжного земледелия, дополняемого скотоводством; 2) появление единичных медных орудий; 3) глинобитные или сырцовые дома; 4) глиняные женские статуэтки богинь плодородия; 5) расписная керамика. Близкая социально-хозяйственная среда приводит к формированию сходных форм материальной культуры и прикладного искусства. Поселения с указанным набором археологических признаков мы находим в обширной зоне от Афганистана до Дуная. На крайней северо-восточной периферии этой зоны также есть подобные памятники. Они связаны с *культурой Анау* на юге Средней Азии и с *шулавери-шомутепинской культурой* в Закавказье.

Анауские памятники юга Средней Азии сосредоточены в предгорьях Копетдага. Руины поселений представляют собой многометровые телли, именуемые здесь «депе». Наибольшую известность получили два депе, раскопанные близ аула Анау, у Ашхабада. Именно они дали имя культуре и составили основу ее периодизации. Впоследствии эта периодизация была детализирована на материалах поселений Намазга-депе и Кара-депе. История анауской культуры подразделяется на два хронологических периода. Решающую роль при таком членении играет конструкция жилых построек. Первый период характеризуется господством однокомнатных домов на поселениях. Он объединяет три хронологически последовательные группы

памятников: Анау IA, Намазга I и раннего Намазга II. Во второй период (поздняя Намазга II и Намазга III) на поселениях появляются многокомнатные дома-массивы.

Первый период датируется от начала V до середины IV тыс. до н.э. Характер строений этого периода лучше всего изучен на поселении Даш-

Комплекс Дашлыджи-депе (энеолит однокомнатных домов):
1–14 — сосуды; 15, 16 — терракотовые пряслица; 17–22 — глиняные статуэтки; 23, 24 — костяные проколки; 25–28 — металлические изделия; 29 — план поселения

лыджи-депе времени Намазга I в Геоксюрском оазисе. Однокомнатные прямоугольные дома, близкие неолитическим джейтунским, сложены из сырцового кирпича. В комнатах находят квадратные в плане очаги, зернохранилища. Около жилого дома расположен небольшой двор с подсобными хозяйственными строениями. Такой хозяйственно-жилой комплекс, по-видимому, принадлежал малой семье.

Известны погребения, совершенные под полами домов. Это скорченные захоронения на правом или левом боку, посыпанные охрой. Многие из них безынвентарны, в некоторых встречаются бусы и пряслица. Признаков социального неравенства в погребальных обрядах нет.

Основными формами керамики были конические и полусферические чаши, миски и горшки. Поначалу они расписаны темно-коричневой краской по красному или светлому фону. Этой краской наносили на поверхность сосуда изображения геометрических фигур — треугольников, ромбов, шахматных узоров. Позднее, на памятниках времени раннего Намазга II, орнамент усложняется.

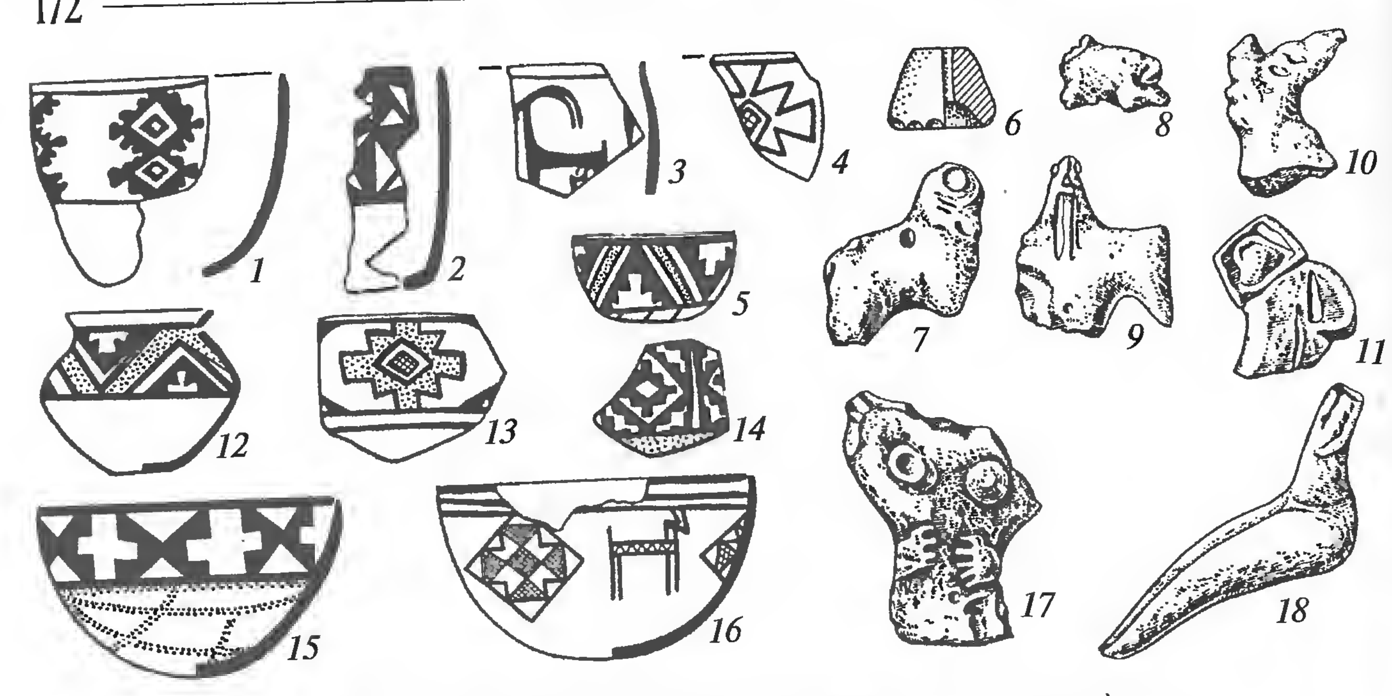
Росписи на керамике, особенно периода Анау IA, обнаруживают тесные связи анауской культуры с центральноиранскими памятниками и более южными территориями Передней Азии. Не исключено, что анауские комплексы возникли на основе сложного взаимодействия местного джейтунского населения с пришлыми с юга племенами.

Первый металл анауской культуры невыразителен (шилья, двулезвийные ножи, булавки, пронизки). Все предметы изготовлены уже не из самородной, а из металлургической меди, рудные источники которой располагались в горных районах Центрального Ирана. Число каменных орудий на поселениях невелико. Из кремня сделаны только вкладыши для серпов и стрелы.

Хозяйство обитателей ранних поселков анауской культуры основывалось на земледелии. На полях высевались пшеница и ячмень. Для орошения использовались разливы временных водотоков, стекавших с Копетдага. Для удержания воды рыли небольшие отводные канавы, а поля окружали валом. Почву обрабатывали мотыгами и палками-копалками с каменными кольцами-утяжелителями. Скотоводство, основанное на разведении коров, овец и свиней, отодвинуло на задний план охоту на кулана и джейрана.

Более поздний период анауской культуры датируется от середины IV до начала III тыс. до н.э. Многокомнатные дома, насчитывающие до 20 и более помещений, образуют замкнутый жилой массив, отделенный от соседнего узкими проходами. Такой дом имел общее зернохранилище, а иногда и общее святилище. Он был местом обитания большесемейной общины, состоящей из малых семей, занимавших отдельные комнаты. В западном варианте культуры наиболее изученным поселением является Кара-депе, в восточном (геоксюрском) — Алтын-депе.

Заметные изменения претерпевает погребальный обряд. Наряду с одиночными захоронениями в пределах поселений появляются могильники.

Комплекс Геоксюр I (энеолит многокомнатных домов):
1–5, 12–16 — сосуды; 6 — пряслице; 7–11, 17, 18 — терракотовые статуэтки

Один из них открыт на окраине поселения Геоксюр I. Он состоял из 30 погребальных камер. Камеры служили семейными усыпальницами и порою содержали десять и более погребенных. Прямоугольные или овальные в плане, они были сложены из сырцового кирпича и имели ложносводчатое перекрытие. Новый обряд коллективных погребений был скорее всего привнесен на юг Средней Азии выходцами из Элама или Месопотамии. Воздействия, идущие со стороны Ближнего Востока, прослеживаются и в керамике, и в антропоморфной пластике.

Эффектна роспись на посуде геоксюрских памятников. Керамика «геоксюрского стиля» пышно украшена изображениями крестов, зигзагов, ромбов, треугольников, фигурами козлов, нанесенных красной и коричневой краской. Прототипы такой керамики известны в памятниках Южного Ирана.

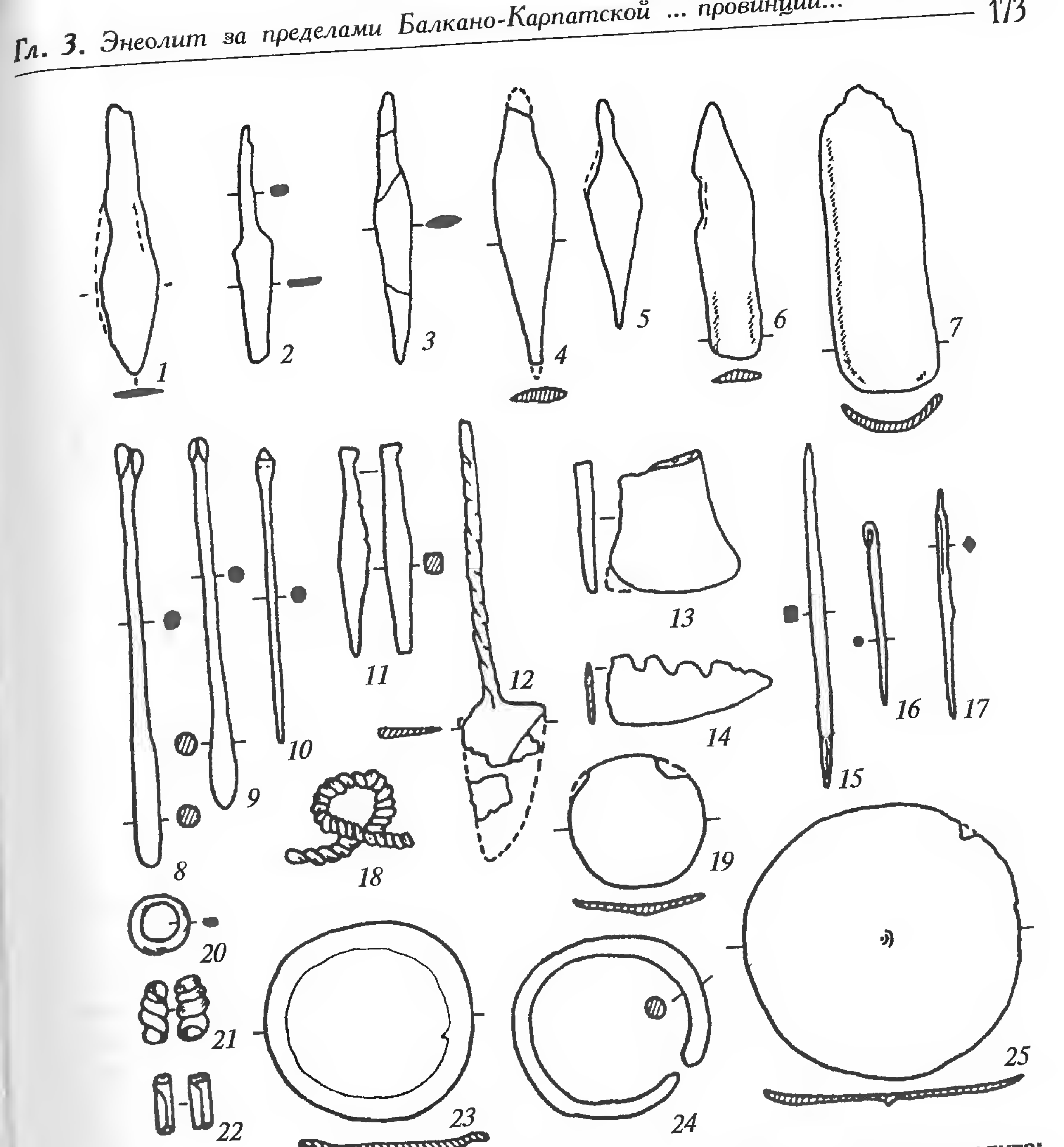
В металлообрабатывающем производстве осваиваются закрытые литейные формы, популярно литье по восковой модели. Заметными сериями представлены: шилья, проколки, иглы, пластинчатые ножи, длинные булавки с утолщением на конце, зеркала и др., но редки ударные медные орудия вроде плоских топоров-тесел.

Орошаемое земледелие на позднем этапе анауской культуры заметно прогрессировало: появились искусственные водоемы и первые ирригационные системы, позволявшие осуществлять многократное орошение полей и получать два урожая в год.

Различия в богатстве погребального инвентаря свидетельствуют о процессе социальной дифференциации анауского общества. Важны и находки каменных печатей, отмечающих зарождение частной собственности.

В Закавказье в V — первой половине IV тыс. до н.э. развивается ***шулавери-шомутепинская культура***. С ней связаны поселения — телли в среднем течении р. Куры (северный локальный вариант: Шулаверисгóра, Храмис Дидигóра, Арухло в Грузии; Шому-тепе в Азербайджане) и в долине р. Аракс

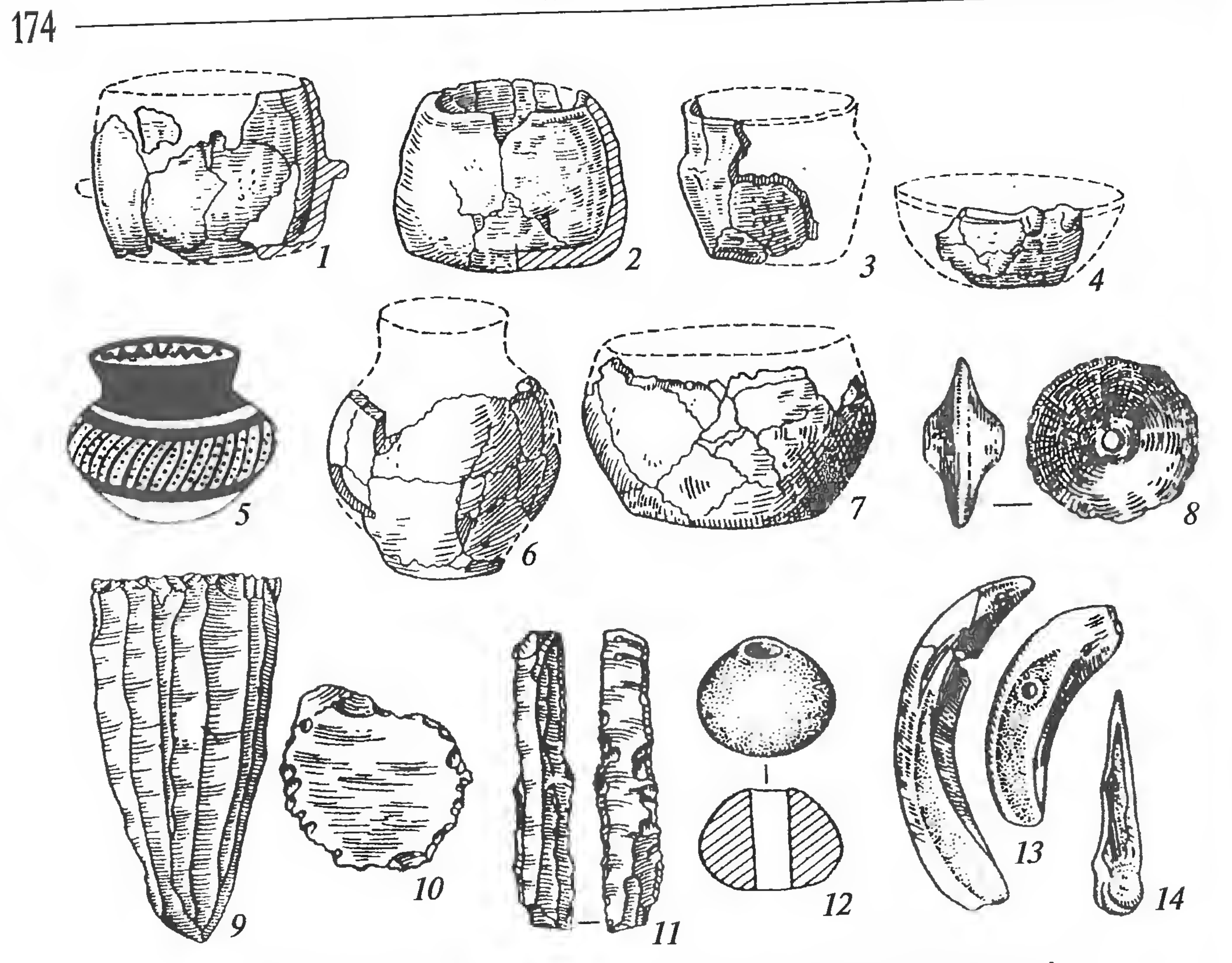

Медные орудия, оружие и украшения с памятников среднеазиатского энеолита:
1–6, 12 — ножи; 7 — долото (?); 8–10 — булавки; 11 — пробойник; 13, 14 — обломки тёсел; 15, 17 — шилья; 16 — игла; 18 — спираль; 19, 25 — зеркала (?); 20–22 — пронизи; 23 — бляшка; 24 — браслет

(южный локальный вариант: Нахичеванское Кюль-тепе I, Аликемектепеси и др. в Азербайджане).

Поселения, как правило, состоят из круглых в плане домов купольной формы и хозяйственных построек. Иногда несколько построек обносились низкой оградой, внутри которой возникал округлый дворик. В строительстве использовались глина и сырцовый кирпич. Отверстие в куполе дома служило и для освещения, и для вывода дыма от очага. В нижней части стен часто фиксируются остатки входных проемов.

Комплекс Кюль-тепе I близ Нахичевани (энеолит Закавказья):
1–7 — сосуды (5 — с росписью); 8 — модель колеса; 9 — нуклеус; 10 — скребок; 11 — пластина; 12 — пряслице; 13, 14 — костяные изделия

Под полами домов и между домами встречаются одиночные погребения. Костяки лежат в скорченном на боку или на спине положении, иногда они посыпаны красной охрой. Часть погребений содержит инвентарь — глиняные сосуды, каменные бусины, обсидиановые орудия.

Керамическая посуда шулавери-шомутепинской культуры проста по форме и груба по выделке. Это горшки баночной формы, большие бочкообразные сосуды, миски. В бассейне Куры керамика темная, в бассейне Аракса — светлая. Край сосудов украшен иногда шишкообразными выступами. В памятниках финала культуры появляются сосуды, расписанные красными, коричневыми полосами, зигзагами и пр. Считается, что это импорт из Месопотамии.

Глиняные женские статуэтки встречаются в Закавказье реже, чем в Средней Азии. В основном они собраны при раскопках поселения Храмис Дидигора в Грузии. Орудия из кости и рога представлены мотыгами, проколками, шильями, иглами, лощилами для керамики, ложками; из кремня и обсидиана — ножами на пластинах, резцами, скребками, сверлами, долотами, вкладышами для серпов.

Коллекция металлических вещей содержит около двадцати мелких изделий, связанных с наиболее поздними памятниками. Это бусы, трубчатые

пронизки, несколько шильев и их обломков, два ножа. В большинстве случаев они сделаны из чистой меди.

Основу хозяйства шулавери-шомутепинского населения составляло земледелие. Возделывались различные виды пшеницы и ячменя, просо, овес, горох, чечевица, виноград. Обработка земли велась, возможно, не только мотыгами, но и роговыми ралами (находка в поселении Арухло). В засушливых районах было освоено искусственное орошение. Земледелие дополнялось скотоводством (мелкий и крупный рогатый скот, свиньи), которое, скорее всего, было отгонным: скот пасли летом на горных пастбищах.

Так выглядели археологические культуры эпохи энеолита Закавказья и Средней Азии. Их материалы свидетельствуют о том, что в V–IV тыс. до н.э. здесь обитали племена, тесно связанные с энеолитическими общностями Ближнего Востока. Занимая их северную и относительно отсталую периферию, они тем не менее демонстрируют общую с ними направленность развития металлургии, гончарства, домостроительства, производящих форм хозяйственной деятельности, идеологических воззрений.

Глава 4

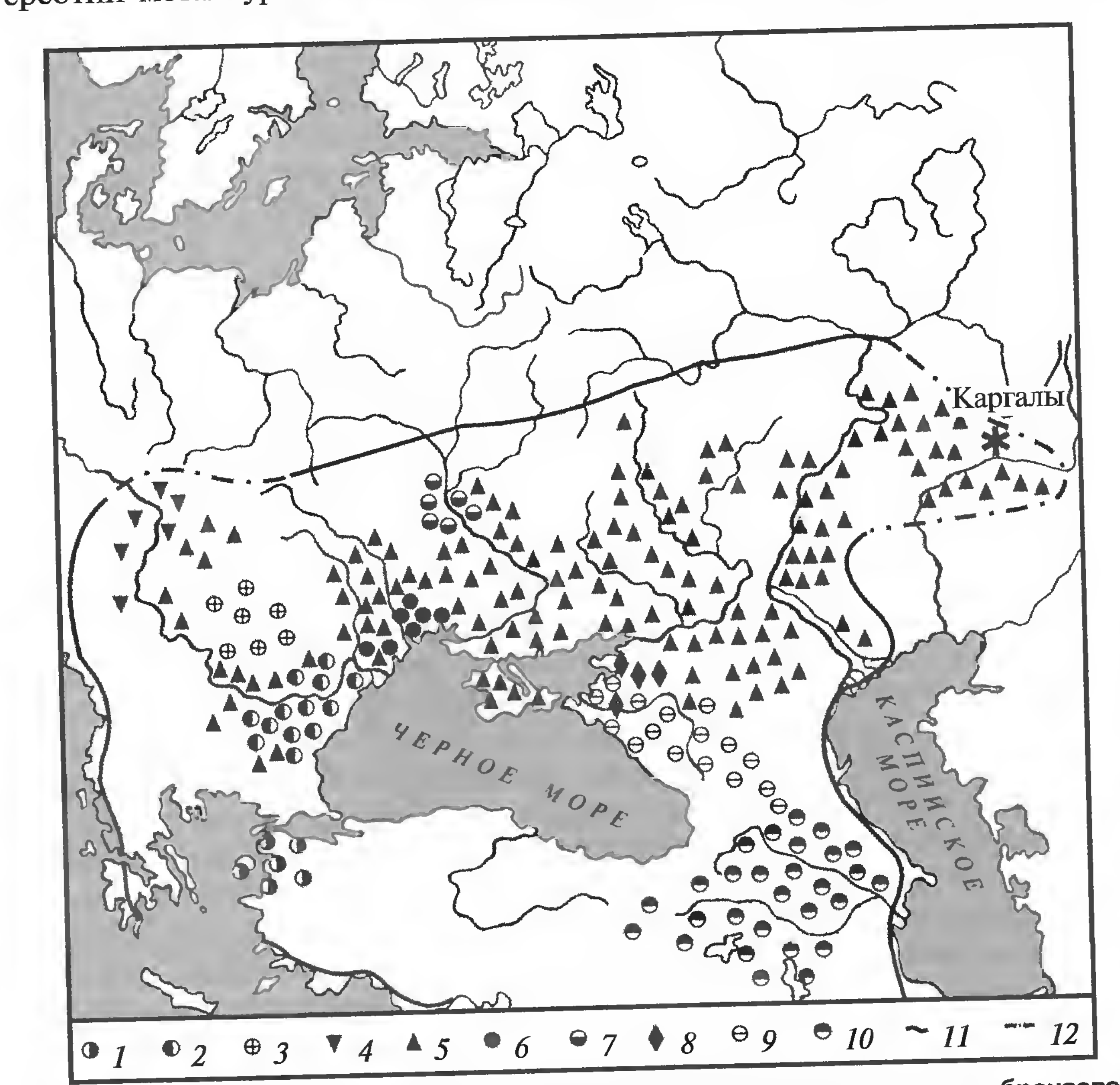
РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК В ПРЕДЕЛАХ ЦИРКУМПОНТИЙСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ

С наступлением раннего бронзового века на рубеже IV и III тыс. до н.э. наблюдаются значительные культурные перемены. Они прослеживаются на обширных пространствах Евразии, но особенно заметны в Юго-Восточной Европе. Здесь бесследно исчезают яркие энеолитические культуры с расписной керамикой, а вместе с ними разрушается система Балкано-Карпатской металлургической провинции. Эти события связывают с первой мощной миграцией древнейших индоевропейских племен, переселение которых охватило обширную зону вокруг Черного моря.

Локализация индоевропейской прародины до сих пор является объектом острых дискуссий. Ее помещают то в Карпато-Дунайской области, то в западной части степного региона Евразии (Прикаспийская область, Северное Причерноморье), то в Передней и Малой Азии. Однако многие исследователи предпочитают видеть в роли древнейших индоевропейцев носителей курганных культур юга Восточной Европы, и прежде всего — *ямной культурно-исторической общности*. Анализ лексики, связанной с индоевропейским «праязыком», свидетельствует о том, что он зародился и развивался в среде подвижных скотоводов и коневодов, знавших колесо и колесный транспорт, использовавших фургоны на колесах, освоивших начатки земледелия, развивавших навыки обработки меди и бронзы. Образ жизни ямных племен в наибольшей мере соответствует реконструируемой картине, поэтому их связь с древнейшими индоевропейцами выглядит вполне вероятной.

По данным археологии известно, что ямные племена совершали дальние миграционные броски из Северного Причерноморья на запад и юго-запад. Возможно, именно эти племена уничтожили балкано-карпатские культуры энеолита. Первые ямные погребения со скорченными и окрашенными костяками появляются в Нижнем и Среднем Подунавье именно на рубеже энеолита и бронзового века.

По-видимому, ямные племена во время своих дальних походов не только разносили индоевропейскую речь, но и распространяли в северо-западной части Циркумпонтийского региона новые технологии обработки металла и новые типы орудий труда и оружия, отличные от энеолитических. Новый стереотип металлургического производства связан с формированием *Цир-*

Северная часть Циркумпонтийской металлургической провинции в раннем бронзовом веке. Археологические культуры, памятники и очаги металлопроизводства:
1 — культура Трои I (очаг металлургии); 2 — культура Эзеро (очаг металлообработки); 3 — трансильванский очаг; 4 — культура Брно—Лишни—Евизовице; 5 — ямная культурная общность (очаг металлургии и очаг металлообработки); 6 — усатовская культура (очаг металлообработки); 7 — софиевская культура (очаг металлообработки); 8 — новотиторовская культура; 9 — майкопская культура (очаг металлургии); 10 — куро-аракская культура (очаг металлургии); 11 — границы ЦМП; 12 — предполагаемые границы

кумпонтийской металлургической провинции (далее ЦМП), существовавшей на протяжении раннего и среднего бронзового века на огромной территории, расположенной преимущественно вокруг Черного моря. Она охватывала Балкано-Карпатье, юг Восточной Европы, Кавказ, Месопотамию, Юго-Западный Иран, Анатолию, Эгею, Левант.

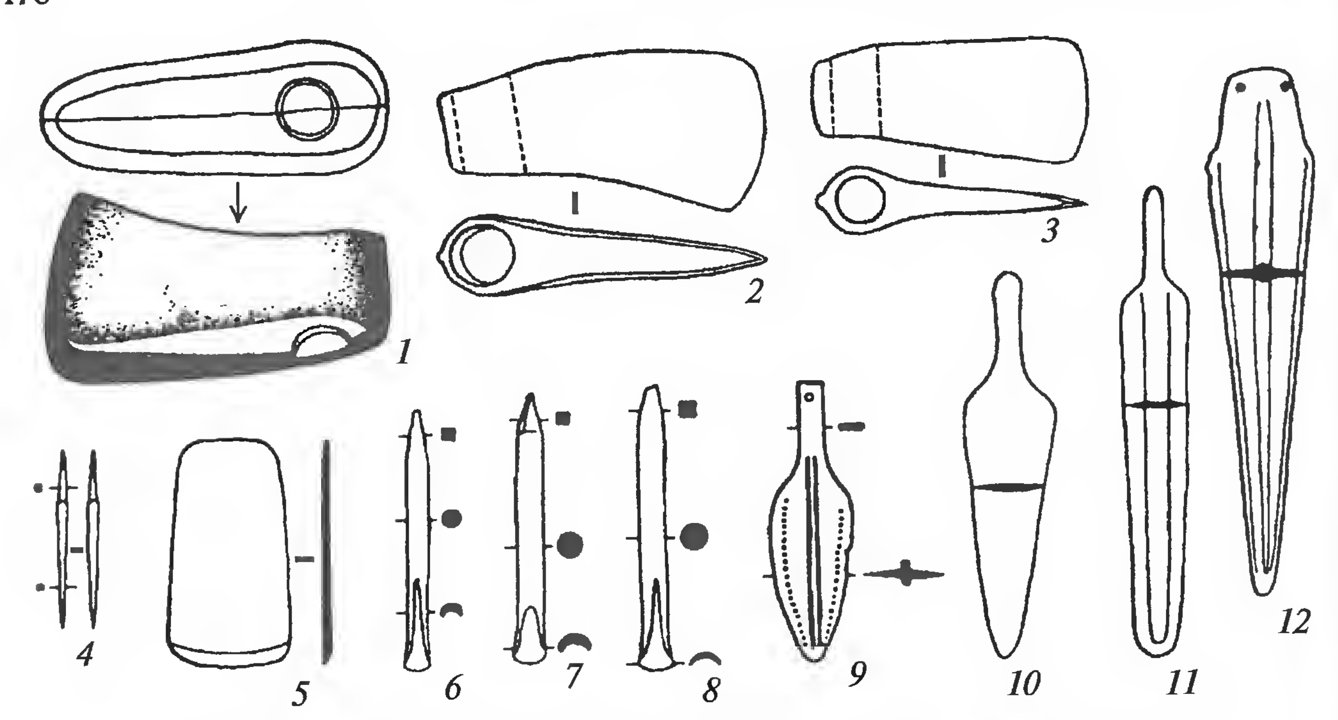
Циркумпонтийская провинция объединяла культуры, сильно различающиеся и по географическому положению, и по характеру производящего хозяйства. В северной зоне провинции преобладали культуры, практиковавшие подвижные формы скотоводства полукочевого или даже кочевого типа (*ямная культурно-историческая общность* юга Восточной Европы, *усатовская культура* Северо-Западного Причерноморья). В южной зоне провинции, напротив, преобладали культуры, основу жизнеобеспечения которых составляло земледелие, лишь дополнявшееся скотоводством (*культуры Эзеро* на Балканах, *Троя I* в Анатолии, *куро-аракская* в Закавказье и др.).

При различиях в укладе хозяйства обе зоны обнаруживают много черт сходства. Кроме металлических изделий, некоторых видов керамики, погребальных обрядов, они проявляются и в том, что вдоль всего причерноморского кольца в раннем бронзовом веке возникают укрепленные поселения с валами и рвами и даже каменные крепости. Никогда прежде они не представляли собой столь массового и регулярного явления. По-видимому, военные столкновения в эпоху возникновения ЦМП имели регулярный характер и сыграли немалую роль в оформлении характера ее материальной культуры и производства. Но модель формирования ЦМП, по-видимому, следует связывать и с мирным взаимодействием различных групп населения, с его тесными обменными и культурными контактами.

В истории ЦМП можно выделить две основные фазы. Первая датируется преимущественно III тыс. до н.э., не заходя в пределы его последней трети; вторая — последней третью III — первой третью II тыс. до н.э. Вместе с тем в различных регионах ЦМП граница между первой и второй фазой имеет плавающий, нечеткий характер. С первой фазой можно связывать ранний бронзовый век, тогда как со второй — средний бронзовый век.

Для большинства производственных очагов ЦМП в раннем бронзовом веке характерно пять главных видов орудий труда и оружия: 1) втульчатые топоры, 2) черенковые ножи и кинжалы, 3) шилья с четырехгранным утолщением-упором, 4) долота с аналогичным упором, 5) уплощенные тесла-долота. Эти виды орудий и оружия варьировали в пределах разных очагов как по количественному соотношению друг с другом, так и по некоторым деталям формы.

Отличительной особенностью очагов раннего бронзового века в системе ЦМП является полное сходство технологии отливки топоров в двустворчатые литейные формы открытого типа. Такие формы, изготовленные из глины или камня, встречены во многих памятниках Закавказья, верхней Волги, Балкан. В это же время начинается широкое употребление сплавов меди с мышьяком — наиболее характерных для ЦМП. Они доминируют на Кавказе, в Анатолии, в Эгейском бассейне. На северо-востоке

Диагностирующие формы изделий раннего бронзового века в пределах Циркумпонтийской металлургической провинции:

1 — форма для отливки топора (залив металла с «брюшка»); 2, 3 — топоры втульчатые; 4 — шило с упором; 5 — тесло плоское; 6–8 — долота с упором; 9–12 — ножи-кинжалы черенковые

Балкан и в степях Восточной Европы наряду с ними продолжали использовать чистую медь. На периферии ЦМП (северо-запад Балкан, Поволжье, Южный Урал) орудия еще долго отливались из чистой меди, искусственные сплавы в раннем бронзовом веке здесь освоены не были.

Невзирая на токсичность мышьяковых сплавов (улетучивание ядовитых паров мышьяка при нагреве), их открытие было гигантским шагом вперед в техническом прогрессе древних обществ. Эти сплавы отличались более высокой, чем медь, жидкотекучестью, т.е. способностью заполнять без застывания все полости литейной формы, а также более высокой твердостью (до 200 ед. после холодной ковки).

В системе ЦМП лучше всего изучены Кавказ, Северное Причерноморье, Балканы, отчасти Малая Азия. На рассмотрении культур и производственных центров этой зоны мы и сконцентрируем внимание.

В Анатолии в раннем бронзовом веке особая роль принадлежала *западному,* или *троянскому металлургическому очагу.* Его продукция представлена коллекциями металла Трои I и ряда эгейских островных поселений (Полиохни, Терми). Она состоит из втульчатых топоров, вогнутолезвийных кинжалов, ножей, плоских тесел-долот. Все эти изделия отлиты из мышьяковых бронз; скорее всего, они связаны с месторождениями Центральной Анатолии.

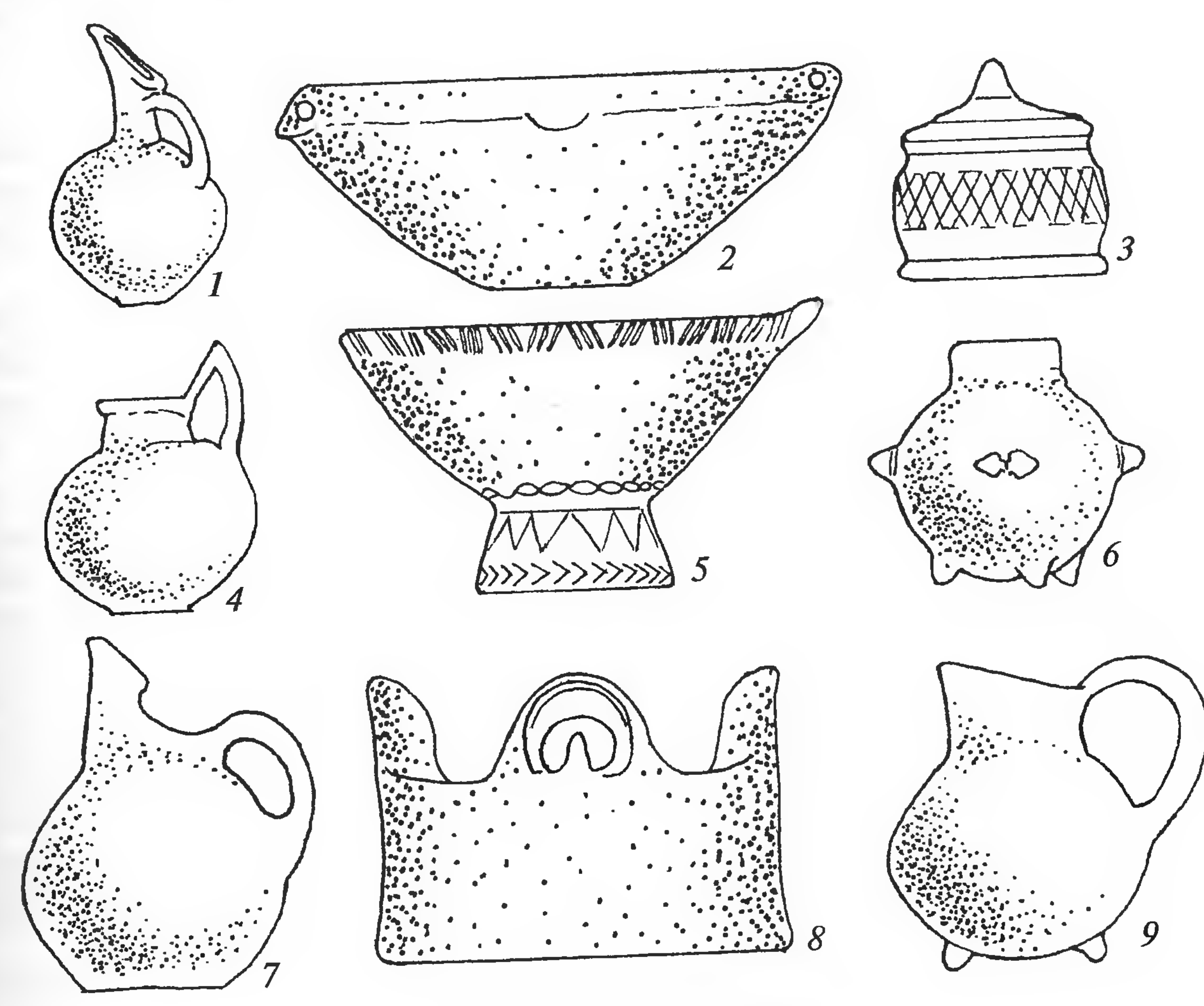
На холме Гиссарлык, который отождествляется с Троей, было обнаружено 9 слоев, относящихся ко времени от III тыс. до н. э. до римской эпохи. С бронзовым веком связано 6 нижних поселков Трои. Материалы первого из них и являются ***культурой Трои I.***

Жители Трои I строили четырехугольные дома с портиком, открытым во двор (дома мегаронного типа). Стены возведены из камней, скрепленных глиняным раствором. Поселок окружала каменная стена с башнями и узкими воротными въездами. В домах найдены большие сосуды для хранения зерна. Местное население выращивало пшеницу, ячмень и просо. Кроме того, жители Трои I разводили коров, свиней, овец и коз. Пищу готовили в печах. Находки орудий труда и оружия из камня сравнительно редки: это ножи и вкладыши серпов из кремня, сверленые боевые топоры, молоты, а также навершия булав из нефрита и обсидиана. Множество пряслиц и грузил для ткацкого стана свидетельствуют о широком распространении ткачества.

Керамика все еще изготовлена без помощи гончарного круга. Это серая, коричневая или красная посуда, иногда украшенная резным геометрическим орнаментом, заполненным белой пастой. Типичны сосуды на кольцевом поддоне, кувшины с наискось срезанным горлом, трехногие кувшины и горшки.

Хозяйственные и торговые связи троянского, или западноанатолийского, очага металлургии ведут в основном в сторону Балканского полуострова, в пределы *очага металлообработки Эзеро.* Он сопряжен с территорией одноименной культуры и охватывал в III тыс. до н.э. северо-восток Балкан и долину Нижнего Дуная. Эти очаги роднят сходные по составу мышьяковые бронзы и аналогичные типы тесел, долот и кинжалов. Однако балканская

Керамика культуры Трои I:

1, 4, 6, 7, 9 — кувшины; 2 — миска; 3, 8 — крышки; 5 — ваза

металлообработка имеет и отличия, которые проявляются в спорадическом применении наряду с мышьяковым металлом чистой меди. Кроме того, здесь отливались в значительных сериях втульчатые топоры с длинным клинком, весьма редкие в Анатолии. На Балканах имеются и литейные формы для изготовления таких топоров. Мастера очага Эзеро, вероятно, работали на привозном сырье.

Параллели между Анатолией и Северо-Восточными Балканами в раннем бронзовом веке не ограничиваются металлическими изделиями. В верхних напластованиях Эзеро встречается керамика, сходная с посудой Трои I. Значительную близость обнаруживают орудия труда и оружие обеих культур из камня, кремня, кости и рога, а также украшения. Вероятно, на территории Балкано-Дунайского региона, Северо-Западной Анатолии и некоторых эгейских островов развивалась близкая культура, носителей которой можно считать этнически родственными племенами.

Специфическим характером отличается лишь топография поселков и характер строительства жилищ. Телли культуры Эзеро располагаются преимущественно возле рек, озер или других водных источников. Большая часть поселений построена на остатках теллей энеолита, но никакой связи с предшествующей эпохой новая культура не обнаруживает. Некоторые телли обнесены каменными стенами. Само Эзеро в поздний период своего существования имело двойную линию обороны. Жилые дома построены из переплетенных лозой деревянных стоек, обмазанных глиной. В большинстве из них найдены подковообразные в плане массивные печи, открытые очаги, площадки для сушки зерна, зернотерки.

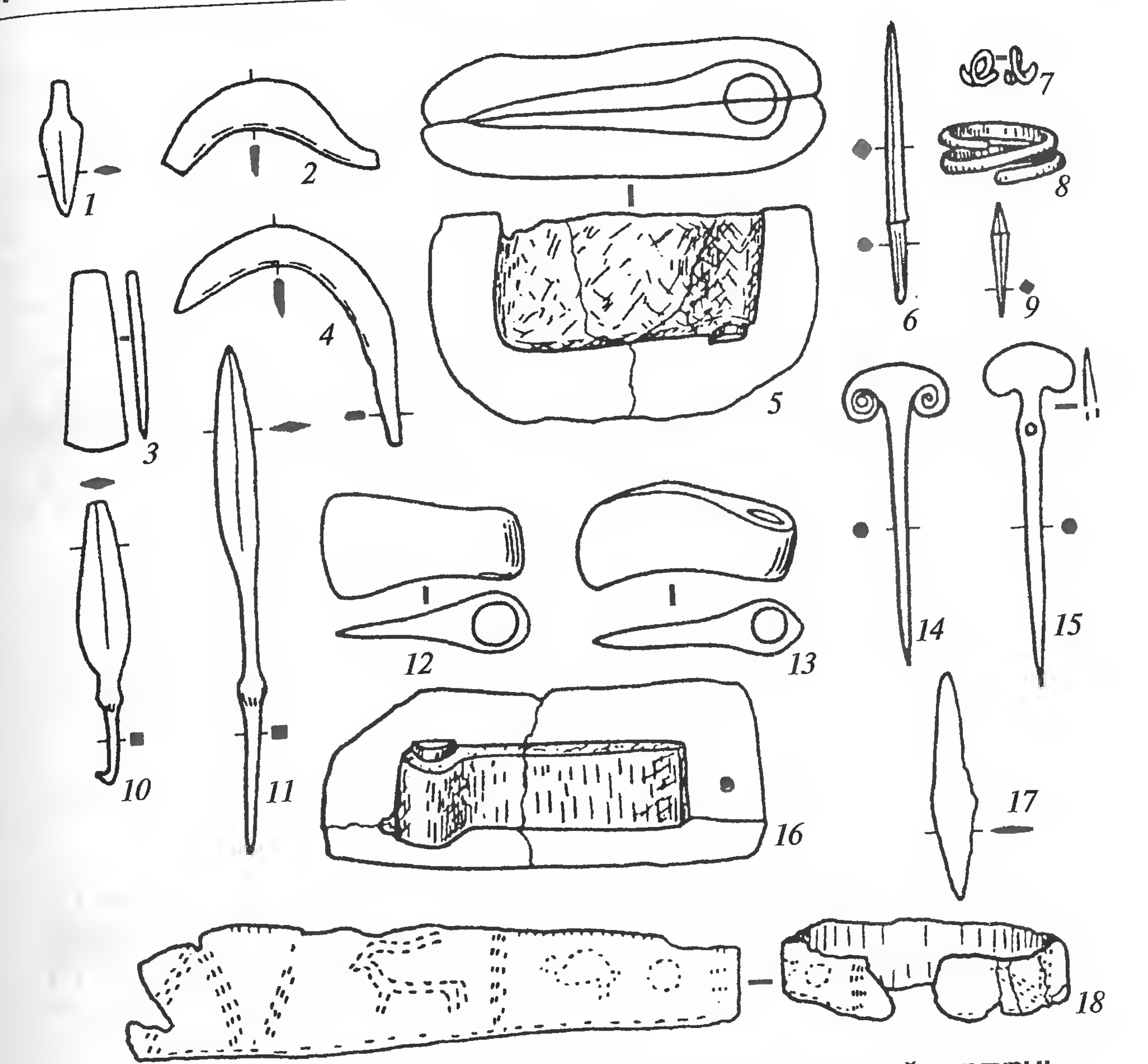
Основой жизнеобеспечения являлись земледелие (ячмень, пшеница, вика, горох, виноград) и скотоводство (мелкий рогатый скот и свиньи). Типичный для энеолита крупный рогатый скот утрачивает свое численное превосходство.

Таким образом, специфика Эзеро и других культур Балкано-Карпатского региона в раннем бронзовом веке свидетельствует о резком разрыве с традициями местного энеолита. Наблюдается явная «варваризация» культуры, возможно вызванная вытеснением местного населения племенами степняков-скотоводов.

В истории южной зоны ЦМП на фазе раннего бронзового века заметно выделяется *куро-аракский металлургический очаг* Закавказья. Племена ***куро-аракской культуры*** занимали территорию Южного и Центрального Закавказья, Восточной Анатолии, Северо-Западного Ирана, Дагестана, Чечни, Ингушетии, отчасти Северной Осетии. Производственные центры по выплавке и переработке металла, по-видимому, тяготели к богатым медным месторождениям Малого Кавказа. Большинство металлического инвентаря куро-аракской культуры изготовлено из сплавов меди с мышьяком. Отливались орудия, в целом характерные для ЦМП, но известны и специфические формы изделий: топоры-клевцы, штыки, черенковые наконечники копий, серпы.

Поселения расположены не только в равнинных, но и в предгорных и даже горных районах. Плотность населения была очень высокой. Дома круглые, с коническими крышами, вымощены галькой. В центре вымо-

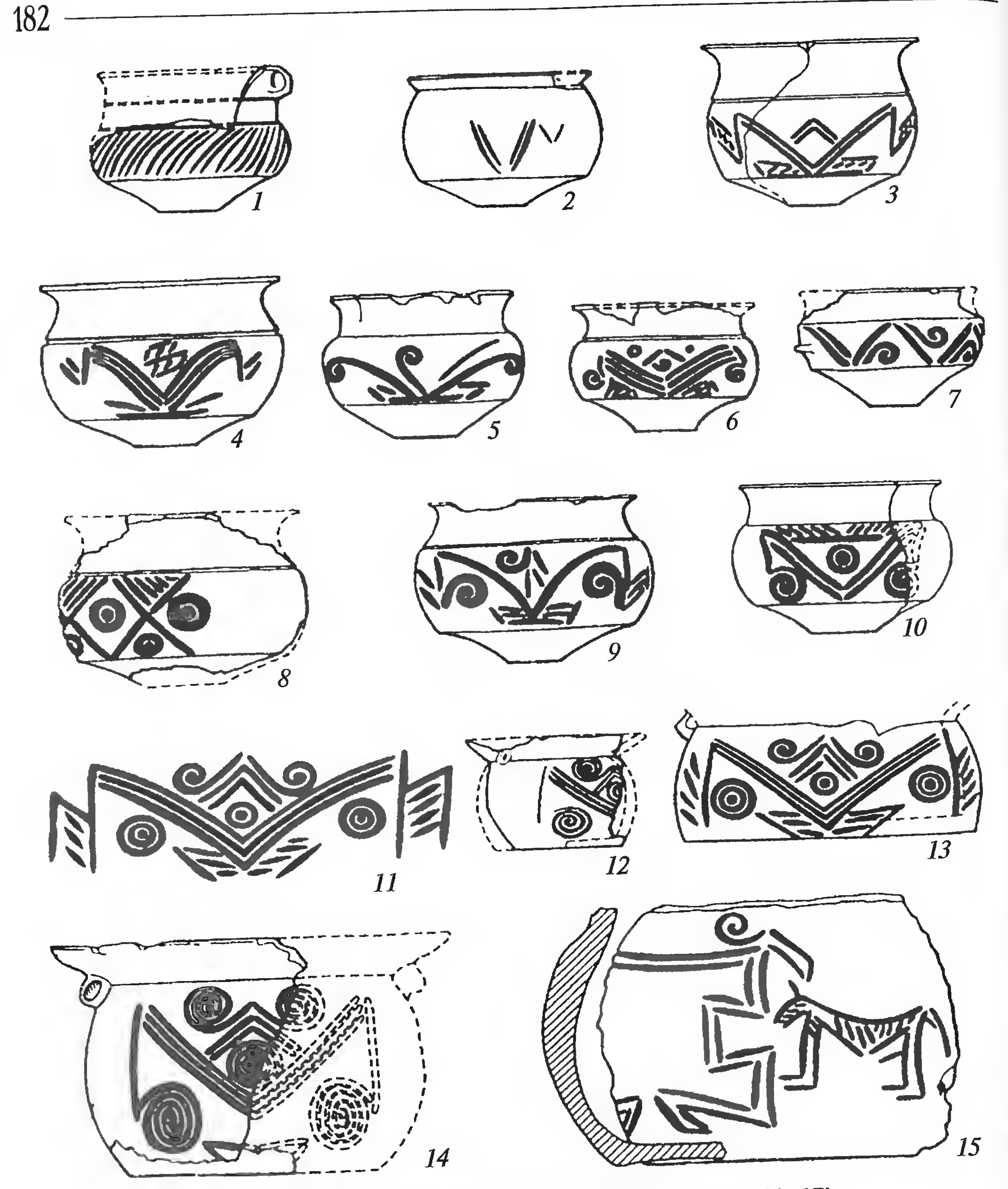

Металлические изделия и литейные формы куро-аракской культуры:
1, 17 — ножи; 2, 4 — серпы; 3 — тесло-долото; 5, 16 — формы для отливки топоров; 6 — штык-копье; 7 — височное кольцо; 8, 18 — браслеты; 9 — шило; 10, 11 — наконечники копий; 12, 13 — топоры; 14, 15 — булавки

стки помещался круглый очаг из глины. Рядом с ним нередко находят глиняные очажные подставки подковообразной формы. Интересные образцы подобных построек с очагами прослежены на поселении Шенгавит, раскопанном на территории Еревана. Круглые постройки Шенгавита окружены каменной стеной с башнями и рвом.

На поселениях найдено много темно-серой, черной, красной лощеной до блеска посуды. Это кувшины яйцевидной формы, крупные широкогорлые сосуды с округлым туловом, горшки биконической формы. Иногда они снабжены специфическими ручками в виде полушарий. Наряду с неорнаментированной, встречается керамика с рельефным и нарезным орнаментом. Чаще всего это закрученные спирали, концентрические круги, ромбы, треугольники; известны изображения людей и животных.

Основой жизнеобеспечения племен куро-аракской культуры были земледелие и скотоводство. Сеяли различные виды пшениц, ячменя, проса. Культивировали также лен, который использовался для изготовления тканей.

Керамика куро-аракской культуры из Шенгавита (1, 15) и эчмиадзинских поселений Армении (2–14)

Даже в высокогорных поселениях находят запасы зерна, исчисляемые десятками килограммов (Галгалатли в Дагестане). Посевы пшеницы и ячменя доходят в эту эпоху до отметки 2500 м над уровнем моря. В горах осваиваются сложные системы ирригации, развивается террасное земледелие. Находка роговой сохи на поселении Кварцхелеби (Грузия) свидетельствует о применении тягловой силы животных в землепашестве.

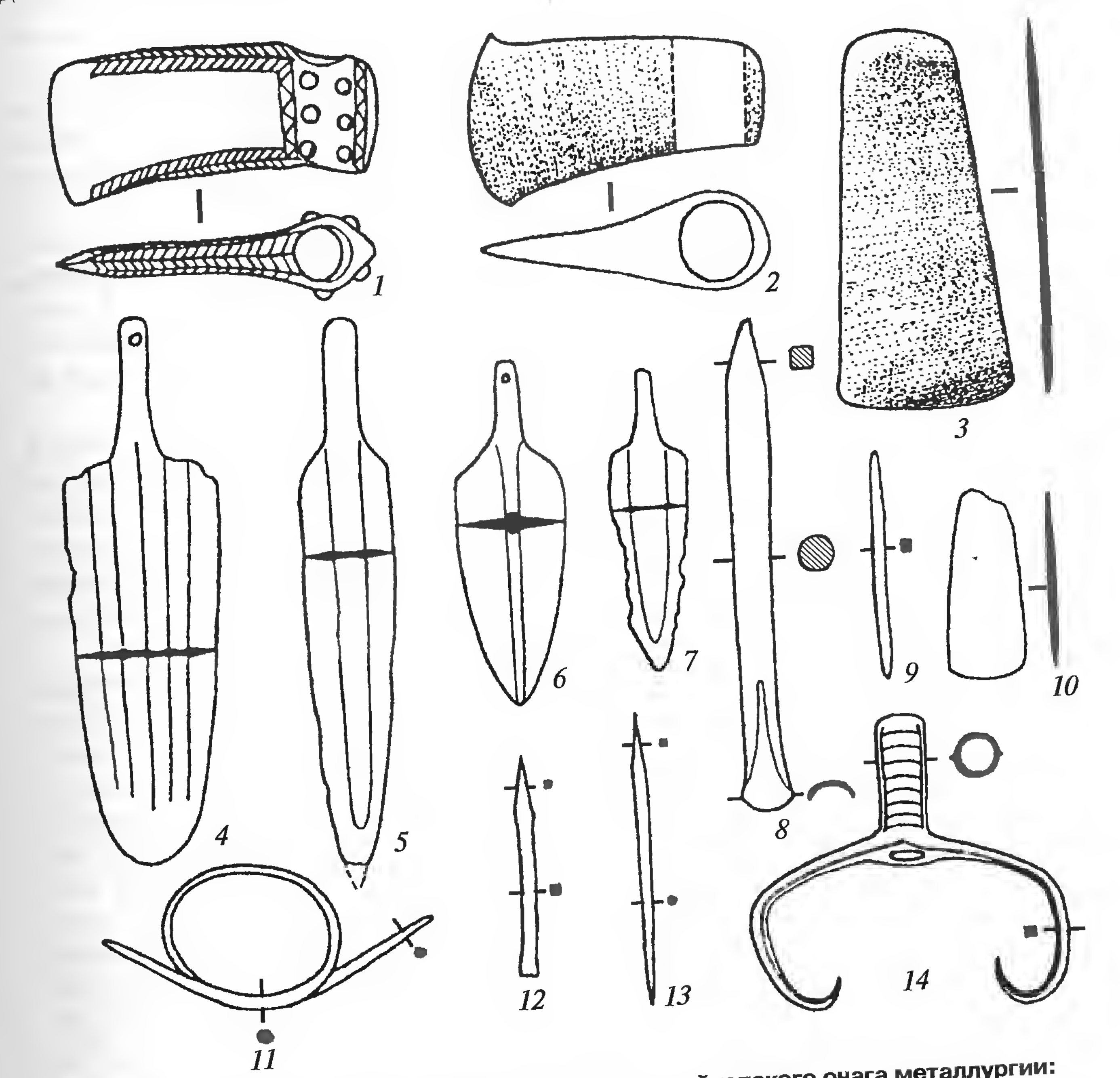
Скотоводство развивалось в полукочевой, отгонной форме. В стаде преобладал мелкий рогатый скот; крупный, а также лошади представлены

незначительным числом особей. Лошадь, скорее всего, попала на Кавказ от степных народов.

Люди куро-аракской культуры хоронили своих соплеменников в грунтовых могильниках, а иногда — под курганными насыпями вблизи поселений. Поза погребенных обычно была скорченной, ориентация — произвольной. Могильные ямы отличались самой разнообразной формой (подковообразные, прямоугольные, с обкладкой стен сырцовым кирпичом или плитами камня).

Куро-аракская культура, по-видимому, имеет местные, закавказские корни. Ее хронология, судя по радиоуглеродным датам, укладывается в пределы XXIX–XXIII вв. до н.э. Однако истоки культуры, возможно, уходят в IV тыс. до н.э.

Основные типы бронзовых орудий и оружия майкопского очага металлургии:
1, 2 — втульчатые топоры; 3, 10 — тесла; 4–7 — кинжалы; 8, 12 — долота; 9, 13 — шилья; 11 — псалий; 14 — втульчатая вилка

На Северном Кавказе одновременно с куро-аракским очагом развертывалась деятельность *майкопского металлургического очага*, связанного с ареалом одноименной культуры. Его история охватывала время от конца IV до середины III тыс. до н.э. ***Майкопская культура*** занимает предгорную и степную зону Северного Кавказа от Таманского полуострова и Прикубанья до Чечни и Ингушетии. В этой культуре представлен стандартный набор «циркумпонтийских» металлических изделий (втульчатые топоры, плоские тесла, долота с желобчатым лезвием и утолщением на тыльной части орудия, четырехгранные шилья, черенковые ножи-кинжалы). Он дополняется весьма специфическими по форме втульчатыми двузубыми «вилками», так называемыми металлическими «псалиями», котлами и черпаками. Типологическая обособленность некоторых видов майкопского инвентаря, специфика химического состава его металла (сплавы, обогащенные мышьяком, а иногда и никелем) свидетельствуют о местном его производстве.

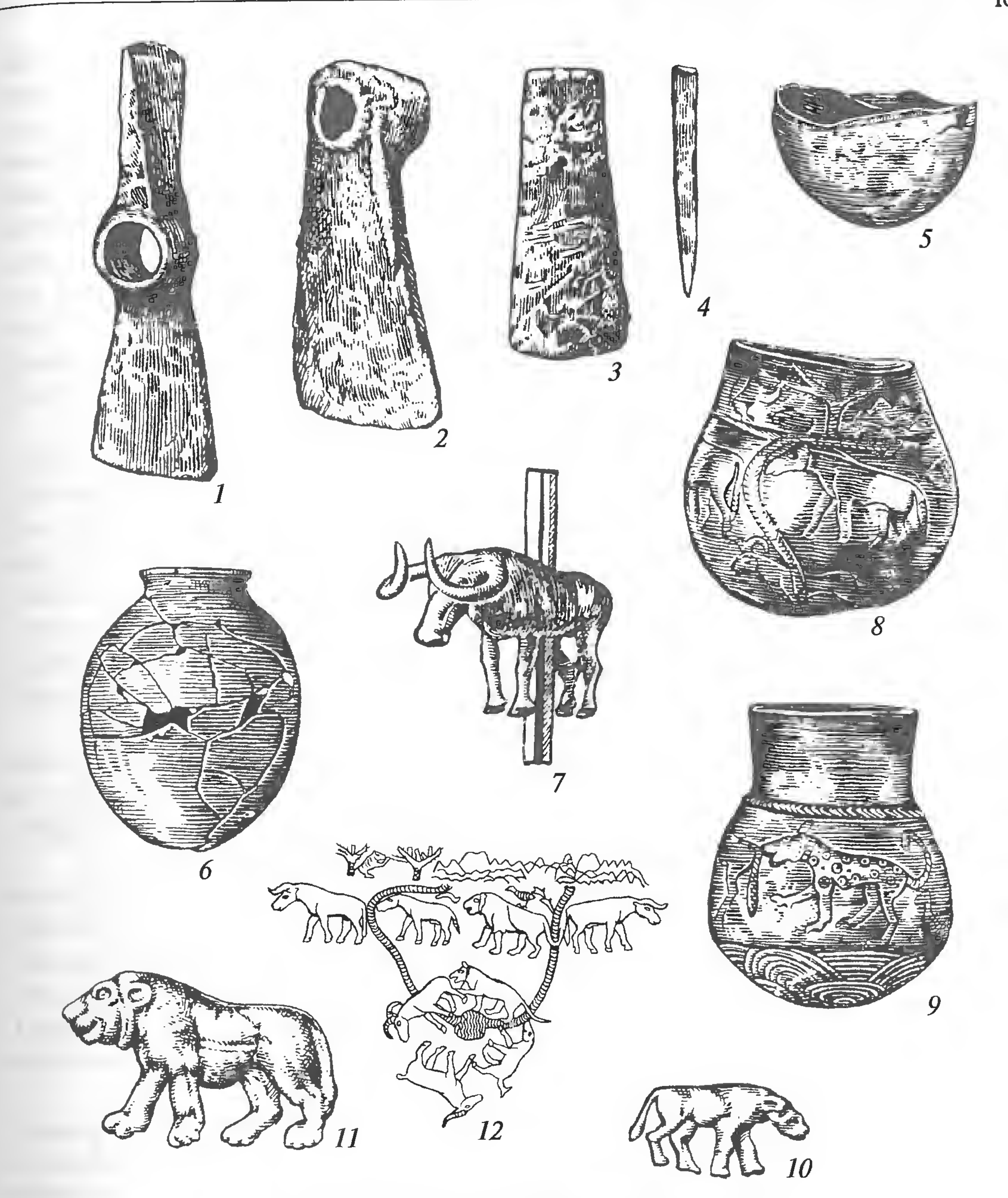
Продукция майкопского очага включала не только орудия и оружие из бронзы, но и огромное количество изделий из драгоценных металлов — золота и серебра. Это разного рода украшения и великолепные сосуды, полученные выколоткой из тонкого листа-заготовки.

Майкопская культура представлена редкими поселениями и многочисленными погребениями под курганами с большими могильными ямами. На позднем этапе появляются подкурганные каменные гробницы и дольмены. Дольменами называют сооружения из тяжелых каменных глыб, четыре из которых поставлены вертикально, а пятая, перекрывающая их сверху, лежит горизонтально.

К раннему этапу майкопской культуры относится курган, раскопанный в Майкопе, на р. Белой, притоке Кубани. Под насыпью высотой 11 м находилась огромная могильная яма, которая делилась деревянными перегородками на три камеры: южную, северо-западную и северо-восточную. В каждой камере размещалось захоронение. В южной — большей камере на галечном полу лежал мужчина, в двух других — женщины. Все они находились в скорченном положении и были засыпаны красной охрой.

Главным было погребение мужчины. На его костяке найдено множество золотых пластин в виде львов, быков, розеток, а также колец и бусин из золота, сердолика, бирюзы, лазурита. Рядом с костяком лежало 6 серебряных стержней, длина которых составляла более 1 м. На четырех из них были насажены скульптурные фигурки быков, две золотые и две серебряные. По-видимому, стержни поддерживали балдахин, возвышавшийся над погребением. У стенки ямы стояли золотые и серебряные сосуды. На двух серебряных сосудах имелись чеканные изображения. На одном сосуде изображен целый пейзаж с горами, деревьями, реками и животными; на другом сосуде показаны только вереницы животных. Ломаная, неправильная линия горных вершин, изображенная на первом сосуде, по-видимому, соответствует очертаниям Кавказского хребта, как он виден из Майкопа, и это позволяет говорить о его местном производстве. Анализ изображений на втором сосуде показывает их значительную близость месопотамской торевтике эпохи Джемдет-Наср, что может свидетельствовать о его ближне-

Инвентарь большого Майкопского кургана:
1 — топор-тесло; 2 — мотыга; 3 — тесло-долото; 4 — пробойник; 5 — котел; 6 — глиняный сосуд; 7 — опора балдахина с фигуркой быка (*серебро, золото*); 8, 9 — серебряные сосуды; 10, 11 — золотые бляшки; 12 — развертка изображения на поверхности сосуда № 8 (*1–5 — металл*)

восточном происхождении. Кроме серебряных и золотых сосудов, покойного сопровождали сосуды из бронзы и глины, а также набор бронзовых орудий труда и оружия.

Курган в Майкопе был насыпан, по-видимому, над прахом родового вождя и свидетельствует об имущественной дифференциации майкопского общества. Близкие Майкопскому кургану по обряду, но бедные по инвентарю погребения известны на Северном Кавказе повсюду.

Чрезвычайно богатые курганы позднего этапа майкопской культуры сосредоточены в Закубанье, у станицы Новосвободной. Инвентарь поздних погребений приобретает более многообразный характер и также отличается поразительным богатством. Он включает сверленые каменные топоры, вкладыши серпов, кремневые наконечники стрел, серебряные булавки, бусы и кольца из золота, различные сакральные предметы, чернолощеную посуду с орнаментом в виде налепных шишечек, множество бронзовых изделий. Они в целом повторяют отмеченные выше находки. Но среди них встречаются и совершенно уникальные вещи. К примеру, в одном из курганов Новосвободной найден бронзовый меч длиной 63 см. Это — древнейшее оружие подобного типа, неизвестное даже в ближневосточных памятниках.

Среди поселений майкопской культуры лучше всего изучено Галюгаевское поселение на среднем Тереке. Стены наземных жилищ овально-округлой формы были сделаны из вертикальных столбиков, досок, прутьев, обмазанных глиной. На земляном полу обнаружены остатки открытых очагов, рядом с которыми найдены грузики к ткацким станам, зернотерки, терочники, вкладыши серпов, бронзовые вещи (мотыга, обломки кинжала). Обильно представлена посуда (пифосы, кувшины, горшки, миски, чаны). Часть посуды изготовлена с помощью гончарного круга — древнейшего устройства такого рода на всей территории Восточной Европы.

Хозяйство майкопских племен основывалось на сочетании мотыжного земледелия и придомного скотоводства. Остатки злаков не найдены, но известны орудия для обработки почвы. Стадо состояло из мелкого и крупного рогатого скота, свиней, лошадей.

В формировании майкопской культуры участвовали как местные, так и пришлые племена. В конце IV тыс. до н.э. на Северный Кавказ начали проникать отдельные группы населения с Ближнего Востока. Они принесли с собой ряд технических и культурных достижений (гончарный круг, украшения из золота и серебра, редкие технологии обработки металлов). Смешавшись с местным населением, пришельцы создали оригинальную культуру раннего бронзового века.

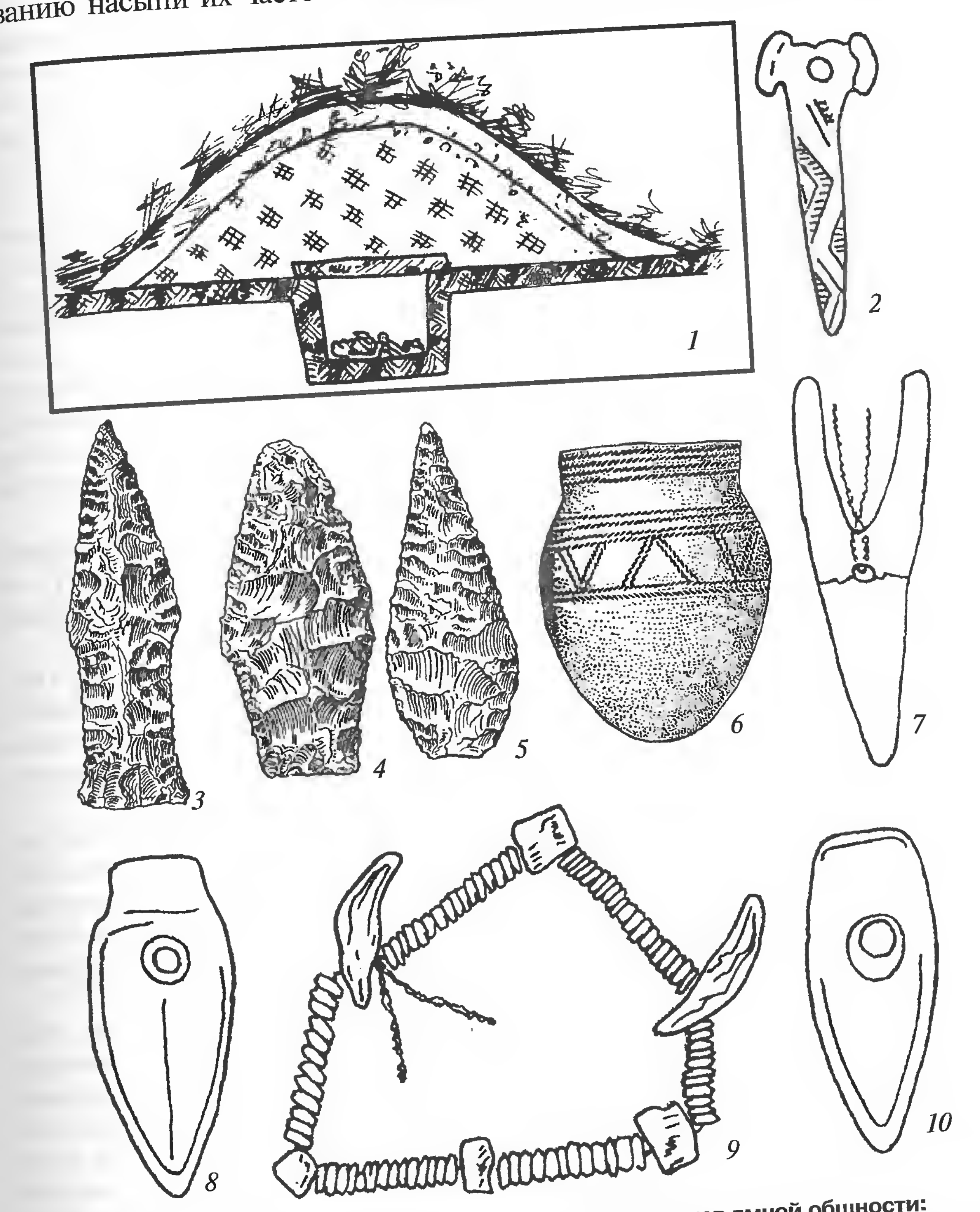
Природный фактор и колебания климата играли важнейшую роль в процессе появления майкопской культуры и расселения ее носителей в Предкавказье. Это была культура, приспособленная к развитию в условиях сухого и теплого климата, характерного для раннего бронзового века этого региона. Но в конечном итоге его резкое изменение (похолодание) в середине III тыс. до н.э. явилось одной из существенных причин исчезновения данного культурного явления.

К северу от зоны обитания майкопских племен, в степном Поволжье и Причерноморье простирался обширный мир степных скотоводческих народов. С ним связан ряд культур и культурно-исторических общностей. В их ряду особая историческая роль отводится ***ямной общности***, входившей в северную зону ЦМП. Ее история охватывает время от начала III тыс. до н.э. до его последней четверти. Ямные памятники известны от Южного Приуралья на востоке до Молдавии, Северных Балкан и даже Среднего

Подунавья на западе. На этой огромной территории выделяется более десяти локальных вариантов ямной общности.

Культура ямных племен известна нам преимущественно по раскопкам курганных погребений (около десяти тысяч). Как правило, ямные курганы представляют собой сложные архитектурные сооружения. По основанию насыпи их часто опоясывают круговые рвы, иногда встречаются

Погребальные сооружения и инвентарь памятников ямной общности:
1 — схема погребального сооружения под курганом; 2 — костяная булавка с молоточковидной головкой; 3, 4 — кремневые кинжалы; 5 — наконечник стрелы; 6 — сосуд; 7 — роговой амулет; 8, 10 — каменные топоры-молоты; 9 — ожерелье из костяных пронизок и подвесок из клыков животных

сооружения из камня — кольца из уложенных плашмя или вкопанных вертикально плит — так называемые кромлехи. Внутри насыпи отмечаются остатки истлевших столбов, плах, дощатых облицовок. Сами насыпи возведены над ямами, от которых и произошло название этой археологической общности. Костяки лежат в них на спине с поднятыми коленями, иногда на боку, часто окрашены охрой.

Погребения в основном безынвентарны, в редких случаях сопровождаются сосудами, кремневыми стрелами, скребками, ножами, костяными шильями и рыболовными крючками, костяными булавками с молоточковидными головками и металлическими изделиями. Однако известны и богатые захоронения. К примеру, в могильнике Болдыревский I в Оренбургской области под одним из самых крупных курганов покоилось тело мужчины, уложенное на правый бок. Оно было покрыто циновкой из органических волокон, украшенной аппликацией из белой коры в виде развернутых крыльев птицы. Голова покойного была увенчана «короной» из белой коры. Вокруг диска (или чаши) из метеоритного железа, посыпанного охрой и имевшего, скорее всего, сакральный характер, был уложен инвентарь. В его составе — тесло-рубанок из меди с приваренным лезвием из метеоритного железа, долото, шило, нож, втульчатый наконечник копья и кинжал. Пышный погребальный ритуал, богатство инвентаря указывают на высокий социальный статус захороненного. Возможно, это вождь племени или союза племен.

Ямная керамика чаще всего круглодонна, сосуды отличаются яйцевидными очертаниями. Они украшены горизонтальными зонами насечек, отпечатков гребенчатого штампа и перевитого шнура. На заключительных этапах развития общности появляется плоскодонная посуда.

В ямных курганах изучены погребения с деревянными повозками. Особенно много открыто их в степях Украины (Аккермень, Сторожевая Могила), а также в Калмыкии. Повозки выступают в двух типах: 1) с кузовом в виде ящика на двух или четырех колесах; 2) с фургонным перекрытием. Повозка второго типа могла служить подвижным жилищем.

Распространение повозок и всадничества положило начало более широкому, чем в энеолите, распространению подвижных форм скотоводства. Вполне вероятно, что ямное кочевничество было основано на сезонных перемещениях населения вместе со стадами в пределах территорий, тяготеющих к речным долинам. В стаде преобладали овцы, козы и крупный рогатый скот; скромное место принадлежало лошадям.

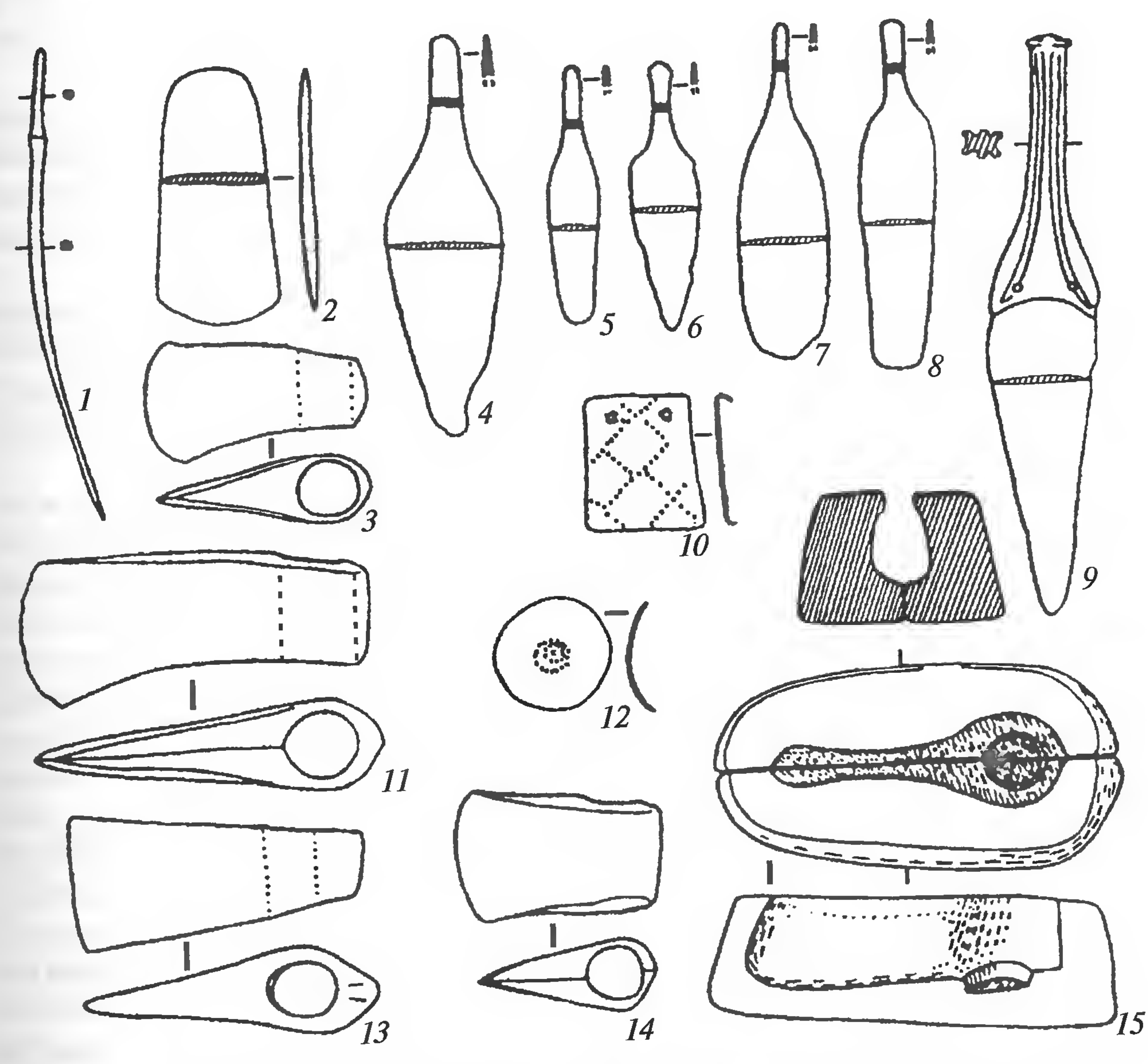
Поселения ямной культурно-исторической общности изучены хуже, чем погребальные памятники: на востоке, в древнейшем ареале ямных племен, известны только временные, сезонные стоянки. Единичные стационарные поселки со следами длительного обитания раскопаны на западе, преимущественно в Поднепровье (Михайловка на Нижнем Днепре). Здесь, в зоне контактов ямных племен с раннеземледельческим населением, они оседали на землю и переходили к смешанным, скотоводческо-земледельческим формам хозяйства. Наряду с остатками домашнего скота (коровы, овцы, лошади) в Михайловском поселении найдены мотыги, вкладыши серпов; земледелие здесь, безусловно, существовало, хотя и играло второстепенную роль.

Многие исследователи полагают, что генетические корни ямного населения следует связывать с хвалынско-среднестоговскими племенами энеолита. Предполагается, что основной импульс, который привел к широкому распространению ямных племен на юге Восточной Европы, шел с востока на запад. Однако сам процесс формирования ямной общности, этнически явно неоднородной, происходил в сложном взаимодействии различных групп населения каспийско-черноморских степей.

В ареале ямной общности функционировали по крайней мере два очага: *приднепровский — металлообрабатывающий* и *волго-уральский — металлургический*. Первый охватывал значительную часть Правобережной Украины и Молдовы; второй действовал на Южном Урале, в Среднем и Нижнем Поволжье.

Приднепровский очаг возник под влиянием импульсов, идущих с Балкан и Северного Кавказа; роль последнего была решающей. Здесь господствовали мышьяковые бронзы, близкие майкопским и культуре Эзеро.

Продукция приднепровского металлообрабатывающего очага:
1 — шило; 2 — тесло; 3, 11, 13, 14 — втульчатые топоры; 4–6, 9 — ножи-кинжалы; 7, 8 — ножи-бритвы; 10 — обоймица; 12 — накладка; 15 — форма для отливки топоров

Продукция очага представлена двулезвийными кинжалами, ножами-бритвами, теслами, втульчатыми топорами, шильями. В поздних напластованиях Михайловского поселения кроме самих орудий из металла обнаружены инструменты и приспособления, связанные с процессом их обработки (каменные наковальни, глиняные сопла и др.). О развитии местной обработки металла говорят и погребения литейщиков, открытые на острове Самарском близ Днепропетровска и у с. Верхняя Маевка в междуречье Орели и Самары — левых притоков Днепра. Они сопровождаются кузнечными инструментами и глиняными двустворчатыми литейными формами для отливки заготовок втульчатых топоров.

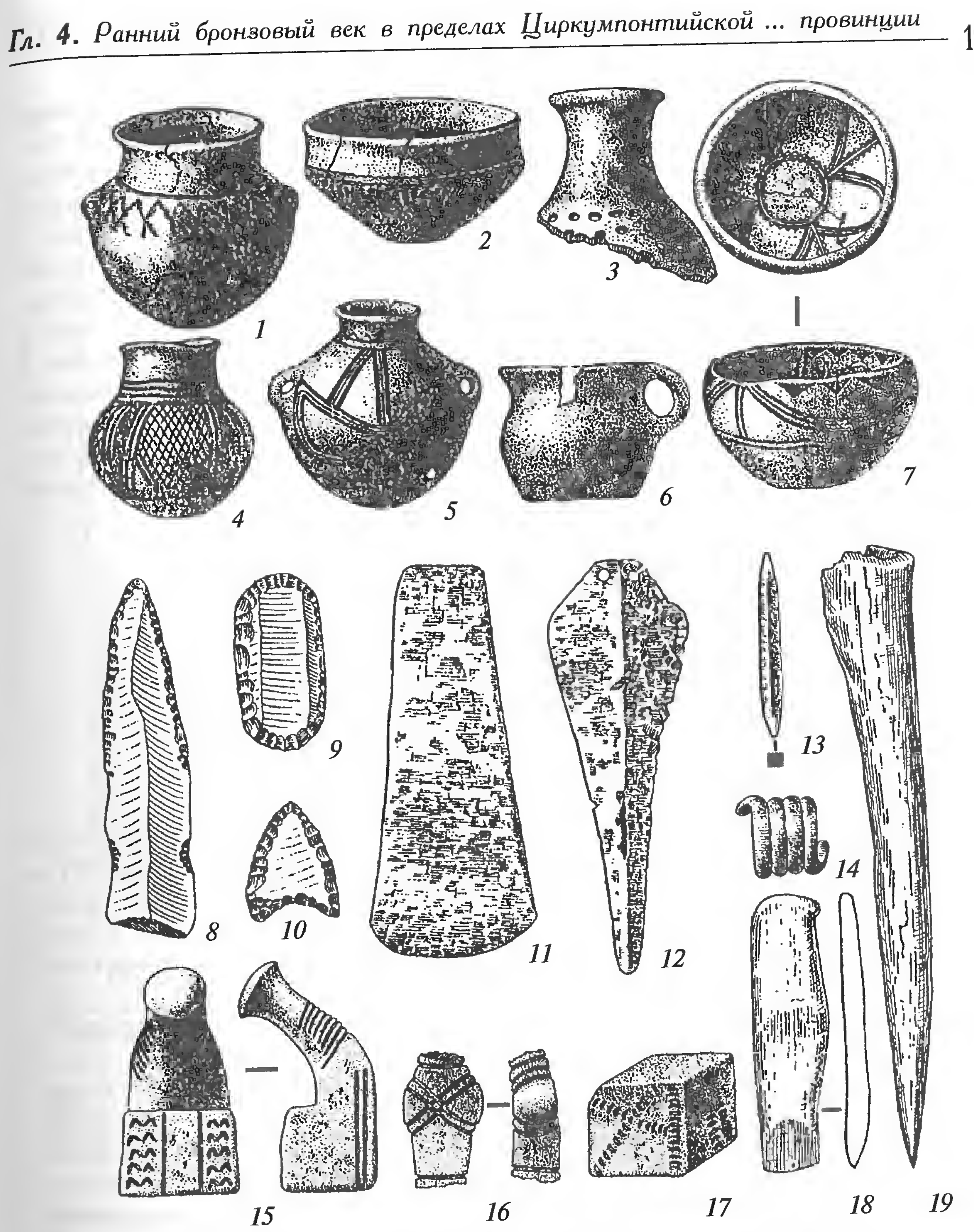
Исходное кавказское влияние, по-видимому, сказалось на формировании *южноуральского ямного металлургического очага.* Это воздействие заметно прежде всего в типах выпускаемых здесь ножей и топоров. Но сам металл резко отличался от кавказского. Его рудным источником является месторождение Каргалы близ Оренбурга. Плавка его минералов давала «чистую» медь. В могильниках Южного Приуралья известны уникальные медные предметы, не имеющие аналогов в других ареалах ямной общности (втульчатые долота, топорик-клевец, тесло-рубанок и др.).

В степной зоне Северо-Западного Причерноморья выделяется также *усатовский очаг металлообработки.* Он связан с одноименной ***усатовской культурой***, хотя, видимо, более оправданно говорить не об особой культуре, а об усатовском локальном варианте позднего Триполья, испытавшем сильное влияние майкопских и ямных племен.

Поселения и могильники усатовского типа рассеяны между низовьями Прута и Дуная на западе и низовьем Южного Буга на востоке. Поселения (Усатово, Маяки под Одессой) расположены на краях высоких плато, по берегам рек или лиманов; иногда они укреплены рвами. Характерны углубленные полуземляночные и наземные жилища.

Могильники — курганные и грунтовые — часто сосредоточены в одном месте. Так, в Усатове находятся по два курганных и грунтовых могильника, в Маяках — один курганный и один грунтовый. Курганы опоясаны в основании кромлехами, в которые часто вставлены вертикальные каменные плиты с изображением людей и животных. Считается, что эти сооружения связаны с культом солнца. Обряд погребения в курганных и грунтовых могильниках сходен: это захоронения в ямах, обычно в скорченном виде, преимущественно на левом боку. Погребальный инвентарь богаче в курганах, которые, видимо, насыпаны над захоронениями вождей или жрецов. Здесь много кухонной и столовой керамики, орудий труда и оружия — каменных топоров, кремневых скребков, наконечников стрел, роговых мотыг, проколок. Из курганных погребений происходит и бóльшая часть бронзовых и серебряных изделий (шилья, плоские топоры, кинжалы, ножи, долота, пронизки, височные кольца). Использование мышьяковых бронз намечает связи усатовского очага, с одной стороны, с Кавказом, а с другой — с металлообработкой типа Эзеро в Болгарии. Заметны в местном металлопроизводстве и следы предшествующих трипольских традиций.

Находки из поселений и могильников усатовской культуры:
1–7 — сосуды; 8 — нож; 9 — скребок; 10 — наконечник стрелы; 11 — топор-тесло; 12 — кинжал; 13 — шило; 14 — височное кольцо; 15–17 — глиняная скульптура; 18, 19 — костяные орудия (*8–10 — кремень, 11–14 — металл*)

Основная отрасль хозяйства усатовцев — скотоводство (преимущественно овцеводство), наряду с ним известны земледелие, охота, собирательство. По радиоуглеродным данным, усатовская группа памятников датируется второй половиной III тыс. до н.э.

Завершая характеристику раннего бронзового века в пределах ЦМП, отметим, что в системе его очагов на территории Восточной Европы наблюдалось

разное по силе воздействие трех горно-металлургических областей: Кавказа, Балкано-Карпатья и Урала. Распространение кавказских влияний четко прослеживается по путям движения сырьевого металла и отчасти готовых изделий: один путь шел вдоль побережий Азовского и Черного морей в Северное Причерноморье, другой, менее интенсивный, — вдоль Волги с ответвлением на Южный Урал. Воздействие Балкано-Карпатского региона выражено слабее, хотя его сырье доходило до Среднего Поднепровья. Роль Южного Урала в развитии металлургии раннего бронзового века в пределах ЦМП выглядит еще скромнее. Уральский металл, связанный с Каргалинским медно-рудным комплексом, расходился только в пределах Поволжья и Приуралья. Таким образом, направление и протяженность культурных и торгово-обменных контактов III тыс. до н.э. на юге Восточной Европы, в северной зоне ЦМП, в значительной степени определялись движением металла разных рудных источников.

Глава 5

СРЕДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК В ПРЕДЕЛАХ ЦИРКУМПОНТИЙСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ

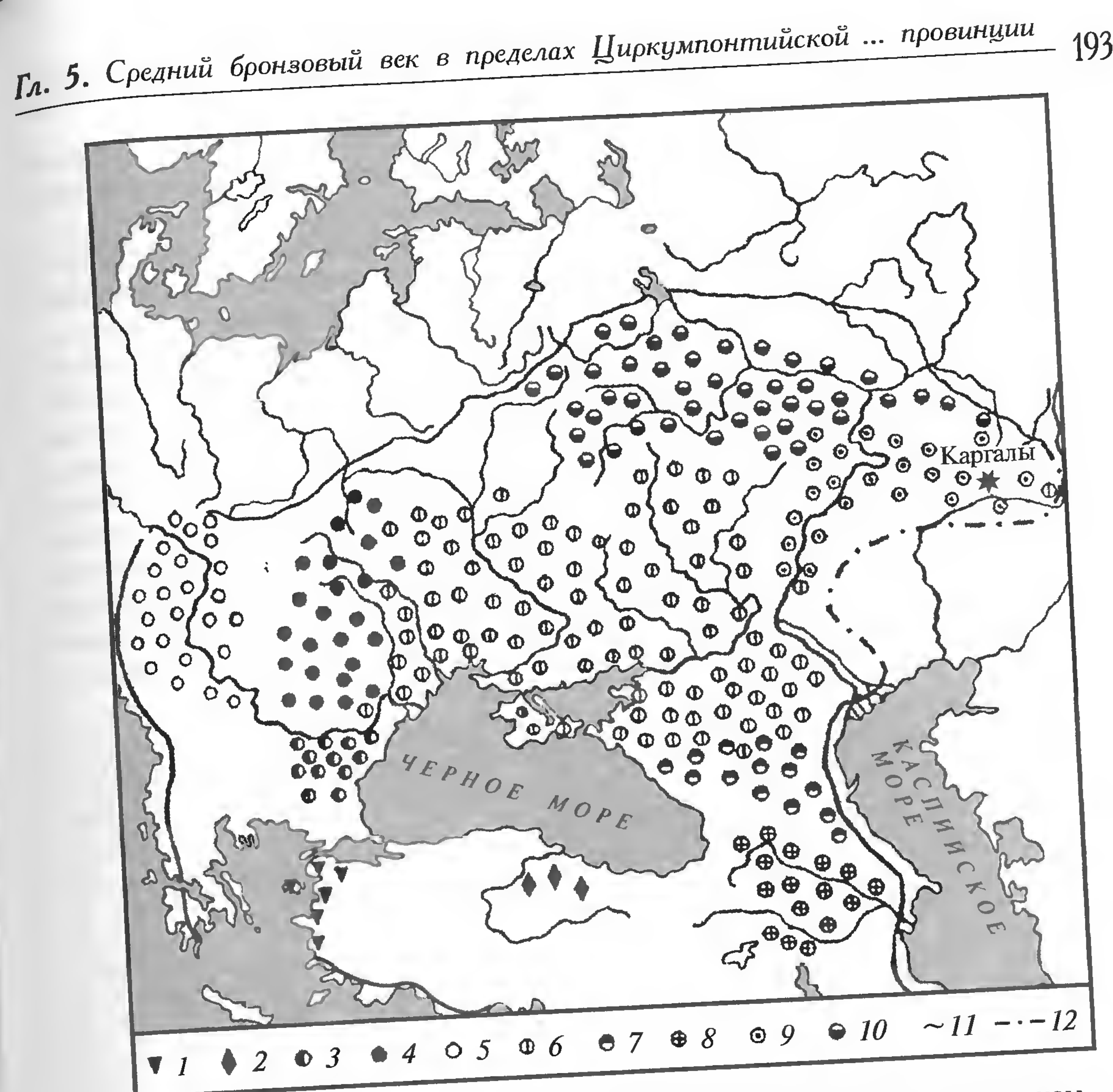
Средний бронзовый век связан со второй фазой в развитии ЦМП и датируется в системе традиционной хронологии последней третью III — первой третью II тыс. до н.э. Однако изучение материалов разных регионов обнаруживает «плавающий» характер его финальной границы. К примеру, в Закавказье и Северно-Западном Причерноморье он завершает свое развитие не ранее середины II тыс. до н.э.

В среднем бронзовом веке территория провинции заметно расширяется к северу. Южные пределы ЦМП остаются прежними.

В начале среднего бронзового века в центральных очагах ЦМП сохраняется традиционный набор ведущих типов орудий труда и оружия: втульчатые топоры, черенковые ножи, шилья, долота с упором, плоские тесла. К концу среднего бронзового века разнообразие форм инвентаря заметно возрастает, особенно в типах втульчатых топоров. Это вызвано появлением новых технологий их отливки. На смену открытым двустворчатым литейным формам со вставным стержнем приходят двустворчатые формы полузакрытого и закрытого типов, которые заполняются металлом через узкую щель или особый канал (литник). Закрытая форма позволяла получать очень сложные по конфигурации топоры. Вариабельность орудий возрастает, прежде всего, за счет изменения формы их втулок и обухов. Опускание вниз обуха топора по отношению к его корпусу приводит к появлению орудий «вислообушного» типа. Кроме того, втулка часто удлиняется по сравнению с клином и получает своеобразное трубчатое завершение.

С отливкой топоров сложных разновидностей (вислообушных, трубчатообушных) связывается начало употребления в пределах ЦМП оловян-

Северная часть Циркумпонтийской металлургической провинции в среднем бронзовом веке. Археологические культуры, памятники и очаги металлопроизводства:
1 — культура Трои II–III (очаг металлургии); 2 — памятники Центральной Анатолии (очаг металлургии); 3 — североболгарский очаг; 4 — карпато-трансильванский очаг; 5 — среднедунайский очаг; 6 — катакомбные культуры (два очага металлообработки); 7 — северокавказская культурная область (два очага металлообработки); 8 — триалетская культура (очаг металлургии); 9 — полтавкинская культура (очаг металлургии); 10 — фатьяновско-балановская культура (очаг металлургии); 11 — границы ЦМП; 12 — предполагаемые границы ЦМП

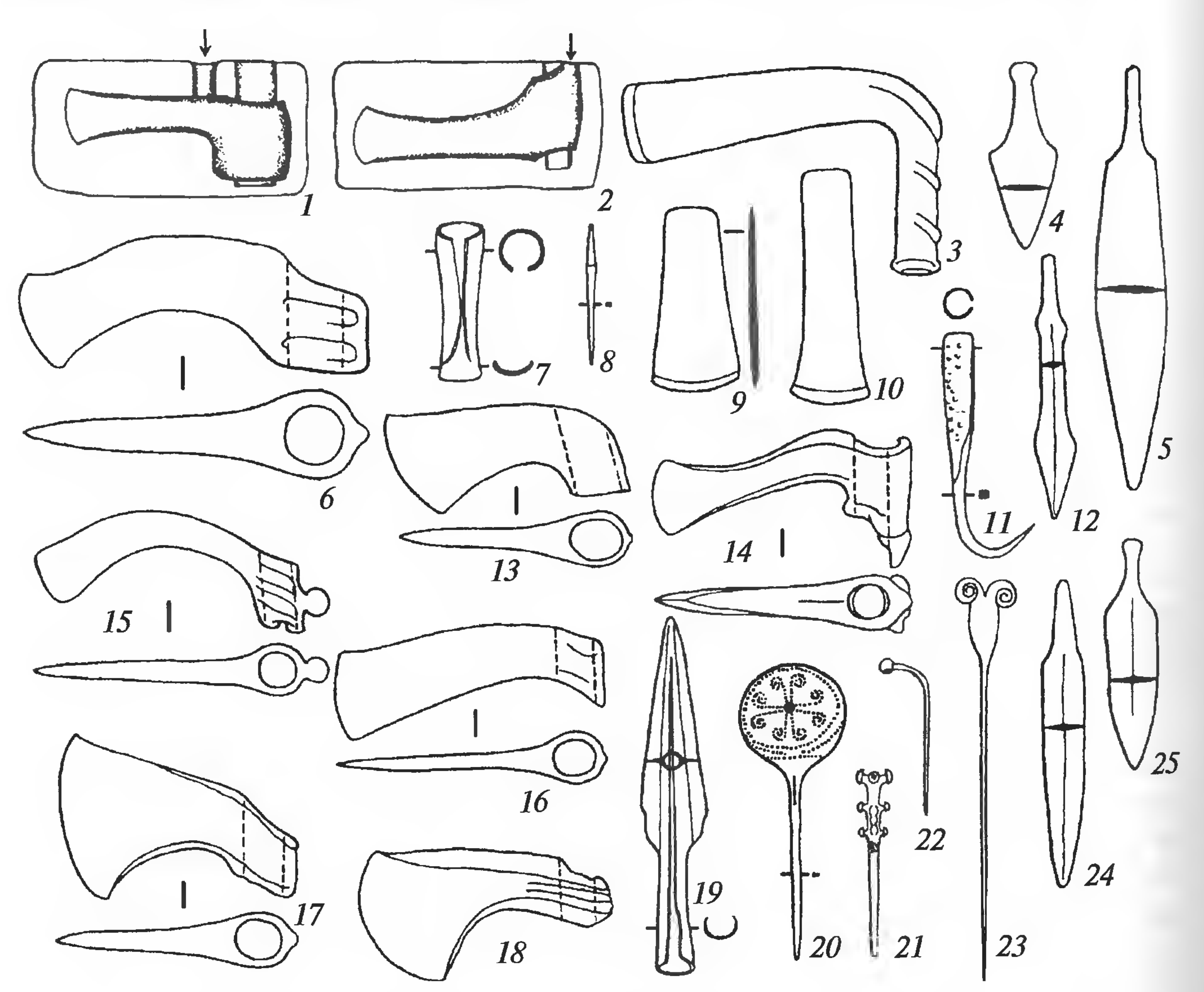
ных бронз. Последние, наряду с многокомпонентными сплавами на основе меди с добавками олова, мышьяка и сурьмы, получают распространение на Кавказе, отчасти в Малой Азии и Балкано-Карпатье, сосуществуя здесь с мышьяковыми бронзами. Медно-мышьяковые сплавы сохранили доминирующее положение в степной зоне Северного Причерноморья, а на Южном Урале, в Среднем и Нижнем Поволжье чрезвычайно живучими оказались изделия из чистой меди.

Внедрение в производство оловянных бронз явилось важным техническим достижением. Эти бронзы отличались прекрасными литейными свойствами в сочетании с высокой ковкостью. Они обладали явными преимуществами перед бронзами мышьяковыми, поскольку не меняли исходный

состав при нагреве и поэтому оказывались прочнее и тверже их. Кроме того, они не были токсичными, что и предопределило основную причину их популярности.

Другим важным событием второй фазы развития ЦМП стал скачкообразный рост масштабов горно-металлургического производства. Его продукция в сравнении с ранним бронзовым веком возрастает в среднем в 4–5 раз.

Эти перемены сопровождались существенными этнокультурными изменениями. В Северном Причерноморье исчезают памятники ямной общности, усатовской культуры. На их прежней территории формируется массив культур *катакомбной культурно-исторической общности*. В предгорьях Северного Кавказа на смену ярким майкопским памятникам приходят скромные могильники, оставленные населением *северокавказской общности*. В Карпатском бассейне также возникает целая группа новых культур. Однако, невзирая на культурную трансформацию, экономическое и социальное развитие в северной зоне ЦМП на протяжении среднего бронзового века продолжает традиции, наметившиеся в предшествующий период.

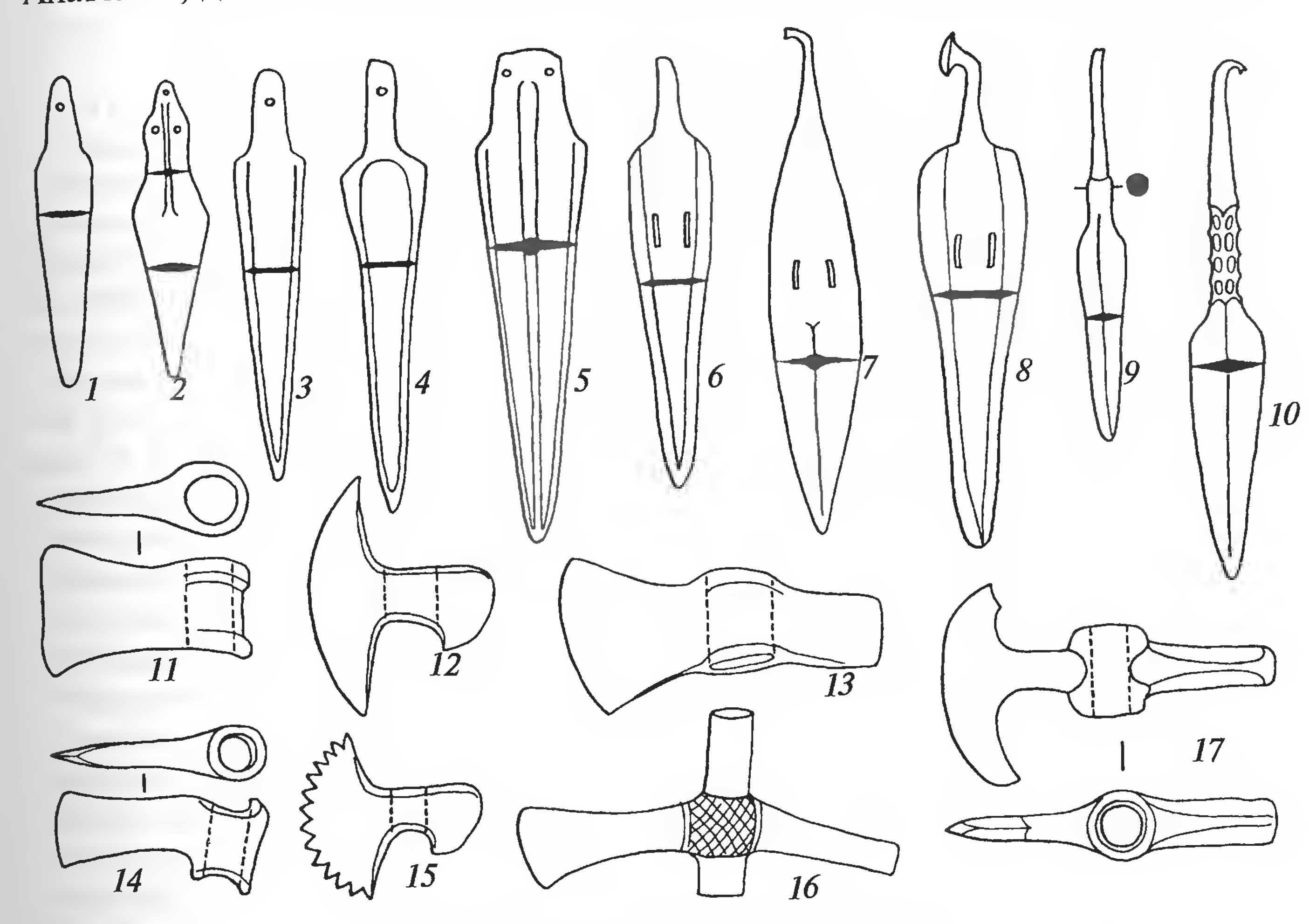
Диагностирующие формы изделий среднего бронзового века в пределах Циркумпонтийской металлургической провинции:

1, 2 — закрытые литейные формы для изготовления топоров; 3 — топор с длинной трубчатой втулкой; 4, 5, 12, 24, 25 — ножи-кинжалы двулезвийные; 6, 13–18 — топоры втульчатые; 7 — долото втульчатое; 8 — шило; 9, 10 — тесла; 11 — крюк; 19 — наконечник копья; 20–23 — украшения

Совсем иная картина наблюдается в южной зоне провинции. Здесь на смену культур с относительно нерасчлененной социальной структурой приходят культуры «социально ранжированные», демонстрирующие активно идущие процессы классообразования. Ярким свидетельством тому служат «царские» могилы Аладжа и Хороз-тепе в Центральной Анатолии, богатейшие клады, зарытые в момент гибели Трои II. Те же явления наблюдаются в Закавказье, где сооружаются огромные курганы типа Кировокана—Триалети, содержащие уникальные по богатству погребальные дары. Перестройка политических структур отчетливо прослеживается в среднеминойский период на Крите. Выражением огромной концентрации силы и богатства являются здесь монументальные дворцовые постройки Кносса, Маллии, Феста, поражающие богатством гробницы, храмовые сооружения. Как известно, дворцовый период Крита дал Европе первую цивилизацию бронзового века. Таким образом, в южной зоне ЦМП намечается крупный регион — Эгейский бассейн, Малая Азия, Закавказье, где социокультурные процессы приобрели, хотя бы в частичном выражении, сходную направленность.

Обратимся к Малой Азии. По-прежнему мощный металлургический очаг развивается на северо-западе Анатолии (в Троаде). По времени он охватывает период ***Трои II–III***. Поселение Троя II возникло после разрушения Трои I. Следы какой-то катастрофы и появления новой культуры (Трои II) зафиксированы по всему западному и юго-западному побережью Анатолии, даже в тех районах, где культура Трои I была неизвестна. Неяс-

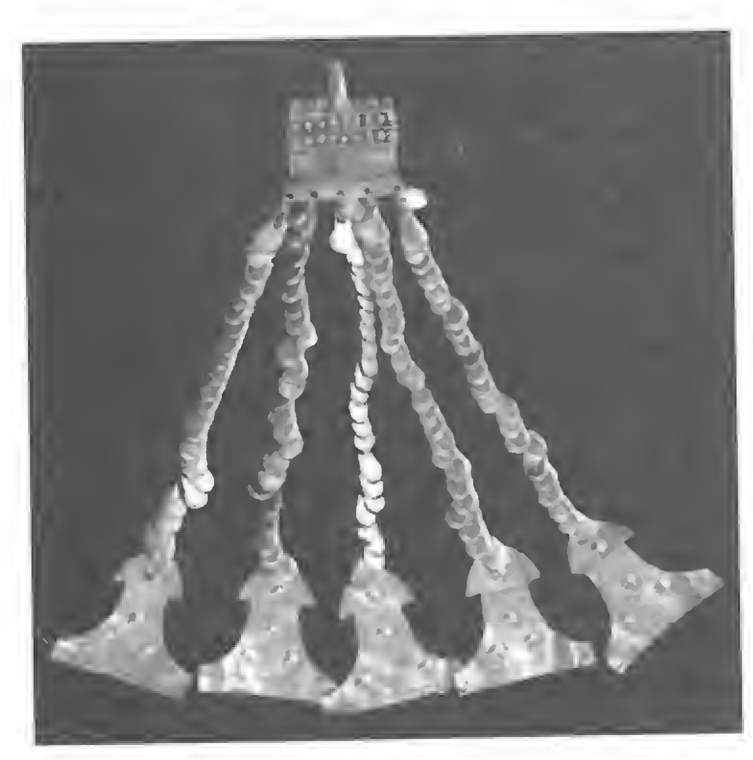
Бронзовое оружие времени Троя II–III:

1–5 — кинжалы; 6–10 — наконечники копий; 11, 13, 14, 16 — боевые топоры; 12, 15, 17 — секиры

на причина самой катастрофы — вызвана ли она военным нашествием племен, продвигавшихся с Балкан, или крупным землетрясением, охватившим все Восточное Средиземноморье. Как бы то ни было, новая культура мало связана с предшествующей.

Прежде всего, сама Троя II превращается в город, окруженный мощными каменными стенами, за которыми располагались как небольшие постройки, так и комплекс сооружений дворцового типа. Среди них — огромный мегарон длиной 35 м — вероятно, резиденция местного правителя и малые мегароны — возможно, храмовые комплексы. Некоторые исследователи полагают, что Троя II представляла собой царскую крепость в государстве, в состав которого входили, кроме Троады, Галлипольский полуостров и часть прибрежных островов Эгейского моря.

Блестящий расцвет бронзовой металлургии на западе Анатолии в период Трои II–III имеет множество доказательств. Появляются огромные серии бронзового оружия, орудий труда, украшений. Широко представлены кинжалы, боевые топоры, секиры, скипетры, копья с прорезями на пере, плоские тесла, ножи с дугообразноизогнутыми лезвиями. Впервые для их изготовления используются не только мышьяковые, но и оловянные бронзы. Серийное производство этих изделий в Трое II–III подтверждается находками множества литейных форм из глины и камня.

Троя II: золотая серьга-«корзиночка»

Высокого уровня достигло ювелирное искусство. В знаменитых 19 троянских кладах, найденных в конце XIX в. Г. Шлиманом, было обнаружено около 10 тысяч предметов, в основном золотых (сосуды, серьги, височные кольца, бусы, браслеты, булавки и пр.). Основная их часть связана с заключительным периодом существования Трои II. Керамика культуры Троя II–III частично изготовлена на гончарном круге и обычно покрыта красной облицовкой. Формы посуды разнообразны: антропоморфные «лицевые урны», кувшины, кубки с двумя петельчатыми ручками, миски с одной или двумя ручками, сосуды в виде животных и др.

Еще один очаг металлургии действовал в среднем бронзовом веке в *Центральной Анатолии*. Здесь обнаружены богатейшие «царские» погребения. Наибольшую известность получили захоронения в местечке Аладжа Хейюк около Богазкёя. Эти могилы имели вид огромных прямоугольных ям с крупными камнями по краям. Поверх ям шел накат из деревянных балок; на них лежали ряды бычьих голов и ног — остатки погребальных пиршеств. В каждой могиле найдены скульптурные изображения быков и

Керамика культуры Троя II–III:
1, 2 — «лицевые урны»; 3 — кувшин; 4, 7 — кубки; 5, 8 — миски; 6 — аскос; 9 — крышка

оленей, украшенные инкрустациями из золота и серебра. Они, по-видимому, помещались на концах деревянных штандартов, которые несли перед погребальными носилками. В каждом погребении находились и другие ритуальные предметы, в частности бронзовые ажурные «солнечные диски», украшенные по краям шумящими привесками в форме птиц и животных. К числу погребальных даров относятся два кинжала из метеоритного железа с позолоченными рукоятями, диадемы из листового золота с ажурными узорами, золотые фибулы различной формы, браслеты, тысячи золотых бусин, масса сосудов из бронзы, меди, золота и серебра.

Вооружение погребенных состояло из мечей, кинжалов, секир с зубчатым рабочим краем, наконечников копий. Близкие формы изделий известны и в других памятниках Центральной и Припонтийской Анатолии (Хороз-тепе, Махматлар). Многообразие и обилие открытых в них предметов из драгоценных металлов говорит о далеко зашедшем процессе имущественного и социального расслоения местного общества.

Сходные явления мы застаем и в Закавказье, где в среднем бронзовом веке развивалась ***триалетская культура***. В истории триалетской культуры намечаются два хронологических этапа: ранний, *беденский*, и поздний, *кировокано-триалетский*. Беденские памятники известны только в Южной

Грузии. Это курганы с крупными насыпями, иногда с каменными конструкциями. Они содержат захоронения на деревянных ложах, сопровождаемые посудой с чернолощеной поверхностью, изделиями из драгоценных металлов, повозками, жертвенными животными, человеческими жертвоприношениями (Бедени, Цноре, Ховле и др.). Чернолощеные сосуды с разными геометрическими узорами сходны с гончарными изделиями предшествующей куро-аракской культуры, по-видимому, сыгравшей решающую роль в формировании раннетриалетских комплексов. Металл беденского времени также перекликается с куро-аракским. Кроме традиционных для ЦМП форм изделий в беденских комплексах встречаются наконечники копий с гранеными черенками, типичные для куро-аракских древностей. Усложняется рецептура бронз. Кроме сплавов меди с мышьяком используются оловянные бронзы, а также многокомпонентные сплавы с добавками мышьяка, сурьмы и цинка. Очевидно, в это время начинается эксплуатация полиметаллических месторождений Малого Кавказа.

Единственное поселение беденского этапа — Бериклдееби близ Гори, где изучены остатки прямоугольных в основании жилищ, сложенных из камней. Вокруг них — керамика, предметы быта и культа.

Поздний этап, или период «цветущей поры» триалетской культуры, отмечен заметным расширением ее территории вплоть до Большого Кавказа на севере и правобережья Аракса, озер Ван и Урмия — на юге. Лучше всего исследованы погребения родовой знати. Они перекрыты огромными курганами с каменными насыпями. Под ними помещены глинобитные площадки, обширные могильные ямы или огромные погребальные залы со стенами, выложенными из камней и перекрытыми бревенчатым накатом. Умершего помещали в центре этих сооружений на деревянном ложе, иногда — на колеснице. Встречаются и трупоположение, и кремация. Вдоль краев или стен могил стояли роскошные чернолощеные или красные с черной росписью глиняные сосуды. Основу росписи составляли волнообразные линии («схема воды») и фигурки птиц. Среди погребального инвентаря — каменные стрелы, булавы, бронзовые котлы, серебряные и золотые украшения. Особую известность получили сосуды из драгоценных металлов. Так, в одном из курганов Триалети на юге Грузии обнаружены серебряное ведерко с чеканным изображением сцен охоты и золотой кубок, инкрустированный вставками из сердолика и бирюзы. Серебряный кубок из другого кургана украшен поясами чеканных рисунков: в верхнем показано шествие людей к божеству, сидящему на троне, в нижнем — вереница идущих оленей. Стиль изображений несомненно связан с хеттской традицией. Драгоценные сосуды и предметы типа триалетских известны сейчас во многих местах Закавказья — в Узунларе (Азербайджан), в местечке Карашамб и в Кироваკане (Армения) и др.

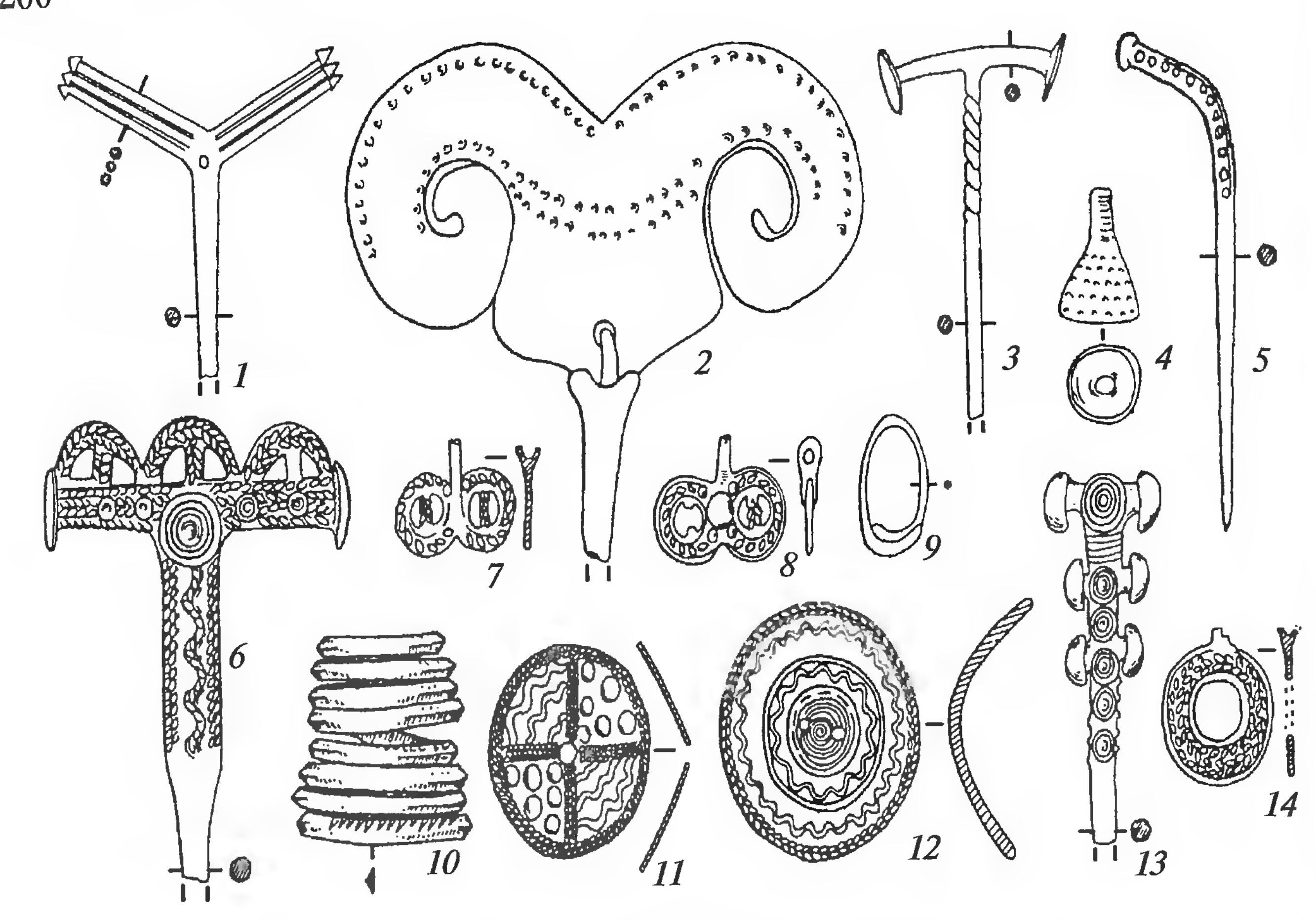
На позднем этапе триалетской культуры сохраняется целый ряд форм, обычных для второй фазы развития ЦМП: черенковые ножи, шилья с упором, двулезвийные кинжалы, втульчатые топоры, кованые наконечники копий. Продолжается использование сложных сплавов на медной основе: с мышьяком, оловом, а иногда и с сурьмой.

Вещи из курганов Триалети на юге Грузии:
1 — золотой кубок со вставками из сердолика и бирюзы; 2 — серебряный кубок с чеканными изображениями; 3 — глиняный сосуд с черной росписью по белому фону; 4 — серебряное ведерко

Закавказский (триалетский) металлургический очаг был тесно связан с *северокавказскими*, сменившими майкопский. Один из них функционировал в Прикубанье, другой — в бассейне Терека. Культурная принадлежность действовавших здесь мастерских до сих пор окончательно не определена. Яркой особенностью северокавказских очагов является их продукция, которая состояла не только из орудий труда и оружия, но и из великолепного набора украшений. Значительная часть из них отливалась по восковой модели из высоколегированных мышьяковых бронз (до 20—30% мышьяка).

Бронзовые украшения терского очага:
1–3, 5, 6, 13 — булавки; 4 — подвеска-колокольчик; 7, 8, 14 — медальоны; 9 — височное кольцо; 10 — браслет; 11, 12 — бляхи

Многообразием форм отличались серьги, височные кольца, браслеты, детали костюма (пронизки, кулоны, бляхи, булавки). Часто они покрыты рельефным шнуровым или геометрическим орнаментом.

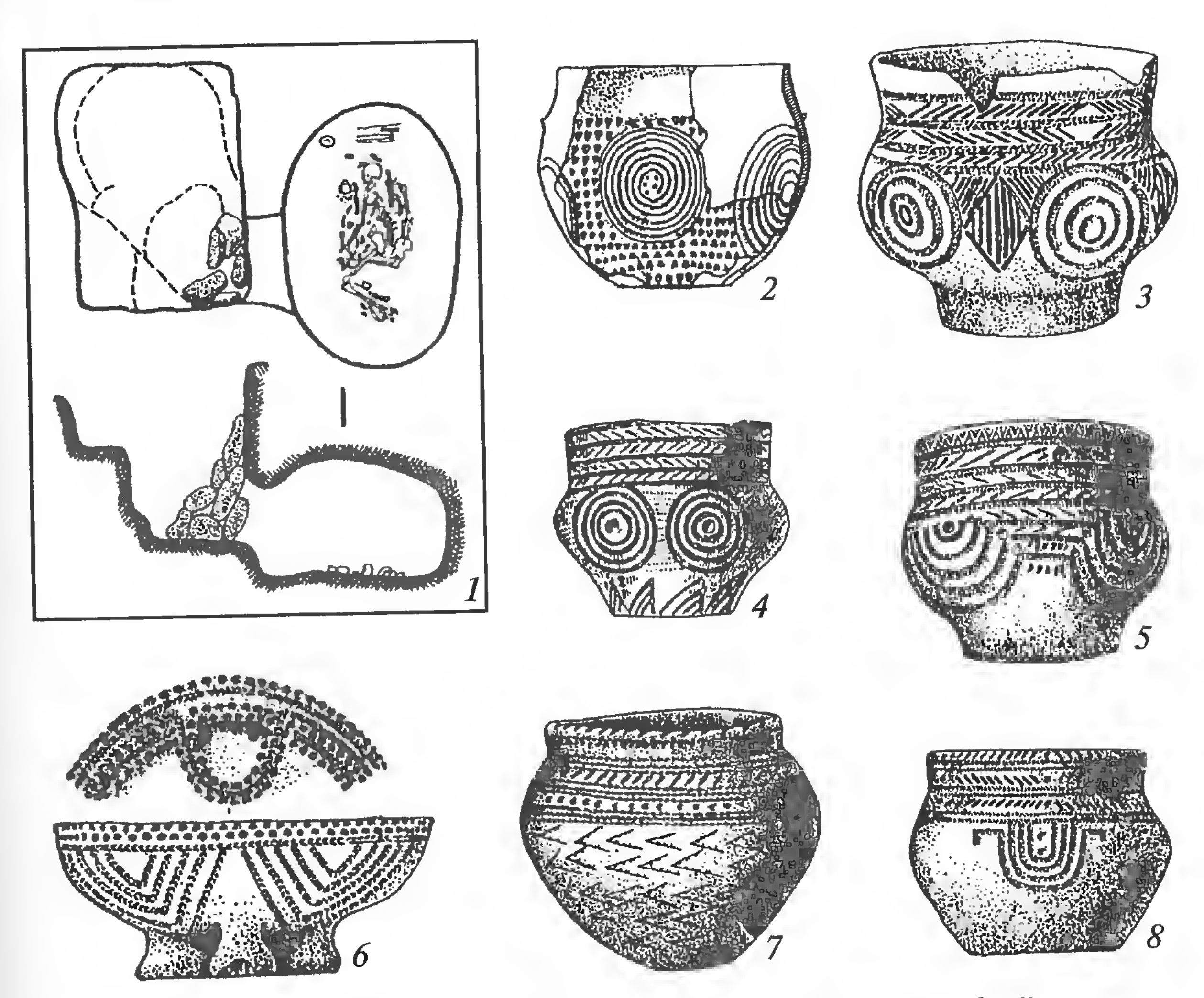
Под сильным кавказским влиянием развивалась металлообработка у населения Предкавказья и Северного Причерноморья, где в среднем бронзовом веке обитали катакомбные племена. Их памятники принято рассматривать в рамках ***катакомбной культурно-исторической общности***, датируемой последней третью III — первой третью II тыс. до н.э. В пределах общности выделяют более десяти самостоятельных катакомбных культур. Различия между ними проявляются прежде всего в керамике, в некоторых категориях погребальных вещей, а также в специфике погребального обряда. Но есть у них и общая черта — захоронения в катакомбах, сооружениях из двух камер — ямы и боковой ниши (дро́моса). Наряду с ними встречаются и иные формы погребальной практики, которые были унаследованы от предшествующего времени.

Основным источником по изучению катакомбной общности являются многочисленные курганные погребения. Ареал их на западе достигает Прута, на востоке простирается до Волги, на севере граница заходит в лесостепь, на юге охватывает все Предкавказье и Азово-Черноморскую степь. В отличие от погребений, поселения катакомбных племен крайне редки. В степной зоне это сезонные стоянки скотоводов у берегов крупных рек без следов жилых построек. В лесостепи на Среднем Дону, Северском Донце имеются стационарные поселки позднекатакомбного времени.

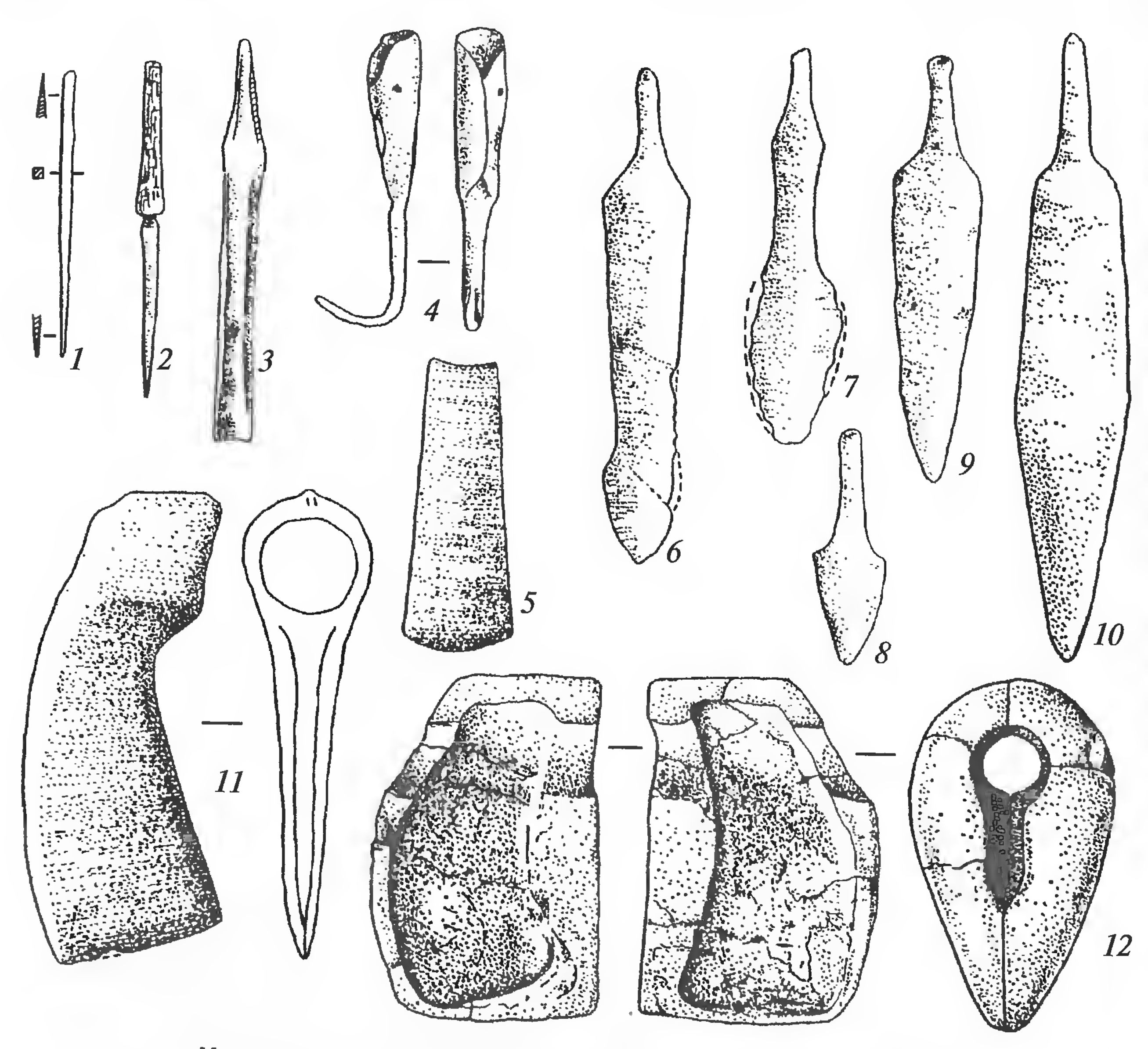

Центральное место в катакомбной общности занимает *донецкая катакомбная культура.* Ее памятники приурочены к бассейну среднего и нижнего течения Северского Донца, а также к правобережью Нижнего Дона. Большинство захоронений «впущено» здесь в курганы ямного времени. В катакомбу умершего обычно помещали в скорченном положении на правом боку лицом ко входу, посыпали красной охрой, а вход в дромос закрывали плитами, камнями, деревом или дерном. Погребенного сопровождал разнообразный инвентарь. Наиболее многочисленна керамика. Это круглобокие горшки с прямой шейкой и кубки, украшенные отпечатками шнура и гребенчатого штампа, образующими круги, сложные спирали, полукруглые фестоны, горизонтальные полосы, «елочку» и пр. Изредка встречаются курильницы — небольшие чаши с внутренней перегородкой на крестовидной ножке-подставке. Они могли использоваться для сожжения благовоний.

В могилах находят также изделия из кремня и камня: скребки, наконечники копий и стрел, навершия булав, топоры-молотки, песты, терочники. Но особенно много в них металла — орудий и украшений, которые до деталей копируют кавказские образцы (желобчатые долота, кинжалы, крюки с раскованными втулками, медальоны, подвески, бусы). Тесная связь с Кавказом подтверждается и использованием привозных мышьяковых бронз. При этом не вызывает сомнений самобытность местного очага

Погребальные сооружения (1) и сосуды (2–8) донецкой катакомбной культуры

Изделия из погребений донецкой катакомбной культуры:
1, 2 — шилья; 3 — долото с упором; 4 — крюк; 5 — тесло; 6–10 — ножи-кинжалы; 11 — втульчатый топор; 12 — форма для отливки топора

металлообработки. Она проявляется в специфической форме донецких втульчатых топоров с укороченным клином (колонтаевский тип), в наличии серии погребений кузнецов и литейщиков (Пришиб, Краматорск и др.).

В пределах катакомбной общности функционировал еще один очаг металлообработки — манычский. Он связан с *манычской (предкавказской) культурой*, распространенной в Калмыкии, Ставропольском крае и части Ростовской области. Здесь известны своеобразные формы ножей, открыто и погребение литейщика (хутор Веселая Роща).

Модели хозяйства катакомбных племен определялись экосистемами степной и лесостепной зон. В степи укоренилась модель подвижного скотоводства кочевого типа, основанного на разведении крупного и мелкого рогатого скота. По сравнению с ямным временем используются не только пойменные, приречные, но и водораздельные пастбища. В лесостепи распространилась модель пастушеского, придомного скотоводства с преобладанием в стаде крупного рогатого скота и свиней. Часть населения перешла к оседлому образу жизни. Земледелие если и было, то имело в системе местного жизнеобеспечения подсобное значение.

Вопрос о происхождении катакомбной общности все еще остается дискуссионным. Обсуждаются автохтонная и миграционная теории ее возникновения. Наиболее обоснованной является точка зрения, согласно которой катакомбное население восходит генетически к ямному, испытавшему сильное миграционное воздействие популяций Предкавказья.

К северу от зоны распространения катакомбных племен в среднем бронзовом веке складывается ***фатьяновско-балановская культурно-историческая общность***. Ее ареал связан с зоной широколиственных лесов Европейской России от Десны на западе до Камы и Вятки на востоке. Здесь выделяется несколько крупных локальных групп памятников. Одна из них — средневолжская — отождествлялась ранее с особой балановской культурой, родственной фатьяновской. Однако в настоящее время становится ясным, что различия фатьяновских и балановских памятников не выходят за рамки своеобразия локальных вариантов единой культурно-исторической общности.

Фатьяновско-балановские памятники обычно включают в пределы огромной области так называемых *культур шнуровой керамики*. Она охватывала Центральную и часть Северной Европы и лесную полосу Восточной Европы. Многочисленные параллели указывают, что основные связи фатьяновского населения уходят в западные и юго-западные районы этой области, в Южную Прибалтику, Поднепровье, Карпаты. По всей видимости, на рубеже III и II тыс. до н.э. именно отсюда начинают двигаться в восточном направлении значительные группы населения, составившие основу фатьяновско-балановской общности. Проникая в среднерусские леса, они занимают территорию обитавших здесь ранее поздневолосовских постнеолитических племен. На волосовских поселениях Волго-Окского междуречья иногда обнаруживают тонкий культурный слой, который связывают с пребыванием на них фатьяновцев. Однако в ареале балановской группы известны и стационарные городища и селища, на которых вскрыты остатки жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений.

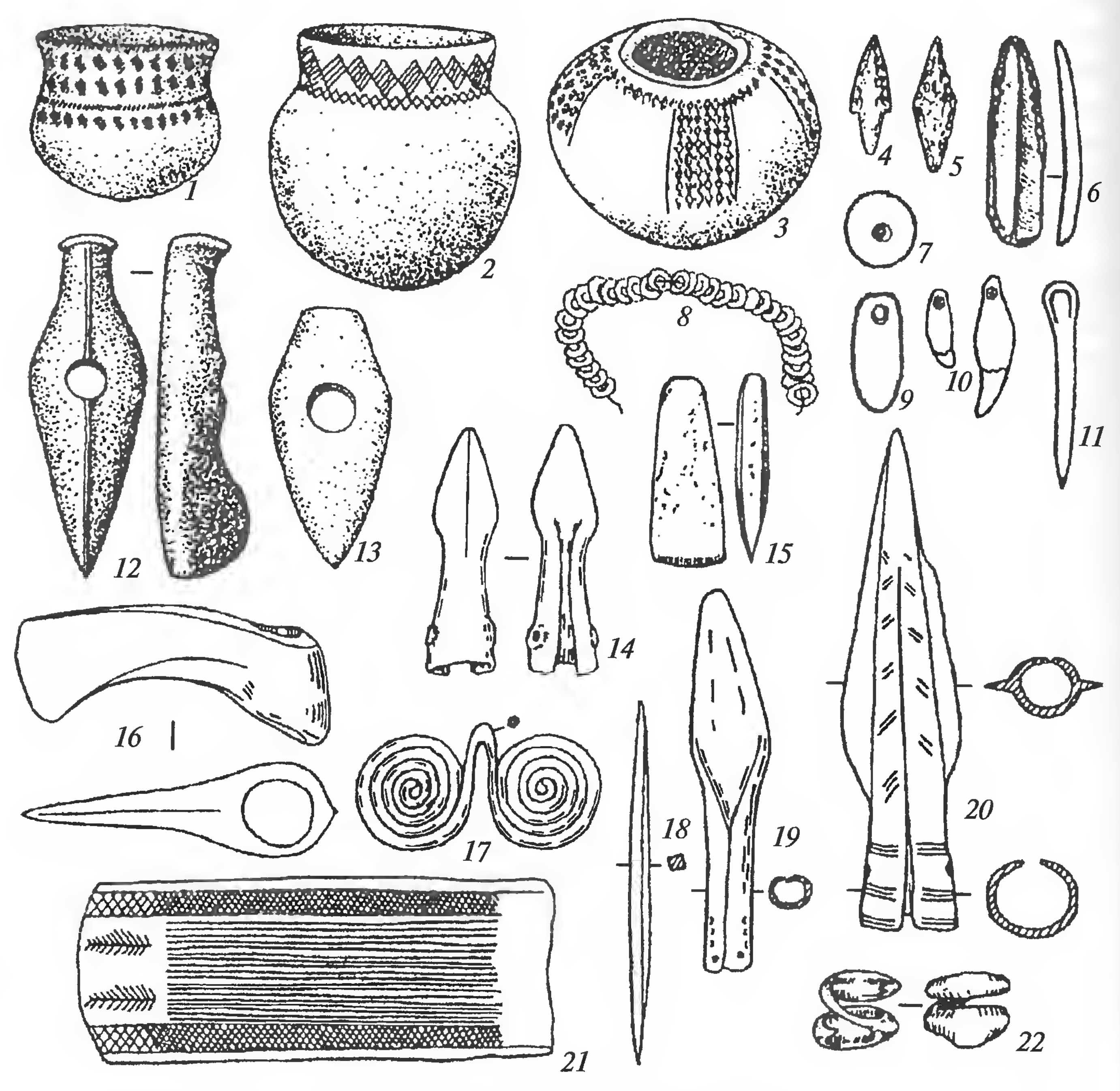
Некрополи в ареале этой общности, как правило, бескурганные, грунтовые. Подкурганные спорадически встречаются лишь в восточных районах, в Среднем Поволжье (Атликасы, Чурачики и др.), где связываются с особой *атликасинской группой* памятников.

Могильники неравноценны по числу погребений: наряду с небольшими известны очень крупные. К примеру, больше ста погребений насчитывается в Волосово-Даниловском и Балановском грунтовых кладбищах на Верхней и Средней Волге.

Захоронения в грунтовых некрополях, одиночные или парные, совершались в глубоких и крупных по размерам прямоугольных ямах, стены которых обкладывались деревом, а дно выстилалось досками, берестой. Погребенных посыпали белой известью, мелом или охрой. Их клали скорченно на боку: мужчин — на правом, женщин — на левом. В курганах атликасинской группы известны коллективные захоронения.

Мужские погребения (реже женские и детские) сопровождались каменными сверлеными топорами разнообразной формы (некоторые в профиль напоминают ладью), клиновидными кремневыми теслами, ножами, наконечниками стрел и дротиков, костяными остриями, подвесками из янтаря и речных раковин, амулетами из клыков медведя и кабана.

Фатьяновская и балановская посуда отличалась, как правило, шаровидным или реповидным туловом, а атликасинская — бомбовидным, с высоким цилиндрическим горлом. Керамика обеих групп украшалась геометрическими зональными узорами из ромбов, треугольников, зигзагов,

Инвентарь фатьяновских могильников:
1–3 — сосуды; 4, 5 — кремневые наконечники стрел; 6 — кремневый нож; 7, 9 — янтарные привески; 8 — ожерелье из костяных бусин; 10 — амулеты из клыков кабана; 11 — костяная проколка; 12, 13 — каменные топоры; 14, 19, 20 — медные наконечники копий; 15 — каменный клиновидный топор; 16 — медный втульчатый топор; 17 — медная подвеска; 18 — медное шило; 21 — манжетовидный браслет; 22 — медное височное кольцо

выполненных зубчатым или гладким штампом, резными или прочерченными линиями.

Материалы поселений (Кубашевское, Васильсурское и др.) свидетельствуют о том, что в системе жизнеобеспечения ведущую роль играло придомное скотоводство. В стаде доминировали крупный рогатый скот и свиньи — основные источники мясо-молочной пищи. Скотоводство дополнялось охотой, рыболовством и собирательством.

Фатьяновцы и балановцы были первыми металлургами центральной и северо-восточной части Восточной Европы. Под их влиянием металл и металлообработка появились у местных постнеолитических племен. Горно-металлургическое производство активно развивалось только на востоке фатьяновско-балановского мира — в Нижнем Прикамье и Вятско-Камском междуречье. Именно здесь сосредоточены выходы медистых песчаников, плавка которых давала чистую медь. Отсюда она шла в западные районы общности. Продукция фатьяновско-балановского очага представлена втульчатыми топорами, коваными наконечниками копий, шильями, разнообразными украшениями (очковидные, проволочные и пластинчатые подвески, манжетовидные браслеты и др.). Технология отливки топоров соответствует стандартам ЦМП. Об этом свидетельствуют двустворчатые литейные формы из глины, обнаруженные в Волосово-Даниловском и Чурачинском могильниках.

Финал фатьяновско-балановского очага, видимо, совпал с распадом ЦМП, которая завершает свою историю в первой трети II тыс. до н.э. В это время складываются новые металлургические провинции, связанные уже с поздним бронзовым веком.

Глава 6

ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА ВНЕ ПРЕДЕЛОВ ЦИРКУМПОНТИЙСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ

В эпохи раннего и среднего бронзового веков производство медных и бронзовых изделий существовало и в других областях Евразии. Оно связано с деятельностью нескольких очагов металлургии и металлообработки, возникших как самостоятельно, так и под влиянием центров Циркумпонтийской провинции, особенно ее северо-восточной и восточной периферии. Производство этих очагов по своим масштабам, ассортименту изделий и уровню технологии заметно уступало циркумпонтийскому и не входило в его систему. Связанные с ними культуры образуют своеобразный ареал постепенно расширяющегося мира металлоносных культур. Одни из этих культур принадлежали **охотникам и рыболовам** лесных и лесостепных районов Евразии, другие — **скотоводам** Саяно-Алтайского нагорья, третьи — **земледельцам** и **скотоводам** юга Средней Азии. В таком порядке мы их и рассмотрим.

Памятники с остатками металлообработки:
- культур лесной зоны Восточной Европы (волосовская, новоильинская, гаринская и др.)
- культур горно-лесного Урала, азиатской лесостепи и степи (аятская, липчинская, суртандинская, ботайская) и др.
- культур ромбо-ямочной, асбестовой и пористой керамики Карелии и Фенноскандии
- находки медных втульчатых топоров циркумпонтийских типов

Афанасьевская культура

Зона ранних земледельцев

Карталы

ЦМП-СБВ

ЦМП-РБВ/СБВ

Металлоносные культуры Северной Евразии вне пределов ЦМП

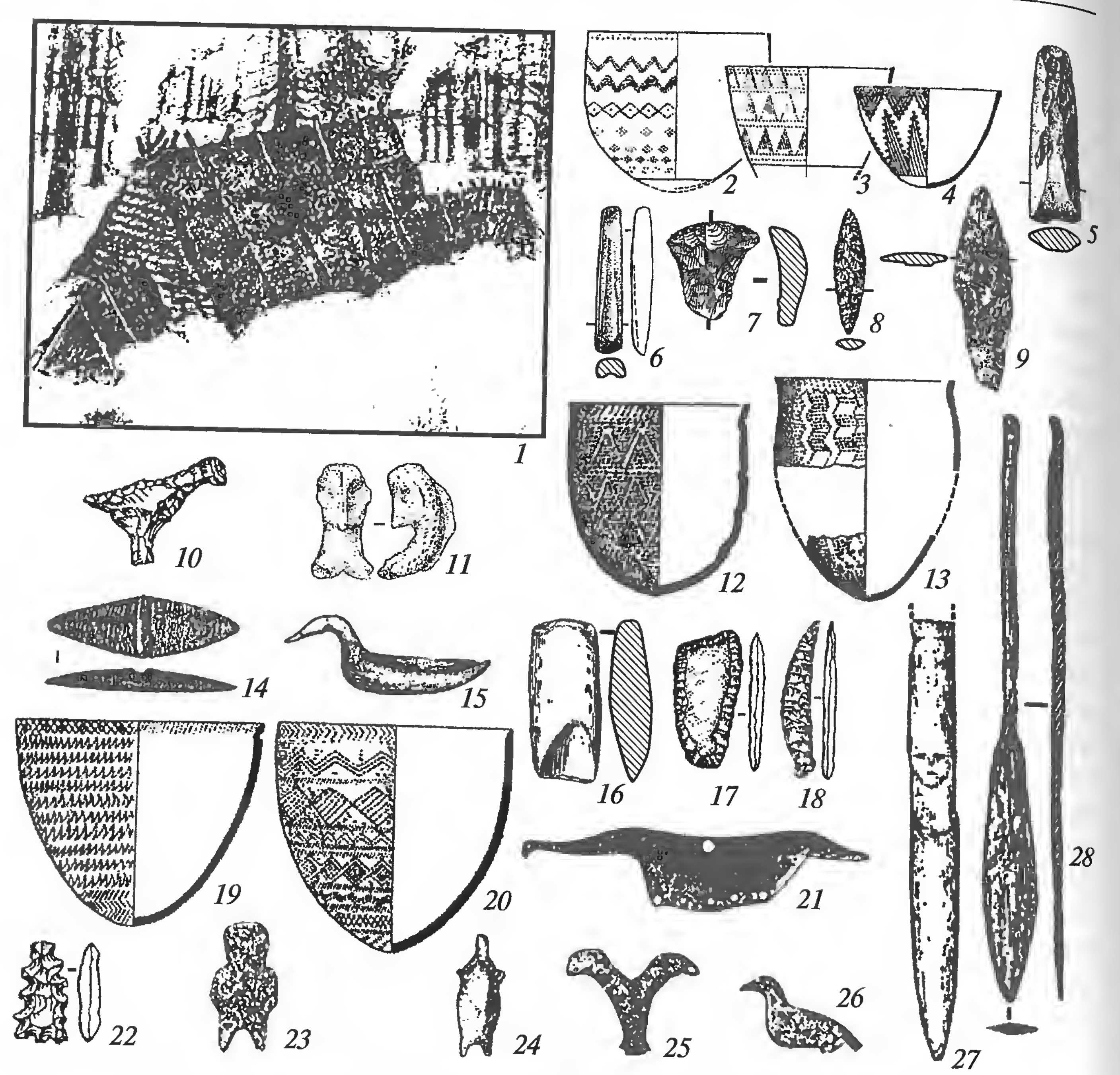
6.1. КУЛЬТУРЫ ОХОТНИКОВ И РЫБОЛОВОВ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

От Карелии и северных районов Фенноскандии вплоть до Ишима и Иртыша протянулась цепь культур, которые археологи относят к числу ***постнеолитических***, ***палеометаллических*** или ***энеолитических***. Данные культуры по своему экономическому укладу принадлежали к обществам, прежде всего, оседлых лесных, лесостепных и отчасти степных **рыболовов** и **охотников**. Предполагается, что в некоторых степных культурах (например, в *терсекской* и *ботайской* в Урало-Иртышском регионе) сложился многоотраслевой хозяйственно-культурный тип с доминантой коневодства, однако надежных палеозоологических и археологических данных о доместикации лошади в эту эпоху нет.

Становища и долговременные поселки лесных и степных охотников и рыболовов разбросаны в основном по берегам крупных и небольших рек и озер. Редкие для этих культур (*волосовская*, *ботайская*) грунтовые погребения совершены на площади поселений. Повсеместно сооружаются землянночные и полуземляночные жилища, на севере изучены, кроме того, следы наземных построек типа чума. Это были как изолированные, так и многокамерные сооружения, состоящие из построек, соединенных друг с другом крытыми переходами, с одним или двумя входами, очагами и хозяйственными ямами. При сооружении каркаса, крыши жилищ и утеплении стен наряду с деревом использовался подручный материал — камни, камыш, береста, шкуры животных, дерн. В азиатской степи появляется глинобитная технология строительства жилищ, заимствованная у южных соседей. Орудия труда и оружие в основном делались из различных пород кремня. В памятниках Карелии немало также изделий из сланца, горно-лесного Урала — из яшмы и кварцита, степного Казахстана — из яшмо-кварцитовых пород. В торфяниках лесной полосы Восточной Европы и Урала (Сахтыш, Шигирский, Горбуновский) и в степных памятниках Казахстана (Кожай 1, Ботай) сохранились костяные и деревянные предметы, связанные с *волосовской, аятской, липчинской, ботайской* и другими культурами.

Керамика этих культур близка по своим формам — это полуяйцевидные сосуды с приостренным и округлым дном, мало отличимые от неолитических. На поздних этапах появляются банки и горшки с уплощенным и плоским дном. Добавки к глине в основном минерального или органического происхождения (асбест, тальк, песок, толченая раковина, пух, растительная труха и др.). Традиции изготовления глиняного теста и особенно нанесения орнамента специфичны в каждом регионе. В немалой степени благодаря этому удается выявить своеобразие керамики той или иной культуры и степень их сходства и различия.

В постнеолитических культурах, в отличие от неолитических, умели добывать и обрабатывать медь. Только это объединяет их с обществами ранних земледельцев и скотоводов южных районов Евразии, которые традиционно относят к энеолиту. Укоренение металлообработки в постнеолитических культурах Северной Евразии было длительным процессом. Не случайно

Инвентарь постнеолитических культур охотников и рыболовов:
1–11 — культуры ромбоямочной, асбестовой и пористой керамики (*Карелия*); 12–15, 27, 28 — липчинская культура (*Урал*); 16–20, 22 — гаринская культура (*Приуралье*); 21, 23–26 — волосовская культура (*Среднее Поволжье* и *Волго-Окское междуречье*)
1 — реконструкция жилища-полуземлянки; 2–4, 12, 13, 19, 20 — керамика; 5, 16 — топоры; 6 — желобчатое долото; 7 — скребок; 8, 9 — наконечники стрелы и дротика; 10, 11, 21–26 — фигурки; 14 — «утюжок»; 15 — ковш; 17, 18 — ножи; 27 — обломок предмета с личиной; 28 — весло (*5–10, 16–18, 22 — камень; 11 — глина; 15, 28 — дерево; 21, 23–26 — кость*)

радиоуглеродная хронология этих культур является столь протяженной (от конца IV до начала II тыс. до н.э.). Их развитие протекало в основном параллельно с общностями раннего и среднего бронзового веков Циркумпонтийской провинции (*ямная, катакомбная, фатьяновско-балановская* и др.). В лесостепи и на юге лесной полосы Восточной Европы ареалы этих культурных образований смыкались, образуя широкую контактную зону. Постепенное взаимодействие пришлых и местных групп населения привело к тому, что охотники и рыболовы юга лесной полосы, сохранив традиционный уклад экономики, освоили относительно несложные приемы металлургии и металлообработки меди.

В Северной Евразии выделяются ***три зоны постнеолитических культур***, в которых технология и основные формы металлопроизводства развивались своим особым путем. ***Первая*** из них локализуется в Карелии и на севере Фенноскандии и связана с культурами ромбоямочной, асбестовой и пористой керамики.

Культура ромбоямочной керамики, названная так по основным элементам орнамента, относится исследователями еще к позднему неолиту или переходному этапу от неолита к энеолиту. Стоянки с находками медных предметов концентрируются в ее ареале у северо-западного побережья Онежского озера (Пегрема 1, Оровнаволок). В этом же районе располагаются выходы самородной меди. На прилегающих к Заонежью территориях, где нет месторождений самородной меди, медные изделия отсутствуют на синхронных стоянках с той же ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамикой. Мастера неолитической эпохи воспринимали медь, по всей видимости, как разновидность камня, имеющего особый красный цвет и особое свойство — ковкость. Примечательно, что более сотни поделок, найденных на стоянках культуры ромбоямочной керамики, все без исключения изготовлены с помощью свободной холодной ковки — приема, явно заимствованного от техники изготовления каменных орудий.

Памятники с *асбестовой* и *пористой керамикой* (Войнаволок 27, Челмужская Коса 21) названы в первом случае по ведущей примеси к глиняному тесту сосудов, во втором — исходя из пористой структуры стенок сосудов, в которых выгорели органические примеси. В этих культурах, которые относятся уже к эпохе раннего металла, выявлены более совершенные способы обработки самородной меди — плавление (в глиняных тиглях), литье, термическая обработка холоднокованых слитков, горячая ковка. Ареал металлоносных памятников с асбестовой и пористой керамикой существенно шире, чем только Заонежье, хотя самих медных изделий в них в два раза меньше, чем на стоянках с ромбоямочной керамикой.

В развитии металлообработки постнеолитических культур Карелии наблюдается явная преемственность. В качестве сырья используется только самородная медь. На протяжении более тысячи лет изготавливаются самые простые предметы — проколки, ножи, пластины, кольца, крючки. Ни технология, ни формы изделий не дают очевидных свидетельств каких-либо внешних влияний при возникновении *карельского очага металлообработки*. Вероятно, мы имеем дело с редким и бесспорным случаем спонтанного зарождения металлургии в среде населения, по сути, еще каменного века. В этой связи не случайна и судьба ранней карельской металлообработки. Отрыв от южных производственных центров того времени привел к долгому и вялому развитию технологии обработки самородной меди. Традиция эта прервалась только в позднем бронзовом веке, когда в Карелии появилось пришлое население *культуры текстильной керамики* с высокоразвитым бронзолитейным производством.

Вторая зона постнеолитических металлоносных культур связана с обширными лесными и лесостепными пространствами Восточной Европы. От верховий Волги на западе до предгорий Урала на востоке, от Самарской Луки на юге до бассейнов Вычегды и Печоры на севере разбросаны памятники *волосовской* (Уржумка, Панфилово, Ховрино), *шагарской* (Шагара 1), *новоильинской* (Ново-Ильинское 3, Гагарское 3), *юртикской* (Усть-Лудяна 2, Худяковское 1), *гаринской* (Русско-Азибейское 3, Старушка 1) и других культур (названы так по первым исследованным памятникам). Все они близки по многим проявлениям материальной и духовной культуры. Не случайно волосовские, юртикские и гаринские памятники объединяют в единую культурно-историческую общность, с которой исследователи связывают истоки формирования последующих *культур финно-угорского мира*.

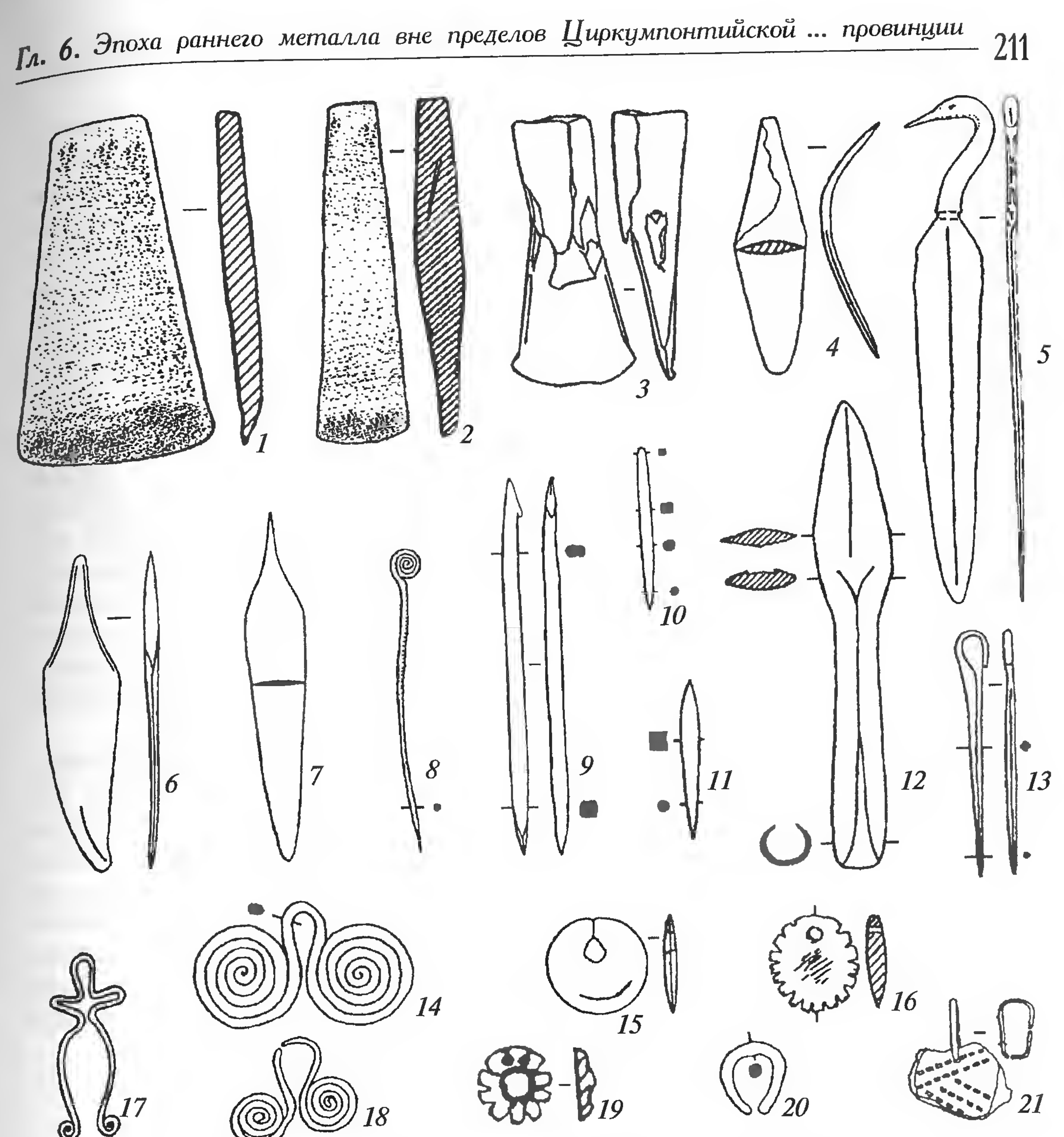
Основная масса медных вещей происходит из Волго-Камья. В Среднем и Верхнем Поволжье и в Окском бассейне действовали *волосовский металлообрабатывающий*, а в Прикамье — *гаринский металлургический очаги*, которые были явно доминирующими в лесной полосе и в северной лесостепи Восточной Европы. Продукция этих очагов представлена как заимствованными образцами (кованые наконечники копий, кельт-тесло[1], массивные и плоские долота и тесла, стержневидные стамески и пробойники, очковидные подвески, бляшки-розетки, булавки со спиралевидной головкой и др.), так и оригинальными изделиями (кинжал с рукоятью в виде головы лебедя, гарпуны, ножи с игловидным черенком, подвески-лунницы и др.). В отличие от карельского очага, волосовский и гаринский сформировались под воздействием производящих центров Циркумпонтийской провинции — ямно-полтавкинских и особенно фатьяновско-балановских. Волосовская и гаринская металлообработка в финале своего развития испытала также влияние абашевской металлургии.

Орудия труда, оружие и украшения составляют лишь малую часть металлических находок в культурах этой зоны. Преобладают отходы плавки и литья меди — капли, сплески, потеки и слитки. Они сосредоточены главным образом в жилищах — в очагах и на производственных площадках близ очагов. Здесь же найдены каменные наковальни, обломки и развалы глиняных тиглей, каменные и глиняные литейные формы открытого типа. Последние предназначались для отливки массивных заготовок для последующей кузнечной формовки долот и тесел.

Для металлообработки культур лесной и лесостепной полосы Восточной Европы — помимо несложных приемов технологии и форм изделий — характерно использование «чистой» меди. Рудными источниками этой меди являлись медистые песчаники Приуралья, имевшие многочисленные поверхностные выходы в Прикамье. Только здесь, на поселениях *новоильинской* и *гаринской культур*, выявлены следы металлургического передела, т.е. выплавки меди из руды. Гаринский очаг, вероятно, снабжал медью

[1] Кельт в современном значении — разновидность топоров бронзового века Евразии со втулкой, расположенной перпендикулярно лезвию. Эти орудия были первоначально коваными, а в позднем бронзовом и раннем железном веках — литыми.

Медные изделия постнеолитических культур Волго-Камья:
1 — тесло; 2 — заготовка тесла или долота; 3 — кельт-тесло; 4, 6, 7 — ножи; 5 — кинжал; 8 — булавка; 9 — гарпун; 10, 11, 13 — шилья, проколка; 12 — наконечник копья; 14–16, 18 — подвески; 17 — фигурка; 19 — бляшка; 20 — кольцо; 21 — скоба на керамике

юртикские, волосовские и другие центры металлообработки, расположенные в безрудных районах Восточной Европы.

Третья зона постнеолитических металлоносных культур охватывает горно-лесной Урал, таежное и лесостепное Зауралье и степные пространства Тоболо-Иртышского междуречья. Здесь выявлены памятники *аятской* (Аятское 2, Палатки 2), *липчинской* (Береговая 3, Разбойничий Остров), *суртандинской* (Карабалыкты 9, Суртанды 8), *ботайской* (Ботай), *терсекской* (Кожай 1) и других культур (названия связаны с населенными пунктами или озерами). Их яркой чертой является керамика, орнаментированная отпечатками гребенчатого штампа в виде разнообразных геометрических фигур.

Исследователи даже объединяют указанные культуры в единую культурно-историческую общность, генетически связанную с местным неолитом.

Памятники данного блока объединяет и то, что найденные в них металлические изделия откованы из «чистой» меди, но уже не приуральской, а выплавленной из окисленных руд коренных месторождений Зауралья. О металлургической деятельности культур этой области можно судить только по косвенным данным (химический состав металла). Прямые свидетельства выплавки меди на поселениях отсутствуют. Остатки металлообработки и сами медные вещи здесь немногочисленны. Набор изделий заметно беднее, чем в гаринском и волосовском очагах. Среди них — ножи, шилья, проколки, скобы, кольца, пронизки, т.е. самые простые вещи. В целом уровень металлопроизводства культур этой зоны является более примитивным, нежели волго-камских. Металлообработка зауральских постнеолитических культур развивалась, по всей видимости, в изоляции от восточных очагов Циркумпонтийской провинции (ямная культура). Активные контакты и взаимодействие культур Прикамья и Зауралья дают основание предполагать, что ранняя металлургия и металлообработка горно-лесного Урала и прилегающих областей Западной Сибири и Казахстана сформировалась под изначальным воздействием производящих центров Камского региона — новоильинских и гаринских.

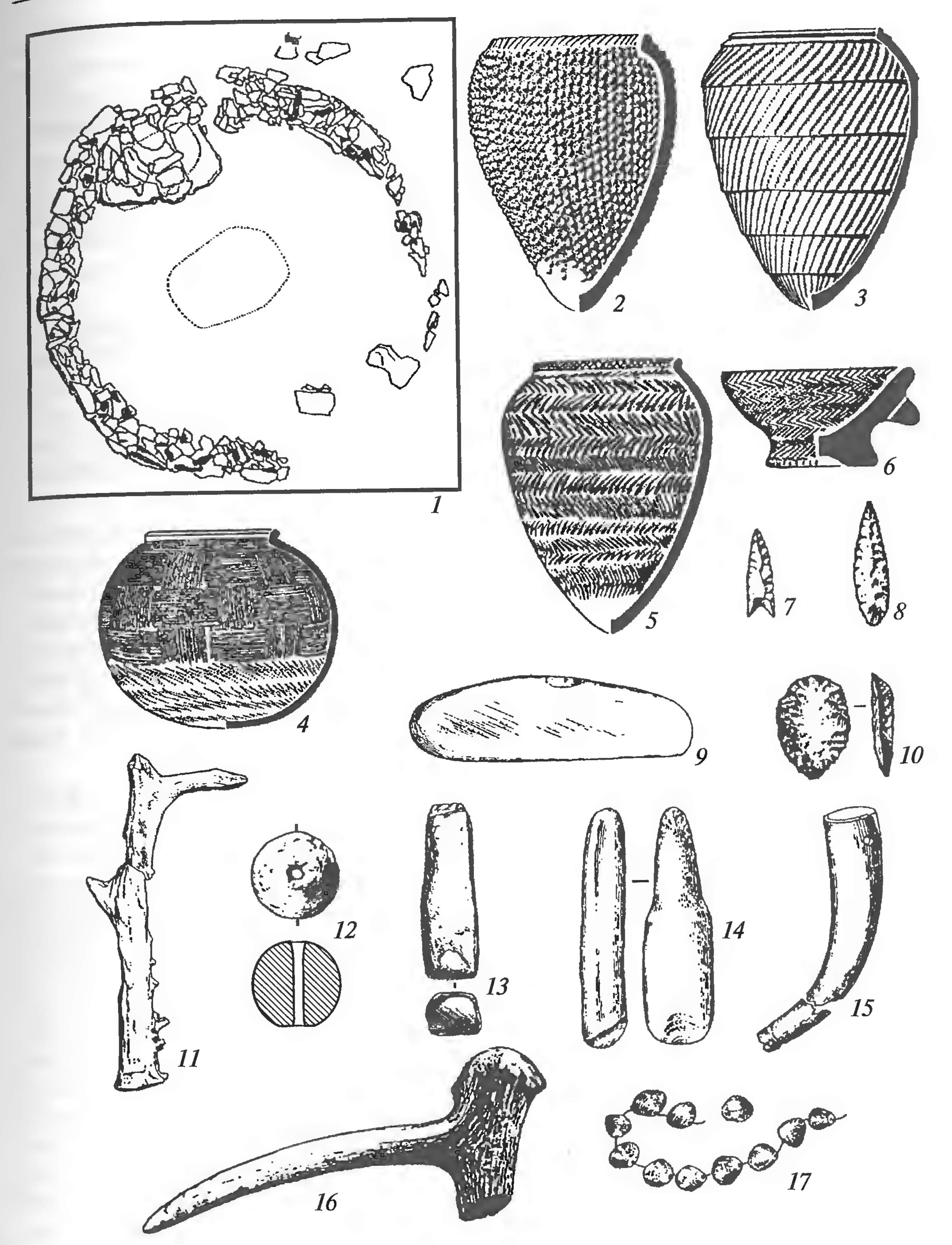
Металлопроизводство культур всех трех зон развивалось в неолитических, по сути, обществах с присваивающей экономикой. Население лесной полосы севера Европы и азиатских степных пространств еще не испытывало потребности в широком использовании медных орудий, производило их в ограниченных масштабах и сугубо для внутреннего потребления, сохраняло примитивный уровень технологии металлообработки. Даже в Волго-Камье, где наблюдается прямое взаимодействие пришлых групп скотоводов и металлургов с аборигенными племенами и прослеживается влияние высокоразвитой металлургии Циркумпонтийской провинции, производство волосовского и гаринского очагов носит зачаточный характер.

6.2. АФАНАСЬЕВСКАЯ КУЛЬТУРА САЯНО-АЛТАЯ

Вне пределов Циркумпонтийской провинции развивалось также металлопроизводство *афанасьевской культуры*. Традиционно эта культура датируется III — началом II тыс. до н.э. Она представлена главным образом курганными могильниками в предгорьях и в высокогорных долинах Алтайской горной страны (Ело 1–2, Бике 1, Пещеркин Лог и др.) и в степях Минусинской котловины (один из них, в верховьях Енисея, у Афанасьевской горы, и дал название культуре). К числу памятников этой культуры отнесены в настоящее время также несколько высокогорных поселений открытого типа на Алтае и в Туве (Кара-Тенеш, Усть-Куюм, Тоора-Даш), пещерные становища (Денисова, Каминная), святилища (Кара-Коба, Кучерла 1) и медные рудники в Горном Алтае (Владимировка).

Афанасьевские кладбища невелики. Погребальные сооружения — это первоначально кольца из камня и плит, сверху перекрытые бревнами или плитами. Внутреннее пространство имело каменно-земляную засыпь

Афанасьевская культура:
1 — план ограды и могильных ям; 2–5 — керамика; 6 — курильница; 7, 8 — каменные наконечники стрел; 9 — курант; 10 — скребок; 11 — орудие из рога косули; 12 — мраморный шар; 13 — каменный пест; 14 — колотушка; 15, 16 — рожок и рукоятка топора из рога марала; 17 — бусы из раковин

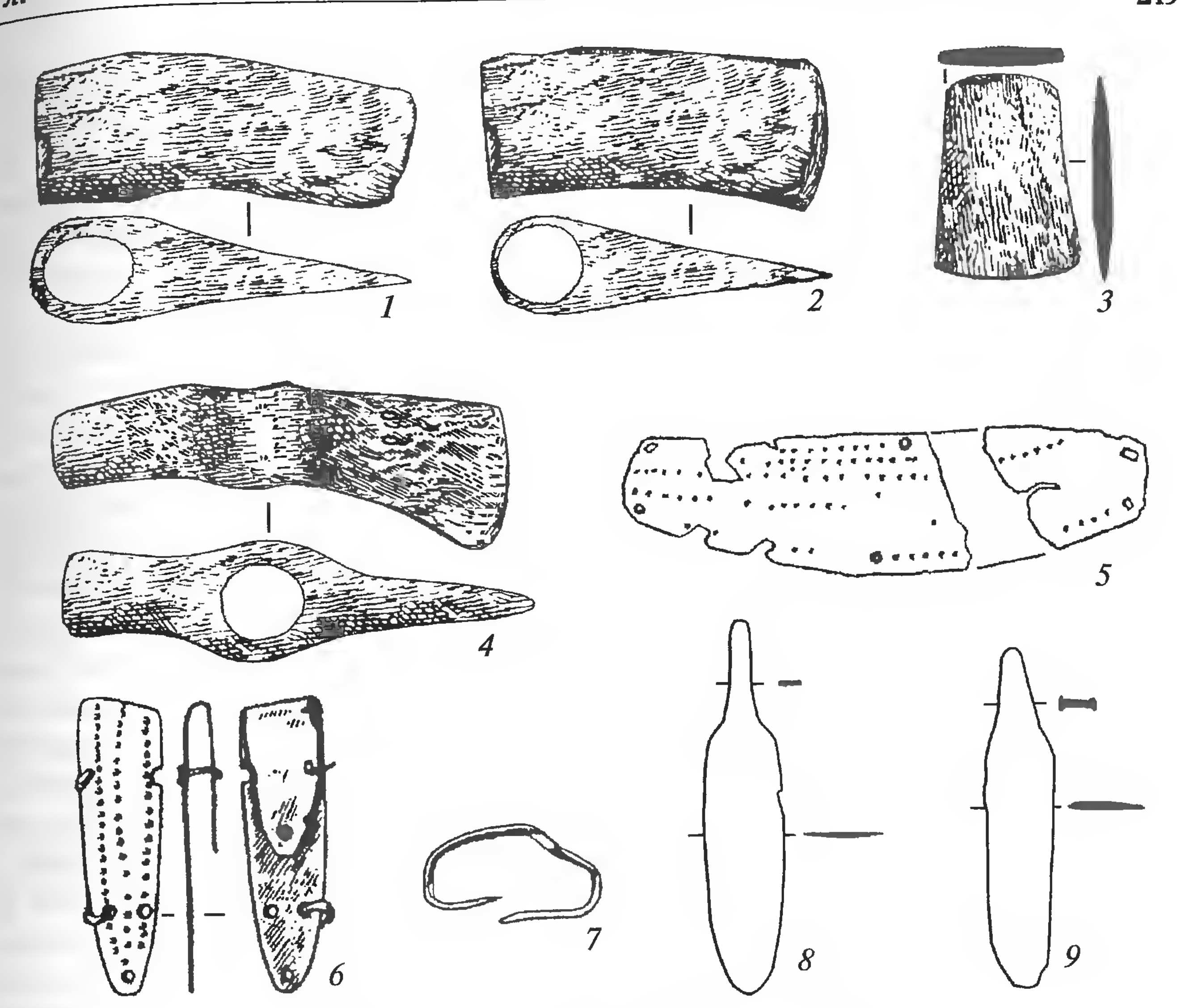
или каменную вымостку. В центре находились 1–2, редко — большее количество могил. Умершие лежат на спине с согнутыми в коленях ногами или на боку в скорченном положении. Среди сопровождающего инвентаря — глиняная и деревянная посуда (от нее сохранились медные оковки), каменные сверленые и клиновидные топоры, песты, терочники, колотушки, медные ножи и шилья, украшения из камня, кости, меди, железа, серебра и золота. Найденные в редких случаях среди костей погребенных каменные наконечники стрел, вероятно, не были вынуты из ран и явились причиной смерти. Рядом с посудой обнаружены остатки мясной пищи (кости барана, коровы, лошади, а также диких животных).

В небольших поселках открытого типа изучены полуземляночные жилища прямоугольной формы (Кара-Тенеш). Стены были сложены, вероятно, из бревен. Внутри вдоль стен располагались каменные или земляные очаги. Такие же очаги выявлены в пещерах. Входы и проходы в глубь пещер перекрывались плетнем или забором. На поселениях и в пещерах найдены керамика, каменные, костяные и медные орудия, кости животных. Предполагается, что пещеры использовались пастухами как загоны для содержания скота. Не случайно культурный слой исследованных становищ состоит в основном из перегноя овечьих капролитов. Главной отраслью экономики и основой жизнеобеспечения афанасьевского общества являлось скотоводство (мелкий, крупный рогатый скот, лошади). У афанасьевцев сложилась подвижно-сезонная система хозяйства с выпасом скота на высокогорных пастбищах. Такой способ вертикального кочевания (яйлажный) является одним их ранних типов номадизма. Важную роль в жизнеобеспечении играла также охота на марала, косулю, горного козла и других диких животных. В долинах и на склонах гор собирались грибы, ягоды, коренья, травы.

Афанасьевцы были первыми горняками и металлургами в центре Азии. Медных изделий у них немного, но они представлены такими выразительными формами, как втульчатые топоры, плоские тесла, двулезвийные черенковые ножи и шилья. Самые близкие образцы орудий обнаруживаются за тысячи километров к западу, в памятниках ямной общности Южного Урала. Морфологический облик медных орудий, сложная литейная техника (двусторонние литейные формы), изготовление украшений из железа, золота и серебра свидетельствуют об изначально высоком уровне афанасьевской металлообработки. Это производство имеет явно выраженный циркумпонтийский облик и вряд ли зародилось в Саяно-Алтайской горной области, в среде окружающих неолитических обществ охотников и рыболовов. Гораздо больше оснований предполагать, что оно укоренилось здесь в уже сложившемся виде. На протяжении нескольких столетий *афанасьевский металлургический очаг* оставался изолированным как от циркумпонтийской метрополии, так и от окружающих неолитических культур. Его исторические судьбы остаются неясными. В начале позднего бронзового века в Саянах и на Алтае — в отличие от Восточной Европы — возникло принципиально иное производство *сейминско-турбинского типа*, не имеющее генетических связей с циркумпонтийским.

Высокоразвитая афанасьевская металлургия является еще одним из косвенных свидетельств того, что само происхождение этой культуры или

Медные изделия афанасьевской культуры:
1, 2, — топоры; 3 — тесло; 4 — топор-молоток; 5, 6 — оковки деревянных сосудов; 7 — скоба; 8, 9 — ножи

импульсы к ее формированию в Саяно-Алтайской горной стране связаны со стремительной миграцией скотоводческих групп населения из ареала древнеямной культуры. Путь этот отмечен редкими погребальными комплексами ямно-афанасьевского круга в урало-казахстанских степях (Верхняя Алабуга, Убаган, Карагаш). Многие черты культуры (домашние животные, погребальный обряд, металл, керамика яйцевидных форм) и европеоидный антропологический облик позволяют видеть в афанасьевцах уникальную этнокультурную группу древнейших индоевропейцев. Некоторые исследователи именно с ними связывают распространение в центре Азии носителей прототохарских языков и их ранний отрыв от основного индоевропейского ареала.

6.3. КУЛЬТУРЫ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И СКОТОВОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Вне пределов Циркумпонтийской провинции в раннем и среднем бронзовом веке на юге Средней Азии вплоть до начала II тыс. до н.э. продолжалось

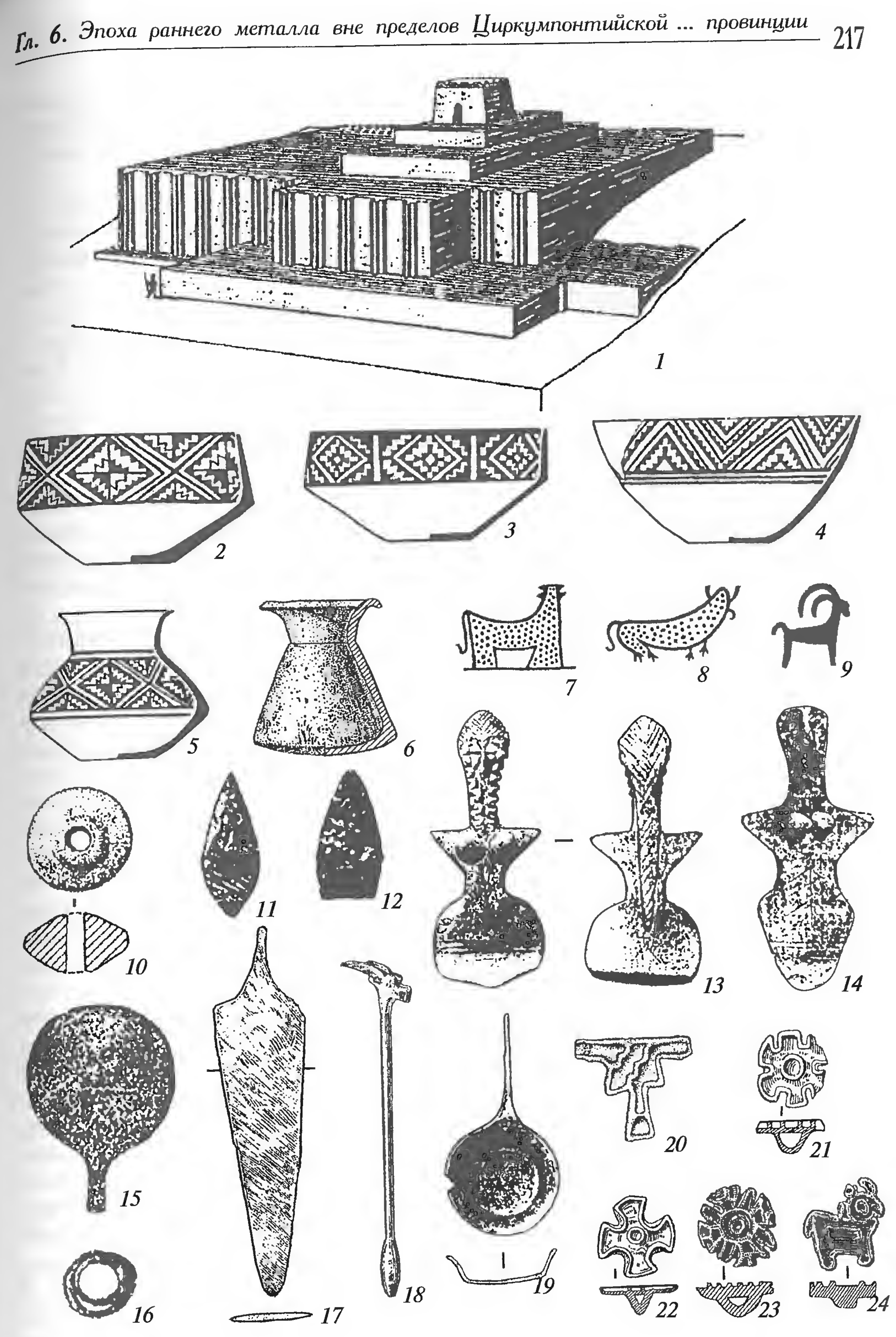
развитие ***культур оседлых земледельцев и скотоводов***. Согласно культурно-стратиграфической периодизации региона, которая основана на стратиграфии телля Намазга, это периоды Намазга IV и Намазга V. В III тыс. до н.э. на территории северной подгорной равнины Копетдага существуют два крупных центра — ***Намазга-депе*** и ***Алтын-депе***. Истоки этой формирующейся цивилизации древневосточного типа связаны с позднеэнеолитической культурой Южной Туркмении (*геоксюрский вариант*).

Близкие по уровню развития и облику культуры распространяются на восток по всему югу Средней Азии и северу Афганистана вплоть до предгорий Памира и Гиндукуша. Оседлые земледельческие общины осваивают новые ландшафты — низменные дельтовые равнины Мургаба и Средней Амударьи. Здесь, на территории древних Маргианы и Бактрии, складываются протогородские центры — поселения и могильники Гонур, Тоголок, Сапалли, Джаркутан, Дашлы, Саразм и др. Сходство материальной культуры Маргианы и Бактрии свидетельствует о существовании культурного единства или даже общности этих центров. Специалисты выделяют в этой связи ***особый бактрийско-маргианский археологический комплекс***. Важную роль в его формировании сыграли не только традиции культур Южной Туркмении, но в большей степени — взаимодействие и миграции из ареалов хараппской цивилизации Индостана, раннеземледельческих общин Ирана и Афганистана. Влияние неолитических и постнеолитических культур охотников и рыболовов Среднеазиатского междуречья и Казахстана в эпоху ранней и средней бронзы не столь ощутимо, как в позднебронзовую.

Для областей земледельческо-скотоводческих культур юга Средней Азии наиболее типичным и хорошо изученным центром является ***Алтын-депе***. Площадь этого протогорода достигала 25–26 гектаров. Здесь вскрыто девять строительных горизонтов, мощность слоев от 22 до 30 м. Три верхних горизонта относятся к среднему бронзовому веку (период Намазга V), а шесть следующих (слои 4–9) — к раннебронзовому. Поселение окружали монументальные обводные стены толщиной до 3 м. Оно было застроено многокомнатными кварталами, разделенными дворами и узкими улочками. Отдельный блок или дом занимала малая семья. Несколько таких семей разных поколений составляли одну большесемейную общину, которая, вероятно, занимала квартал и вела общее хозяйство. С жилищами тесно соприкасались погребальные усыпальницы, являвшиеся, по всей видимости, гробницами малых семей. Выявлен культовый центр с монументальной архитектурой (ступенчатая башня-зиккурат).

Северную часть Алтын-депе занимали кварталы ремесленников-керамистов. Их жилища соседствовали с мощными двухъярусными гончарными печами, пришедшими на смену одноярусным в среднем бронзовом веке.

Культуры ранних земледельцев и скотоводов юга Средней Азии:
1 — реконструкция культового комплекса Алтын-депе; 2–5 — керамика; 6 — каменный сосуд; 7–9 — мотивы росписи на керамике; 10 — каменная булава; 11, 12 — кремневые наконечники стрел; 13, 14 — глиняные женские статуэтки; 15 — зеркало; 16 — спираль; 17 — нож; 18 — булавка; 19 — ложечка; 20–24 — печати (*15–24 — бронза*)

Благодаря внедрению гончарного круга быстрого вращения и печей новой конструкции исчезает пышная расписная посуда, в обиход входят простые гончарные сосуды стандартных форм. Это стало рубежом эпох ранней и средней бронзы.

В слоях Алтын-депе обнаружено огромное количество каменных, костяных, медных и бронзовых орудий труда, украшений, сосудов, разного рода печатей и других изделий. Среди металлических орудий — зубила, пробойники, шилья, иглы, ножи, крючки. Широко распространены украшения — серьги, кольца, зеркала и др., предметы культа (терракотовые статуэтки, коробочки-реликварии), и практически нет оружия. Большая часть орудий труда, найденных в жилищах, связана с различными домашними промыслами. В каждом доме обнаружены орудия для растирания зерна.

Алтын-депе, комплекс периода Намазга V:
1, 2 — каменные бусы; 3, 4 — золотые головки волка и быка; 5 — изделие из кости; 6 — терракотовая модель повозки

Основой жизнеобеспечения населения являлось земледелие. Дефицит влаги способствовал развитию искусственного орошения в среде древних земледельцев Средней Азии. Водообеспечение из малых речек и ручьев привело к формированию земледелия мелкооазисного типа. В долинах Мургаба и Амударьи для орошения использовались, кроме того, дельтовые протоки. Среди домашних животных преобладал мелкий рогатый скот. В среднем бронзовом веке наиболее рентабельным было отгонное скотоводство. Охотничья добыча представлена куланом, джейраном и безоаровым козлом. Их остатки выявлены в основном в кварталах небогатых слоев населения.

Металлургия и металлообработка в культурах юга Средней Азии развиваются в бронзовом веке в системе ***Ирано-Афганской металлургической провинции***, которая охватывала также нагорья Центрального и Восточного Ирана, Афганистан и западные районы Пакистана (хараппская цивилизация в долине Инда). Контактная зона между этой провинцией и Циркумпонтийской пролегла по центральным и северным областям Ирана. Производство Ирано-Афганской провинции, особенно среднеазиатских периферийных очагов, по многим показателям отличалось от циркумпонтийского. Здесь отливается сравнительно мало орудий труда и в особенности оружия. Топоры, тесла и долота, ножи и кинжалы представлены редкими образцами, далекими от стереотипов ЦМП. В основном же изготавливаются украшения, предметы туалета и культа. Такая же направленность металлообработки сохранится в южных районах Средней Азии в позднем бронзовом веке.

Глава 7

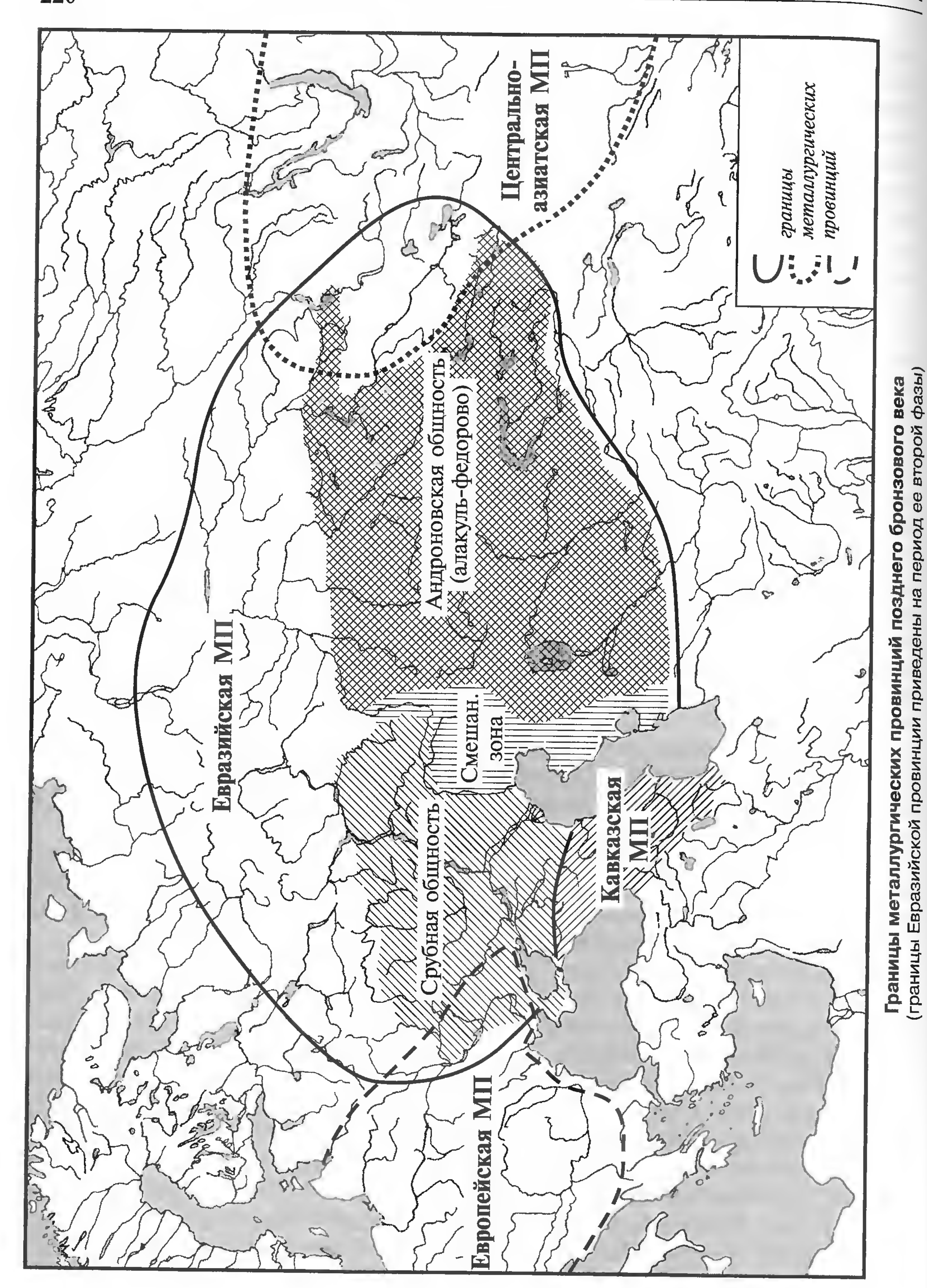
ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК

7.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ

В начале II тыс. до н.э. завершается распад Циркумпонтийской металлургической провинции. Вся прежняя система культурно-производственных связей в Северной Евразии перестраивается. Границы новых этнокультурных образований и производственных систем приобретают в позднем бронзовом веке совершенно иные очертания. С пространствами бывшего северного блока Циркумпонтийской провинции (Балкано-Карпатский регион, Восточная Европа и Кавказ) связаны три ***металлургические провинции: Евразийская, Европейская*** и ***Кавказская***. Очаги металлургии и металлообработки юга Восточной и отчасти Западной Сибири вошли в систему ***Центрально-Азиатской провинции***, а южных районов Средней Азии — в систему ***Ирано-Афганской***. Эти процессы сопровождались исчезновением старых культур, активными миграциями крупных групп населения, формированием новых культур и общностей, что коренным образом изменило весь ход этнокультурной истории в северной зоне Евразии.

Формирование и развитие культур позднего бронзового века в значительной степени были связаны с ландшафтно-климатическими изменениями. Ранняя и финальная фазы развития этих культур происходят на фоне особенно резкой аридизации климата.

В позднем бронзовом веке происходит значительное расширение зоны культур с производящими формами хозяйства, особенно в северном, северо-восточном и восточном направлениях. Мир металлоносных культур достигает Европейского Севера и охватывает гигантские пространства Северной и Центральной Азии. Во всей этой зоне быстро и повсеместно распространяется технология изготовления оловянных бронз как ведущего типа сплавов на медной основе и тонкостенного литья орудий труда и оружия. Здесь были открыты сотни новых месторождений медной и оловянной руды. В Донецком кряже, на Кавказе и Урале, в Казахстане и Средней Азии, Саяно-Алтае, Прибайкалье и Забайкалье существенно выросли масштабы горных работ и производство меди и бронз. В знаменитых Каргалинских рудниках в Южном Приуралье и на меднорудных месторождениях Джезказган и Кенказган в Казахстане за 3–4 столетия было добыто несколько миллионов тонн руды, из которой выплавлено огромное количество меди. Торговля

Границы металлургических провинций позднего бронзового века
(границы Евразийской провинции приведены на период ее второй фазы)

и обмен металлом, как и в предшествующие эпохи, являлись важнейшим фактором развития культур позднебронзового времени.

В эту эпоху на большей части евразийской степи и лесостепи — от Днепра и Северского Донца на западе вплоть до Минусинской котловины на востоке — сформировался **скотоводческий хозяйственно-культурный тип производящей экономики**. Основой жизнеобеспечения культур этой зоны являлось, прежде всего, пастушеское скотоводство, но отнюдь не земледелие, как это считалось ранее. Бескрайние и богатые травостои степи и лесостепи позволяли выпасать огромное количество крупного и мелкого рогатого скота и лошадей, а также создавать достаточный запас кормов на зиму.

Отгонное и полукочевое скотоводство практиковалось в основном в горных и полупустынных районах Кавказа, Казахстана, Средней и Центральной Азии. Земледелие, причем в ограниченных масштабах, появляется в этой части Евразии только в финале бронзового века. Культуры Северного Причерноморья, Кавказа и юга Средней Азии унаследовали **земледельческо-скотоводческий хозяйственно-культурный тип**, сформировавшийся здесь еще на заре эпохи раннего металла. Северная лесостепь и юг лесной зоны входят в ареал многоотраслевой экономики с динамичным **сочетанием производящих и присваивающих занятий**. Последние остаются основой жизнеобеспечения населения глубинных лесных и таежных районов Восточной Европы и Сибири, различаясь лишь подвижным или оседлым образом жизни обществ охотников и рыболовов.

Поздний бронзовый век — время активных этно- и культурогенетических процессов в Северной Евразии. Многие археологи и лингвисты считают, что именно в степной и лесостепной зоне Восточной Европы происходит дальнейшее разделение индоевропейской языковой семьи — выделение индоиранской группы, отождествляемой в современной науке с населением *срубной* и *андроновской общностей*. В Западной и Центральной Европе формируется другой блок культур (так называемые *культуры полей погребений* или *культуры полей погребальных урн*), с которым связаны истоки германо-балто-славянского праязыкового единства. В лесной полосе Восточной Европы и Западной Сибири концентрировался массив прафинно-угорских народов. Пограничье леса и лесостепи являлось естественным рубежом, разделявшим и соединявшим культуры древних финно-угров и индоиранцев. Прародина народов алтайской языковой семьи находилась в Южной Сибири, в районах Саяно-Алтая. Остаются дискуссионными этапы истории северокавказской языковой семьи, прародина которой локализуется лингвистами в Переднеазиатском регионе.

В этнической истории Старого Света колоссальная роль принадлежит степной и лесостепной зонам Восточной Европы, являвшимся прародиной народов индоиранской языковой группы. Именно с носителями последней правомерно отождествлять термин «арии, арийцы», служивший самоназванием определенной индоиранской группы индоевропейских племен, затем разделившихся на индоарийскую и индоиранскую ветви. Многие ученые связывают гибель древнеиндийских цивилизаций Мохенджодаро и Хараппы с нашествием северных степных народов. Переселение и инфильтрация носителей индоарийских и индоиранских диалектов были длительным

процессом, не сопровождавшимся сменой аборигенного населения на территории Средней Азии, Афганистана, Индостана и Ирана. При этом пришлые племена усваивали образ жизни и культуру местных народов. Тем не менее пути миграции археологически фиксируются в материальной культуре аборигенного населения. Это прежде всего появление лепной керамики, металлических изделий, погребальных комплексов, новых сюжетов и образов в наскальной живописи, характерных для северных степных народов, а также распространение колесного транспорта и культа коня.

Отголоски активных миграционных процессов на территории Евразии в начале позднего бронзового века зафиксированы в хеттских документах, ведийских текстах, иранской Авесте. Они донесли до нас первые письменные сведения о древнейших индоариях и индоиранцах, которые наряду с лингвистическими данными привлекаются для реконструкции лексики, связанной с материальной и духовной культурой племен эпохи поздней бронзы. Согласно исследованиям, эти племена занимались скотоводством и земледелием; особое значение придавалось коневодству; в военном деле использовались колесницы. У них были развитая металлургия и другие ремесла, сложная социально-иерархическая структура общества, употреблялось понятие «царь». Титул правителя обозначал буквально «управляющий конями». По отношению к привилегированной военной знати использовался термин «стоящий на колеснице». Выделилось сословие жрецов, которое осуществляло регулирование системы правовых и нравственно-этических норм через сложные обряды и ритуалы.

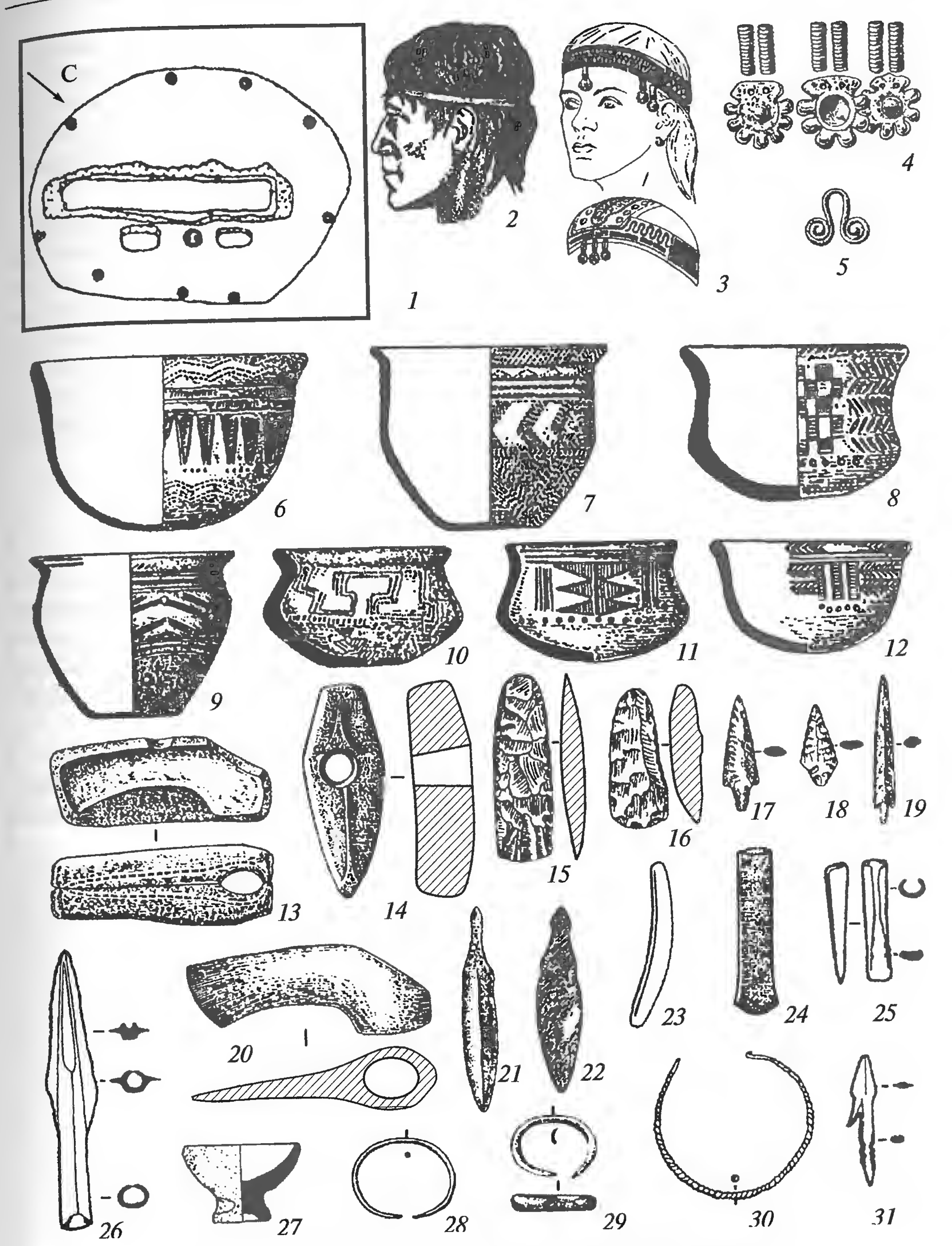
7.2. ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК В ПРЕДЕЛАХ ЕВРАЗИЙСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Поздний бронзовый век в пределах России и бывшего СССР связан с формированием и развитием ***Евразийской металлургической провинции*** (***ЕАМП***). Время существования входивших в нее культур — XVIII/XVII–IX/VIII вв. до н.э. (в рамках традиционной хронологии). В период расцвета территория ЕАМП простиралась от Левобережной Украины на западе до Саяно-Алтая на востоке, от предгорий Кавказа и оазисов Средней Азии на юге до лесных районов Сибири и Восточной Европы на севере.

Создание такой колоссальной системы было обусловлено производственной и этнокультурной консолидацией подвижных скотоводческих племен степи и лесостепи и оседлого населения лесной зоны. Наиболее тесное и длительное взаимодействие лесных (прафинно-угорских) и степных (индоиранских) народов происходило как раз в эпоху поздней бронзы. Скорее всего, именно в это время произошло массовое внедрение лексики, связанной с металлургией, скотоводством и земледелием, в языки древних финно-угров, а прафинно-угорской — в индоиранскую речь.

Общими и наиболее употребимыми в основных очагах Евразийской провинции становятся следующие категории металлических изделий: 1) то-

Инвентарь абашевской культурно-исторической общности:

1 — план Пепкинского кургана; 2 — реконструкция облика абашевского мужчины; 3 — варианты женских головных уборов; 4 — пронизи и бляшки; 5 — очковидная подвеска; 6–12 — керамика; 13 — глиняная форма для отливки топора; 14 — сверленый топор; 15, 16 — клиновидные топор и долото; 17–19 — наконечники стрел; 20 — топор; 21, 22 — ножи; 23 — струг; 24, 25 — плоское и втульчатое тесла; 26 — наконечник копья; 27 — глиняный тигель; 28, 29 — браслеты; 30 — гривна; 31 — гарпун (*3–5, 20–26, 28–31 — медь и мышьяковая бронза; 14–18 — камень; 19 — кость*)

поры; 2) кельты с боковыми и лобным ушками; 3) наконечники копий с прорезями и без прорезей на крыльях пера; 4) втульчатые и черешковые наконечники стрел; 5) двулезвийные ножи и кинжалы с плоским и стержневидным черенком с упором и без упора; 6) втульчатые и плоские тесла и долота; 7) массивные серпы-секачи; 8) разнообразные украшения (браслеты, подвески, кольца, гривны и др.).

В развитии культур и очагов металлообработки Евразийской провинции намечается несколько хронологических периодов — фаза сложения (XVIII/XVII–XVI вв. до н.э.); формирование в степи и лесостепи срубно-андроновского блока культур и стабилизация основных производственных центров (XVI–XV/XIV вв. до н.э.); перестройка культур срубно-андроновского мира и передислокация основных очагов металлообработки в лесную и лесостепную зоны (XV/XIV–XII/XI вв. до н.э.); последняя фаза связана с нарастающими процессами деструкции и распада Евразийской провинции (XII/XI–IX/VIII вв. до н.э.).

7.2.1. Культуры ранней фазы Евразийской провинции

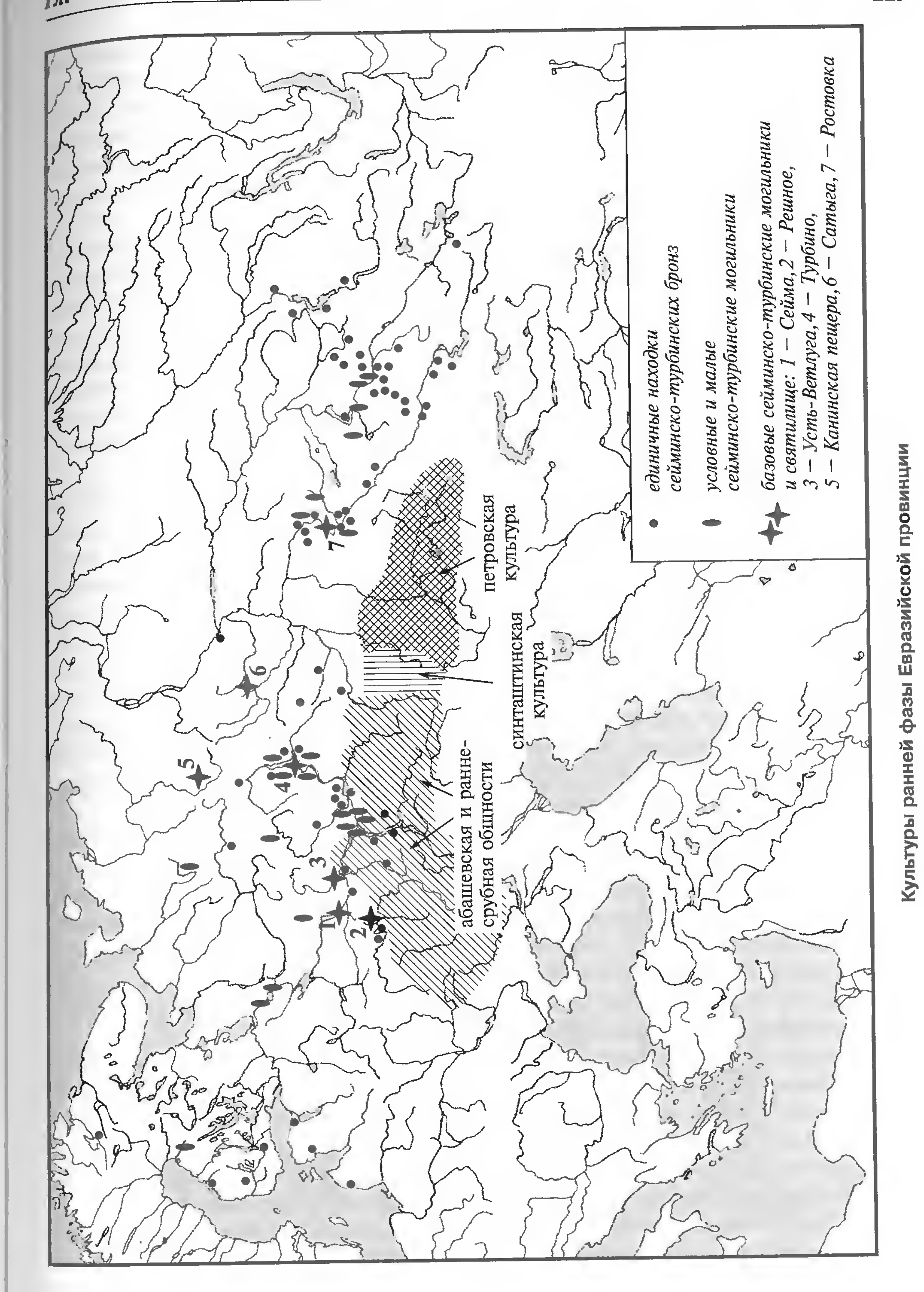
На ранней фазе ЕАМП складываются два крупных блока культур и производящих центров. Первый из них связан с ***бабинской, абашевской, синташтинской, петровской*** и ***раннесрубной культурами***. Деятельность металлургических и металлообрабатывающих очагов блока охватывала значительные пространства восточноевропейских степей и лесостепей, Южное Зауралье, Северный и Центральный Казахстан.

Второй блок культур производящих центров локализуется в горах и предгорьях Саяно-Алтая, западносибирской лесостепи, зауральской тайге, лесах Восточной Европы и связан, прежде всего, с ***сейминско-турбинскими памятниками***.

Рудной базой первого блока очагов являлись как ранее эксплуатировавшиеся месторождения медистых песчаников Приуралья, так и вновь освоенные коренные месторождения Южного Зауралья, Мугоджар, северных и центральных областей Казахстана. Примечательно, что Кавказ перестал служить важнейшим источником меди и бронз для степных и лесостепных культур Восточной Европы, как это было в эпохи ранней и средней бронзы. Мышьяковая бронза, по-прежнему заметная в абашевских и синташтинском очагах, а также серебро стали выплавляться на Урале (рудники Таш-Казган и Никольское). Сейминско-турбинские центры использовали оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы. Появление этих легкотекучих сплавов стало возможным с открытием и началом разработки богатейших медно- и оловорудных источников на севере Алтайской горной страны. На последующих фазах развития Евразийской провинции Рудный Алтай станет важнейшим поставщиком на трансъевразийские торговые маршруты олова — драгоценной лигатуры древности.

В западных очагах ЕАМП продолжается изготовление орудий и оружия, в которых без труда узнается традиционный набор, характерный для производства предшествующей Циркумпонтийской провинции: втульчатые топоры, плоские и желобчатые тесла и долота, черенковые двулезвий-

Культуры ранней фазы Евразийской провинции

ные ножи и кинжалы, кованые наконечники копий и др. Начинается изготовление серпов-секачей и пластинчатых серповидных орудий, появляются первые литые предметы со «слепой» (т.е. не сквозной) втулкой (наконечники копий). В сейминско-турбинских центрах отливаются втульчатые топоры-кельты, кельты-лопатки, тесла, наконечники копий и дротиков, а также выгнутообушковые однолезвийные и пластинчатые двулезвийные ножи и кинжалы.

Среди первого блока культур и производящих центров начала позднего бронзового века ведущая роль принадлежала ***абашевской культурно-исторической общности.*** Название происходит от села Абашево в Чувашии, близ которого впервые были изучены курганы этого типа. Ареал — преимущественно лесостепные пространства Восточной Европы от Северского Донца на западе до междуречья Урала и Тобола — на востоке, на юге — с выходом в степь до излучины Волги и Дона; отдельные могильники известны в лесной зоне. В общности выделяются *доно-волжская, средневолжская и уральская культуры.*

Памятники абашевской общности датируются первой третью II тыс. до н.э. В ее развитии намечаются ранний и поздний периоды. Однако в центре Русской равнины выделяется, кроме того, пласт *протоабашевских древностей*, относящийся к среднебронзовой эпохе. Его формирование происходило во взаимодействии южных *культур ямно-катакомбного круга* и северных — *области боевых топоров* и *шнуровой керамики.* В начале II тыс. до н.э. абашевцы расселяются на восток (Южный Урал) и северо-восток (Среднее Поволжье). Поздний период характеризуется активными контактами с населением раннесрубной (покровской) и синташтинской культур. Памятники представлены поселениями, могильниками, рудными выработками (Таш-Казган и Никольское), кладами металлических изделий (Верхне-Кизильский, Красноярский, Долгая Грива).

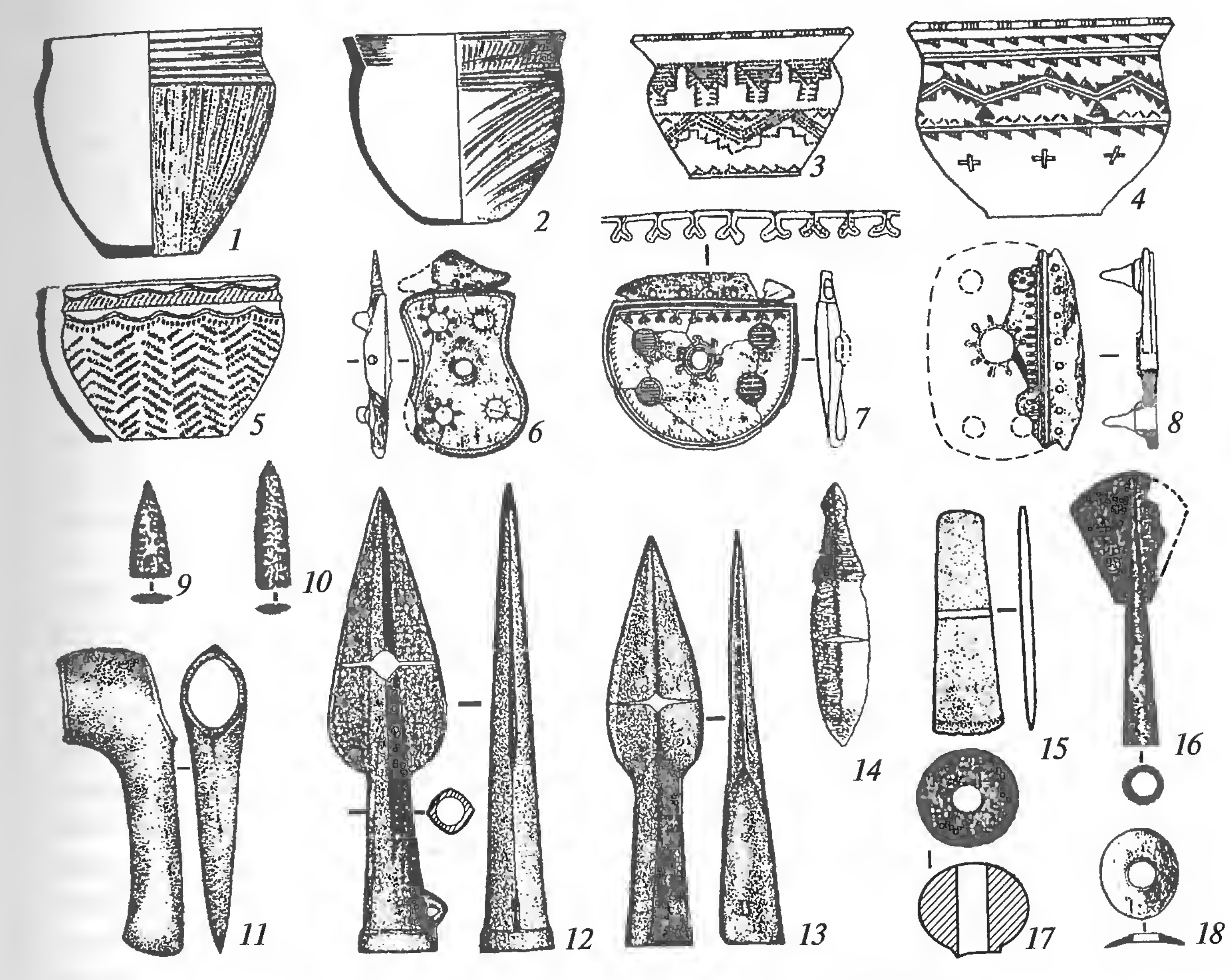
Абашевцы селились обычно по берегам рек, на возвышенных мысах, на дюнах, редко — на вершинах скальных выступов (Урал). Поселения с мощным культурным слоем и остатками наземных, слабо углубленных, реже землянечных и полуземляночных построек, иногда окруженные рвами, выявлены в бассейне Дона и на Южном Урале. Постройки сооружались с применением каркасной (столбовой) конструкции; крыша — двускатная или четырехскатная; внутри — очаг или несколько очагов открытого типа, хозяйственные и жертвенные ямы, иногда колодец.

Погребения — от одного до нескольких — совершались под круглыми или овальными насыпями. В Подонье и в Самарском Поволжье известны захоронения в более ранние курганы, а также грунтовые могильники. На Средней Волге и Оке курганы иногда окружались кольцевыми ровиками и столбовыми оградами, в Южном Приуралье сооружались каменные ограды. Могильники в основном небольшие; крупные — до 50 (Пеленгерский 1) и даже 100 (Подклетненский) курганов — являются исключением. Погребения совершались в ямах прямоугольной или овальной формы, реже в камерах с деревянной или каменной облицовкой стен и иногда с перекрытием из бревен, плах или плит камня. Погребенные — одиночные, реже

парами, рядами и коллективные — укладывались на спину с подогнутыми ногами, иногда на левый бок, в слабо скорченном положении. Известны случаи расчлененных и частичных костяков, а также кенотафы. Погребенные сопровождались керамикой, медными и серебряными украшениями, иногда ножами и шильями, изделиями из камня и кости.

Среди абашевских памятников выделяется одиночный Пепкинский курган в Поволжье (Марий Эл). Под невысокой овальной насыпью вскрыто три погребения. Одно из них поразило исследователей своими размерами и картиной, представшей после расчистки. На дне траншеи (10,2 × 1,6 × 0,65–0,7 м) с деревянным перекрытием и берестяным покрытием дна покоились останки 27 костяков и два отдельно положенных черепа. Все принадлежали мужчинам, погибшим насильственной смертью и погребенным в братской могиле. Почти на каждом костяке обнаружены следы тяжелых травм и смертельных ран — рубленые и стреляные повреждения, нанесенные медным топором и кремневыми наконечниками стрел. На некоторых черепах сохранились следы надрезов, оставленных, как предполагают антропологи, при снятии скальпов. Один из костяков (кузнец-литейщик) сопровождался уникальным набором инструментов (глиняная литейная форма для отливки топоров, тигли, каменные наковальня, молот, молотки и абразивы).

Инвентарь «элитных» позднеабашевских погребений:
1–5 — керамика; 6–8 — костяные псалии; 9, 10 — каменные наконечники стрел; 11 — топор; 12, 13 — наконечники копий; 14 — нож; 15 — тесло; 16 — навершие-лопаточка из кости; 17 — каменная булава; 18 — костяная пряжка (*11–15 — медь и бронза*)

Лишь на позднем этапе абашевской общности в Среднем Подонье появляются погребения с характерным воинским инвентарем, жертвоприношениями лошадей, собак, мелкого рогатого скота (Кондрашкинский, Селезни 2). По всей видимости, это могилы представителей элиты общества — вождей, жрецов и их ближайшего окружения. Они сопровождались специфическим набором знаков власти, а именно: каменными булавами, костяными навершиями-лопаточками, медными боевыми топорами, наконечниками копий, ножами-кинжалами, колесничим комплектом (костяные щитковые и дисковидные псалии, распределители ремней, пряжки от портупей).

Материальная культура абашевского населения самобытна. Керамика представлена плоскодонными горшками, банками, мисками с примесью ракушки в тесте. Оригинальны колоколовидные и острореберные сосуды с геометрической орнаментацией, особенно пышной на погребальной посуде. Найдено много металлических орудий — узкообушных топоров, плоских тесел, наконечников копий с разомкнутой втулкой, двулезвийных ножей с перекрестьем и перехватом, слабо изогнутых серповидных орудий, рыболовных крюков и гарпунов. Яркий колорит культуре придают украшения из меди, серебра и биллона: браслеты, очковидные подвески из проволоки, височные подвески в 1,5 оборота, гривны, бляшки, пронизи-спирали из тонкой пластины, но прежде всего — литые нашивные бляшки-розетки — характерный этнографический признак абашевского женского костюма, в особенности головного убора. Своеобразны каменные (наконечники стрел, топоры, молотки, песты, наковальни и др.), костяные (псалии с монолитными и вставными шипами, пряжки, застежки, навершия-лопаточки, наконечники стрел и др.) и глиняные (тигли, модели колес) изделия.

Система жизнеобеспечения абашевских племен опиралась на пастушеское скотоводство, металлургию и металлообработку и дополнялась другими отраслями хозяйственной деятельности: охотой, рыбной ловлей, домашними промыслами и собирательством. Прямые свидетельства о занятии земледелием (т.е. остатки культурных злаков) отсутствуют.

С абашевской общностью связана деятельность *донского металлообрабатывающего* и *южноуральского металлургического очагов*. Второй из них являлся базовым и обеспечивал металлом население всей общности. Выплавка и обработка «чистой» и мышьяковой меди, а также серебра и биллонов осуществлялись в специализированных центрах (Береговский, Тюбякский и др.) в излучине р. Белой и предгорьях Урала, богатых лесами.

В процессах культурогенеза позднего бронзового века абашевской общности — наряду с сейминско-турбинской — принадлежала стержневая роль. В ареале этой общности сформировались скотоводческий хозяйственно-культурный тип и стереотипы технологии металлургии и металлообработки, укоренившиеся в степи и лесостепи Восточной Европы, Западной Сибири и Казахстана на последующих фазах развития Евразийской металлургической провинции. Исторические судьбы *доно-волжской* и *уральской абашевских культур* непосредственно связаны с формированием степных и

лесостепных культур Волго-Уральского региона — синташтинской, раннесрубной и петровской.

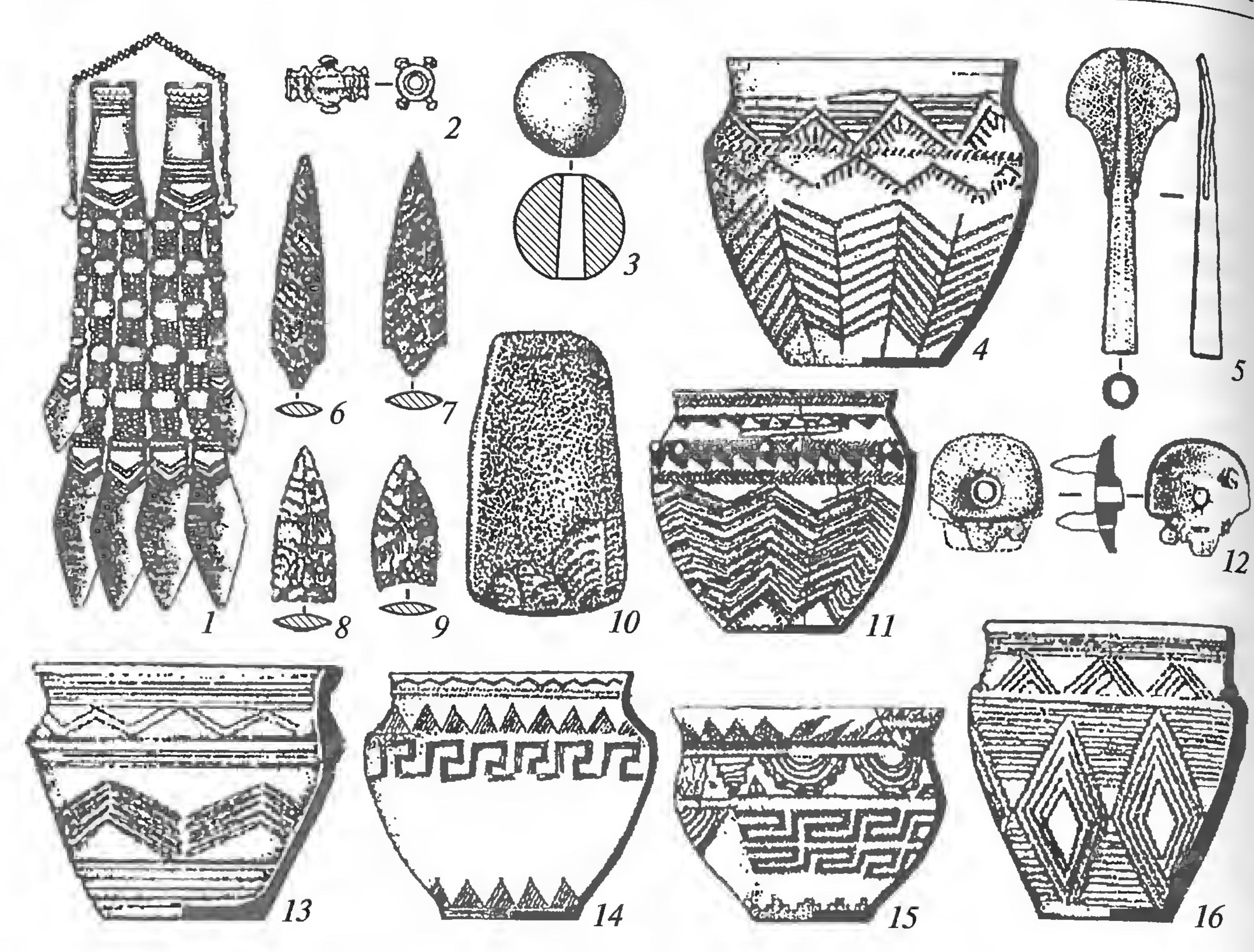
В начале позднего бронзового века важную роль в культурно-исторических процессах на значительных пространствах степи и лесостепи от Дуная до Волги играла ***бабинская культура***. По характерной керамике с валиками ее называют также *культурой многоваликовой керамики*. Она представлена сотнями поселений и курганных могильников, а также кладами. Предполагается, что в их числе знаменитый Бородинский (Бессарабский) клад под Одессой. Ядро культуры — в Днепро-Донецком междуречье, а ее истоки — в поздних культурах ямно-катакомбного мира, а также области боевых топоров и шнуровой керамики. Исторические судьбы бабинской культуры связаны с формированием памятников срубной и сабатиновской культур этого региона.

Культурно-исторические процессы в центре евразийского степного пояса в первые века II тыс. до н.э. связаны с трансформацией поздних ямно-катакомбных и абашевских древностей. Они привели к формированию *синташтинской*, а также *петровской* и *раннесрубной культур*.

Синташтинская культура, получившая название по эпонимному комплексу памятников на юге Челябинской области, выделяется среди степного блока культур и производственных центров начала позднего бронзового века рядом ярких черт. Ее ареал компактен — это небольшая территория (400×200 км) вдоль восточного склона Уральского хребта. Здесь известно около 20 укрепленных центров (иногда их неправомерно называют протогородами) с соответствующей округой (могильники, святилища, селища); наиболее известные — Синташта, Аркаим, Устье в Челябинской области и Аландское в Оренбургской. Округлая или прямоугольная форма оборонительных стен и рвов и радиальная структура кварталов плотной застройки придают этим центрам вид крепостей, напоминая в большей степени южные урбанизированные поселки (Алтын-депе и др.), нежели обычные степные. Спор о том, являлись ли синташтинские городища крепостями, убежищами, сакральными, металлургическими или торговыми центрами, далеко не разрешен. Вероятнее всего, они были многофункциональны. Жилища построены из глины и бревенчатых каркасов, иногда сырцового кирпича. В глубине жилища находились колодец, очаг, хозяйственные ямы.

Синташтинские курганные и грунтовые могильники (Синташта, Кривое озеро, Большекараганский) расположены на краю террасы либо на водоразделе у слияния небольших рек. Погребения в курганах расположены линейно или по кругу. В ряде случаев они перекрывают друг друга, образуя ярусные комплексы. Захоронения — индивидуальные или коллективные — совершены в грунтовых ямах, подбоях, катакомбах, иногда в деревянных камерах, перекрытых бревнами. Преобладающее положение погребенных — слабо скорченное на левом боку, зафиксировано также вытянутое положение на спине с согнутыми в коленях ногами.

Обращает на себя внимание военизированный характер синташтинского общества. Известны экстраординарные погребения, содержащие

Синташтинская культура:
1 — женский головной убор (*бронза, серебро, бисер, камень*); 2 — бусина; 3 — булава; 4, 11, 13–16 — керамика; 5 — навершие-лопаточка из кости; 6–9 — наконечники стрел; 10 — топор; 12 — костяной псалий (*2, 3, 6–10 — камень*)

колесничные комплексы (остатки боевых колесниц-двуколок, вкопанные колеса, костяные псалии). Часто они сопровождались захоронением 1–3 пар коней в самой могиле или в специальном отсеке. В мужских погребениях многочисленны предметы вооружения (медные и бронзовые боевые топоры, наконечники копий, кинжалы, каменные булавы, наконечники стрел и др.). Немало в них орудий (плоские и желобчатые тесла и долота, пластинчатые и серповидные орудия, ножи, шилья, рыболовные крюки и гарпуны из меди и бронз, каменные молотки, абразивы и др.), а также украшений и керамики (горшки с широкой горловиной и острореберные банки). Орнамент в виде желобков, треугольников, ромбов, меандров покрывал весь сосуд или его большую часть. По размерам сосуды двух групп: небольшие, объемом до 7 л, и крупные, объемом от 8 до 50 л. Первые являлись столовой посудой, в крупных же хранили продукты и воду, готовили пищу.

Для синташтинской культуры характерен высокий уровень развития придомного и отгонного скотоводства, металлургии и металлообработки. Основные категории изделий *синташтинского металлургического очага* изготавливались по циркумпонтийским стереотипам. Для отливки заготовок и последующей отковки орудий труда и оружия использовалась главным образом низколегированная мышьяковая бронза, а также «чистая»

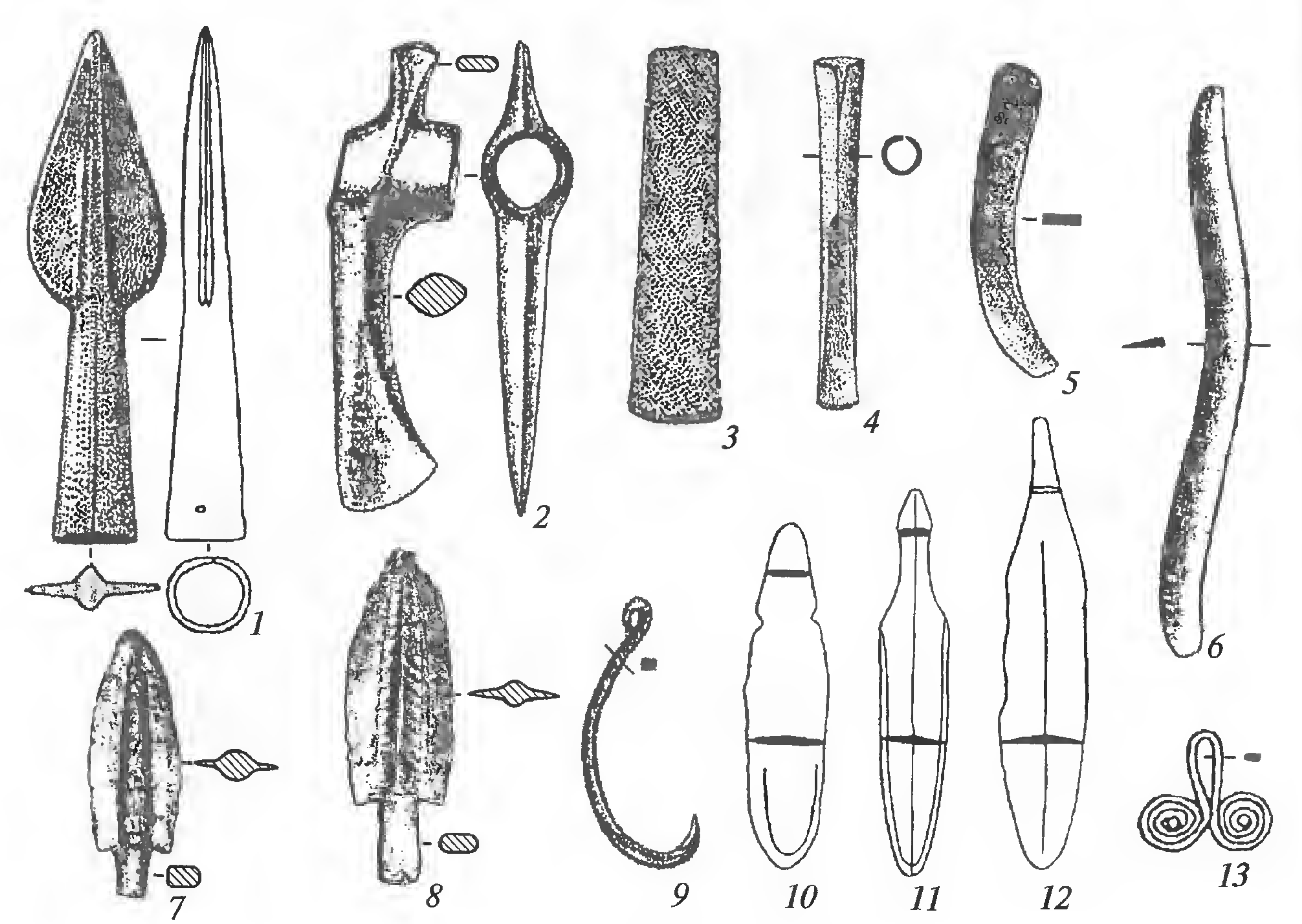

Реконструкция погребальной камеры (могильник Синташта):
в нижней камере — погребальная повозка с останками умершего, в средней — захоронение, в верхней — захоронения жертвенных животных,
поверх камеры — жертвенный костер и насыпь кургана

медь. Незначительная часть предметов (ножи и украшения) изготовлена из оловянной бронзы и биллона. Те же рецепты сплавов и уровень технологии характерны для территориально близких уральских абашевских центров.

Характер погребального обряда, наличие укрепленных центров со сложными фортификационными сооружениями, ремесленная специализация позволяют предположить, что синташтинские племена имели развитую социальную структуру. Намечаются три социальные группы: воины, жрецы и рядовые общинники.

Трансформация культурных образований в азиатской степи в начале позднего бронзового века, безусловно, связана с изначальным западным импульсом, в результате которого постнеолитические группы населения этого обширного региона восприняли новые хозяйственные и социальные стереотипы. Итогом стало формирование ***андроновской культурно-исторической общности***. Название дано по могильнику у д. Андроново в Минусинской котловине. Эта общность состоит из двух самостоятельных культур — *алакульской* и *федоровской*, занимающих разную территорию и в то же время обширное совместное пространство, имеющих своеобразные черты погребальной обрядности, керамику, типы металлических орудий. Памятники раннего этапа алакульской культуры археологи выделяют иногда в особую *петровскую культуру*.

Металлические изделия синташтинской культуры:
1 — наконечник копья; 2 — боевой топор; 3, 4 — плоское тесло и втульчатое долото; 5, 6 — серповидные орудия; 7, 8 — наконечники стрел; 9 — рыболовный крюк; 10–12 — ножи; 13 — очковидная подвеска

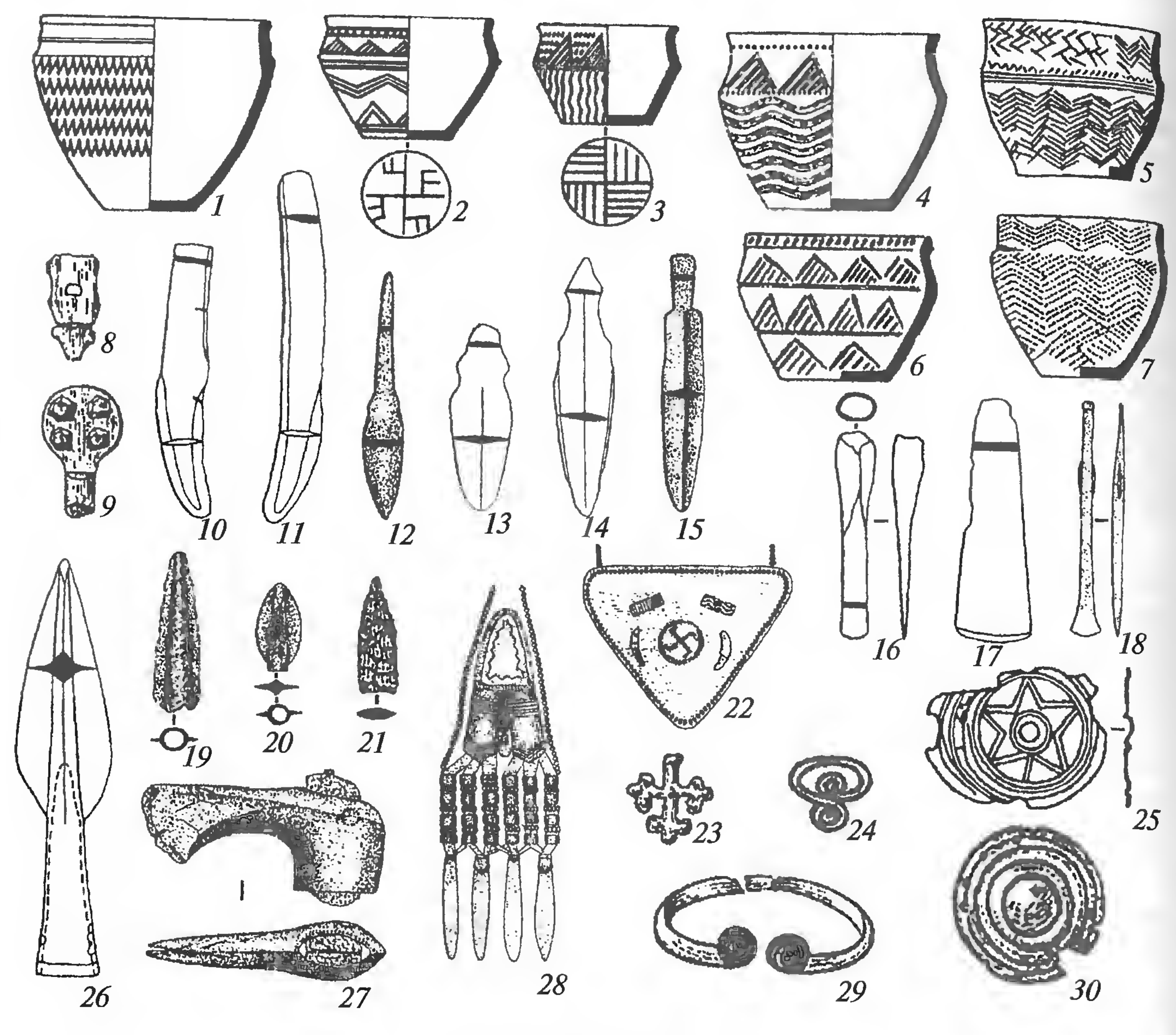
Памятники петровского типа впервые были изучены у с. Петровка на р. Ишим на севере Казахстана — отсюда и название культуры. Ее истоки — в Южном Зауралье и прилегающих районах Казахстана. Расселение петровских племен на восток стимулировалось открытием и разработкой богатейших меднорудных месторождений Зауралья и Казахстана, которые с того времени станут базовыми для производящих центров Евразийской провинции.

Петровские поселения иногда были укреплены глиняными валами и рвами (Петровка 2, Новоникольское 1, Кулевчи 3). Большинство поселков имело выраженную металлургическую специализацию. Свидетельство тому — значительные серии медных и бронзовых орудий и производственных остатков (шлаки, слитки, сплески, тигли и льячки, литейные формы, лом изделий).

Погребения взрослых совершались под невысокими земляными курганами (Петровка, Верхняя Алабуга). Детские захоронения производили за пределами курганов. Насыпь перекрывала одну или несколько могил (до 30). Погребенные сопровождались богатым инвентарем — оружием, украшениями, частями боевых колесниц, а также жертвенными животными (лошади). Умершие покоились на левом или правом боку, иногда в вытянутом положении на спине. В редких случаях в больших центральных ямах погребали женщин с богатым и разнообразным набором украшений, в том числе с роскошными накосниками на кожаной основе.

Керамика петровской культуры представлена плоскодонными горшками и банками, иногда с ребром в верхней части или профилированными. Орнамент в виде треугольников и ромбов, горизонтальных зигзагов и линий нанесен в верхней и придонной частях сосудов, редко — по всей поверхности. Среди инвентаря — каменные булавы, топоры и наконечники стрел, костяные псалии и наконечники стрел. Металлические оружие и орудия труда представлены боевыми топорами, наконечниками копий, плоскими и втульчатыми теслами, долотами и крюками, серповидными орудиями, ножами, шильями и иглами. Разнообразны украшения. Среди них специфически петровским типом являются крестовидные подвески и накладки. Орудия изготовлены в основном из чистой меди, оружие и украшения — из оловянных бронз.

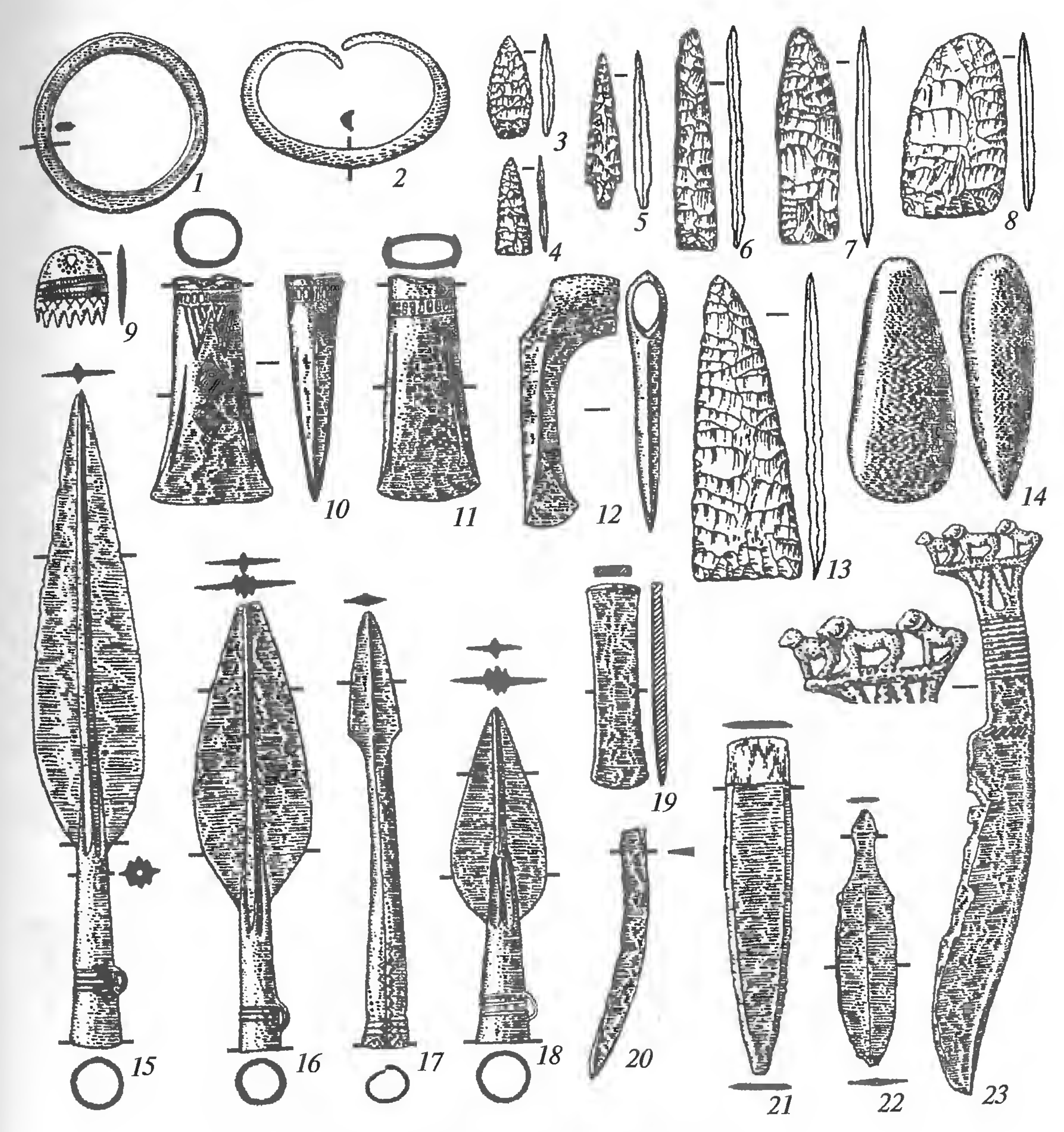
С распространением в лесной и лесостепной зонах Евразии — от Саяно-Алтая до Северной Финляндии — ***памятников сейминско-турбинского типа*** связан восточный импульс сложения Евразийской провинции. Эти памятники включают 6 крупных грунтовых некрополей (Ростовка, Сатыга, Турбино, Усть-Ветлуга, Сейма и Решное), малые и условные могильники, одиночные погребения на площади инокультурных кладбищ (Сопка 2), захоронение шаманского комплекта (Галичский клад), святилище в Калинской пещере на Печоре, единичные находки бронзового оружия и литейных форм. Все основные некрополи приурочены к крупным водным магистралям, часто к устьям больших рек. Однако до сих пор неизвестны поселения, которые можно было бы связать с этими могильниками.

Петровская культура:
1–7 — глиняные сосуды; 8, 9 — костяные псалии; 10, 11 — серповидные орудия; 12–15 — ножи; 16–18 — долото, тесло, стамеска; 19–21 — бронзовые и кремневый наконечники стрел; 22 — нагрудник; 23 — бляшка; 24 — кольцо; 25, 30 — накладки; 26 — наконечник копья; 27 — топор; 28 — накосник; 29 — браслет (*10–18, 23–27, 29, 30 — медь и бронза; 22, 28 — бронза, серебро, бисер*)

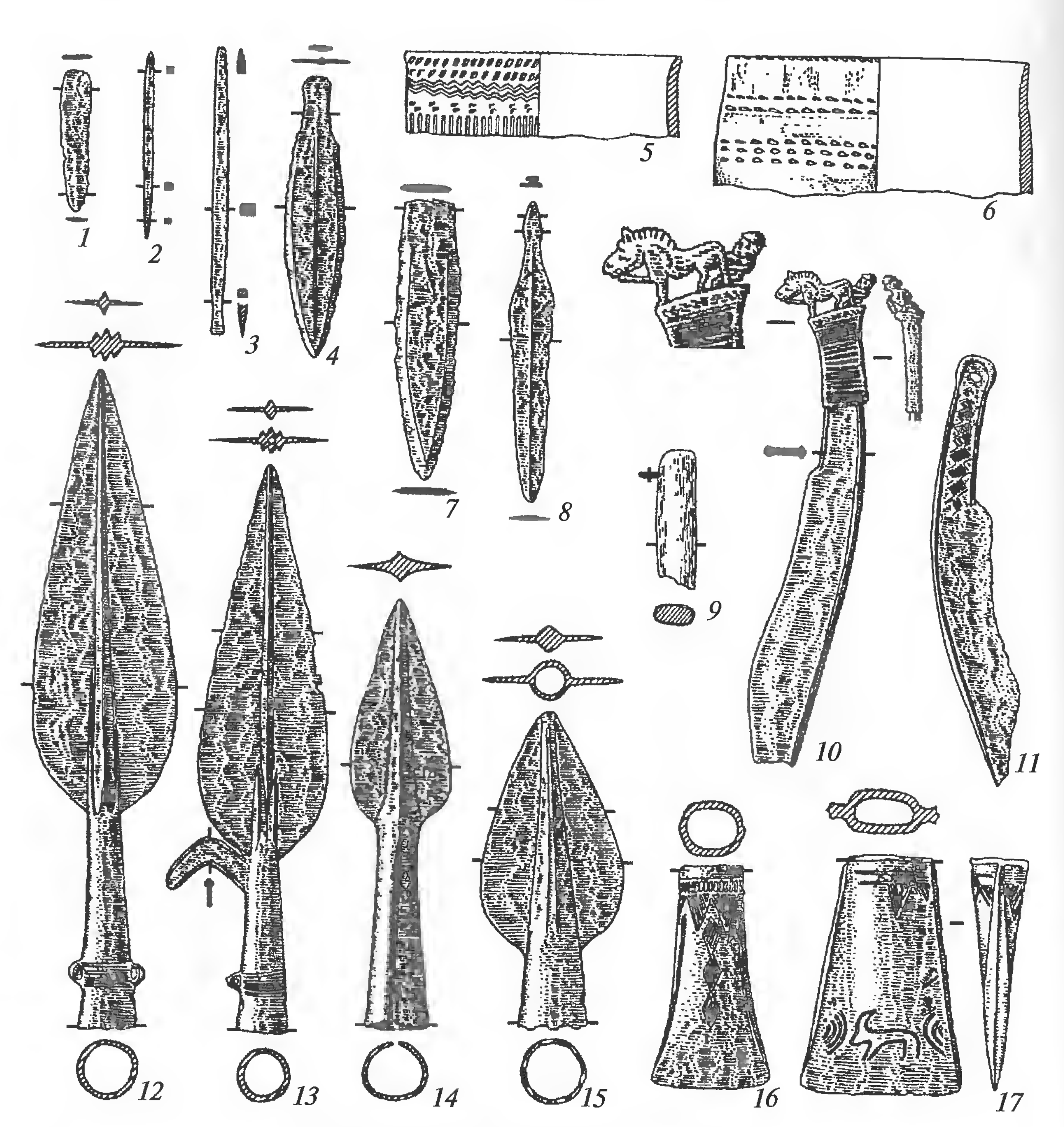
В большинстве могил человеческие останки отсутствуют или не сохранились; возможно, какая-то часть этих могил является кенотафами. В них редко ставили керамику. Выделяются захоронения кузнецов-литейщиков (Ростовка, Сопка 2, Сатыга). Погребальный инвентарь носит выраженный воинский характер (бронзовые топоры-кельты, наконечники копий, ножи-кинжалы, чеканы, каменные наконечники стрел, кожаные и костяные латы и щиты и др.), что позволяет рассматривать сейминско-турбинские могильники как дружинные некрополи. Сами формы металлических оружия и орудий, костяные пластинчатые доспехи, нефритовые украшения ранее вообще были неизвестны в большинстве культур Северной Евразии. Литье позволяло украшать топоры рельефными поясками, треугольниками и ромбами, а кинжалы и наконечники копий — скульптурными фигурками животных и людей. Кинжалы относятся к оружию княжеского ранга — каждый из них неповторим. Их рукояти с фигурками и головами животных (лошади, архары, быки, лоси, змеи) и человека отливались с использованием утрачиваемых восковых моделей. На ноже из Ростовки прилито скульптурное навершие — фигурки лошади и держащего ее за повод лыжника. В некрополях найдены уникальные нефритовые украшения — кольца, браслеты, бусины, не характерные для других культур Евразийской провинции.

Инвентарь Турбинского могильника:
1, 2 — нефритовый и бронзовый браслеты; 3–5 — наконечники стрел; 6–8, 13 — ножи-вкладыши; 9 — подвеска; 10, 11 — кельты; 12, 14 — топоры; 15–18 — наконечники копий; 19 — тесло; 20 — серповидное орудие; 21–23 — ножи и кинжал (*3–8, 13, 14 — камень; 16, 18 — биллон; 9–12, 15, 17, 19–23 — бронза*)

В Турбинском могильнике (ныне в черте г. Перми) вскрыто 10 четко зафиксированных погребений и 101 условное. Выявлено также 80–90 единичных находок, которые могут быть связаны как с могилами (в том числе кенотафами), так и с жертвенными комплексами. На площади некрополя намечаются группировки могил. Здесь найдено более 3000 предметов, в основном кремневые (наконечники стрел, ножи, вкладыши составных орудий, скребки, скобели, пластины) и металлические (кельты, топоры, наконечники копий, ножи и кинжалы, чеканы, браслеты, височные кольца, подвески) изделия, а также 36 нефритовых колец.

Инвентарь Ростовкинского могильника:
1, 4, 7, 8 — ножи; 2, 9 — шилья; 3 — стамеска; 5, 6 — керамика; 10, 11 — кинжалы; 12–15 — наконечники копий; 16, 17 — кельты (*1–4, 7, 8, 10–17 — бронза, 9 — кость и бронза*)

В могильнике Ростовка, расположенном на южной окраине г. Омска, обнаружено 38 грунтовых могил и ряд скоплений вещей вне могил. Захоронения совершены в ямах подпрямоугольной формы. Погребальный обряд разнообразен — трупоположение, трупосожжение на стороне с помещением обгорелых костей в могильную яму, захоронения без черепов, захоронение черепа. Многие погребения еще в древности подверглись разрушению и осквернению, вероятно, с целью нанесения «врагу» непоправимого урона — раскапывали могилу, разбивали черепа, ворошили верхнюю часть туловища, выкидывали останки из ямы. В то же время инвентарь, включая бронзовое оружие, золотые, нефритовые, лазуритовые и хрустальные кольца и бусины, оставался нетронутым. В двух могилах обнаружены тальковые и глиняные литейные формы. Вся керамика найдена вне могил.

Галичский клад, найденный близ с. Туровское в Костромской области, содержал в основном вещи ритуально-культового назначения — кинжал со змеиноголовой рукоятью, изогнутые ножи-ланцеты, фигурки идолов, увенчанные масками, маски-личины, зооморфные и антропоморфные фигуры, «шумящие» украшения и др. Предполагается, что это комплект вещей, которые сопровождали захоронение шамана, или кенотаф с культовой одеждой и соответствующими атрибутами шаманской ритуальной практики.

Канинская пещера расположена в верховьях р. Малая Печора в Республике Коми. Жертвоприношения совершались в глубине грота. Это поврежденные медные и бронзовые ножи и кинжалы, но главным образом кремневые и костяные наконечники стрел.

Памятники сейминско-турбинского типа рассматриваются как своеобразный транскультурный феномен: они распространены на огромных пространствах в окружении множества культур, контакты с которыми были явными, однако исключительно своей, строго очерченной территории они не имеют. Подвижность, динамичность, агрессивность носителей сейминско-турбинского феномена очевидна — от этапа формирования данной культуры в самом начале II тыс. до н.э. и ее стремительного продвижения на запад и северо-запад вплоть до исчезновения.

Два компонента легли в основу сейминско-турбинского феномена. Первый локализовался в степях, лесостепях и предгорьях Алтая и связан с племенами металлургов и коневодов (*елунинская, логиновская, кротовская* и другие *культуры*). Именно в этой алтайской среде зародились принципиально новые образцы втульчатого оружия и образы искусства (лошади, быки, бараны, верблюды и др.). Второй компонент — саянский — восходит к подвижным охотникам и рыболовам южной зоны восточносибирской тайги, известным по памятникам *глазковской, шиверской* и других *культур* Прибайкалья и бассейна Ангары. Носители этих культур добились совершенства в изготовлении кремневого, нефритового и костяного инвентаря; знали они и бронзолитейное дело, изготавливая, в частности, простейшие формы двулезвийных пластинчатых клинков, ножи-скобели, пилки. Все эти достижения, а также образы таежного мира (змея, лось, медведь и др.) они привнесли в культуру сейминско-турбинских племен. Органическое слияние алтайского и саянского компонентов в единую культуру произошло, вероятно, в лесостепных предгорьях между Обью и Иртышом.

Переходы-миграции сейминско-турбинских племен были стремительными. Первый этап проходил по Западной Сибири. Скорее всего, уже первые столкновения с петровскими племенами в иртышской лесостепи заставили сейминско-турбинские группы двигаться к Уралу более северными путями. По достижении Урала в состав сейминско-турбинских популяций включается абашевский компонент. Восточноевропейский этап характеризовался различными направлениями передвижений: по Каме вверх и вниз вплоть до Волги и низовьев Оки, на север — до бассейнов Печоры и Вычегды, на запад по волжскому пути — вплоть до Белого озера и северных районов Финляндии.

В степных и лесостепных районах Западной Сибири выявляется целая группа культур — *елунинская, логиновская* и *кротовская*, в той или иной мере причастных к формированию сейминско-турбинского феномена. В погребальных и поселенческих памятниках этих культур (Елунино, Цыганкова Сопка 2, Черноозерье 6 и др.) известны единичные образцы оружия сейминско-турбинских типов (ножи, кельты, наконечники копий) и три литейные формы для отливки вильчатых наконечников копий. Керамика из поминальных тризн могильника Ростовка является кротовской и в небольшом количестве — петровской. Близки к кротовским сосуды из могильника Сатыга на таежной Конде. Поселенческие памятники других культур западносибирской лесостепи и южнотаежной зоны (*одиновская, вишневская, ташковская* и др.) не связаны с формированием сейминско-турбинских древностей. Металлообработка этих культур основана на использовании «чистой» меди, но появляются и первые изделия из оловянных бронз.

7.2.2. Срубно-андроновский мир и его периферия

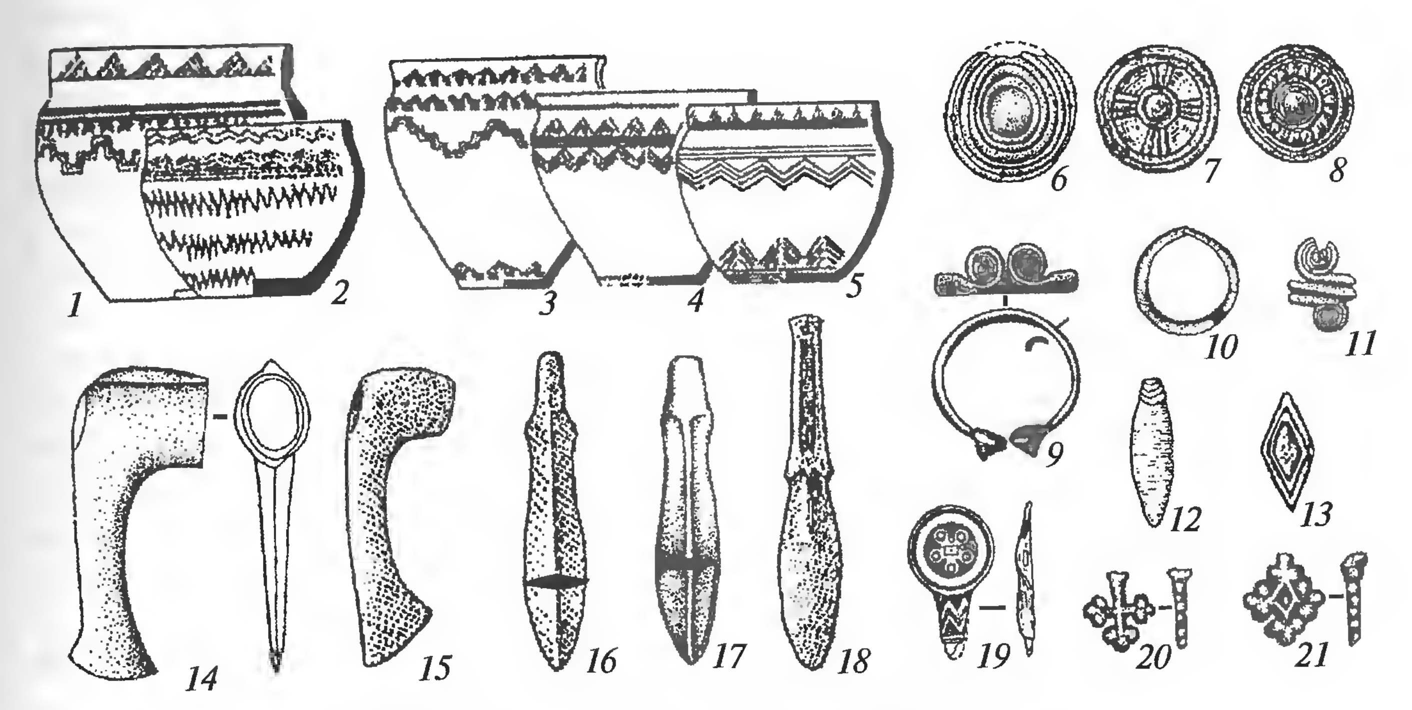
В XVII–XVI вв. до н.э. завершается процесс формирования Евразийской металлургической провинции, происходит стабилизация производственных центров и значительная унификация продукции в основных регионах ЕАМП. На этой фазе все пространство евразийских степей и лесостепей занято памятниками *срубной, алакульской* и *федоровской культур*. Название срубной культуры восходит к форме погребального сооружения (сруб), других — связано с озером Алакуль и с. Федоровка в Зауралье, где раскопаны первые курганы этих культур. Фаза активного и динамичного существования срубной и алакульской общностей протекала, вероятно, в пределах второй четверти II тыс. до н.э. Условной границей между ними принято считать Уральские горы и реку Урал.

Срубно-алакульский мир — это по преимуществу мир скотоводов и металлургов. Археологические источники не фиксируют каких-либо серьезных отклонений от модели хозяйственно-культурного типа, сложившейся в предшествующее время (пастушеское скотоводство). Существенно сокращается число богатых и социально престижных захоронений и количество вещей в них. Увеличивается количество безынвентарных погребений. Умершие хоронились скорченно, обычно на левом боку и сопровождались одним или несколькими сосудами, иногда медным или бронзовым ножом и шилом. В целом же культура срубно-алакульского мира удивительно монотонна и стандартизирована. Это проявляется в домостроительстве, курганном обряде захоронения, керамике и ее лаконичном декоре, изделиях из металла, кости и камня и т.д. В кратчайшие сроки срубные и алакульские скотоводы освоили не только пространство вдоль крупных водных магистралей, но и маловодные глубинные лесостепные и степные ландшафты. Судя по числу известных поселений (счет которых идет на тысячи), в эту эпоху происходит настоящий демографический взрыв. Никогда позже, вплоть до колонизации XVIII–XIX вв., в евразийской степи и лесостепи не было такой плотности населения.

Формирование срубно-алакульского блока культур стало ключевым моментом в стабилизации производящих центров Евразийской провинции. На этой фазе в основных регионах ЕАМП происходит значительная унификация металлической продукции, повсеместно распространяются оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы. Огромное большинство металла сосредоточено прежде всего в степных и лесостепных центрах. Очаги металлообработки культур северной лесостепи и таежной зоны являются в это время еще сравнительно маломощными. В формах изделий и технологии металлообработки лесостепных и южнотаежных культур (*поздняковская, приказанская, черкаскульская* и др.) особенно заметно воздействие срубных и алакульских центров. Производство культур таежной зоны и восточных областей Западной Сибири (*самусьская* и *гребенчато-ямочной керамики*) развивается под влиянием сейминско-турбинского импульса.

Ареал ***алакульской культуры*** был значительно расширен по сравнению с петровской до Иртыша на востоке, на юге — до севера Средней Азии. Исчезают оборонительные сооружения вокруг поселков, увеличиваются размеры жилищ. На многих поселениях обнаружены печи для выплавки меди из руды, в том числе сложной конструкции — с воздуходувными каналами для подачи кислорода в плавильную камеру.

Погребальный инвентарь алакульской культуры:
1–5 — керамика; 6–8, 13 — накладки; 9 — браслет; 10 — височное кольцо; 11 — перстень; 12 — подвеска; 14, 15 — топоры; 16–18 — ножи; 19 — костяной псалий; 20, 21 — бляшки (*6–10 — бронза и золотая фольга; 11–18, 20, 21 — бронза*)

Погребальные сооружения в могильниках становятся более многообразными — встречаются земляные и каменные насыпи, оградки из каменных плит (Алакуль, Кулевчи 6). Внутри ямы — сруб или облицовка стен плахами с перекрытием в виде деревянного наката, каменные ящики, перекрытые плитами. Погребенные сопровождались посудой с мясной или молочной пищей. Чаще всего это профилированные горшки, украшенные по шейке и тулову меандрами, треугольниками, лентами зигзага. В мужских погребениях обычны медные и бронзовые ножи и шилья, иногда встречаются каменные топоры, булавы, молотки, кремневые, костяные и бронзовые наконечники стрел. Редкими становятся предметы конской упряжи. При этом щитковые псалии, пряжки и другие детали узды обнаруживаются в основном в поселениях, но не в могильниках. Погребения женщин сопровождались традиционным набором бронзовых украшений костюма (бляшки, накладки, браслеты, перстни, височные кольца, бусины и др.), головного убора (накосники) и даже обуви.

В *алакульских очагах металлообработки* в Центральном, Северном, Западном Казахстане и Зауралье использовалась почти исключительно оловянная бронза. Из этого сплава отливались втульчатые топоры, наконечники копий и стрел, черешковые и втульчатые тесла, долота, пробойники и чеканы, серпы-секачи, двулезвийные и реже однолезвийные ножи, разнообразные украшения (бляшки, накладки, браслеты, кольца, подвески, пронизи и др.). Большинство браслетов и колец покрыто тонкой золотой фольгой, а на многих бляшках, накладках и пронизях с помощью матриц нанесены рельефные линии и узоры.

Ведущей формой хозяйственной деятельности являлось пастушеское животноводство, прежде всего разведение крупного рогатого скота. Возможно, в районах сухих степей и полупустынь практиковалось полукочевое скотоводство. Важная роль принадлежала лошади — наряду с быками она стала использоваться в эту эпоху как тягловое животное. Грузы перевозились, вероятно, и двугорбыми верблюдами, костные остатки которых найдены в слоях алакульских поселений. Ранее предполагалось наличие мотыжного пойменного земледелия, однако прямые его свидетельства — остатки зерен злаков — в археологических памятниках отсутствуют. Металлургическое производство алакульских очагов по обеспеченности сырьевыми ресурсами являлось наиболее мощным в Евразийской провинции. Алакульские горняки разрабатывали меднорудные и полиметаллические месторождения Мугоджар, Северного и Центрального Казахстана, Рудного Алтая. Особое значение приобретают оловорудные разработки в Калбинском и Нарымском хребтах, ставшие в это время главным источником лигатуры бронз для всей Евразийской провинции. Были освоены также месторождения золота в Северном Казахстане и на Алтае.

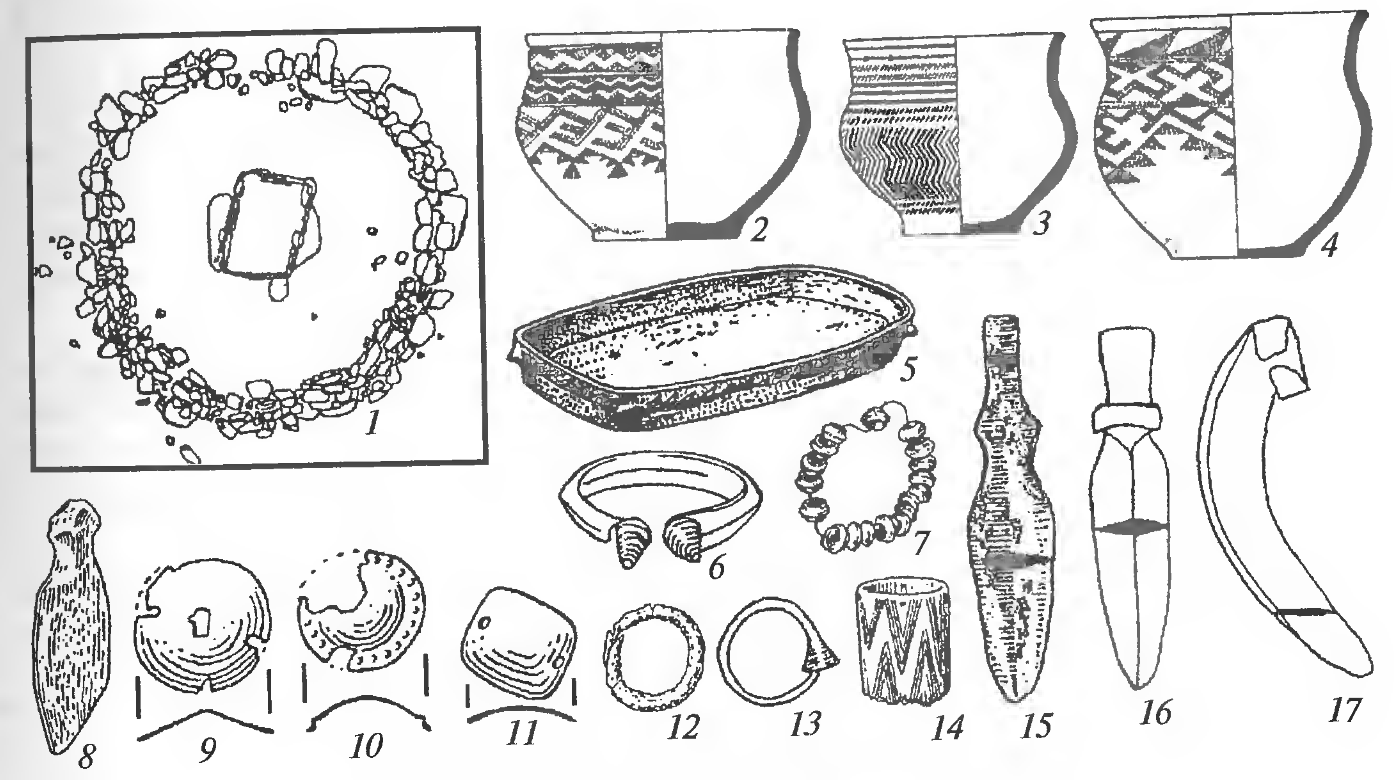
Финал алакульской культуры (XV/XIV вв. до н.э.) связан с формированием памятников *алексеевско-саргаринского типа*, изученных в Зауралье, Казахстане, Семиречье и на Алтае.

Памятники ***федоровской культуры*** не образуют сплошного массива: они исследованы несколькими локальными группами в Зауралье, Казахстане,

на юге Западной Сибири, в Минусинской котловине, горах Средней Азии. Происхождение и хронология этих памятников являются предметом споров. Наиболее обоснована гипотеза о центрально- и восточноказахстанских истоках федоровской культуры. Древности ее раннего этапа существовали синхронно с алакульскими, а позднефедоровские памятники, вероятно, сосуществуют какое-то время с алексеевско-саргаринскими.

Основной принцип планировки поселков — линейный. Дома расположены в 1–2 ряда вдоль береговой кромки реки. Это легкие каркасные жилища или крупные многокамерные полуземлянки с мощными стенами. Производственные металлургические сооружения на территории поселков обособлены от жилых (Атасу). Могильники представляют собой невысокие насыпи, окруженные каменными оградками округлой или прямоугольной формы (Федоровский, Путиловская Заимка); известны и грунтовые некрополи. Встречаются долговременные памятники (30–120 и более сооружений) и небольшие могильники (6–25 курганов). Количество могил в кургане невелико — одна или несколько. Ямы расположены в центре кургана, по кругу или в ряд. Погребальные камеры сооружались из камня, дерева или глины, что придавало могильным ямам вид жилища-склепа. Особенно характерны для этой культуры каменные ящики и цисты. У федоровцев фиксируется устойчивый обряд сожжения и помещения праха в могилу, но распространен и обряд трупоположения. Известны могилы с погребальным инвентарем, но без останков умершего, а также символические погребения без инвентаря и останков.

Погребальный инвентарь федоровской культуры:

1 — план каменной оградки с могилой в центре; 2–4 — керамика; 5 — глиняная жаровня; 6 — браслет; 7 — бусы; 8 — каменная подвеска; 9–11 — накладки; 12, 13 — височные кольца; 14 — деревянная бадейка; 15, 16 — ножи; 17 — серп (*6, 7, 9–13, 15–17 — бронза*)

Керамика представлена двумя группами сосудов: парадно-ритуальной и хозяйственно-бытовой. Первая — профилированные горшки с орнаментом в виде косых треугольников, ромбов, меандров, образующих сложные ковровые узоры, — сосредоточена в основном в погребениях, вторая — горшки и банки с более простыми узорами — в слоях поселений. Из оловянной бронзы изготовлялись втульчатые топоры, крюки и наконечники стрел, двулезвийные и реже однолезвийные ножи и кинжалы, серпы-секачи, разнообразные украшения, часто обложенные золотой фольгой. Особенно характерны для федоровской металлообработки браслеты со спиралевидными «рогатыми» концами, кольца с раструбом, накладки со штампованным узором, ножевидные подвески.

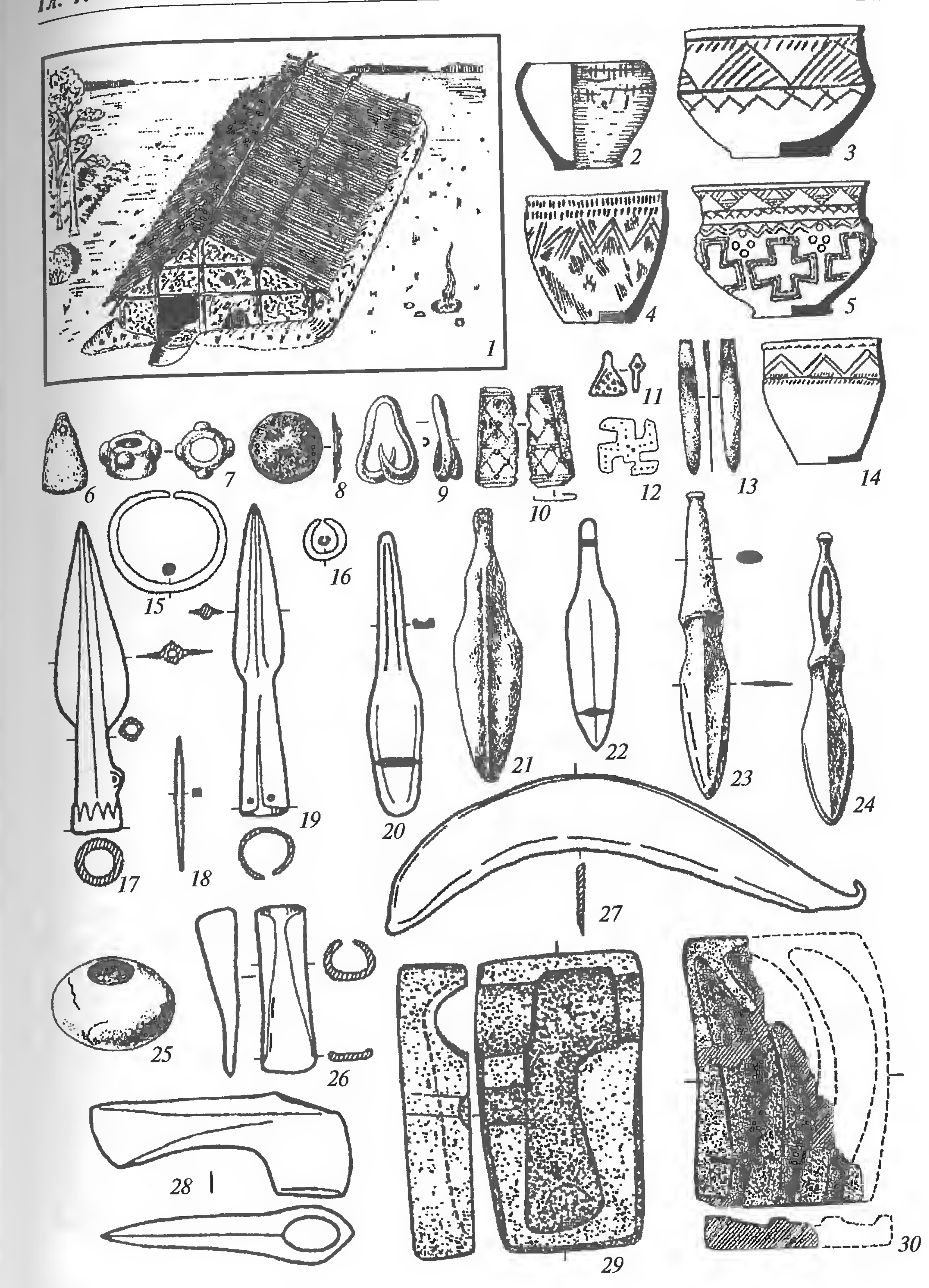
Ареал ***срубной культурно-исторической общности*** — степи, лесостепи и полупустыни Восточной Европы, Южного Зауралья и Западного Казахстана. Происхождение срубных древностей остается одной из самых сложных проблем археологии бронзового века. Ранее предполагалось, что первоначальное ядро срубной культуры сложилось на основе позднеямной культуры в Заволжье. Отсюда якобы началось ее распространение на запад до Днепра и на восток до Урала. В настоящее время предполагается, что срубная культура Днепровско-Донецкого междуречья сформировалась на основе местной бабинской культуры при участии населения донской абашевской культуры. В Доно-Волго-Уральском междуречье истоки раннесрубных древностей связываются с предшествующими культурами — позднекатакомбными, позднеямной, абашевской и синташтинской.

В пределах срубной общности выделяется несколько локальных вариантов и даже культур. Намечаются три этапа ее развития. Раннесрубный соответствует началу формирования этих древностей (XVII/XVI вв. до н.э.). На данном этапе отчетливо проявляются черты эпохи средней бронзы. Второй и третий этапы (XVI/XV–XV/XIV вв. до н.э.) — период сложения, стабильного развития, а затем трансформации срубной общности. Характерной чертой данных этапов является активное взаимодействие с восточным андроновским — алакульским и федоровским — миром, а затем с «андроноидными» культурами — черкаскульской, сусканской и др.

Памятники срубной общности представлены поселениями, курганными и грунтовыми могильниками, рудными выработками, кладами медных слитков и орудий, а также случайными находками. Поселения расположены обычно на низких речных террасах. Жилища — наземные, полуземлянки и землянки, с двускатной или шатровой крышей — сооружались с использованием каркасно-столбовой конструкции. Стены сложены из дерна, бревен, редко — камня-плитняка. В больших постройках жилая часть чаще

Срубная культурно-историческая общность:
1 — реконструкция жилища; 2–5, 14 — керамика; 6, 9, 11, 13 — подвески; 7 — модель булавы; 8, 12 — накладки; 10 — обоймица; 15 — браслет; 16 — кольцо; 17, 19 — наконечники копий; 18 — шило; 20–24 — ножи и кинжалы; 25 — булава из мрамора; 26 — долото; 27 — серп-секач; 28 — топор; 29, 30 — глиняные формы для отливки топора и серпов-секачей (*6, 7 — кость; 8–13, 15–24, 26–28 — медь и бронза*)

всего обособлена от подсобно-хозяйственной. Внутри жилищ располагались один или несколько очагов, подпольные ямы, иногда колодец.

Курганные могильники (Бережновка, Ягодное, Хрящевка) размещаются на террасах или возвышенностях по берегам рек, реже — на водоразделах. Они включают небольшое число насыпей — от 2 до 10–15; одиночные курганы и огромные некрополи являются редкостью. Могильные конструкции — прямоугольной формы — представлены ямами, деревянными срубами и каменными ящиками. Они часто перекрывались бревенчатым накатом или плахами. Погребенные лежали скорченно, обычно на левом боку, в позе адорации. В грунтовых могильниках (Смеловский, Алексеевский, Съезжинский) захоронения располагались рядами. В могилу клали части туш домашних животных в качестве заупокойной пищи, один или несколько сосудов, иногда вместе с медным или бронзовым ножом, шилом, украшениями. В восточных районах общности известны женские захоронения с богатыми накосниками, изготовленными алакульскими мастерами из листовой бронзы, золотой и серебряной фольги (Лузановский, Ново-Ябалаклинский 1).

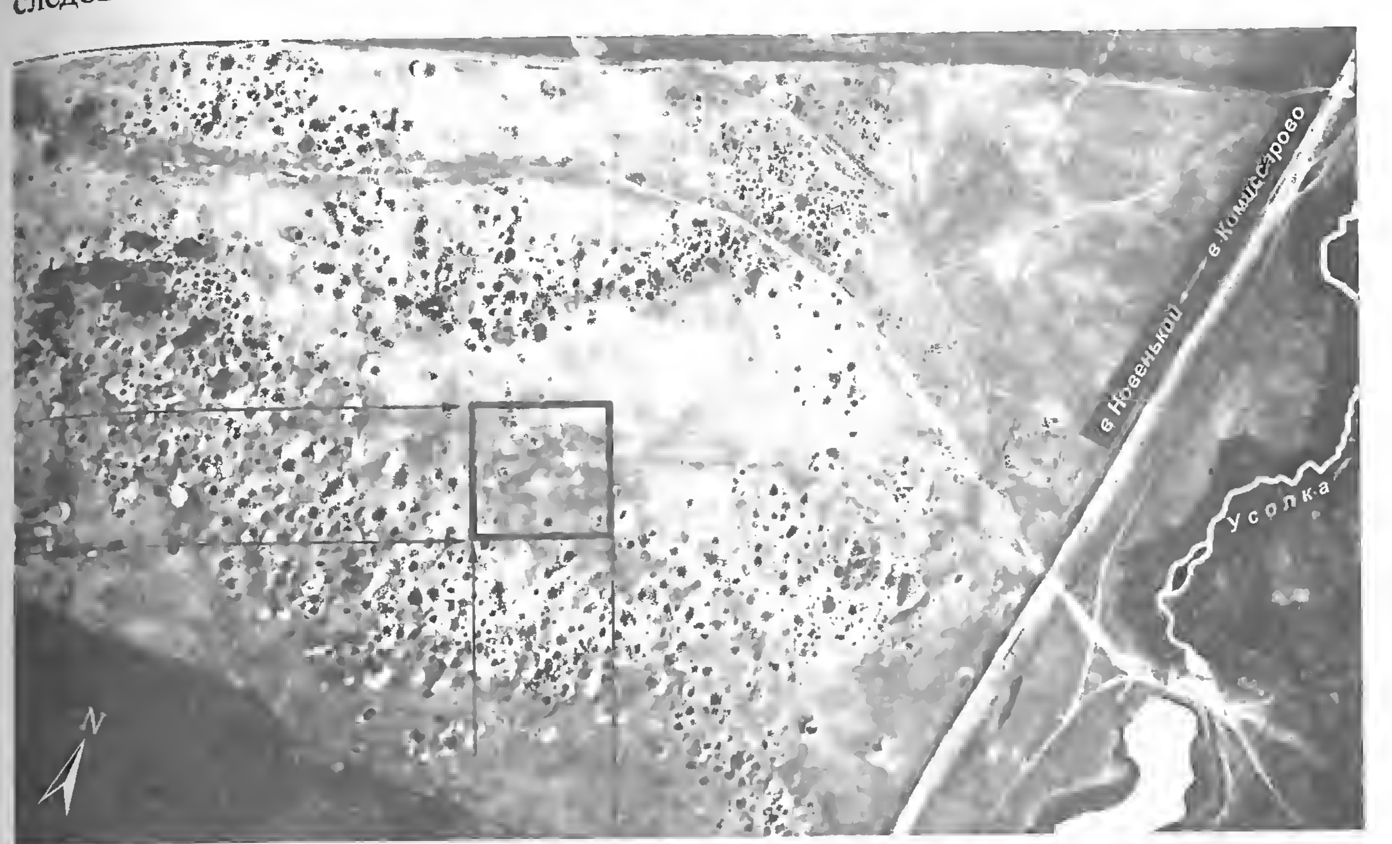
Керамика поселений и могильников представлена баночными, горшковидными и острореберными сосудами. Она украшена горизонтальными и наклонными линиями, каннелюрами, зигзагом, елочкой, геометрическими фигурами. В погребениях встречается деревянная посуда, иногда с бронзовыми оковками. Разнообразные орудия труда и оружие из камня представлены сверлеными топорами и булавами, наконечниками стрел, скребками, молотами и молотками, наковальнями, рудотерками, абразивами и др.; известны и украшения — бусины, подвески. Не менее разнообразны изделия из кости: рукояти металлических ножей и шильев, лощила и шпатели, проколки, иглы и спицы, совки и лопаты, наконечники стрел, псалии, кольца, пуговицы, пронизи, игральные (гадальные) кости и др.

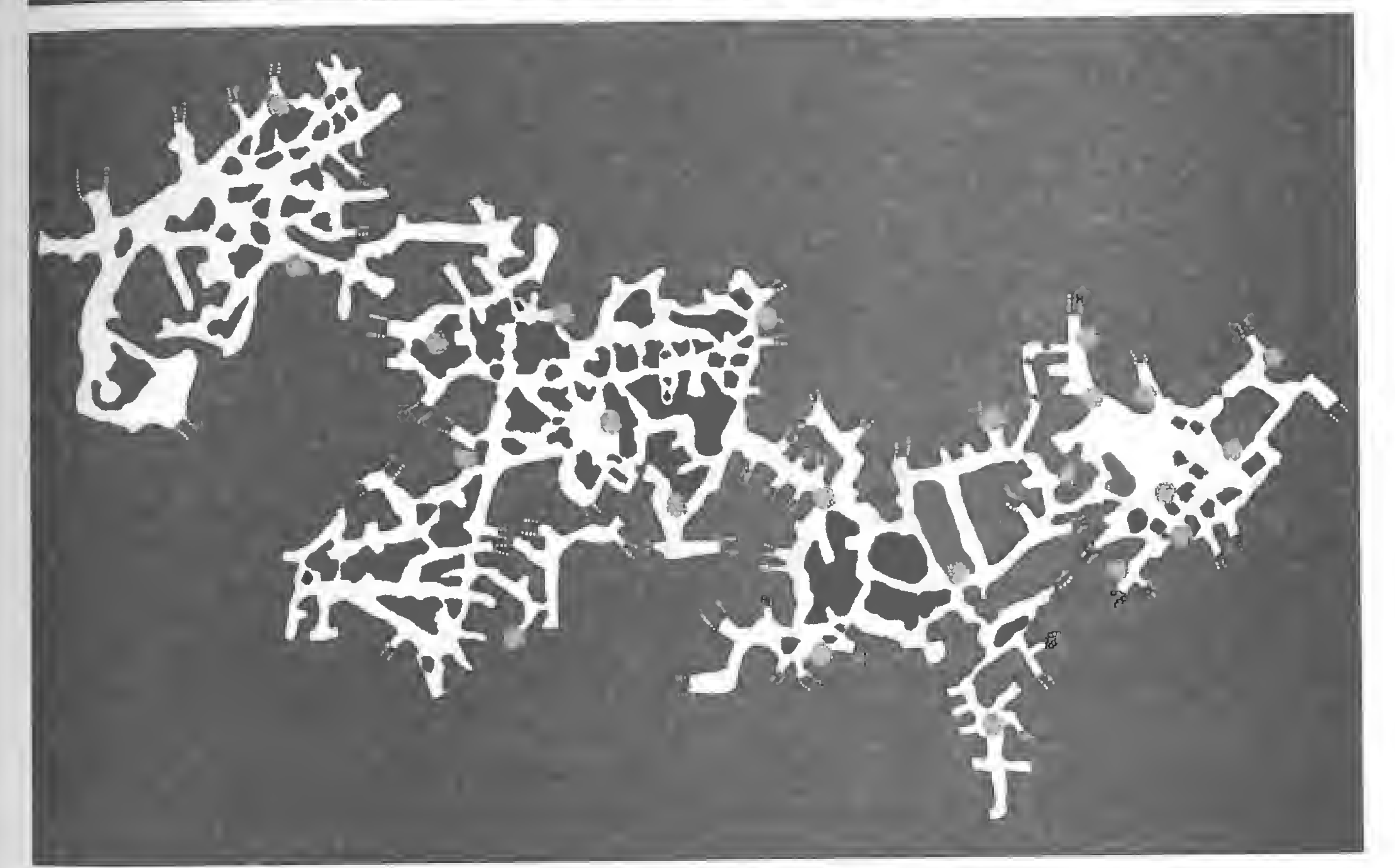
Горно-металлургическое производство срубной общности базировалось на медистых песчаниках Приуралья и Донецкого кряжа на востоке Украины. Основные производящие центры — *Каргалинский* (доминирующий) и *Донецкий* — расположены на периферии общности. Эксплуатировались и маломощные рудопроявления Среднего Поволжья (Михайло-Овсянка и др.). Распространение меди из этих центров имело главным образом широтный характер, в пределах восточноевропейской степи и лесостепи. Значительная часть металла, особенно украшений, поступала из мастерских алакульской общности Казахстана. Медь Каргалинского горно-металлургического центра использовалась только в Волго-Уральском регионе, не переходя восточную границу срубного ареала. Несмотря на большой импорт сырья и украшений с востока (оловянные и сурьмяно-мышьяковые бронзы), стратегически важная сфера изготовления орудий труда и оружия оставалась в руках срубных кузнецов и литейщиков, использовавших в основном «чистую» каргалинскую и донецкую медь.

Поражают масштабы производственной деятельности *Каргалинского центра* — крупнейшего в Северной Евразии горнодобывающего, метал-

лургического и металлообрабатывающего комплекса. Здесь открыты более 20 поселков горняков и металлургов срубной общности, многие тысячи следов поверхностных и подземных выработок. Для добычи и первичной

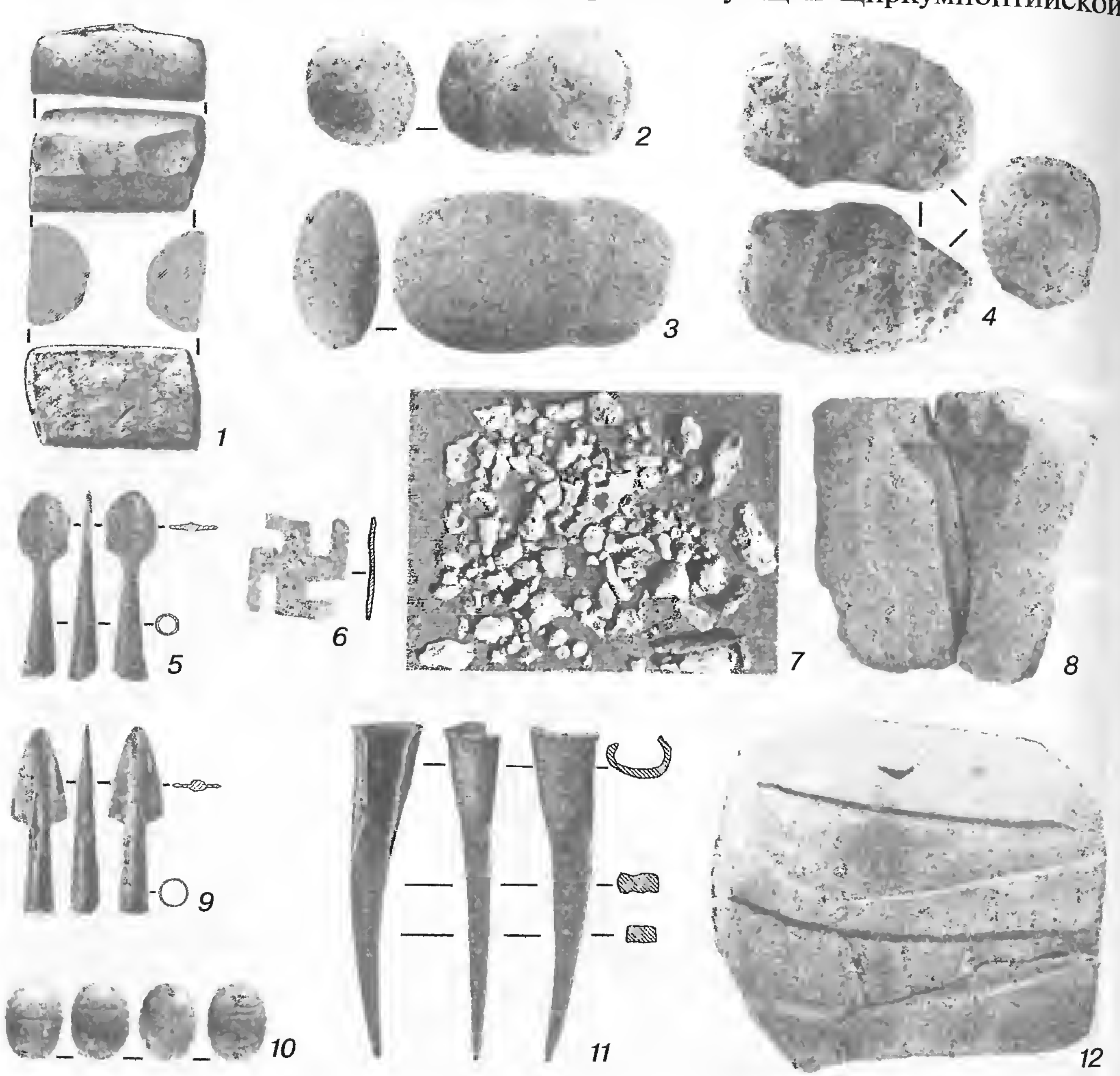
Каргалинский горно-металлургический центр:

1 — площадка поселения Горный (в центре) и следы древних и старинных горнопроходческих работ, *аэрофотоснимок* (*черный квадрат — место сосредоточения археологических раскопов*); 2 — лабиринт зафиксированных подземных выработок (*на глубине 10–15 м*) на Мясниковском участке

обработки руды требовалось огромное количество медных, костяных и каменных инструментов.

Базовое производство металлических изделий осуществлялось в нескольких специализированных центрах — Горный 1 (Приуралье), Липовый Овраг (Среднее Поволжье), Мосоловка (Подонье), Усово озеро (Восточная Украина) и др. Но если металлообработка Горного была направлена на изготовление горнопроходческих орудий (пешни, кирки, кайла, клинья), использовавшихся здесь же, на Каргалах, то продукция Мосоловки и других центров (серпы-секачи, топоры, наконечники копий, тесла и долота) предназначалась прежде всего для внешнего товарного обмена.

Основные формы орудий и оружия в очагах металлообработки срубной общности восходят к стереотипам предшествующей Циркумпонтийской

Горный — поселение горняков и металлургов срубной общности:
1 — наковальня; 2, 3 — молотки; 4 — кувалда; 5, 9 — наконечники стрел; 6 — накладка; 7 — отходы выплавки и плавки меди; 8, 12 — формы для отливки кирки-пешни и серпов-секачей; 10 — костяные игральные (гадальные) кости; 11 — кирка-пешня (*1–4, 8, 12 — камень; 5, 6, 9, 11 — медь и бронза*)

провинции — это топоры, плоские и желобчатые тесла и долота, черенковые ножи и кинжалы и др. Топоры и серпы-секачи становятся более массивными. Появляются новые образцы орудий — кельты-тесла с открытой втулкой. Внедряется технология тонкостенного литья втульчатых наконечников копий, тесел и долот, но отливка заготовок и последующая ковка все еще остаются важнейшими приемами формообразования орудий. Срубные кузнецы овладевают секретами получения кричного железа, из которого отковываются еще немногочисленные ножи и шилья. Несмотря на обилие и разнообразие украшений (браслеты, кольца, подвески, накладки, бусы и др.) и использование драгоценных металлов — золота и серебра при их изготовлении, ювелирное дело срубной общности заметно уступает по своим масштабам и качеству исполнения восточному — алакульскому и федоровскому.

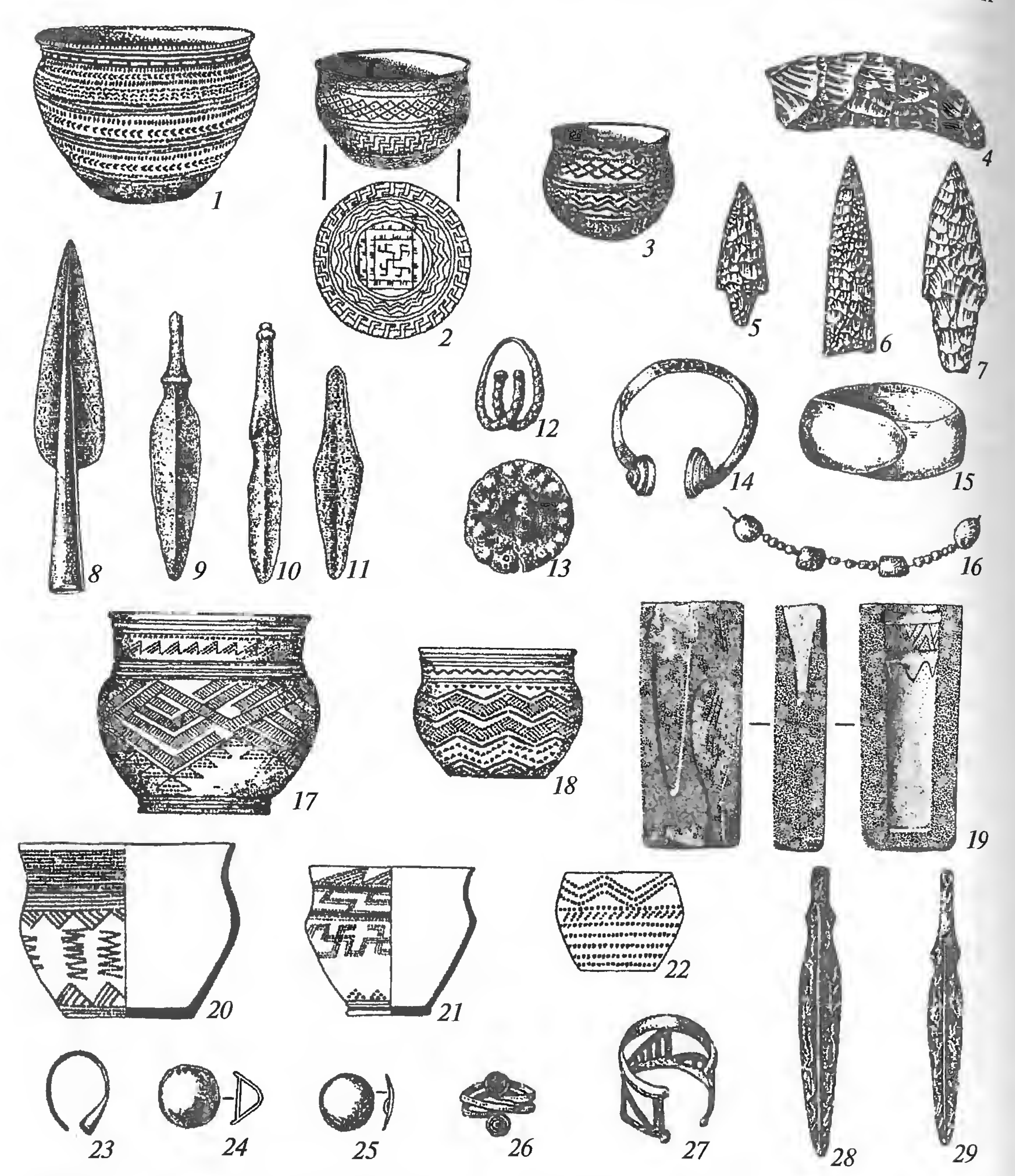
Ранее традиционно считалось, что для срубной общности характерен оседлый скотоводческо-земледельческий тип хозяйства. Однако единичные зерна культурных злаков (в основном просо) обнаружены лишь в Донецко-Днепровском междуречье, в зоне пограничья срубной и сабатиновской культур. Возможно, это свидетельствует о наличии здесь пойменного земледелия. Для основного ареала срубной общности ведущей формой хозяйственной деятельности являлось придомное и отгонное скотоводство, а в районах предкавказских и прикаспийских степей и полупустынь, возможно, практиковалась его полукочевая форма. Разведение крупного рогатого скота являлось основой жизнеобеспечения, меньшая роль принадлежала овцам, козам и лошадям.

Давно замечено сходство черт погребального обряда, керамики, бронзовых, железных и костяных орудий и оружия срубной общности и культур предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Многие исследователи полагают, что археологические культуры, связываемые с исторически известными народами — киммерийцами и скифами, являются продолжением срубной.

Население срубной и алакульской общностей оказало заметное воздействие на культуру и экономику народов лесной полосы Восточной Европы и северной лесостепи Западной Сибири. Однако воздействие срубно-алакульского мира не простирается на глубинные районы евразийской тайги. Для населения севера Восточной Европы характерен довольно примитивный уровень металлообработки. Пример тому — *культура асбестовой керамики* в Карелии. Население этого края не воспринимает новые технологии и использует все те же приемы ковки и литья самородной меди, укоренившиеся здесь в энеолитическую эпоху. На севере Восточной Европы известны единичные образцы топоров-кельтов (Вис 2), которые можно связать с воспроизводством сейминско-турбинского оружия. Они имеют характерную деталь — «ложные» ушки.

Только в пограничье лесостепи и леса — вдоль Оки, среднего течения Волги и низовий Камы — происходит трансформация аборигенных культур. Эти культуры, прежде всего *поздняковская* и *ранняя приказанская* (Поздняково, Подборное, Займище 3), восприняли новый социально-экономический уклад

и стереотипы ЕАМП, связанные с абашевской и срубной металлообработкой. Особенно отчетливо это проявилось в формах втульчатых наконечников копий, двулезвийных черенковых ножей, плоских тесел, кованых долот с разомк-

Культуры северной периферии срубно-андроновского мира (1–16 — поздняковская; 17–19 — черкаскульская; 20–29 — черноозерско-томский вариант):
1–3, 17, 18, 20–22 — керамика; 4 — скребок; 5–7 — наконечники стрел и дротика; 8 — наконечник копья; 9–11, 28, 29 — ножи и кинжалы; 12, 23 — височные кольца; 13 — накладка; 14, 15, 27 — браслеты; 16 — пронизки; 19 — форма для отливки долота и ножей; 24, 25 — бляшки; 26 — перстень (*4–7 — кремень; 12 — бронза и золотая фольга; 19 — тальк; 8–11, 13–16, 23–29 — бронза*)

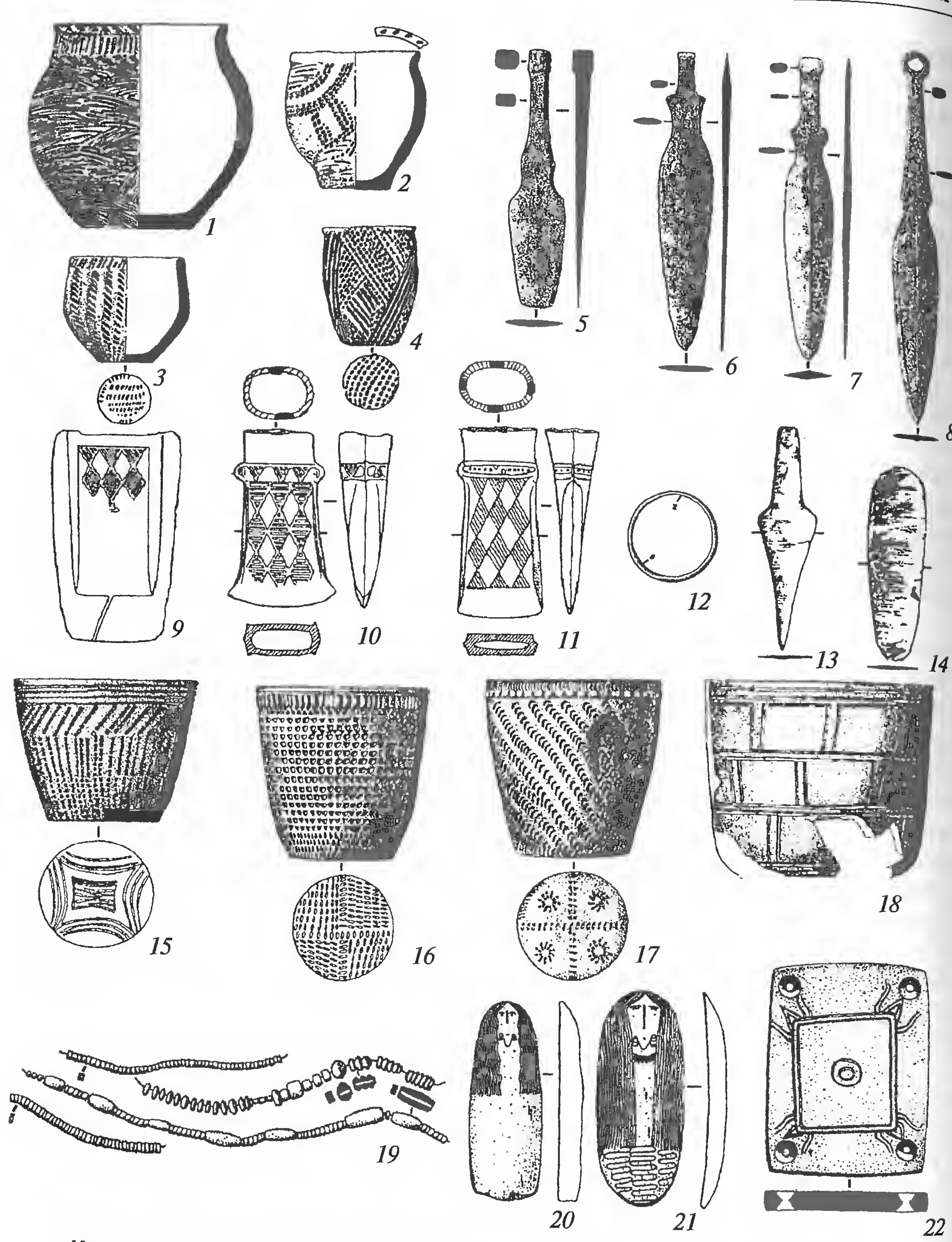
нутой втулкой, серпов-секачей, разнообразных типов украшений. Влияние южных лесостепных культур сказалось также в наборе керамики и погребальном обряде окского и волго-камского населения.

Аналогичные процессы протекали в северной лесостепи и в южнотаежной зоне Западной Сибири. Здесь, особенно в Тоболо-Иртышском междуречье, наблюдается проникновение на север алакульских и федоровских коллективов. Взаимодействие их с аборигенным населением привело к формированию своеобразных древностей *коптяковской* и *черкаскульской культур* (Коптяки 5, Березки 5г, Липовая Курья, Палатки 1), называемых в литературе «*андроноидными*». Они пришли здесь на смену памятникам ташковской культуры.

В таежной зоне Западной Сибири локализуются *культуры гребенчато-ямочной керамики* (Сайгатино 6, Волвонча 1, Пашкин Бор 1), которые различаются лишь деталями декора керамики. Металлообработка этой зоны представлена в основном литейными формами топоров-кельтов. Реконструируемые орудия формой и орнаментом (поясок из горизонтальных рельефных линий) напоминают, с одной стороны, кельты Турбинского могильника, а с другой — более поздние образцы ананьинской и кулайской общностей эпохи раннего железа.

В Обь-Иртышском междуречье проникновение алакульских и федоровских групп в северные районы лесостепи не было столь заметным. В этих районах продолжилось устойчивое развитие *кротовской культуры*. Памятники ее второго этапа представлены в основном поселениями (Инберень 10, Преображенка 3, Каргат 6). В керамике по-прежнему доминируют баночные формы, но изживается орнаментальная традиция (накольчато-отступающая), присущая раннему этапу культуры. Увеличилось количество сосудов с гребенчатым декором и валиками под шейкой. На высоком уровне остается обработка камня и кости. Исчезли бронзовые орудия и оружие сейминско-турбинских типов, но появились изделия и литейные формы андроновских типов (двулезвийные черенковые ножи, наконечники копий с «манжетой» на устье втулки, украшения). В многоотраслевом хозяйстве кротовских племен сочетались производящие (скотоводство, металлообработка) и присваивающие отрасли (охота, рыболовство, собирательство).

Традиции сейминско-турбинской металлообработки укоренились в эту эпоху лишь в таежной зоне Западной и Восточной Сибири, в Кузнецко-Салаирской горной системе и в узкой полосе ленточных боров Верхнего Приобья. Формы топоров-кельтов и наконечников копий, получившие название «*самусьско-кижировских*», отличаются от сейминско-турбинских существенными деталями («ложные» ушки, пышный «ковровый» орнамент, «псевдовилка»). Они характерны для *самусьской культуры* Верхнего и Среднего Приобья, Кузнецкой котловины (Самусь 4, Крохалевка 1, Танай 4). Восточнее, в районах Саяно-Алтая, развиваются *окуневская* и *каракольская культуры* Саяно-Алтая (Окунев улус, Черновая 8, Озерное, Каракол). Для этих сибирских культур характерны своеобразные и сходные антропо- и зооморфные сюжеты на керамике, стелах и плитах погребальных камер.

Инвентарь кротовской (1–8), самусьской (9–11) и окуневской (12–22) культур:
1–4, 15–18 — керамика; 5–8, 13, 14 — ножи и кинжалы; 9 — литейная форма для отливки кельта; 10, 11 — кельты; 12 — кольцо; 19 — ожерелья; 20, 21 — пластинки с изображениями женских лиц; 22 — пряжка (*5–8, 10–14 — бронза; 19, 22 — камень; 20, 21 — кость*)

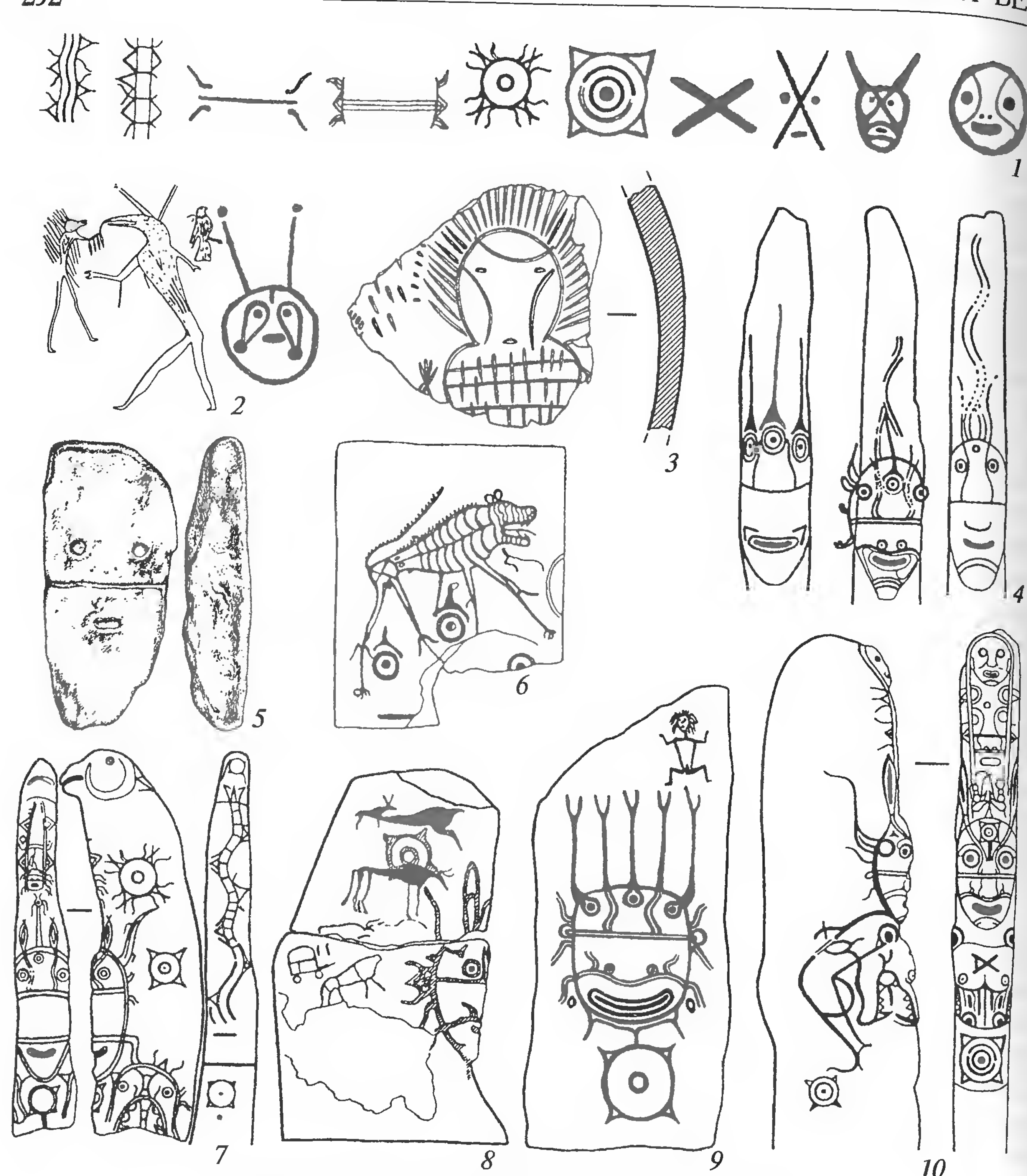

7.2.3. Общность КВК и «андроноидные» культуры

На третьем этапе развития Евразийской провинции основные культурно-исторические процессы характеризуются двумя коренными явлениями. Степные пространства стали ареной консолидации населения срубно-андроновского мира, что в итоге привело к формированию общности ***культур с валиковой керамикой*** (***КВК***). Эта перестройка культур степного пояса, вероятно, была вызвана начавшейся аридизацией климата, иссушением почв и ухудшением пастбищных угодий. Напротив, в лесостепных и южнотаежных широтах наблюдается мозаичность культур, которая плавно переходит в монотонную картину мира лесных охотников и рыболовов с присущей этим обществам *гребенчато-ямочной керамикой* на востоке и *текстильной* — на западе. В этот период происходит передислокация основных очагов металлообработки ЕАМП в лесную и лесостепную зоны. Горно-металлургические центры Саяно-Алтая, Казахстана и Урала направляют основную долю производимого металла в эти районы. В технологии производства и в морфологии металлических изделий происходят существенные изменения. Повсеместно используются искусственные сплавы. Наряду с изготовлением двулезвийных ножей и кинжалов, втульчатых топоров, плоских и желобчатых тесел и долот, восходящих к ранним циркумпонтийским стереотипам, в степи и лесостепи начинается массовое производство втульчатых топоров-кельтов, наконечников копий и стрел, тесел, однолезвийных ножей. Технология тонкостенного литья становится ведущей в металлообработке. Появляются новые образцы орудий и оружия, например массивные серпы-секачи и прорезные наконечники копий.

Общность КВК в азиатских и европейских степях характеризуется на ранней стадии заметным единством материальной культуры. Свое название она получила от характерной детали декора сосудов — налепных валиков под венчиком, по горлу или плечикам, иногда со свисающими концами в виде «усов». Культуры валиковой керамики охватили территорию от Алтая на востоке до Нижнего Дуная и Восточных Карпат на западе. В ней выделены две основные зоны — *западная (фракийская)* и *восточная*. Граница между ними — в междуречье Северского Донца и Днепра.

Восточная зона общности простиралась от Доно-Донецкого междуречья на западе до Верхней Оби на востоке и северных полупустынь Средней Азии на юге. К ней относят памятники *ивановского типа* восточноевропейской степи (их порою еще называют *хвалынскими* или *позднесрубными*) и *алексеевского, саргаринского* и *дандыбай-бегазинского* — азиатской. Однако за разными названиями памятников азиатских степей, по сути, кроются единые по своей материальной культуре древности. Общие черты в культурах общности КВК проявляются, помимо керамических традиций, в отказе от подкурганного обряда погребения, в приемах домостроительства, распространении земледелия, структуре скотоводческого хозяйства, в котором возрастает роль овец и лошадей. Весьма сходным оказался и морфологический состав металлического инвентаря.

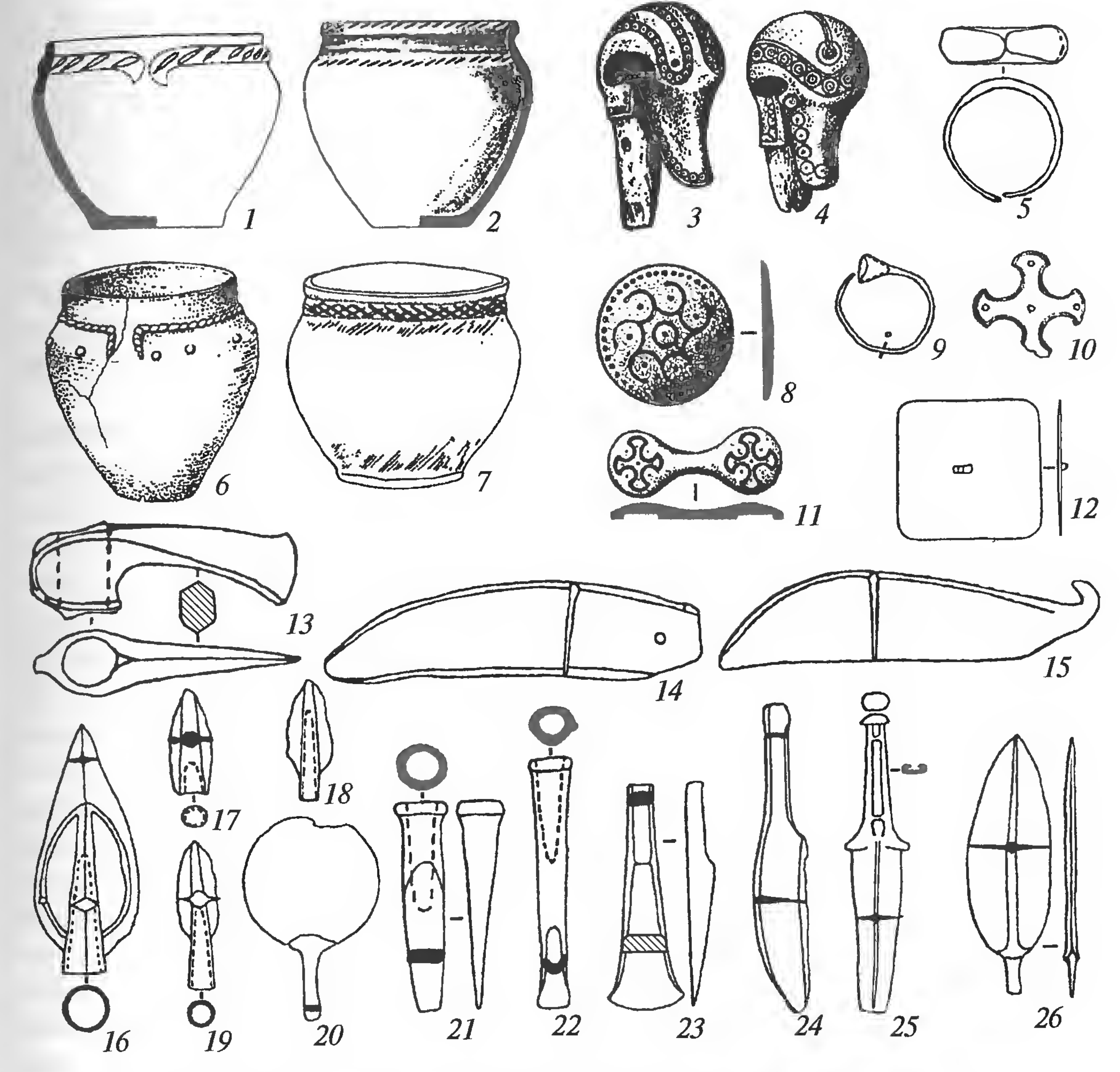

Изобразительные памятники окуневской культуры:
1 — знаки-символы на каменных стелах; 2 — антропоморфные фигуры с головами птиц рядом с личиной (*на плите из могильника Тас-Хаза*); 3, 5 — личины на сосуде и каменной плите; 4, 6–10 — стелы с многофигурными изображениями

Массовыми, особенно в западной зоне, становятся клады медных и бронзовых предметов. В восточной зоне их существенно меньше (Сосново-Мазинский, Дербеденевский, Кармановский, Терешковский, Шамшинский и др.). В состав кладов входили в основном серпы и топоры-кельты, не встречающиеся в погребениях. В кладе из Сосновой Мазы близ г. Хвалынска на Волге у массивных серпов-косарей и кинжалов после отливки не устранены литейные швы и заусеницы. На изготовление орудий этого клада пошло два медных слитка весом по 7–8 кг каждый.

В этот период в лесостепных и южнотаежных районах Волго-Уралья активизировался процесс «андронизации» местных культур, связанный с распространением *федоровских* и *черкаскульских* древностей. Примером тому — памятники *сусканского* и *приказанского типов* (Сускан 1, Луговское 1, Карташиха). Отдельные районы лесостепи, в частности, верховья Дона, остаются в сфере формирующейся общности КВК (Мельгуново 3). В Волго-Окском междуречье памятники поздняковской культуры замещаются древностями *культуры ранней «текстильной» керамики* (Тюков Городок, Фефелов Бор 1, Дикариха). Предполагается исход значительной части населения поздняковской культуры в юго-западные районы и его вклад в формирование памятников *бондарихинской культуры* Восточной Украины.

Инвентарь общности культур с «валиковой» керамикой (восточная зона):
1, 2, 6, 7 — керамика; 3, 4 — костяные псалии; 5 — браслет; 8, 10, 11 — накладки; 9 — височное кольцо; 12, 20 — зеркала; 13 — топор; 14, 15 — серпы-секачи; 16 — наконечник копья; 17–19 — наконечники стрел; 21–23 — долота и тесла; 24–26 — ножи и кинжалы (*5, 9, 10, 12–26 — медь и бронза; 8, 11 — кость*)

В западносибирской лесостепи какое-то время соседствуют коллективы *позднекротовской* и *федоровской культур*. Наиболее яркими памятниками той эпохи являются Черноозерское городище, курганные и грунтовые могильники Черноозерье 1, Сопка 2, Еловка 1–2. Наблюдается заметное разнообразие вариантов погребального обряда: вытянутое на спине и скорченное на боку положение умерших, иногда с согнутыми и поднятыми вверх коленями или в сидячем положении, отмечены и ярусные захоронения. Среди инвентаря — каменные и костяные наконечники стрел, проколки и иглы, бронзовые двулезвийные и однолезвийные ножи и кинжалы, шилья и иглы, разнообразные украшения (браслеты, подвески, кольца, бляхи, накладки и др.). Керамика поселений и могильников представлена в основном баночными и горшковидными формами. В декоре наблюдается сочетание двух орнаментальных традиций — гребенчато-ямочной (*кротовской*) и геометрической (*андроновской*), на погребальной посуде как реликт сохраняются валики (Сопка 2).

В этот период часть аборигенного населения оттесняется к северу. «Андроноидные» культуры предтаежной и таежной зон (*черкаскульская, еловская, сузгунская* и др.) отличаются от лесостепных древностей более заметным включением в орнаментальный декор элементов лесных культур. Некоторые черты андроновской (федоровской) орнаментики воспринимаются и культурами *ареала гребенчато-ямочной керамики*, но этот мир — от бассейна Печоры на северо-востоке Европы до Томско-Чулымского Приобья в Сибири — с его комплексной присваивающей экономикой сохраняет устойчивость внутреннего развития, что проявляется и в характере таежной металлообработки (самуско-кижировские топоры-кельты с орнаментом из горизонтальных рельефных линий).

В финале бронзового века (XII/XI–X/IX вв. до н.э.) нарастают процессы деструкции и распада Евразийской провинции, сопровождаемые переоформлением этнокультурной карты большинства районов Северной Евразии.

Общность КВК азиатских и европейских степей на поздней стадии своего развития теряет былое единство материальной культуры. Памятники *трушниковского, донгальского* и *бегазинского типов* в Казахстане и на юге Западной Сибири, *нурского* — в Волго-Уралье и Среднеазиатском междуречье фактически демонстрируют распад этой общности. Степи к востоку от Северского Донца пустеют. В азиатских степях плотность населения также заметно уменьшается, но именно в это время в Центральном Казахстане появляются поселения, претендующие на статус городов. К примеру, площадь поселения Кент достигает 30 га, Бугулы и Мыржик — соответственно 14 и 3 га. Наблюдается отток степных коллективов в северную лесостепь, предгорья Алтая и Тянь-Шаня и в раннеземледельческие оазисы Средней Азии.

Этнокультурная карта лесостепных и южнотаежных пространств меняется в финале бронзового века коренным образом. Набирают силу интеграционные процессы. Мозаичность культур, характерная для предшествующей фазы развития ЕАМП, уходит в прошлое: здесь формируются огромные культурно-исторические общности. В Волго-Окском бассейне и лесном Поволжье распространяются памятники общности *культур с «текстильной» керамикой*. В Волго-Камье складывается *предананьинская* (*маклашеевская*) *общность*. В Приуралье и Зауралье памятники *межовской* и *бархатовской культур* приходят на смену «андроноидным». Западносибирская лесостепь и южнотаежные районы Приобья становятся зоной распространения *корчажкинской* и *ирменской культур*.

На этих огромных пространствах происходит своеобразный «ренессанс» аборигенных культур, выразившийся в заметном росте народонаселения, коренной переработке и даже отказе от некоторых привнесенных в предшествующие эпохи стереотипов культур срубно-андроновского мира. Особенно ярко это проявляется в повсеместном распространении круглодонной керамики, ее орнаментальном декоре, постепенном отказе от курганного обряда захоронения, этнографическом своеобразии женских украшений. Поселенческие памятники этих культур представлены в основном селищами на высоких и низких берегах рек и озер. Некоторые из них укреплены валами и рвами. Могильники — грунтовые или курганные с невысокими насыпями. Погребения — вытянутые или скорченные — совершены в неглубоких ямах или на уровне погребенной почвы. Могилы чаще всего расположены рядами или группами.

Мир таежных евразийских культур продолжает развиваться в русле сложившихся традиций, хотя и испытывает определенные сторонние воздействия. В этот период более выразительной становится локальная специфика регионов.

Лебяжская культура Северного Приуралья, *атлымская, позднесузгунская, лозьвинская, барсовская, еловская культуры* Зауралья и Западной Сибири демонстрируют трансформацию некогда нерасчленимого культурного пространства, индикатором единства которого служила гребенчато-ямочная керамика. В конце бронзового века эта орнаментальная традиция в различных регионах приобретает специфическую окраску за счет внедрения фигурно-штампованного и змейчатого (мелкоструйчатого) орнамента в канонические схемы декора. Особенности декора фактически являются единственным критерием выделения археологических культур в таежной зоне. Здесь не выявлены обычные грунтовые захоронения и широко распространены святилища.

Система производящих центров ЕАМП в финале позднего бронзового века наследует структуру предшествующего периода. Горно-металлургические центры Рудного Алтая и Казахстана по-прежнему направляют основную часть меди и бронз в очаги металлообработки лесостепных и лесных культур. Затухает производство меди в Уральской горно-металлургической области и в то же время возрастает импорт саянской мышьяковой меди и готовых изделий, особенно в *ирменские* центры Обь-Енисейского междуречья. На западе, в днепровско-донецком пограничье Евразийской и Европейской (Карпатской) металлургических провинций, увеличивается приток карпатских оловянных бронз, но в более восточных центрах — *бондарихинских* и *маклашеевских* — приток этих бронз уже не ощутим.

Более важные изменения связаны с локализацией очагов металлообработки Восточной Европы. Почти полностью прекращают свою деятельность степные и лесостепные центры. По сути, «диким полем» становится Волго-Уралье. Лишь в западных районах лесостепи незначительное по объему производство осуществляется литейщиками *бондарихинской культуры*. В финале позднего бронзового века основные *очаги металлообработки* — *предананьинский* и *культуры текстильной керамики* — передислоцируются

в южные районы лесной полосы. В азиатской зоне Евразийской провинции южнотаежные центры, напротив, уступают главенствующую роль лесостепным, *ирменским*.

В конце бронзового века сохраняется производство тех же категорий орудий, оружия и украшений, что и в предшествующий период. Сам набор металлического инвентаря кардинально не меняется (втульчатые кельты, наконечники копий и стрел, тесла, ножи с одним и двумя лезвиями, разнообразные украшения). Модифицируются лишь их формы, определяя специфику тех или иных центров. Эволюция этих форм продолжится и в начале раннего железного века, но только в таежных производящих центрах *ананьинской, иткульской, протокулайской* и других культур.

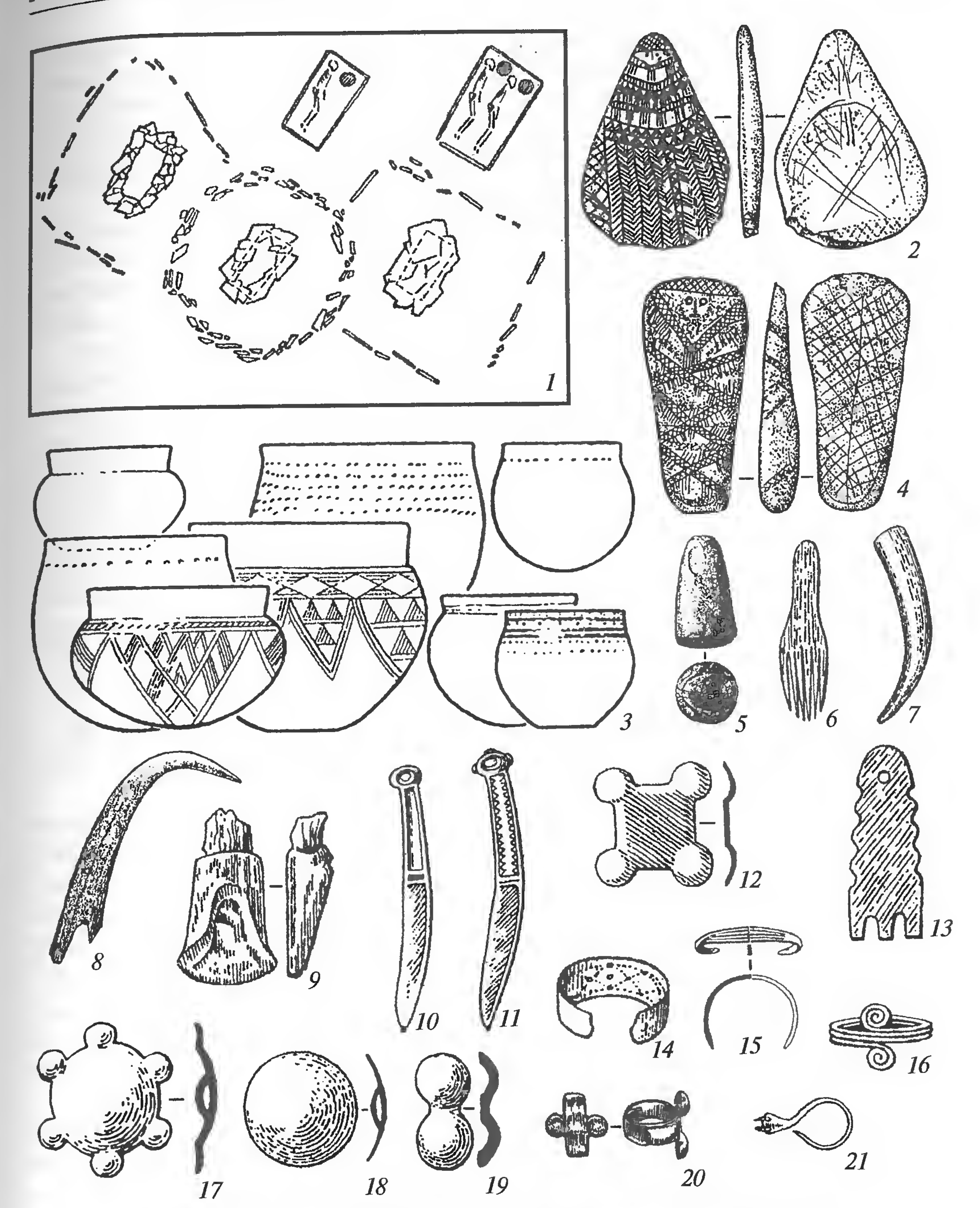
7.3. ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК В ПРЕДЕЛАХ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Центрально-Азиатская металлургическая провинция охватывала территорию Саяно-Алтая, Забайкалья, Монголии, Северо-Западного и Северо-Восточного Китая. Здесь в постандроновскую эпоху сформировалась *общность культур карасукского круга* (*карасукская, лугавская* и *плиточных могил*, ранний этап), памятники которых датируются XV/XIV–IX/VIII вв. до н.э. В северной зоне провинции наиболее мощным был *карасукский металлургический очаг*. Его деятельность осуществлялась на базе рудных источников Саяно-Алтайской горно-металлургической области. Литейщики карасукской и лугавской культур использовали в основном медно-мышьяковые сплавы, хотя ранее, в окуневской и андроновской (федоровской) культурах, в Минусинской и Кузнецкой котловинах были распространены оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы. Андроновское наследие в металлообработке культур карасукского круга малозаметно, в отличие от сейминско-турбинского, которое особенно ярко проявилось в формах и декоре удивительно разнообразных однолезвийных изогнутых ножей и кинжалов.

Среди культур Центрально-Азиатской провинции наиболее хорошо изучена ***карасукская***. Основной массив памятников сосредоточен в Минусинской котловине. Здесь раскопано более 1600 каменных погребальных оград (Карасук 4, Малые Копены 3), несколько поселений (Каменный Лог 1, Торгожак) и медеплавилен (Темир). Жилища — с учетом холодных зим — были небольшими или просторными глубокими землянками и полуземлянками, с несколькими очагами для приготовления пищи и обогрева. Стены сооружались из бревен, глины и каменных плит. Крыша утеплялась землей, вынутой из котлована.

Ограды вокруг могил квадратные, реже круглые, внутри 1–2 погребения в каменных ящиках (из тонких плит) или цистах, углубленных до метра. Преобладают захоронения в вытянутом положении на спине или левом боку. У головы ставили 1–2 сосуда, в ноги на деревянном подносе — часть туши барана, коровы, редко лошади. Поверх костей животных помещали

Погребальные и поселенческие комплексы карасукской культуры:

1 — планы погребальных сооружений; 2, 4 — гальки с изображениями; 3 — керамика; 5 — каменный пест; 6 — деревянный гребень; 7, 8 — мотыги; 9 — кельт; 10, 11 — ножи; 12, 19 — накладки; 13, 21 — подвески; 14, 15 — браслеты; 16, 20 — перстни; 17, 18 — бляхи (*7, 8 — рог; 9 — бронза и дерево; 10–21 — бронза*)

конец лезвия бронзового ножа, реже — целый нож. Других орудий и оружия в могилы не клали, за исключением шильев и игл, но и мужчин, и, в особенности, женщин хоронили с большим количеством разнообразных украшений. Среди них — бронзовые бляшки, серьги, кольца, подвески, цепочки, пронизи, гребни, каменные и пастовые бусины, раковины-каури.

Керамика поселений и могильников — круглодонная, с шаровидным туловом, иногда с уплощенным дном, чаще всего лощеная до блеска. Часть сосудов — без орнамента или только с пояском из ямок по горловине, другие богато украшены ромбами, треугольниками, фестонами, вдавлениями, прочерченными линиями; иногда узоры инкрустированы белой пастой.

Основная отрасль хозяйства — пастушеское скотоводство. Предполагается, что карасукцы перешли к подвижной системе выпаса скота. Однако ограниченные размеры Минусинской котловины и состав стада — с заметным преобладанием крупного рогатого скота — свидетельствуют о возможных перемещениях с ним лишь на небольшие расстояния. Коневодство, овцеводство, охота на косуль и благородного оленя являлись важным источником мясного питания, однако основу рациона питания составляли молочные продукты. Для карасукской эпохи отсутствуют прямые свидетельства земледелия, столь явные в последующую — тагарскую (см. раздел III).

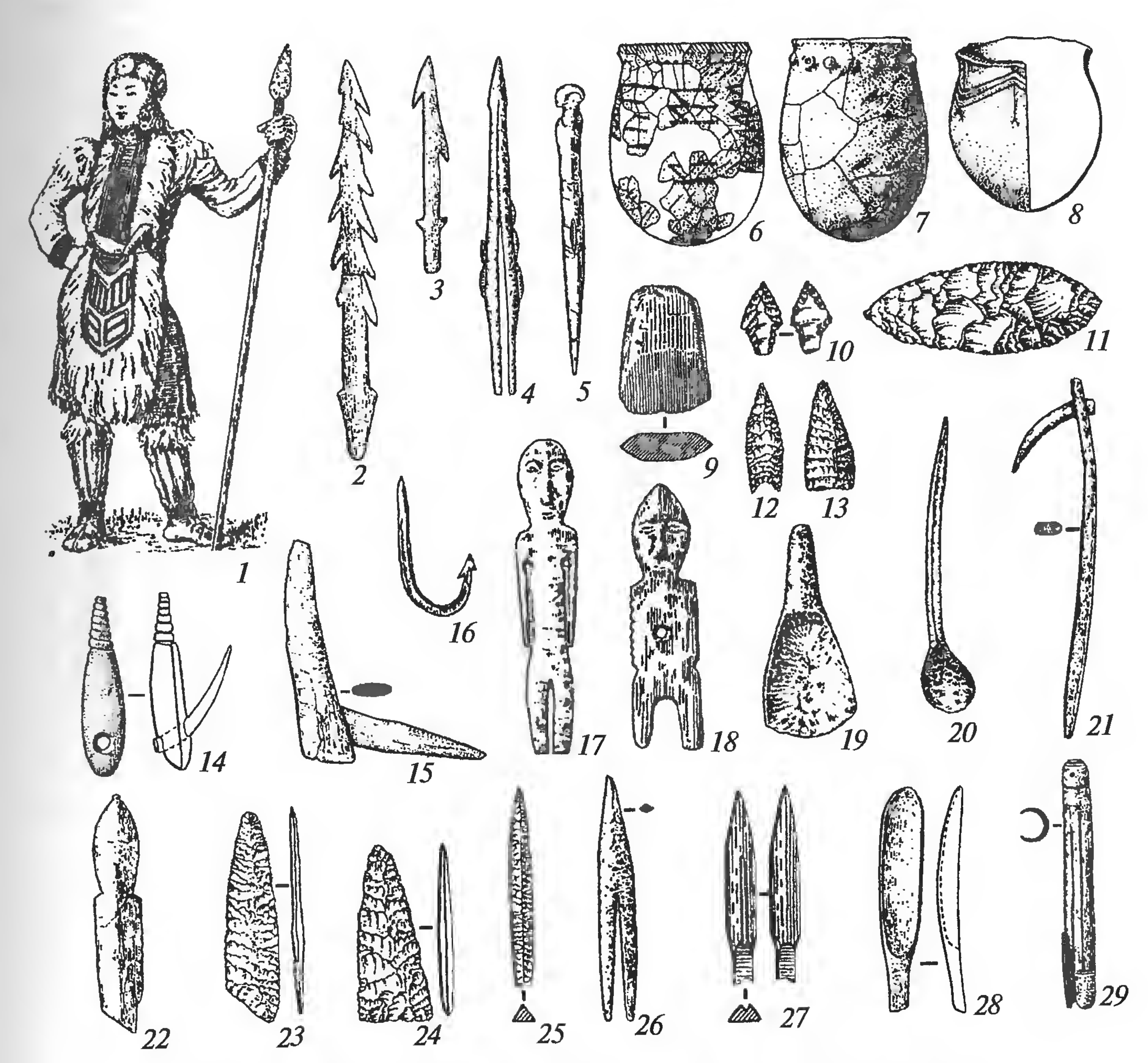
7.4. ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

На огромной территории Восточной Сибири известны редкие поселения со следами бронзолитейного производства. Столь же немногочисленны металлические орудия и украшения в могильниках. Появление меди и бронзы способствовало совершенствованию орудий охоты и рыбной ловли, но не изменило коренным образом неолитического облика культур этого региона (*глазковская, шиверская, ымыяхтахская, усть-бельская* и др.). Здесь известны отдельные находки сейминско-турбинских и самусьско-кижировских кельтов, кинжалов карасукского типа, характерных для Евразийской и Центрально-Азиатской провинций, однако непосредственно в системы этих провинций восточносибирские культуры не входили.

В Прибайкалье, в бассейне Ангары и верховьях Лены, и в Южном Забайкалье открыты памятники *глазковской культуры*, которые представлены в основном погребениями, кратковременными стоянками и материалами в слоях инокультурных поселений (Улан-Хода на Байкале).

Большинство могил покрывалось каменной выкладкой, иногда в виде лодки, некоторые отмечены на поверхности каменной кольцевой кладкой. Захоронения совершены в скорченном, вытянутом или сидячем положении. Их характерная особенность — ориентировка по реке, чаще головой вверх по течению. Мужские погребения обычно сопровождаются каменными, костяными, реже медными орудиями рыбной ловли и охоты (гарпуны, острия, рыболовные крючки, ножи, долота и тесла, наконечники копий и стрел и др.). В женских захоронениях встречается инвентарь, связанный с обработкой рыбы или убитых на охоте животных (скребки, иглы, игольники и др.), а также большое количество украшений. Среди них особенно примечательны нефритовые, перламутровые и пирофиллитовые диски, кольца и бусины, клыки и резцы животных, которые нашивались на меховые богато декорированные нагрудники и головные уборы. Погребальная и поселенческая керамика, круглодонная и остродонная, украшена обычно по всей поверхности отпечатками лопаточки-штампа, ямками-жемчужинами, резными линиями. В финале культуры появились сосуды с уплощенными днищами. Богато декорировались и костяные изделия.

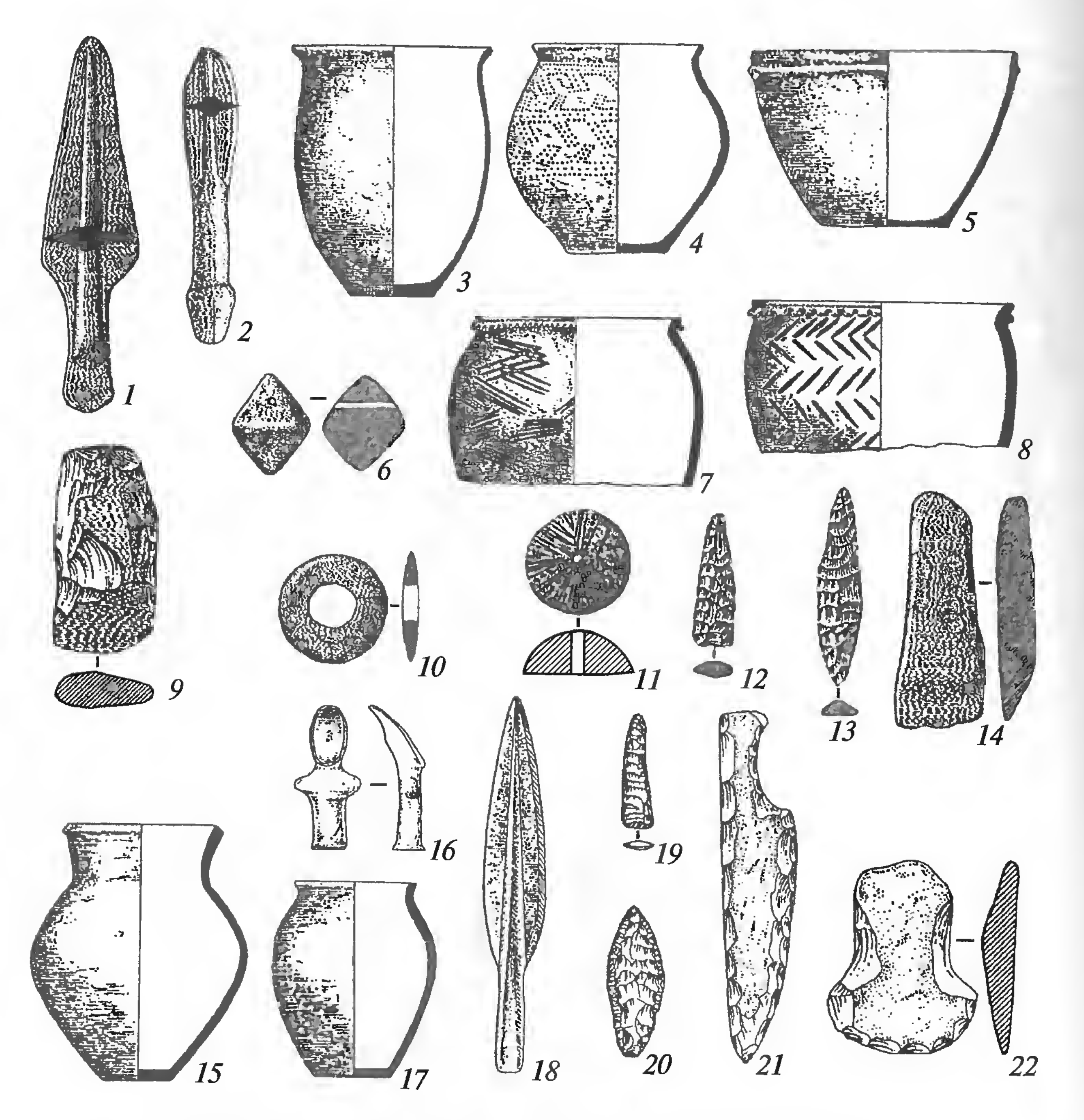

Культуры бронзового века Восточной Сибири (1–21 — глазковская; 22–29 — ымыяхтахская):

1 — реконструкция облика охотника (по материалам погребения 1 могильника Ленковка); 2 — острога; 3 — гарпун; 4 — наконечник копья (с лезвием из тонких кремневых вкладышей); 5 — проколка; 6–8 — керамика; 9 — топор; 10, 12, 13, 25–27 — наконечники стрел; 11, 15, 23, 24 — ножи; 14, 16 — рыболовные крючки; 17, 18, 22 — антропоморфные фигурки; 19, 28 — лопаточки; 20 — ложечка; 21 — кирка; 29 — игольник (*9–13, 23–25 — камень; 14 — кость и камень; 15 — медь и кость; 16 — медь; 21 — дерево и рог; 2–5, 17–20, 22, 26–29 — кость*)

Племена *глазковской, ымыяхтахской, усть-бельской и других культур* — это подвижные и полуоседлые группы охотников и рыболовов горно-лесной тайги Восточной Сибири и северных районов Дальнего Востока. Сформировавшийся в их среде хозяйственно-культурный тип сохранился здесь вплоть до исторически известных тунгусоязычных народов и юкагиров.

Поздний бронзовый век южных районов Дальнего Востока известен по поселениям *лидовской, маргаритовской, синегайской, эворонской* и других *культур*. Металлические вещи в этих культурах являются редкостью (наконечники копий, однолезвийные ножи, наконечники стрел, бляшки и др.), но бесспорным признаком знакомства с ними служат каменные орудия

Культуры позднего бронзового века Приамурья и Приморья (1–6, 10 — синегайская; 7–9, 11, 12 — маргаритовская; 13–22 — лидовская):
1, 2, 18 — каменные имитации бронзовых наконечников копий; 3–5, 7, 8, 15, 17 — керамика; 9, 14 — каменные топоры; 10 — глиняный диск; 11 — пряслице; 12, 13 — наконечники стрел; 16 — глиняная фигурка; 19–21 — ножи; 22 — мотыга (*12, 13, 19–21, 22 — камень*)

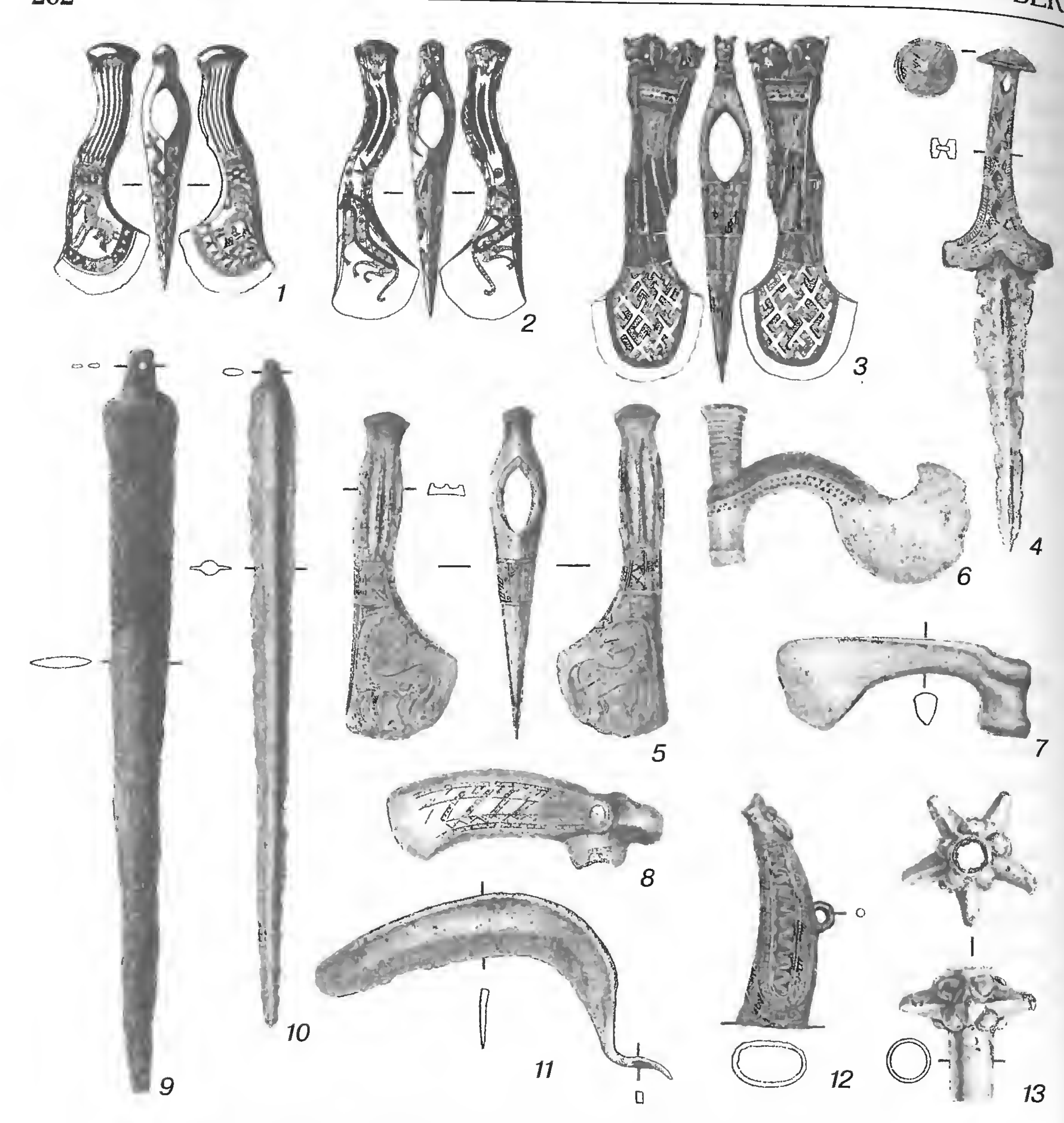
труда и оружие, имитирующие бронзовые образцы, а также литейные формы. На поселениях строились углубленные и наземные жилища каркасной конструкции с несколькими очагами внутри. Стены некоторых сооружений выложены из камня. Основной археологический материал представлен керамикой — это горшки, банки, чаши, корчаги, амфоры, иногда лощеные и расписные. Орудия труда и оружие изготовлены, как правило, из сланца: топоры, тесла, ножи, наконечники копий и стрел. Для культур Приморья и Приамурья характерно многоотраслевое хозяйство (мотыжное земледелие, скотоводство, рыболовство, охота и собирательство). О занятиях земледелием свидетельствуют прямые данные — остатки проса в слоях поселений. Становление металлообработки произошло под влиянием культур южной зоны Центрально-Азиатской провинции (Маньчжурия, Ордос, Монголия, Саяно-Алтай).

7.5. ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК В ПРЕДЕЛАХ КАВКАЗСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Среди металлургических провинций позднего бронзового века в ***Кавказской*** наблюдаются наиболее заметные изменения, пожалуй, даже отказ от стереотипов производства предшествующей провинции — Циркумпонтийской. На смену былому единству Кавказа и степи пришла, по сути, их полная изоляция. Редкие изделия кавказских типов появятся в степи только в самом финале бронзового века. Кардинально изменился набор орудий, оружия и украшений, имеющий мало общего с образцами среднего бронзового века. Масштабы производства и количество металлических изделий возросли многократно. Это стимулировало разработку рудников, расположенных в высокогорье (Башкапсара). Активно осваиваются не только окисленные, но и сульфидные руды. Металлообработка базировалась на использовании многокомпонентных сплавов. В то же время практически прекратилось изготовление золотых и серебряных вещей, столь характерных здесь для предшествующей эпохи. Появляются первые изделия из железа.

Среди бронзовых изделий обращают на себя внимание топоры кобанского и колхидского типов, кинжалы, наконечники копий и стрел, булавы, разнообразные украшения. Многие из них отлиты по утрачиваемой (восковой) модели, имеют изысканный декор, гравировку, инкрустацию новым, тогда еще редким материалом — железом. Огромное большинство металла изготавливается только для «мира мертвых». В могильниках и святилищах захоронены тонны меди и бронз — овеществленный огромный труд горняков, металлургов и кузнецов *кобанской, колхидской* и других *культур*.

Ареал ***кобанской культуры*** — по обе стороны Главного Кавказского хребта, т.е. в центре этой горной страны. Эта культура сформировалась еще в эпоху поздней бронзы (XIII/XII–IV вв. до н.э.) и, подобно гальштатской и «текстильной» на западе и севере Европы, плавно перешла в стадию железного века и просуществовала в течение всей скифской эпохи.

Бронзовые орудия и оружие культур позднего бронзового века Кавказа:
1–3, 5–8 — топоры и секиры; 4 — кинжал; 9, 10 — мечи; 11 — серп; 12 — ножны; 13 — булава

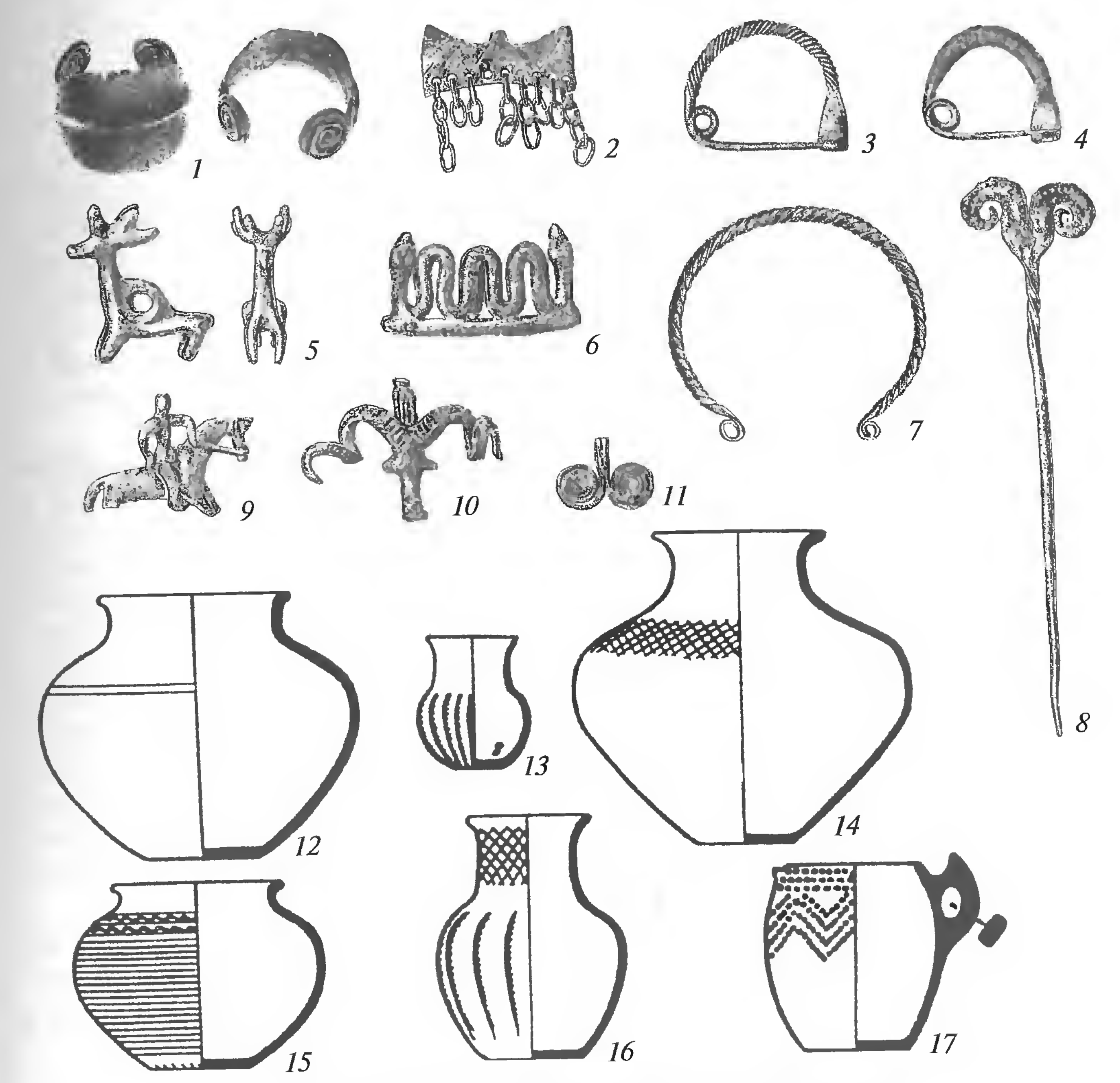
Этноним ее создателей неизвестен (название культуре дано по имени современного селения Верхний Кобан в Северной Осетии, где были сделаны первые важнейшие находки), однако ясно, что их предки населяли эту территорию еще со времен бронзового века, когда сформировался кавкасионский антропологический тип европеоидной расы. Истоки кобанской культуры — в среде культур предгорных и горных районов Кавказа среднебронзовой эпохи.

Кобанские племена практиковали скотоводство (отгонное с преобладанием овец — в горах, придомное с доминированием крупного рогатого скота и свиней — в предгорьях) в сочетании с земледелием (выращивали твердую и мягкую пшеницу, ячмень, рожь, просо). Высокого уровня достигли цветная и черная металлургия и металлообработка, в том числе художественная.

Кобанские мастера не только переняли сначала у киммерийцев, а затем у скифов многие образцы вооружения и конского снаряжения, но усовершенствовали конструкцию этих предметов и наладили их массовое производство для собственных нужд и для тех же кочевников.

Кобанцы жили в основном на неукрепленных поселениях, размещавшихся в малодоступных местах: на предгорных возвышенностях, порой даже на отвесных скалах, по долинам рек на высоких плато, в ущельях на плоских отрогах (Сержень-Юрт, Бамут). Жилища были глинобитными или «турлучными» (деревянный каркас с глиняной обмазкой), иногда на бутлыжных фундаментах. В высокогорье встречаются и каменные дома. Они

Инвентарь культур позднего бронзового века Кавказа:
1 — браслет; 2, 11 — подвески; 3, 4 — фибулы; 5, 6, 9, 10 — зоо- и антропоморфные фигурки; 7 — гривна; 8 — булавка; 12–17 — керамика (*1–11 — бронза*)

чаще стояли группами, стенами друг к другу, иногда целыми кварталами, разделенными улицами, мощеными булыжником. На поселениях обнаруживаются также гончарные и кузнечные мастерские.

Основу погребального обряда составляло трупоположение, но известны и случаи кремации. Могильники, как правило, бескурганные; сооружение курганов практиковалось нечасто и было следствием влияния степных кочевников. Весьма разнообразны могильные конструкции: это и обычные ямы, и ямы, обложенные по краям рваным камнем или булыжником, и каменные ящики со стенками из массивных песчаниковых или сланцевых плит, перекрытые еще более мощной плитой, и т.д. В могилы клали орудия труда, оружие (обязательный атрибут мужских погребений), уздечку, сосуды, напутственную пищу. Известны захоронения мужчин со взнузданным конем.

7.6. ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК В ПРЕДЕЛАХ ВОСТОЧНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Европейская металлургическая провинция охватывала территорию Центральной, Западной, Северной и отчасти Восточной Европы. В нее входили очаги металлообработки, отличавшиеся заметным своеобразием, однако не дифференцированные с достаточной степенью надежности. Восточная зона Европейской провинции (о которой ниже пойдет речь) включала в себя два блока культур и производящих центров, которые датируются в системе традиционной хронологии XVII/XVI–X/IX вв. до н.э.

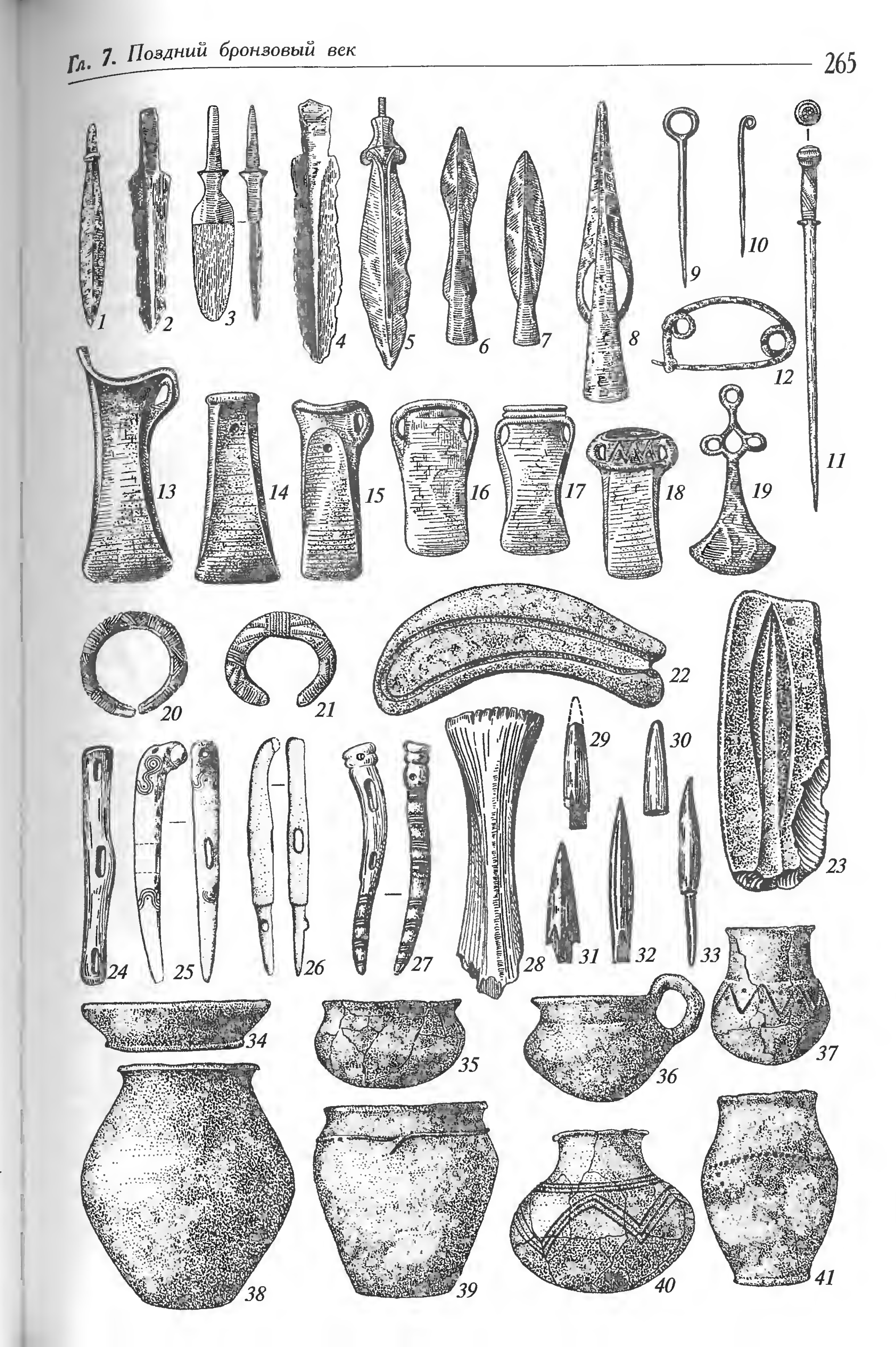
Южный — стержневой — блок связан с общностью *культур с валиковой керамикой* (*КВК*) (см. главу 7.1 — о культурах общности КВК, входившей в Евразийскую провинцию). Ареал западных культур общности КВК — степь и южная лесостепь от междуречья Северского Донца и Днепра до Нижнего Дуная и Восточных Карпат. Здесь выделяются две зоны культур: *фракийская* и *северопричерноморская*. В первой из них намечены *культуры Пшеничево* и *Бабадаг* на северо-востоке Балканского полуострова и в Добрудже, *Кослоджень* — в низовьях Дуная, *Ноа* и хронологически последующие за ней так называемые *раннегальштатские культуры* (или памятники культуры *фракийского гальштата*) — в Карпато-Дунайском регионе. Северное Причерноморье является контактной зоной Европейской и Евразийской провинций. Здесь локализуются *сабатиновская* и генетически связанная с ней *белозерская культуры*. В низовьях Дона и Кубани к ним примыкают памятники *кобяковской* и *прикубанской культур*.

Северопричерноморские культуры общности КВК формируются на основе местной *бабинской культуры* (или культуры многоваликовой кера-

Культуры Европейской металлургической провинции:

1–5 — ножи и кинжалы; 6–8 — наконечники копий; 9–11 — булавки; 12 — фибула; 13–18 — кельты; 19 — подвеска; 20, 21 — браслеты; 22, 23 — формы для отливки серпа-секача и наконечника копья; 24–27 — псалии; 28 — штамп для тиснения кожи; 29–33 — наконечники стрел; 34–41 — керамика (*1, 2, 4–10, 12–21 — бронза; 3 — бронза и железо; 11, 24–33 — кость; 22, 23 — камень*)

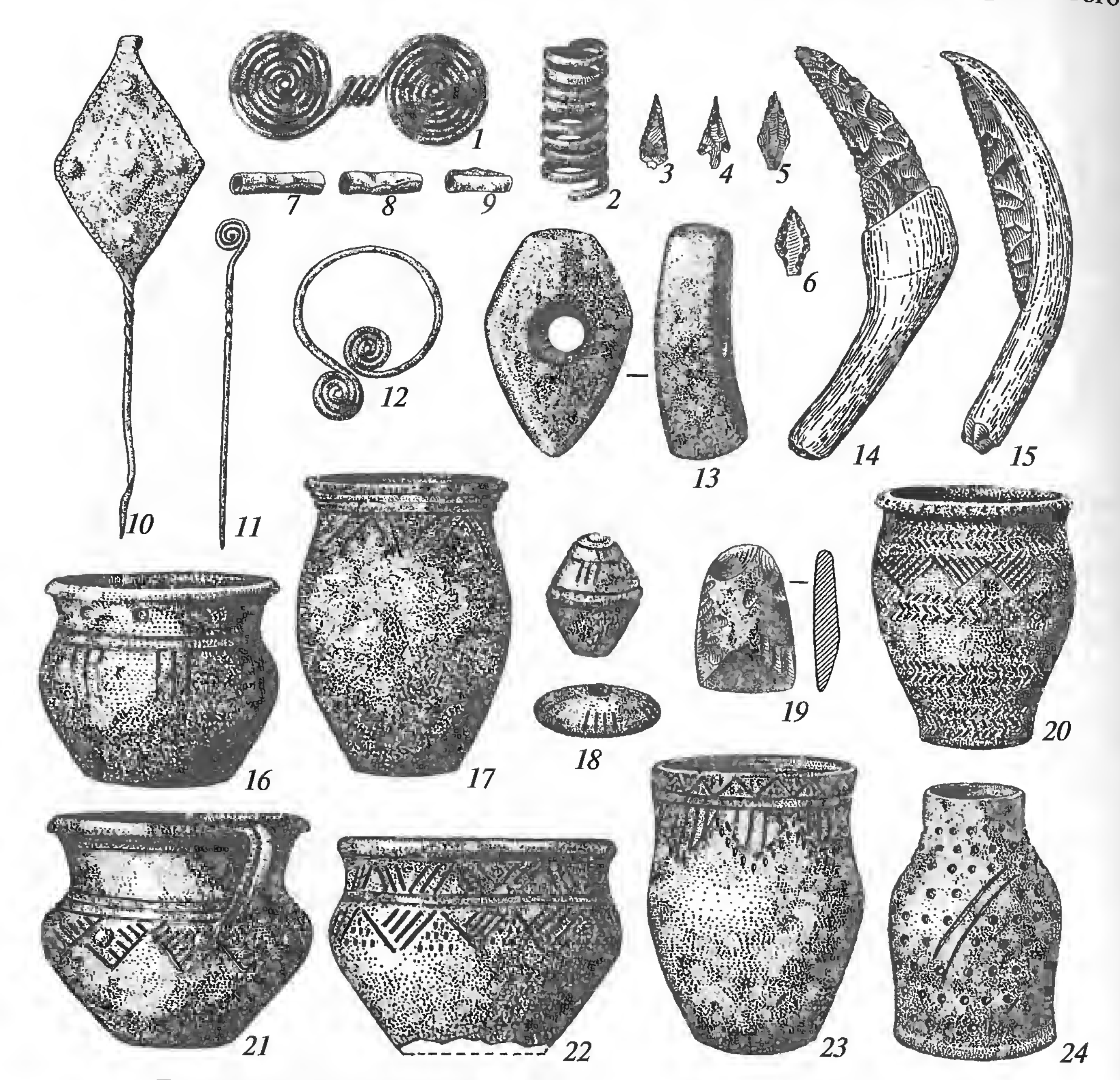

мики; см. 7.1) и при явном импульсе с востока (абашевская и раннесрубная культуры).

Северный блок связан с европейскими культурами так называемого *«постшнурового горизонта»*. Их ареал — лесостепь и зона широколиственных лесов Правобережной и части Левобережной Украины, Южная Белоруссия, Прибалтика. На западе, в Польше, Словакии, Чехии, они локализуются в основном севернее Карпат. Наиболее ранние культуры этого блока — *лужицкая, тшинецкая, марьяновская, комаровская* и др. С ними генетически связаны культуры финала бронзового века — *белогрудовская, высоцкая, лебедовская, бондарихинская, ранняя чернолесская* и др.

Формирование культур северного блока происходило на основе *культур шнуровой керамики* и *боевых топоров* раннего и среднего бронзового

Тшинецкая и белогрудовская (14, 15) культуры Северной Украины:
1 — фибула; 2 — спираль; 3–6 — кремнёвые наконечники стрел; 7–9 — пронизи; 10, 11 — булавки; 12 — височное кольцо; 13 — топор; 14, 15 — серпы; 16, 17, 20–24 — керамика; 18 — пряслице; 19 — тесло (*1, 2, 7–12 — бронза; 13, 19 — камень; 14, 15 — кремень и рог*)

веков — *среднеднепровской, унетицкой* и др. В сложении памятников раннего (малобудковского) этапа *бондарихинской* культуры важную роль сыграла миграция групп населения, генетически связанных с постнеолитическими *культурами ямочно-гребенчатой керамики, поздняковской* и *ранней «текстильной»* Волго-Окского междуречья.

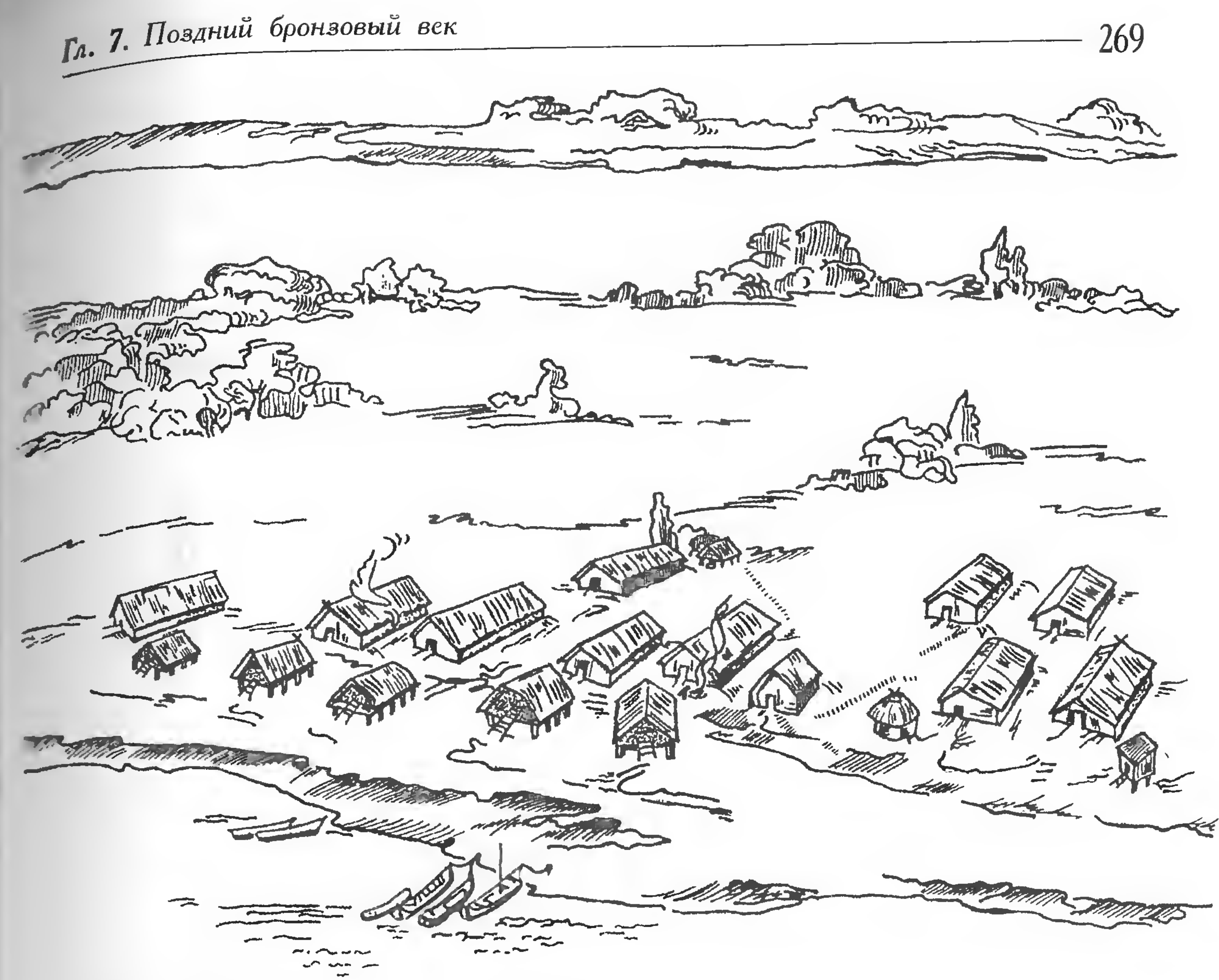
Формирование восточной зоны Европейской провинции во многом определялось экономическим подъемом, который в начале II тыс. до н.э. охватил Карпато-Дунайский регион. Особенно заметен рост металлообработки во фракийской и северопричерноморской зонах общности КВК. Производство меди осуществлялось, прежде всего, на базе богатых медных и полиметаллических месторождений Трансильвании и других регионов Балкано-Карпатья. Существенно меньшую роль играл Донецкий горнометаллургический центр и импорт сырья из производящих центров Евразийской провинции. В Карпатах по сравнению с предшествующей эпохой заметно выросла добыча золота. Оно шло на изготовление не только украшений, но и драгоценной посуды и парадного оружия.

Взрывной рост металлопроизводства сопровождался качественными изменениями. Как и в Евразийской провинции, на западе входят в употребление оловянные бронзы, используются каменные литейные формы, начинается отливка орудий и оружия со слепой (несквозной) втулкой. Среди них — кельты (безушковые, одно- или двуушковые), наконечники копий (без прорезей и с прорезями на пере), долота и тесла. Изготавливаются также серпы различных модификаций, короткие мечи, одно- и двулезвийные ножи, плоские тесла и др. В финале бронзового века становятся все более частыми находки железных и биметаллических изделий, особенно ножей. Продукция очагов металлообработки Европейской провинции (*ингуло-красномаяцкий, кардашинский, завадово-лобойковский* и др.) отличалась выразительной стандартностью форм орудий труда и оружия, а также огромными сериями последних. Они сосредоточены в основном в кладах — малых и больших, иногда гигантских. В кладах сокрыты и собрания литейных форм. Возможно, они принадлежали отдельным семьям или даже кланам кузнецов.

Производство бронзовых изделий в северных культурах этой провинции (их еще называют *«постшнуровыми»*) характеризуется существенно меньшими масштабами. Заметная роль в нем принадлежит разнообразным украшениям, в которых легко угадываются формы предшествующей — среднебронзовой — эпохи. Типы орудий и оружия повторяют северопричерноморские и балкано-карпатские образцы.

Процессы культурогенеза в восточной зоне Европейской провинции характеризовались активными контактами и взаимодействием культур южного и северного блоков. Это нашло отражение в появлении в постшнуровых культурах (особенно в *белогрудовской*) керамики с валиками, которая считается характерной для сабатиновской, ноа, белозерской и других культур общности КВК. В финале бронзового века под влиянием *культур фракийского гальштата* в северной лесостепи, в *высоцкой* и *белогрудовской культурах*, появляются черные лощеные кубки, миски, корчаги, иногда с инкрустацией белой пастой. В то же время в степных *сабатиновской*

Панорама поселения сосницкой культуры близ села Пустынка на Днепре. *Реконструкция С.С. Березанской*

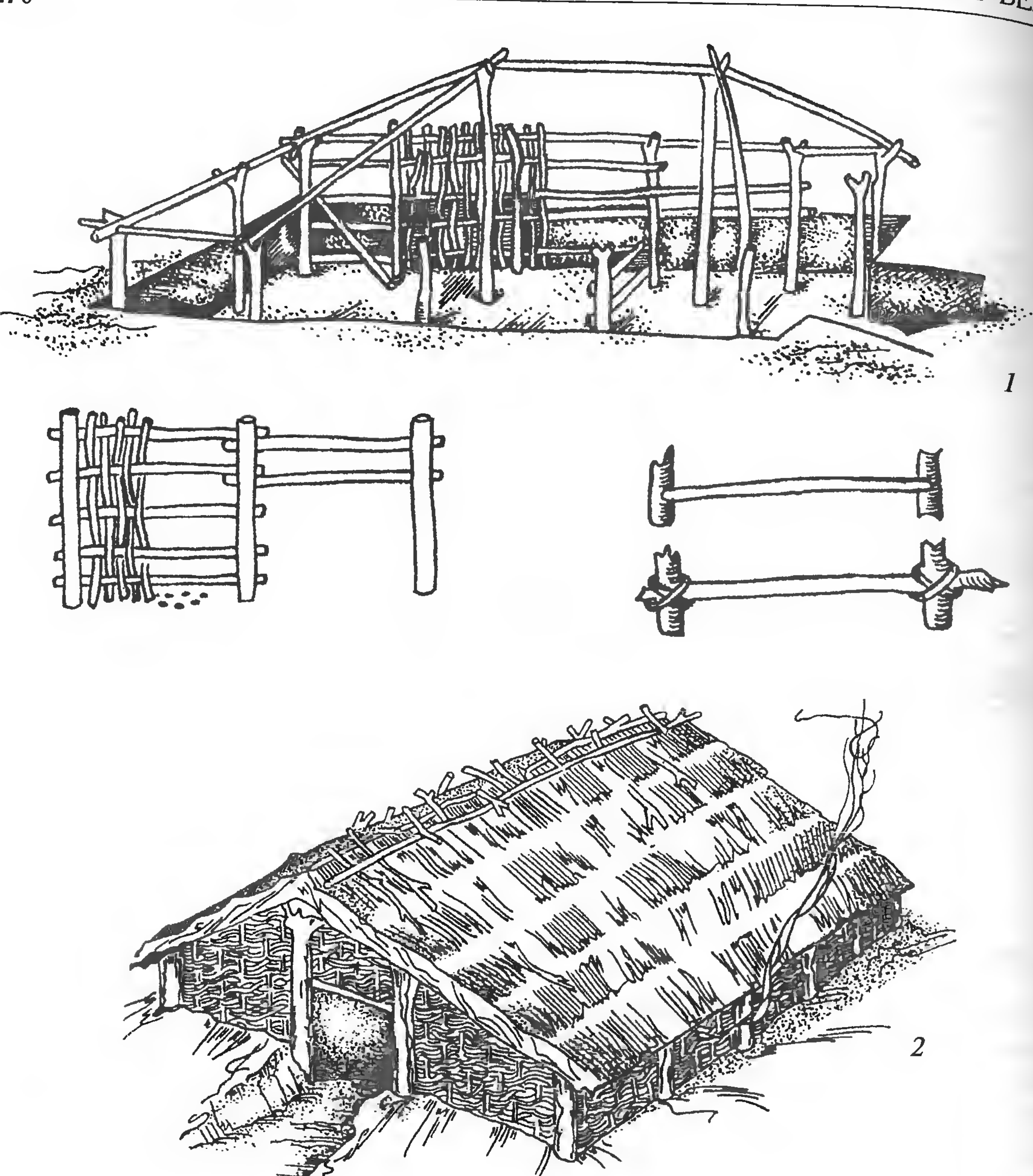
и *белозерской культурах* известны тюльпановидные формы сосудов, характерные для постшнуровых культур. В ранних *бондарихинских* памятниках днепровского Левобережья выразительны сосуды с вертикальными расчесами и «текстильными» отпечатками на внешней поверхности, истоки которых — в Волго-Окском междуречье.

Для южного и северного блоков культур Европейской провинции характерны общие и особенные черты в домостроительстве. В числе общих — сочетание углубленных землянок и полуземлянок с наземными жилищами и хозяйственными постройками, расположенных на берегах рек, лиманов, озер, балок. На юге, в *сабатиновской* и *белозерской* культурах, распространены также жилища с каменным основанием стен. Крыши были плоскими, одно- и двускатными, шатровыми. Жилища сооружались с использованием каркасно-столбовой конструкции, когда на центральные столбы укладывалась матица, служившая основой для стропил; обогревались 1–3 очагами.

Для культур восточной зоны Европейской провинции характерны большие и малые грунтовые могильники. В то же время и на юге, и на севере Украины в начале позднего бронзового века сохраняется подкурганный обряд захоронения, но в лесостепи древние традиции местных культур — с характерными для них грунтовыми могильниками — возобладали быстрее. Они без внешних признаков, из нескольких десятков погребений, сгруппированных по 3–4 вместе. Известны небольшие грунтовые могильники, расположенные на территории поселений. Сохраняются каменные конструкции, широко распространенные в предшествующих культурах шнуровой керамики (особенно на Волыни и в Подолии), но они становятся проще (каменные ящики; грунтовые ямы, обложенные камнями; оградка из камней вокруг захоронений на горизонте). Наиболее массовыми остаются захоронения в простых грунтовых ямах, иногда облицованных и перекрытых деревом.

В начале позднего бронзового века доминировал обряд трупоположения, скорченно на боку, с различной ориентацией по странам света. На днепровском Левобережье он сохранится до конца бронзового века. На Правобережье постепенно на смену ему пришел обряд кремации погребенных. К концу эпохи он уже доминировал. В Поднестровье трупосожжения выявлены не только в грунтовых могильниках, но и в курганах (на уровне древнего горизонта), в урнах. Кремация в большинстве случаев производилась на стороне, а останки ссыпались в сосуды-урны или в ямки.

Таким образом, в конце бронзового века в обширную европейскую *область культур полей погребальных урн*, простирающихся далеко на запад, вошли культуры, связанные истоками с такой же обширной *областью культур*

Жилище позднего бронзового века (*Пустынка*):
1 — реконструкция процесса сооружения жилища каркасно-столбовой конструкции; 2 — реконструкция внешнего вида жилища

шнуровой керамики и *боевых топоров* среднебронзовой эпохи. Население этих культур отождествляется с северной ветвью древнейших индоевропейцев. Миграция *раннегальштатских культур* в восточном направлении привела к изменению этнокультурной карты в Северном Причерноморье. На западе региона доминирующая роль перешла к фракийским этнокультурным группам.

Раздел III

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Глава 1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ

1.1. ПОНЯТИЕ «ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК». ОСНОВНЫЕ СТАДИИ ОСВОЕНИЯ ЖЕЛЕЗА

Эпоха железа, или железный век, — третья из технологических макроэпох в истории человечества (вслед за каменным веком и эпохой энеолита и бронзы). Термином «ранний железный век» принято обозначать первую стадию эпохи железа, приблизительно датируемую в пределах рубежа II–I тыс. до н.э. — середины I тыс. н.э. (с определенными хронологическими вариациями для разных регионов).

Употребление термина «железный век» имеет долгую предысторию. Впервые идея существования эпохи железа в человеческой истории была четко сформулирована в конце VIII — начале VII в. до н.э. древнегреческим поэтом Гесиодом. Согласно его периодизации исторического процесса (см. Введение), современный Гесиоду железный век оказывается последней и наихудшей стадией человеческой истории, на которой людям нет «передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя» и «лишь одни жесточайшие, тяжкие беды людям останутся в жизни» («Труды и дни», стрк. 175–201. *Пер. В.В. Вересаева*). У Овидия в начале I в. н.э. этическое несовершенство эпохи железа еще более акцентировано. Древнеримский поэт именует железо «худшей рудой», в эпоху господства которой «стыд убежал, и правда, и верность; и на их место тотчас появились обманы, коварство; козни, насилье пришли и проклятая жажда наживы». Нравственное вырождение людей карается всемирным потопом, уничтожающим всех, исключая Девкалиона и Пирру, которые возрождают человечество («Метаморфозы», гл. I, стрк. 127–150, 163–415. *Пер. С.В. Шервинского*).

Как видим, в оценке эпохи железа этими древними авторами особенно сильна была взаимосвязь культурно-технологического аспекта с философско-этическим, в частности эсхатологическим, т.е. железный век мыслился как своего рода преддверие конца света. Это вполне закономерно, ибо первичные концепции исторической периодизации окончательно оформились и запечатлелись в письменных источниках именно в начале реального железного века. Следовательно, для первых авторов, создававших периодизацию истории, культурно-технологические эпохи, предшествующие железному веку (будь то мифические, как век золота и век героев, или реальные, как век меди) были давним или недавним прошлым, тогда как сам железный век — современностью, недостатки которой всегда видны яснее и более ощутимы. Поэтому начавшаяся эпоха железа воспринималась как некий кризисный рубеж в человеческой истории. Кроме того, железо, победившее бронзу прежде всего в оружейном деле, неизбежно стало для свидетелей этого процесса символом вооружения, насилия, разрушения. Не случайно у того же Гесиода Гея-Земля, желая наказать Урана-Небо за его злодейства, специально создает «породу седого железа», из которого и делает карающий серп («Теогония», стрк. 154–166. *Пер. В.В. Вересаева*).

Таким образом, в древности термину «железный век» изначально сопутствовала эсхатологически-трагическая трактовка, причем эта древняя традиция нашла продолжение и в новейшей художественной литературе (см., например, поэму А. Блока «Возмездие»).

Однако еще соотечественник Овидия Лукреций в первой половине I в. до н.э. обосновал в поэме «О природе вещей» качественно новую, исключительно производственно-технологическую характеристику исторических эпох, и в том числе эпохи железа. Эта идея в конечном счете легла в основу первой собственно научной концепции К.Ю. Томсена (1836). Вслед за тем возникла проблема хронологических рамок эпохи железа и ее внутреннего деления, о чем в XIX в. велись долгие дискуссии. Окончательную точку в этом споре поставил основатель типологического метода О. Монтелиус. Он отметил, что нельзя указать единую абсолютную дату смены эпохи бронзы эпохой железа на всей территории ойкумены; отсчет начала железного века для каждого региона следует вести с момента преобладания железа и сплавов на его основе (в первую очередь, это сталь) над другими материалами в качестве сырья для оружия и орудий труда.

Позиция Монтелиуса нашла подтверждение в последующих археологических разработках, которые показали, что сначала железо использовалось как редкое сырье для украшений (иногда в сочетании с золотом), затем — все чаще для производства орудий труда и оружия, постепенно вытесняя медь и бронзу на второй план. Таким образом, в современной науке **показателем наступления железного века в истории каждого конкретного региона является использование железа рудной природы для изготовления основных форм орудий труда и оружия и широкое распространение железной металлургии и кузнечного дела.**

Наступлению железного века предшествует длительный подготовительный период, относящийся к предшествующим технологическим эпохам.

Еще в энеолите и бронзовом веке люди иногда использовали железо для производства некоторых украшений и простейших орудий труда. Однако первоначально это было **метеоритное железо**, постоянно поступающее из космоса. К выработке железа из руд человечество пришло значительно позднее.

Изделия из метеоритного железа отличаются от изделий из железа металлургического (т.е. полученного из руд) в первую очередь тем, что в составе первых отсутствуют какие-либо шлаковые включения, тогда как в составе металлургических такие включения, хотя бы в малых долях, неизбежно присутствуют как следствие операции восстановления железа из руд. Кроме того, метеоритное железо обычно отличается гораздо более высоким содержанием никеля, чем обусловливается значительно большая твердость такого железа. Однако этот показатель сам по себе не абсолютен, и в современной науке существует серьезная и пока не решенная проблема различения древних изделий из метеоритного и рудного железа. С одной стороны, это связано с тем, что содержание никеля в изделиях из метеоритного сырья могло значительно понижаться со временем в результате длительного корродирования. С другой стороны, на нашей планете встречаются железные руды с высоким содержанием никеля.

Теоретически можно было использовать и земное самородное железо — так называемое теллурическое (его появление, преимущественно в базальтовых скалах, объясняется взаимодействием оксидов железа с органическими минералами). Однако оно встречается лишь в мельчайших зернах и прожилках (исключая Гренландию, где известны большие скопления), так что практическое использование теллурического железа в древности было невозможно.

В связи с высоким содержанием никеля (от 5 до 20%, в среднем 8%), увеличивающим хрупкость, метеоритное сырье обрабатывалось преимущественно *холодной ковкой* — по аналогии с камнем. Вместе с тем некоторые изделия из метеоритного железа были получены в результате применения *горячей ковки*.

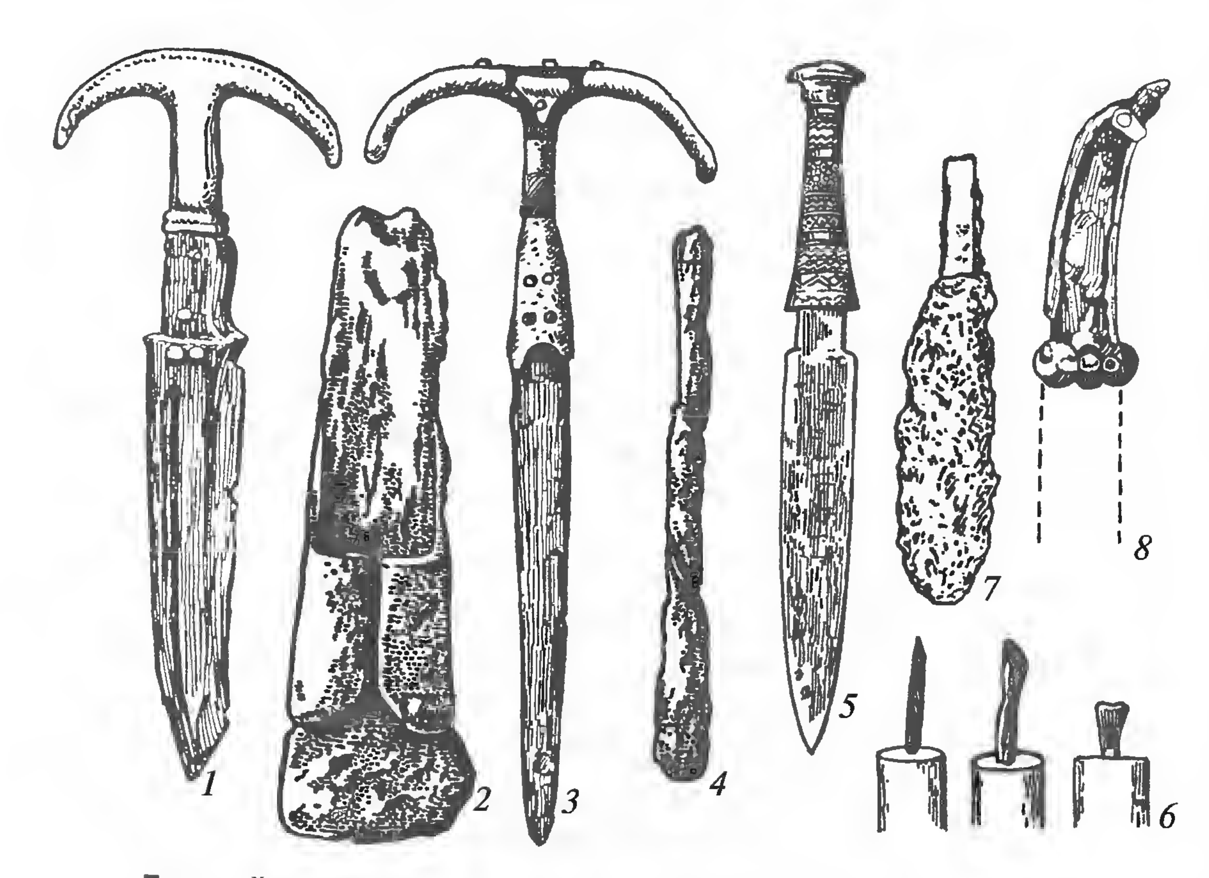
Наиболее ранние железные изделия датируются еще VI тыс. до н.э. и происходят из погребения энеолитической культуры Самарра в Северном Ираке. Это 14 небольших бусинок или шариков, несомненно, сделанных из метеоритного железа, а также четырехгранный инструмент, который мог быть сделан из рудного железа (это, конечно, исключительный случай).

Значительно большее количество изделий метеоритной природы (в основном ритуально-церемониального назначения) относится к периоду бронзового века.

Наиболее знамениты такие изделия, как древнеегипетские бусы конца IV — начала III тыс. до н.э. из Герца и Медумы (памятники додинастического периода); кинжал с рукоятью, обложенной золотом, из царского могильника Ура в Шумере (гробница Мескаламдуга, датируемая сер. III тыс. до н.э.); булава из Трои I (2600–2400 гг. до н.э.); булавки с золотыми головками,

подвеска и некоторые другие изделия из могильника Аладжа-Хейюк (2400–2100 гг. до н.э.); рукоять кинжала, произведенного в середине II тыс. до н.э. в Малой Азии и привезенного в район нынешней Словакии (Гановце); наконец, вещи из гробницы Тутанхамона (около 1375 г. до н.э.), в числе которых: кинжал с железным клинком и золотой рукоятью, железное «око Гора», прикрепленное к золотому браслету, амулет в виде подставки для головы и 16 тонких магико-хирургических железных инструментов (ланцеты, резцы, долота), вставленных в деревянную основу. На территории бывшего СССР первые изделия из метеоритного железа появляются ранее всего в Южном Приуралье и на Саяно-Алтайском нагорье. Это датируемые концом IV–III тыс. до н.э. цельножелезные и биметаллические (бронзово-железные) орудия и украшения, изготовленные металлургами ямной (см. раздел II, гл. 4) и афанасьевской культур с помощью холодной и горячей ковки.

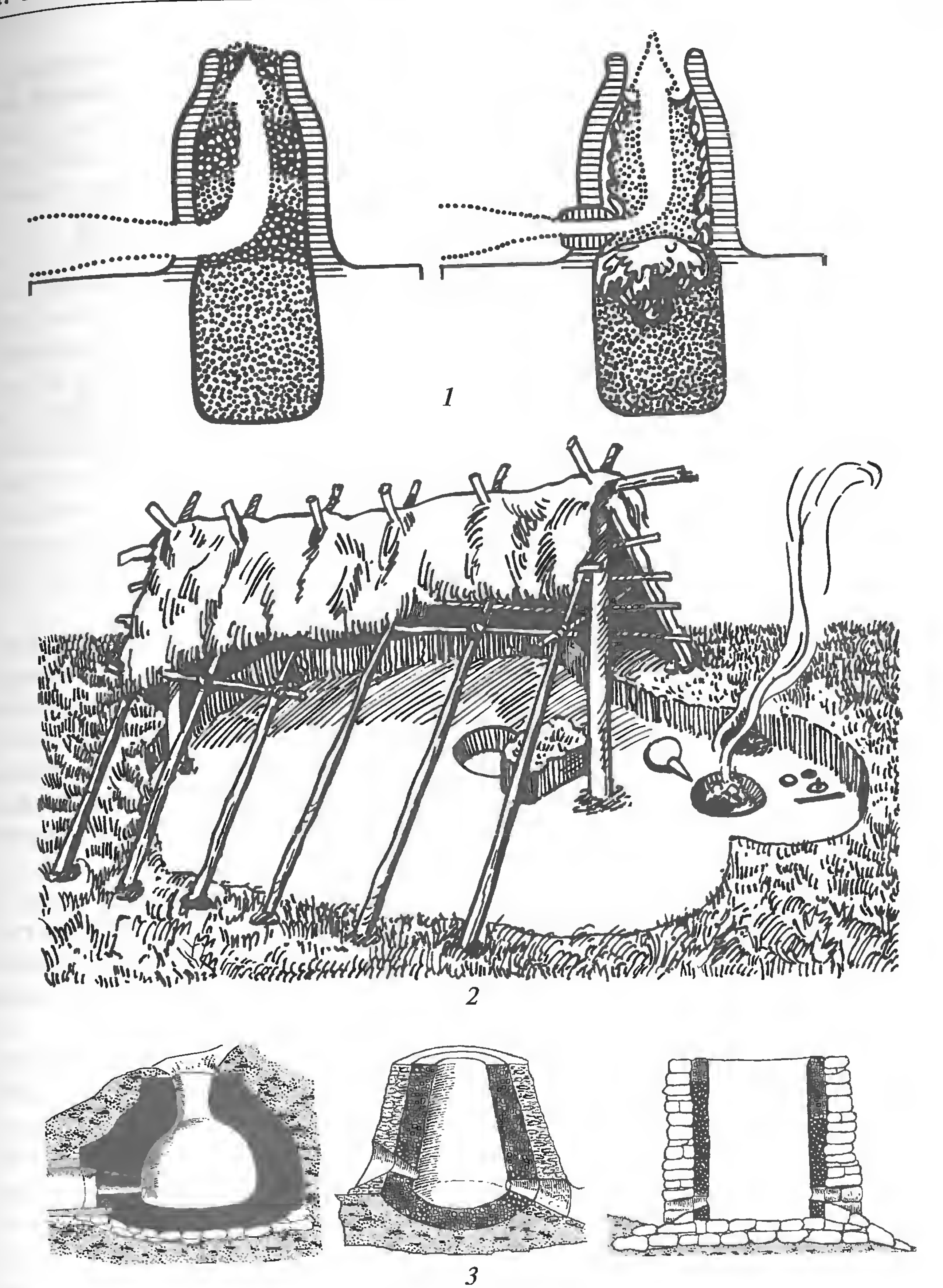
Очевидно, предшествующий опыт использования метеоритного железа никак не повлиял на открытие эффекта **получения железа из руд.** Между тем именно последнее открытие, т.е. действительное зарождение черной металлургии, имевшее место еще в бронзовом веке, предопределило смену технологических эпох, хотя и не означало немедленного окончания бронзового века и перехода к эпохе железа.

Древнейшие изделия из железа, датируемые III–II тыс. до н.э.:

1, 3 — железные кинжалы с рукоятью, обложенной золотом (*из гробницы Мескаламдуга в Уре и из могильника Аладжа-Хейюк в Малой Азии*); 2, 4 — железное тесло с медным захватом для рукояти и железное долото из погребения древнеямной культуры (*Южное Приуралье*); 5, 6 — кинжал с железным клинком и золотой рукоятью и железные лезвия, вставленные в деревянную основу (*гробница Тутанхамона*); 7 — нож с медной рукоятью и железным лезвием из погребения катакомбной культуры (*Россия, Белгородская обл., с. Герасимовка*); 8 — железная рукоять кинжала (*Словакия*)

Реконструкция сыродутного процесса в раннем железном веке:

1 — начальная и конечная фазы сыродутного процесса; 2 — получение железа из руды в открытой яме в древней мастерской-полуземлянке (*Мшецке Жехровице, Чехия*); 3 — основные типы древних сыродутных печей (*в разрезе*)

Можно выделить две важнейших стадии освоения рудного железа:

1-я стадия — **открытие** и **совершенствование способа восстановления железа из руд** — так называемого **сыродутного процесса.**

2-я стадия — **открытие способов преднамеренного получения стали (технология цементации)**, а впоследствии **способов ее термообработки** с целью увеличения твердости и прочности изделий.

Сыродутный процесс осуществлялся в специальных печах, куда загружались железная руда и древесный уголь, разжигавшийся при подаче ненагретого, «сырого» воздуха (отсюда название процесса). Сам уголь мог быть получен путем предварительного сжигания дров, сложенных пирамидами и покрытых дерном. Сначала разжигали уголь, насыпанный на дно горна или печи, затем сверху загружали попеременно слои руды и того же угля. В результате горения угля выделялся газ — окись углерода, которая, проходя через толщу руды, восстанавливала окислы железа. Сыродутный процесс, как правило, не обеспечивал достижения температуры плавления железа (1528–1535 градусов по Цельсию), а доходил максимально до 1200 градусов, что было вполне достаточно для восстановления железа из руд. Это была своего рода «варка» железа.

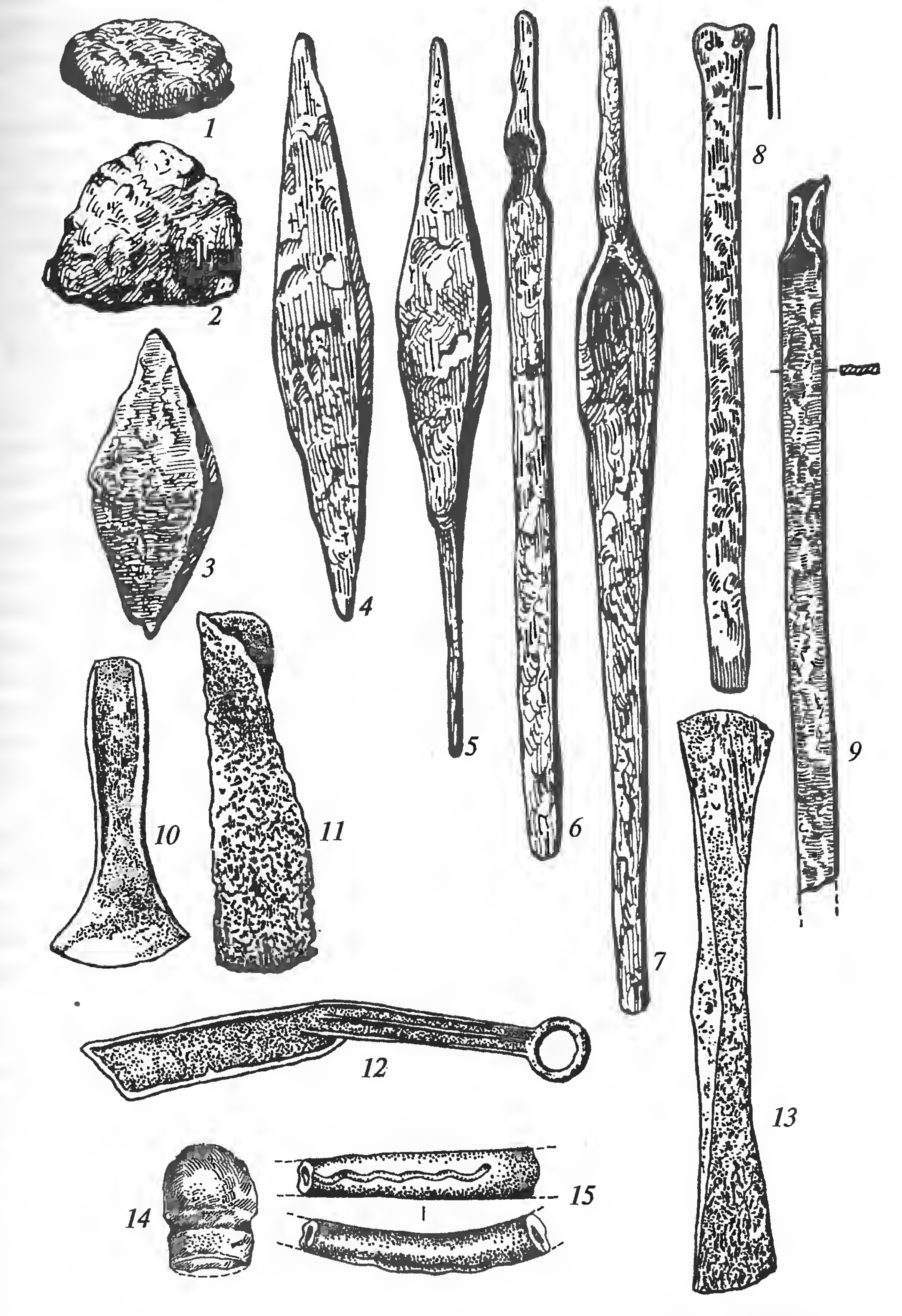
Первоначально сыродутный процесс осуществлялся в ямах, обложенных огнеупорной глиной или камнями, затем стали строить небольшие печи из камня или кирпича, порой с использованием глины. Сыродутные печи могли работать на естественной тяге (в особенности если они сооружались на склонах холмов), но с развитием металлургии все чаще применялось накачивание воздуха мехами через керамические сопла. В открытую яму этот воздух поступал сверху, в печь — через отверстие в нижней части конструкции.

Восстановленное железо концентрировалось в тестообразном виде на самом дне печи, образуя так называемую горновую крицу — железную губчатую массу с включениями несгоревшего древесного угля и с примесью шлака. В более совершенных вариантах сыродутных печей жидкий шлак выпускали из горна по желобу.

Из горновой крицы, которую в раскаленном виде извлекали из печи, можно было изготавливать изделия только после предварительного удаления этой шлаковой примеси и устранения пористости. Поэтому непосредственным продолжением сыродутного процесса была горячая ковка горновой крицы, состоявшая в ее периодическом нагревании до «ярко-белого каления» (1400–1450 градусов) и в проковывании ударным инструментом. В результате получалась более плотная масса металла — собственно крица, из которой посредством дальнейшего проковывания делали полуфабрикаты и заготовки соответствующих кузнечных изделий. Еще до переработки в полуфабрикат крица могла становиться единицей обмена, для чего ей придавали стандартный размер, массу и удобную для складирования и транспортирования форму — лепешковидную, веретенообразную, бипирамидальную, полосчатую. В тех же целях самим полуфабрикатам могли придавать форму орудий труда и предметов вооружения.

Открытие сыродутного процесса могло произойти в результате того, что при выплавке меди или свинца из руд в плавильную печь помимо медной руды и древесного угля загружались (в качестве материалов для

Инструменты и продукты сыродутного и кузнечного процесса:
1–9 — крицы; 10–13 — полуфабрикаты в виде тесла, топоров и ножа; 14 — каменный пест для размельчения руды; 15 — керамическое сопло для подачи воздуха в сыродутную печь

удаления «пустой породы»[1]) железосодержащие породы, в первую очередь гематит. В связи с этим уже в результате медеплавильного процесса могли случайно появляться первые частицы железа. Не исключено, что соответствующие печи могли послужить прототипом сыродутных.

Находки наиболее ранних сыродутных печей связаны с территориями Малой Азии и Восточного Средиземноморья. Не случайно именно из этих регионов происходят и древнейшие изделия из рудного железа.

Это лезвие кинжала из Телль-Ашмара (2800 г. до н.э.) и кинжал с обложенной золотом рукоятью из вышеупомянутой гробницы могильника Аладжа-Хейюк (2400–2100 гг. до н.э.), железный клинок которого, долгое время считавшийся метеоритным, при спектрографическом анализе обнаружил крайне низкое содержание никеля, что говорит в пользу его рудной или смешанной природы (сочетание метеоритного и рудного сырья).

На территории бывшего СССР опыты по выработке кричного железа интенсивнее всего протекали в Закавказье, на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье.

До нас дошли такие ранние железные изделия на рудной основе, как нож первой четверти II тыс. до н.э. из погребения катакомбной культуры у с. Герасимовка (Белгородская обл.), нож и шило третьей четверти II тыс. до н.э. из поселений срубной культуры Любовка (Харьковская обл.) и Ташлык (Николаевская обл.).

Открытие сыродутного процесса — важнейший шаг в освоении железа человечеством, ибо если метеоритное железо встречается относительно редко, то железные руды распространены гораздо шире медных и оловянных. При этом железные руды часто залегают весьма неглубоко; в ряде районов, как, например, в области Форест-оф-Дин в Великобритании или у Кривого Рога на Украине, железную руду можно было добывать при поверхностных разработках. Широко распространены болотные железные руды, в особенности в северных областях зоны умеренного климата, а также руды дерновые, луговые и т.д.

Сыродутный процесс постоянно развивался: увеличивались объемы печей, совершенствовалось дутье и т.д. Однако предметы из кричного железа были недостаточно твердыми до тех пор, пока не был открыт способ получения стали (сплава железа с углеродом) и пока не добились увеличения твердости и прочности стальных изделий путем специальной термической обработки.

Первоначально была освоена **цементация** — намеренное науглероживание железа. Как таковое науглероживание, но случайное, непреднамеренное, приводившее к появлению так называемой сырцовой стали, могло происходить и ранее в ходе сыродутного процесса. Но затем этот процесс стал регулируемым и осуществлялся отдельно от сыродутного. На первых порах цементация производилась посредством многочасового нагревания железного изделия или заготовки до «красного каления» (750–900 градусов) в древесной или костной среде; затем стали использовать другие органические вещества, содержащие углерод. При этом глубина науглероживания была прямо пропорциональна высоте температуры и длительности

[1] Силикатная или глинистая порода, тесно сросшаяся с медной рудой.

нагревания железа. С увеличением содержания углерода возрастала твердость металла.

На увеличение твердости был также направлен прием закаливания, состоявший в резком охлаждении предварительно нагретой до «красного каления» стальной вещи в воде, в снегу, в оливковом масле или в какой-либо другой жидкости.

Скорее всего процесс закалки, как и науглероживание, был открыт случайно, и его физическая сущность, естественно, оставалась загадкой для древних кузнецов, отчего мы часто сталкиваемся в письменных источниках с весьма фантастическими объяснениями причин усиления твердости железных изделий при закаливании. Например, летопись IX в. до н.э. из храма Балгала в Малой Азии предписывает следующий способ закалки: «Надо нагревать кинжал, пока он не засветится, как восходящее в пустыне солнце. затем охладить его до цвета царского пурпура, погружая в тело мускулистого раба... Сила раба, переходя в кинжал... придает металлу твердость». К столь же древнему времени относится знаменитый фрагмент из «Одиссеи», созданной, вероятно, в VIII в. до н.э.: здесь выжигание глаза циклопу «острием раскаленным» оливкового кола («Одиссея», песнь IX, стрк. 375–395. *Пер. В.А. Жуковского*) сравнивается с погружением кузнецом раскаленного стального топора или секиры в холодную воду, причем Гомер не случайно использует для описания процесса закаливания тот же глагол, которым обозначались врачебные и магические действия, — очевидно, механизмы этих явлений были для греков того времени одинаково загадочными.

Однако закаленной стали была присуща определенная хрупкость. В связи с этим древние мастера, стремясь увеличить прочность стального изделия, совершенствовали термическую обработку; в ряде случаев они применяли операцию, противоположную закаливанию, — термический отпуск, т.е. нагревание изделия только до нижнего порога «красного каления», при котором происходит трансформация структуры, — до температуры, не превышающей 727 градусов. В результате несколько снижалась твердость, но возрастала прочность изделия.

В целом освоение операций цементации и термической обработки — длительный и очень сложный процесс. Большинство исследователей полагают, что районом, где раньше всего произошло открытие этих операций (как и самого сыродутного процесса) и где их совершенствование шло быстрее всего, была Малая Азия, и прежде всего район проживания хеттов и связанных с ними племен, в особенности горы Антитавра, где уже в последней четверти II тыс. до н.э. делали качественные стальные изделия.

Именно совершенствование технологии обработки кричного железа и производство стали окончательно решили проблему конкуренции между железом и бронзой. Наряду с этим, в смене бронзового века железным существенную роль сыграла широкая распространенность и сравнительная легкость разработки железных руд.

Кроме того, для некоторых районов ойкумены, лишенных залежей руд цветных металлов, дополнительным фактором развития черной металлургии явилось то, что по разным причинам традиционные связи этих регионов с рудными источниками, обеспечивавшими цветную металлургию, оказались разорванными.

1.2. НАСТУПЛЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: ХРОНОЛОГИЯ И ГЕОГРАФИЯ ПРОЦЕССА, ОСНОВНЫЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Передовым районом в освоении железа, где железный век начался уже в последней четверти II тыс. до н.э., была, как уже сказано, Малая Азия (район Хеттского царства), а также тесно связанные с ней Восточное Средиземноморье и Закавказье.

Не случайно первые неоспоримые письменные свидетельства о выработке и использовании кричного железа и стали дошли до нас именно из текстов, так или иначе связанных с хеттами.

Из переведенных хеттами текстов их предшественников — хаттов следует, что уже хатты хорошо знали железо, имевшее для них скорее культово-ритуальную, нежели бытовую ценность. Впрочем, в этих хаттских и древнейших хеттских текстах («текст Аниттты» XVIII в. до н.э.) речь может идти об изделиях из метеоритного, а не рудного железа.

Наиболее ранние несомненные письменные упоминания об изделиях из рудного («кричного») железа появляются в хеттских клинописных табличках XV–XIII вв. до н.э., в частности в послании хеттского царя фараону Рамзесу II (конец XIV — начало XIII в. до н.э.) с сообщением об отправке последнему корабля, нагруженного железом. Это также клинописные таблички из соседнего с хеттами царства Митанни, адресованные египтянам и потому попавшие в знаменитый «Амарнский архив» второй половины XV — начала XIV в. до н.э. — переписку фараонов XVIII династии с правителями стран Передней Азии. Примечательно, что в хеттском послании ассирийскому царю XIII в. до н.э. фигурирует термин «хорошее железо», обозначающий сталь. Все это подтверждается находками значительного количества железных изделий на рудной основе на памятниках Новохеттского царства XIV–XII вв. до н.э., а также стальных изделий в Палестине уже в XII в. до н.э. и на Кипре в X в. до н.э.

Под влиянием Малой Азии и Восточного Средиземноморья в конце II — начале I тыс. до н.э. железный век наступает в Месопотамии и Иране.

Так, при раскопках дворца ассирийского царя Саргона II в Хорсабаде (последняя четверть VIII в. до н.э.) обнаружено около 160 тонн железа, в основном в виде бипирамидальных и веретенообразных товарных криц, — вероятно, приношения с подвластных территорий.

Из Ирана черная металлургия распространяется в Индию, где эпоха железа отсчитывается с начала I тыс. до н.э. Имеется достаточное количество письменных свидетельств об освоении железа в Индии (как собственно индийских, начиная с Ригведы, так и более поздних неиндийских, в частности древнегреческих).

Под влиянием Ирана и Индии в VIII в. до н.э. эпоха железа наступает в Средней Азии. Севернее, в степях Азии, железный век начинается не ранее VI–V вв. до н.э.

В Китае развитие черной металлургии шло достаточно обособленно. Из-за высочайшего уровня местного бронзолитейного производства, обеспечивавшего Китай качественными металлическими изделиями, эпоха

железа начинается здесь не ранее середины I тыс. до н.э. Вместе с тем письменные источники («Шицзин» VIII в. до н.э., комментарии к Конфуцию VI в. до н.э.) фиксируют более раннее знакомство китайцев с железом. И все же для первой половины I тыс. до н.э. раскопками выявлено лишь незначительное количество предметов из рудного железа собственно китайского производства. Существенный прирост количества, ассортимента и ареала местных железных и стальных изделий начался здесь именно с середины I тыс. до н.э. При этом уже во второй половине I тыс. до н.э. китайские мастера стали первыми в мире целенаправленно производить чугун (сплав на основе железа с более высоким, нежели у стали, содержанием углерода) и, используя его легкоплавкость, вырабатывать большинство изделий не с помощью ковки, а путем литья.

Исследователи допускают, что чугун, как и железо, мог первоначально образовываться случайно при выплавке меди из руд в плавильной печи при определенных условиях. И хотя данное явление, вероятно, имело место не только в Китае, лишь эта древняя цивилизация на основании соответствующих наблюдений пришла к преднамеренной выработке чугуна. Вслед за этим, как считает ряд ученых, в древнем Китае впервые возникла практика выработки ковкого железа и стали путем снижения содержания углерода в чугуне, нагреваемом и оставляемом на открытом воздухе. Вместе с тем, сталь в Китае получали и с помощью цементации железа.

В Корее железный век наступает во второй половине I тыс. до н.э., а в Японии — в III–II вв. до н.э. В Индокитае и Индонезии железный век начинается с рубежа эр.

* * *

Обращаясь к Европе, отметим, что через греческие города Малой Азии железоделательные навыки распространяются в конце II тыс. до н.э. на Эгейские острова и в европейскую Грецию, где эпоха железа наступает около X в. до н.э. Начиная с этого времени в Греции распространяются товарные крицы — веретенообразные и в виде прутков, а умерших хоронят, как правило, с железными мечами. К концу VI в. до н.э. древнегреческие мастера уже пользовались такими важными орудиями из железа, как шарнирные щипцы, лучковая пила, а к концу IV в. до н.э. — железными пружинными ножницами и шарнирным циркулем. Ярко отражено освоение железа и в древнегреческих текстах: так, в «Илиаде» и «Одиссее» Гомер упоминает и различные изделия из железа, и операцию закаливания стали; Гесиод в «Теогонии» метафорически характеризует простейший способ выработки железа из руд в яме; Аристотель в «Метеорологике» кратко описывает сыродутный процесс и преднамеренное получение стали.

На остальной территории Европы вне греческой цивилизации железный век наступает позже: в Западной и Средней Европе — в VIII–VII вв. до н.э., в Юго-Западной Европе — в VII–VI вв. до н.э., в Британии — в V–IV вв. до н.э., в Северной Европе — на рубеже эр.

Переходя к Восточной Европе, следует отметить, что в тех ее регионах, которые лидировали в металлургическом отношении, — в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе и в Волго-Камье — период первичного освоения железа завершился в IX–VIII вв. до н.э., что проявилось в

распространении биметаллических предметов, в частности кинжалов и мечей, рукояти которых отливались из бронзы по индивидуальным моделям, а клинки делались из железа. Они стали прототипами последующих цельножелезных кинжалов и мечей. В этот же период, наряду с восточноевропейской традицией, основанной на использовании железа и сырцовой стали, в указанные регионы проникают изделия, выработанные в рамках закавказской традиции, предусматривающей преднамеренное получение стали (цементацию железного изделия или заготовки).

И все же существенный количественный прирост железных изделий в Восточной Европе связан с VIII–VII вв. до н.э., когда здесь собственно и начинается эпоха железа. Технология изготовления первых железных изделий на рудной основе, ранее ограничивавшаяся операциями примитивной горячей ковки и простейшей кузнечной сварки, обогатилась теперь навыками формовочной ковки (с помощью специальных обжимников и штампов) и кузнечной сварки нескольких пластин внахлест или сложенных вместе.

Передовыми районами железообработки в этот период на территории бывшего СССР являлись Предкавказье и Закавказье, лесостепное Поднепровье и Волго-Камье. К этому же времени можно относить и постепенное начало эпохи железа в лесостепной и лесной зонах Восточной Европы, исключая глубинные таежные и тундровые территории.

На территории Урала и Сибири эпоха железа ранее всего наступает в степном, лесостепном и горно-лесном регионах — в рамках так называемой скифо-сибирской культурно-исторической области и в зоне иткульской культуры. В таежных районах Сибири и на Дальнем Востоке в середине — второй половине I тыс. до н.э. еще фактически продолжается бронзовый век, но соответствующие памятники тесно взаимосвязаны с культурами раннего железного века (исключая северную часть тайги и тундру).

* * *

В Африке железный век ранее всего устанавливается в районе средиземноморского побережья (в VI в. до н.э.), и прежде всего в Египте — в период 26-й династии (663–525 гг. до н.э.); впрочем, существует мнение, что эпоха железа в Египте началась еще в IX в. до н.э. Кроме того, в середине I тыс. до н.э. эпоха железа начинается в Нубии и Судане (Мероитское, или Кушитское, царство), а также в ряде районов Западной и Центральной Африки (в частности, в зоне так называемой культуры Нок в Нигерии), на рубеже эр — в Восточной Африке, ближе к середине I тыс. н.э. — в Южной Африке.

Наконец, не ранее середины II тыс. н.э., с приходом европейцев, железный век наступил в большинстве остальных районов Африки, а также в Америке, Австралии и на островах Тихого океана.

* * *

Такова приблизительная хронология наступления эпохи железа в различных частях ойкумены. Финальный рубеж раннего железного века и

соответственно начало позднего железного века обычно условно связываются с крушением античной цивилизации и наступлением Средневековья.

На этот счет есть и другие версии. Так, в западноевропейской и отечественной археологии еще в XIX — начале XX в. существовало понятие среднего железного века как переходного периода от раннего к позднему, причем грань между ранним и средним железным веком синхронизировалась с рубежом эр и во многом определялась распространением провинциально-римской культуры на территории Западной Европы. Хотя понятие «средний железный век» с тех пор вышло из употребления, в западноевропейской науке по-прежнему существует традиция оставлять раннежелезную эпоху за пределами нашей эры.

В отношении финала эпохи железа существуют разные мнения. Допускается, что эта эпоха продолжалась до промышленного переворота или даже длится по сию пору, ибо и ныне сплавы на базе железа — сталь и чугун — являются одними из основных конструкционных материалов.

* * *

С наступлением железного века совершенствуется земледелие, ибо использование железных орудий облегчает обработку земли, позволяет расчищать большие лесные территории под посевы, развивать оросительную систему. Улучшается обработка дерева, камня, вследствие чего развивается строительное дело; облегчается и добыча медной руды. Использование железа ведет к совершенствованию наступательного и оборонительного вооружения, конского снаряжения, колесного транспорта. Развитие производства и транспорта приводит к расширению торговых связей, как следствие появляется монетное дело. Во многих доклассовых обществах усиливается социальное неравенство, в результате возникают новые очаги государственности. Таковы наиболее значительные перемены в мировой историко-культурной ситуации, связанные с освоением железа.

Глава 2

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ВНЕ ЗОНЫ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ И ВОСТОЧНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (ВАЖНЕЙШИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ И ОБЛАСТИ)

Вследствие широкой распространенности и сравнительной легкости разработки железных руд бронзолитейные центры постепенно утрачивали монополию на производство металла. Многие ранее отсталые территории, бедные медными рудами, используя железные руды, стали догонять по своему технологическому и социально-экономическому уровню традиционные очаги цивилизации. Соответственно изменилось районирование ойкумены. Если для энеолита и бронзового века основным культурообразующим

фактором являлась дифференциация по металлургическим зонам (провинциям), имеющим определенные центры и периферийные территории, то в раннем железном веке более важным стало дробление ойкумены на такие культурно-исторические общности и области, в формировании которых решающую роль играют этноязыковые, политические, хозяйственно-культурные и природные факторы. В рамках каждой такой культурно-исторической общности/области группируются различные народы, как правило, живущие в относительно сходных природных условиях и, соответственно, объединенные определенными формами хозяйства, быта, материальной культуры, что проявляется в возникновении групп похожих археологических культур. Во многих случаях на основании данных палеолингвистики и письменных источников можно говорить и о доминировании в рамках конкретных культурно-исторических общностей определенного этноса или нескольких близкоязычных этносов.

Так, начало железного века на территории лесных пространств Западной и Средней Европы (вне зоны античной цивилизации) связано прежде всего с так называемой гальштатской эпохой, поскольку в этом регионе бронзовый век сменяется эпохой железа первоначально только в районе ***гальштатской культурно-исторической общности.*** Последующее развитие древних культур на указанной территории в раннем железном веке происходит в условиях доминирования ***латенской культурно-исторической общности.*** Именно поэтому ранний железный век Западной и Средней Европы рассматривается ниже на примере этих общностей.

В Восточной Европе и шире, на территории, совпадающей с территорией бывшего СССР, расположение основных культурно-исторических общностей и областей раннего железного века еще более отчетливо соответствует природной зональности. В степном поясе Евразии, протянувшемся в широтном направлении от Нижнего Придунавья до Байкала и Монголии, в раннем железном веке сначала доминирует обширная кочевническо-скотоводческая ***скифо-сибирская культурно-историческая область*** (так называемый «скифо-сибирский мир»), а после ее исчезновения здесь складывается целый ряд генетически связанных с нею кочевническо-скотоводческих сообществ, находившихся преимущественно под влиянием ***сарматских и хуннских (раннегуннских) племен.*** Соответственно, исследователи говорят о двух последовательных эпохах в истории степной полосы Евразии, условно именуя их «скифской» и «сарматской» (или «сармато-гуннской»). Напротив, для развития оседлого населения скотоводческо-охотничьих и скотоводческо-земледельческих сообществ лесной зоны Восточной Европы, Урала и Сибири, несмотря на их контакты с лесостепной и степной зоной, не характерна столь резкая смена культурно-политических эпох. Наконец, оседлое земледельческо-скотоводческое население лесостепной зоны Евразии, занимая промежуточное положение, находилось в тесном контакте как с лесными, так и со степными племенами. Соответственно, в некоторых районах (в частности, в Восточной Европе и в Минусинской котловине) население лесостепи в культурно-политическом отношении входило в «скифо-сибирский мир», а в последующем оказалось под сарматским и хуннским влиянием; в других районах жители лесостепи составляли единые культурные сообщества с лесными племенами (например, в Зауралье и Западной Сибири) или же образовывали собственные культурные области.

Ниже характеризуются крупнейшие культурно-исторические общности и области Евразии эпохи раннего железа. Исходя из изложенной в «Предисловии» концепции настоящего учебника, территории древних цивилизаций не затрагиваются, причем особое внимание уделяется территории бывшего СССР.

2.1. РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК В ЗАПАДНОЙ И СРЕДНЕЙ ЕВРОПЕ

2.1.1. Гальштатская культурно-историческая общность и зона ее влияния

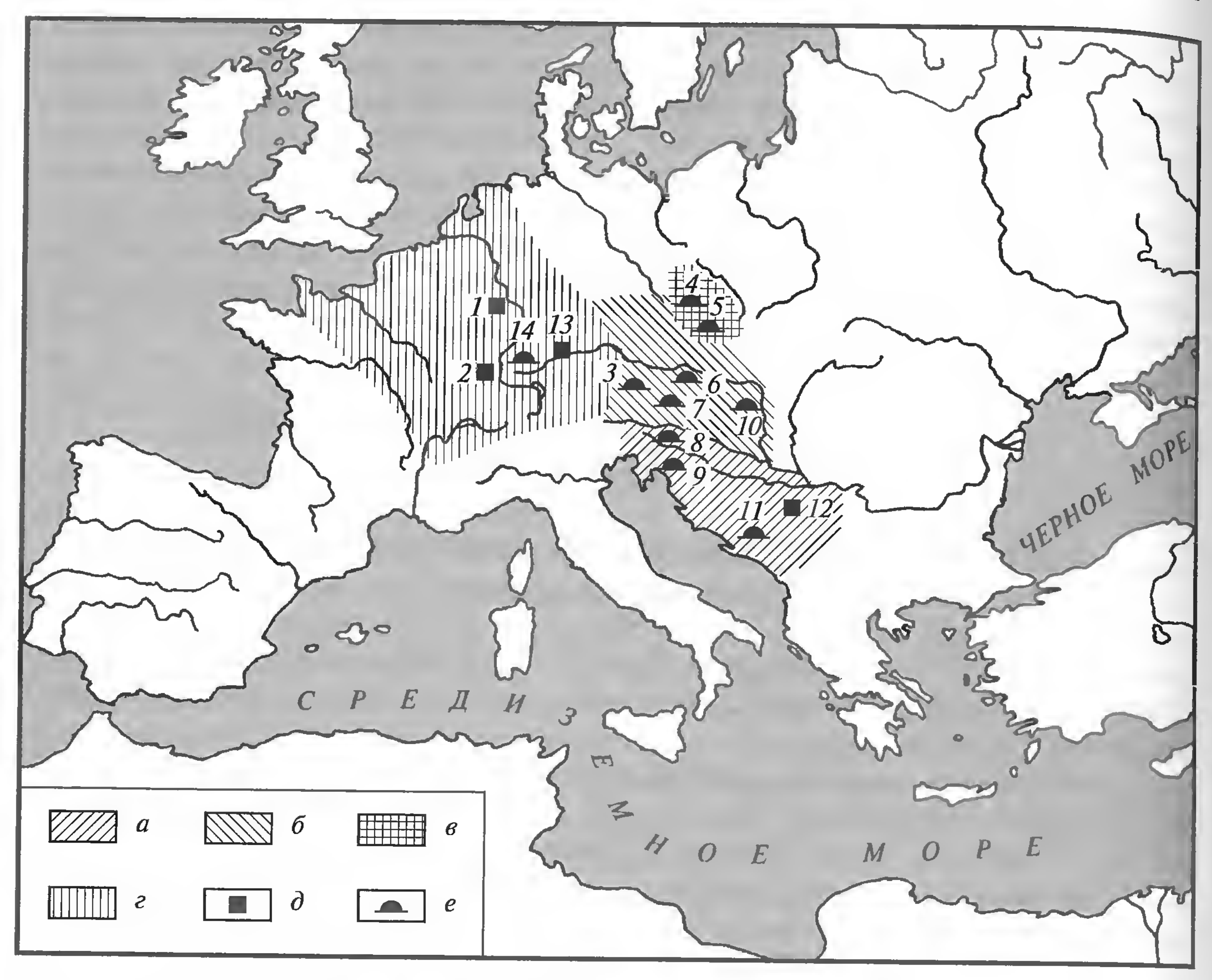
Эта общность в период своего расцвета занимала значительную территорию, имела полиэтничный характер и состояла из ряда самостоятельных археологических культур.

Гальштатская культура как таковая возникла еще в конце II тыс. до н.э., в эпоху позднего бронзового века, на территории Верхнего и Среднего Придунавья и Северо-Западных Балкан.

Основу формирования гальштатской культуры составили расселившиеся на указанной территории племена, говорившие на языках индоевропейской семьи, к тому времени уже раздробившейся на ряд языковых групп. Одна из таких групп, соответствующая истокам гальштатской общности, некоторыми историками и лингвистами именуется «древнеевропейской» и соотносится с памятниками *«культуры курганных погребений»* (1500–1200 гг. до н.э.) и сменившей ее *«культуры полей погребальных урн»* (1200–800 гг. до н.э.), фактически совпадающей с гальштатской культурой бронзовой эпохи.

В конце II — начале I тыс. до н.э. гальштатская культура стала распространяться на прилегающие территории, став совокупностью археологических культур, т.е. культурно-исторической общностью. Расцвет гальштатской общности связан именно с наступлением эпохи железа в Западной и Средней Европе начиная с VIII в. до н.э. Единый финальный рубеж для всей гальштатской общности определить невозможно, ибо в начале V в. до н.э. в ее западной зоне начинается постепенный переход к наследующей ей латенской общности, завершающийся в одних регионах уже к середине V в., в других — лишь к началу IV в. до н.э. Таким образом, мы будем характеризовать гальштатскую общность в хронологических рамках VIII–V вв. до н.э.

Ареал данной общности в ее максимальных границах соответствует, во-первых, Чехии, Словакии, Венгрии, Австрии и Северо-Западным Балканам (восточная зона, где этническую основу составляли иллирийцы), во-вторых, Швейцарии, Германии (без ее северо-восточных областей), а также части Франции между Рейном и Луарой (западная зона, где основой этнического массива являлись кельты).

Гальштатская культурно-историческая общность:
а, б, в — восточная зона, г — западная зона, д — поселения, е — погребения; 1 — Нейхейзель, 2 — Камп-де-Шато, 3 — Гальштат, 4 — Платеницы, 5 — Бычья Скала, 6 — Гемейнлебарн, 7 — Штретвег, 8 — Санта-Лючия, 9 — Вач, 10 — Эденбург, 11 — Глазинац, 12 — Донья Долина, 13 — Гейнебург, 14 — Гохмихеле

Иллирийцы — собирательный этноним, который впервые встречается в древнегреческих текстах и относится к ряду близкородственных индоевропейских народов, населявших (наряду с некоторыми другими народами) северо-запад Балканского полуострова от Адриатики до Дуная; кроме того, часть иллирийцев проживала за пределами гальштатской общности на юго-востоке Апеннинского полуострова. Кельты — многочисленные и разнообразные племена, близкородственные в языковом и антропологическом отношении, принадлежащие также к индоевропейской языковой семье. В письменных источниках они впервые встречаются в упоминаниях древнегреческих авторов: на рубеже VI–V вв. до н.э. у Гекатея Милетского и в середине V в. до н.э. у Геродота.

За пределами ареала гальштатской общности располагается область ее влияния. Она охватывает прежде всего Нижнее Подунавье — территорию фракийцев (зона так называемого «фракийского гальштата»), север Апеннинского и Пиренейского полуострова, а также междуречье Вислы и Одера.

Вне влияния гальштатской общности — в Северо-Восточной Германии, в Западной Франции, в Британии и в Скандинавии — в соответствующую эпоху еще продолжается бронзовый век.

Основными памятниками, дающими информацию о гальштатской общности, являются поселения и погребения. Помимо того, известны гальштатские соляные копи, железоплавильни, кузницы и медные рудники.

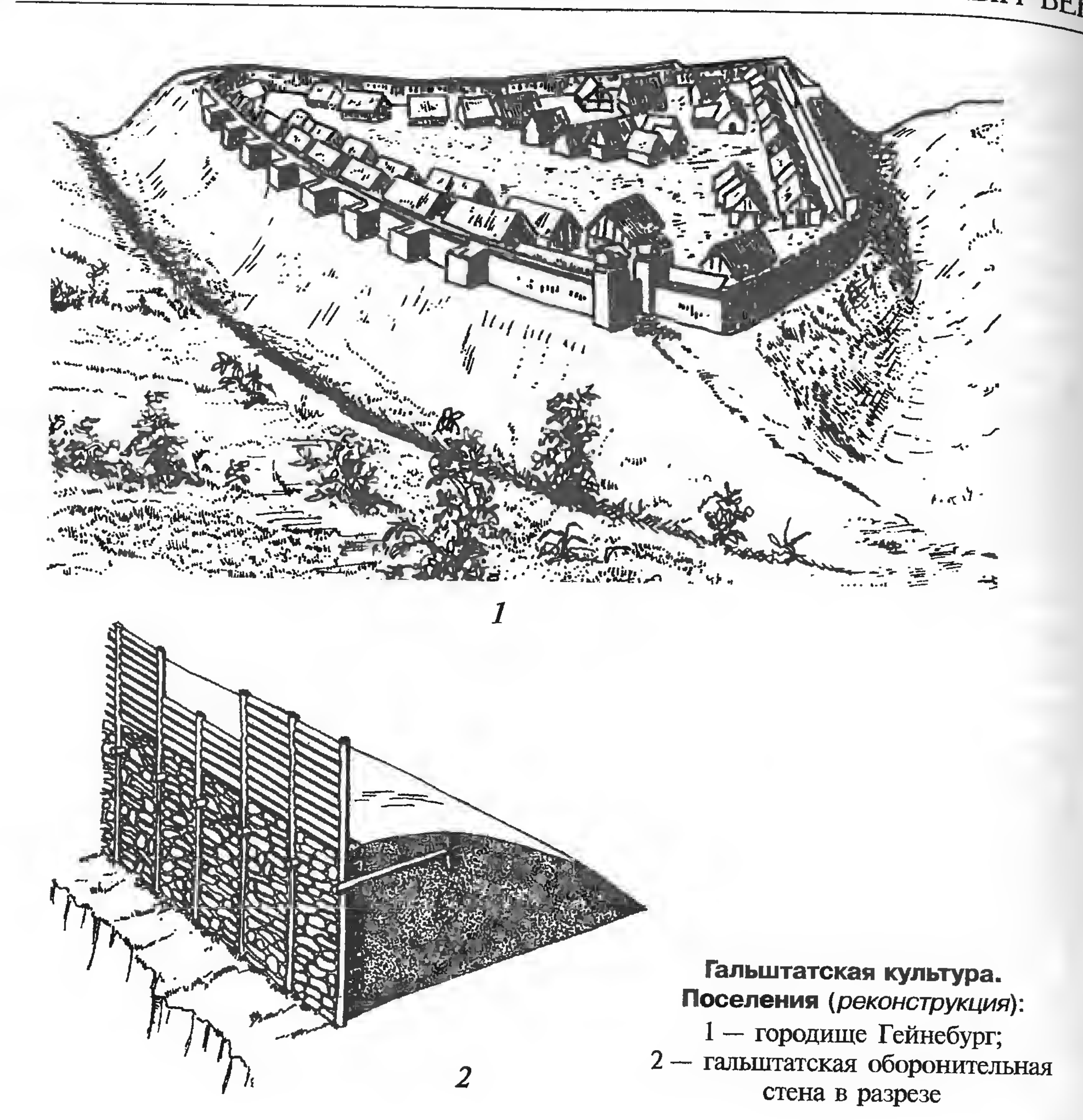
Большинство из ныне известных ***поселений*** гальштатской общности — это городища площадью в несколько гектаров; наиболее известны Камп-де-Шато на Верхнем Рейне, Нейхейзель на Среднем Рейне, Гейнебург на Верхнем Дунае. Гальштатские городища защищались рвом и валом, который мог быть обыкновенным земляным, а мог иметь деревянную и каменную основу. В конце гальштатской эпохи появляются также деревянно-земляные крепостные стены с каменным панцирем снаружи, из которого выступают вертикальные столбы, вкопанные в землю и соединенные горизонтальными балками-поперечинами с аналогичными столбами на тыльной стороне; иногда такую стену с тыла дополняли земляной насыпью. Таковы, в частности, укрепления Гейнебурга, причем со временем на этом городище появились еще более мощные крепостные стены из сырцовых кирпичей, на каменном цоколе.

Гальштатские жилища обычно однокомнатные прямоугольные, с глиняным полом, с деревянными или плетневыми стенами, обмазанными глиной, с очагом, с соломенной крышей. Известны также свайные поселения, например Донья Долина в Боснии, где жилища двухкамерные, состоящие из сеней с глиняным очагом и главного помещения с глинобитной печкой.

Известно множество ***могильников*** гальштатской общности — как бескурганных, так и курганных. Доля последних по мере развития гальштатской общности нарастает.

Бескурганные могильники обычно находятся рядом с соответствующими городищами. Одним из наиболее примечательных является могильник близ современного австрийского города Гальштат, по названию которого археологи дали имя всей культуре и общности. Гальштатский могильник, возникший еще в эпоху бронзы, в эпоху железа функционировал почти 300 лет (с 750 по 450 г. до н.э.) и был одним из богатейших (источник богатства оставившего его населения — близлежащие соляные рудники того же времени). Гальштатский могильник биритуальный: более половины из раскопанных погребений содержат трупоположения, чуть менее половины — остатки кремации. В первом случае покойных клали в крупные овальные ямы в вытянутом положении на спину или на бок. Во втором случае сожжение обычно осуществляли вне могильника, затем оставшийся прах помещали в погребальный сосуд, который ставили в небольшую округлую яму, либо ссыпали прах непосредственно на дно ямы.

Погребения Гальштатского могильника, как и погребения других могильников гальштатской общности, содержат обильный и разнообразный заупокойный инвентарь: оружие, керамическую посуду, орудия труда; иногда в могилы помещали ритуальные бронзовые сосуды. В могилах найдено много импортных изделий греческого и италийского происхождения.

Гальштатская культура. Поселения (*реконструкция*):
1 — городище Гейнебург;
2 — гальштатская оборонительная стена в разрезе

Курганные могильники состояли из курганов средней величины, округлых или овальных. В конце существования гальштатской общности появляются и весьма крупные курганы (до 8–15 м высотой, до 100 м в диаметре), причем часто они возводятся на возвышенных местах, иногда совершенно изолированно или же по краям курганных групп. В таких крупных курганах часто встречаются погребения на повозках, иногда — в деревянных срубных камерах.

Ярким примером такого захоронения является один из крупнейших в Европе курган Гохмихеле у вышеназванного городища Гейнебург, датируемый концом VII — началом VI в. до н.э. Под его насыпью, достигавшей в высоту 14 м и в диаметре 80 м, находились центральная (основная) погребальная камера и двенадцать боковых (дополнительных). В центральном погребении, разграбленном еще в древности, сохранились остатки деревянной камеры, содержавшей повозку, на которой лежала знатная женщина с украшениями. В богатейшем из боковых погребений обнаружена неразграбленная деревянная камера, где находилось, судя по реконструкции, парное погребение мужчины и женщины. В погребении найдены колеса от четырехколесной повозки, диадема и колчанный набор, принадлежавшие мужчине, а также ожерелье из янтарных и стеклянных бус (у женщины).

Примером богатого гальштатского погребения, демонстрирующего связи местной знати с античными средиземноморскими торговыми центрами, является курган в Виксе (Франция), датируемый концом VI в. до н.э. Здесь под насыпью высотой 6 м и диаметром 42 м в яме с деревянной погребальной камерой, на кузове четырехколесной повозки покоилась знатная женщина 35 лет, украшенная массивной золотой диадемой (по другой версии — гривной) в греческом стиле с фигурками Пегасов, а также браслетами, застежками-фибулами и ожерельями из янтарных и диоритовых бус. Окованные железом колеса были сняты с колесницы и поставлены вдоль одной из стен камеры, а у противоположной стены, помимо прочих даров, стоял огромный бронзовый сосуд — древнегреческий кратер высотой 164 см, весом 208 кг и объемом 1200 литров.

Исключительный характер имеет гальштатское погребение середины I тыс. до н.э. в Бычьей Скале в Моравии. Здесь в преддверии пещеры, на месте, где прежде находилась кузница, было совершено богатое захоронение аристократа. Погребение содержит большое кострище, в центре которого находились кремированные останки «князя». Это кострище окружено 40 скелетами мужчин, женщин и детей. В захоронении найдены также котел с человеческим черепом и таз с обугленным зерном, алтарь с отрубленными руками и черепом, скелеты двух коней в сбруе, остатки сгоревшей боевой колесницы, бронзовое навершие скипетра, а также украшения, оружие и бронзовая статуэтка быка.

Сцены, представленные на гальштатских керамических урнах и бронзовых сосудах — «ситулах», демонстрируют детально разработанный погребальный ритуал: он включал похоронную процессию, которая сопровождала повозку с погребальной урной, заупокойный пир и т.д.

Материал гальштатских погребений свидетельствует о выделении в среде общинников воинского слоя с богатой аристократической верхушкой, т.е. о формировании раннеклассового общества. По материалам тех же погребений, а также поселений и мастерских гальштатской общности реконструируются **основы хозяйства и важнейшие элементы материальной культуры ее населения.**

Очевидно, что основой хозяйства народов гальштатской общности являлось ***земледелие***, причем эти племена уже знали все впоследствии характерные для Европы виды злаков (кроме овса, освоенного лишь к середине I тыс. до н.э.) — зерна их находят при раскопках. Основным орудием земледельческого труда служил деревянный плуг в виде рогатины, имевшей горизонтальный сук — рабочую часть и наклонный сук — дышло (часто с деревянным вставным резаком для подрезания пласта); использовалась также деревянная соха с лопатовидным сошником. Еще одним важным орудием труда, использовавшимся, в частности, при подсечно-огневом земледелии, были так называемые «кельты» — топоры и тёсла со втулкой, перпендикулярной лезвию, что предполагает использование коленчатой рукояти. «Кельты» могли служить и в качестве оружия.

Гальштатская культура. Вооружение, украшения и орудия труда:
1 — бронзовый меч с костяным навершием; 2 — железный меч с антенновидным навершием; 3 — железный кинжал с бронзовой рукоятью и золотыми вставками; 4 — железный наконечник копья; 5 — бронзовый шлем; 6–8 — фибулы со змеевидной, дуговидной и литавровидной дужкой; 9 — бронзовая булавка; 10 — ожерелье из янтарных бус; 11, 12 — бронзовые браслеты; 13 — бронзовая поясная пряжка; 14 — плуг (*реконструкция*); 15 — соха (*реконструкция*)

Животноводство имело подсобный характер, причем все впоследствии известные для Европы виды домашнего скота в гальштатской общности уже существовали, о чем можно судить по костным остаткам на поселениях и в погребениях.

Транспорт был конным, как верховым, так и с применением телег или колесниц. О верховом использовании лошади свидетельствуют не только находки конской узды в гальштатских погребениях, но и многочисленные изображения всадников на ситулах и урнах. Те же источники говорят о наличии четырехколесных повозок на деревянных осях с деревянными колесами с железными или бронзовыми шинами, прибитыми к ободам коваными гвоздями, а также двухколесных боевых/беговых колесниц. Кроме того, до нас дошли модели повозок и колесниц, из которых самая знаменитая — бронзовая ритуальная модель четырехколесной повозки из могильника Штретвег (Австрия) с бронзовыми фигурками воинов, женщин и возвышающейся над ними богини.

Племена гальштатской общности имели развитую черную металлургию, что установлено благодаря находкам криц в форме брусков с острыми концами, а также остатков сыродутных печей и кузниц. Была развита и цветная металлургия. О соледобыче свидетельствует открытие древних копей — в частности, рядом с Гальштатским могильником, создателей которого обогащал этот промысел. О существовании ткачества и прядения говорят находки тканей, изображения ткущих и прядущих женщин на погребальных урнах, а также законсервировавшиеся в тех же гальштатских соляных копях остатки шерстяной и тканой одежды.

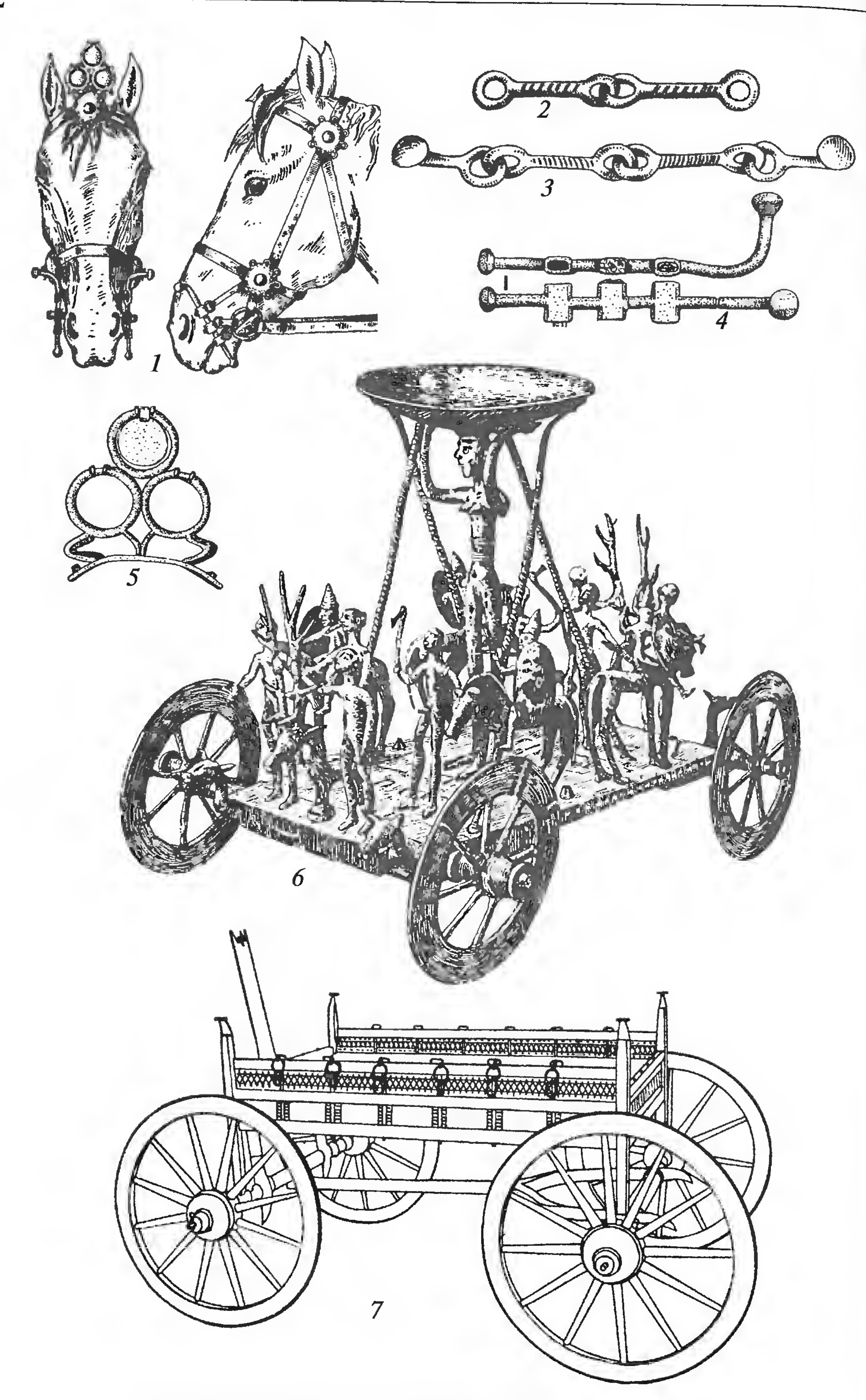

Гальштатская культура. Конный воин с боевым топором-«кельтом» и двумя копьями, в шлеме и со щитом (*реконструкция*)

В качестве основного наступательного вооружения использовались колющие мечи, кинжалы, копья, боевые ножи и топоры, а оборонительным оружием служили шлемы и щиты, изредка панцири.

Мечи и кинжалы сначала имели бронзовый или железный клинок, расширяющийся посередине, и бронзовую (реже — деревянную или костяную) рукоять, навершие которой было выполнено в виде усеченного конуса, а перекрестье (гарда) — в виде полумесяца рогами вниз. Позднее клинок стали делать только из железа, с параллельными краями, а рукоять — из железа или бронзы, с навершием в виде встречных волютообразных рожек или завитков, которые порой смыкаются, образуя лежащую восьмерку.

Основной элемент конского снаряжения составляли удила — сначала бронзовые, позднее железные, двузвенные, с однокольчатым внешним завершением каждого звена, причем к этому кольцу иногда присоединяли

Гальштатская культура. Конское снаряжение и повозки:
1 — узда (*реконструкция*); 2 — бронзовые удила; 3 — бронзовые удила с подвесками для крепления повода; 4 — бронзовый псалий; 5 — бронзовый конский налобник; 6 — ритуальная бронзовая модель повозки со сценами жертвоприношений (*могильник Штретвег, Австрия*); 7 — реконструкция повозки из курганного погребения (*Франция*)

бронзовые подвески для повода. К этим же внешним кольцам для соединения удил с ремнями конского оголовья крепились так называемые псалии в виде прямых или загнутых бронзовых стержней с тремя отверстиями для пропускания ремней, идущих к удилам и к оголовью. Псалии обеспечивали более эффективное управление конем.

Весьма разнообразны сосуды гальштатской общности. Гальштатская керамика — лепная (сделанная без применения гончарного круга). Это горшки с узким горлом и плоским дном, тарелки, миски, чаши. Сосуды имеют черную поверхность (вследствие использования графита) с врезным линейным декором, а иногда — многоцветную роспись.

Замечательны полихромные погребальные урны высотой до 1 м, грушевидные и биконические. Их роспись может быть геометрической (меандровые ряды, перевернутые треугольники) или сюжетной. Изображаются сцены ритуального характера: четырехколесные повозки с погребальными урнами, запряженные парой лошадей, геометричные фигурки женщин, воинов, всадников, пахарей и др. На плечики урн могли помещать лепные статуэтки женщин и всадников, а ручки этих сосудов иногда делали зооморфными.

Помимо керамических сосудов, известны бронзовые клепаные ритуальные ведра — усеченно-конические ситулы и цилиндрические цисты. Ситулы знамениты многоярусными сюжетными сценами, опоясывающими сосуды в несколько рядов: здесь с помощью чеканки изображены шествующие люди, всадники, двухколесные колесницы, кулачные бои, пиршества, музыканты с флейтами, животные и т.д.

Гальштатская одежда, несмотря на утрату органических элементов (исключение — вышеупомянутые остатки одежды в соляных копях), восстанавливается по изображениям на урнах и ситулах, а также по материалу погребений. Женщины носили колоколовидные платья с геометрической вышивкой и длинные покрывала, мужчины — короткие плащи, туники или же узкие либо широкие штаны. Весьма разнообразны головные уборы (шляпы, береты, колпаки).

Важный элемент одежды и одновременно яркое украшение — разнообразные пружинные застежки-фибулы (чаще бронзовые) с ладьевидной или змеевидной дужкой, позднее — очковидной, дуговидной или литавровидной. Для крепления плаща и для волос использовались также булавки из бронзы и железа, имевшие от одной до трех головок конусовидной, шаровидной или лебедевидной формы. Известны бусы — янтарные и из непрозрачного стекла (желтые с синими глазками, обведенными белым). Популярны бронзовые шейные гривны, а также бронзовые браслеты, как ручные, так и ножные.

Наконец, археология позволяет говорить о наличии у создателей гальштатской общности таких **культов**, как *солярный*, на что указывает массовое использование концентрических кругов в орнаментике, и *хтонический* — культ Верховной богини, покровительницы плодородия: предполагается, что именно она изображена стоящей на вышеупомянутой модели колесницы из Штретвега (нагая, вдвое выше окружающих ее людей, приносящих ей в жертву животных, она поддерживает ритуальное блюдо).

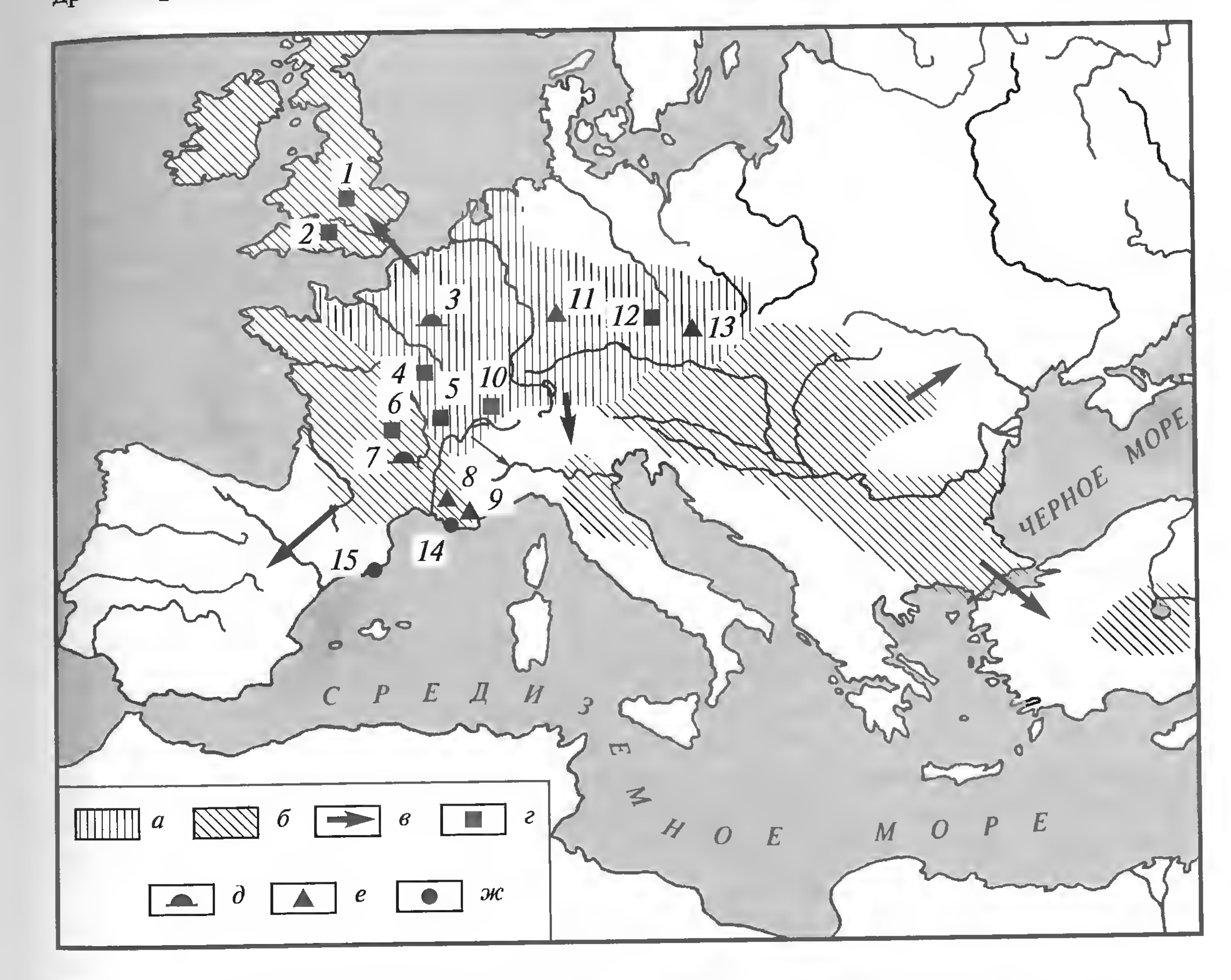
Гальштатская культура. Сосуды:

1 — керамический сосуд с резным орнаментом; 2 — керамический сосуд с ручками в виде бычьих голов; 3, 4 — бронзовая ситула из Куффарна (*Австрия*) и развертка изображений на ней; 5, 7 — керамические урны; 6, 8 — изображения на керамических урнах (*Венгрия*): прядущие и ткущие женщины, погребальная процессия

2.1.2. Латенская культурно-историческая общность и зона ее влияния

На смену гальштатской культуре в Западной и Средней Европе приходит *латенская культура*, названная так по поселению Ла Тен в Швейцарии. Латенская культура, как и гальштатская, может в конечном счете квалифицироваться как культурно-историческая общность в силу разнообразия входящих в нее культур. Но при этом, в отличие от гальштатской общности, латенская имеет явную этническую доминанту — многочисленные и разнообразные кельтские племена, имеющие сходную материальную и духовную культуру. Уже говорилось, что этноним «кельты», вероятнее всего являющийся самоназванием, первоначально появляется в древнегреческих письменных источниках. В латенскую эпоху о кельтах пишут не только древнегреческие, но и древнеримские авторы, именующие большую часть

Латенская культурно-историческая общность и зона ее влияния:

а — первоначальная территория, занятая кельтскими племенами, б — территория распространения латенской культуры, в — направление кельтских походов, г — поселения, д — погребения, е — святилища, ж — греческие колонии; 1 — Хансбери, 2 — Гластонбери, 3 — Сомм-Бионн, 4 — Алезия, 5 — Бибракте, 6 — Аварик, 7 — Селль, 8 — Рокепертус, 9 — Антремон, 10 — Латен, 11 — Кобенер Вальд, 12 — Стратонице, 13 — Либеницы (Колин), 14 — Массалия, 15 — Эмпорий

кельтов «галлами» (вероятно, также самоназвание), среди которых, в свою очередь, выделяется множество племен, имеющих особые названия.

Хронологические рамки существования латенской общности: начало/середина V в. до н.э. — рубеж эр. Первоначальный ареал кельтов и соответственно ядро латенской общности — верховье Дуная и зона к западу от Рейна до Атлантики (бассейн Соны и Луары). Археологические данные свидетельствуют о том, что в этих районах позднегальштатские формы материальной культуры плавно эволюционировали в латенские в течение V в. до н.э. Здесь индикатором перехода от гальштатской к латенской эпохе служит новый стиль в изобразительном искусстве, названный исследователями раннекельтским или раннелатенским и зародившийся примерно между 480 и 470 гг. до н.э. на Среднем Рейне, где в то время сконцентрировалось наибольшее количество этрусского и греческого импорта и где влияние соответствующих художественных систем было наиболее значительным.

После V в. до н.э. началось распространение латенской общности за пределы этой территории в ходе кельтских экспансий (пик которых приходится на рубеж IV–III вв. до н.э.) и последующего культурного влияния (см. исторические свидетельства о передвижениях древних кельтов). В результате ареал латенской общности значительно расширился и в него вошли дополнительно к указанным районам территории нынешней Юго-Западной Франции, Северной Испании, Швейцарии, Северной Италии, Британии, Ирландии, некоторые районы Среднего и Нижнего Придунавья и, по мнению ряда ученых, центральная зона Малой Азии (основной район проживания пришлых кельтов-галатов).

По мере распространения латенской общности расширялся и ее этнический состав: основой оставались кельтские племена, но, кроме того, в ряду ее создателей оказались народы, активно смешивавшиеся с кельтами, а именно иберы, лигурийцы, иллирийцы, фракийцы.

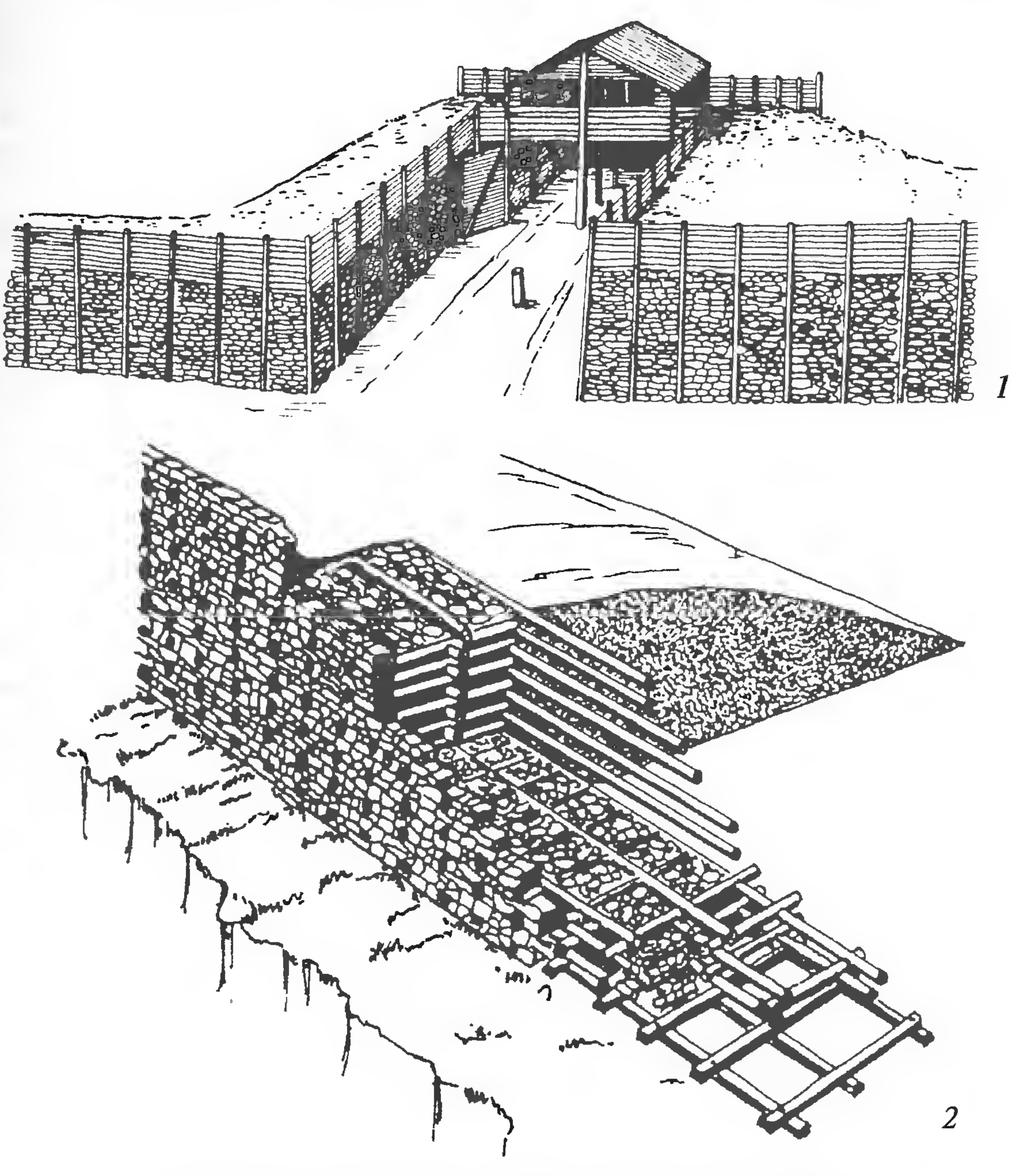
Затем последовало сокращение территории латенской общности, связанное с такими политическими событиями, как вытеснение кельтов германцами начиная со II в. до н.э. и постепенное завоевание кельтской территории Римом во II — I вв. до н.э. За римским завоеванием последовала активная культурно-экономическая романизация кельтов, и в результате в начале нашей эры латенская общность на всей своей территории сменилась провинциальной римской культурой. Так, знаменитый римский историк Тацит отмечал, что уже через несколько десятилетий после покорения римлянами Британии ее кельтские жители, которым «латинский язык совсем недавно внушал откровенную неприязнь, горячо взялись за изучение латинского красноречия», вслед за чем «многие облеклись в тогу» («Агрикола», 21, 2. *Пер. Г.С. Кнабе*).

Основные памятники латенской общности — это поселения и погребения. По сравнению с предшествующей гальштатской эпохой значительно возрастает количество ***поселений***, в том числе городищ.

Латенские городища находятся на мысах между реками или оврагами (в таком случае вал или крепостная стена идет от обрыва к обрыву) или на водораздельных холмах (вал или стена опоясывает холм). В ранний период это небольшие крепости, поселки или протогорода, многие из которых к концу эпохи превращаются в настоящие города — торгово-ремесленные и племенные центры значительных размеров; впрочем, территория в пределах оборонительной линии могла быть заселена неплотно — оставлялось место для святилища или свободное пространство, которое использовалось как загон и пастбище для скота в случае нападения. К крупнейшим городищам относятся: Бибракте (площадь, окруженная укреплениями, составляет 135 га) и Алезия (97 га) во Франции, Манхинг (380 га) в Германии, а также Градиште (140 га) и Завист (175 га) в Чехии. Слава Алезии была столь велика, что античный мифограф Диодор Сицилийский в I в. до н.э. называл ее «великолепным городом» и приписывал ее основание самому Гераклу (Историческая библиотека, IV, 19. *Пер. О.П. Цыбенко*).

Первоначально укреплениями служили земляные валы или, как в гальштатскую эпоху, деревянно-каменные стены с вертикальными бревнами-опора-

Латенская культура. Фортификация (*реконструкция*):
1 — фрагмент оборонительной стены и ворот городища Манхинг (*Германия*);
2 — латенская оборонительная («галльская») стена в разрезе

ми снаружи, соединенными с отходящими назад поперечными горизонтальными балками. Позднее изобрели более совершенную модификацию — так называемую «галльскую стену», при возведении которой на землю укладывали параллельно на небольшом расстоянии длинные продольные бревна, к которым привязывали или прибивали железными гвоздями короткие поперечные брусья, после чего образующиеся клети заполняли камнем и покрывали землей. Затем на эту конструкцию накладывалась вторая такая же и т.д. Фасад «галльской стены» сформирован каменной кладкой, из которой выступают торцы поперечных балок, а с тыла конструкция может дополняться широкой наклонной насыпью (всход на укрепление изнутри). В результате гибкая древесная конструкция противостояла таранному удару, а каменный фасад — огню. «Галльскую стену» детально описал Гай Юлий Цезарь, данные которого полностью подтвердились раскопками.

Такая конструкция обнаружена, в частности, при раскопках вышеупомянутой Алезии, осажденной и покоренной римскими легионами под командованием Цезаря в 52 г. до н.э. Кроме того, на подступах к Алезии были выявлены остатки римских оборонительных приспособлений и ловушек, ограждавших лагерь римлян с одной стороны — от защитников Алезии, с другой — от пришедшего к ним на помощь галльского войска.

В районе крепостных ворот стена часто имела клещеобразный изгиб для поражения противника с флангов.

Жилища латенской общности — прямоугольные и круглые в плане. Первоначально они представлены двумя основными конструктивными типами. Это, во-первых, наземные дома с каркасно-столбовыми стенами или с плетневыми стенами, обмазанными глиной и опирающимися на каменный цоколь, с соломенными крышами; во-вторых — землянки с аналогичной крышей и плетнево-глиняными стенами. Позднее также появились жилища с двойными стенами, сложенными из камня насухо, с забутовкой из более мелких камней между этими стенами. На территории Франции вокруг домов часто строили дворовые стены из камня.

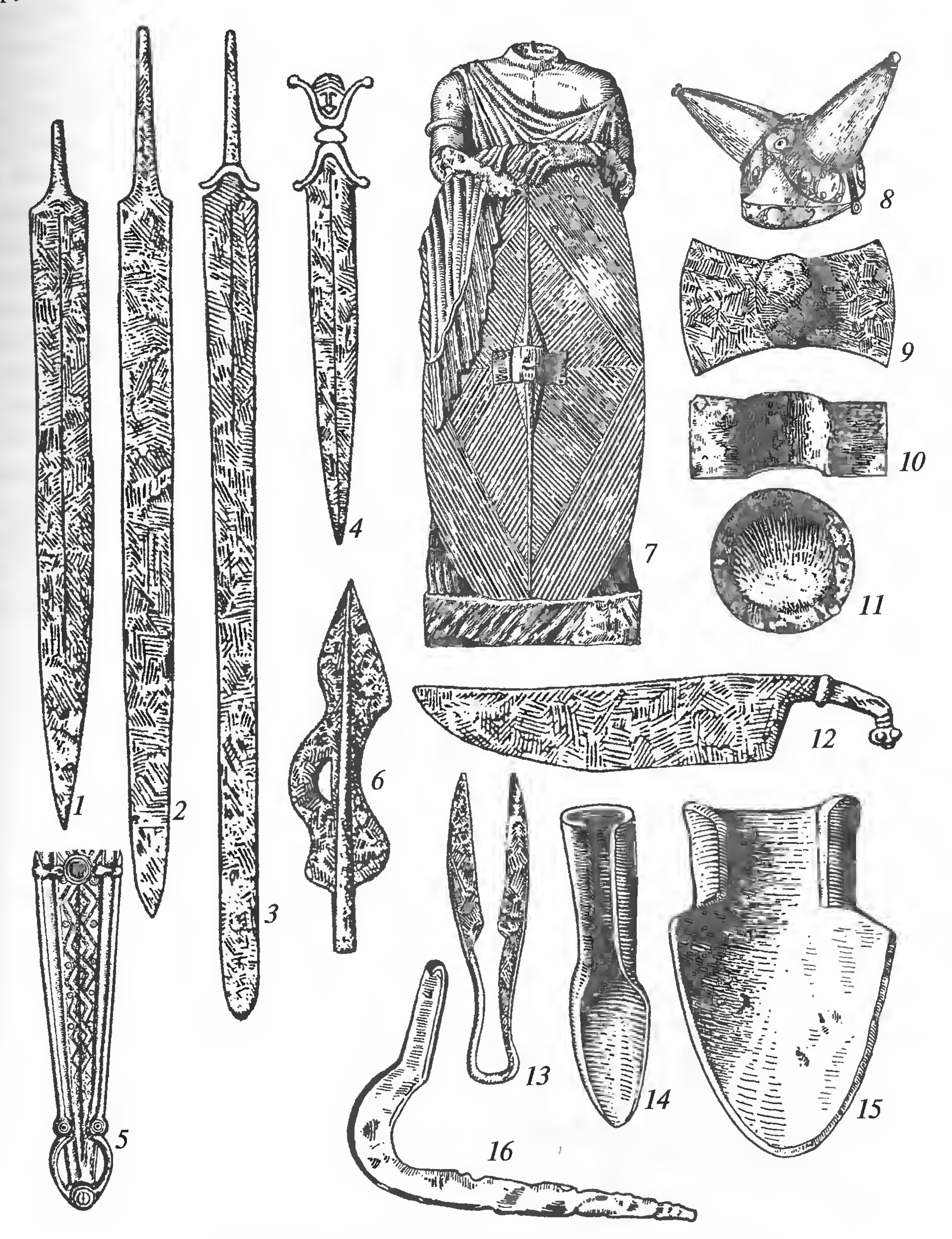
Известны также свайные поселения. Обнаружены и немногочисленные островные болотные городища (главным образом, в Британии) с домами, пол которых образован бревенчатыми клетями, перекрытыми деревянным настилом, а стены — вертикальными бревнами или плетнем с глиняной обмазкой.

Погребальные памятники латенской общности представляют собой как бескурганные могильники, которые в целом преобладают, так и курганы, доля которых со временем постепенно сокращается. Практиковались как трупоположение, так и кремация, производившаяся на стороне, с последующим помещением праха в урну. Доля кремационных погребений по мере развития латенской общности постепенно возрастает.

Инвентарь погребений достаточно богат (при этом вещи часто намеренно испорчены, изломаны в ритуальных целях). Это оружие, украшения, посуда. В состав погребальных приношений также входили отдельные части вепря, реже — целая туша этого животного, иногда — части туш других копытных.

Четко выделяются захоронения воинов, знатных всадников, а также женщин, принадлежавших к аристократическому кругу. Для раннего и среднего периода латенской общности характерны аристократические погребения с трупоположением на двухколесных боевых колесницах. Порой знатность подчеркивалась созданием кольцевидного или четырехугольного рва вокруг могилы.

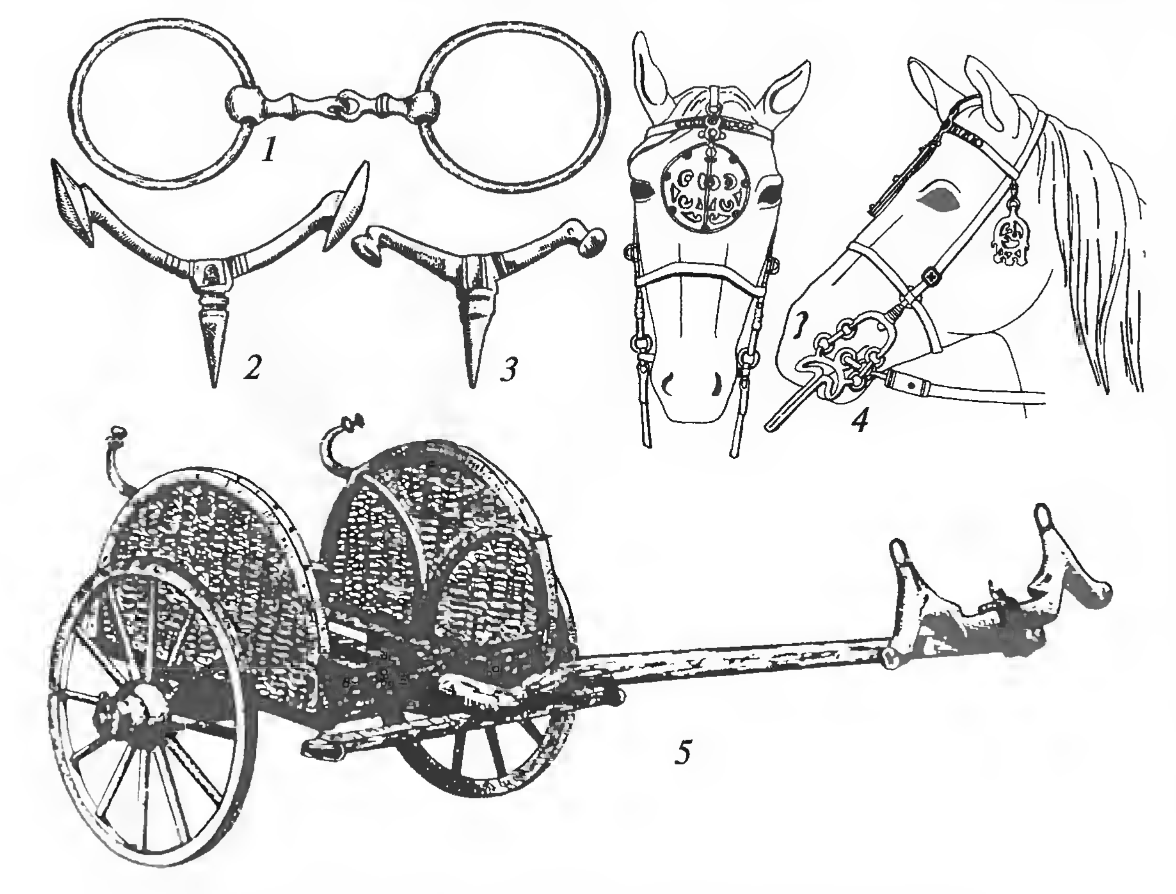

Латенская культура. Вооружение и орудия труда:

1–3 — железные мечи; 4 — железный кинжал с антропоморфным навершием; 5 — бронзовые орнаментированные ножны; 6 — железный наконечник копья; 7 — изображение кельтского воина со щитом (римская статуя); 8 — бронзовый шлем с эмалевыми инкрустациями; 9–11 — железные сердцевины щитов (умбоны); 12 — железный нож; 13 — пружинные железные ножницы; 14 — железный сошник; 15 — железный лемех; 16 — железная коса

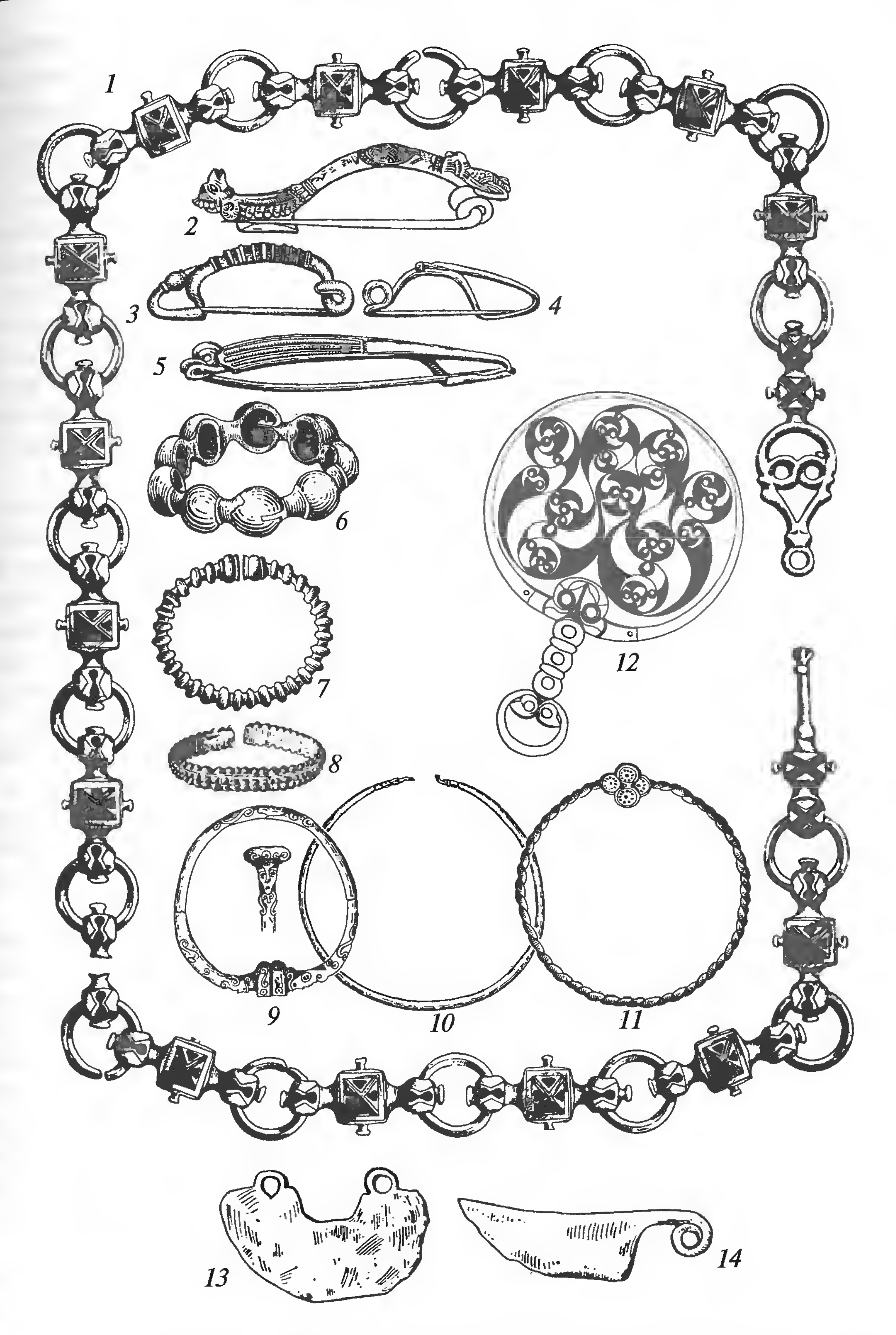
Ведущие элементы материальной культуры и основы хозяйства. Практически все наступательное оружие латенской общности делалось из железа. Латенские мечи длиннее гальштатских (0,8–1 м и более). В ранний период латенской общности они колющие, а позднее становятся рубящими. Вместо металлической рукояти они имели железный черешок как продолжение клинка; на черешок, очевидно, напускалась рукоять несохранившихся материалов — предположительно из дерева или кости. Иногда на черешок насаживалось специальное бронзовое перекрестье. На некоторых клинках присутствуют клейма мастеров. Ножны мечей, бронзовые или железные, часто имели овальное или полукруглое окончание и в определенный период украшались сложными резными узорами в виде S-образных и растительных мотивов. Многие латенские кинжалы имеют характерные рукояти в виде человечка с поднятыми вверх руками (навершие) и расставленными ногами (перекрестье). Применялись копья с железными наконечниками длиной до 0,5 м различных форм: листовидные узкие и широкие, пламевидные с вырезами по краям лезвий (для нанесения рваных ран). Известны и боевые ножи — с мощным клинком, имеющим выгнутое лезвие и прямую спинку, а также боевые топоры — как проушные, так и «кельты».

Из оборонительного вооружения следует выделить шлемы и щиты. Шлемы были бронзовыми, железными и бронзово-железными, чаще полусферическими, иногда богато украшенными, с «козырьком»-назатыльником для защиты шеи; в ранний период они могли иметь высокий шишак (подражание италийским), а в конце латенской эпохи — большие полые

Латенская культура. Конское снаряжение и колесница:
1 — бронзовые удила с кольцами для крепления ремней оголовья; 2, 3 — бронзовые шпоры; 4 — конская узда (*реконструкция*); 5 — реконструкция повозки из погребения (*Великобритания*)

Латенская культура. Украшения и предметы туалета:
1 — бронзовая цепь с эмалевыми вставками; 2–4 — бронзовые фибулы; 5 — золотая фибула; 6–8 — бронзовые браслеты; 9–11 — гривны (торквесы) из бронзы и золота; 12 — зеркало бронзовое с гравированным орнаментом на обороте; 13, 14 — железные бритвы

рога. Щиты — овальные, реже округлые — были деревянными с железным умбоном — центральным накладным выступом на внешней стороне, предназначенным главным образом для дополнительной защиты руки, державшей рукоять щита с тыльной стороны.

Конское снаряжение примечательно с точки зрения введения в обиход бронзовых и железных шпор, а к концу латенской эпохи — железных подков. Удила, сходные по форме с гальштатскими, соединялись с ремнями оголовья не только с помощью псалиев, но и посредством заменивших псалии больших подвижных колец, продетых во внешние петли удил.

Одежда и украшения создателей латенской общности достаточно хорошо реконструируются на базе вещественных и письменных данных. Судя по этим источникам, мужчины носили штаны, боевые кожаные куртки, матерчатые рубахи, иногда хитоны и плащи, женщины — в основном платья и плащи. Характерным элементом женской одежды является пояс с бронзовыми цепями с эмалевыми вставками.

Типичным латенским украшением являются гривны (т. наз. торквесы) — бронзовые, золотые или серебряные, чаще в виде стержня с печатевидными или биконическими расширениями на концах, иногда витые или ложновитые, с антропоморфными и зооморфными завершениями. Широко распространены и браслеты — как стеклянные литые (широкие и гладкие), так и бронзовые и золотые — перевитые, либо с выступами, либо составленные из полусфер. Известны также стеклянные бусы средиземноморского происхождения — желтые или синие, с белыми или синими глазками.

Многочисленны и разнообразны фибулы (бронзовые, золотые и железные, реже серебряные). Они весьма изменчивы и эволюционируют в направлении постепенного понижения дужки и удлинения, а также упрощения конструкции по функциональным соображениям. В начале и середине латенской эпохи фибулы орнаментировались зооморфно и геометрически, инкрустировались кораллами, украшались эмалью.

Разнообразны сосуды латенской общности. Керамические сосуды в большинстве своем производились на гончарном круге. Это высокие горшки с заглаженной серебристой поверхностью (чернолощеные) и сосуды красного цвета с широким горлом и гребенчатым орнаментом снаружи, с заполированной внутренней поверхностью. Для позднего периода латенской общности типичны также тонкостенные сосуды черного или серого цвета с зонной росписью — геометрической или сюжетной, наносимой с помощью белой и красной красок. На латенских памятниках много импортных сосудов, в том числе бронзовых. Примером могут служить кувшины с клювовидным носиком, пришедшие от этрусков и ставшие основой для местных подражаний.

Орудия труда латенской общности в основном железные и стальные. Это длинные проушные топоры, тесла, пилы, серпы, косы, а также сошники и плужные лемехи, использование которых позволяло кельтам осваивать хотя и плодородные, но тяжелые в обработке аллювиальные почвы. Известны также пружинные ножницы, сверла со спиралеобразной нарезкой, рашпили, напильники, молотки, клещи и т.д.

Основой латенского хозяйства было ***плужное земледелие.*** Культивировался овес, который в Западной и Средней Европе ранее всего был освоен именно

носителями латенской общности; также выращивались пшеница, рожь, ячмень, просо, технические культуры (конопля, лен). Животноводство было придомным, причем траву специально скашивали с лугов и приносили в усадьбы. Разводили крупный рогатый скот, свиней, овец и лошадей.

Латенская культура. Сосуды:
1–12 — основные формы латенских керамических сосудов; 13, 14 — керамические сосуды с геометрическим и зооморфным орнаментом; 15 — бронзовый «клювовидный» сосуд

Высокое развитие черной металлургии засвидетельствовано не только широким ассортиментом орудий труда и предметов вооружения, но и остатками сыродутных печей как примитивного типа, сооруженных в склонах холмов, так и более сложных — с глиняными стенками, обложенными камнем снаружи. Металлография указывает на овладение навыками кузнечной сварки и цементации. Развивалась и цветная металлургия.

Интенсификация торговли и влияние античной цивилизации привели к появлению кельтского *монетного дела*. Первые кельтские монеты (золотые, серебряные и бронзовые) известны в III в. до н.э. Первоначально это были грубые подражания македонско-греческой монете (статерам Филиппа II Македонского и его сына Александра III Великого). Постепенно греческие надписи, скопированные на кельтских монетах, утрачиваются, греческие имена сменяются кельтскими, написанными греческими буквами, фигуры стилизуются; позже появляется чисто геометрический рисунок (линии, точки и т.д.). Затем началось подражание римской монете. Появилась и самобытная кельтская монета — с изображениями кабана, воина, свернувшегося дракона, хищника, торквеса. Иногда на монете отображались имена кельтских вождей, переданные латинскими буквами, а порой и их портреты (например, монеты с портретом и именем Верцингеторикса, возглавлявшего оборону вышеупомянутой Алезии).

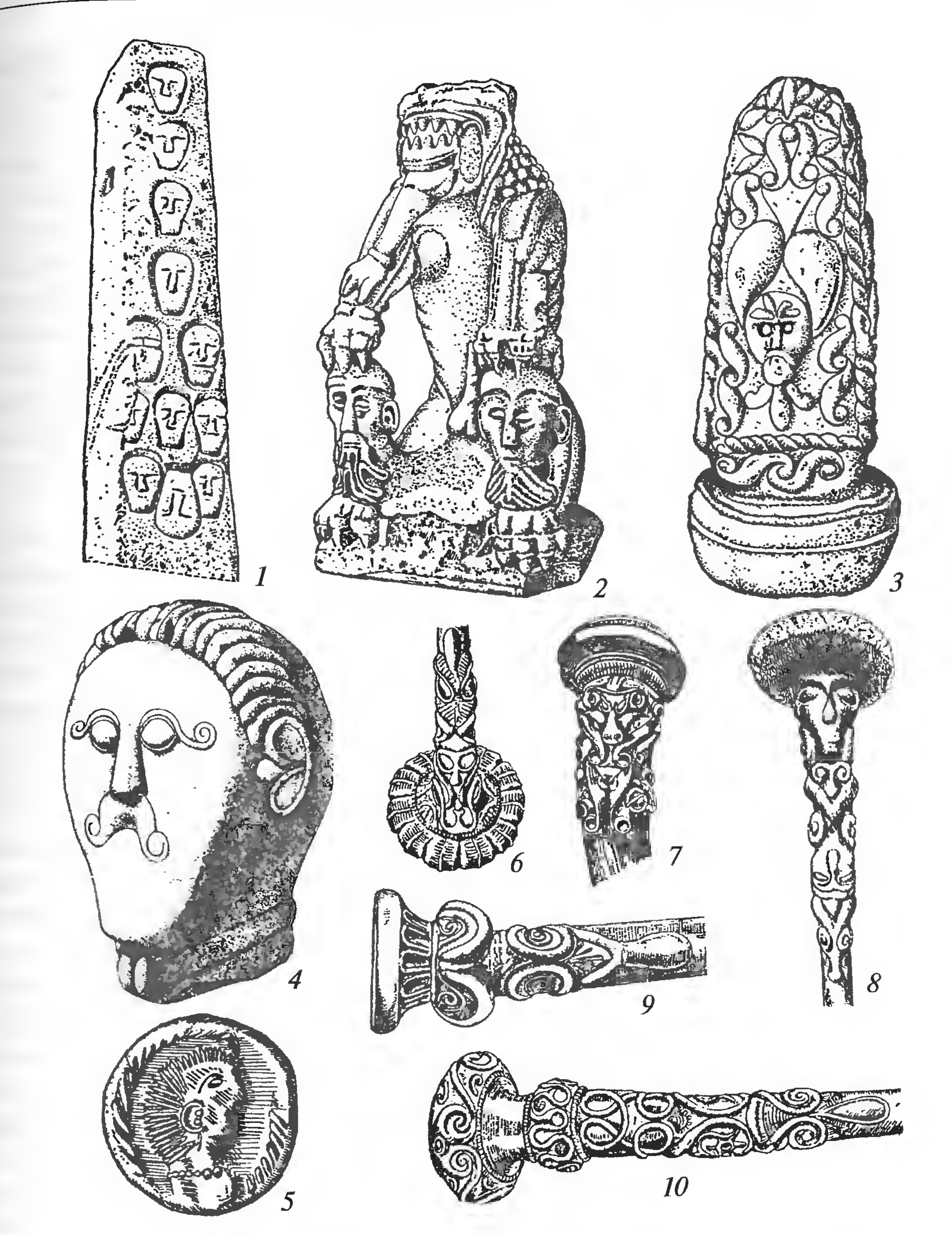
В рамках латенской общности нет обособленного изобразительного искусства, нет высокоразвитой архитектуры, но есть великолепное **прикладное искусство** и **монументальная скульптура**. На базе позднегальштатских традиций и под влиянием греческих и этрусских мотивов формируется особый латенский стиль, для которого характерен тонко разработанный орнамент с растительными, зооморфными, антропоморфными и геометрическими мотивами. В его основе — развитие классических мотивов, как собственно античных, так и переработанных античностью передневосточных, таких как цветок лотоса, пальметта, человеческое лицо, мифический антропозооморфный персонаж. Постепенно в латенском искусстве они превращаются в абстрактный геометрический орнамент с включениями условного, маскоподобного изображения человеческого лица. С IV в. до н.э. широко распространяются мотивы из различных волнообразных комбинаций кривых линий, завитков, сегментов, S-видных фигур, циркульный и спиральный орнамент.

Орнаментальные приемы в технологическом отношении различны: это и рельеф, и гравировка по металлу, и инкрустация кораллами. Многие латенские изделия из металла украшены эмалью специфического темно-красного цвета.

Замечательна латенская скульптура — как монументальная каменная, так и менее масштабная металлическая. Это полнофигурные и головные портреты героев, антропоморфных и антропозооморфных божеств, а также животных — реальных и фантастических.

Религиозные представления создателей латенской общности реконструируются как по античным письменным данным, так и по результатам раскопок. Археологические свидетельства связаны прежде всего с исследованиями ***святилищ***, представляющих собой деревянные, реже каменные храмы

Искусство латенской эпохи:

1 — рельефные изображения человеческих голов на столбе из святилища Антремон (*Франция*); 2 — изображение чудовища, пожирающего человека и попирающего головы людей, из Тараске (*Франция*); 3 — ритуальный столб из Пфальцфельда (*Германия*); 4 — скульптурное изображение головы мужчины из Мшецке Жехровице (*Чехия*); 5 — кельтская монета; 6–10 — антропоморфные, зооморфные и растительные изображения на концах золотых и бронзовых гривен

на возвышениях, квадратные, круглые или многоугольные в плане, с идолами посередине. Известны и священные места, огражденные забором, рвом, отмеченные деревом или столбом и маркируемые множеством дарственных предметов. О человеческих жертвоприношениях свидетельствуют стелы с изображением мертвых мужских голов. Известны ниши с человеческими

черепами в стенах храмов — это соответствует свидетельствам Цезаря о массовых жертвоприношениях и данным Страбона о культе мертвой головы у кельтов.

Пантеон кельтов — основных создателей латенской общности — реконструируется в основном по данным Цезаря и других древних авторов, но представлен и в археологических материалах. Так, с упомянутым в письменных источниках Цернунносом — богом изобилия — исследователи отождествляют мужское божество с оленьими рогами на культовом кельтском котелке из Гундеструпа (Ютландия). Изображения бога с колесом (или с молнией) связывают с Таранписом, соответствующим римскому Юпитеру. Кроме того, археологически прослежены хтонический культ богини-матери и культ Эпоны — богини лошадей. Известно более 30 каменных статуй некоего мужского божества, сидящего «в позе Будды», а также статуи двуглавого бога.

О *солярном культе* свидетельствует множество соответствующих символов, таких как круги, колеса, спирали и др. Возможно, с пережитками *тотемизма* следует связывать необыкновенную популярность у кельтов дикого кабана (вепря), отображенного в скульптуре, на монетах, на клеймах мечей, а также присутствующего в погребальном ритуале (практика помещения целых туш и их частей, а также ожерелий из кабаньих зубов в могилы; наличие специальных, обособленных захоронений кабанов).

* * *

В обширную зону влияния латенской культурно-исторической общности входили многие археологические культуры, которые принято именовать латенизированными. Их объединяет господство обряда кремации на стороне с последующим захоронением в яме без кургана на больших кладбищах — «полях погребений», значительное присутствие латенских форм в оружии и украшениях (в особенности фибул латенских типов) и преобладание в керамическом комплексе одних культур — блестящих сосудов с гладкими черными стенками, пролощенными до блеска, других культур — сосудов со специально ошершавленной поверхностью. Латенское влияние не ограничивается пределами Западной и Средней Европы: в частности, одной из ярких латенизированных культур является восточноевропейская зарубинецкая культура на территории Верхнего Поднепровья и правобережного Среднего Поднепровья (см. ниже).

2.2. РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК В СТЕПНОЙ ПОЛОСЕ ЕВРАЗИИ

В раннем железном веке бесписьменные народы, проживавшие в степном поясе Евразии и шире — на территории, соответствующей территории бывшего СССР, впервые попадают в поле зрения авторов античных и древневосточных письменных текстов. Главным образом эти свидетельства относятся к жителям степной зоны (киммерийцам, скифам, меотам, савроматам и сарматам, сакам, массагетам и т.д.), но есть отдельные сведения и о более северных этносах. Это дает возможность исследователям более уверенно, нежели при изучении бронзового века, соотносить ряд археологических культур, культурных общностей и областей с конкретными этносами и этноязыковыми образованиями.

Опять-таки именно в эпоху раннего железа на территории бывшего СССР появляются древнейшие государства, с которыми создатели культур степного пояса Евразии входят в активный контакт. В начале I тыс. до н.э. в Закавказье формируется государство Урарту (Ванское царство), сложные взаимоотношения с которым связывали киммерийцев и скифов в период их переднеазиатских походов[1]. Позднее, в VI в. до н.э., в Закавказье возникают Колхидское царство и Древняя Армения. В Северном Причерноморье в VII–VI вв. до н.э. появляются первые греческие колонии. Особого размаха греческая колонизация Северного Причерноморья достигает в V–IV вв. до н.э. Греческие государства Причерноморья установили тесные экономические, политические и культурные связи с различными племенами Восточной Европы — в первую очередь со скифами, а впоследствии и с сарматами. В Средней Азии в VII — первой половине VI в. до н.э. возникает Бактрийское государство, а затем Хорезмское государство, связанное тесными отношениями с сако-массагетскими племенами.

Как уже говорилось, история народов Евразийского степного пояса в раннем железном веке распадается на две эпохи, условно именуемые скифской и сарматской (сармато-гуннской).

2.2.1. Скифская эпоха

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДСКИФСКОГО ПЕРИОДА И СКИФСКОЙ ЭПОХИ

В конце II тыс. до н.э. и в первые века I тыс. до н.э., в переходную эпоху от бронзового века к железному, в степной полосе Евразии от Нижнего Придунавья до Монголии идет процесс постепенного усиления засушливости. Факторами усыхания (аридизации) могли быть как климатические изменения, так и сокращение растительности вследствие антропогенных причин — перенаселенности, нерационального использования степных ландшафтов и т.д. В результате господствовавшая ранее на этих территориях скотоводческо-земледельческая система хозяйствования, предполагавшая сочетание оседлости с ограниченной мобильностью населения, эволюционирует в качественно новую систему экстенсивного кочевого скотоводства. Этот хозяйственно-культурный тип (определение которого было выработано в этнографической науке) предполагает разведение лошадей, мелкого и крупного рогатого скота, мясную и молочную пищу в качестве основы питания, отсутствие долговременных поселений, жизнь в переносных шатрах или кибитках, возможность масштабных и быстрых перемещений.

[1] История и археология Урарту подробно освещены в рамках курса «История Древнего Востока».

На переходной стадии от эпохи бронзы к эпохе железа в европейской части степей, в Северном Причерноморье и на прилегающих территориях в предскифское время (IX — начало VII в. до н.э.) существовала кочевническая скотоводческая культура, представленная погребениями и кладами, которая может с известной долей вероятности отождествляться с киммерийцами. Это предположительно ираноязычный народ, зафиксированный античными и переднеазиатскими письменными источниками. Целый ряд древнегреческих авторов (начиная с Гомера в «Одиссее») локализует прародину киммерийцев в Северном Причерноморье или на близлежащих территориях. Киммерийцы, таким образом, оказываются древнейшим из восточноевропейских народов, чей этноним нам известен. Археологические данные свидетельствуют о том, что северопричерноморская киммерийская культура находилась в тесном контакте с оседлыми земледельческо-скотоводческими племенами восточноевропейской лесостепи, Крыма, Северного Кавказа и, возможно, лесного Волго-Камья.

Вместе с тем некоторые античные и большинство переднеазиатских (в частности, ассирийских) источников сообщают о киммерийских военных походах в Закавказье и Переднюю Азию в конце VIII–VII в. до н.э. Ряд греческих авторов (в частности, Геродот) утверждают, что эти походы и переселение киммерийцев в Малую Азию были спровоцированы их изгнанием из Северного Причерноморья вторгнувшимися туда скифами. Этим может объясняться фиксируемое археологами исчезновение на территории Северного Причерноморья археологических памятников киммерийско-предскифского типа. В то же время, учитывая наличие в собственно скифских памятниках следов материальной культуры предскифской эпохи, нельзя исключить неполное изгнание киммерийцев и их частичную ассимиляцию скифами.

В последние годы в научной литературе идут активные дискуссии в отношении хронологических и территориальных рамок киммерийской культуры, языковой принадлежности киммерийцев, характера их взаимоотношений со скифами и даже самого факта пребывания киммерийцев в Восточной Европе. Однако при всей спорности этих вопросов не подвергается сомнению наличие особого предскифского периода и соответствующей кочевнической скотоводческой культуры в европейской части степей.

В конце VIII — начале VII вв. до н.э., на огромном пространстве евразийского степного пояса от Придунавья до Прибайкалья сформировались новые археологические культуры, которые при всем своем многообразии могут рассматриваться в качестве составных частей единой культурно-исторической области, условно именуемой «скифский мир», или «скифо-сибирский мир». Основным отличительным признаком данной области является наличие у создавшего ее населения специфического комплекса вещей (так называемая «*скифская триада*»), в который входят определенные формы *вооружения, конского снаряжения* и специфического зооморфного *прикладного искусства* — скифского (скифо-сибирского) «звериного стиля». В рамках «скифо-сибирского мира» господствовало кочевое скотоводческое ираноязычное население различных европеоидных

типов (иногда с элементами монголоидности). Это население практиковало в основном захоронения по обряду трупоположения под курганами.

Вместе с тем в каждом отдельном регионе «скифо-сибирского мира» существовала индивидуальная кочевническая культура со своим вариантом «скифской триады», связанная с конкретными историческими и природными условиями и соответствующая конкретному этносу или группе этносов.

Собственно историческим скифам, т.е. скифам, известным по древнейшим письменным данным, а также близкоязычным народам и иноэтничным, но тесно связанным со скифами племенам, принадлежала лишь крайняя западная часть скифо-сибирского ареала — Северное Причерноморье (степь и лесостепь) и частично Северный Кавказ.

К востоку от Дона, от собственно скифской культуры, располагалась территория «савроматской» археологической культуры. Савроматы — ираноязычный народ, живший, по данным античных письменных источников, в степях между Доном и Волгой, но в археологическом отношении составлявший лишь часть более крупного объединения племен с определенными формами погребального обряда и материальной культуры, занимавшего степи от Дона до междуречья Урала и Тобола.

Среднеазиатские (Приаралье, Семиречье, Памир, Тянь-Шань) и центральноказахстанские памятники скифо-сибирского типа так или иначе связаны с известными по древнеперсидским и древнегреческим источникам саками и массагетами, а также, возможно, с исседонами.

На территории Южной Сибири находились культуры скифо-сибирского типа, этнонимы создателей которых неизвестны. Это *пазырыкская культура* Горного Алтая; *уюкская культура* Тувы и близлежащих территорий; *тагарская культура* Минусинской и Кузнецкой котловин (Обь-Енисейское междуречье) — единственная культура скифо-сибирского типа с оседлым земледельческо-скотоводческим населением.

Хронологические рамки большинства культур скифо-сибирской области — VII–III вв. до н.э., чему и соответствует понятие «скифская эпоха». Вместе с тем существуют гипотезы о более широких рамках существования некоторых археологических культур, входивших в состав данной области.

Скифо-сибирская культурно-историческая область сформировалась на единой генетической подоснове — на базе культур, так или иначе восходящих к срубно-андроновской области эпохи поздней бронзы. Формирование «скифо-сибирского мира» происходило в условиях сходной среды обитания (степь) и одинакового уклада жизни данных культур — кочевого скотоводства (исключение составляет тагарская культура оседлых или полуоседлых племен). Дополнительным фактором распространения сходных форм материальной культуры на гигантских пространствах евразийской степи стала мобильность обитавших здесь кочевых народов, обусловившая быстрое установление межкультурных контактов. Этот процесс усиливался отдельными крупными степными миграциями (в основном направленными с востока на запад). Все эти факторы в совокупности обусловили быстрое распространение по всему поясу степей различных инноваций и

прежде всего элементов «скифской триады»: вооружения и конского снаряжения — важнейших компонентов материальной культуры воина-кочевника, — а также изображений в «зверином стиле», преимущественно украшавших вещи именно этих категорий.

СКИФСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРЫ СКИФСКОГО ОБЛИКА В СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКОЙ СТЕПИ, ЛЕСОСТЕПИ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Скифская археологическая культура датируется серединой VII — началом III в. до н.э.

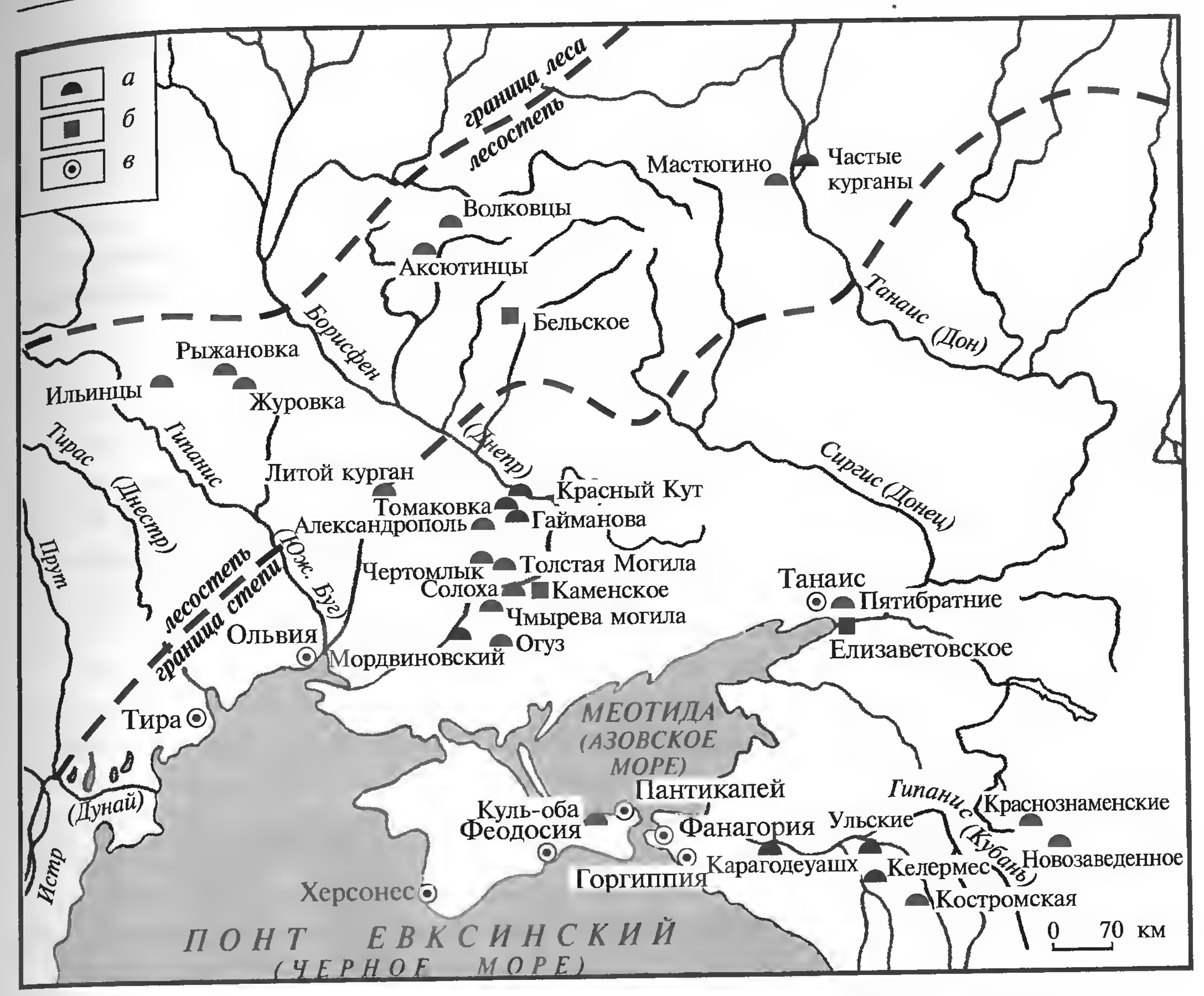
Собственно скифы — это различные близкородственные племена североиранской ветви иранской группы индоевропейской языковой семьи. Как особый этнос скифы впервые достоверно зафиксированы в ассиро-вавилонских письменных источниках 670-х гг. до н.э., а позднее подробно охарактеризованы античными авторами (Геродотом и др.). Античные и переднеевосточные тексты, в частности, сообщают о таких крупных событиях с участием скифов, как:

- миграция скифов в Северное Причерноморье и вытеснение ими из этого региона их непосредственных предшественников — киммерийцев;
- грабительские походы скифов через Кавказ в Переднюю Азию в VII в. до н.э. и их столкновения здесь с такими знаменитыми державами, как Урарту, Мидия и Ассирия;
- временное господство скифов в этом регионе, закончившееся гибелью скифской верхушки и прекращением постоянного скифского присутствия в Передней Азии;
- неудачный завоевательный поход персидского царя Дария I в Северное Причерноморье против скифов в конце VI в. до н.э.;
- частичная или полная консолидация всех скифских племен во второй трети IV в. до н.э. под главенством царя Атея в рамках единого государства;
- столкновения скифов с македонцами, приведшие, в частности, к поражению и гибели Атея в битве с Филиппом Македонским в 339 г. до н.э. и, напротив, к поражению и гибели Зопириона, полководца Александра Македонского в 331/330 г. до н.э;
- вытеснение и частичное истребление скифов сарматами в III в. до н.э.

Судя по этим письменным данным, скифам и подчиненным им племенам принадлежала лишь западная часть ареала «скифо-сибирского мира» — Северное Причерноморье и Приазовье. Также некоторые ранние памятники скифской культуры выявлены на Северном Кавказе, что подкрепляется отдельными письменными свидетельствами.

Наряду с этими относительно точными сведениями античные источники (а под их влиянием и авторы последующих эпох — Средневековья и Нового времени) порой толкуют этноним «скифы» предельно широко, необоснованно давая это название самым разным кочевым этносам евразий-

Античные колонии и важнейшие памятники скифской археологической культуры и культур скифского облика на территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа

а — курганы и курганные группы; б — городища; в — античные города

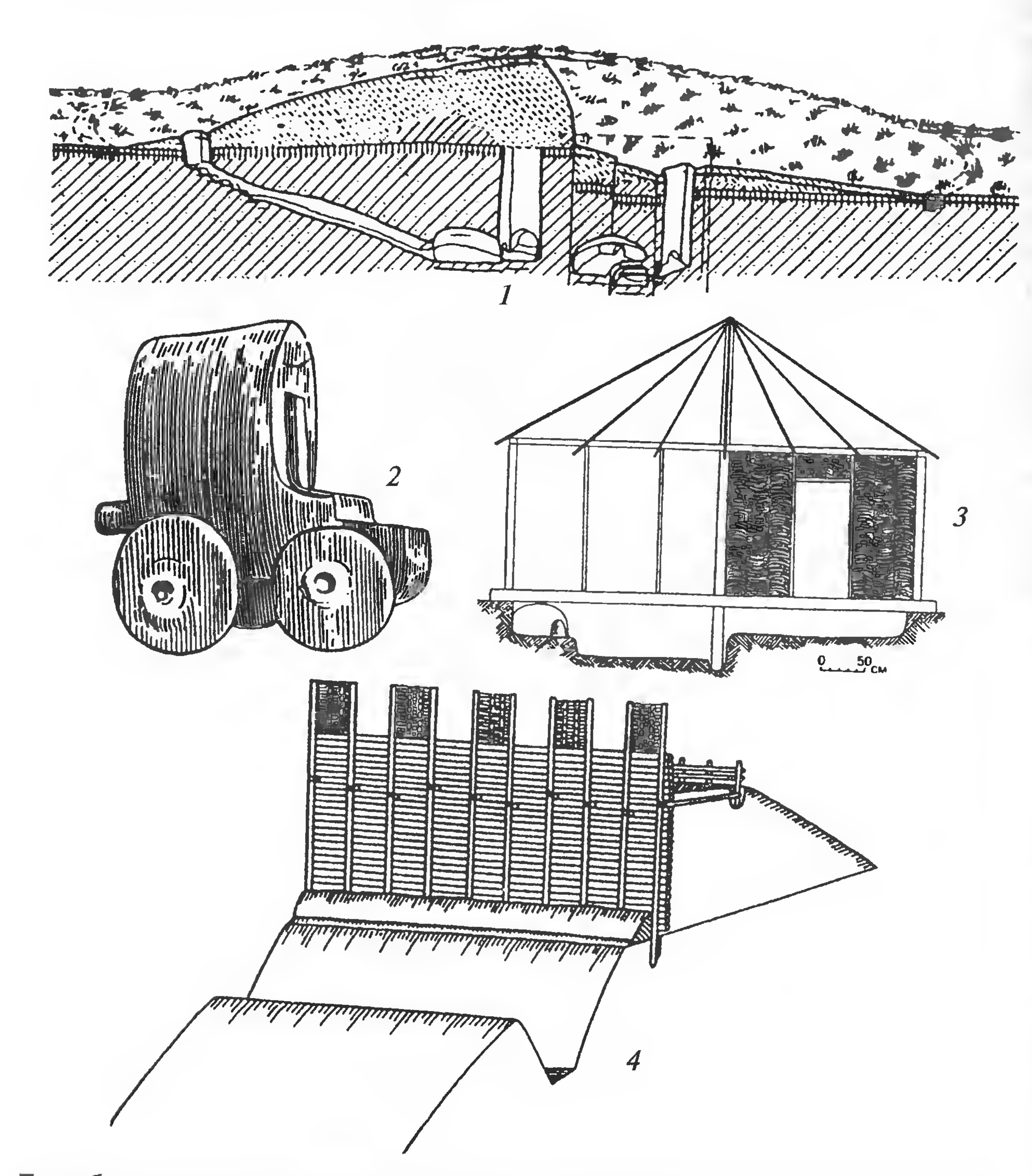
ских степей, а иногда также полуоседлым и даже оседлым народам. Не случайно древнеримский автор Плиний Старший в I в. н.э. отмечал, что «название “скифы” постоянно переходит на сарматов и германцев» (Естественная история, IV, 81. *Пер. М.В. Скржинской*).

О происхождении скифов и скифской культуры в науке нет единого мнения. Все многообразие версий сводится к двум принципиально противоположным позициям:

1) скифская археологическая культура появляется в Северном Причерноморье в результате миграции скифов из Центральной Азии, в ходе которой скифы вытесняют из северопричерноморского региона киммерийцев;
2) формирование скифской культуры — косвенное последствие второй экспансии носителей срубной культуры из Нижнего Поволжья в Северное Причерноморье (в конце II — начале I тыс. до н.э.) и последующего взаимодействия потомков срубников с местным

северопричерноморским и северокавказским населением. В ходе этого процесса одним из истоков скифской культуры стала и культура киммерийцев, возникшая еще ранее как результат первой экспансии срубников. Эта позиция имеет серьезное антропологическое обоснование.

Основные памятники скифской культуры. Важнейшую информацию о скифской археологической культуре дают многочисленные ***погребения*** и ***погребально-поминальные комплексы***.

Погребения и поселения скифской археологической культуры и культур скифского облика в степи и лесостепи Северного Причерноморья:
1 — курган Толстая Могила на Нижнем Днепре (*разрез*); 2 — модель кибитки; 3 — жилище-полуземлянка Люботинского городища (*реконструкция*); 4 — оборонительные сооружения Бельского городища (*реконструкция*)

Подавляющее большинство погребений скифской культуры находятся под земляными курганами, величина которых, как правило, зависела от социального положения погребенного. Как правило, захоронения совершались в прямоугольных или квадратных ямах с деревянным перекрытием, в катакомбах, реже — в деревянных гробницах и каменных склепах, причем известны случаи строительства склепов на поверхности земли с последующим сооружением кургана. Иногда могильные ямы перекрывались древесно-камышовыми конструкциями шатрового типа. Курганная насыпь могла дополняться каменной стеной (крепидой), могла окружаться рвом, в котором обнаруживаются следы жертвоприношений и иных ритуально-поминальных действий.

Господствует трупоположение, что характерно для всех культур эпохи раннего железного века в степях Евразии. Погребенного, как правило, укладывали на спину, в вытянутом положении, реже — с подогнутыми в коленях ногами, которые заваливались в сторону. Чаще погребенные обращены головой на запад, но практиковалась ориентировка и в других направлениях.

Значительно реже, чем трупоположение, встречается кремация на месте: сожжение деревянной гробницы вместе с покойным, что характерно главным образом для северопричерноморской лесостепной зоны; там же известны отдельные захоронения с инвентарем скифского облика, которые произведены по обряду кремирования на стороне с последующим помещением праха на дно могилы.

В погребениях часто встречаются различные подстилки, ложа, циновки или носилки из органических материалов.

Погребальный инвентарь обычно включает предметы вооружения, узду, украшения, сосуды, напутственную пищу (в основном это кости мелкого рогатого скота). Человеческое погребение может сопровождаться захоронением одного или нескольких взнузданных коней — в той же могиле или отдельно. В некоторых случаях обнаружены остатки колесниц. Кроме того, погребения знати часто содержали захоронения зависимых людей, преднамеренно умерщвленных.

Древнейшие из скифских захоронений относятся к VII в. до н.э. Вообще, наиболее значительные погребальные и погребально-поминальные памятники скифской и родственной ей скифообразной культуры, относящиеся к VII–VI вв. до н.э., находятся на Северном Кавказе (Келермесские и Ульские курганы в Прикубанье, Краснознаменские и Новозаведенские курганы в Ставрополье) и в лесостепных районах бассейна Среднего Днепра (крупнейший — Старшая Могила). Очевидно, скифы в это время проникают в данные регионы, вступая в контакт с местным нескифским оседлым населением и формируя полиэтничную аристократию, которой, очевидно, и принадлежат многие из этих погребальных комплексов.

Судя по данным погребальных комплексов, культура нескифских народов лесостепного Северного Причерноморья продолжает сохранять скифский облик вплоть до рубежа IV–III вв. до н.э., тогда как на Северном Кавказе черты собственно скифской культуры стираются уже в течение

V в. до н.э., что, видимо, свидетельствует о полной ассимиляции скифов на данной территории местными оседлыми племенами меотской и кобанской культур (см. ниже).

Напротив, в северопричерноморской степи скифских памятников VII–VI вв. до н.э. немного (наиболее значительным является Литой, иначе — Мельгуновский, курган на границе степи и лесостепи). Но на рубеже VI–V вв. до н.э. именно сюда перемещается центр культур скифского типа, о чем свидетельствует резкое возрастание количества скифских захоронений в степной зоне, датируемых V–IV вв. до н.э. Здесь исследовано уже три тысячи таких захоронений, причем среди них выделяются грандиозные по масштабам и богатству курганы в Нижнем Поднепровье, содержащие погребения скифских вождей и аристократов в сопровождении умерщвленных слуг и лошадей. Именно эти курганы получили в скифологии название Царских. Царские курганы сооружались, начиная с рубежа V–IV вв. до н.э. по рубеж IV–III вв. до н.э. Возможно, они действительно содержали погребения скифских царей, в том числе упомянутых в античных текстах. Крупнейшие из них — Солоха, Чертомлык, Огуз, Александропольский курган — достигают в высоту 18–21 м, в диаметре 100 и более метров.

Один из крупнейших скифских курганов — Чертомлык (вторая половина IV в. до н.э.). Его насыпь высотой около 20 м и диаметром 110 м была обнесена по основанию каменной стеной (крепидой) высотой 2,5 м; в насыпи и под ней сохранились многочисленные остатки приношений и следы поминальной тризны. Четыре погребальные камеры-подземелья, находившиеся на глубине 11 м под подошвой курганной насыпи, содержали целый ряд захоронений: в первой на деревянном ложе покоилась царица в богатом убранстве в сопровождении слуги и греческих амфор, во второй — два знатных воина с дорогим вооружением, в третьей и четвертой — царская одежда и утварь, «охраняемые» погребенными при них вооруженным стражем и собакой. Из камеры царицы вел проход в отдельную, пятую камеру с погребением царя на деревянном ложе. Существует также версия, что это камера самостоятельной катакомбы, входная яма которой не обнаружена. Хотя погребение царя было ограблено, в трех нишах-тайниках сохранились различные драгоценности. Рядом с гробницей царя, но на более высоком уровне в отдельных могилах были захоронены два конюха, сопровождавшие погребения 11 взнузданных коней с золотыми и серебряными украшениями сбруи. Вне основной погребальной конструкции находилось погребение слуги-»виночерпия» с десятками амфор, а под камнями крепиды покоился «страж» с копьем и точильным камнем.

Очень богаты и захоронения в менее крупных курганах группы Царских, как, например, Толстая Могила, датируемая третьей четвертью IV в. до н.э. Под подошвой ее насыпи (высота почти 9 м, диаметр 60 м) находились вертикальные входные ямы, переходившие в горизонтальные коридоры, завершавшиеся погребальными камерами с захоронениями членов семьи царского ранга — мужчины, женщины и ребенка. Эти погребальные комплексы разделяются на более ранний, центральный (ограбленный в древности по наклонному подкопу) и более поздний, боковой (непотревоженный). Центральное, мужское, захоронение было совершено в сопровождении умерщвленного слуги. В могиле сохранились фрагменты железных и бронзовых доспехов, остатки расшитой золотом одежды царя, меч с обложенной золотом рукоятью и ножнами, массивная золотая пектораль (нагрудное украшение) и иные вещи. Рядом с центральной гробницей, но за ее пределами были похоронены три конюха и семь коней в сбруе с золотыми, серебряными и бронзовыми деталями. Вероятно, именно царю была посвящена и обильная тризна, многочисленные остатки которой (кости животных и обломки амфор) были обнаружены во рву, окружавшем насыпь кургана. В боковую погребальную камеру Толстой могилы вели два входа, по которым были последовательно захоронены молодая женщина и ребенок, украшенные золотыми гривнами, браслетами, перстнями, в одежде, расшитой золотыми бляшками. Их сопровождали четверо слуг, разобранная погребальная повозка и множество погребальных даров, в том числе набор туалетных принадлежностей и дорогих сосудов.

Также отдельные курганы со скифскими захоронениями царского уровня, датируемые тем же временем, находятся на Нижнем Дону (курган 8 в группе Пять братьев) и на Керченском полуострове в Крыму (Куль-Оба). Кульобское погребение скифского «царя» в сопровождении «царицы» и слуги-оруженосца совершено в каменном наземном склепе со ступенчатым сводом греческого типа, фактически помещавшемся в толще курганной насыпи.

Инвентари погребений скифских вождей и аристократов, помимо вещей собственно скифских типов, включают в себя многочисленные импортные изделия, среди которых выделяются шедевры античной торевтики, изготовленные, очевидно, по скифскому заказу или в расчете на вкусы скифской знати. Это, в частности: золотой гребень из кургана Солоха со скульптурной сценой сражающихся скифов; электровый[1] сосуд из кургана Куль-Оба с чеканной композицией, представляющей скифов в моменты врачевания и натягивания тетивы; серебряная с позолотой столовая амфора из кургана Чертомлык с чеканным изображением скифов, укрощающих коней; золотая пектораль из кургана Толстая могила с трехъярусной композицией, включающей скульптурные изображения скифов, домашних и диких животных, грифонов и растений; четыре золотые пластины со сценами из жизни Ахилла, сделанные по одной и той же матрице и служившие обивкой футляров для лука скифского типа (Чертомлык, Восьмой Пятибратний, Мелитопольский и Ильинецкий курганы).

Поселения. Собственно скифские кочевые группы жили в степи в юртах и кибитках — крытых войлоком повозках, чей вид известен, в частности, по глиняным моделькам. До конца V в. до н.э. постоянных скифских поселений в степи почти не было, исключая Елизаветовское в дельте Дона, которое возникло в начале V в. до н.э. как селище, а с середины IV в. до н.э. превратилось в городище, укрепленное рвами, валами и деревянно-глиняно-земляной стеной. На рубеже V–IV вв. до н.э. в Нижнем Поднепровье и Нижнем Подонье — в районах оседания части скифов на землю —

[1] Электр — природный или искусственный сплав золота и серебра.

появились небольшие скифские поселения с круглыми и четырехугольными землянками.

Наиболее крупным скифским поселением стало Каменское городище на Нижнем Днепре (общая площадь 1200 га), защищенное почти со всех сторон естественными водными преградами, а со стороны открытой степи — земляными валами и рвами. Жилищами служили овальные и четырехугольные землянки и наземные дома с глинобитным очагом. Стены наземных домов были построены из вертикально врытых бревен, переплетенных прутьями либо завешенных кошмами; крыши были двускатными. Городище было центром скифского ремесла, в первую очередь цветной и черной металлургии. Каменское городище, являвшееся единым поселением или конгломератом нескольких небольших поселений, функционировало в конце V–III вв. до н.э., однако жизнь на его цитадели (площадью 30 га), защищенной дополнительно стеной из сырцового кирпича на валу и каменной стеной, протекала в основном в позднескифскую эпоху (с III в. до н.э. по III в. н.э.).

Много крупных городищ находится в лесостепи Среднего Поднепровья, куда проникали скифы и где основу населения составляли нескифские оседлые племена, подчиненные скифам или находившиеся под их культурным влиянием. Самыми большими являются Бельское городище и малоизученные Большое Ходосовское и Каратульское городища. Бельское городище располагается в Левобережном Поднепровье на р. Ворскле. Это важнейший торгово-ремесленный центр Среднего Поднепровья конца VII — начала III в. до н.э. Его площадь составляет более 4000 га, а общая протяженность оборонительной линии (ров, мощный вал, на котором местами стояли деревянные стены) достигает почти 34 км.

Ведущие элементы материальной культуры. Наибольшую изобретательность создатели скифской культуры проявили в разработке наступательного и оборонительного вооружения.

Широко распространились железные двулезвийные мечи и кинжалы скифского типа — так называемые *акинаки.* Мечи чаще были короткими, колющими, но известны и длинные колюще-рубящие мечи. По характеру навершия и перекрестья, по форме ножен они были сходны по всему скифо-сибирскому миру от Дуная до Центральной Азии и различались лишь декором и материалом (скифы, савроматы и их ближайшие соседи делали акинаки из железа, тогда как в Южной Сибири до середины I тыс. до н.э. — в основном из бронзы, после чего железо стало ее вытеснять). Рукоять типичного скифского акинака изначально имела навершие в виде поперечного бруска с четкими углами, но со временем стали более популярны овальное навершие и навершие в виде встречных волютообразных выступов, в том числе когтевидных или в виде голов хищных птиц. Перекрестье было почковидное, бабочковидное или треугольное. Акинаки носили в деревянных ножнах, обтянутых кожей. Рукояти и ножны акинаков могли обкладываться золотыми пластинами и украшаться в скифском зверином стиле, а наиболее дорогие из них — также сюжетами и мотивами греческого и переднеазиатского искусства.

Скифская культура. Наступательное и оборонительное вооружение:
1–3 — железные акинаки; 4–6 — железные наконечники копий и дротика; 7 — бронзовый шлем; 8, а–г — бронзовые наконечники стрел с втульчатым креплением; 9 — железный боевой топор; 10 — железный чекан; 11 — бронзовая модель лука «скифского типа»; 12 — горит с луком и карманом для стрел (*изображение на золотой пекторали из кургана Толстая Могила*); 13 — изображение скифа, натягивающего тетиву на лук (*на электровом сосуде из кургана Куль-Оба*); 14, 15 — снаряжение скифских воинов (*реконструкция*)

Основным оружием дальнего действия у скифов был лук. Скифский лук известен в основном по описаниям античных авторов и по изображениям в древнегреческом, скифском и передневосточном искусстве; находки

сохранившихся луков единичны в силу нестойкости органических компонентов. Короткий (длиной 0,6–1 м), выгнутый в двух местах подобно греческой букве «сигма» (а), он состоял из нескольких деревянных пластин или прутьев, обмотанных корой, иногда со срединной костяной накладкой и с костяными или роговыми завершениями, с сухожильной тетивой. Стрелы (длиной 60–70 см) имели наконечники из бронзы (реже — из железа и кости); бронзовые наконечники были сначала двухлопастными (часто с шипом в основании пера на втулке), позднее — трехлопастными, со временем — все более легкими, узкими и длинными. Металлические и многие костяные наконечники в скифской культуре имели втулку, насаживавшуюся на древко; здесь практически не применялся другой вариант крепления металлического наконечника, известный в более восточных культурах скифо-сибирской области — с помощью выступа-черешка, вводившегося в древко. Лук и стрелы скифы носили в так называемых горитах — специальных футлярах с отдельным карманом для стрел.

Бронзовые наконечники стрел «скифской» формы и соответствующий тип лука были для воина-всадника того времени оптимальным вариантом стрелкового оружия. Поэтому уже к концу VII в. до н.э. они были взяты на вооружение армиями переднеазиатских государств, куда скифы совершали свои набеги. Соответствующий опыт распространился также в Центральную и Западную Европу.

Использовались копья длиной 1,7–2,2 м, изредка до 3 м. Их наконечники были железными, первоначально удлиненно-лавролистными, позднее более широкими листовидными. Скифы применяли также железные боевые топоры-секиры с нешироким лезвием и молоточковидным обушком, реже — топоры-клевцы.

Основу оборонительного скифского вооружения (доспеха) составлял чешуйчатый панцирь. При его изготовлении использовались многочисленные (до тысячи и более) бронзовые и железные пластинки, частично перекрывавшие друг друга и крепившиеся с помощью кожаных шнурков или жил на кожаную основу, образовывая покрытие, подобное рыбьей чешуе. Панцирь служил как минимум для защиты груди, как максимум — всего корпуса, включая руки и ноги. Применялись также защитные пояса из кожи, иногда с нашитыми металлическими пластинами.

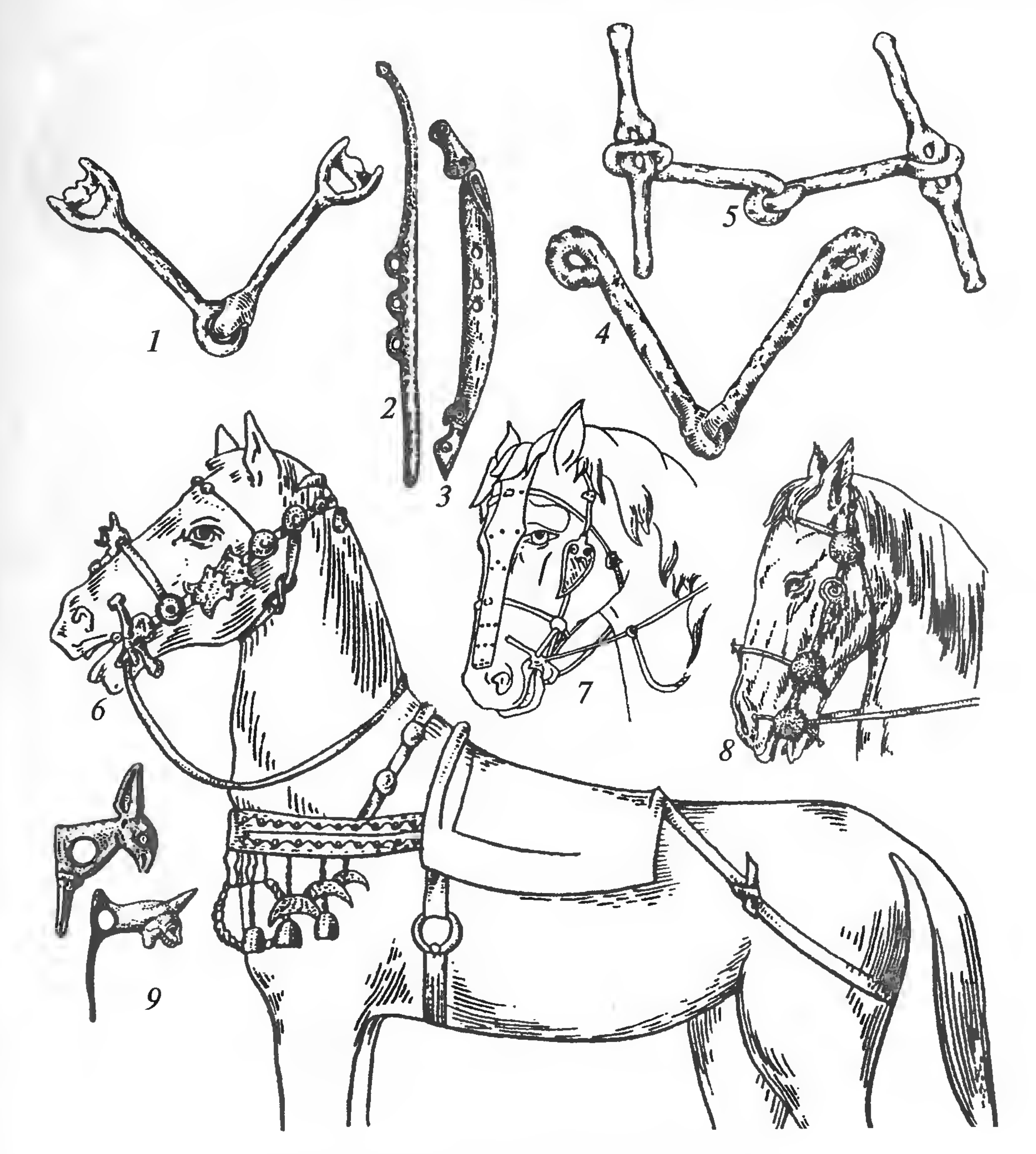
Один из важнейших видов скифского доспеха — шлем. В раннее время это была бронзовая полусферическая каска с ребром по темени и глубоким лицевым вырезом в виде дуг над бровями. Позднее широко применялись башлыкообразные чешуйчатые шлемы с железными пластинками на кожаной основе, а также греческие шлемы, которые порой переделывались скифскими мастерами. Щиты были кожаными (в том числе с покрытием металлическими чешуйками, подобно панцирям), деревянными и из прутьев.

Весьма прогрессивным был и скифский комплекс конского снаряжения. Удила в ранний период имели стремечковидное оформление внешних петель, делались из бронзы или железа и соединялись с трехдырчатыми псалиями из тех же материалов или из кости. Затем их сменили кованые

железные удила с загнутым внешним концом, соединявшиеся с двудырчатыми псалиями из железа или бронзы. Для крепления уздечных ремней, для защиты и украшения боевого коня служили различные бляхи, нащечники, налобники и наносники (в основном бронзовые), часто оформленные в скифском зверином стиле.

Сосуды скифской культуры представлены прежде всего лепной керамической посудой и тарой. В основном это сфероподобные сосуды — кухонные горшки из грубой глины с примесями и черпаки. Бытует налепной и прочерченный линейный орнамент. Кроме того, в Скифию массово вводилась античная гончарная керамика, в первую очередь амфоры. Известна также деревянная посуда — блюда, ритуальные полусферические чаши с золотыми обкладками и др. Интересны и металлические сосуды, представленные

Скифская культура. Конское снаряжение:

1 — бронзовые удила; 2 — бронзовый псалий; 3 — костяной псалий с зооморфными окончаниями; 4 — железные удила; 5 — железные удила и псалии в рабочем состоянии; 6–8 — реконструкции различных вариантов снаряжения коня; 9 — наносники с зооморфными изображениями

крупными бронзовыми котлами местного производства, привозными золотыми, серебряными и электровыми кубками, созданными главным образом в древнегреческих мастерских, но часто по скифскому заказу, о чем

Сосуды и орудия труда скифской культуры и культур скифского облика:
1–7 — керамические сосуды; 8 — бронзовый котел с зооморфными ручками; 9 — серебряная позолоченная столовая амфора из кургана Чертомлык; 10 — электровый сосуд из кургана Куль-Оба; 11 — железный нож; 12 — деревянный плуг; 13 — железный топор; 14 — железный серп

Скифская культура. Украшения, одежда, зеркала:
1 — золотой гребень из кургана Солоха с изображением сражающихся скифов; 2 — золотая пектораль из кургана Толстая Могила; 3, 4 — бронзовые зеркала с центральной и боковой ручкой; 5 — золотая височная привеска из кургана Куль-Оба с изображением головы Афины; 6, 7 — реконструкция скифского костюма

свидетельствуют изображенные на них сцены из местной мифологии или реальной жизни.

Мужчины, как правило, носили штаны-шаровары, рубахи и кафтаны-куртки, мягкие сапожки и остроконечные шапки-башлыки, женщины — длинные платья, башлыки или конические и усеченно-конические головные уборы. Одежда богатых людей могла быть обшита золотыми бляшками. Украшениями служили также бусы, височные привески и булавки, гривны и браслеты.

Дисковидные бронзовые литые зеркала входили в состав погребального инвентаря и являлись в скифской культуре не только предметом туалета, но и сакральным объектом (как и у древних греков). Самые ранние имеют с обратной стороны вид сковородки с поднятыми бортами. Ручка находилась в центре и представляла собой петельку или два столбика, увенчанных бляшкой. Затем появились зеркала с длинной боковой бронзовой ручкой и изображениями в скифском зверином стиле — так называемого «ольвийского типа» (в основном их производили в северопричерноморских античных городах, в первую очередь в Ольвии Понтийской). Еще позднее распространились зеркала без бортиков, с боковыми рукоятями, похожими на рукояти скифских мечей, а также с прямоугольными костяными ручками. Наряду с зеркалами важными культовыми объектами являлись навершия ритуальных шестов. В основном они были бронзовые литые, с прорезными погремушками либо с подвешенными колокольчиками. Обычно навершия увенчивались головой или фигурой животного.

Хозяйство и орудия труда. Основой скифской экономики в степях Северного Причерноморья было ***скотоводство*** — изначально исключительно ***кочевое***, со временем местами сменившееся ***полукочевым.*** Сначала практиковалась постоянная подвижность всего населения, без фиксированных зимних и летних стоянок. Необходимые продукты питания и ремесленного труда добывались военным путем либо обменом у соседей-земледельцев. Основу стада составляли лошади и мелкий рогатый скот, при незначительной доле крупного рогатого скота. Затем появились постоянные зимники и летники, а рядом с ними образовались родовые кладбища, четко определились границы кочевания. Более того, на рубеже V–IV вв. до н.э. в одном из регионов Скифии — в Нижнем Поднепровье — начался процесс оседания на землю части скифского населения, вследствие чего доля крупного рогатого скота в стаде значительно возросла. Соответственно в тот же период у скифов Нижнего Поднепровья зарождается ***земледелие***, игравшее здесь исключительно подсобную, в основном фуражную роль. Разводили ячмень и просо, землю обрабатывали костяными лопаточками и мотыгами с железными наконечниками, урожай собирали железными серпами, использовали каменные зернотерки.

Напротив, у оседлых нескифских народов, создавших культуру скифского типа в северопричерноморской лесостепи, несмотря на существенную роль пастушеского скотоводства, ориентированного на разведение крупного рогатого скота, господствовало именно ***земледелие*** с культивированием пшеницы и проса. Здесь найдены деревянные плуги (сходные с гальштатскими) и железные серпы — некоторые с наварным стальным лезвием, с рукоятками из кости. Применялись также железные топорики-тесла и железные мотыги.

Как уже было сказано, начало эпохи железа в Восточной Европе связано именно с развитием киммерийской и скифской культур. Первоначально, до возникновения Каменского городища, основная масса металлических орудий, оружия и уздечных элементов производилась для киммерийцев и скифов оседлыми ремесленниками лесостепи и Северного Кавказа: именно там в VI–V вв. до н.э. были центры добычи и обработки железа и бронзы (в частности, Бельское городище). С появлением оседлости у скифов в северопричерноморской степи началось бурное развитие металлургии. Основные центры — Каменское и Елизаветовское городища — вместе с лесостепными мастерскими снабжали округу всем необходимым.

В черной металлургии использовался в основном бурый железняк, добытая руда обогащалась, обжигалась в ямных и шахтных горнах. За счет первичного науглероживания в сыродутном горне или в результате преднамеренной цементации могли получать сталь. Ковка осуществлялась при высоких температурах в кузнечных горнах с воздуходувными мехами. Обнаружены остатки кузнечного дела: молоты, клещи, пробойники, пуансоны, зубила.

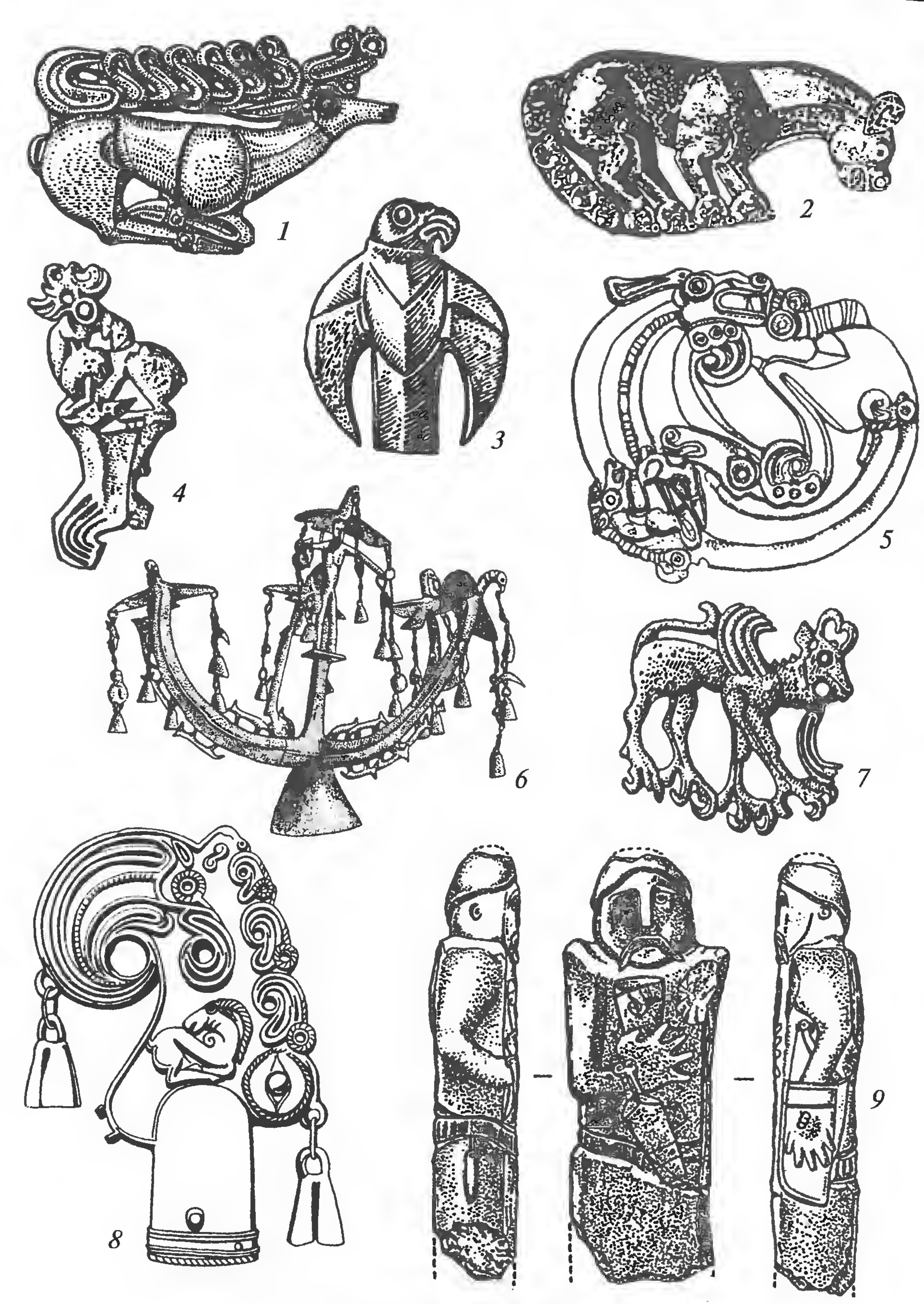
Сырье для цветной металлургии приходило с Северного Кавказа, Южного Урала, Казахстана, с балкано-карпатских рудников. Найдены глиняные и каменные литейные формы, тигли и льячки. Плавильные печи обнаружены на Бельском и др. городищах. Также производились штамповка и тиснение украшений из золота и серебра.

На высоком уровне находилась обработка кости и рога, служивших преимущественно для изготовления орудий труда и элементов конского снаряжения. Широко было распространено кожевенное дело. Сырьем для прядения и ткачества служили овечья шерсть, лен, конопля. Был известен вертикальный ткацкий станок с каменными грузиками. Обнаружены железные вязальные спицы, крючки и иглы.

Торговля велась в основном с греческими колониями в Северном Причерноморье. Вывозили рабов, шкуры, а также, в основном из лесостепной зоны, — зерно. Ввозили вино, керамические и металлические изделия (орудия труда, дорогое оружие и украшения).

Изобразительное искусство, при наличии геометрических и растительных мотивов, особенно знаменито своими зооморфными и антропоморфными образами.

Прикладное зооморфное искусство скифской культуры представляет собой локальный вариант скифо-сибирского звериного стиля — одного из элементов «скифской триады». Это особое художественное направление в древнем прикладном зооморфном искусстве, характеризующееся на всем пространстве соответствующей культурно-исторической области — от Дуная до Южной Сибири — едиными чертами: унифицированным набором образов (копытные звери, хищные звери, птицы и фантастические (синкретические) животные) — в строго определенных позах и композициях,

Скифское искусство:
1, 2 — золотые бляхи щита или горита в виде оленя и кошачьего хищника; 3 — золотая бляха пояса в виде птицы; 4, 5 — бронзовые уздечные бляхи с изображениями лося и хищника, свернувшегося в кольцо; 6 — бронзовое навершие шеста с антропоморфным и зооморфными изображениями; 7 — бронзовая уздечная бляха в виде грифона; 8 — бронзовое навершие шеста в виде птичьей головы с дополнительными зооморфными образами; 9 — монументальная антропоморфная каменная скульптура

с использованием особых приемов моделирования деталей. Данному художественному направлению свойственны специфические приемы стилизации, в первую очередь акцентирование определенных деталей изображения в ущерб другим элементам (вероятно, в магических целях). Образы скифского звериного стиля украшают предметы вооружения и конского снаряжения, элементы одежды, навершия ритуальных шестов и т.д.

В данном искусстве отразились культ солнца и огня, а также трехчастная концепция мироздания, традиционно подробно разработанная у иранцев (как и вообще у индоевропейцев). Кроме того, в основе звериного стиля, вероятно, присутствовали и более древние тотемические и магические представления, специфичные для каждого этноса в рамках скифо-сибирского мира (что связано прежде всего со спецификой природных условий и занятий населения на той или иной территории). Отсюда разнообразие предпочтений в выборе видов животных внутри четырех названных типов персонажей. В то же время в подавляющем большинстве культур скифо-сибирского мира наиболее популярным был образ *оленя*.

Отличительной чертой скифской культуры, не свойственной остальным культурам скифо-сибирского мира, является наличие ***монументальной антропоморфной скульптуры***. Это высеченные из камня изображения мужчины-воина (возможно, первопредка), первоначально предназначенные для установки на вершине кургана. К настоящему времени известно более 160 таких изваяний.

Религиозно-мифологические представления скифов реконструируются преимущественно по древнегреческим письменным данным — в первую очередь по свидетельствам Геродота, который воспроизвел некоторые мифологические предания скифов и описал скифский пантеон, практику жертвоприношений и ритуал гадания; исследователи также используют параллели в древнеиранских и древнеиндийских священных текстах. Собственно археологические материалы — произведения изобразительного искусства, погребальные комплексы и т.д. — позволяют говорить о культе предков и героев, солнца и огня, змееногой хтонической богини, возможно, о пережитках тотемизма.

Внезапная **гибель «Великой Скифии»** и соответствующее исчезновение скифской археологической культуры в степи и лесостепи Северного Причерноморья в начале III в. до н.э. были, очевидно, вызваны в первую очередь истребительной экспансией сарматов с востока в Северное Причерноморье в течение III–II вв. до н.э., о чем свидетельствуют, с одной стороны, античные письменные данные, с другой — следы соответствующих разрушений на поселениях скифов и связанных с ними народов.

В науке существует и иная, менее обоснованная с точки зрения письменных источников версия гибели «Великой Скифии» — вследствие краха скифского кочевого скотоводства из-за предполагаемой аридизации северопричерноморских степей, вызванной объективными климатическими изменениями или чрезмерной эксплуатацией пастбищ.

Остатки скифского населения сконцентрировались на Нижнем Днепре и в Крыму, где сформировалась так называемая *позднескифская археологи-*

ческая культура конца III в. до н.э. — рубежа III–IV вв. н.э., находившаяся под сильным сарматским и античным влиянием и отличающаяся от предшествующей скифской рядом особенностей и в первую очередь — полным отсутствием «скифской триады» (см. ниже)[1].

* * *

За пределами скифского мира, но в тесном контакте с собственно скифской культурой находились создатели оседлых земледельческо-скотоводческих культур Северного Кавказа, существовавших более длительное время и отличавшихся высокоразвитым ремеслом. Это *меотская* и *кобанская археологические культуры.*

Меотская культура в бассейне Кубани и Восточном Приазовье была результатом жизнедеятельности целого ряда разнородных племен, объединенных самоназванием или иноназванием «меоты», известным нам из античных текстов. Культура возникла еще в предскифский период и продолжала существовать в скифскую и сарматскую эпохи (максимальные хронологические рамки: IX в. до н.э. — III в. н.э.). Меоты оставили многочисленные поселения — как неукрепленные, так и защищенные валами и рвами, часто с площадкой-цитаделью. Жилища строились из глины с соломой либо из обмазанного глиной камыша, а также на деревянном каркасе с применением камышовых матов и глиняной обмазки; они обычно имели крышу из древесных прутьев, соломы и камыша, глинобитный или глинобитно-илистый пол и открытый очаг.

Для погребального обряда меотской культуры характерно трупоположение в ямах на бескурганных могильниках. Вместе с тем еще в протомеотский период, синхронный предскифскому, здесь появляются отдельные подкурганные погребения, в том числе с набором колесничной упряжи и даже с колесницей (курган Уашхиту). На базе данной курганной традиции и в связи со скифским проникновением на территорию меотов в VII–VI вв. до н.э. — в период, синхронный раннескифской эпохе, — сооружаются богатейшие курганы с погребениями скифо-меотской аристократии, в том числе вышеназванные Келермесские и Ульские. Захоронения типа Уашхиту, Келермесских и Ульских обнаруживают многочисленные свидетельства контактов с Передней Азией, очевидно, обусловленные завоевательными походами киммерийцев и ранних скифов на Ближний Восток, захвативших и местное меотское население. В третьей четверти I тыс. до н.э. влияние степных кочевников здесь ослабевает, что проявляется в первую очередь в погребальном обряде: хотя курганная традиция имела место и в этот период, но курганные насыпи сооружались в основном не над погребениями, а над святилищами. В последние века I тыс. до н.э. меотская культура начинает испытывать влияние сарматской обрядности, в связи с чем в начале I тыс. н.э. у меотов наряду с традиционными ямными могилами распространяются катакомбы и подбои. В начале IV в. н.э. меотская

---

[1] Еще один массив скифов, судя по античным письменным данным, после сарматского нашествия локализовался в Нижнем Подунавье. Однако археологические памятники данного региона по своему типу существенно отличаются от памятников позднескифской культуры.

культура в своей классической форме перестает существовать, став одной из основ материального комплекса средневековых раннеадыгских племен.

С меотской культурой на востоке граничила *кобанская культура* Центрального Предкавказья (XII–IV вв. до н.э.). Появившаяся еще в эпоху поздней бронзы и входившая в состав Кавказской металлургической провинции (см. раздел II, гл. 7), эта культура, подобно гальштатской, плавно перешла в стадию железного века и просуществовала в течение всей скифской эпохи, дав начало ряду местных культур сарматской эпохи. Высокий уровень металлургии и металлообработки позволил кобанским мастерам, перенимая сначала у киммерийцев, а затем у скифов многие новации в вооружении и конском снаряжении, совершенствовать конструкцию этих предметов и наладить их массовое производство для собственных нужд и для нужд тех же кочевников.

ОСНОВНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СКИФО-СИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СКИФИИ

«Савроматская» культура

Термин «савроматская культура» традиционно применяют к кочевническим памятникам скифского облика в рамках следующего ареала: междуречье Нижнего Дона — Нижней Волги, Заволжье, Северный Прикаспий и степи Приуралья. Время существования «савроматской» археологической культуры: рубеж VII–VI — IV вв. до н.э. Данная культура постепенно уступила место в IV — начале III в. до н.э. сарматской культуре, возникшей в ее недрах.

Этноним «савроматы», известный по античным источникам, в применении к данной археологической культуре служит условным общим названием для всей группы ираноязычных европеоидных кочевников указанного ареала, объединенных сходной материальной культурой и родством языков. При этом собственно исторические савроматы (т.е. известные по письменным источникам) — это лишь западная часть «савроматской» археологической культуры, этнически связанная с более восточными ее районами.

Хозяйство создателей культуры — ***кочевое скотоводство*** по стабильным маршрутам, с постоянными «зимниками» и «летниками». Соответственно культура известна в основном по ***погребениям***, сходство которых и стало основным критерием выделения «савроматской» культуры.

Захоронения совершались в курганах с земляной насыпью (в восточных районах в конструкции насыпи иногда использовался и камень). Хоронили в основном в ямах, в том числе с «заплечиками» (выступами-упорами для перекрытия), а в Южном Приуралье — также в катакомбных и подбойных могилах. Ямы могли перекрываться настилом из дерева или камыша, могли также содержать деревянные клети из двух-трех рядов бревен. Господствует трупоположение, погребенные в основном лежат на спине, иногда с руками на поясе или на бедрах, с ориентировкой чаще на запад, реже — на восток или на юг.

Инвентарь мужских погребений составляли мечи и стрелы, уздечный набор, изредка копья. В инвентарь многих женских погребений также входили мечи, чем подтверждаются данные античных источников об участии молодых савроматок в боевых действиях, а также украшения, зеркала, каменные блюда и столики-алтарики и костяные ритуальные ложечки. Встречаются в погребениях и орудия труда: железные ножи, пряслица, костяные проколки.

Для всех погребений характерна напутственная пища — туши обезглавленных баранов. Значительную роль в погребальном обряде играл культ огня: сожжение надмогильных сооружений, разведение кострищ над могилами или засыпание их горящими углями, вследствие чего погребенные сильно обгорали. Часто эти действия заменялись помещением в могилы отдельных угольков или подсыпкой мела, охры или серы, а также оранжевых и красных кристаллов реальгара (моносульфид мышьяка).

Ведущие формы материальной культуры. Савроматское оружие очень близко скифскому. Мечи и кинжалы — тех же типов, что и у скифов, но при этом здесь были особенно популярны акинаки с навершием рукояти в виде двух выступов-когтей. Многочисленные наконечники стрел подобны скифским, однако при господстве втульчатых наконечников из бронзы здесь встречаются и отдельные черешковые.

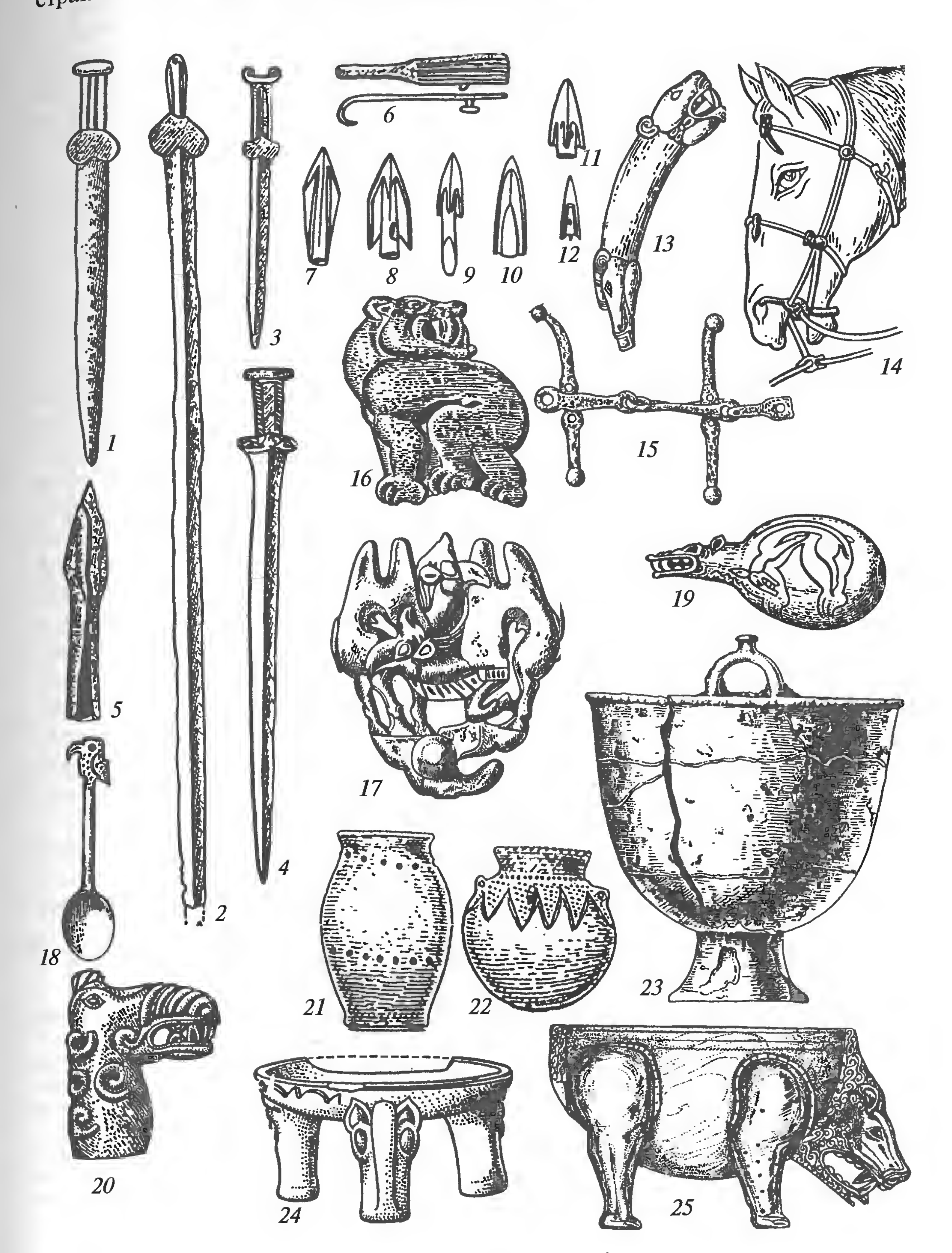
В конском снаряжении у савроматов также много общего со скифами. Существенным отличием было широкое распространение уздечных привесок-амулетов из клыков кабана.

Савроматские керамические сосуды были груболепными, сделанными без гончарного круга, баночных, шаровидных и яйцевидных очертаний. Керамика в основном плоскодонная, однако в Приуралье изготавливались и круглодонные сосуды, часто с примесью талька в тесте. Бронзовые сосуды представлены двуручными рюмкообразными котлами на высокой ножке. Известны и ритуальные деревянные чаши с золотыми обкладками.

Многочисленны предметы культа, обереги и туалетные принадлежности: каменные алтарики на ножках, костяные и роговые ритуальные ложки, клыки, костяные блюда, костяные пластины. Все они, равно как и золотые обивки чаш, бронзовые уздечные бляхи, навершия акинаков часто украшены изображениями в зверином стиле скифо-сибирского типа. Данный стиль в «савроматской» культуре имеет некоторые локальные особенности. Так, излюбленный у скифов образ — олень — здесь встречается не столь часто или же сливается с иными образами, прежде всего с обра-

зом лося. Среди копытных наряду с лосем популярен совершенно нехарактерный для скифов образ двугорбого верблюда. Но наиболее распространен здесь образ волкоподобного хищника.

Ведущие формы изделий «савроматской» культуры:

1–4 — железные акинаки; 5 — железный наконечник копья; 6 — бронзовый крючок для крепления колчана к поясу; 7–12 — бронзовые наконечники стрел с втульчатым и черешковым креплением; 13 — клык кабана с зооморфными завершениями (налобная конская подвеска); 14 — реконструкция снаряжения коня; 15 — железные удила и псалии; 16 — изображение хищника на роговой пластине; 17 — бронзовая подпружная бляха с изображением борющихся верблюдов; 18, 19 — ритуальные костяные ложечки с зооморфными изображениями; 20 — бронзовое зооморфное навершие; 21, 22 — керамические сосуды; 23 — бронзовый котел; 24 — каменный алтарик с зооморфными ножками; 25 — деревянная чаша с золотыми обивками в форме медведя (*реконструкция*)

Культуры сако-массагетского круга

Ранний железный век Средней Азии и Казахстана в скифское время складывается из истории двух тесно связанных групп — кочевников и полукочевников (это собственно сако-массагетский круг) и соседнего оседлого населения, история которого более обеспечена письменными источниками.

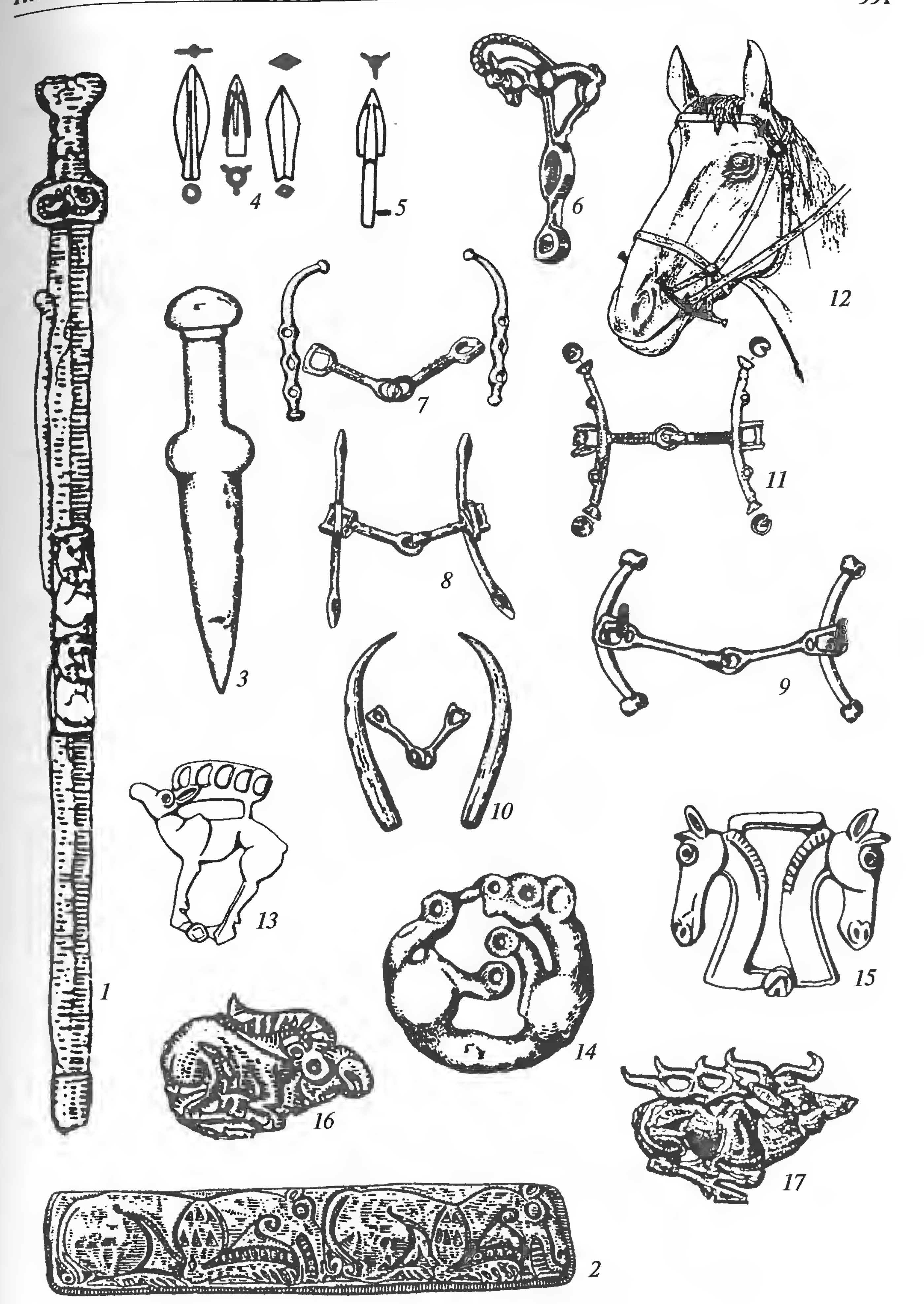
Древние персы, а вслед за ними античные авторы применяли этноним «*саки*» для обозначения ираноязычных кочевников Средней Азии (причем персы порой называли так и северопричерноморских скифов). Под названием «*массагеты*» античные авторы объединяли различные группы среднеазиатских племен, отличающихся друг от друга по хозяйству и образу жизни. Это явно собирательный термин, но изначально это было наименование какой-то конкретной этнической группы, наиболее знакомой античным историкам. Определить в точности, какие именно памятники надо связывать с саками, какие — с массагетами, до сих пор не представляется возможным. Поэтому иногда употребляют термин «*культуры сако-массагетского круга*». Основными очагами этих культур являются зоны Приаралья, Центрального и Восточного Казахстана, Семиречья и Памира. Основные памятники всех этих кочевнических культур — курганные могильники.

Наиболее яркие погребения *саков Приаралья* находятся в низовьях Сырдарьи. Это могильники Уйгарак и Южный Тагискен, датируемые VII–V вв. до н.э. Курганы невысокие, не более 2 м, диаметром 10–40 м. Обряд: трупоположение в ямах или на поверхности земли, чаще на спине, головой на запад. Более редки случаи кремации на месте: погребение поджигалось и засыпалось землей. В ямах были шатровые деревянные каркасные постройки, переплетенные прутьями и камышом. Покойника захоранивали в одежде и головном уборе, которые могли быть расшиты бусинами и золотыми бляшками. Мужчинам клали оружие: стрелы с бронзовыми наконечниками (втульчатыми и черешковыми), кинжалы или мечи типа акинаков. В погребения женщин помещали бронзовые зеркала, каменные алтарики, зернотерки, пряслица. И у мужчин, и у женщин в могилах были ножи, керамические сосуды и предметы конского снаряжения. Оружие, узда, бляшки одежды украшались в зверином стиле.

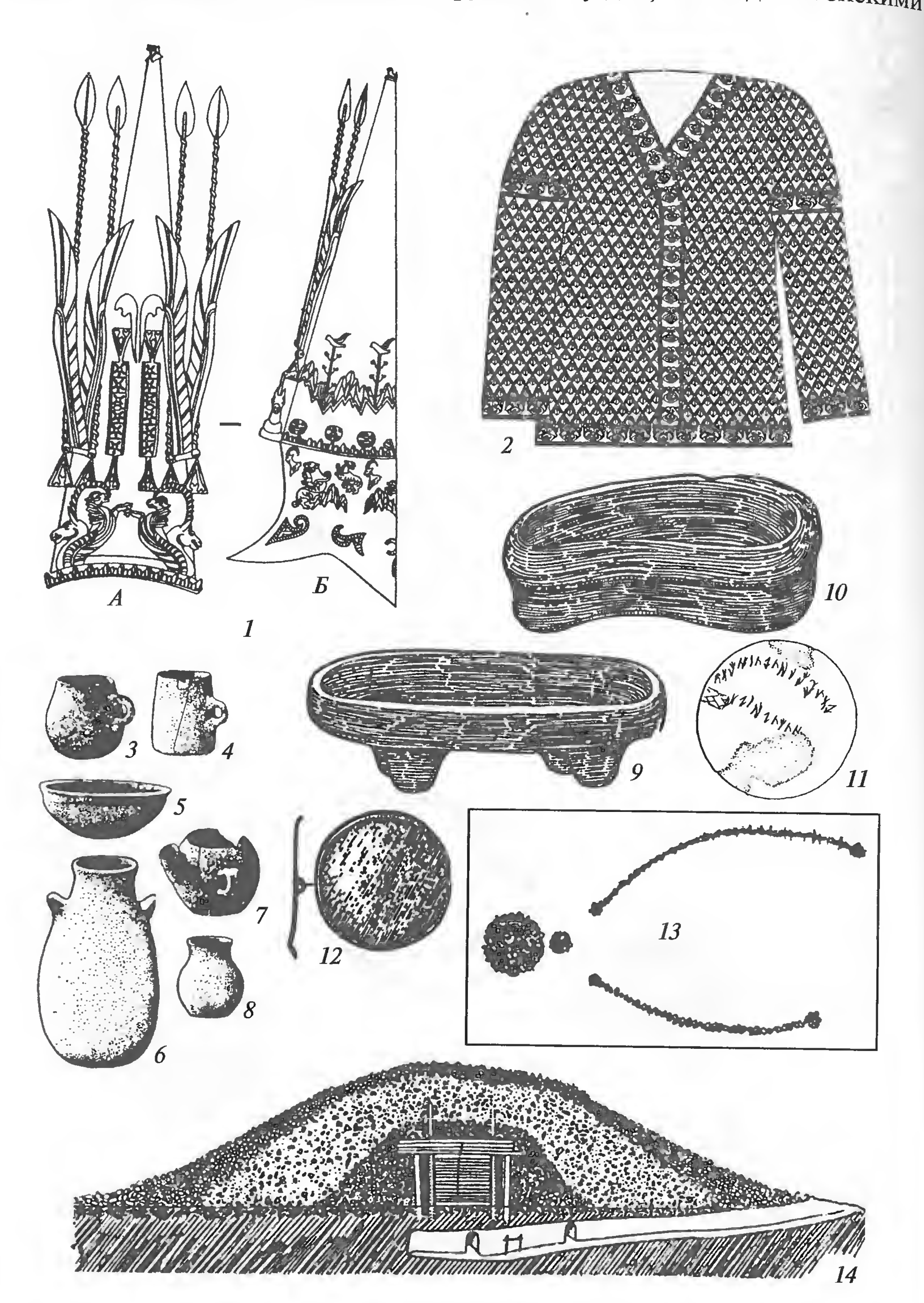
Погребения *центральноказахстанской группы* сако-массагетского круга именуются иначе *тасмолинской культурой*, датируемой VII–III вв. до н.э. Тасмолинские курганы небольшие (диаметром 10, редко до 20 м, высотой

Культуры сако-массагетского круга. Вооружение, конское снаряжение, «звериный стиль»:

1 — железный меч-акинак с золотыми обкладками рукояти и ножен из Приаралья; 2 — изображение хищников на золотой обкладке ножен того же меча; 3 — бронзовый кинжал; 4 — бронзовые втульчатые наконечники стрел; 5 — бронзовый черешковый наконечник стрелы; 6 — бронзовый псалий с фигурой горного козла из Центрального Казахстана (тасмолинская культура); 7, 8, 9, — бронзовые удила и псалии; 10 — бронзовые удила и псалии из рога; 11 — бронзовые цельнолитые удила и псалии с окончаниями в виде конских копыт; 12 — соответствующая реконструкция узды; 13–15 — бронзовые подпружные пряжки из Приаралья в виде стоящего оленя, свернувшегося в кольцо кошачьего хищника и парных конских голов; 16 — золотая нашивная бляшка одежды в виде сайгака из Приаралья (*Южный Тагискен*); 17 — нашивная бляшка колчана (золото с бирюзовыми вставками) в виде оленя из кургана Чиликты-5 (*Восточный Казахстан*)

1 м, редко до 2 м). Покойные лежат в овальной яме-подбое, на спине, головой на север. Ямы перекрыты каменными плитами, подбои заложены камнем. Погребенный сопровождался оружием и уздой, а иногда и конскими

головами. Вооружение, уздечка, булавки, бляхи часто украшались в зверином стиле.

Отличительной чертой тасмолинской культуры до недавнего времени считались так называемые «усы» — две каменные дорожки длиной до 200 м, шириной до 2 м, отходящие на восток от кургана или пары курганов, под одним из которых в яме погребен человек, тогда как под другим на древней земной поверхности помещается захоронение лошади. Однако еще в начале 1980-х гг. возникла гипотеза, приобретающая в последнее время все больше сторонников и сводящаяся к тому, что «усы» и курганы с отдельным захоронением лошади были сооружены позднее существования тасмолинской культуры пришлым населением раннесредневековой эпохи.

В Семиречье (Юго-Восточный Казахстан и Северный Кыргызстан) культуры сако-массагетского круга проявились, в частности, в таких ярких памятниках, как Бесшатырский и Иссыкский курганные могильники.

В монументальных *Бесшатырских курганах* захоронения производились в наземных срубах из обтесанных бревен тяншанской ели (высота срубов до 4 м, площадь до 16 кв.м), к которым с востока ведет коридор-дромос. Такой сруб перекрывался каменно-земляной насыпью (высотой до 17 м, диаметром до 100 м), окруженной каменным валом высотой 0,5 м, шириной 2 м.

Иссыкская курганная группа знаменита прежде всего богатейшим захоронением IV-III вв. до н.э. в кургане № 16, где под каменно-земляной насыпью в боковой гробнице (центральная гробница ограблена) в яме глубиной 2,7 м и площадью 3,5×4 м содержался сруб высотой 1,5 м, площадью 2×3 м. В срубе на дощатом полу, на расшитой золотыми бляшками матерчатой подстилке покоился человек 16–20 лет в великолепном парадном одеянии. Это одеяние реконструировано по расположению многочисленных золотых нашивных геометричных и зооморфных бляшек, украшающих практически каждую его деталь — высокий остроконечный головной убор, нижнюю рубаху, короткий кафтан, кожаный пояс с 16-ю мощными золотыми бляхами, штаны из кожи или войлока и аналогичные сапоги. Погребенный был наделен сумочкой с бронзовым зеркалом и кусочком красной краски, нагайкой с золотой лентой вокруг рукояти, стрелой с золотым наконечником, железным мечом и кинжалом типа акинаков с золотыми обкладками рукояти и клинка, в деревянных ножнах с золотыми пронизями–распределителями портупейных ремней. Золотые бляшки головного убора и одежды, равно как и многие элементы вооружения, украшены растительными и геометрическими мотивами, а также изображениями в зверином стиле.

Культуры сако-массагетского круга. Погребения, одежда, сосуды, предметы туалета и культа:

1, 2 — реконструкция войлочного головного убора и кожаного кафтана с золотыми украшениями из погребения в кургане Иссык-16; 3–8 — типичные формы керамических сосудов кочевников сако-массагетского круга; 9, 10 — каменные ритуальные столики; 11 — серебряная чаша с надписью на сакском (?) языке из погребения в кургане Иссык-16; 12 — бронзовое зеркало с центральной ручкой-петелькой; 13 — планировка парных курганов с каменными выкладками-«усами» (тасмолинская культура); 14 — разрез Большого Бесшатырского кургана с погребением в наземном деревянном склепе и подземным ходом неясного назначения

Рядом с покойным также найден 31 сосуд из дерева, глины и металла, в том числе серебряная чаша с нерасшифрованной надписью рунического типа (возможно, на сакском языке), что для бесписьменного скифо-сибирского мира является ценнейшей находкой.

В целом культуры сако-массагетского круга, как и другие компоненты скифо-сибирской области, имеют свой неповторимый вариант «скифской триады». Это отражается в предпочтении определенных образов в рамках звериного стиля, в господстве бронзового вооружения и конского снаряжения, в форме рукоятей акинаков, а также в наличии псалиев с выступами–шпеньками, в широком распространении удил с дополнительными отверстиями в основании внешней петли и удил с прямоугольноконечным завершением, в существовании наряду с ременным скреплением удил и псалиев традиции отливать их уже в комплекте или насаживать псалии на удила. Специфичны и непохожи на скифские и савроматские и основные типы местных керамических сосудов: это лепные миски, грушевидные горшки и кувшины, банкообразные горшки, в том числе с трубчатым носиком-сливом.

Пазырыкская культура

Хронологические рамки культуры: VI–III вв. до н.э. Ее ареал — Алтай и прилегающая часть Восточного Казахстана. Пазырыкская культура является продолжением и развитием местных памятников переходной эпохи от бронзового века к железному (так называемого майэмирского типа), датируемых VIII — началом VI в. до н.э.

Для майэмирской эпохи характерно возникновение первых в этом регионе произведений искусства скифо-сибирского звериного стиля, а также постепенное перерастание вооружения и конского снаряжения предскифских типов в вооружение и конское снаряжение, соответствующее нормам «скифской триады».

Основную информацию о пазырыкской культуре дают ***погребения***. Это малые и большие курганы с трупоположениями, обычно стоящие в ряд, один за другим, образуя меридиональные и широтные цепочки родовых могильников.

Курганы имеют каменную, реже — каменно-земляную насыпь, перекрывающую могильную яму с установленным в нее срубом или каменным ящиком. Простейший мужской инвентарь — оружие, женский — нож и зеркало; и у тех, и у других встречаются сосуды и кости барана. Около

Пазырыкская культура. Погребения, конское снаряжение, оружие, утварь:
1, 2 — разрез насыпи и погребальной камеры V Пазырыкского кургана; 3 — интерьер погребальной камеры под курганом 1 могильника Ак-Алаха-1 с парным захоронением людей в саркофагах в сопровождении взнузданных коней; 4 — реконструкция снаряжения одного из коней из этого погребения (*дерево, кожа, войлок*); 5 — керамический сосуд с кожаными аппликациями в виде петухов; 6 а, в — бронзовые втульчатые наконечники стрел; 6 б — костяной черешковый наконечник стрелы; 7, 8 — бронзовые кинжалы-акинаки; 9 — бронзовый клевец; 10 — ранняя форма пазырыкских удил и псалиев (*бронза*); 11 — поздняя форма пазырыкских удил (*бронза*) и псалиев (*рог*)

трети погребений сопровождались захоронениями лошадей, причем чаще всего лошадь укладывали в могилу к мужчине.

Выделяются богатейшие родовые кладбища царского масштаба — Пазырыкские, Башадарские, Туэктинские и др. курганные группы. Это курганы

высотой 2–4 м, диаметром 50 м и более. Все органические материалы в этих могилах остались в сохранности до наших дней благодаря уникальному явлению — образованию под насыпями линзы вечной мерзлоты вследствие сочетания определенных природных и антропогенных факторов. Основу погребения составляла квадратная яма, которая имела стороны до 7 м, глубину от 4 до 7 м. В южной части ямы сооружался деревянный сруб площадью от 9 до 24 кв.м и высотой от 1,2 до 1,9 м. Сруб чаще имел двойные стены, которые увешивались коврами, деревянный пол, иногда застланный войлоком, и бревенчатый потолок, перекрытый слоями проваренной бересты. В сруб ставили саркофаг-колоду, содержавшую преднамеренно мумифицированное тело одного человека или двух (мужчины и женщины). Рядом с саркофагом помещались сосуды с погребальной пищей, ритуальные столики, орудия труда и другие вещи. В северной части ямы за пределами сруба укладывались погребальные повозки и принесенные в жертву кони в богатой сбруе, иногда в особых войлочных или кожаных масках-чехлах с имитациями оленьих или козлиных рогов. Толстые столбы, стоявшие вдоль северной и южной стен сруба, подпирали мощные балки, на которые опирался верхний бревенчатый настил, сооружавшийся поверх потолка сруба и поверх отсека с конями и удерживавший на себе курганную насыпь.

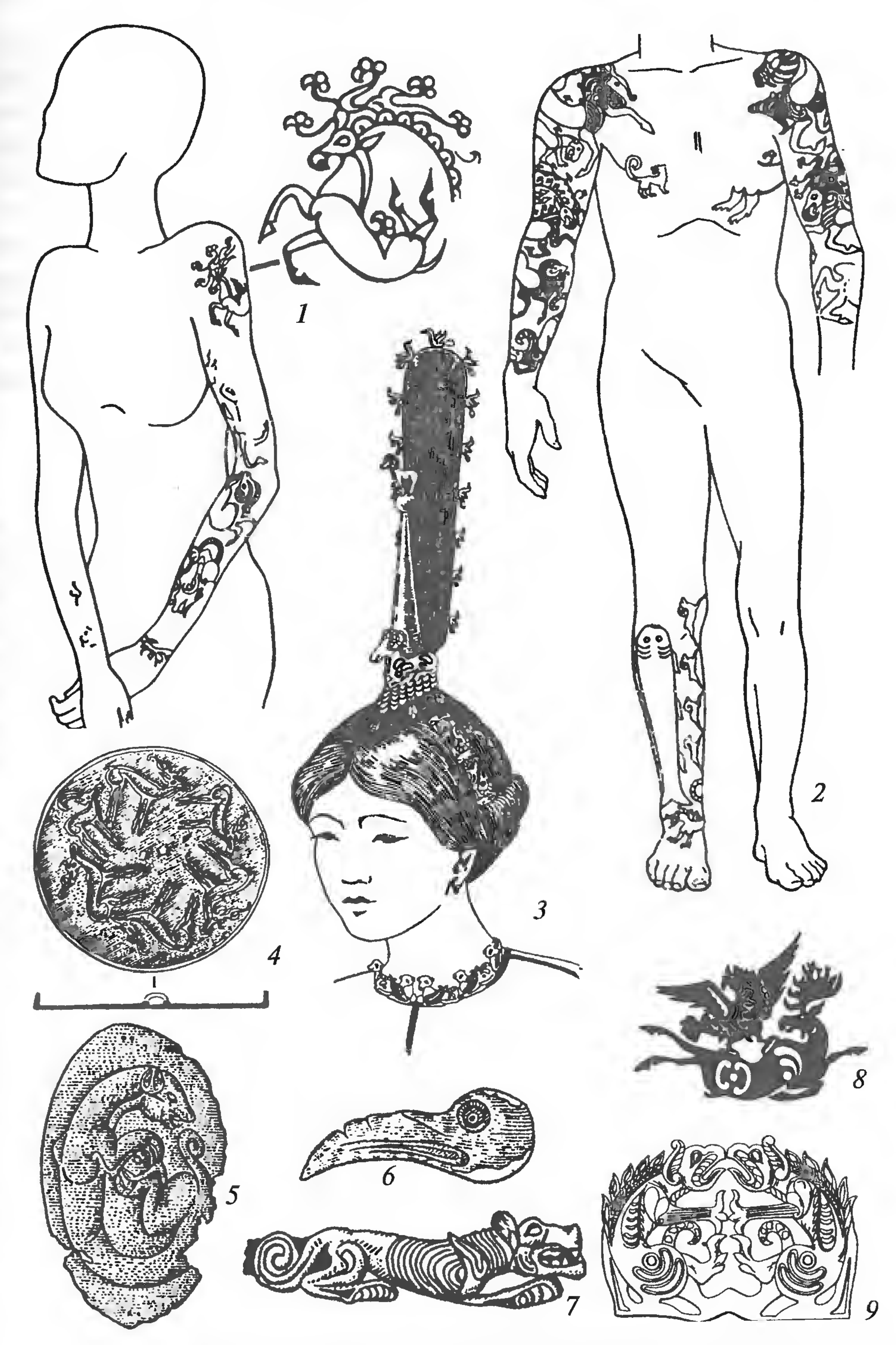
К недавно открытым замечательным памятникам пазырыкской культуры относится погребение знатной женщины в кургане № 1 могильника Ак-Алаха 3 (раскопки 1993 г.) и мужчины в кургане № 3 могильника Верх-Кальджин (раскопки 1995 г.). Эти мумии покрыты татуировкой, как и мумии из Пазырыкских курганов № 2 и 5.

Что же касается ***поселений***, таковые пока не выявлены. Предположительно, жилищами на зимниках служили деревянные дома, по подобию которых сделаны срубы в могилах, а летом люди жили в берестяных юртах, повозках и в войлочных жилищах.

Курганы пазырыкской культуры содержали замечательные изделия из дерева, кости, войлока, кожи, шелка, бронзы, железа, золота и других материалов. Часть этих вещей была произведена на месте, часть — импортирована из Ирана и Китая. Сохранность органических материалов позволила восстановить комплекс пазырыкской одежды, в который входят: у женщин — длинный, до земли, войлочный кафтан с длинными рукавами, хлопчатобумажная или шелковая рубаха, цилиндрическая тканевая юбка, затягиваемая на талии, войлочные чулки; у мужчин — сходный, но не столь длинный кафтан либо короткая куртка или шуба из шкур овцы или соболя, тканая рубаха; и мужчины, и женщины носили кожаные и тканые штаны. Обувью и тем и другим служили мягкие кожаные декорированные сапоги, а головными уборами у женщин были парики с войлочными «султанами» с аппликациями либо полушаровидные шапочки из лошадиной шкуры и др., тогда как у мужчин — войлочные башлыки шлемовидных и полушаровидных форм с навершиями в форме башенок или птичьих голов.

Специфичность проявления «скифской триады» в пазырыкской культуре состоит в особенно широком распространении здесь бронзовых и

Майэмирская и пазырыкская культуры. Украшения и искусство:

1, 1а — зооморфные татуировки на теле женщины, погребенной в кургане 1 могильника Ак-Алаха 3; 2 — зооморфные татуировки на теле мужчины, погребенного в кургане 2 Пазырыкского могильника; 3 — реконструкция головного убора и гривны женщины, погребенной в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3; 4 — бронзовое зеркало с изображениями оленей и горного козла на обороте (*майэмирская эпоха*); 5 — золотая бляшка с изображением кошачьего хищника, свернувшегося в кольцо (*майэмирская эпоха*); 6 — позолоченная бронзовая уздечная бляха в виде птичьей головы; 7 — деревянная фигурка кошачьего хищника; 8 — кожаная аппликация покрышки седла со сценой терзания лося грифом; 9 — медная уздечная бляха в виде противостоящих грифонов

позднее железных однокольчатых удил, а также У-образных бронзовых трехдырчатых псалиев, а позднее — S-образных деревянных двудырчатых псалиев с окончаниями в виде голов грифонов, фантастических ушастых птиц, волчьих и кошачьих хищников. Кроме того, местному звериному стилю присуще необычайное разнообразие симметричных многофигурных композиций, вариативность поз, в которых представлены животные (в особенности популярно придание фигуре зверя S-видной формы, для чего его тело как бы перекручивается), обилие сцен терзания копытных хищными зверями и птицами. Своеобразны и типы местных керамических сосудов: в основном это лепные кувшины с высоким горлом, которые могли украшаться спиралевидными налепами или кожаными зооморфными аппликациями.

Уюкская культура в Туве

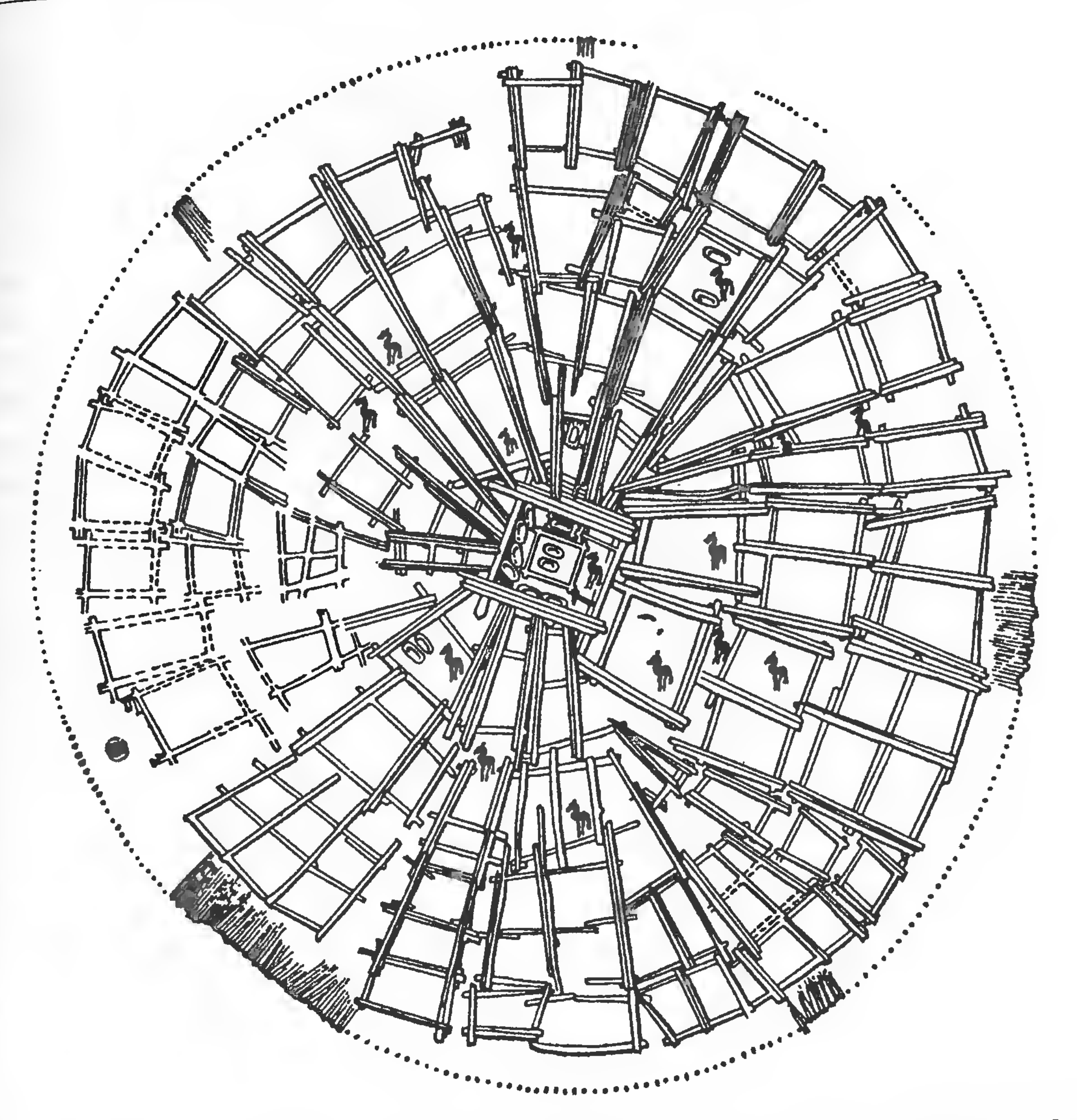
Тува (Республика Тыва) — центральноазиатская территория, состоящая из чередующихся степных котловин и горных хребтов и ограниченная с севера и востока Саянами, а с юга — монгольскими степями. Продолжаются споры о том, существовала ли в Туве единая археологическая культура предскифско-скифского времени или в рамки тех же эпох укладываются две последовательных культуры. Сторонники первой гипотезы именуют эту единую культуру уюкской и датируют ее VIII (VII?)–III вв. до н.э. В ареал уюкской культуры, помимо Тувы, входят Восточный Алтай и Северо-Западная Монголия.

Основная информация о культуре Тувы этого времени связана с материалом ***погребений***. Погребенные лежат на боку под курганами в деревянных срубах, либо в каменных ящиках, либо в простых грунтовых ямах.

Ярчайшие памятники уюкской культуры и скифо-сибирской области в целом — массовые захоронения людей и лошадей *в курганах Аржан-1* и *Аржан-2* в долине р. Уюк в отрогах Западного Саяна.

Аржан-1 — более раннее погребение. Дата его дискуссионна и, с учетом разноречивых типологических и радиоуглеродных показателей, колеблется в рамках IX–VII вв. до н.э. Под каменной насыпью (первоначальный диаметр 110 м, высота 3,5–4 м) находилось наземное деревянное сооружение из 70 радиально расходящихся прямоугольных и трапециевидных камер-клетей со стенами из трех-четырех бревен, концы которых уложены друг на друга без подгонки, с оставлением просветов между венцами (максимальная высота клети — 2,5–3 м). Некоторые камеры дополнительно разделены на секции, в результате чего общее количество четырехугольных участков, замкнутых бревенчатыми стенками, приближается к сотне. Центр этой сложной конструкции (камера № 1) образован двумя вставленными друг в друга квадратными камерами, внутренняя из которых представляла собой настоящий сруб с двойными стенами и бревенчатым полом и содержала мужское и женское захоронения «царя» и «царицы» в долбленых гробах-колодах, тогда как внешняя — захоронения 8 знатных человек и 6 лошадей с узденым набором для верховой езды. За пределами этой

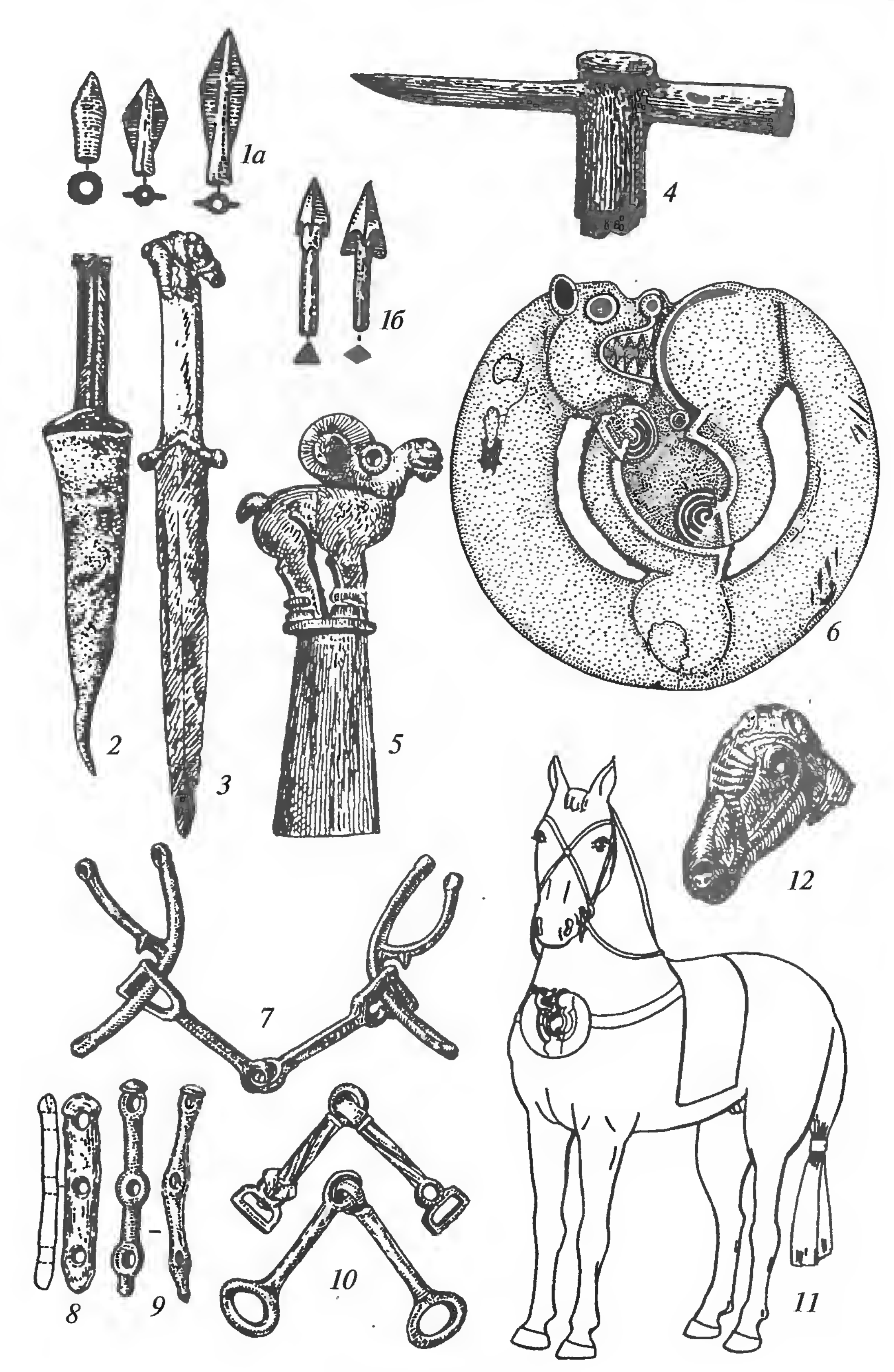

Уюкская культура. Деревянная погребальная конструкция под насыпью кургана Аржан-1
(фигурки лошадей обозначают камеры с массовыми конскими захоронениями)

центральной конструкции 12 камер и несколько межкамерных помещений также содержали погребения людей и верховых лошадей. В остальных камерах захоронения не производились. Таким образом, под насыпью кургана Аржан-1 были погребены 17 человек и более 160 лошадей. Большинство лошадей, судя по вариативности уздечных наборов, были приношением «царю» от зависимых племен. Вся конструкция перекрыта сплошным бревенчатым потолком, по периметру построена наклонная бревенчатая стена-откос. Очевидно, первоначально вся деревянная конструкция представляла собой круглую платформу с наружными стенами, наклоненными под углом 30° — т.е. плоский усеченный конус. Насыпь была укреплена каменной стеной-крепидой (первоначальная высота 2,5 м). На расстоянии 15–30 м насыпь была частично окружена в два-три ряда каменными кругами (диаметром 2–3 м и первоначальной высотой 0,8 м). Под камнями обнаружены кости животных, в основном лошадей.

Курган разграблен в древности. Сохранились остатки меховой (собольей) и шерстяной одежды, украшения из золота и камня, бронзовые навершия, кинжалы и боевой чекан из бронзы, бронзовые и костяные наконечники

Уюкская культура:
1 — бронзовые наконечники стрел (а — с втульчатым креплением; б — с черешковым креплением); 2 — бронзовый кинжал в кожаном чехле; 3 — бронзовый кинжал с навершием в виде фигурки кабана; 4 — бронзовый клевец; 5 — бронзовое навершие шеста с фигуркой барана; 6 — бронзовая нагрудная уздечная бляха в виде кошачьего хищника, свернувшегося в кольцо; 7 — бронзовые удила и псалии; 8 — псалий из рога; 9 — бронзовый псалий; 10 — бронзовые удила; 11 — реконструкция снаряжения коня из кургана Аржан-1; 12 — роговая скульптура, изображающая голову взнузданного коня

стрел, элементы конского снаряжения (удила, псалии, уздечные ремни и их украшения) из бронзы, золота, серебра, кости, рога, дерева, кожи, в том числе орнаментированные в скифо-сибирском зверином стиле. В том же стиле выполнены и изображения на обломке «оленного камня»[1], обнаруженного в насыпи. Ряд уздечных принадлежностей и наконечники стрел находят аналогии в предскифских и раннескифских памятниках Восточной Европы, другие предметы вооружения и узды, а также мотивы звериного стиля характерны для культур Саяно-Алтая начала скифской эпохи.

Примерно через 150 лет после сооружения кургана Аржан-1 неподалеку был возведен не менее замечательный курган *Аржан-2*. Насыпь кургана каменная, местами использовалась глина. Высота насыпи 2 м, диаметр 80 м. Насыпь была окружена мощной стеной из горизонтально уложенных камней и оградой из вертикальных плит. В стене был оставлен проход, причем в этом месте плиты ограды покрыты зооморфными изображениями. Под насыпью в разных местах, включая ее кольцевую ограду, обнаружены захоронения 18 человек в двенадцати могильных ямах (не считая дополнительные погребения, совершенные в более позднюю эпоху). Основным было богатое парное захоронение «царя» и «царицы». Они лежали в прямоугольной яме глубиной 4,5 м, в погребальной камере в виде двойного сруба, перекрытого двойным накатом бревен. Одежда и обувь «царя» и «царицы» были сплошь обшиты золотыми бляшками в виде кошачьих хищников и золотым кольцевидным бисером. Их головные уборы были украшены золотыми пластинами в виде оленей, лошадей и кошачьих хищников, а один из головных уборов — также золотыми шпильками с гравировками в зверином стиле. Среди украшений также — серьги, подвески и бусы из золота, бирюзы, пирита и янтаря, золотая массивная гривна (у мужчины), поверхность которой покрыта изображениями животных, золотая пектораль (была подвешена особо на вертикальном столбе). В погребении найдены разнообразные предметы вооружения из железа: акинаки (у мужчины и у женщины), ножи (у женщины); отдельно на жерди висел парадный кожаный пояс с золотыми обоймами, к которому крепились боевой чекан-клевец и плеть, а также горит, состоявший из кожаного колчана на деревянной основе, содержавшего стрелы с железными наконечниками, и кожаного футляра для лука. Поверхность горита была обшита золотыми бляшками. Эти бляшки, равно как и золотой орнамент, украшавший акинак, ножи, клевец и наконечники стрел, выполнены в скифо-сибирском зверином стиле. Перед лицами покойных лежали бронзовые зеркала. В погребении найдены также сосуды из камня, бронзы, золота, дерева и кожи. Стены и пол погребального сруба были покрыты войлочными коврами, от которых сохранились отдельные фрагменты.

---

[1] «Оленные камни» — псевдоантропоморфные и условно-антропоморфные каменные стелы ритуального назначения с рельефными изображениями оленей и иных животных, предметов вооружения, деталей костюма и украшений. Были широко распространены в предскифскую и раннескифскую эпохи в степях Евразии — преимущественно в Монголии и Южной Сибири, а также, в гораздо меньшем количестве, — в Северо-Западном Китае, в Восточном и Центральном Казахстане, на Южном Урале, на Северном Кавказе, в Северном Причерноморье и в Средней Европе.

Кроме того, под насыпью кургана найдено специальное захоронение четырнадцати лошадей в узде из бронзы и с украшениями из золота, а также обособленные клады, содержащие предметы конского снаряжения и вооружения.

Погребально-поминальный комплекс Аржан-2 включал помимо самого кургана расположенные поблизости от него кольцевые каменные оградки, в рамках которых обнаружены пережженные кости животных, и каменные башни (высотой до 1 м), рядом с которыми найдены кости лошадей.

Тагарская культура

Хронологические рамки тагарской культуры — VII (VIII?) — начало III в. до н.э. Ее ареал: Минусинская и Кузнецкая котловины, т.е. степная и лесостепная зона бассейна среднего Енисея и частично Обь-Енисейское междуречье. Хотя тагарской культуре в полной мере присуща «скифская триада», у нее есть две важные особенности по сравнению с остальными культурами скифо-сибирской культурно-исторической области.

Во-первых, ее создателями являются не только кочевые скотоводы, но и оседлые земледельцы с пастушеским или отгонным скотоводством, с преобладанием в стаде крупного рогатого скота и овец. О земледелии свидетельствуют: многочисленные находки крупных бронзовых серпов с отверстием для привязывания ремня и бронзовых мотыг-кельтов, а также оросительные каналы, иногда прорубленные в скальной породе.

Во-вторых, в зоне тагарской культуры, по крайней мере до V в. до н.э., известно мало железных изделий. Причина тому — высокий уровень местного бронзолитейного дела, расцветшего в условиях обилия сырья в этих местах, и как следствие — богатой традиции предшествующей карасукской культуры. Известны тысячи тагарских бронзовых вещей, в том числе украшенных в скифо-сибирском зверином стиле. Обнаружены керамические и медные двустворчатые литейные формы, практиковалось и литье по восковой модели.

Поселения создателей тагарской культуры представлены селищами, размещавшимися на естественных террасах, а также постоянно заселенными городищами и городищами-убежищами с валом и рвом. Жилищами служили глубокие землянки и полуземлянки, реже наземные дома. Их стены строились из глины и камня, но были и деревянные срубные конструкции — бревенчатые рубленые прямоугольные дома с четырехскатными крышами. На наличие последних указывают петроглифические изображения таких срубов, относящиеся к концу тагарской эпохи (Боярская писаница).

Погребения тагарской культуры достаточно специфичны. Для нее характерны земляные курганы, окруженные прямоугольными оградками из врытых на ребро массивных плит, с вертикально установленными камнями по углам. На ранних стадиях курганы одиночные, позднее насчитывается до 10–20 курганов в могильнике. Более ранние могилы в основном представляют собой каменные ящики с одиночными погребениями, более поздние — срубы, ямы с бревенчатыми накатами, часто с коллективными трупоположениями — родовыми усыпальницами (до 100 и более человек в

Тагарская культура:

1 — изображение жилищ на Боярской писанице; 2 — курган Салбык; 3 — бронзовые удила; 4, 5 — бронзовые наконечники стрел с втульчатым и черешковым креплением; 6 — бронзовый серп; 7 — бронзовый нож; 8, 9 — бронзовый топор-кельт и каменная форма для его отливки; 10 — бронзовый боевой топор с зооморфным обушком; 11 — бронзовый клевец; 12 — бронзовая уздечная бляха в виде оленя; 13 — бронзовое зеркало с фигуркой козла; 14, 15 — бронзовые кинжалы; 16 — бронзовое навершие с фигуркой козла; 17 — керамический сосуд; 18 — бронзовый котел

одной могиле). Покойные лежат на спине, вытянуты. В могилах иногда сохраняются остатки одежды — шерстяные ткани и кожа. Мужчины погребены с оружием (лук и стрелы, кинжал типа акинака, боевой чекан); женщины — с зеркалами, бусами, шильями. В позднее время в могилы кладут уменьшенные модели вещей. И к мужчинам, и к женщинам в погребения помещали характерные бронзовые ножи с отверстием на рукояти, лепные керамические сосуды баночной формы с жидкой пищей и в качестве той же напутственной пищи — части крупного рогатого скота, реже — части лошади или овцы. Также в могилах и кладах (чаще — в качестве случайных находок) встречаются разнообразные бронзовые топоры-«кельты», в основном служившие орудиями труда.

Интереснейшим памятником является группа из 14 курганов в урочище Салбык, основным среди которых был Большой Салбыкский курган IV в. до н.э. — один из крупнейших в мире. Первоначальная высота его насыпи составляла не менее 25 м. Эта пирамидальная насыпь состояла из слоев дерна и глины, облицовка — из дерна. Насыпь была окружена квадратной оградой, ориентированной по сторонам света (размером 70x70 м) из многотонных каменных плит, вкопанных поочередно — горизонтально (высота более 2 м) и вертикально (высота более 5 м). С востока к ограде подходил входной коридор шириной 5 м. Под насыпью помещался деревянный склеп усеченно-пирамидальной формы (размер основания — 18x18 м), накрывавший квадратную могильную яму (размер 5x5 м, глубина 1,8 м), в которую, в свою очередь, был помещен сруб с телом пожилого знатного мужчины. Покойного, очевидно, внесли в эту гробницу по наклонному коридору-дромосу из досок и бересты, направленному к яме от западной стороны курганной ограды. В могильной яме и в дромосе были обнаружены останки еще шести человек — членов семьи аристократа и слуг; кроме того, кости еще четырех человек, несомненно принесенных в жертву, были обнаружены у угловых камней ограды кургана.

Тагарская культура постепенно сменяется таштыкской, связанной с новой историко-культурной эпохой в степях Евразии, пришедшей на смену скифской эпохе. Остальные культуры «скифо-сибирского мира» в степях Евразии также резко или плавно уступают место сообществам с качественно новым материальным комплексом.

2.2.2. Сарматская эпоха

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ

Следующий после скифского период раннего железного века в степях Евразии, датируемый примерно в рамках III в. до н.э. — IV в. н.э., в соответствии с новыми этнокультурными доминантами может условно именоваться сарматской (сармато-гуннской) эпохой. В это время в западной части степей (в Приуралье, Поволжье, а затем и в Северном Причерноморье) господствуют сарматы — ираноязычные кочевники-скотоводы, родственные савроматам и создавшие на месте культур скифского облика культуру нового типа. В восточной части степей (в Прибайкалье, в степях Сибири, Казахстана и в Средней Азии) в конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. также происходят важные изменения, связанные в первую очередь с постепенным расширением политического и особенно культурного влияния

племенных объединений народов, известных по древнекитайским источникам как хунну (сюнну), часть из которых позднее вошла в гуннский полиэтничный массив, хлынувший в IV в. н.э. в Европу. Отсюда известная условность терминов «сарматская» и «сармато-гуннская» эпоха — во-первых, из-за того, что ни один из них не охватывает всю характеризуемую с их помощью степную территорию, во-вторых, в силу того, что практически тождественные термины «хунну» и «гунны» соответствуют разным историческим периодам и культурным сообществам.

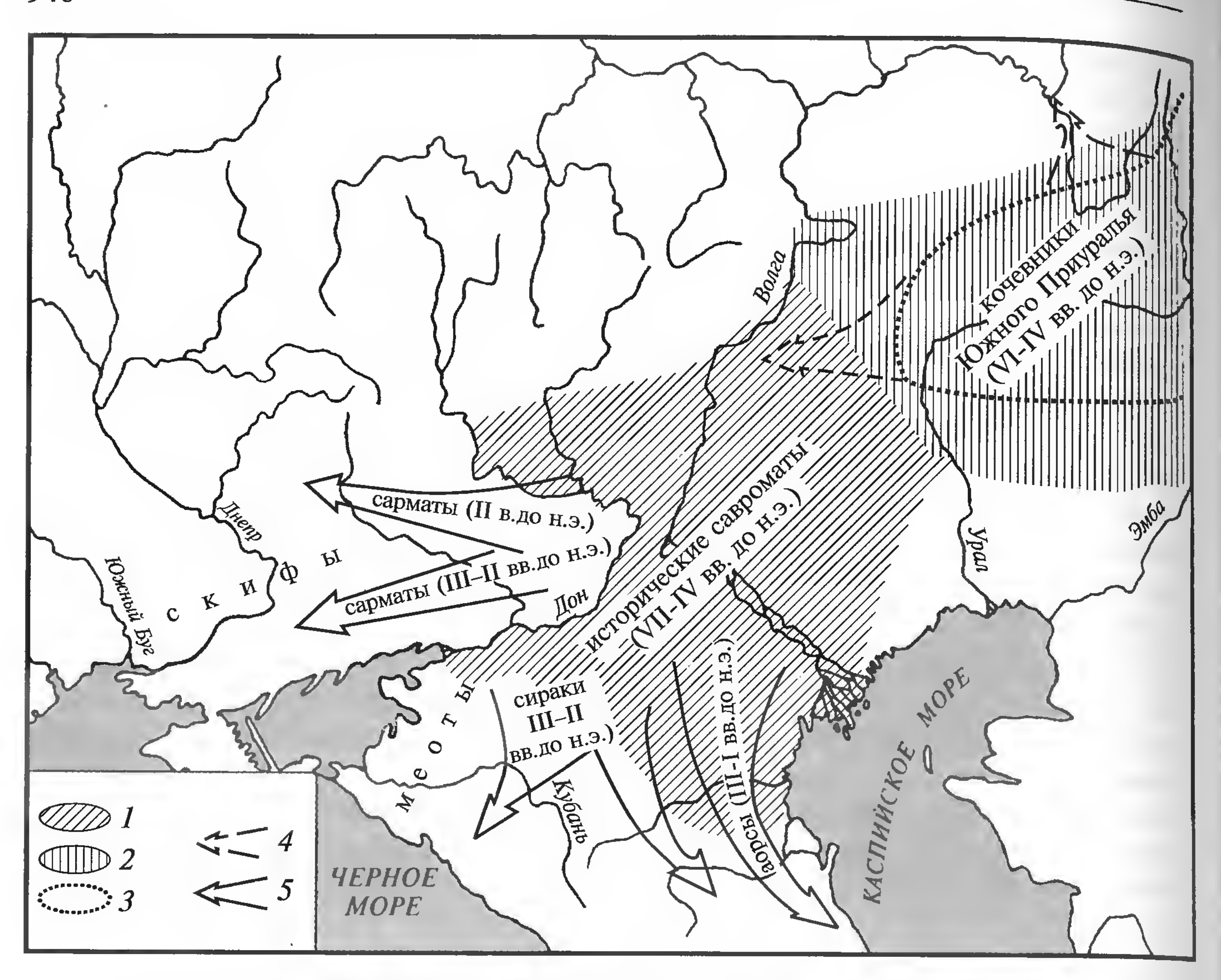
Переход от скифской к сарматской эпохе ознаменован существенными переменами в материальной культуре и искусстве, приводящими к исчезновению «скифской триады». Во-первых, совершенствуются *формы вооружения*: мечи-акинаки скифского типа, как правило короткие, вытесняются длинными всадническими мечами с иной конструкцией рукояти; на смену господствовавшим ранее бронзовым втульчатым наконечникам стрел, некогда заимствованным у киммерийцев, скифов и саков армиями Ближнего и Среднего Востока, постепенно приходят массивные железные наконечники с черешковым креплением к древку; короткий сигмовидный лук скифского типа уступает место более длинному дуговидному луку («гуннского типа»). Во-вторых, развивается *конское снаряжение*: взамен стержневидных псалиев все чаще начинают употреблять крупные кольца; совершенствуется седло, которое становится более жестким. В-третьих, на смену скифо-сибирскому *звериному стилю* приходит новое прикладное анималистическое искусство, более орнаментальное, главным отличием которого было то, что украшаемые объекты служили прежде всего фоном, а не композиционной основой изображений.

Историко-культурные сообщества степей Евразии сарматской эпохи характеризуются ниже на примере эталонных и наиболее изученных археологических культур: сарматской, таштыкской и культуры хунну в зоне ее формирования и изначального распространения.

Сарматская культура

Хронологические пределы сарматской культуры: IV в. до н.э. — IV в. н.э. Ее ареал в максимальном выражении покрывает обширную территорию степи от Западного Казахстана и Южного Приуралья до Северо-Западного Причерноморья.

Историческое ядро культуры находилось в Южном Приуралье, где ее начальные черты проявляются уже в конце V в. до н.э. как плод эволюции местного варианта «савроматской» культуры в условиях определенных восточных влияний, в первую очередь из Зауралья. Если в IV–III вв. до н.э. сарматы занимали лишь Южное Приуралье, Заволжье и Волго-Донское междуречье, то с III–II вв. до н.э. они расширили свой ареал, постепенно захватив также всю территорию Северного Причерноморья, откуда, как уже было сказано, они вытеснили основную массу скифов. В тот же период некоторые сарматские племена (сираки и аорсы) осуществили вторжение на Северный Кавказ.

«Савроматская» и сарматская культуры в VI–II вв. до н.э.

1 — поволжско-донской локальный вариант «савроматской» культуры; 2 — южно-уральский локальный вариант «савроматской» культуры; 3 — область формирования сарматской культуры; 4 — направление расселения раннесарматских племен; 5 — направления экспансии сарматских племен на территорию Северного Причерноморья и Северного Кавказа

В I в. н.э. в рамках восточной части сарматского ареала усиливаются ираноязычные аланы, которые на рубеже I–II вв. н.э. подчиняют себе все остальные племена сарматского круга. В III в. н.э. доминированию сарматов в Северном Причерноморье был положен конец вследствие готской экспансии, а после нашествия гуннов во второй половине IV в. н.э. сарматская культура исчезла как единое целое; часть сарматов при этом была уничтожена, часть вошла в гуннский союз. При этом отдельные элементы позднесарматской культуры влились в раннесредневековую культуру евразийских кочевников.

Основными памятниками, дающими информацию о сарматской культуре, являются погребения, поскольку собственно сарматские стационарные поселения пока не обнаружены; вместе с тем на Кубани известны вероятные меото-сарматские городища. ***Погребения*** же весьма многочисленны. Это трупоположения под курганами (высота 1 м, редко до 3 м, диаметр 8–20 м) или изредка в естественных холмах (на Волге). Покойные лежат вытянуто на спине, реже на боку, их руки и ноги чаще параллельны, иногда

руки помещаются на тазовых костях или под ними, а ноги лежат ромбом или же одна нога согнута в колене. Ориентированы погребенные в ранний период в основном головой на юг (с небольшими отклонениями к западу или к востоку), позднее — большей частью на север.

Хоронили чаще в узких прямоугольных могилах, перекрытых досками и хворостом. Стены могил могли иметь опоры для перекрытия — «заплечики». Также типичны могилы с обширными подбоями. Известны и катакомбы. В подбойных и катакомбных могилах вход в саму погребальную камеру закрывали досками или заваливали камнями.

Погребенных клали на подстилку из органики, реже — на деревянные носилки или в деревянные решетчатые гробы, детали которых скреплялись с помощью шипов. Иногда погребенные лежали на ложе, оставшемся от погребальной колесницы, на которой доставляли покойного; сама колесница в процессе захоронения разламывалась, а ее детали клали в погребение.

В могилы клали символы огня — угольки (или их заменители — мел, гипс, реальгар, красную охру).

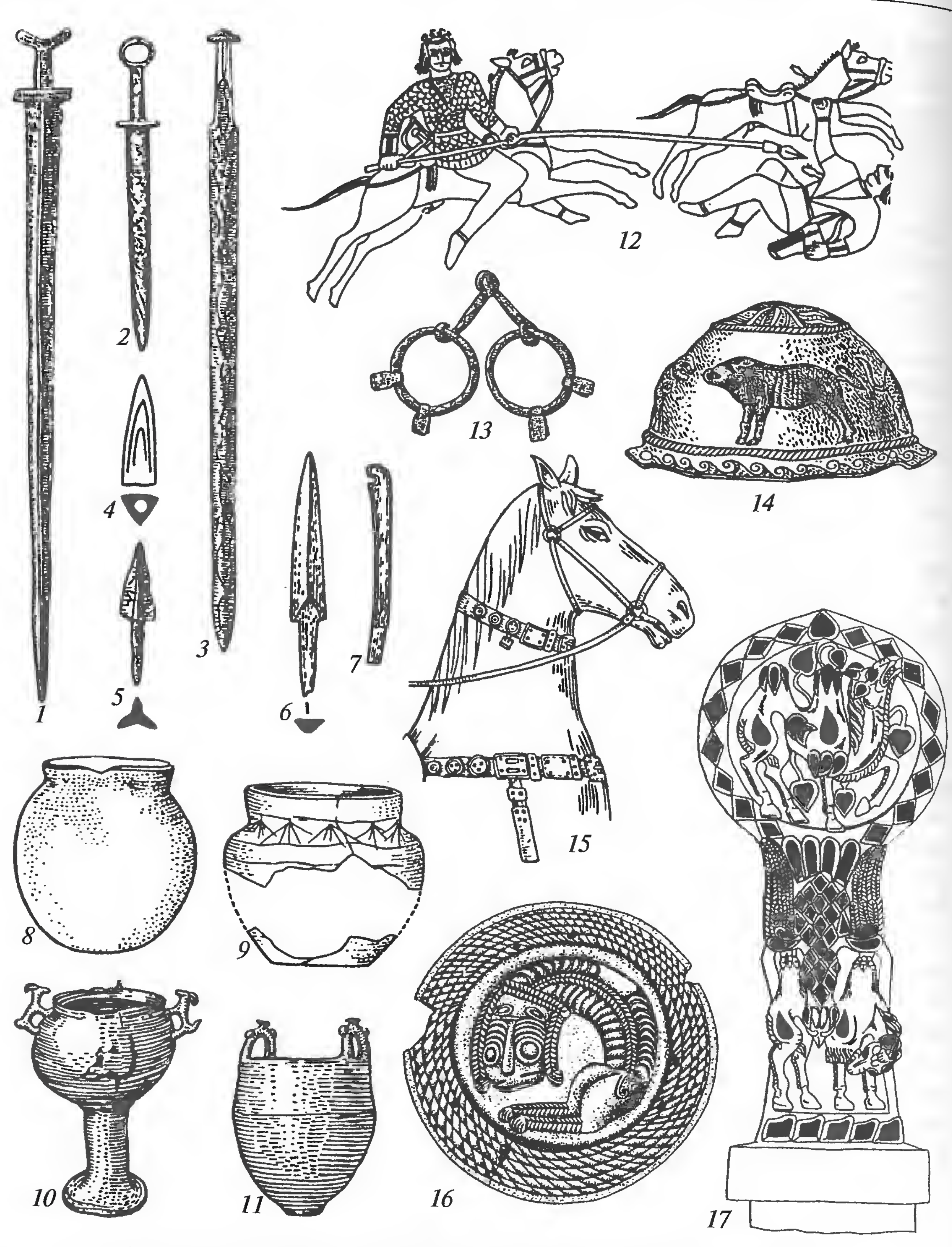
В качестве основного погребального инвентаря следует выделить оружие, встречающееся как в мужских, так и в женских могилах. Очень часто в погребения клали переднюю ногу барана, реже обнаруживаются кости лошади.

Важнейшие элементы материальной культуры сарматов реконструируются главным образом по материалам погребений.

Вооружение сарматов вначале было сходно со скифским и савроматским, но со временем модифицировалось, отражая прежде всего совершенствование конного боя. При этом увеличивалась массивность наступательного вооружения. Именно в сарматский период бронзовые втульчатые наконечники стрел постепенно сменяются железными черешковыми. Копья также имеют железные наконечники, которые постепенно становятся все более массивными и длинными; удлиняются и древки копий, в результате чего копья достигают трех и более метров, что повышает их эффективность в конном бою. Кинжалы и мечи были железными, первоначально с узким серповидным или ломаным, реже прямым навершием и прямым перекрестьем. Появились всаднические мечи: длинные, с прямым перекрестьем в виде узкого бруска. Затем распространились мечи с кольцевидным навершием, а еще позже — с рукоятью-штырем без металлического навершия и металлического перекрестья. Некоторые мечи были сформированы сваркой внахлест; шире практиковалась цементация. По-прежнему использовались железные чешуйчатые панцири.

В конском снаряжении сначала господствовали железные удила скифского типа и железные псалии — С-видные или прямые стержни с двумя отверстиями. Затем появились железные удила с дополнительными кольцами, которые вращались свободно, а к ним крепились ремни оголовья и повод.

С III в. до н.э. до I в. н.э. были популярны богатые наборы сбруи с серебряными круглыми или полушарными бляхами — фаларами, украшенными растительными, зооморфными или мифологическими сюжетами.

Сарматская культура. Вооружение, конское снаряжение, сосуды:
1–3 — железные мечи; 4 — бронзовый наконечник стрелы с втульчатым креплением; 5 — железный наконечник стрелы с черешковым креплением; 6 — костяной наконечник стрелы с черешковым креплением; 7 — костяная концевая накладка на лук; 8, 9 — керамические сосуды; 10, 11 — бронзовые котлы; 12 — изображение конного боя на серебряном кубке; 13 — железные удила с кольцами и зажимами для крепления оголовных ремней; 14, 16 — серебряные конские украшения (фалары) с зооморфными изображениями; 15 — реконструкция снаряжения коня; 17 — золотая обкладка рукояти железного кинжала с зооморфными изображениями (инкрустация бирюзой и сердоликом)

Сарматская культура. Одежда, украшения, зеркала:
1, 2 — реконструкция женского костюма и золотая инкрустированная серьга (*по материалам погребения в кургане Соколова Могила на Южном Буге*); 3 — фибула; 4 — пряжка; 5, 6, 7 — бронзовые зеркала; 8 — золотая диадема с инкрустацией цветными камнями и стеклом (*из кургана Хохлач на Дону*)

Керамические сосуды, как правило, производились сарматами без гончарного круга и были плоскодонными и круглодонными. Наиболее распространены шаровидные сосуды, позднее — миски и кувшины, среди

которых встречаются и сделанные на гончарном круге, импортированные в зону сарматской культуры. Ряд сосудов имеет стилизованные зооморфные ручки (чаще всего в виде барана, лошади или кабана).

Основные металлические сосуды сарматов — это бронзовые котлы с яйцевидным или шаровидным туловом, с поддоном или без него, с двумя вертикальными ручками.

И женская, и мужская одежда сарматов в своей основе была близка скифской. Вместе с тем сарматская знать гораздо шире использовала фибулы, поясные пряжки; практиковалось украшение одежды не только золотыми нашивными бляшками, как у скифов, но и нашивными бусами и бисером.

Из украшений также следует отметить браслеты (бронзовые, железные, серебряные, золотые), серьги (бронзовые — кольцевидные и спиралевидные), ожерелья из сердоликовых, янтарных, коралловых, горно-хрустальных и стеклянных бус, а также драгоценные диадемы и гривны.

Известно множество бронзовых зеркал. Сначала они были большие плоские с плоскими ручками, затем с валиком по краю и штырем, на который насаживалась рукоять из дерева или кости. Позже зеркала становятся миниатюрными (в диаметре 3–5 см) с боковой прямоугольной короткой ручкой с отверстием, с коническим выступом и широким бортиком по краю.

Искусство сарматской культуры весьма разнообразно. Особенно интересна торевтика, в которой присутствуют как зооморфные образы (тонкие, схематизированные, обычно сильно изогнутые звери — хищники, драконы, копытные), так и антропоморфные изображения (крылатые гении и др.), а также растительные мотивы. В I в. до н.э. — II в. н.э. господствует так называемый полихромный стиль с ярким колоритом: изделия из драгоценного металла, сделанные с использованием техники филиграни и зерни, инкрустировались камнями-самоцветами, стеклом и цветной эмалью.

* * *

Как уже говорилось, к сарматской эпохе относится лишенная «скифской триады» *позднескифская археологическая культура* Нижнего Поднепровья и Крыма конца III в. до н.э. — рубежа III–IV вв. н.э. В течение всего этого периода скифы, продолжая враждовать с сарматами и находясь то в антагонистических, то в мирных отношениях с северопричерноморскими греками, перенимали у тех и других культурно-хозяйственные новшества, тем самым существенно меняя свой культурный облик. Они постепенно переходят к полуоседлости и оседлости с регулярными выпасами скота и развивают земледелие. У поздних скифов практикуется строительство укреплений (валов, рвов, крепостных стен) и домов с применением каменных кладок примитивного характера. Курганная традиция постепенно уступает первенство обычаю бескурганных захоронений на кладбищах близ поселений, причем многие погребальные конструкции подражают греческим и сарматским образцам. В искусстве ведущая роль переходит от зооморфных к антропоморфным образам и к монументальным формам (фрески в некоторых домах и сюжетные росписи стен склепов).

Центром поздних скифов становится Крым, где обнаружены их крупнейшие поселения — в частности, столица новообразованного Скифского царства — город Неаполь на р. Салгир (в районе современного Симферополя) площадью 20 га. Этот город замечателен прежде всего мощными каменно-сырцовыми крепостными стенами, башнями и воротами, а также несколькими общественными зданиями, построенными в греческом духе, на что указывают такие признаки, как мегаронная планировка, портики с колоннами, черепичные крыши, орнаментация стен фресковой росписью и т.д. Уникален и прямоугольный каменно-сырцовый мавзолей, пристроенный к внешней оборонительной стене и функционировавший с последней трети II в. до н.э. по I в. н.э. Мавзолей содержал захоронения 72 человек — царей и аристократов — с множеством погребальных даров.

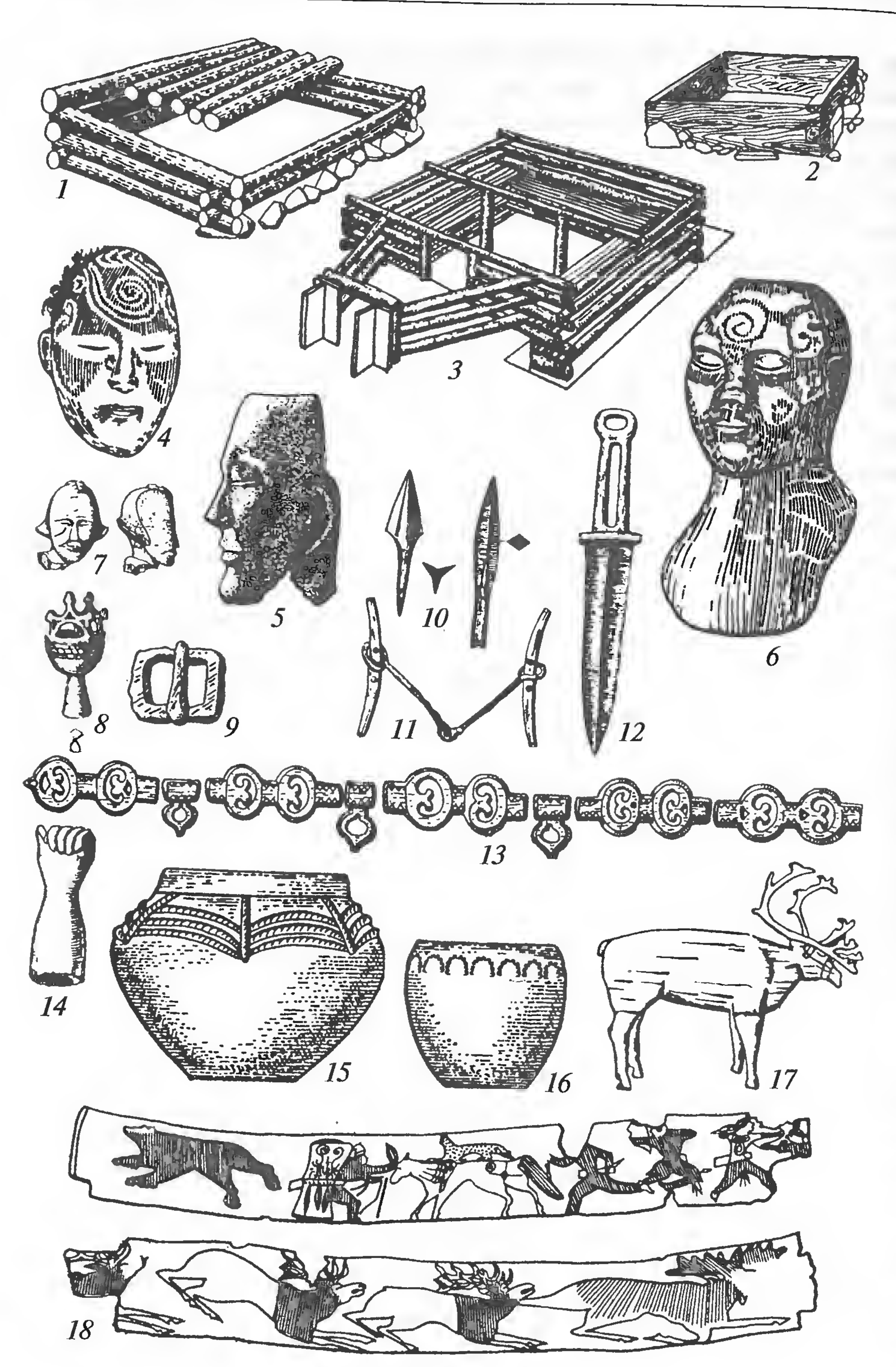
Большинство покойных находились в 37 деревянных дощатых гробах, содержавших как индивидуальные, так и групповые (семейные) захоронения. В мавзолее обнаружен также резной кипарисовый саркофаг, богато украшенный в греческом стиле. С саркофагом традиционно связывается захоронение знатной женщины, однако в последние годы у ряда исследователей возникли сомнения в такой атрибуции. Однако несомненным остается то, что главным и изначальным в мавзолее было захоронение царя в каменной гробнице из мощных тесаных плит. В иной мир царя сопровождали лошади и собака, скелеты которых обнаружены рядом с гробницей.

В III в. н.э. Крымская Скифия как государство исчезает, очевидно, вследствие готской экспансии. Остатки скифского населения уходят в горы Крыма, где возникают соответствующие поселения. Что касается нижнеднепровских скифов, какая-то их часть, возможно, влилась в черняховскую общность. В конце IV в. н.э. в результате гуннского нашествия скифы, видимо, перестают существовать как этнокультурное целое.

Таштыкская культура

Ареал южносибирской таштыкской культуры — Минусинская котловина, где, как уже говорилось, она сменяет тагарскую. Хронологические рамки культуры — II (I?) в. до н.э. — V в. н.э. Вероятно, своим происхождением таштыкская культура обязана взаимовлиянию автохтонных тагарских европеоидов и новых, центральноазиатских тюркоязычных монголоидных групп, проникших в преддверии новой эры в Минусинскую котловину в период массовых миграций, спровоцированных началом политического господства хунну. Возможно, именно создателей таштыкской культуры китайские хронисты именуют динлинами — кочевниками, зафиксированными с III в. до н.э. («рыжеволосые и голубоглазые кочевники» китайских хроник). Также в ее создании, вероятно, участвовали и собственно хунну.

Основными памятниками таштыкской культуры являются ***погребения.*** Они представлены двумя вариантами — индивидуальными захоронениями в грунтовых ямах и коллективными (вероятно, семейными) захоронениями в склепах.

Таштыкская культура:

1, 2 — реконструкция погребальных сооружений из грунтовых могильников; 3 — реконструкция склепа; 4–6 — гипсовые погребальные маски; 7 — деревянная скульптура; 8 — бронзовая подвеска в виде котла; 9 — железная пряжка; 10 — железный и костяной наконечники стрел; 11 — железные удила с деревянными псалиями; 12 — железный кинжал; 13 — бронзовый поясной набор; 14 — бронзовая подвеска; 15, 16 — керамические сосуды; 17 — деревянная фигурка северного оленя; 18 — деревянные планки с резными изображениями на тему охоты и войны

Грунтовые кладбища, включающие от 100 до нескольких сот могил, хотя и не имеют собственных насыпей, но помещаются на возвышенных местах — на склонах сопок или в насыпях курганов предшествующей тагарской культуры. Могильные ямы содержат обкладку из плит или же невысокие срубы с обложенными берестой дном и стенами, перекрытые накатом и также берестой; иногда ямы перекрыты каменными выкладками. Эти погребения в основном соответствуют более раннему периоду культуры, судя по типам заупокойного инвентаря, преемственным по отношению к тагарским вещам. Но есть здесь и прототипы вещей, обнаруживаемых в склепах.

Склепы сооружались обычно группами по два или четыре, причем иногда в пределах тех же грунтовых кладбищ. Таштыкский склеп — это прямоугольная камера из бревен с деревянным полом и потолком, которая возводилась в неглубокой широкой прямоугольной яме-котловане (площадь ямы от 16 до 90 кв.м). К камере спускались ступени или трапециевидный вход-коридор с деревянными стенами. Стены камеры и входа окружались по периметру бревенчатым тыном, который, в свою очередь, был обставлен каменными плитами, образующими стену-крепиду. Сверху на бревенчатое перекрытие камеры могли поместить каменную наброску, а поверх нее из вырытого грунта создавалась невысокая земляная насыпь — усеченно-пирамидальная или округлая.

Видимо, склепы какое-то время сосуществовали с грунтовыми захоронениями. Но в целом, судя по типам вещей, склепы характерны для более позднего периода таштыкской культуры.

Таштыкский погребальный обряд допускал как трупоположение, так и кремацию. Для грунтовых кладбищ в равной мере свойственны оба ритуала. В склепах преимущественно обнаруживаются трупосожжения, но встречаются и трупоположения, причем иногда в том же самом склепе. При этом камеры многих склепов, куда периодически захоранивали новых покойных, после совершения последнего погребения были подожжены.

Таштыкская традиция трупоположения предусматривала предварительную мумификацию. Чаще мумифицировали женщин и детей, реже — мужчин. Мумии укладывались в погребения в зимней одежде с крупными костяными булавками и нашивными амулетами. Они обычно лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад. При мумификации особо заботились о долговременной сохранности головы, для чего трепанировали череп с извлечением мозга (о последнем свидетельствует то, что фрагменты черепной коробки, которые удалялись при трепанации, обнаруживаются внутри черепа). На лицо покойного могли накладывать тонкую белую гипсовую маску, сделанную непосредственно перед погребением и еще не просохшую, вследствие чего на внутренней поверхности масок сохранились волосы и отпечатки морщин. Предполагается также, что маски могли лепить прямо на лице покойного или же на кожаной модели головы. Таштыкские маски часто расписывались глиняными красками: одни из них украшались спиралевидными красными узорами, другие — сплошь

красной, затем сверху черной краской; со временем раскраска усложнилась и обогатилась новыми цветами. Найдены привязные косы каштановых волос, крепившиеся к маскам покойных обоего пола.

Захоронение, связанное с трупосожжением, предполагало кремирование на стороне. Чаще кремировали мужчин. Сожжение было неполным: сохраняли крупные остатки костей. В одних случаях эти кости помещали в кожаный или берестяной мешочек, который, в свою очередь, зашивали в человекоподобное чучело-манекен, имитирующее сожженного покойника, и это чучело в зимней одежде укладывали в погребение. Чучело делалось из травы и обшивалось кожей, а также, возможно, берестой и материей; при этом лица либо рисовали, либо обозначали рот и глаза впадинами и пришивали брови и нос. На лица манекенов, как и на лица мумий, могли накладывать тонкие белые маски. В других случаях прах сожженного человека непосредственно помещали в могилу — в специальные «гнезда», либо в кучки, либо в сосуды или берестяные короба. Этот прах могли сопровождать массивные гипсовые маски-бюсты, отражавшие индивидуальные черты кремированного человека.

Напутственная пища в погребениях представлена напитками в глиняных сосудах и растительной пищей, а также кусками мяса (чаще овец). В могилах преобладает вотивный инвентарь (уменьшенные модели вещей). Эта традиция уходит в тагарское время, где первые вотивы появились и начали вытеснять обычные изделия из инвентаря погребений, видимо, еще в V в. до н.э. Но в отличие от тагарцев, в могилах которых много моделей оружия и ножей, таштыкцы практически не клали в могилы ни реальные, ни моделированные предметы вооружения. Инвентарь погребений включает также набор сосудов — как керамических (кубки, банки, сферические сосуды), так и деревянных.

Большинство детских погребений отличаются от взрослых. Они находятся на окраине грунтовых кладбищ или вокруг склепов. В них, как правило, нет кремации и мумификации: детей заворачивали в бересту и клали в могилу на спине или на боку, чаще без вещей, реже — с сосудами и астрагалами[1] косули или овцы. Вместе с тем известны и немногочисленные примеры кремирования детей на стороне с последующим захоронением, в том числе и с погребальными масками.

Наряду с погребениями к ритуальным сооружениям таштыкской культуры относятся ***жертвенно-поминальные комплексы*** на окраинах грунтовых могильников или у склепов. Поминки происходили, очевидно, следующим образом: сначала в жертву приносили животное, затем следовало пиршество, после чего часть пищи посвящалась поминаемому. Для этого ставили каменный столб, перед ним напитки в горшках, куски баранины или говядины на деревянных блюдах — судя по остаткам костей, от одного-двух кусков до одной-двух рубленых туш.

Таштыкские ***поселения*** малоисследованны и малоинформативны, с тонким культурным слоем. Таштыкцы жили в основном в полуземлянках,

[1] Астрагал, или альчик — надкопытная кость мелкого и крупного рогатого скота, используемая для разнообразных игр.

внутренние стенки которых обставлены плитами и срубом, внешние — кладкой из плит; крыша опиралась на балки и столбы, облицовывалась дерном и плитами. Наземные жилища встречаются редко. Вместе с тем в лесостепной зоне они более часты (Михайловское поселение).

Основу **хозяйства** создателей таштыкской культуры составляло ***комплексное скотоводство*** с разведением крупного рогатого скота, а в притаежных районах — северного оленя. Быки являлись тяглом (на одной из деревянных планок в склепах есть рисунок в упряжке). Разводили и других животных, в том числе лошадь. Исследованы каналы для водопоя скота и орошения пастбищ.

О наличии земледелия, носившего, впрочем, подсобный характер, свидетельствуют находки на поселениях зернотерок и мотыг из камня и кости, а в погребениях — мелких зерен типа проса, посыпавшихся на головы покойников. Таштыкцы практиковали также черную и цветную металлургию, литейное и кузнечное дело, охоту на косуль, маралов и на пушного зверя. Их керамическое производство еще не знало гончарного круга.

В зоне таштыкской культуры на среднем Енисее обнаружен замечательный памятник, связанный, очевидно, с политическим господством хунну. Это дворец на р. Ташебе под Абаканом размером 35×45 м, т.е. общей площадью 1575 кв.м. У здания были глинобитные стены до 2 м толщиной, сохранившиеся на высоту до 1,5 м. Здесь было найдено 16 помещений (а всего их первоначально было, видимо, 20): центральный зал площадью 12×12 м, окруженный анфиладами из 18 комнат, а с юга — вестибюль с единственным входом в здание. Крыша четырехскатная, двухъярусная крытая черепицей, изготовленной по китайским образцам, о чем свидетельствуют ее форма и укладка: для прикрытия продольных стыков между рядами плоских черепиц, составлявших основу кровли, сверху вниз по крыше были проложены особые, полуцилиндрические черепицы, нижние из которых завершались дисками с иероглифическими надписями, возглашавшими, в частности, здравицы в честь китайского императора. Свешиваясь с нижнего края кровли, эти диски прикрывали торцы деревянных стропил каркаса крыши. Отоплением служили подпольные трубы-дымоходы (керамические), идущие от печи, которая, вероятно, находилась в южной части здания. При раскопках дворца найдена также керамика хуннского типа (например, с валиками сверху) и ряд китайских вещей ханьской эпохи — в частности, лакированная посуда и т.д. В архитектуре дома проявляются не только китайские, но и определенные среднеазиатские строительные традиции. Вероятно, дворец был возведен с учетом китайских традиций людьми из Средней или Западной Азии, а также самими хунну и, конечно, местными жителями — создателями таштыкской культуры. Скорее всего он был сооружен в первой половине I в. до н.э.

Существует предположение, основанное в первую очередь на данных китайских письменных источников, что этот дворец мог принадлежать бывшему китайскому военачальнику по имени Ли Лин, захваченному в плен хунну и служившему им в данном районе в качестве наместника Саяно-Алтайского удела с центром в «земле Хагас».

Культура хунну III в. до н.э. — I в. н.э.
(_по материалам Забайкалья и Монголии_)

Формирование археологической культуры народов, именуемых в китайских письменных источниках «хунну» («сюнну»), современные исследователи датируют V–III вв. до н.э. и связывают этот сложный процесс с территориями к востоку от Байкала, с Монголией, Южной Маньчжурией и с меньшей вероятностью — Ордосом. В конце III в. до н.э., согласно китайским источникам, возник мощный союз хуннских племен под главенством Маодуня (Мо Дэ), постепенно подчинивший себе значительную территорию. В результате памятники хунну появились также в Прибайкалье, Туве, Минусинской котловине и на Алтае, где под их влиянием на смену традиционным культурам скифской эпохи пришли новые.

Постепенное ослабление политического могущества хунну, начавшееся в I в. до н.э., проявилось в распаде их государства в 55 г. до н.э. на северную и южную части, в немедленном подчинении южных хунну Китаю и в разгроме северных хунну в Средней Азии китайскими войсками в 36 г. до н.э. Последовавшее затем новое объединение ряда хуннских племен оказалось непрочным, и в 48 г. н.э. состоялся окончательный раскол на южных хунну, интегрированных в Ханьскую империю, и северных, сохранивших независимость. Последние, неуклонно слабевшие под ударами различных соседей, постепенно смещались в Юго-Западную Сибирь, Западную Монголию и Восточный Туркестан, а с середины II в. н.э. — далее на запад в Восточный Казахстан и Семиречье. Наконец, хунну обосновались в Западном Казахстане и Западной Сибири (вплоть до Зауралья), где в результате их смешивания с местными финно-угорскими и ираноязычными элементами в III–IV вв. н.э. постепенно сформировался своеобразный полиэтничный массив, который в конце IV–V вв. н.э. осуществил масштабное завоевательное вторжение в Восточную, а затем в Среднюю и Западную Европу. Это и были те самые гунны, которые хорошо известны по описаниям римского историка IV в. н.э. Аммиана Марцеллина и других авторов. Сохранившие этноним своих предков — хунну, гунны значительно отличались от них в этнокультурном отношении.

Основными памятниками хунну Забайкалья и Севера Монголии являются поселения и погребения. ***Поселения*** представлены не только селищами, но и городищами, что соответствует свидетельствам некоторых китайских письменных источников о наличии у хунну мощных укреплений. Наиболее известным является Иволгинское городище в Бурятии около г. Улан-Удэ на р. Селенге. Его общая площадь достигает 70 тыс. кв.м. Городище укреплено четырьмя рядами валов с частоколами, а между валами находятся три ряда рвов. Въезды на городище запирались воротами из бревен. Жилища на Иволгинском городище расположены правильными рядами, параллельными южной линии валов и образовывавшими квадратные гнезда-кварталы, разделенные дренажными канавами. В основном это прямоугольные полуземлянки площадью 4×5 м. Их стены были сырцовыми или глинобитными, либо плетневыми с глиняной обмазкой. Потолок был деревянным, покрыт берестяными полотнищами, прутьями и дерном или же обмазан глиной; опорой для него служили балки с поперечными брусьями, опиравшиеся на столбы, вмазанные в стены. Эти балки служили основой для двускатной кровли, конек которой поддерживался столбами с северной и южной сторон. В северо-восточном углу жилища помещался очаг

или печь из каменных плит, обмазанная глиной. Существовала специальная система отопления жилища по подобию китайского кана: от печи вдоль северной и западной стен проходил дымовой канал из каменных плит, а в юго-западном углу жилища была вытяжная труба из долбленого ствола дерева. Рядом с дымоходом помещались нары или лежанки. В полу, покрытом глиняной обмазкой, находились ямы-погребки.

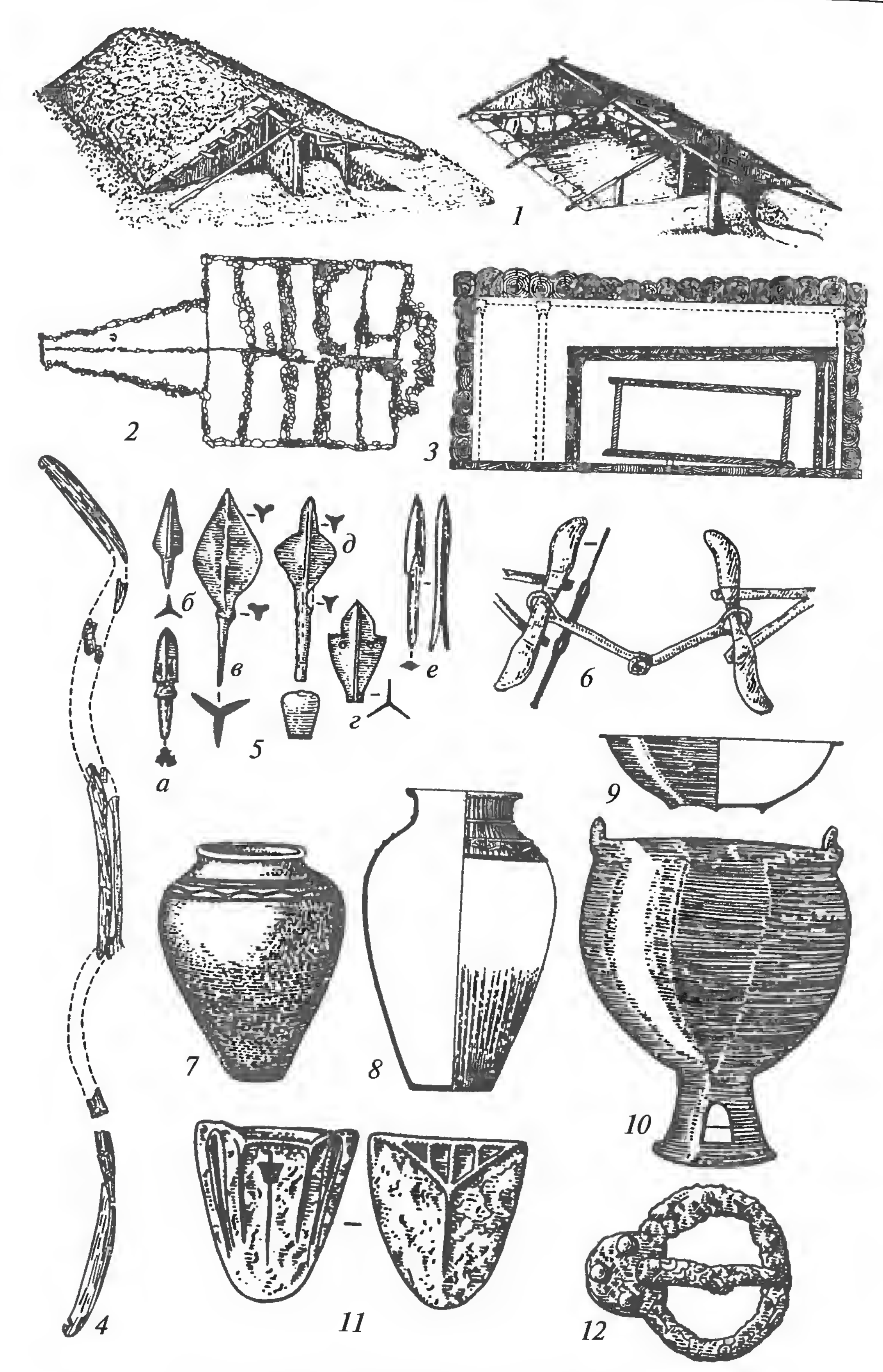
Наряду с такими благоустроенными жилищами хунну пользовались шалашами и юртами. Возможно, у них были и цельнодеревянные жилища, косвенным свидетельством чему являются могильные срубы.

Погребения хунну были как бескурганными с каменной выкладкой вокруг погребальной ямы, так и подкурганными. Курганы у хунну большие и малые, округлые и подквадратные в плане, стоят близко и иногда сливаются, образуя один большой курган. От насыпи могут отходить каменные полосы, из-за которых такие курганы получили название «курганы со шлейфом» (у одного из курганов Ильмовой пади длина шлейфа составляет 33 м).

Практиковалось трупоположение, причем большинство погребенных лежали вытянуто на спине головой на север в четырехугольных дощатых гробах, расширенных в головной части. Иногда в могилах сохраняются ткани, в основном китайские, обтягивавшие гробы.

Гроб ставили в яму, иногда содержавшую дополнительный деревянный сруб-гробовище. Погребальная пища в глиняных сосудах и вне их обычно помещалась в головах погребенного рядом с гробом; иногда это место отделялось специальной деревянной перегородкой. В качестве жертвенных животных использовали в основном баранов, реже коров и свиней, о чем свидетельствуют соответствующие костные остатки. Иногда в могилах обнаруживаются также кости собак и рыб. Кроме того, в погребения помещали вооружение (лук и стрелы), различные изделия из кости и др.

Особый интерес представляют курганы в горах Ноин-Улы в Монголии. Среди них выделяются богатейшие захоронения знати. Хуннские аристократы были погребены под относительно небольшими каменно-земляными квадратными насыпями (высота 1,5–3,5 м, площадь не более 35×35 м) в огромных глубоких квадратных ямах, которые уступами сужаются ко дну с трех сторон, тогда как четвертая сторона оставлена пологой. Площадь ям по верху составляет 12×13 м, по низу 3,5×4,5 м, глубина от 6 до 14 м. Вход в такую яму образован наклонным дромосом длиной от 12 до 22 м, подходящим к яме с юга и также перекрытым каменно-земляной насыпью типа «шлейфа». Каждая яма содержала две деревянные камеры-сруба — наружную и внутреннюю, с полом, сложенным из тесаных бревен; каждый сруб перекрыт такими же бревнами. Срубы вытянуты с севера на юг, причем их южные стены примыкают друг к другу вплотную, а между северными оставлено пространство — коридор, в который помещался инвентарь погребенного. Гроб с покойным стоял внутри меньшего сруба, обычно на ковре; снаружи гроб лакировался и расписывался (сохранились остатки лака и краски); как пишет Сыма Цянь, хунну «покойников хоронят в гробе; употребляют наружный и внутренний гробы, облачение из золотой и серебряной парчи и меховое». Пол погребальных камер был из крупных плах и устилался войлочными коврами, стены драпировались тканями. В одном из ноинулинских курганов знати (№ 6) найдена деревянная лакированная чашечка с китайскими надписями, называющими месяц и год правления соответствующего династа (Цзянь Пина), в который была сделана чашечка. Это дает основание датировать данный курган рубежом эр, и та же дата, видимо, относится и к другим курганам знати, учитывая их единообразную конструкцию и сходство инвентаря.

Культура хунну Забайкалья и Монголиии:
1 — реконструкция внешнего вида и интерьера жилища хунну (*Иволгинское городище*); 2 — каменная конструкция погребальной ямы с дромосом под курганом в Ильмовой пади; 3 — разрез двойной погребальной камеры с гробом под курганом в Ноин-Уле; 4 — реконструкция лука хуннского типа с центральной и концевыми накладками из кости; 5 — наконечники стрел (а — бронзовый с железным черешком, б–г — железные, д — железный с костяной насадкой на черешок, е — костяной); 6 — железные удила и псалии; 7, 8 — керамические сосуды; 9, 10 — бронзовые сосуды; 11 — чугунный наральник; 12 — железная пряжка

Ведущие формы материальной культуры хунну представлены прежде всего вооружением. Основным оружием хунну был лук длиной до 1,5 м, сложносоставной, из нескольких слоев дерева, с двумя концевыми и тремя срединными костяными накладками. Луки данного типа, как уже говорилось, нашли широкое распространение: в III–I вв. до н.э. их заимствовали лесостепные культуры Западной Сибири, а затем в первой пол. I тыс. н.э. их стали изготавливать на Алтае. Стрелы хунну своеобразны и разнообразны, с березовыми древками и оперением из орлиных перьев. Их наконечники делались в основном из железа и кости, реже из бронзы. Наиболее эффективными были железные наконечники, которые крепились к древку с помощью черешка; их перо было трехлопастным или плоским, в плане листовидно-ромбическим, треугольным или ярусным. Трехлопастные железные и бронзовые наконечники стрел могли иметь отверстия в лопастях для свиста. Для той же цели на основание черешка железной стрелы иногда насаживалась костяная бочонковидная накладка с тремя отверстиями. Копья имели железные наконечники в виде массивного заостренного конуса с округлой втулкой. Мечи хунну известны только из упоминаний в письменных источниках. Найдены чешуйчатые панцири с железными и костяными пластинками, а также бронзовые латы-наручья.

Хорошо изучено конское снаряжение хунну. Удила у них железные, с большими внешними кольцами или петлями. Они сочетались с двудырчатыми псалиями из железа, рога, кости. Известны уздечные пряжки и бляхи — железные, бронзовые и костяные. Седло получило жесткий каркас: известны скрепленные между собой деревянные седельные луки (например, в курганах Ноин-Улы), высота которых нарастала со временем; найдены также войлочные потники, кожаные чепраки. Использовались двух- и четырехколесные повозки, от которых сохранились бронзовые наосники, а также части деревянных ободов.

Сосуды хунну весьма специфичны, их находки многочисленны и на поселениях, и в погребениях. Они делались не только из керамики, но также из бронзы и дерева.

Керамические сосуды делались как вручную (в основном это кухонная посуда), так и на гончарном круге. Поверхность сосудов заглажена или залощена. Характерны горшки с отогнутым венчиком и выпуклыми плечиками, большие кувшины-зернохранилища, иногда с вентиляционным отверстием в придонной части, узкогорлые кувшины с раздутым туловом, миски с отогнутым краем, корчаги. Сосуды орнаментированы по верхней части тулова одной или несколькими горизонтальными врезными волнистыми линиями или валиками. Эти линии пересекаются с вертикальными линиями или валиками, а также с вертикальными или косыми полосами лощения. Есть и более сложные комбинации. Такое сочетание волнистого орнамента и лощения полосами свойственно только керамике хунну.

Замечательны деревянные чашечки с горизонтальной ручкой китайского типа — овальные в плане, они покрыты лаком и украшены геометрическими, зооморфными и антропоморфными изображениями. Известны

также каменные и керамические чашечки такого типа. Распространены также бронзовые сосуды: миски с округлым дном и на поддоне, а также характерные котлы на коническом прорезном поддоне с округлыми, позднее — прямоугольными ручками.

Известны разнообразные орудия труда хунну, связанные с земледелием, животноводством и другими занятиями. На Иволгинском городище и в других местах найдены чугунные наральники для деревянного рала с одной рукоятью. Они имеют отверстие для чеки, крепившей их к полозу. Они отлиты на месте, о чем свидетельствуют находки глиняных форм. Использовались железные ножи — короткие с черенком, вставленным в роговую ручку. Также известны: железные мотыги, лопаты, серпы, топоры, тесла, молотки, а также оселки, шилья, иглы, гарпуны, крючки, грузила, зернотерки. Интересны приборы для разведения огня, состоящие из деревянной доски, деревянной палочки-сверла, костяного упора для сверла и лучка для вращения сверла (из дерева или ребра крупного животного).

Одежда хунну известна в основном по материалам из курганов Ноин-Улы. Это распашные кафтаны и шаровары из шерстяных и шелковых тканей, мягкие сапоги из войлока и кожи, островерхие колпаки, шапки с наушниками. Одежда и обувь украшались вышивкой и аппликациями из кожи и меха. Украшениями также служили бусы — как импортные стеклянные, так и местные из полудрагоценных камней и кости. В качестве предметов туалета и ритуала использовались бронзовые китайские зеркала.

Искусство хунну — декоративно-прикладное (основные материалы: дерево, кость, бронза, войлок, камень). Основу образного репертуара составляли зооморфные изображения: горный баран, горный козел, лось и северный олень, а также благородный олень, волк, медведь, кошачий хищник, хищная птица с ушами, як, бык, лошадь. Распространены многофигурные композиции: терзание копытных хищниками, единоборство лошадей или же яка с рогатым львом, борьба хищников с хищниками (за добычу?) — например, хищная птица нападает на тигра, терзающего копытное и т.д. Существуют также растительные и геометрические мотивы: узор из листьев, трансформация копыт и лап в листья; волнистые линии, спирали и меандровые сочетания, образующие решетки. Распространены изображения в рамках, чаще ажурные — характерная черта искусства хунну. Как и в скифскую эпоху в Туве и на Алтае, у хунну практикуется вырезание изображений на деревянных предметах с последующим покрытием золотым листком.

2.3. РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК В ЛЕСОСТЕПНОЙ И ЛЕСНОЙ ЗОНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Общая характеристика

Население лесной и лесостепной зон Восточной Европы в раннем железном веке было оседлым и занималось в основном животноводством и земледелием. Этноязыковая ситуация в этом регионе была достаточно сложной.

В верховьях Днестра и Южного Буга, в бассейне Среднего Днепра, верховьях Северского Донца и на Среднем Дону локализуются археологические культуры, создатели которых, с одной стороны, этнически и культурно восходили к населению позднебронзовой эпохи, с другой — испытывали в IX–IV вв. до н.э. интенсивные степные влияния со стороны киммерийцев и сменивших их скифов. На Днестре и Ю. Буге это были, вероятно, северофракийские племена, в лесостепи Поднепровья, Подонцовья и Подонья — возможно, соответственно праславяне, балты и финно-угры. Особенно активными были их контакты со скифами, которые в одних районах лесостепи подчинили местное население политически и даже частично расселились в единой зоне с ним, в других — не доминируя, все же оказывали большое культурное влияние. Следствием было распространение здесь комплекса «скифской триады», а также курганного обряда и иных элементов скифской погребальной практики (см. об этом выше, в связи с характеристикой скифской культуры).

Леса между Западным Бугом и верховьями Оки и Волги, лесостепь бассейнов Десны и Сейма были в скифское и сарматское время заселены преимущественно племенами, относимыми к протобалтской языковой группе и связываемыми с археологическими культурами «штрихованной керамики», западнобалтских курганов, днепро-двинской, юхновской и милоградско-подгорцевской. При этом в Верхнем Поднепровье, в правобережье Среднего Днепра и в Припятском Полесье в последние века до н.э. — I в. н.э. в рамках описываемой ниже зарубинецкой культуры (сменившей милоградско-подгорцевскую) шли процессы славянского этногенеза; впрочем, существует мнение, что в указанный период данный процесс мог протекать в бассейне Вислы. В III–IV вв. н.э. дальнейший этногенез славян, вероятно, осуществлялся в Среднем Поднепровье в рамках киевской культуры и черняховской культурно-исторической области. Последняя сложилась в лесостепной и степной зоне Поднепровья и в сопредельных районах в условиях мощного нивелирующего влияния римской провинциальной культуры, в особенности культуры придунайских провинций Римской империи. В IV в. н.э. население черняховской области вошло в державу Эрманариха, возглавляемую готами. Таким образом, черняховская область включала в себя различные этноязыковые группы — славянскую, германскую (готскую), иранскую (сармато-скифскую) и др. (подробнее см. в разделе IV).

К востоку и северо-востоку от протобалтских и праславянских культур, от Балтики до Среднего Поволжья, распространена область финно-угорских лесных культур VIII–VII вв. до н.э. — III–IV вв. н.э. с «текстильной» и «рогожной» керамикой, названных так по способу нанесения орнамента на глиняной посуде. Крупнейшие из них — городецкая культура VI/V в. до н.э. — III/IV в. н.э. в Среднем Поочье, Среднем Поволжье и верховьях Дона и характеризуемая ниже дьяковская культура в Волго-Окском междуречье и в Заволжье (ее западная часть, возможно, включает и балтское население). К востоку от дьяковской культуры, в бассейне Камы до ее впадения в Волгу, на прилегающих средневолжских территориях и на северо-востоке Европы, в предскифско-скифский период располагалась

финно-угорская ананьинская культурно-историческая область. Для культур ананьинской области характерны гладкостенная ямочно-гребенчато-зубчатая, гребенчато-шнуровая и шнуровая круглодонная керамика и своеобразные типы бронзовых топоров-«кельтов». Основу хозяйства составляло придомное животноводство, а на севере, в бассейнах Северной Двины, Мезени, Вычегды и Печоры, — охота и рыболовство. В период, примерно соответствующий переходу от скифской к сарматской эпохе, ананьинская область эволюционировала в пьяноборскую.

Зарубинецкая культура

Данная археологическая культура весьма показательна с точки зрения сложности и многообразия этноязыковых процессов, характерных для лесной зоны Восточной Европы. В рамках зарубинецкой культуры, вероятно, имели место процессы славянского этногенеза. Вместе с тем существует мнение, что население зарубинецкой культуры могло быть балтоязычным. Кроме того, как уже говорилось, данная культура находится на самой восточной границе латенской культурно-исторической области и соответствует основным признакам латенизированных культур, что скорее всего вызвано не приходом сюда неких кельтских групп, а лишь их опосредованным культурным воздействием. В целом зарубинецкая культура, вероятно, представляет собой новообразование, возникшее в результате взаимодействия и смешения местных племен с неоднократно проникавшими сюда с северо-запада, запада и юга группами разнородного населения.

Хронологические рамки зарубинецкой культуры, по последним данным, — рубеж III–II вв. до н.э. — середина I в. н.э. Племена, оставившие памятники зарубинецкой культуры, обитали в Припятском Полесье, в правобережном Среднем и Верхнем Поднепровье и на Левобережье Днепра до бассейна Среднего Сейма.

Памятники зарубинецкой культуры представлены поселениями и могильниками. Известны как укрепленные, так и неукрепленные ***поселения*** — как правило, в поймах рек, на речных террасах или на возвышенных останцах[1] в долинах рек или же на мысах. Городища укреплены рвами и валами, иногда с неясными деревянными конструкциями (частоколами?). Небольшие прямоугольные наземные или углубленные жилища с очагом по центру имели в северной зоне зарубинецкой культуры бревенчатые стены, тогда как в южной — плетневые с глиняной обмазкой на столбовой основе.

Могильники зарубинецкой культуры — это типичные бескурганные «поля погребений». В неглубоких ямах непосредственно на земле или в сосудах-урнах хоронили прах кремированных на стороне людей, причем кости тщательно очищали от погребального костра. Прах мог сопровождаться керамическими сосудами, оружием, орудиями труда, украшениями (обычно фибулами), иногда ритуальной пищей (несожженные кости свиней, коров или баранов). Трупоположение практиковалось зарубинецкими племенами гораздо реже.

[1] Останец — изолированная возвышенность в долине реки, образовавшаяся вследствие изменения русла, приведшего к отделению выступа коренного берега или террасы.

Зарубинецкая культура:

1, 8, 14, 21, 22 — керамические сосуды; 2–4 — бронзовые булавки; 5 — бронзовое височное кольцо; 6 — бронзовый браслет; 7 — бронзовая пряжка; 9, 10, 15 — бронзовые фибулы; 11 — железный рыболовный крючок; 12 — глиняное грузило; 13 — керамический тигель; 16 — железный серп; 17 — железный черешковый наконечник стрелы; 18 — железный нож; 19 — железная шпора; 20 — железный топор-«кельт»; 23 — железная коса; 24 — керамические пряслица; 25 — железный наконечник копья

Хозяйство и ведущие формы материальной культуры. Основу хозяйства племен зарубинецкой культуры составляло ***земледелие*** — очевидно, подсечно-огневое и переложное — с использованием деревянного рала без железного сошника. Применялись железные слабоизогнутые серпы и каменные зернотерки. Культивировали просо, ячмень, некоторые разновидности

пшеницы (сохранились зерна и отпечатки зерен на стенках сосудов), репу, лен и коноплю. Значительную роль играло придомное *скотоводство:* разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней и лошадей. Для заготовки сена использовали короткие железные косы. Практиковалась также охота с собакой — как мясная, так и пушная. Были широко развиты черная и цветная металлургия и металлообработка. Железо восстанавливали из местной болотной руды в специальных глинобитных горнах, остатки которых обнаружены на поселениях. Зарубинцы освоили цементацию и технику пакетирования. Остатки кузнечных шлаков обнаружены практически на каждом поселении. Но известны и специализированные поселения металлургов.

Бронзу, поступавшую в основном из северопричерноморских античных колоний, плавили в глиняных тиглях, лили в формы с помощью остродонных льячек, а также ковали, чеканили, подвергали протяжке. О ткачестве свидетельствуют пирамидальные или конические глиняные грузила для станков и биконические глиняные пряслица.

В керамическом производстве еще не использовали гончарный круг с ножным вращением (при этом чернолощеная посуда подправлялась на ручном круге), но формы сосудов весьма разнообразны. Это в первую очередь горшки, а также корчаги (емкостью до 20–30 литров) для хранения припасов, сковороды для выпечки лепешек, миски и кувшины. Сосуды декорировались насечками и вдавлениями по краю, валиком с ямочными вдавлениями на корпусе, налепными псевдоручками-подковками, расчесами, зубчатым штампом. Известно также орнаментальное сочетание лощеных и намеренно ошершавленных зон. Кроме того, до 15% керамики, обнаруживаемой на зарубинецких поселениях Среднего Поднепровья, составляют привозные гончарные сосуды, в основном античные амфоры.

Хотя на зарубинецких памятниках редко встречаются предметы вооружения и конского снаряжения, очевидно воздействие на местную культуру соответствующих кельтских и сарматских традиций. Латенское влияние ярко проявляется, помимо того, в погребальном обряде, керамическом комплексе и в элементах костюма — в украшениях и деталях одежды. В этом отношении надо прежде всего выделить многочисленные фибулы из бронзы и железа (их известно уже около 700). Во II–I вв. до н.э. они производятся здесь по латенскому образцу, а в I в. н.э. сюда из римских провинций поступают фибулы новых типов. Наиболее распространены и считаются специфично зарубинецкими фибулы, возникшие на базе латенской схемы, но с нетипичной для нее треугольной пластиночкой, напускаемой на спинку фибулы. К распространенным типам украшений относятся также бронзовые одежные булавки — посоховидные и со спиральным многовитковым завершением, бронзовые браслеты и кольца, железные подковообразные фибулы. Стеклянные разноцветные бусы привозились из северопричерноморских античных центров.

Исчезновение зарубинецкой культуры как археологического феномена, очевидно, обусловлено миграциями ее племен под влиянием экологических факторов и сменой материального комплекса в новых зонах расселения под культурным воздействием аборигенов этих новых районов. После этого в зарубинецком ареале, а также в бассейне Десны, в Смоленском Поднепровье, в верховьях Западной Двины, в бассейне Северского Донца и на Верхнем Хопре, в Прикарпатье, на Волыни и в устье Дуная появились новые, так называемые позднезарубинецкие памятники (середина I–II в. н.э.). В ареале этих памятников, по мнению ряда исследователей, последующие процессы славянского этногенеза протекали в рамках киевской и черняховской культур.

Дьяковская культура

В последнее время дьяковская культура Волго-Окского междуречья и Верхнего Поволжья датируется в пределах VI в. до н.э. — IV/V вв. н.э., хотя сохраняется и традиционное мнение о более широких рамках ее существования — с VIII в. до н.э. по VII в. н.э. В любом случае наиболее интенсивная жизнь на поселениях дьяковской культуры относится к периоду V в. до н.э. — IV в. н.э.

В этноязыковом отношении население этой культуры было изначально финно-угорским, а затем на этот субстрат наслаивается балтский элемент в результате продвижения балтских племен с запада на восток. Соответственно исследователи делят данную культуру на восточный регион, где преобладал финно-угорский элемент, и западный, где наряду с этим элементом был значителен балтский компонент.

Создатели дьяковской культуры были предками мери и веси — финно-угорских народов раннего Средневековья. Кроме того, на финальной стадии существования дьяковской культуры с ее создателями, очевидно, вступили в контакт славяне, пришедшие в Волго-Окское междуречье.

Дьяковская культура известна почти исключительно по ***поселениям.*** Известны уже около пятисот дьяковских селищ и городищ, тогда как погребальные памятники исследованы крайне недостаточно. Основная информация о дьяковской культуре получена в результате раскопок ***городищ*** (их известно более двухсот), которые чаще всего занимают естественно укрепленные места — мысы у слияния рек и между оврагами либо останцы. Площадь их невелика, но заселены они достаточно плотно. Начало жизни на городищах — не позднее VI в. до н.э., запустение — в V–VI вв. н.э. Самые известные из них: Дьяково у сел Дьяково и Коломенское (ныне в черте Москвы), Троицкое под Можайском, Щербинское под Подольском, Настасьино под Коломной и т.д. Их оборонительная система постоянно совершенствовалась. Вначале защитой большинства городищ служили вал (иногда с частоколом по гребню) и ров. Со временем число валов некоторых городищ возросло до двух-трех. Местами использовалась и система жилых стен, формируемая многокамерными жилищами, размещенными по периметру поселения и служащими дополнительными укреплениями. Жилищами преимущественно служили прямоугольные наземные срубные и плетнево-столбовые дома — в основном многокомнатные (так называемые «длинные дома»), со временем сменившиеся однокомнатными.

Погребения известны только в связи со средним и поздними этапами существования дьяковской культуры. Это «домики мертвых» — срубы, содержащие сосуды с остатками кремации, произведенной на стороне.

Для **хозяйства** дьяковцев был характерен ***земледельческо-скотоводческий уклад*** при существенной роли рыболовства и охоты. Доказательствами наличия земледелия являются в первую очередь находки серпов, мотыг и зерен (просо, ячмень, пшеница, лен). О скотоводстве свидетельствуют многочисленные кости свиней, коров, лошадей, об охоте — кости пушных и иных зверей, о существовании цветной и черной металлургии — тигли, льячки и крицы.

В совершенстве была развита костяная индустрия (производились орудия труда, рукояти ножей, гарпуны, черешковые и втульчатые наконечники стрел местных типов, зооморфные изображения и т.д.). На рубеже эр становится меньше изделий из кости — больше из металла, в основном из железа. Особенно много серпов и ножей. С рубежа эр широко распространяются местные железные наконечники стрел с двумя шиповидными выступами в основании пера, с черешком для крепления к древку. Начиная со II–III вв. н.э. ассортимент изделий из железа уже весьма широк: это мотыги, косы, клещи, проушные топоры и кельты, шилья, рыболовные крючки. Применяется и бронза — в частности, для браслетов, подвесок и блях.

Характерной чертой дьяковской культуры на ее ранних стадиях является господство сетчатой («текстильной») керамики, более редки сосуды с рогожной поверхностью (создается с помощью гребенчатого штампа, имитирующего ткань), еще реже — со штрихованной поверхностью. Однако примерно в конце II в. до н.э. доля сетчатой керамики сокращается, зато на первый план выходит гладкая грубая посуда с массой примесей в тесте, богато орнаментированная по краю венчика и по верхней части стенок (применяется гребенчатый штамп, защип по верху, прочерчивание); есть и чернолощеные сосуды. В основном характерны горшки — приземистые и вытянутые баночной формы, а также миниатюрные сосудики.

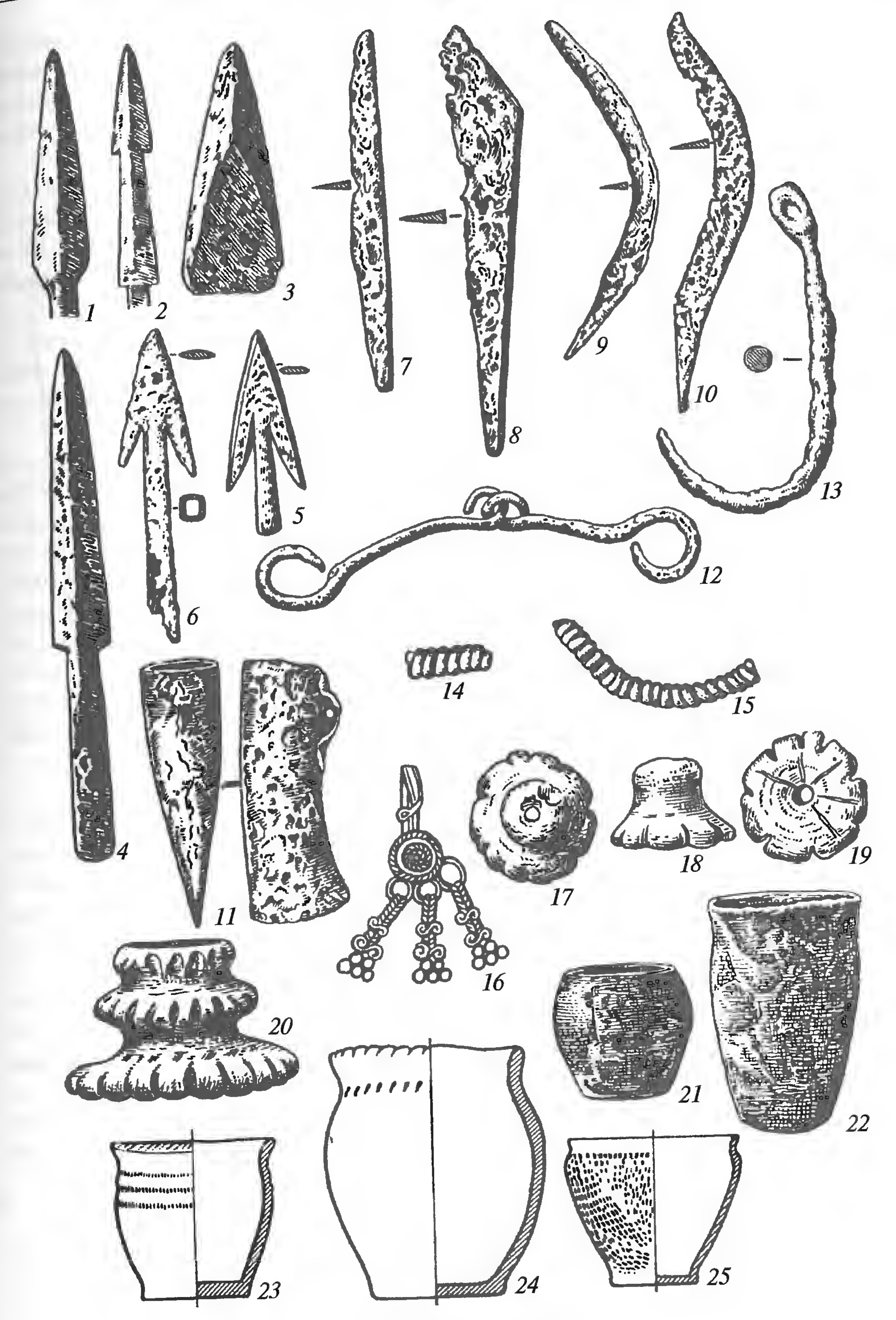
Интересны появившиеся с рубежа эр так называемые грузики «дьякова типа» из глины или кости в форме гриба, усеченного конуса, биконуса или башни из усеченных конусов. У них всегда имеется вертикальный канал и насечка по краю основания. Предположения о назначении этих предметов весьма разнообразны: рыболовные грузила, ткацкие грузики, мера веса, пуговицы, пряслица, крышки жировых ламп, предметы, связанные с почитанием светил и культом предков.

Возможные древние этнонимы создателей дьяковской (по другим версиям — ананьинской и городецкой культур) — иирки и фиссагеты, интересное описание которых как лесных охотников встречается впервые в V в. до н.э. у Геродота.

Ананьинская и пьяноборская культурно-исторические области

К востоку от дьяковской культуры, в бассейне Камы до ее впадения в Волгу, на прилегающих средневолжских территориях и на северо-востоке Европы, локализуется финно-угорская *ананьинская культурно-историческая*

Дьяковская культура:
1–4 — костяные наконечники стрел; 5, 6 — железные наконечники стрел; 7, 8 — железные ножи; 9, 10 — железные серпы; 11 — железный топор-«кельт»; 12 — железные удила; 13 — железный рыболовный крючок; 14, 15 — бронзовые украшения-пронизки; 16 — бронзовая шумящая привеска; 17–20 — керамические предметы («грузики дьякова типа»); 21–25 — керамические сосуды

область, датируемая в пределах IX/VIII–IV/III вв. до н.э. В нее входил ряд археологических культур (собственно *ананьинская, акозинская и постмаклашеевская культуры*), принадлежавших далеким предкам современных пермских и некоторых волжских народов финно-угорской ветви уральской языковой семьи — прежде всего коми-пермяков и удмуртов.

Ананьинская область существенно отличается от других лесных культур гораздо большим количеством бронзы и железа уже в ранний период. Высокий уровень местной цветной металлургии подтверждается находками не только соответствующих изделий, но и местных бронзолитейных орудий, имеющих однотипную форму и орнамент. Что же касается черной металлургии, то, как уже отмечалось выше, южнотаежное Волго-Камье было одним из передовых районов железообработки наряду с Предкавказьем (тесные металлургические связи с которым подтверждены данными металлографического анализа), Закавказьем и лесостепным Поднепровьем.

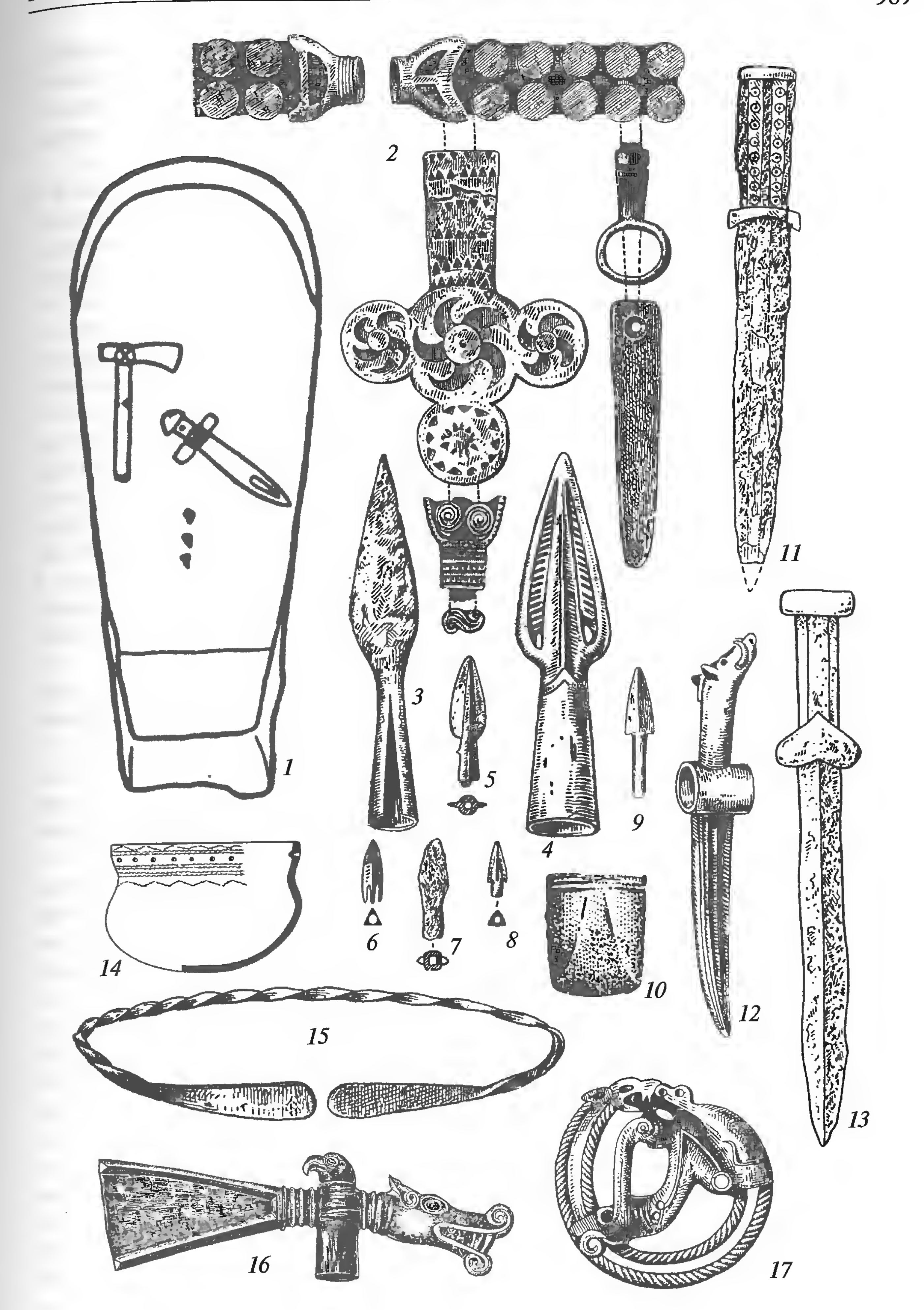
Основа **хозяйства** — ***животноводство*** (состав стада — свиньи, крупный рогатый скот, низкорослые лошади, овцы). Земледелие играет подсобную роль (известны бронзовые серпы, костяные мотыги, зернотерки). Широко практиковалась охота, в том числе на пушных зверей, а также рыболовство.

Основные памятники ананьинской области — поселения и могильники. Большинство ***поселений*** занимают естественно укрепленные места — мысы; известны как городища, так и селища и временные стоянки. Распространена оборонительная система, состоящая из рва и вала, на котором могла стоять бревенчатая стена; иногда валы обкладывали известняковыми плитами. Жилищами служили в основном наземные дома срубной либо каркасно-столбовой конструкции. Известны и длинные дома, разделенные на продольно размещенные жилые отсеки с очагом в каждом.

Могильники бескурганные, размещаются по берегам рек (крупнейшие — Ананьинский, Старший Ахмыловский и др.). Практиковалось трупоположение в ямах (чаще на спине, в вытянутом состоянии), значительно реже — трупосожжение на стороне (с последующим помещением праха в ямы-могилы или же в «домики мертвых», аналогичные дьяковским). Известны и кенотафы.

Изредка для обкладки стен могильной ямы использовали каменные плиты или же сооружали в ямах каменные ящики. Над могилами могли насыпаться небольшие земляные холмики, устанавливаться столбы и даже небольшие срубы-жилища, служившие своеобразным наземным домом для погребенного (либо, в большинстве случаев, закрытого в яме, либо оставленного непосредственно в срубе). Иногда в межмогильном пространстве

Ананьинская культурно-историческая область:
1 — каменная псевдоантропоморфная намогильная плита с изображением боевого топора и кинжала; 2 — бронзовый пояс с бляхами-подвесками и каменным оселком (*реконструкция*); 3, 4 — железный и бронзовый наконечники копий; 5, 6, 8 — бронзовые наконечники стрел; 7 — железный наконечник стрелы; 9 — костяной наконечник стрелы; 10 — бронзовый топор-«кельт»; 11 — биметаллический кинжал; 12 — бронзовый клевец с зооморфным обушком; 13 — железный кинжал; 14 — керамический сосуд; 15 — бронзовый браслет; 16 — бронзовая секира с зооморфными втулкой и обушком; 17 — бронзовая уздечная бляха в виде свернувшегося хищника

или над могилами устанавливались каменные стелы: псевдоантропоморфные столбы с изображением оружия (топора и кинжала) и геометрических знаков, позднее — изваяния в виде человеческих фигур в полный рост с оружием.

Могилы размещаются рядами, в них присутствует напутственная пища, оружие, орудия труда, украшения, керамические сосуды.

Известны также ***жертвенные места*** — как самостоятельные, так и в пределах могильников и поселений. При обнаружении они представляют собой участки с массой пережженных костей животных и предметов обихода. Иногда золой жертвенного костра засыпали дно могилы и самого погребенного.

На основании раскопок поселений и могильников восстанавливается яркая **материальная культура** ананьинцев. Особого мастерства они достигли в цветной и черной металлургии. Многочисленны бронзовые «кельты» и наконечники копий с отверстием в нижней части пера или с рифлением по перу. Хорошо известны мечи и кинжалы. Сначала, в VIII–VII вв. до н.э., они бронзовые и биметаллические, предскифского (киммерийского) типа, а затем, в VI–V вв. до н.э., здесь распространились железные акинаки местного производства. Боевые ножи имели широкий клинок с горбатой спинкой и вогнутым или прямым лезвием. Наконечники стрел костяные черешковые и втульчатые (аналогичные дьяковским), а также бронзовые и железные втульчатые скифо-савроматского типа. Многочисленны боевые чеканы (клевцы) с трубчатой втулкой — как цельнобронзовые, так и биметаллические (с железной боевой частью и бронзовой втулкой).

Оружие и некоторые другие категории изделий порой украшены в местном зверином стиле, возникшем, как и многие местные типы оружия, под скифо-савроматским влиянием.

Керамика ананьинской области лепная. В основном это кругло- и плоскодонные сосуды, декорированные вдавлениями крученого шнура и гребенчатого штампа, а на западе ареала, в зоне контакта с дьяковской культурой — сосуды с «текстильным» орнаментом.

В течение IV–III вв. до н.э. ананьинская культурно-историческая область эволюционировала в *пьяноборскую (пьяноборско-гляденовскую) культурно-историческую область*, существовавшую в III в. до н.э. — II в. н.э. В рамках этой области нашли продолжение и развитие ананьинские традиции фортификации, домостроительства, погребального ритуала и культа. В этот период на многих поселениях, существовавших еще в ананьинскую эпоху, продолжается жизнь, но возникает и много новых укрепленных поселений. Пьяноборские могильники (в том числе у с. Пьяный Бор, давшего название всей археологической культуре) — бескурганные, как и ананьинские. Преемственность пьяноборского погребального обряда по отношению к ананьинскому отразилась, в частности, в сохранении обычая обертывания умерших в луб или бересту. Но появились и захоронения нового типа — в деревянных гробовищах. При этом для пьяноборских погребальных комплексов (в особенности женских) характерно наличие множества украшений и деталей костюма. Это в первую очередь височные подвески в виде вопросительного знака, округлые нагрудные бляхи и в особенности крупные (до 30 см в длину) женские парные поясные застежки эполетовидной формы, состоящие

из двух бронзовых блях, соединенных между собой железными стержнями, обмотанными бронзовыми листками. В погребениях обнаружено также множество стеклянных бус, поступавших в данный район из северопричерноморских античных городов.

Кроме того, для северной зоны пьяноборско-гляденовской области — в Верхнем и Среднем Прикамье — типичными стали ритуальные центры с массовыми жертвоприношениями, дошедшие до наших дней в виде так называемых костищ с остатками глинобитных и каменных площадок, с мощными напластованиями пережженных и непережженных костей животных, с многочисленными вещевыми приношениями. Самое известное костище — Гляденовское близ Перми — содержало около 19 тысяч изделий (украшения, предметы обихода и их модели, культовые статуэтки, монеты), в том числе античного и среднеазиатского производства.

Как и в ананьинскую эпоху, скотоводство оставалось основой хозяйства. Мотыжное земледелие, охота, рыболовство играли подсобную роль. Ананьинскую традицию продолжает и лепная круглодонная чашевидная посуда пьяноборской эпохи с ямочным орнаментом, с хорошо выраженной шейкой, но без утолщения вокруг нее, столь типичного для ананьинского времени.

Наиболее существенные изменения, отразившие эволюцию ананьинской области в пьяноборскую, связаны с дальнейшим развитием черной металлургии. Пьяноборские сыродутные горны своеобразны и представляют собой спаренные ямы, в одной из которых осуществлялся сам сыродутный процесс, а вторая служила предтопочным помещением для накачивания воздуха через глиняные сопла с помощью мехов. Железо в пьяноборскую эпоху практически вытеснило бронзу из сферы производства оружия и орудий труда. Вместе с тем цветная металлургия также совершенствовалась в связи с изготовлением украшений и элементов одежды: каменные литейные формы сменились глиняными, широко распространилась пайка, появилось комбинированное литье. Набор вооружения в культурах пьяноборской области соответствует уже не скифской, а сарматской традиции: в первую очередь это стрелы с железными черешковыми трехлопастными наконечниками, а также с костяными втульчатыми и черешковыми наконечниками.

2.4. РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСОСТЕПНОЙ И ЛЕСНОЙ ЗОН СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Общая характеристика

К востоку от ананьинской культурно-исторической области, в горно-лесных и таежных районах Урала и Западной Сибири находилась зона культур, связанных с протоуграми и протосамодийцами, а к югу от них — зона лесостепных культур Западной Сибири, составлявших северную периферию раннекочевнического мира (южные протоугры).

В лесостепной и лесной полосе Зауралья и Западной Сибири вплоть до V–IV вв. до н.э. сохранялась преимущественная ориентация на цветную

металлообработку, и соответственно эпоха железа здесь началась на два-три века позднее по сравнению с Восточной Европой. Распространению в этом регионе железа, в особенности в зоне описываемой ниже саргатской культурно-исторической общности, способствовало усиление контактов аборигенного населения с ираноязычными кочевниками евразийских степей, в первую очередь с создателями «савроматской» археологической культуры, а также с населением ананьинской культуры Волго-Камья. В рамках иткульской культуры сформировался металлургический очаг, снабжавший окружающие районы, в том числе и создателей «савроматской» культуры, сырьем и изделиями из меди.

Во второй трети I тыс. до н.э. в лесостепной зоне на основе местной позднебронзовой традиции в Зауралье и в Тоболо-Иртышье складываются культуры, относящиеся к раннему железному веку и затем сменившиеся саргатской культурно-исторической общностью, существовавшей длительное время в течение скифской и сарматской эпох. В лесостепном Приобье складывается большереченско-березовская культура. Основу хозяйства создателей этих культур составляло придомное и полукочевое скотоводство.

В некоторых районах таежной зоны Западной Сибири формирование культур с элементами черной металлургии относится уже к середине — последней трети I тыс. до н.э. Часть культур Урала и Западной Сибири переходного времени от бронзы к железу возникла вследствие миграций таежных групп населения. Для них характерно сочетание скотоводства с охотой и рыболовством.

Для лесных культур Восточной Сибири I тыс. до н.э. характерно господство охоты и рыболовства при слабом развитии цветной металлообработки и заметном импортировании бронзовых изделий с юга. Первые железные изделия появляются здесь не ранее последних веков до нашей эры.

Что же касается Дальнего Востока, то для юга этого региона крайне трудно определить хронологические рамки раннего железного века. Здесь можно говорить скорее об эпохе раннего металла, непосредственно перешедшей в Средневековье. С одной стороны, эпоха бронзы не имела здесь столь яркого выражения, как на сопредельных территориях Сибири, Китая, Кореи и Монголии, а с другой — уже на рубеже II–I тыс. до н.э. здесь началось освоение железа.

Наконец, более северные материковые и прибрежные культуры Дальнего Востока, как и восточносибирские, являют собой хозяйственно-культурный тип подвижных охотников и рыболовов. На крайнем северо-востоке, от Колымы до Анадырского залива, развивается культура охотников на морского зверя. В этих районах железный век в полной мере наступил лишь в новое время.

Саргатская культурно-историческая общность

Наиболее ярким и хорошо изученным феноменом западносибирских и в целом сибирских сообществ эпохи раннего железа является саргатская культурно-историческая общность. Она занимает почти всю лесостепь Западной Сибири по рекам Иртыш, Тобол и Ишим, заходя на севере своего

ареала в лесную зону у впадения Тобола в Иртыш, и датируется в рамках VI/V вв. до н.э. — IV в. н.э. Она утвердилась здесь вслед за такими культурами раннего железного века, как воробьевская (в Зауралье) и носиловско-баитовская (в Тоболо-Иртышье).

Основа **хозяйства** — ***придомное животноводство*** и ***отгонное коневодство***; состав стада — преимущественно лошади и крупный рогатый скот; также разводили мелкий рогатый скот и местами верблюдов. Земледелие играло подсобную роль. Широко практиковалась охота. Были достаточно развиты черная и цветная металлургия и металлообработка.

Основные памятники саргатской общности — поселения и могильники. Большинство саргатских ***поселений*** — это селища. В то же время хорошо изучены и городища — мысовые и береговые, защищенные с напольной стороны или по периметру рвами и валами. Конструктивную основу вала могли составлять бревенчатые срубы, а на самом валу иногда возводился частокол либо стена из плетня на вертикальных бревенчатых опорах. Жилища полуземляночные и наземные, каркасно-столбовые, с очагами-кострищами. Изначально они были однокамерными, однако постепенно, обрастая пристройками, дома становились двухкамерными — с большим (жилым) и меньшим (хозяйственным) помещениями — и даже трех- и четырехкамерными.

Погребения саргатской общности подкурганные, нередко «впущенные» в уже стоявшие тут курганы эпохи бронзы. Характерная черта большинства саргатских курганов — наличие ритуальных рвов вокруг насыпей, содержащих, как и сама насыпь, остатки тризны (керамика, кости животных, следы огня). Хоронили в ямах, по обряду трупоположения, на спине, в вытянутом состоянии. Погребенного сопровождали керамические сосуды, орудия труда, украшения, оружие. Над могильной ямой могла воздвигаться бревенчатая шатровая или пирамидообразная конструкция, обкладывавшаяся затем дерновыми брикетами, формировавшими собственно курганную насыпь.

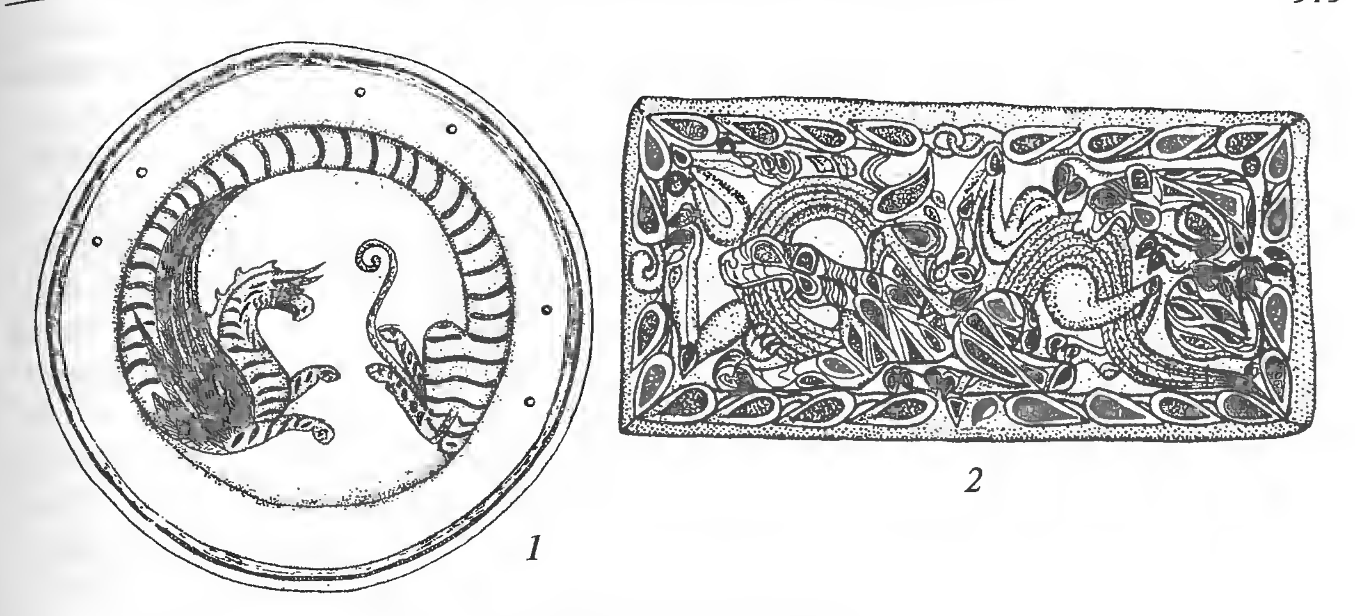
На основании раскопок поселений и могильников восстанавливаются ведущие формы изделий саргатской общности. Важнейшим ее индикатором являются керамические сосуды. Они лепные, в основном круглодонные, реже — плоскодонные, по форме яйцевидные, шаровидные и баночные. Сосуды декорированы по верху вдавлениями и нарезками в виде геометрических фигур. Известны также керамические и каменные ритуальные блюда и курильницы. Кроме того, в зону саргатской общности от степных кочевников импортировались бронзовые котлы. Орудия труда представлены железными ножами, теслами, «кельтами», мотыгами, костяными шильями и проколками, пряслицами и др.

Вооружение составляли сложные луки «гуннского типа» с срединными и концевыми костяными пластинами-накладками. Вероятно, в скифскую эпоху, до появления этих луков, здесь пользовались простыми деревянными луками, которые не сохранились. Стрелы вначале имели бронзовые наконечники скифского типа, а затем — крупные железные и костяные наконечники сарматского и хуннского типа. Известны и железные наконечники копий листовидной формы, железные мечи и кинжалы скифского,

Саргатская культура:
1 — реконструкция двухкамерного жилища каркасно-столбовой конструкции; 2 — железный кинжал; 3, 5 — бронзовые втульчатые наконечники стрел; 4 — костяной черешковый наконечник стрелы; 6 — железный черешковый наконечник стрелы; 7 — бронзовый «кельт»; 8 — железные удила с кольцами; 9 — костяная пряжка; 10 — железный нож; 11 — железный кельт-мотыга; 12 — глиняная антропоморфная фигурка; 13 — глиняное пряслице; 14–16 — керамические сосуды; 17 — костяная проколка

Саргатская культура:
1 — серебряный фалар; 2 — золотая накладка на ремень, украшенная зооморфными изображениями

а затем сарматского типов. Для защиты использовались щиты и кожаные куртки с нашитыми на них костяными пластинами. Со временем костяные пластины сменяются железными. В частности, из Сидоровского могильника происходят остатки доспеха, состоящего из железных пластин, не перекрывающих друг друга и соединенных шнурами.

Элементы одежды и украшения представлены в основном: пластинчатыми поясными пряжками с неподвижным крючком, а позднее — с подвижным язычком; нашивными бляшками из бронзы, гривнами, браслетами и серьгами из золота, серебра, бронзы; бусами из стекла, различных камней, золота и бронзы.

Элементы одежды и некоторые другие категории изделий порой украшены в местном зверином стиле, испытывавшем первоначально влияние «скифского мира», а впоследствии — раннесарматское воздействие. Есть в саргатском искусстве и местная антропоморфная традиция.

Саргатская общность, судя по составу импортных изделий, на протяжении тысячелетнего периода своего существования имела прямые или косвенные контакты с самыми различными культурными сообществами как лесной и лесостепной зон, так и степного пояса (сако-массагеты, «савроматская» культура, сарматы, хунну и др.) — вплоть до цивилизаций Средней Азии, Китая и Причерноморья.

Эпоха раннего железа на юге Дальнего Востока

Ранний железный век на Дальнем Востоке первоначально наступает в его южной части в зоне Приамурья и Приморья. В этих районах на рубеже II–I тыс. до н.э. сформировались две крупные культуры — *урильская* (в Приамурье) и *янковская* (в Приморье). Многие исследователи считают, что именно создатели этих культур первыми на Дальнем Востоке начали освоение железа, сохраняя при этом неолитические традиции в изготовлении

ряда орудий труда (как уже говорилось, энеолит и бронзовый век в данном регионе выражен слабо).

Урильская культура в Приамурье представлена в первую очередь поселениями с жилищами-полуземлянками средней и большой площади (от 50 до 200 кв.м). На поселениях находят основные свидетельства земледельческо-скотоводческого уклада создателей этой культуры: зернотерки, песты, железные наконечники для землеройных орудий, остатки зерен, кости животных. Население урильской культуры также активно занималось рыболовством, в пользу чего говорят находки костей рыб (в особенности лососевых), каменных блесен, грузил для рыболовных сетей; важную отрасль хозяйства составляла охота на копытных — найдены каменные наконечники стрел, кости благородных оленей, косуль и т.д. Широко развитое керамическое производство (без применения гончарного круга) засвидетельствовано многочисленными сосудами, украшенными при помощи налепов, вдавлений, а также лощением с применением красной краски.

Хозяйство создателей *янковской культуры* в Приморье было несколько иным, основанным на эксплуатации морских ресурсов. На большинстве поселений данной культуры наряду с жилищами-полуземлянками различного размера (от 20 до 200 кв.м) обнаружены кучи раковин, в первую очередь устричных, свидетельствующих о морском собирательстве. Судя по костным остаткам, население янковской культуры также занималось охотой на оленей и кабанов, ловлей тунца и других рыб (более 40 видов), а также моллюсков и морских ежей. Им было известно и земледелие: у морского побережья выращивали просо, а в континентальной зоне — ячмень; обнаружены железные наконечники для землеройных орудий и костяные мотыги. Практиковалось и животноводство, в первую очередь свиноводство и разведение собак. Керамическое производство засвидетельствовано множеством сосудов, сходных с сосудами урильской культуры.

Во второй половине I тыс. до н.э. памятники янковской и урильской культур в разное время постепенно сменяются памятниками новых групп населения, связанных в Приморье с кроуновской археологической культурой (V в. до н.э. — первые века н.э.), а в Приамурье — с польцевской (середина I тыс. до н.э. — начало н.э.).

Создатели *польцевской культуры*, расселившись первоначально в Приамурье (возможно, часть из них были потомками создателей урильской культуры), постепенно заняли также территории Северного и частично Южного Приморья. В дальнейшем польцевские племена проникают на территорию Маньчжурии и Кореи. Они жили в полуземлянках каркасно-столбовой конструкции со стенами из жердей и досок, с пристроенным сбоку выходом. Данную культуру отличает высококачественное керамическое производство. Многочисленные сосуды, обнаруживаемые на польцевских поселениях, — плоскодонные, как правило, высокие, шаровидные или банковидные, в том числе крупные, для хранения проса. Они орнаментированы вдавлениями и налепами, формирующими зигзаги, сочетания заштрихованных треугольников и прямых линий. Польцевские племена занимались земледелием, на что указывают находки железных «кельтов»,

а также зернотерок, мотыг, жатвенных ножей — как цельных, из шифера (глинистого сланца), так и составных с вкладышами-микролитами. Скотоводство засвидетельствовано костями коз, свиней и лошадей. Рыбу ловили с помощью железных рыболовных крючков, костяных гарпунов, а также сетями с каменными грузилами. О прядении и ткачестве говорят находки глиняных пряслиц — грузиков для веретен, а также грузиков для ткацкого станка, о черной металлургии — такие изделия из железа, как вышеупомянутые «кельты», долота, пробойники, наконечники стрел местных типов.

Кроуновская культура Южного Приморья представлена в первую очередь крупными поселениями в долинах рек; возможно, их жители были потомками создателей янковской культуры. Эти поселения состояли из жилищ-полуземлянок, сходных по общей планировке и конструкции стен с жилищами польцевской культуры. Особенность кроуновских жилищ состояла в том, что очаги в них были обложены каменными плитами, что в развитии привело к появлению каменных канов в полу жилища — отопительных каналов для отвода тепла, имеющих четырехугольную или Г-образную форму. Основным занятием местных жителей было земледелие, вспомогательными — скотоводство (разводили в первую очередь свиней, а также крупный рогатый скот и лошадей) и охота на копытных животных. Находки железных ножей, тесел, «кельтов» свидетельствуют о наличии черной металлургии. О керамическом производстве (без гончарного круга) говорят находки неорнаментированных или бедно орнаментированных толстостенных сосудов, а также бус и колец из глины. Некоторые исследователи соотносят население, оставившее кроуновскую культуру, с племенами воцзи, упоминаемыми в древнекитайских текстах.

Глава 3

КУЛЬТУРА АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Культурные сообщества эпохи раннего железа на территории юга Восточной Европы находились под значительным влиянием античных государств Северного Причерноморья, возникших в ходе «Великой греческой колонизации» и в своей массе просуществовавших примерно с VI в. до н.э. по III–IV вв. н.э.

3.1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН

Как известно, греческая колонизация Причерноморья была лишь одним из трех направлений этого процесса, тогда как двумя другими были заселение Западного и Южного Средиземноморья.

Основными факторами древнегреческой колонизации явились: торговые интересы и связи греков; возможность создания аграрных поселений в новых местах обитания; возможность получения дополнительного источника рабской силы; политическая эмиграция; внешнеполитические причины, в частности для малоазийских греков — лидийская и персидская угрозы.

Истоками древнегреческой колонизации Северного Причерноморья (равно как и остальных вышеназванных территорий) были в первую очередь *ионийские* города: вне конкуренции оказался малоазийский Милет, жители которого основали большинство крупных северопричерноморских городов (Ольвия, Пантикапей, Феодосия, Тира и др.). Но и другие ионийские города выводили свои колонии в Северное Причерноморье: так, жители малоазийского города Теоса основали Фанагорию. Принимали участие в этом процессе также *эолийские* и *дорийские греки*: соответственно жители лесбосского города Митилены основали Гермонассу, а жители южнопричерноморской Гераклеи Понтийской — Херсонес Таврический. Будучи политически независимыми от своих метрополий, греческие колонии, как правило, были тесно связаны с ними в экономическом и культурном отношении.

Ко времени основания греческих поселений в Причерноморье греки уже имели некоторые знания об этом районе. Этому способствовали эпизодические посещения греческими купцами и мореходами черноморских берегов в предшествующую эпоху, в к. II — н. I тыс. до н.э. Связанные с ними весьма смутные сведения о Причерноморье нашли отражение еще в догомеровском греческом эпосе (отрывки из которого донесли до нас гораздо более поздние античные авторы) и затем, в VIII в. до н.э., в знаменитых поэмах Гомера.

Так, с Причерноморьем связаны легенды об аргонавтах и амазонках, об Ифигении в Тавриде, а также гомеровский рассказ о плаваниях Одиссея, заброшенного и в этот далекий край, который представлял собой, по словам главного героя, «киммериян печальную область, покрытую вечно влажным туманом и мглой облаков» (Одиссея, песнь XI, стрк. 14–15. Пер. В.А. Жуковского).

Лишь после освоения греками южного побережья Черного моря в VII в. до н.э. начинают устанавливаться их регулярные торговые связи и с его северным побережьем, где организуются торговые станции (эмпории), некоторые из которых перерастали в постоянные поселения. Первым из ныне известных северопричерноморских греческих поселений было поселение Борисфен или Борисфенида в Северо-Западном Причерноморье у впадения в море Южного Буга на острове (в древности, вероятно, полуострове) Березань. Борисфенида была основана милетянами в середине VII в. до н.э. (на что указывают, в частности, находки древнегреческой керамики, украшенной в архаическом родосско-ионийском, так называемом декоративном стиле), процветала до начала VI в. до н.э., а затем, после образования Ольвийского полиса (см. ниже), вошла в его состав и просуществовала вместе с ним до III в. н.э. Здесь исследовано и само поселение, и его некрополь.

Недавние сборы археологического материала в районе Таганрога позволили говорить о том, что и здесь уже на рубеже VII–VI вв. до н.э. возникло некое поселение (есть версия, что именно оно упоминается в древнегреческих письменных источниках под названием Кремны).

Впоследствии, в VI в. до н.э., идет интенсивный процесс основания крупных колоний в Северном Причерноморье. Именно в этот период начали свое существование такие большие центры, как Ольвия, Пантикапей, Нимфей и, возможно, Херсонес. Вслед за тем некоторые из этих колоний осуществляли так называемую «вторичную колонизацию», примерами которой могут быть Танаис на Нижнем Дону, основанный боспорскими греками, или Прекрасная Гавань (Калос Лимен) в Западном Крыму, основанная херсонеситами.

В целом же на всем протяжении существования античной цивилизации Северного Причерноморья четко выделяются **три важнейших центра** экономической, политической и культурной жизни, к которым так или иначе тяготели все остальные колонии региона. Это, во-первых, ***Ольвийский полис*** (демократическое государство), который возник во второй четверти VI в. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье и включал в себя Ольвию Понтийскую (в устье Южного Буга) и округу из трехсот малых поселений. Во-вторых, это ***Херсонесское демократическое государство*** в Западном Крыму со столицей в Херсонесе Таврическом (на территории современного г. Севастополя), основанном в конце V или, по последним данным, в конце VI в. до н.э. В-третьих, это ***Боспорское государство***, размещавшееся в Восточном Крыму, на Таманском полуострове и в устье Дона. Это государство, представлявшее собой своеобразную греко-варварскую монархию, окончательно сформировалось в IV в. до н.э. на базе существовавшего еще в V в. до н.э. военного союза независимых полисов во главе с Пантикапеем (современный г. Керчь). Данный город, основанный в первой половине VI в. до н.э., и стал в IV в. до н.э. столицей Боспора.

На протяжении своей истории северопричерноморские античные государства претерпевали различные политические изменения.

Раздельное независимое существование античных государств региона продолжалось до конца II в. до н.э. Затем, в конце II — первой трети I в. до н.э., состоялось кратковременное объединение ряда северопричерноморских государств в рамках понтийской державы Митридата VI Евпатора. В свою очередь, после поражения и гибели этого бескомпромиссного врага римлян в Северном Причерноморье наступила эпоха римского влияния (с середины I в. до н.э.), а затем и прямого римского присутствия (с середины I в. н.э.), продолжавшегося до середины III в. Начавшийся политический и экономический кризис Римской империи и античной цивилизации в целом сопровождался массированными вторжениями различных средне- и восточноевропейских племен. Эти процессы, в особенности нападения «варваров» (в частности, готов), привели к существенному ослаблению и трансформации античной цивилизации Северного Причерноморья. Одним из факторов, существенно влиявших на ее дальнейшую судьбу, стало господство гуннов, пришедших в северопричерноморские степи в 70-е гг. IV в. н.э., и последующие нашествия других азиатских кочевников.

Херсонес относительно благополучно пережил кризис и крушение античной цивилизации и затем долгое время развивался в качестве средневекового Херсона (Корсунь древнерусских летописей). В ряде городов Боспорского государства в Средневековье также продолжалась жизнь, связанная с культурой Византии и прочих государственных образований, существовавших в эту эпоху в Северном Причерноморье.

3.2. ОСНОВНЫЕ ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Поселения. Фортификация и планировка городов

Основными типами античных поселений в данном регионе являются города, сельские поселения (в том числе хорошо укрепленные усадьбы), а с середины I в. н.э. — еще и римские военные лагеря, наиболее значительным из которых был Харакс.

Северопричерноморские античные города были основательно защищены как естественными преградами, так и крепостными стенами из камня и сырцового кирпича.

Так, в Ольвии, в период с V по III в. до н.э. были сооружены и неоднократно перестраивались (в целях усовершенствования) мощные стены, ворота фланкировались башнями.

В Херсонесе в крепостном комплексе, функционировавшем с IV в. до н.э., выделяется «башня Зенона», существовавшая с III в. до н.э. по начало II тыс. н.э. и достигшая в результате перестроек огромных размеров.

Мощные крепостные стены, возведенные в V в. до н.э., окружали акрополь Пантикапея. Достаточно хорошо были укреплены и другие города Боспора — так, толщина крепостных стен Танаиса составляла 3–5 м.

Появление римлян и последующее римское военное присутствие в северопричерноморских городах сказалось, помимо прочего, в совершенствовании старых укреплений и в появлении новых. Так, в Херсонесе были значительно реконструированы оборонительные сооружения и цитадель. В Ольвии была построена цитадель в верхнем городе со стенами до 3 м толщиной, с башнями и рвом.

Планировка северопричерноморских городов чаще была правильной квартально-прямоугольной, с перпендикулярными улицами. Таков в первую очередь Херсонес; элементы прямоугольной системы прослеживаются и в Ольвии, Фанагории, Горгиппии. Были и города с нерегулярным расположением улиц. Таков, например, Пантикапей, располагавшийся на вершине, на склонах и у подножия горы Митридат.

Важнейшими частями северопричерноморского города, как и в метрополиях, являлись акрополь — религиозный и общественный центр, а также убежище на случай опасности, и агора — торговая площадь и место народных собраний граждан. Акрополь хорошо изучен, в частности, в Пантикапее, где он находился в самой возвышенной части города. Агора наиболее четко прослежена в ходе раскопок в Ольвии, тогда как ярко выраженный акрополь здесь отсутствовал.

Ольвийская агора, появившаяся в конце VI в. до н.э., была вымощена черепками и ограничена торговыми и складскими помещениями (ее площадь достигает 1,5 га). В IV–III вв. до н.э. на агоре построены два общественных здания — дикастерий (здание суда) и гимнасий с водопроводом, банными помещениями и уборной. К ольвийской агоре примыкал теменос Аполлона Дельфиния — культовый участок, где первоначально во второй половине VI в. до н.э. была посажена священная роща и установлен жертвенник, а затем в V и в IV вв. до н.э. последовательно строились соответствующие храмы этого божества. Помимо теменоса Аполлона Дельфиния в Ольвии не позднее середины VI в. до н.э. возник еще один, более древний теменос — с культом Аполлона Врача, которому был посвящен храм. Кроме того, в Ольвии строились и храмы Зевса — ранний, на рубеже VI–V вв. до н.э., и более поздний — в III в. до н.э.

Большинство античных построек в Северном Причерноморье — каменные или сырцовые на каменном цоколе. Основной строительный камень — местный известняк; помимо того, использовался песчаник или, реже, ракушечник. Известны каменоломни, в частности у городища «Чайка» под Евпаторией. Для облицовки применяли крымский и кавказский розоватый и серый мрамор, а для создания храмовых колонн и антаблементов могли использовать высококачественный средиземноморский белый мрамор.

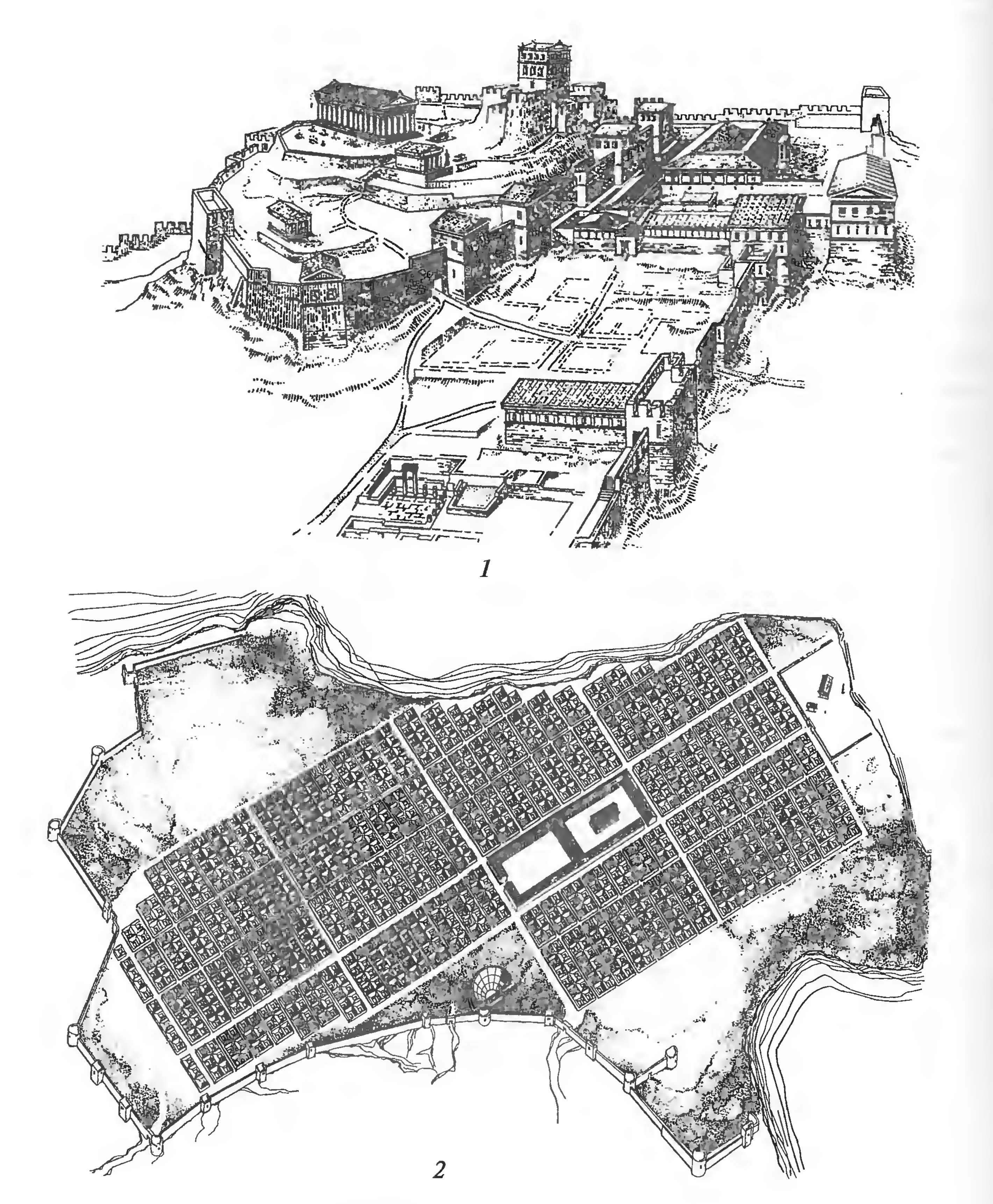
Частные жилища первоначально представляли собой землянки и полуземлянки с центральным столбом и конусом крыши (либо скатом). Их стенки могли выкладываться камнями, могли быть сырцовыми или плетнево-глинобитными, крыши — шатровыми либо одно- и двускатными, крытыми камышом или соломой.

С конца VI в. до н.э. в северопричерноморских колониях преобладают наземные дома, порой двухэтажные. Они стояли на каменном цоколе; кроме того, в Ольвии вместо цоколя из камня часто применяли слоевой фундамент из плотно утрамбованных чередующихся прослоек золы и лёсса.

Полы наземных домов были глинобитными либо из утрамбованной известковой крошки на глиняной подушке, реже — каменными или деревянными. В парадных комнатах полы могли украшаться мозаикой.

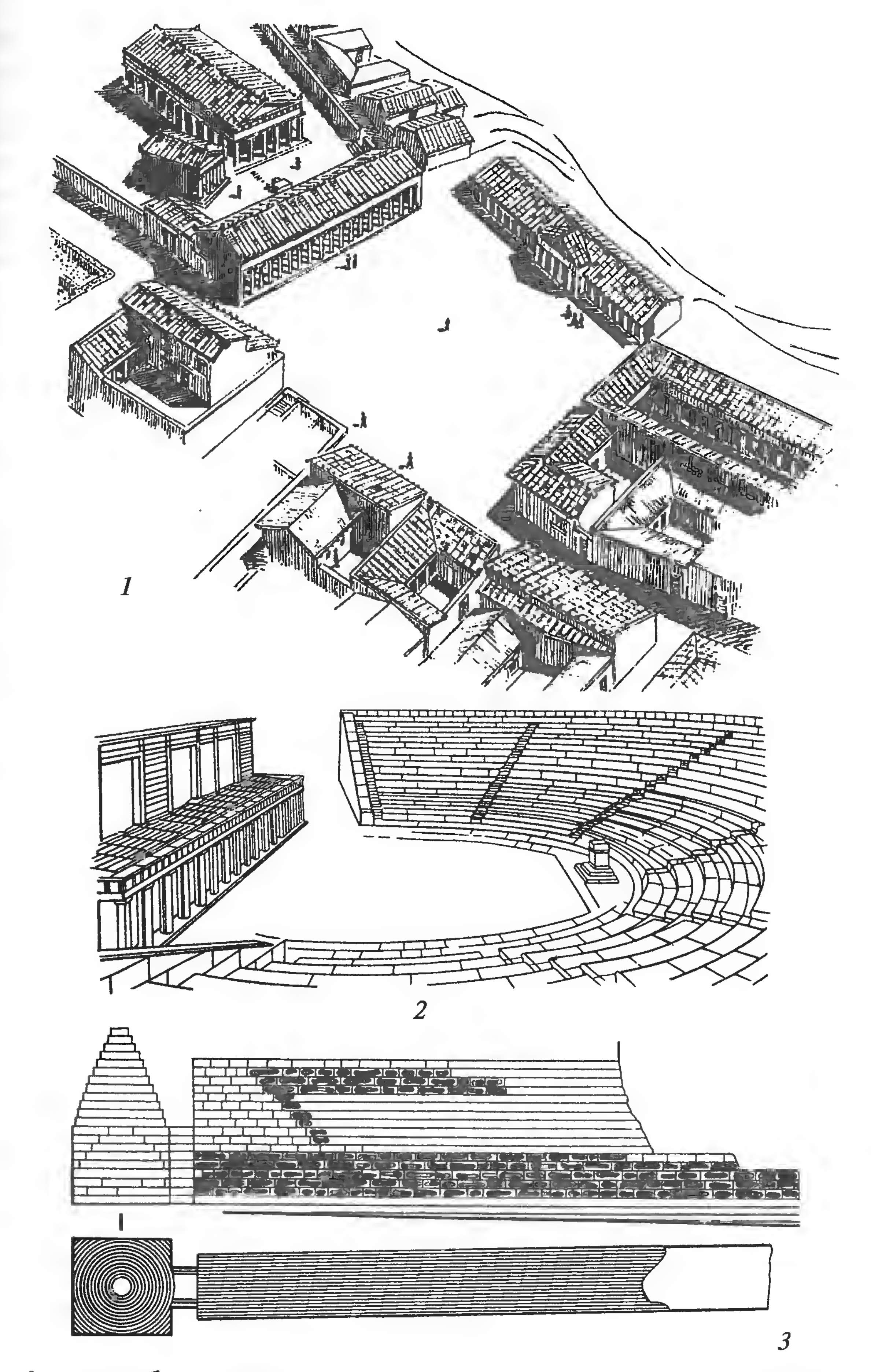
Стены наземных домов были сырцовыми или каменными. Каменные стены клались либо «насухо» из правильно отесанных плотно подогнанных блоков, либо с растворами на глиняной основе; практиковалось и сочетание облицовок из крупных каменных блоков с каменно-глиняной забутовкой между ними. В районах, бедных камнем, продолжали строить глинобитные дома и дома из сырцового кирпича. В эпоху эллинизма и в особенности в римскую эпоху все чаще используется известковый раствор, многие дома сооружаются из обожженного кирпича, причем горизонтальные полосы из такого кирпича порой чередуются с каменной кладкой. Стены комнат часто штукатурились, причем штукатурка иногда окрашивалась в красный, желтый, синий или серый цвета или же украшалась росписью. Со временем так стали украшать и фасады домов.

Колонны и балки перекрытия были деревянными или каменными, а крыши крылись керамической черепицей. На краях карниза могли прикрепляться рельефные терракотовые антефиксы, украшенные мотивами пальметты или головы Медузы.

Архитектура античных городов:
1 — реконструкция акрополя Пантикапея; 2 — реконструкция застройки Херсонеса Таврического

Античные общественные сооружения и склепы в Северном Причерноморье:
1 — агора в Ольвии с общественными зданиями (*реконструкция*); 2 — театр в Херсонесе (*реконструкция*); 3 — план и разрез склепа в Царском кургане в районе Пантикапея

В плане дома прямоугольные — как однокамерные, так и многокамерные. В многокамерных (в ранний период обычно трехкамерных) домах все помещения обычно группировались вокруг внутреннего дворика, куда выходили окна, тогда как внешняя стена была глухой. Постепенно план дома усложняется и внутренний двор часто превращается в открытый центральный зал дома, окруженный колоннами (так называемый перистиль). При богатых домах часто имелись колодцы или же цистерны для сбора дождевой воды во дворах, а также подвалы, иногда — собственные купальни или бани; ярким примером является баня в Херсонесе эллинистического периода, с мозаичной галечной вымосткой на полу, представляющей двух купальщиц, стоящих у большой чаши с сидящей на ней голубкой.

Известны также укрепленные дома башенного типа и целые сельские усадьбы с комнатами, башнями, подвалами, колодцами и т.д.

Раскопки в Северном Причерноморье выявили и различные общественные здания и сооружения. Прежде всего это каменные храмы. Они прямоугольные в плане, выполнены как в ионийском (Пантикапей VI в. до н.э., Херсонес III в. до н.э.), так и в дорийском ордере (Мирмекий IV в. до н.э.). Это могли быть как храмы с двусторонним оформлением колоннами у входов — так называемые храмы в антах (например, один из храмов Аполлона Дельфиния в Ольвии), так и полностью окруженные колоннами, т.е. периптерного типа (например, храм в Пантикапее). Известны также круглые храмы, окруженные колоннами — толосы (например, храм, раскопанный на Таманском полуострове).

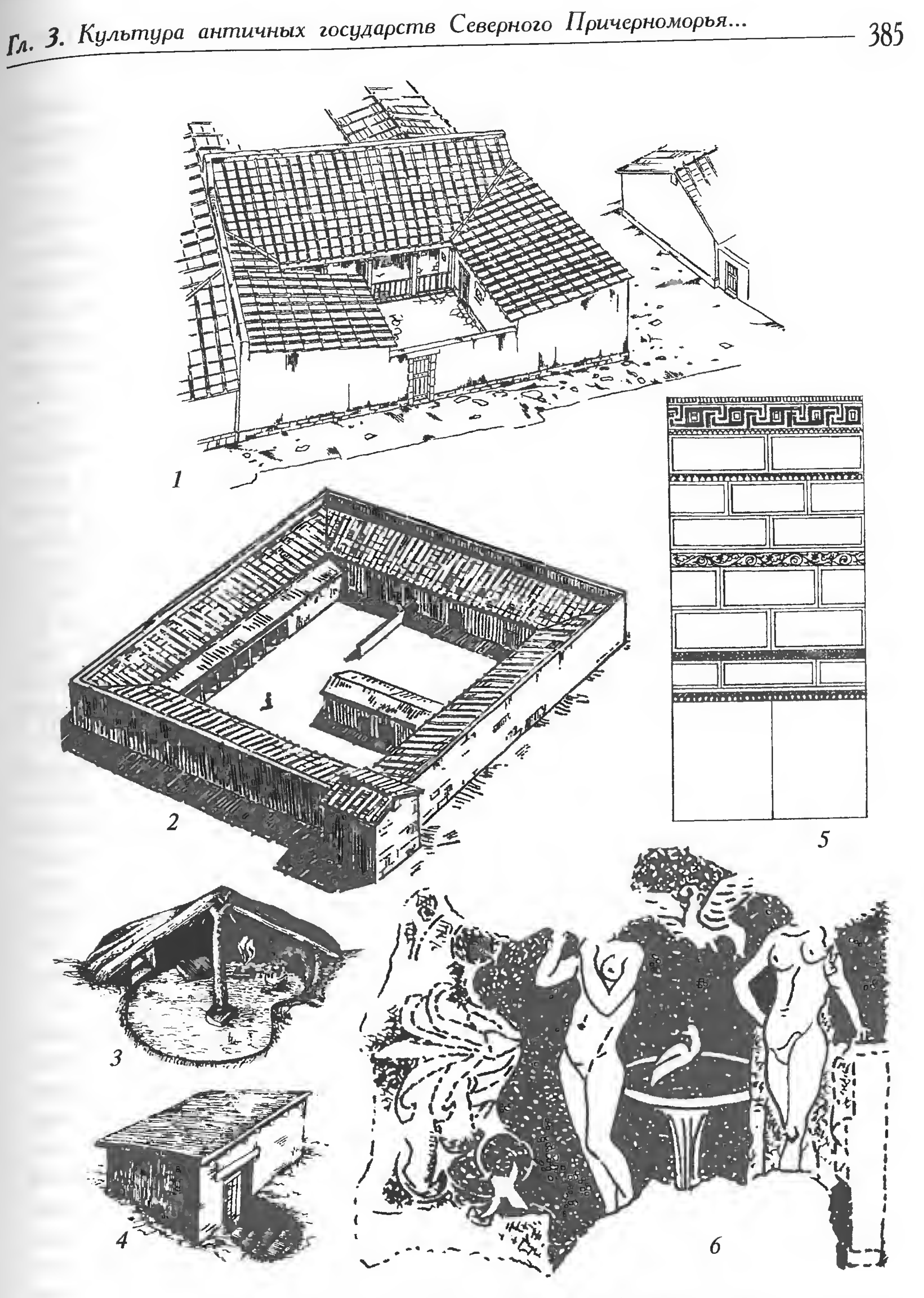
Раскопаны и остатки иных общественных зданий, как, например, вышеупомянутых дикастерия и гимнасия на агоре Ольвии, героона в Фанагории, монетного двора в Херсонесе. В Херсонесе обнаружен и театр, построенный, по последним данным, в конце IV в. до н.э. и действовавший до начала IV в. н.э., когда в христианскую эпоху он был закрыт. В Ольвии и Пантикапее, судя по упоминаниям в письменных источниках (в том числе и в надписи, найденной в Ольвии), также были театры, но они пока не найдены. Наконец, в Хараксе, Херсонесе и Пантикапее исследована такая инновация римского времени, как термы — семейно-общественные бани, сочетавшие свою основную гигиеническую функцию с функцией центров общения и спорта.

К общественным сооружениям можно отнести и водопроводы, несущие воду из природных источников. Таковые обнаружены, например, в Херсонесе, Пантикапее и Хараксе. Они состоят из глиняных труб и могут завершаться водохранилищем, как в Херсонесе, откуда вода подавалась далее в город, или бассейном, как в Хараксе.

Погребения

Античные некрополи размещались в основном вблизи поселений. Как и в метрополиях, это могли быть и бескурганные, и подкурганные захоронения. До V в. до н.э. в Северном Причерноморье нет греческих курганов, но потом они появляются, и в конечном счете их становится здесь значительно

Античное домостроительство в Северном Причерноморье:
1 — многокомнатный дом в Ольвии (*реконструкция*); 2 — сельская укрепленная усадьба (*реконструкция*); 3, 4 — ранние полуземлянки в Ольвии (*реконструкция*); 5 — реконструкция стенной росписи; 6 — мозаика со сценой купания на полу дома в Херсонесе

больше, чем в метрополиях. Господствует трупоположение. Несколько реже встречается захоронение кремированных остатков, причем само сожжение могло производиться как на месте погребения, так и на стороне — в специально отведенных местах, вне некрополя.

Погребальные памятники северопричерноморской античности имеют свои особенности в сравнении с остальными зонами античной цивилизации.

С одной стороны, несомненна их связь с обрядовыми нормами метрополий. Так, над могилами ставятся плиты с именами погребенных, надгробия с героизированными рельефными изображениями умерших или их статуи. Часто используются деревянные гробы, а также деревянные или каменные саркофаги — чаще в виде ящиков на ножках с двускатной крышкой. Особенно замечательны в IV–III вв. до н.э. в Боспорском государстве великолепные саркофаги с архитектурным декором в виде фасадов храмов или с эпическими сценами. Практикуются и такие чисто греческие обычаи, как захоронение детей в амфорах и иных крупных сосудах; включение в состав заупокойного инвентаря сосудов, использованных при омовении покойного, монет, предназначенных для уплаты Харону (перевозчику в загробный мир), предметов палестрического характера (стригилей, сосудиков для масла). Кроме того, в состав погребальных даров входили украшения (женщинам), игрушки (детям), оружие (воинам), сосуды, светильники, терракотовые статуэтки и др. В монументальных склепах устанавливались специальные жертвенные столы для принесения даров умершему.

С другой стороны, во всех некрополях отразилось значительное *влияние «варварской» среды*, в которой оказались греки: это и определенные конструкции могил, и разнообразные подсыпки, красная краска, мел, разбитые зеркала, определенные виды оружия, ножи, точила, лепные курильницы. В особенности это характерно для полиэтничного Боспорского государства, населенного помимо греков синдами, меотами, скифами, сарматами и иными народами.

В целом же северопричерноморские античные погребальные сооружения различны. Обычно хоронили в ямах или фамильных склепах.

Ямы были вырыты в земле или вырублены в скале. Склепы, пик популярности которых приходится на два периода — IV–III вв. до н.э. и I–III вв. н.э., сооружались из камня или сырца и были прямоугольными или квадратными в плане; исключение составляет самый ранний греческий склеп в Северном Причерноморье — округлый склеп Золотого кургана начала IV в. до н.э. Склепы могли быть относительно небольшими, перекрытыми каменными плитами, лежащими горизонтально или поставленными двускатно-наклонно, могли быть и очень крупными, перекрытыми ложноуступчатым или полуциркульным сводом. Часто над склепом возводился земляной курган, иногда с окружающей его каменной опорной стеной — крепидой. Наиболее велики курганные насыпи над склепами в некрополе Пантикапея, где они достигают 10–17 м в высоту. Вообще монументальные боспорские склепы являются архитектурными шедеврами. Они, как правило, состоят из коридора-дромоса и одной или двух прямоугольных в плане погребальных камер; стены дромоса и камер сооружались из крупных каменных блоков и перекрывались уступчатым сводом.

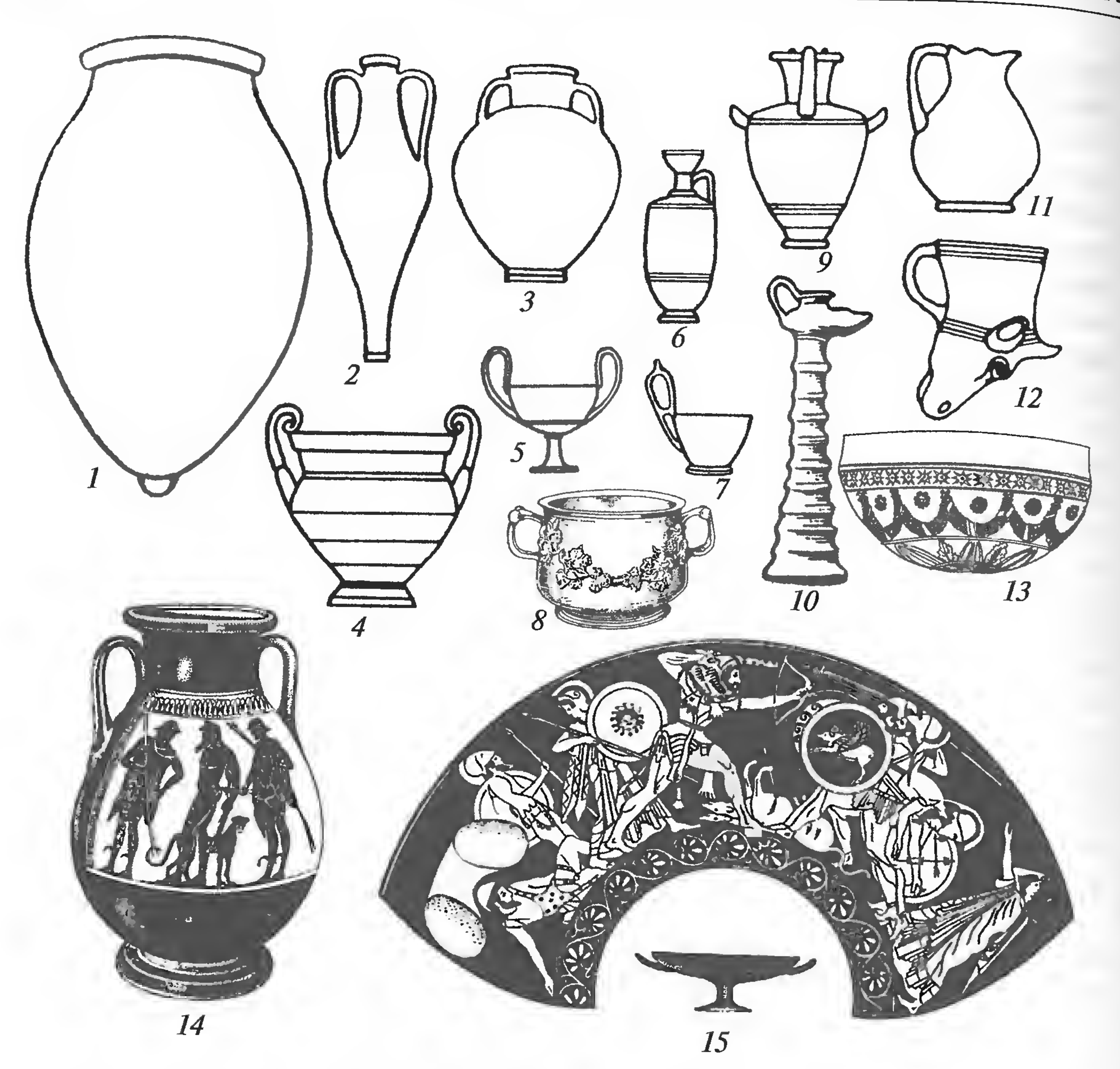
Один из наиболее ярких в архитектурном отношении погребальных памятников северопричерноморской античности — так называемый Царский курган конца IV в. до н.э. под Керчью. Данный курган достигал в высоту 17 м и перекрывал квадратный каменный склеп площадью 4,4×4,2 м, максимальной высотой 9 м, с уступчатым сводом, составленным белокаменными концентрическими кругами. К склепу вел дромос длиной 36 м и высотой до 7 м с каменными стенами и каменным уступчатым сводом. Само же погребение оказалось полностью ограбленным.

3.3. ЭКОНОМИКА И ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В античном обществе Северного Причерноморья, как и в метрополиях, основу экономики составляло ***земледелие***. Раскопки на территории так называемой хоры — сельскохозяйственной округи полисов — выявили систему организации земледелия, которая в колониях была аналогична системе метрополий. Так, на территории ближайшей хоры Херсонеса на Гераклейском полуострове исследованы размежеванные рядами камней прямоугольные земельные наделы площадью по 26,5 га, что соответствует размерам клеров — сельских наделов — в самой Элладе. Есть здесь, впрочем, и наделы меньшей площади — по 4 га.

Набор злаков не изменяется за все время существования северопричерноморских античных государств. Основные культуры — пшеница, ячмень, просо и бобовые. Их зерна обнаружены в ходе раскопок. Рожь до начала нашей эры росла как сорняк пшеницы, но с первых веков н.э. на Нижнем Дону и в Крыму она выращивалась уже как самостоятельный злак. Овес считался у греков сорняком, у римлян — сельскохозяйственной культурой.

Греки принесли в этот регион привычные им методы обработки почвы и орудия труда. В одних случаях тому имеются прямые археологические доказательства, в других — исследователи судят по данным письменных источников или по аналогии с экономикой метрополий. Предполагается, что практиковалось двуполье (чередование посевной и паровой площади), позднее — трехполье (чередование яровых, озимых культур и пара); есть данные, что в усадьбах Херсонеса пахотная земля делилась на две части. Местами знали искусственное орошение, о чем свидетельствует находка канала у с. Айвазовское. Применялись также: террасирование, о чем, в частности, свидетельствуют остатки подпорных стен, укреплявших почвенный слой в херсонесских усадьбах; возможно удобрение навозом и перепревшей соломой. Вспашка производилась деревянным ралом с железным наральником (с использованием волов?), о чем, в частности, говорят многочисленные находки железных наральников и изображения рала на монетах Боспора. Обнаружены колотушки и железные мотыги, применявшиеся для разбивания комков земли, а также железные серпы и косы. Вероятно,

Античные керамические сосуды:
1 — пифос; 2 — тарная амфора; 3 — столовая амфора; 4 — кратер; 5 — канфар; 6 — лекиф; 7 — киаф; 8 — краснолаковый сосуд с рельефным орнаментом; 9 — гидрия; 10 — светильник; 11 — ойнохоя; 12 — ритон; 13 — «мегарская» чаша; 14 — чернолаковая чернофигурная пелика; 15 — чернолаковый краснофигурный килик с разверткой росписи

молотьба велась с помощью волов, лошадей, мулов, которых гоняли по кругу. В ходе раскопок поселений выявлены специальные ямы для хранения зерна — грушевидной формы с каменными крышками-плитами. Зерно также хранилось в пифосах и крупных амфорах, его толкли деревянными пестами в каменных ступах, перемалывали в муку каменными жерновами (все эти предметы обнаружены в ходе раскопок). Более древние жернова представляли собой овальный камень, одна из сторон которого была плоско стесана, и по ней водили камнем меньших размеров. Поздние жернова, появившиеся в эпоху эллинизма, — это классические ручные мельницы, состоящие из двух плит — нижней, неподвижной и верхней, приводимой в движение рычагом, вставленным в специальные углубления на ее поверхности; в верхней плите имелось также конусовидное отверстие для подсыпки зерна. Хлеб пекли не только в очагах, но и в специальных купольных печах, одна из которых найдена при раскопках пекарни в Ольвии.

Обязательной частью земельных наделов были огороды и сады. Не случайно одна из греческих колоний на Таманском полуострове именовалась «Кепы» («Сады»). Письменные источники свидетельствуют о том, что древние греки культивировали лук, чеснок, капусту, яблоки, груши, айву, миндаль, смоковницу, каштаны и т.д. Дикорастущие сорта они превращали в садовые путем прививок, а также выводили новые сорта. Обнаружены садовые железные ножи.

Есть бесспорные следы развития виноградарства и виноделия — это остатки виноградных плантажей, изображения виноградарских ножей на надгробиях, виноградной лозы на монетах (Нимфей, с V в. до н.э.). О том же говорят и находки самих виноградарских железных ножей, и следы массового местного производства пифосов, в которых вино хранилось, и остродонных амфор, в которых его транспортировали. Наличие виноделен подтверждается находками каменных площадок для ножного выдавливания сока, каменных плит-тарапанов, служивших основаниями для прессов, и, наконец, каменных цистерн, в которые стекал сок.

О большой роли животноводства в северопричерноморских колониях свидетельствуют такие археологические показатели, как масса костных остатков на поселениях и в погребениях, специальные загоны и помещения для скота на территории поселений и предметы домашнего инвентаря для приготовления сыра и других молочных продуктов. На первом месте было разведение мелкого рогатого скота, дававшего мясо, молоко и шерсть. Следующим по важности был крупный рогатый скот — тягловая сила, источник молока, мяса и кожи, шедшей на обувь и доспехи. Активно разводили лошадей, использовавшихся прежде всего как транспортное средство и в военном деле. Кроме того, разводили свиней, а также собак.

Большой размах имело рыболовство, чему есть как письменные, так и археологические свидетельства. Рыбный импорт из северопричерноморского региона очень ценился в греческих метрополиях, а затем и в Римской империи. Археологами исследованы рыбозасолочные цистерны, сложенные из камня и врытые в землю. На дне крупнейшей херсонесской цистерны такого рода, вмещавшей более 50 т рыбы, обнаружена рыбная масса толщиной до 1 м. Найдены также пифосы с остатками рыбы, масса бронзовых и железных крючков, поплавков, каменных и глиняных грузил, обнаружены остатки сгоревших сетей. Обнаружено множество костей промысловых рыб (в основном это камбала, осетр, севрюга, сазан, кефаль), дельфинов, раковин моллюсков.

Керамическое производство в северопричерноморских античных колониях достигло высочайшего уровня и существовало как в городах, так и в сельских поселениях. Остатки керамических производств весьма многочисленны. Обнаружены гончарные мастерские, керамический брак, сводчатые двухъярусные печи для обжига керамики, а в Херсонесе, Пантикапее и предположительно в Фанагории — даже специальные ремесленные кварталы («керамики»).

Из глины производились стройматериалы, различные сосуды (столовая и кухонная посуда, тара для жидких и сыпучих продуктов, светильники, курильницы), а также терракотовые статуэтки, жертвенники, грузила, пряслица и др.

Керамическими стройматериалами и архитектурными деталями были в первую очередь черепица и кирпичи, облицовочные плитки и трубы для водопровода и парового отопления. Из глины также производили акротерии, антефиксы, симы — терракотовые детали кровли и верхних частей зданий, украшенные рельефными изображениями.

Хотя северопричерноморские греки и производили лепную лощеную посуду для домашнего обихода, все же большинство керамических сосудов сделаны ими на гончарном круге. Вообще гончарная керамика появилась в Северном Причерноморье именно с момента основания здесь греческих поселений: во-первых, это керамика, в большом объеме ввозившаяся из метрополий начиная с VII в. до н.э. и до конца античности; во-вторых, это сосуды, производившиеся на месте. Керамика сделана очень тщательно, из хорошо отмученной глины, качественно обожжена в гончарных печах; еще до обжига поверхность ряда сосудов заглаживалась и покрывалась дополнительно жидкой глиной, в результате чего создавался так называемый ангоб. Вместе с тем отличительными чертами античной керамики местного производства на фоне общегреческой керамической традиции являются такие черты, как долговременное переживание здесь форм и орнаментов, уже давно вышедших из моды в метрополиях, а также подражание сосудам скифских и сарматских форм с одновременным применением античного декора.

Виды сосудов были чрезвычайно разнообразны. Наиболее многочисленны остродонные узкогорлые двуручные амфоры — тара для перевозки или хранения вина, масла, сыпучих веществ и др. Огромные пифосы — керамические бочки — как уже говорилось, были зерно-, вино- и рыбохранилищами. Для кухонных нужд использовались горшки, сковороды, кувшины, миски. Разнообразные столовые сосуды были представлены блюдами, плоскодонными широкогорлыми амфорами, кратерами, пеликами, гидриями, ойнохоями, киликами и т.д. В туалетных целях использовались лекифы — сосуды для благовоний и масел.

Многие виды сосудов богато и тонко орнаментировались. Помимо привозной керамики уже в VI в. до н.э. в античных колониях Северного Причерноморья появляется художественная расписная посуда местного изготовления, подражающая импортной. Это амфорки, ойнохои, килики, блюда, причем их роспись производилась темной или красной краской по светлому ангобу и повторяла роспись ионийской керамики, задававшей некогда моду, воспроизводя характерные для нее простые геометрические мотивы (пояски, полоски, концентрические круги, волнистые линии, зигзаги и т.д.). В эллинистическое время, к которому относится наивысший подъем в производстве местной художественной керамики, расписная посуда распространилась очень широко, ее украшал растительный (реже — геометрический) орнамент, наносимый красной, либо голубой, либо черной краской по светлому фону или же белой краской по темному фону. И в первые века нашей эры, когда в других частях античного мира роспись керамики стала непопулярной, в Северном Причерноморье продолжали производить сосуды такого рода, расписываемые преимущественно белой краской по темному фону.

Хорошо известна и керамика, покрытая черным или красным лаком. *Чернолаковая* посуда распространилась в северопричерноморских колониях практически с самого начала своего возникновения, причем это были не только привозные сосуды, но и подражающие им местные. Среди чернолаковых были сосуды как сплошь покрытые лаком, так и неполностью лакированные — с сюжетными росписями. Чернолаковые расписные сосуды в VI — начале V в. до н.э. были ***чернофигурными***: на такой вазе фигуры персонажей изображались с помощью черного лака, а детали лица, мускулатуры, одежды при этом прочерчивались резцом. Фон композиции составляли нелакированные стенки сосуда — как правило, оранжево-красного цвета. Чернофигурные вазы были вытеснены *краснофигурными*, популярными в V–IV вв. до н.э. На красных стенках этих ваз на глаз или по трафаретам контурными линиями черного лака очерчивались изображаемые фигуры, после чего черным лаком заливался весь окружающий фигуры фон, тогда как сами фигуры оставлялись красными. Детали лица, мускулатуры, одежды при этом наносились тонкими линиями черного лака, концентрированного или разбавленного до светло-коричневого состояния.

С середины IV в. до н.э. вместо краснофигурной сюжетной росписи практикуется растительный орнамент — одновременно расписной (с помощью белой краски) и налепной (с использованием разжиженной желтой глины).

В известном смысле продолжением традиции краснофигурных сосудов с сюжетными росписями, но без применения лака можно считать вазы с полихромной сюжетной росписью, которые массово изготавливались на Боспоре и в Ольвии в III–II вв. до н.э. Соответствующие фигуры и орнаменты наносились разноцветными красками или буро-красной краской поверх раскрашенных в темный цвет стенок сосуда. Подражая в сюжетном отношении краснофигурным росписям, данные изображения отличаются от их графической манеры живописной игрой цвета.

Во второй половине II в. до н.э. в Северном Причерноморье появляется *краснолаковая* обиходная столовая посуда с гладкими стенками, которая с I в. до н.э. окончательно сменяет чернолаковую в данном регионе и господствует здесь до конца античной эпохи.

Наряду с ней еще с рубежа III–II вв. до н.э. здесь распространяются лаковые парадные сосуды с рельефными украшениями. В первую очередь это так называемые «мегарские» чаши III–I вв. до н.э. — полусферические сосуды, украшенные снаружи растительным или геометрическим орнаментом в подражание дорогим металлическим чашам с рельефными изображениями. Чаши делались путем оттискивания в специальных формах-негативах, на которые предварительно штампами наносился орнамент (такие формы найдены, в частности, в Пантикапее и Мирмекии). Рельефный орнамент на краснолаковых сосудах иных типов мог создаваться и посредством налепов и вдавлений.

Археологические источники демонстрируют высокий уровень северопричерноморской античной ***металлургии*** — как черной, так и цветной. Большинство орудий труда, предметов вооружения, многие строительные детали,

почти все скобяные изделия делались из железа и стали. Анализ соответствующих шлаков показал, что использовалась различная руда — как горная (для Ольвии — криворожская, для городов Боспора — керченская), так и болотная (для Херсонеса). Руда обогащалась (с использованием извести), промывалась (найдены бассейны для промывки), затем железо восстанавливалось из руды сыродутным способом, после чего горновая крица повторно нагревалась, затем осуществлялась ее проковка, а в результате появлялось сырье для изготовления предметов. Остатки помещений для обработки железной руды открыты, в частности, на Березани, в Пантикапее, а сыродутные печи — на Нижнем Днепре (Ягорлыцкое поселение), на Азиатском Боспоре (Раевское городище) и в других местах. Найдены городские и сельские кузницы. Основным приемом кузнечной обработки была ковка, но также использовалась термическая обработка, закалка стали, цементация, сваривание железа со сталью для получения лезвий повышенной твердости. Готовые изделия подвергались холодной обработке.

Из меди и бронзы производили орудия труда, оружие (наконечники стрел, панцири, шлемы, кнемиды (поножи), а в раннее время — мечи и кинжалы), узду, элементы одежды, украшения, стригили, замки, зеркала, бритвы, ключи, сосуды. Бронза была свинцово-оловянистой. В римское время в Северном Причерноморье к меди стали добавлять цинк, тем самым получая латунь. Из свинца делали гири, грузила, пряслица. Основной метод цветной металлообработки — отливка в формах. Найдены плавильные печи (высокие цилиндрические, в них через глиняные сопла мехами подавался воздух), керамические тигли (для плавления небольших порций). В формы металл лили с помощью керамических льячек. Формы могли быть жесткие (негативное изображение вырезалось в керамике, в камне; двусторонние, реже — односторонние), могли быть и из мягких материалов — из глины или формовочной земли. Для более сложных изделий обычно применяли литье по утрачиваемой восковой модели. После литья иногда осуществлялась клепка, тиснение, штамповка, пайка, позолота. Бронзолитейные мастерские античных городов региона производили различные сложные изделия для местных степных племен: зеркала, уздечные бляхи, колчанные крючки и др.

Уже в VI в. до н.э. в северопричерноморских городах зародилась ***торевтика*** — художественная обработка металлов. Золото поступало в Северное Причерноморье скорее всего из Фракии, Малой Азии, Закавказья, серебро — в первую очередь из Афин. Методы обработки: плавка в тиглях, отливка в жесткие и пластические формы (обнаружены в ходе раскопок), ковка, волочение проволоки (золотой или серебряной), пайка, штамповка, тиснение (найдены бронзовые штемпели с рельефными изображениями). С III в. до н.э. практиковалось золочение серебряных и бронзовых изделий с помощью их покрытия ртутным раствором золота. С рубежа III–II вв. до н.э. распространяется инкрустация металлических изделий камнями, цветным стеклом, эмалью (полихромный стиль). Этот стиль достигает своего апогея на рубеже эр.

В изготовлении художественных изделий из металла создатели античной культуры Северного Причерноморья достигли высочайшего мастерства. Это во многом был ответ на запросы местной варварской знати (скифской, меотской, сарматской), и не случайно находки такого рода (см., например, выше, раздел «Скифская культура») связаны не только с собственно греческими памятниками, но и с погребениями варварской знати.

В первые века н.э. в Северном Причерноморье появляется собственное стеклоделие. При раскопках ряда городов обнаружены отходы стеклянного производства, а у с. Заветное в Юго-Западном Крыму выявлен целый комплекс обжигательных печей, использовавшихся для производства стекла.

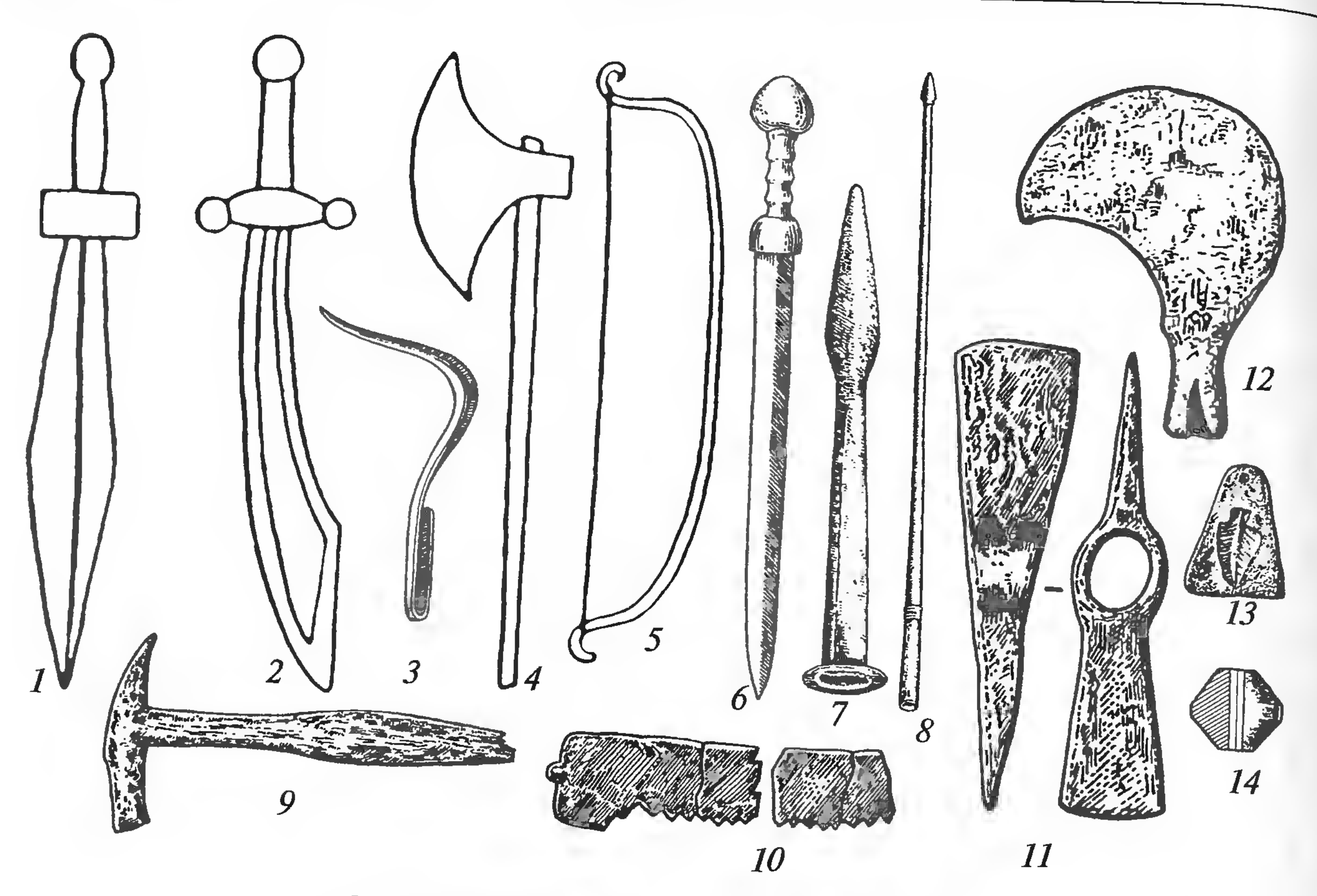
Римляне принесли в Северное Причерноморье традицию изготовления оконного стекла.

Как самостоятельные ремесла существовали костерезное дело, кожевенное дело, ткачество, прядение, о чем свидетельствуют находки соответствующих отходов и таких изделий, как многочисленные ткацкие грузики для оттягивания нитей на станках, пряслица веретён, остатки мебели, игрушечные модели деревянных повозок и др.

Северопричерноморские античные колонии вели интенсивную ***торговлю*** по нескольким направлениям: 1) с окружающими «варварами»; 2) в пределах конкретного города и государства; 3) с греческими государствами Средиземноморья и Причерноморья (прежде всего со своими метрополиями). Из Северного Причерноморья вывозили хлеб (особенно интенсивным был экспорт зерна из Боспорского государства в Аттику), скот, кожу, засоленную рыбу, рабов; ввозили вино, оливковое масло, керамику, оружие, ювелирные изделия и другие предметы роскоши.

Производился активный ***выпуск монет*** (из серебра, меди, реже — из золота). В течение всей античной эпохи свою монету выпускали 4 северопричерноморских города: Ольвия, Херсонес, Пантикапей и Тира. Эпизодически чеканили монету Керкинитида, Феодосия, Нимфей, Фанагория, Горгиппия и др. Монетные кружки первоначально отливались в формах, а затем на них путем чеканки штемпелями наносились изображения и легенды. Изображения на монетах в типологическом и стилистическом отношениях претерпевают те же изменения, что и во всем античном мире. При этом в период римского влияния местная монетная система ориентируется на римскую систему (подражания в весе, портреты римских императоров и т.д.)

Особое место в монетном деле занимает Ольвия: в начале истории этого полиса здесь ходила крупная круглая медная монета («ольвийские ассы»), которая не чеканилась, а полностью отливалась в двусторонних формах. Также в Ольвии в ранний период отливались совершенно оригинальные монеты в виде бронзовых дельфинчиков и стрелок. Но в IV–III вв. до н.э. крупные литые медные монеты постепенно вытесняются более удобными небольшими чеканенными монетами из серебра и золота, а позднее и из меди, в результате чего монетное дело Ольвии приобретает вполне обычный для греческих полисов облик.

Античные орудия труда и другие изделия:
1 — меч прямой; 2 — меч-махайра; 3 — бронзовый стригиль; 4 — боевой топор; 5 — лук греческого типа; 6 — меч-гладиус; 7 — наконечник копья римского типа; 8 — наконечник пилума; 9 — молоток; 10 — фрагменты пилы; 11 — топор-тесло; 12 — виноградарский нож; 13 — керамический грузик для ткацкого станка; 14 — керамическое пряслице (1, 2, 4, 6–12 — железо)

Наряду с местной монетой при раскопках северопричерноморских памятников обнаружена и привозная, имевшая хождение во внешней торговле: в VI–IV вв. до н.э. это были в основном электровые статеры малоазийского города Кизика; с конца IV в. до н.э. — по большей части золотые статеры Филиппа II Македонского, Александра III Македонского, а с середины III в. до н.э. — еще и Лисимаха Фракийского; с рубежа эр, т.е. в период римского влияния, — серебряные денарии.

Как свидетельствуют погребальный инвентарь и различного рода изображения, северопричерноморские греки придерживались традиционных античных типов вооружения в сочетании с заимствованными ими варварскими формами. Это длинновтульчатые копья с железным наконечником — метательные и ударные. Это такие мечи, как ксифос — двулезвийный остроконечный, рубящий и колющий; махайра — искривленный однолезвийный рубящий; короткий скифский акинак; на Боспоре, кроме того, — еще и длинный меч синдо-меотского типа без металлической гарды. Наконец, это пращи и луки — как длинные греческие, так и короткие скифские, позднее большие сарматские.

Пришедшие в Северное Причерноморье римляне использовали иные виды наступательного вооружения — меч-гладиус и метательное копье-пилум.

Для обороны использовали деревянные щиты с обтяжкой из кожи или металлических пластин, позднее с металлическими сердцевинами-умбонами; бронзовые панцири-кирасы и панцири из железных чешуек; бронзовые шлемы различных типов — аттические, коринфские и т.д., позднее также железные шлемы; бронзовые поножи и т.д.

3.4. ИСКУССТВО И РЕЛИГИЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Высокого уровня в Северном Причерноморье достигла ***монументальная живопись***. Обнаружены росписи стен жилых зданий и погребальных склепов, причем среди последних в первую очередь выделяются великолепные росписи склепов Боспорского государства, где в IV–III вв. до н.э. начинается расцвет склеповой живописи, продолжающийся и в начале нашей эры.

Росписи первоначально осуществлялись без грунта, клеевыми красками (темперой), затем художники перешли к акварельной фресковой живописи и к восковым краскам, предварительно разогреваемым и наносимым на подогретый слой грунта (техника энкаустики). Росписи могли быть как сюжетными, так и бессюжетными.

Персонажи сюжетных росписей весьма разнообразны: это боги, люди, животные, растения. Используются различные геометрические детали. Многообразны и сами сюжеты — это пейзажи, мифологические сцены, жанровые и батальные сцены и т.д.

Так, например, боспорский Стасовский склеп II в. н.э. содержит роспись со сценой борьбы боспорцев с сарматами, с фигурами зверей в густой траве среди деревьев. Особенно замечательна с точки зрения художественных достоинств роспись склепа Деметры I в. н.э. на Боспоре, сооруженного в естественном холме. Эта роспись воспроизводит миф о похищении Коры-Персефоны (дочери Деметры) Аидом (Плутоном) и представляет нашим глазам на одном из люнетов (боковых частей потолка) Плутона на колеснице, похищающего Кору, а в центре плафона — огромный головной портрет печальной Деметры.

Характерной чертой монументальной живописи была ее неразрывная связь с конструктивной основой (так называемая тектоничность).

В частности, была широко распространена многоцветная раскраска различных частей стены, при которой определенный цвет соответствует определенному структурному участку — цоколю, собственно стенным участкам и карнизу (так называемая структурная система). Начиная с рубежа эр в Северном Причерноморье к структурному стилю добавился восходящий к нему стиль цветного инкрустирования стен пластинами из цветного камня, металла или стекла, при котором сложный орнамент формировался за счет вписывания пластин одной геометрической формы в пластины другой геометрической формы. Немного ранее здесь стал очень популярным цветочный стиль, предусматривавший включение плафона в единую зону росписи со стенами и их украшение многочисленными растительно-цветочными мотивами.

Интересны и ***мозаичные изображения***, создававшиеся с помощью разноцветных галечных камней, укреплявшихся на известковом растворе — например, вышеупомянутое изображение на полу купальни эллинистического периода в Херсонесе.

В памятниках античных государств Северного Причерноморья известна как привозная, так и местная ***скульптура*** (***круглая и рельеф***). Привозная монументальная скульптура была в основном мраморной, причем известны произведения, созданные в мастерских знаменитых греческих скульпторов Праксителя и Скопаса (о чем свидетельствуют их имена на базах статуй). В Ольвии найдена мраморная копия знаменитой хрисоэлефантинной скульптуры Афины Парфенос работы Фидия. Обнаружены также римские копии более ранних греческих скульптур.

Вместе с тем в IV–II вв. до н.э. наблюдается расцвет местной монументальной скульптуры. Это как круглая скульптура — изображения богов, портреты местных жителей и т.д., так и рельефы на мраморных фризах храмов, на которых помимо изображений религиозных процессий демонстрировались растительные и зооморфные мотивы. Местные черты проявляются порой в излишней детализации, порой в некотором нарушении пропорций и в статичности персонажа (например, рельеф III в. до н.э. с городища «Чайка» под Евпаторией, изображающий отдыхающего Геракла).

Примерно с V в. до н.э. и до III в. н.э. широко распространена местная надгробная скульптура, в которой особенно сильно сказываются черты северопричерноморской античности. Основным ее видом были стелы — каменные доски с именем умершего, часто увенчанные карнизом из растительных мотивов или фронтоном храмового типа с акротерием на вершине.

Верхняя половина стелы могла быть оформлена в виде неглубокой ниши с рельефным раскрашенным изображением, а под этой нишей вырезались эпитафии. Рельефы воспроизводили портреты умерших, порой индивидуально, порой в многофигурных сценах символического прощания или загробного пира, порой в героизированном виде или, напротив, в реалистической обстановке земной жизни покойного. Такие стелы были особенно популярны в Боспорском государстве в III–II вв. до н.э.

В период римского присутствия в местной скульптуре проявляется значительное влияние римского портретного стиля.

Местные мастера порой использовали импортируемый мрамор, на что указывают находки неоконченных скульптур из этого материала. Но основным материалом для местной монументальной скульптуры был известняк.

Почти во всех городах найдены привозные или местные терракотовые статуэтки, оттискивавшиеся в специальных керамических формах и затем раскрашивавшиеся. Судя по находкам этих форм, деятельность местных мастеров начинается уже в VI в. до н.э., достигает расцвета в III в. до н.э. — I в. н.э. и продолжается до самого конца античной эпохи. Вместе с тем постоянно продолжался импорт терракоты из метрополий. Излюбленными персонажами терракот, освящавшими или просто украшавшими жилища самых разных социальных слоев, были Деметра, Кора, Афродита, Кибела, Дионис, а также дети, танцующие женщины и т.д.

Религиозные культы находят непосредственное археологическое отражение не только в храмовой архитектуре, но и в изображениях богов на монетах, в монументальной скульптуре (ставилась в храмах и на улицах), в терракоте, в рельефах и надписях на каменных плитах — например, с посвящениями богу внемлющему в Ольвии. Из метрополий в Северное Причерноморье был перенесен культ греческих богов — в первую очередь Аполлона в разных его ипостасях (Дельфиния, Врача, Защитника). Популярны также Кора, Деметра, Гестия. Первоначально в данном регионе был типичный греческий пантеон, однако постепенно здесь формируются специфические черты культовой системы колоний. К этим особенностям относится прежде всего почитание Ахилла Понтарха и богини Девы, в основе которого лежат варварские культы, переработанные греческими поселенцами. Это происходит как в силу тесного контакта с местным варварским миром, так и под влиянием общей тенденции религиозного синкретизма, возникшей в эллинистический период. Затем, в период сарматизации региона, везде и особенно в Боспорском государстве распространяются синкретические культы, наиболее характерным из которых был культ Верховного бога (иначе — Высочайшего, Внемлющего, Благодетеля и Спасителя) на Боспоре. Он сформировался на базе синкретизации культа Зевса в его ипостаси спасителя, фракийского божества Сабазия и местного бога-всадника. Культ Верховного бога был особенно популярен в Танаисе. Известен и культ Верховной богини, восходящий к местному хтоническому культу богини-матери, богини животворных сил природы.

* * *

Упадок и гибель античной культуры Северного Причерноморья, как и финал раннего железного века в степи, лесостепи и лесной зоне Восточной Европы и Сибири в общем совпадают с новой эпохой — эпохой Великого переселения народов и крушения всей античной цивилизации. Эти два события коренным образом изменили этнокультурную обстановку в значительной части степной и лесостепной зоны и косвенно повлияли на процессы развития древних обществ лесной зоны.

Раздел IV

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Глава 1

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

1.1. НАСЕЛЕНИЕ ЛЕСОСТЕПИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I тыс. н.э.

Становление и ранняя история славян не могут быть изучены и поняты в отрыве от процессов формирования и развития других этнических групп Европы. Начальная история праславян, не совсем еще ясная, тесно переплетается с историей кельтов и германцев, скифо-сарматов, финно-угров и балтов. Поэтому проблема происхождения *восточных славян* обычно рассматривается на материалах нескольких археологических культур начала I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э., памятники которых оставлены населением, обитавшим на территории современных России, Польши, Украины, Белоруссии и Молдовы.

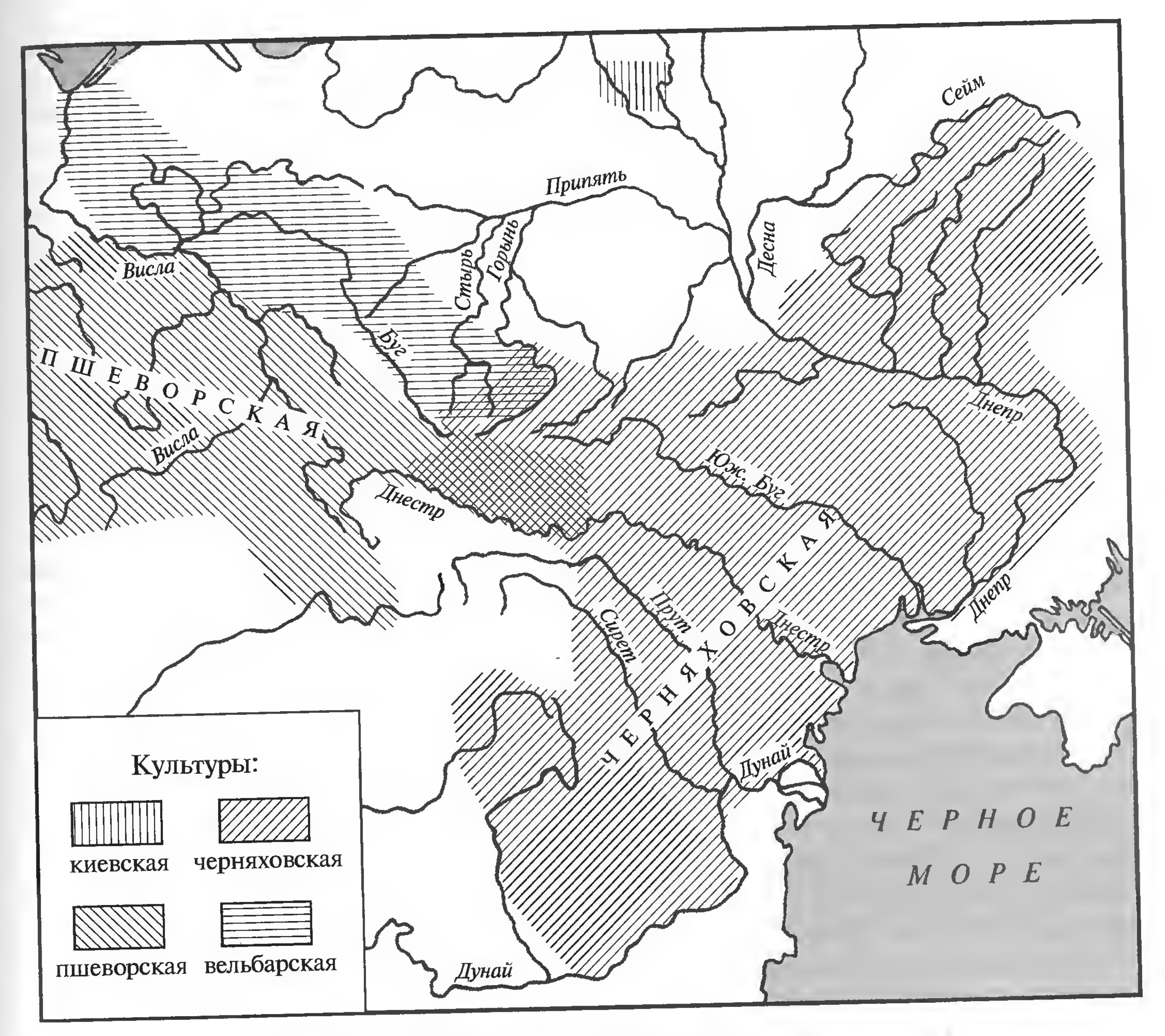
Одной из наиболее ярких археологических общностей Средней Европы, испытавших сильное влияние со стороны провинциальноримской и латенской культур, была *пшеворская* (II в. до н.э. — начало V в. н.э). Сложившаяся на основе развития местных культур Центральной и Южной Польши при сильном влиянии кельтов Подунавья, эта культура представляла собой сложное образование, включавшее кельтский, германский, раннеславянский и другие компоненты. Сложный разнохарактерный состав материалов, найденных на одних и тех же памятниках, объясняется смешением разных групп населения и частым его передвижением. Территория обитания пшеворских племен за время длительного существования культуры претерпела некоторые изменения. Сначала она включала земли от правобережья Одера на западе до Буга на востоке. В I в. до н.э. отмечается первая волна переселения пшеворского населения, теснимого с запада и юго-запада германцами и кельтами, на Западную Волынь и территорию Верхнего Поднестровья. Здесь позднее они сталкиваются с зарубинецкими племенами и постепенно начинают с ними

смешиваться. В результате этого смешения постепенно складывается новое образование — *зубрицкая культура*. С конца II в. н.э. отмечается вторая волна расселения пшеворских племен, в результате которой группы этого населения проникали в Закарпатье и Среднее Поднестровье, а некоторые, вероятно, еще дальше на восток — в отдельные районы юга лесной полосы Восточной Европы. Это передвижение пшеворцев было частично вызвано давлением на них с севера со стороны племен *вельбарской культуры* (I–начало V в.).

Вельбарская археологическая культура имеет важное значение для истории Средней и Восточной Европы, поскольку связана с так называемой *готской проблемой*. Некоторые сведения о территории обитания готских племен содержатся в произведении VI в. готского историка Иордана «Гетика» (или «О происхождении и деянии гетов»). Судя по его словам, готы появились из-за Балтийского моря, с территории Скандинавии и с острова Готланд. После появления в районе Нижней Вислы в I в. н.э. готы довольно быстро продвинулись на юг и в III в. включились в варварские войны с Римом на территории Причерноморья и Подунавья.

Характерные материалы вельбарских памятников (биритуальный обряд погребения — сначала кремации, позднее появляются и ингумации), жертвенные ямы с

Археологические культуры первой половины I тыс. н.э.

золой и камнями, преимущественно лепная посуда — яйцевидные горшки, миски, часто с х-видными ручками, кувшины и др., нередко украшенные комбинацией лощеной и специально ошершавленной поверхностей, прочерченными геометрическими фигурами и т.д.) первоначально были распространены в низовьях Вислы и других прилегающих частях территории Польши. Прослеженные на археологическом материале и частично подтвержденные данными письменных источников неоднократные перемещения групп вельбарского населения хронологически в целом соответствуют передвижению готов и гепидов. Отмечаются две основные волны *передвижения готов в составе носителей вельбарской культуры.* В конце II в. запустевают западные области культуры, но вельбарские памятники появляются в бассейне Западного Буга и на Западной Волыни — это сопровождалось вытеснением части населения пшеворской и зубрицкой культур. С середины III в. н.э. вельбарские памятники становятся известными от Нижнего Дуная до Поднепровья. В это движение могли быть вовлечены различные группы населения, в том числе и некоторые группы ранних славян в составе пшеворской культуры, западные балты и др.

В первой половине I тыс. н.э. на территории степной и лесостепной зон Восточной Европы наблюдаются (по археологическим данным) неоднократные передвижения различных групп населения, оставивших памятники многих археологических культур, в том числе и практически синхронных *киевской* и *черняховской,* более поздней — *колочинской,* а также целого ряда других культур. Эти археологические культуры традиционно рассматриваются в рамках вопроса о происхождении славян. Все их охарактеризовать здесь невозможно, поэтому более подробно рассматриваются только наиболее яркие среди них.

Черняховская культура

Памятники черняховской культуры расположены в лесостепных районах Украины и России (часть Курской и Белгородской областей), черноморских степях к западу от Днепра, в Молдове и Юго-Восточной Румынии: от Северского Донца до Нижнего Дуная и от верховьев Буга до Нижнего Поднепровья. В степи памятники черняховской культуры встречаются гораздо реже. Период существования культуры середина III — начало V в. н.э. В настоящее время этническая неоднородность населения черняховской культуры является общепризнанной.

Хозяйство племен черняховской культуры было ***земледельческо-скотоводческим.*** Основу его составляло пашенное земледелие с использованием легкого или тяжелого плуга. Известны находки железных наральников разных типов. Кроме того, есть находки железных мотыжек, вероятно, для огородничества. Выращивали просо, ячмень, пшеницу, овес, горох, распространены были лен и конопля. Для уборки урожая использовались серпы и косы разных форм, что может быть связано со специализированным назначением орудий. Хранились припасы в ямах-погребах и больших глиняных сосудах-хранилищах. На поселении Флорешты (Молдавия) обнаружена хозяйственная яма, способная вместить до 12 центнеров зерна, что составляет годовой запас для семьи из 6 человек. Для размола зерна применяли ротационные каменные ручные жернова. Обнаружены мельничные сооружения, которые могли использоваться несколькими семьями. Например, на поселении Иванковцы (Украина) раскопаны остатки такой мельницы с двумя комплектами жерновов, расположенными в одной постройке с ямой-погребом.

Среди костей животных, найденных в культурных слоях поселений, более 90% составляют кости домашних животных. Ведущая роль принадлежала крупному рогатому скоту, но разводили и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей и домашнюю птицу. Кость широко использовалась для изготовления орудий, предназначенных для очистки шкур и обработки кожи, из нее изготавливались также гребни, некоторые украшения, бытовые предметы. Предполагают, что существовали даже специализированные косторезные мастерские.

Для черняховской культуры характерны развитая металлообработка, гончарное производство и другие ремесла. Изготовленные в специализированных мастерских изделия, в том числе орудия труда, оружие, бытовые предметы, глиняная посуда и некоторые виды украшений, были распространены по всему ареалу культуры независимо от этнической принадлежности населения, оставившего памятник.

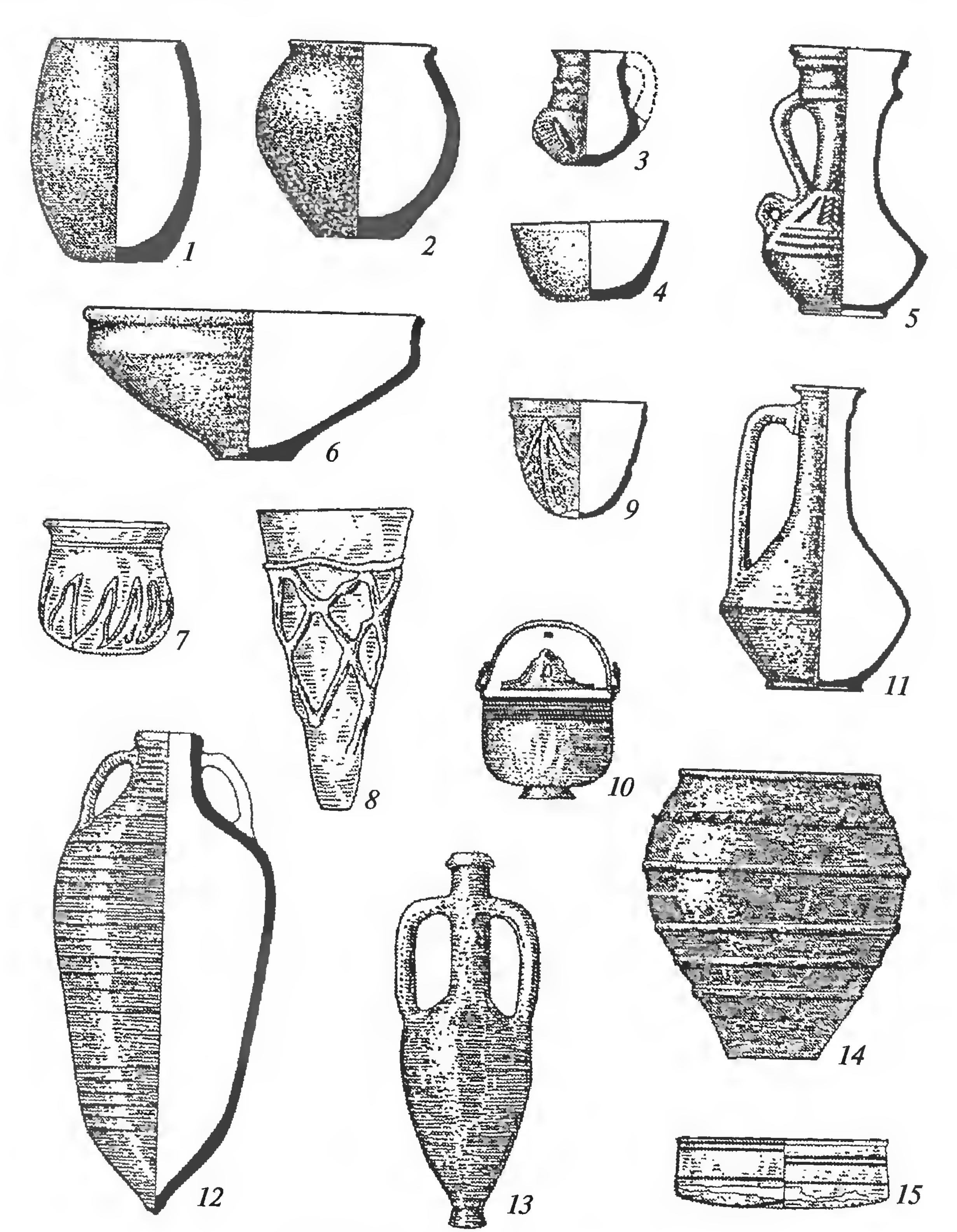
С обработкой цветных металлов связаны находки шлаков, льячек, тиглей и их обломков, а также заготовок и полуфабрикатов изделий. Исследование состава цветного металла украшений показало две основные группы сплавов: первая близка по рецептуре изделиям прибалтийского происхождения, вторая сходна составу бронз, распространенному в мастерских Причерноморья. Это может быть связано с разными источниками сырья для местного бронзолитейного ремесла или может отражать какие-то традиции составления рецептуры сплавов. Большинство украшений черняховской культуры сделаны из бронзы или биллона — медного сплава на серебряной основе. Находки вещей из драгоценных металлов очень редки.

Большое значение имело развитие железоделательного и железообрабатывающего ремесел. Можно предполагать, что эти ремесла уже были специализированными. Использовались болотные и другие руды, в частности, могли использовать залежи железной руды в районе Кривого Рога (Украина). Отходы производства железа и его обработки в виде шлаков найдены на многих черняховских поселениях. Найдено несколько десятков металлургических горнов разной конструкции. Черняховские мастера знали различные приемы обработки железа и получения стали. Специалисты отмечают некоторые позднескифские и центрально-европейские и провинциально-римские черты в кузнечном ремесле — широкое использование и устойчивые сочетания технологических приемов в изготовлении одного предмета — пакетирования, цементации и закалки.

Особенно хорошо было развито гончарное ремесло. Более чем на 50 селищах обнаружены остатки небольших гончарных мастерских. Так, на поселении Журавка (Украина) найдены две печи для обжига керамики, расположенные рядом с полуземлянкой-мастерской. Внутри нее оказались запасы подготовленной для использования глины и некоторые специальные орудия: лощило, каменный пест для размельчения примесей и другие вещи. Здесь же были найдены черепки от сформованных, но необожженных горшков. Есть данные об использовании ножного гончарного круга.

Население черняховской культуры пользовалось лепной и круговой посудой, которая отличалась разнообразием форм, размеров и назначением.

Преобладание гончарной посуды высокого качества и широкий ее ассортимент — одна из характерных черт черняховской культуры. Предполагают, что идея гончарного круга проникла к черняховцам из Причерноморья, из римских провинций или была ими воспринята от населения Прикарпатья, знакомого с гончарным кругом благодаря кельтскому или дакийскому влиянию.

Черняховская культура. Сосуды:
1, 2 — кухонные лепные; 3–6, 11 — столовые круговые; 7,8 — кубки стеклянные (*импорт*); 9 — кубок глиняный (*подражание*); 10, 15 — сосуды бронзовые (*импорт*); 12, 13 — амфоры (*импорт*); 14 — сосуд для хранения припасов

На поселении Комарово в Среднем Поднестровье открыта стеклодельная мастерская. Предполагают, что это была фактория римских мастеров. Некоторые поселения можно рассматривать как промысловые, т.е. связанные с разработкой месторождений туфа (камень, который использовался для изготовления жерновов), добычей соли и др.

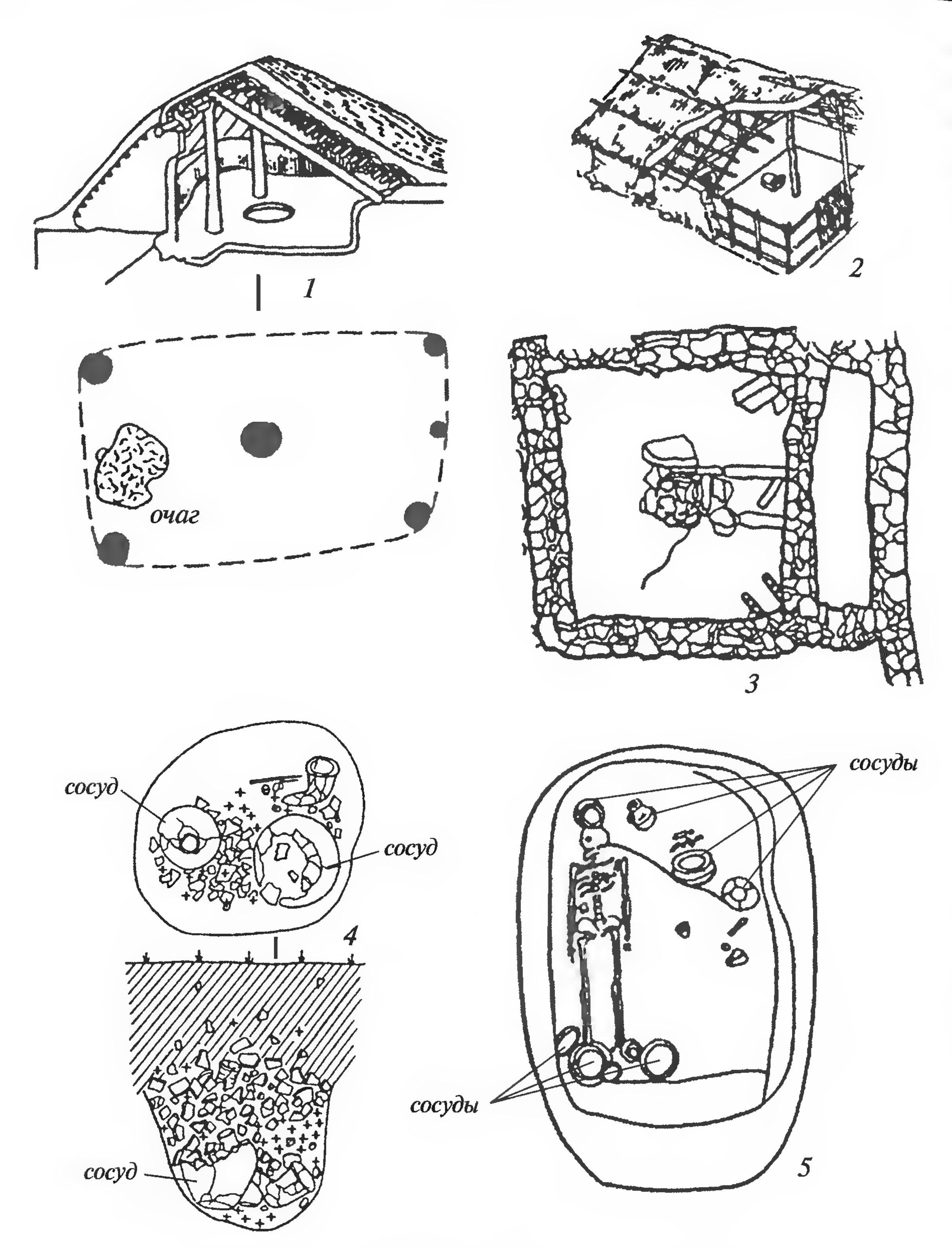
Одно из наиболее распространенных ремесел — ткачество, изготовление шерстяных и льняных тканей. На некоторых металлических предметах в погребениях обнаружены отпечатки разных тканей. Широкий ассортимент найденного деревообрабатывающего инструмента указывает на достаточное развитие этого ремесла.

Памятники. Подавляющее большинство ***поселений*** — это селища значительного размера, расположенные на склонах берегов небольших рек и ручьев. На плодородных черноземных почвах поселения достигают 20–30 га. На менее пригодных для земледелия территориях площадь поселков до 5 га. Часто селища группируются, образуя «гнезда». Постройки на селищах расположены кучно или двумя–тремя рядами вдоль берега реки. Обычно хозяйственные или производственные сооружения находились рядом с жилым помещением.

Жилища представлены полуземлянками и наземными домами. Большинство полуземлянок имеют прямоугольную форму, их площадь — до 20 кв. м. Наземные постройки, одно- или многокамерные, также имеют прямоугольную форму, их площадь колеблется от 10 до 40 кв. м. Каркасно-столбовые плетневые стены домов обычно обмазывались глиной, в центре дома на полу устраивался очаг. По размерам и планировке среди наземных построек выделяются сооружения столбовой конструкции площадью от 60 до 160 кв. м — так называемые большие или «длинные» дома, внутри которых выделялись жилая и хозяйственная части: жилое помещение и помещение для содержания домашних животных, иногда разделенные тамбуром. Стены таких сооружений, вероятно, делались из дерна. Крупные постройки в основном открыты на территории Западной и Северной Украины и Молдовы, а их прототипы хорошо известны на территории Скандинавии и Северной Германии.

На большинстве поселений культуры существовали разные типы одновременных построек. В южных районах ареала черняховской культуры распространены наземные жилые и хозяйственные постройки, возведенные из камня. Стены таких домов сооружены в технике панцирной кладки, сложенной «насухо» (т.е. без связующего раствора), с забутовкой внутренней части мелкими камнями.

Известны всего три мысовых городища, расположенные в юго-восточной, степной части черняховского ареала (Городок, Башмачки и Александровка — самое значительное по площади), возникшие в IV в. н.э. — в самом конце существования культуры. Оборонительные сооружения этих городищ представляют собой земляные валы, на которых возведены двойные каменные или деревянные стены с глиняной внутренней забутовкой, и рвы. Предполагают, что кроме валов и стен были еще и каменные башни. Конструкция оборонительных сооружений близка позднескифской или античной.

Черняховская культура. Постройки и погребения:

1 — реконструкция и план углубленной жилой постройки столбовой конструкции; 2 — реконструкция наземной жилой постройки турлучной конструкции; 3 — план наземной постройки на каменном основании; 4 — план и схема-разрез ямы с погребением по обряду трупосожжения; 5 — план погребения в грунтовой яме по обряду трупоположения

Грунтовые могильники черняховской культуры располагаются на более высоких, чем поселения, местах, но неподалеку от них и занимают сравнительно с поселением небольшую площадь. Большинство известных могильников относится к IV в. Погребальный обряд характеризуется биритуальностью, т.е. использованием и трупосожжения и трупоположения.

Обычно оба обряда встречаются на одном и том же могильнике. Погребения располагались в грунтовых ямах. На некоторых могильниках обнаружены культовые ямы и другие следы тризн.

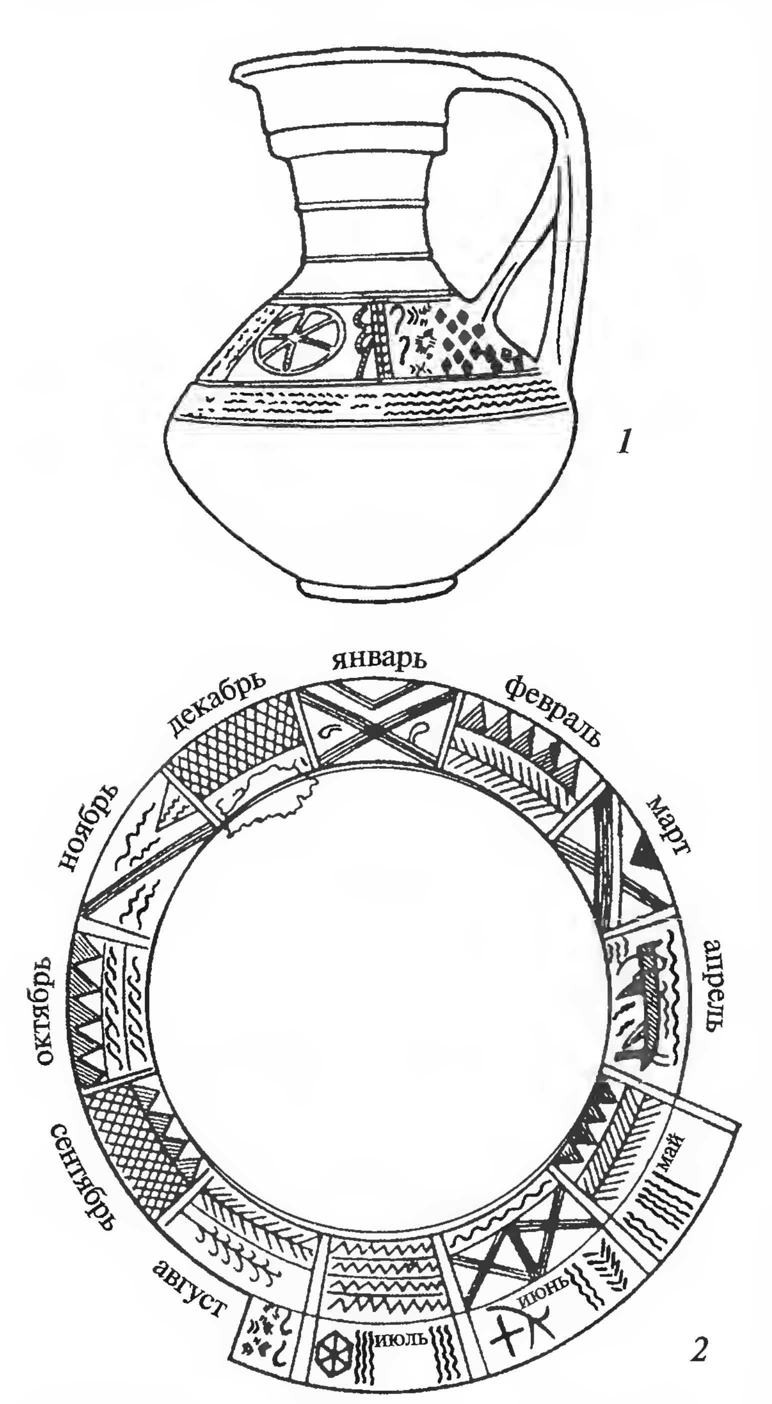
Трупосожжения совершались на стороне, вне места захоронения. Остатки сожжения помещались на дне неглубоких округлых ям, которые сверху перекрывались сосудом, черепками или плоским камнем. Встречаются как урновые, так и безурновые захоронения. В качестве урн использовались глиняные сосуды — горшки, миски, в единичных случаях — деревянные шкатулки или другие вместилища (из кожи, ткани и др.). Более 60% составляют безынвентарные погребения. Остальные сопровождаются в основном металлическими деталями костюма, иногда обожженными или преднамеренно сломанными и положенными внутрь урны или рядом. С единичными урновыми трупосожжениями связаны находки предметов вооружения: втульчатых наконечников копий и стрел, ножей-кинжалов, щитов (от них сохраняются железные умбоны — центральные конусовидные бляхи), топоров, шпор, изредка находят мечи. Мечи длинные, их рукояти не имеют, как правило, наверший и перекрестий. Иногда оружие оказывается воткнутым в дно могильной ямы или согнутым, т.е. преднамеренно испорченным. Эта деталь обряда является элементом пшеворской культуры.

Трупоположения совершены в обычных продолговатых ямах, ямах с подбоем или внутренними боковыми уступами, а также в катакомбах. Умершие располагались, как правило, вытянутыми, на спине, головой на север или запад. Большинство погребений индивидуальные, но встречаются и парные. Известен обряд ритуального разрушения погребений, который совершался, видимо, соплеменниками умершего. Причем именно погребения с северной ориентировкой оказываются разрушенными чаще. Для них характерен разнообразный и многочисленный инвентарь, включающий и несколько сосудов. Погребения с западной ориентировкой в большинстве оказываются безынвентарными или содержат 1–2 предмета. Погребальный инвентарь представлен украшениями: стеклянными бусами, фибулами, различными подвесками, поясными пряжками, а так же предметами личного пользования или быта (гребнями, ножами, пряслицами) и приношениями, чаще всего — это сосуды с напутственной пищей. Вероятно, ритуальное значение имели такие изредка встреченные в погребениях предметы, как ключи, кучки мелких камешков, панцири черепах.

Орудия труда обычно в могилах отсутствуют, оружие встречается редко, хотя воинственность готов и их союзников неоднократно отмечалась древними авторами. Среди погребений выделяются могилы «знати» — глубокие большие ямы, обложенные деревом, останки умерших в которых сопровождают многочисленные предметы. Выделяются целые пиршественные наборы, часто включающие импортные изделия — например, стеклянные кубки. Такие погребения иногда занимают особое место на плане могильника.

Предметы материальной культуры. Основная масса находок — это фрагменты различных глиняных сосудов: горшков, мисок, кувшинов, ваз, кубков. Формы сравнительно немногочисленных лепных сосудов показательны для

разных культурных традиций или подражают формам круговых. Столовая посуда отличается тщательной выделкой, часто ее украшали налепными валиками, желобками, врезными горизонтальными линиями, реже использовали каннелюры, волнистый или штампованный орнамент. Отдельные образцы лощеных сосудов, очевидно, являются подражаниями привозным металлическим сосудам. Среди посуды на черняховских памятниках довольно часто встречаются причерноморские амфоры, в которых привозилось масло или вина. Кроме того, имеются отдельные находки красноглиняной и краснолаковой посуды, вышедшей из провинциальных римских мастерских. Интересную группу сосудов составляют тонкие глиняные кубки полуяйцевидной формы со штампованным орнаментом — местные подражания римским стеклянным сосудам. Только на поселениях находят корчаги и пифосообразные сосуды, сделанные из грубой глины и предназначенные для хранения припасов. Найдены несколько сосудов, поверхность которых украшена сложной системой изображений, возможно, связанных с календарными циклами и имевших ритуальное назначение.

Черняховская культура. Круговой лощеный сосуд с изображением «календаря» (1) и реконструкция полного календарного цикла по изображениям на нескольких сосудах (2)

Для поселений черняховской культуры характерно значительное количество находок орудий труда. Найдены многочисленные железные ножи, рыболовные крючки, глиняные пряслица, глиняные грузила для вертикального ткацкого станка, железные и костяные иглы, проколки, шилья. Предметы вооружения на поселениях находят редко, тогда как находки бытовых предметов достаточно разнообразны — это как заимствованные, так и местные костяные или железные гребни, туалетные пинцеты, замки и ключи и т.д.

Характерной особенностью черняховской культуры являются многочисленные римские монеты, единичными находками представлены монеты

Черняховская культура. Украшения, предметы быта, орудия труда, оружие:
1, 2 — фибулы; 3 — бусы; 4 — пряжки; 5 — гребни; 6 — нож; 7 — топор; 8 — шпора; 9 — серп; 10 — пряслице глиняное; 11 — кресало; 12 — наральники; 13 — коса; 14 — наконечник копья; 15 — кинжалы; 16 — меч

боспорского чекана. На памятниках, исследованных к западу от Днестра, многочисленны находки римских бронзовых монет III–IV вв., которые обслуживали активную торговлю населения этих районов с дунайскими провинциями Римской империи. Восточнее Днестра преобладают серебряные римские денарии, выпущенные еще во II в. — монеты из высокопробного серебра. С территории черняховской культуры происходит около 140 кладов серебряных римских монет. Некоторые исследователи полагают, что серебряные монеты скорее воплощали собой сокровища или использовались в качестве средства платежа только при внешнеторговых сделках, в то время как во внутренних областях шла меновая торговля, обходившаяся без монет.

Кроме монет с римским миром черняховскую культуру связывают многочисленные находки стеклянных и единичные — металлических сосудов. Стеклянная посуда широко распространилась в Римской империи в первые века н.э. и проникла на территорию варварских племен. Многие типы кубков, найденных на черняховских памятниках, не характерны для самих римских провинций, вероятно, их изготавливали специально для варваров. Популярны были кубки удлиненно-конической или цилиндрической формы. Сосуды делались из одноцветного, чаще всего зеленоватого или желтоватого стекла и украшались врезным орнаментом или иногда — напаянными стеклянными цветными нитями. Импортными были и бусы из стекла, поделочных камней и янтаря.

Этнический состав. В настоящее время исследователи выделяют несколько культурных традиций в рамках этнически неоднородного черняховского населения. Черняховскую культуру невозможно рассматривать как результат простой эволюции ни одной из предшествующих культур, хотя в ней отмечают германские, скифо-сарматские, славянские, фракийские и другие элементы.

Первая группа традиций принадлежит *германскому кругу*. Ее определяют биритуальный погребальный обряд и некоторые его особенности, «большие» дома, керамика вельбарских типов (см. выше), формы украшений и предметов быта. Эти признаки известны практически по всей территории черняховской культуры.

Вторая группа включает в себя *сарматские* и *поздне-скифские черты*: погребения по обряду трупоположения в ямах с подбоями или катакомбах, отдельные формы лепной керамики (горшки с расширяющимся горлом), постройки из камня — многокамерные дома и усадьбы с внутренним двором, металлические зеркала. Наследием культуры сарматских племен является помещение в погребения напутственной мясной пищи с воткнутым ножом, кусочков краски и мела, а также обычай прижизненной деформации черепа. Черняховские памятники с этими элементами сосредоточены в основном на территории Северного Причерноморья.

В третью группу входят черты, соотносимые со *славянами*: памятники, на которых господствуют квадратные полуземлянки незначительной площади, с большим числом хозяйственных ям; высокий процент в керамическом наборе лепных горшков; отсутствие крупных могильников. Такие памятники сконцентрированы на территории Верхнего и Среднего Поднестровья, где продолжаются традиции пшеворской культуры. Также со славянами соотносят целый ряд элементов *киевской культуры*, памятники которой распространены в Среднем Поднепровье и более восточных районах.

Финал черняховской культуры связан и хронологически совпадает со временем появления и господства в восточноевропейских степях новой волны кочевников — *гуннов* (см. далее). Нашествие гуннов в конце IV в. вызвало отток части населения на запад — письменные источники сообщают о передвижении готских и сармато-аланских племен. В то же самое время в лесостепных районах территории, занятой населением черняховской культуры, продолжают оставаться какие-то группы населения, что также соответствует данным письменных источников о подчинении части остготов, гепидов и других народов гуннам.

На территории, расположенной северо-восточнее, в период, предшествующий образованию черняховской культуры, и затем одновременно с ней существовала *киевская культура*, которая также многими исследователями рассматривается в рамках вопроса о происхождении восточных славян.

Киевская культура

На рубеже II–III вв. н.э. в пределах леса и лесостепи в северной части Среднего и южной части Верхнего Поднепровья, на территории Подесенья и смежных районов левобережья Днепра складывается *киевская культура*, памятники которой существуют до середины V в. Процесс ее формирования связан со сложным взаимодействием пост- или *позднезарубинецких* племен, различных местных и проникавших сюда с запада — *пшеворских группировок* (см. выше).

Хозяйство населения киевской культуры характеризуется ***земледелием*** и ***приселищным скотоводством***. Распространены небольшие по площади неукрепленные поселения и соответствующие им грунтовые могильники с погребениями по обряду трупосожжения на стороне. С традициями постзарубинецкой культуры некоторые исследователи связывают обычай сооружения жилых полуземлянок с центральным опорным столбом и очагом в средней части постройки. Обряд сожжения, сопровождаемый помещением в могилу вторично обожженной керамики, находит аналогии в пшеворской культуре. Для киевской культуры характерна лепная посуда. Некоторые формы керамики, такие как острореберные миски и горшки с лощеной поверхностью, имеют прототипы среди керамики зарубинецкой и пшеворской культур. Кроме местной лепной посуды на некоторых памятниках присутствует привозная круговая, изготовленная в черняховских мастерских. Особенно заметно влияние на киевскую культуру со стороны черняховской в IV — начале V в., к этому времени относятся находки некоторых типов бронзовых и железных фибул, роговых гребней, стеклянных бус, пинцетов. В начале IV в. население киевской культуры под натиском черняховских племен уступает им часть своей территории в Среднем Поднепровье. Это дало новый импульс для начавшегося несколько ранее

продвижения сюда отдельных групп населения киевской культуры в Верхнее Поднепровье.

На основе киевской складывается *колочинская культура*, которая в последнее время некоторыми исследователями рассматривается как культура славянская. Датируется эта археологическая культура периодом от середины V до второй половины VII в., и ареал ее памятников почти полностью совпадает с территорией предшествующей культуры. Практически одинаковыми оказываются приемы домостроительства (полуземлянки срубной или каркасно-столбовой конструкции с очагом в центре) и обряд погребения (грунтовые могильники с остатками трупосожжения на стороне). Кроме того, исследования особенностей киевской культуры позволяют ряду авторов предполагать, что, кроме колочинской, эта культура является частичной подосновой для *пеньковской культуры* (см. далее), которая рассматривается как «антская», т.е. славянская. Некоторые исследователи усматривают сходство между элементами *колочинской, пеньковской* и *пражской культур*, последняя из которых практически всеми признана в качестве достоверной археологическй культуры ранних славян.

1.2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН

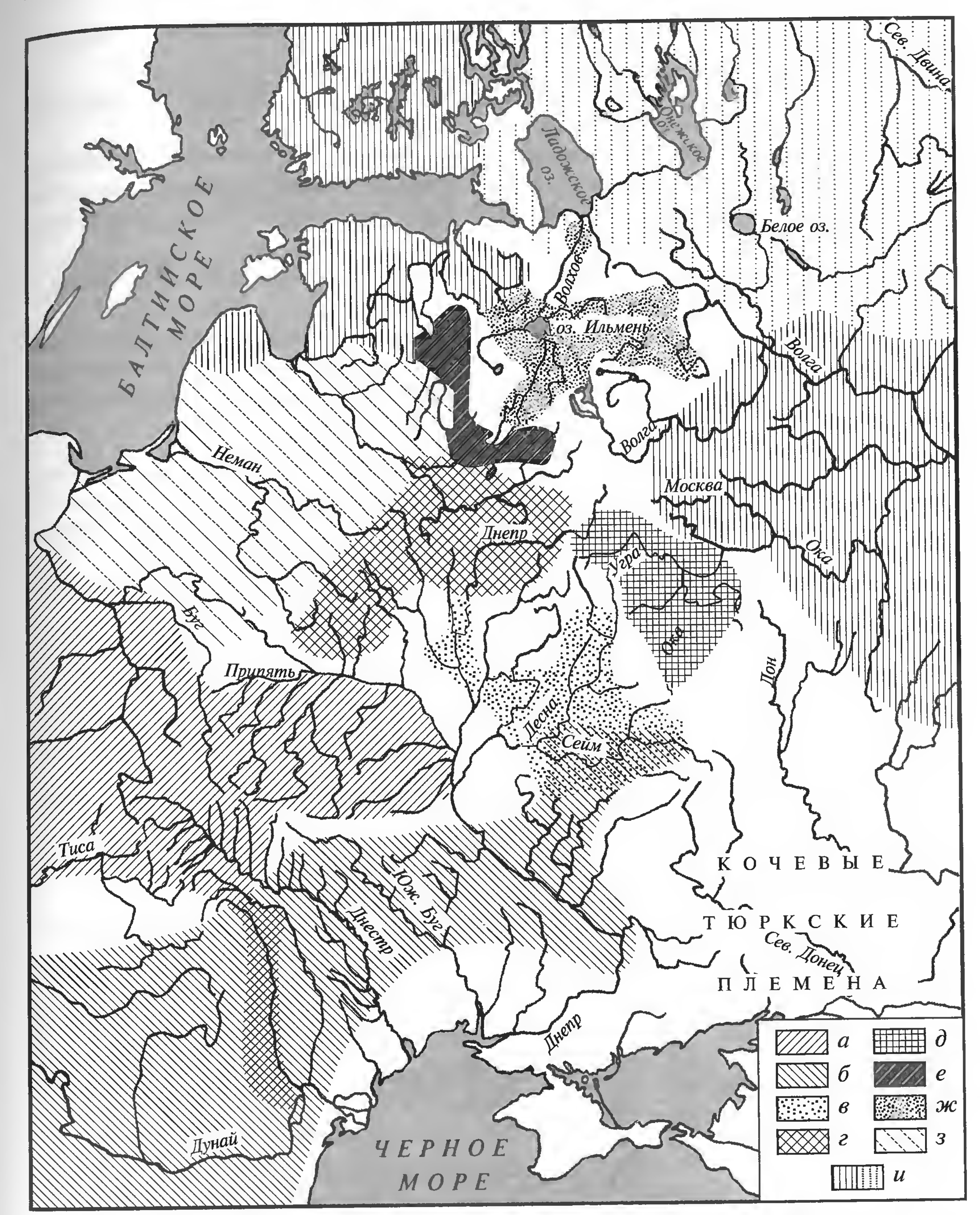
Вопрос о происхождении восточнославянских племен, обитавших в лесостепной и лесной зонах Восточной Европы, названия и территория расселения которых хорошо известны по сообщениям Повести временных лет (начало XII в.), тесно связан с проблемой формирования достоверных раннеславянских культур. Как мы знаем, ни одна из земледельческих археологических культур раннего железного века и первой половины I тыс. н.э., чьи памятники исследованы на обширных лесостепных пространствах, не являлась чисто славянской — население каждой из них было неоднородным и состояло из различных этнических компонентов, автохтонных и пришлых.

Некоторые авторы связывают со славянами сообщения I–II вв. н.э. о венедах, живших к востоку от Вислы. Начиная с VI в. сведения о славянах уже достоверны и становятся более разнообразными. По данным готского историка Иордана и ряда византийских авторов VI в., собственно славяне («склавины» в греческой и латинской огласовке) известны от Нижнего Дуная до Вислы, а родственные им и близкие по культуре анты — от Днестра до Днепра или Дона. Многие византийские источники VI–VIII вв. сообщают о набегах славян на Византию, их расселение на Балканах. Германские раннесредневековые хроники фиксируют славян на территориях к востоку от Эльбы. Древнерусская Повесть временных лет, ссылаясь на устную традицию, в качестве прародины славян называет области Нижнего и Среднего Дуная. Таким образом, оказывается, что занимаемые во второй половине I тыс. н.э. славянами земли простирались от Балтийского моря до Балкан и от Днепра до верхнего Дуная и Одера.

Пражская культура

На территории от Эльбы до Днепра и от Поморья до Дуная в V в. складывается относительно единообразная археологическая культура, получившая название *пражской*. Пражская культура является практически единственной культурой, чья принадлежность ранним славянам является общепризнанной.

Археологические культуры и племена Восточной Европы во второй половине I тыс. н.э.:
а — пражско-корчакская культура; б — пеньковская культура; в — колочинская культура; г — тушемлинская культура; д — мощинская культура; е — ареал культуры ранних длинных курганов; ж — ареал культуры сопок; з — балтские племена; и — финские племена

На всей территории распространения ее характеризуют следующие элементы:

- небольшие селища (до 10 построек), расположенные группами по берегам малых рек;
- жилые дома (квадратные полуземлянки или наземные с небольшим углублением — северо-западный ареал) с печкой-каменкой (реже глиняной) в одном из углов постройки (восточные и южные ареалы) или очагом (северо-западные ареалы);
- господство обряда сожжения на стороне (грунтовые погребения и немногочисленные курганы);
- лепная неорнаментированная керамика со строго выдержанными пропорциями (высокие горшки, расширенные в верхней трети);
- хозяйственный уклад — в основе земледельческий, при наличии скотоводства и домашних ремесел.

Пражская культура явилась, по мнению специалистов, новым культурным образованием, которое сформировалось в период великого переселения народов. Существуют три основные теории ее происхождения. Первая видит ее прототипы в славянском компоненте *пшеворской* культуры, вторая — в продолжении традиций *зубрицкой культуры*, третья зону ее формирования связывает с территорией *Белорусского Полесья*.

В V–VI вв. происходит постепенное расселение носителей пражской культуры в сторону Среднего Поднепровья, Подунавья и на Эльбу, где они ассимилируют остатки местного населения, не ушедшего в ходе событий гуннской эпохи. В конце VI — начале VII в. группы славянского населения начинают оседать на Балканах.

Период V–VII вв. н.э. — важный период в истории формирования славянских народов, с которым связаны:

- последний этап существования общеславянского языка;
- широкое расселение и освоение новых земель;
- самые ранние достоверные славянские археологические памятники.

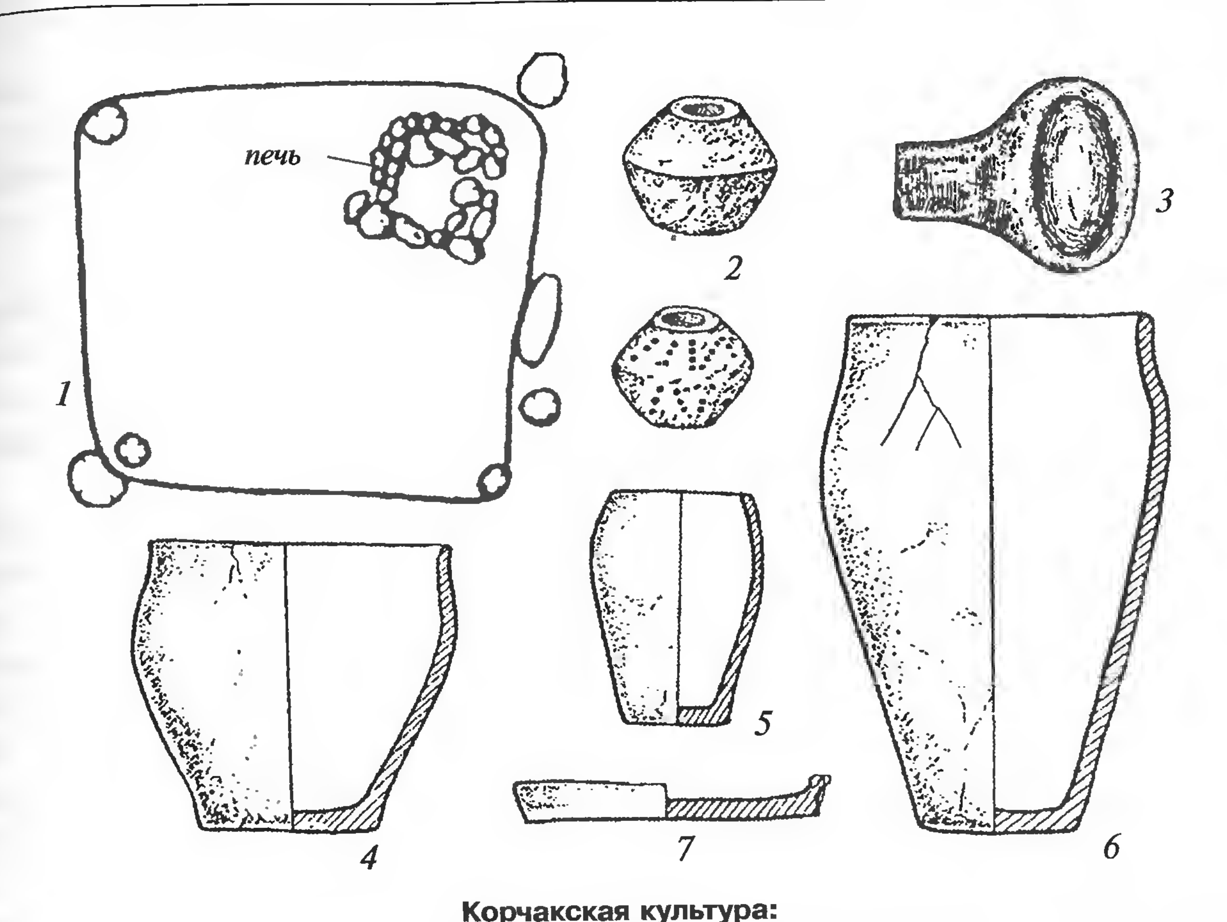
В пределах пражской культуры в результате взаимодействия расселяющихся групп славянского населения и их соприкосновения с местными племенами формируются ее локально-хронологические варианты. На территории Европы выделяются несколько основных культур, так или иначе связанных с пражской. На территории Украины выделяют две: *пражско-корчакскую* и *лука-райковецкую*.

Пражско-корчакская культура

Памятники этой культуры распространены на территории Прикарпатья, междуречья Днепра и Буга. Период бытования культуры — V–VII вв.

Хозяйство. Поселения всегда расположены на удобных для обработки землях. Основу хозяйства составляло ***земледелие***. Использовались рала с небольшими железными наральниками и деревянные рала без железных наконечников, которые были наиболее пригодны для вспашки чернозем-

Корчакская культура:
1 — план жилой постройки столбовой конструкции; 2 — пряслица; 3 — льячка; 4–6 — сосуды лепные кухонные; 7 — сковорода лепная

ных земель. Иногда для обработки пахотного участка использовались небольшие железные и костяные мотыжки. Выращивали пшеницу, просо, ячмень, овес, для уборки которых применяли железные слабоизогнутые серпы. Животноводство стояло на втором месте по значению. Разводили крупный рогатый скот и свиней, мелкий рогатый скот; кости лошадей встречаются редко. Для заготовки кормов использовались косы-горбуши. Судя по незначительному количеству находок рыболовных крючков, а также костей рыб и диких животных, рыболовство и охота играли незначительную роль в жизни населения.

Ремесленное производство было развито слабо, скорее можно говорить о домашних промыслах (прядение, ткачество) или домашнем производстве (обработка дерева, кости). Следы производства и обработки железа отчетливо обнаружены на немногих памятниках. Для получения железа, видимо, использовались местные небогатые болотные руды. Находки из черного металла немногочисленны. Металлографический анализ этих предметов показал, что использовались простые схемы: изготовление изделий целиком из железа, сырцовой стали или пакетированного сырья.

Следы ювелирного производства представлены находками (на городище Зимно, Хачки и некоторых других поселениях) тиглей для плавки цветного металла, глиняных льячек и обломков литейных форм для изготовления простейших украшений. На селище в Бернашовке (Украина) раскопана мастерская, в которой обнаружен набор литейных форм, соединенных между собой.

Глиняная посуда изготавливалась только ручным способом. В основном это кухонная посуда — горшки, сковороды. Как правило, посуда не имеет орнаментации, лишь изредка она украшена косой насечкой, пальцевыми вдавлениями по краю венчика сосуда (на позднем этапе существования культуры) или налепным валиком.

Памятники. Для корчакской культуры характерны небольшие ***селища*** площадью не более 1 га, на территории которых располагалось чаще всего до 10 построек. Селища обычно расположены на невысоких пойменных мысах. Через каждые 5–7 км несколько таких поселений (до 10) образуют своеобразные «гнезда».

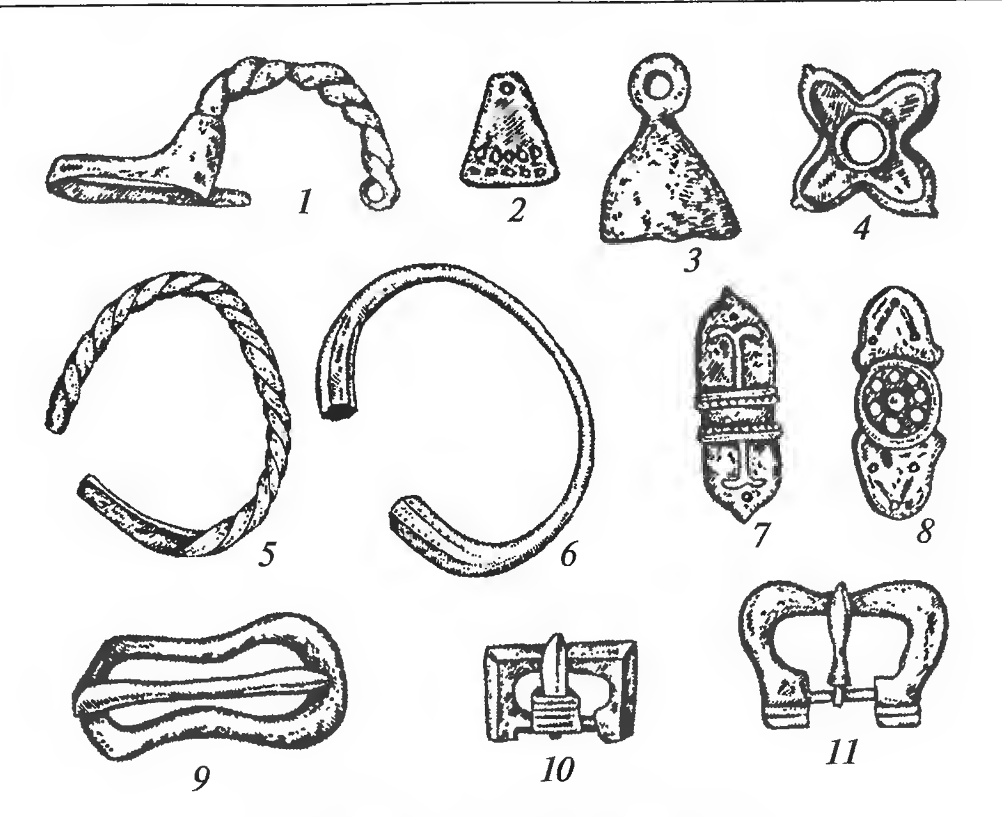
Укрепленные поселения встречаются редко. Среди них наиболее известно городище Зимно (V — середина VII в.), устроенное на останце высокого берега одного из притоков р. Западный Буг (Украина). Одна из сторон городища укреплена деревянной стеной, валом и частоколом, другие были достаточно обрывистыми и крутыми. Бревна частокола наклонно вбиты в склон мыса на расстоянии 3–5 м от стены. Вдоль деревянной оборонительной стены на внутренней стороне площадки располагалась длинная деревянная постройка столбовой конструкции, разделенная на несколько жилых клетей. Клети отапливались открытыми очагами.

Жилища, исследованные на многих селищах, — это квадратные полуземлянки (углублены в землю от 0,1 до 1 м) с деревянными стенами столбовой конструкции и печкой-каменкой в одном из северных углов. В некоторых районах печь делалась из глины. На северо-западе ареала культуры сооружались жилища прямоугольной формы, которые отапливались открытым очагом. Между жилыми постройками обычно группами расположены хозяйственные сооружения, характер и состав которых различны в разных регионах.

Небольшие по площади ***грунтовые могильники*** обычно располагались поблизости от поселений. Известен случай, когда погребения оказались расположенными между постройками поселка (Тетеревка, Украина), были огорожены и вписаны в его структуру. Для корчакской культуры характерен обряд трупосожжения на стороне. Очищенные от остатков погребального костра пережженные кости высыпались на дно неглубокой округлой ямки или собирались в обычный глиняный горшок, который также затем устанавливался на дно ямы, иногда высыпанные на дно ямы остатки сожжения накрывались перевернутой вверх дном урной. Погребения, как правило, не имеют погребального инвентаря. Лишь в редких случаях в них находят оплавленные стеклянные бусы, железные ножи, поясные пряжки.

Кроме грунтовых могильников в некоторых районах известны курганные захоронения с тем же обрядом малоинвентарного сожжения на стороне. В основании курганов располагались ритуальные кострища. Преобладали безурновые захоронения. Собранные с места сожжения кости высыпались на слой кострища, помещались в ямку в основании кургана или в самой насыпи. С VII в. практика сооружения таких курганов постепенно распространяется на более широкой территории. Погребальные

Корчакская культура. Украшения:
1 — фибула; 2, 3 — подвески; 4, 7, 8 — накладки на ремень; 5, 6 — браслеты; 9–11 — пряжки

памятники культуры обнаружены и исследованы не по всей территории ее существования.

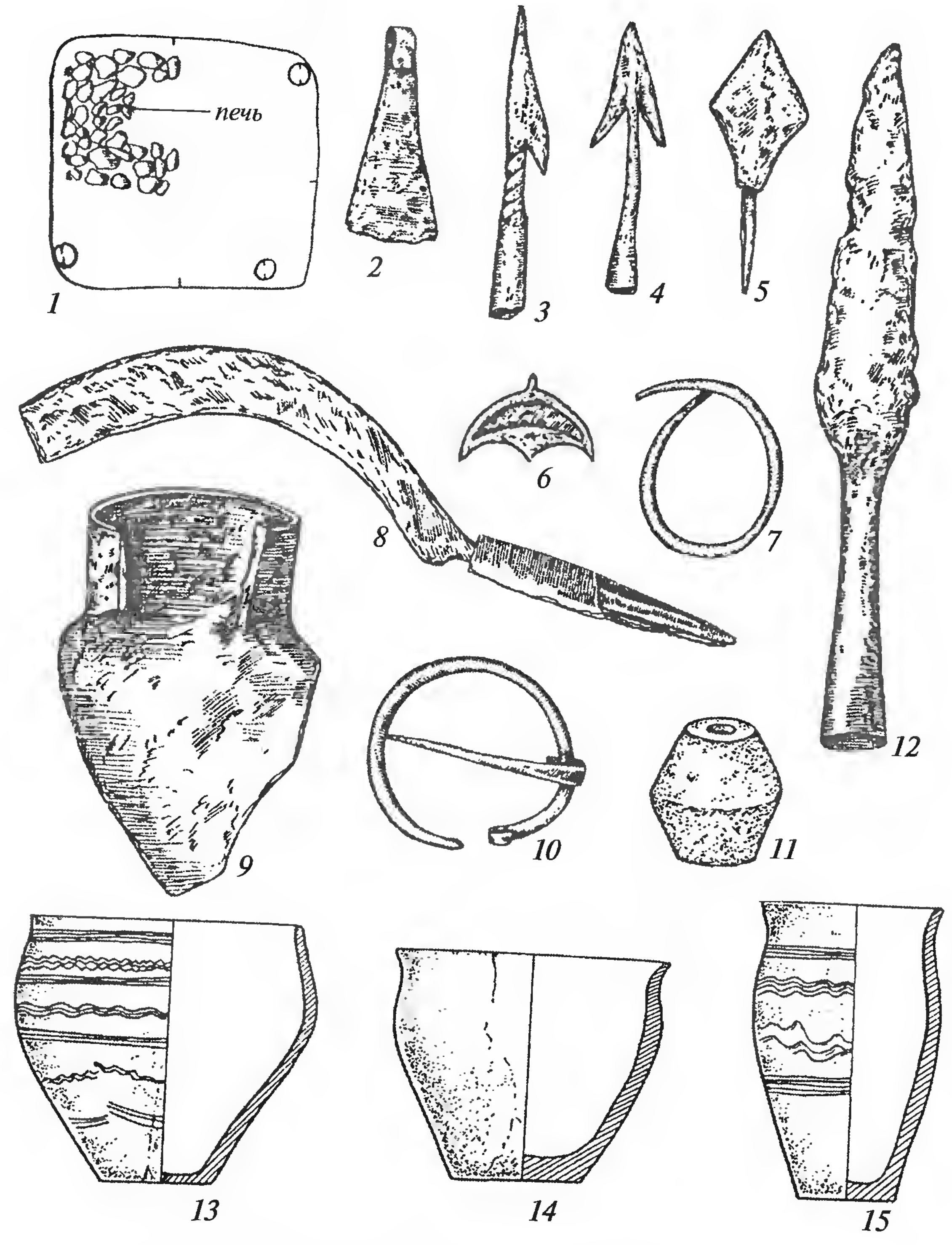
Предметы материальной культуры. Памятники корчакской культуры бедны находками. На поселениях наиболее часто встречаются фрагменты лепных сосудов, глиняные пряслица, небольшие железные ножи. Предметы костюма относятся к числу редких находок — это фибулы, пряжки и браслеты с расширяющимися концами, бляшки, колоколовидные и трапециевидные подвески. Многие из этих предметов найдены на городище Зимно, а также в Прикарпатье. Часть из них принадлежит к типам вещей, широко распространенным в Южной и Средней Европе, они могли попасть сюда в результате торговли или как военные трофеи. Только к концу существования культуры формируются местные формы украшений. Находки предметов вооружения также единичны.

На значительной части ареала раннеславянской пражской культуры (и ее варианта — корчакской) развитие происходило спокойно, без видимых потрясений. Временное запустение некоторых поселений можно объяснить оттоком в ходе переселения.На рубеже VII–VIII вв. на ее основе на территории Правобережной Украины и Молдовы начинает оформляться *культура типа Луки-Райковецкой*, материалы которой показывают генетическую преемственность между раннеславянской культурой этого региона и более поздней древнерусской. В целом материалы новой культуры очень близки материалам корчакской, но тем не менее в силу естественного развития хозяйственной и общественной жизни, вкусов и потребностей населения наблюдаются некоторые изменения в характере поселений, конструкции жилищ, технологии изготовления керамики, в деталях погребального обряда.

Лука-Райковецкая культура

Памятники культуры распространены от Белорусского Полесья на севере до бассейна р. Прут на юге и от верховий Западного Буга на западе до Среднего Поднепровья на востоке. Период существования культуры VIII–X вв.

Хозяйство лука-райковецкой культуры было ***земледельческим***. Распространение пашенного земледелия подтверждается находками железных деталей пахотных орудий — наральников и чересел. Кроме того, для обработки почвы использовались железные мотыги. Найдены зерна возделываемых культур — пшеницы, проса, ячменя. Продолжали существовать и развивались домашние промыслы — прядение и ткачество, обработка дерева и кости, бортничество. Вероятно, какую-то подсобную роль играли в хозяйстве охота и рыболовство.

Лука-Райковецкая культура. Постройка и инвентарь:
1 — план жилой полуземлянки столбовой конструкции; 2 — кресало; 3–5 — наконечники стрел; 6 — подвеска; 7 — кольцо височное проволочное; 8 — серп; 9 — наральник; 10 — фибула подковообразная; 11 — пряслице глиняное; 12 — наконечник копья; 13–15 — глиняные сосуды

Глиняная посуда делалась в основном вручную, но в IX в. появляются сосуды, изготовленные на ручном гончарном круге, украшенные линейным или волнистым орнаментом. Круговая посуда некоторое время сосуществует вместе с лепной, лишь постепенно вытесняя ее. Ранние гончарные сосуды, еще достаточно грубые, повторяют местную наиболее распространенную форму лепных горшков — с расширением в верхней трети. Предполагают, что технология изготовления на ручном гончарном круге пришла сюда с юго-запада, из районов Подунавья, и была достаточно быстро освоена местным населением — в IX в. круговые сосуды составляют до 20% среди найденных на памятниках лука-райковецкой культуры, и количество их постепенно возрастает.

Памятники. Для лука-райковецкой культуры характерны открытые поселения — ***селища***, которые расположены по берегам рек, в местах, удобных для земледелия, скотоводства и различных сельскохозяйственных промыслов. Площадь их незначительна, а застройка бессистемна. С IX в. отмечается увеличение размеров — площадь селищ достигает 3 га, и постройки располагаются рядами. Появляются небольшие усадьбы, состоящие из нескольких построек жилого и хозяйственного назначения. Иногда жилые дома и усадьбы образуют отдельные группы. К этому же времени относится увеличение количества городищ.

Характерным примером поселения культуры является Хотомельское поселение на р. Горынь. Оно состоит из небольшого городища (площадь всего 0,12 га), расположенного на выдающейся в пойму реки возвышенности, с трех сторон защищенной низиной. Городище сооружено еще носителями *пражской культуры*, но было сожжено. Овальная площадка городища окружена земляным валом, дополнительные дугообразные валы и рвы защищают площадку с восточной и западной сторон. К городищу примыкает селище. На поселении исследованы наземные постройки, видимо, срубной конструкции, которые отапливались глинобитными печами, и полуземляночные жилища прямоугольной формы с печкой-каменкой или глинобитной печью, расположенными в одном из углов. В отличие от большинства других поселений Хотомельское городище, кроме керамики, оказалось богато различными находками. Здесь найдены не только предметы быта (ножи, пряслица), но и орудия труда (топоры, серпы, мотыги), а также предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня (наконечники стрел различных типов — железные втульчатые двухшипные, черешковые ромбовидные и листовидные; наконечники копий втульчатые; двусоставные удила, шпора). Кроме того, найдены украшения: подковообразные фибулы, бронзовые поясные пряжки, перстни, браслеты. Интересной находкой является височное кольцо — серебряное семилучевое, украшенное ложной зернью — это одна из самых ранних находок славянского височного кольца такой формы.

Погребальные памятники культуры представлены грунтовыми могильниками и курганами. Погребения совершались по обряду сожжения на стороне. Захоронения редко сопровождаются вещами — известны единичные находки железных ножей, оплавленных стеклянных бус и других мелких предметов. Продолжая традицию пражского населения, население лука-райковецкой культуры хоронило кремированные останки в глиняных урнах или без них в небольших ямах. В течение VIII–IX вв. почти по всей территории культуры широко распространяется обычай сооружения курганов, который к X в. становится преобладающим. Курганы содержат индивидуальные погребения, среди которых преобладают безурновые погребения. Остатки кремаций все чаще располагаются в основании насыпей на ритуальном кострище, на месте совершения сожжения, а иногда помещаются в верхней части насыпи.

Носители пражской и близкой ей культур, расселившиеся на Правобережье Днепра в VII–VIII вв. и частично смешавшиеся с незначительным местным населением, стали предками юго-западной группы восточнославянских племен, названных на этих территориях летописцем в начале XII в., — волынян, древлян, полян, дреговичей (частично).

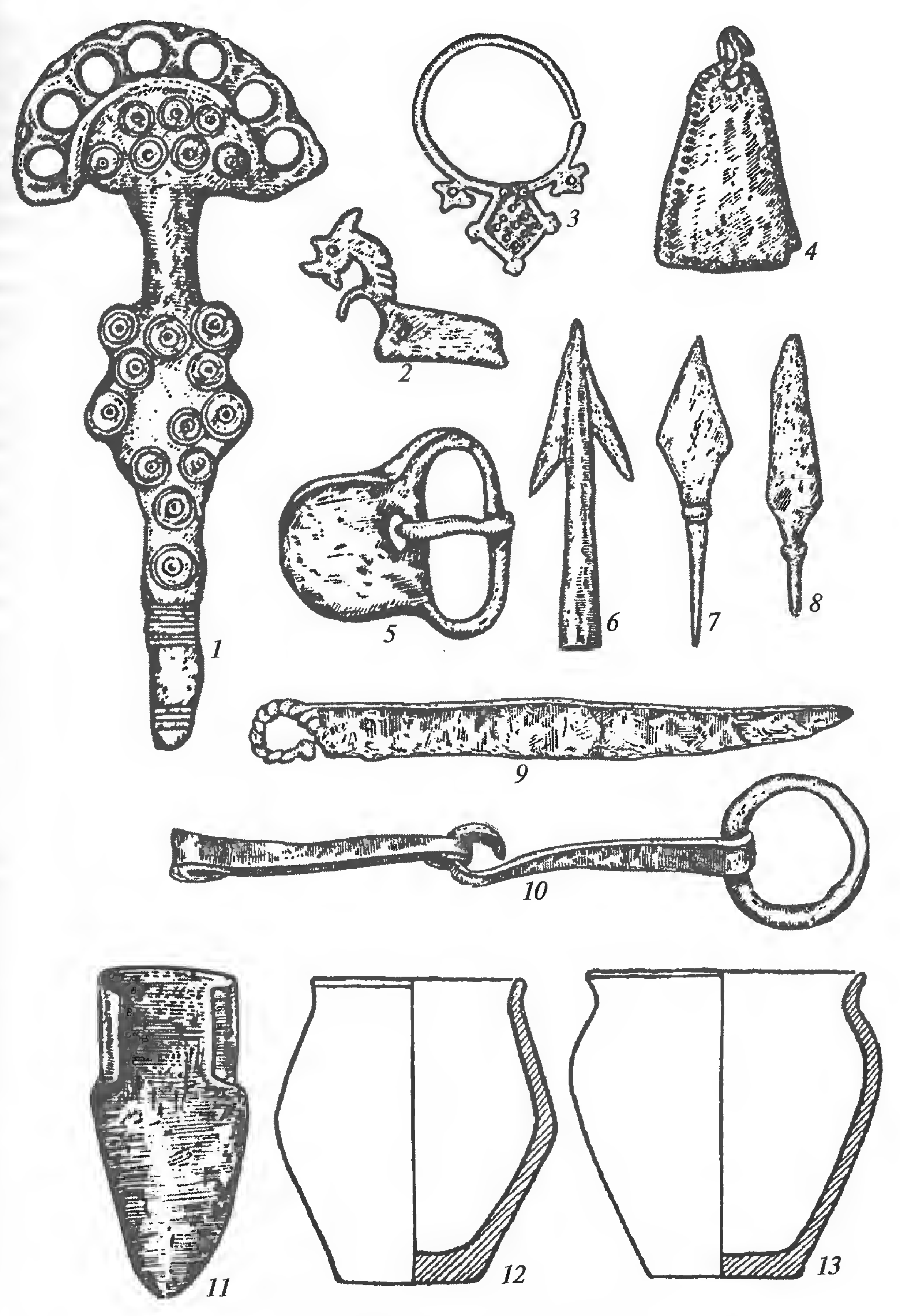
Пеньковская культура

После гуннского завоевания 70-х гг. IV в. в лесостепной зоне Среднего Поднепровья сохранилась часть неоднородного *черняховского* населения, принявшего наряду с продвинувшимися с севера носителями *киевской культуры* участие в процессе формирования пеньковской культуры в течение V в. Основной район формирования культуры — Среднее Поднепровье и бассейн р. Южный Буг. Памятники этой культуры распространены в лесостепи на территории от Северского Донца на востоке до нижнего Дуная на западе. Период существования культуры V–VII вв.

Хозяйство. Население занималось ***земледелием*** и ***приселищным скотоводством.*** В состав стад входил крупный и мелкий рогатый скот, лошади, разводили и свиней. Ремесло носило в основном домашний характер. Исключение составляет добыча железа и, видимо, железообработка. Некоторые исследователи связывают с пеньковской культурой Гайворонский металлургический центр на Южном Буге. Здесь обнаружены и исследованы остатки 21 металлургического горна, 4 печей для обжига (обогащения) руды и несколько ям для ее хранения. Изучение кузнечных изделий показало, что пеньковские кузнецы (как и их предшественники — носители *киевской и пражской* культур) применяли прежде всего простые технологии: изготовление изделий целиком из железа или сырцовой стали. Им известны также такие способы улучшения рабочих качеств орудий, как цементация и термообработка. Можно утверждать, что практически все орудия труда и предметы быта из черного металла имеют местное происхождение.

Для памятников пеньковской культуры характерна лепная керамика: биконические и округлобокие горшки, сковороды. На финальной стадии развития пеньковской культуры в её ареале, в Поднепровье, появляются

Пеньковская культура. Инвентарь:
1 — фибула пальчатая; 2 — ременная накладка; 3 — серьга; 4 — подвеска; 5 — пряжка; 6–8 — наконечники стрел; 9 — нож; 10 — удила; 11 –наральник; 12, 13 — глиняные сосуды

центры по изготовлению гончарной керамики, формы и орнаментация которой имеют северо-кавказские прототипы (поселение Канцирка и др.). Появление гончарных мастерских можно связывать с переселением сюда северо-кавказских (аланских) мастеров. Погребения знатных кочевников этого времени (одно из них — так называемый Перещепинский клад) также известны в южной части Среднего Поднепровья. Во второй половине или конце VII в. на территории пеньковской культуры возникает Пастырское городище — это полиэтничное поселение, ставшее крупным торгово-ремесленным центром. Ремесленные традиции центра формировались на местной основе под сильным влиянием традиций, принесенных из Подунавья. Пастырское поселение было разгромлено в первой половине VIII в., видимо, хазарами.

Памятники. Наиболее распространены открытые поселения — ***селища***, располагавшиеся на низких участках береговых террас и дюнах с легкими для обработки почвами и пойменными лугами. Площадь селищ не превышает 2–3 га. Известны несколько городищ с материалами пеньковской культуры, но валы и рвы этих поселений оказались сооруженными еще в скифскую эпоху. На поселениях преобладает бессистемное расположение жилищ, рядом с которыми находились хозяйственные ямы и постройки хозяйственного назначения. Основным типом жилищ были четырехугольные полуземлянки каркасно-столбовой или срубной конструкции площадью 12–20 кв. м. На раннем этапе культуры строились жилища, отапливаемые открытыми очагами, затем в зонах контакта с носителями пражской культуры распространение получили печи-каменки, располагавшиеся в одном из углов. На нескольких селищах Среднего Поднепровья были обнаружены следы юртообразных жилищ, характерных для кочевников-тюрок.

Погребальными памятниками культуры являются ***грунтовые могильники***, содержащие погребения по обряду сожжения на стороне. Могильники, занимающие небольшую площадь, располагаются в непосредственной близости от поселений. Кремированные останки помещали в глиняные сосуды-урны, которые устанавливались на дно неглубоких округлых ям или просто рассыпались на их дне. Известны случаи, когда жженые кости были накрыты перевернутой вверх дном урной. В одной погребальной яме может находиться от 1 до 3 урн. Погребения сопровождаются украшениями, иногда встречаются ритуальные сосуды.

Памятники пеньковской культуры характеризуются довольно большим количеством различных находок из черного и цветных металлов. На нескольких селищах найдены железные наральники, мотыжки и серпы. Обычной находкой являются железные ножи, глиняные пряслица биконической и округлой формы. Встречаются отдельные наконечники стрел и копий, украшения из бронзы и серебра: фибулы различных форм, подвески, поясные пряжки и бляхи. Массовым материалом является керамика — фрагменты лепных сосудов: биконических или округлобоких горшков, сковород. Пеньковская керамика, как правило, не орнаментирована. Иногда встречаются сосуды, украшенные насечками по венчику или налепами под венчиком.

С территорией части пеньковской и колочинской культур связаны находки кладов VII в., которые иногда называют «антскими». Для них характерны прежде всего различные детали поясной гарнитуры (пряжки, накладки, наконечники ремней), богато орнаментированные, пальчатые фибулы и другие женские украшения. Прототипы этих вещей восходят к некоторым культурам Юго-Восточной Европы, но их наборы и состав, определяющие убор, во многом оригинальны. Появление группы кладов, сокрытых в течение относительно короткого периода, знаменует финал пеньковской и колочинской культур. Это событие, по-видимому, можно связывать с продвижением населения, близкого *поздней пражской культуре*.

Памятники *пеньковской культуры* занимают территорию, совпадающую с той, которую, по сообщению Иордана, занимали *анты* — он писал, что они живут на землях от Днестра до Днепра на излучине Черного моря. Согласно Прокопию Кесарийскому, анты и склавены (славяне) имели общий язык, одинаковый быт, обычаи и верования, а когда-то «даже имя у славян и антов было одно и то же». Византийцы совершенно определенно отличали антов от славян среди наемников, используя в своих целях распри между этими группировками.

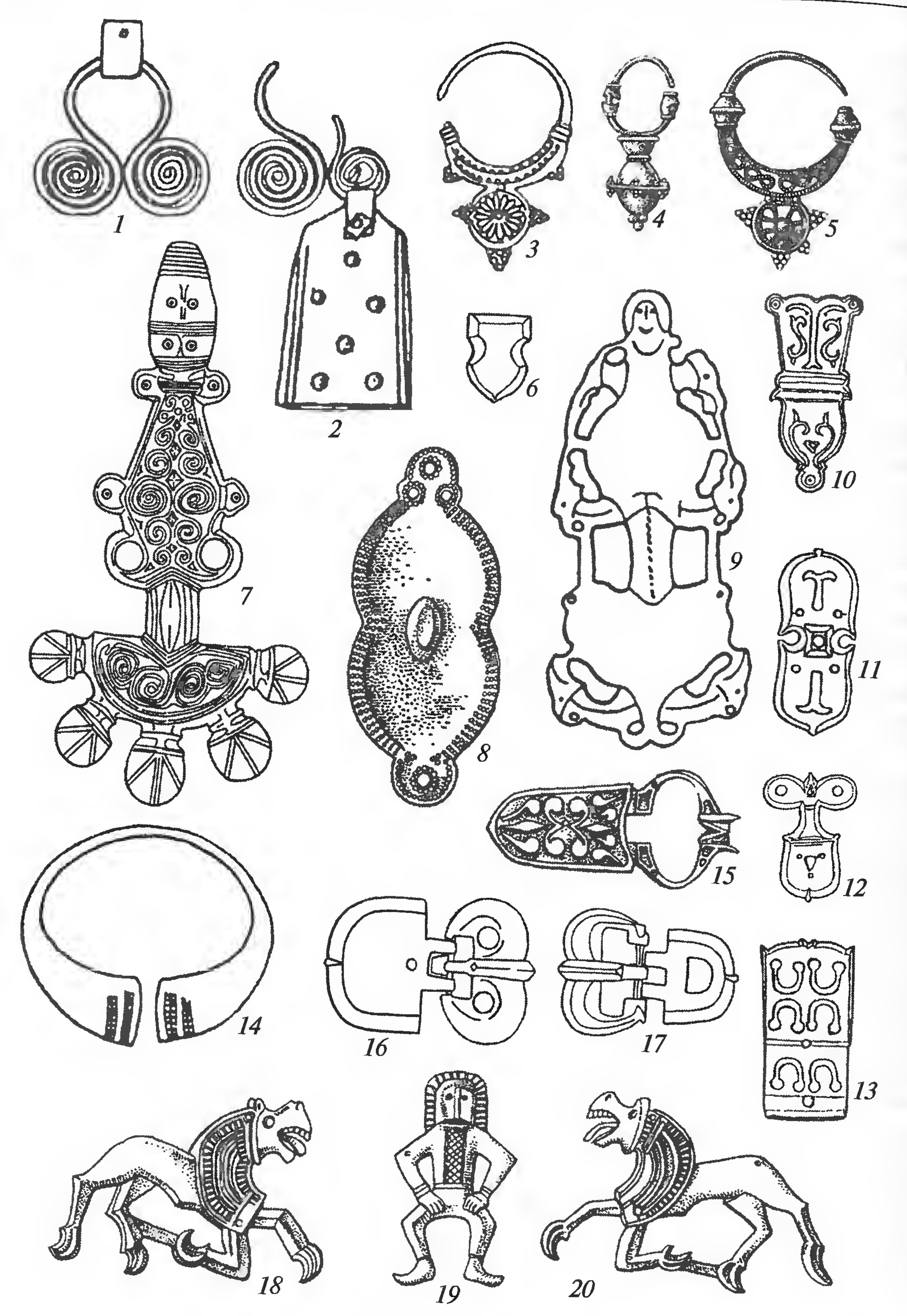
По мнению ряда лингвистов, этноним анты имеет иранское происхождение. Так, видимо, ираноязычное население Северного Причерноморья назвало славян, расселившихся на юго-восточной окраине славянского мира.

Роменско-боршевская культура

Памятники культуры занимают территорию левобережья Днепра от бассейна р. Десна до Верхнего и Среднего Дона. Основное время существования — VIII–X вв. (на некоторых территориях до начала XI в.).

В конце VII в. происходит, как считают некоторые исследователи, перемещение части славянского населения, обитавшего на пространстве от Дуная до Днепра, на северо-восток и восток от этой территории в районы левобережья Днепра. Постепенно смешиваясь с местным населением, переселенцы, носители традиций поздней пражской — ранней лука-райковецкой культур, осваивают лесостепные территории вплоть до Верхнего и Среднего Дона. На этом пространстве складываются *роменская* и *боршевская культуры*, которые всеми безоговорочно признаются в качестве славянских. Они существовали одновременно (VIII–X вв.) и были чрезвычайно близки по многим деталям между собой, поэтому иногда культуру называют *роменско-боршевской*. Общими для обеих культур являются: пашенное земледелие в качестве основы хозяйства, преобладающий тип поселений — селища, полуземляночные жилища прямоугольной формы с печами в одном из углов, развитое косторезное дело, лепные сосуды, украшенные оттисками веревочного штампа или пальцевыми вдавлениями по краю венчика, обряд погребения — подкурганные трупосожжения на стороне. Однако имеется целый ряд различий, касающихся домостроительства, набора украшений и предметов костюма, деталей погребального обряда.

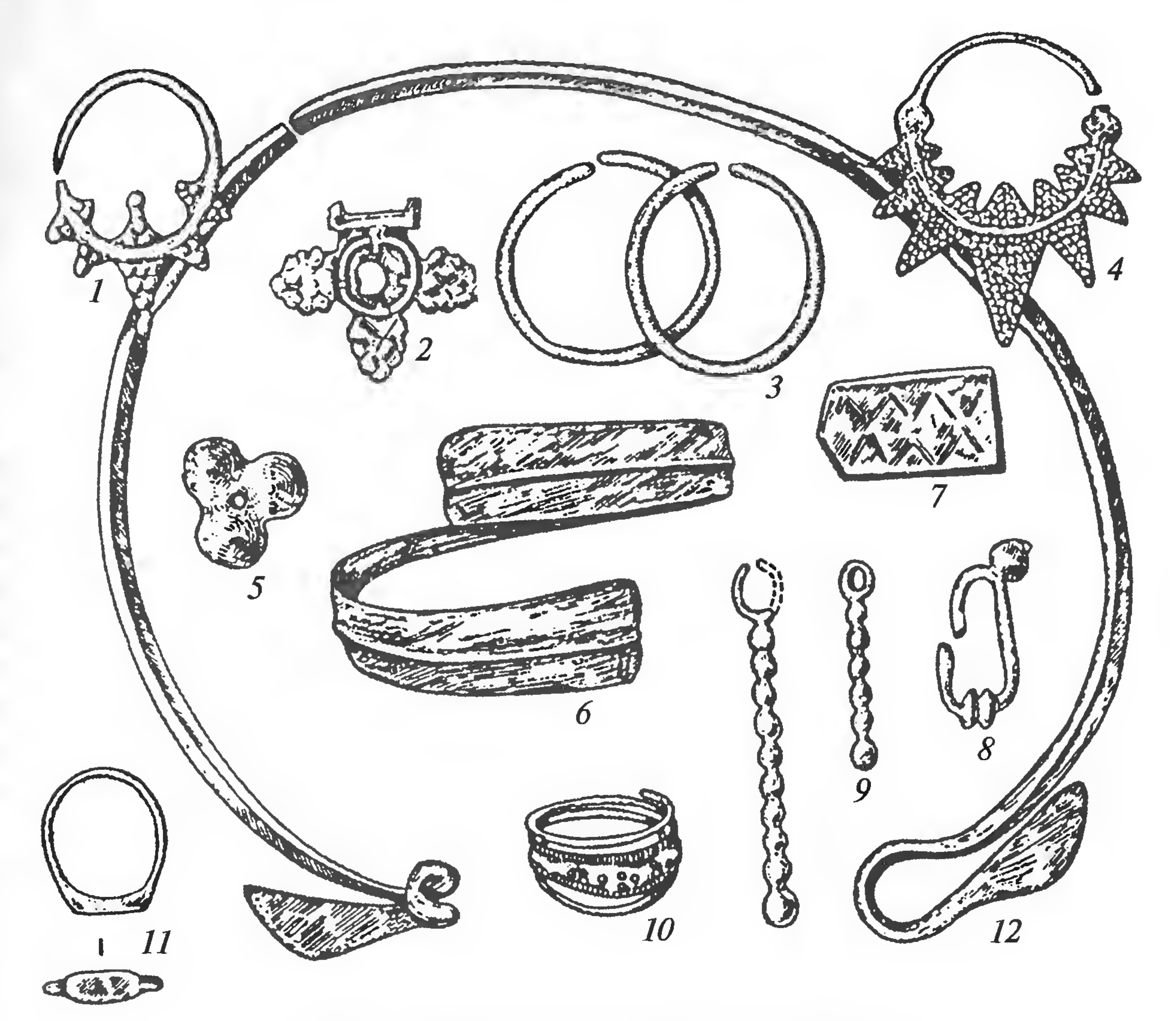
Хозяйство. Как уже говорилось, основу хозяйства составляло ***пашенное земледелие***, при котором использовались пахотные орудия с широкими железными наральниками, наиболее удобными при освоении нетронутых земель, и небольшими наральниками для возделывания старопахотных почв. Выращивались пшеница, просо, на позднем этапе появилась рожь. Для

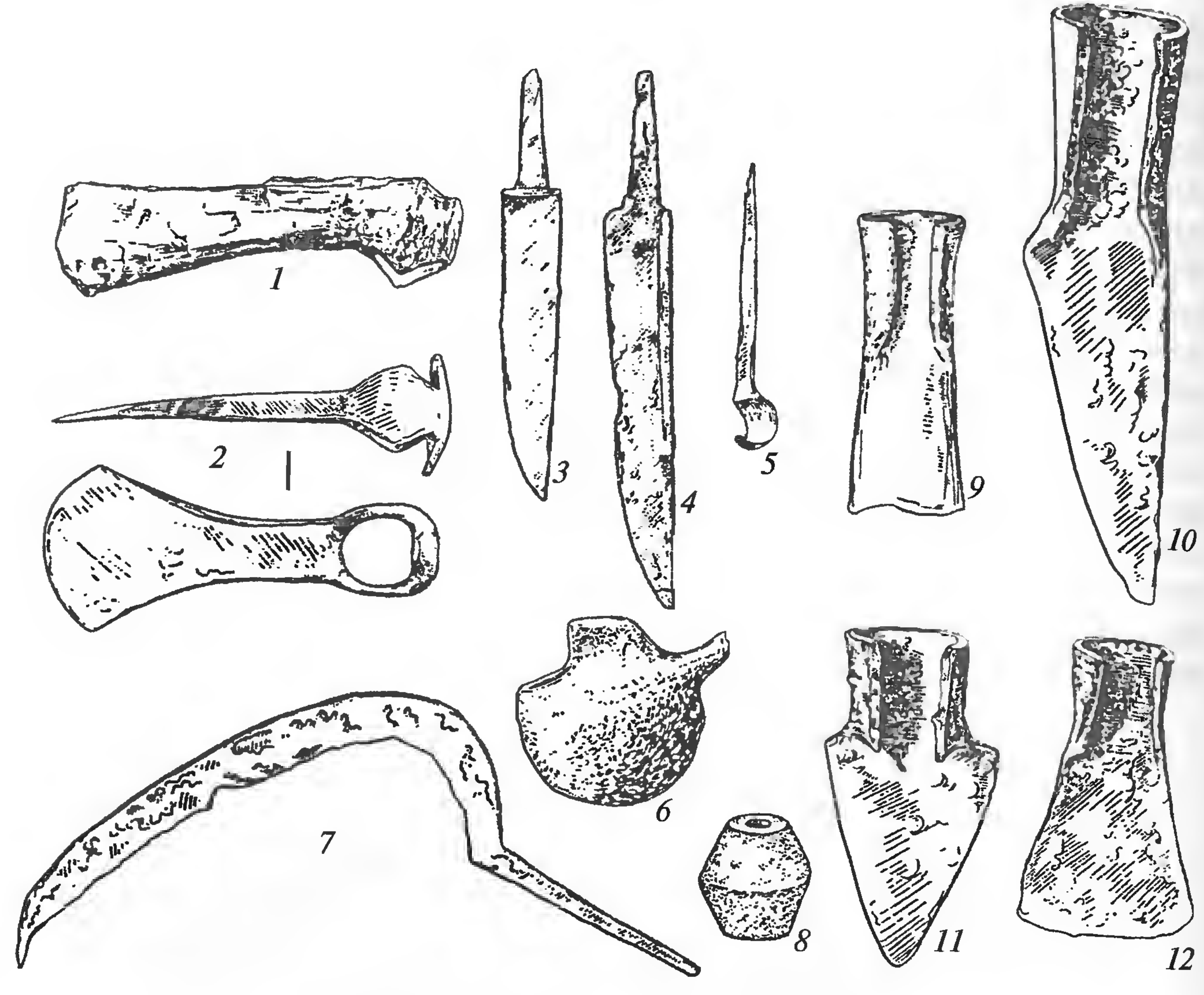
Древности антов:
1, 2 — подвески; 3–5 — серьги; 6, 10–13 — накладки ременные; 7 — фибула пальчатая; 8 — фибула пластинчатая; 9 — фибула зооантропоморфная; 14 — браслет; 15–17 — пряжки; 18–20 — накладки

обработки небольших участков (огородов?) использовались мотыги и мотыжки. Урожай убирался железными серпами устойчивых выраженных форм. Анализ остеологического материала показывает решительное преобладание костей домашних животных — крупного рогатого скота, затем свиней и мелкого рогатого скота. Широкое распространение разнообразных железных изделий говорит о местном характере металлообработки и местном железодобывающем промысле. Следы обработки цветных металлов, льячки, тигли и литейные формы для изготовления отдельных украшений найдены на многих поселениях. Исследователи указывают на заметное количество *салтовских* украшений, которые чаще всего встречаются в ареале роменских памятников VIII–IX вв. Для памятников раннего периода вплоть до IX в. оказываются характерными находки украшений, связанных своим происхождением с дунайскими территориями (полых золотых серег, подвесок-лунниц, зерненых височных колец). В то же время появляются височные пяти- и семилучевые кольца, украшенные ложной зернью. Форма и стиль этих украшений восходят к образцам византийского ювелирного искусства. В качестве сырья использовался цветной металлолом и

Роменско-боршевская культура. Украшения:
1, 3, 4 — височные кольца; 2, 7 — накладки; 5 — нашивная бляшка; 6 — браслет; 8, 9 — серьги; 10, 11 — перстни; 12 — шейная гривна

Роменско-боршевская культура. Орудия труда:
1, 2 — топоры; 3, 4 — ножи; 5 — ложкарь (инструмент для работы по дереву); 6 — тигель; 7 — серп; 8 — пряслице глиняное; 9 — мотыжка; 10 — плужный нож; 11 — наральник; 12 — мотыга

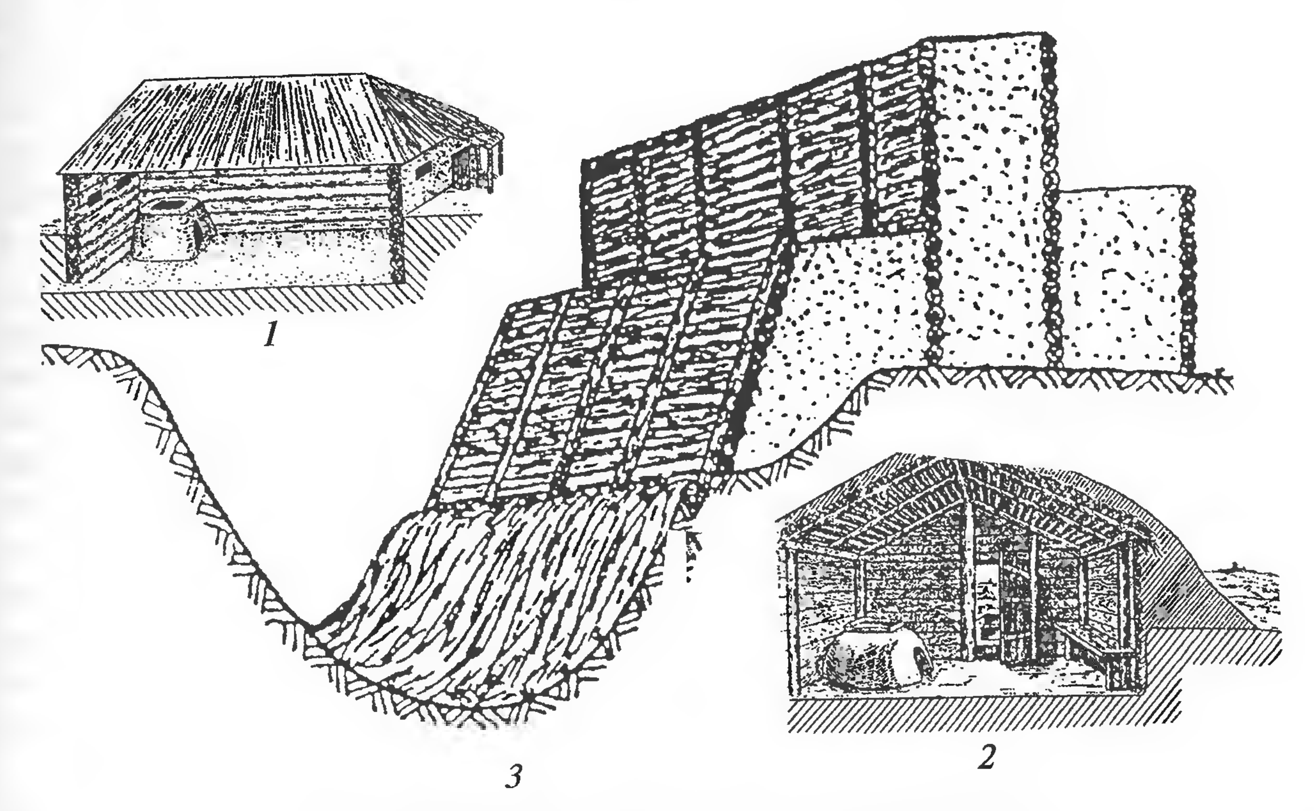
серебряные арабские монеты, которые начинают распространяться на территории Восточной Европы в VIII в. Для культуры IX–X вв. в целом характерен набор украшений, состоявший из лучевых височных колец, металлических браслетов и шейных гривен с расплющенными концами. Позже, с XI в., лучевые височные кольца становятся определяющим признаком для одного из восточнославянских племен — радимичей, территория которых расположена немного севернее и практически не совпадает с ареалом роменских памятников. Многие привески и пряжки, найденные при раскопках поселений, имеют аналогии среди венгерских, раннекочевнических, балтских и восточно-финских древностей.

Роменско-боршевская культура характеризуется лепной керамикой, представленной широким набором сосудов разного размера и форм — это горшки, миски, сковороды. Преобладают грубые горшки, украшенные отпечатками веревочного штампа в виде косых полосок или зигзагов, а также пальцевыми защипами по краю венчика. Обжигалась посуда в печах. В самом конце IX в. появляются сосуды, подправленные на ручном гончарном круге, однако в течение X в. сохраняется преобладание лепных форм.

На некоторых поселениях встречается круговая посуда салтовского происхождения — кувшины и горшки, тщательно сделанные, покрытые полосками лощения.

Поселения культуры неравномерно распределены внутри ее ареала. Большинство из них сосредоточено в районах, в древности покрытых лесными массивами. Среди поселений преобладают неукрепленные, площадь некоторых из них весьма значительна и достигает 10 и более гектаров. Для наиболее ранних селищ характерно расположение на низких участках берегов рек в поймах. В IX–X вв. поселения начинают занимать плато высоких берегов рек, однако поймы продолжают заселяться тоже. Появляются отдельные небольшие селища (на 1–2 двора), свободно располагавшиеся на землях широких пойменных участков. Разная система расположения поселений позволяет предположить, что население сознательно выбирало участки, наиболее пригодные либо для пашенного земледелия, либо для преимущественного выпаса скота. Небольшим скоплениям селищ соответствовали отдельные укрепленные поселки — *городища.* Иногда селища вплотную примыкают к городищу. Площадь городищ чаще всего не превышает 0,5 га, хотя есть отдельные укрепленные поселения, площадь которых достигает 2–3 га. Чаще всего для устройства укрепленных поселений использовались высокие мысы коренного берега. Используя крутые естественные склоны таких мысов, жители усиливали их крутизну путем эскарпирования, т.е. искусственной подрезкой на высоту около 10 м. Так, например, склоны мыса, на котором расположено Битицкое городище (Украина), оказались подрезанными по всему периметру. Широко применялось строительство

Роменско-боршевская культура. Реконструкции:
1 — жилая полуземлянка срубной конструкции; 2 — жилая полуземлянка столбовой конструкции; 3 — ров и оборонительный вал-стена

валов и рвов. В конструкцию вала входили деревянные стены, сооруженные из поставленных вплотную срубов или двойных рядов частоколов, внутреннее пространство которых забутовывалось землей.

Типичными *жилищами* являлись прямоугольные полуземлянки, имевшие стены столбовой конструкции и отапливавшиеся печами. Но в X в. стали распространяться срубные постройки. Печи либо вырезались из глиняного уступа, оставленного около одной из стен выкопанного для постройки котлована, либо целиком лепились из принесенной со стороны глины. Площадь жилищ составляла от 16 до 20 кв. м. В некоторых случаях удалось определить, что жилые срубные постройки были двухэтажными: первый этаж занимал котлован, пол второго настилался на столбы, расположенные по его периметру (Горбово). Кроме жилых на поселениях имелись хозяйственные постройки. Наиболее распространенным типом хозяйственных сооружений являлись зерновые ямы, располагавшиеся как внутри жилищ, так и рядом с ними. Исследователи отмечают постепенное увеличение объема этих ям-хранилищ от нескольких десятков почти до 1000 литров, что отражает постепенный рост сельскохозяйственного производства.

Погребальные памятники роменской культуры — это небольшие округлые курганы с погребениями по обряду трупосожжения на стороне. Ранние погребения известны плохо. Обычно в курганах VIII в. кремированные останки, собранные в 1–2 урны, помещались в основании насыпи. Постепенно расположение урн менялось. Сожженные кости, в урне или без нее, чаще всего располагались в верхней части курганной насыпи. Характерны практически безынвентарные погребения, лишь изредка среди остатков сожжения оказываются оплавленные стеклянные или бронзовые украшения. В северных районах распространения роменской культуры в курганах встречаются ритуальные кострища, которые позже, в XI в., становятся характерной особенностью радимических курганов. Курганные могильники, как правило, насчитывают несколько десятков насыпей и расположены в относительной близости от поселений.

Роменская культура всеми исследователями соотносится с восточнославянским племенем *северян*, территория обитания которого в XII в., согласно данным летописи, совпадает в значительной степени с ее ареалом. Однако, по наблюдениям некоторых авторов, в конце X — первой половине XI в. на территории Днепровского Левобережья происходит резкая смена материальной культуры, подавляющее большинство роменских поселений подвергается разорению и гибнет в пожарах. В то же время в первой половине XI в. отмечается появление каких-то групп славянского населения к северу и северо-востоку от роменской территории. Фрагменты лепной роменской керамики найдены на поселениях, расположенных в бассейне р. Москвы.

Какая-то часть роменского населения, несомненно, осталась на прежней территории своего обитания и приняла участие в формировании уже древнерусского населения этого региона.

Некоторые исследователи связывают *боршевскую культуру* (территория бассейна Верхнего и Среднего Дона) с историей вятичей, однако не все соглашаются с этим. Ясно лишь, что памятники боршевской культуры принадлежали какой-то группе славян. Часть поселений боршевской культуры расположена на территории скифских городищ — славянское население использовало сооруженные в раннее время укрепления.

Отличие этой культуры от роменской незначительно. В первую очередь это связано с домостроительством: полуземлянки боршевцев отапливались печами-каменками или печами, сделанными из камней и глины.

Погребальный обряд боршевской культуры — трупосожжения на стороне с захоронением под курганной насыпью. В отличие от роменских курганов, часть боршевских имеет более сложное устройство. Например, таковыми оказались курганы около Большого Боршевского городища (Воронежская область). Внутри кургана на древней поверхности располагались невысокие деревянные погребальные камеры-домовины с остатками нескольких трупосожжений в урнах. Кроме глиняных сосудов-урн в этих же камерах найдены сопроводительные сосуды, видимо, с напутственной пищей. Вокруг домовин устанавливались кольцевые оградки из деревянных столбиков. Однако большинство боршевских курганов имеют обычное устройство, а остатки кремаций расположены в урнах или просто ссыпаны кучкой на поверхности погребенной почвы.

Поселения и курганы с боршевским материалом отмечены и на верхней Оке. Сходство в первую очередь определяется формами лепной керамики и погребальным обрядом сожжения на стороне. Для верхнеокских курганов характерно наличие остатков обугленных деревянных камер-домовин. В той же части ареала известны и поселения VIII–X вв., видимо, также оставленные славянами. Предполагают, что на территории, занятые балтскими племенами (голядью), в VIII в. проникают группы славянского населения откуда-то с юго-запада. Древнерусские вятические курганы XI — начала XII в. (кроме верхнеокского региона, где отмечены ранние курганы с трупосожжениями) исследованы в бассейне Оки до впадения в нее р. Москвы и далее в ее бассейне. Вероятно, в XI в. вятичи из Верхнеокского региона начали активно расселяться на северо-восток и север. Постепенно славяне продвигаются на земли, занятые восточно-финскими племенами, часть которых является потомками племен позднедьяковской культуры, — так складывается территория, очерченная летописцем как земля *вятичей*.

1.3. ПЛЕМЕНА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (V–XI вв.)

Лесная зона Восточной Европы с глубокой древности была заселена двумя значительными этноязыковыми массивами племен — балтами и финно-035уграми. Занимаемая ими территория простиралась от берегов Балтийского моря до Уральских гор и от Среднего Прикамья до Среднего Поволжья. В основе формирования балтских и финских племен эпохи позднего железного века лежат более ранние археологические культуры: днепро-двинская, дьяковская, городецкая,

ананьинская, пьяноборская, культура штрихованной керамики и некоторые другие. В позднем железном веке балтские племена заселяли часть юго-восточной Прибалтики, включавшую большую часть бассейнов рек Немана и Западной Двины (Даугавы) и частично Верхнего Днепра. Балтские племена подразделяются на восточные (лето-литовские), западные (пруссы, ятвяги и др.), а также близкие им, судя по данным топонимии, — «днепровские». Более северные и северо-восточные территории от побережья Балтийского моря и Ботнического залива до нижнего и среднего течения р. Обь (Сибирь) принадлежали различным финно-угорским племенам. Среди финских племен Восточной Европы выделяют три группы: прибалтийско-финскую (западно-финскую), поволжскую и прикамскую (пермскую). Прибалтийские финны обитали на территории от Балтики до Белозерья и до Западной Двины. Здесь лингвисты отмечают сохранение в течение долгого времени гидронимов прибалтийско-финских типов. Группа поволжских финнов (восточные финны) занимала Волго-Окское междуречье. Прикамские финны (также восточные) обитали на территории Прикамья и в восточной части среднего Поволжья. С историей этих народов неразрывно связана история Древней Руси и сам процесс формирования древнерусской народности и культуры.

Верховья Днепра, междуречье Днепра и Западной Двины и часть территории белорусского Поднепровья в раннем железном веке до III–IV вв. н.э. занимали племена *днепровских балтов*, оставившие *памятники днепро-двинской культуры*. Дальнейшие судьбы носителей этой культуры понимаются по-разному. По мнению одних, в III–IV вв. н.э. на этой территории происходят некоторые изменения в облике культуры, широко распространяются открытые поселения-селища. Немного позже, в IV–V вв., появляются и затем в течение нескольких столетий существуют неизвестные ранее типы памятников: городища-убежища и городища-святилища, но сохраняются грунтовые могильники с трупосожжениями. Считается, что изменения связаны с дальнейшим развитием культуры днепро-двинцев и оформлением генетически связанного с ними населения *тушемлинской культуры*. При этом указывается на сходство некоторых предметов материальной культуры с принадлежащими восточным балтам и отмечается немногочисленный импорт и некоторое влияние со стороны провинциально-римской культуры через население, обитавшее в бассейне Вислы и Немана. Другие авторы полагают, что в III–IV вв. на указанную территорию стали проникать группы населения–носители разных вариантов *киевской* (раннеславянской) культуры. Происходила постепенная ассимиляция пришельцами местного населения. В V–VI вв. на этой основе сложился ряд культурных образований, среди которых *тушемлинская культура, культура псковских длинных курганов* и иные, близкие им группы. Вероятно, в то же время или немного позднее группы нового населения продвигаются на более северные территории — на Псковщину и в районы Верхней Волги. Таким образом, можно предполагать, что оставившее памятники этих культур население сформировалось в результате тесного взаимодействия нескольких этнических групп.

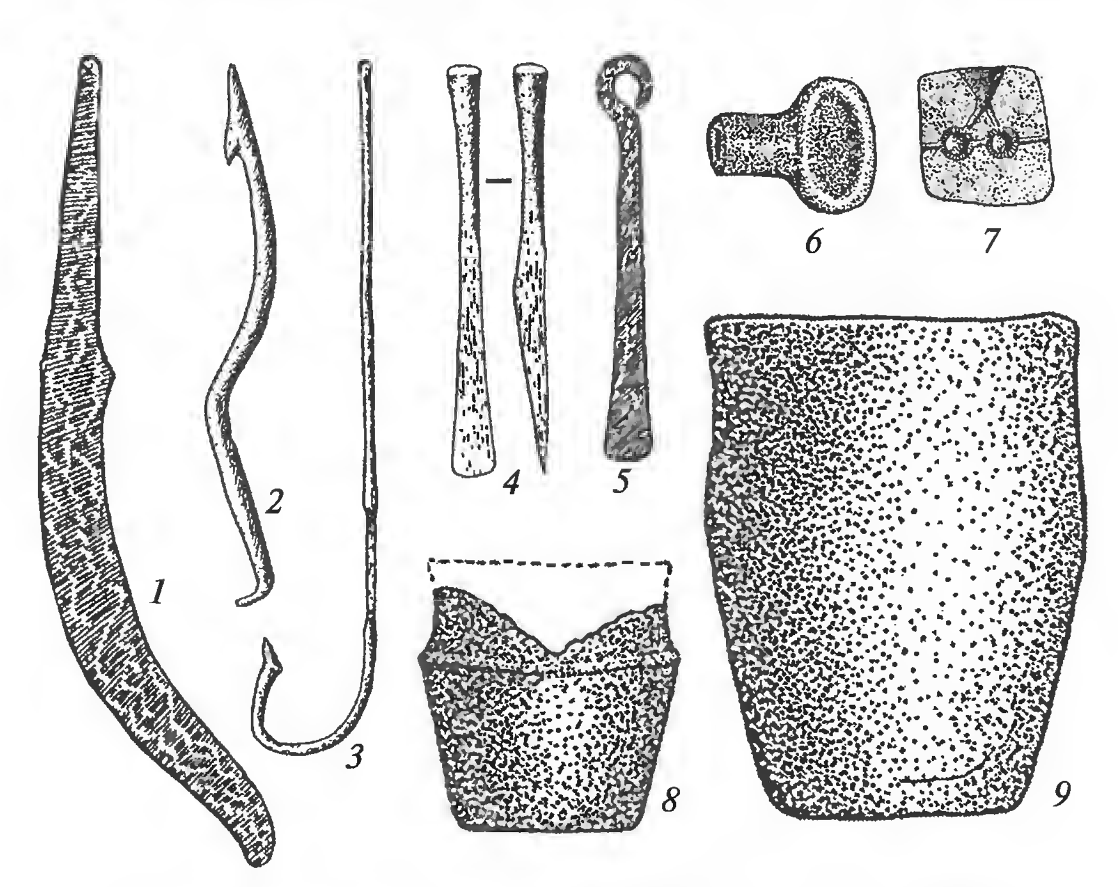
Тушемлинская культура

Период существования тушемлинской культуры — V–VII вв. н.э. Наиболее распространенный тип поселения — ***селища***. Они обычно расположены на пологих склонах надпойменных террас, иногда у подножия холмов, занятых городищами раннего железного века. Площадь селищ больше площади укрепленных поселений предшествующего периода и колеблется от 0,4 до 8 га, однако культурный слой незначителен. На селищах раскопаны остатки прямоугольных наземных жилищ столбовой конструкции с очагами, устроенными в овальных углублениях в центре помещения. Постройки сопровождаются хозяйственными ямами.

Городища-убежища, как правило, практически не имеют культурного слоя (Слобода-Глушица, Колодня в Смоленской области). Обычно они устраивались на отдельно расположенных холмах-останцах или в болотистой низменной местности. Овальная или округлая площадка на вершине холма окружалась невысоким валом и тыном или деревянной стеной из горизонтально закрепленных между столбами бревнами и рвом с наружной его стороны. Типичным является расположение по краю площадки жилой постройки столбовой конструкции с рядом очагов, сложенных их камней на уровне земляного пола. Центр площадки оставался свободным и мог использоваться для загона домашнего скота. Между внутренней стороной вала и глухой задней стеной столбовой постройки оставался проход. Столбовая постройка, расположенная по периметру площадки городища Тушемля, являлась частью деревянной конструкции оборонительного вала, образуя своеобразную «жилую стену». На мысу этого же городища исследованы остатки святилища в виде круглой площадки со столбом в центре (деревянное изображение божества?), окруженной канавкой с остатками столбиков.

Бескурганные могильники тушемлинской культуры расположены на краю селищ или поблизости от них на возвышенных местах. Могильники занимают небольшую площадь. Погребальный обряд — трупосожжение на стороне с размещением остатков на дне округлых грунтовых ям. Иногда

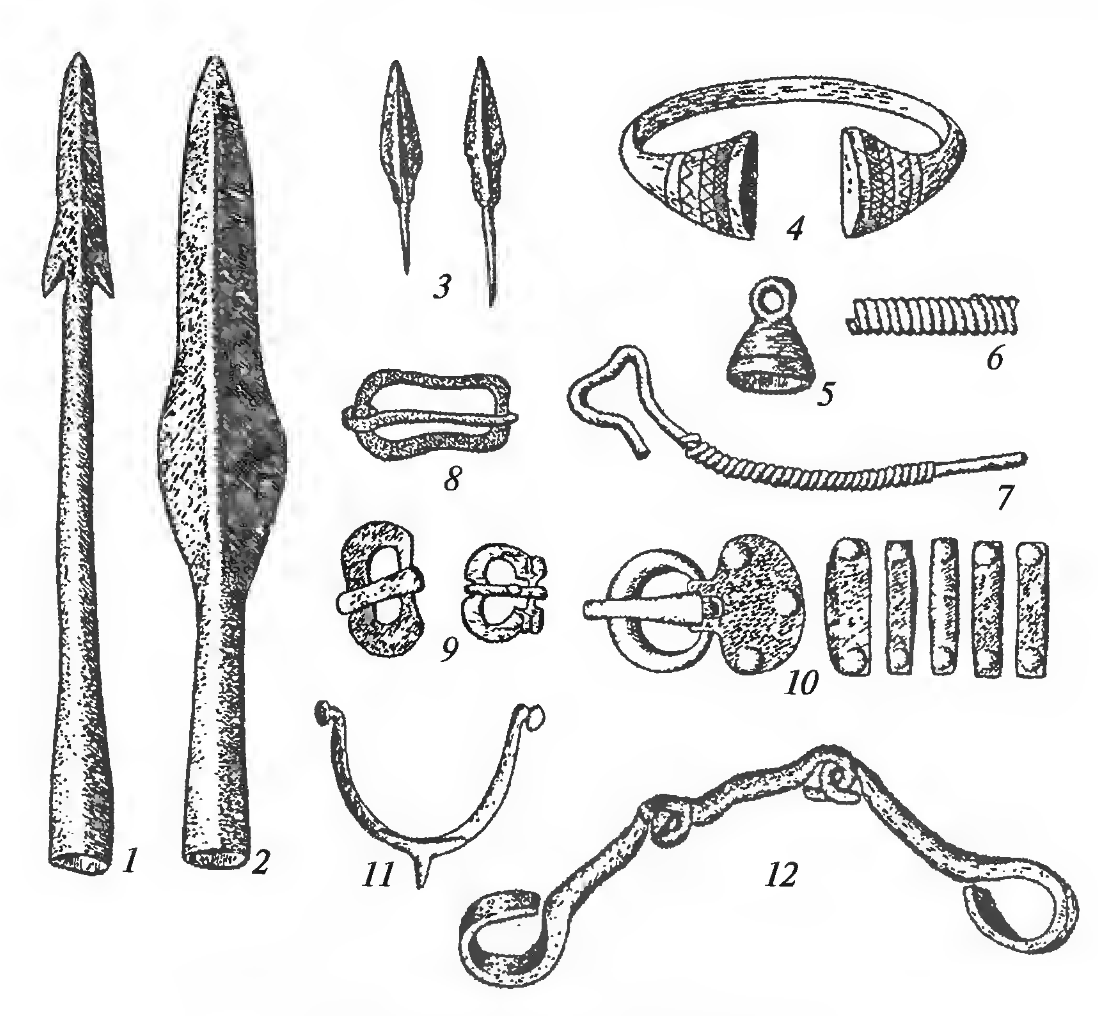

Тушемлинская культура. Орудия труда и бытовые предметы:
1 — серп; 2 — гарпун; 3 — крючок рыболовный; 4 — долото; 5 — кресало; 6 — льячка; 7 — литейная каменная форма; 8, 9 — глиняные сосуды

захоронение совершалось в глиняном сосуде-урне, погребения безынвентарные. В редких случаях в ямах встречаются фрагменты бронзовых проволочных колец и спиралек.

Предметы материальной культуры. Для населения тушемлинской культуры характерна лепная посуда однообразной слабопрофилированной формы, с грубо обработанной поверхностью, как правило, неорнаментированная. В качестве столовой посуды использовались также лепные, но лучше выделанные сосуды с полностью или частично залощенной гладкой поверхностью. Среди них преобладают мелкие сосуды и небольшие миски. Значительную часть находок составляют глиняные пряслица, глиняные бусы, грузила для сетей. Изделия из кости встречаются редко, обычно это проколки. Хорошо известны некоторые сельскохозяйственные орудия: серпы, серповидные ножи, косы-горбуши. Встречены многочисленные железные ножи разной формы, бритвы, плоские пинцеты, шилья, рыболовные крючки, узколезвийные проушные топоры.

Предметы вооружения найдены в основном на памятниках Смоленского Поднепровья. Они представлены втульчатыми наконечниками копий, черешковыми трехлопастными и плоскими наконечниками стрел. Найдены также железные шпоры и двусоставные железные удила. Изделия из

Тушемлинская культура. Инвентарь:
1, 2 — наконечники копий; 3 — наконечники стрел; 4 — браслет; 5 — подвеска; 6 — спиральная пронизка; 7 — шейная гривна (фрагмент); 9 — пряжки, 10 — поясной набор; 11 — шпора; 12 — удила

серебра или бронзы связаны с костюмом — это проволочные и массивные браслеты, большие проволочные височные кольца, стеклянные и янтарные бусы; к редким находками относятся фрагменты шейных гривен, детали ременной гарнитуры, подвески и фибулы.

Хозяйство. Основу хозяйства составляло ***подсечное*** и ***пашенное земледелие.*** Обработка земли велась с помощью деревянного рала. Выращивали пшеницу, ячмень, просо, овес, бобы, коноплю, лен. Стадо домашних животных состояло из крупного и мелкого рогатого скота, свиней и лошадей. К концу существования культуры заметно увеличился процент крупного рогатого скота, что, видимо, связано с активным использованием животных в качестве тягловой силы. По сравнению с материалами днепро-двинской культуры уменьшился удельный вес свиней в составе стада, а в середине I тыс. н.э. заметно уменьшилась роль охоты.

На многих селищах найдены скопления железных шлаков и кусков болотной руды, встречены железные прокованные заготовки и кузнечные инструменты. Анализ изделий из черного металла показал, что тушемлинские кузнецы в основном изготавливали цельножелезные изделия, лишь изредка используя приемы термообработки. Для местных изделий характерно использование высокотвердого железа, тогда как сталь, вероятно, была привозной.

Основная часть находок различных предметов материальной культуры, в том числе предметов вооружения, происходит с территории селищ и городищ-убежищ, что частично объясняется чрезвычайными обстоятельствами их истории. На ряде поселений тушемлинской культуры прослежены следы разгрома и пожарищ. Запустение селищ и гибель городищ-убежищ, по мнению некоторых исследователей, происходит в основном в течение VII в., что, вероятно, можно связывать не только с внутренними конфликтами, но и с проникновением на эту территорию групп какого-то нового населения.

1.3.1. Славяне лесной зоны Восточной Европы

Предполагают, что в VIII в. происходит постепенное продвижение некоторых групп славянского населения из районов Верхнего Днестра на северо-восток, на левый берег Днепра и на территорию бассейна р. Десна, где формируется население, которое летописец называет *радимичами.* Поселения этой территории изучены слабо. Особенностью радимического ареала является преобладание курганов с трупосожжениями, совершенными на месте возведения насыпи на специально сооруженной подсыпке. Характерны безурновые индивидуальные погребения, практически лишенные каких-либо предметов. Изредка встречаются остатки стеклянных бус, проволочные височные колечки, фрагменты лепных сосудов. Форма сосудов близка роменско-боршевским. Определить точную дату радимических курганов с сожжениями трудно — на основании аналогий обряду и немногочисленным находкам они обычно относятся к IX–X вв.

Часть восточнославянских племен — *кривичи* и *словене новгородские* — помещены Повестью временных лет на обширных пространствах лесной зоны, включающих в первую очередь территории Верхнего Поднепровья, Подвинья и Верхнего Поволжья, Приильменья. Процесс формирования этих племен довольно сложен и в ряде случаев остается дискуссионным. В связи с ранней историей *кривичей и*

словен, как правило, рассматриваются две археологические культуры, относящиеся в основном ко второй половине I тыс. н.э. — это *культура длинных курганов и культура сопок*.

Культура длинных курганов

В VI–VIII вв. на территории от Псковского озера и до Верхней Волги распространяются удлиненные валообразные погребальные памятники — длинные курганы. Длинные курганы распространились на территории, занятой в предшествующее время финскими и балтскими племенами, которые в основном имели грунтовые могильники. Исключение составляет небольшая территория на востоке Эстонии и севере Латвии, где курганы известны со II в. н.э. Наиболее ранние длинные курганы датируются V–VII вв. и часть из них находится в районе Псковского озера. В VIII–IX вв. обычай сооружать длинные курганы появляется и распространяется дальше на юг и юго-восток до Верхней Волги.

По некоторым особенностям выделяют культуру *псковских длинных курганов* и *смоленско-полоцких длинных курганов*. Общий период существования VI — начало X в.

Большинство длинных курганов, расположено небольшими группами на склонах и в поймах рек. На всей очерченной территории эти памятники характеризуются обрядом сожжения на стороне и несколькими захоронениями на разных уровнях внутри одной насыпи, очень незначительным числом находок инвентаря, пострадавшего в огне погребального костра.

Как выяснилось, длинную форму курганы получали во многих случаях потому, что возводились в несколько приемов, т.е. к совершенному ранее захоронению последовательно добавлялись более поздние. Длинные курганы, таким образом, являются коллективными усыпальницами. Число захоронений в длинных курганах колеблется от одного-двух до двух десятков. Не более четверти раскопанных сожжений находилось в глиняных урнах, поставленных прямо или опрокинутых вверх дном. Урновые погребения наиболее характерны для смоленских и полоцких длинных курганов.

На окраинах ареала длинных курганов встречены отдельные насыпи, датированные X в. Поселения, соответствующие длинным курганам, изучены слабо. Обычно это селища незначительной площади, расположенные по краю возвышенных берегов. Основную часть найденного материала составляют фрагменты лепных сосудов, встречены кузнечные шлаки, железные ножи, пряслица. Находки украшений достаточно редки.

Все глиняные сосуды культуры длинных курганов сделаны вручную. Формы этих сосудов имеют аналогии среди керамики *прибалтийско-финского населения* (сосуды баночной и слабопрофилированной усеченно-конической формы), среди керамики *пражской культуры* (слабопрофилированные горшкообразные сосуды), среди лепной керамики *роменской* культуры (невысокие горшки с орнаментом в виде оттисков веревочки), среди керамики *тушемлинской культуры* (высокие тюльпановидные сосуды).

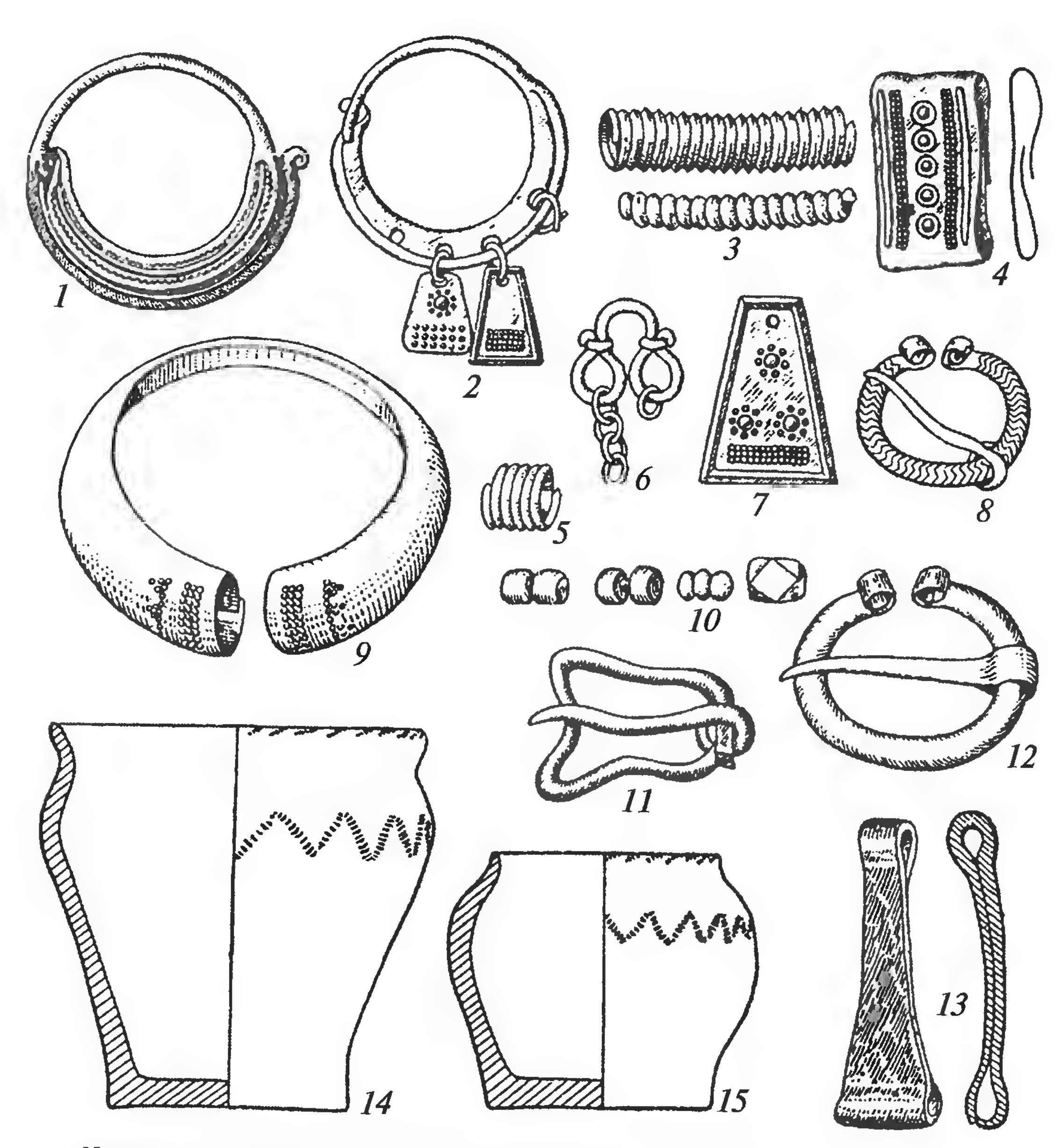

Культура длинных курганов (псковских). Инвентарь:
1 — височные кольца (*проволока*); 2, 3 — подвески; 4 — булавка; 5 — браслет; 6, 8 — пряжки; 7 — металлическая накладка; 9 — кресало блоковидное; 10, 11 — глиняные сосуды

Вещевой инвентарь из длинных курганов в зависимости от территории распространения делится на три группы:

1) встречаемые повсеместно предметы — разноцветные стеклянные бусы в небольшом количестве, металлические пряжки простой формы, металлические накладки от поясов, немногочисленные бронзовые проволочные или пластинчатые браслеты и перстни, подковообразные небольшие фибулы, ножи, шилья и глиняные пряслица;
2) предметы, встреченные в псковских курганах (на территориях, прежде занятых прибалтийскими финнами), — бронзовые бляшки или подвески колпачковидной или полусферической формы;
3) предметы, встреченные в смоленско-полоцких курганах, — детали женского головного убора балтских племен — бронзовые прямоугольные обоймы и спиральки от вайнаги–головного венчика, серповидные височные кольца (иногда украшенные дополнительно трапециевидными подвесками), колоколовидные и трапециевидные подвески, круглые бляхи, проволочные би-спиральные украшения.

Орудия труда или предметы вооружения встречены в единичных случаях (серп, наконечник копья).

Многие длинные курганы расположены в составе могильников вместе с круглыми курганами более позднего времени. Это является одним из аргументов в пользу отнесения их к единой славянской культуре. По всему ареалу длинных курганов с конца IX в. распространяются круглые курганы с индивидуальными сожжениями, которые сооружаются вплоть до рубежа X–XI вв. В круглых курганах в ряде случаев найдены вещи, аналогичные находкам из длинных курганов: серповидные височные кольца, трапециевидные подвески, стеклянные бусы тех же цветов, лепная керамика. В нескольких курганах с трупосожжениями X в. обнаружены *браслетообразные проволочные височные кольца*, которые с XI в. распространяются довольно широко и служат этнографическим признаком *кривичского* костюма.

Культура длинных курганов (смоленско-полоцких). Инвентарь:
1, 2 — височные кольца; 3, 4 — спиральки и обойма от головного венчика; 5 — спиральная пронизка; 6, 7 — подвески; 8, 12 — фибулы подковообразные; 9 — браслет; 10 — стеклянные бусы; 11 — пряжка; 13 — пинцет; 14, 15 — глиняные сосуды

Поселения культуры длинных курганов изучены недостаточно, данные по ним носят в основном разведочный характер. Одним из наиболее исследованных памятников является Изборское городище вблизи Пскова, однако история его возникновения и развития понимается авторами по-разному.

Это городище возникло в VIII в. на высоком труднодоступном мысу, с напольной стороны из плотной глины возведен вал и ров. На небольшой площадке городища располагались жилые наземные срубные дома с деревянными полами и глиняной печью, расположенной в одном из углов. В конструкции печей прослежены некоторые особенности, связанные с различными традициями: балтской (печи на каменном основании) и славянской (целиком из глины с использованием деревянных каркасов). Особый интерес представляют две постройки IX в., исследованные в нижних слоях городища. Постройки имели срубную конструкцию и глинобитные полы, отапливались наземными очагами, устроенными из песка, глины и камней. Подобные сооружения открыты еще на двух поселениях, связанных с населением псковских длинных курганов, — на Псковском городище и городище Камно. Ближайшие аналоги наземных домов с глиняными полами и очагами находят на территории юго-восточной Эстонии и восточной Латвии.

Таким образом, культура длинных курганов состоит из различных по происхождению элементов, объединенных рядом общих черт. По некоторым данным, проникновение славянского населения на эти территории было неоднократным и происходило волнообразно.

Значительная часть ареала *длинных курганов* соответствует территории, населенной племенем *кривичей*, — междуречье Западной Двины и Днепра, Смоленское Поднепровье, Витебско-Полоцкое течение Западной Двины и районы Псковского озера. Летопись называет на этой территории города кривичей: Полоцк и Смоленск.

Анализ археологических материалов из длинных и круглых курганов с трупосожжением на этой территории показывает, что *кривичи* как отдельное племенное объединение восточных славян сформировались на основе пришлого славянского населения (предполагается несколько волн проникновения), ассимилировавшего местное балтское (на более позднем этапе, видимо, уже части славянезированное) и частично прибалтийско-финское население. Формирование кривичей происходило в бассейне р. Великой и Псковского озера, а также в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье.

Культура сопок

В VII–VIII вв. в основном на территории бассейна озера Ильмень распространяются ***сопки*** *— высокие крутобокие погребальные насыпи*, резко отличающиеся от всех известных курганов этого времени. Отдельные сопкообразные насыпи встречаются и на других территориях: в бассейнах рек Западной Двины, Великой и Мологи. Наиболее поздние захоронения в сопках датируются IX в.

Сопки обычно располагаются цепочкой вдоль берега реки или озера. Иногда они объединены в одну группу с круглыми небольшими курганами, которые концентрируются в одном из концов могильника или вокруг сопки. Насыпи содержат остатки нескольких сожжений, совершенных на стороне, т.е., как и длинные курганы, они являются коллективными усыпальницами.

Захоронения в сопках располагаются ярусами, которые условно определяются как верхний, средний и нижний. Больше всего захоронений находится в верхней части насыпи. Одна сопка может содержать более 10 захоронений. Более 70% погребений в сопках не имеют инвентаря. Находки оплавленных стеклянных бус, железных ножей или пряжек и других предметов единичны, исключительную редкость представляют находки конского снаряжения и оружия (удила, стрелы). Более характерны безурновые погребения, но встречаются также глиняные и даже берестяные сосуды-урны.

Важной частью конструкции сопок является кольцо в основании, сложенное из валунов. Оно в большинстве случаев сооружено раньше насыпи и, видимо, имело ритуальный смысл. В основании сопок и внутри насыпей встречаются различные сооружения из камней, в некоторых случаях остатки сожжений перекрыты каменными вымостками. Каменные кладки в сопках могут быть сравнимы с каменными конструкциями у западнофинских племен предшествующего и этого же времени.

Еще одна особенность погребений в сопках — это наличие кальцинированных или необожженных костей животных, чаще всего лошадей. По мнению некоторых исследователей, обычай жертвоприношения животных связан с традициями финно-угорских племен.

Основным типом поселений культуры сопок были ***селища*** небольшого размера, но исследованы они недостаточно. Селища расположены вдоль рек с широкими долинами и пологими береговыми террасами, т.е. на землях, удобных для подсечно-огневого земледелия. Полностью исследованы селища IX в. в Поволховье — Золотое Колено и Новые Дубовики. Здесь раскопаны остатки наземных срубных жилищ с печами-каменками в углу.

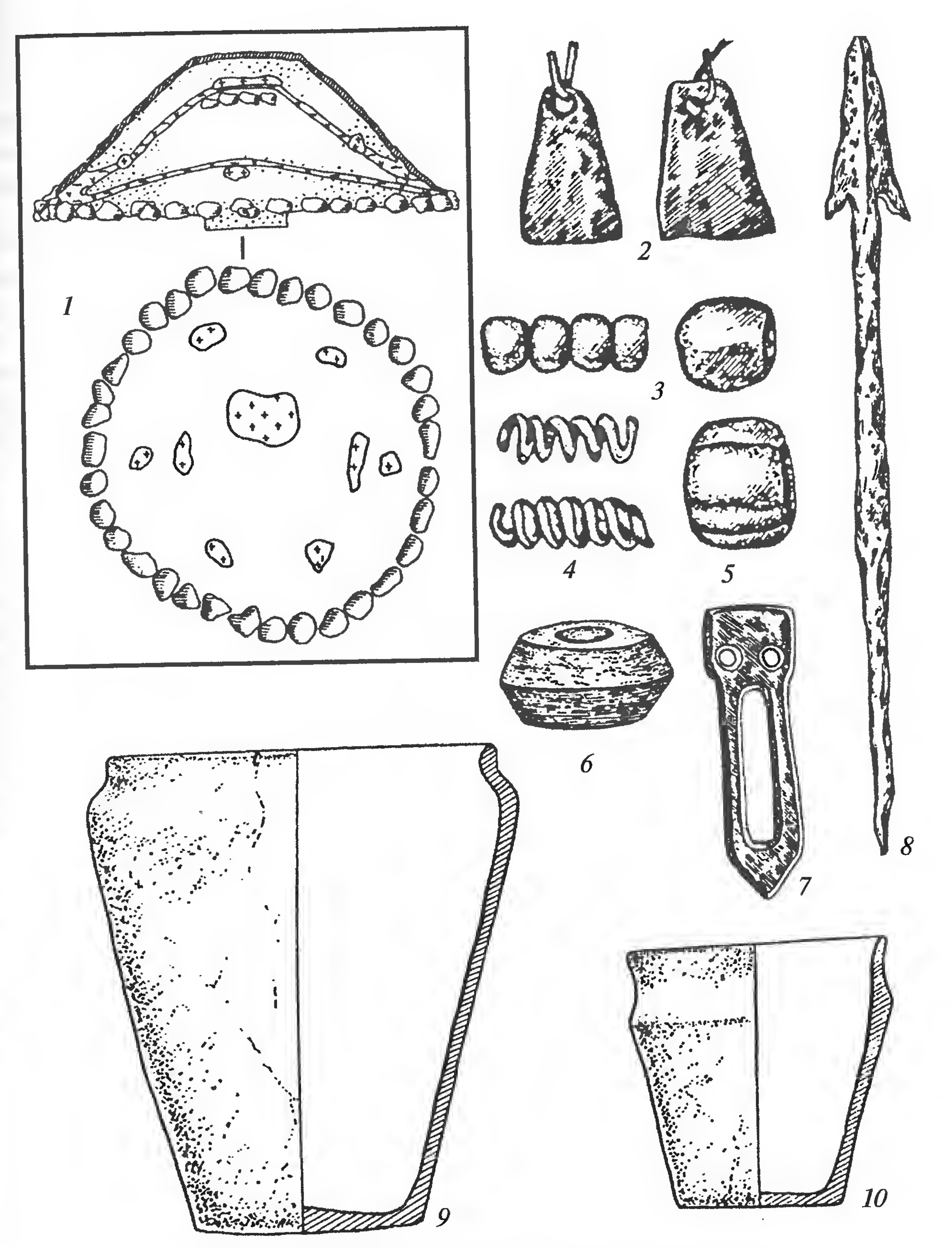
С культурой сопок связывают возникновение таких известных поселений, как Старая Ладога в низовьях Волхова и Рюриково Городище у его истока под Новгородом. Наиболее ранние слои Старой Ладоги относятся к середине VIII в., Рюрикова Городища — к середине IX в. В Старой Ладоге открыты наземные постройки двух типов — обширные срубно-столбовые постройки площадью до 100 кв. м с открытым очагом посередине и небольшие срубы площадью до 20 кв. м с печью в углу. Первые постройки можно связывать со скандинавским компонентом в населении поселка, вторые — со славянским.

Лепная посуда сопок и поселений подразделяется на три группы: приземистые слабопрофилированные сосуды, близкие финской керамике; широкогорлые сосуды с ребристым плечиком, близкие славянской посуде междуречья Вислы и Эльбы; горшкообразные профилированные сосуды, аналогичные пражской керамике.

Материалы сопок указывают на то, что в процессе славянского расселения на территории бассейна оз. Ильмень славяне взаимодействовали здесь

с местным населением — потомками носителей археологических культур раннего железного века. Сопки можно считать памятниками смешанного славяно-финского населения.

Культура сопок. Погребальная насыпь и инвентарь:
1 — схема-разрез и план основания сопки с несколькими ярусами погребений; 2 — подвески трапециевидные; 3, 5 — стеклянные бусы; 4 — спиральные пронизи; 6 — пряслице; 7 — ременная накладка; 8 — наконечник копья; 9, 10 — глиняные сосуды

Существует две точки зрения на пути проникновения славян в эти районы. Согласно одной из них, славяне постепенно продвинулись сюда с юга, из Поднепровья. Однако верхнеднепровские памятники не дают аналогичных сопкам материалов. Согласно другой точке зрения, славяне пришли из районов нижней Вислы и Одры, т.е. Поморья. На это указывают некоторые данные языкознания и антропологические материалы более позднего времени. Археология пока не располагает данными, которые позволили бы достаточно убедительно проследить пути расселения славян на территории Новгородчины.

На смену сопкам в X в. приходят ***круглые курганы*** с трупосожжением, особенно распространенные в тех же ареалах. Характерной чертой этих курганов, указывающей на их связь с сопками, является валунное кольцо в основании.

Большинство круглых курганов содержит по одному-два захоронения, совершенных в верхней части насыпи. Вероятно, погребения помещались в уже сооруженную насыпь. В подавляющем большинстве погребений никаких вещей не найдено. Территория распространения сопок и возникших в значительной степени на их основе круглых курганов с сожжением, а затем — трупоположениями в пределах Северо-Запада Руси соответствует в основных чертах территории обитания племени *новгородских словен*.

1.3.2. Финно-угорское население Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья

Меря — одно из крупных восточно-финских племен, упомянутое Повестью временных лет среди племен, участвовавших в призвании варягов. Территория обитания — Верхнее Поволжье и Волго-Клязьминское междуречье. По мнению некоторых исследователей, меря — наследники и потомки финно-угорского населения, оставившего памятники восточного ареала поздней *дьяковской культуры* раннего железного века. **Мурома** также известна древнерусской летописи. Территория обитания этого восточно-финского племени, полностью ассимилированного славянами, — нижнее течение р. Оки. Оба этих племени наряду с другим финно-угорским населением Северо-Запада, Севера и Северо-Востока Восточной Европы приняли участие в формировании древнерусской народности и ее культуры.

Основу хозяйства племени меря и мурома в VI–VIII вв. составляли животноводство и земледелие. Стадо домашних животных состояло из свиней, лошадей и крупного рогатого скота. Земледелие имело второстепенное значение, оно было подсечным. Находки пахотных орудий неизвестны. Земля после подсеки обрабатывалась мотыжками. Из других сельскохозяйственных орудий известны находки слабоизогнутых серпов, каменные жернова. Значительную роль играли охота и рыболовство.

Памятники мери

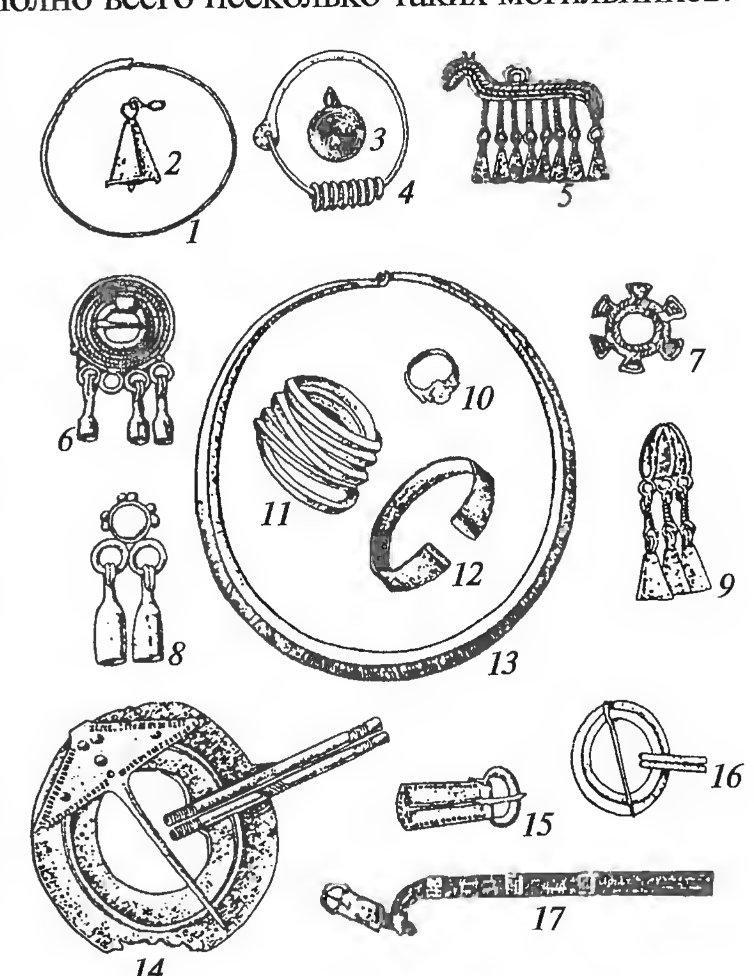
Основным типом поселений являются ***селища***. Они располагаются на возвышенных берегах небольших рек и озер. Прослежено расположение мерянских селищ «гнездами». Наибольшая их концентрация обнаружена в окрестностях озера Неро под Ярославлем и вокруг Плещеева озера. В нескольких случаях мерянские поселения располагались на городищах дьяковской культуры (Мало-Давыдковское городище в Ивановской области).

Наиболее исследованным памятником является *Сарское городище* в излучине р. Сары, впадающей в озеро Неро. Как считают, городище являлось центром одной из групп мерянских племен. Древнейшее поселение возникло здесь в VII в. на гряде и было укреплено двумя валами. Постепенно разрастаясь, поселок занял площадь более 2 га и к концу X в. имел уже три оборонительных вала. Вплотную к внешнему валу примыкал грунтовый могильник. Рядом с городищем обнаружено небольшое селище того же времени.

Раскопками вскрыты остатки наземных построек с углубленным полом и несколько полуземлянок. Характерны очаги, сложенные из небольших валунов. Кроме срубных, вероятно, возводились и столбовые постройки. Отмечается регулярность планировки центральной части площадки городища. Сарское городище является единственным крупным укрепленным поселением для целой округи. Здесь найдены следы кузнечного и ювелирного ремесел (железные крицы, наборы кузнечных и слесарных инструментов — клещи, наковальня, зубила, ювелирный молоток, глиняные льячки, литейные формы), несколько небольших кладов восточных монет IX в. На поселении найдены такие предметы вооружения, как наконечники стрел различной формы, несколько втульчатых наконечников копий, меч так называемого каролингского типа, а также фрагменты кольчуги и шлема. По количеству находок предметов вооружения городище заметно выделяется среди других мерянских поселений.

Типичными для мери являются ***грунтовые могильники*** с биритуальным обрядом. Исследовано достаточно полно всего несколько таких могильников. Захоронения по обряду сожжения и трупоположения в могильниках одновременны и по инвентарю не различаются. Сожжения производились на стороне, урны не использовались. Трупоположения характеризуются северной ориентировкой. Для мужских погребений обычны находки ножей, кресал, топоров и копий, для женских — шейных гривен, ожерелий из стеклянных бус, перстней, проволочных височных колец, «шумящих» привесок и подвесок в виде коньков.

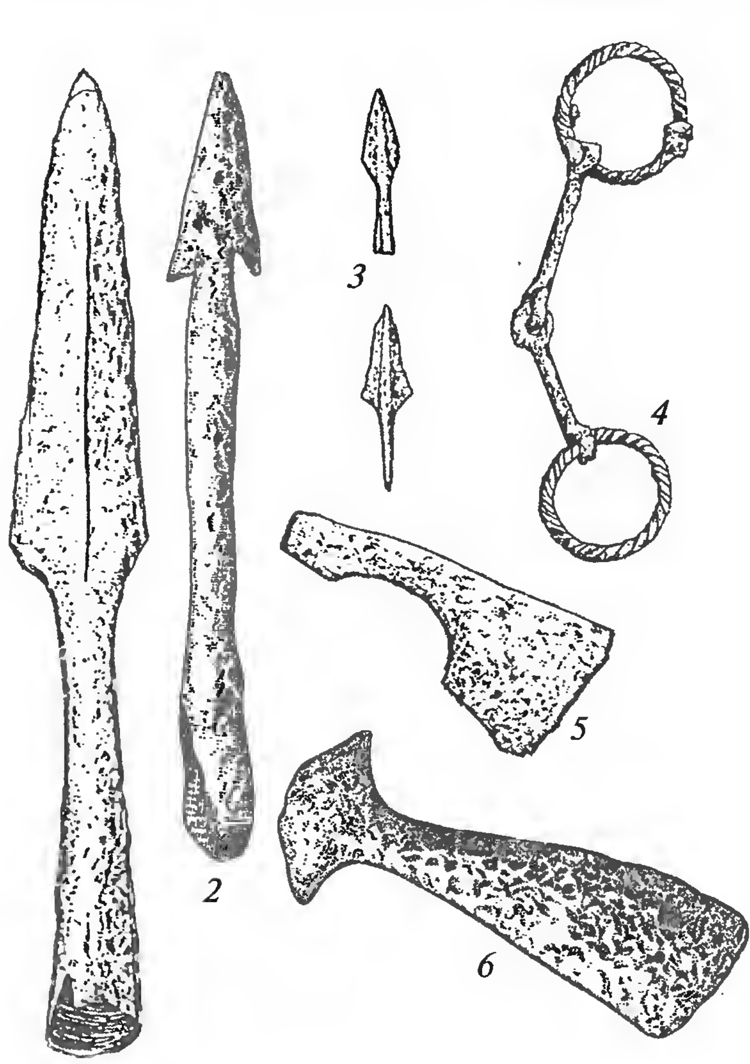

Украшения финских племен:
1, 4 — височные кольца; 2, 3, 5, 8 — «шумящие» подвески; 6, 7, 14 — нагрудные пряжки; 9 — перстень с подвесками; 10 — перстень; 11, 12 — браслеты; 13 — шейная гривна; 15 — поясная пряжка; 16 — застежка-сюльгама; 17 — поясной набор

Значительную часть находок на мерянских поселениях и могильниках составляет лепная керамика — приземистые сосуды, как правило, лишенные орнаментации, часть сосудов имеет гладкую темную лощеную поверхность. Бытовые предметы представлены находками многочисленных глиняных, костяных и каменных пряслиц, костяных проколок, железных ножей и т.д. Характерным орудием труда были пластинчатые кресала и железные втульчатые топоры-кельты, которые могли использоваться для рубки и обработки дерева. С языческими культами связаны находки подвесок из когтей медведя.

В IX в. на территории восточно-финских племен появляется курганный обряд погребений, что связывают с постепенным проникновением на эту территорию славянского населения. Как правило, в курганных группах мерянские погребения соседствуют со славянскими захоронениями. Вероятно, это отражает постепенный процесс ассимиляции местного населения славянами.

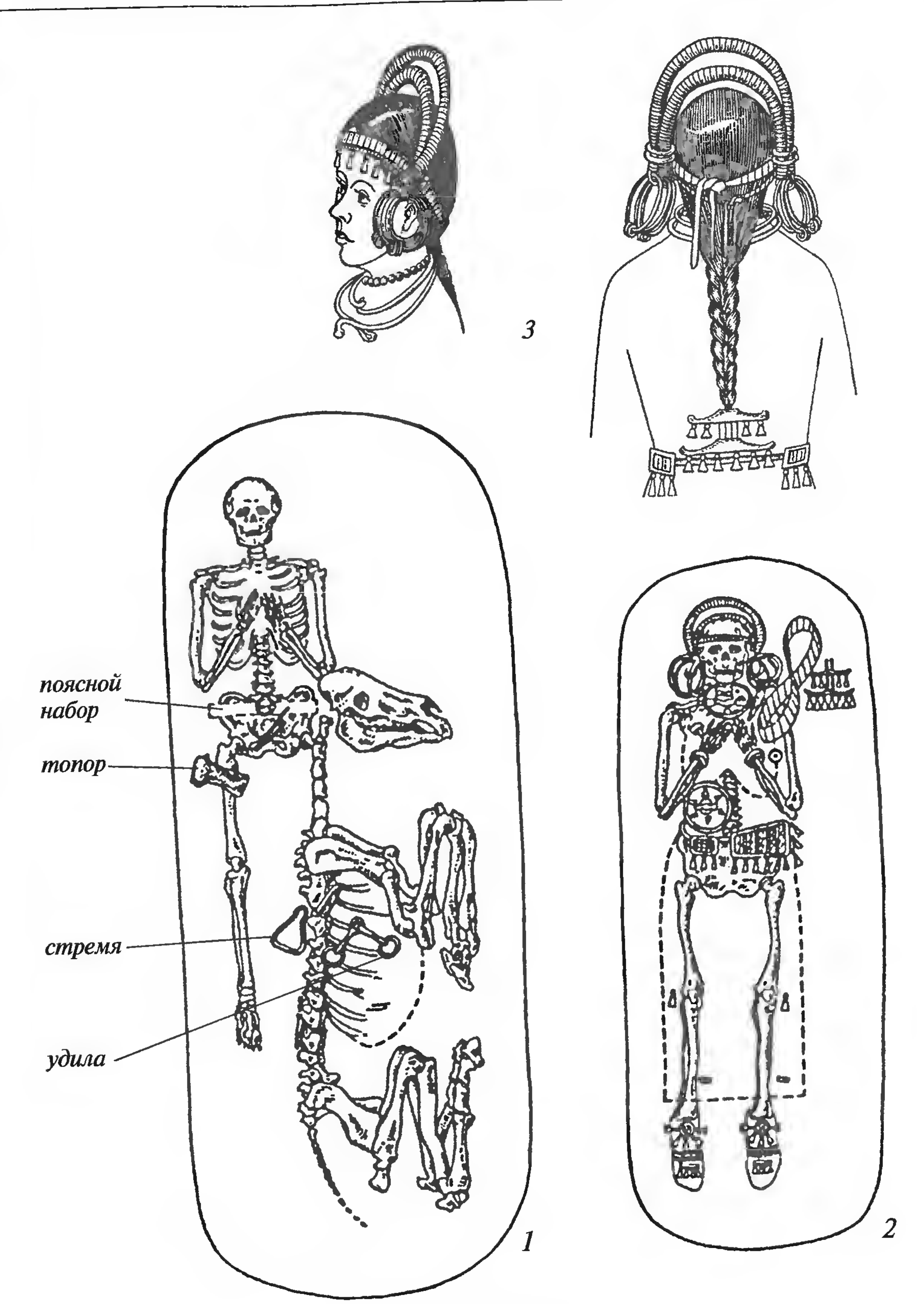
Памятники муромы

Основным типом поселений муромы были ***селища***, большая часть которых относится к VIII–X вв. Обычно селища расположены на высоких берегах рек, в пойме которых отмечаются обширные заливные луга. Предполагают, что иногда население муромы использовало уже существующие городища раннего железного века в качестве убежищ: на некоторых из них найдена характерная муромская лепная керамика. Примером муромского поселения является хорошо изученное Тумовское селище в окрестностях г. Мурома. Селище датируется IX — началом XI в. Площадь селища составляет 2 га. Здесь раскопано несколько десятков построек производственного и хозяйственного назначения, а также жилищ. Ранние постройки представлены прямоугольными полуземлянками с каменными очагами или глиняными

Инвентарь мужских финских погребений:
1, 2 — наконечники копий; 3 — наконечники стрел; 4 — удила; 5, 6 — топоры

Погребения муромы:
1 — погребение воина с конем; 2 — погребение женщины с полным набором украшений; 3 — реконструкция расположения украшений головы и шеи

печами, для позднего периода характерны наземные срубные дома со слегка углубленным уровнем пола и глинобитной печью. Застройка поселения была бессистемной. В южной части поселения обнаружены печь для обжига железной руды и две кузнечно-литейные мастерские.

Погребальные памятники муромы аналогичны мерянским — ***грунтовые могильники*** с биритуальным обрядом погребений. Характерно рядовое

расположение могил. Форма, размеры могильных ям и состав погребального инвентаря одинаковы для обоих видов обряда. Сожжение совершалось на специальных площадках или в ямах. Такие ямы обнаружены на территории нескольких могильников (Безводнинский, Муромский). Сожженные кости укладывались кучкой или рассыпались по дну могильной ямы. Вещи в таких погребениях выкладывались поверх костей или рядом с ними. В могилах с трупосожжением оружие и удила располагались севернее или южнее кремированных останков, что соответствует порядку расположения предметов в погребениях по обряду трупоположения.

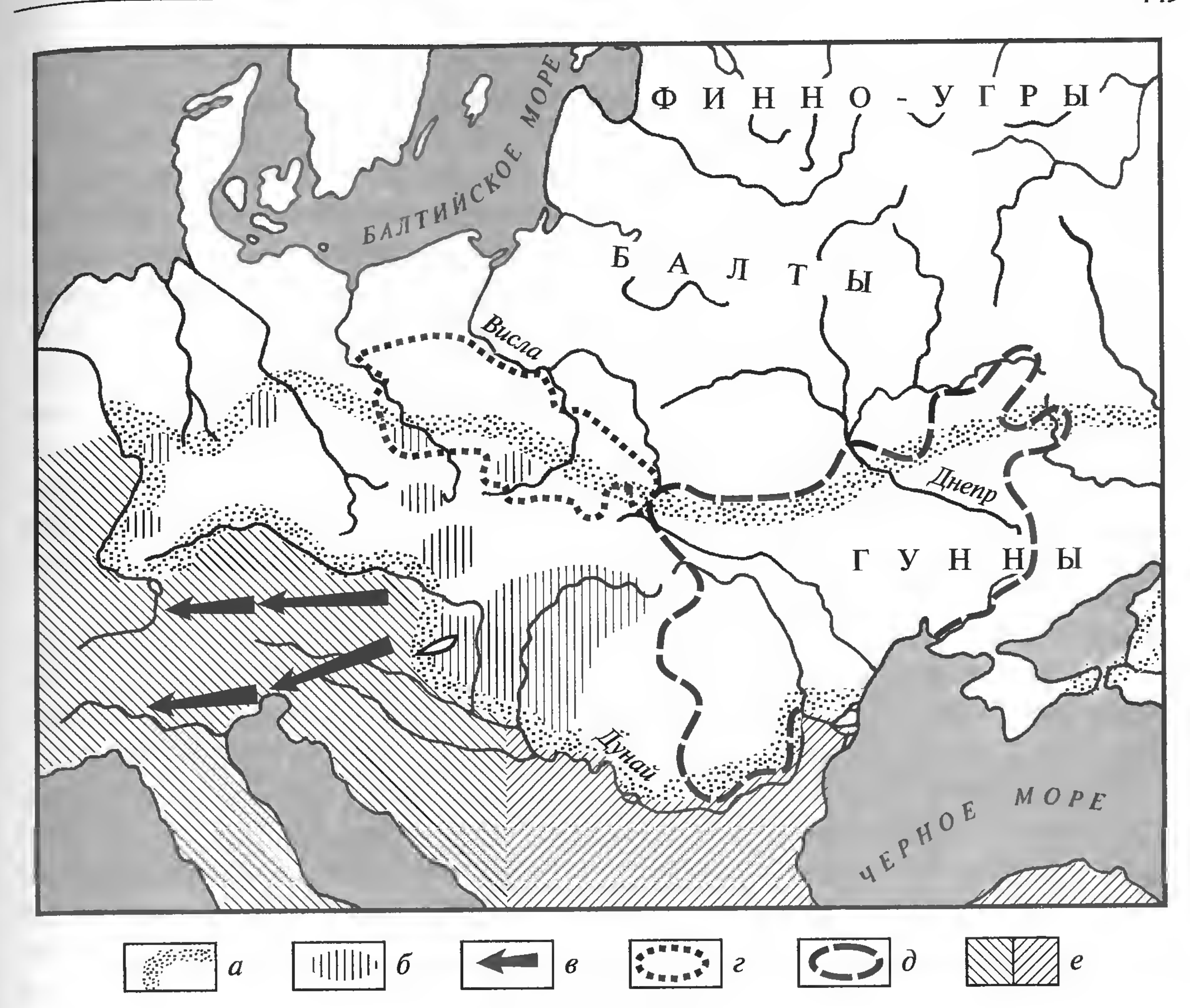
Мужские погребения сопровождаются ножами, кресалами, топорами-кельтами, которые иногда втыкались в пол могильной ямы. Мужские погребения с лошадьми выделяются богатством инвентаря, включающего оружие: наконечники стрел, копий, иногда — меч. В таких погребениях отмечаются и заупокойные дары в виде женских украшений. Женщины погребались с полным набором украшений, обычно бронзовых. В состав женского убора входили головные венчики, височные кольца, гривны, подвески, накосники, браслеты и перстни. В погребениях X в. женщины покрыты бронзовыми украшениями с головы до ног. Материал погребений отчетливо указывает на имущественное и, видимо, социальное расслоение среди муромского населения. Ассимиляция муромы происходила быстрее, чем мери. К XII в. мурома была полностью растворена славянским населением.

1.4. НАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ

1.4.1. Кочевники в V–VIII в. н.э. Гунны

В конце IV — начале V в. н.э. в степях Восточной Европы происходит резкая смена археологических культур, в значительной степени связанная с вторжением с востока на эти территории новых орд кочевников. С 376 г. римляне обращают внимание на пришедший воинственный народ — **гуннов**, только что разгромивших готское объединение (*черняховскую культуру* — «державу Германариха») и способствовавших распаду Боспорского царства. Значительная часть готов и связанных с ними племен подчинились пришельцам, многие — бежали на запад. В конце IV в. гунны совершили походы в Предкавказье, вторглись в Закавказье и дошли до Сирии. Тогда же они появились на Дунае. К 420–430-м гг. оформляется огромная держава гуннов с центром на Среднем Дунае, подчинившая многие народы от Центральной Европы до Поволжья и частично объединившая их в рамках некоей культурной общности. Образовавшийся союз состоял из разноэтничных племен и народов — самих гуннов (видимо, тюркоязычных), ираноязычных сарматов и алан, германских племен — готов, гепидов и др. Это пестрое образование во главе с гуннами просуществовало недолго. Распад державы произошел после смерти одного из самых известных вождей — Аттилы. Часть гуннов и верных им племен после поражения, понесенного от гепидов в середине V в. (453/454 гг.), оставались в степях Причерноморья и Поволжья до VI в., постепенно смешиваясь с новыми группами кочевников. Многие считают, что гунны, в частности, открыли тюркским племенам дорогу на запад. Эпоха гуннов датируется концом IV — началом VI в.

Гунны в Европе:

а — примерные границы региона экспансии гуннов, б — районы концентрации гуннов, в — направления походов гуннов, г — ареал пшеворской культуры во II–IV вв., д — ареал черняховской культуры, е — территория Западной и Восточной Римских империй

Огромные богатства, сосредоточенные у гуннов и их союзников в первой половине V в., способствовали появлению так называемого «полихромного стиля гуннской эпохи» — яркого показателя начала эпохи великого переселения народов. Разнообразные украшения, бронзовая или серебряная основа которых покрывалась золотым листом, украшались зернью и филигранью (часто их имитировало теснение) и многочисленными вставками из полудрагоценных камней или цветного стекла. Композиции были, как правило, несложными, но эффект создавали мерцание золота и россыпь красных вставок. Выделяют несколько вариантов «гуннского» полихромного стиля, вещи производились в разных центрах: провинциально-римских, центрально-азиатских, причерноморских.

Судя по всему, еще до завоеваний в Европе гуннские орды были неоднородны по своему составу. Это подтверждает разнообразие немногочисленных, к сожалению, ***погребальных памятников*** восточноевропейских кочевников конца IV — середины VI в. Преобладают отдельные погребения,

но известны и несколько могильников с небольшим количеством захоронений. Практиковался как обряд трупоположения, так и сожжения.

Большинство погребений совершено в подкурганных ямах по обряду трупоположения, чаще они ориентированы на север или северо-восток. Встречаются также захоронения, совершенные в курганах, насыпанных в предшествующие эпохи. Иногда погребения сопровождала шкура с черепом и копытами или часть коня, мясная пища, остатки тризны и других обрядов. Примером одного из погребений гуннского времени является захоронение мальчика, раскопанное на Беляусе (Украина, Крым), на территории античного поселения. Мальчик был похоронен в грунтовой яме, вырытой в полу античного склепа, и ориентирован головой на север. В ногах погребенного на каменном перекрытии располагались части конского скелета — череп и нижние части ног с копытами. Кроме этого в погребении находились удила с псалиями, подпружные пряжки, наконечники стрел, наборный пояс.

Трупосожжения, совершенные как на месте размещения захоронения, так и на стороне, часто сопровождаются захоронением остатков погребального костра. Некоторые погребения перекрыты каменной кладкой. Известно и захоронение в пещере (Кызыл-Адыр в Оренбургской обл.).

Конское снаряжение кочевников гуннского круга представлено металлическими обкладками частей седла, двусоставными железными удилами (выразительны биметаллические — с бронзовыми или серебряными концами) с кольцевыми или Г-образными псалиями, костяными и железными подпружными пряжками, разнообразными накладками на ремни, выполненными в полихромном стиле. Нередко находят оружие. Сложные луки имели костяные накладки. Стрелы были черешковые, часто трёхлопастные, но наиболее показательны наконечники ромбической формы. Известны длинные мечи, иногда с перекрестьями. Навершия рукоятей мечей часто украшены халцедоном, вставками из цветного стекла или янтаря. Некоторые элементы оформления мечей имеют прототипы в материалах степей, Центральной Азии. Единичны находки кольчуг, кинжалов, есть наконечник копья.

Украшений немного — это серьги, гривны, браслеты. Поясные, обувные и другие ремни украшали накладками в полихромном стиле. К специфически женским украшениям относят диадемы, колты, украшавшиеся в том же стиле. В могилах встречаются зеркала, золотые обкладки фигурок животных, чаш и других вещей, импортные стеклянные сосуды, кованные бронзовые котелки, грубые лепные горшки.

Ярким показателем культуры кочевников гуннской эпохи являются литые котлы полуяйцевидной формы, очевидно, ритуальные. Некоторые из них имеют европейское происхождение, но истоки основной формы исследователи видят в Центральной Азии.

Стойбища кочевников V–VI вв. пока не найдены. Но такие центры концентрации разнородного оседлого населения, в том числе ремесленников, как Танаис (низовья Дона) или поселение Замятнино (верхний Дон), вероятно, были ставками — местами пребывания воинской верхушки кочевников. На Западе такую функцию играли некоторые вновь частично населенные римские города.

По ряду деталей погребального обряда древности гуннской эпохи делятся на две хронологическе группы. Первая включает в себя памятники конца IV — первой половины V в., выявленные на территории Северного Причерноморья, Крыма, Ставрополья, Нижнего Поволжья, в Казахстане и на Алтае. В этой группе преобладают женские погребения с украшениями в полихромном стиле; в мужских погребениях часто встречаются железные удила с серебряными наконечниками псалий и уздечки с накладками в том же стиле. Вторая группа состоит из небольшого числа погребений второй половины V — начала VI в., исследованных в Заволжье и Южном Приуралье. Для этих погребений характерны сбруйные бляхи, украшенные изображениями мужских личин.

Серьезные изменения в восточноевропейской степи происходят в середине VI в., когда вспыхивает война между основными кочевническими объединениями — кутригурами и утригурами, разгромленными пришедшими из Азии аварами, спасавшимися от тюрок и вскоре ушедшими на Средний Дунай. Следовавшие по пятам тюрки раздвинули границу своего недолговечного, но могущественного Каганата до Дона и Северного Кавказа (от Южной Сибири, Монголии, Центральной и Средней Азии). В VII в. начинается возвышение хазар, подчинивших в 660–680-е гг. основные группы восточноевропейских кочевников и ряд их оседлых соседей.

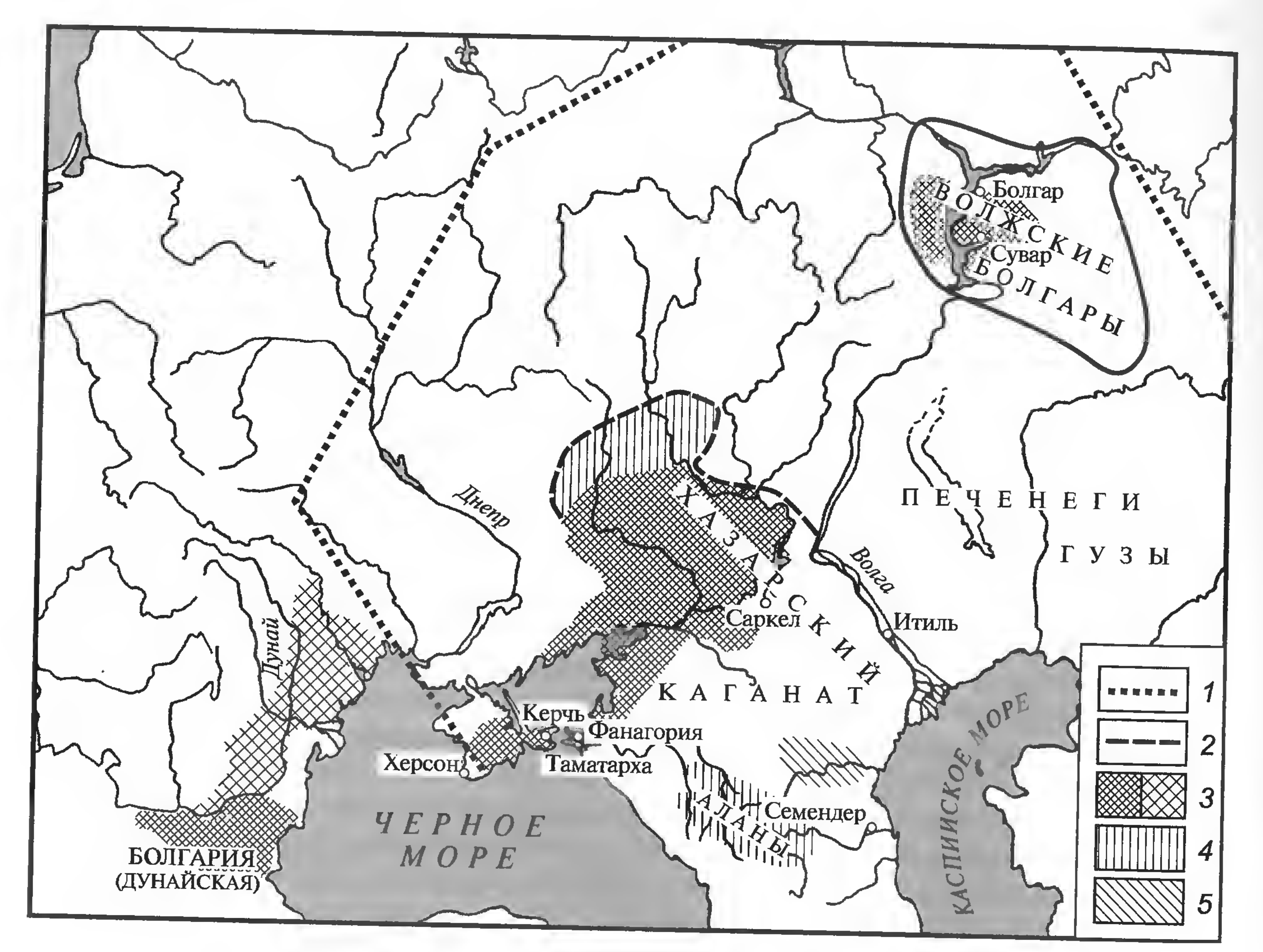
1.4.2. Кочевое и полукочевое население в VII–XI вв. Хазары

На обширных пространствах степи и лесостепи от Волги до Приазовья и Крыма, от верховьев Северского Донца и Дона до предгорий Кавказа в последней четверти I тыс. н.э. сформировалось и расцвело одно из первых раннесредневековых государственных образований Восточной Европы — **Хазарский каганат**. Наиболее ранние упоминания о хазарах, одном из тюркских объединений, игравшем активную роль в истории Тюркского каганата, относятся к VI в. После развала Тюркского каганата в 30-х гг. VII в. на его территории возникли два новых государственных образования во главе с представителями знатных тюркских семей: Великая Болгария и Хазарский каганат. В состав первого вошли племена, обитавшие на Тамани и в Приазовье, в состав второго — тюркские и аланские племена прикаспийских степей и предгорий Дагестана. Постепенно хазарский союз кочевых племен расширил свое влияние и вытеснил часть болгар из Приазовья. Вытесненные орды болгар откочевали на запад, на Дунай и образовали там новое государство — Дунайскую Болгарию. Оставшаяся же в Приазовье часть болгар подчинилась хазарам и вошла в их объединение. В первой трети VIII в. территория Хазарского каганата уже охватывала не только степи и предгорья Дагестана и Приазовье, но и Прикубанье, часть причерноморских степей и Крыма. В этот период происходят неоднократные столкновения с арабами, стремившимися закрепиться в Восточном Закавказье и степном Дагестане. Натиск арабов вызвал движение части аланских племен, обитавших в предгорьях Кавказа, — часть их переселяется на северные территории, осваивая участки лесостепи и степи в бассейне рек Северский Донец и Дон.

В 737 г. арабы наносят страшное поражение хазарам и разоряют хазарские города и поселения в Восточном Предкавказье. Однако Хазарский каганат не был уничтожен. Создав крепкую экономическую базу на новых территориях и обязав многие соседние с ним народы платить дань, каганат существовал еще более 200 лет, вплоть до разгрома его русскими дружинами, взявшими и разорившими хазарскую столицу Итиль в низовьях Волги и торгово-ремесленный центр Саркел на Нижнем Дону.

В период расцвета Хазарского государства на большей части его территории сформировалась *салтово-маяцкая археологическая культура* (конец VIII — первая половина X в.), культура племен ираноязычных алан, тюркоязычных болгар, собственно хазар и других народов, живших на территории каганата.

Неоднородность этнического состава населения Хазарского каганата и разнообразие хозяйственных укладов нашло отражение в разнообразии видов археологических памятников, деталях погребального обряда, в наборе и форме бытовых предметов или оружия. Выделены несколько локальных вариантов культуры, памятники которой объединяются в две основные группы: памятники лесостепи и памятники степи.

Хазарский каганат и салтово-маяцкая культура:
1 — граница каганата; 2 — граница домена кагана; 3 — ареалы болгарских вариантов салтово-маяцкой культуры; 4 — ареалы аланских вариантов салтово-маяцкой культуры; 5 — ареалы хазарского варианта

Памятники лесостепного варианта распространены в бассейне Северского Донца, и Среднего Дона. Для этой территории характерны городища с остатками белокаменных или сырцовых стен, связанные с ними селища и катакомбные могильники. Таковы, например, Верхне-Салтовский, Дмитриевский, Ютановский и Маяцкий комплексы. Население лесостепи было преимущественно аланским, хотя ряд погребальных памятников свидетельствует о присутствии здесь и тюрок-болгар.

Памятники степного варианта распространены в Приазовье, бассейне Нижнего и Среднего Дона, на Кубани. Основными памятниками этого варианта являются городища с земляными укреплениями и сопровождающие их селища, стационарные и сезонные кочевья, грунтовые могильники с ямными захоронениями, характерными для болгар.

Следует отметить, что памятники собственно хазар долгое время оставались неизвестными. Многие современные исследователи склонны считать хазарскими так называемые ***курганы с ровиками***. Подобные курганы обнаружены на Дону, в Нижнем Поволжье, на территории междуречья Волги и Дона, в калмыцких степях. Время их сооружения — VIII — первая половина X в. Погребения, раскопанные под этими курганами, располагаются в грунтовых ямах с подбоем на четырехугольной или круглой площадке, которую ограничивает ровик-канавка. В его заполнении обнаруживаются остатки жертвоприношений в виде костей мелкого и крупного рогатого скота. Подбойные могилы содержат остатки вытянутых трупоположений. Погребения сопровождались захоронениями коней или их чучелами (найдены черепа и кости конечностей), напутственной пищей, глиняной посудой, предметами вооружения (сабли, луки, кистени), богатыми поясными и сбруйными наборами и нередко — золотыми византийскими монетами. Подобные погребения раскопаны в урочище Кривая Лука в Поволжье и Веселовском могильнике на Нижнем Дону (Россия).

Выделяются памятники хазар второй половины VII–VIII вв., расположенные на территории между Каспием и Кавказским горным хребтом, в степях и предгорьях от р. Терек до Дербента (Дагестан), т.е. там, где формировалось ядро Хазарского каганата. Здесь выявлен ряд крупных ***городищ*** (площадью от 30 до 120 га) с сырцово-глинобитными или каменно-глинобитными стенами, башнями, рвами и выделенными цитаделями. Вблизи городищ открыты небольшие ***селища*** и ***грунтовые могильники*** с катакомбными, ямными, изредка подбойными захоронениями и подкурганными погребениями, также совершенными в ямах или катакомбах.

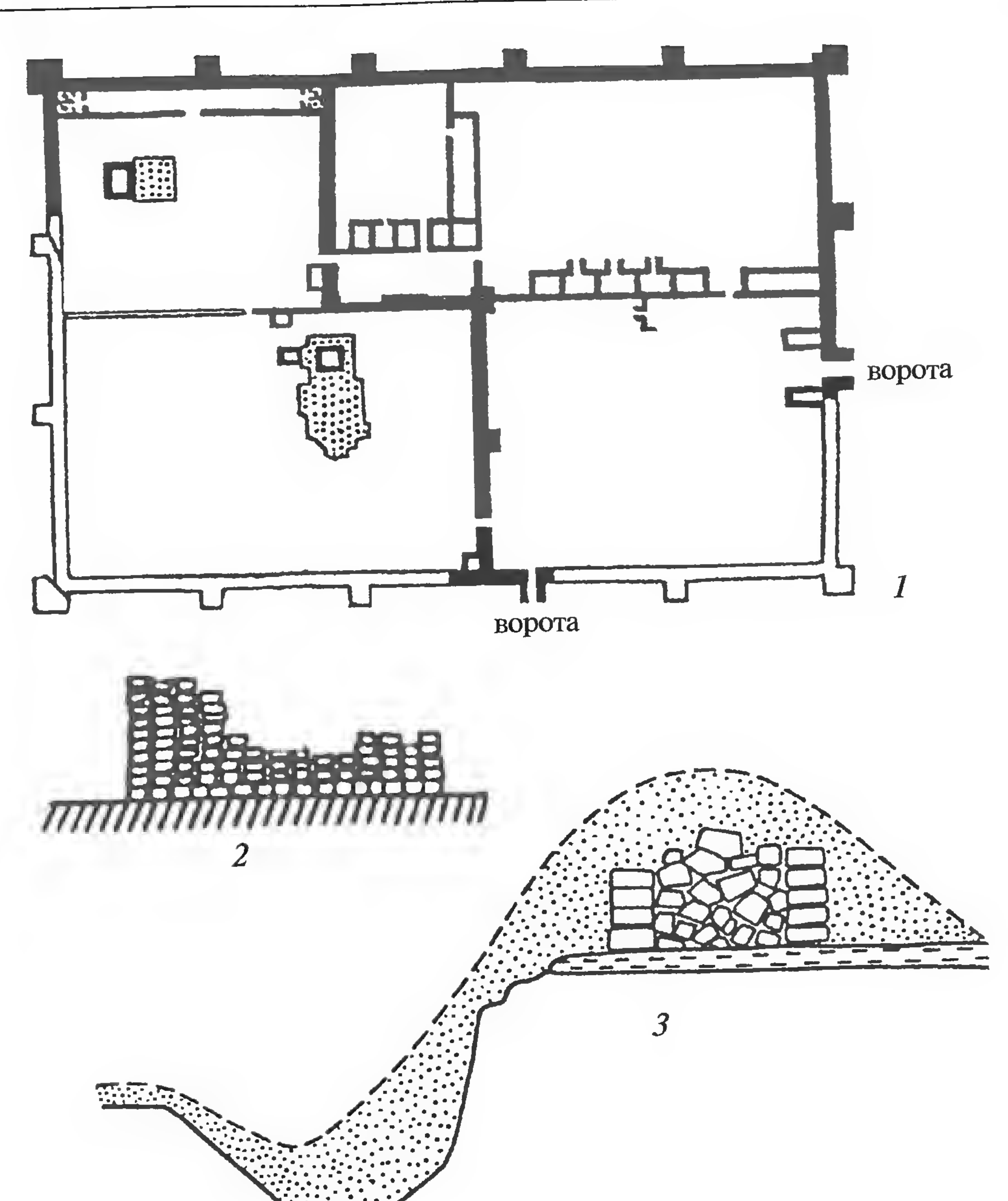
Одно из этих городищ (Чир-юрт) предположительно связывают с Беленджером, первой столицей Хазарии, известной по арабским источникам. Оборонительная стена городища сооружена из камня и сырцового кирпича, переложенных слоями камыша (антисейсмический прием), и усилена башнями. На городище и примыкающем к нему селище найдены остатки глинобитных жилищ, поставленных на каменные цоколи, выложенные в «елочку» — этот антисейсмический способ кладки прослежен и на некоторых поселениях степного варианта культуры более позднего времени. Особый интерес представляют курганы, относящиеся к этому поселению.

Более 160 насыпей образовывали несколько скоплений, состоящих из больших курганов в окружении малых. Курганные насыпи перекрывали дромосы, ведущие к катакомбным погребальным камерам с индивидуальными захоронениями на слое угля и камышовых подстилках; в нескольких камерах останки помещались в гробах из туго сплетенных камышовых жгутов. Несмотря на то что многие погребения были разграблены еще в древности, очевидно, что они содержали разнообразный и богатый инвентарь. Погребенные в подкурганных катакомбах сопровождались саблями, копьями, луками и стрелами, седлами, сбруйными и поясными наборами, различными украшениями. Найдено несколько золотых византийских монет, использовавшихся в качестве подвесок к ожерельям. Вероятно, чир-юртовские курганы принадлежат собственно хазарам-язычникам.

Поселения салтово-маяцкой культуры представлены селищами, городищами и кочевьями. Отдельную группу составляют города, существовавшие на месте предшествовавших античных поселений.

Все поселения расположены по коренным берегам рек или на первых надпойменных террасах. ***Селища*** занимают, как правило, наиболее удобные и давно обжитые участки надпойменных террас. Иногда поселки оказываются расположенными на участках берега, защищенных самой природой — оврагами, выходящими в пойму. ***Городища*** в большинстве случаев расположены на мысах высокого коренного берега. Отмечены случаи, когда салтовцы селились на заброшенных городищах раннего железного века, используя еще сохранявшиеся валы и рвы. Собственно салтовские укрепленные поселения делятся на городища с земляными укреплениями (вал и ров) и городища с каменными и сырцовыми стенами. Во многих случаях отмечается стремление использовать рельеф местности. Городища с каменными и сырцовыми стенами могли быть замками и сторожевыми или опорными крепостями. Часть из этих городищ возникла в IX в. и в большинстве своем располагалась в северо-западных, пограничных со славянами районах каганата. Отличительными чертами таких городищ являются правильная, обычно прямоугольная (иногда, подчиняясь условиям местности, треугольная) форма плана крепости и возведение стен без фундамента непосредственно на древней поверхности или на материковом грунте. Иногда внутри выделяется цитадель. К таким городищам относятся Маяцкое, Дмитриевское, Верхне-Салтовское и др. Для оборонительных сооружений обычно применение панцирной техники возведения стен. В этом случае стена формировалась из внешнего и внутреннего каменного панциря, сложенного насухо, без раствора, а внутреннее пространство заполнялось забутовкой из мелких камней. При возведении кирпичной стены или стены из сырцовых блоков в качестве связующего раствора использовалась жидкая глина. Правильная форма крепостей и некоторые строительные детали (такие как, например, использование известкового связующего раствора), имеющие аналогии в византийской фортификационной архитектуре, позволяют предполагать участие иноземных специалистов в их сооружении.

Строительная техника салтово-маяцкой культуры:

1 — план крепости Саркел; 2 — кладка стен без фундамента; 3 — разрез рва и вала с оборонительной стеной в традиционной технике забутовки внутреннего пространства

Арабские и византийские источники называют несколько хазарских городов: Итиль, Семендер, Беленджер, Саркел. Но только один из них, Саркел, хорошо исследован археологически.

Из сообщений византийских авторов известно, что в 833 г. каганом для строительства Саркела были приглашены византийские инженеры. Это один из немногих памятников, который всеми исследователями безоговорочно связывается с хазарами и их правителем.

Археологически Саркелу соответствует Левобережное Цимлянское городище, ушедшее под воду Цимлянского водохранилища. Крепость, известная древнерусской летописи как Белая Вежа, стояла на левом берегу р. Дон, на перекрестке торговых путей, что в значительной мере и определяло ее характер. Как считают, первоначально Саркел должен был обслуживать торговые караваны и служить местом сбора торговой пошлины.

Прямоугольная в плане крепость, ориентированная углами по сторонам света, поставлена как бы на искусственном острове, ограниченном руслом реки и проточным рвом. По углам и вдоль стен располагались массивные квадратные башни. Две из них были воротными. Перед главными воротами внутри крепости был сооружен колодец, облицованный белым камнем, вторые ворота выходили к реке. Юго-восточную часть крепости занимала цитадель, не имевшая выходов за пределы крепости и отделенная от остальной территории дополнительной стеной. Внешние и внутренняя стены, а также все постройки внутри крепости сооружены из обожженного кирпича и без фундамента, т.е. поставлены на подчищенную, выровненную поверхность материка. Бесфундаментное строительство совершенно несвойственно византийской практике, но в то же время хорошо известно хазарским и аланским строителям, обитавшим в сейсмических зонах предгорий Кавказа. К местным особенностям можно отнести, видимо, и использование эпизодически вместо известкового раствора жидкой глины. Площадь крепости составляла около 21 га. В истории поселения выделены 3 периода: два первых относятся к хазарскому времени, т.е. к IX–X вв., последний — к древнерусскому.

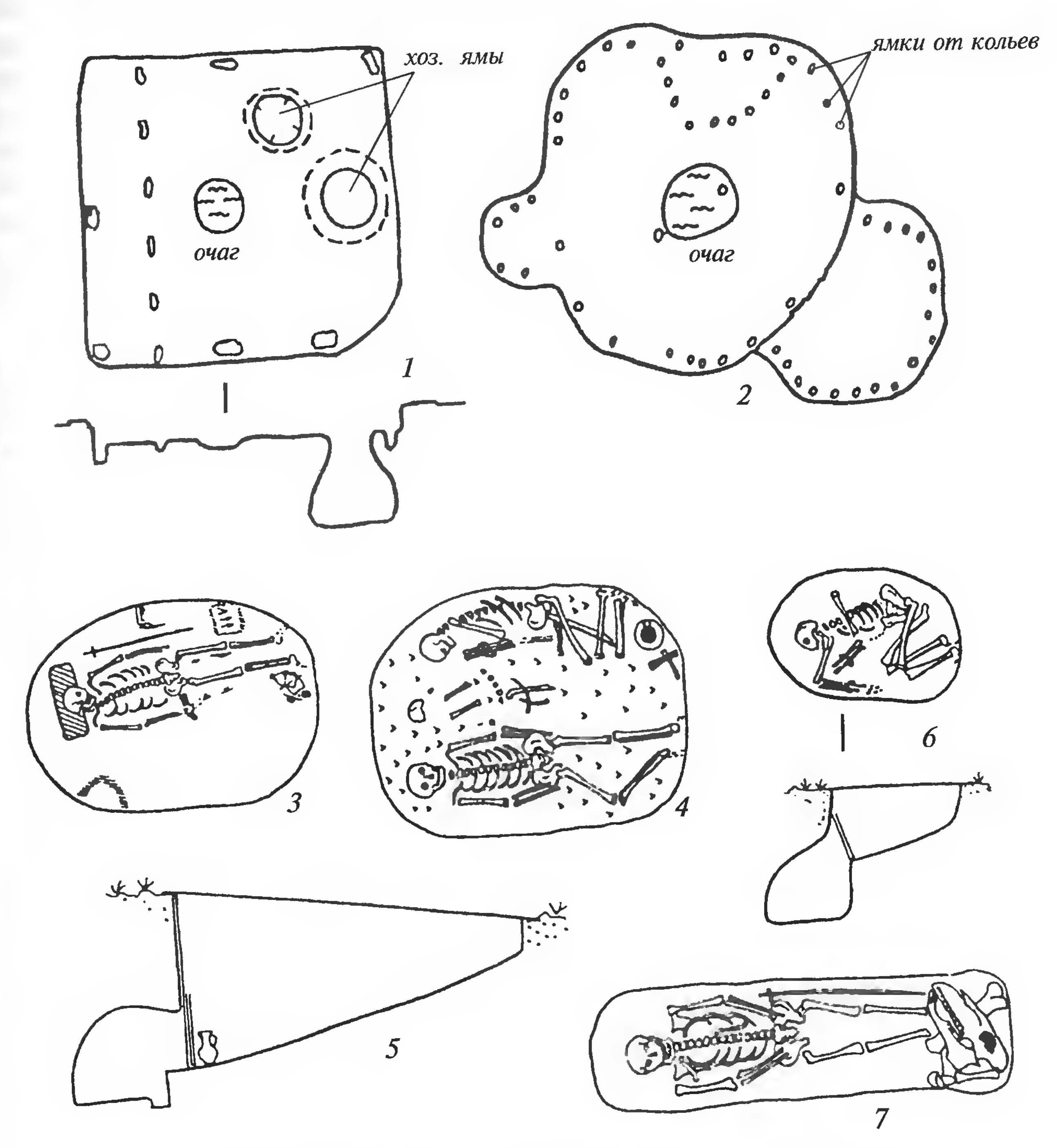
К первому строительному периоду относятся два *караван-сарая*, построенных внутри основной части крепости. Один из них состоял из нескольких жилых комнат для гостей, длинного помещения для скота и широкого, закрытого со всех сторон двора. В углах некоторых комнат в ямках были найдены так называемые закладные жертвы: черепа и кости ног коня; угли, кости животных, рыбья чешуя и обломки лощеных сосудов; разрозненные кости женского скелета и череп ребенка. Кроме караван-сараев найдены остатки пяти полуземлянок с каркасными стенами из жердей. Две из них были жилыми — в центре располагались открытые очаги. Две полуземлянки служили производственными помещениями: в них найдены запасы гончарной глины и остатки гончарных кругов. Одна постройка оказалась кузницей: на дне котлована и в заполнении этой постройки найдены остатки горна, огромное количество шлака, криц, сломанных и целых железных поделок. Со вторым караван-сараем связаны три жилые полуземлянки такой же конструкции. Ко времени строительства крепости относится несколько построек, раскопанных с внешней стороны крепостной стены, между нею и рвом. Кроме жилищ-полуземлянок и хозяйственных ям здесь найдены гончарная мастерская и гончарная печь, несколько железоплавильных горнов.

Второй строительный период относится уже к X в. В это время происходит кардинальное изменение характера застройки. На территории крепости возникает значительное количество небольших жилых построек: полуземлянок с открытыми очагами в центре, наземных с глинобитными полами и дощатыми стенами, обмазанными глиной, сочетающими открытые очаги в центре пола и печи в одном из углов. Часть кирпичных построек раннего периода была разобрана и из этого кирпича отстроены новые. Помещения караван-сараев переделаны в жилые. Некоторые жилые дома пристроены вплотную к внутренней стороне крепостной стены.

Изменения в системе застройки связаны с изменением характера поселка — Саркел стал небольшим городком-крепостью.

Разрушенный и сожженный войсками князя Святослава в 965 г., он продолжал существовать вплоть до середины XII в. С этим периодом истории крепости связаны остатки полуземляночных и наземных построек, привозной (из Крыма и Византии) тарной и столовой поливной керамики, прежней (хазарского периода) круговой посуды, лепной, богато орнаментированной печенежской посуды, а также типичных древнерусских горшков с линейно-волнистым орнаментом. Разнообразие этого материала

Салтово-маяцкая культура. Жилые постройки и погребения:

1 — план и разрез углубленной постройки с двумя хозяйственными ямами; 2 — план юрты; 3 — план индивидуального мужского погребения в катакомбе; 4 — план коллективного погребения в катакомбе; 5 — разрез входа в катакомбу; 6 — план женского индивидуального погребения в катакомбе и разрез входа; 7 — план мужского погребения в грунтовой яме

свидетельствует о деятельности в Белой Веже не только местных гончаров, но и мастеров, пришедших из южнорусских городов. Кроме гончарного здесь процветали и другие ремесла — от ювелирного и косторезного до кузнечного и железоплавильного. Материалы обширного могильника древнерусского времени, расположенного вокруг городка, позволяют говорить о разноэтничном составе его населения.

В состав хазарского каганата VIII — начала X в. входили некоторые города Крымского и Таманского полуострова. Салтово-маяцкая керамика, следы характерной бесфундаментной строительной техники с кладкой «в елочку» и некоторые другие элементы отмечены в материалах Керчи (Самкерца), Тамани (Таматархи), Фанагории, Судака (Сугдеи), Мангупа и др.

Кочевья — это сезонные стойбища населения, ведущего кочевой и полукочевой образ жизни. Обычно кочевья расположены на надпойменной террасе; они бедны находками, территория поселения определяется по распространению отдельных костей домашних животных и редких черепков глиняной посуды. Большинство кочевий зафиксировано на Нижнем Дону и в Приазовье. Застройка, как правило, хаотичная, иногда прослеживается планировка типа «курень» — большая юрта в окружении нескольких сооружений меньшей площади.

Жилища салтово-маяцкой культуры можно разделить на временные и стационарные. Временные жилища — юрты, следами от которых являются округлые или четырехугольные слегка углубленные в грунт площадки с ямками от кольев каркаса по периметру и прокаленным пятном от очага в центре. Этот тип построек чаще всего встречается на степных памятниках. Стационарные жилища прямоугольные в плане, наземные и полуземлянки, с очагом в центре. Стены стационарных построек чаще всего из дерева, обложенные сырцовым кирпичом или пластами глины. В Приазовье и Крыму распространены дома, каменные стены которых возведены на каменном же цоколе.

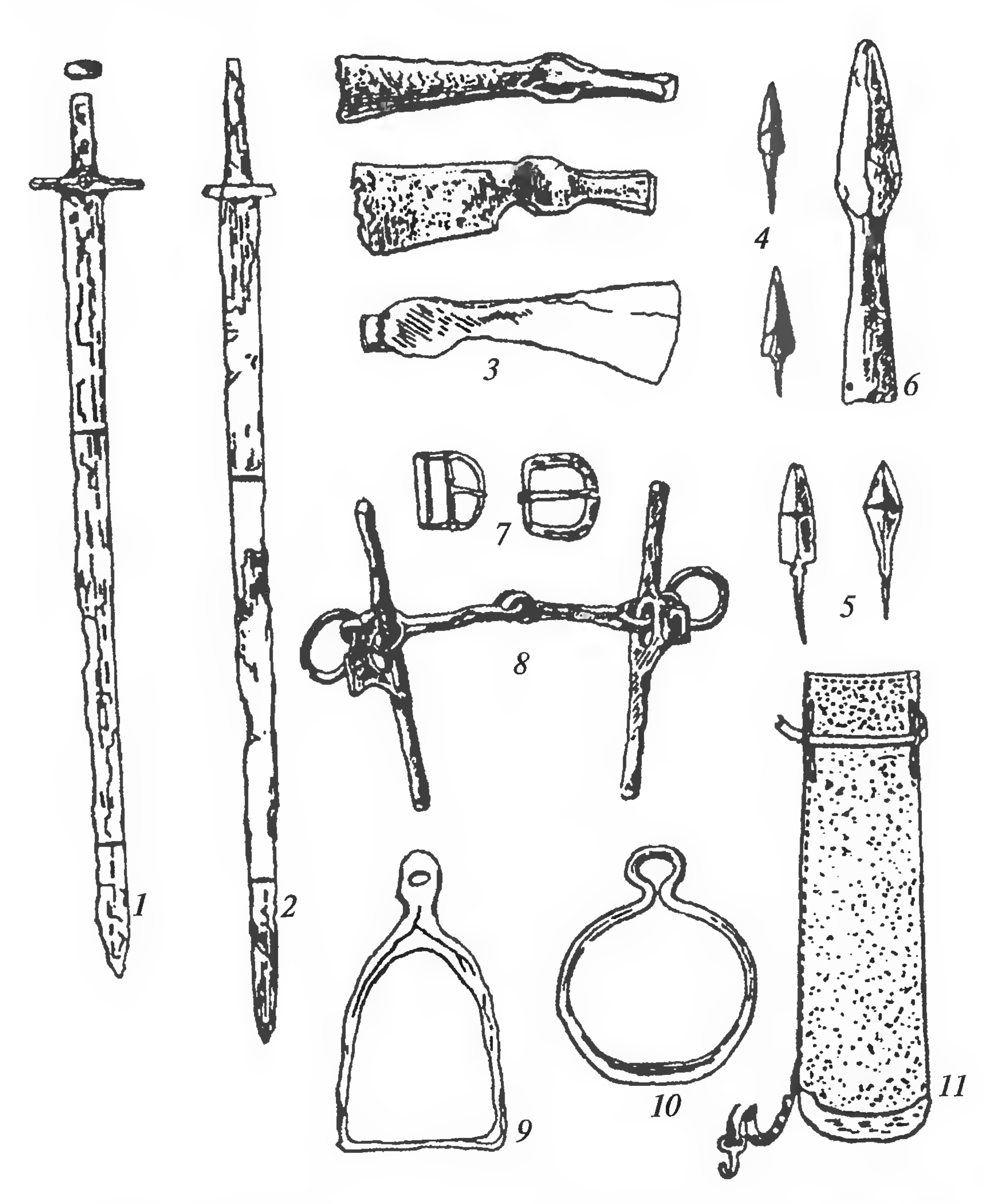
Религия и погребальный обряд. По сообщениям письменных источников известно, что население Хазарии поклонялось огню, богу молнии, священным деревьям, особенно широко был распространен культ коня и т.д. Видимо, хазарское язычество представляло собой сложный сплав верований различных племен, входивших в состав каганата. Известно, что в 80-х гг. VII в. один из местных правителей Хазарии принял христианство, которое не получило там распространения. В начале IX в., судя по сообщениям арабских авторов, каган и его окружение перешли в иудаизм, однако из источников IX–X вв. следует, что часть населения исповедовала христианство, ислам, а большинство оставалось язычниками. Это подтверждается открытием христианской часовни VIII в. на территории курганного могильника Чир-Юрта и мусульманских погребений IX в. у городища Маяки на Северском Донце.

Катакомбы, характерные для аланского населения лесостепной зоны, могут быть одиночными, парными или коллективными и содержат до 10 погребений, т.е. являются семейными усыпальницами. Мужчин хоронили на спине, в вытянутом положении; женщин — в скорченной позе на боку.

Парные захоронения (мужчины и женщины) часто оказываются посыпанными углем. Как правило, в катакомбах находят глиняные сосуды, видимо, с напутственной пищей и питьем. Подавляющее большинство погребений имеет богатый и разнообразный инвентарь. Мужские погребения сопровождаются предметами вооружения: слабоизогнутыми саблями, боевыми топорами-чеканами и стрелами, иногда вместе с остатками лука и колчана. Воинские наборные пояса, украшенные серебряными или бронзовыми бляхами, отражают ранг погребенного — чем богаче набор, тем более славен воин. Кроме того, в мужских погребениях встречаются предметы снаряжения верхового коня: удила, уздечный набор, стремена, остатки седел.

Для женских погребений характерны ножницы, бронзовые зеркала в виде круглого диска с ручкой в центре обратной стороны, копоушки, ногтечистки,

Салтово-маяцкая культура. Предметы вооружения и снаряжения всадника:
1, 2 — палаши; 3 — боевые топоры; 4, 5 — наконечники стрел; 6 — наконечник копья; 7 — пряжки; 8 — удила с псалиями; 9, 10 — стремена; 11 — колчан (*реконструкция*)

туалетные пинцеты и различные украшения: серебряные или бронзовые серьги, перстни со стеклянными вставками, бронзовые и железные браслеты, разноцветные стеклянные бусы и бусы из хрусталя, сердолика и др. Встречено несколько женских погребений, сопровождаемых оружием и воинскими поясами. И в мужских, и в женских погребениях оказываются ножи и небольшие железные прямоугольные втульчатые мотыжки. Разнообразен набор подвесок-амулетов. Для раннего периода культуры характерны так называемые солнечные амулеты в виде колесообразных фигур, подвески с изображением птичьих головок и вписанными в круг грифонами или фигурами всадников. Встречаются амулеты в виде фигурок птиц, лошадок, миниатюрные зеркала, подвески из когтей или косточек животных. Детские захоронения, как правило, вещей не содержат.

Катакомбные погребения часто сопровождаются «поминальными» комплексами или тризнами. Остатки тризн в виде целых или разбитых сосудов (чаще всего кухонных) и костей домашних животных оставлялись в небольших округлых ямках рядом с дромосом — входной ямой в катакомбу. Жертвенными животными были коровы, козы и свиньи.

Иногда в дромосах помещались ритуальные захоронения коней — костяки лошадей с подогнутыми ногами расположены головой в сторону входа в погребальную камеру.

Ямные могильники, характерные для тюркских племен степной зоны, содержат погребения в обычных продолговатых и круглых ямах, в подбоях. В ямах вдоль длинных сторон оставлялись заплечики — уступы для опоры деревянного перекрытия. Дно могильных ям иногда посыпалось углем или выстилалось камышом. Все захоронения совершены в вытянутом положении, на спине. В целом для ямных могильников погребальный инвентарь не характерен. В мужских погребениях изредка встречается оружие, в женских и детских — серьги, браслеты, перстни. В ногах или головах погребенных ставили 1–2 сосуда и оставляли куски напутственной пищи — найдены кости коровы, барана, свиньи и очень редко лошади.

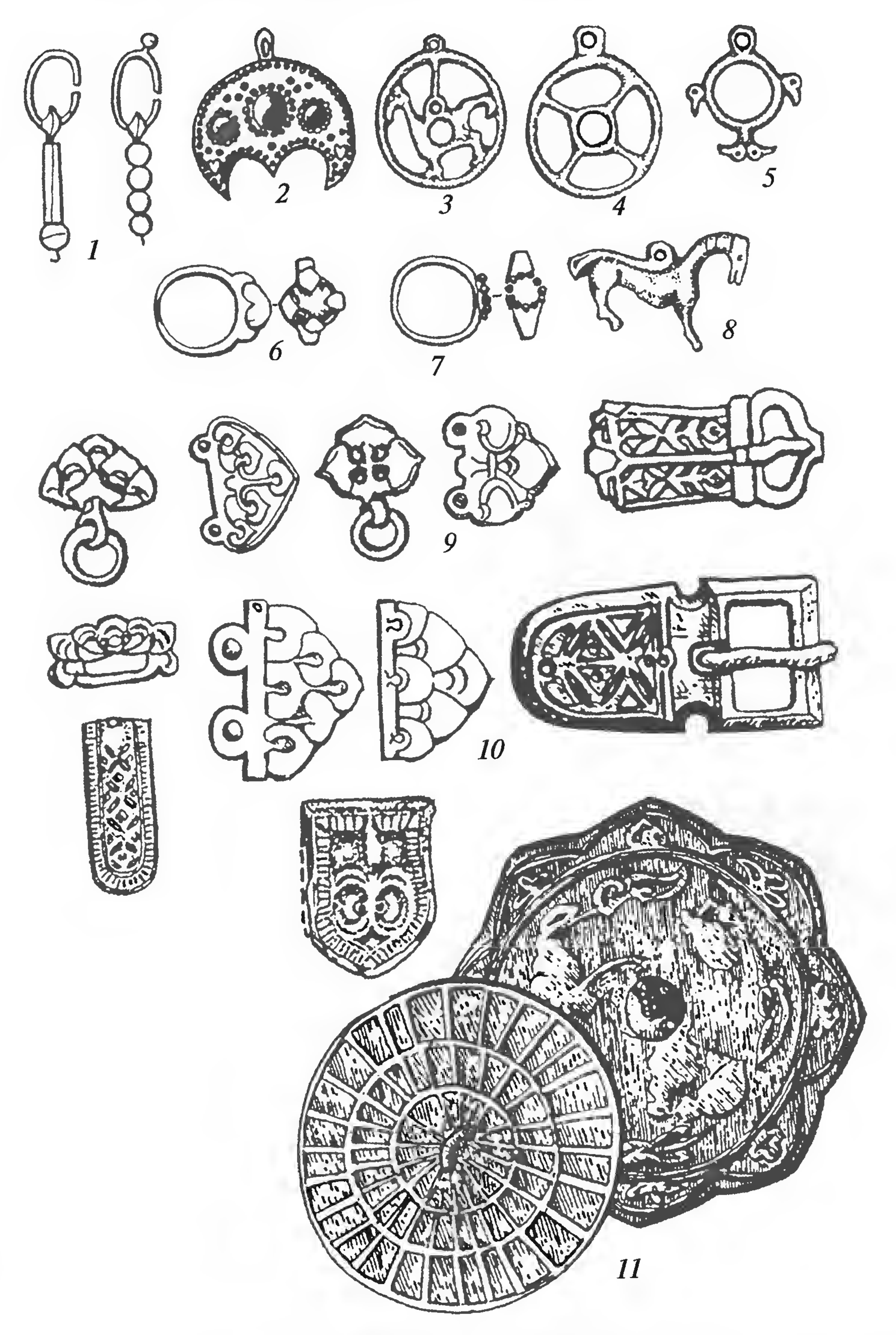
Погребальный обряд и антропологический материал катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры имеет прямые аналогии в катакомбных могильниках Северного Кавказа. Материал ямных могильников культуры аналогичен материалам Волжской и Дунайской Болгарии этого же времени.

Особую группу погребений составляют трупосожжения, встреченные на территории Северского Донца. Остатки трупосожжений на стороне помещались на дне неглубоких грунтовых ям, иногда при этом использовалась урна. Рядом с некоторыми погребениями располагались своеобразные тайники, в которых найдены грудой сложенные конская сбруя, предметы вооружения, украшения, железные котлы. Зачастую клинки сабель согнуты или специально сломаны. Аналоги таким погребениям известны в Среднем и Западном Предкавказье. Исследователи предполагают, что они принадлежат касогам, хорошо известным по различным письменным источникам.

Хозяйство салтово-маяцкого населения было ***земледельческо-скотоводческим***, знакомо ему виноградарство и садоводство, добыча и обработка

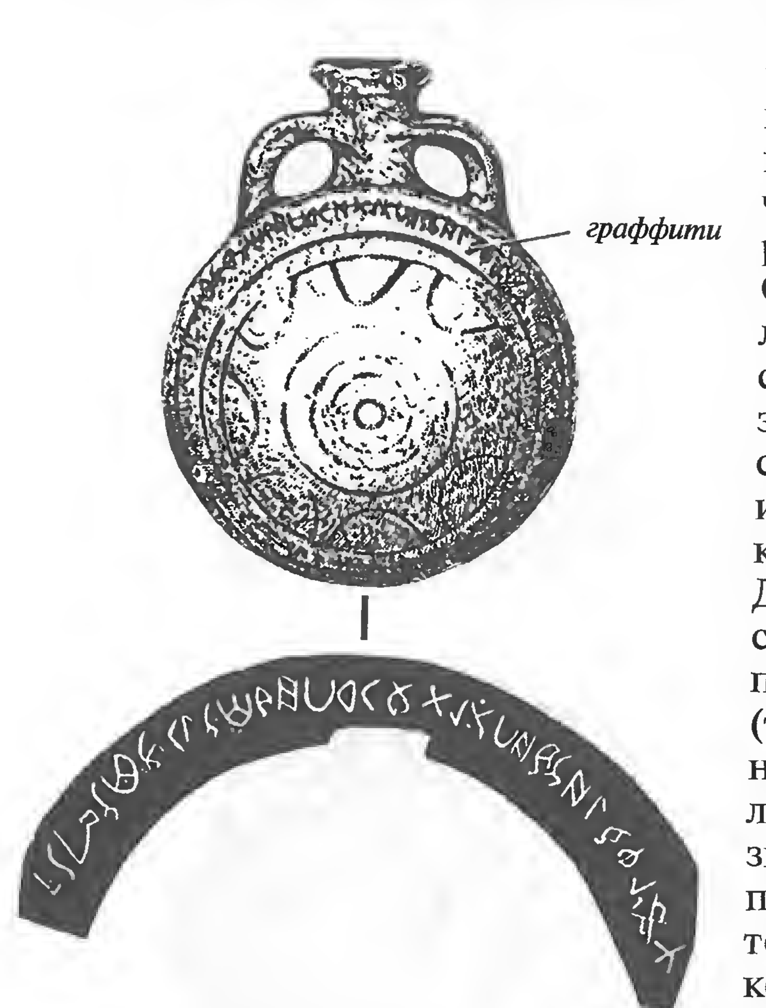
железа, гончарство, ювелирное дело и разнообразные промыслы. Для земледелия использовались в основном пойменные земли, распахивались и небольшие участки целины в степи, которые обрабатывались тяжелым плугом — на ряде поселений найдены слегка асимметричные лемехи и

Салтово-маяцкая культура. Украшения:
1 — серьги; 2 — подвеска; 3–5 — солярные амулеты; 6, 7 — перстни; 8 — подвеска-конек; 9 — детали наборного пояса; 10 — детали ременного набора; 11 — бронзовые зеркала

плужные ножи-чересла. Выращивали пшеницу, просо, ячмень. Для уборки урожая служили серпы. Зерно размалывали с помощью каменных жерновов, вытесанных из песчаника или известняка. В состав стада домашних животных входили крупный и мелкий рогатый скот, лошади, свиньи. Набор животных мог варьироваться в зависимости от типа скотоводческого хозяйства. Для лесостепной территории наиболее характерно придомное пастушеское скотоводство, для степной — полукочевое и кочевое. Встречаются находки костей осла и верблюда. Расположение поселений по берегам рек способствовало занятию рыболовством.

Остатки железоплавильных горнов, сопровождаемые значительным количеством шлаков, криц, кусками руды, указывают на развитое железоделательное производство. В качестве сырья использовался бурый железняк (в районах лесостепи) и железистые кварциты (в районах степи). Известны случаи выплавки железа из руды керченского месторождения — крицы, химический состав которых соответствует составу керченской руды, обнаружены в разрушенной кузнице на территории Саркела. Металлографический анализ железных изделий показал, что салтово-маяцкие кузнецы использовали кричное железо и сырцовую сталь, улучшая рабочие качества изделий с помощью таких приемов, как цементация, отпуск и закалка. Для кузнецов, работавших в лесостепных районах, характерно использование пакетного металла (т.е. заготовок из сваренных кузнечным способом нескольких полос железа и стали). Исследования значительных серий однотипных предметов (орудий труда, предметов вооружения и снаряжения коня, бытовых предметов) выявило намечающуюся тенденцию к стандартизации в изготовлении кузнечной продукции и появление в среде кузнецов профессионалов и высококвалифицированных ремесленников. На городище Маяки и Правобережном Цимлянском городище в слоях IX в. были найдены наборы кузнечных, слесарных, токарных и ювелирных инструментов, формы которых хорошо известны по более поздним древнерусским памятникам.

Салтово-маяцкая культура. Глиняная фляга с надписью-граффити тюркскими рунами и ее прорись

Для салтово-маяцкой культуры характерно развитое гончарное производство с использованием как простого ручного круга, так и ножного. Вся

глиняная посуда подразделяется на столовую, кухонную и тарную. На всей территории культуры известна столовая посуда, изготовленная на ручном или ножном гончарном круге, поверхность которой покрыта характерным серым или черным лощением. Лощение покрывает всю поверхность сосуда или располагается полосами, образующими узор в виде сетки, треугольников, завитков. Формы столовой посуды весьма разнообразны: приземистые кувшины, горшочки, кружки, кубышки, шарообразные корчаги. Именно лощеная посуда, которая появляется в VIII в., чаще всего встречается в погребениях. Некоторые сосуды имеют на внешней стороне днища клеймо в виде круга, креста, креста в круге и т.д. Появление таких знаков на глиняной посуде указывает на то, что она изготавливалась не домашним способом, а в мастерской. Относительно тонкая, тщательно выделанная столовая посуда обжигалась в специальных горнах. Горшки, украшенные сплошным линейно-волнистым орнаментом, изготавливались на гончарном круге на всех более или менее оседлых поселениях и в городских центрах.

Кухонная посуда нередко лепилась вручную и отличается грубым тестом и отсутствием орнамента. Обжиг кухонной посуды мог происходить в очагах и печах. Примерно с середины IX в. в быту появились глиняные котлы с округлым дном, которые также иногда украшались линейным или линейно-волнистым орнаментом.

К тарной посуде относятся крупные сосуды: пифосы, пифосы-кувшины, круглодонные яйцевидные амфоры и красноглиняные кувшины. Часть этих сосудов (амфоры) изготавливались в мастерских Крыма, Приазовья и, вероятно, Саркела.

Важной особенностью культуры Хазарского каганата является распространение среди его населения *письменности* — надписи, выполненные тюркскими рунами, встречены на памятниках прикладного искусства, изделиях из кости, каменных блоках и т.д. Знаки этого алфавита не совпадают с сибирскими рунами и пока не прочитаны. Интересны и многочисленные граффити — процарапанные на поверхности глиняных сосудов, кирпичей, каменных блоков изображения людей, животных, геометрические фигуры и т.п.

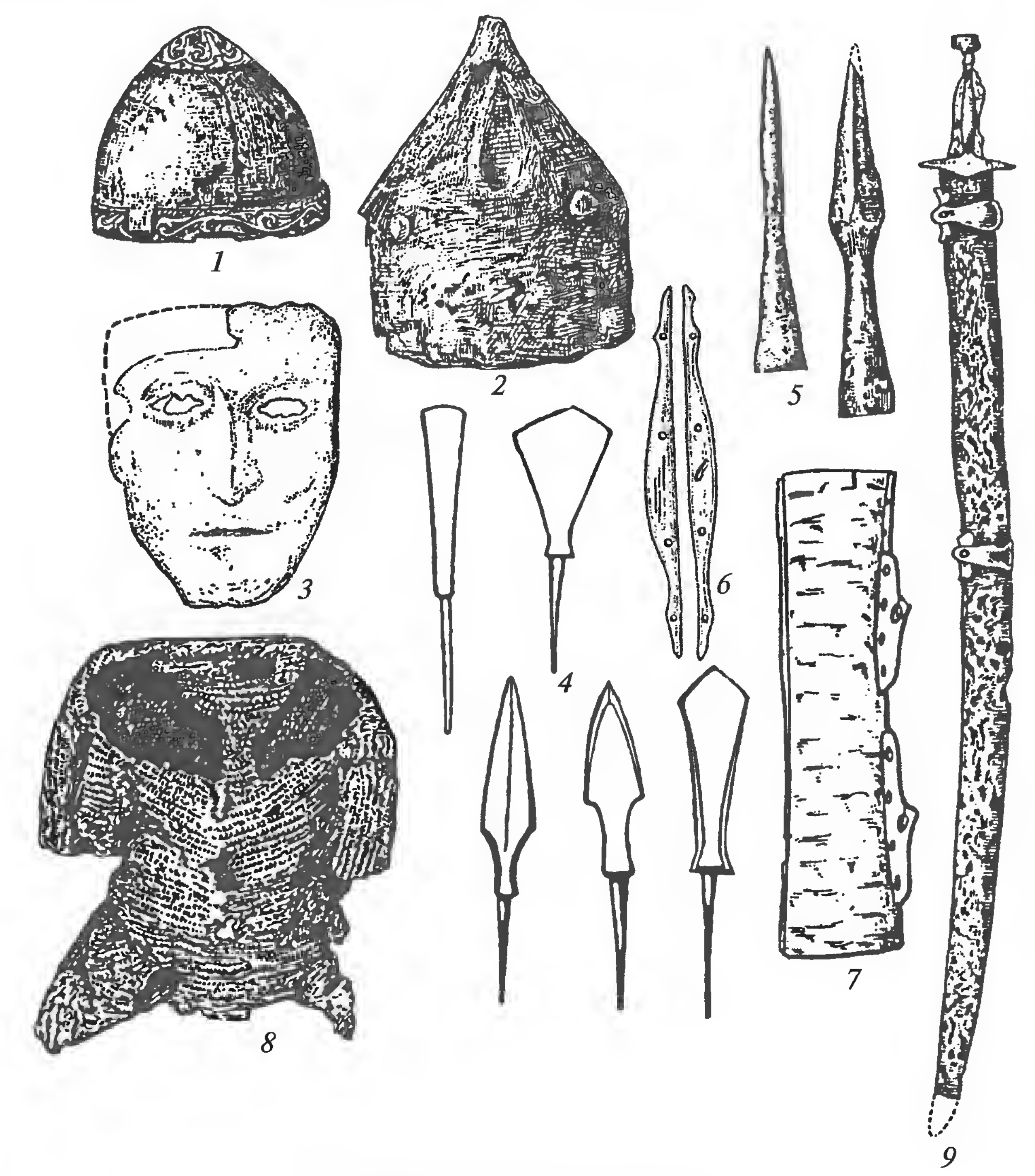
1.4.3. Кочевники южнорусских степей в IX–XIII вв.

В IX–XIII вв. в южно-русских степях кроме болгар обитали три основных тюркоязычных народа — **печенеги**, **торки** (гузы) и **половцы**, основу хозяйства которых составляло кочевое скотоводство. Археологически различить все эти кочевые народы очень трудно, поскольку вид хозяйства и образ жизни был у них практически одинаков. На основе письменных источников в истории южнорусских степей выделяются два периода: печенежский (X — начало XI в.) и половецкий (середина XI — первая половина XIII в.).

В IX в. союз кочевых племен лесостепной полосы между Волгой и Уралом возглавили печенеги. Наряду с тюрками в этот союз вошли и разноязычные потомки позднесарматских племен Заволжья. В это же время в степях Зауралья сформировался другой племенной союз во главе с гузами и половцами. Гузы представляли

собой мощное объединение полукочевых племен, обитавших в Приаралье и по р. Сырдарье. В конце IX в. они начали вытеснять печенегов из-за Волги на запад. С этого времени начинается постепенное продвижение печенегов по территории Хазарии, частичное разорение ее поселений и столкновения печенегов с Русью. Печенеги кочевали в степях между Волгой и р. Прут до их разгрома дружинами Ярослава Мудрого в 1036 г. После этого часть печенегов отошла далее на запад в Подунавье, а оставшаяся часть смешалась с вторгшимися в первой половине XI в. из-за Волги родственными племенами гузов (именовавшихся в русской летописи торками) и половцев.

Культура средневековых кочевников изучена в основном по материалам погребений, поселения их почти неизвестны.

Половецкий период. Вооружение:
1, 2 — шлемы; 3 — железная лицевая маска; 4 — наконечники стрел; 5 — наконечники копий; 6 — костяные накладки от колчана; 7 — колчан (*реконструкция*); 8 — кольчуга; 9 — сабля

Все кочевнические ***погребения*** совершены по обряду трупоположения в подкурганных ямах. Как правило, курганы кочевников не образуют заметных скоплений, а разбросаны по степи, как бы отмечая маршруты кочевок.

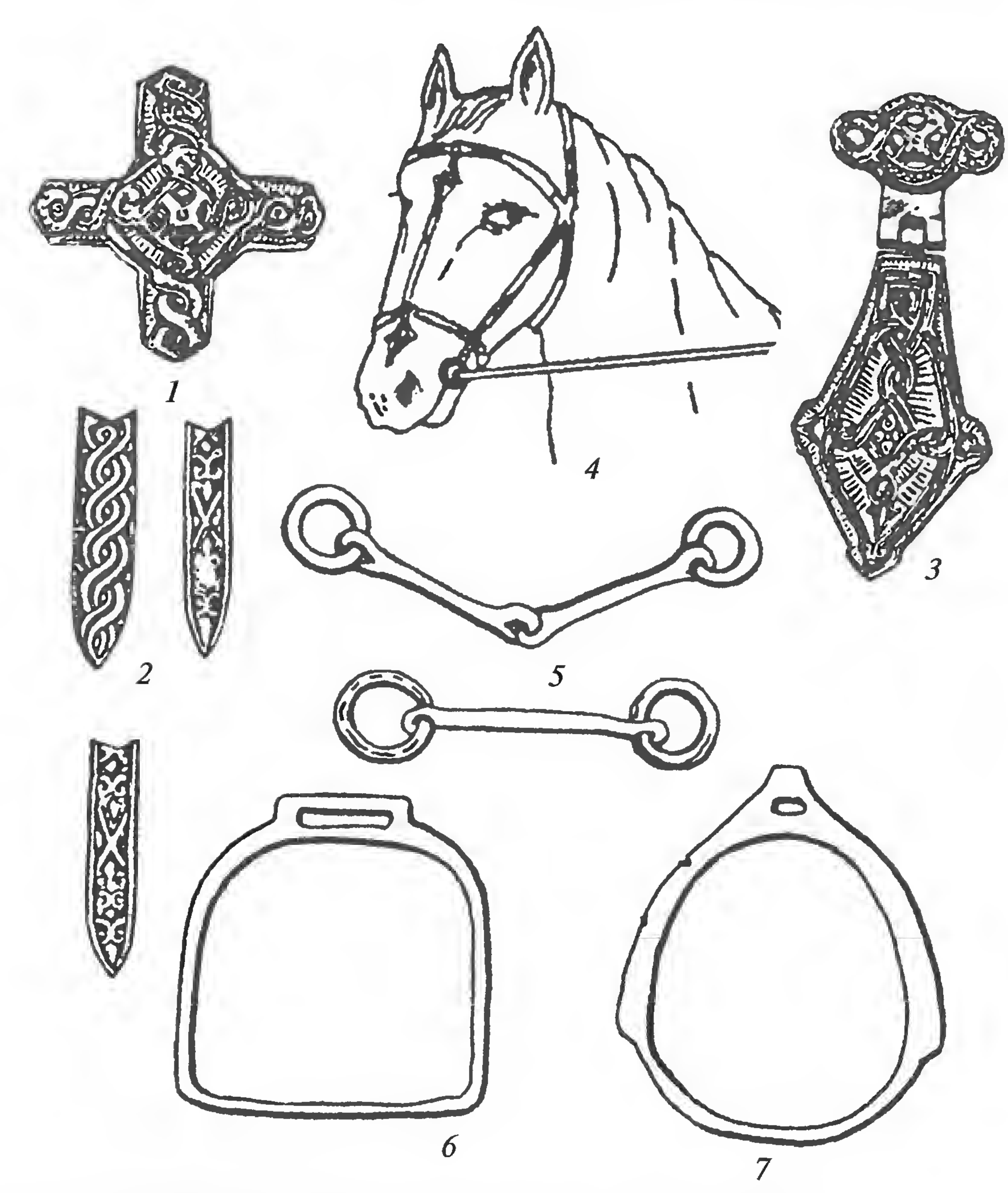
Для ***печенежского периода*** характерно использование уже существующих, ранее сооруженных курганов. Собственно печенежские курганы насыпались редко. Погребение совершалось в продолговатой яме, головой на запад. С левой стороны от умершего размещались голова и ноги коня, разложенные в анатомическом порядке, вероятно, это остатки от чучела животного. Иногда чучело размещалось на специальном уступе вдоль боковой стенки могильной ямы. Женские погребения встречаются очень редко. Мужские захоронения сопровождаются наступательным оружием и снаряжением верхового коня: удилами и стременами. Из предметов вооружения чаще всего встречаются черешковые наконечники стрел разной формы, к числу редких находок относятся наконечники копий — втульчатые бронебойные, и сабли — короткие слабо искривленные клинки, очень похожие на салтово-маяцкие. Кроме того, в погребениях находят остатки берестяных или кожаных колчанов, окованных железными пластинами, костяные накладки седел, часто орнаментированные, и детали от сложных луков. Встречаются грубые лепные сосуды, пышно украшенные орнаментом в виде ямок, волны, насечек и др.

Половецкий период характеризуется сооружением курганов из земли и камня или обкладкой основания насыпи камнями. Человека, помещенного в могильную яму головой на восток, сопровождал конь, часто взнузданный, который располагался сбоку от него. В некоторых случаях коня погребали отдельно, в специально вырытой для него яме.

В погребениях этого периода появляется защитное вооружение: железные кольчуги, шлемы и даже наколенники. По-прежнему частой находкой являются черешковые стрелы, а копья встречаются редко. Сабли встречены примерно в половине мужских погребений. Происходит постепенное увеличение длины и кривизны клинка, конец которого затачивается с двух сторон. В половецкое время в погребениях появляются железные лицевые маски, которые, как полагают, передают индивидуальные черты умерших, и кистени — боевые гири. В погребениях обычной находкой являются предметы снаряжения верхового коня. К удилам и стременам добавляется плеть с металлическим или костяным набалдашником. Кроме предметов вооружения и конского снаряжения, в мужских погребениях находят кресала, ножи, гребенки.

В отличие от предшествующего периода, женские погребения достаточно многочисленны. Для них характерны витые браслеты и браслеты, украшенные на концах вставками из ляпис-лазури, перстни, бронзовые или серебряные серьги, украшенные полыми биконическими или шипастыми бусами, шейные гривны, круглые бронзовые зеркала, похожие на салтово-маяцкие, ножницы, глиняные и каменные пряслица. Встречаются серебряные бляшки-нашивки от головных уборов, сшитых из шелковых тканей и украшенных цепочками и бубенчиками.

Кроме глиняных лепных сосудов, в погребениях встречаются железные клепаные котлы цилиндрической формы.

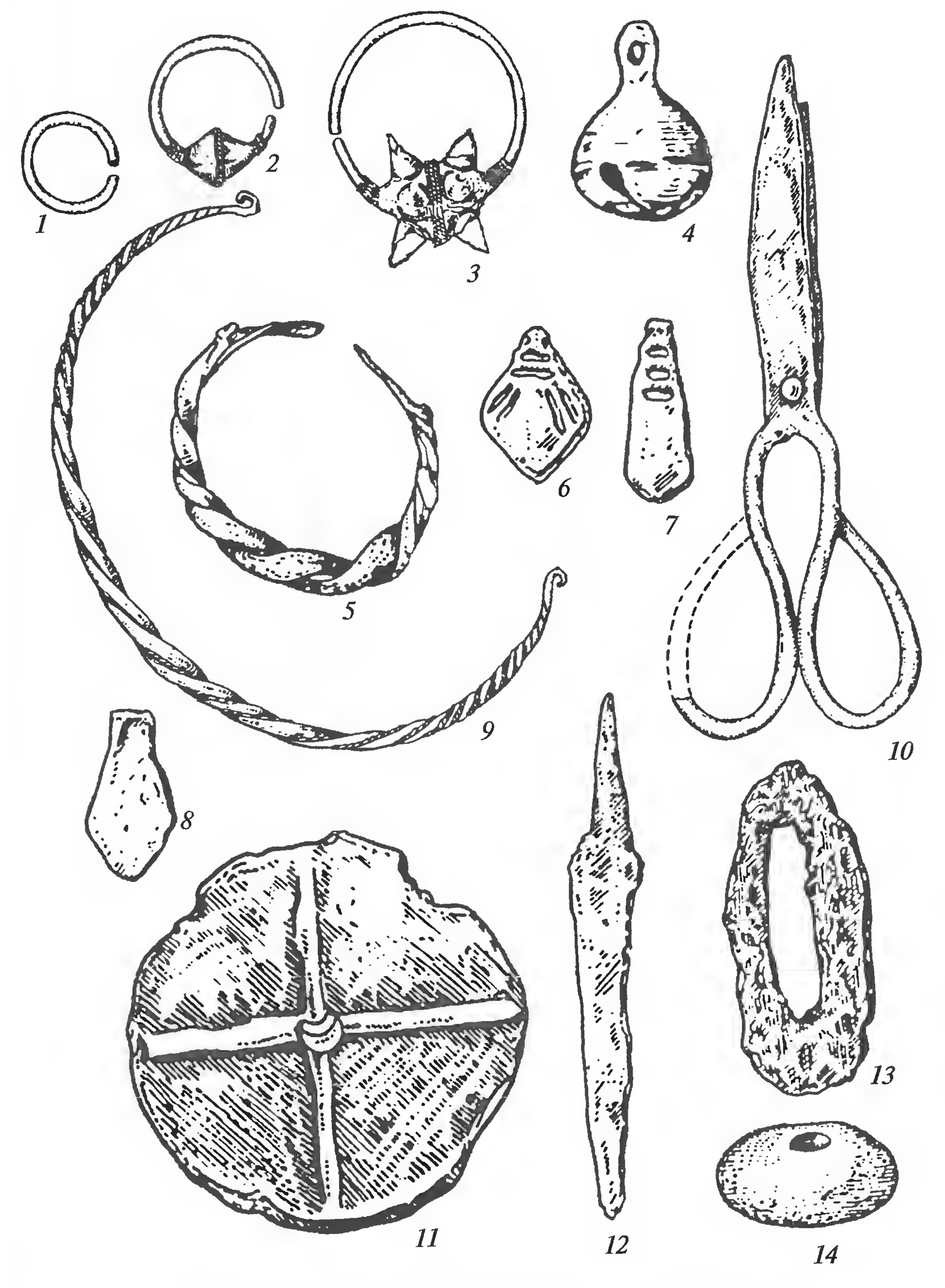

Половецкий период. Снаряжение верхового коня:
1 — ременная распределительная бляха; 2 — ременные наконечники; 3 — налобная бляха; 4 — реконструкция конского оголовья; 5 — удила; 6, 7 — стремена

Печенеги, торки, половцы были язычниками — в погребениях довольно много находок различных амулетов.

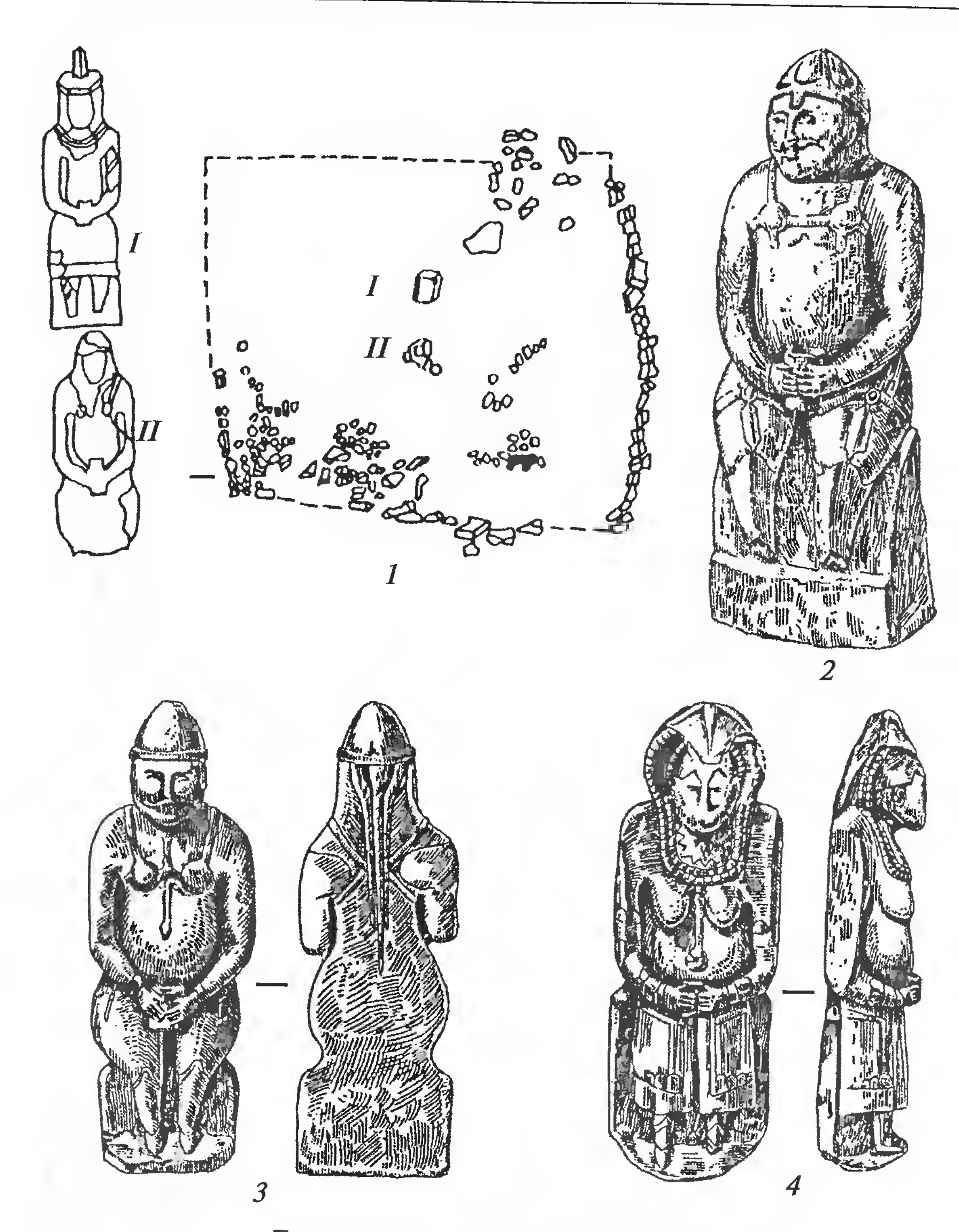
С культом предков связаны так называемые половецкие «бабы» — каменные изваяния мужчин и женщин, большинство которых относится к концу XI — началу XIII в. Ранние изваяния довольно примитивны и схематичны. Изваяния XII в. — это скульптурные изображения, передающие зачастую индивидуальные особенности костюма и лиц. Изображенные на каменных фигурах оружие, украшения, бытовые предметы имеют многочисленные аналоги в находках из кочевнических курганов этого времени.

Половецких «баб» находят от Среднего Поднепровья до междуречья Волги и Дона. Изваяния устанавливались в центре ***святилищ***, сооруженных в степи на высоких местах. Святилища имели вид квадратных площадок, окруженных каменной оградкой. В центре площадок находятся остатки жертвоприношений, совершенных у подножия изваяний. Жертвенными животными были лошади, быки, бараны, собаки.

Половецкий период. Украшения и бытовые предметы:
1, 2 — серьги; 3 — «шипастая» серьга; 4 — бубенчик; 5 — витой браслет; 6–8 — амулеты-подвески; 9 — шейная витая гривна; 10 — ножницы; 11 — зеркало; 12 — нож; 13 — кресало; 14 — пряслице

Половецкие каменные изваяния:
1 — план святилища и схема расположения изваяний; 2, 3 — изображения воинов;
4 — изображение женщины

Как уже говорилось, поселения кочевников известны плохо. Часть из них представляла собой, видимо, зимовища — длительные ежегодные стоянки. Обычно зимовища не укреплялись, исключение составляли поселения, устроенные на местах разрушенных городов и крепостей, например в Белой Веже, взятой половцами в 1117 г. Остатки половецкого становища здесь представлены развалами глинобитных и турлучных построек, керамикой и редкими находками предметов вооружения, относящимися к первой половине XII в.

По сообщениям древнерусской летописи, половцы владели несколькими «городами», бывшими ранее хазарскими крепостями. Свои, очевидно,

новые названия — Шарукан, Сугров, Балин — они получили по именам владевших ими ханов.

Жилищем кочевников были юрты и двух- или четырехколесные кибитки, известные по запискам Плано Карпини и Вильгельма Рубрука (XIII в.). Следы юрт обнаружены в поздних слоях Саркела–Белой Вежи, относящихся ко второй половине X — началу XI в.

Хозяйство было преимущественно ***кочевым***. Стада состояли из лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, верблюдов. Часть населения кроме скотоводства занималась земледелием, оседая на местах длительных ежегодных зимовищ по берегам рек. Выращивали просо, пшеницу. Видимо, ремесла имели сезонный характер и развивались в основном на зимовищах. Разнообразный перечень специальностей и связанных с ними предметов приведен в «Половецком словаре», памятнике XIII в. В нем упомянуты: сапожник, токарь, кузнец и соответствующие предметы — сапог, подошва, пила, циркуль, наковальня, железо, молот.

Глава 2

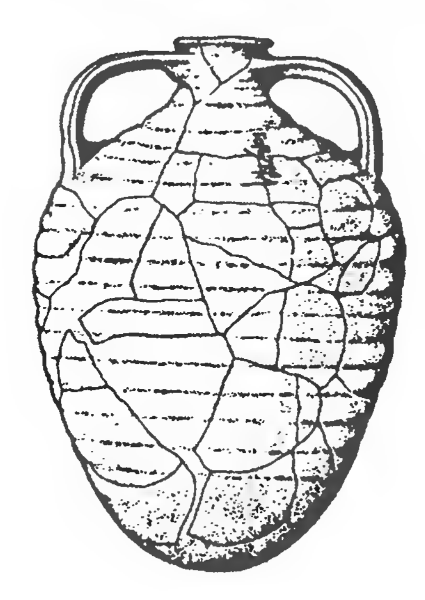
ДРЕВНЯЯ РУСЬ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В VIII–X вв. в восточнославянском мире происходили существенно важные эволюционные процессы, результатом которых явилось разрушение родового общества, оформление феодальных отношений, становление государственности. Реконструкция этих процессов по письменным источникам невозможна. Аутентичных источников нет, а позднейшие летописные упоминания отрывочны и противоречивы. Следовательно, характеристика изменений возможна только благодаря привлечению археологических данных. Археология достаточно четко фиксирует переход от родового разнообразия к этнической консолидации, что прежде всего отразилось на изменении погребальной обрядности.

В IX–X вв. на территории лесостепной и лесной зоны Восточной Европы, освоенной славянским населением, распространяется один тип погребений — ***круглые курганы с трупосожжением****, совершенным на месте последующего возведения насыпи.* Курганные группы содержат по нескольку десятков насыпей, в каждой из которых, как правило, только одно погребение, урновое или безурновое. Погребальный инвентарь ограничен одним–тремя предметами, обычно это нож или наконечник стрелы, отдельные оплавленные бусины. Характерен обычай битья посуды при погребении: черепки встречаются на поверхности погребальных кострищ или в насыпи курганов. Нередко в погребениях встречаются пережженные кости лошадей или собак. Обычно эти многочисленные однотипные погребения рассматриваются как захоронения рядовых общинников. На фоне однородных по обряду и этнической принадлежности рядовых

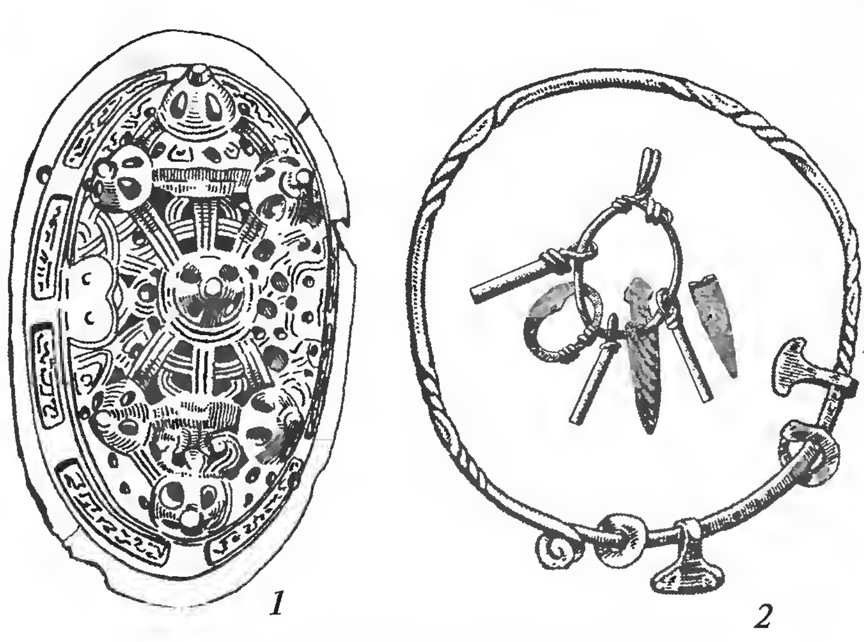
погребений в курганных могильниках X в. выделяются парные трупосожжения, сопровождающиеся многочисленным и разнообразным инвентарем, часто включающим предметы вооружения, восточные монеты, весы и гирьки. Предполагают, что такие погребения принадлежат феодализирующимся представителям княжеской дружины. Большинство подобных погребений исследовано в самых крупных курганных могильниках X в. — Гнёздовском (под Смоленском), Тимеревском (под Ярославлем), Киевском, Шестовицком (близ Чернигова).

Одним из примеров погребения дружинника является курган № 13, раскопанный в Гнёздове. Курган содержал остатки парного (мужчина и женщина) трупосожжения, совершенного на месте сооружения кургана. Обряд сожжения дополнен такими элементами ритуала, как «умерщвление оружия» — предварительно сломанный меч воткнут в слой погребального кострища, наличие амулета в виде железной шейной гривны с подвесками-молоточками Тора, битье посуды — обломки привозной крымской амфоры оказались рассеяны по всему кострищу. Погребение сопровождалось целыми лепными сосудами-урнами местного происхождения и византийским круговым кувшинчиком, десятками сердоликовых и хрустальных бус, остатками серебряной канители, которой была, видимо, расшита одежда погребенных, пятью арабскими монетами. Самая интересная находка — это надпись, процарапанная на амфоре до того, как та была разбита. Одно из прочтений надписи — «гороуща», или «гороушна», т.е. «горчица» — это древнейшая кириллическая надпись на территории Восточной Европы (курган датируется первой четвертью X в.).

Корчага с граффити из кургана № 13

Вещи скандинавского происхождения:
1 — фибула овальная (женская); 2 — шейная железная гривна с подвесками-амулетами и набор амулетов

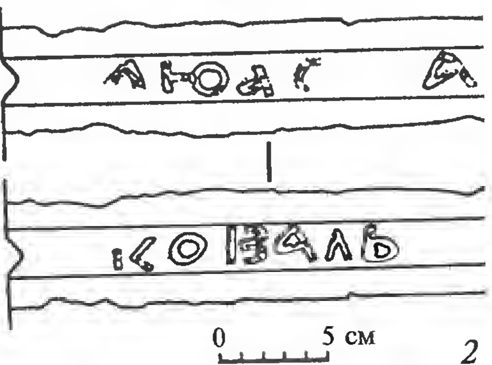

Примечательно здесь сочетание элементов славянской и скандинавской погребальной обрядности и инвентаря. К славянским относятся формы лепных глиняных сосудов, височное спиральное кольцо, ритуальное битье посуды и граффити. Скандинавские элементы — порча и втыкание оружия в погребальное кострище, присутствие гривны с амулетами-молоточками Тора, женские фибулы овальной формы, характерные для североевропейского костюма.

Сочетание в погребении дружинника разноэтнических элементов неудивительно: присутствие скандинавов (варягов) в составе древнерусской дружины, полиэтничной по составу, неоднократно отмечается летописью.

С IX в. начинает формироваться, а в X в. складывается своеобразная ***дружинная культура***, синтезировавшая разноэтничные элементы. В археологическом смысле дружинная культура определяется погребальным обрядом: способом и характером захоронения, конструкцией погребального сооружения, составом инвентаря и деталями его расположения в погребении. В середине X в. появляются трупоположения в обширных могильных ямах, иногда содержавших деревянные погребальные камеры столбовой или срубной конструкции, перекрытые настилом и затем курганной насыпью. Камеры содержат одиночные или парные захоронения, иногда сопровождаемые полным скелетом коня и набором его снаряжения. Происхождение деревянных погребальных камер не совсем ясно. Зато обряд погребения в ладье — как сожжение, так и трупоположение — совершенно очевидно связан с выходцами из Скандинавии. Несколько курганов с таким обрядом раскопаны в Плакуне (вблизи Старой Ладоги) и в Гнёздове (под Смоленском). Скандинавское происхождение имеет также обряд преднамеренной порчи оружия и обычай ношения амулетов в виде молоточков Тора. Появление захоронений воина с конем можно рассматривать не только как указание на социальный статус погребенного. Совместные погребения человека и верхового коня хорошо известны в IX–XI вв. у мадьяр и тюркских племен восточноевропейских степей.

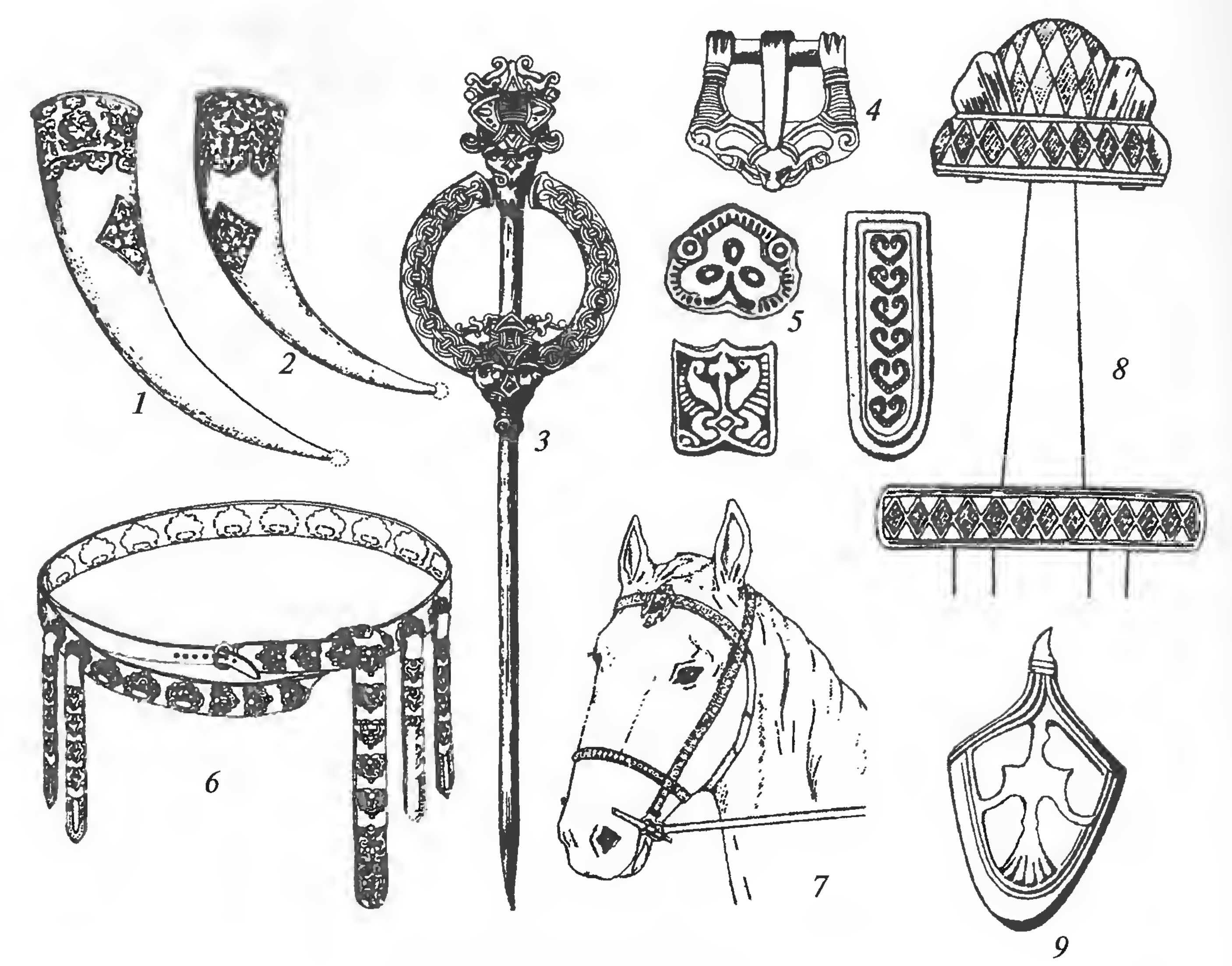

Древнерусский подписной меч из Фощеватой:
1 — рукоять меча; 2 — клеймо на клинке (*прорись*)

До X в. находки оружия в восточнославянских погребениях практически неизвестны. В X в. на Руси распространились прямые двулезвийные рубящие мечи так называемого каролингского типа. Основные места их находок

связаны с Гнёздовом, Киевом, Черниговом и его окрестностями. Всего найдено около 100 мечей X — первой половины XI в. Большинство мечей было изготовлено в мастерских Рейнской области (Германия), о чем говорят латинские клейма на их клинках: INGELRII, ULFBERTH и др. Однако, вероятно, часть мечей могла быть выкована и на Руси. На это указывает находка меча из Фощеватой под Миргородом (Украина), на клинке которого обнаружено клеймо-надпись «ЛЮДОТА (ЛЮДОША) КОВАЛ(Ь)».

Значительная часть каролингских мечей попала на Русь через посредство скандинавов или вместе с ними. Североевропейское происхождение имеют некоторые ланцетовидные наконечники копий и круглые щиты с полусферическими железными умбонами. Формы боевых топоров разнообразны. Местное происхождение имеют некоторые узколезвийные топорики; среди них выделяются небольшие топорики-чеканы, хорошо известные по материалам кочевнических погребений. С миром кочевого и оседлого населения степи и лесостепи связана форма большинства найденных в дружинных погребениях стремян.

Предметы дружинной культуры:
1, 2 — рог для питья; 3 — фибула (мужская); 4 — пряжка; 5 — накладки ременные; 6 — поясной набор воина (*реконструкция*); 7 — конское оголовье (*реконструкция*); 8 — рукоять меча каролингского типа; 9 — наконечник ножен меча

Характерной деталью дружинной культуры являются ременные наборы поясов и конской упряжи, богато украшенные бронзовыми или серебряными накладками, преимущественно восточного происхождения. Такие наборы изготавливались в мастерских Хазарии, Волжской Болгарии, а также в некоторых центрах Среднего Поднепровья. С воинскими ременными наборами связаны поясные сумочки-ташки, также украшенные металлическими бляшками, характерные для мадьярских памятников. Широкое распространение в дружинной среде X в. получили игральные шашки — стеклянные или роговые. Наборы этих шашек вместе с игральными кубиками найдены в нескольких погребениях Киева, Гнёздова, Шестовицы (недалеко от Чернигова, Украина), Плакуна, на Гнёздовском поселении, Рюриковом Городище под Новгородом и других местах. Часть предметов, характерных для погребального инвентаря дружинных захоронений, является импортом, часть сделана на месте, часть принесена владельцами — выходцами из Скандинавии, Центральной Европы, Поволжья или южнорусских степей.

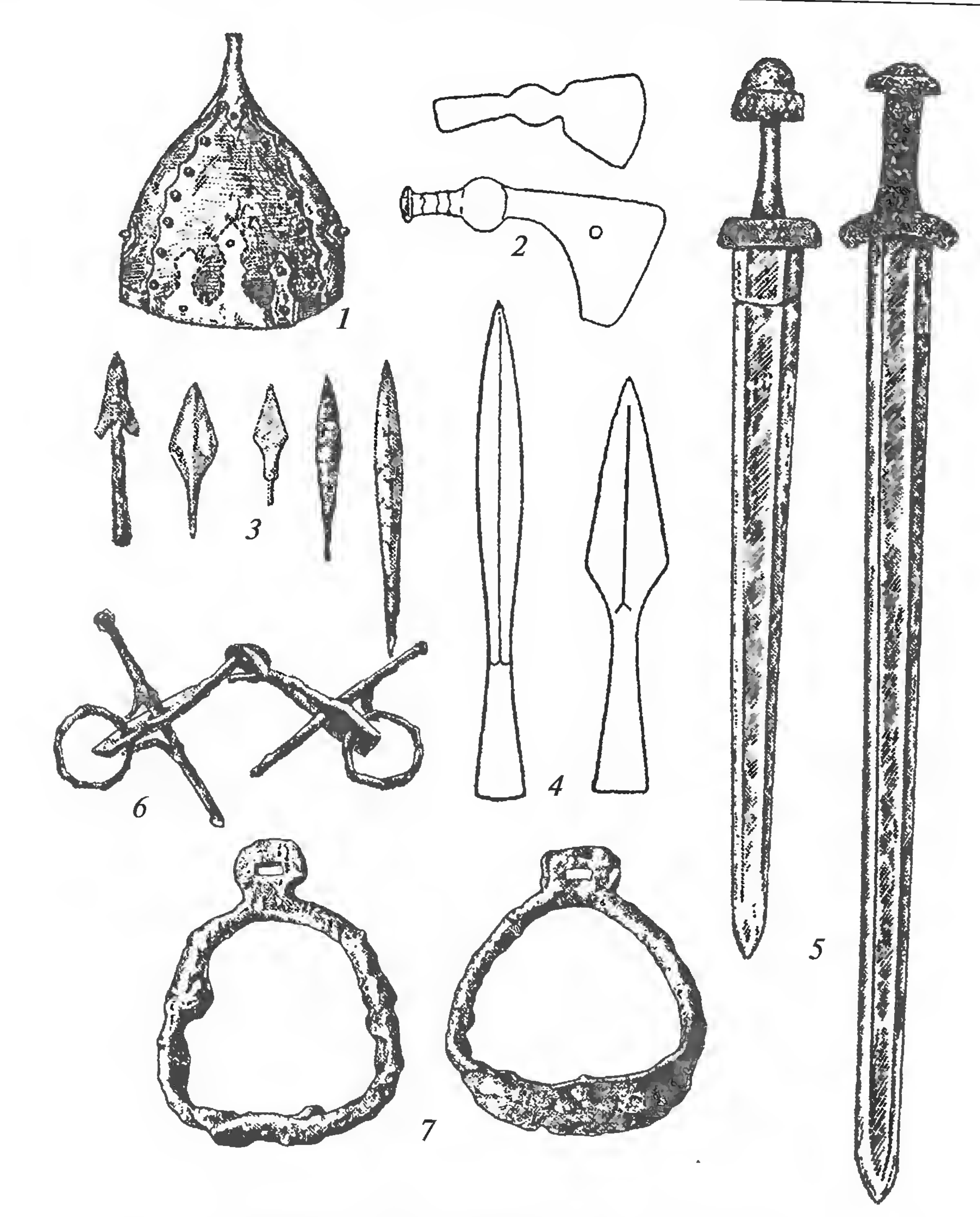
Таким образом, дружинная культура синтезировала культурные элементы славян, тюркского населения, скандинавов (варягов), финно-угров и, вероятно, балтов.

Наличие дружинных курганов в массе рядовых погребений славян-общинников свидетельствует о процессе имущественной дифференциации, разложении первобытнообщинного уклада и начавшейся социальной стратификации общества, завершившейся феодализацией восточнославянского мира.

Язычество. В обрядности погребений, безусловно, закодированы религиозные представления восточных славян. *Обряд трупосожжения*, широко распространенный вплоть до рубежа X–XI вв., и *сооружение кургана* — это наиболее яркие проявления языческих ритуалов. К элементам языческой культуры относится и обычай *сопровождать погребение набором различных предметов*, в том числе оружием (хотя славянские трупосожжения, как известно, были малоинвентарными). В конце X в. после официального акта крещения Руси обряд трупосожжения постепенно начинает вытесняться обрядом трупоположения.

Археологические находки дают лишь некоторое представление о религии восточных славян. Сведения об этом имеются только в нескольких поздних письменных источниках, а также реконструируются по этнографическим материалам. Частично языческий пантеон известен из Повести временных лет: Перун, Макошь, Велес, Даждьбог и др. Однако их изображения нам неизвестны. Также остаются практически неизвестными культовые сооружения языческой поры — храмы или святилища. Интерпретации как храма «капища», открытого в XIX в. в Киеве, или «святилища» на Перыни под Новгородом, представляются по крайней мере дискуссионными.

Одним из редких памятников славянского язычества является так называемый Збручский идол — каменное изваяние в виде высокого четырехгранного каменного столба, увенчанного четырьмя «ликами» с высеченными на боковых гранях масками, антропоморфными и зооморфными фигурами. Идол был найден в реке Збруч (Западная Украина) в 1848 г.

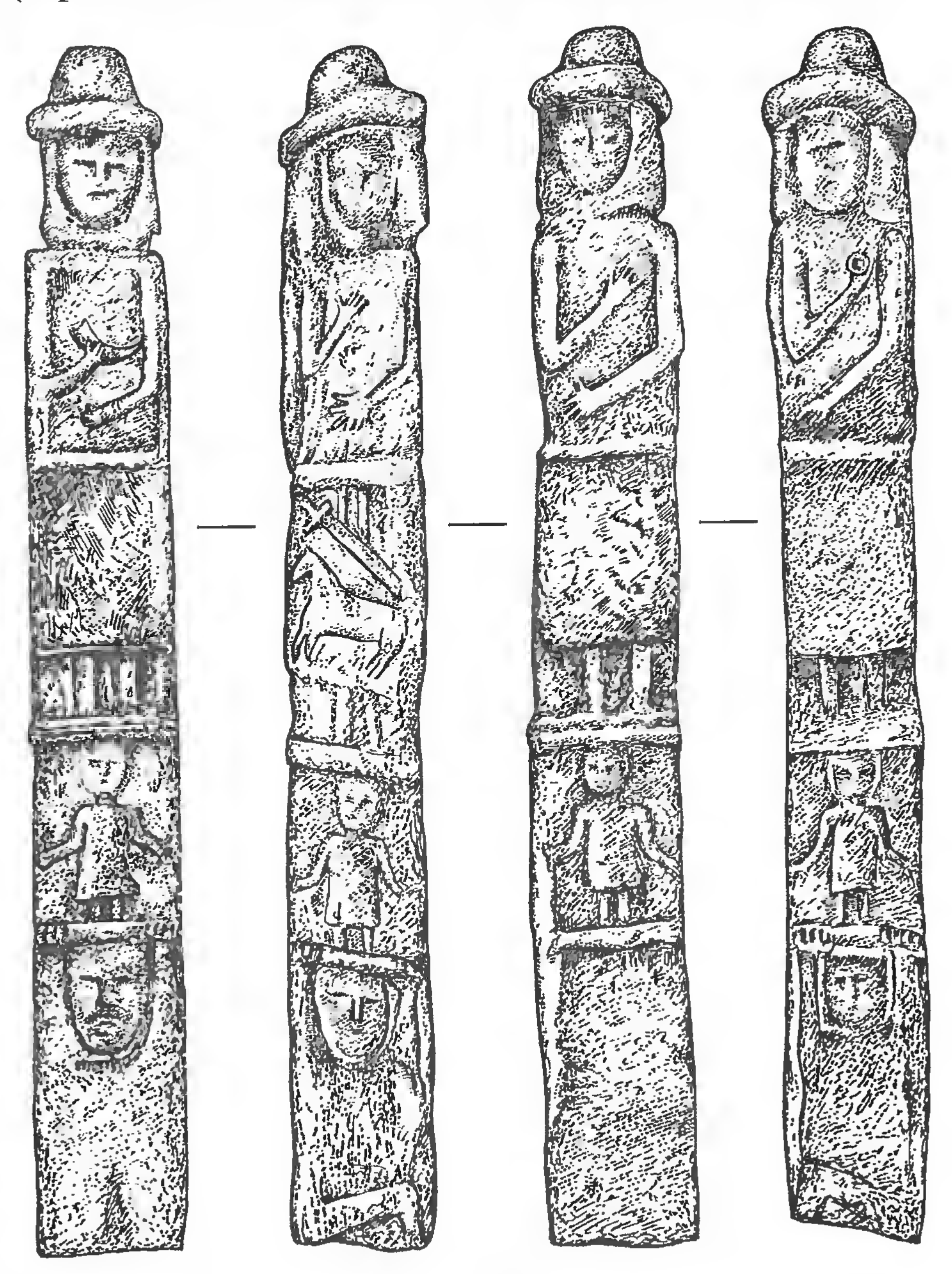

Снаряжение дружинника и верхового коня:
1 — шлем; 2 — топоры; 3 — наконечники стрел; 4 — наконечники копий; 5 — двулезвийные мечи; 6 — удила с псалиями; 7 — стремена

Изображения на боковых гранях столба расположены в три яруса. В верхнем ярусе находятся две женские и две мужские фигуры (одна из женских фигур держит в руке рог), четыре фигуры среднего яруса как бы образуют хоровод (руки каждой из них разведены в стороны), нижний ярус образуют схематизированные мужские фигуры, у которых подробно проработаны только лица. Верхний ярус олицетворяет небесную сферу, средний — земное пространство, нижний — подземный мир. Изображения фигур дополнены солярными знаками, зооморфными фигурами и изображениями оружия. Специалисты усматривают в этих фигурах изображения Перуна, бога грозы и войны, Хорса или Даждьбога, солнечных божеств, Велеса-

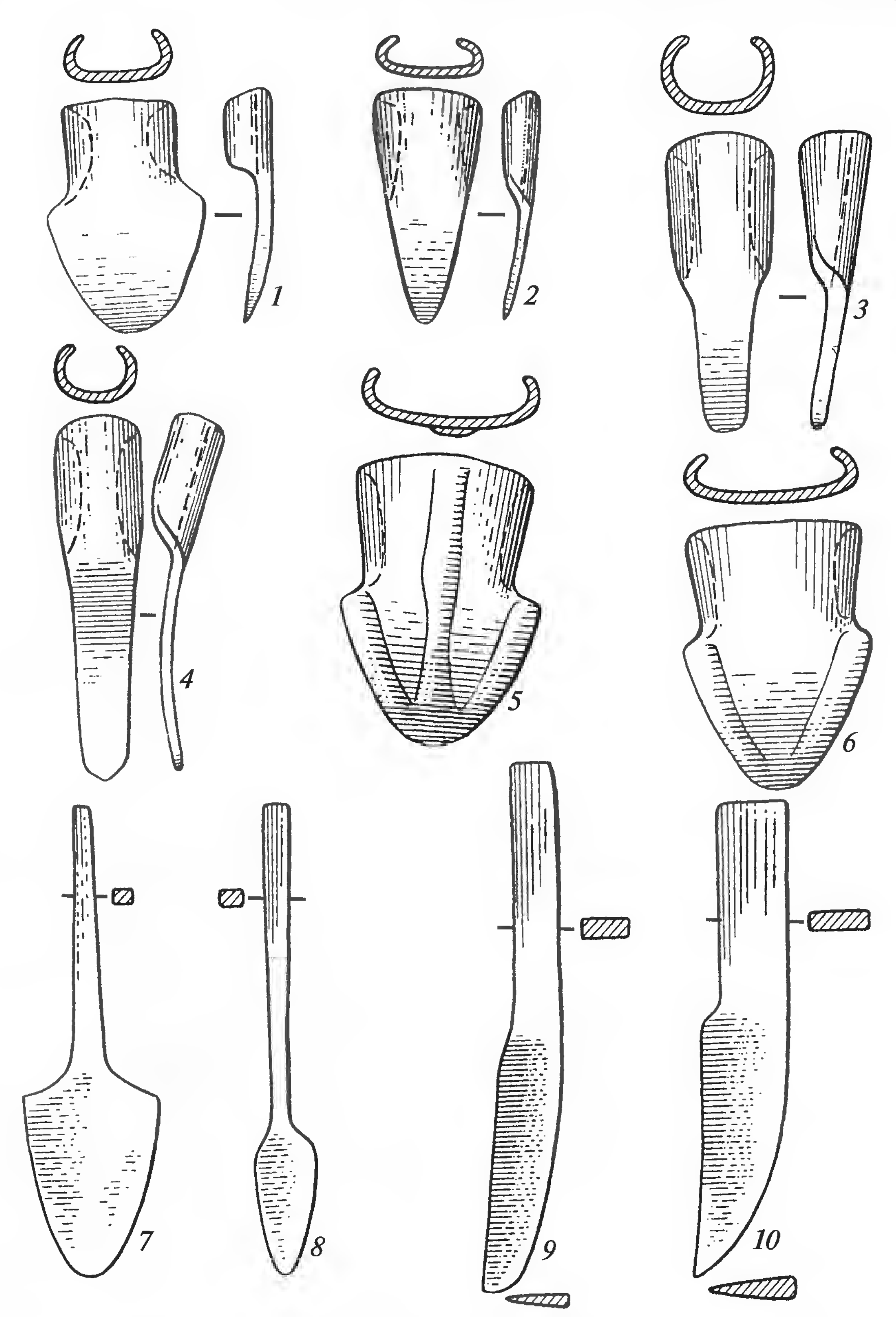
Волоса, одна из ипостасей которого связывалась с миром мертвых, а также видят изображения Макоши–матери урожая (фигура женщины с рогом в руке) и Лады, богини весенней пахоты и сева, покровительницы брака. Кроме Збручского известны несколько находок каменных антропоморфных изваяний на территории лесной зоны, но они отличаются условностью и схематизмом и не имеют оснований для датировки.

В письменных источниках отмечено поклонение славян горам и источникам, рощам и отдельным деревьям. Так, византийский император Константин Багрянородный (середина X в.) сообщал о жертвоприношениях русских купцов священному дубу на о. Хортица (река Днепр). Культ этого дерева связан с культом Перуна.

Збручский идол

В Средневековье постепенно, но неуклонно увеличивается объем письменных источников. Впрочем, это не исключает потребности в археологических материалах для исторической реконструкции. Археология, как и для предшествующих эпох, дает разнообразную и объемную информацию, значительно превышающую данные письменных источников, которые для средневековой Руси, во-первых, единичны и, во-вторых, информативно ограниченны, так как главным образом посвящены политическим изменениям либо чрезвычайным событиям, оставляя без внимания повседневную жизнь населения. Следовательно, изучение экономического, социального, культурного развития средневекового общества возможно только на основании археологических данных. Особенно важны археологические материалы при изучении экономики, практически не отраженной в немногочисленных и разрозненных письменных источниках.

Наконечники пахотных орудий:
1, 2 — наральники втульчатые; 3, 4 — сошники; 5, 6 — лемехи; 7, 8 — наральники черешковые; 9, 10 — чересла (плужные ножи)

Хозяйство восточных славян во второй половине I тысячелетия характеризуется развитием отраслей, сложившихся в предшествующий период. Традиционным занятием восточных славян было ***земледелие***. Определение характера земледелия производится на основании изменения либо усовершенствования орудий труда.

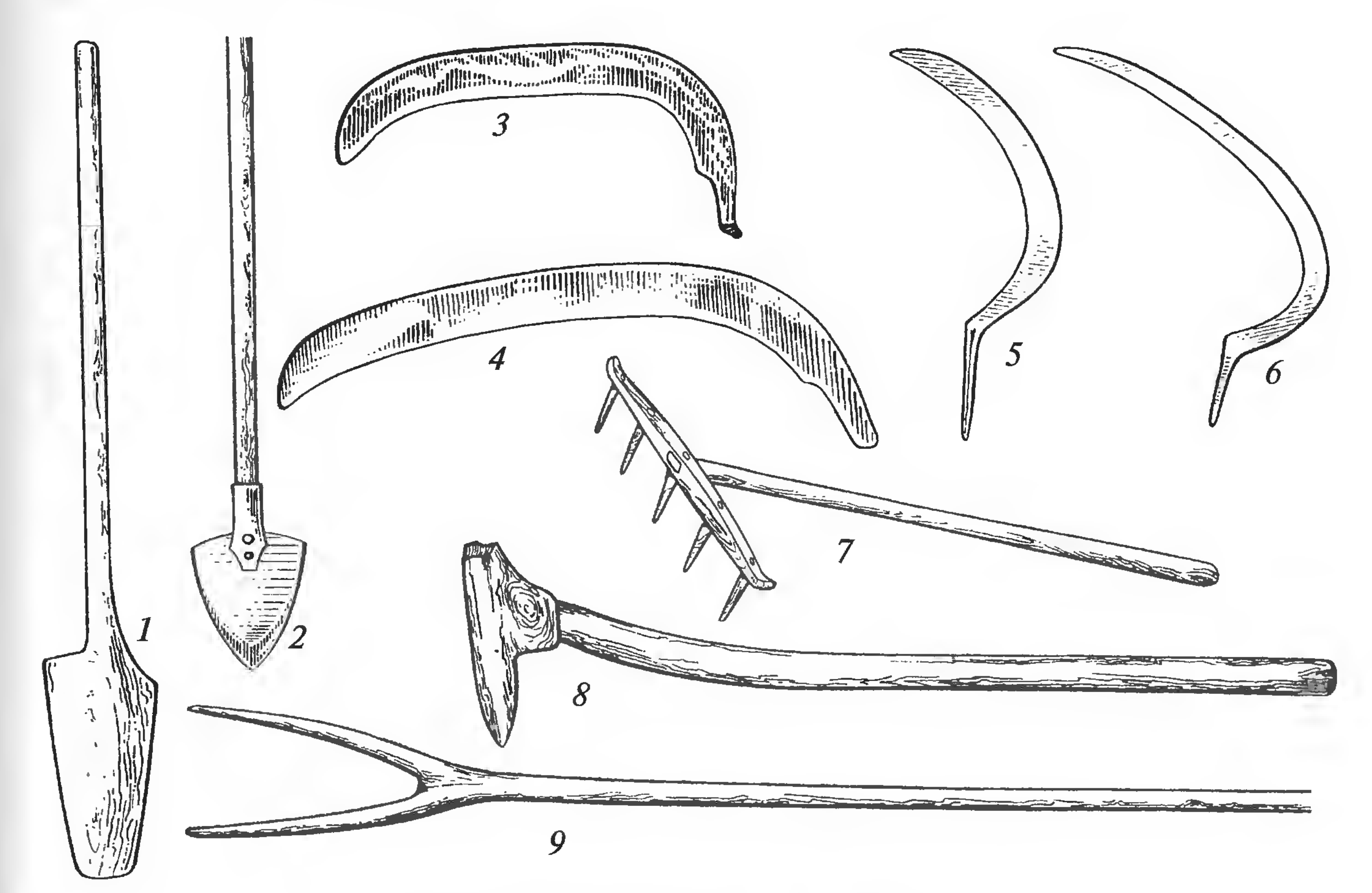

Наиболее часты находки железных втульчатых узколезвийных сошников, которые насаживались на рабочую часть деревянной *сохи*. Сохою прокапывали борозду для посева. В VIII–IX вв. у восточных славян появляются железные втульчатые широколезвийные наральники и черешковые ножевидные лемехи — детали, свидетельствующие о появлении нового усовершенствованного пахотного орудия — плуга. Лемех подрезал пласт земли, наральник расширял надрез и переворачивал пласт. После посева использовалась зубчатая борона, с помощью которой поле разравнивалось и посев покрывался землей. Плужная система земледелия способствовала увеличению площади посевов и урожайности.

Примечательно, что археологами в ряде случаев выявляются следы древней вспашки, чаще вблизи селищ, иногда на самом поселении, даже в городах, под слоем застройки, которая захватывала часть пашни при увеличении площади селитьбы.

Наряду с упряжными пахотными орудиями для обработки почвы использовались ручные орудия: цельнодеревянные лопаты, грабли, мотыги, вилы. Лопаты иногда упрочивались железными оковками лезвия.

Важнейшее орудие уборки урожая — серп. Коса использовалась для заготовки сена, необходимого при зимнем стойловом содержании скота. Типологически серпы и косы представлены двумя видами — южным (киевским) и северным (новгородским). Каждый из них соответствовал ландшафтно–почвенным условиям.

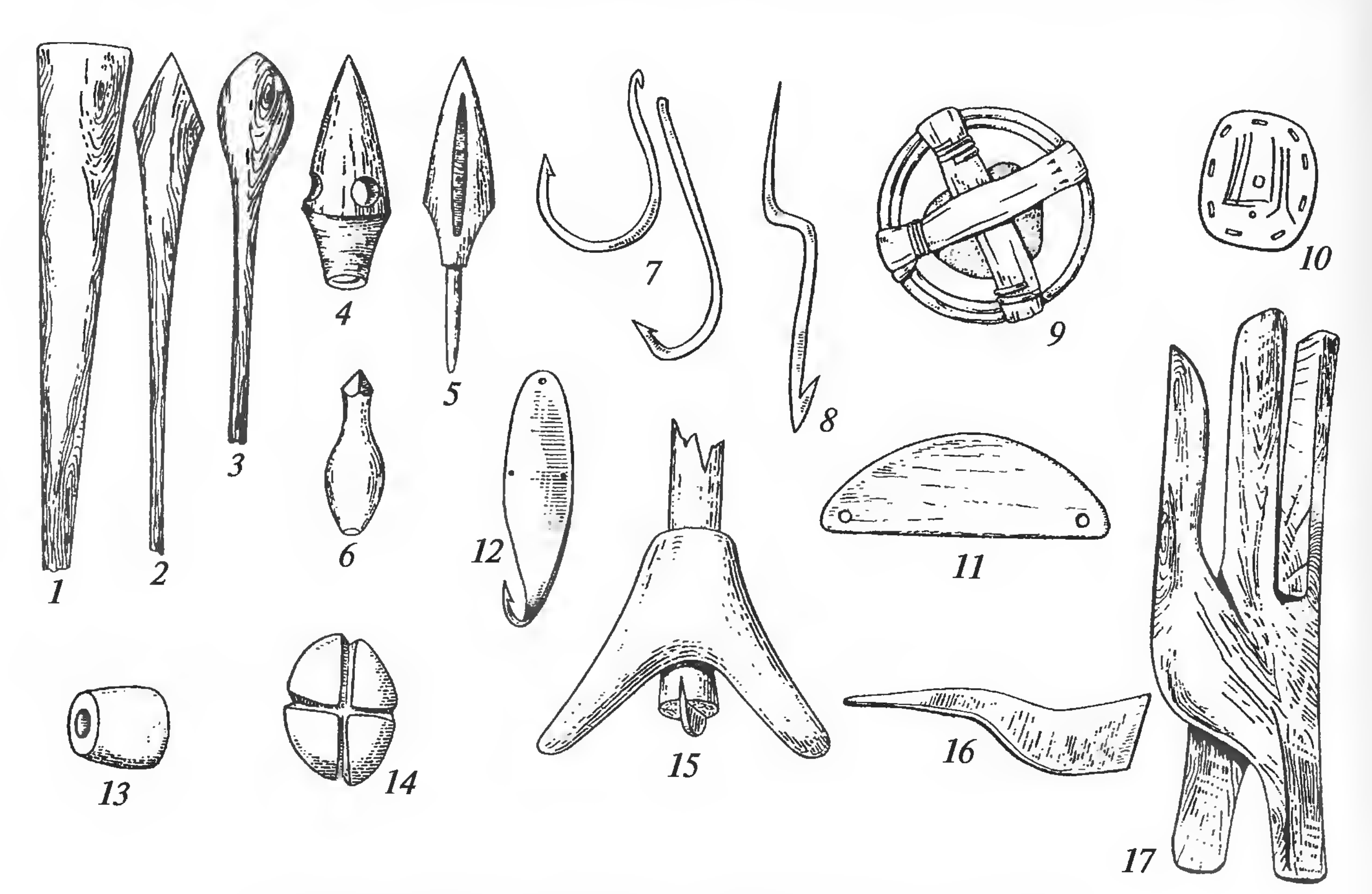

Ручные земледельческие орудия:
1 — лопата цельнодеревянная; 2 — лопата с железной лопастью; 3 — коса северного типа; 4 — коса южного типа; 5 — серп северного типа; 6 — серп южного типа; 7 — грабли; 8 — мотыга; 9 — вилы

При раскопках поселений в ямах и хозяйственных постройках нередко обнаруживают зерно. Благодаря этому восстанавливается состав возделываемых культур. Он был устойчиво традиционным с первой половины I тыс. Основа земледелия восточных славян — зерновые. Выращивались мягкая пшеница, ячмень, просо. Известны бобовые (горох), технические культуры (лен, конопля), огородные (тыква, капуста, огурцы, свекла, морковь), садовые (яблоня, вишня). Во второй половине I тыс. распространяется рожь, которая вскоре заняла ведущее положение. Этот злак соответствовал климатическим и почвенным условиям Восточной Европы. Появляется овес, но его доля вплоть до XV в. незначительна.

Находки зерна на поселениях дают возможность по наличию спор сорняковых растений и процентному их содержанию выявить характер землепользования. Во второй половине I тыс. господствующей становится переложная система, при которой часть возделываемой пашни оставлялась под паром (незасеянной). На юге складывается значительный массив старопашенных земель. На севере сохраняется подсечное земледелие.

Скотоводство. Состав домашних животных разнообразен: крупный рогатый скот, лошади, овцы, свиньи, козы. Разводили птицу. Благодаря скотоводству обеспечивалось потребление мяса, молочных продуктов. Лошади и волы использовались в транспортных целях и как тягловая сила на пашне.

Развитие земледелия в VIII в. достигло того уровня, когда вся деятельность по возделыванию земли могла замыкаться в семейной ячейке. Это способствовало переходу от семейно-родственных союзов к соседским территориальным общинам. Возрастала имущественная дифференциация и социальное расслоение, что вело к становлению феодальных общественных отношений.

Принадлежности для охоты, рыболовства и промыслов:
1–6 — стрелы (*1–3 — дерево, 4–6 — кость*); 7 — крючки рыболовные; 8 — острога; 9, 13, 14 — грузила; 10–11 — поплавки; 12 — блесна; 15 — ботало; 16 — медорезка; 17 — лазиво бортника

Большое значение имели добывающие промыслы: охота, рыболовство, бортничество. Кроме того, получили развитие железоделательный промысел, добыча соли, выжигание угля, производство дегтя. Остатки железоделательных горнов, кузниц обнаружены на нескольких селищах. Для производства железа использовалась болотная руда. Обычно металлургические сооружения располагались на окраинах поселений или за их пределами. В значительной степени черным металлом город обеспечивался за счет деревенских мастеров. Деревенские кузнецы производили обычное железо и низкоуглеродистую сталь, из которых изготавливались все необходимые орудия труда и предметы быта.

С X в. постепенно получил распространение гончарный круг, однако лепная керамика продолжала существовать в некоторых районах лесной полосы и в XI в. Обжигалась посуда в печах и горнах. Гончарное ремесло носило сезонный характер.

Памятники сельского населения. Древнерусские письменные источники XI–XIV вв. знают несколько терминов для обозначения сельских поселений: весь, погост, село, слобода. Наиболее распространенным археологическим видом сельских поселений является ***селище***. Древнерусские селища расположены по краям надпойменных террас (т.е. приречные), на дюнных всхолмлениях или естественных грядах, удаленных от края берега, на мысах. Преобладающим типом являются приречные селища. В лесной полосе преобладают поселения от 0,5 до 2 га, в лесостепной — 2–3 га. Отмечается тенденция к уменьшению площади селищ от ранних к наиболее поздним (от X до XIV в.). Другая тенденция — это увеличение количества селищ в XI — первой половине XIII в. Культурный слой этих поселений обычно небольшой и очень часто оказывается полностью перепаханным в более позднее время.

Отмечается два типа планировки селищ: *кучевая* и *прибрежно-рядовая*, преобладающая. Размеры и следы планировки позволяют установить, что поселения состояли из 3–7 дворов, а население не превышало 50 человек. Раскопками установлено, что в лесной и лесостепной зонах преобладали разные типы построек. Для лесной зоны характерны наземные срубные постройки с печами-каменками, а для лесостепной — полуземлянки со стенами столбовой или срубной конструкции, с глиняными печами или печами-каменками. В XII в. наибольшее распространение получают наземные срубные жилища. Сельские постройки, судя по всему, принципиально не отличались от городских. Отличие состоит в том, что на селищах отсутствуют постоянные ограды дворов, мощение улиц. Селища расположены на наиболее плодородных землях, образуя компактные скопления.

Древнерусские курганы. Обычай возведения курганных насыпей над погребениями сохранился в сельской местности вплоть до конца XIII в. Для всех древнерусских курганных погребений характерны три разновидности обряда трупоположения: на горизонте (на поверхности земли), в ямах под насыпью, в насыпи. Интересно, что в X в. трупоположения в ямах распространяются в первую очередь в южных областях Руси, там, где в предшествующий период они встречались лишь изредка. В северных областях Руси, в лесной зоне, первоначально господствуют трупоположения на горизонте,

причем иногда сохраняются ритуальные кострища — следы очищающего огня. Обычная ориентировка погребенных с конца X в. — головой на запад, что является одним из основных признаков христианского погребального обряда. Изредка встречается восточная ориентировка, в первую очередь на территориях, занятых ранее балтским населением. С переходом к обряду трупоположения, как ни парадоксально, в погребениях увеличивается количество вещей. Христианский обряд, как известно, не предполагает сопроводительного инвентаря в виде предметов быта, оружия, набора украшений и, тем более, даров. Однако в основном с XI в. становится известным славянский женский убор, включающий височные и нагрудные украшения, браслеты и перстни, и определяются некоторые этнографические особенности их форм и сочетаний. Границы распространения таких характерных украшений, как восточные кольца, позволили наметить территории расселения отдельных восточнославянских племен.

Для сельских курганов южных территорий (поляне, волыняне, дреговичи) инвентарь ограничен редкими металлическими подвесками к ожерельям и стеклянными бусами. Часто использовались простые проволочные кольца с сомкнутыми концами, небольшого размера височные кольца с тремя бусинами из металла.

Для *северянских курганов* характерны проволочные спиральные височные кольца (по 2–4 штуки в одном погребении), небольшие ожерелья из стеклянных бус с одной-двумя металлическими привесками, встречаются бронзовые браслеты и перстни, налобные металлические венчики. Шейные гривны принадлежат к редким находкам. Бытовые предметы в северянских курганах встречаются нечасто — это ножи, кресала, глиняные горшки и деревянные ведра. Ни предметов вооружения, ни орудий труда в этих курганах нет.

Курганы некоторых северных территорий (кривичи, вятичи, частично радимичи) содержат довольно много вещей, в первую очередь металлических украшений. Особенно богаты

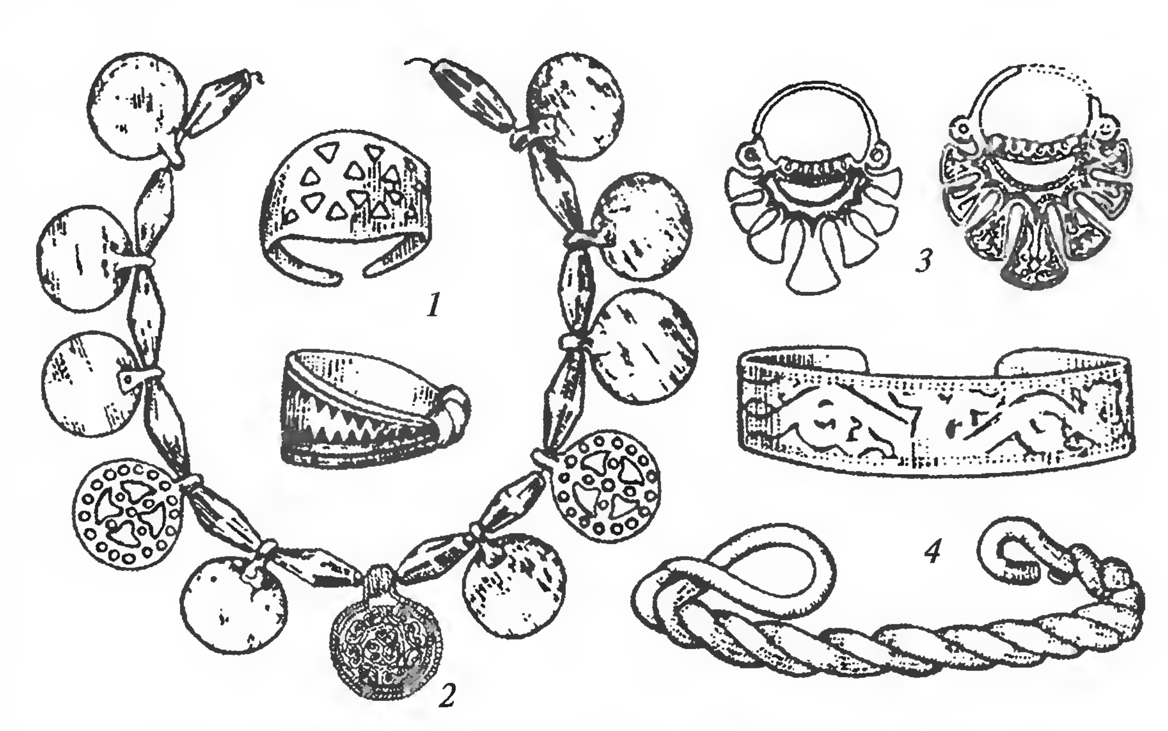
Височные кольца восточных славян:
1–3 — общераспространенные; 4 — дреговичей; 5 — волынян; 6 — вятичей; 7 — реконструкция расположения височных колец в уборе; 8 — радимичей; 9 — словен новгородских; 10 — северян; 11 — кривичей

вещами *вятические погребения*. Для женского вятического убора характерны семилопастные кольца (от 2 до 8 в одном погребении, поровну с каждой стороны лица). Шейные украшения состояли из серебряных витых гривен, ожерелий из хрустальных, сердоликовых и стеклянных бус. Наиболее часто встречаются сочетания хрустальных шарообразных и сердоликовых бипирамидальных бус. Все исследователи отмечают характерность находок браслетов и перстней для вятических погребений. В ряде случаев в дополнение к браслетам и перстням на руках погребенной эти украшения в качестве «даров» положены на дно могильной ямы или завернуты в бересту. Вероятно, обилие металлических украшений в вятическом костюме можно связывать с влиянием со стороны автохтонного финского населения. Обычай класть в погребение орудие труда или оружие не был распространен, но ножи, ножницы, серпы, кочедыки для плетения сетей изредка встречаются. Довольно частой находкой в мужских и женских погребениях являются гончарные сосуды, которые обычно ставились в ногах умерших. Христианские символы — образки или кресты — очень редки.

Для *радимических женских погребений* характерны ожерелья из мелких стеклянных бус, изредка встречаются сердоликовые и хрустальные. В составе ожерелий часты монетовидные привески, бубенчики, лунницы, крестики. Популярны были бронзовые и серебряные браслеты и перстни. Обычной находкой являются шейные гривны с розетками на заходящих друг за друга концах. С прибалтийским кругом древностей связаны змееголовые бронзовые браслеты. Также обычны находки глиняных сосудов и деревянных ведер (последние в основном в мужских погребениях).

Инвентарь *кривических погребений* включал височные проволочные браслетообразные кольца с завязанными концами, ожерелья из бус и

Сельские курганы. Инвентарь женского вятического погребения:
1 — перстни; 2 — ожерелье из сердоликовых бус и металлических привесок; 3 — кольца височные семилопастные; 4 — браслеты (пластинчатый и витой)

металлических привесок. Наиболее часты ожерелья, состоящие из сердоликовых и золоченых стеклянных бус. Характерной для кривичей является привеска в виде плоского конька, встречаются мелкие бубенчики, подковообразные бронзовые и железные фибулы. В кривических курганах Смоленской и Полоцкой земель встречаются украшения балтских типов: головные спиральные венчики, некоторые типы шейных гривен, звездообразные пряжки и др. С балтским наследием связаны некоторые черты погребального обряда — подкладка деревянных дощечек под голову, восточная ориентировка, а также обычай класть в погребение топоры и копья.

Курганы *новгородских словен* дают большое количество ромбощитковых височных колец — характерного украшения, кроме них встречаются перстнеобразные и трехбусинные кольца, а также тонкие пластинчатые головные венчики и венчики из парчовой ленты с нашивными бляшками. Шейные гривны распространены на западных и юго-западных окраинах Новгородской земли. Для новгородских словен характерны небогатые ожерелья из стеклянных бус. Многочисленны бронзовые браслеты разной формы и подковообразные фибулы. Из бытовых вещей встречаются ножи и глиняные гончарные сосуды. Пережитки обряда сожжения встречаются в виде следов ритуальных кострищ или скопления угля около погребенных.

Одним из пережитков языческих ритуалов являются жертвоприношения животных — в курганах найдены отдельные кости домашних животных, кости петуха или кур. В XI–XII вв. широко распространяется обычай класть в погребения амулеты-обереги в виде миниатюрных бронзовых изображений лошадок, ключей, ложек, гребней, топориков и др. Металлические амулеты в предшествующее время у восточных славян археологически неизвестны.

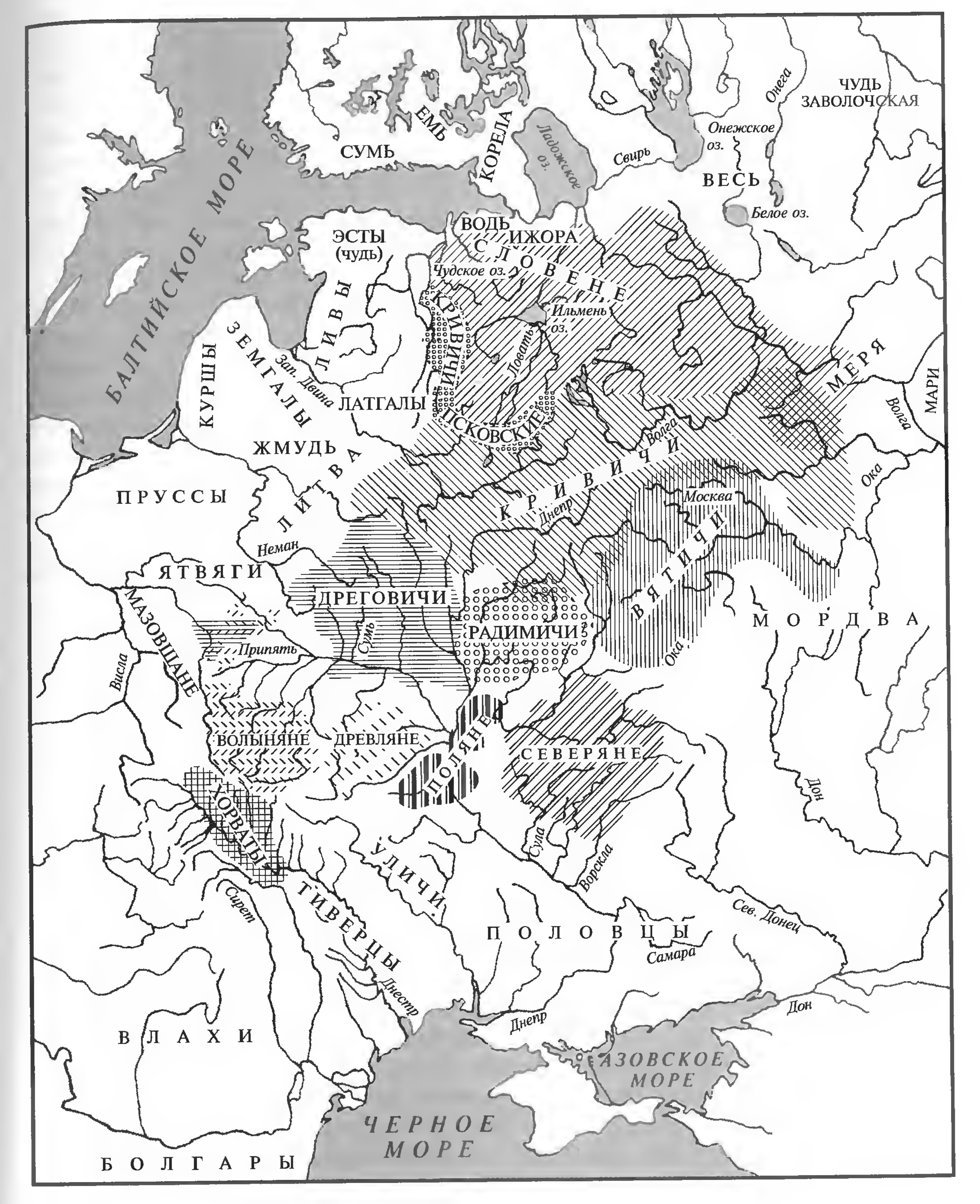
Концентрация сельских поселений приходилась на районы, население которых имело длительный опыт земледелия. Развитые сельские округи обеспечивали возникновение и становление древнерусских городов.

Города. Первые города у восточных славян возникают в конце IX — начале X в. Тогда же происходит становление административной системы, появление органов управления, формирование государства. Одновременно от земледелия отделялось ремесленное производство, превращаясь в самостоятельную отрасль хозяйства. Необходимость сбыта ремесленных изделий, реализация избытков сельскохозяйственной продукции вели к укреплению товарно-денежных отношений и появлению рынка. Этому способствовало и возрастающее участие в международном товарообмене. Все эти процессы происходили одновременно и определяли интенсивность градообразования. Наряду с ними были другие причины появления городов: формирование системы управления на отдельных территориях, укрепление границ и др. Возникновение каждого города было обусловлено несколькими факторами, один из которых мог быть доминирующим. На разных территориях и в разное время доминирующие причины могли изменяться.

Процесс градообразования протекал неоднородно. Активнее всего он происходил там, где феодализация общества шла интенсивнее. По мере

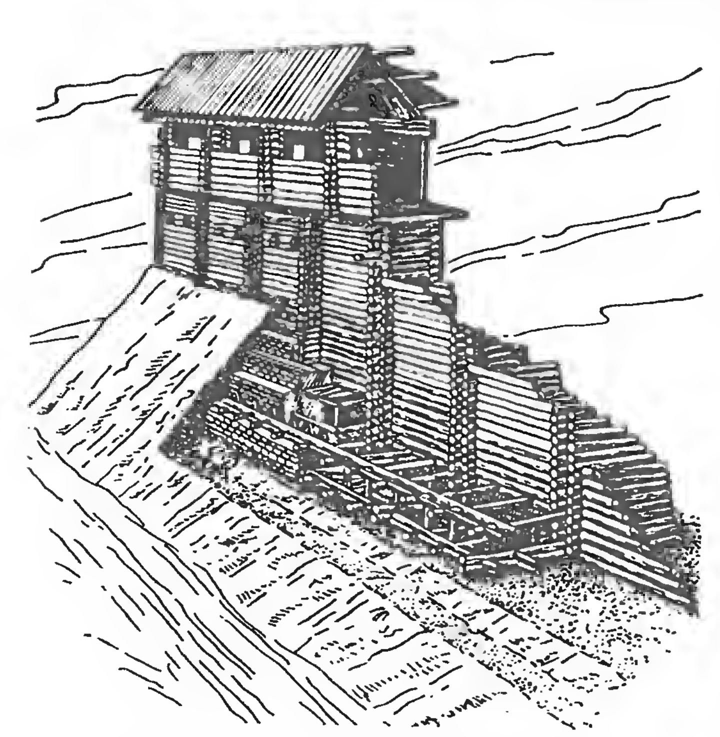
того как феодализация проникала в новые районы, там появлялись новые города. Следовательно, градообразование — показатель и отражение развития феодальных отношений.

Расселение восточнославянских племен в XI–XIII вв.

Термины *«град»*, *«город»* древнерусскими летописцами применялись в отношении укрепленных (огороженных) поселений.

Укрепления древнерусского времени относятся к типу деревянно-земляных фортификаций, основные элементы которых — ров и вал. Для укрепления вала рубились деревянные конструкции (клети) в несколько венцов, заполнявшиеся землей из рва. По гребню вала ставился *частокол* или специальные бревенчатые рубленые конструкции с ходами и бойницами. На угрожаемых участках рубились глухие башни. На пересечении линии вала с наиболее важными городскими улицами ставились воротные башни. С напольной стороны к воротным башням подходили мосты, переброшенные через ров, иногда подъемные. В крупных городах — центрах княжений воротные башни с XI в. возводились из камня. Впрочем, в домонгольское время каменные конструкции в городских фортификациях были исключением, а не правилом («Золотые» ворота в Киеве, «Золотые» ворота во Владимире, каменные башни в Изборске, Ладоге).

Деревянно-земляные укрепления. Белгород (*реконструкция*)

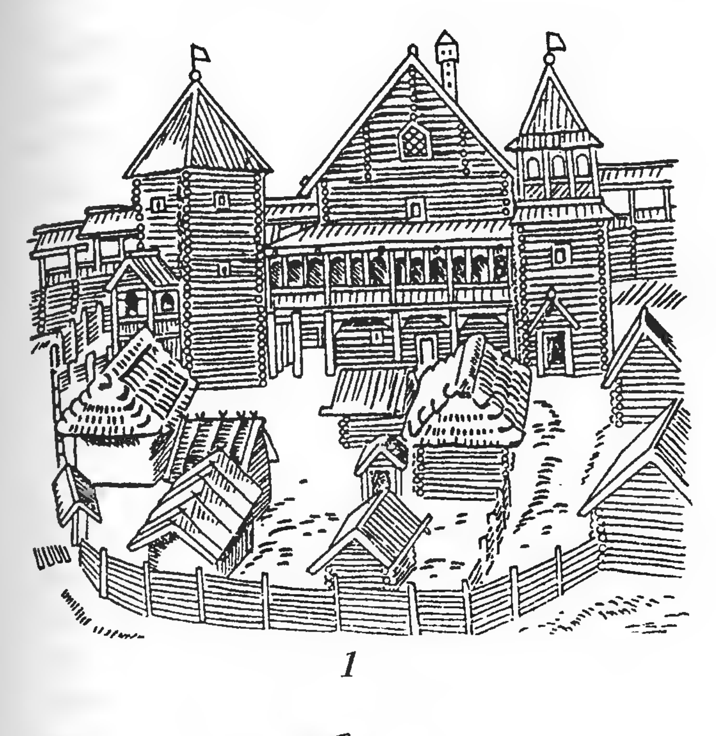
Внутригородская планировка была регулярной. В ее основе улично-усадебная система. Трассы улиц соединяли важнейшие части города — княжескую резиденцию, епископский двор, соборные площади, торг — и выводили к проездным воротным башням. Нередко княжеские резиденции и владычные дворы дополнительно окружались линией укреплений. Такие внутригородские крепости тоже назывались городами.

Городские дворы-усадьбы располагались вдоль улиц и ограждались частоколами, линии которых были стабильны. Даже когда участок по каким-либо причинам пустовал, то возобновление на нем застройки происходило в прежних границах. Археологически это подтверждено бесспорно.

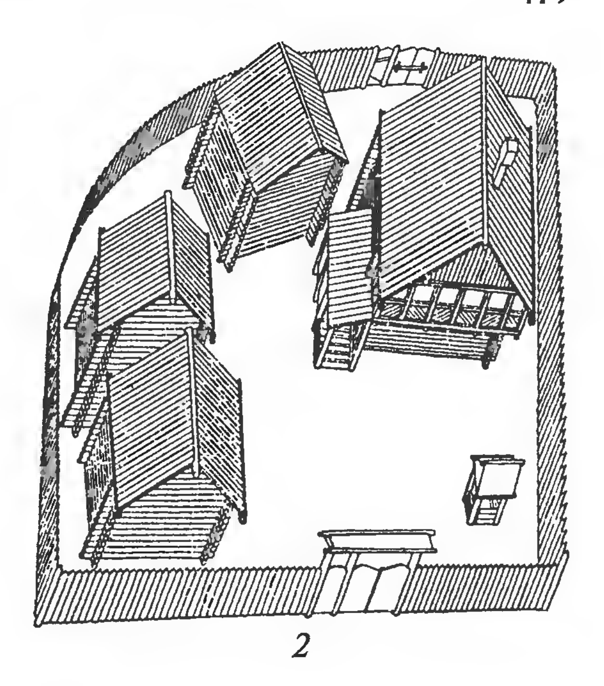
В древнерусских городах выявлено три размера усадеб, что свидетельствует об уровне имущественного и социального расслоения. На крупномерных (до 1500 кв. м) усадьбах ставились хоромы, нередко в два этажа. В маломерных дворах (125–150 кв. м) застройка ограничивалась жилым домом и небольшой хозяйственной постройкой. Нередко дом служил и мастерской. Усадьбы среднего размера достигали 400–600 кв. м.

На севере дома рубленые, нередко поставленные на подклет. Срубы известны и на юге, но больше здесь заглубленных в землю каркасно-столбовых построек. Впрочем, заглубленная часть постройки вероятнее всего была не жилой, а хозяйственной.

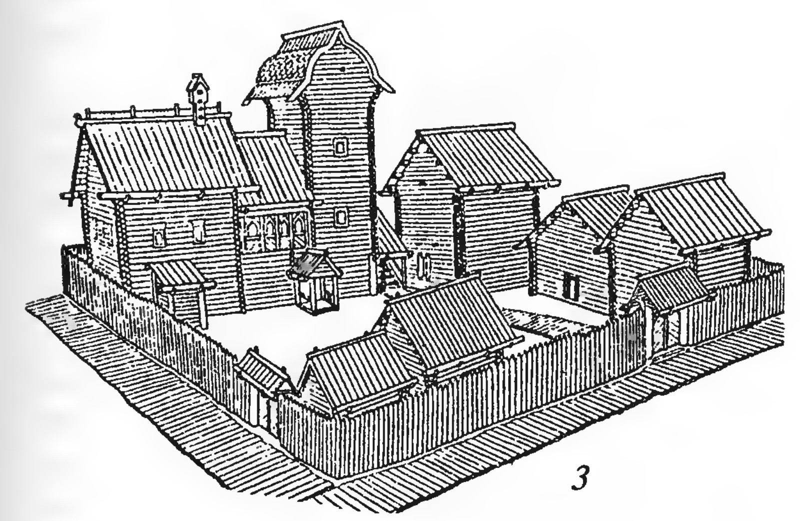

1

2

3

Городская застройка:

1 — усадьба феодала (*Рязань*); 2 — двор посадского жителя (*Киев*); 3 — усадьба священника и художника (*Новгород*)

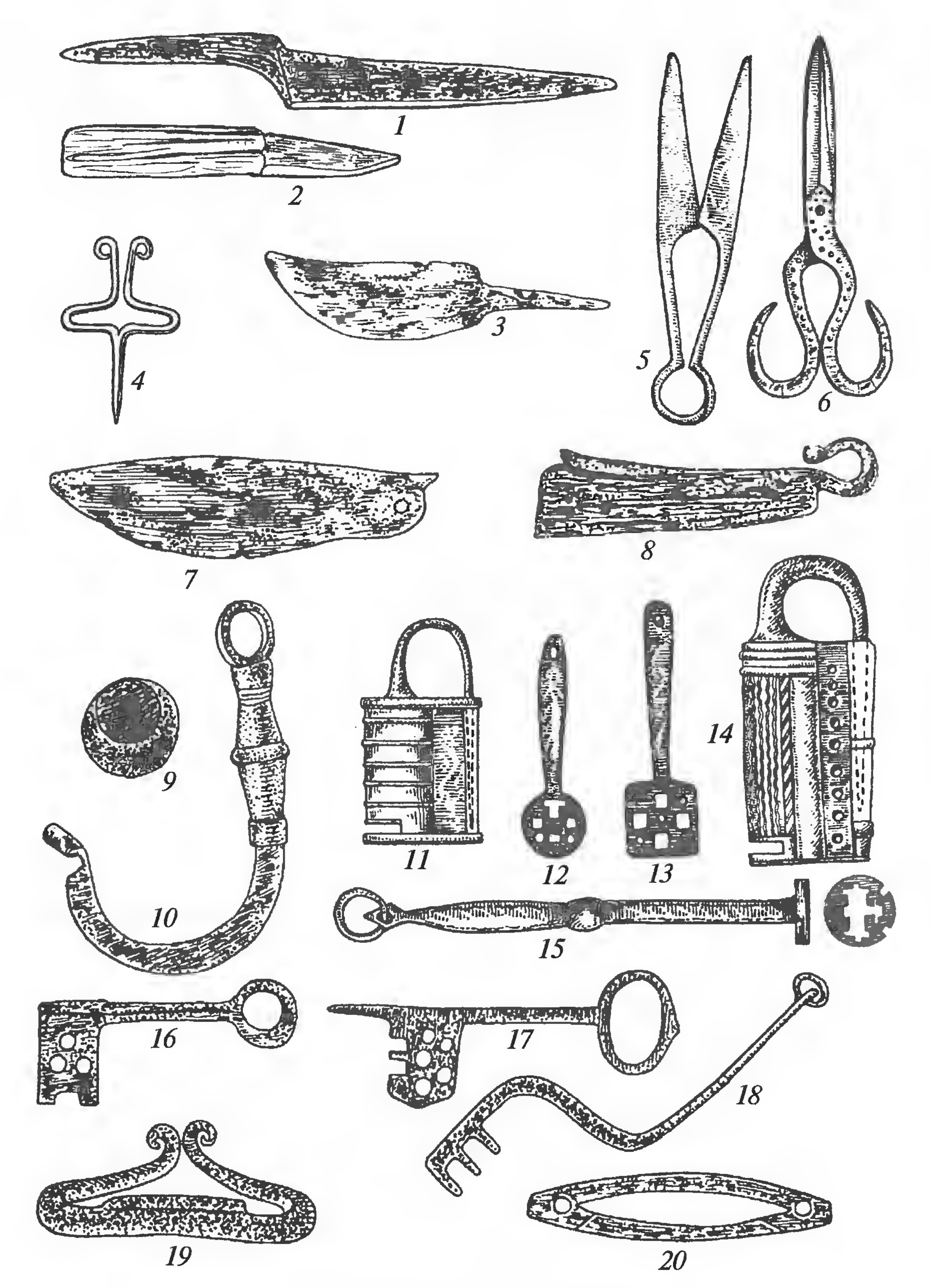
Улицы в городах мостились деревом. Такие мостовые изучены в Новгороде, Пскове, Киеве, Смоленске, Москве, Ладоге, Русе, Торжке, Берестье. Возможно, они были и в других городах, но не сохранились.

Процесс градообразования на Руси протекал достаточно динамично. На раннегосударственной стадии в середине X в. только Киев и Новгород можно достаточно уверенно назвать городами. К началу XII в. насчитывалось 44 города. К 30-м гг. XIII в. известно 75 городов. Летописец называет городами значительно большее число поселений (270) домонгольского времени, однако археологические признаки большинства из них не выявлены.

Городам свойственна своеобразная иерархическая система. Высшую ступень к 30-м гг. XIII в. занимали столицы самостоятельных княжений и земель (10 городов), ниже располагались столицы удельных княжений (35 городов), остальные 30 городов были центрами округов-волостей, малыми городами, крепостями.

В древнерусских городах были сосредоточены органы государственного аппарата и церковного управления, концентрировались военные силы. Они являлись центрами ремесла и торговли. Города были идеологическими и

культурными центрами. Таким образом, древнерусские города были многофункциональными поселениями и являлись своеобразными узлами прочности феодального государства.

Бытовые кузнечные изделия:
1 — многослойный нож; 2 — нож для деревообработки; 3 — сапожный нож; 4 — светец (лучинодержатель); 5 — пружинные ножницы; 6 — шарнирные ножницы; 7, 8 — бритвы; 9 — весовая гирька; 10 — крюк безмена; 11, 14 — навесные замки; 12, 13, 15 — ключи к навесным замкам; 16, 17 — ключи к нутряным замкам; 18 — ключ к замку с деревянным запором; 19, 20 — кресала

Ремесло. Базовой отраслью ремесленного производства была ***обработка железа***. Производством железа на Руси всегда занимались деревенские металлурги. В сельской местности были наиболее благоприятные условия: здесь имелись богатые поверхностные залежи болотных и луговых железных руд, а также леса, пригодные для пережога и получения древесного угля.

Основой техники металлургического производства являлось прямое восстановление железной руды в металлическое железо. Деревенские металлурги доводили процесс до изготовления полуфабриката — кричного железа. Крицы поставляли на городские рынки, где они приобретались кузнецами. Находки криц в городских раскопах нередки.

Наряду с железом применялась сталь. Сталь получали непосредственно в домницах или в кузнечном горне. Низкосортная сырцовая сталь шла на цельностальные изделия и на дальнейшую переработку на лучшие сорта. Высококачественную сталь получали многократной кузнечной проковкой или выдерживанием (томлением) в огнеупорном сосуде, нагреваемом в горне. Такая сталь шла только на качественные изделия либо на наваренные и вваренные лезвия или другие рабочие части изделий.

Кузнечное ремесло достаточно рано выделилось в особую отрасль производства. Кузнецы работали и в селах, и в городах. Рынок сбыта сельских мастеров был ограничен территориально и по ассортименту. Они обеспечивали потребности в производстве и ремонте орудий труда.

Инструментарий древнерусского кузнеца имел развитые, рационально разработанные формы, сохранившиеся до наших дней.

Ассортимент продукции кузнецов был разнообразен: от ножей до сложных механических замков и трудоемких в изготовлении броней-кольчуг, что требовало знания и применения многих технологических схем обработки железа. Наиболее распространенным было сочетание в изделии двух материалов — железа и стали механическим и химико-термическим путем.

Уже в X в. применялась наиболее совершенная, но и наиболее трудоемкая технология — сваривание из трех полос: проходящей внутри клинка стальной и двух боковых железных. Такое лезвие легко вытачивается, а изделие благодаря стальному клинку служит долго, почти до полного износа. Подобный прием применялся для изготовления ножей, серпов, кинжалов, мечей, бритв. В середине XII в. кузнецы упростили технологию: стальное лезвие стали наваривать на железный клинок. Качество изделия ухудшилось, срок пользования завершался стачиванием стального лезвия. Технология сварки традиционна для северо-русских кузнецов. В Южной Руси мастера широко применяли другую технологическую схему: цельнометаллические поковки и цементацию. Изделия древнерусских оружейников высоко ценились в Средней Азии, Византии, Европе. Русские кузнецы владели сложными приемами узорчатой сварки и термической обработки. В технике и художественной отделке русские мастера не уступали ни западным, ни восточным оружейникам.

Особенно ценились русские кольчуги-брони. На Руси кольчуга появилась раньше, чем на Западе. Для оценки трудоемкости и сложности изготовления брони достаточно представить, что обычных размеров кольчуга

Ювелирные изделия. Имитации княжеско-боярского убора:
1, 2 — литейные формы; 3–5 — колты; 6, 7 — бармы; 8 — наручень

делалась из 18 000–20 000 колец, скреплявшихся между собой в определенной последовательности.

Развитие техники и технологии вызвало широкую специализацию в городском ремесле. В XII в. насчитывалось не менее 16 различных специальностей, занятых обработкой железа и стали: замочники, ножевники, бронники и др.

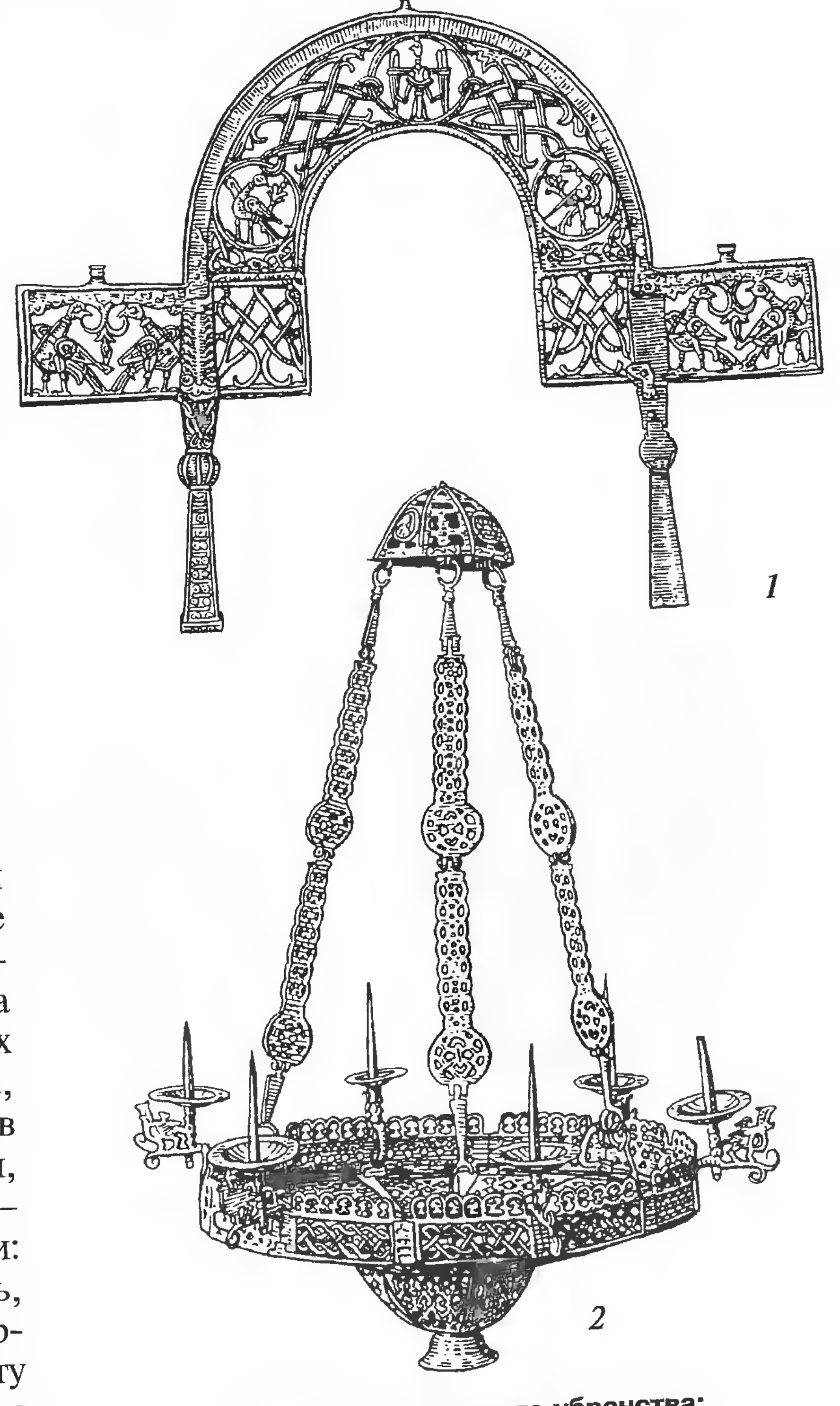
Приемы ***обработки цветных металлов*** древнерусскими мастерами были традиционными — литье, ковка, штамповка, чеканка. Сырьевая база цветной металлургии на Руси была ограниченна и во многом зависела от импорта.

Продукция ремесленников по обработке цветных металлов пользовалась широким спросом. Литейщики изготовляли разнообразные женские украшения, принадлежности костюма, предметы культа и церковной утвари, массивные кистени и булавы для воинов, весовые гирьки.

Техника литья постоянно совершенствовалась. Повсеместно было распространено *литье в каменные формы*, которые служили для производства не одного-двух изделий, а серии предметов. В середине XII в. появляется литье в имитационные формы, в которых детально воспроизводились форма и рисунок сложного ювелирного изделия. Собранная форма имела вверху широкое отверстие — литник, а внизу — узкий выход. Такие формы применялись для *литья «навыплеск»*. Сверху в литник заливался металл, часть которого при соприкосновении с каменными стенками застывала на них тонким слоем, а остальной металл вытекал (выплескивался) через нижнее отверстие. Готовые изделия, выполненные по такой технологии, были пустотелыми, легкими; на производстве экономился дефицитный металл.

Христианизация Руси существенно увеличила ассортимент изделий литейщиков. Изготавливаются во все возрастающем количестве предметы христианского культа — нательные крестики, образки-медальоны, иконки, энколпионы (кресты-мощевики). Было налажено производство церковной утвари. Для освещения храмов отливались хоросы и паникадила из меди и бронзы. Храмовые интерьеры украшались напрестольными сенями (найдены на городище Вщиж, Черниговское княжество). На раннехристианской стадии достаточно популярны были *предметы синкретического характера*, сочетавшие дохристианские, языческие верования с новыми религиозными представлениями.

Предметы церковного убранства:
1 — напрестольные сени; 2 — хорос

Любопытны в этом отношении нательные литые медальоны (так называемые змеевики), на одной стороне которых изображалась Горгона, чьи волосы сплетались в змеиные тела-щупальцы, а на другой стороне — христианские персонажи: архангелы, Богоматерь, святые. Несмотря на церковные запреты, в быту горожан (а тем более сельских жителей) сохранялись дохристианские верования, достаточно длительное время поддерживались языческие обряды. Ремесленники продолжали выпуск предметов-оберегов, связанных с дохристианской символикой.

Ювелирная продукция русских мастеров — это высокохудожественные изделия. Их находки чаще всего связаны с кладами, зарытыми во время военной угрозы. Такие клады найдены в Киеве, Старой Рязани, Владимире,

Предметы языческого культа:
1 — коник; 2 — лунница; 3 — топорик; 4 — неолитическая стрела в обоймице; 5 — амулет-заяц; 6 — подвеска-птичка; 7 — медвежий клык; 8 — расческа с изображением коней; 9 — скоморошья маска (*кожа*); 10 — две стороны «змеевика» (*а* — изображение Медузы-Горгоны; *б* — изображение Богоматери)

других городах. Большинство их были зарыты в годы ордынского нашествия. Клады не обнаружены в Новгороде, Пскове, Полоцке, Смоленске — в городах, которые не были разрушены монголами.

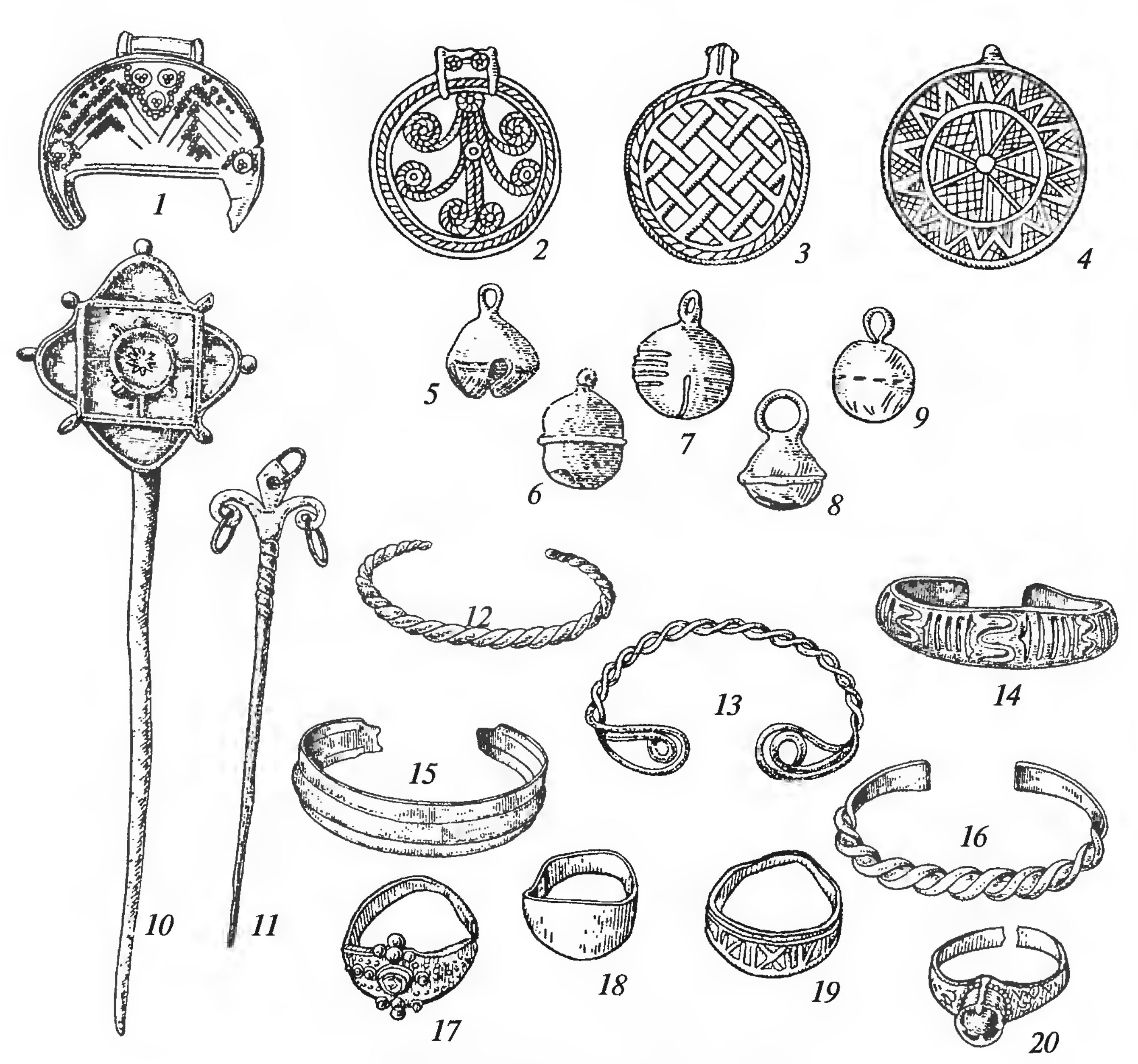
Древнерусскими ювелирами использовалась разная техника обработки драгоценных металлов: скань (филигрань), зернь, эмаль (финифть), чернь, тиснение, чеканка. Сканный рисунок выполняли из тонких золотых или

Предметы княжеско-боярского убора:
1 — бармы (*гравировка, скань, зернь, чернь*); 2 — колты (*эмаль на золотой пластине*); 3 — звездчатый колт (*зернь*); 4 — рясна (*скань*); 5 — гривна; 6, 7 — перстни (*чернь*) 8, 9, 10 — браслеты (*чернь*); 11 — наручень (*чернь*)

серебряных нитей, иногда скрученных, напаивавшихся на золотую или серебряную поверхность изделия. Столь же употребительно было выполнение рисунка бесчисленными каплями зерни — серебряными или золотыми шариками диаметром 0,6 мм, которые ставились на крохотные (0,4 мм в диаметре) колечки. Нередко русские ювелиры сочетали скань и зернь в одном изделии: на колтах, височных кольцах, медальонах.

В XII в. в городах широким спросом пользовались черненые серебряные украшения. Технология их изготовления была малозатратной, но художественно очень выразительной.

Рисунок изделия оттискивался на бронзовых матрицах. Контур рисунка возвышался над плоскостью фона изделия, который заполнялся порошкообразной массой из строго нормированных пропорций серебра, меди, серы и свинца. После обжига порошок впаивался в изделие, и рисунок выступал светлым силуэтом над черно-«бархатной» поверхностью украшения. В такой технике изготовляли крупные двустворчатые браслеты-наручи и бармы-оплечия. Во Владимиро-Суздальской и Рязанской землях такие изделия украшались гравировкой без черни.

Массовые изделия ювелиров:
1 — лунница; 2–4 — привески; 5–9 — бубенчики; 10, 11 — булавки; 12–16 — браслеты; 17–20 — перстни

Сложнейшей ювелирной техникой было искусство перегородчатых эмалей. Его принесли на Русь греческие мастера, вероятно, работавшие в Киеве, где поблизости от княжеских дворцов были вскрыты остатки трех эмальерных мастерских. Впрочем, вскоре русские ювелиры овладели сложнейшей техникой, и во второй половине XI в. в Киеве сложилась местная эмальерная художественная стилистика. В XII в. эмальерное производство распространилось в другие древнерусские регионы.

Изготовление эмалей требовало от мастера владения разными операциями и бесспорного художественного вкуса. Рисунок на изделиях делился, как бы дробился, на множество отдельных секторов-ячеек, которые оконтуривались паутинками золотых перегородок, напаивавшихся на золотую основу предмета. Каждая ячейка заполнялась стекловидной массой с добавкой разных минералов-красителей. После обжига изделия эмаль накрепко соединялась с металлической основой.

Перегородчатые эмали — дорогостоящее производство, поэтому в подобной технике выполняли особые заказы князей и церковных иерархов. К шедеврам русского эмальерного искусства относится утраченный в годы Второй мировой войны крест Евфросинии Полоцкой. Надпись на предмете указывает дату изготовления реликвии — 1161 г., и имя мастера, выполнившего заказ княжны, — Лазарь Богша. Это один из редчайших случаев авторства древнерусского ювелира.

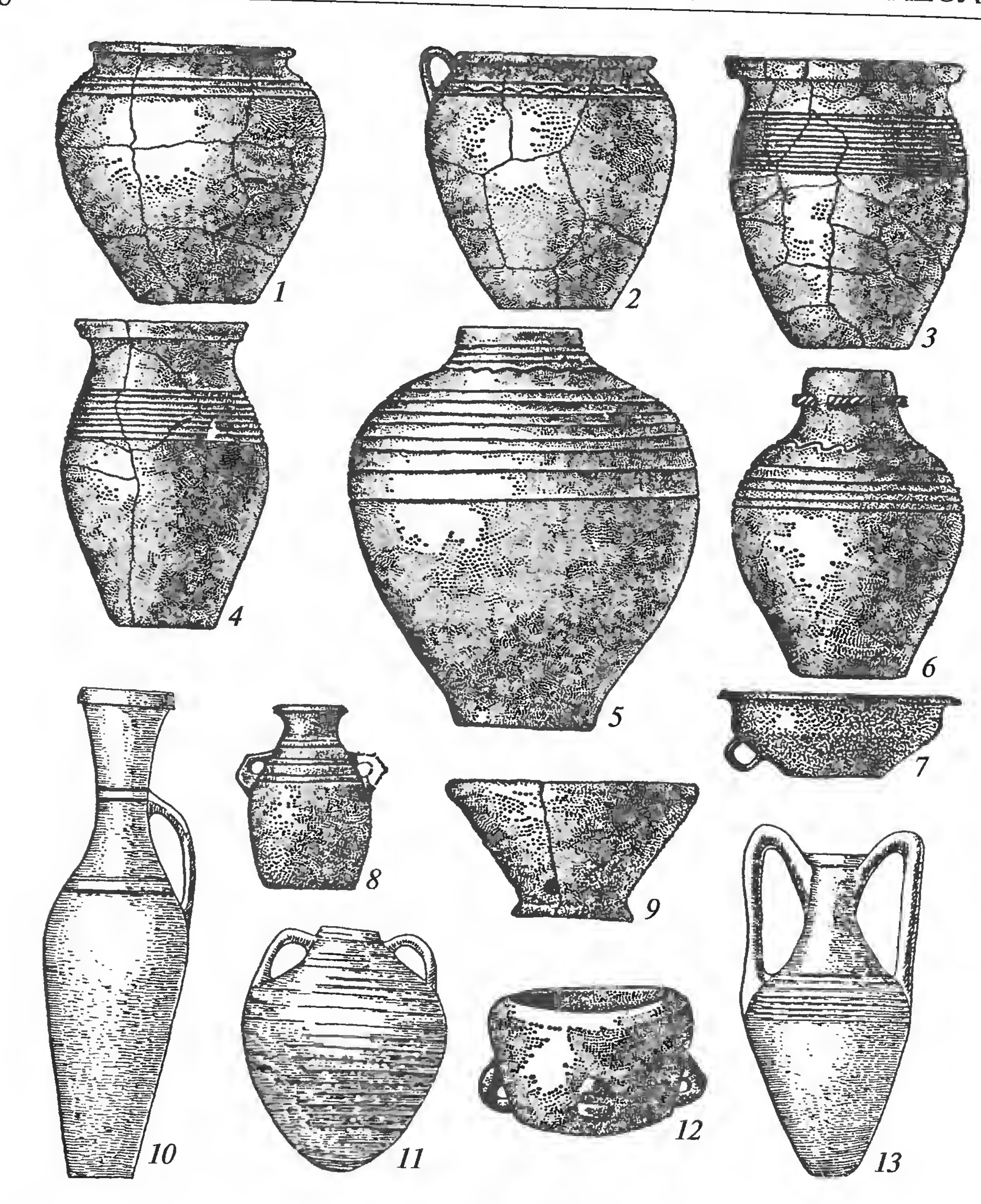
Впрочем, изделия ювелиров — это не только высокохудожественные предметы, но и многочисленные серийные украшения, выполненные в упрощенной технике.

Массовым материалом археологических раскопок любых поселений является ***керамика***. Керамические изделия — горшки, миски, кувшины, сковороды, жаровни и многое другое — повседневные, массово изготовлявшиеся бытовые предметы. Гончары раньше представителей других ремесленных отраслей выделились из домашнего промысла и обособились в рыночную профессию. В ранних городских напластованиях лепной керамики уже нет, вся она сделана на гончарном круге. Это служит своеобразным показателем времени перехода от стадии поселения к городу. Гончарных горнов в городах домонгольского времени раскопано немного: в Белгороде, во Вщиже, Киеве, Старой Рязани, Вышгороде и некоторых других, но это позволило реконструировать технологию керамического производства.

На донцах керамических сосудов достаточно часто встречаются геометрические знаки. Подобные иногда фиксируются на деревянной посуде. Возможно, это знаки мастеров либо владельцев предметов.

Обработка кожи и ***сапожное дело*** восстанавливаются только на основании раскопок в древнерусских городах, правда, не повсеместно, из-за неудовлетворительной сохранности органики в культурных напластованиях. Для сырья кожевники использовали шкуры домашних животных. Выделка кожи — трудоемкий процесс, включавший несколько операций, ряд которых требовал проточной воды, что определяло размещение производства вблизи родников, ручьев.

Внутриусадебные скопления отходов кож, кроя, бракованных деталей связаны уже с работой сапожников, рано обособившихся в особую ремесленную

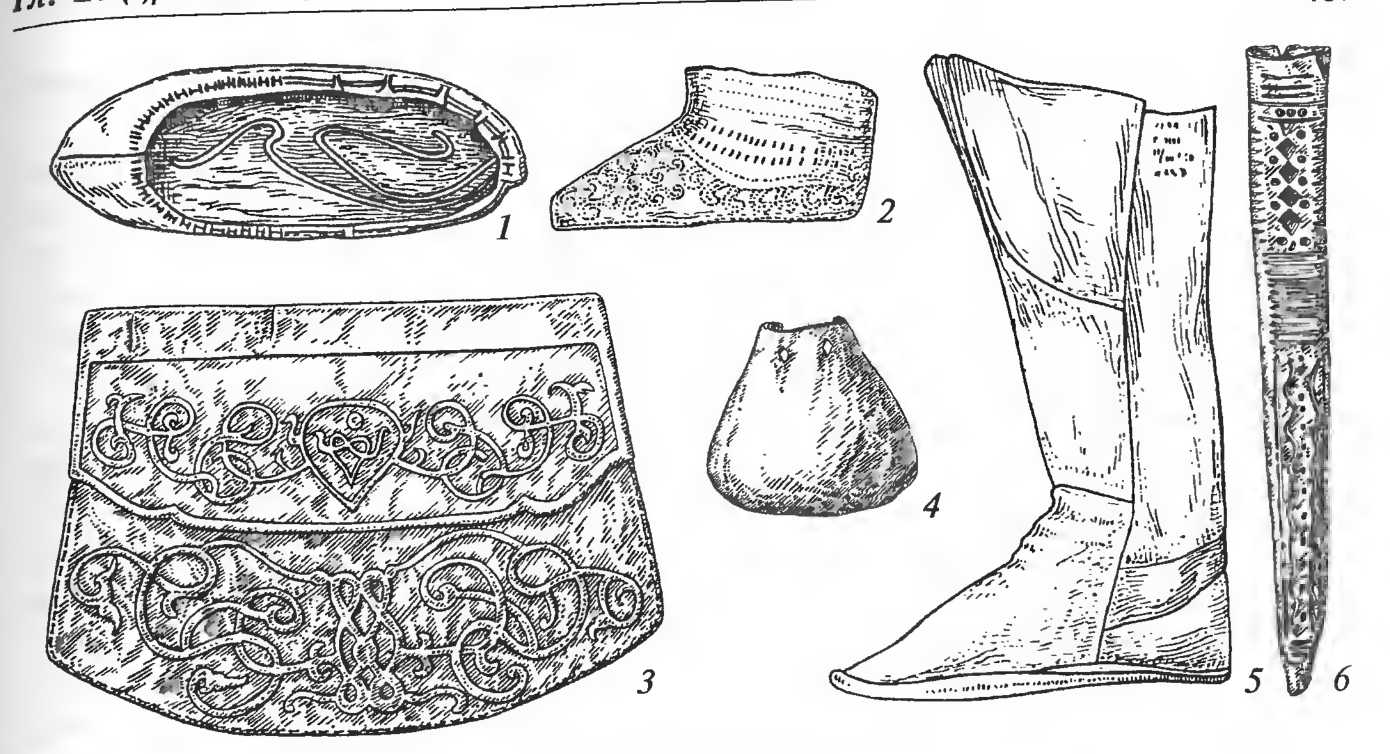

Гончарные изделия:
1–4 — горшки; 5 — корчага; 7, 9, 12 — миски; 8 — кувшин; 10 — красноглиняный кувшин; 11, 13 — амфоры

профессию. Горожане носили только кожаную обувь — сапоги, сапожки, туфли. Женская обувь, а также ножны, сумы зачастую прошивались цветными нитками по растительному или геометрическому орнаменту. Из кожи изготовлялось множество утилитарных вещей — ремни, сбруя, пояса, чехлы, ножны, рукавицы. Интересны кожаные раскрашенные скоморошьи маски.

Наряду с технологическим совершенствованием традиционных ремесленных отраслей, выросших из домашнего производства, древнерусские мастера успешно овладевали новыми. К их числу принадлежит ***стеклоделие***, которое зародилось в XI в. в Киеве, а уже в XII–XIII вв. достигло значительного уровня и фиксируется в Новгороде, Пскове, Смоленске. Продук-

Кожаные изделия:
1 — поршень; 2 — туфля ажурная; 3 — сумка; 4 — кошелек; 5 — сапог; 6 — ножны кинжала

ция стеклоделов — посуда, туалетные сосуды, перстни, бусы, браслеты наряду с импортными изделиями пользовалась широким спросом. Особенно популярными у горожанок в начале — середине XIII в. были стеклянные браслеты разных цветов, гладкие и крученые, которые в большом количестве и повсеместно находят в городских напластованиях.

Деревообработка — важная отрасль древнерусского ремесла. Дерево было основным поделочным материалом на Руси.

Древнерусские мастера хорошо знали технические свойства всех пород древесины и учитывали их при подборе для строительства и изготовления различных предметов. В основном использовалась местная древесина — хвойные породы в строительстве, лиственные для изготовления бытовых предметов. Из привозной древесины следует отметить самшит. Эта чрезвычайно плотная древесина поставлялась на Русь с юга. Двусторонние деревянные гребни древнерусские мастера делали исключительно из самшита.

Инструментарий, применявшийся при обработке древесины, был разнообразен и в основном сохраняется до сих пор. Главным орудием был топор. Все постройки рубились топорами. Бревна стен никогда не опиливались: пила разрушала структуру дерева, что способствовало гниению. Полы в жилищах стелились из колотых топором досок. Избы крылись колотыми пластинами — *лемехом*, своеобразной «русской черепицей». Лемехом покрывались церкви. Улицы стелились колотыми полубревнами — плахами. Из дерева возводились мосты и сложные инженерные сооружения.

Колесный транспорт на Руси, особенно в северных районах, мало использовался. Основные транспортные пути шли по воде. Отсюда широкое использование речных средств — лодок, судов. Находки их деталей, а больше — весел, нередки в городских напластованиях. В зимнее время использовались сани, волокуши, лыжи. Впрочем, сани и волокуши использовались почти круглогодично. Встречаются целые развалы саней, иногда

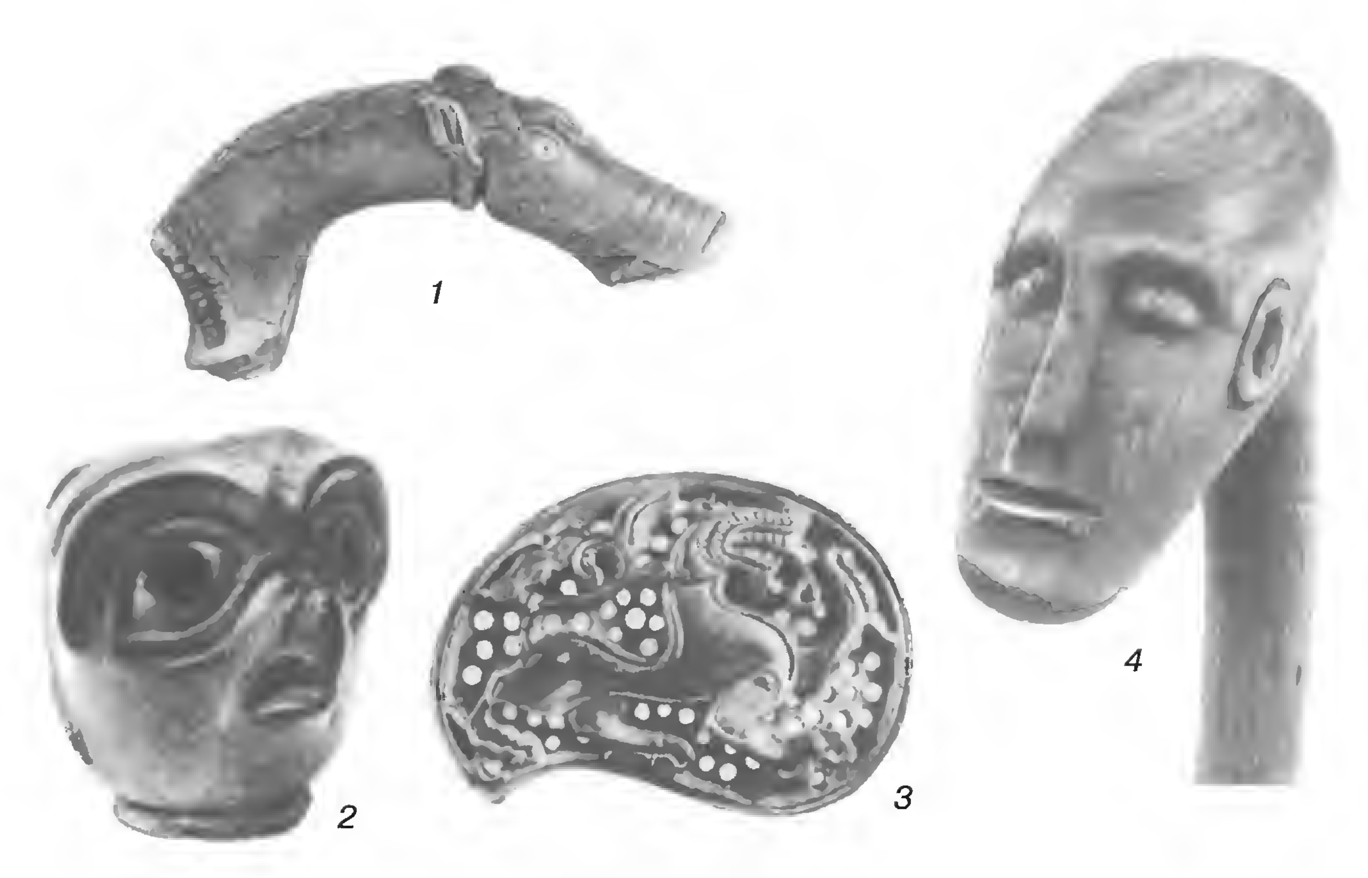
парадных, в которых полозы, копылы, стенки возка украшены замысловатой резьбой или раскрашены.

Резьба по дереву была очень популярна на Руси. Резьбой украшались элементы жилых хором — колонны, наличники, карнизы; мебель, наборы посуды, гребни, ложки. Есть расписанные предметы, но краска плохо сохраняется во влажном слое, который консервирует дерево. Встречаются антропоморфные и зооморфные скульптуры, изображения птиц. Языческая деревянная пластика очень выразительна и реалистична.

В ***косторезном деле*** также широко использовали резьбу. Особенно хороши изображения мифологических существ (драконов, русалок), которые выполнены на высоком художественном уровне. Даже утилитарные предметы (рукояти ножей, гребни) нередко украшались замысловатым узором.

Социальный состав городских ремесленников был неоднороден. Наряду с юридически свободными мастерами существовали вотчинные ремесленники, которых феодалы селили на своих усадьбах и обеспечивали заказами. Связь вотчинных ремесленников с рынком была минимальна. Вотчинное ремесло более характерно для раннегородской стадии, но сохранялось и позднее.

Древнерусские ремесленники в своем большинстве были мелкими производителями, имевшими инструментарий, ведущими самостоятельно свое хозяйство, основанное на личном труде, целью которого было не получение прибыли, а добывание средств к существованию. Ремесленнику обычно помогала в работе его семья. Вместе с ним работали один-два подмастерья и один или несколько учеников.

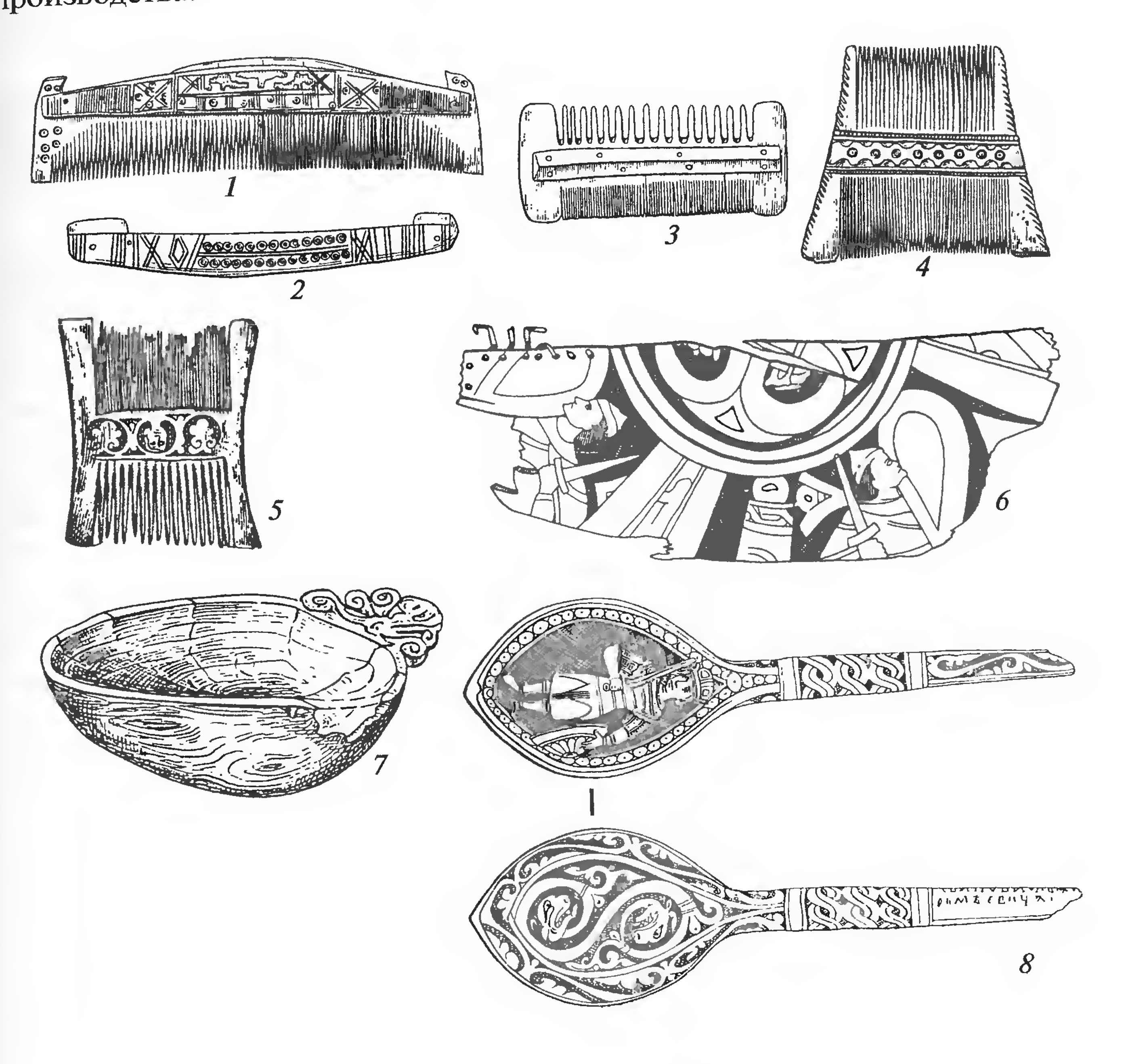
Резные изделия:
1 — рукоятка ковша; 2, 4 — навершия посохов; 3 — накладная пластина (*1, 2, 3 — кость*)

Широкая специализация ремесла, вызванная сложной технологией производства, разнообразием орудий труда неизбежно вела к организации производственного обучения и трудового процесса, т.е. института ученичества, что придавало древнерусскому ремеслу систематический и организованный характер.

Массовый археологический материал городских раскопок открывает возможность исследования древнерусского ремесла с учетом техники, технологии и структуры производства, емкости рынка, благодаря чему можно определить важнейшие периоды в развитии ремесленного производства.

Первый период (*до 20-х — 30-х гг. XII в.*) — это стадия вотчинного ремесла с работой на заказ. Рынок свободного сбыта еще сильно ограничен. В это время были созданы все основные виды ремесленного инструментария и заложены новые технологические основы древнерусского производства.

Изделия из дерева и кости:
1 — расческа; 2 — футляр для расчески; 3, 4, 5 — гребни: 6 — обломок расписного блюда; 7 — чаша; 8 — ложка (*1–5 — кость; 6–8 — дерево*)

В следующие сто лет своего развития, во *второй период* (*до 30-х гг. XIII в.*) расширился ассортимент продукции и одновременно произошла рационализация производства — упрощение технологических операций. Например, в текстильном производстве в конце XII в. появляется горизонтальный ткацкий станок. Производительность ткацкого ремесла резко возрастает, но сокращается производство сортовых тканей, появляется масса тканей ухудшенного качества. В металлообработке взамен высококачественных многослойных лезвий применяется менее качественная конструкция — лезвия с наварным острием. Появляется стандартизация. Товарное производство вытесняло вотчинное ремесло и способствовало расширению рыночного спроса.

Темпы развития древнерусского ремесла были столь интенсивными, что уже в середине 30-х гг. XIII в. складывались условия для выхода на новый этап рыночного ремесленного производства, однако монгольское нашествие нанесло столь разрушающий удар по экономике Руси, что темпы существенно замедлились.

Торговля наряду с ремеслом является важной составляющей экономического развития. В IX–X вв. на Руси происходит не только отделение ремесла от земледелия, но и третье крупное разделение труда — появилось купечество.

Ведущую роль играла, безусловно, ***внутренняя торговля***, но выявляется она плохо. Массовая продукция ремесленников в разных областях государства была стандартно однородной, выполнена по единой технологии. Лишь некоторые категории находок дают определенное представление о межобластном товарообмене. С юга поставлялась тарная керамика — корчаги, сосуды из красноватой глины с утолщенными стенками и массивными ручками. С Волыни по всей Руси расходились шиферные пряслица, использовавшиеся для прядения. Розовый шифер разрабатывался вблизи города Овруч, где существовали мастерские по изготовлению пряслиц. В годы ордынского нашествия мастерские были разрушены, производство прекратилось. Это дает четкую стратиграфию домонгольских напластований.

Говоря о раннефеодальных государствах Европы в IX–X вв., в том числе и о Древней Руси, необходимо отметить узость торгового развития в условиях натурального хозяйства, потребительского по своей сущности. Раннесредневековая экономика была замкнутой, мало втянутой в обмен. Объем внутренней торговли — «купли» был ограниченным. В этих условиях господствовала дальняя торговля — «гостьба», которая сосредоточивалась в крупных городах, на пересечении торговых путей.

Русь находилась на пересечении транзитных торговых путей, соединявших Европу с арабским Востоком и Средней Азией, Прибалтикой, Византией. Через Древнюю Русь шел поток товаров, частично оседая в городах. Русские купцы выступали не только контрагентами, но активными участниками ***международной торговли***. Русь поставляла на внешний рынок продукцию промыслов — пушнину, воск, мед, соль, мамонтовую и моржовую кость, высококлассные изделия русских ремесленников. Древнерусское ремесленное производство нуждалось в поставках цветных и драгоценных металлов, янтаря, дорогой древесины. В аристократической среде находили сбыт импортные предметы роскоши: утварь из серебра и бронзы, перегородчатые эмали на золоте, резные изделия из кости, драгоценных и полудрагоценных камней, поливная и стеклянная посуда, узорчатые и шелковые ткани. Крупное купечество объединялось в профессиональные корпорации, которые регулировали товарооборот, рассматривали в судебном порядке спорные торговые дела, обеспечивали соблюдение правил торговли, осуществляли сохранность денежно-весовых контрольных эталонов. Исторически подтверждено существование подобных корпораций в Новгороде. Вероятно, они были в Киеве и в других торговых центрах. В Новгороде функционировали *торговые фактории* иноземного купечества — Готский, позднее Немецкий двор. Русский двор был на о. Готланд. Торговля новгородских купцов с их зарубежными партнерами регулировалась межгосударственными соглашениями.

Денежное обращение. На рубеже VIII–IX вв. на Русь хлынула масса арабской серебряной монеты — *дирхемов*, отразив активную торговлю Восточной и Северной Европы со странами Халифата. Для Руси, лишенной собственных рудных запасов монетного металла, поток монет из мусульманских стран стал важнейшим предметом импорта. Это был не транзит, а целевая поставка серебра на Русь. Значительная часть монет была расплавлена в тиглях ремесленников, постоянно нуждавшихся в металле, часть осела в кладах.

Дирхемы имели хождение на Руси в качестве денежных эквивалентов, но не по своему номиналу, а на вес. Подтверждение тому — большое количество резаных монет в кладах. Встречаются резанки и в городских напластованиях.

Монеты и денежные слитки:
1, 2 — монеты Владимира Святославича; 3 — монета Святополка; 4 — монета Ярослава Мудрого; 5 — шестиугольный (киевский) слиток; 6 — новгородский слиток («гривна серебра»)

Для взвешивания монет применялись складные весы типа аптечных. Разновесами были бочковидные свинцовые гирьки, обтянутые медным листом. На донцах гирек обозначалась весовая норма. Находки деталей весов и гирек нередки и в городских напластованиях. Иногда наборы весов с гирьками в специальных чехлах находят в курганных захоронениях дружинников-купцов.

В последней трети X в. поток серебряных восточных монет сократился, а вскоре полностью иссяк. На рубеже X–XI вв. на Руси предпринимается попытка собственной чеканки. Первые русские монеты (*златники* и *сребреники* Владимира, Святополка, Ярослава) немногочисленны и ныне являются редчайшими коллекционными раритетами. Надпись на монетах гласит: «Владимир на столе, а се его серебро» или «Ярославле серебро». На лицевой стороне монеты надпись дополнялась изображением князя на престоле или святого, а на обороте чеканился родовой знак Рюриковичей — двузубец или трезубец.

Древнерусская чеканка была ограниченной и обеспечивала только Южную Русь. Да и здесь срок обращения монет был кратким. На севере эти монеты почти не употреблялись. В Северной Руси на смену дирхему приходит западноевропейский *денарий*. Впрочем, в начале XII в. денарий исчезает из обращения. С этого момента розничная торговля на Руси переходит на безмонетную систему использования товаро-денег, при которой функцию денег выполняли стандартные ходовые предметы.

Обращение серебра сохраняется лишь в сфере крупных платежных сделок, для обслуживания которых с XII в. начинается литье серебряных слитков — *гривен.* Слитки были двух форм: *киевские* (*южные*) — уплощенные шестигранные и *новгородские* (*северные*) — брусковидные. Главное различие не в форме, а в разном весе серебряных слитков: на юге он равнялся 160 граммам, а северный был тяжелее — 200 граммов, что отражает параллельное существование на Руси двух денежно-весовых норм: киевской и новгородской.

Города были местами средоточения государственной власти. В стольных центрах располагались резиденции великих и удельных князей, комплектовались органы административного управления.

Наиболее распространенными находками, фиксирующими административные функции, в первую очередь судебную, являются *вислые печати.* Они привешивались к свиткам — документам, что придавало тексту законодательную форму. Сфрагистика — научная дисциплина, изучающая печати, дает достаточно обширный перечень гражданских и церковных должностных лиц, обладавших правом скреплять документы печатью.

В последние годы благодаря многочисленным находкам в Новгороде выявлена еще одна категория предметов, связанных с административными функциями. Это своеобразные деревянные *замки-пломбы*, навешивавшиеся на мешки, в которых находились меха — дань-рента, распределявшаяся между князем и должностными лицами. Подобные предметы найдены и в других городах.

Наконец, еще одна группа находок, к сожалению, немногочисленная, — небольшие *бронзовые и костяные пластинки*, на которых вырезан родовой

Актовые печати:
1 — Святослава Игоревича; 2 — Ярослава Владимировича; 3 — Владимира Мономаха; 4 — митрополита Георгия

знак Рюриковичей — двузубец или трезубец, что удостоверяло должностное положение владельца в княжеском аппарате.

Таким образом, выявляется представительная категория должностных лиц, которые занимали высшие ступени в административной иерархии и оплачивались из части государственной ренты. Безусловно, еще более многочисленным был контингент нижестоящих лиц, служба которых оплачивалась ругой — фиксированной суммой из государственной казны.

На основании археологических данных в сочетании с письменными свидетельствами выявляется достаточно сложный социальный состав населения древнерусских городов, включавший феодалов, духовенство, юридически свободных ремесленников, торговцев, купцов, дружинников, лиц, задействованных в органах управления, и феодально зависимых людей (вотчинные ремесленники, дворовая челядь феодалов и др.).

С момента своего появления города были культурными центрами Древней Руси. Это проявлялось уже на бытовом уровне: в системе улично-усадебной планировки, мощении улиц и площадей, других элементах благоустройства.

Христианизация вывела Русь на уровень цивилизованных государств Европы, обеспечила культурные связи с Византией и православными южнославянскими странами. Правда, в позднем Средневековье приверженность Руси православным канонам серьезно препятствовала контактам с католическими странами Европы.

Внедрение христианства сделало необходимым организацию системы культового богослужения. На Руси началось храмовое строительство. Происхождение древнерусского церковного зодчества от византийского определило канонический для Руси тип *крестово-купольного храма* и *вид строительной техники*: кладку из тонкого кирпича — плинфы на розовом растворе (цемянке). В Киеве в 989–996 гг. возводится каменный

Богородицкий (Десятинный) собор, который стоял в окружении дворцовых построек того же времени. Десятинный собор рухнул в 1240 г. во время штурма Киева войсками Батыя. Выявленные раскопками фундаментные части собора и дворца, к сожалению, не позволяют реконструировать внешний облик первых каменных построек. Строительство вели византийские мастера, которые, вероятно, по завершении работ вернулись в Константинополь. По крайней мере до 30-х гг. XI в. каменное строительство на Руси приостановилось. По городам церкви рубились из дерева — привычного материала для древнерусских строителей.

Мозаичное панно собора Святой Софии в Великом Новгороде, XI в.

Начало собственного древнерусского храмового каменного зодчества следует связывать с 30-ми гг. XI в., когда в Киеве был поставлен кафедральный Софийский собор — главный храм Древней Руси. Вскоре в Чернигове возводят Спасский собор, позднее, в 40–50-х гг., ставят Софийские соборы в Новгороде и Полоцке. Каменное строительство было дорогостоящим. В XI в. на Руси работала, вероятно, одна великокняжеская артель. Убеждает в этом единая архитектурно-планировочная система храмов, несмотря на вариантные особенности и разную технологию строительства.

Уже первые русские храмы отличались от византийских сложным завершением верхов — *многоглавием*, поднятым на высокие барабаны с прорезями окон, благодаря чему обеспечивалось освещение обширных княжеских хор, располагавшихся существенно выше пола храмов. Стены соборов Новгорода и Полоцка возводятся с включением в плинфовую кладку местного камня. В киевской Софии уменьшается площадь *мозаик*, в новгородской только одно мозаичное панно, а в Полоцке их вообще нет. На смену мозаичным панно византийских соборов в русские храмы вводится *фреска* — живопись, выполнявшаяся минеральными красками по сырой штукатурке.

Возведение княжеских соборов конца X — середины XI в. стало школой мастерства для русских строителей и художников, работавших рядом с византийскими зодчими, фресксистами и иконописцами.

Дальнейшее переосмысление византийских канонов русские мастера продемонстрировали в XII в., когда расширилась география строительства, возникли местные школы со своими стилистическими приемами. Традиции раннекиевской архитектуры развивали в Киевской, Черниговской, Рязанской, Волынской, Турово-Пинской и Смоленской землях, где строители сохраняли пропорции храмов и технику кладки плинфой.

В Новгороде и Полоцке мастера стали возводить храмы из местного камня, сохранив плинфовую кладку только для ответственных участков построек. В полоцкой архитектуре появляется *одноапсидный башнеобразный храм*. Этот тип церковной постройки позднее становится доминирующим в новгородско-псковской архитектуре. В Галиче тоже при строительстве использовали местный камень, и т.к. он был пластичным, в отличие от новгородского ракушечника, то фасады храмов украшали причудливой резьбой, технология которой исходила от романской архитектуры.

Наивысший уровень каменной архитектурной резьбы продемонстрирован во владимирской архитектуре, в становлении которой участвовали галицкие и романские мастера. Владимирские соборы (Георгиевский в Юрьеве-Польском, Дмитриевский во Владимире) украшены сплошным орнаментом из библейских сцен, святых, фантастических существ, растительных узоров.

Существенно изменяются интерьеры храмов. Мозаичные мраморные полы заменяются покрытием из керамических плиток, чаще одноцветных. Все большее внимание уделяется иконам, которые в русских храмах компонуются в предалтарные иконостасы, что не имеет аналогий ни в одной из стран византийского ареала.

Работа русских фресксистов запечатлена в живописных интерьерах владимирского Успенского собора, новгородской церкви Спаса Преображения на Нередице, в немногочисленных сохранившихся фрагментах росписей смоленских и полоцких храмов, церквей в Ладоге и в Переяславле-Залесском. Вырабатывалась стилистика местных живописных школ.

За сравнительно короткий исторический период древнерусское зодчество и связанные с ним виды монументально-декоративного искусства прошли блестящий путь от ученичества до зрелого мастерства. Русь шла к созданию национального искусства, но этот путь был прерван в момент кристаллизации стилистических принципов.

Христианизация оказывала все более ощутимое воздействие на быт древнерусского населения, в том числе на ритуал погребений. Наиболее ранние ***погребения***, достоверно связанные с проникновением христианства на территорию Руси, относятся к третьей четверти X в. Это единичные, в первую очередь женские погребения, которые хотя и сопровождаются крестиками, но имеют богатый и разнообразный набор погребального инвентаря и совершены под курганными насыпями. В некоторых их этих погребений

кроме подвесок-крестиков, иногда вырезанных из восточных серебряных монет, обнаружены оплавленные восковые свечи. Все погребения, которые можно рассматривать как христианские, совершенные до официального акта крещения Руси, связаны с крупнейшими дружинными могильниками: киевским, гнёздовским, тимеревским.

Кресты-тельники и маленькие иконки-образки появляются в погребениях начиная с середины XI в., основное время их распространения — XII в. По наблюдениям некоторых исследователей, находки крестов наиболее характерны для женских и детских погребений, т.е. в первую очередь защитная функция христианского символа предназначалась для наиболее уязвимой части населения. Интересно, что зачастую в состав ожерелья погребенной женщины входило несколько крестов-тельников.

В отличие от сельских древнерусские городские некрополи исследованы недостаточно. Погребения на прицерковных кладбищенских участках чаще всего переотложены. Тем не менее на основании данных, полученных при изучении некрополей Суздаля, Старой Рязани и отдельных погребений в других городах, можно дать общую характеристику.

Чисто христианский погребальный ритуал в среде горожан возобладал в XII в., ближе к его второй половине. Христианские погребения совершались в ямах, обычно в гробах-колодах или сколоченных из досок. Ориентировка погребенных западная, руки скрещены на груди. Рядовые захоронения чаще безынвентарные. Изредка сохраняются шелковые златотканые ленты от воротов рубах, шелковые очелья, фрагменты шерстяных тканей от одежд, бронзовые пуговки, крестики, образки, нашивные бляшки. Иногда под голову умершего клали кирпичи или плоские камни.

Мета-цилиндр (*дерево*)

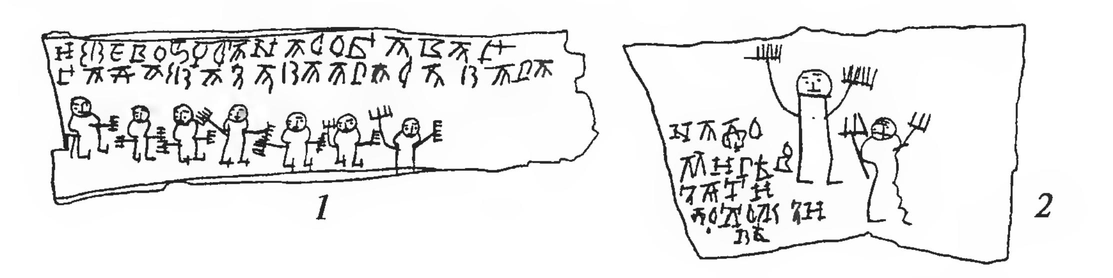
Право погребения внутри соборов (под полом либо в нишах стен) предоставлялось только церковным иерархам либо знатным феодалам. Их захоронение нередко производилось в каменных или кирпичных саркофагах.

С христианизацией напрямую связано развитие ***грамотности***. Наличие дохристианской письменности на Руси вероятно, но археологически не выявлено.

К моменту христианизации Руси для славянских языков была разработана *кириллическая письменность*. Ее внедрение на русских землях началось еще до принятия христианства, а последние два десятилетия X в. широко ввели кириллицу в древнерусскую среду. Для богослужения, для знакомства русских с христианскими канонами требовался перевод церковной литературы. Недаром большинство сохранившихся древнерусских рукописных книг — церковного характера. Правда, количество дошедших до нас памятников ничтожно. В деревянных русских городах в пожарах погибали пергаменные книги, свитки грамот, акты. Поэтому единичные уцелевшие раритеты не отражают уровень грамотности древнерусского общества.

26 июля 1951 г. при раскопках в Новгороде была найдена первая ***берестяная грамота*** — событие эпохальное для изучения древнерусской истории и культуры. Позднее они были обнаружены в Смоленске, Пскове, Витебске, Старой Русе, Торжке, Твери, Москве и других городах, где почвенные условия способствуют сохранению органики. Сейчас в древнерусских городах найдено более 1000 берестяных грамот. Подавляющее большинство (953) — в Новгороде, что объясняется хорошей сохранностью органи-

Берестяные грамоты (*прориси*):
1, 2 — упражнения школьника; 3 — письмо от Ефрема к брату.
Предметы для письма: 4 — цера; 5, 6 — писала

ки и своеобразием политического развития: новгородские бояре, постоянно проживавшие в городе, только перепиской могли регулировать деятельность своих сельских вотчин.

Каждая грамота — с полным либо обрывочным текстом — бесценный исторический источник. Грамотными были представители разных слоев — не только знать, но и ремесленники, крестьяне. Грамотными были как мужчины, так и женщины.

Содержание грамот разнообразно: бытовые записи, перечни долгов и товаров, хозяйственные распоряжения, заказы ремесленникам и иконописцам, воинские донесения, поминальные записки, черновик завещания, любовная переписка. В грамотах отражена вся полнокровная жизнь средневековых горожан. Находки берестяных грамот, датируемые XI–XV вв., прочно связали материальные и письменные источники.

С открытия берестяных грамот появилась совершенно новая категория исторических источников, данные которой существенно разнообразят и дополняют традиционный письменный источник — летопись. Следует отметить тот немаловажный факт, что весь корпус древнерусских пергаменных материалов ограничен тремя листами начала XIII в., в то время как почти половина берестяных текстов относится к домонгольскому периоду, а древнейшая берестяная грамота датируется первой половиной XI в.

Избирательность летописца к событиям и персоналиям существенно ограничивает возможности реконструкции исторического процесса. Берестяные грамоты отражают разнообразие повседневной жизни средневекового человека, широкий круг его общения, что расширяет картину быта горожан, а материальные остатки прошлого, выявляемые в ходе раскопок одновременно с берестяными грамотами, детализируют ее. Таким образом берестяные грамоты стали своеобразными прочными мостиками, связавшими археологию с историей.

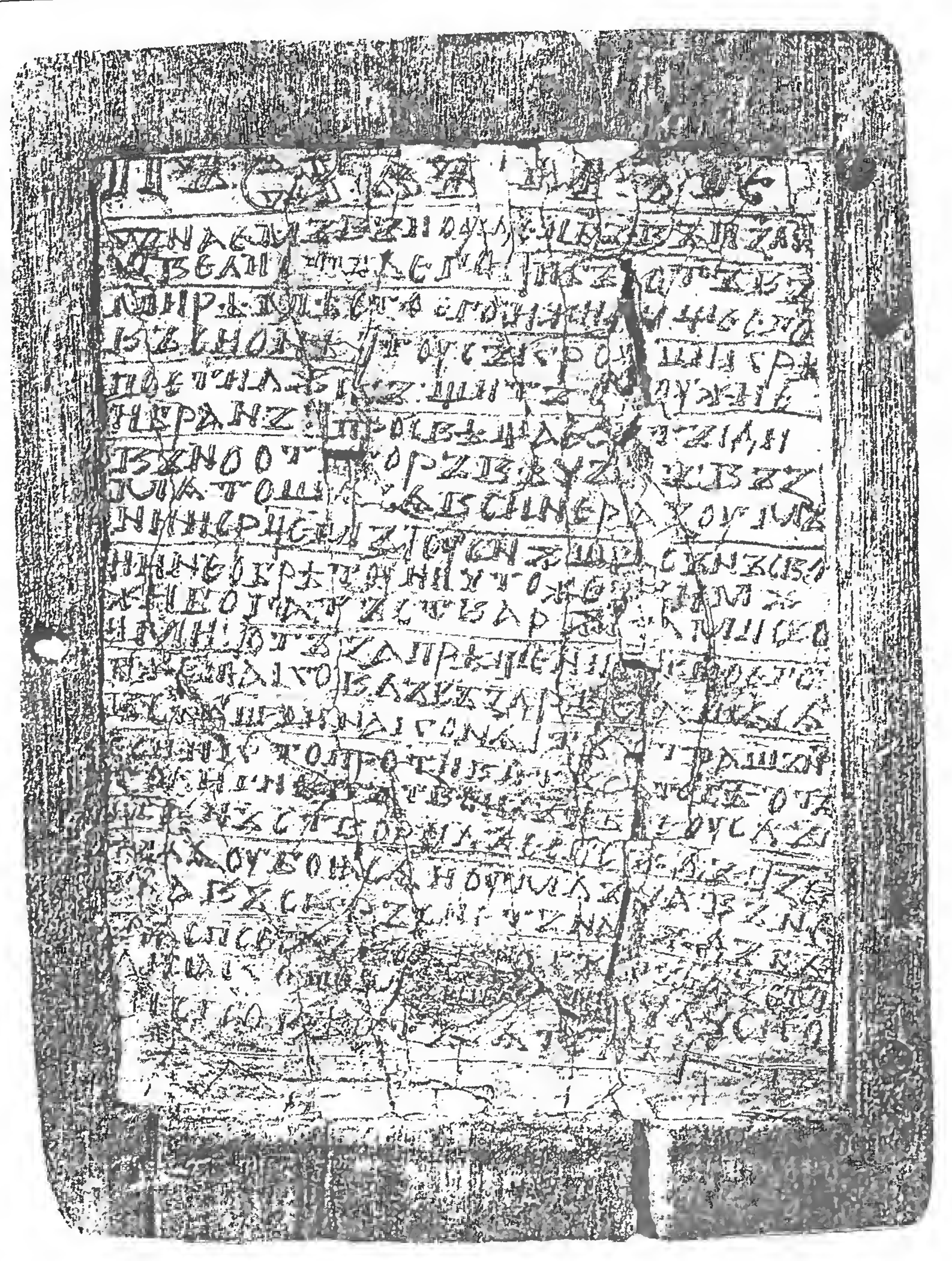
До открытия берестяных грамот археологи при характеристике изучаемых объектов оперировали абстрактными терминами: «жилище зажиточного человека», «мастерская ювелира» и т.п., без персонификации владельцев или жителей усадьбы, без определения их социального положения. Берестяные грамоты позволяют выявить не только имена усадьбовладельцев, но и его соседей, его окружения, нередко дополняемые социальной и генеалогической характеристиками.

Сведения берестяных грамот не ограничиваются городской территорией и ее жителями, они свидетельствуют о повседневных контактах с сельской округой, связях с удаленными землями, что дает возможность использовать их как для изучения административной системы Новгородской земли, так и для решения спорных вопросов ее исторической географии, а также при изучении торговых связей. Одновременно берестяные грамоты демонстрируют постоянные контакты города с сельскохозяйственной округой, взаимоотношения городских землевладельцев с феодальнозависимым сельским населением, а благодаря господским распоряжениям либо крестьянским отчетам выявляется возможность изучения истории земледелия и хозяйственного освоения земель.

Берестяные грамоты надежно соединили интересы археологов и историков, специализирующихся на изучении письменных источников. В этом первый существенный вклад берестяных текстов в интеграцию гуманитарных дисциплин.

Еще одна важная особенность берестяных грамот в том, что они доносят живую повседневную речь, тем самым являясь важнейшим источником для лингвис-

Новгородский кодекс, начало XI в.

тического исследования. Благодаря филологическому анализу выявлены особенности новгородского диалекта, восходящие к древнейшей истории восточнославянского населения и отражающие разнокомпонентный процесс заселения Северо-Запада и Среднего Поднепровья.

Масса юридических терминов в берестяных текстах позволили существенно дополнить данные древнерусского законодательств, выявить практику судопроизводства.

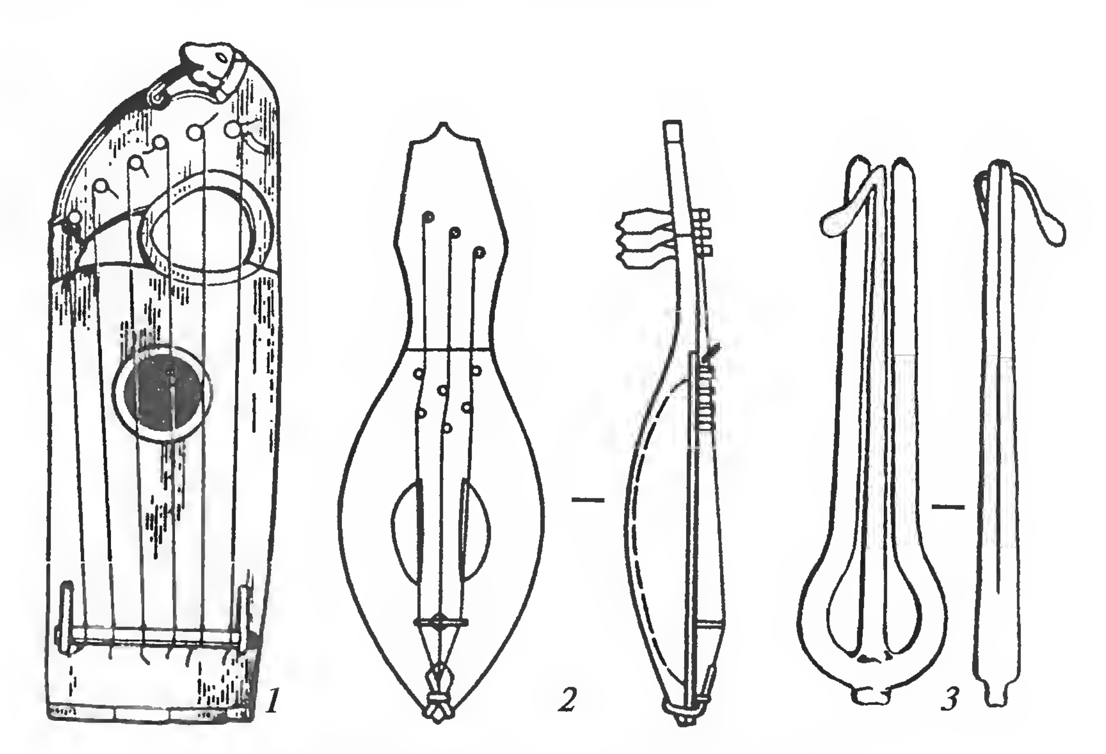
Обильные данные берестяных грамот хозяйственного содержания, росписи долгов дают бесценный материал по истории древнерусской метрологии, в первую очередь для темного безмонетного периода средневековой Руси.

Наконец, берестяные грамоты — важнейший источник по истории русской культуры. Во-первых, массовость грамот, принадлежность авторов и адресатов к различным категориям отражают высокий уровень грамотности населения. Во-вторых, встречающиеся отрывки литературных текстов, записанные на бересте, представляют значительный интерес для литературоведческого анализа. При изучении русского прикладного искусства берестяные данные иногда позволяют выявить авторство предметов.

Таким образом, берестяные грамоты вносят существенный вклад в интеграцию различных отраслей гуманитарных наук, без которой невозможно полнокровное изучение русского Средневековья.

Грамоте на Руси обучали. Свидетельства тому разнообразны. Есть летописные сообщения об организации школ. Для школьных упражнений использовались деревянные пластинки — *церы*, которые имели неглубокую кювету, куда заливался воск. Писали специальными железными или костяными стержнями — *стилями-писалами*. Один конец писала заострялся для письма, а другой нередко имел лопаткообразное завершение, которым можно было стирать запись. Кроме письменных принадлежностей найдены ученические упражнения на бересте — алфавиты, послоговые записи. Некоторые сопровождены детскими рисунками. На одной грамоте юный новгородец оставил автограф «Онфим».

Иногда церы скреплялись между собой в своеобразные записные книжки. Подобные предметы, но больших размеров — кодексы — служили для записей литературных текстов. Полная книга составлялась из нескольких кодексов. В 2000 г. в Новгороде найден триптих-кодекс, состоявший из трех цер-страниц, на поверхности которых сохранился текст части псалтири. Находка датируется началом XI в. и является древнейшим литературным древнерусским письменным памятником.

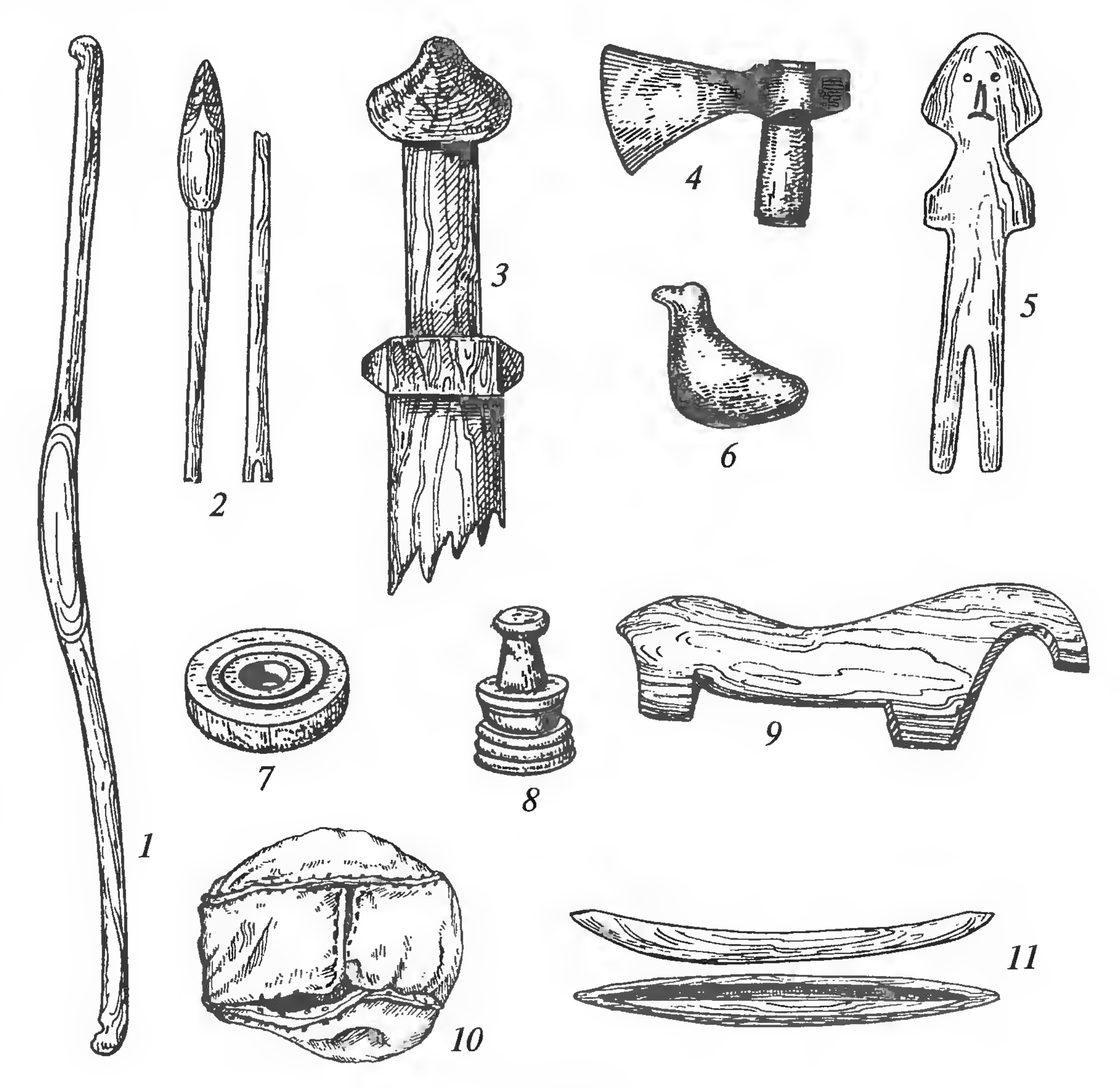
Древнерусские музыкальные инструменты:
1 — гусли; 2 — гудок; 3 — варган

На стенах многих древнерусских храмов в ходе их расчисток зафиксированы граффити — надписи, что также свидетельствует о широкой грамотности прихожан. Картину можно дополнить множеством владельческих надписей, сделанных на разных предметах — ложках, гребнях, пряслицах, донцах, поплавках.

Своеобразные краски в картину быта средневековых горожан вносят многочисленные находки предметов досуга: музыкальные инструменты, игры, детские игрушки. Музыкальные инструменты были разнообразны — струнные, щипковые, духовые: гусли, гудки, сопели, свистки и т.п. Особенно выразительными были гусли — многострунный щипковый инструмент своеобразной формы, достаточно сложный по конструкции. В коллекции гуслей есть персональные, с вырезанными на тулове инструмента именами владельца.

Свой досуг горожане скрашивали играми: интеллектуальными — шашки, шахматы, мельница (усложненный вариант уголков); азартными — кости; подвижными — бабки, лапта. Часты находки костяных коньков.

Игрушки:
1 — лук; 2 — стрелы; 3 — навершие меча; 4 — железный топорик; 5 — кукла; 6 — глиняная свистулька; 7 — шашка; 8 — шахматная фигура; 9 — коник; 10 — кожаный мячик; 11 — лодочка (*1–3, 5, 9, 11 — дерево; 7,8 — кость*)

Собрана большая коллекция детских игрушек. Чаще они сделаны из дерева. Из глины делали свистульки, иногда фигурки животных. Больше всего деревянных имитаций оружия — мечи, кинжалы, стрелы, луки. Много деревянных коников, оседланных и без узды. Деревянные куклы — плоскостные, их заворачивали в тряпицы. Мальчишеских игрушек больше, девочек рано приучали к домашним заботам.

В изложенных материалах чаще всего упоминается дата — XII в. С этим временем связан рост градостроительства на Руси, радикальные изменения в сельском хозяйстве и ремесленном производстве, в древнерусском денежном обращении, тогда же складываются местные архитектурные и художественные школы. Это не совпадения, а закономерность исторического развития Древней Руси. Происходил кардинальный процесс углубления феодализма в стране: раннефеодальный период завершался. Раннегосударственное объединение — Киевская Русь постепенно изживает себя под активным натиском местной аристократии, рвущейся к власти. Обособляются удельные княжества. Древняя Русь вступает в период феодальной раздробленности.

Примечательно в этом отношении одно обстоятельство, неоднократно отмечавшееся выше. В земледелии и типах сельскохозяйственных орудий, в конструкциях построек и в кузнечных технологиях, в денежно-весовых системах и в принципах архитектурных школ выявляется своеобразие двух русских регионов: южного — киевского и северного — новгородского. Если к этому добавить особенности государственного устройства боярского Новгорода и данные лингвистического анализа новгородских берестяных грамот, засвидетельствовавшего своеобразие диалектных особенностей древненовгородского разговорного языка, то становится очевидным существование двух полюсов притяжения — Киева и Новгорода. Именно объединение двух этих центров династией Рюриковичей привело в результате к созданию раннефеодального государства, которое способствовало укреплению экономических и социальных процессов в едином государственном образовании. Русь демонстрировала общеевропейские принципы феодального развития и на рубеже XII–XIII столетий устремилась к дальнейшему общественному развитию, но ее путь был грубо обрезан нашествием Батыя и ордынским игом.

Глава 3

ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ

Во второй половине I тысячелетия на территории Среднего Поволжья и Прикамья проходил процесс этно- и культурогенеза многих племен, в результате чего в X в. было создано крупное восточно-европейское государство — Волжская Болгария, сыгравшее значительную роль в историче-

ской судьбе народов Поволжья и Евразии в целом. По ряду проблем становления этого государства у специалистов отсутствует единая трактовка. Сложившиеся в историографии многочисленные концепции этно- и культурогенеза в сущности сводятся к двум точкам зрения — автохтонной и миграционной. Первая отводит доминирующую роль в процессе этнокультурного объединения местному населению: чувашам, башкирам, ранним славянам, тюркам. Сторонники второй концепции первенство в процессе отдают пришлым тюрко-угорским племенам с определенной инфильтрацией местных этносов. Отсутствует единый взгляд и на частные вопросы. Спорна датировка ранней миграции болгар — VII или конец IX в. Не определено количество переселенческих волн болгар — две или четыре. Дискуссионно время появления постоянных поселений — рубеж VIII–IX, рубеж IX–X или вторая половина — X в.

Несомненно одно — в последние века I тысячелетия на территории Среднего Поволжья и в Прикамье происходили глубинные процессы, завершившиеся созданием государства. Фактически они затрагивали все стороны жизни населения. Во-первых, *этнический процесс*: переход от племенной обособленности к формированию единого этноса — волжских болгар. Во-вторых, *экономический*: переход от доминирующего кочевого скотоводческого хозяйства к оседлому земледелию. В-третьих, *социальный*: переход от племенных объединений к формированию государства, от общинных отношений к феодальным. Четвертый процесс — *идеологический*: переход от язычества к принятию ислама как государственной религии. Наконец, пятый — *становление культуры* и формирование единого культурного пространства. Естественно, эти процессы не завершились с образованием государства, но продолжались в ходе государственного развития.

Во многом разногласия среди исследователей объясняются определенной ущербностью источниковой базы, вызванной отсутствием полномасштабных раскопок поселений. ***Могильники*** при всей специфичности материала дают значительную информацию для изучения раннеболгарской эпохи.

Однако могильники исследованы неравномерно. На некоторых, включающих несколько сотен погребений (Кайбельский, Большетарханский I и II), изучен значительный процент могил, а другие, имеющие несколько тысяч погребений (Танкеевский, Большетинганский, Немчиновский), исследованы частично. При этом следует отметить, что могильники функционировали длительное время (до 150 лет) и включают группы разновременных погребений. Наконец, часть могил ограблена и соответственно потеряла свою информативность.

Тем не менее только по материалам могильников можно реконструировать процессы, которые происходили в конце I тысячелетия. Погребения прежде всего демонстрируют многокомпонентный этнический срез мигрантов. Выявляются несколько разновременных потоков переселений, нередко пересекавшихся друг с другом. Многие из мигрантов (*болгары* из Приазовья и Нижнего Поволжья, *тюрки* Западной Сибири, Приуралья; *финны и угры* из Прикамья и Среднего Урала) целенаправленно переселялись в Средневолжско-Прикамский регион. Для других (*мадьяры*) пребывание в Среднем Поволжье стало кратковременным эпизодом в их дальнейшем движении на запад. Наконец, дополнительные этнические

компоненты внесли аборигенные *поволжские народности*, вовлеченные в исторический процесс.

Основные волны переселения болгар шли с территории Приазовья и Нижнего Поволжья, где располагалось раннегосударственное объединение — Великая Болгария. Распад рыхлого государственного союза привел к тому, что массы кочевых тюркоязычных болгар разбились на несколько миграционных потоков, направившихся в Паннонию и Подунавье, на Балканы, в Среднее Поволжье и Прикамье.

Наличие на территории Среднего Поволжья двух десятков языческих могильников с характерным кочевническим инвентарем свидетельствует, что пришлое население вело преимущественно ***кочевой*** образ жизни, ***скотоводческий*** по характеру хозяйства, сохраняя родоплеменное деление. Символично наличие одиночных захоронений, впущенных в курганы предыдущих эпох. Подобные характерны для кочевого населения, ведущего подвижный образ жизни, не привязанный к определенной территории. *Раннеболгарские погребения* (салтово-болгарские по культурной принадлежности) фиксируются в южных и западных районах будущей Волжской Болгарии (Кайбельский, Большетарханские могильники).

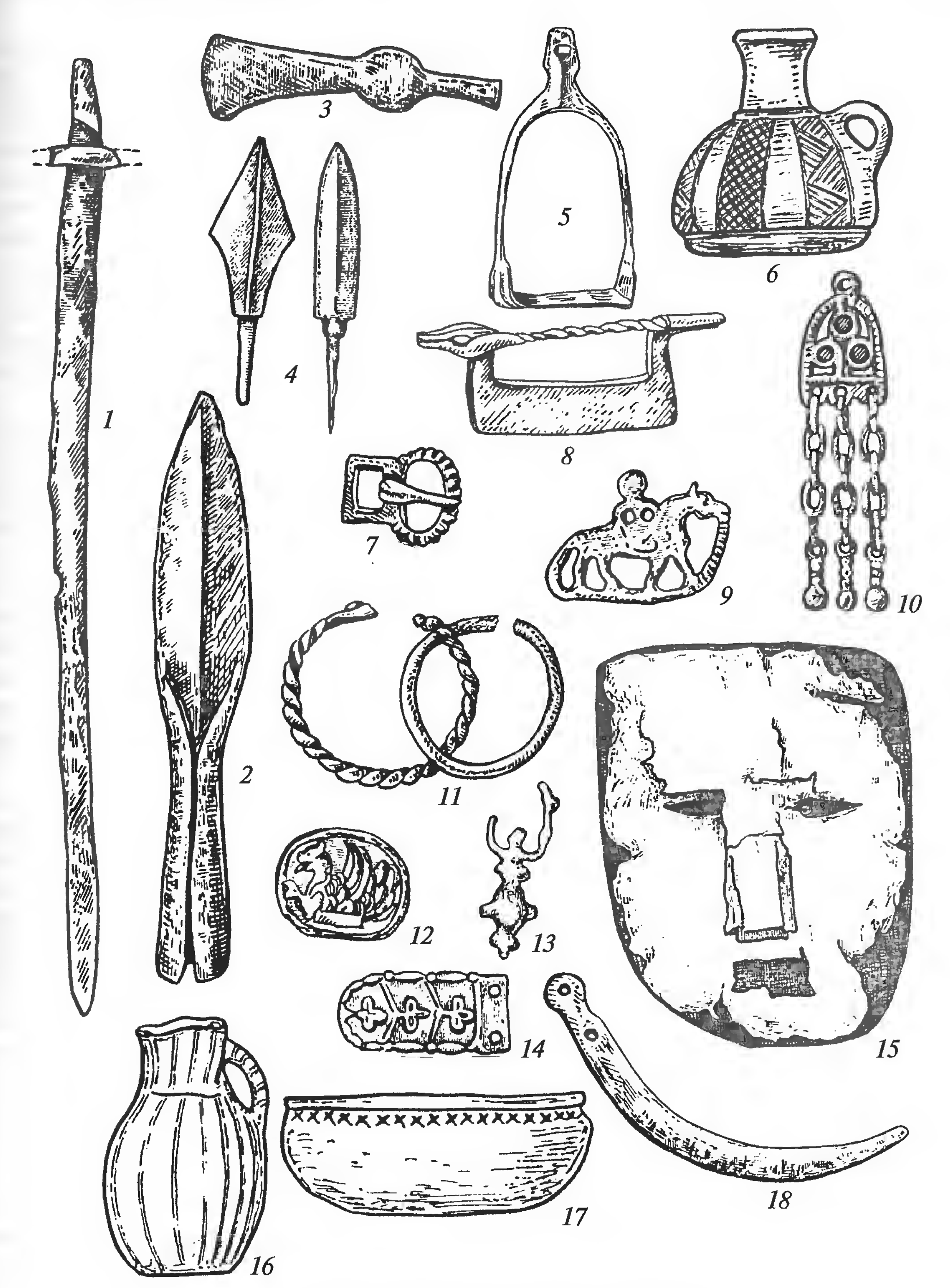
Погребения совершены в грунтовых ямах, тесно примыкающих друг к другу. Ориентированы в направлении восток–запад. Преобладают ямы с отвесными стенками, меньше ям с заплечиками и подбоями. В ряде случаев прослежены следы культа огня. В мужских погребениях зафиксированы комплексы костей лошадей (черепа и конечности четырех ног), располагавшиеся обычно над ногами погребенных. Вместе с костями лошади находят детали конской сбруи: удила, стремена, подпружные пряжки. Сравнительно немногочислен бытовой материал. В мужских погребениях — кресала, трубицы для трута, кремни, ножи, предметы вооружения — наконечники стрел, редко слабо изогнутые сабли, копья; в женских — железные иглы в деревянных футлярах, амулеты из зубов хищника и рыбьих позвонков.

Наиболее ярким этническим признаком является ***керамика***. Для раннеболгарских погребений характерны в основном гончарные изделия. Типичные формы — одноручные бомбовидные кувшины, кувшинообразные без ручки (кубышки) и кружкообразные сосуды. Серо-черные сосуды орнаментированы лощением, сплошным или зональным. Лепная керамика малочисленна. Чаще всего она представлена в детских и бедных погребениях, куда ставилась этнически традиционная посуда. В основном это плоскодонные горшки, украшенные волнистой и линейной нарезной орнаментацией. Все варианты посуды характерны для болгарского круга салтовских древностей и генетически связаны с памятниками Приазовья и Нижнего Подонья.

Помимо керамики следует отметить такие этноопределяющие категории, как стремена арочной формы, железные пластинчатые кресала с дугообразной рукоятью с завитками на рукояти либо рукоятью в форме кузнечных клещей.

Одновременно с переселением раннеболгарского населения в восточную часть Среднего Поволжья проникали *тюркоязычные племена*, вероятно, из Прикамья и Приуралья, оставившие Большетинганский, Немчиновский и др. могильники.

Инвентарь раннеболгарских погребений:

1 — меч; 2 — копье; 3 — топор; 4 — стрелы; 5 — стремя; 6, 16 — кувшины; 7 — пряжка; 8, 9 — кресала; 10 — подвеска; 11 — браслеты; 12 — накладка; 13 — серьга; 14 — накладка ременная; 15 — маска-личина; 17 — миска; 18 — серп (*1–5, 7, 9, 13, 18 — железо; 8 — железо и бронза; 6, 16, 17 — керамика; 10–14 — бронза*)

Материалы погребений уверенно определяют этнос этих групп мигрантов. Широкие могилы располагались неровными рядами. Костяки вытянуты с юго-запада на северо-восток. Нередки коллективные захоронения. Внутри могил часты находки гробовищ. Керамика *лепная*. Характерны темно-коричневые горшковидные круглодонные сосуды. Орнамент состоит из чередующихся нарезных горизонтальных линий и косо поставленных оттисков мелкогребенчатого штампа или нарезок по шейке и верхней половине туловища сосудов. Для мужских погребений характерно применение серебряных личин-масок или наглазных накладок, изготовленных из пластинчатого серебра. Бытовой материал, особенно в женских погребениях, разнообразен: головные уборы, украшенные накладками, ожерелья из бус и бисера, шумящие подвески с коньковыми щитками, бронзовые копоушки с прорезными рукоятями, подвески-ложечки и колесовидные подвески. В мужских захоронениях много топоров, железных овальных и калачевидных кресал с бронзовыми фигурными рукоятями.

При всех особенностях погребений двух миграционных потоков материалы свидетельствуют о наличии заметных контактов между разноэтничным населением. Возможно, это объяснялось языковой близостью тюркоязычных групп из Приазовья и Приуралья и, безусловно, единым способом хозяйства — кочевым скотоводством.

Позднее к этим двум потокам переселения добавилась широкая инфильтрация населения, генетически связанного с тюркоязычными племенами Западной Сибири, Среднего Урала, Верхнего и Среднего Прикамья. Эти группы расселялись в основном в западном и центральном регионах (Танкеевский, Лебяжинский, Алексеевский могильники), но проникали и на юг, и в правобережье Волги, где вступали во взаимодействие с ранними переселенцами.

Погребения этих племенных групп ориентированы с востока на запад и тесно примыкают друг к другу. Преобладают ямы с отвесными стенками. В мужских погребениях зафиксированы жертвенные комплексы из черепов и четырех ног лошадей. Комплексы закладывались в специальные ямы в ногах погребенного. Лицо покойника покрывалось шелковой тканью, на которую накладывались серебряные пластины — личины с прорезями для глаз и рта. В погребениях много орудий труда (тесла, серпы, топоры), оружия (стрелы, копья, сабли), бытовых предметов (ножи, кресала, шилья). Примечательно появление следов социального неравенства: из основной массы выделяются богатые погребения воинов-всадников. В женских погребениях много украшений (накладки головных уборов, височные подвески, бусы и бисер, пронизки, перстни, браслеты).

Лепная керамика этой группы мигрантов представлена плоскодонными и круглодонными горшковидными сосудами.

В X в., накануне новой миграционной волны, в Средневолжском регионе появляются сезонные стойбища. Их появление связано не с эволюцией хозяйственного облика скотоводческого населения, а с закреплением территории за определенными кочевьями. Возможно, появлялись и первые постоянные поселения земледельцев при сохранении доминирующего значения кочевого скотоводства.

Переселение болгар из Приазовья было не одноразовым явлением. Не вдаваясь в споры специалистов о количестве миграционных волн болгар и их хронологических рамках, отметим несомненное проникновение *нового болгарского потока* в X в. (с начала этого столетия, как считают одни археологи, либо в третьей его четверти, по мнению других). Новая волна болгар выявляется по материалам погребений в восточной части Танкеевского могильника. Здесь с языческими могилами соседствуют ***мусульманские погребения***, что свидетельствует о частичной исламизации новых переселенцев. Комплексы погребений болгар-язычников второй волны включают своеобразную керамику и вещевой набор. Характерны круговые гончарные одноручные кувшины, отличающиеся от сосудов первого этапа вытянутыми пропорциями, желто-красным цветом и отсутствием лощения. Появляются новые формы круговой посуды — корчаги и амфоры. Часты находки подвесок — «всадниц», пластинчатых и витых браслетов, коньковых кресал.

Одновременно с новой волной болгарских переселенцев фиксируется миграция в Среднее Поволжье иноэтничных племен.

Для *поволжских финнов* (предков мордвы) характерны захоронения на небольших кладбищах с гнездовым расположением могил. В погребениях нередки ритуальные клады: одежда, пояса, наборы женских украшений, завернутые в ткань или кожу и положенные в ногах или изголовье. Керамика лепная, плоскодонная, горшковидной формы.

Погребения *поволжских марийцев* сопровождаются своеобразными украшениями: крупными височными кольцами с грузиками, шумящими подвесками с ажурными или трапециевидными щитками. Глиняная посуда — лепные толстостенные широкодонные горшки, иногда с веревочной орнаментацией.

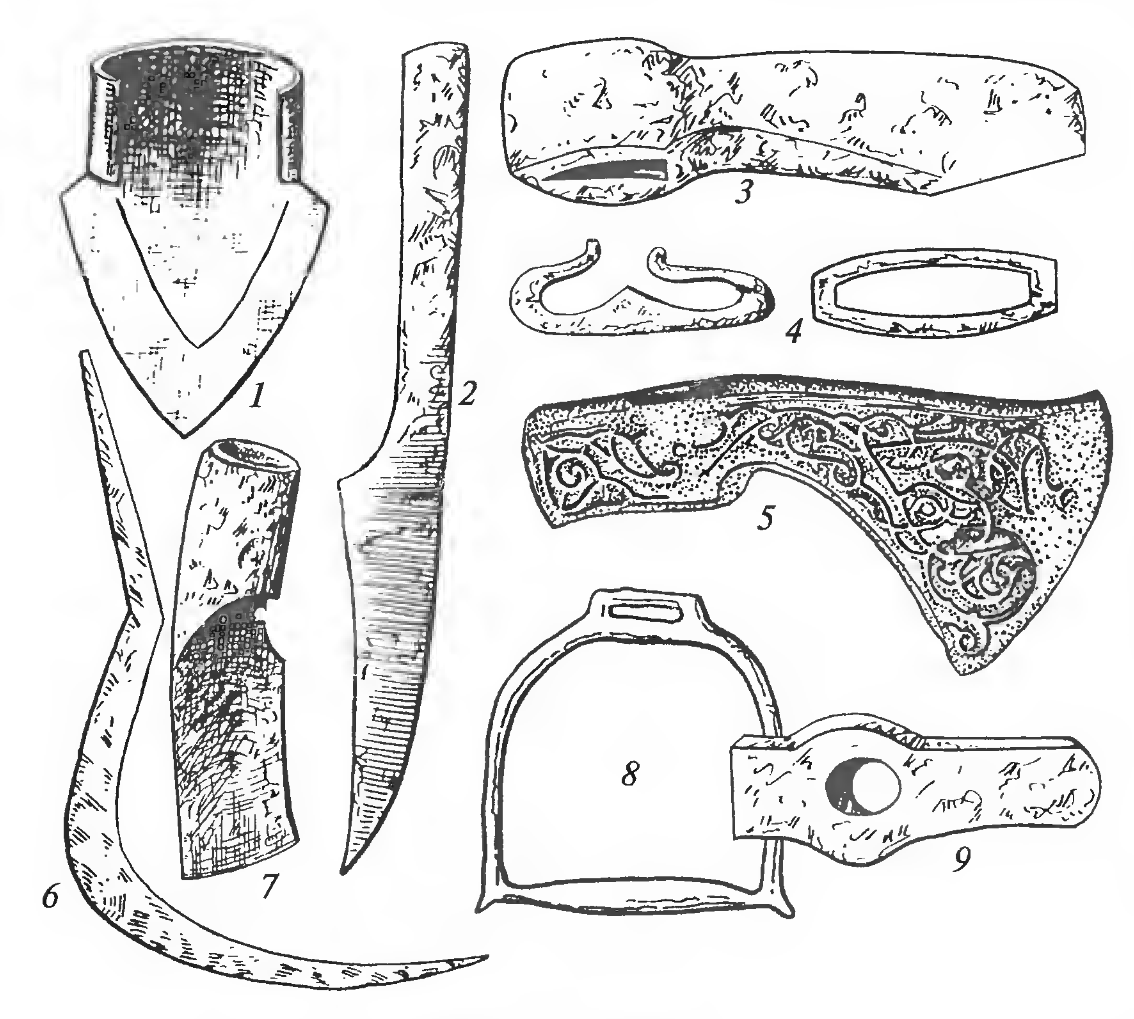
Для *прикамско-приуральского этноса* характерны восточная ориентировка погребений, сопровождающихся керамикой с веревочно-гребенчатой орнаментацией, лепными одноручными кувшинами.

Болгарская миграция X в. принесла новые элементы в быт, хозяйство и культуру: оседлость, земледелие, ремесленничество, исламизацию. Это явилось стимулятором быстрого формирования общеболгарской культуры и государственности. Коренным образом изменяется хозяйственный облик. Пашенное земледелие главенствует в хозяйстве, появляются постоянные поселения, резко ускоряется развитие ремесла. Происходит становление государства: провозглашается власть царя, опиравшаяся на вооруженную силу и административный аппарат. Быстрыми темпами происходит видоизменение и нивелировка всей культуры: исчезали племенные особенности, формировалась единая этническая общность — *болгарская народность*. Руническое письмо сменяется арабским. В 922 г. Волжская Болгария приняла ислам.

Историю Волжской Болгарии можно разделить на *два периода: домонгольский* — время существования самостоятельного государства, и *золотоордынский*, когда территория Волжской Болгарии была включена в состав нового евразийского государства — Золотой Орды.

С конца X в., когда исламизация населения достигла значительного уровня, могильники перестают давать репрезентативный материал из-за однообразности мусульманских погребений, лишенных вещевых комплексов.

Сельские поселения Волжской Болгарии исследованы хуже городских, но общий уровень развития сельского хозяйства можно реконструировать достаточно уверенно. Поселения тяготели к речным берегам и располагались

Кузнечные изделия:
1 — наральник; 2 — чересло; 3 — топор; 4 — кресала; 5 — парадный топор; 6 — серп; 7 — мотыга; 8 — стремя; 9 — молот

вблизи плодородных земель. Жилища — бревенчатые наземные и полуземляночные подквадратной формы с глинобитными печами и печами-каменками. Постройки чаще однокамерные, но встречаются двухкамерные. Рядом с домами располагались многочисленные колоколообразные ямы для хранения зерна. В домах устраивались подвалы. Население активно занималось ***земледелием*** и ***скотоводством***.

Болгары из Приазовья принесли навыки прогрессивного плужного земледелия. Сельскохозяйственный инвентарь разнообразен. Часты находки плужных *лемехов*, склепанных из двух половин. Тяжелые и широкие лемехи обеспечивали большую ширину захвата при пахоте. Плужные резцы были длинными и массивными. Обычны находки на поселениях серпов и кос. Серпы отличаются значительными размерами и выделяются в особый «болгарский» тип. Дифференциация земледельческих орудий и их совершенство указывают на высокую технику земледелия. Сеяли все основные зерновые культуры: рожь, пшеницу, ячмень, овес, а также просо и горох. Зерно перерабатывалось ручными мельницами. Каменные жернова достаточно часты в археологическом материале. Известно, что в неурожайные годы Русь покупала хлеб в Волжской Болгарии.

Скотоводство подтверждается находками не только костей домашних животных (исключение составляли свиньи), но и удил, стремян, подков,

скребниц. Скотоводство в основном было домашним, хотя сохранялись традиции кочевого хозяйства.

Важную роль играли промыслы: охота, рыболовство, бортничество, заготовка древесины, что подтверждается многочисленным и разнообразным вещевым материалом.

Вещевые поселенческие комплексы разнообразны. Керамика гончарная, традиционных форм. Преобладает посуда красного цвета. Население пользовалось также деревянной и бронзовой посудой, не только привезенной из городов, но и изготовленной сельскими ремесленниками.

Сельское ремесло. Важной составляющей поселенческого хозяйства было ***железоделательное производство*** и ***кузнечное ремесло***. Неоднократно на поселениях находили скопление заготовок кричного железа и клады орудий труда кузнецов и слесарей. Сельские ремесленники обеспечивали население сельхозинвентарем, массой бытовых предметов, вооружением и конским снаряжением. Сельские ювелиры изготовляли ажурные браслеты из серебряной проволоки, височные кольца, покрытые листовым золотом, гривны, ожерелья, серьги, перстни, фибулы и другие украшения.

Поселения нередко размещались на трассах торговых дорог, что стимулировало ремесленную деятельность сельских мастеров, интенсифицировало участие в торговой деятельности. Ремесленники обеспечивали торговые караваны оружием, снаряжением, бытовой утварью, необходимыми для дальнейшего пути. На поселениях часты находки кладов дирхемов и единичных монет.

Градостроительство в Волжской Болгарии началось с X в. Процесс был интенсивным. Для периода X–XII вв. специалисты насчитывают более 170 городищ, не все из которых, однако, были городскими центрами, — среди них и военные крепости, и феодальные замки. Тем не менее количество собственно городов значительно. Выделяются Болгар, Биляр, Сувар — крупнейшие центры средневековой Европы, хорошо известные и неоднократно описанные арабскими путешественниками.

Болгарские города были полифункциональными поселениями — административными, военными, ремесленными и торговыми центрами. Становление городов в Волжской Болгарии отличалось своеобразием: отсутствуют догородские поселенческие напластования. Это объясняется условиями доминировавшего у ранних болгар кочевого скотоводческого хозяйства. Нередко отсутствуют ранние гнезда селищ вокруг городских центров. Специалисты считают, что в ряде случаев создание городов являлось целенаправленной деятельностью отдельных болгарских племенных групп. Косвенным подтверждением тому служит известная в позднейшей истории борьба за лидерство между некоторыми городами. Впрочем, социально-экономические причины городского строительства X–XIII вв. приоритетны. Динамичное развитие земледельческого хозяйства, рост ремесла, выгодное положение на международных торговых артериях стимулировали интенсивное градостроительство.

Столицами государства были Болгар и Биляр. Здесь концентрировались органы государственного управления. Они были главенствующими

религиозными центрами, являлись крупными центрами международной торговли, здесь складывалась городская культура Волжской Болгарии. Столичные города были важнейшими оборонительными центрами государства.

Для болгарских городов были характерны *деревянно-земляные укрепления*, типичные для лесной полосы Восточной Европы. Фортификационные сооружения постоянно подновлялись и увеличивались. Укрепления Болгара X в. — ров с деревянными стенами по краю — защищали лишь центральную часть небольшого города. В XII — начале XIII в. рост и увеличение площади города, изменение военной тактики приводят к строительству круговых оборонительных укреплений. Высокий вал, на гребне которого возвышалась деревянная стена, в сочетании с глубокими рвами вдоль внешней подошвы вала усиливали обороноспособность города.

Чрезвычайно продуманной была система укреплений Биляра, обновленная накануне монгольского нашествия. Цитадель квадратной формы была окружена внушительной деревянной стеной, шириной и высотой до 10 м с выступающими через 60–70 м башнями. Внутренний город окружала двойная линия валов, протяженность которых была более 5 км. По верху валов шли конструкции из деревянных срубов и частоколов. Наконец, линия обороны внешнего города состояла из трех линий валов. Протяженность напольного вала достигала 11 км. Военное зодчество волжских болгар если и испытывало определенное влияние со стороны, возникло и развивалось в целом на местной основе и было достаточно самобытным.

Археологические раскопки городских центров Волжской Болгарии дали значительный по масштабам материал для полноценного воссоздания картины городской жизни, изучения ремесла, торговли, культуры и быта.

Городской быт. В болгарских городах существовали разные типы жилищ. В подавляющем большинстве деревянные однокамерные прямоугольной формы, срубные и столбовые. В последних стенки обшивались горизонтально положенными досками или горбылем. Зафиксированы турлучные или каркасно-глинобитные дома. Основу построек таких жилищ составлял каркас из вертикально поставленных по углам и по линии стен столбов, которые служили опорами для перекрытия и для плетневых стен, обмазанных с двух сторон жидкой глиной. В Биляре найдена юртообразная постройка. Арабские путешественники, описывая быт болгар, отмечали, что феодалы только зимнее время проводили в городах, а весной и летом ставили за городом юрты, как бы возвращаясь к кочевому прошлому. Все городские жилища имели глинобитные печи или каменки. Постройки нередко заглублялись в землю. Однако это вряд ли были землянки или полуземлянки. Заглубленные части построек, вероятно, были подвальными помещениями. В наземных домах имелись подполы. Рядом с жилыми постройками находят ямы, зерновые (они чаще колоколовидных форм) и мусорные. Хозяйственные постройки меньше домов по размерам. В Биляре найдено несколько амбаров-зернохранилищ.

В городах проявляется система благоустройства: уличная планировка, наличие площадей, бассейнов и фонтанов на них, трассы дренажей и водостоков, что возможно только в условиях согласованных действий доровладельцев и, следовательно, предполагает наличие органов самоуправления. В Биляре обнаружены общественные колодцы, которые обеспечивали водой жителей центральной части города, удаленной от естественных источников. Колодезные срубы или ящики изготовляли из дуба.

Важным элементом быта были бани — общественные и усадебные. Первых исследовано больше. Это значительные по размерам (до 330 кв. м) кирпичные или каменные постройки со специально оборудованным предбанником, мыльней, системой подпольного обогрева, с подачей холодной и горячей воды и водосбросами. Общественная баня, вскрытая в Биляре, включала в себя тринадцать комнат-помещений, стены которых оштукатурены и расписаны коричневато-красной краской. Системы водоснабжения и канализации прокладывались из керамических труб и деревянных желобов.

К памятникам монументальной архитектуры относятся культовые сооружения — мечети, минареты, мавзолеи. Раннеболгарские мечети рубились из дерева, материала более привычного для местных строителей. Площадь деревянной мечети в Биляре более 1400 кв. м, к ней не позднее середины X в. была пристроена каменная часть с минаретом площадью больше 1000 кв. м.

Безусловно, городское строительство не ограничивалось культовыми постройками и общественными банями. Города являлись крупными торговыми центрами, поэтому наличие в них караван-сараев для приезжих купцов было практически обязательным элементом городской застройки, правда археологически они не выявлены. При мечетях по мусульманским канонам располагались религиозные школы — медресе. Центральные площади — средоточие городской жизни, обстраивались купеческими лавками, мастерскими ремесленников, складскими помещениями.

Городское ремесло. Открытые при раскопках производственные объекты наглядно свидетельствуют о высоком уровне городского ремесла. Ведущими отраслями ремесленного производства были *черная металлургия* и *металлообработка.* Открыты остатки сыродутных горнов для выплавки железа. По конструкции они были наземные и ямные. Наземные сложены из сырцовой глины. В Болгаре наземные домницы относятся к X–XI вв. Примечательно, что кварталы с высокой концентрацией железных шлаков и криц и следами сыродутных горнов находились в центральных районах.

Болгарские кузнецы были высокопрофессиональными мастерами, владевшими всеми технологическими тонкостями обработки металла. Инструментарий кузнеца многочисленный и разнообразный, типичный для средневековых мастеров и сохраняющийся поныне. Среди кузнецов существовала определенная *специализация.* Из кузниц поставлялись сельскохозяйственные орудия — плужные лемехи, сошники, косы, серпы; масса бытовых предметов — ножи, ножницы, топоры, кресала, замки, пробои, гвозди; оружейники изготовляли воинский набор — мечи и сабли, наконечники стрел и копий, боевые топоры, кистени и булавы; в кузнях производили предметы конского снаряжения — подковы, удила, стремена, псалии. Применялось множество технологических схем: горячая и холодная ковка, кузнечная сварка, цементация железа и стали, трехслойное пакетирование и др. Кузнечные мастерские в Биляре располагались в центральной части, что нетипично для городов с деревянной застройкой.

Широким спросом у горожан пользовались изделия из цветных металлов. Медеплавильные горны конструктивно мало отличались от сыродутных.

Ювелирные изделия:
1 — накладка; 2 — замочек; 3 — браслет; 4 — замок навесной; 5–7 — серьги; 8, 9 — перстни

Вскрытые на посаде Болгара горны относятся к XI–XII вв. Выплавляли медь также в плавильных ямах, стенки которых обмазывались глиной.

Ассортимент изделий был разнообразен: медная посуда, светильники, чашечки весов, весовые гирьки. В Биляре изготовляли бронзовые замки в форме животных. Их находки широко известны на территории Восточной Европы.

Изделия из цветных металлов, в первую очередь *ювелирные*, отливались в каменных литейных формах. Преобладают *составные* формы, имеющие две и более створок. Интересны формы с несколькими гнездами для отливки однотипных предметов: накладок для поясных наборов, ложнозерненых бусин на височные кольца, пластинчатых браслетов, перстней, подвесок, блях и др. Болгарские ювелиры, как и русские мастера, владели технологией *литья «навыплеск»*, которая позволяла имитировать тисненые, зерненые и филигранные дорогостоящие изделия. Находки имитационных форм неоднократно встречены в раскопках. В Биляре и Болгаре найдены массивные *металлические матрицы* для изготовления штампованных и чеканных изделий с рельефным узором. Имитационные формы и штампы-матрицы позволяли наполнить рынок массовой и дешевой продукцией. Впрочем, местные ювелиры изготовляли на заказ высокохудожественные изделия из золота и серебра, украшая их сканью, зернью, филигранью.

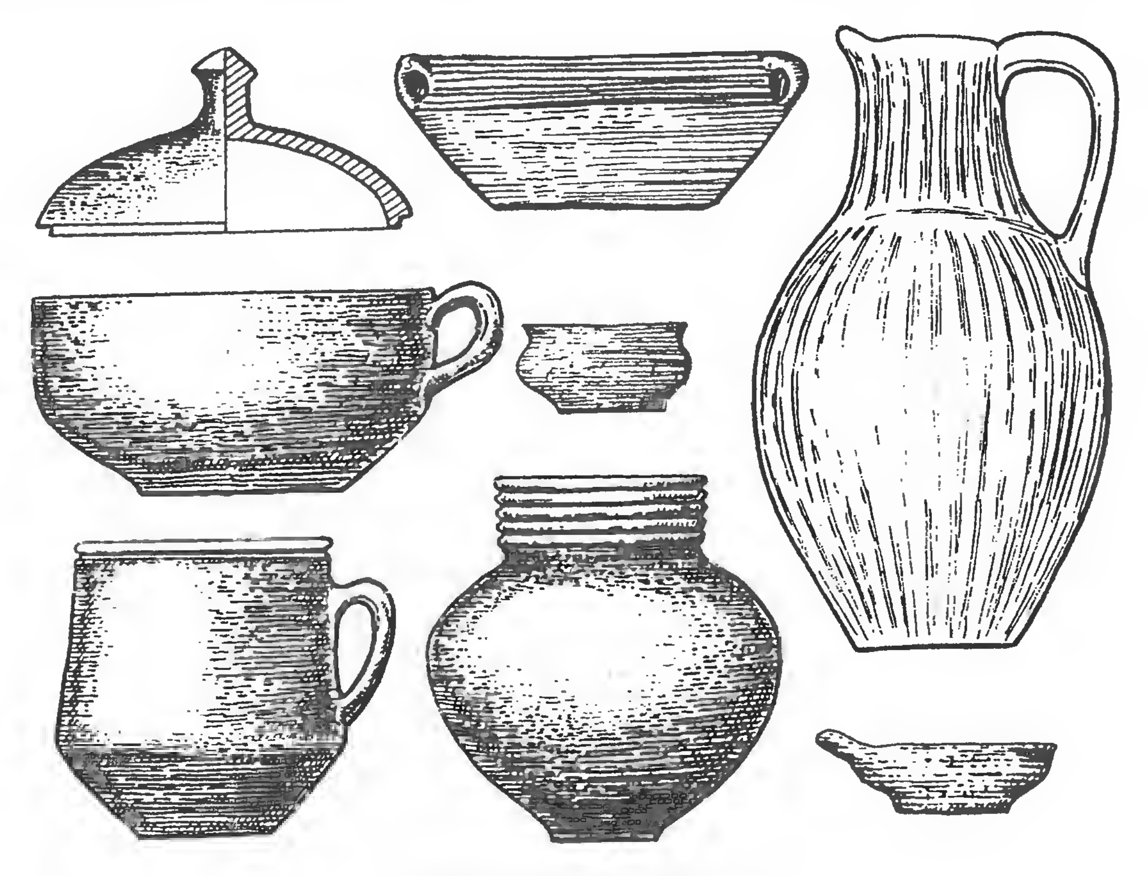

Была налажена обработка драгоценных и полудрагоценных камней: использовали сердолик, горный хрусталь, халцедон, лазурит. Найдены не только готовые изделия (бусы, подвески, кулоны, перстни), но и полуфабрикаты, и отходы производства. В центре Биляра был исследован комплекс — жилище-мастерская — русского ремесленника по обработке янтаря.

Длительное время возможность ***стеклоделия*** в болгарских городах в домонгольское время предполагалась по косвенным данным. Недавно в Биляре обнаружены прямые свидетельства: мастерская стеклодува, несколько горнов, выложенных кирпичом, куски стеклянного шлака, осколки стеклянных изделий. В яме у одного из горнов обнаружен клад стеклянных сосудиков цилиндрической формы, с округлым дном и отводной трубочкой вверху, — аламбиков. В билярских мастерских из местного сырья изготовляли стеклянную посуду — банки, кубки, рюмки, флакончики, отличающиеся простотой форм и приемов орнаментации. Производили оконное стекло — оно имело форму дисков диаметром 20–28 см. Освоение технологически сложного процесса стеклоделия является ярким показателем высокого уровня развития болгарского ремесла.

Самым объемным в городах было ***керамическое производство***. Изготовляли не только массу посуды, но и специальную продукцию: строительный кирпич, керамические трубы, светильники, игрушки.

Для городского гончарства было характерно сочетание домашнего производства, ремесленного производства на заказ и товарного производства, ориентированного на рынок. Подтверждением работы керамистов служит не только масса находок кухонной и столовой посуды, но и многочисленные гончарные печи. Типичными были двухярусные горны, состоящие из

Керамические изделия

нижней топочной и верхней обжигательной камер, отделенных друг от друга горизонтальной перегородкой с продухами-отверстиями для движения горячего воздуха. Примечательны находки крупных гончарных мастерских, состоявших из нескольких горнов и подсобных помещений.

Изделия болгарских керамистов отличает разнообразие и практическая целесообразность форм, прекрасно отмученное тесто, высокое качество обжига, лаконичность и изящество орнамента. Доминировала посуда общеболгарских типов с краснолощеной поверхностью. Однако сохранялось производство традиционной посуды разных этнических групп, в том числе и лепной. Наряду с традиционной продукцией городские мастера в домонгольское время наладили выпуск поливной посуды.

Активно развивались ***костерезное***, ***кожевенное дело*** и ***деревообработка***. В условиях товарного производства увеличивалась номенклатура городских ремесленников, сочетавших работу на заказ с производством на рынок.

Динамичному развитию ремесленной деятельности способствовало участие Волжской Болгарии в ***международной торговле*** и широкие ***культурные контакты***. Чрезвычайно выгодное географическое расположение Болгарии при слиянии Волги и Камы — магистральных водных путей Восточной Европы, к которым сходились караванные сухопутные дороги, стимулировало внешнюю торговлю. Именно в узловых пунктах торговых путей функционировали крупнейшие городские центры Болгарии.

Когда в IX в. поток арабского монетного серебра хлынул на Русь и в Скандинавию, болгарские города превратились в крупнейшие центры транзитной торговли. Примечательно, что Болгария — отправная точка цепочки монетных кладов, растянувшейся по Восточной Европе. Наряду с водными торговыми артериями активно функционировал сухопутный путь Болгар — Киев и далее к границам Византии. Торговля создавала благоприятную почву для болгарского ремесленного производства, способствовала развитию ***товарно-денежных отношений***. Торговля приносила огромный доход государству: в казну взималась десятая часть стоимости импортных товаров. Важную роль в организации торговли играли постоянно действующие городские рынки — базары. Повсеместны находки торгового инструментария: весы и их детали, весовые гирьки, монеты и их обрезки, слитки серебра. В Болгаре и Суваре в X в. была налажена болгарская монетная чеканка.

Активное участие Болгарии в международной торговле определялось не только обеспечением транзита, но и поставкой на рынок своих товаров. К сожалению, основные виды болгарского экспорта — меха, воск, мед, ценная кость, юфть (мягкая кожа специальной выделки, которую называли «булгари») — археологически не выявляются, но арабские источники их фиксируют, а наряду с ними называют и ремесленные изделия — стрелы, мечи, кольчуги. Изделия болгарских гончаров и ювелиров широко известны в древнерусских городах. Специалисты предполагают, что в Киеве некоторое время работали болгарские гончары. Вообще торговые связи Болгарии с Русью были постоянными. В болгарских городах существовали русские торговые фактории. Болгария неоднократно осуществляла крупные зерновые поставки в Русские земли. Взаимоотношения Руси с Болгарией развивались неровно — периоды мира чередовались с военными.

Торговые связи укрепляли и расширяли культурные контакты Волжской Болгарии. ***Исламизация*** государства способствовала установлению взаимоотношений с мусульманским миром. Из Арабского халифата, Средней Азии, Закавказья в Болгарию приходили не только проповедники ислама, путешественники, купцы, но и письменность, культурные традиции, наконец, строители и ремесленники, участие которых содействовало становлению монументальной архитектуры, овладению новейшими технологиями и прогрессивными ремесленными навыками.

Таким образом, совокупность археологического материала наглядно демонстрирует динамичность развития Волжской Болгарии: высокий уровень экономики, разнообразные и постоянные международные контакты, закономерный ход социального и культурного развития народов Среднего Поволжья и Прикамья.

Монгольское нашествие насильственно разрушило самостоятельное государственное развитие Волжской Болгарии, нанесло непоправимый ущерб экономике края, на время прервало культурные контакты болгар.

В 1236 г. монгольские полчища вторглись в Волжскую Болгарию. После долгого и ожесточенного сопротивления страна была завоевана. Пресекалось поступательное развитие государства волжских болгар, началось мучительное вхождение в созданную завоевателями Золотую Орду. Болгары неоднократно предпринимали попытки восстановления независимости, жестоко подавлявшиеся ордынцами.

Страна была разорена, города разграблены. Население мигрировало в Предкамье и Верхнее Поволжье, в более недоступные для монгольской конницы регионы.

Однако кочевники-ордынцы были крайне заинтересованы в существовании городских центров, которые должны были поставлять вооружение и конское снаряжение, бытовой инвентарь. Это могли обеспечить ремесленники. Необходимо было реализовать награбленные богатства приобретением предметов роскоши, что возможно было при постоянном функционировании рынков и существовании товарных поставок по международным торговым артериям. Подобные потребности могли быть реализованы только при существовании постоянных торгово-ремесленных центров — городов.

Болгария, несмотря на жесточайший разгром и разрушение основных экономических и политических центров, сохранила свое положение в международной торговле. Именно поэтому Батый избрал Болгарию местом своей начальной ставки. Болгар стал первой столицей нового государства.

Следует отметить, что вплоть до конца XIII в. бывшая Волжская Болгария развивалась замедленно, постепенно восстанавливая экономический и культурный потенциал. В ремесле, строительстве, культуре этого периода преобладали домонгольские традиции. С начала XIV в. на территории бывшей Болгарии бурно расцветает градостроительство, интенсивно развивается экономика, растет культурный уровень, причем во многих сферах преобладают общеимперские золотоордынские элементы культуры.

Своеобразно отношение ордынцев к городам: везде уничтожались городские укрепления и запрещалось их восстановление. Тем самым демонстрировалось пренебрежение к внешнему врагу и предотвращались проявления сепаратизма. Впрочем, в первой половине XIV в. в Болгаре была построена новая мощная оборонительная линия, окружавшая не только центральную часть, но и большинство торгово-ремесленных посадов города. Периметр городских укреплений золотоордынского времени почти в семь раз превышал протяженность внешней линии укреплений конца домонгольского периода и в 35 раз — длину укреплений X в. Фортификации Болгара золотоордынского периода представляли продуманную систему, включавшую мощный вал с 17 башнями, предмостными укреплениями, глубоким рвом с налаженной системой его заполнения водой из естественных источников.

По величине сооружений, осмысленности способов защиты оборонительная система золотоордынского Болгара занимала одно из первых мест среди деревянно-земляных укреплений Восточной Европы.

Немаловажные изменения произошли в ремесленном производстве болгарских городов.

Обработка железа по-прежнему играла ведущую роль. Важным достижением явилось освоение *передельного процесса*: железо стали получать через производство чугуна. Идея передельного процесса была принесена в Волжскую Болгарию мастерами, пригнанными сюда монголами (предположительно, из Манчжурии). Примечательно, что болгарские металлурги усовершенствовали процесс выплавки чугуна: дальневосточная технология использовала каменный уголь, а болгарские мастера выплавляли чугун на древесном угле. Раскопками в Болгаре открыты чугунолитейные печи XIV в. Они сложены из кирпича и имеют больше воздуходувных сопел, чем сыродутные домницы. В таких печах достигалась высокая температура, необходимая для выплавки чугуна. Это древнейшие чугунолитейные печи в Европе. Для получения железа приходилось прибегать к процессу переделки чугуна, что осложнило производственный цикл, но выросла производительность труда, уменьшились потери железа в шлаках. Железо по-прежнему получали в твердом виде, жидким был сам чугун. Из него можно было получать сталь тоже в твердом виде. В Болгарии найдено много чугунного литья. Наиболее распространенной продукцией были чугунные котлы.

Усовершенствованную технологию болгарские мастера позднее внедрили в золотоордынских городах Нижнего Поволжья.

Керамическое производство в болгарских городах развивалось на местных традициях и с применением инноваций. В золотоордынское время резко сократились домашнее гончарство и работа на заказ, доминирует гончарная рыночная продукция. Наряду с выпуском традиционной столовой и кухонной посуды традиционных форм красного цвета прекрасного обжига, с глянцевой лощеной поверхностью, больше используются корчаги и корчажки, появились глиняные бытовые предметы специального назначения: котлы с трехпалыми ручками, светильники, ковши, пиалы, стаканообразные сосуды-туваки, столики-тарстары. В золотоордынский период широко бытует поливная керамика.

В ***ювелирном производстве*** появляется много изделий, выполненных в характерном для золотоордынской эпохи красочном и пышном стиле. Болгарские ремесленники овладели приемами серийного производства литых изделий из цветных металлов, которые издавна практиковались на Востоке.

Развивались традиционные виды ремесла: кожевенное, косторезное, деревообработка. Интенсивнее развивалось стеклоделие — за счет включения в производство закабаленных мастеров, пригнанных монголами, но парадная стеклянная посуда, как и прежде, поступала из традиционных центров стеклоделия Средней Азии, Ближнего Востока.

В золотоордынское время расширяется ***каменное строительство***. Появляются монументальные архитектурные сооружения. Строится главная Соборная мечеть. Культовый комплекс в Болгаре — белокаменная мечеть с высоким минаретом — надолго стал эталоном для аналогичных сооружений в других городах Орды. С последней четверти XIII в. рядом с Соборной мечетью строится ряд каменных мавзолеев знатных семейств.

В жилом строительстве использовался сырцовый кирпич. Дома снабжались системой отопления — канами-дымоходами под лежанками, расположенными вдоль стен комнат. Жилые дома дополнялись постройками для слуг, хозяйственными помещениями и представляли собой дворцовые комплексы. Фасады каменных построек украшались резьбой. Среди зданий, исследованных в Болгаре, интерес представляют общественные бани, сделанные по восточным образцам, снабженные подачей горячей и холодной воды, канализацией и подогревом помещений.

Основная масса горожан, как и в домонгольский период, селилась в бревенчатых двухкамерных домах с обязательными печами. Рабы, составлявшие заметную часть населения болгарских городов золотоордынского периода, ютились в полуземлянках и землянках с открытыми очагами.

В XIV–XV вв. в Волжской Болгарии начался новый *процесс этнической консолидации*. Монгольское нашествие, охватившее громадные территории, подняло массу разноэтничного и разноязычного населения Средней Азии, Ирана, Кавказа, Руси, степей Дешт-и-Кыпчак. Часть их вольно, а в большей массе подневольно оседала на территории Среднего Поволжья и Прикамья. Впрочем, антропологический тип населения бывшей Волжской Болгарии практически не изменился. Основную часть монгольского войска составляли представители покоренных ими племен и народов, получившие общее имя — татары. Монголы достаточно быстро денационализировались и растворились в преобладающей массе аборигенного населения. Произошла языковая смена: болгарский язык был вытеснен кыпчакским — межнациональным языком Улуса Джучи.

Этнические процессы на территории Среднего Поволжья активизировались во второй половине — конце XIV в., когда Золотая Орда начинает распадаться. С XV в. название болгары постепенно исчезает, и ему на смену приходит новое именование населения — казанцы, казанские татары, татары.

Глава 4

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ГОРОДА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В середине XIII в. в результате завоевательных походов на территории Евразии образовалось одно из монгольских государств — **Улус Джучи**. Оно включало в себя степные пространства Западной Сибири, Казахстана, Восточной Европы до Дуная. Эти области назывались Дешт-и-Кыпчак (Кыпчакская степь). Кроме того, в состав государства вошел ряд оседлых областей со старыми городскими центрами: Северный Кавказ, Крым, Молдавия, Волжская Болгария, среднеазиатские области до низовий Сырдарьи, часть Хорезма. В зависимом положении находилась Русь.

Позднее государство Улус Джучи стало называться у русских *Золотой Ордой*. Это название закрепилось в исторической литературе. Первоначально оно означало «золотой шатер» (ставка хана).

В своем развитии Золотая Орда пережила несколько этапов: *становление (1242–1266 гг.); расцвет (1267–1359 гг.); упадок (с 60-х до 80-х гг. XIV в.)*, когда Орда властвовала только в пределах Поволжья.

Одной из примечательных особенностей Орды с самого ее основания является то, что она была носителем двух хозяйственных систем — кочевой степной и городской ремесленно-торговой. Этим определялось своеобразие золотоордынского общественного строя. На первом этапе своего существования Орда рассматривала районы с оседлым населением и городскими центрами как объект периодических грабительских походов. Только во второй половине XIII в. монгольская аристократия стала склоняться к политике покровительства оседлым землям и городам, содействовала восстановлению хозяйства и превращению покоренных территорий в объекты систематического налогового обложения. Изменению политики золотоордынской аристократии в определенной степени способствовало освобождение Улуса Джучи от власти главы Чингизидской империи — великого каана. Примечательно, что именно джучидские ханы в 1270-е гг. первыми из правителей монгольских государств стали чеканить монету от своего имени. Освободившись к концу XIII в. от высшей имперской власти, золотоордынские правители сократили выплату дани в Монголию, средства оставались в их собственной казне. С этого времени начинается интенсивный рост городов в основном районе Золотой Орды — в степных низовьях Волги. Если в середине XIII в. основными городами Орды были Болгар, Хорезм (Ургенч), крымские города, т.е. центры в окраинных оседлых землях, то в XIV в. таким становится *Сарай* в дельте Итиля (Волги), практически в центре громадных владений Улуса Джучи.

На Нижней Волге, где возводились новые города, благоприятно сочетались пойменные низины, удобные для земледелия, и степные просторы — для кочевий и пастбищ. Слабая заселенность давала возможность их более быстрого освоения, чем традиционная территория кочевий кыпчакского населения. Здесь же важнейшая восточноевропейская торговая магистраль — Волга перекрещивалась с караванными путями из Причерноморья, Средней Азии и Монголии. Над торговыми путями устанавливался контроль золотоордынской власти.

Золотоордынские города ставились на местах кочевий ханской ставки — собственно «орды». Рудимент старого кочевого быта, она была характернейшим элементом золотоордынского общественного строя. Ханская орда являлась главной столицей, политическим центром Улуса Джучи. Даже в XIV в., когда в Золотой Орде было множество больших и богатых городов, хана чаще можно было застать кочующим в орде. Сарай также выполнял роль столицы, политического центра государства, но делил ее с ордой, являясь при этом основным экономическим, культурным и религиозным центром страны.

Золотоордынские города были построены прежде всего как *административные центры* — форпосты ханской власти на завоеванной территории. Города возникали по повелению ханов. Расцвет городов пришелся на период сильной ханской власти, а упадок совпал со временем ее ослабления. Города строились в исторически быстрые сроки. Этому способствовало то, что грандиозные завоевания монголов вызвали массовый поток рабов-пленных. Рабы использовались первоначально как строители новых городов, а позднее как их население, как подневольные горожане. Постепенно рабы-ремесленники высвобождались от рабской зависимости, превращаясь в феодально зависимых людей, живущих под опекой хозяев, но своим домом. Рабский труд трансформировался в труд феодально зависимого населения.

Золотоордынские города появились не в результате длительного экономического развития в местах традиционной оседлости, а возникли «мгновенно» в районах, лишенных длительной селитьбы. За короткий срок — вторая половина XIII — начало XIV в. — по берегам Волги и ее притоков от среднего течения и до дельты выросла целая цепь золотоордынских поселений. Археологические материалы фиксируют не менее 75 городищ. Большинство их мало изучено, поэтому нет оснований все места с золотоордынскими слоями относить к городским центрам, однако размах строительства впечатляет, тем более что помимо Поволжья золотоордынские поселения возникают в Западной Сибири, на Северном Кавказе, в Подонье, в Крыму, в Поднепровье, в Молдавии. Примечательно, что везде, даже в старых поселенческих районах, вблизи домонгольских городов, золотоордынские поселения не имеют предшествующих культурных напластований.

Городскими центрами в Нижнем Поволжье были Сарай — столица Улуса Джучи (ныне Селитренное городище, в 100 км выше Астрахани на протоке Волги — Ахтубе), Новый Сарай (Царевское городище под Волгоградом), в который в 40-х гг. XIV в. была перенесена столица, Водянское городище (в 40 км выше Волгограда), Увек (под Саратовом), Хаджи Тархан (Астрахань) и др.

Золотоордынские города, даже столичные центры, с момента своего возникновения были лишены оборонительных укреплений. Только в 1360-е гг., в период смут и междоусобиц, вокруг городов прокапывается ров и насыпается вал. Впрочем, их вряд ли можно назвать укреплениями в

полном смысле этого слова: на валах отсутствовали какие-либо конструкции. Следовательно, у золотоордынских городов изначально и осознанно была исключена одна из важнейших (если не главная) функций — оборонительная, что было следствием уверенности ханской власти в своей силе.

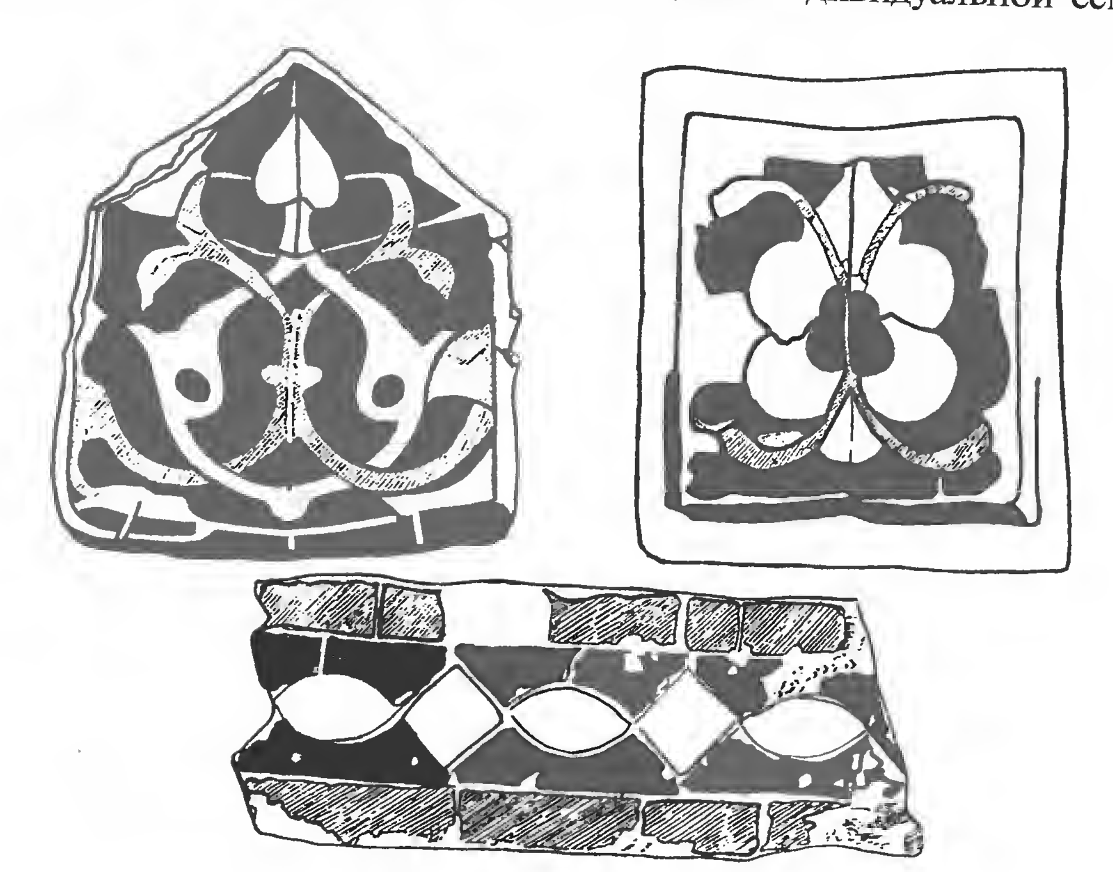
Ранние ордынские города состояли, вероятно, из группы *замков-усадеб*, к которым пристраивались дворы рабов и полурабов — строителей и ремесленников, согнанных с захваченных земель. В период расцвета Орды отдельные замки превращаются в городские усадьбы с примыкающими к ним кварталами ремесленников. В этих городах появляются общественные места — мечети и минареты, бани, государственные ремесленные цеха, монетные дворы и т.п. Города и отдельные усадьбы благоустраиваются, обеспечиваются водой, канализацией, дорогами.

Жилые постройки в золотоордынских городах наглядно демонстрируют социальную ранжированность жителей.

Низшую ступень социальной лестницы занимали рабы и полурабы. Они жили совместно в больших прямоугольных или овальных землянках. Эти жилища имели земляные лежанки (суфы) вдоль двух или трех стен и вход в виде узкой лестницы. Отапливались жаровнями. Площадь землянок 11–32 кв. м.

Зафиксированы случаи перестройки больших землянок в дома с элементами благоустройства, когда в суфах прокладывались дымоходы-каны, соединявшиеся с печью-топкой, ставились круглые печи-тандыры для выпечки лепешек, делались тошнау — устройство для умывания.

Такие перестроенные или изначально благоустроенные землянки меньшего размера (9–15 кв. м) служили жилищами индивидуальной семьи полусвободных или бедных свободных горожан. Малоимущие проживали также в однокомнатных домах, частично заглубленных в землю. Эти дома имели деревянные стены, обмазанные глиной.

Архитектурный декор

Наземные однокомнатные квадратные в плане дома площадью от 10 до 50 кв. м с деревянными или кирпичными сырцовыми стенами могли быть жилищами бедняцких семей, слуг или зависимых людей. Постройки часто входили в комплекс богатых усадеб. Они имели все элементы благоустройства внутри помещения. В суфах устраивались двойные или тройные линии дымоходов. Иногда несколько однокомнатных построек соединялись в многокомнатные дома. Эта тенденция привела к тому, что позднее стали сразу ставить многокомнатные постройки, кирпичные и деревянные, образованные несколькими соединенными между собой домами, обычно с индивидуальными входами.

Жилищами золотоордынской аристократии были большие многокомнатные дома, которые нередко представляли собой настоящие дворцовые комплексы. Громадные постройки до 570–580 кв. м возводились из дерева, сырцового либо жженого кирпича. Пол выстилался жженым кирпичом, иногда поливным. Лежанки-суфы центрального зала имели многоканальные каны. В центре устраивали бассейн. Стены центральных залов расписывались по белой штукатурке, украшались изразцовыми панно. По сторонам зала располагались жилые, складские, хозяйственные помещения, имелись специальные детские комнаты. Иногда в доме насчитывалось до 10 и более комнат. Жилые помещения белились, иногда расписывались. Специальные комнаты отводились под тошнау, обычно с кирпичным полом, тандыры, домашнюю мельницу. Имелись внутренние дворики. Центральные входы архитектурно декорировались. Для остекления в окна вставлялись гипсовые решетки. Двери оформлялись алебастровыми орнаментированными наличниками. Крыши таких домов, возможно, крылись черепицей.

Вблизи дворца ставились баня, дома для слуг и охраны, мастерские ремесленников. Площади усадеб достигали 10 000 кв. м, возможно и больше. Внутри усадеб обязательно располагался колодец, иногда бассейн. Перед дворцом иногда делали открытые платформы со стенками из жженого кирпича. Во дворах у домов стояли тандыры, открытые или под навесами. Встречаются хозяйственные ямы, в том числе зерновые. На больших усадьбах выгораживались сады. Усадьбы ограждались стенами домов, глухими фасадами выходившими на улицу, и глинобитными заборами. В летнее время во дворе ставились легкие шатры — юрты.

Стационарные юртообразные постройки встречаются в городской застройке. Юрты обкладывались обломками жженого кирпича (они-то и сохраняются). В юртах находят скопления углей от открытых очагов и частично мощение пола жжеными кирпичами.

В городах выявлены элементы благоустройства. Вдоль городских улиц выкапывались арыки — канавы с проточной водой. В кварталах рядовой части населения имелись общественные колодцы и устраивались большие квартальные водоемы на площадях. Использованная вода отводилась по деревянным дренажным трубам.

В застройке золотоордынских городов важное место занимали культовые постройки и общественные бани. По письменным данным, в Сарае было 13 соборных и много других мечетей, строившихся в комплексе с минаретами.

Одна из соборных мечетей исследована в ходе раскопок. Постройка представляла собой крупное прямоугольное здание площадью 1700 кв. м, сложенное из жженых кирпичей. Колонны делили центральный зал на девять нефов. Вход в мечеть был оформлен мощным порталом. У входа, внутри постройки, был вымощенный кирпичом дворик. К западу от главного портала стояло небольшое помещение с двумя колоннами, кирпичным полом и стенами, богато украшенными мозаикой с позолотой. Рядом с мечетью раскопан Г-образный дом с несколькими изолированными жилыми комнатами с канами и печами. Одна комната была пустая, с небольшой нишей: вероятно, это маленькая мечеть. Все здание, возможно, являлось странноприимным домом (хонако). Руины мечетей были исследованы и в других золотоордынских городах.

Общественные бани состояли из нескольких помещений: обширного отапливаемого предбанника с глинобитным полом и суфой, моечных с подпольным отоплением и подачей воды по керамическим трубам. Вода отводилась по подземному водостоку. В комнатах для отдыха посетитель мог остыть после мытья. Подобные бани были предназначены для рядовых горожан. В постройках для более привилегированных они были большей площади (до 200 и более кв. м) — устраивался фонтан в предбаннике, оборудовались дополнительные помещения. Кроме общественных были усадебные бани, основные их конструктивные элементы аналогичны.

Погребальные постройки — мавзолеи были разных типов, однокамерные и двухкамерные. Они нередко декорировались, в том числе мозаиками. Наряду с наземными были подземные мавзолеи.

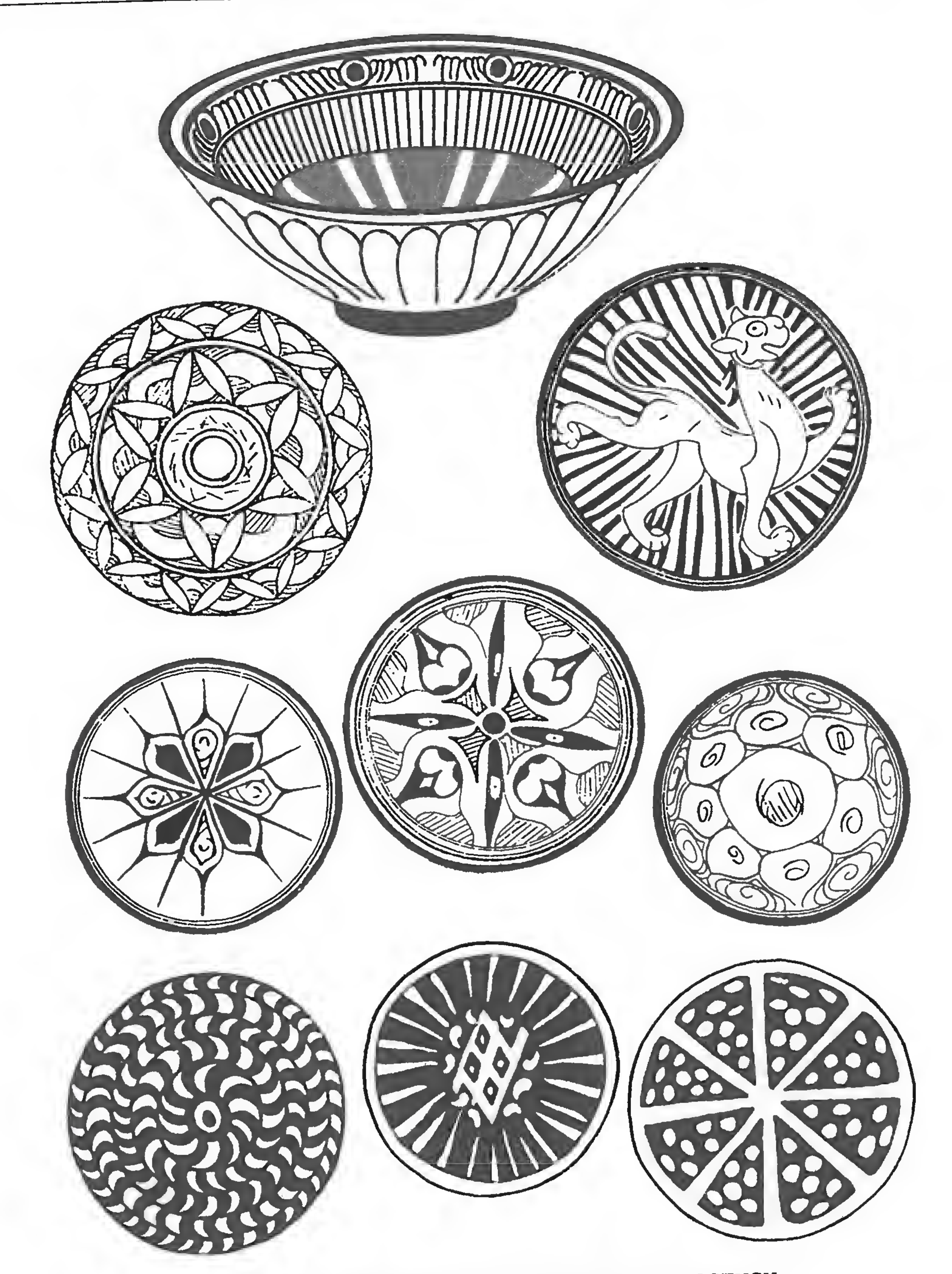
Золотоордынские города были крупными *центрами ремесла*. Формы организации ремесленного производства были разнообразны: индивидуальные мастерские с узкой специализацией и небольшим объемом продукции; усадебные мастерские, в которых работа велась на хозяина; крупные производства, в которых десятки мастеров были объединены в одну мануфактуру, принадлежащую знатному владельцу; наконец, безусловно, были государственные мануфактуры, например монетные дворы.

Наиболее развито было ***гончарное ремесло.***

Поливная или глазурованная керамика — ярчайшее и характернейшее проявление цивилизации и культуры золотоордынского города. Поливные сосуды изготовлялись из глины и каши́на (кремнеземистой массы, смешанной с клеем, которой заполняли специальную форму). В керамике хорошо проявились присущие золотоордынской городской культуре синкретизм и многокомпонентность. Технология поливной керамики в Золотой Орде складывалась под воздействием трех мощных течений: иранско-среднеазиатского, византийско-восточнокавказского и дальневосточного.

Формы поливной керамики разнообразны, но в видовом отношении ограниченны. Больше всего чаш разных вариантов с кольцевым поддоном. Имеются также тарелки, горшковидные сосуды, одноручные кувшины,

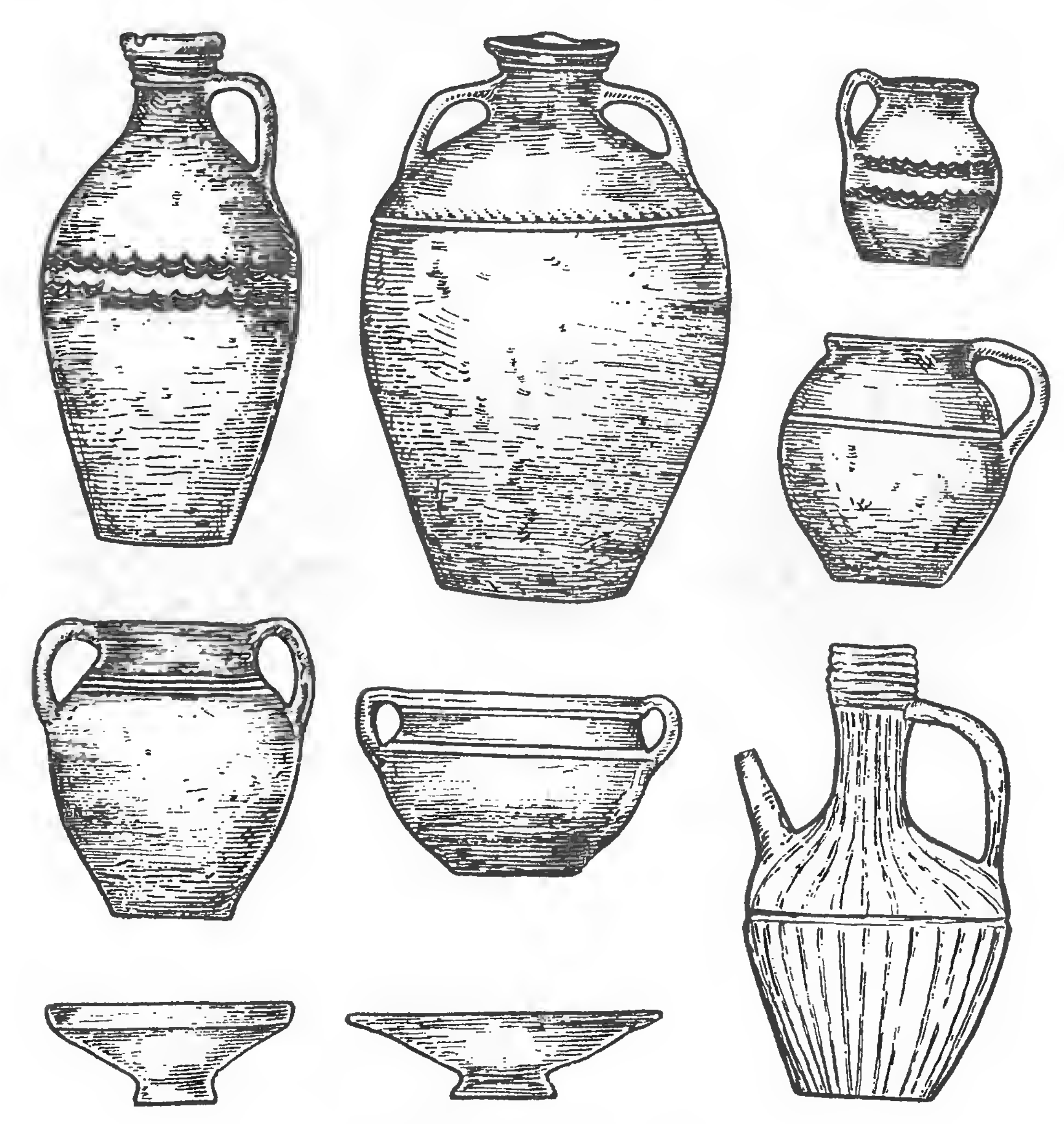

Поливная керамика. Чаша и варианты росписи

бутылки, светильники, фляги, чернильницы. Видовая ограниченность глазурованной посуды многократно компенсируется орнаментальным разнообразием. Полихромная гамма росписи обеспечивалась нанесением на белый, реже светло-бирюзовый фон зеленого, синего или коричневого контура рисунка и расцветкой деталей орнамента синими точками и бирюзовыми пятнами. Чрезвычайно разнообразна орнаментация, сочетавшая растительные (чаще всего цветок лотоса или трилистник), геометрические, реже зооморфные (водоплавающая птица или крылатый кентавр) элементы, дополняемые в ряде случаев и орнаментами в виде арабской вязи.

Красноглиняная и реже сероглиняная керамика очень разнообразна: столовая кухонная посуда (кувшины, тарелки, миски, горшки, сковороды, кубки), бытовые предметы (светильники, копилки, свистульки, игрушки), тара (амфоры, хумы), технические изделия (трубы, черепица, кувшины для водоподъемных колес). Для декорирования столовой красноглиняной и сероглиняной столовой посуды использовали штамп, нарезной, иногда налепной орнамент.

Особый вид производства золотоордынских керамистов — изготовление мозаик и майолик, широко использовавшихся в архитектурном декоре. Мозаиками покрывались наружные поверхности зданий, из них составлялись панно, декорировались фризы, карнизы и т.п. Основу мозаик образовывали вырезанные отдельные элементы орнамента из керамических плиток, которые покрывались обычно непрозрачной поливой — ультрафиолетовой, белой, голубой, красной, желтой. Своеобразие золотоордынских мозаик было в том, что мозаичные элементы дополнительно орнаментировались узорами из золотой фольги на красной основе. Майолики — керамические плитки с полным растительным либо геометрическим рисунком на поверхности.

Керамические изделия

Сосуды со штампованным орнаментом:
1 — кувшин; 2 — фляга

Архитектурный декор дополняли терракотовые элементы со штампованным орнаментом, резными гипсовыми оконными решетками, накладками на отдельные детали зданий. Золотоордынский архитектурный декор развивался под воздействием иранских и восточнокавказских (азербайджанских) импульсов.

Сложное по технологии ***стеклоделие*** представлено многочисленными находками — сосудами, украшениями, оконным стеклом — и следами производства. В Сарае обнаружена мастерская по изготовлению бус, подвесок, перстней и браслетов, что свидетельствует о местном производстве и узкой специализации ремесленников. Формы стеклянных сосудов разнообразны: флаконы, кувшины, стаканы, бокалы, чаши. Оконное голубоватое или зеленоватое стекло имело вид плоских дисков. Продукция золотоордынских стеклоделов и состав стекла находят широкие аналогии в мастерских разных стран, в основном — среднеазиатских.

Железоделательное ремесло в нижневолжских городах специально не изучалось, но продукция его известна по археологическим материалам. Золотоордынские кузнецы выпускали различный инструментарий — топоры, долота, тесла, серпы, лопаты, пилы, наковальни, мотыжки; оружие — мечи и сабли, кинжалы, дротики, наконечники стрел разных типов, в том числе монгольские стрелы с прорезью («свистящие»); предметы конского снаряжения — арковидные стремена, удила, подковы; бытовые предметы — замки и ключи к ним, кресала, гвозди, костыли, скобы и др.

Изделия из кости:
1 — безмен для взвешивания монет; 2 — пряжка; 3 — накладка; 4 — перстень лучника; 5 — рукоять ножа; 6 — навершие посоха

Так же как и в Волжской Болгарии, в золотоордынских городах с XIV в. производили чугун, из которого изготовляли котлы, втулки-оси для телег. В Новом Сарае был обнаружен чугунолитейный горн с 79 отверстиями для сопел. Такое количество необходимо было для постоянной подачи воздуха и достижения температуры плавления железа.

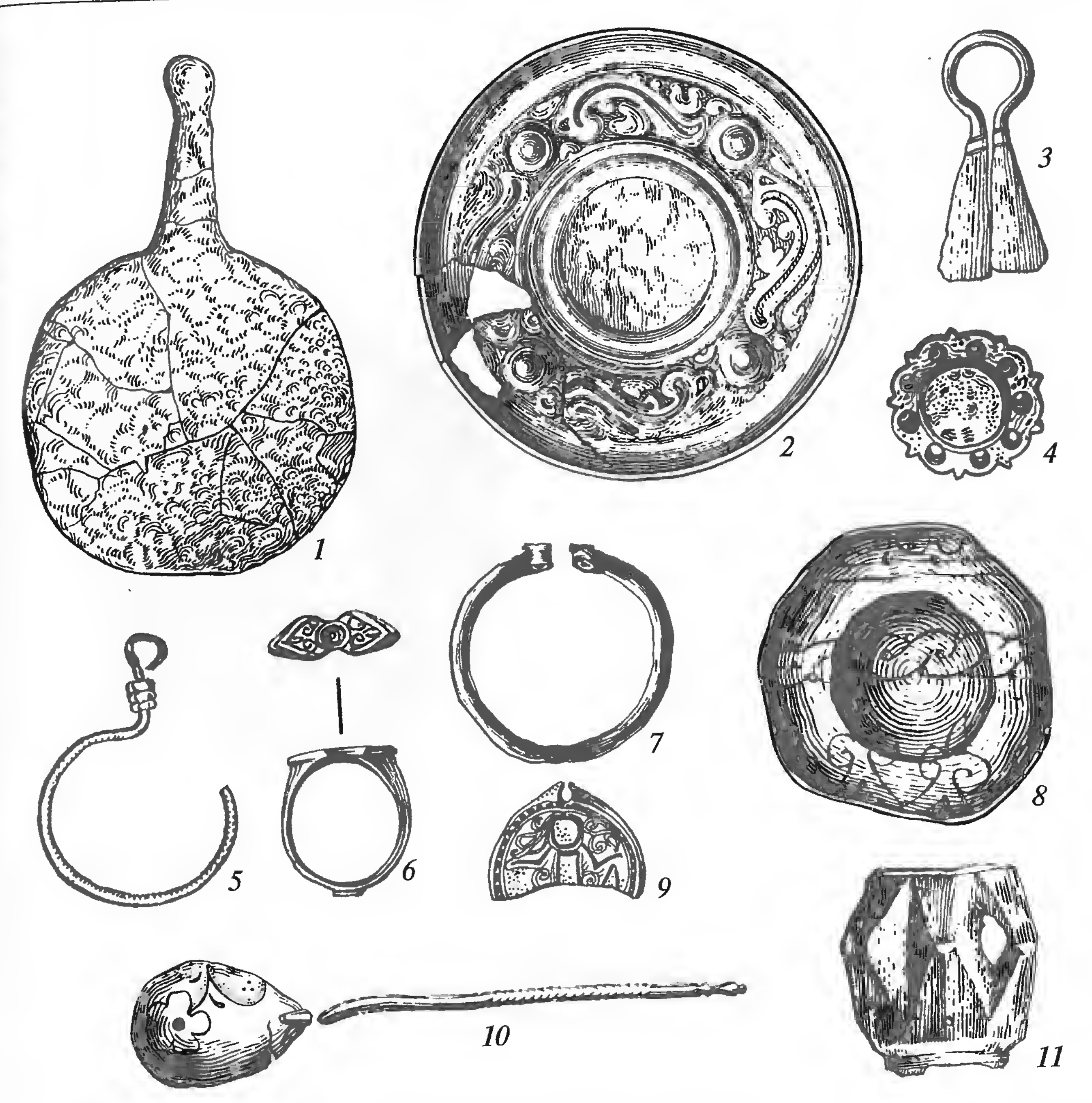
В Новом Сарае на двух усадьбах были открыты ***косторезные*** мастерские. Ассортимент изделий косторезов был ограниченным — главным образом рукоятки ножей, накладки, навершия, производились также кольца для натягивания тетивы лука, костяные стрелы, проколки, копоушки, пластинчатые орнаментированные накладки на колчаны и ларцы.

Мастерские ремесленников по ***обработке цветных металлов*** и ***ювелиров***, работавших с золотом и серебром, раскопаны в нескольких золотоордынских городах. Ремесленники владели всеми технологическими приемами — литьем, в том числе способом литья «на выплеск», спайкой, штамповкой, чеканкой, гравировкой.

Из цветных металлов, в том числе серебра и золота, изготовляли массу украшений (серьги, браслеты, кольца и перстни), детали одежды (пряжки, поясные бляшки, накладки и бубенцы), бытовые предметы (посуду, зеркала, пуговицы, бронзовые замочки в виде фигур животных, подсвечники и светильники, миниатюрные сосудики). Формы предметов (особенно украшений) были разнообразны. Они нередко орнаментировались, чаще всего гравировкой. Великолепны литые браслеты с львиными личинами на концах, бронзовые и золотые. В большинстве случаев декорировалась внешняя сторона зеркал геометрическим и растительным орнаментом; изображениями животных, бегущих по кругу; сценами охоты на льва; изображениями лисицы и винограда — сюжет античной басни.

Торевтика наряду с поливной керамикой — область художественного ремесла, где наиболее ярко проявилось высочайшее мастерство и степень культуры золотоордынских ремесленников. Серебряные сосуды — кубки,

Изделия из цветного металла:
1, 2 — зеркала; 3 — сюльгама; 4 — пряжка; 5 — серьга; 6 — перстень; 7 — браслет; 8 — сосудик (*вид сверху*); 9 — привеска; 10 — ложечка; 11 — булава

чаши, кувшины — покрывались тончайшей гравировкой. Интересна группа золотых и серебряных сосудов с ручками в виде дельфинов и драконов, иногда с кольцами в пасти, почти всегда с тонким проволочным украшением по гребню.

Золотоордынские ювелиры заимствовали для орнаментики своих изделий китайские мотивы. Подобные сюжеты пользовались популярностью в кочевых ордах. Для изделий, вероятно, находивших большой спрос у горожан, золотоордынские мастера использовали другой стиль торевтики, сочетавший мусульманское, ближневосточное, отчасти византийское и западноевропейское влияние. В этом отношении показательна находка в мавзолее г. Увека — серебряная чашечка с плоским дном, на внутренней стороне которой гравировкой изображен лев с загнутым вверх хвостом, который завершается растительным побегом. На боковых стенках сосуда шесть медальонов. В трех из них изображены птицы, а в других — растительный орнамент.

Изделия золотоордынских торевтов: кубок и блюдо

Высочайшее мастерство золотоордынских торевтов ярко проявляется в одном из шедевров ювелирного искусства, так называемой «шапке Мономаха» — тронной регалии русских царей. Золотой головной убор XIV в. покрыт тончайшей сканью и зернью так, что на поверхности образуется сложнейшая плетенка. Его филигранные узоры выполнены в традициях среднеазиатских мастеров.

Золотоордынские города создавались ханской властью на торговых путях, что изначально превращало их в важнейшие ***центры международной торговли*** и места оживленного ***внутреннего торга***. Ханы и аристократы покровительствовали торговле, которая приносила большие доходы. Существовали купеческие объединения с участием аристократов, которые организовывали крупную караванную торговлю. Государственная власть обеспечивала почтовую связь и безопасность дорог.

Международная торговля в золотоордынских городах в значительной степени была транзитной и потребительской. Импорт был объемнее экспорта. В города Нижнего Поволжья стекались товары с востока и запада, с севера и юга: фарфор и драгоценности, стеклянная и металлическая посуда, ювелирные украшения и оружие, шелк и парча, древесина, пряности и благовония. Все эти товары шли либо на потребность золотоордынской знати, или оптовыми партиями поставлялись в другие страны, тем самым осуществлялся обширный средневековый товарообмен. Есть свидетельства о существовании в золотоордынских городах постоянных купеческих контор.

Находки торгового инструментария повсеместны и многочисленны: весы «аптечного» типа и детали от них, безмены, весовые гирьки. Золотоордынские гирьки — бронзовые, призматические шести- и восьмигранные или многогранные. Разновесами служили также цилиндрики или розетковидные толстые пластины. Обычно золотоордынские гирьки не имели обозначения кратности.

Интенсивности рыночных отношений способствовала золотоордынская монетная чеканка, организованная первыми ханами в Болгаре, а позднее переведенная в города Нижнего Поволжья и другие ордынские центры. Золотоордынская монета имела хождение во многих странах и в первую очередь на подвластных территориях.

Известно большое количество монетных кладов, найденных как на городищах, так и вдали от них. Последние, вероятно, были зарыты купцами недалеко от трассы дороги в моменты опасности. Встречаются очень большие клады — до 30 тыс. серебряных монет. Огромное количество монет, главным образом медных, находят в культурном слое золотоордынских городищ. Кроме серебряных и медных монет в денежном обращении Золотой Орды ходили палочковидные «ладьевидные» серебряные слитки, встречаются золотые монеты.

Взаимозависимость ханской власти и международной торговли определилась в дальнейшей истории. В годы междоусобиц 1360–1370-х гг. и похода Тимура (1395–1396) трассы Великого шелкового пути были перенесены на юг и пошли по маршруту через Среднюю Азию, Иран и Левант. В результате пострадала торговля золотоордынских городов, ослабла центральная власть золотоордынских ханов, города пришли в упадок.

Объемный материал раскопок золотоордынских городищ дает возможность достаточно детализированно реконструировать быт горожан. Для освещения домов пользовались масляными светильниками — глиняными и металлическими, а также свечами, вставлявшимися в керамические и бронзовые подсвечники. Богатые дома и общественные здания освещались подвесными арабскими стеклянными лампами и люстрами с несколькими лампами. Лежанки-суфы устилали кошмами и циновками. На пол стелились тростниковые циновки.

Пищу готовили тут же. Отдельных кухонь нет даже в богатых домах. Хлебные лепешки пекли в тандырах. Мясо жарили на жаровнях.

Играли в кости, шашки, шахматы. Находят детские игрушки — фигурки птиц и животных, свистульки. Была распространена достаточно сложная игра — «вавилон». Для нее расчерчивалось игровое поле на плитках, кирпичах или обмазке суфы.

В пищу шла конина, баранина, говядина. Свинина была запрещена Кораном. Растительная пища — рожь, пшеница, орехи, изюм, чернослив, персики, бобы, виноград, арбузы. Употребляли пряности. Пили кофе, кумыс, хмельной напиток — бузу, вино, чаще медовое, редко — привозное виноградное.

Одежда — штаны, рубахи, кафтаны, у богатых из дорогих шелковых и парчовых тканей. Употреблялась меховая и кожаная одежда. Носили кожаную обувь. Голову покрывали колпаками. Знатные женщины носили высокие головные уборы на каркасе — бокка. Опоясывались кожаными ремнями, кушаками, поясами с металлическими накладками, иногда золотыми с камнями. Пояса были знаком власти и принадлежности к элите. В числе женских, а иногда и мужских украшений — серьги, кольца, перстни, браслеты, нашивки на одежду. Общеупотребительны были деревянные гребни, у женщин — зеркала, туалетные щипчики, стеклянные флакончики.

Быт горожан дает дополнительные свидетельства высокого уровня культуры золотоордынской городской цивилизации.

Золотая Орда, основанная монгольскими ханами для удержания в покорности населения завоеванных земель, во второй половине XIII — первой половине XIV в. была крупнейшим средневековым государственным объединением Евразии. Она создавалась как паразитическое государство, экономическую основу которого составлял труд порабощенных народов, а территориальную целостность — централизованная ханская власть, разветвленная военно-бюрократическая система. Основу населения золотоордынских городов составляли покоренные народы Восточной Европы, Кавказа, Средней Азии. Золотоордынская городская культура была эклектичной, возникшей на базе производственных и культурных достижений покоренных народов, что создавало удивительный культурный симбиоз. Благодаря труду согнанных ханами в Нижнее Поволжье ремесленников и строителей золотоордынские города вскоре превратились в своеобразные центры аккумуляции достижений экономики и культуры на границе Европы и Азии.

Глава 5

РУСЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII–XV вв.

Объем письменных источников XIV и особенно XV вв. существенно больше, чем для раннего Средневековья. Обширнее стал летописный материал, но он по-прежнему ориентировался на политические события, военные столкновения, уделяя внимание княжеским династиям, церковным иерархам, чрезвычайным событиям и не отражая повседневную жизнь. Корпус актовых материалов стал шире. Существенно важные сведения предоставляют данные писцовых книг. Некоторые зарисовки дают литературные памятники, в том числе агиография. Тем не менее археологический материал остается существенно важным, а в ряде случаев единственным источником для реконструкции экономики, социального состояния, культуры и быта. Синтез письменных свидетельств и материальных памятников в том случае, когда он возможен, дает полномасштабную историческую картину.

В страшных событиях 1237–1240 гг. монгольская орда разграбила русские земли. В прах и пепел обратились города, уничтожены прекрасные творения материальной и духовной культуры. Неисчислимы человеческие потери, а оставшиеся в живых либо пленены и угнаны на чужбину, либо разбежались по лесам. Разорение Руси — одна из величайших катастроф в мировой истории.

С 40-х гг. XIII в. на Руси установилась система монголо-татарского владычества. Русские князья были поставлены в зависимость от ханов и вынуждены были ездить на поклон в далекие ханские столицы, где произвол завоевателя решал — вернется князь с жалованным ярлыком на княжеский стол или, став жертвой козней соперников, сложит голову. Монголо-татарские чиновники переписали население страны и обложили его тяжелой данью.

Нашествие 1237–1240 гг. было наиболее масштабной акцией монголо-татар, но не единственной. Все 250 лет господства Золотой Орды Русь постоянно находилась под угрозой, в условиях изнурительной борьбы за выживание.

Монголо-татарское нашествие нарушило ход экономического развития, уничтожило массу производительных сил, существенно затормозило общественный прогресс, замедлило темпы социального развития.

В области сельского хозяйства, в ремесле русскому народу после монголо-татарского нашествия пришлось восстанавливать хозяйство практически сызнова. Удар захватчиков был настолько разорительным, что археологические данные фиксируют продолжительную паузу в экономическом развитии. Даже в Новгородской и Псковской землях, избежавших разрушительного нашествия, отмечается замедленность развития.

Основной отраслью феодальной Руси во второй половине XIII–XV вв., как и раньше, было **сельское хозяйство**. Главное место занимало ***земледелие***, в первую очередь хлебопашество.

Еще в домонгольское время определились зерновые культуры: рожь, пшеница, овес, ячмень, просо, греча. Первостепенное значение играли посевы ржи. В XIII–XV вв. на Руси главной яровой культурой становится рожь. Увеличиваются посевы гречи и ячменя. Возделывали бобовые (горох, чечевица), технические (лен, конопля, хмель, мак).

В XIV–XV вв. значительно расширились площади пашенного земледелия за счет целинных земель и возрождения заброшенных участков.

Для второй половины XIII–XV вв. характерно широкое распространение паровой системы с двух- и трехпольным севооборотом, основанным на чередовании посевов озимых и яровых культур и временного отдыха для третьего поля. С XIV в. применялось унаваживание почвы. Сохранялись такие формы земледелия, как пашня «наездом» и подсека. Первую применяли на земле, удаленной от поселения. Подсека просуществовала вплоть до начала XX в. и применялась в районах, где эта форма земледелия была удобной по природно-хозяйственным условиям.

Сельскохозяйственные орудия устойчиво традиционны. Вспашку производили сохой или плугом. Больше использовали двузубую соху, но применяли также однозубую (в лесной полосе) и многозубые сохи. На широкое использование сохи указывает и то. что единица оброка сельского населения также называлось «сохой». Сошники в XIII–XV вв. длиннее, что приводило к глубинной вспашке земли и повышению урожайности полей. Плуг был меньше распространен и применялся преимущественно на высокопродуктивных землях. При подсечном земледелии главным орудием оставался топор, иногда называвшийся «секирой».

Хлеб жали серпами. Помол зерна по-прежнему производили на ручных жерновах, но появляются водяные мельницы. О существовании ветряных мельниц в лесной полосе Руси вплоть до XV в. сведений нет. Мельничное дело только зарождалось в качестве специального занятия.

Кроме полевого земледелия было распространено огородничество и садоводство.

Скотоводство на селе и в городе было придомным. В стаде домашних животных были представлены типичные для данных географических условий виды домашнего скота: лошади, коровы, овцы и бараны, а также козы и свиньи. Скотоводство давало тягловую силу для землепашца (лошади, иногда волы), молочную и мясную пищу. Кожа использовалась в кожевенном производстве. Овечья шерсть шла на изготовление шерстяных тканей. Породистые лошади использовались под седло.

В сельской местности значительную часть года скот держался в стадах (кроме свиней), на пастбищах. Для горожан характерен пастушеский выгон скота. Зимой переводили скот в стойло: конюшни, хлева, скотные дворы. На зиму заготавливали сено. Косы-горбуши найдены во множестве и повсеместно.

В археологическом материале представлены все элементы сбруи и упряжи рабочих и верховых лошадей.

Разводились также все основные виды домашней птицы.

Важное место занимали ***промыслы***: рыболовство, охота, бортничество, существовавшие как особые отрасли и как дополнительное занятие сельских жителей и горожан. Находки предметов рыболовства повсеместны.

Охотой добывали дополнительную мясную пищу и пушнину. Меха были важной статьей русского экспорта. Промысловая охота развивалась на севере. Охота была также любимым развлечением феодалов. Охотничьи угодья охранялись законом. В охоте использовались специально натренированные на дичь собаки и ловчие птицы. Зверя и птицу били стрелами. Для пушной охоты использовались деревянные стрелы и томары — стрелы с шаровидным костяным навершием. Для охоты на медведя и вепря использовали рогатины.

На севере били морских зверей — тюленей, моржей, дававших кожу, жир и ценную рыбью кость (клыки).

Бортничество издревле было важной отраслью хозяйства. Оно давало мед, который в то время заменял сахар. Из меда готовили различные напитки. Воск употребляли для изготовления свечей. Воск использовался сапожниками для вощения ниток, в смеси со смолой — для конопаченья лодок, употреблялся в народной медицине. Наконец, воск был важнейшей статьей экспорта. В Новгороде существовала корпорация купцов-вощников, осуществлявших оптовую торговлю воском.

Сложным и трудоемким промыслом была добыча соли. Известны два способа: выварка морской воды (применялась на побережье Белого моря) и выварка рассола подземных вод.

Работы по солеварению вели артелями. Для добычи рассола ставили многометровые бревенчатые леса — буровые. При бурении в скважину опускались деревянные трубы уменьшающегося диаметра, через которые вычерпывали раствор. Выварку производили в специальных помещениях, внутри которых устраивали варничную печь — яму со стенами, облицованными камнем и обмазанными глиной. Процесс варки требовал большого мастерства, поэтому его осуществляли специалисты — повара.

Большое место в хозяйстве Руси XIII–XV вв. занимали ***лесные промыслы***: заготовка древесины, смолокурение, дегтярное и углежогное дело.

Данные материальных и письменных источников о сельском хозяйстве и промыслах на Руси свидетельствуют, что во второй половине XIV в. эти отрасли народного хозяйства были восстановлены, а затем получили дальнейшее развитие.

Ремесло. На фоне разорения сельского хозяйства, вызванного ордынским нашествием, положение ремесленного производства было еще более удручающим. Города, в которых ремесло составляло основу экономической жизни, были главными объектами удара монголо-татар, поэтому потребовался продолжительный период восстановления для достижения уровня 30-х гг. XIII в.

Железообработка составляла основу развития производительных сил. Технической основой производства черного металла оставалась технология прямого восстановления железной руды в металлическое железо — сыродутный процесс. ***Железоделательное производство*** по-прежнему было деревенским. В домонгольский период и, вероятно, до второй половины XIV в. домницы делались с одной печью. В последующем домницы делали с двумя печами, что обеспечивало непрерывность процесса и повышало производительность.

Наряду с железом широко применяли углеродистую сталь. Рабочие части инструментария и оружие изготовлялись из стали.

Деревенские металлурги доводили процесс варки железа до изготовления товарных криц, поставлявшихся в кузнечную обработку.

Огромную массу черного металла перековывали в изделия в основном городские специализированные кузнецы. На долю деревенских мастеров выпадало изготовление, ремонт и переделка всевозможного сельскохозяйственного и бытового инвентаря.

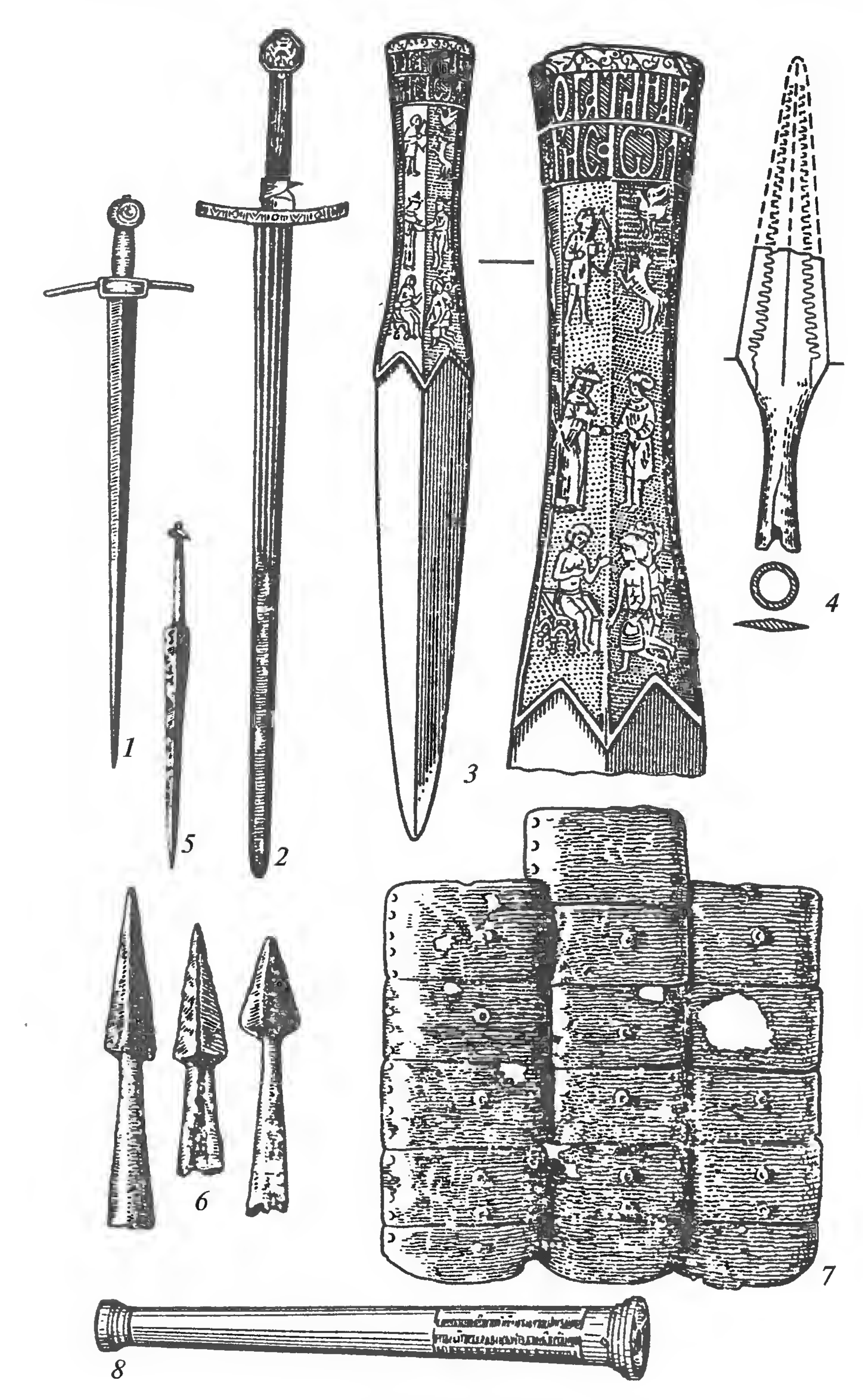
В кузнечном ремесле сохранялись основные технологические операции: сварка, термическая обработка, пайка и художественная ковка.

Наиболее технически сложным и интересным был процесс художественной ковки, технология которой была комплексной. Мастер применял и кузнечную ковку, и сварку. и резание металла зубилом и напильником, и инкрустацию цветными металлами; кроме того, он должен был обладать творческой изобретательностью и художественным вкусом. Художественную ковку применяли при изготовлении бытовых вещей или оружия и конской сбруи.

В послемонгольской Руси возрастает специализация кузнечного ремесла. Известны ножевники, гвоздочники, замочники. Одной из древнейших профессий кузнечного дела была профессия бронников. Они изготовляли оборонительные доспехи: всевозможные брони, шлемы, личины. В изучаемую эпоху кроме кольчуг употреблялись пластинчатые доспехи. Широкое распространение имели чешуйчатые брони — кожаные рубашки, на которые нашивались небольшие тонкие стальные пластины.

Огнестрельное оружие появилось на Руси в последней четверти XIV в. Первые пушки были железными. Лишь в 70-х гг. XV в. появляется новая техника — литье пушек из бронзы. Из железа продолжали ковать только ручные пищали. Кузнечная технология изготовления огнестрельного оружия была трудоемкой, требовавшей высокого профессионализма. Пушки и пищали изготовляли разных калибров. Ствол оружия сваривали из отдельных многослойных секций-труб, что требовало тщательности при их сварке в единый ствол — нужно было виртуозно владеть температурным режимом и умело пользоваться припоями.

В XIV в. ушла мода на многочисленные украшения и детали одежды из металла. ***Ювелирное ремесло*** в XIV–XV вв. развивалось в значительной степени в области церковных художеств. Ювелирные изделия оседали в ризницах иерархов и монастырей, украшали интерьеры соборов. Это закономерно: церковь быстрее восстановила свое экономическое положение.

Русское оружие XIII–XIV вв.:
1 — меч Довмонта (XIII в.); 2 — меч «Всеволода» (XIV в.); 3 — рогатина Бориса Александровича; 4 — рогатина; 5 — кинжал; 6 — арбалетные стрелы; 7 — пластинчатый доспех; 8 — пушка мастера Якова (1485)

Для ювелирного дела в послемонгольское время характерен определенный технологический спад. Златокузнецы и серебреники в первую очередь закабалялись ордынцами. Исчезло ученичество, прервались традиции обработки драгоценных металлов. Их восстановление шло трудно, наработкой нового опыта. Некоторые технические достижения древнерусских ювелиров были утрачены, например эмальерное искусство, зернь. Скань восстанавливалась постепенно и, вероятно, не без участия византийских мастеров. Традиционно использовались технические приемы гравировки, черни, художественного литья.

Значительным элементом храмового убранства XIII–XIV вв. были двери, выполненные в сложной технике *золотой наводки по меди.* Медные накладные пластины покрывались слоем лака, на котором гравировался рисунок. Образовавшиеся в лаковом покрытии углубления натирались при большой температуре замшевым мешочком со смесью тонко растертого золота и ртути. При этом лак выгорал, ртуть испарялась, а золото накрепко соединялось с медью. Полностью сохранились великолепные Власьевские врата новгородского Софийского собора, вывезенные Иваном Грозным в Александровскую слободу.

Широко применялась набивная ленточная филигрань. Рисунок филиграни предварительно размечали на железной основе, а затем узким зубильцем нарубали поперечные заусенцы по всей линии рисунка. После этого бронзовую полоску укладывали на заусенцы по рисунку и легкими ударами вбивали в металл. Затем проводили зачистку чеканки и шлифовку предмета.

Примером композиционной художественной гравировки является рогатина Бориса Александровича Тверского. На ее восьмигранную железную втулку набиты тонкие серебряные накладки, на которых выгравированы различные фигуры и надпись. Фон покрыт косыми насечками или рядами зигзагообразных линий. Семь гравированных сцен на рогатине, вероятно, составляли иллюстрацию к какой-то, неизвестной нам повести.

Среди шедевров русского прикладного искусства оклад Евангелия боярина Федора Кошки (1392), украшенный золотым сканным узором. На окладе 29 накладных литых фигур, размером 2–3 см, которые вписаны в килевидные киотцы и розетки. Этот прием украшения был технологическим новшеством изучаемой эпохи.

В XIV–XV вв. ***литейное дело*** превращается в крупную отрасль металлообрабатывающей промышленности. Литье по-прежнему базировалось на экспорте цветных металлов с Запада, Востока, из Средней Азии и Приуралья. Широко использовали вторичные металлы: все старые, поломанные изделия шли на переплавку.

Наиболее сложными и трудоемкими литейными операциями были колокольное и пушечное дело. Литье колоколов на Руси известно с домонгольского времени, но колокола X–XIII вв. были небольшими и для их изготовления не требовалось специальных плавильных печей и литейных агрегатов. С середины XIV в., согласно летописным сообщениям, начинается литье больших колоколов и именно в это время появляются колокольни. От начала XV в. до нас дошли и колокола. Колокол Троице-Сергиевского монастыря, отлитый в 1420 г., весит 20 пудов.

Для отливки колокола копали большую яму, в которой изготовляли и располагали литейную форму. По бокам ямы ставили плавильные печи. Печь состояла из большой ванны, вмещавшей металл, и находившейся рядом топки. Пламя и горячие газы, отражаясь от потолка печи, проходили над ванной и расплавляли металл. В одном из наклонных мест ванны делали отверстие, из которого металл по желобу поступал в форму. Форма представляла глиняный болван, на который наносили слой сала, смешанного с древесным углем. После сушки формы сало вытапливали и в образующуюся пустоту заливали расплавленный металл. После остывания форму разламывали и извлекали колокол, поверхность которого затем шлифовали.

Высокий профессионализм колокольных литейщиков способствовал в XV в. быстрому освоению техники производства пушек. Литые пушки изготовляли в неразъемных глиняных формах. Древнейшая дошедшая до нас пушка — мастера Якова (1485).

Довольно сложными изделиями с конструктивной и художественной стороны были церковные паникадила (хоросы) — подвесные подсвечники, которые состояли из десятков деталей, отливавшихся в индивидуальных литейных формах.

Власьевские врата (*золотая наводка по меди; деталь*)

Вскрытые в городах мастерские свидетельствуют об узкой специализации ремесленников по обработке цветных металлов. Даже сходные производства изготовления перстней и браслетов зачастую обеспечивались отдельными мастерами.

Ассортимент русских ***косторезов*** XIV–XV вв. был разнообразен. Из кости делали бытовые и туалетные предметы. Изготовляли технические детали — подшипники, валики, обкладки луков и т.п. Примечательны костяные именные печати. В Новгороде найден восковой отпечаток, сделанный такой печатью.

Вещи хозяйственного и домашнего обихода в XIV–XV вв. по сравнению с домонгольским временем более стандартны, строги и максимально рационализированы. Также максимально упрощена и технология. Это явление связано с развитием узкоспециализированного городского рыночного ремесла.

Большое количество костяных предметов изготовлялось на токарном станке. Он был менее мощный, чем у токарей по дереву: возможно, его приводили в действие ручным лучковым приводом.

Художественная резьба по кости и камню, подобно ювелирному искусству, развивается в основном в области церковно-прикладного искусства. Затейливость рисунка костяных посохов церковных иерархов, стилистическая продуманность каменных и костяных иконок относятся к шедеврам русской прикладной пластики.

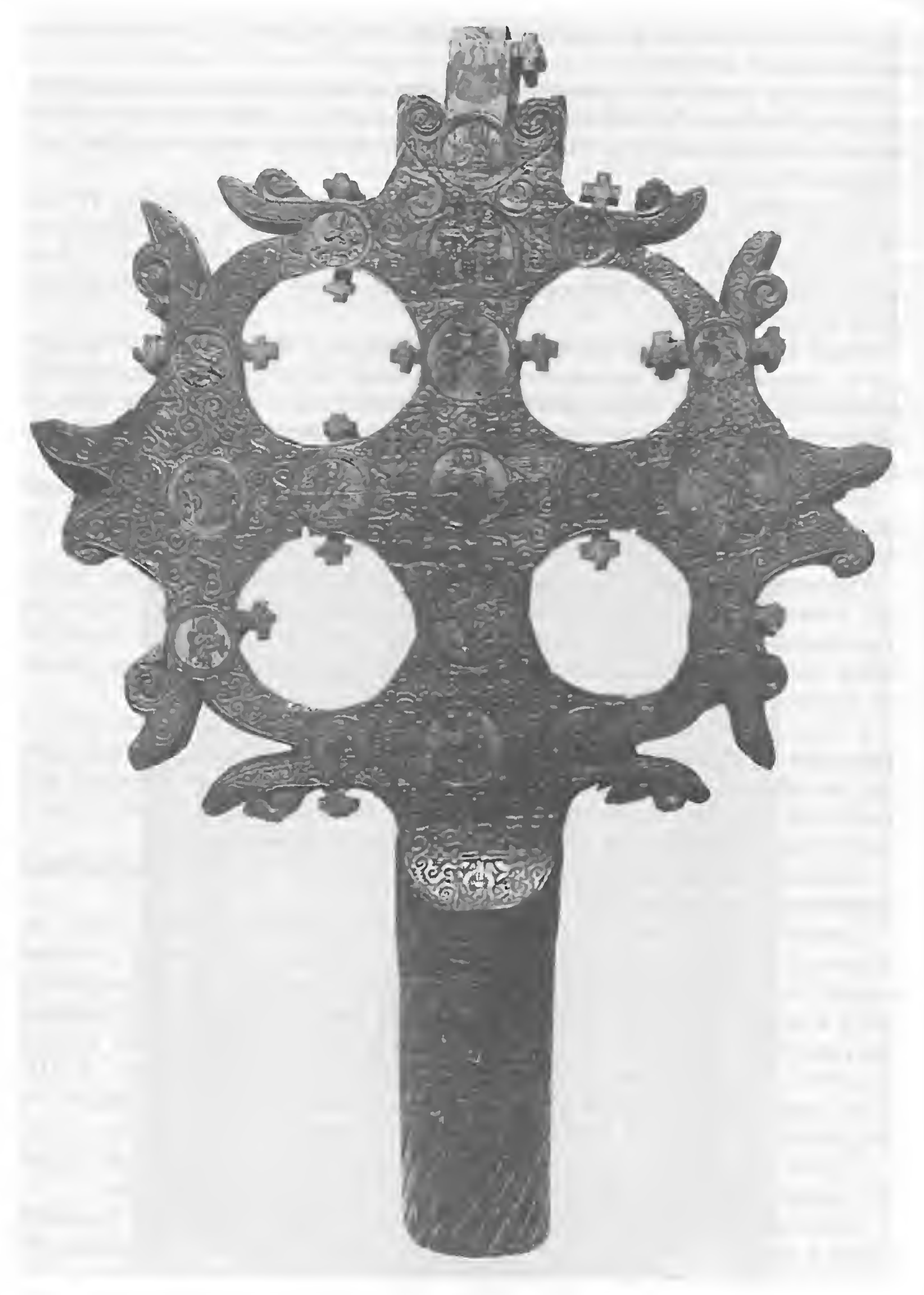
В XIII–XV вв. Великий Новгород, счастливо избежавший иноземного нашествия и сохранивший непрерывность традиций художественной культуры, являлся ведущим центром русского искусства. В XIV в. Москва, возглавившая борьбу с ордынцами и процесс объединения русских земель, постепенно превращается в национальный культурный центр.

Наиболее масштабными ремесленными отраслями были ***деревообработка, ткачество, кожевенное дело, гончарство***.

Изменения в наборе деревообрабатывающих инструментов были локальными. Топоры с легким симметричным лезвием, наварным стальным острием и круглым обухом в XV в. сменились новым, более утяжеленным типом с асимметричным лезвием и плоским массивным обухом. Деревянные рукоятки топоров в отличие от современных были прямыми и удлиненными. Такие топоры имели больший коэффициент действия. В XIV–XV вв. шире использовались пилы. Они были двух типов: ножовки для поперечного пиления и лучковые пилы для продольного пиления.

Посуду чаще всего вытачивали на токарном станке. Парадную покрывали красной или желтой краской, иногда сюжетно расписывали.

Свойства дерева были благодатными для резьбы. Чаще всего по дереву резали в *технике плоского рельефа*: дерево между узорами выбиралось, отчего фон понижался, а границы рельефного рисунка сглаживались. Распространена была *трехгранно-выемчатая резьба*, а в архитектурном декоре широко использовалась *прорезь*.

Людогощинский крест

К шедеврам русского декоративно-прикладного искусства относится деревянный Людогощинский крест 1359 г. из Новгорода. Декоративность креста проявляется в контрастном сопоставлении крупных медальонов с изображением святых с орнаментальными завитками и спиралями, покрывающими всю плоскость креста. Развивалась деревянная скульптурная пластика.

Отделение ***ткачества*** от *прядения* в русских городах произошло еще в домонгольский период. Ткач в городе стал ремесленником, а прядение оставалось еще несколько столетий в сфере домашней деятельности женщин в городе и деревне.

Самый трудоемкий процесс при изготовлении ткани — производство нити. Оно состояло из получения исходных материалов — шерсти, льна и конопли; длительной их подготовки к прядению и самого прядения. Заключительная операция текстильного производства — само тканье — составляет не более четверти общих затрат труда, но оно требовало высокого профессионализма и специального оборудования. Городские ткачи в XIV–XV вв. работали на сложных *горизонтальных ткацких станках* и изготовляли десятки видов добротных тканей разных систем плетения и рисунков. В напластованиях городов с хорошей сохранностью органики встречена масса предметов, связанных с прядением и ткачеством — от пряслиц и веретен до прялок и деталей ткацких станков. Лопасти прялок иногда орнаментировались. Много образцов тканей. На Руси изготовлялись шерстяные и льняные ткани. Употребляли шелковые и хлопчатобумажные ткани, но их привозили с юга и из Средней Азии.

Крашение шерстяных и льняных тканей производили специальные мастера — красильники. Эти довольно многочисленные ремесленники в древнерусских городах заселяли целые улицы.

Кожевенное дело имело большой удельный вес. Спрос на кожаные изделия был велик. Горожане ходили в кожаной обуви. Из кожи делали колчаны, рубашки для пластинчатых и чешуйчатых броней, конскую сбрую, а также многочисленные изделия хозяйственного и бытового назначения. Еще в домонгольское время началась специализация мастеров. Кожевники (специалисты по выделке кож) и сапожники разделились на две самостоятельные профессии. В XIV–XV вв. выделяются еще несколько профессий: шорники, сумочники, скорняки, колпачники.

Для сырья русские кожевенники использовали шкуры коней, крупного и мелкого рогатого скота. Основные технологические приемы выделки кож с древности сохранялись практически без изменений до XIX в.

Кожаная обувь была нескольких фасонов — поршни, мягкие туфли, полусапожки и сапоги. Туфли и полусапожки, господствовавшие в X–XIII вв., в течении XIV в. вышли из употребления. Наиболее трудоемким было изготовление сапога: он состоял из нескольких деталей, для которых использовали разные сорта кожи. Обувь шили с использованием колодок. Колодки были двух видов: простые — из одного куска дерева и составные — со съемным верхом-подъемом, который соединялся с основой колодки шипом. Встречены колодки для взрослых, подростков и даже детей. Их всегда делали для правой и левой ноги.

Кожаные изделия нередко украшали. Применяли тиснение, аппликации, ажурные, точечные или штриховые вырезки. Использовались цветные нити.

В ***гончарстве*** XIV–XV вв. продолжались технические традиции предшествующего времени. Во второй половине XV в. появился *ножной гончарный круг*, более мощный и производительный.

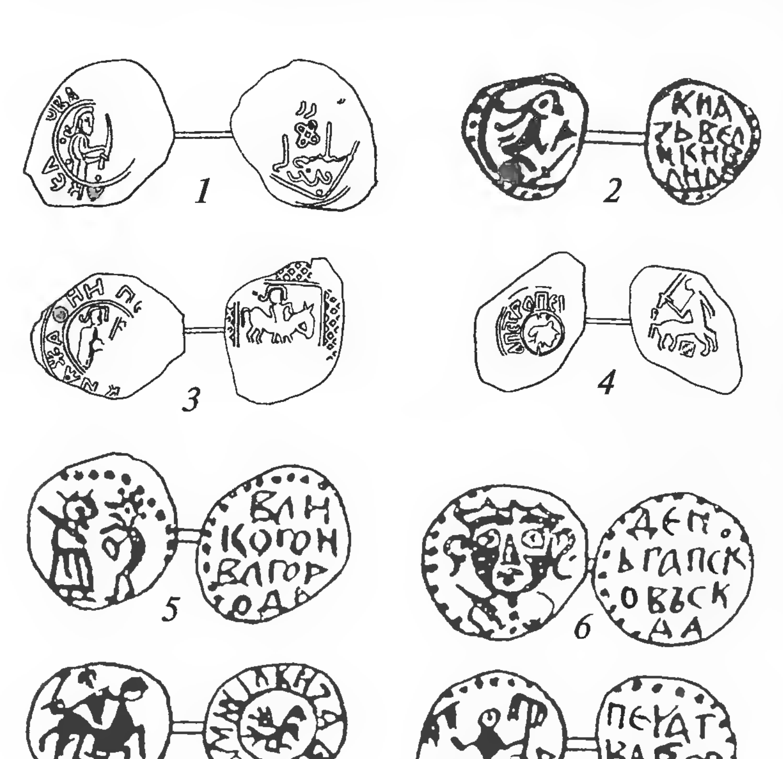
Основным видом гончарной продукции была *кухонная печная посуда*: горшки, миски, плошки. Изготовляли бытовые предметы: кувшины, рукомойники (водолеи), светильники, подсвечники. Амфоры-корчаги, характерные сосуды домонгольского времени, в середине XIII в. исчезли. Многообразие кухонной посуды в XIV–XV вв. еще более увеличилось.

Горшки украшали орнаментом, чаще всего нарезным волнисто-линейным, треугольным, ромбическим штампом или в виде насечки. Рукомойники имели многообразные, довольно затейливые формы; часто носик водолеев делали в виде головы поросенка, овцы, птичьего клюва и т.п.

Среди глиняных игрушек XIV–XV вв. излюбленными были свистульки. Их изготовляли в виде уток, баранов и других животных. Иногда детские игрушки покрывали поливой, чаще желтого цвета.

Некоторые отрасли ремесленного производства в ордынское время не восстановились в прежнем объеме либо изменились по характеру. Так, например, не достигло домонгольского уровня ***стеклоделие***, продукция которого резко сократилась количественно и по номенклатуре. Массовое производство косторезов приобретало все больший утилитарный характер.

На Руси широко использовались ***механизмы***. К механическим приспособлениям относятся клещи, ножницы (простые и по металлу), дрели (лучковые сверла), круговые точила и ручные мельницы, вороты, колесные повозки и ткацкие станки, камнеметы и жомы, токарные станки. В XIV–XV вв. получают развитие водяные мельницы и часы, артиллерия, ножной гончарный круг и др. Каждый механизм состоял из множества деталей, деревянных и металлических, в большом количестве встречаемых при раскопках. Деревянные детали изготовлялись из разных пород дерева в зависимости от степени изнашиваемости.

Русские монеты XIV–XV вв.:
1 — Москва; 2 — Можайск; 3–4 — Дмитров; 5 — Новгород; 6 — Псков; 7–8 — Тверь

В первой половине XIV в. в Западной Европе появились башенные механические часы с гиревым и колебательным регулятором. Они имели все основные узлы современных настенных часов, кроме маятника.

В самом начале XV в. часы появляются и на Руси. Первые были установлены в Московском Кремле в 1404 г. В 1436 г. архиепископ Ефимий построил в новгородском Кремле часовню и установил часы. Возможно, такая башня была в Твери.

Торговые связи русских городов, существенно нарушенные монголо-татарским разорением, к рубежу XIII–XIV вв. восстановились в прежнем объеме, а в XIV–XV столетиях демонстрировали дальнейший устойчивый рост. Это объясняется как постепенным восстановлением экономики русских земель, так и заинтересованностью зарубежных торговых партнеров в возобновлении торговли с Русью, богатой пушниной, медом, воском. Немаловажным фактором являлось также географическое положение Руси, находившейся на важных трансконтинентальных торговых дорогах, связывавших Европу с Востоком.

Торговый потенциал прежде всего был восстановлен на Северо-Западе, после того как Новгород в 40-х гг. XIII в. укрепил границы Руси, отбив шведскую угрозу и агрессию Тевтонского ордена. Особое значение для Новгорода и Пскова имела балтийская торговля. Новгород был торговым партнером союза северогерманских городов — Ганзы, в Новгороде постоянно действовал Немецкий двор. Взаимоотношения между ними регулировались договорными обязательствами.

Центрами ***международной торговли*** в XIV–XV вв. стали Москва, Тверь, Нижний Новгород.

В рассматриваемый период большее значение приобретает ***межобластная торговля***, чему способствовала специализация отдельных районов по производству товарной продукции. Север поставлял пушнину. Соль Галицкая, Соль Переяславская, Руса — соль. Из Новгородских и Псковских земель шли хмель, лен и т.д. Новгород зависел от поставок хлеба из «низовских» земель — южных и восточных областей.

В XIV–XV вв. заметно возрастает *сухопутная торговля*, хотя *речная* остается доминирующей.

Происходит дальнейшее расслоение купечества, представители которого входят в состав «лучших людей». Богатое купечество, которое вело оптовую торговлю, летописец называет великими купцами.

Государственная власть сознавала значение торговли, приносившей за счет таможенных пошлин пополнение казны. Договорными условиями регулировалась межобластная торговля. За торговые дороги шла борьба. Примечательно, что после присоединения Новгорода и выселения крупных купеческих семей в Новгород были направлены московские купцы для сохранения торговых отношений с Западом.

Восстановление экономики русских земель создало во второй половине XIV в. условия для организации монетной чеканки. Завершался длительный безмонетный период на Руси, во время которого для розничной торговли была характерна меновая форма, а для оптовой использовались слитки серебра — гривны.

Русская чеканка началась в Москве в 70-х гг. XIV в. и почти одновременно в Рязани и Нижнем Новгороде. Первые русские монеты были анонимными. Только после Куликовской победы Москва чеканит монету с именем Дмитрия Донского.

В первой четверти XV в. чеканка монет расширяется не только за счет крупных экономических центров (Тверь, Ярославль, Новгород, Псков), но и ряда удельных княжеств. Этот калейдоскоп монетной чеканки постепенно ликвидировался в процессе объединения страны под рукой Москвы. Со второй половины XV в. Москва постепенно начинает *унификацию* собственной монеты, прекращает чеканку удельных княжений и присоединенных территорий. Во многом переходу территорий на московскую монету способствовало наличие для большинства русских земель базовой весовой нормы серебра — *низовской* (московской), а несколько отличающаяся *новгородская* имела определенную кратность в соотношении с московской.

В конце XV в., когда объединение русских земель было завершено, была создана *единая национальная денежная система.*

Сельские поселения. Основным типом поселений, распространившихся на новые земли, раньше незаселенные, была *деревня* — небольшой поселок, состоявший из двух–пяти дворов. Само название «деревня» в письменных источниках появляется поздно — не ранее 30-х гг. XIV в. Происхождение слова чаще связывают с глаголом «драть» в значении «пахать целину». В понятие деревни входило не только поселение, но и обрабатываемая земля.

К тому же типу сельских поселений относится *починок.* Это название (от «почин» — начало) давали в лесной зоне поселению, которое только еще образовывалось и не создало для себя прочной постоянной пашни. С течением времени починки обычно превращались в деревни.

Село отличалось от деревни по своему происхождению, характеру и размерам (в них было до 100 и более дворов). В XIII–XV вв. села оставались владельческими поселениями, где был двор феодала и дворы зависимых от него людей. Село имело иную планировку. Его организующим центром являлась господская усадьба. Впоследствии многие владельцы устраивали возле своих дворов небольшие церкви, которые становились религиозными центрами для населения окружающих деревень. С XVIII в. именно наличие церкви являлось признаком, отличающим село от деревни, но в XIII–XV вв. далеко не все села имели церкви.

В северных и северо-западных землях для обозначения сельского поселения употребляется также название *погост*, что, вероятно, можно связывать именно с наличием церкви и дворов церковного причта.

В XIII–XV вв. получают развитие также *слободы*, или *свободы*, жители которых пользовались временными льготами от уплаты налогов и от выполнения других феодальных повинностей. Слободы были не только земледельческие, но и ремесленные. Последние представляли собой обычно отдельные городские кварталы.

В конце XV в. появляется еще один тип поселения — *рядок.* Это поселок переходного типа от деревни к городу. Обычно они возникали на торговых путях, в местах, удобных для развития промыслов.

Города. Самый страшный удар орды Батыя нанесли по русским городам. Из 75 городов домонгольского времени 49 были разорены и все без исключения испытали тяжелые последствия ханского ига, даже Новгород, Псков и Смоленск. В городах, принявших на себя удар вражеских полчищ, в слоях 30–40 гг. XIII в. обнаружены следы страшных пожарищ и многие сотни погибших. Из 49 городов, разоренных ордынцами, 14 вовсе не поднялись из пепла и еще 15 так и не смогли восстановить прежнего уровня, постепенно превратившись в поселения сельского типа. Примечательно, что все эти 15 городов в домонгольское время были экономически слабыми, малонаселенными городами — центрами небольших волостей. Из столиц древнерусских земель-княжений только Рязань в конце концов уступила свое место Переяславлю (нынешняя Рязань).

Таким образом, большинство развитых городов с трудом, но преодолели и трагедию погрома, и тяготы длительного иноземного господства. Это обстоятельство свидетельствует, что большинство древнерусских городов имели высокую степень экономической и социальной прочности.

В XIV–XV вв. рост и развитие городов были связаны с углублением разделения труда в ремесле, расширением товарообмена в торговле. Возникают новые города, ставшие вскоре столицами самостоятельных княжеств, крупными ремесленными и торговыми центрами. К их числу относится Тверь, основанная в XIII в., а в начале XIV в. ставшая одним из самых могущественных русских городов. Москва представляла собой к середине XIII в. один из многих городков. Сожженная дотла в 1237 г., она быстро восстановилась и за последующее столетие выдвинулась на первое место среди русских городов. Переживают бурный рост Нижний Новгород, Переяславль Рязанский, Звенигород и др.

Крепость Копорье

Русские города имели много общих черт, обусловленных экономической и социальной сущностью города, в частности — в ***городской планировке***. К центральной укрепленной части — *кремлю* или *городу*, как его тогда называли, — примыкали ремесленные *посады* и *торг*, зачастую не имевшие своих укреплений. Кремль был административным центром и княжеской резиденцией.

Вплоть до второй половины XIV в. городские фортификации были в большинстве деревянно-земляными. Их основу составляли земляные валы, внутрь ядра которых были положены бревенчатые конструкции. По гребню вала возводились деревянные стены и башни. По мере повышения статуса и роста территории города укрепления обновлялись и включали новые районы и население в городскую черту.

Примечательна история неоднократных обновлений фортификаций Москвы. Город возникает на окраине Суздальских земель как пограничная крепость. Первоначальные укрепления не сохранились, однако их местоположение определимо — центральная часть Боровицкого холма. Площадь укрепленного участка — 1,3 га.

В конце XII — первой трети XIII в. Москва эволюционирует в малый город. Укрепления подверглись реконструкции, а площадь города была увеличена до 14 га.

В XIV в. Кремль был расширен до 19 га. Новый Кремль отличался от прежнего размерами и мощностью крепостных стен, которые были рублены из толстых дубовых бревен. Перестроен был и княжеский дворец: к этому обязывал новый титул — великих князей. Дворец занимал территорию, где сейчас стоит Оружейная Палата и Большой Кремлевский Дворец. К востоку от княжеского дворца после постройки соборов образовалась Соборная площадь. Однако дубовый кремль просуществовал недолго. Войны с Золотой Ордой, Литвой, рязанскими и тверскими князьями, быстрый рост военной техники требовали возведения более современных укреплений.

В 1367 г. в Москве ставят каменную крепость. Территория Кремля опять была расширена и достигла 23 га. Крепость охватывала почти всю площадь современного Кремля, за исключением северного угла и узкой полосы вдоль р. Неглинной. Стены были сложены из белого камня. Поставлены пять проездных ворот, башен было больше. Московский Кремль имел самое современное по тем временам вооружение. На его стенах и башнях стояли первые русские пушки. Кремль 1367 г. прослужил более ста лет. Разрушенные в ходе осад участки стен заделывали деревянными срубами и засыпали землей. В конце концов таких включений стало едва ли не больше участков с сохранившейся каменной кладкой.

Строительство нового кирпичного Кремля было начато в 1485 г. с Тайницкой башни. Башня получила название по тайному выходу к Москве-реке. Всего было возведено 20 башен. Стены и башни клались на мощном бутовом фундаменте. Забутовка была также внутри стен, снаружи облицованных кирпичом. Башни отличались от современных формой кровель. Нынешние декоративные шатры на них построены в XVII в. Закончена постройка кремлевских укреплений была в 1516 г. сооружением рва на Красной площади, превратившего Кремль в неприступный остров.

В XIV в. строительство каменных крепостей на Руси было повсеместным. Целая система крепостных сооружений была возведена в Псковской земле, что было связано с постоянной военной угрозой, исходившей с запада, со стороны Литвы и Ливонского ордена. Псков, Изборск, Гдов, Остров и другие крепости были первоклассными сооружениями, неоднократно выдерживавшими осаду.

Много пограничных крепостей строил в XIII–XV вв. Великий Новгород. Новгородцы сосредоточили всю оборону на своих северных и юго-западных рубежах, укрепив Ладогу, Орехов, Копорье, Порхов, Руссу и др. города.

Укрепления самого Новгорода в XIV–XV вв. претерпели значительные изменения. В 1302 г. начато строительство каменных стен детинца, возводившихся из серого тесаного плитняка. Работы были завершены лишь в 1330-х гг. В XV в. новгородский кремль был вновь перестроен. Технология возведения стен из кирпича была аналогична московской, и вполне вероятно участие в их строительстве итальянских архитекторов.

Фортом Твери были каменные крепостные стены Федоровского острова, поставленные в 1421 г.

В число укрепленных пунктов, прикрывавших Москву, входили Звенигород, Можайск, Серпухов и другие города-крепости.

За пределами кремля, обычно вблизи реки и пристаней речных судов, располагался городской торг — экономический центр города. На торговой площади стояли ряды и лавки. Строили, вероятно, и постоянные дворы для регулярно приезжавших купцов из других городов. Здесь же возводили церкви. На торговой и соборной площадях происходили собрания горожан.

Кремль и торг образовывали центр города, к которому со всех сторон сходились узкие улицы. Средневековый город представлял собой сложнейший лабиринт улиц и улочек с переулками и тупиками, прокладывавшихся стихийно, по мере надобности и учитывавших при этом только условия местности и систему уже существовавших строений, в том числе наличие крепостных воротных башен.

Въезд и выезд из города был возможен только через немногочисленные ворота в валу. Обычно проездные воротные башни ставились на важнейших магистралях и к этим воротам по мере застройки сходились другие улицы. Так образовывались узлы кривых переулков, доныне сохранившиеся во многих старых городах, где крепостные стены давно уже снесены (например, Арбатская площадь, районы Никитских, Покровских, Красных ворот в Москве).

Общую направленность главных улиц определяли магистрали от торга и кремля либо от берега реки к окраинам города, где они выходили на важнейшие сухопутные дороги. Подобную систему магистралей можно проследить во всех средневековых городах.

Территория вне стен кремля носила чаще всего общее название — посад, но в некоторых городах (Новгород, Смоленск, Псков, Ладога, Ростов) существовали крупные районы — *концы*. На посаде жила основная масса населения — ремесленники, купцы, «черные люди».

В состав посадов входили владельческие слободы, принадлежавшие княжеским и боярским семьям. Обычно люди одной профессии и одинакового социального положения селились поблизости, в одной части города. Так складывались аристократические и демократические районы. С древнейших времен известно о кварталах, заселенных ремесленниками одной профессии. Отсюда название старых

московских улиц — Котельники, Гончарные, Бронная, Пушечная, Кузнецкий мост и др. Аристократическая застройка зачастую вытесняла черное население из центра.

Части города, разделенные реками, соединялись *мостами*, в ту пору обычно деревянными. Это были сложные конструкции, опиравшиеся на столбы-ряжи и имевшие иногда значительную длину. Существовали и наплавные мосты на специальных поплавках, разводившиеся для пропуска речных судов.

В больших городах посады обычно защищались второй линией укреплений — *внешним*, или *окольным, городом.*

В XIV в. после завершения строительства мощных оборонительных стен московского Кремля начали возведение вала и рва вокруг разросшегося Великого посада. Первоначальные укрепления — деревянные *гродни* из вертикально врытых в землю столбов и жердей. Связи таких жердей назывались «*кита*». Отсюда пошло название огороженной части Москвы — Китай-город. Новгородцы в последней четверти XIV в. окружили городскую территорию Окольным валом, который включал каменные башни.

Рост укреплений обычно немного отставал от роста города, и посады выходили далеко за линию фортификаций. При приближении неприятеля все население загородных посадов укрывалось за городскими стенами, а посады зачастую сжигали.

Постройки. Русские города представляли море деревянных строений. Из общей массы выделялись каменные церкви и отдельные каменные дома знати.

Дворы рядового городского населения включали жилой дом, одну–две хозяйственные постройки. На усадьбе знати ставили два–три жилых дома, некоторые в два этажа, несколько хозяйственных построек, бани.

С XIV в. в городской застройке появляются отдельные каменные гражданские постройки. В Новгороде при раскопках на Неревском конце был вскрыт каменный фундамент дома посадника Юрия Онцифировича. Позднее в Славенском конце были открыты каменные боярские дома, сложенные из ракушечника. Активно гражданское каменное строительство велось в Пскове, где до сих пор сохраняются средневековые постройки.

Каменные палаты в середине XV в. строили князья и духовные иерархи. В 1442 г. новгородский архиепископ Евфимий построил «комнату каменну в своем дворе». Московский митрополит Иона в 1450 г. «заложил на своем дворе палату каменну». Представление о характере каменных палат дают сохранившиеся до наших дней дворцы конца XV в. (Угличский дворец, Грановитая палата Московского Кремля, владычная палата в Новгороде).

Культура. Неисчислим урон, нанесенный монголо-татарами русской культуре. Повсеместно от Киева до Владимира полностью остановилось храмовое каменное строительство. Прекратилось развитие многих видов монументально-декоративного искусства. Лишь в конце XIII в. в Галицко-Волынской Руси и в Новгороде, а в Северо-Восточной Руси и во Пскове в начале XIV в. возобновляется церковное строительство. По мере восстановления экономического потенциала каменное ***храмовое строительство*** возобновлялось и в других землях.

Фундамент каменного дома новгородского посадника Юрия Онцифировича

В XIV–XV вв. церковное строительство развивалось на традициях двух домонгольских архитектурных школ: *новгородско-псковской* и *владимирской.*

Для новгородско-псковского храмового строительства было характерно возведение небольших по объему *одноапсидных одноглавых храмов*, практически лишенных декоративных элементов.

Новгородские строители использовали пористый местный ракушечник. Кирпич применялся главным образом при возведение верхних частей постройки. В Пскове строили из плитняка. Церковное строительство в Новгороде и Пскове велось широко. Заказчиками выступали не только бояре, но и купцы, и корпорации уличан. Заметную роль в храмовом строительстве Новгорода играли церковные иерархи, осуществлявшие также широкое строительство монастырей. В середине XIV–XV вв. город окружало ожерелье пригородных монастырей.

Владимирские архитектурные традиции наиболее полно реализовались в московском храмовом строительстве XIV–XV вв. *Трехапсидные пятиглавые московские церкви* имели значительные объемы. Фасады храмов декорировались. При строительстве использовались блоки белого известняка.

Наиболее полно тенденции владимирского храмового строительства были реализованы обстройкой Соборной площади московского Кремля в последней четверти XV — начале XVI в., когда при участии итальянских архитекторов Аристотеля Фиорованти и Алевиза Нового были воздвигнуты Успенский и Архангельский соборы, дополненные небольшими храмами Ризоположения и Благовещения, возведенными псковскими мастерами. Кремлевские соборы были своеобразными эталонами дальнейшего развития общерусской церковной архитектуры.

В первой половине XIV в. постепенно восстанавливается ***живопись.*** Важнейшими элементами церковных интерьеров становятся многоярусные

иконостасы, вбирающие в себя основные темы храмовой росписи. Послемонгольская *иконопись* все больше отходит от византийских образцов. Эволюцию русской фресковой живописи и иконописи во многом помогает восстановить археология.

В XIV–XV вв. сложились три основные школы иконописи — *новгородская, псковская* и *московская*.

Для новгородского и псковского искусства XIV–XV вв. характерно усиление реалистических тенденций. Иконопись Новгорода отличает лаконичность сюжета и особая сила цвета. Живописи псковских иконописцев присущи энергичная манера письма, импульсивная форма выражения при более приглушенной цветовой гамме. Образа, созданные московскими иконописцами, обращены к светлому духовному миру человека, воплощают мечту о высоком духовном идеале, полны глубокой внутренней тишины.

Возрождение живописи происходило во второй половине XIV в. прежде всего в Новгороде под воздействием южнославянских художников, участие которых в создании *фресковых росписей* церквей Федора Стратилата и Успения на Волотовом поле определяется стилистическим анализом, а работа великого Феофана Грека в церкви Спаса Преображения на Ильине улице удостоверяется летописью, так же как дальнейшая деятельность мастера в Москве.

Синтез древнерусской живописи и южнославянских традиций реализовался в творчестве гениального Андрея Рублева и других русских художников.

Таким образом, монголо-татарское нашествие 1237–1240 гг. и последовавшее 250-летнее золотоордынское иго существенно повлияли на темпы и характер экономического, социального и культурного развития Руси. И все же благодаря самоотверженному труду русского народа, в первую очередь крестьян, ремесленников, купечества, экономический потенциал страны был восстановлен и приумножен. В конце XV в., после того как окончательно было сброшено татарское иго, перед глазами Запада и Востока на просторах Восточной Европы встало новое мощное государство — Московская Русь.

Глава 6

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОСУДАРСТВА ЮЖНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Огромные пространства Евразии, раскинувшиеся к востоку от Урала, осваивались людьми по-разному: в соответствии с географическими поясами — тундры, тайги, степей и полупустынь. Во главе прогрессивного развития этой части Азии оказались горные районы Южной и Восточной Сибири и Дальнего Востока, в силу вертикальной зональности обладающие всеми названными природными условиями, а также богатейшими полезными ископаемыми.

В эпоху Средневековья в развитии местных обществ резко возросло воздействие политико-экономических факторов. Сильные, культурно развитые и, следовательно, исторически значимые государства сложились у народов всех языковых семей горно-степной зоны: тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских.

Государства степной полосы уже в раннем железном веке распространяли на северную и горную тайгу свое политическое и экономическое влияние (дань пушниной брали уже носители *саргатской* и *тагарской культур*). Позднее в сферу централизованной государственности были втянуты новые племена и народы (на то указывают поселения колонистов-хунну в Бурятии и на Алтае, наместнический центр *хунну* в Хакасии, введенные *хунну* в Южной Сибири бронзолитейные и художественные стандарты). В раннем Средневековье степные государства закрепили и расширили свое владычество в лесостепной и горно-таежной зоне.

Этнические традиции продолжали сохраняться главным образом в памятниках погребального и поминального обряда, типе поселений и домостроительства, в сельском гончарстве. Отличия же эпохи состоят в том, что археологические культуры региона нередко сливаются или почти сливаются друг с другом в материальных проявлениях сословного характера — в атрибутах аристократического и дружинного быта. Особенно показательны здесь черты мужского обихода: детали костюма, металлического снаряжения и утвари, конской сбруи, вооружения и т.п.

Причина в том, что, оказываясь в тех или иных государствах эпохи (т.е. в обществе многонациональном), народы утрачивали собственные социальные показатели и принимали сословные признаки господствующей, государственной культуры (ср. *салтово-маяцкую культуру*). Таким образом, по отношению к Средневековью можно говорить о новой сути археологических культур — складываются *государственные* археологические культуры. Единство их вещевых комплексов, указывая на общность знати, не исключает многообразия погребальных и поселенческих памятников, отражающих этническую пестроту населения, объединенного политически, но сохраняющего привычный образ жизни.

История материальной культуры встречается здесь с историей письменной: в средневековых сочинениях от Византии до Китая любые государства, исключительно пестрые по этническому и языковому составу, именуются по создавшему их народу или его правящему сословию (династийному роду). В современных российских пределах особенно сильна была роль аристократических родов у народов Сибири и части прилегающей к ней Азии.

Назовем другие археологические проявления социальных и идеологических изменений эпохи. На орнаменте и сюжетах металлопластики широко сказалось распространение в Сибири и на Дальнем Востоке мировых религий[1] — манихейства и буддизма. Облик материальной культуры дополнился монетами и различными эпиграфическими памятниками. Деревянная архитектура дополнилась монументальной: города и крепости,

[1] К мировым религиям относят идеологии, вышедшие за национальные пределы и основанные на принципах единобожия. Их философия изложена в священных писаниях.

монастыри и храмы, дворцы и усадьбы сооружаются из глино-галечных, пахсовых[1], землянo-бутовых материалов, кирпича и камня. Распространились памятники монументального письма и каменная портретная скульптура. Они отразили осознание роли отдельной личности, присущее аристократическим кругам раннесредневековых обществ.

Следует учитывать, что, изучая Средневековье, археология в определении своих материалов во многом идет за летописями и иными официальными источниками, которые доносят имена (пусть иноземные) народов — создателей крупных государств. Стремление отыскать их древности нередко приводит ученых к отказу от археологических наименований культур и замещению их этническими (реже — государственными) именами. Эта тенденция накладывает на археологические исследования чуждый им политический отпечаток, сдерживая специальный источниковедческий анализ, а то и вызывая ошибки этно-исторического и историко-культурного плана.

Культурообразующее воздействие на степную и лесостепную Сибирь в VI–VIII вв. имела культура государств-каганатов тюркских народов — I Тюркского и II Восточнотюркского, в VIII–IX вв. — Уйгурского, в IX–XII вв. — Древнехакасского государства, в XIII–XVII вв. — Монгольской империи и ее последователей. На Дальнем Востоке, при воздействии китайской и древнекорейской государственности, этапы культурного развития во многом определялись государствами тунгусо-маньчжурских народов: Бохай (698–926 гг.) и Цзинь (1115–1234 гг.).

6.1. ЮЖНАЯ СИБИРЬ (ГОСУДАРСТВА ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ)

Поныне южносибирская и центральноазиатская археология по преимуществу основана на изучении курганов. Поселения исследованы мало, в большинстве своем они не найдены. Объясняется это малочисленностью археологов-сибиреведов и их былой убежденностью в кочевом образе жизни всех местных народов, что не побуждало искать поселения. В действительности оказалось, что жилища повсеместно были наземными и деревянными, потому и не оставили заметных следов.

6.1.1. Тюркские каганаты (552–745 гг.)

Сегодня слово «тюрки» нередко воспринимается как обобщающий термин. Однако эту роль он, строго говоря, играет только в языкознании, условно обозначая народы, говорящие на родственных, тюркских, языках. Историк должен помнить, что в раннем Средневековье имя «тюрки» носил только один народ, объединивший многие тюркоязычные и иные по языку народы в огромную евразийскую империю и этим расширивший значение

[1] Пахса — глиняные ленты, не разделенные на кирпичи

своего имени. Далее мы говорим о тюрках в узком смысле, описывая древности одного единственного народа.

Имя тюрок появляется в китайских летописях в 40-х гг. VI в. К тому времени этим народом уже 450 лет управлял аристократический род Ашина. Состав племен менялся из века в век, но и в дальнейшем тюркские императоры-каганы происходили из того же рода. До 551 г. тюрки были подданными Аварского (жуань-жуаньского) каганата, затем восстали и в 552–555 гг. уничтожили прежнее и создали новое государство. Историки называют его I Тюркским каганатом. В непрерывных войнах к 576 г. тюркская конница вышла к Корейскому заливу на востоке и проливу Боспор на западе. Северную границу владений составили Саянские горы, южную — Китайская стена. Византия, Иран и Китай в равной мере считались с великим соседом. К 603 г. междоусобицы разломили державу надвое: Западнотюркский каганат (в Средней Азии) и Восточнотюркский каганат (в Центральной Азии). Первый был покорен Тюргешским каганатом в 699 г., второй пережил два этапа: I Восточнотюркский каганат в 630 г. погиб в борьбе с Китаем, II Восточнотюркский каганат возродился в 682 г. и был уничтожен уйгурами в 745 г.

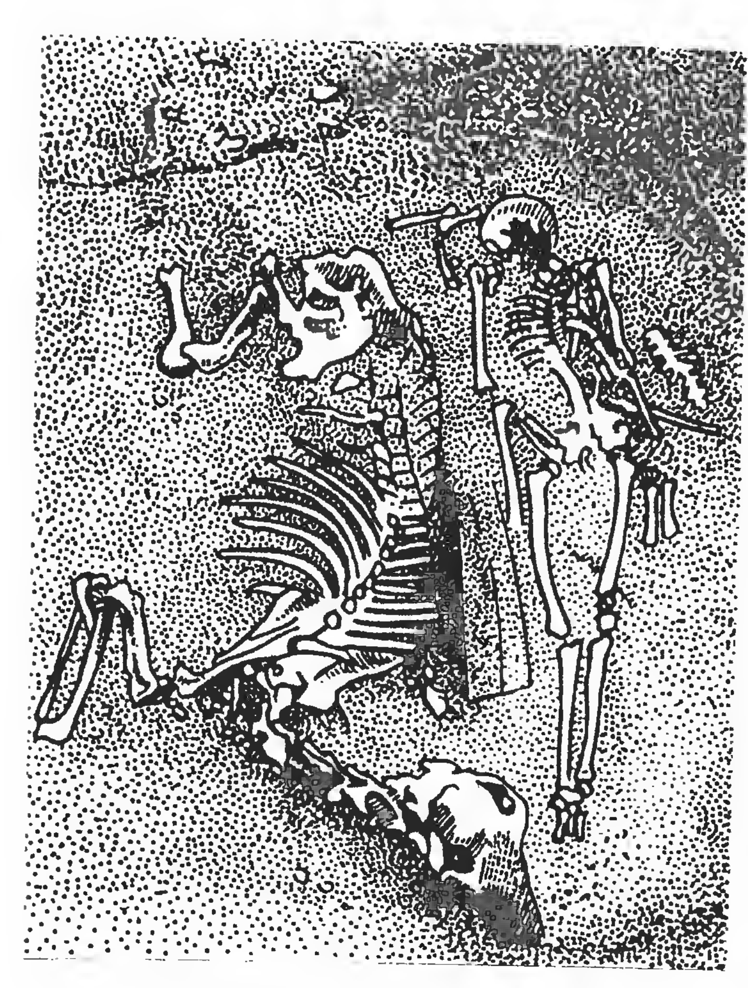
Общественный строй каганатов был строго иерархическим, с разветвленной управленческой системой, верхние ступени в которой занимала родовитая знать. Она же составляла цвет профессионального воинства, подчиненного особому этикету. Идеология превозносила верховную власть, тюрки считали себя богоизбранным народом. Их законы далеко ушли от родовых установлений, защищали государство и собственность. Хозяйство было комплексным. Появившись на страницах истории как рудознатцы и металлурги («Ты мой раб-плавильщик», — кричал последний аварский правитель будущему владыке каганата), тюрки и позднее торговали железом, изумляли мир выносливостью своих лошадей. И по сей день поражают остатки каналов, орошавших высокогорные пашни Алтая. Владея трассами Шёлкового пути, тюрки знали толк в торговле и хорошо постигли особенности Востока и Запада. Если в I Тюркском каганате канцелярию вели согдийцы и письменность была согдийской, то II Восточнотюркский каганат официально ввел собственное письмо (так называемое руническое орхонское), издревле известное жречеству тюркских народов. Древняя религия, остающаяся неведомой, не позволила тюркским каганам принять иную веру, хотя они знали буддизм, зороастризм, христианство, ислам и не трогали их общин и храмов.

Тюрки владели землями со множеством городов, жили в них (включая каганов) и управляли их хозяйством. В языке бытовало собственное слово «балык», означавшее «город». Однако в Центральной Азии археологам еще предстоит отыскать города и поселения тюрков. За пределами полупустынь, где жилищем служила войлочная юрта, в горно-таежных районах домом тюрка была рубленая бревенчатая постройка, многоугольная в плане. Такое жилище, основанное на 6 столбах, раскопано в Туве.

Археологии нет нужды следить за подробностями политических событий эпохи. Но ее материалы точно устанавливают расселение и культурное

влияние тюрок, поскольку памятники этого народа в VI–VIII вв. всюду едины. Где бы ни селились тюрки, там появлялись отличающие их подкурганные захоронения в сопровождении коня и поминальные сооружения в виде квадратных оградок, иногда с каменными фигурами людей и рядами каменных столбиков-балбалов, отходящих на восток.

Курганы тюрок не составляют больших могильников, нередко вовсе бывают одиночными. Это всегда правильная круглая выкладка из камня (диаметром от 5–7 до 10 м), имевшая отвесные стенки небольшой высоты (от 30 см до 1 м). Ниже раскрывается большая, почти квадратная яма, в одной половине которой вытянуто на спине погребен человек, а в другой, слева от него, на животе с подогнутыми ногами — верховой конь или две лошади. Обычно лошади лежат на одном уровне со скелетом человека, за перегородкой из частокола или плит, но иногда выше, на специально оставленной земляной ступени, или ниже. Тело умершего могло быть уложено в выкопанный в стенке ямы подбой. Конь погребался взнузданным и оседланным, снабженным стременами, походным набором и припасами в дорожных сумах. Вероятно, по тюркским представлениям умершего ожидал на том свете далекий путь. Возможно, он даже должен был поспеть к сроку: на то указывает погребение второго коня, взнузданного, но не оседланного, т.е., как говорят, заводного — бегущего вслед всаднику для замены уставшей лошади. Так погребались и мужчины, и женщины. В могилы к детям вместо коня иногда укладывали барана — видно, он служил «скакуном» в детских играх.

Погребение тюрка с конем

Изредка там, где тюрки жили среди иного народа, в головах погребенного оставляли один-два глиняных сосуда с питьем и едой. Чаще, и то не всегда, в могилы ставили деревянные блюда с куском мяса и ножиком. Отмечены находки проса. Собственно тюркские горшки лепные. Они цилиндричны, лишь несколько сужены у горлышка и донца. Мужчины снабжались только почетной посудой: редко клепаным котлом — древним признаком власти, чаще — личным кубком, похожим на кружку с кольцевой ручкой (у большинства — деревянным, у знати — серебряным). Признаком мужского достоинства был пояс, украшенный (в зависимости от ранга)

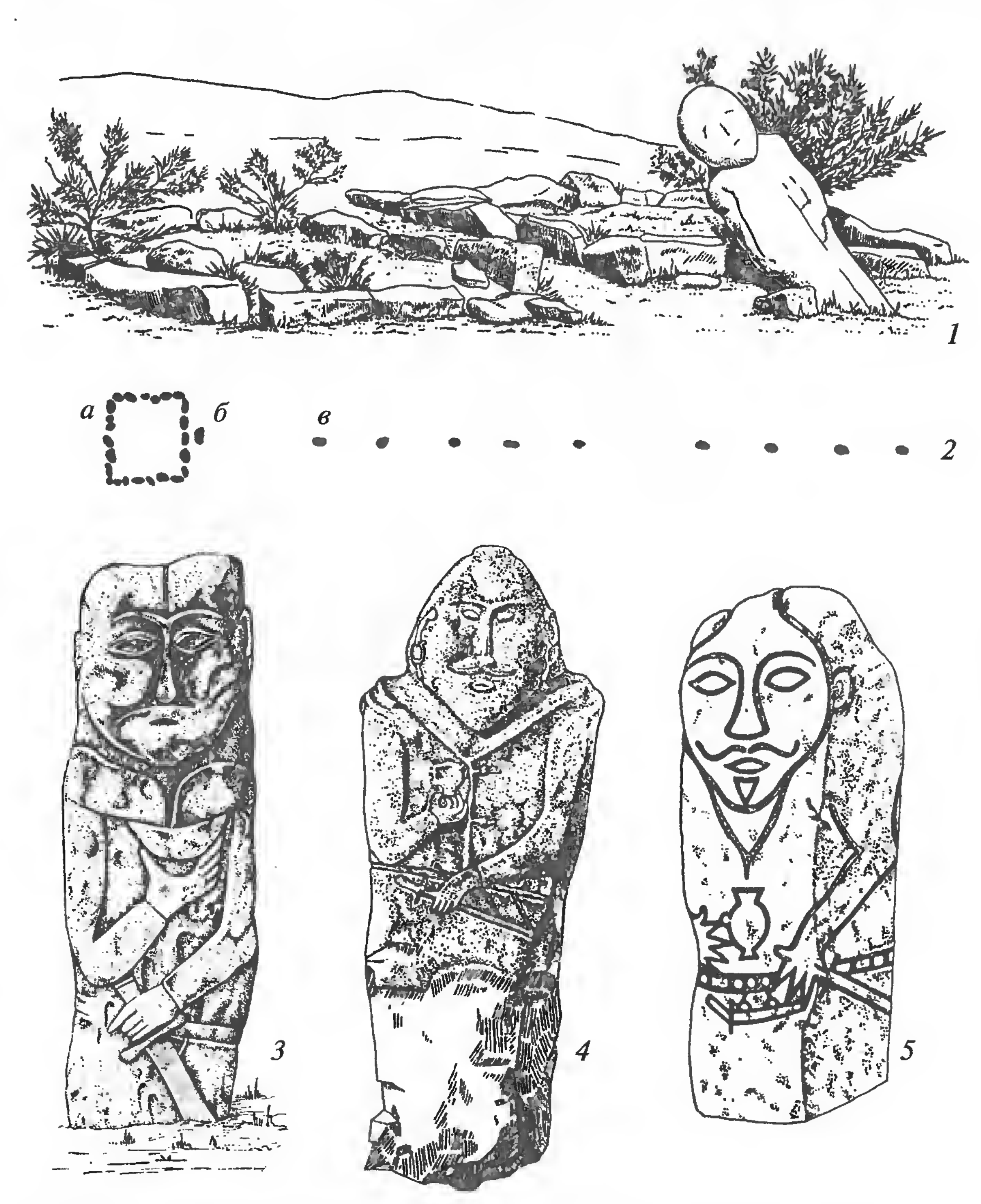

Алтай. Тюркский инвентарь:

1 — наконечники стрел с костяными свистульками; 2 — роговая накладка на переднюю луку седла, украшенная резьбою (*могильник Кудыргэ*); 3 — железные удила; 4 — котел; 5 — серебряные накладки, подвески, пряжки пояса; 6 — серебряный пиршественный сосуд; 7 — железное стремя; 8, 9 — глиняные горшки

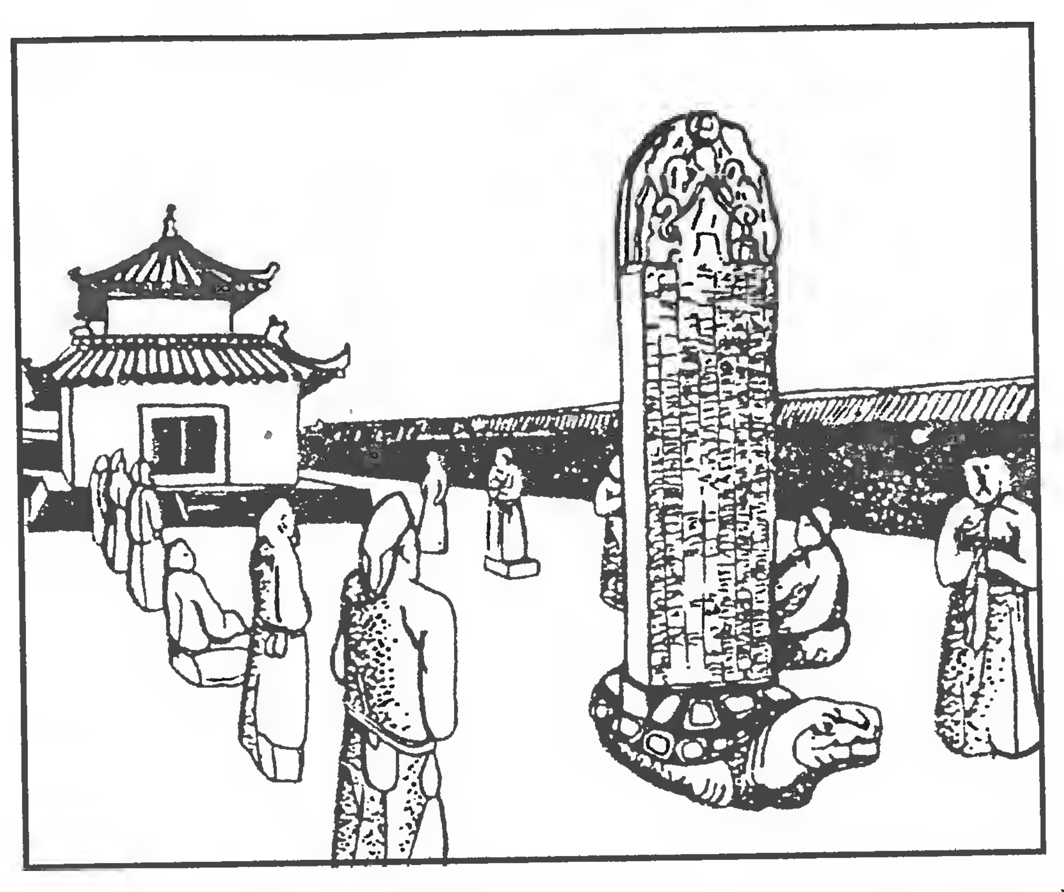
бронзовыми, серебряными или золотыми бляхами. К свисавшим с пояса ремешкам, идущим от бляшек с прорезями, крепились постоянно носимые вещи (карманов не было): нож, оселок, огниво. Стальные кресала только в VIII в. вытеснили деревянные приборы для добывания огня. Пояса с металлическими накладками широко распространились по Евразии. Колчан и налучье носили на портупейном поясе, надеваемом поверх обычного. Мужчин украшали бронзовые и серебряные серьги. За внешностью следили — нередко на поясе висел обломок бронзового китайского зеркала (целые были до́роги, в могилы их клали редко).

Археология в определенной мере противоречит летописям, выявляя оторванность обряда от повседневности: в смерти тюрки не выглядят столь уж воинственными — в могиле обязателен только сложносоставной лук с берестяным колчаном, полным стрел. Особенностью лука были три пары роговых накладок: две по краям (с вырезом для тетивы) и пара с косыми срезами — посередине. Другой тип знал только центральные накладки. От Китая до Африки описания полны восторга от тюркского искусства стрельбы на скаку, но лук был и основным средством охоты. Вопреки расхожим представлениям, в ближнем бою тюрки сражались не саблями, а узкими

Тува и Монголия. Поминальные оградки тюрок с изваяниями и балбалами:
1 — общий вид; 2 — план типичного комплекса (*а — оградка, б — изваяние, в — ряд балбалов*); 3–5 — изваяния

Монголия. Двор поминального комплекса Кюль-тегина (*реконструкция*)

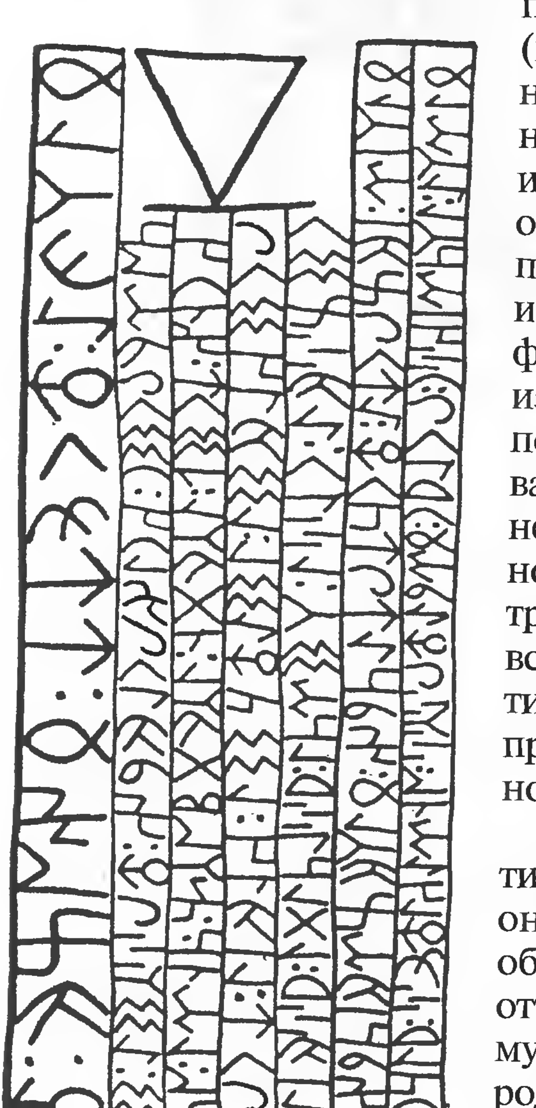
прямыми мечами-палашами, в отчаянный момент пуская в ход коленчатые кинжалы. Но находки тех и других в курганах редки, как и боевых топориков или наконечников копий и пик, составлявших силу закованной в панцири тяжелой конницы. Обычно нет в могилах и воинских доспехов, бывших пластинчатыми и кольчужными.

Своеобразие удил состоит в их петельчатых концах. В них вставлялись L- и S-образные псалии, роговые или железные. Богатая узда украшалась бронзовыми и серебряными бляшками. Считается, что тюрки научили железным стременам Европу. Большинство стремян, гнутых из стержней, имеют форму восьмерки, другие крепились при помощи петли в особо выделенной прямоугольной пластине. Седла делались из березы, с высокой арочной передней лукой, резной или украшенной металлической окантовкой, костяными пластинами. В могильнике Кудыргэ на Алтае такие пластины оказались гравированы сценами мифической охоты двух конных лучников на все живое.

Особенно примечательны и многочисленны поминальные сооружения тюрок. Важно отметить, что они находятся не в местах тюркских захоронений. В полном виде они состоят из трех частей: оградки, изваяния и балбалов. Двух последних может не быть, но квадратная оградка, составленная из вкопанных на боку каменных плит, имеется обязательно. Ее обычные размеры 2×2 м, а высота — 0,1–0,3 м. Середина тщательно выложена камнем. Оградка была местом жертвоприношений, но каковы они были, пока загадка: находки вещей исключительно редки, возлагали что-то тленное, встречается лишь несколько угольков. Сторонами (реже, углами) оградки ориентированы по краям света и могут образовывать ряды, вытянутые на

север. Каменное изображение человека ставилось у восточной стенки, спиной к оградке. Хотя такие скульптуры зовут каменными бабами, они всегда изображали мужчину[1] — самого погибшего героя. Балбалы означали убитых им врагов, имели вид необработанных камней и ставились (по числу побежденных) вертикально рядком перед лицом скульптуры. Иногда длина ряда составляет сотню метров, а у полководца Кюль-тегина (умершего в 731 г.) — 4,5 км. Правда, каждый воин мог даровать павшему товарищу собственного убитого врага. Выходит, бой состоял из поединков.

Поминальное изваяние при всей условности всегда портретно — каждый герой был узнаваем современниками. В степи возникли галереи славных предков, но не живописные, а камнерезные. Лица (важнейший элемент ритуала!) высекались даже на совершенно необработанных камнях и валунах. Каноническая фигура в эпоху каганатов изображалась только по пояс. Поскольку кушак обозначал ранг, он обычно вырезан на скульптуре, а вот ниже уже ничего нет: полы кафтана и скрещенные ноги сидящей (как полагалось) фигуры лишь подразумевались. У тюркского изваяния VI–VIII вв. левая рука лежит на рукояти подвешенного к поясу меча, а правая удерживает перед грудью кубок. Считалось, что окаменевшая душа участвует в собственном поминальном пиру. Сидящие перед нею живые участники тризны славили умершего, потому у изваяния всегда есть уши. Помимо антропологического типа, тюркские изваяния характеризуют костюм, прически, личное оружие и виды пиршественной посуды.

Орхонское письмо. Начало надписи Тоньюкука

Вместо изваяния перед оградкой часто вертикально стоит неотесанный камень — именно он обрядово первичен. Каменные бабы столбообразны не потому, что их ваяли неумело, а оттого, что подчинены изначальному символизму менгира (бывшего у всех тюркоязычных народов посмертным изображением — еще на рубеже н.э.) (см. *таштыкскую культуру*). Ту же природу имели камни-балбалы. Следует знать, что балбалы не ставили другие народы Тюркских каганатов и вид их изваяний не был похож на собственно тюркские (см. *Уйгурский каганат*). Потому по ареалу оградок, тюркских изваяний и балбалов определяются земли Тюркских каганатов, заселенные самим народом тюрков. Этих памятников особенно много в Монголии, Туве, на Алтае, в Восточном Казахстане и Киргизии. Они изредка встречаются на Южном Урале и в Донских степях.

[1] Женские изображения известны у кыпчакских племен Казахстана. Наибольшее развитие они получили у их европейских собратьев — *половцев*.

Особой пышностью и культурной значимостью отличаются поминальные памятники высшей аристократии II Восточнотюркского каганата. Большинство их открыто в центре страны — на р. Орхоне в Монголии. Более скромные, созданные в честь наместников и иных чиновников, обнаружены в Туве и на Алтае. Всюду это прямоугольные площадки, окруженные невысоким валом с внутренним рвом. При прочих деталях на них создавали те же главные компоненты: оградку могло дополнять здание (часто крытое черепицей), изваяние умершего — сопровождать фигуры супруги и подданных, перед рядом балбалов — выситься стела с описанием личных деяний. Облик стел и характер их надписей испытали сильное воздействие Китая, но орхонское руническое письмо самобытно. Вместе с енисейским (см. *Древнехакасское государство*) и таласским письмом, распространенным в Кыргызстане и южном Казахстане, оно составляло азиатскую группу самобытных рунических алфавитов тюркоязычных народов.

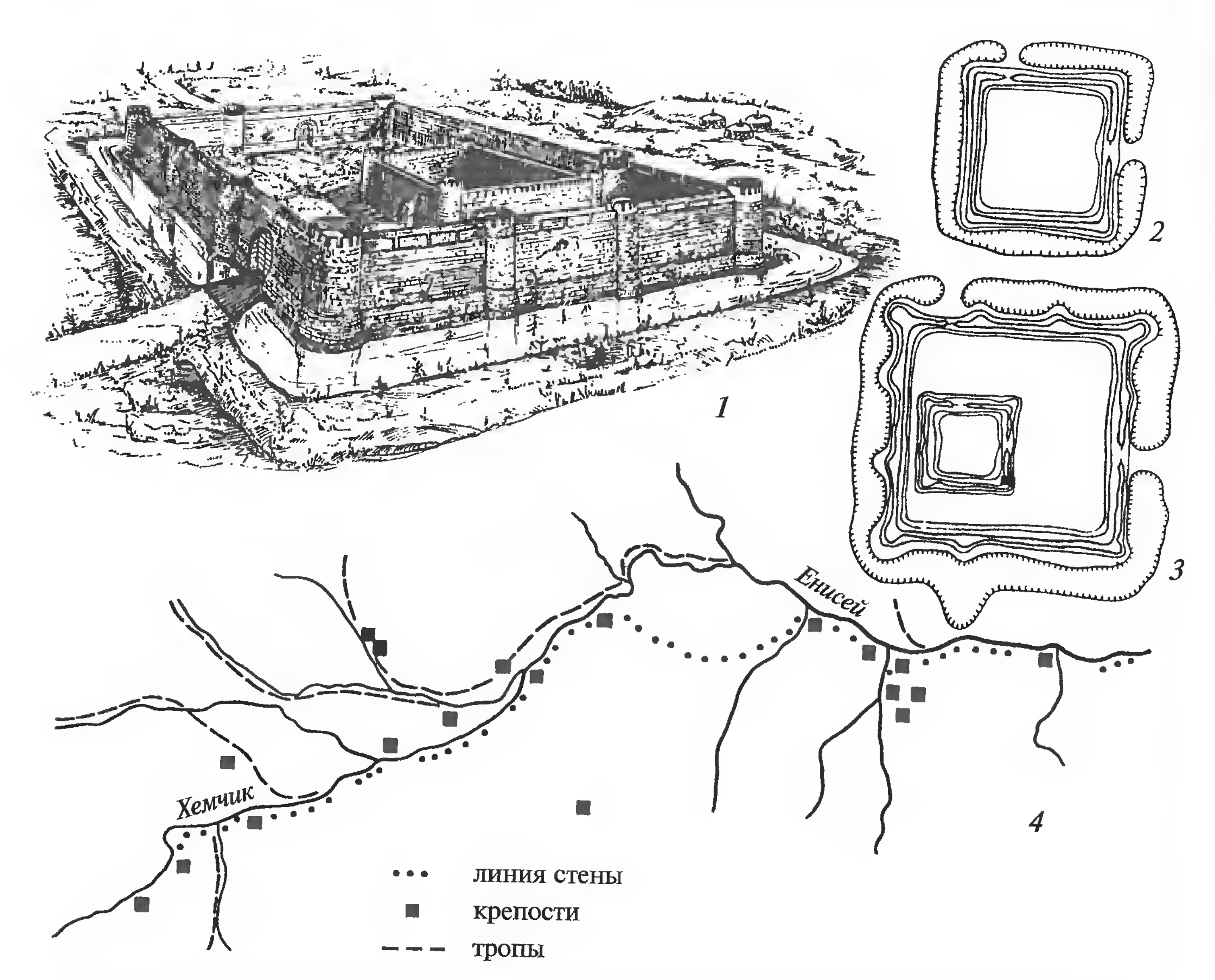
С крушением каганатов в середине VIII в. тюрки перестают создавать поминальные оградки и изваяния, но курганы, содержащие погребения с конем, продолжают отличать этот народ в составе более поздних держав Сибири и Центральной Азии. Вплоть до XI в. такие захоронения встречаются на землях *Уйгурского каганата* и *Древнехакасского государства*, где тюрки служили местным правителям.

6.1.2. Уйгурский каганат (745–840 гг.)

Уйгуры — один из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии. Их предки известны с IV в. как скотоводы, жившие к северу от пустыни Гоби. Так же как тюрки, входя в IV–VI вв. в состав каганата аваров, уйгуры постоянно боролись за свободу, но после создания Тюркского каганата оказались в его власти. Летопись сообщает, что тюрки «их силами геройствовали в пустынях севера». С начала VII в. известно имя династийного рода уйгуров — Яглакар. Попытки освободиться особенно усилились в 30-е гг. VIII в. и привели в 745 г. к убийству последнего кагана Восточнотюркского каганата. Уйгурское господство установилось на территории от Монгольского Алтая до Маньчжурии и от Байкала до Китая. В 750–751 гг. уйгуры обратились на северо-запад и в кровопролитной борьбе подчинили тюркоязычных чиков Тувы, в 758 г., перейдя Саяны, победили древних хакасов. Власть над Хакасией была недолгой — северная граница прошла в Туве у южного подножия Саянских гор, где уйгуры возвели 16 крепостей и глинобитную стену длиною более 230 км. Эти масштабные действия были прозорливы, но не смогли уберечь страну. Крепости не успели стать полноценными городами. Начатая древними хакасами большая война продолжалась 20 лет и в 840 г. привела к гибели Уйгурского государства. Преодолев Саяны, древнехакасские конные корпуса преследовали разбегавшихся уйгуров до Амура, Китайской стены и оазисов Туркестана. Лишь в Восточном Туркестане в X–XII вв. сохранялись и процветали уйгурские княжества,

без боя сдавшиеся затем войскам Чингисхана. Культура Уйгурского каганата имела большое влияние на *монголоязычные народы*.

Уйгурский каганат был высококультурным, хорошо организованным государством, с развитым историческим самосознанием. Страна восприняла политическое и культурное наследие Восточнотюркского каганата, сохранив чиновничий штат, расположив столицу в той же долине Орхона, применяя орхонское руническое письмо и продолжая установку официальных памятных стел. Держава имела активные связи с Китаем и Средней Азией, осознанно обогащая свою культуру их достижениями. В ней планово развивалось градостроительство (к которому привлекали согдийцев) и ряд отраслей экономики (прежде всего земледелие и горное дело), контролировались торговые пути, была создана сеть почтовых станций. В 763 г. страна приняла одну из мировых религий того времени — *манихейство*, отличавшееся особой книжностью и энциклопедичностью, развитой церковной организацией и монашеством. Проповеди и службы велись на национальных языках, применялись письмена приобщаемых к вере стран. Возникнув в Вавилонии в III в., а к VIII в. наиболее связанная со Средней

Уйгурские крепости Тувы. Реконструкция и план III Шагонарского городища (1, 3), план IV Шагонарского городища (2). Расположение крепостей вдоль стены на реках Хемчик и Енисей и тропах через Саяны (4)

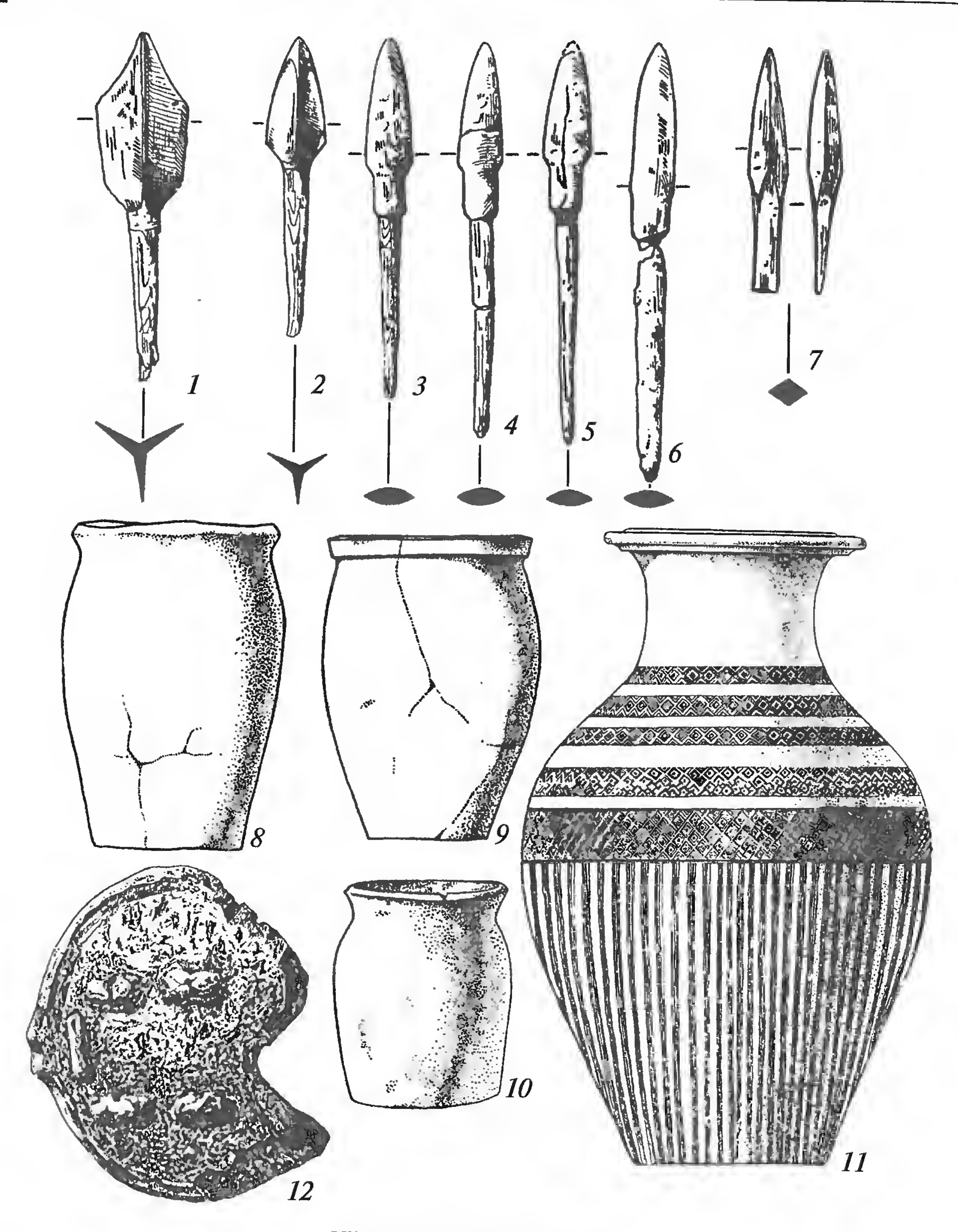
Азией, эта религия широко раздвинула культурные горизонты населения. Тогда же манихейство приняло и *Древнехакасское государство*.

Археологические памятники Уйгурского каганата выделены лишь в середине XX в. и не получили специального наименования. Они известны в Туве, Забайкалье и Монголии (но в двух последних почти не исследованы). Это прежде всего города. До прихода уйгуров Тува не знала монументальной архитектуры, ими же были сразу возведены 17 крепостей. Все они правильного четырехугольного плана и ориентированы по странам света. Их высокие стены (уцелевшие на 2,5–2,8 м) глинобитны или сложены из сырцового кирпича. Углы и ворота (которых обычно двое) укреплялись полукруглыми башнями. Особенно защищено III Шагонарское городище — у этого небольшого (126×119 м) замка 10 башен и внутренняя цитадель. Памятник входит в куст из 5 крепостей, четыре из которых защищали его. Вероятно, здесь была ставка каганского наместника в Туве. Внутри цитадели открыты остатки здания столбовой конструкции, крытого черепицей. В остальных крепостях также были наземные постройки. В городищах найдены следы ремесленного, металлургического и гончарного производств, плуги, зернотерки, ручные жернова.

Крепости были разных размеров (от 80×80 до 538×375 м), но строились по единому плану. Первый город — опора проникновения в новую страну — ставился сразу по пересечении ее границ и служил защитой прибывавшим войскам. Такова крепость Бажын-Алак, расположенная в Туве близ уйгурской тогда Монголии, на лучшем пути через хребты Танну-Ола. Крепость была застроена длинными строениями, разделенными частоколами на отсеки, — возможно, казармами. Второй форпост был уже к северу от Саян (у с. Шушенское), на берегу Енисея, служившего зимней дорогой. Периметр этого городища достигал 800 м. Других крепостей уйгурам в Хакасии создать не довелось. В Туве же города и замки образовали единую, обращенную на север, к враждебному *Древнехакасскому государству*, дугу и были соединены упоминавшейся длинной стеной.

Для крепостей выбирались низкие, хорошо защищенные водою места: поймы рек, острова, затопляемые луговины. Рвы сопровождали стены городов и полевые фортификации. Такой ров протяженностью 3,3 км имел, например, вал, уходящий в обе стороны от I Шагонарского городища. Он соединял Енисей с р. Шагонарчик. Участки длинной пограничной стены также имели рвы.

Материальная культура уйгуров изучена мало. Однако вполне очевидны ее глубокие центральноазиатские корни. Близ Шагонарских крепостей раскопаны два могильника уйгуров, резко отличавшихся от захоронений местных племен. Это низкие земляные курганы, перекрывавшие глубокие ямы с боковыми подбоями и сводчатыми катакомбами для тел умерших. Мужчин, женщин и детей погребали поодиночке, укладывая спиной на дощатые настилы или в деревянные гробы. В головах ставили питье в вазообразных гончарных сосудах со штампованным ромбическим узором, а густую пищу — в широкогорлых горшках с уступом под венчиком. В деревянных блюдах оставляли куски мяса овец, коз или коров да ножи для их разрезания. Вход в катакомбу закладывали досками, частоколом, камнями.

Уйгуры Тувы. Инвентарь:
1–7 — наконечники стрел; 8–10 — лепные сосуды; 11 — гончарная ваза; 12 –плужный отвал (*1–6, 12 — железо, 7 — кость*)

Инвентарь малочислен. Характерно полное отсутствие конского снаряжения. Хотя многие погребенные убиты на войне (их черепа рассечены мечами или пробиты стрелами, разрублены кости рук и тела), из оружия (и то лишь у избранных) находят одни роговые накладки лука и несколько наконечников стрел из железа и кости. В женских погребениях бывают глиняные или каменные пряслица, костяные игольники, стеклянные и каменные бусы, подвески из клыков животных, у детей — бусы, ожерелья из

Уйгурское изваяние. Розовый гранит. *Тува, р. Барлык*

клыков медведя и косточек грызунов. Младенцев захоранивали в колыбелях общетюркского типа (с мочеотводными трубками из бараньих костей). Физический тип погребенных принадлежит европеоидной расе с монголоидной примесью, т.е. близок к современным уйгурам и узбекам.

Памятники аристократам уйгуры, как и тюрки, ставили не на могилах, а одиночно в степи, где и вершили поминки. В отличие от тюрок, они не строили оградок и не устанавливали балбалы. Каменные, всегда мужские изваяния уйгуров, стоящие лицом на восток, известны в Монголии и Туве. От тюркских скульптур их отличает тщательная объемная отделка, а также поза (сосуд удерживается двумя руками), отсутствие клинкового оружия[1] (хотя изображены наборные пояса со многими привесками и сумочками), а также головные уборы с пробором и чехлом для одной косы. Скульпторы обычно использовали гранит.

В противовес этой поминальной традиции, водружение каменных стел с пространными надписями о деяниях деятелей государства (прежде всего каганов) следовало тюркскому обычаю. Также на вершине стелы вырубалась личная тамга, строки, начертанные руническим орхонским алфавитом,

[1] Именно эти две черты канона встречаем у кыпчаков Казахстана и европейских *половцев*.

шли сверху вниз, постаментом служили каменные черепахи (на них высечены тамги авторов текстов). Известно 5 таких памятников, все они найдены в Монголии. В столице страны Орду-Балыке в 821 г. была создана стела с надписями на трех языках: к орхонскому письму добавилось согдийское и китайское. Важно отметить, что возникший при уйгурах у населения Тувы обычай надгробных надписей вершился совсем иначе — там следовали собственным правилам в размещении и содержании надписей. В Восточном Туркестане, куда отступили разбитые уйгуры, открыты манихейские рунические рукописи IX и X вв. на бумаге и изысканные фресковые росписи в храмах. Они воспроизводят различные, не всегда понятные сюжеты, многие детали быта и костюм, которые, как можно думать, восходят еще к VIII–IX вв.

6.1.3. Древнехакасское государство (VI–XIII вв.)

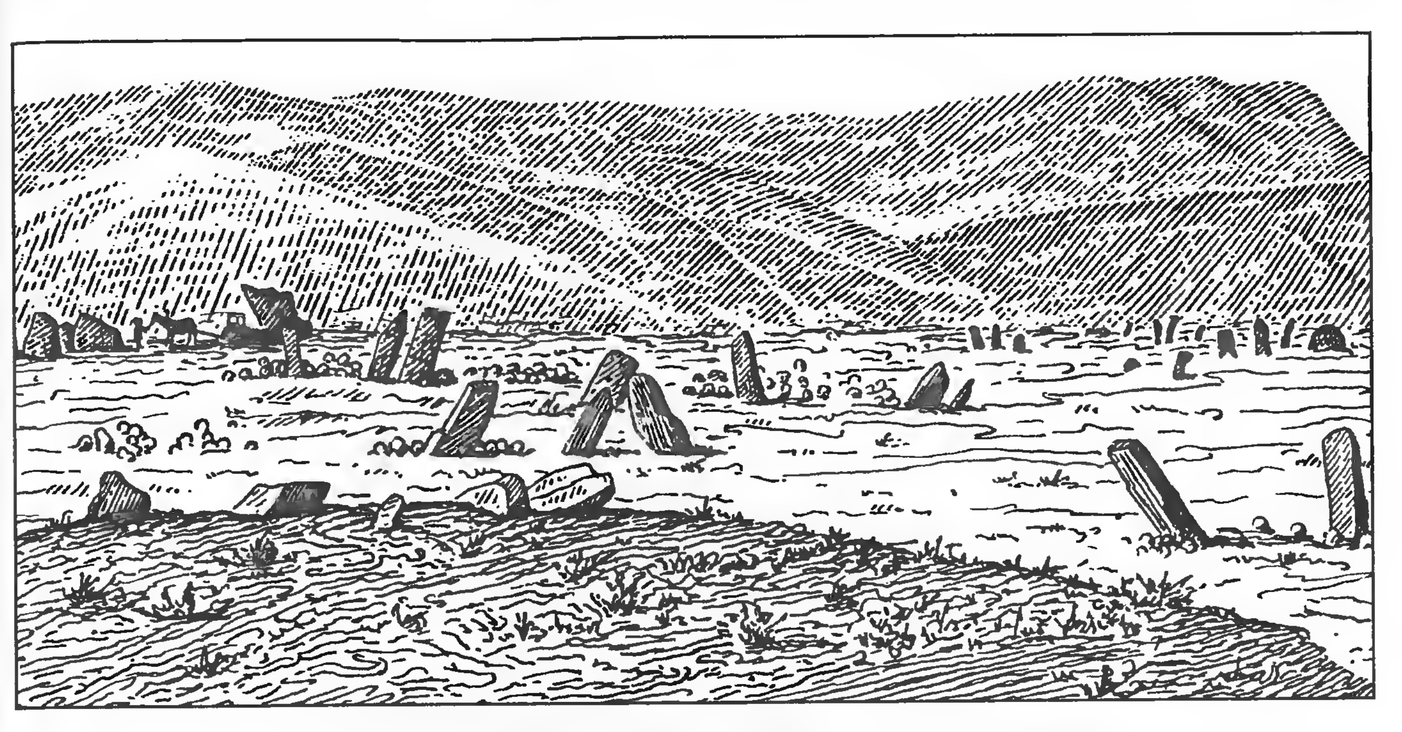
Имя страны и народа Хакас (Хягяс и др.) появляется в китайских источниках IX в., составленных по сочинениям VI–VIII вв. Так именует себя народ, сложившийся во время *хунну* при смешении местных динлинов с пришлыми кыргызами. Археологически это отмечено памятниками *тесинского* переходного этапа и завершено появлением *таштыкской культуры*, т.е. относится ко II — середине I в. до н.э. Хунну переселили кыргызов и утвердили правителями Южной Сибири. После смешения с аборигенами они перестали быть отдельным народом, но сохраняли властные функции до XX в. Еще в середине IX в. посол в Китай заявил, что кыргызы правят на Енисее с I в. до н.э. По имени династии Древнехакасское государство в большинстве письменных источников именовалось Кыргызским (Хыргыс, Хиргиз и др.). Став обозначением знати, это имя после распада огромной страны перешло на некоторые другие азиатские народы (кыргызов Тянь-Шаня, киргиз-кайсаков, т.е. казахов).

Древнехакасское государство — одно из самых крупных, экономически развитых и долговременных государств Сибири. Всю историю (по XIX в.) здесь вершился обряд трупосожжения с захоронением праха под каменными курганами. Стабильность населения и его традиций знаменуют три преемственные археологические культуры Средневековья, условно (по археологическим критериям) расчленяющие единый социальный организм государства и его самобытно развивавшуюся историю. Таковы культуры *чаатас* (VI — первая половина IX в.), *тюхтятская* (середина IX — конец X в.) и *аскизская* (конец X–XVII в.). Сложившись в долинах Среднего Енисея, государство расширяло границы, достигнув наибольших размеров в IX–X вв. Археологические материалы доходят до присоединения Древнехакасского государства к Российской державе (1718 г.), коренным образом изменившего развитие местной культуры.

Культура чаатас (VI — первая половина IX в.)

Поселения практически не изучены. Могильники же, заметные издали, имеют весьма живописный вид: развалины каменных мавзолеев смотрятся

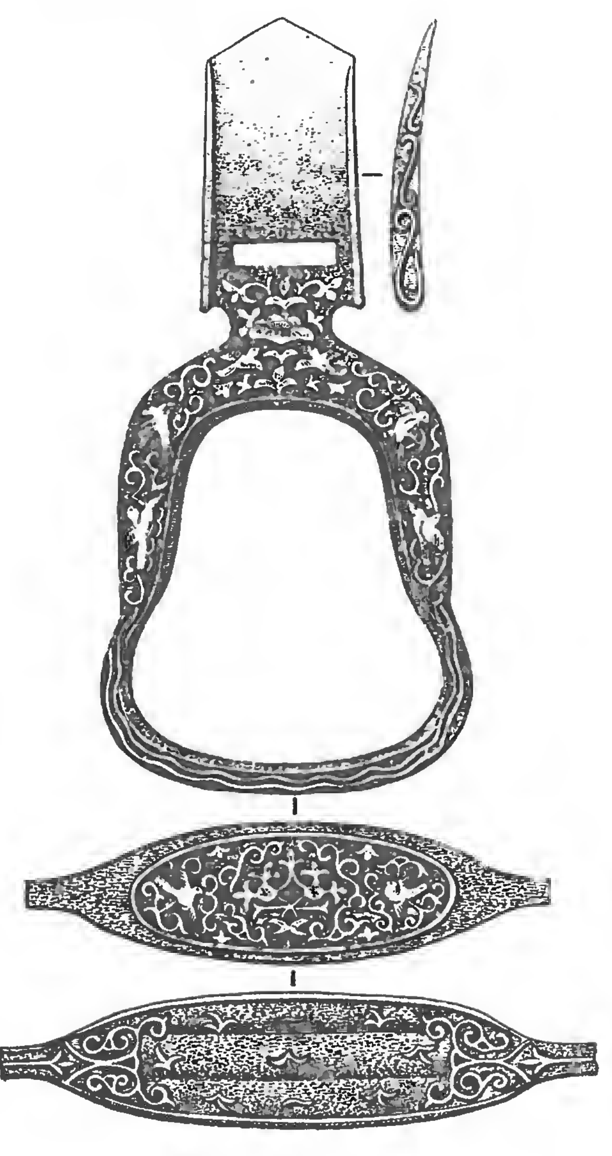

Хакасия. Общий вид могильника-чаатас Красный Камень

кольцевыми курганами, каждый из которых окружен 8–12 менгирами высотою до 4–5 м. Гробницы воспроизводили в камне круглые юрты и многоугольные срубные жилища с пирамидальными крышами. Такие дома, известные уже в *таштыкской культуре*, поныне существуют у всех народов Саяно-Алтая. Археологическая культура обязана своим названием каменным стелам. По преданию богатыри метали друг в друга куски скал, и те, что не долетали, вонзались среди долин. Хакасы назвали их *чаа тас* («камни войны»).

Ряды мавзолеев тянутся с юга на север, каждый ряд — это захоронения одной княжеской семьи. Курганы полностью разграблены в XVIII–XIX вв. переселенцами — утварь средневековой знати была богата и изысканна. В саянской стране, древнем горнорудном центре, изделий из металла было множество. Попав на погребальный костер, железо не ржавеет, потому курганные вещи — хорошей сохранности и очень разнообразны. Специфичны коленчатые кинжалы, удила со спаренными кольцами на концах, псалии, украшенные головками

**Уйбатский чаатас.
Стремя, инкрустированное золотом, серебром и медью**

Копёнский чаатас. Бронзовые бляхи передней луки седла

травоядных животных. Часть вещей укладывали в ямки на борту могил (их называют тайниками). При раскопках даже ограбленных курганов найдены шедевры прикладного и ювелирного искусства. Мастера были высокими профессионалами, знали художественную ковку и литье, инкрустацию и аппликацию, чеканку, скань, горячее золочение (на ртути). Особенно знамениты находки из Уйбатского и Копёнского чаатасов: инкрустированные серебром и золотом стремена, бронзовые бляшки с лук седел, изображающие космогоническую охоту конных лучников, набор золотых сосудов на серебряном блюде.

Стенки кубических могильных ям укреплены вертикальными бревнами. Поверх перекрытия многослойно уложен плитняк. Дно выстлано берестяными полотнищами. На них лежат кучки пережженных человеческих косточек (иногда в сосудах, берестяных коробках, а чаще, вероятно, были в мешочках). Основное место в могиле занимал запас пищи — можно встретить части 10–12 туш овец, коров или свиней. Видно, обычай предполагал загробное пиршество: в могилах кроме лепных горшков обычен узкогорлый сосуд для вина («кыргызская ваза») и глиняные кубки. Вазы изготовлены на гончарном круге и принадлежат к столовой посуде — они прекрасной работы, особого обжига, украшены узором, вдавленным при прокатке валика. Наборы из 4 кубков, бытовавшие в течение семи веков (с VIII по XIV), указывают на существование застольного этикета.

Женские погребения лишены металлического инвентаря. Детей не сжигали. Рядовые курганы, образуя плотную «застройку» вокруг мавзолеев знати, отмечены только каменными выкладками и лишены вертикальных стел. Их бедный инвентарь дополняет археологическую картину социального

расслоения. Орудия труда, прежде всего земледелия (сошники, лемехи, отвалы плугов, серпы, косы, ручные жернова), встречены не в могилах, а в выкладках курганов. В общие могильники входят захоронения по чуждому обряду трупоположения и трупоположения с конем — это курганы иноплеменников: слуг, клиентов или союзников.

В эпоху чаатас — время обороны от каганатов тюрок и уйгуров — создаются горные крепости-убежища. Их строят профессионалы-фортификаторы. Стены выложены из плитняка без раствора на высоту до 2,5 м и отсекают площадки на краю обрывов. Ширина стен кратна 40 см («древнехакасский локоть»): 120, 160, 200 см. Кладка внутренней и внешней сторон велась с наклоном внутрь, что придавало ей прочность, применены способы удержания кладки на склонах. Зигзагообразность стен обеспечивала защитникам перекрестный обстрел врага без возведения башен. Мастерство строителей дополнялось единством фортификационного замысла: с одной крепости видны две другие. Общая стратегия обороны выступает в небольших размерах крепостей: войска распределялись по множеству твердынь и тем сохраняли воинов и удерживали земли. Пограничные укрепления перекрывали горные тропы в Саянах и долину при выходе Енисея из теснин. В степях известны укрепленные районы — стены Оглахтинской крепости тянутся на 25 км.

Несмотря ни на что, в середине VIII в. *Уйгурскому каганату* удалось на время подчинить страну. В древнехакасской культуре произошли важные изменения: государственной религией стало манихейство. С этой религией, имевшей Писание, знавшей астрономию и почитавшей планеты, на Среднем Енисее возникли монументальные храмы, сложенные из сырцового кирпича. По их руинам были обнаружены два древнехакасских города,

Копёнский чаатас. Золотые сосуды:
1 — чеканка и резьба; 2 — накладной узор, пайка

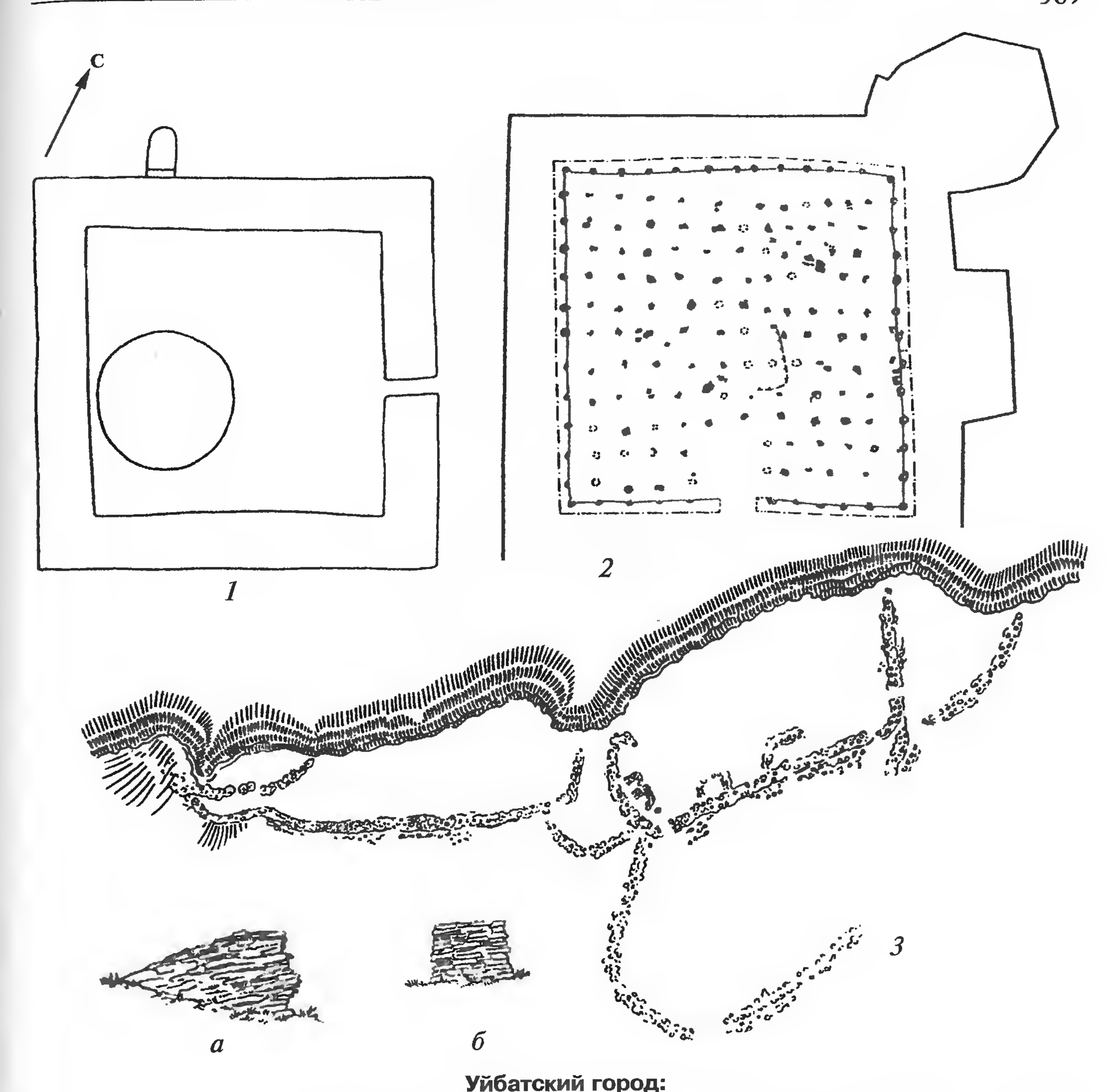

Кыргызские вазы и баночные сосуды

основные постройки в которых оказались деревянными и не оставили следов. Храм в котловине Сорга́, посвященный планете Марс, выстроен на платформе из гранитных валунов и снабжен всходами-пандусами. Прямоугольный зал освещался потолочным люком, расположенным против входа и опиравшимся на 4 колонны. Вдоль стен, за колоннадой, были пьедесталы для икон, выполненных на тканях. Другой храм, в устье р. Уйбат, поначалу был квадратом кирпичных стен, скрывавшим двор со святилищем — плетеной сферической хижиной. Затем его перекрыли плоской крышей, а возникший зал заняли рядами из 169 колонн. По описаниям арабов, таков был манихейский храм Солнца. С юга у него был квадратный двор с въездными воротами и жилищами монахов вдоль стен.

К эпохе чаатас относятся первые известные нам памятники енисейской рунической письменности — одной из разновидностей самобытного древнего письма тюркских народов (см. *Тюркские* и *Уйгурский каганаты*). На прикурганные стелы стали наносить поминальные надписи — горестные слова от имени самого умершего. Самая ранняя эпитафия и первое имя, встающее из небытия, найдены на Ташебинском чаатасе близ г. Абакана. Текст гласит: «Моё мужественное имя — Анар Таз-огя. Моё владение и имеющееся [у меня] золото [я покинул]». В курганах Копёнского чаатаса найдены золотые кубки с надписями на донцах: «[Это] — чистейшее золото» и «Предназначенную князю подать мы даровали». Речь идет о дани,

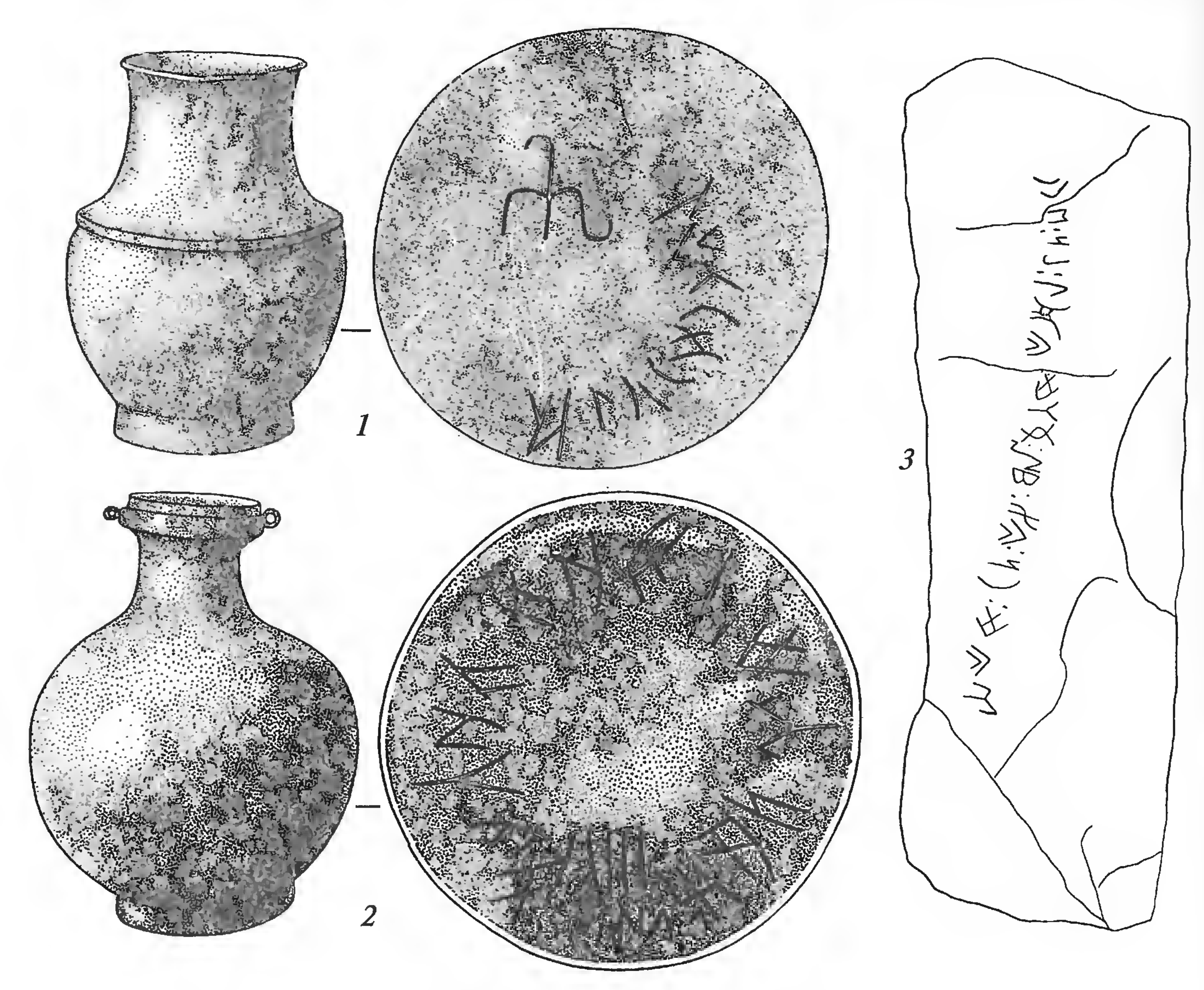

Уйбатский город:

1 — план манихейского храма Первопричины (с купольным святилищем внутри); 2 — его план после перестройки в колонный зал храма Солнца, VIII в.; 3 — каменная крепость на горе Хызыл хая, *а*, *б* — поперечные разрезы ее стен у входов

выплачиваемой драгоценными изделиями. В этих кратких письменных памятниках отражается сложное устройство феодального государства. В VII в. страна устанавливает регулярные дипломатические и торговые связи с Китаем, в ней распространяются импортные предметы роскоши.

Тюхтятская культура (вторая половина IX — конец X в.)

Разгромив *Уйгурский каганат* в 840 г., Древнехакасское государство занимает огромную территорию от Иртыша до Байкала и от Ангары до пустыни Гоби. Размещение воинских могильников (по правому берегу Иртыша, например) определяет нахождение приграничных гарнизонов. Могильники теперь состоят из немногих курганов, содержащих только мужские

Памятники енисейского письма:
1, 2 — золотые сосуды Копёнского чаатаса с надписями на донцах (*увеличено*); 3 — эпитафия на каменной стеле Ташебинского чаатаса VIII в.

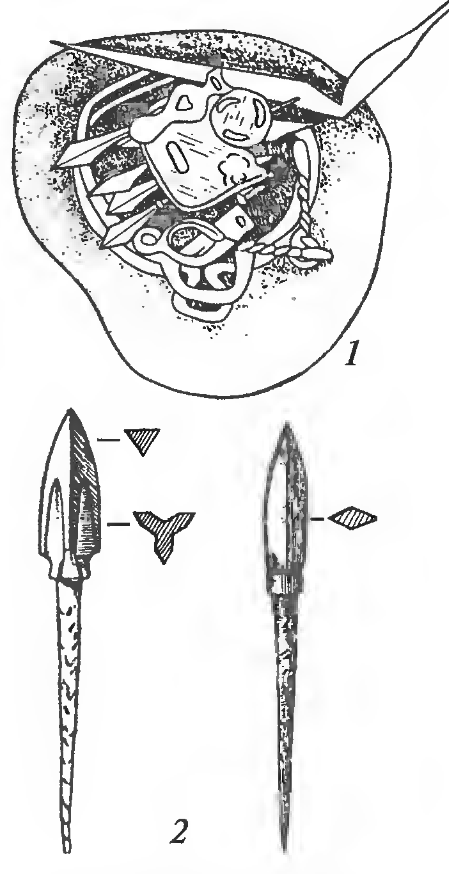
погребения, — таковы археологические свидетельства регулярности армии и начальных стадий обладания чужими землями.

Принятие манихейства изменило погребальный обряд. Курганы по-прежнему круглы или многоугольны, но у них уже нет вертикальных камней. Захоронения знати сохранили единственную стелу с восточной стороны — расцветает обычай наносить на нее надгробные надписи. Пережженные кости помещаются в неглубокие ямы, сопроводительная пища скромна и обнаруживается редко. Над могилой часто вывешивалась шкура коня, о чем свидетельствуют находимые кости черепа и ног (при отсутствии других костей туши). Инвентарь (в погребениях знати обильный) составляют металлические изделия — пиршественные чаши, детали воинского и конского снаряжения. Сохраняются ямки-тайники со сбруей и клинковым оружием, согнутым вдвое.

Достигнутые объем и качество кузнечного и бронзолитейного производства удивительны. Изученные в Хакасии металлургические печи предназначены для многоразовых плавок и, занимая большие площади, ука-

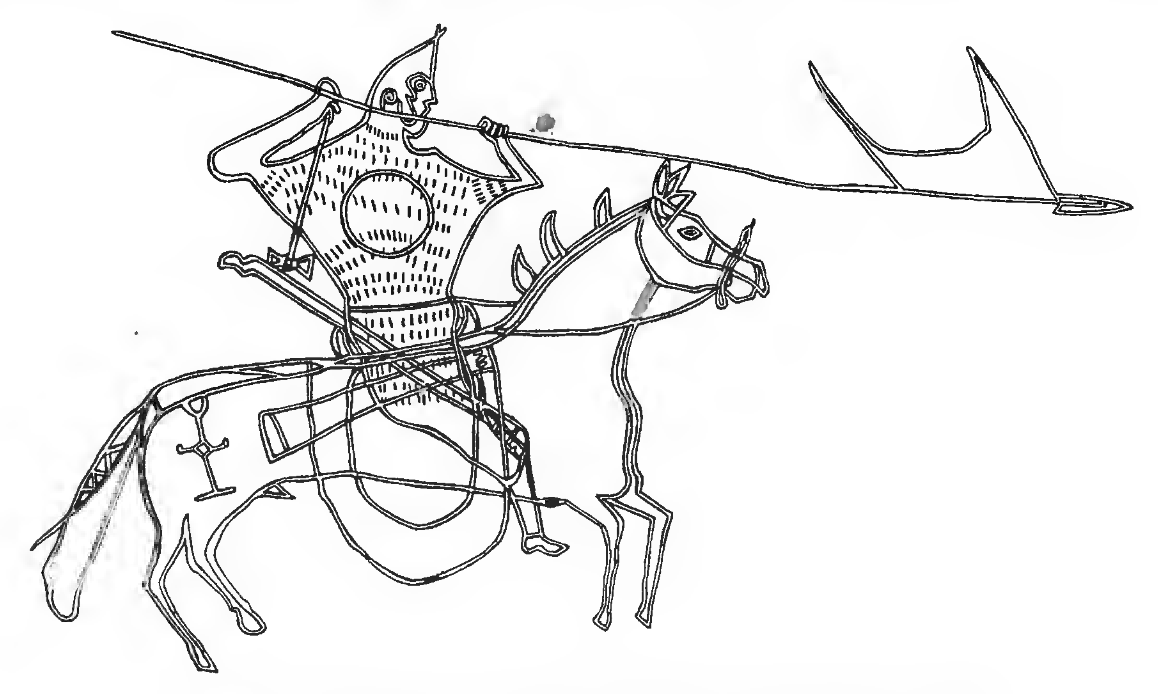

зывают на специализированные поселения. Вооружались и оснащались армии, доходившие до 100 тыс. всадников. Палаши, предназначенные для рубки и фехтования, кинжалы и боевые топоры ковались из булатной стали, стрелы имели трехгранные и трехлопастные наконечники, поражавшие броню противника и его коня. Отверстия в лопастях вращали стрелу в полете, подобно винтовочной пуле, увеличивая дальность и прицельность стрельбы, а вой костяных свистулек, надетых под наконечники, внушал ужас. Атаку развивали бронированные конные копейщики. Строгость управления конем обеспечивали витые удила и вертикальные псалии. Бронзовые бляхи и накладки сбруи, составляя единый набор, блистали рельефными растительными узорами. В ходу были крупные сердцевидные подвески, кисти в бронзовых зажимах, уздечные султаны. Стремена имели легкие прорезные подножки.

Курганный тайник (1) **и бронебойные наконечники стрел** (2)

Женским захоронениям сопутствует сбруя, монеты, пряслица и головные булавки, крепившие тяжелые прически. Для погребального костра женщина обряжалась невестой. В курганах найдены ручные жернова, серпы, косы, топоры, тесла и прочие инструменты. Утонченность быта отмечают двузубые вилки для еды, зеркала и пинцеты для выщипывания волос. В мужской костюм входил наборный пояс с ножом и кожаной сумкой для огнива, кремня и трута. Снаружи

Наскальный рисунок рыцаря (***Хакасия, Сулекские горы***)

Витые удила с псалием, украшенным серебряной аппликацией. Железо. *Хакасия*

Бронзовые бляхи уздечного набора. *Хакасия*

сумки имели бронзовые или железные накладки, низ которых мог служить огнивом.

Поэтапно закрепляя новые границы, древние хакасы распространили на Туву, Алтай и Монголию строительство каменных горных крепостей. Длинные стены, защищавшие долины, тянутся до 17 км. Внутреннее деление страны реконструируется по высеченным на скалах и стелах тамгам. Их простая форма (круг, дуга, крест) отличала каждую родовитую семью. Сын дополнял тамгу отца одним отводком, внук привносил следующую черту. По тамгам видно, какая семья и в скольких поколениях владела землями. Так, Тува, захваченная в начале IX в., была поделена между 6 княжескими семьями, уделы которых удерживались по 100–150 лет.

Подвески сбруи. Золоченая бронза. *Хакасия*

Письменные источники повествуют об облике городов и быте каганов, сложном чиновничьем и военном аппарате, законах и нравах государства, занятиях его народов (от таежной охоты до пахотного земледелия), празднествах и музыкальных инструментах, приходах посольств и торговых караванов, династийных браках с правителями Средней Азии. Археология не имеет подобных красок, но рисует детальный вещественный мир. Он дополняется петроглифами (изображающими рыцарей, охотников и зверье) да высеченными и вырезанными на стелах, скалах, металлических предметах руническими надписями, которых известно около 300. Енисейская письменность была официальным письмом Древнехакасского государства и внедрялась в Азии с ростом его границ. Обычай надмогильных надписей распространился по Туве и Монголии, охватывая местную знать. Эпитафии каноничны: они коротки (до 8–12 строк), помечены личной тамгой. От имени умершего в них выражается сожаление о том, чего он лишился. Надписи лишены психологии рода-племени и сугубо индивидуальны. В качестве высшей ценности они утверждают личное «мужественное имя и богатырскую доблесть», затем — семью (супругу и детей), личное владение, подданных и хана-сюзерена, боевых товарищей. И лишь после всего — богатство (коней и скот, но и пашни, деньги и др.): «(Вот) моё имя: я — Эль Тоган-тутук. В моем божественном владении я был его правителем, и у народа шести уделов я был князем. О горе, с моим владением, моей супругой, моим сыном и моим народом, в мои 60 лет (я был разлучен, т.е. умер)»; «(Я –) столь суровый Тёлеш Тириг. С моей супругой, (живущей) в тереме, я был разлучен, о горе! Моими тремястами свободно пасущимися конями я не насладился».

Бронзовая накладка на сумочку для огнива. *Хакасия*

О широкой грамотности свидетельствуют надписи на предметах. Письмом владела знать и простонародье, монахи и воины. Хотя рукописи не сохранились, в курганах найдены чернильницы и перочинные ножики, а на скалах — строки, выполненные красной и черной тушью. Наскальные надписи рисуют мир горячих молитв и духовных исканий. Есть и отметки миссионеров. Все камнеписные строки порождены манихейством — религией, учившей поклоняться Истине Мира и в храмах, и под открытым небом.

В IX–X вв. продолжали существовать два храмовых города, возникшие в эпоху *чаатас*. В низовьях Уйбата храмы ранней поры были превращены в оправленную кирпичом высокую платформу (60×30 м), к которой с востока пристроили четыре новых храма: по углам Луны (восьмиугольного плана), а в середине — Воздуха (трапециевидные с колоннами). Наверху

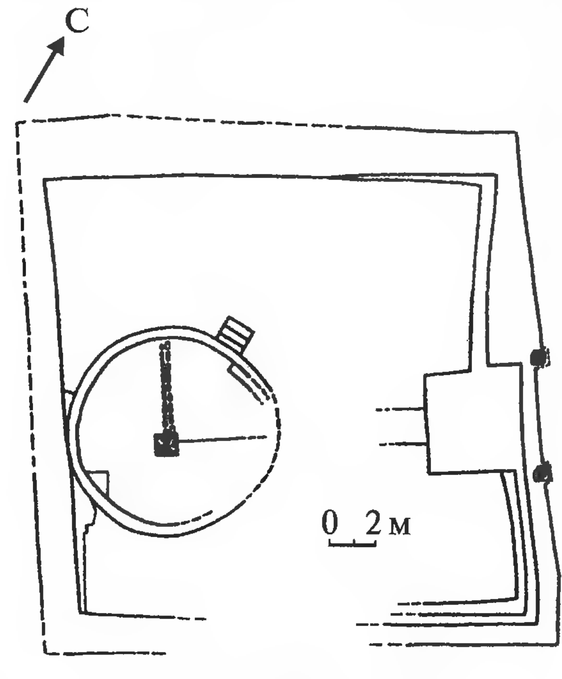
воздвигли святилище Миропорядка — круглую арену с алтарем, огражденную стенами и трибунами для прихожан. Храм, чтение в нем стихотворных молитв, поклонение планетам и огню описывает побывавший в 942 г. на Енисее араб Абу-Дулаф. Археологи не нашли пока других городов, названных иранскими авторами X и XI вв.: столицу Кемиджкет (т.е. «Енисейский город») и центр в 7 днях пути от Саян на север.

Торговлю государства отмечают китайские монеты, ходившие в стране, и редкие среднеазиатские

Стела с древнехакасской эпитафией. Конец IX в. *Тува*

План манихейского храма Миропорядка. Уйбатский город. *Хакасия*

монеты (тюргешские и хорезмийские), китайские зеркала, раковины каури с Индийского океана. Изделия самой тюхтятской культуры оказали сильное воздействие на культуру подвластных народов Алтая, Тувы и Монголии, а также соседних стран — Западной Сибири, Казахстана и Джунгарии, монголоязычных киданей и тунгусо-маньчжуров Приамурья. Древнехакасские изделия найдены и в Европе (Приднепровье, Подонье), они оказали известное влияние даже на культуру викингов.

Аскизская культура (конец X–XVII в.)

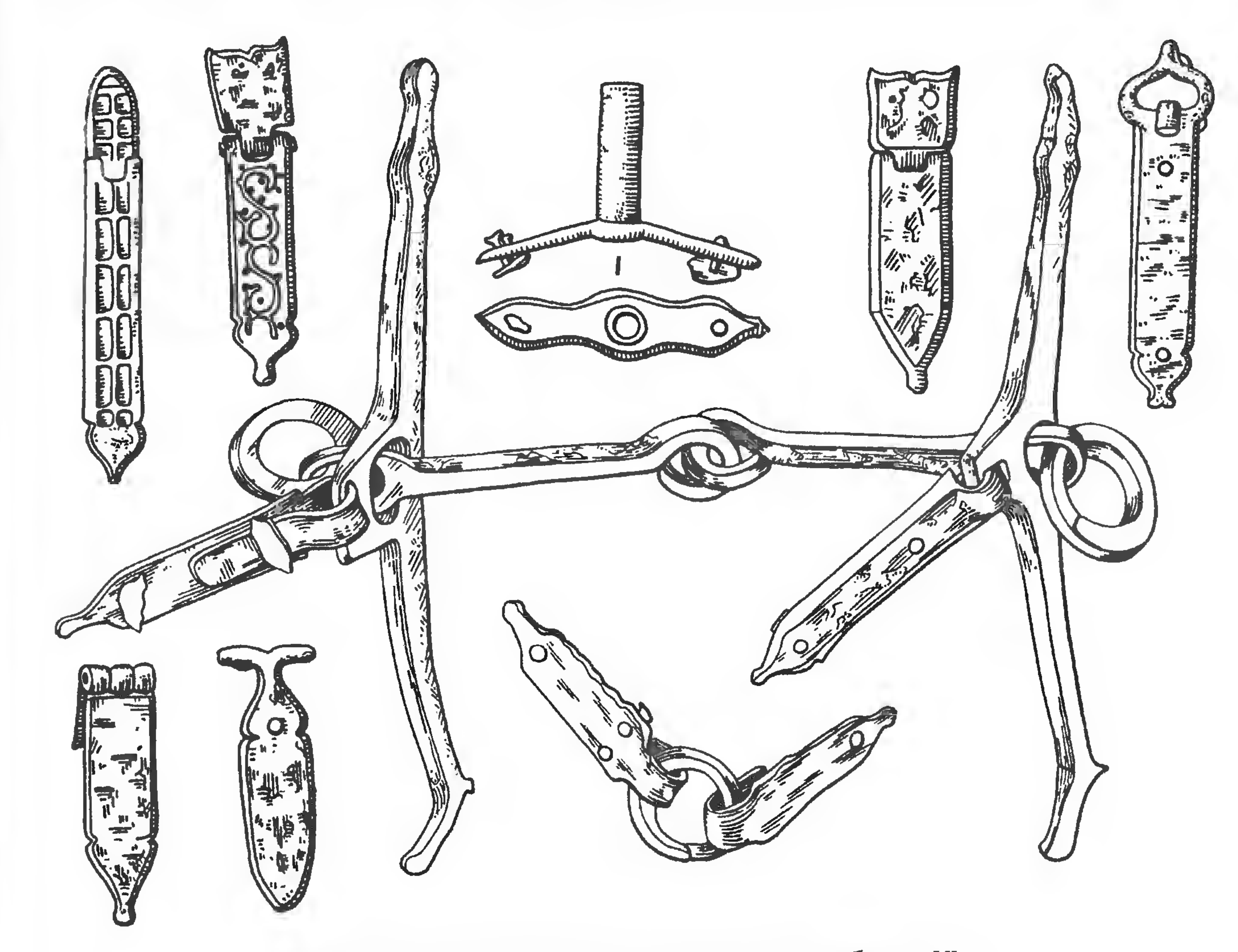
Аскизские курганы занимают те же земли. Изучены два этапа культуры (конец X–XII и XIII–XIV вв.), но она доживает до XVIII в. и сменяется этнографической культурой современных хакасов. В аскизской культуре пропадают стелы с надгробными надписями, а кости погребений лежат в курганах не в ямах, а на уровне земли. Могильники (не более 10 курганов) из долин поднимаются на пригорки и вершины сопок. По-видимому, это

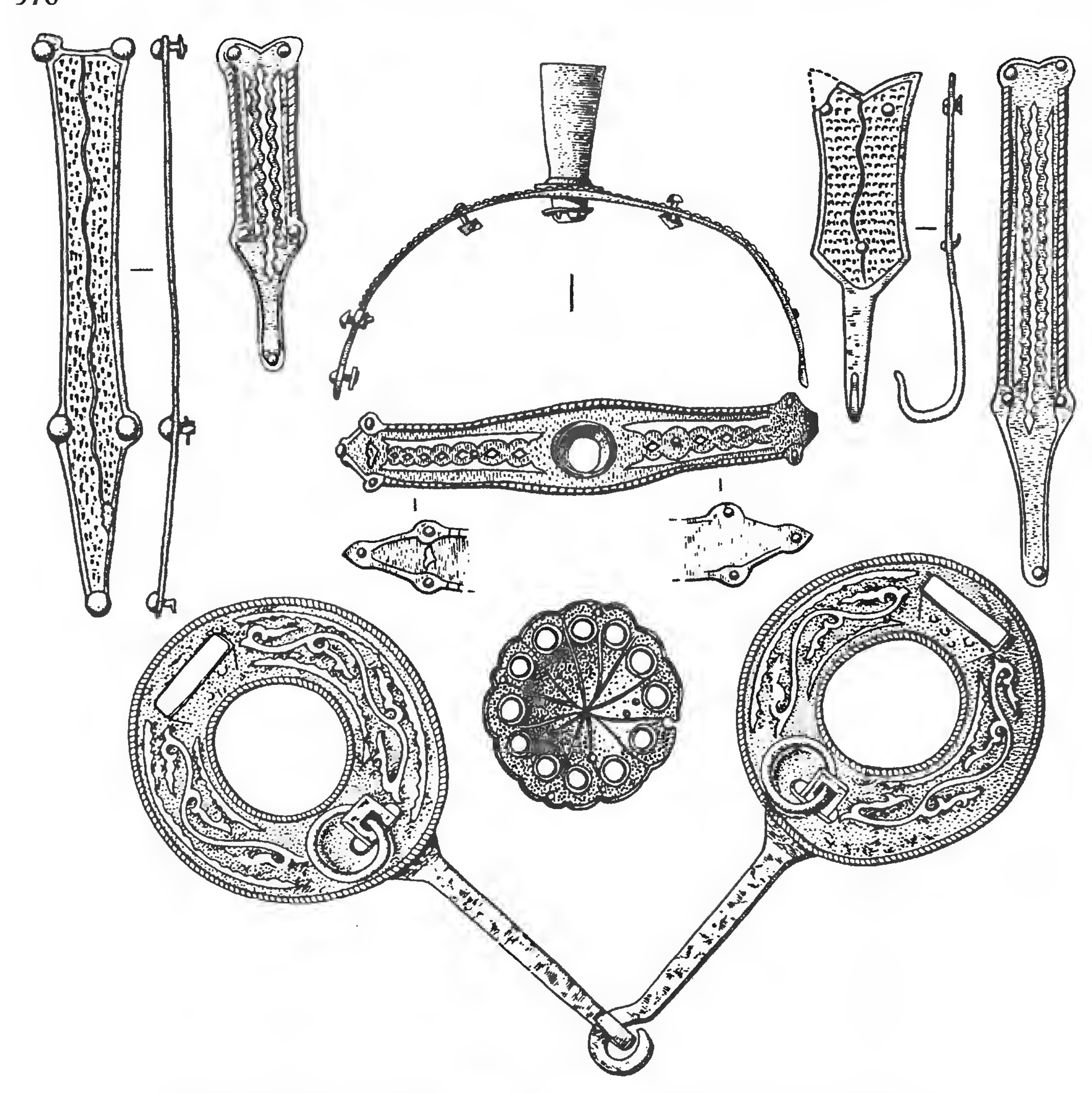
семейные кладбища. Известны и очень крупные могильники из полутора сотен курганов. Они указывают на близость пока не найденных городов.

Инвентарь захоронений целиком из железа (даже то, что ранее было бронзовым): детали снаряжения, бляхи пояса, накладки сбруи. Кардинально меняется орнаментация: из растительной она становится геометрической. Большинство железных изделий украшено серебряной или золотой аппликацией — фольгой, набитой на густо насеченный фон. Ювелирная технология изменяет форму самих предметов: они превращаются в широкие, тонкие пластины. Распространяются многие самобытные изделия. Таковы удила, концы которых проходят сквозь псалии, подвесные уздечные бляхи на шарнирных щитках. Особым знаком древнехакасской армии были конские султаны, крепящиеся на наносном ремне узды. Поступая в войско кагана, воины других народов так же украшали своих коней. Распространены крюки-застежки на пластинах и пряжки с длинными щитками, типичны крюки для шнурования ремней, завершающиеся конской головкой, кресала в виде стальных скоб, двузубые вилки. Сохраняются узкие палаши (редко попадающие в могилы).

Форма других предметов подчинена особенностям эпохи: арочные стремена с прорезью в уплощенной дужке, плоские наконечники стрел ромбических очертаний (в набор входит напильник для их заточки). Тенденции

Убранство коня. Железо, аппликация серебром. XI в.

Убранство коня. Железо, аппликация серебром и золотом. XIII в.

евразийской общности в оформлении сбруи и парадной утвари нарастают после монгольского нашествия — добавляются удила с кольчатыми псалиями (плоскими в аскизской культуре), поясные бляхи-обоймы с нижним кольцом, пряжки с подвижным щитком, S-образные серьги, серебряные кубки на конических поддонах и др. Во всем этом вновь проявляется влияние государственной, на этот раз официальной *монгольской*, материальной культуры.

Набор женских изделий подобен *тюхтятской культуре*. Но и в нем бронза сменилась железом: даже головки булавок для причесок выковывались из него и украшались серебряной аппликацией. Так украшены и пинцеты. Ониксовые, сердоликовые и хрустальные бусы привозили из Средней Азии, а стеклянные — из Сирии. По наследству передавались убранства женских свадебных лошадей: в захоронениях XII в. встречаются бляхи узде-

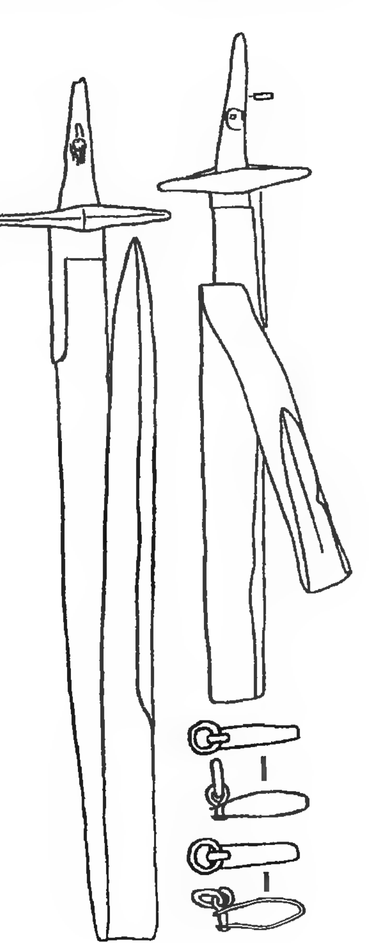

чек IX–X вв. Выходит, и в аскизской культуре женщин хоронили как невест. По-прежнему умерших сжигают, при курганах встречаются кости конских шкур, а в погребениях отсутствует сопроводительная пища.

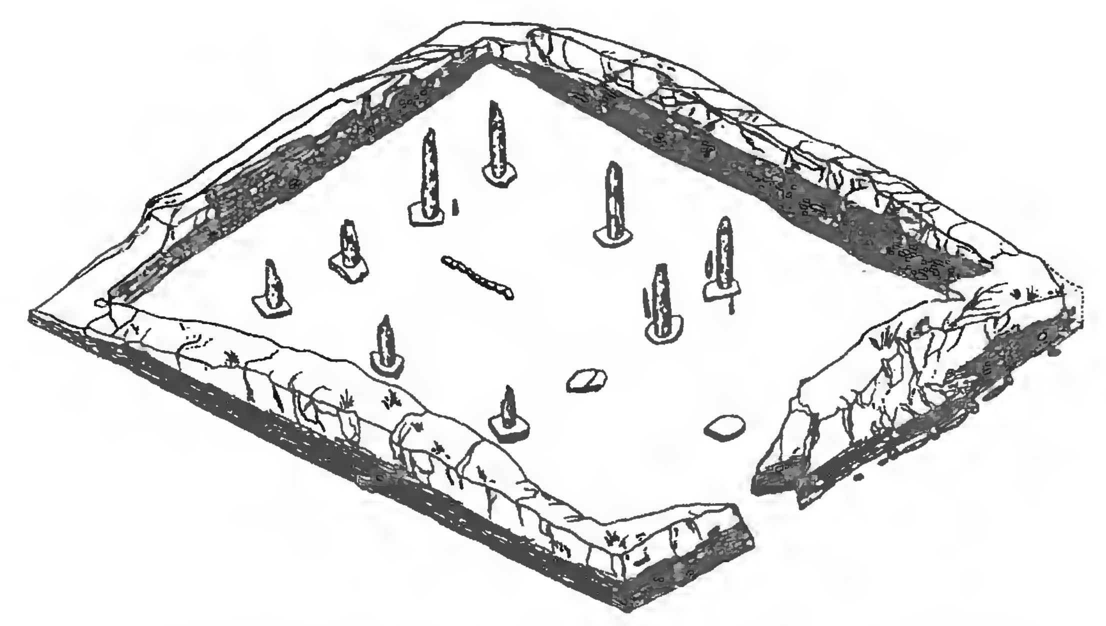
При раскопках храмового города на Уйбате получена коллекция лепной и столовой круговой посуды. Это широкогорлые горшки и красноглиняные вазы, желтоглиняные кувшины. Есть крупные тарные формы. Посуда здесь не только древнехакасская, но и среднеазиатская — население города было смешанным. Кости животных, употребленных в пищу, показывают состав стада: разные породы овец, коров, лошадей. Присутствие свиней указывает на оседлость. Кости верблюдов связаны с караванной торговлей.

Самым поздним в городе был прямоугольный храм Марса, в зале которого 12 колонн на каменных базах образовывали квадрат с выложенным из кирпича возвышением. Близ входа горел огонь. Религия Света, как называли манихейство, не менее пяти веков поддерживала на Уйбате свой священный центр.

XI–XII вв. были расцветом Древнехакасского государства. Его известность достигла Китая и Средней Азии, Закавказья и Средиземноморья. Средневековые авторы описывают цветущий край с городами и орошаемым земледелием, знавшим множество видов злаков, применявшим водяные мельницы и вывозившим хлеб на продажу. Горное дело и металлургия также создавали славу страны. Государственная

Палаши, согнутые для погребений, и детали ножен. XII–XIII вв.

Руины манихейского храма Марса. XI в. Уйбатский город. *Хакасия*

власть поддерживала торговлю — в это время, как показывает археология, древнехакасские караваны, охраняемые воинскими конвоями, достигали Восточной Европы: городов Волжской Болгарии и Руси. В Поволжье и Приуралье широкое проникновение аскизских изделий вызвало местные подражания их формам.

Развитие страны остановило монгольское нашествие. Оно началось в 1207 г. и встретило в Древнехакасском государстве упорное сопротивление. Вооруженная борьба вспыхивала с каждым новым поколением до 1293 гг. При подавлении восстаний и угоне населения люди прятались в тайгу — найти археологические памятники той эпохи сложно.

6.2. КУЛЬТУРА МОНГОЛОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ И ЮАНЬСКАЯ ИМПЕРИЯ (XIII–XIV вв.)

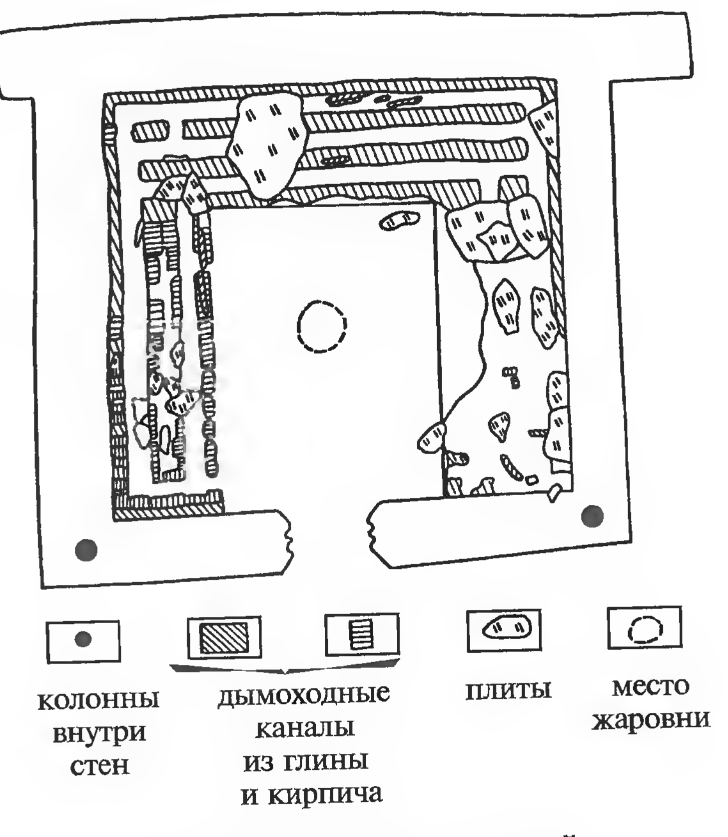
Нередко историю монголов начинают с XIII в., когда они были степными скотоводами. Но в древности монголоязычные народы — это оседлые обитатели лесов в верховьях и бассейне Амура, живущие в землянках, занимающиеся рыболовством, охотой, придомным скотоводством, собирательством и земледелием. На то указывает исконный словарь, в котором есть свои термины для крупных речных рыб, таежных животных, собак и лошадей (разводимых на мясо). Особенно разработана лексика для дикой и домашней свиньи. Письменные источники единодушны: древние монголы были южными соседями *тунгусо-маньчжурских народов*. Однако выделить их древности из ранних археологических материалов Приамурья и Маньчжурии пока не удается.

До X в. всю территорию Монголии, Джунгарии и Восточного Туркестана заселяли тюркоязычные племена. Выйдя в степь и за два века став кочевниками, монголы заимствовали от них названия степных животных, скотоводческий лексикон. От тюркских народов были восприняты как навыки земледелия, так и переносные войлочные юрты. Тюркский вклад в духовную культуру привел к восприятию мировых религий (манихейства, несторианства, буддизма) и уйгурского шрифта, а в социальной сфере — титулатуры, управленческого аппарата и канцелярий. Планировка уйгурских городов повлияла на градостроительство монголоязычных киданей. Именно их вторжение, произошедшее в 924 г., положило начало коренным этническим переменам в Центральной Азии. Государство киданей называлось Ляо (916–1125 гг.), лежало за пределами современной России, и его древности мы рассматривать не будем, но следует знать, что его материальная культура испытала сильное воздействие *Уйгурского каганата* и *Древнехакасского государства*. С конца XII в. монголоязычные народы господствовали в центральноазиатских степях и пустынях, а их граница с тюркоязычным миром стала такой, как ныне.

Корни многих явлений монгольской культуры, в XIII–XIV вв. распространившихся по Евразии, надо искать в лесном периоде истории народа. Таковы «тайные» погребения (включая могилу самого Чингисхана) — грунтовые захоронения, лишенные надмогильных сооружений. В отличие от курганов, создаваемых степняками, такие могилы — признак лесных народов. Понятно, что достоверно монгольских захоронений найдено крайне мало. Надежным поисковым признаком монгольских кладбищ в таких условиях становятся города, что при обыденных оценках кочевой жизни звучит парадоксально. Однако если не возводить в абсолют подвижные черты быта, то станет заметна и другая отличительная черта монгольской культуры — повсеместное создание городов. Только в *Золотой Орде* их было более 100, и в 20 из них чеканилась монета. Археолог, желающий отыскать монгольские кладбища, должен изучать городские могильники. Так найдены два могильника в Туве, на которых оказались каменные статуи чиновников, львов и баранов, стоявших парами вдоль прохода к невидимым могилам. Захоронения совершались в деревянных гробах, установленных в боковые подбои. Надо сказать, что третий городской некрополь, в Забайкалье, был курганным, т.е. отражал постороннее влияние.

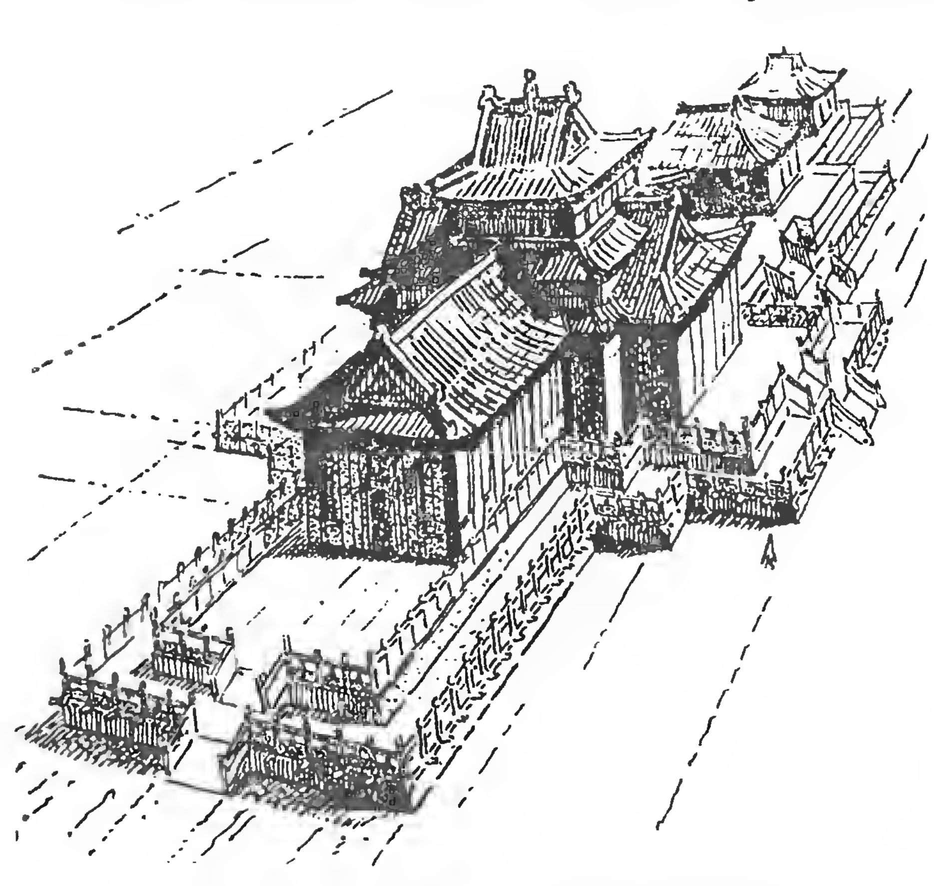

Своеобразие монгольских городов состоит не только в отсутствии укреплений (что порождено сильной центральной властью), в применении обожженного квадратного кирпича в бытовом и общественном зодчестве (черта эта воспринята извне), в богатстве инвентаря, соединившем достижения ремесел и искусств Запада и Востока (что присуще любой городской культуре). Специалист отличает монгольский город по типу жилищ, единому для всей империи — от Забайкалья до Молдавии. И это не юрты, а квадратные дома с каркасными, столбовыми стенами, поставленные без фундаментов. Вдоль трех стен устроены сплошные глиняные лежанки с внутренним обогревом: в продольные каналы направлялся горячий дым из специальной печи. Такие лежанки называют кан, возникли они на северной монгольской прародине и известны еще у *хунну*, в культуре *мохэ*, *киданей* и *чжурчжэней*. Степной быт не отучил монголов от древнего домостроительства и оседлой жизни. Многочисленность домов с канами показывает, что в Европу монголов пришло немало и среди них были строители. Инженерные части сопровождали войска. Так, в 1218 г. в отрогах Тянь-Шаня монголы возвели 48 бревенчатых мостов, пропускавших по две телеги.

План жилого дома с широкой П-образной лежанкой-каном и дымоходными каналами. *Тува, Эртине-Булак*

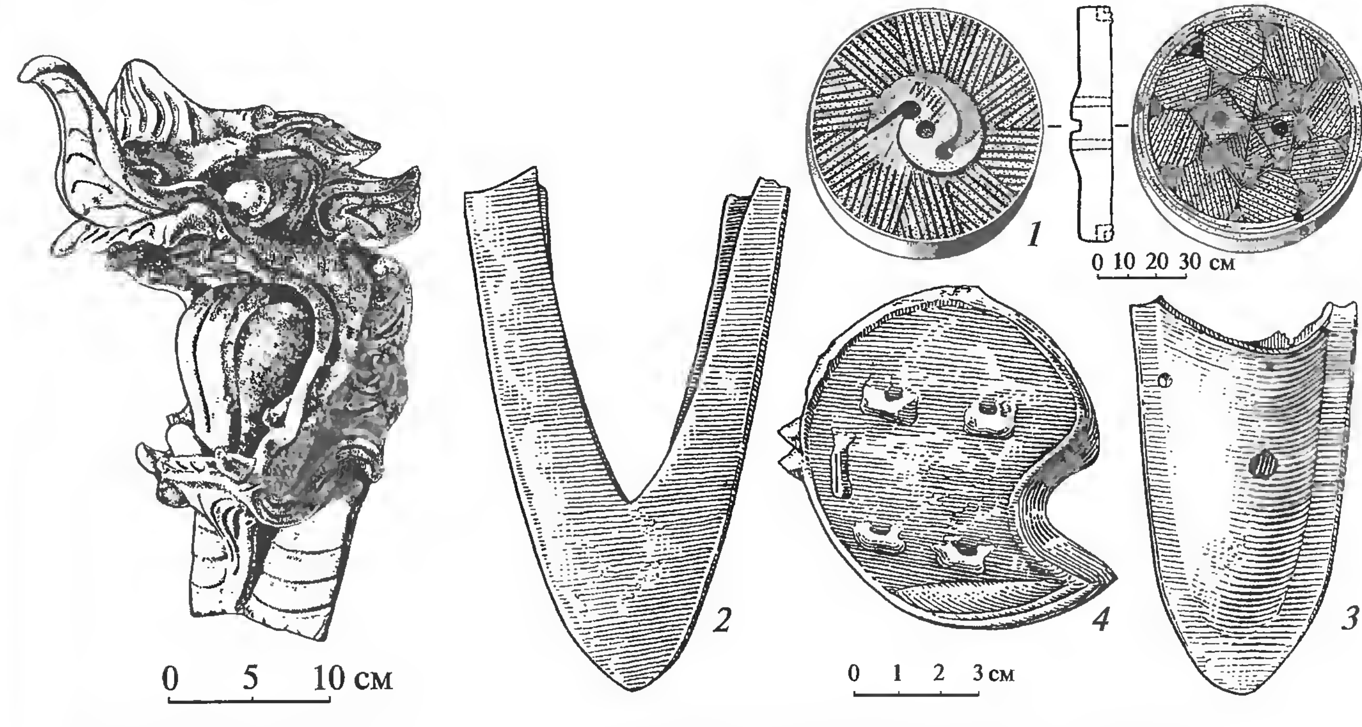
Монгольские города, два из которых найдены в Забайкалье (Хирхира, Кондуй) и шесть в Туве (Оймак, Дён-Терек, Межегей и др.), частью были сооружены уже в начале XIII в. и расцвели при династии Юань (1260–1368 гг.). Страна от Алтая до восточных морей делилась на 12 провинций (а те — на области, округа, префектуры и уезды). Центром провинции Линбэй (Монголия и Саяно-Алтай) был Каракорум на р. Орхоне, также изучавшийся археологами. Хотя ни один из этих памятников не раскопан в полной мере, они рисуют развитую управленческую, духовную, производственную и торговую жизнь городов той эпохи. Административные здания, прежде всего дворцы наместников, сооружались на грунтовых платформах, имели кирпичные полы и крылись желобчатой черепицей. Тяжелые крыши (удерживаемые колоннадами на каменных базах) украшались терракотовой скульптурой, стены белились и расписывались фресками. На центральных площадях стояли каменные стелы с высеченными указами. В каждом городе открыты храмы — с 1269 г. буддизм был официальной религией империи. С новой верой пришли ее философия и искусство. В городах многочисленна глиняная и каменная буддийская скульптура, скальная часовня, обнаруженная в Туве, сохранила красочное изображение Будды.

Реконструкция Кондуйского дворца. ***Забайкалье***

Саяно-Алтайское нагорье было необходимо монгольскому государству как сырьевая база, поставлявшая металл и хлеб. В ремесленно-хлебопашеских колониях здесь селили местных и угнанных из Китая мастеровых и земледельцев. В Туве, на р. Межегей, в шахтах добывался уголь, в городах плавился металл, выжигался кокс, отливались чугунные изделия, в том числе плужные лемехи и отвалы. На них есть иероглифические надписи (китайское письмо было международным), выявляющие задачу поселенцев: «Напрягайте все усилия для обработки полей». Восприняв от *чжурчжэней* технику чугунной плавки, именно монголы познакомили с ней Европу. В Южной Сибири возникли фактории мусульман, получивших монополию на скупку хлеба. Они найдены в Туве и Бурятии по среднеазиатской посуде и исламским захоронениям. Огромные жернова мельниц, вращаемые животными, говорят о высокой продуктивности земледелия. Велась добыча соли, алебастра, гипса, строительного камня и, конечно же, глины. Гончарство давало превосходную посуду, использовало различную поливу, изготовляло черепицу, облицовочные плиты, кирпич и скульптуру. Массовым было кузнечное дело, каменотесное и другие ремесла. Денежное обращение, став повседневным, основывалось на серебряных слитках и бронзовой расхожей монете.

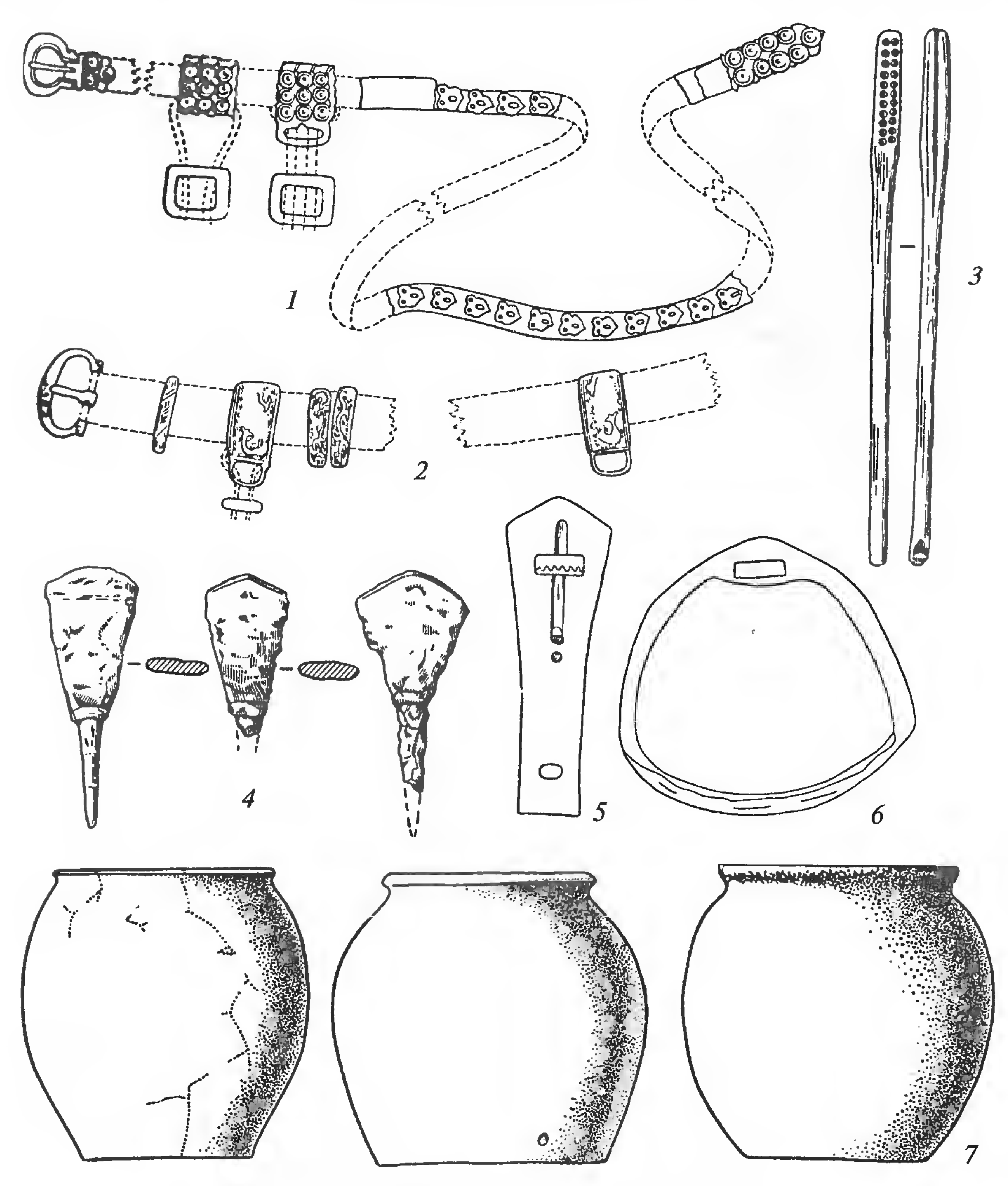

Буддийская глиняная химера с крыши храма. ***Тува, Дён-Терек***

Земледельческий инвентарь монголов:
1 — каменный жернов (*Каракорум*); 2, 3 — чугунные плужные лемехи; 4 — отвал плуга (*Тува*)

Присутствие монголов по всей Евразии обнаруживается по ряду характерных изделий. Таковы трехногие чугунные котлы и литые втулки-цуны (в виде шестеренок) к осям телег, широкие пятиугольные наконечники стрел укороченных пропорций, серые круговые сосуды со звонким черепком. Пояса с бляхами-обоймами (низавшимися на ремень) и петлями для подвешивания предметов стали признаком служилой знати и быстро стерли этнические границы. Наборы поясов были каменными, бронзовыми или серебряными, украшались рельефным и резным узором, растительным и зооморфным. В их оформлении смешалось несколько восточных традиций (Маньчжурии, Китая, Ирана, Южной Сибири). На разнородной основе сложился специфический официальный художественный стиль евразийского государства. Аристократической принадлежностью стали и наборы серебряной пиршественной посуды: кубок, широкая чаша, ковш, подвешивавшийся к поясу. По разным культурам распространились боевые луки с центральной веслообразной накладкой, длинные костяные пряжки подпруг, женский инвентарь: туалетные щеточки, шарнирные ножницы, S-видные серьги.

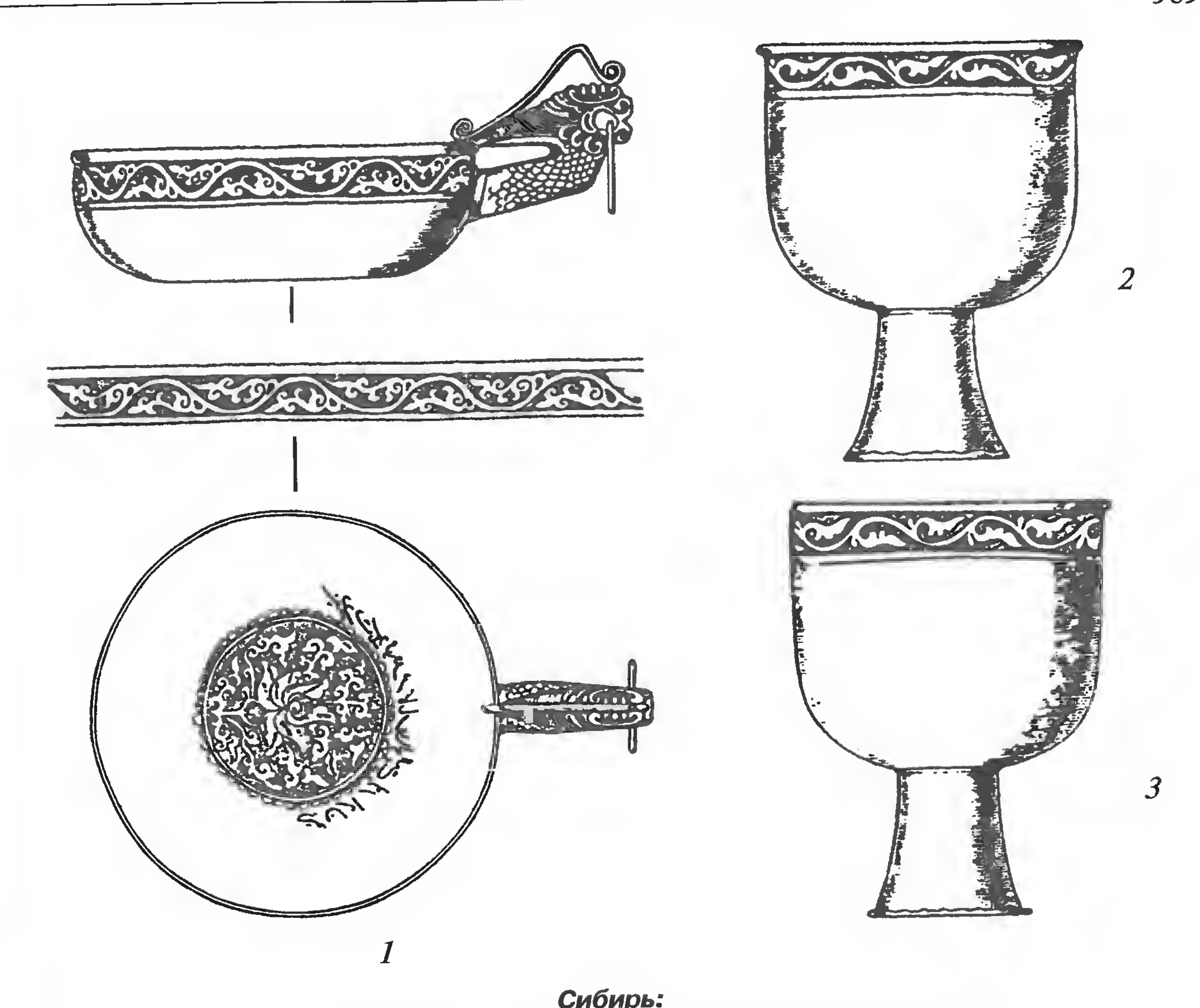
К монгольскому языку приспособили существовавшие письмена (курсивное уйгурское — при Чингисхане) и изобрели на их основе собственные

Характерные формы монгольских предметов:
1, 2 — бляхи поясов; 3 — костяная туалетная щеточка; 4 — наконечники стрел; 5 — костяная подпружная пряжка; 6 — стремя; 7 — гончарные сосуды

(иероглифическое от китайского — в Ляо, квадратное от тибетского — в Юань). Сложилась своя литература, включая историческую. Эпиграфические памятники уйгурского и квадратного письма монголов во множестве найдены и в Азиатской, и в Европейской России. Таковы, например, пайцзы — металлические пластины—пропуска для посланцев с лаконичной надписью: «Силою Великого Неба, волею Великого Хана — кто ослушается, умрет».

Сибирь:
1 — золотой ковш; 2, 3 — серебряные кубки с золоченым узором

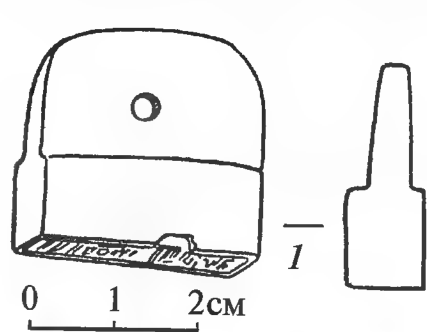
С упадком государственности в XIV–XV вв. монголоязычные народы были частью ассимилированы в областях древних держав (таких, как Китай и Иран), а частью вновь вытеснены в сухие горно-степные районы, где географические условия вернули их быт к единственно возможным формам кочевого скотоводства. В лесостепных районах, однако, не был забыт опыт ни городской жизни, ни земледелия. Сохранились и достигнутый социальный уровень, и развитие религиозно-духовной и письменной культуры.

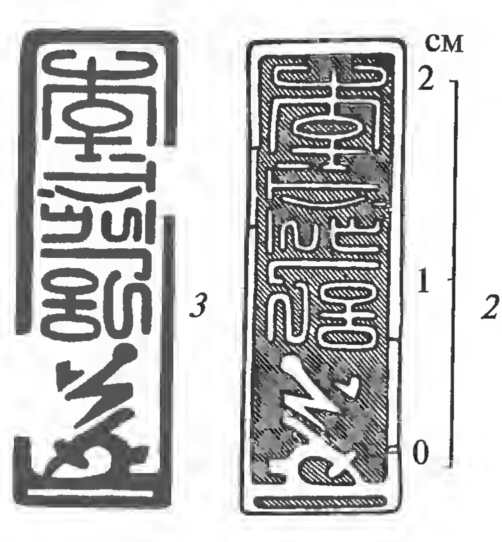
6.3. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК (КУЛЬТУРЫ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ НАРОДОВ)

Географически восток нашей Родины не представляет единого целого, таежные и приречно-лесные культуры, занимающие наибольшее место, соседствуют здесь со степными и приморскими. Запад Восточной Сибири издревле занимали тюркоязычные народы, а в горах жили племена, говорящие по-самодийски. Развитие первых приводит к формированию средневековых курыкан и родственных им народов, во многом определивших

сложение якутов-саха и, после омонголивания, бурят. Историческая судьба самодийцев состоит в их постепенной тюркизации. Центральная часть региона к рубежу развитого Средневековья уже монголоязычна. Эта южная волна разрезала тюркоязычный мир, изолировав от степей таежников-якутов. Лесное море с неведомых времен заняли тунгусоязычные предки эвенков, вытеснив к северо-востоку палеоазиатов. Археологически указанные процессы исследуются недавно и изучены недостаточно.

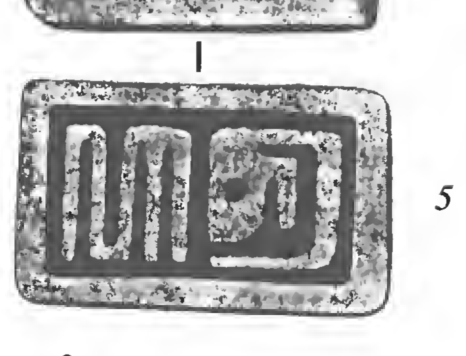
Восточная часть рассматриваемых земель также была занята тунгусо-маньчжурскими народами. Она может быть разделена на две культурные зоны: лесостепное Приамурье и горное Приморье. Первую отличало давнее взаимодействие с тюркскими народами, Кореей и Китаем, а другую — также и с островами Японии, Сахалином и Курилами. Следует знать, что

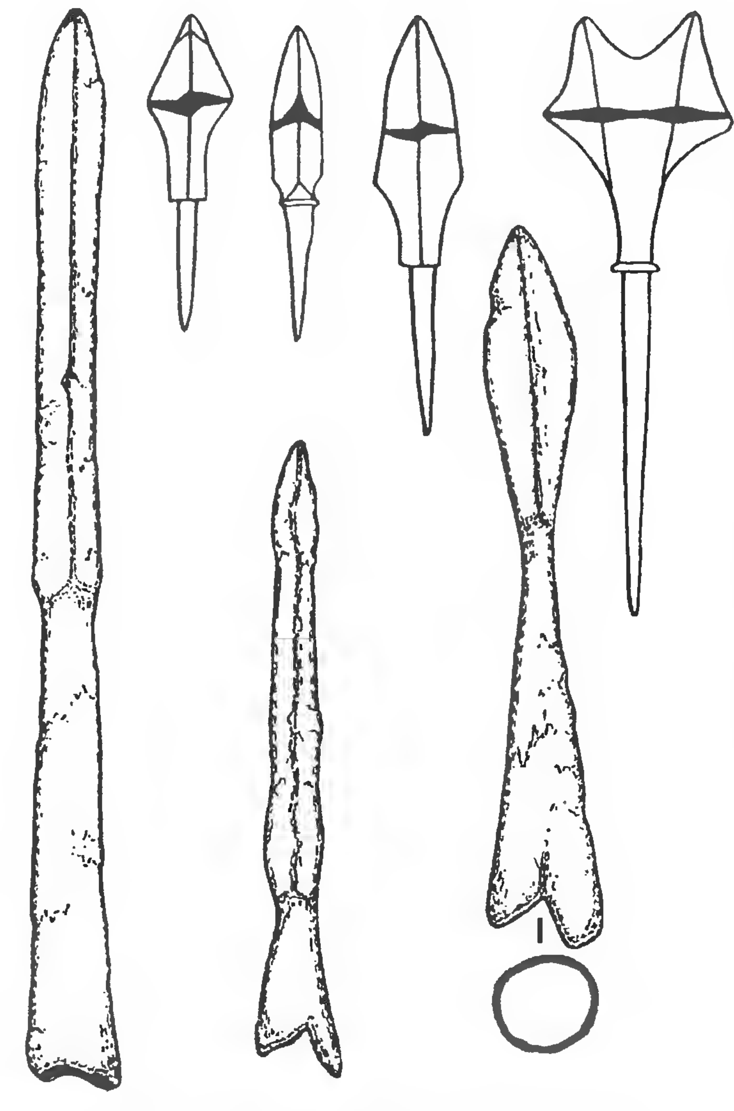

Образцы монгольского квадратного письма. Печати из Каракорума (*1 — костяная, 4 — деревянная*), **их щитки** (*2 — увеличено, 5*) **и оттиск** (*3*)

Культура мохэ. Наконечники копий и стрел

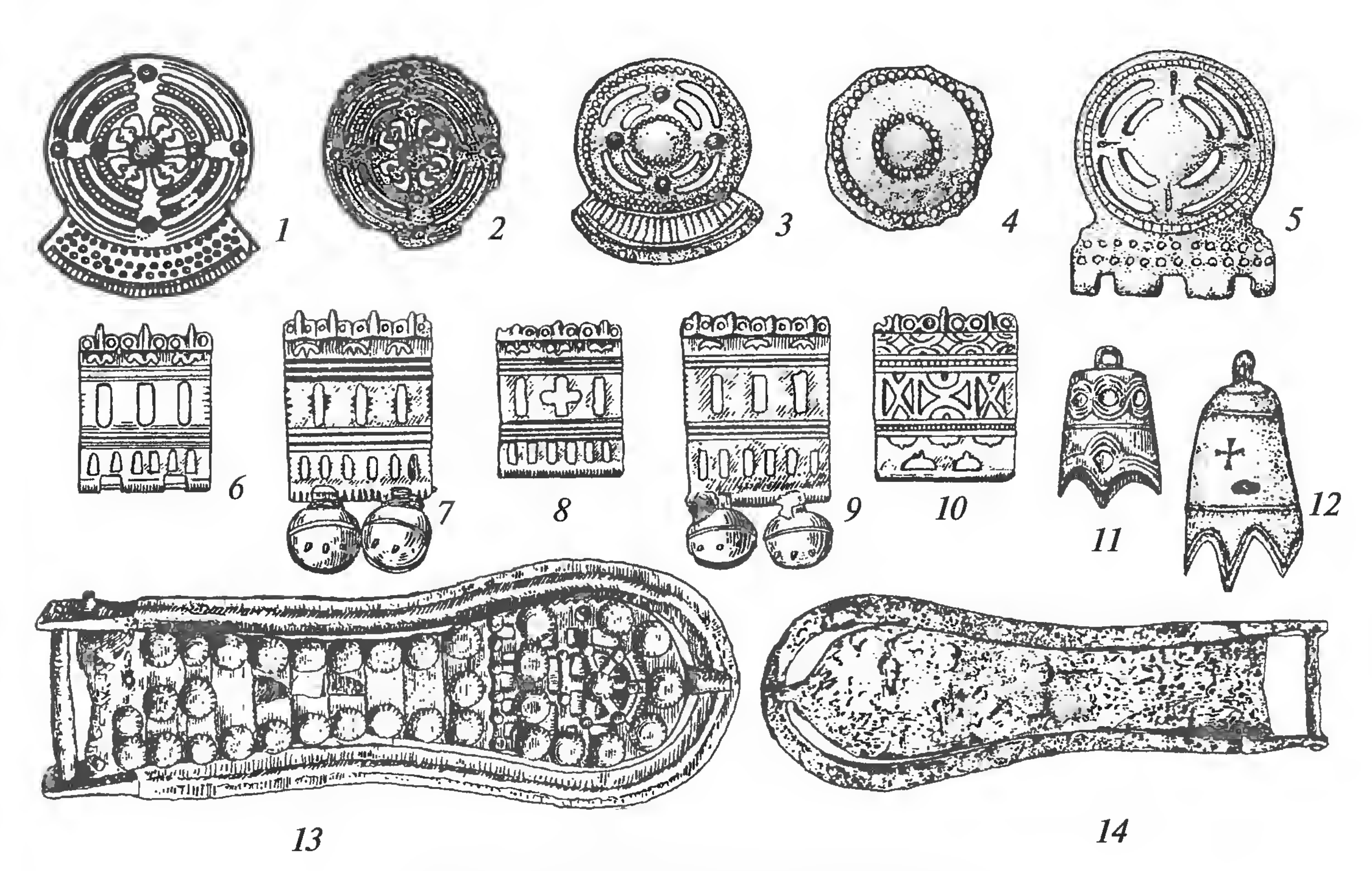

современные государственные границы делят Приамурье и Приморье без связи с прежними историко-культурными и политическими рубежами. Российская археология изучает северную периферию средневековых держав, занимавших Маньчжурию и север Кореи, а также древности народов, оставшихся за пределами этих государств.

Государство Бохай и культура мохэ (VIII–X вв.)

Это государство (698–926 гг.) захватывало Приамурье в большой излучине и проникало в Южное Приморье. Сложилось оно южнее, после уничтожения Китаем государства Когурё (668 г.), из нескольких разнородных групп. Главной была восточная ветвь мохэ (существенна роль и древних корейцев, других племен, китайских переселенцев). Название Бохай, географическое по происхождению («Далекое море»), с 713 г. воскресило имя древнего владения, вассального Китаю.

Народ, китайцами называемый мохэ, жил от р. Сунгари до низовьев Амура, состоял из семи племен и упоминается с I в. до н.э. как северный сосед корейцев и восточный — древних монголов. К Среднему Амуру вплотную подходили границы *Тюркских* и *Уйгурского каганатов*. В борьбе с последним сюда приходили и древнехакасские войска. В государство Бохай вошло лишь одно подразделение мохэсцев, остальные продолжали жить своей жизнью, и именно их памятники наиболее исследованы на российском

Бронзовое убранство амурских поясов:
1–10 — накладки; 11–12 — подвески; 13, 14 — пряжки

Дальнем Востоке. Здесь выделяется пять культурных групп, соотносимых с племенами. Хозяйственный тип мохэ сложился внутри континента, и выход части их к морю не сказался на культуре народа. Устойчивость бытовых норм мохэской общности веками противостояла пришлым, в том числе и государственным формам жизни.

Согласно летописям, богатство в обществе определялось числом

Конские бабки с резным узором

Мохэские сосуды

свиней (в одном хозяйстве достигавшем сотен голов) и домашних рабов. Возделывали просо, пшеницу, коноплю. Разводили лошадей и, в отличие от Китая, пахали на них, а не на волах. Особенно отмечают прекрасную конницу и охотничье искусство. Наряду со стальными и костяными, использовали и каменные наконечники стрел. Копья занимают второе место после лука и стрел, их находят больше, чем в предшествующее и последующее время. В могилах найдены длинные однолезвийные мечи без перекрестий, доспех присутствует ритуально — по нескольку разрозненных пластин. Распространены наборные пояса как тюркского, так и самобытного, амурского типа. У них бронзовые квадратные прорезные пластины с подвесками и большие дугообразные пряжки с пластинчатым, заполняющим рамку язычком.

Археологические памятники мохэ выделяются с IV по XII в. Их отличают вытянутые лепные горшки с широким воронковидным горлом и налепными валиками под венчиком. Другую группу составляют сероглиняные круговые сосуды. Ямные погребения образуют грунтовые могильники. В большинстве это вторичные захоронения костей после выставления умершего на помосте. Мог также производиться обряд культового обезвреживания умершего — разрывания могилы и разрушения скелета. Устраивались и первичные захоронения (полные скелеты лежат на спине с согнутыми ногами). Третье место занимает кремация на месте или на стороне, доля которой с X в. возрастает. Под внешним влиянием начинают хоронить под

курганами. Своеобразны орнаментированные конские фаланги-бабки, нередко сопровождающие погребения. Хотя мохэ торговали лошадьми и имели конницу, предметы упряжи у них неотличимы от тюркских. В других сферах культуры VI–X вв. также очень заметны влияния тюркоязычных соседей — самих тюрок, курыкан и древних хакасов: деревянные рамы в погребениях, берестяные покрытия, головы лошадей, поминальные кострища. Встречаются заимствованные горшки, пряжки и бляшки поясных наборов, серьги, пуговицы. Жилища мохэ также демонстрируют культурный синкретизм: то это квадратная полуземлянка с каркасом из четырех столбов и открытым очагом, то наземный дом с отопительной системой внутри П-образной лежанки-кана.

Государство Бохай сложилось как самостоятельная сила, противостоящая Китаю политически, но не культурно. Страна создала собственную письменность, историческую службу и летописи, но они не дошли до нас. Сохранились надгробные камнеписные стелы и описания, сделанные

Образцы пластического искусства:
1, 2 — бронзовое с позолотой и каменное изображения Будды; 3 — бронзовая фигурка чиновника; 4 — черепичный диск буддийской кумирни

соседями, с каждым из которых (включая Японию) держава имела дипломатические отношения. Наиболее тесными они были с Китаем. Посольства вместе с пушниной не раз даровали рабов. Уже это указывает на сложность государственного устройства и полновластие правителей. Страна делилась на 15 областей, 62 округа, 125 уездов, чиновники — на 9 рангов и 18 степеней, сановники получали кормление и податных крестьян. В державе изобрели систему из 5 столиц (центральной и 4 по странам света). Два бохайских округа располагались в Приамурье и Приморье. Их столицы, как полагают, были на месте г. Уссурийска и в бухте Посьет (югозападнее Владивостока). Российские археологи обнаружили развалины и портового города. Градостроительная культура была высокой. Квадратные города делились на кварталы. Крепостные стены были без башен и имели две облицовки — наружную и внутреннюю. Внешняя всегда была каменной, внутренняя могла быть деревянной; пространство между ними заполнялось землей. В столичных центрах находилось до десятка храмов и монастырей — исповедовался буддизм. Остатки четырех сельских храмов, занимавших возвышенности на краю поселений, исследованы в Приморье, где вообще больше раскапывается рядовых поселений. Храмы окружались каменными оградами и крылись черепицей.

Городские могильники курганные, числом могут превышать 200 насыпей. Гробницы знати имеют несколько каменных помещений: прихожую, коридор и основную камеру с четырьмя колоннами. Обычны же образованные плитами камеры, к которым ведет короткий ход. Умершие положены в гробы. Среди захоронений простолюдинов есть сожжения, помещенные в простые или облицованные плитами ямы. Часты парные захоронения, известны и вторичные, совершенные через три года после смерти. Инвентарь, кроме 1–2 сосудов, содержал конскую сбрую (для мужчин) и личные украшения (для женщин). Царские погребения, воспринимая китайский ритуал, сопровождались каменной стелой с иероглифической надписью и скульптурами львов. Сельские кладбища грунтовые и из внешних признаков имеют только каменную обкладку по краям могил. Погребенных кремировали на стороне, возможно, также по прошествии трех лет после смерти. Курганы сохраняют древнекорейскую традицию (с китайским влиянием), грунтовые могильники — обычай мохэских племен.

Бохайское хозяйство было многоплановым, с определенной специализацией областей. Пахотное земледелие (суходольный рис, просо, ячмень, гречиха) велось чугунными лемехами и железными серпами, процветало огородничество и садоводство. При раскопках поселений кости коров, лошадей, свиней и собак составляют равные доли. Много костей диких животных и птиц — охота была делом общедоступным. Внешняя торговля являлась государственной, вывозились меха, тюленьи шкуры, панты оленей, мускус, ловчие соколы. Гончары производили круговую керамику (возможно, поливную и фаянсовую). Основные ее формы и орнаментация связаны с предшествующими. Открыты печи для обжига черепицы. Существовали шелкоткацкое ремесло, горное, литейное и ювелирное дело

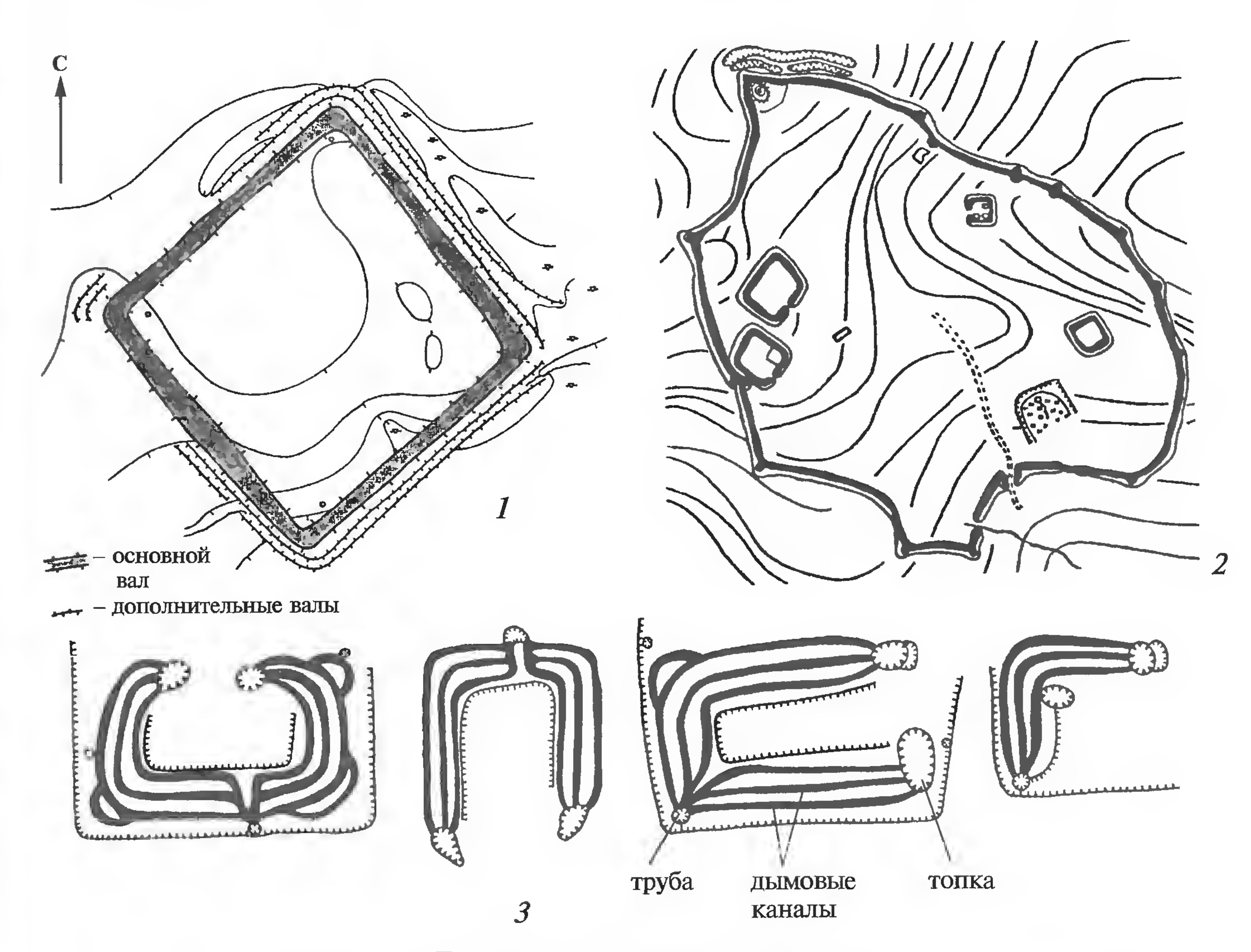

(отливались даже статуи из золота и серебра). Самобытные ажурные бляхи на мужских поясах знаменуют смену тюркской моды тунгусо-манчжурской. Своеобразны наконечники стрел, особенно плоские, с Z-образным сечением.

Государство пало под ударом киданьской державы Ляо, но политическая история впрямую не соотносится с археологией: бохайская культура оказалась самостоятельной, высокоразвитой и стойкой. Пережив 200-летнюю государственность, она питала своими соками не только соседей, но и последующие поколения. Так, на поселениях Приморья непрерывные культурные отложения достигают толщины 2,5 м и бохайские слои плавно переходят в *чжурчжэньские*. Преемственная эволюция отмечена и в формах материальной культуры.

Государство Цзинь (1115–1234 гг.) и культура чжурчжэней

Политически империя Цзинь наследует многонациональному государству Бохай и прекращает владычество киданей (Ляо), затем, захватывая большую часть земель китайской династии Сун, культура Цзинь питается соками всех

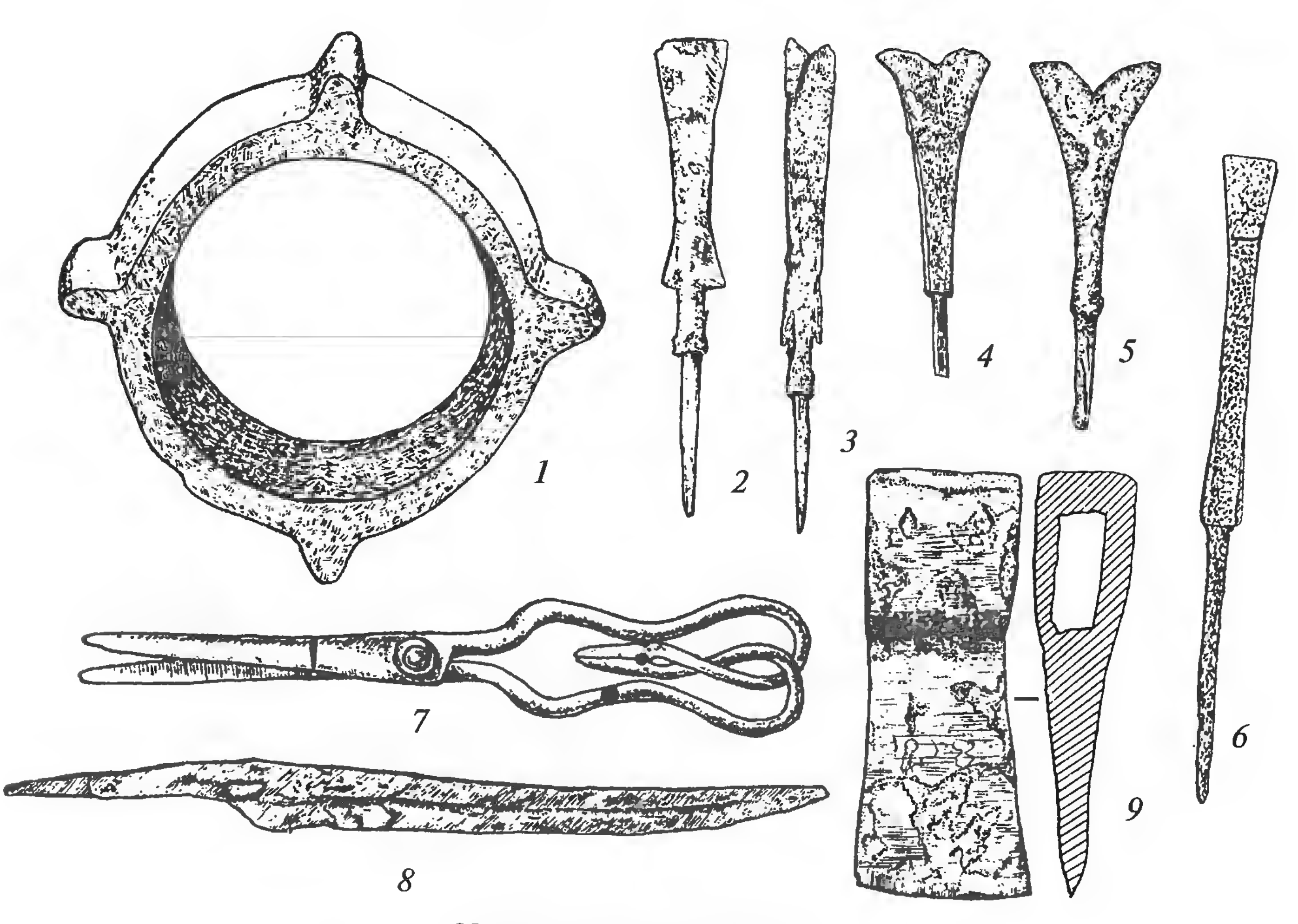

Типичная планировка городищ:

1 — равнинного бохайского (Брусиловское); 2 — горного чжурчжэньского (Екатириновское), с башнями и внутренними укреплениями; 3 — основные формы канов в жилищах

названных держав. Эволюция материальной культуры всюду вызвана усилением государственного воздействия: распространением ремесленного производства, ростом и развитием городов, расселением колонистов.

Чжурчжэни фигурируют в летописях с VI–VII вв. как потомки народа, известного Китаю с I тыс. до н.э. С IX–X вв. они заселяют земли к востоку от центральной Маньчжурии, их имя вытесняет этноним *мохэ*. Архаизм общества, описанный источниками, противоречит данным археологии и 300-летнему государственному опыту населения. Наименьшей административной единицей была пятерка дворов, а наибольшей — 10 тысяч, таково (от пятерок до тумена) было и членение армии. Тягчайшими считались преступления против личности (убийство) и имущественные (ограбление). Семью преступника ожидало рабство, получившее в Цзинь огромное развитие — по два-три раба имел каждый двор. Существовала каторга. В 1135 г. был перенят китайский управленческий аппарат. Население делилось на пять разрядов: чжурчжэни — бохайцы — кидани — китайцы, бывшие в Ляо — китайцы из сунских областей.

Жилища сохраняют два прежних типа: полуземлянки с очагами и наземные жилища с канами. Обогреваемые через каналы лежанки проходят по трем или двум сторонам прямоугольного дома. Согласно летописям,

Металлические изделия:
1 — чугунная втулка (цун); 2–6 — железные наконечники стрел; 7 — ножницы; 8 — нож; 9 — топор

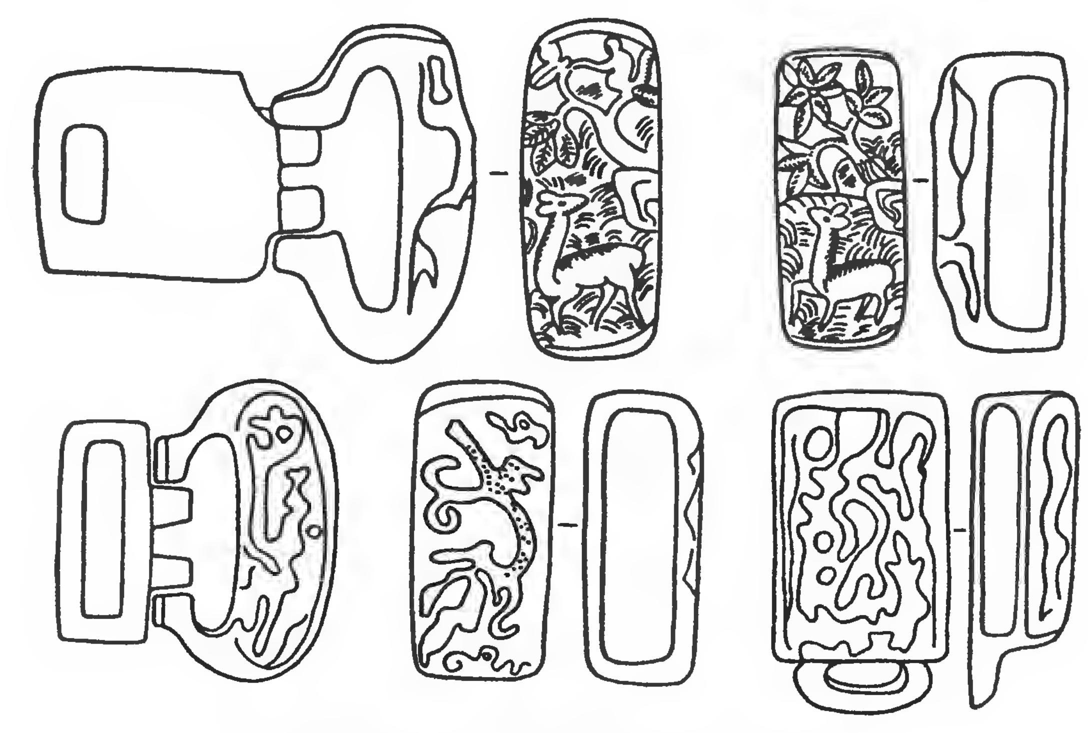

дома целиком деревянные (с дощатой, берестяной, соломенной крышей), входами обращены на восток или юго-восток. Археология выявляет и южные входы. На некоторых поселениях насчитываются углубления от 50 жилищ.

Сохраняются прежние виды кладбищ: курганные, число которых растет, и грунтовые. По-прежнему погребения бывают трех разновидностей: трупоположения на спине, вторичные (содержащие разрозненные кости) и трупосожжения на стороне. Доля последних нарастает. Под насыпями хоронили в мелких, на высоту гроба, ямах или на горизонте. Курганам с сожжениями придана прямоугольная или квадратная форма. Такие погребения устраивались на подсыпках и имели столбовые постройки (типа помостов или навесов). В захоронениях по-прежнему находится пара сосудов и ограниченный личный инвентарь: бронзовые украшения, наконечники стрел, части портупеи, нож. Преобладает гончарная сероглиняная керамика, лощеная и ангобированная: горшки, корчаги, вазы и кувшины. Украшает их валик на шейке, пояски штампованного и линейно-волнистого орнамента по плечикам. Сохраняются лепные баночные сосуды мохэского типа.

«Когда выходят в бой — все в тяжелых панцирях, искусны в стрельбе с коня», — пишут летописи о чжурчжэнях. Перед нами регулярная армия, выученная в центральноазиатских, а не дальневосточных традициях. В колчанах трехлопастные стрелы сменились гранеными бронебойными и срезнями, используются наконечники z-образного сечения. Хотя по летописям бой начинали конные бронированные копейщики, в памятниках встречается мало копий, зато много боевых топоров (занимающих второе место после лука со стрелами). Личное оружие отличалось от состава государственных арсеналов, рассчитанных на гарнизон, — только из городов происходят своеобразные пики с крюками или ножами на втулках, требовавшие особой строевой выучки. Отряд в 50 воинов был самостоятельным и разделялся на две группы: 20 бронированных копейщиков и 30 панцирных лучников.

Чжурчжэньские городища, продолжая мохэскую традицию, разделяются на равнинные, горные и укрепленные пункты. От предшествующих их отличают башни (полукруглые выступы: угловые и регулярные фронтальные), значительное увеличение высоты валов (до 4–8 м) и их крутизна. Стены периметром до 2 км образованы утрамбованными чередующимися слоями земли и глины толщиной по 5–6 см. Снаружи они поливались водой и зимой становились ледяными. Перед воротами строился полукруглый вал — прием, перенятый от киданей. Часто равнинные городища окружены неукрепленными поселениями. Горные городища в Приморье составляют большинство и принадлежат периоду борьбы с монголами. Они создавались на севере и востоке страны по общему плану. Хотя укрепления имели свободную форму, т.к. зависели от конфигурации вершины, они подчинены строгому канону. Внутри стен выделяются три зоны: жилая (для которой на склонах создавались террасы), административная (защищенная дополнительным валом прямоугольной формы) и военная ставка

Чжурчжэньские поясные наборы. Бронза

(2–3 жилища в квадрате самостоятельных стен). Идею укреплений на горах чжурчжэни получили от корейцев, террасирование склонов — черта китайская, создание слоеных валов — китайское изобретение, воспринятое через киданей, планировка валов, идущих либо по гребню, либо по устью распадка, — признак аборигенных мысовых городищ. На примере чжурчжэньских крепостей вновь хорошо видна роль государства в органичном объединении разнородных культурных традиций.

О размерах городов свидетельствует не только величина укреплений, но и плотность застройки. На наиболее изученном Шайгинском городище в Приморье раскопками вскрыто 278 жилищ, 86 амбаров, 65 хозяйственных дворов, 6 общественных зданий, 8 мастерских.

Китайские летописи утверждают, что до XI в. у чжурчжэней не было железа. Археология опровергает тенденциозные свидетельства. В многоотраслевом хозяйстве решающую роль играла металлургия. В государстве Цзинь усовершенствовали и развили чугунное литье. Массовость и стандартизация металлического инвентаря — следствие узкой специализации ремесленников. Наиболее крупные города (как Шайгинское городище) были административными и торгово-ремесленными центрами, в которых ремесленники работали на заказ, на рынок и, видимо, объединялись в профессиональные корпорации. Качество продукции было очень высоким, контроль над ним осуществляло государство. Так, один из департаментов ведал литьем, т.е. металлообработкой. На бронзовых зеркалах отмечены место отливки и имя контролера. Развитие производства обусловило расцвет внутренней и внешней торговли. Чжурчжэньские зеркала достигали на западе *Древнехакасского государства.* В стране отливалась своя и ходила китайская бронзовая монета, обращались серебряные слитки. Существовали мощеные дороги. Гонцам выдавались серебряные пластины — пайцзы, подтверждавшие

их полномочия. На них гравировались два слова: «Должно спешить», — и им никто не перечил. Издавна вывозились золото, жемчуг и лошади.

В стране был распространен буддизм. Культовые изделия находят не только в городах, но и в поселениях. Однако мировая религия захватила далеко не все общество. В империи Цзинь создали две разновидности иероглифического письма — так называемое большое (с 1119 г.) и малое (1138 г.) чжурчжэньское письмо. В них средствами китайской (словесно-слоговой) письменности велась запись некитайской речи, что привело ко многим вариантам записи одних и тех же слов. Письмо существовало дольше государства — до середины XVII в. В России его памятник (стела с надписями об основании буддийского храма в 1413 г.) известен в местности Тыр на Нижнем Амуре.

Империя Цзинь гибнет в борьбе с монгольским нашествием. Часть страны, защищаясь от врага, на короткий срок выделяется в чжурчжэньское государство Восточное Ся (1217–1234). К его памятникам в Маньчжурии и Приморье относится большинство горных городищ.

ОСНОВНАЯ РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА
(*для дополнительного чтения*)

К введению и учебнику в целом

Авдусин Д.А. Основы археологии. М., 1989; *Амальрик А.С., Монгайт А.Л.* В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1966; *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М., 1990; *Каменецкий И.С.* Археология (I. Введение. II. Археология и другие науки). М., 1999; Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник / Под ред. В.С. Бочкарева. М., 1980; *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. СПб., 1992; *Мартынов А.И., Шер Я.А.* Методы археологического исследования. М., 1989; *Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии. М., 1987; *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986; *Черных Н.Б.* Дендрохронология и археология. М., 1996; *Щапова Ю.Л.* Естественнонаучные методы в археологии. М., 1998; *Щапова Ю.Л.* Введение в вещеведение. М., 2000; *Щапова Ю.Л.* Археологическая эпоха: хронология, периодизация, теория, модель. М., 2005; *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.

К разделу I

Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984; *Аугуста И., Буриан З.* Жизнь древнего человека. Прага, 1971; *Борисковский П.И.* Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979; *Бутовская М.Л.* Эволюция человека и его социальной структуры // Природа. 1998. № 9; *Бутовская М.Л., Файнберг Л.А.* У истоков человеческого общества. М., 1993; *Вишняцкий Л.Б.* Человек в лабиринте эволюции. М., 2003; *Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А.* Палеолитоведение. Введение и основы. Новосибирск, 1994; *Елинек Я.* Большой иллюстрированный атлас древнего человека. Прага, 1983; *Иванов Вяч.Вс.* Чет и нечет. Ассимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978; Каменный век на территории СССР // МИА. № 166. М., 1970; *Кларк Г.Д.* Доисторическая Европа. М., 1953; Мезолит СССР. М., 1989; *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации ближнего Востока. М., 1986; *Монгайт А.Я.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973; Неолит лесной зоны СССР: Археология СССР. М., 1998; *Окладников А.П.* Утро искусства. М., 1967; Палеолит СССР: Археология СССР. М., 1985; *Пидопличко И.Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969; Природа и древний человек. М.,

1981; *Рогинский Я.Я.* Проблемы антропогенеза. М., 1977; *Смирнов Ю.А.* Мустьерские погребения Евразии. М., 1991; *Столяр А.Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985; *Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С.* Происхождение знакового поведения. М., 2004; *Шнирельман В.А.* Происхождение скотоводства. М., 1980.

К разделу II

Авдусин Д.А. Основы археологии. М., 1989; Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985; *Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986; *Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1981; *Виноградов Н.Б.* Страницы древней истории Южного Урала. Челябинск, 1997; *Грязнов М.П.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999; Давня історія України. Т. 1. Київ, 1997; *Дьяков В.И.* Приморье в эпоху бронзы. Владивосток, 1989; *Жульников А.М.* Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999; *Зайберт В.Ф.* Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993; *Иванов И.С.* «Золотой» некрополь Варны // Природа. 1976. № 2; История Республики Алтай. Т. 1. Горно-Алтайск, 2002; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Бронзовый век. Самара, 2000; История Сибири. Т. 1. Древняя Сибирь. Л., 1968; *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? М., 1994; *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. Тула, 2003; *Массон В.М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964; *Матющенко В.И.* Древняя история Сибири. Омск, 1999; Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997; *Рындина Н.В.* К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1978. № 6; *Рындина Н.В.* Человек у истоков металлургических знаний // Путешествие в древность. М., 1983; *Рындина Н.В., Дегтярева А.Д.* Энеолит и бронзовый век: Учеб. пособие. М., 2002; Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж, 2000; Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана: Каталог выставки. М., 1996; *Тодорова Х.* Энеолит Болгарии. София, 1979; *Цыбиктаров А.Д.* Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998; *Черных Е.Н.* На пороге несостоявшейся цивилизации // Природа. 1976. № 2; *Черных Е.Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // Советская археология. 1978. № 4; *Черных Е.Н.* Каргалы. Забытый мир. М., 1997; *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989; *Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В.* Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // Российская археология. 2002. № 1; *Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972; Энеолит СССР: Археология СССР. М., 1982; Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. М., 1987; Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа: Археология. М., 1994.

К разделу III

К главе 1

Авдусин Д.А. Основы археологии. М., 1989; Археология Зарубежной Азии. М., 1978; *Граков Б.Н.* Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977; История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Т. II. Бронзовый и железный века. М., 1974.

К главе 2

Археология Карелии. Петрозаводск. 1996; Археология Республики Коми. М., 1997; *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М., 1961; *Граков Б.Н.* Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977; *Граков Б.Н.* Скифы. М., 1971; *Деревянко А.П.* Польцевская культура на Амуре. Новосибирск, 2000; *Деревянко А.П.* Ранний железный век Дальнего Востока. Ч. 2. Новосибирск, 1972; *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982; Дьяковская культура. М., 1974; *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. № 30. М., 1952; История Сибири. Т. 1. Древняя Сибирь. Л., 1968; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989; *Косарев М.Ф.* Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция. М., 1993; *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува. М., 1979; *Матвеева Н.П.* Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск, 1993; *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Т. II. Бронзовый и железный века. М., 1974; *Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы. М., 1982; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М., 1998; *Пауэлл Т.* Кельты. Воины и маги. М., 2003; *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994; *Ставиский Б.А., Яценко С.А.* Искусство и культура древних иранцев. М., 2002; Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР. М., 1989; Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР. М., 1992; *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976; *Филип Я.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961; *Халиков А.Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Ч. 1. Происхождение финноязычных народов. Казань, 1991; *Щукин М.Б.* На рубеже эр. СПб., 1994.

К главе 3

Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955; Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР. М., 1984; Античные памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 2001; *Блаватский В.Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961; *Доманский Я.В.* Искусство античных городов Северного Причерноморья // Триста веков искусства. Искусство Европейской части СССР. М., 1976; Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.

К разделу IV

К главе 1

Древняя Русь. Город, замок, село: Археология СССР. М., 1985; Древняя Русь. Быт и культура: Археология СССР. М., 1997; Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э.: Археология СССР М., 1993; *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982: Археология СССР; Степи Евразии в эпоху средневековья: Археология СССР. М., 1981; Финно-угры и балты в эпоху средневековья: Археология СССР. М., 1987; *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж, 2003; *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1949; *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994: *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.

К главе 2

Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1992; *Бобринский А.А.* Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М., 1991; *Даркевич В.П.* Путешествие в древнюю Рязань. М., 1993; Древнерусские города. М., 1981; Древнерусский город. Киев, 1984; Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985; Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997; *Засурцев П.И.* Новгород, открытый археологами. М., 1967; История культуры древней Руси. Т. I, II. М.; Л., 1948; *Кирьянова Н.А.* Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI–XV вв. М., 1992; *Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка древней Руси. М., 1953; *Колчин Б.А, Хорошев А.С., Янин В.Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981; *Краснов Ю.А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987: *Куза А.В.* Малые города древней Руси. М.. 1989; *Макаров Н.А.* Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1978; *Макаров Н.А.* Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993; *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990; Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Труды ГИМ. Вып. 32. М., 1956; Вып. 33. М., 1959; Путешествия в древность. М., 1983; *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988; *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. М., 1948; *Рыбина Е.А.* Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001; *Седов В.В.* Изборск — протогород. М., 2002; *Седова М.В.* Суздаль в X–XV вв. М., 1997; *Седова М.В.* Ярополк Залесский. М., 1978; Смоленск и Гнездово. М., 1990; *Терехова Н.Н., Розанова Л.С.* и др. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997; *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956; *Янин В.Л.* У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001; *Янин В.Л.* Я послал тебе бересту... Изд. 3-е. М., 1998.

К главе 3

Волжская Болгария и Русь. Казань, 1986; Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988; Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996; *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань, 1991; Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М., 1985; *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993; Путь из Булгара в Киев. Казань, 1991; *Смирнов А.П.* Волжские Булгары. М., 1951; Степи Евразии в эпоху средневековья: Археология СССР. М., 1981; *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город в X — начале XII в. Казань, 2001.

К главе 4

Города Поволжья в средние века. М., 1974; *Егоров В.Л.* Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990; *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001; *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978; Средневековые памятники Поволжья. М., 1976; *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994; *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М., 2001; *Федоров-Давыдов Г.А.* Культура и обще-

ственный быт золотоордынских городов. М., 1964; *Федоров-Давыдов Г.А.* Курганы, идолы, монеты. М., 1968.

К главе 5

Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1965; *Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1965; Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1. Материальная культура. Ч. 2. Духовная культура. М., 1969.

К главе 6

Государство Бохай (698–926) и племена Дальнего Востока России. М., 1994; *Киселев С.В.* и др. Древнемонгольские города. М., 1965; *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969; *Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984; Степи Евразии в эпоху средневековья: Археология СССР. М., 1981; *Шавкунов Э.В.* Культура чжурчжэней-удигэ и проблема происхождения тунгусоязычных народов Дальнего Востока. М., 1993.

ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ДЛЯ СОЗДАНИЯ СВОДНЫХ ТАБЛИЦ И КАРТ

Авдусин Д.А. Основы археологии. М., 1989.

Акишев К.А. Курган Иссык. М., 1978.

Акишев К.А., Байпаков К.М. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955.

Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР. М., 1984.

Античные памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 2001.

Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск, 2002.

Археология волго-уральских степей. Челябинск, 1990.

Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985.

Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1986.

Бочаров Г.Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.

Великая Скифия. Учебное пособие для специального курса лекций по археологии. Киев; Запорожье, 2002.

Вальчак С.Б. Конская упряжь Приаралья и юга Восточной Европы: сходство и отличия // Археологические памятники раннего железного века юга России. Материалы и исследования по археологии России. № 6. М., 2004.

Виноградов Н.Б. Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. 1982. Вып. 169.

Виноградов Н.Б. Кулевчи VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. 1984. № 3.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.

Вишняцкий Л.Б. Человек в лабиринте эволюции. М., 2003.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск, 1992.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.

Государство Бохай (698–926) и племена Дальнего Востока России. М., 1994.
Города Поволжья в средние века. М., 1974
Граков Б.Н. Ранний железный век. М., 1977.
Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.
Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999.
Давня історія України. Т. 1. Київ, 1997.
Деревянко В.П., Маркин С.П., Васильев С.А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск, 1994.
Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975.
Доно-волжская абашевская культура. Воронеж, 2001.
Древнерусские города. М., 1981.
Древнерусский город. Киев, 1984.
Древняя Русь. Город, замок, село: Археология СССР. М., 1985.
Древняя Русь. Быт и культура: Археология СССР. М., 1997.
Дьякова О.В. Городища и крепости Дальнего Востока (Северо-Восточное Приморье) Владивосток, 2004.
Дьякова О.В. Мохэские памятники Приморья. Владивосток, 1998.
Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 2002.
Евтюхова Л.А. Изделия различных ремесел Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965.
Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии СССР. № 24. М., 1952.
Евтюхова Л.А. Фрески, найденные под дворцом Угэдэя в Кара-Коруме // Древнемонгольские города. М., 1965.
Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас древнего человека. Прага, 1983.
Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск, 2002.
Жульников А.М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999.
Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993.
Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.
Иванов И.С. Съкровищата на Варненския халколитен некропол. София, 1978.
История Республики Алтай. Т. 1. Горно-Алтайск, 2002.
История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Бронзовый век. Самара, 2000.
История Сибири. Т. 1. Древняя Сибирь. Л., 1968.
Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай, 1977.
Каменный век на территории СССР. МИА 1666. М., 1970.
Канторович А.Р., Кузьминых С.В. Ранний железный век. Исторический очерк // Большая Российская энциклопедия. Т. «Россия». М., 2004.
Каргалы. Т. I. М., 2002.
Каргалы. Т. 2: Горный — поселение эпохи поздней бронзы. М., 2002.
Каргалы. Т. III: Селище Горный. М., 2004.
Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
Киселев С.В., Мерперт Н.Я. Ремесленно-торговые кварталы Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965.
Кларк Дж. Г.Д. Доисторическая Европа. М., 1953.

Козенкова В.И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001.
Конькова Л.В. Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР. Рубеж II–I тыс. до н.э. — XIII век н.э. Л., 1989.
Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М., 2004.
Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982.
Крыжицкий С.Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985.
Кругликова И.Т. Античная археология. М, 1984.
Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. Т. I. М., 2002.
Кузьминых С.В. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА. 1977. № 2.
Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1968.
Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. М., 1983.
Кызласов Л.Р. Городище Дён-Терек. Древнемонгольские города. М., 1965.
Кызласов Л.Р. Древняя Тува. От палеолита до IX в. М., 1979.
Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1998. № 3.
Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.
Левашева В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // Материалы и исследования по археологии СССР. № 24. М., 1952.
Леньков В.Д. Некоторые аспекты материальной культуры чжурчжэней конца XI–XII веков (по археологическим матиериалам Екатериновского городища) // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983.
Леньков В.Д., Артемьева Н.Г. Лазовское городище. Владивосток, 2003.
Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1950.
Марков К.К., Величко А.А., Лазуков Г.И., Николаев В.А. Плейстоцен. М., 1968.
Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. Тула, 2003.
Матющенко В.И. Древняя история Сибири. Омск, 1999.
Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997.
Медведев В.Е. Культура амурских чжурчжэней. Конец X–XI век (По материалам грунтовых могильников). Новосибирск, 1977.
Мезолит СССР: Археология СССР. М., 1989.
Минерт Л.К. Древние памятники монгольского монументального зодчества // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
Молодин В.И., Грушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989.

Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Т. II. Бронзовый и железный века. М., 1974.
Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Т. I. Каменный век. М., 1973.
Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003.
Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
Неолит Северной Евразии. М., 1996.
Новгородова Э.А. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.
Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997.
Очерки русской культуры. Ч. 1. М., 1983.
Палеолит СССР: Археология СССР. М., 1984.
Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток. 1998.
Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М., 1998.
Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.
Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
Природа и древний человек. М., 1981.
Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. 2. Воронеж, 1996.
Пряхин А.Д., Мосеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. Воронеж, 1998.
Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001.
Резепкин А.Д. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.
Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите–энеолите). М., 1998.
Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век: Учеб. пособие. М., 2002.
Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии: Торгожак. СПб., 1996.
Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
Силантьев Г.Л. Морские пути и якорные стоянки бохайцев и чжурчжэней на юге Дальнего Востока России в VIII–XIII вв. // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001.
Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии. М.,1991.
Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии. М., 1991.
Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана: Каталог выставки. М., 1996.
Степи Евразии в эпоху средневековья: Археология СССР. М., 1981.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР. М., 1989.
Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР М., 1992.
Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Воронеж, 2000.
Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. В 2-х ч. Тюмень, 2002.
Ткачев В.В. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург, 1998.
Тодорова Х. Энеолит Болгарии. София, 1979.
Труды Новгородской археологической экспедиции. Материалы по археологии СССР. Т. 65. М., 1963.
Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976.
Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М., 2001.
Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000.
Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
Холиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган: (Абашевский человек). Йошкар-Ола, 1966.
Хорев В.А. О некоторых конструктивных особенностях жилищ Ананьевского городища // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983.
Художественная культура первобытного общества. СПб., 1994.
Человек заселяет планету Земля. М., 1997.
Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // Советская археология. 1978. № 4.
Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В. Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // Российская археология. 2002. № 1.
Энеолит СССР: Археология СССР. М., 1982.
Шрамко Б.А., Машкаров Ю.Г. Исследование биметаллического ножа из погребения катакомбной культуры // Советская археология. 1993, № 2.
Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. М., 1987.
Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа: Археология. М., 1994.
Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970.
Appelgren-Kivalo H. Alt-altaishe Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931.
Blegen C.W. Troy and Troyans. New York, 1963.
Bujskikh A.V., Zolotarev M.I. The System of City Planning in Chersonesos Tauricos // Archaologischer Anzeiger. 2002. 1.
Černych E.N. Periodisierung der Frühmetallzeit: allgemein oder regional? // Atti del X Simposio Internazionale sulla fine del Neolitico e dli inizi dell'eta del Bronzo in Europa. Verona, 1982.
Chernykh E.N. Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge, 1992.
Coghlan H.H. Notes on Prehistoric and Early Iron in the Old World. Oxford, 1977.
Dechelette J. Manuel d'archeologie prehistorique et gallo-romaine. Paris, 1927.
Duval P.-M. Les Celtes. Paris, 1977.
Gold der Steppe.., 1991 — Gold der Steppe. Archaologie der Ukraine. Schlezwig.
Halstatt a Byci Skala. Brno; Bratislava; Praha, 1969.
Kromer K. Das Graberfeld von Hallstatt. Firenze, 1959.
Novgorod. Das Mittelalterliche zentrum und sein Umland in Norden Russland. Band 1. Wachholtz, 2001.

Pleiner R. Stare evropske kovarstvi. Praha, 1962.

Rassamakin J. The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development: 4500–2300 BC // Late Prehistoric Explaitation of the Eutasian Steppe. Cambridge, 1999.

Schlette F. Kelten zwischen Alesia und Pergamon. Leipzig, 1976.

Stronach D.B. The Development and Diffusion of Metal types in Early Bronze Age Anatolia // Anatolian Studies. Vol. VII. London, 1957.

Todorova H. Kupferzeitliche Äxte und Beile in Bulgarien // Prähistorische Bronzefunde. T. IX:14. München, 1981.

Tolstikov V., Zhuravlev D. Hellenistic Pottery from Two Cisterns on the Acropolis of Panticapaeum // ST' ΕΠΙΣΤΗΜΟΝΙΚΗ ΣΥΝΑΝΤΗΣΗ ΓΙΑ ΤΗΝ ΕΛΛΗΝΙΣΤΙΚΗ ΚΕΡΑΜΙΚΗ. ΑΘΗΝΑ, 2004.

Vajsova H. Einige Fragen über die Chronologie der Gumelnita-Kultur // Študijné zvesti. № 17. Nitra, 1969.

Zbenovich V.G. The Tripolye Culture: Centenary of Research // Journal of Worldprehistory. 1996. Vol. 10:2.

Учебное издание

АРХЕОЛОГИЯ

Под редакцией академика РАН
В.Л. Янина

Зав. редакцией
Г.М. Степаненко

Редактор
Г.В. Кошелева

Переплет художника
В.А. Чернецова

Художественный редактор
Ю.М. Добрянская

Технический редактор
З.С. Кондрашова

Корректоры
Г.А. Ярошевская, А.Я. Марьясис, Н.И. Коновалова

Компьютерная верстка
О.А. Пелипенко

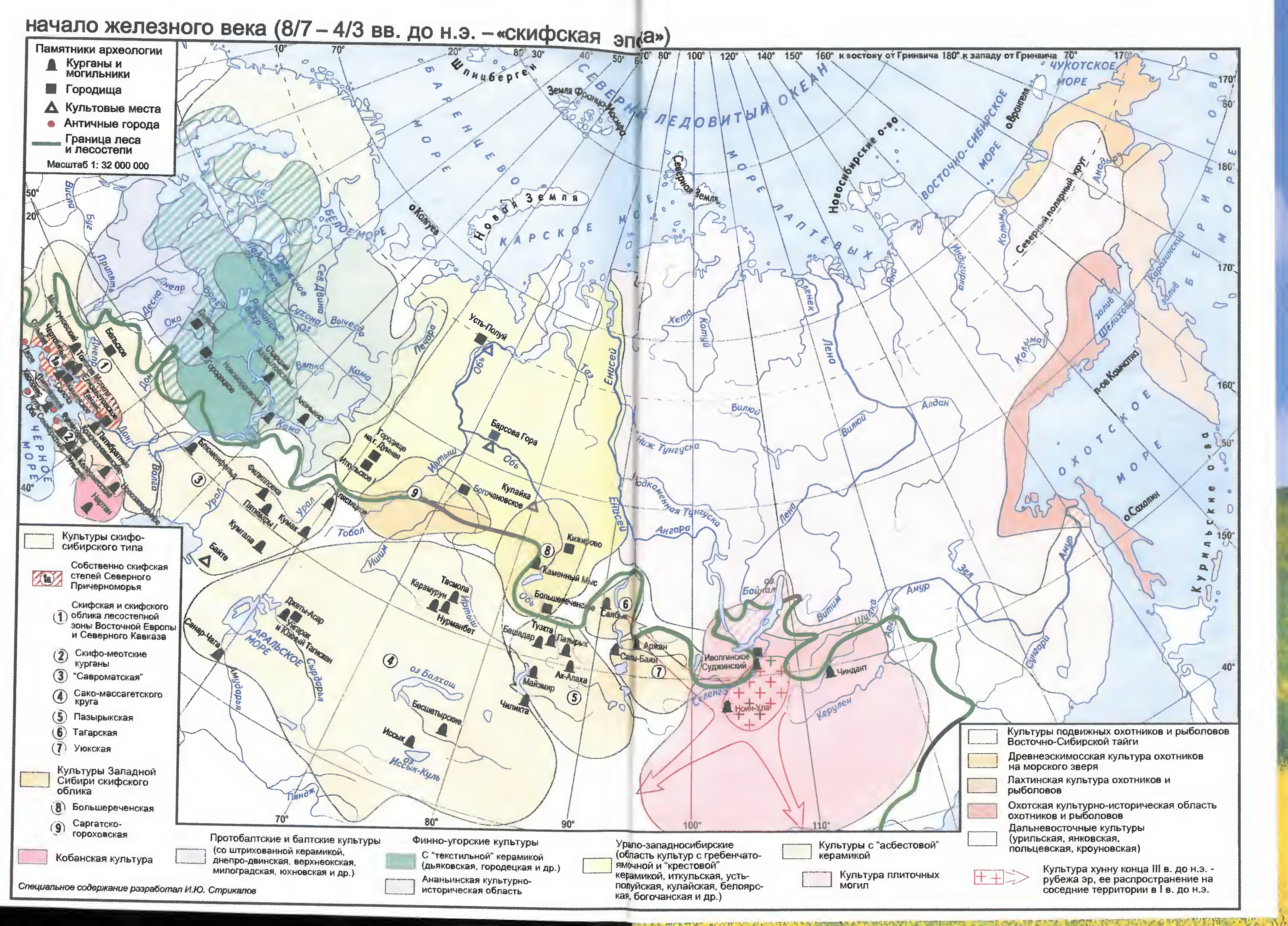
Подписано в печать 20.11.2006. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офс. № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Физ. п. л. 38. Усл.-печ. л. 49,4. Уч.-изд. л. 44,47.
Тираж 5000 экз. Заказ № 17998. Изд. № 8093.

Ордена «Знак Почета»
Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Тел.: 629-50-91. *Факс*: 203-66-71.
Тел.: 939-33-23 (отдел реализации)
E-mail: kd_mgu@rambler.ru

В Издательстве МГУ
работает служба «КНИГА — ПОЧТОЙ»
Тел.: 629-75-41

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфический комбинат»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.
www.sarpk.ru

начало железного века (8/7 – 4/3 вв. до н.э. – «скифская эпоха»)
Памятники археологии
Курганы и могильники
Городища
Культовые места
Античные города
Граница леса и лесостепи
Масштаб 1: 32 000 000
Культуры скифо-сибирского типа
Собственно скифская степей Северного Причерноморья
Скифская и скифского облика лесостепной зоны Восточной Европы и Северного Кавказа
Скифо-меотские курганы
"Савроматская"
Сако-массагетского круга
Пазырыкская
Тагарская
Уюкская
Культуры Западной Сибири скифского облика
Большереченская
Саргатско-гороховская
Кобанская культура
Протобалтские и балтские культуры (со штрихованной керамикой, днепро-двинская, верхнеокская, милоградская, юхновская и др.)
Финно-угорские культуры
С "текстильной" керамикой (дьяковская, городецкая и др.)
Ананьинская культурно-историческая область
Урало-западносибирские (область культур с гребенчато-ямочной и "крестовой" керамикой, иткульская, усть-полуйская, кулайская, белоярская, богочанская и др.)
Культуры с "асбестовой" керамикой
Культура плиточных могил
Культуры подвижных охотников и рыболовов Восточно-Сибирской тайги
Древнеэскимосская культура охотников на морского зверя
Лахтинская культура охотников и рыболовов
Охотская культурно-историческая область охотников и рыболовов
Дальневосточные культуры (урильская, янковская, польцевская, кроуновская)
Культура хунну конца III в. до н.э. - рубежа эр, ее распространение на соседние территории в I в. до н.э.
Специальное содержание разработал И.Ю. Стрикалов
к востоку от Гринвича 180° к западу от Гринвича
СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН
БАРЕНЦЕВО МОРЕ
КАРСКОЕ МОРЕ
МОРЕ ЛАПТЕВЫХ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ
ЧУКОТСКОЕ МОРЕ
БЕРИНГОВО МОРЕ
ОХОТСКОЕ МОРЕ
БЕЛОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Шпицберген
Земля Франца-Иосифа
Новая Земля
о.Колгуев
Северная Земля
Новосибирские о-ва
о.Врангеля
Северный полярный круг
п-ов Камчатка
о.Сахалин
Курильские о-ва
залив Шелихова
Висла
Днепр
Десна
Припять
Дон
Волга
Ока
Кама
Вятка
Печора
Вычегда
Сев.Двина
Сухона
Урал
Тобол
Ишим
Иртыш
Обь
Таз
Енисей
Хета
Котуй
Оленек
Лена
Яна
Индигирка
Колыма
Анадырь
Вилюй
Алдан
Ниж. Тунгуска
Подкаменная Тунгуска
Ангара
Витим
Зея
Амур
Шилка
Аргунь
Сунгари
Селенга
Керулен
оз. Байкал
оз Балхаш
оз Иссык-Куль
Амударья
Сырдарья
Пяндж
Усть-Полуй
Барсова Гора
Кулайка
Богочановское
Кижирово
Каменный Мыс
Большереченское
Городище на г. Думная
Иткульское
Блюменфельд
Филипповка
Пятимары
Кумак
Кумгаль
Байте
Сакар-Чага
Джеты-Асар
Уйгарак и Южный Тагискен
Тасмола
Карамурун
Нурманбет
Бесшатырские
Иссык
Чиликта
Майэмир
Башадар
Туэкта
Пазырык
Ак-Алаха
Салбык
Аржан
Саглы-Бажи
Иволгинское
Суджинский
Ноин-Ула
Чиндант
Бельское
Городецкое
Дьяково
Ананьино
Пятибратние
Келермесские
Нартан